

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшие и рѣчи,
Ужь замолкшія давно...
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ИЗДАНІЕ
АЛЕКСАНДРА ДМИТРІЕВИЧА И ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА
ПОГОДИНЫХЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Спб., Вас. Остр., 2 лин., 7.
1888.

1471

Отъ дней моей юности, три мужа, достопамятные въ лѣтописяхъ Русской Исторіи, наполняли мою душу и вызывали въ моемъ сердцѣ неудержимое желаніе начертать ихъ жизнеописанія, въ поученіе и разумъ грядущимъ поколѣніямъ.

Митрополитъ Московскій Филаретъ — это болѣе чѣмъ за полвѣка руководитель церковной жизни и мысли Россіи и всего Православнаго Востока, величавому слову котораго внимали и благочестивые цари, и вселенскіе патріархи, и государственные сановники, и бояре, и простолюдины.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій — это носитель историческихъ и литературныхъ преданій почти за цѣлое столѣтіе, пережившій много эпохъ въ мірѣ политическомъ и въ литературномъ. Много видѣлъ онъ колебаній въ томъ и другомъ: политическія и литературныя свѣтила предъ нимъ восходили и заходили; но на все это смотрѣлъ онъ какъ мудрецъ, поучающійся въ дѣлахъ Божьяго міра. Это поэтъ, дышущій глубиною чувства и блистающій красотою слова, тонкій мыслитель, прозорливый политикъ, освѣщав-

ИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
1471

Отъ дней моей юности, три мужа, достопамятные въ лѣтописяхъ Русской Исторіи, наполняли мою душу и вызывали въ моемъ сердцѣ неудержимое желаніе начертать ихъ жизнеописанія, въ поученіе и разумъ грядущимъ поколѣніямъ.

Митрополитъ Московскій Филаретъ — это болѣе чѣмъ за полвѣка руководитель церковной жизни и мысли Россіи и всего Православнаго Востока, величавому слову котораго внимали и благочестивые цари, и вселенскіе патріархи, и государственные сановники, и бояре, и простолюдины.

Князь Петръ Андреевичъ Вяземскій — это носитель историческихъ и литературныхъ преданій почти за цѣлое столѣтіе, пережившій много эпохъ въ мірѣ политическомъ и въ литературномъ. Много видѣлъ онъ колебаній въ томъ и другомъ: политическія и литературныя свѣтила предъ нимъ восходили и заходили; но на все это смотрѣлъ онъ какъ мудрецъ, поучающійся въ дѣлахъ Божьяго міра. Это поэтъ, дышущій глубиною чувства и блистающій красотою слова, тонкій мыслитель, прозорливый политикъ, освѣщав-

шій событія въ ихъ неотразимомъ значеніи для будущаго и, по признанію Гоголя, обладавшій всѣми качествами, которыя долженъ заключать въ себѣ глубокій историкъ въ значеніи высшемъ. Знатный бояринъ, проникнутый преданіями своего древняго рода и въ то же время съ братскою любовію и христіанскимъ смиреніемъ относившійся къ своимъ собратіямъ по литературѣ, не обращая вниманія къ какому званію и состоянію принадлежалъ каждый изъ нихъ, и къ нуждающемуся брату дружелюбно простиравшій руку помощи,—онъ умѣлъ привлекать къ себѣ возвышеннымъ умомъ, простодушіемъ и, по мѣткому выраженію другого Поэта, *добрѣйшимъ взглядомъ подъ строгою бровью*. Однимъ словомъ, Князь Петръ Андреевичъ былъ средоточіемъ всего возвышеннаго цѣлой эпохи, и сочиненія его, издаваемыя графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Шереметевымъ, послужатъ, по счастливому выраженію Плетнева, «въ назиданіе тѣмъ, которые нѣкогда полюбятъ размышленіе и истину».

Павелъ Михайловичъ Строевъ — это человѣкъ, принесшій въ жертву *вся красная міра сего* смиренной области Русской Археографіи и ради ея проведшій лучшіе годы свои въ монастырскихъ и соборныхъ хранилищахъ нашей Древней Письменности, въ кладовыхъ и подвалахъ, недоступныхъ лучамъ солнца, куда, по его же словамъ, «груды древнихъ книгъ и свитковъ снесены были какъ будто для того, чтобы грызущія животныя, черви, ржа и тля могли истребить ихъ удобнѣе и скорѣе», и такимъ образомъ посвятившій свои дарованія и жизнь сохраненію и обнародованію источниковъ нашей Древней Письменности. Но, *не жалѣйте о томъ* сказалъ, слав-

ный въ историкахъ, Леопольдъ Ранке, *кто занимается этимъ, повидимому, сухимъ трудомъ и черезъ то лишаетъ себя житейскихъ наслажденій... Правда, эти бумаги мертвы, но въ нихъ тлѣетъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе: изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій.*

И дѣйствительно, какъ повидимому ни скромна подобная дѣятельность, она важна по своему смыслу и значенію для нашего умственнаго и нравственнаго спасенія и обновленія. «Сокрушимы всѣ силы человѣческія», сказалъ неложно нашъ незабвенный Шевыревъ, «на несмѣтныя полчища можно двинуть другія несмѣтныя, противъ адскихъ орудій истребленія изобрѣсти другія болѣе истребительныя. Но несокрушимы силы Русскія будутъ, пока *силы небесныя съ нами*. Вотъ наше вѣрованіе», а источникъ его въ нашей Древней Письменности.

Завѣтная мечта моя осуществилась только отчасти: мнѣ удалось представить очеркъ *Жизни и Трудовъ П. М. Строева*, въ книгѣ, вышедшей въ свѣтъ въ 1878 году; митрополитъ же Филаретъ и Князь Вяземскій остались для меня неприступными идеалами.

За то, какъ бы въ вознагражденіе за мое доброе, но дерзновенное стремленіе, мнѣ выпалъ счастливый жребій напомнить соотечественникамъ о жизни и трудахъ Михаила Петровича Погодина, который также жилъ и трудился болѣе полувѣка, предъ которымъ также прошелъ преемственно цѣлый рядъ поколѣній, и, повѣствуя о Погодинѣ, невозможно умолчать ни о Митрополитѣ Филаретѣ, ни о Князѣ Вяземскомъ, ни о П. М. Строевѣ. Да къ тому же имя Погодина, какъ и вообще имена старыхъ профессоровъ Московскаго Университета, было мнѣ почтенно и

любезно съ самаго дѣтства. Отецъ нашъ, питомецъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, учился у Погодина, и въ теченіе всей долгой жизни, въ своемъ сельскомъ уединеніи, съ любовію слѣдилъ за дѣятельностію его, восхищался его патріотическими статьями, гордился, что имѣлъ такого наставника и оплакивалъ его кончину; а съ 1867 года я сталъ лично извѣстенъ М. П. Погодину, и съ тѣхъ поръ пользовался его довѣріемъ и расположеніемъ.

По кончинѣ М. П. Погодина, послѣдовавшей 8 декабря 1875 года, достопочтенная супруга его Софія Ивановна задалась благою мыслію почтить память сего замѣчательнаго человѣка начертаніемъ его жизнеописанія и съ этою цѣлію собрала и сохранила всѣ оставшіяся послѣ его смерти бумаги, могущія служить источникомъ для таковаго жизнеописанія; а для бо́льшей сохранности передала сіе архивное богатство въ Московскій Публичный и Румянцевскій музеи. Зная мои отношенія къ покойному Михаилу Петровичу, Софія Ивановна, чрезъ посредство Александра Ивановича Кошелева и Алексѣя Егоровича Викторова, обратилась ко мнѣ съ просьбою написать жизнеописаніе ея супруга. Не безъ колебаній рѣшился я возложить на себя это бремя и 5 ноября 1882 года, въ Москвѣ, между нами состоялось условіе, засвидѣтельствованное А. И. Кошелевымъ и А. Е. Викторовымъ. Въ силу сего условія, всѣ оставшіяся послѣ смерти М. П. Погодина бумаги, а именно: дневники, переписка, автографы нѣкоторыхъ сочиненій и проч., переданы были мнѣ изъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ,

для извлеченія потребныхъ для жизнеописанія матеріаловъ *).

Такимъ образомъ, въ мои руки перешелъ громадный *Погодинскій Архивъ*, обнимающій собою три четверти XIX столѣтія.

Прежде всего надлежало потрудиться надъ самимъ Архивомъ и отдѣлить *пшеницу* отъ *плевелъ*.

При этомъ я не могу не вспомнить съ сердечною признательностью о селѣ Михайловскомъ, гдѣ началась и завершилась эта трудная начальная работа. Тамъ, подъ гостепріимнымъ кровомъ Графа и Графини Шереметевыхъ, среди самыхъ благопріятныхъ условій, пользуясь прекрасною библіотекою, я въ осенніе мѣсяцы нѣсколькихъ годовъ, безмятежно трудился надъ разработкою *Погодинскаго Архива*, и успѣшнымъ ходомъ сего дѣла, главнымъ образомъ, обязанъ моимъ юнымъ сотрудникамъ и сотрудницѣ. Они терпѣливо снимали копіи съ архивныхъ бумагъ, дѣлали потребныя выписки и проч. Въ этомъ кропотливомъ трудѣ принимали также живое участіе гостившія въ Михайловскомъ, графиня Варвара Васильевна Гудовичъ и графиня Марія Владиміровна Мусина-Пушкина.

Когда источники были разработаны, я приступилъ къ изложенію *Жизни и Трудовъ М. П. Погодина*. При этомъ, не мудрствуя лукаво, я старался плыть, такъ сказать, по теченію жизни и стремился

---

*) Послѣ кончины Софіи Ивановны Погодиной, послѣдовавшей 20 января 1887 г., весь Архивъ М. П. Погодина поступилъ въ собственность Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ съ тѣмъ, однако, ограниченіемъ, что изданіе заключающихся въ немъ бумагъ можетъ послѣдовать не иначе какъ съ согласія внуковъ М. П. Погодина: Александра Дмитріевича и Петра Дмитріевича Погодиныхъ.

исполнить завѣтъ Хомякова, заключающійся въ его стихѣ:

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!

Выпуская нынѣ первый томъ моего многолѣтняго труда, въ которомъ описаны юные годы Погодина, я долгомъ считаю предупредить, что инымъ могутъ показаться взгляды Погодина на лица, событія и предметы несогласными съ тѣми взглядами, которые онъ высказывалъ впослѣдствіи. Но вспомнимъ слова Св. Апостола Павла: *Когда я былъ младенцемъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслилъ, по младенчески разсуждалъ: а когда сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое* (I Кор. 13, 11).

Долгъ признательности обязываетъ меня принести глубочайшую благодарность: дочерямъ М. П. Погодина Александрѣ Михайловнѣ Зедергольмъ и Аграфенѣ Михайловнѣ Плечко, внукамъ его Александру Дмитріевичу и Петру Дмитріевичу Погодинымъ, а также Елпидифору Васильевичу Барсову, Өедору Ивановичу Буслаеву, Михаилу Алексѣевичу Веневитинову, Матвѣю Авелевичу Гамазову, Геннадію Өедоровичу Карпову, Дмитрію Петровичу Лебедеву, Борису Павловичу Мансурову, Павлу Алексѣевичу Ордынскому, Ивану Васильевичу Помяловскому, Александру Николаевичу Пыпину, Михаилу Ивановичу Сухомлинову и Тертію Ивановичу Филиппову за ихъ содѣйствіе, полезные совѣты и указанія.

Въ заключеніе не могу не выразить моей глубочайшей признательности Управленію Императорской Публичной Библіотеки въ лицѣ ея достопочтеннаго Директора Аөанасія Өедоровича Бычкова, Помощ-

ника его Леонида Николаевича Майкова и господъ библіотекарей Владиміра Петровича Ламбина, Ивана Аѳанасьевича Бычкова, Владиміра Ивановича Саитова и Карла Ѳедоровича Феттерлейна.

Двери нашей Отечественной Сокровищницы были всегда для меня дружелюбно открыты и въ поименованныхъ почтенныхъ лицахъ постоянно находилъ сочувствіе, поддержку и ободреніе.

Николай Барсуковъ.

31 Октября 1887 года.
Село Ашитково,
Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

I.

Въ 1871 году, Михаилъ Петровичъ Погодинъ, посвящая императору Александру Второму свою *Древнюю Русскую исторію до Монгольскаго ига*, заявилъ, что онъ ведетъ свой родъ изъ крѣпостнаго крестьянства. И дѣйствительно: отецъ Погодина, Петръ Моисеевичъ, былъ сынъ крестьянина села Никольскаго-Галкина, Медынскаго уѣзда, Калужской губерніи. Село это принадлежало извѣстному дипломату Екатерининскихъ временъ графу Петру Григорьевичу Чернышову, женатому на дочери знаменитаго Андрея Ивановича Ушакова, Екатеринѣ Андреевнѣ. Дочь ихъ, графиня Дарья Петровна вышла замужъ за фельдмаршала графа Ивана Петровича Салтыкова и въ приданое получила село Никольское-Галкино, въ которомъ и родился отецъ Погодина. Свѣдѣній о дѣдѣ Погодина мы не имѣемъ; но бабушка его славилась во всемъ околодкѣ своею добродѣтельною жизнію. Она дожила до глубокой старости. Впослѣдствіи, когда сыну ея улыбнулось счастіе и онъ вышелъ изъ крестьянскаго міра, она ни за что на свѣтѣ не хотѣла оставить своей крестьянской избы и только воспользовалась возможностію щедрою рукою помогать бѣднымъ. И отецъ Погодина, Петръ Моисеевичъ, по свидѣтельству сына, до своей кончины питалъ къ ней неограниченное сыновнее почтеніе и вѣровалъ, что живетъ ея молитвами. И эта вѣра оправдалась и въ сынѣ ея и во внукѣ ея. Служба Петра Моисеевича началась съ 1773 года, еще при графинѣ Екатеринѣ Андреевнѣ

Чернышовой; а съ 1783 года продолжалась при графѣ Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ, который, какъ мы уже упомянули, женился на графинѣ Дарьѣ Петровнѣ Чернышовой. Источникъ, изъ котораго мы почерпаемъ эти свѣдѣнія, гласитъ, что Петръ Моисеевичъ занимался „письменными дѣлами въ домовой конторѣ и въ другихъ мѣстахъ". Труды Петра Моисеевича не пропали даромъ. Они были замѣчены и оцѣнены графомъ И. П. Салтыковымъ, который, по отзыву современниковъ, „во всю свою жизнь никого не сдѣлалъ несчастнымъ, былъ чуждъ постыдной гордости, презиралъ только высокомѣрныхъ временщиковъ и отличался ласковымъ, добродушнымъ пріемомъ". [1]).

6 іюля 1796 года, графъ Салтыковъ перевелъ Петра Моисеевича въ Москву, сдѣлавши его своимъ „домоправителемъ", и въ его вѣдѣніе поступили Московскіе дома, контора, со всѣми въ вѣдомствѣ оной находящимися людьми, вотчинами, фабриками и заводами. Вскорѣ послѣ того, а именно по кончинѣ императрицы Екатерины, и самъ графъ И. П. Салтыковъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москву. Главнымъ стремленіемъ и главною заботою новаго главнокомандующаго было: „искоренять въ присутственныхъ мѣстахъ лихоимство, водворять повсемѣстный порядокъ и благочиніе" [2]) и этимъ самымъ онъ снискалъ себѣ въ древней столицѣ „всеобщую любовь и уваженіе.". Важный постъ начальника Москвы графъ Салтыковъ занималъ до 1 мая 1804 года и затѣмъ вскорѣ скончался. Въ теченіи девяти лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, на рукахъ его домоправителя Погодина было „денежной суммы *два милліона четыреста девятнадцать тысячъ триста девяносто рублей тридцать девять копѣекъ*, кладовые съ сервизнымъ и прочимъ серебромъ, погреба съ виноградными винами, магазины съ хлѣбными и прочими припасами". Все это, при оставленіи должности домоправителя Салтыковыхъ, Петръ Моисеевичъ сдалъ „въ цѣлости и никакихъ начетовъ на немъ не оказалось". Въ 1806 году, сынъ фельдмаршала графа Салтыкова, графъ

Петръ Ивановичъ, по кончинѣ своего отца, въ знакъ признательности къ Петру Моисеевичу за таковую его „честную, трезвую, усердную и долговременную службу“, отпустилъ Петра Моисеевича, съ женою его и дѣтьми, „вѣчно на волю“ [3]). Почтимъ же память великодушнаго и признательнаго освободителя. Графъ Петръ Ивановичъ запечатлѣлъ кровію свое служеніе Отечеству. Тяжело раненый при Аустерлицѣ, онъ сформировалъ собственный гусарскій полкъ въ достопамятный 1812 годъ и въ томъ же году скончался отъ горячки, получивъ эту болѣзнь въ лазаретахъ, которые онъ ежедневно посѣщалъ и гдѣ лѣчились больные солдаты. [4]). Такимъ образомъ, онъ исполнилъ завѣтъ Евангельскій и положилъ животъ свой за други своя. По свидѣтельству М. П. Погодина, графъ П. И. Салтыковъ, „умирая, завѣщалъ всѣхъ своихъ крестьянъ, въ числѣ двадцати тысячъ душъ, отпустить на волю, но возникло, по поводу этого завѣщанія, дѣло, длившееся очень долго и конченное вопреки завѣщателю“.

Получивъ волю, Петръ Моисеевичъ опредѣлился на службу въ С.-Петербургское Правленіе Государственнаго Заемнаго Банка канцеляристомъ; но тамъ онъ оставался недолго и проходилъ службу въ другихъ государственныхъ учрежденіяхъ, и 1812 годъ засталъ его въ штатѣ Московской Управы Благочинія, въ числѣ канцелярскихъ служителей [5]).

Въ то время, когда П. М. Погодинъ былъ домоправителемъ Салтыковыхъ и проживалъ въ Москвѣ на Тверской, у него, 11 ноября 1800 года, родился сынъ Михаилъ, прославившій впослѣдствіи имя свое въ лѣтописяхъ Русскаго Просвѣщенія. Воспріемникомъ отъ св. купели у новорожденнаго былъ Петръ Васильевичъ Мятлевъ, женатый на дочери фельдмаршала Салтыкова, графинѣ Прасковьѣ Ивановнѣ. Домъ на Тверской, въ которомъ родился Погодинъ, во владѣніи Салтыковыхъ съ 1716 года, а въ настоящее время принадлежитъ Петру Ивановичу Мятлеву. [6]).

II.

Первымъ наставникомъ Погодина былъ домашній писарь, который выучилъ его грамотѣ очень рано и очень скоро. По восьмому году Погодина посадили за Грамматику, Ариѳметику и за Нѣмецкіе *Вегеменовы разговоры*, не выучивъ его предварительно ни склоненіямъ, ни спряженіямъ Нѣмецкаго языка. Первые два предмета шли хорошо, но послѣдній „мучилъ его до слезъ". Этимъ предметамъ его училъ отставной дядька Хомутовыхъ Петръ Яковлевъ Сумароковъ. „Я видѣлъ очень мало книгъ, писалъ впослѣдствіи Погодинъ, около себя, но тогда уже запала мнѣ въ голову мысль, не знаю какимъ образомъ, что въ книгахъ заключается вся премудрость человѣческая, и что тотъ долженъ ихъ читать, кто хочетъ быть умнымъ". Первыя книги, полученныя имъ въ подарокъ, были: *Толкованіе на Посланіе св. апостола Павла*, Новиковской печати, и такъ называемая книга *Языкъ*, переведенная Семеномъ Волчковымъ, въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Нѣсколько разъ принимался онъ читать обѣ эти книги и никакъ не могъ дойти дальше вторыхъ или третьихъ страницъ, хотя и старался принуждать себя идти впередъ, и это сокрушало его „сердечно". Отъ одного своего сосѣда Погодинъ узналъ о существованіи на свѣтѣ журналовъ; кстати ему попалось на глаза нѣсколько книжекъ *Вѣстника Европы* и онъ упросилъ своего отца подписаться на слѣдующій 1809 годъ этого журнала. Во 2-мъ и 3-мъ №№-хъ была помѣщена повѣсть Жуковскаго *Марьина роща*. Повѣсть эта произвела сильное впечатлѣніе на Погодина. „Слезы сыпались у меня градомъ, писалъ онъ, когда я читалъ о разлукѣ Маріи съ Усладомъ; когда дѣло доходило до его возвращенія, до посѣщенія пустаго терема Рогдаева, до вѣнка, который онъ бросилъ въ Москву рѣку, я просто выходилъ изъ себя и лишался чувствъ; нѣсколько разъ принимался я читать ее, и про себя, и для всѣхъ своихъ домашнихъ, и

никогда не могъ окончить чтеніе безъ слезъ". Однажды мать Погодина повела его къ купцамъ Пушниковымъ читать эту повѣсть, и тамъ повторилось опять тоже явленіе. Но кромѣ этой повѣсти Жуковскаго, *Вѣстникъ Европы* не доставлялъ Погодину „пріятнаго чтенія". Сердце влекло его къ другому Московскому журналу, къ *Русскому Вѣстнику* С. Н. Глинки, который болѣе соотвѣтствовалъ тогдашнему настроенію нашихъ соотечественниковъ [7]). „Побѣды Наполеона", писалъ князь П. А. Вяземскій, „постепенно порабощая Европу, грозили независимости всѣхъ государствъ. Надлежало драться не только на поляхъ битвы, но воевать и противъ нравовъ, предубѣжденій, малодушныхъ привычекъ. Европа онаполеонилась. Россіи, прижатой къ своимъ степямъ, предлежалъ вопросъ: быть или не быть, то есть слѣдовать за общимъ потокомъ и поглотиться въ немъ, или упорствовать до смерти или до побѣды? Перо Глинки первое на Руси начало перестрѣливаться съ непріятелемъ. Онъ не заключалъ перемирія даже и въ тѣ роздыхи, когда Русскіе штыки отмыкались. Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массахъ читателей, не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Глинка, подобно г-жѣ Сталь, имѣлъ честь обратить на себя вниманія его и негодованіе. Французскій посолъ, Коленкуръ, жаловался нашему правительству на непріязненный духъ *Русскаго Вѣстника*. Вообще въ литературѣ нашей проявлялись воинственное направленіе и противодѣйствіе силѣ событій. Гроза *двѣнадцатаго года* и дымъ Московскаго пожара чуялись уже въ воздухѣ. „Въ святомъ ополченіи", справедливо замѣчаетъ далѣе князь Вяземскій, „за честь и право отечества не каждый можетъ быть полководцемъ, не каждому присуждено присвоить себѣ рѣшительную побѣду. Но каждый ратникъ, съ любовью и мужествомъ исполнившій свою обязанность, стоявшій всегда подъ ружьемъ, въ передовой дружинѣ, не даромъ посвятилъ себя на благое дѣло. Пускай счастливѣйшіе стоятъ выше его въ памяти народной и сіяютъ

избраннѣйшею славою, но и его удѣлъ почетенъ. Имя его также должно быть произносимо съ сочувствіемъ въ общихъ поминовеніяхъ о усердныхъ дѣятеляхъ на стезѣ истины и пользы“ [8]).

Теперь намъ становится яснымъ, почему сердце влекло Погодина къ *Русскому Вѣстнику*. По словамъ самого Погодина, развитію патріотическаго чувства въ немъ не мало также способствовалъ одинъ пѣхотный офицеръ, который изъ Покровскихъ казармъ хаживалъ въ домъ его родителей и за стаканомъ пунша сообщалъ извѣстія о Турецкой войнѣ. Родители Погодина получали также *Московскія Вѣдомости*. „Всякую середу и субботу“, писалъ Погодинъ, „рано по утру выбѣгалъ я за ворота дожидаться типографскаго сторожа солдата, который разносилъ оныя, и котораго я какъ теперь помню въ темно-голубомъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, подпоясаннаго, плѣшиваго“. Извѣстія о сраженіяхъ и побѣдахъ сильно волновали Погодина. *Русскій Вѣстникъ* все болѣе и болѣе восхищалъ его патріотическими описаніями разныхъ подвиговъ. Геройская кончина генерала Мозовскаго, описанная въ 1-мъ нумерѣ этого журнала, была выучена имъ наизустъ. Не могъ довольно налюбоваться онъ и портретами, помѣщаемыми въ этомъ журналѣ: царя Алексѣя Михаиловича, Симеона Полоцкаго, Димитрія Донского. Все это вселило въ Погодинѣ непреодолимое желаніе пріобрѣсть сполна *Русскій Вѣстникъ*. Отецъ Погодина, видимо поощряя книжныя стремленія своего сына, доставилъ ему и средства къ пріобрѣтенію книгъ. У него въ домѣ два раза въ недѣлю собирались гости и играли въ бостонъ, и Петръ Моисеевичъ Погодинъ назначалъ своему сыну деньги, кои послѣ игры отдаются за карты. Съ этихъ поръ Михаилъ Погодинъ имѣлъ вѣрный доходъ рублей пять въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ онъ пріобрѣлъ *Русскій Вѣстникъ*. „Это“, замѣчаетъ онъ, „былъ первый признакъ, на десятомъ году отъ роду, моей охоты къ собраніямъ, которая впослѣдствіи усилилась до такой степени“.

Кромѣ *Русскаго Вѣстника*, Погодинъ стремился пріобрѣ-

тать и другія книги. Былъ у него одинъ молодой родственникъ, служившій въ Управѣ Благочинія. Онъ далъ ему рубля два денегъ и попросилъ его купить ему книги и въ награду получилъ отъ него *Юлію или Подземелье Мадзини*, романъ г-жи Радклифъ. Ужасы, тамъ описываемые, поразили мальчика и возбудили въ немъ охоту къ чтенію книгъ этого рода. Вскорѣ его библіотека обогатилась слѣдующими произведеніями: *Алексисъ или домикъ въ лѣсу, Викторъ или дитя въ лѣсу, Лолотта и Фанфанъ, Яшенька и Жеоржетта, Поль или оставленная аренда, Целина или дитя тайны* (въ 6 частяхъ), *Катенька или найденное дитя* Дюкре-Дюмениля, *Лѣсъ или аббатство Сенклеръ* (въ 8 ч.), *Удольфскія таинства*, г-жи Радклифъ, *Страданія Ортенберговой фамиліи* Коцебу (въ 2 ч.), *Видѣнія въ Пиринейскомъ замкѣ* (въ 8 ч.) Радклифъ, *Мальчикъ, наигрывающій разныя штуки колокольчиками* Коцебу. Всѣ эти книги однѣ за другими были „проглочены" восьми-девятилѣтнимъ мальчикомъ! Но не одинъ изъ этихъ романовъ не тронулъ его такъ сильно, какъ *Пальмиръ и Вольмениль, маленькіе сироты, или деревушка на берегахъ Дюрансы*, соч. Дюкре-Дюмениля *).

„Слезно я плакалъ", писалъ Погодинъ, „надъ несчастіями бѣдныхъ сиротъ, читая и перечитывая ихъ запутанныя приключенія". Для насъ этотъ чувствительный романъ имѣетъ и другое значеніе. Онъ послужилъ поводомъ сближенія мальчика Погодина съ семействомъ почтеннаго типографщика Андрея Гордѣевича Рѣшетникова; это сближеніе имѣло важное и благодѣтельное вліяніе на дальнѣйшее образованіе Погодина; о чемъ будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

Рядомъ съ чтеніемъ романовъ, мальчикъ Погодинъ увлекался и театромъ. Въ первый разъ онъ пошелъ въ театръ съ своимъ домашнимъ учителемъ, въ бенефисъ знаменитаго Сандунова. На афишѣ, его привлекшей, было объявлено: *Клодомира*, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, и *Гостиный дворъ* или

*) Въ восьми частяхъ. Москва, въ типографіи Рѣшетникова, 1804—1805 г.

Какъ поживешь, такъ и прослывешь, комическая опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Погодинъ полюбилъ театръ „безъ памяти“, ходить же туда не было средствъ; но, на его счастіе, наняла у нихъ домъ г-жа Татищева, имѣвшая свою ложу въ театрѣ. Она предоставляла ее иногда семейству Погодиныхъ. Пяти-актная драма *Генералъ Шенсгеймъ* тронула мальчика до глубины сердца. Воробьева, игравшая жену Эйму, Мочаловъ (отецъ), игравшій ея мужа, и Колпаковъ—генерала Шенсгейма сдѣлались его любимцами, его героями. Всякій спектакль былъ для него праздникомъ, оставлявшимъ впечатлѣніе на цѣлый мѣсяцъ. Нельзя также не упомянуть объ одной невинной страсти мальчика Погодина,—это къ игрѣ въ бабки. Нагулявшись по бѣлу свѣту съ своими романтическими героями, онъ выходилъ на дворъ къ себѣ или къ сосѣдямъ играть съ первымъ встрѣчнымъ мальчикомъ. Охота эта была такъ велика, что впослѣдствіи самъ Погодинъ сознавался, что „даже и теперь, не смотря на академическое достоинство, я не могу пройти мимо кона бабокъ безъ того, чтобъ не посмотрѣть, какъ кто бьетъ и сколько сшибаетъ“ [9]).

Но не одними иностранными романами, театромъ и бабками увлекалась юная душа Погодина. Сѣмена, брошенныя добрымъ С. Н. Глинкою, попали не на каменистую почву. „Вашъ *Русскій Вѣстникъ*“, писалъ онъ ему впослѣдствіи, съ портретами царя Алексѣя Михайловича, Димитрія Донского и Зотова возбудили во мнѣ первое чувство любви къ Отечеству, Русское чувство, и я благодаренъ вамъ во вѣки вѣковъ“. [10]).

Благодаря этому вліянію, въ Погодинѣ возбудила „великое къ себѣ уваженіе“ книга П. В. Нехочина *Ядро Россійской Исторіи*. Эту „вожделѣнную“ книгу онъ получилъ въ подарокъ отъ своего отца. „Это была“, писалъ Погодинъ, „первая *Русская Исторія*, мною прочитанная, изъ которой я узналъ о Рюрикѣ, Олегѣ, Игорѣ, и пр.“. Погодинъ увлекался также *Письмами Русскаго Офицера о войнѣ 1806 года*, Ѳ. Н. Глинки. Здѣсь ему очень нравилось описаніе дѣйствій

Кутузова, Милорадовича, Багратіона. Вмѣстѣ съ объявленіемъ объ *Ядрѣ*, помѣщено было въ тогдашнихъ газетахъ извѣстіе о подпискѣ на путешествіе Пиѳагора, которое подстрекало любопытство мальчика описаніемъ разныхъ таинствъ древнихъ жрецовъ Египетскихъ. Но средствъ на покупку этой книги недоставало и Погодинъ принужденъ былъ остаться при одномъ желаніи. [11]).

Такимъ образомъ, дѣтство Погодина, по свидѣтельству его товарища Алексѣя Зиновьевича Зиновьева, „проходило въ семейномъ кругу, который совершенно отличался отъ современнаго состоянія семейной жизни. Россія, едва окончивъ одну войну, начинала другую—общеевропейскую, послѣдствія которой нельзя было предугадывать. Мальчикъ Погодинъ любилъ читать газеты, но газеты читать любилъ онъ потому, что онѣ содержали въ себѣ описанія героическихъ подвиговъ, которыми особенно изобиловала эта борьба Россіи съ цѣлою Европою. Еще не охладѣло удивленіе къ безсмертнымъ подвигамъ Суворова, Орлова, Румянцова, Потемкина, а уже на театрѣ войны славились имена достойныхъ соревнователей вѣка Екатерины, имена Кутузова, Багратіона, Платова, Барклая-де-Толли, Кульнева, Дениса Давыдова, и проч. Столь глубокія впечатлѣнія не могли не имѣть вліянія на развитіе чувства патріотизма, любви къ отечеству, преданности престолу, уваженія ко всѣмъ сословіямъ въ образующемся тогда юношествѣ. Эти добродѣтели достигли сильнаго развитія въ душѣ Погодина". [12]).

III.

Примѣръ Новикова и Типографической Компаніи чрезвычайно оживилъ типографскую дѣятельность въ Россіи. Казенныя типографіи размножались и улучшались. Изъ частныхъ, существовавшихъ въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, назовемъ типографіи Московскія: Разсказова, Пономарева, Гип-

годинъ, „я жилъ въ типографіи, гдѣ печатаются книги, куда сходились авторы и издатели“. Разумѣется, Погодинъ пересмотрѣлъ всѣ заглавія книгъ и принялся читать ихъ. На другой или на третій мѣсяцъ своего пребыванія у Рѣшетниковыхъ, онъ даже вздумалъ самъ переводить книгу и „возмечталъ“ о печатаніи. Это была какая-то старинная Нѣмецкая комедія, подъ заглавіемъ *Юлія Гаргровъ*, въ 5-ти дѣйствіяхъ. Онъ началъ заниматься этимъ переводомъ въ классѣ Нѣмецкаго языка. „Часто мнѣ хотѣлось“, писалъ Погодинъ „употребить выраженіе: *чортъ возьми* и т. под., коими я надѣялся придать красы своему переводу; но строгій семинаристъ, почти уже дьяконъ, вооружался противъ нихъ сильно“. Мѣсяца черезъ два переводъ былъ готовъ и Погодинъ вздумалъ посвятить его своему освободителю, графу Петру Ивановичу Салтыкову, надѣясь получить отъ него какой либо подарокъ для приращенія своей библіотеки. Переписавъ тетрадь, отправился онъ съ отцемъ, который очень радовался успѣхамъ и замысламъ своего сына, въ первый день Свѣтлаго праздника, въ знакомый ему домъ на Тверской. Но надежда его обманула, и Погодинъ съ горечью замѣчаетъ: „Холодный, невнимательный магнатъ принялъ тетрадь изъ рукъ одиннадцатилѣтняго мальчика, сказалъ мнѣ что-то, мною позабытое, и ничѣмъ его не потѣшилъ. Первая несбывшаяся литературная надежда, — за коею слѣдовали и слѣдуютъ многія другія“. Напомнимъ, однако, что этотъ „холодный и невнимательный магнатъ“ даровалъ свободу семейству Погодина, положилъ животъ свой за други своя, и блаженную кончину его самъ же Погодинъ оплакалъ горькими стихами, которые, къ сожалѣнію, уничтожилъ. Впрочемъ, Погодинъ не унывалъ и принялся переводить другую комедію, подъ заглавіемъ *Двѣ Сестры*, которую посвятилъ крестному отцу своему, Петру Васильевичу Мятлеву, и также не получилъ награды; но, замѣчаетъ Погодинъ, это случилось по какому-то „странному недоразумѣнію“. Погодинъ не остановился и тогда же перевелъ Флоріанова *Добраго сына* и посвятилъ своей матери, что

„разумѣется“, замѣчаетъ онъ, „доставило мнѣ гораздо болѣе сладкаго удовольствія“.

Между тѣмъ, побывалъ Погодинъ съ своими товарищами въ Нѣмецкой книжной лавкѣ и выбралъ себѣ тамъ для перевода дѣтскую книжку съ красивыми картинками, которая, по его разсчетамъ, непремѣнно должна была имѣть хорошій сбытъ. Заглавіе ея ему не понравилось и онъ сочинилъ свое, болѣе обширное и громкое. Но что это была за книжка и какая судьба ее постигла,—намъ неизвѣстно. [15]).

Такъ прошелъ почти годъ пребыванія Погодина у Рѣшетниковыхъ и наступилъ *1812 годъ*. Картина обгорѣлой и наполненной трупами Москвы навсегда запечатлѣлась въ душѣ Погодина и имѣла неотразимое вліяніе на его послѣдующую дѣятельность.

IV.

1812 годъ „останется навсегда знаменательною эпохою въ нашей народной жизни. Равно знаменательна она и въ частной жизни того, кто прошелъ сквозь нее и ее пережилъ“. Этими словами князя П. А. Вяземскаго мы начинаемъ главу, посвященную описанію жизни Погодина въ страшную годину Русской Исторіи.

Наступилъ іюнь 1812 года, и распространилось извѣстіе о вступленіи Наполеона въ предѣлы Россіи; съ каждымъ днемъ извѣстія становились грознѣе. Въ это время, а именно іюня 5-го, отецъ Погодина купилъ себѣ домъ въ приходѣ церкви Николая чудотворца, что въ Кобыльскомъ [16]), и, кромѣ того, управлялъ имѣніемъ генерала Алексѣева, находившемся въ Рузскомъ уѣздѣ. Когда гроза наступала на Москву, отецъ Погодина находился въ Рузѣ и ставилъ тамъ рекрутъ. Мать Погодина, въ отсутствіи ея мужа, не знала, что̀ дѣлать. Между тѣмъ сосѣди поднимались и уѣзжали изъ Москвы. Нашлись благодѣтели. Рѣшетниковы пред-

ложили ей бричку, а генеральша Матрена Павловна Салтыкова оказала ей, вѣроятно, денежное пособіе. Когда все устроилось, возвратился изъ Рузы отецъ Погодина; но онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Французы могли занять Москву. Однакожъ, онъ склонился на убѣжденія Рѣшетниковыхъ и рѣшился отпустить съ ними изъ Москвы свое семейство, а самъ остался въ Москвѣ. Чувствованія же ихъ сына, по его собственному сознанію, были „какія-то смѣшанныя". Онъ читалъ наизустъ разныя патріотическія стихотворенія, помѣщенныя въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, напримѣръ:

Сыны Отечества! Внемлите,
Что вамъ вѣщаетъ правды гласъ;
Дѣлами самыми явите,
Что духъ геройскій не погасъ.

Пусть лесть коварная узнаетъ,
Колико страшенъ Россовъ гнѣвъ;
Когда отечество страдаетъ,
То и младенецъ духомъ левъ.

Коварство презримъ и лукавство,
Помощникъ въ правдѣ будетъ Богъ;
Пусть чужды обольстились царства,
Но мы притупимъ Корсій рогъ...

Въ началѣ августа семейство Погодиныхъ, вмѣстѣ съ Рѣшетниковыми, выѣхало изъ Москвы. „Поѣздъ нашъ", замѣчаетъ Погодинъ, „былъ очень длиненъ: кромѣ нашего семейства, Рѣшетниковы взяли еще два". У Троицы они остановились. Всякое утро выходилъ Погодинъ на площадь передъ Святыми Воротами смотрѣть на Московскихъ изгнанниковъ, которые толпами валили по дорогѣ, и развѣдывалъ отъ нихъ слухи. Одни были ужаснѣе другихъ, а самый вѣрный состоялъ въ томъ, что непріятель приближался. Эти извѣстія заставили нашихъ изгнанниковъ переѣхать во Владиміръ. Въ предмѣстіи города поѣздъ ихъ остановился и какая-то барыня, изъ сосѣдняго дома, увидѣвъ кучу дѣтей на возу, выслала матери Погодина множество ватрушекъ, булокъ и велѣла всякій день присылать къ себѣ за съѣстнымъ, если они оста-

новятся во Владимірѣ. Къ сожалѣнію, Погодинъ не сохранилъ имя этой добродѣтельной женщины. Христіанскій подвигъ ея тронулъ мать Погодина до слезъ. Во Владимірѣ было еще страшнѣе. На другой или на третій день, они узнали, что Москва, въ понедѣльникъ, 2 сентября, была занята непріятелемъ. „Тутъ", пишетъ Погодинъ, „я какъ будто очнулся и горесть разодрала душу". Они переѣхали на житье въ Суздаль. Хотя припасы были всѣ дороги, но семейство Погодина не чувствовало ни въ чемъ недостатка. Рѣшетниковы были ихъ благодѣтелями. Объ этомъ съ чувствомъ вспоминалъ Погодинъ и говорилъ: „буди благословенна ихъ память!" Въ Суздалѣ они прожили два мѣсяца. Все время занято было разговорами объ общемъ несчастіи. Всякій день приходили новые выходцы и разсказывали о Московскихъ ужасахъ. Свѣдѣнія болѣе положительныя они получали отъ одной почтенной помѣщицы, которая имѣла извѣстія прямо изъ арміи. Наконецъ, Тарутинская побѣда оживила всѣ сердца. Радость увеличивалась со всякимъ днемъ. Но Погодиныхъ смущала неизвѣстность о судьбѣ ихъ главы семейства, который, какъ мы знаемъ, остался въ Москвѣ. Рѣшено было послать туда одного родственника. Къ величайшей радости, недѣли черезъ двѣ Петръ Моисеевичъ пріѣхалъ въ Суздаль. „Какъ теперь помню", писалъ Погодинъ, „отецъ мой, въ свѣтлой фризовой шинели и военной фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, вылѣзалъ изъ кибитки, и какъ мать моя, не надѣясь его видѣть, обезпамятѣла въ воротахъ, его увидавъ". [17]).

Въ бумагахъ о службѣ П. М. Погодина сохранился листокъ, собственноручно имъ написанный, о нашествіи Французовъ на Москву. Къ сожалѣнію, листокъ составляетъ только частичку цѣлаго: „Весь іюль и августъ, по 17 число, былъ въ сельцахъ Шишиморовѣ и Матвейцовѣ при уборкѣ сѣна и орженаго хлѣба, да и при отдачѣ ратниковъ, коихъ 13 и 14 чиселъ августа въ городѣ Рузѣ, а послѣдняго 27 числа представлялъ въ Москвѣ. Жена-жъ моя и съ дѣтьми, по милости благодѣтельницы генералъ-маіорши Матрены Павловны

Салтыковой, была вывезена. Я-жъ оставилъ себѣ лошадь, чтобъ въ случаѣ нужды уѣхать на одной лошади въ маленькихъ дрожкахъ или верхомъ; но, по несчастію моему, въ тотъ самый день, то есть въ вечерни сентября 2-го числа, въ понедѣльникъ, непріятель взошелъ въ Москву, и я на той лошади съ мальчикомъ Максимкой былъ по препорученію въ домѣ Дарьи Ивановны Корольковой для осмотру людей, все ли они то спрятали въ землю, что имъ приказано было; а какъ въ тотъ день изъ арсеналу выдавалось оружіе и кабаки были разбиты, а люди всѣ были пьяны; но тотъ мальчикъ съ лошадью стоялъ у воротъ, и къ нему два офицера раненыя приставили пистолеты, чтобъ онъ мнѣ не кричалъ, и отняли ту лошадь и я остался пѣшей, откуда со мальчикомъ Максимкой пришелъ въ свой домъ. На другой же день, во вторникъ, тотъ мой домъ сгорѣлъ, и я, взявши Володьку, Алексашку, Максимку и своихъ трехъ человѣкъ, пошелъ къ пріятелю моему Рѣшетникову, живущему на Петровкѣ у Рожества, въ Столешникахъ, въ своемъ домѣ, у коего жили прежде сего Французы, и они насъ съ ними отъ пожару водили въ Грузины, въ домъ Кологриваго, и на Бутырки, гдѣ мы и жили четверо сутки, откуда на той же недѣли въ субботу приведены были съ конвоемъ на Дмитровку къ маршалу, а потомъ отпущены въ домъ къ нему Рѣшетникову, такъ какъ оный отъ пожару остался цѣлъ, гдѣ я слишкомъ четыре недѣли жилъ и лично не былъ ограбленъ. По прошествіи же сего времени, какъ самъ Наполеонъ, 7 октября, изъ Москвы выѣхалъ, то намъ тѣ Французы, кои тутъ нѣсколько лѣтъ жили, сказали, чтобъ мы теперь спасались сами, какъ хотимъ, а они уѣдутъ вслѣдъ за Наполеономъ, и что станутъ послѣднія дома жечь, молодыхъ людей съ собой брать, а старыхъ стрѣлять, чего мы убоялись. Въ ту же самую ночь, во второмъ часу, бѣжали черезъ Грузины, Петровскую рощу, Тушино, Марьино, не доѣзжая Воскресенска, въ село Куртасово, откуда, нанявъ тройку лошадей, поѣхали, обще съ Рѣшетниковымъ, черезъ Пѣшки, Дмитровъ, Александровъ, Егорьевскъ,

въ городъ Суздаль, гдѣ нашелъ свое семейство, слава Богу, здоровымъ". [18]).

Вскорѣ по пріѣздѣ Петра Моисеевича въ Суздаль, рѣшено было возвратиться, во чтобы то ни стало, въ Москву. „Помню", писалъ Погодинъ, „что мы всѣ ѣхали съ радостію, хотя и на пепелище". Отецъ его былъ увѣренъ, что разоренные жители получатъ помощь отъ Государя, и не унывалъ духомъ. [19]).

V.

Въѣздъ въ Москву былъ самый печальный. По дорогѣ вездѣ валялись околѣлыя лошади. Хищныя птицы летали стаями. Цѣлыя улицы выгорѣли. Закопченыя стѣны, высунутыя трубы, люди въ рубищахъ и лохмотьяхъ, никакихъ почти экипажей. Наконецъ, они доѣхали до Петровки, уцѣлѣвшей отъ пожара, и остановились въ домѣ Рѣшетникова. [20]). По возвращеніи въ Москву, отецъ Погодина былъ удрученъ потерею своего имущества, которое онъ положилъ на сохраненіе въ трехъ кладовыхъ въ домѣ графа Н. П. Румянцова и въ домѣ купца Пушникова. „Все хорошее ограблено", и я, съ горечью, пишетъ П. М. Погодинъ, „остался нагъ и босъ въ одной рубашкѣ, худомъ фракѣ и ветхомъ бекешѣ, чего уже и Французы съ меня не взяли". [21]). Сынъ же его Михаилъ писалъ: „Не знаю, какъ промаялся отецъ мой первое время. Дороговизна была тогда ужасная. Помню, что, вмѣсто калача къ чаю, мы сочли за выгодное покупать просфоры въ церкви". Мать Погодина рѣшилась заложить серебро, которое возила съ собою. Со слезами отдавала она это серебро для заклада въ Ломбардѣ. По дорогѣ, Петръ Моисеевичъ заѣхалъ къ своему знакомому, старому часовыхъ дѣлъ мастеру Ферье, жившему на Кузнецкомъ мосту. Замѣтивъ на лицѣ Погодина печаль, Ферье спросилъ о причинѣ. „Жаль жену",

отвѣчалъ онъ, „которая расплакалась, отпуская со мною старое наше серебро подъ закладъ. Она боится, что намъ не придется его выкупить“. — Отвезите это серебро назадъ,— сказалъ добрый старикъ,—и утѣшьте вашу жену. Вотъ вамъ 500 рублей, и держите ихъ сколько угодно и безъ процентовъ“. Нашелся еще добрый человѣкъ, управитель Апраксина, Лошаковскій, который прислалъ родителямъ Погодина нѣсколько пудовъ муки и овса. До конца своей жизни родители Погодина со слезами вспоминали объ этихъ своихъ благодѣтеляхъ.

Въ началѣ 1813 года, Погодины переѣхали отъ Рѣшетникова и помѣстились въ Грузинахъ, въ домикѣ своей родственницы Бибилюровой. Въ сосѣдствѣ съ ними жило семейство священника церкви Покрова въ Кудринѣ, Іоанна Кандорскаго. Погодины познакомились съ нимъ, и сынъ ихъ Михаилъ началъ учиться вмѣстѣ съ сыновьями священника. Латынь имъ нѣкоторое время преподавалъ студентъ Духовной Академіи Василій Николаевичъ Воскресенскій, впослѣдствіи архимандритъ Гавріилъ и профессоръ философіи Казанскаго Университета. Но главное, въ домѣ Кандорскихъ было много книгъ, и старшія дочери священника были охотницы читать. Между тѣмъ, матеріальное положеніе семейства Погодиныхъ начало улучшаться. Московскій купецъ Степанъ Козмичъ Корзинъ, сверхъ всякаго ожиданія, уплатилъ отцу Погодина должныя ему 8 тысячъ. На эти деньги Петръ Моисеевичъ рѣшился отстроить сгорѣвшій домикъ, что въ скоромъ времени и исполнилъ. Мы уже знаемъ, что Петръ Моисеевичъ управлялъ имѣніемъ генерала Алексѣева въ Рузскомъ уѣздѣ. Это давало возможность семейству его проводить лѣто въ деревнѣ.

Литературныя стремленія въ Погодинѣ не оскудѣвали, а разговоры о бѣгствѣ Французовъ, о нашихъ побѣдахъ, о подвигахъ Русскихъ генераловъ все болѣе и болѣе воспламеняли его патріотическій духъ. Возобновившійся въ 1813 году *Русскій Вѣстникъ* поддерживалъ горѣвшій въ мальчикѣ священный огонекъ. Онъ сочинялъ надписи къ портретамъ че-

тырехъ главныхъ героевъ *12-го года:* Кутузова, Багратіона, Милорадовича и Платова. Первая начиналась:

Росси! се Кутузовъ знаменитый,

а потомъ:

Сіяетъ лаврами обвитый.

Наконецъ, написалъ онъ и большое стихотвореніе на Наполеона, въ коемъ прославлялись Русскіе и ихъ генералы, изъ котораго впослѣдствіи запомнилъ Погодинъ только два стиха:

Грановиту сжегъ Палату,
Стекла выбилъ изъ Сената.

Послѣдній стихъ, однако, безпокоилъ Погодина: онъ казался ему „не совсѣмъ высокимъ". Стихи эти Погодинъ отдавалъ поправлять своему учителю, знакомому намъ П. Я. Сумарокову; но онъ, замѣчаетъ Погодинъ, „не справился съ ними и сказалъ мнѣ, что Риторики сочинять никакъ нельзя". Возлюбленнымъ же героемъ Погодина былъ генералъ Кульневъ, кончина котораго его очень поразила. Онъ занялся его біографіею. Предисловіе къ ней онъ выбралъ изъ предисловія Бантыша-Каменскаго къ жизни убіеннаго Московскаго архіепископа Амвросія. Въ заключеніи біографіи было сказано: „Да простятъ тринадцати-лѣтнему отроку, который чѣмъ нибудь хотѣлъ быть полезнымъ своему отечеству"; а купленный у книгопродавца Душина портретъ генерала съ длинными волосами, густыми бакенбардами, косматыми усами произвелъ на него сильное дѣйствіе.

Однажды, какъ-то попались Погодину части три *Образцовыхъ Сочиненій* въ прозѣ, гдѣ его вниманіе остановилось болѣе всего на *Историческихъ воспоминаніяхъ и замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ*, Карамзина. „Проѣзжая черезъ Воскресенскъ", писалъ Погодинъ, „въ деревню генерала Алексѣева, на перепутьи, у г-жи Коральковой, лежа въ саду, перечитывалъ я эту статью". Его поразили слѣдующія слова Карамзина о Борисѣ Годуновѣ: „Хотя историкъ судитъ безъ сви-

дѣтелей, хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ, однако же истина всегда заранивaетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго, должно отыскать ихъ въ пеплѣ, и тогда происшествіе объясняется". „Вотъ источникъ и начало", замѣчаетъ Погодинъ, „моей привязанности къ Борису Годунову, которая не оставляетъ меня до сихъ поръ". „Изъ всей Русской исторіи", продолжаетъ онъ, „я просто люблю его, какъ бы человѣка мнѣ давно знакомаго и роднаго. Вотъ почему, можетъ быть, сужу я пристрастно и дѣло о царевичѣ Димитріи".

VI.

Въ 1813 году, Погодинъ, вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, совершилъ путешествіе въ Калужскую губернію. Тамъ, въ Медынскомъ уѣздѣ, въ селѣ Никольскомъ, доживала свои маститые годы почтенная старушка, съ которой мы уже знакомы,— его бабушка по отцу. Многимъ можетъ показаться невѣроятнымъ, что въ глухомъ селѣ, тринадцати-лѣтній мальчикъ к будущій профессоръ, нашелъ у своихъ родственниковъ крестьянъ „много книгъ" и тамъ прочиталъ впервые *Письма Русскаго Путешественника*, Карамзина. У другаго своего родственника онъ увидѣлъ двѣ книжки пейзажей, которыя до такой степени ему поправились, что онъ всякими правдами и неправдами добылъ ихъ для себя. Слѣдовательно, князь П. А. Вяземскій былъ правъ, когда сказалъ нашимъ современнымъ реформаторамъ и просвѣтителямъ:

Нѣтъ, и до васъ шли годы къ цѣли,
Въ деревнѣ Божій свѣтъ не гасъ.

Въ этомъ году, по собственному сознанію Погодина, онъ учился очень мало, а только читалъ, но уже не романы, а книги по Русской исторіи. Между прочимъ, его увлекалъ *Храмъ Славы Россійскихъ Ироевъ отъ временъ Гостомысла*

до царствованія Романовыхъ, Павела Львова (Спб. 1803)*). Ему также хотѣлось достать *Твердость Духа Русскихъ*, Гавріила Геронова, а книгопродавецъ Душинъ его всячески отговаривалъ отъ покупки этихъ книгъ, представляя въ резонъ, что онѣ „потеряли цѣну“.

Въ это время семейство Погодина жило уже въ своемъ, возстановленномъ изъ пепла, домѣ, въ приходѣ Николая Чудотворца, что въ Кобыльскомъ, въ которой въ то время священствовалъ Константинъ Смирновъ **). Погодинъ ходилъ слушать его проповѣди, и добрый пастырь „ободрялъ занятія“ мальчика. Однажды о. Константинъ разсказалъ Петру Моисеевичу два анекдота о какихъ-то Русскихъ подвигахъ. Мальчикъ Погодинъ слушалъ эти анекдоты съ большимъ вниманіемъ, и лишь только ушелъ священникъ, онъ положилъ эти анекдоты на бумагу. Сочиненьице это начиналось такъ: „Гостепріимство и благотворительность суть наслѣдственныя добродѣтели Русскихъ“. Для этого приступа Погодинъ перерылъ книжекъ десять *Русскаго Вѣстника*. Написавъ, онъ прочелъ своимъ. Остались очень довольны, и отецъ послалъ его прочесть написанное священнику. Было очень поздно вечеромъ, и собаки чуть было не загрызли „молодого патріота“, насилу провожатый отбился отъ нихъ дубиною. Много лѣтъ спустя, а именно 8-го мая 1822 года, Погодинъ зашелъ въ завѣтную для него церковь Николая Чудотворца, что въ Кобыльскомъ, и вотъ что записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Смотрѣлъ неравнодушно на образъ Казанской Богоматери и Михаила Архангела, возлѣ которыхъ я всегда останавливался. Голосъ священника, пономаря напомнилъ мнѣ старину. Послѣ всенощной заходилъ къ священнику. Не узналъ меня, но обрадовался, вспом-

---

*) Книга эта составляетъ въ настоящее время библіографическую рѣдкость и подарена въ мою библіотеку графомъ Владиміромъ Владиміровичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, роднымъ правнукомъ знаменитаго собирателя Русскихъ Древностей, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина.

**) Отецъ бывшаго ректора Московской Духовной Академіи, о. протоіерея Сергія Константиновича Смирнова.

нивъ свое пророчество обо мнѣ. Всегда бываю судилъ я о его проповѣдяхъ". [22]).

Въ началѣ 1814 года, помѣщено было въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе отъ директора училищъ Московской Губернской Гимназіи, Петра Михайловича Дружинина, коимъ приглашалъ онъ разоренныхъ непріятелемъ родителей отдавать дѣтей на содержаніе за небольшую плату въ гимназію. „Не помню", писалъ Погодинъ, „кто возымѣлъ благую мысль отдать меня туда, самъ ли я, читавши внимательно газеты, или отецъ мой, не покидавшій мысли о продолженіи моего ученія". Но, во всякомъ случаѣ, почтенное имя П. М. Дружинина Погодинъ произносилъ съ признательностью и говорилъ: „да будетъ благословенна память его во вѣки вѣковъ". [23]).

Это обязываетъ и насъ помянуть почтеннаго дѣятеля. Петръ Михайловичъ Дружининъ родился въ Рязани, въ 1762 г., происходилъ изъ духовнаго званія и первоначальное образованіе получилъ въ Рязанской семинаріи. Въ 1786 году поступилъ на должность учителя въ Московское главное народное училище. На способности Дружинина обратилъ вниманіе попечитель Московскаго Университета, незабвенный Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, и въ 1802 году назначилъ его директоромъ училищъ Московской губерніи. По отзыву современниковъ, Дружининъ любилъ искренно дѣтей, воспитывавшихся подъ его руководствомъ, обходился съ ними отечески; радѣлъ о выгодахъ подчиненныхъ, больше чѣмъ о своихъ собственныхъ; былъ честенъ и безкорыстенъ, и, пропустивъ чрезъ свои руки милліоны рублей, былъ похороненъ (въ 1827 г.) на чужія деньги. Дружининъ также имѣлъ особенную способность входить въ связи съ вельможами и богачами и поддерживать оныя. Сіи связи употреблялъ онъ всегда въ пользу наукъ и никогда въ свою собственную. Такъ, принималъ онъ большое участіе въ великихъ пожертвованіяхъ Демидова для университетовъ Русскихъ; исходатайствовалъ у извѣстнаго въ ученомъ свѣтѣ З. П. Зосимы капиталъ для учрежденія Греческаго класса

въ гимназіи, пріобрѣталъ дома въ уѣздныхъ городахъ для помѣщенія училищъ, собралъ библіотеку и кабинетъ естественной исторіи для Московской гимназіи. Немаловажныя заслуги оказалъ Дружининъ и въ 1812 году. Онъ первый почти изъ университетскихъ чиновниковъ возвратился въ разоренную столицу и немедленно принялся за возобновленіе училищъ, и, устроивъ Университетскую Типографію, издавалъ *Московскія Вѣдомости*, столько важныя въ то время для Московскихъ жителей. Въ литературѣ нашей Дружининъ извѣстенъ изданіемъ (съ 1807—1811 г.) *Журнала полезныхъ изобрѣтеній въ искусствахъ и ремеслахъ*, въ пользу учительскихъ сиротъ.

По обычаю того времени, Погодинъ, будучи еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ, былъ записанъ въ государственную службу, а именно въ Ревизіонъ-Коллегію канцелярскимъ служителемъ. [24]). Съ поступленіемъ же въ гимназію начинается новый періодъ его жизни.

VII.

14 февраля 1814 года, Погодина отвезли въ Московскую Губернскую (нынѣ 1-я) гимназію. По свидѣтельству самого Погодина, вотъ въ какомъ положеніи находилась эта гимназія въ то время: „Голыя чуть-чуть замазанныя стѣны въ наемномъ домѣ (на Кисловкѣ), досчатые полы, которыхъ часто не видать было изъ-подъ грязи, кое-какъ сколоченныя лавки, животрепещущіе столы. Одежда—мы ходили въ желтыхъ сюртукахъ изъ такого сукна, которое безъ обиды можно было назвать войлокомъ; мы носили рубашки изъ такого холста, которое въ толстотѣ спорило съ сукномъ, а въ мягкости ему уступало; жилеты у насъ были затрапезные. Пища: жидкія щи съ кускомъ говядины, которая съ трудомъ уступала ножу, и гречневая каша съ масломъ, ближайшимъ къ салу. Надзора никакого, ни одного надзирателя не было у насъ, и должность ихъ исправляли ученики изъ старшихъ двухъ классовъ,

къ числу которыхъ, въ послѣдніе два года, принадлежалъ и я. И эти надзиратели пользовались великимъ уваженіемъ и большою властію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, посвидѣтельству того же Погодина: „они учились въ нуждѣ, но не безъ пользы, подъ патріархальнымъ управленіемъ стараго времени, которое своимъ добродушіемъ восполняло всѣ недостатки". [25]). Директоромъ заведенія, какъ извѣстно, былъ „добрѣйшій Петръ Михайловичъ Дружининъ". Гимназія, принявшая въ свое лоно Погодина, состояла изъ четырехъ классовъ, изъ коихъ первый имѣлъ два отдѣленія. При гимназіи находилось еще уѣздное училище изъ двухъ классовъ, такъ что собственно классовъ во всемъ заведеніи было семь. Гимназическое собственно ученіе начиналось съ перваго отдѣленія перваго класса. Въ уѣздномъ училищѣ преподавались Законъ Божій, Русская грамматика и Ариѳметика, чтеніе на иностранныхъ языкахъ, чистописаніе, рисованіе. Латинскій языкъ начинался уже въ такъ называемой гимназіи. Учителемъ Латинскаго языка былъ питомецъ Лейпцигскаго университета Любимъ Антоновичъ Лейбрехтъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ преподавалъ Французскій и Нѣмецкій языки; но главную благодарность отъ своихъ учениковъ стяжалъ онъ за преподаваніе Латинскаго языка. „Много добра", писалъ Погодинъ, „и пользы принесъ онъ своимъ воспитанникамъ. Всегда сохранялъ я о немъ благодарное воспоминаніе". На Латинскій языкъ въ классѣ употреблялось по два урока въ два часа, т. е. по четыре часа въ недѣлю. Первый классъ посвящался этимологіи. Второй и третій—синтаксису. Четвертый—упражненіямъ, состоявшимъ въ переводахъ съ Русскаго на Латинскій и съ Латинскаго на Русскій языкъ. Гимназистъ нашъ особенно преуспѣвалъ въ этомъ предметѣ и во все продолженіе почти пяти-лѣтняго курса за нимъ оставалось первое мѣсто, и только однажды, во второмъ классѣ, перебилъ его у него товарищъ и другъ его Ираклій Карповъ, извѣстный въ нашей литературѣ какъ первый переводчикъ Вальтеръ-Скота (*Кенильвортъ*). На первомъ публичномъ актѣ, въ 1814 году, Погодину назначено было произнести рѣчь на

Латинскомъ языкѣ, сочиненную учителемъ. Эта рѣчь начиналась такъ: „Patria nostra a hoste devastata, omnubusque literarum subsidiis incendio absumptis, spes omnino nobis erat erepta fore, ut aliquando animum litteris excolere possemus, sed...“, т. е. „Отечество наше опустошено непріятелемъ, всѣ пособія учебныя истреблены пожаромъ, и мы были совершенно лишены надежды украсить когда нибудь свой умъ познаніями, но...“ Во второмъ классѣ занятія Латинскимъ языкомъ принимали уже характеръ болѣе важный и занимательный. Этимологія вся выучена, формы затвержены, понакопилось достаточное количество вокабулъ, принимались за синтаксисъ. Затѣмъ, въ третьемъ классѣ проходился почти весь Корнелій Непотъ. Въ четвертомъ задавались переводы съ Русскаго на Латинскій отдѣльныхъ разсказовъ и читались Цицероновы рѣчи. Но, по сознанію признательнаго ученика, Лейбрехтъ не могъ объяснять Цицерона такъ удовлетворительно, какъ синтаксисъ, да и по-русски онъ не зналъ столь хорошо, чтобъ находить вѣрное соотвѣтствіе между выраженіемъ двухъ языковъ. Съ такимъ приготовленіемъ въ Латинскомъ языкѣ гимназисты поступали въ университетъ и, по свидѣтельству Погодина, знаменитый профессоръ того времени Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій принималъ ихъ съ „благоволѣніемъ“. Математику въ гимназіи преподавалъ Андрей Степановичъ Терюхинъ, кандидатъ университета, человѣкъ „дѣльный“, кромѣ того, подвизавшійся и на театральномъ поприщѣ въ роляхъ: Чванкиной, Простаковой, Кривосудовой. Въ первомъ классѣ прямо давалась Алгебра, во второмъ—Геометрія, въ третьемъ—Тригонометрія, въ четвертомъ—Физика. У гимназистовъ господствовалъ предразсудокъ, что математикою могутъ заниматься только нѣкоторые ученики; начальники не заботились объ искорененіи предразсудка и смотрѣли на этотъ предметъ сквозь пальцы. Учителемъ Естественной Исторіи былъ Михаилъ Игнатьевичъ Бѣляковъ. Во второмъ классѣ онъ училъ Минералогіи, въ третьемъ—Ботаникѣ, въ четвертомъ—Зоологіи и Технологіи. Для каждой науки переписы-

валось по толстой тетради, листовъ въ 30, которую гимназисты выучивали наизусть. Это зазубриванiе оживлялось тѣмъ, что учитель показывалъ въ классѣ всѣ камни, растенiя, изображенiя животныхъ. Географiю и Исторiю преподавалъ воспитанникъ стараго Педагогическаго Института Алексѣй Егоровичъ Добровольскiй, къ которому гимназисты были „исполнены уваженiя". Изъ Исторiи въ первомъ классѣ выучивалась маленькая тетрадка, листовъ въ пять, съ кое-какими свѣдѣнiями объ Египтѣ, Грецiи, Ассирiи [26]). Во второмъ классѣ Римская Исторiя, о царяхъ. О первомъ изъ нихъ говорилось: „Ромулъ— глава разбойничьей шайки, убiйца Рема, своего брата, построилъ нѣсколько хижинъ на землѣ, зависящей отъ города Альбы-Лонги, изъ коего онъ вышелъ съ тремя тысячами человѣкъ и положилъ основанiе государству, которое должно было поглотить обширнѣйшiя монархiи". Затѣмъ слѣдовали отрывки о Децемвирахъ, нашествiе Галловъ, съ неизбѣжнымъ мечемъ Бренна, война Римлянъ съ Тарентинцами, Пуническiя войны, и соперничество Суллы и Марiя. „Цезаря", замѣчаетъ Погодинъ, „какъ будто боялся почтенный Алексѣй Егоровичъ, и мы заключали Римскую исторiю картиною Марiя, сидящаго на развалинахъ Кареагена" [27]). Изъ Русской исторiи, въ третьемъ классѣ, выучивалась также тетрадка. Главную роль играло нашествiе Татаръ. Въ четвертомъ классѣ проходилась Статистика Россiи, которая выучивалась наизусть. Учитель этого предмета, по свидѣтельству Погодина, отличался величественною наружностью и держалъ себя грандiозно. Предлагалъ простѣйшiе вопросы тономъ трагическимъ и гимназисты предъ нимъ благоговѣли. Это дало поводъ Погодину сдѣлать впослѣдствiи справедливое замѣчанiе: „Благоговѣнiе, которое учитель Статистики умѣлъ внушать къ себѣ гимназистамъ, есть важное достоинство въ учителѣ и профессорѣ. Теперь уже прошло время для такихъ чувствованiй, и педагогiя должна придумывать другiя средства, чтобы дѣйствовать со властiю". Учителемъ Русской Словесности въ гимназiи, въ которой воспитывался Погодинъ, былъ Семенъ Мартыновичъ

Ивашковскій, впослѣдствіи профессоръ Греческой Словесности въ Московскомъ Университетѣ и составитель *Полнаго греко-россійскаго словаря*", напечатаннаго въ 1838 году иждивеніемъ любителей отечественнаго просвѣщенія, Греческихъ дворянъ Зосимъ. Въ гимназіи онъ преподавалъ въ 1-мъ классѣ Логику и Всеобщую грамматику, во 2-мъ классѣ Психологію и Нравственность, въ 3-мъ Риторику, Піитику и Эстетику, въ 4-мъ Естественное право и Политическую экономію. Однимъ словомъ, онъ возлагалъ на юныя „плеща человѣческа бремена тяжка и бѣднѣ носима". Ученикъ его, гимназистъ Погодинъ, о способѣ его преподаванія оставилъ намъ нижеслѣдующія любопытныя подробности: „Добрѣйшій, ученѣйшій Ивашковскій", вспоминалъ впослѣдствіи Погодинъ, „являлся всякій разъ въ классѣ и начиналъ ходить взадъ и впередъ, пыхтя и ворча себѣ подъ носъ, потомъ диктовалъ часъ, и полчаса спрашивалъ заданный прежде урокъ. Иногда Ивашковскій предлагалъ какіе-то отвлеченные вопросы не изъ выученной тетради, а изъ книги, по долгомъ размышленіи, въ родѣ загадки. Ученики отгадывали, разумѣется, очень рѣдко; тогда онъ проговаривалъ нѣсколько словъ, и, взявъ шляпу, уходилъ. На публичномъ экзаменѣ, въ присутствіи публики, онъ выходилъ на сцену съ толстою тетрадію и спрашивалъ учениковъ по очереди: что есть Эстетика? Какъ раздѣляется Эстетика? И визитаторы Мерзляковъ, Цвѣтаевъ, Двигубскій, спокойно слушали вопросы и отвѣты, и никто не видалъ здѣсь ничего страннаго". Несмотря на это, гимназисты хорошо знали по-русски, писали правильно, любили литературу, знали наизусть Озерова, Жуковскаго, Крылова, восхищались Карамзинымъ. И это чтеніе, по справедливому замѣчанію товарища Погодина, А. З. Зиновьева, „не только не шло въ разладъ съ тѣмъ, чтó повторялось въ семействѣ и обществѣ, а напротивъ того, оно соединялось вмѣстѣ и опредѣляло направленіе характера [28])". Другою школою для гимназистовъ былъ театръ, куда, по сознанію Погодина, „ходило всякій бенефисъ, въ раекъ, человѣка по четыре, по пяти, безъ спроса, украдкою, въ подво-

ротню, чрезъ больничную дверь, всѣми неправдами, пренебрегая величайшими опасностями, кланяясь солдатамъ-сторожамъ, кормя собакъ".

Особеннаго надзора за гимназистами, какъ мы уже знаемъ, въ то время не было. Инспекторомъ былъ тотъ же С. М. Ивашковскій, который, по свидѣтельству Погодина, „ничего не видалъ, ничего не понималъ, а бѣда, если кто-нибудь попадался ему въ злую минуту подъ руку". Шалостей большихъ никогда не бывало. Впрочемъ, завелась впослѣдствіи игра въ карты на бумагу. По праздникамъ гимназистовъ водили на Воробьевы горы и тамъ давали имъ по половинѣ калача и молоко, что́, по свидѣтельству Погодина, доставляло имъ живѣйшую радость.

При такой обстановкѣ протекли гимназическіе годы Погодина. Что́ же вынесъ онъ изъ гимназіи? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ намъ самъ Погодинъ: „Порядочныя познанія въ языкахъ Латинскомъ и Нѣмецкомъ. Хорошія познанія въ Алгебрѣ, Геометріи и Тригонометріи. Общія понятія объ Естественной исторіи, познакомился съ терминологіею Ботаники, умѣлъ распознавать камни, насмотрѣлся всякихъ животныхъ по Блуменбаху. Съ Французскимъ языкомъ Погодинъ познакомился на частныхъ урокахъ почтеннаго Лейбрехта, и, наконецъ, выученныя наизустъ нѣсколько тетрадей Логики, Психологіи, Нравственности, Риторики, Піитики, Эстетики, Естественнаго права и Политической экономіи еще въ гимназіи познакомили Погодина съ номенклатурою этихъ наукъ [29]).

VIII.

Въ 1818 году, вышла въ свѣтъ *Исторія Государства Россійскаго*. Это важное событіе въ исторіи нашей Литературы застало Погодина еще въ гимназіи. *Бѣдная Лиза*, *Наталья Боярская дочь*, *Марѳа посадница* были почти выучены наизустъ Погодинымъ еще до вступленія его въ гимназію. Самого Карамзина Погодинъ въ первый разъ увидѣлъ въ 1816

году, въ Оружейной палатѣ, вмѣстѣ съ семействомъ, И. И. Дмитріевымъ и А. Ѳ. Малиновскимъ, который показывалъ имъ государственныя сокровища. По какому-то счастливому случаю, Погодинъ пришелъ туда съ товарищами гимназистами и, къ величайшей радости, встрѣтилъ знаменитыхъ посѣтителей. Эта встрѣча такъ подѣйствовала на нашего гимназиста, что онъ, по его собственному свидѣтельству, впалъ въ нѣкое „онѣмѣніе,—безъ мысли ходилъ за ними" и проводилъ послѣ до экипажей [30]). Сильно забилось сердце гимназиста, когда онъ узналъ о выходѣ въ свѣтъ творенія Карамзина, такъ нетерпѣливо имъ ожидаемаго, и имъ овладѣло непреодолимое желаніе пріобрѣсти его. Просить объ этомъ отца онъ совѣстился, и вотъ онъ рѣшился пуститься на хитрости. Мы уже знаемъ, что въ домѣ его родителей иногда играли въ карты. Его мать была охотница до бостона. Деньги за карты были предоставлены въ его пользу и такимъ путемъ онъ скопилъ рублей 20 ассигнаціями, а *Исторія* стоила 55. Погодинъ обратился къ родственникамъ, говоря каждому, что у него недостаетъ бездѣлицы до 55 рублей. Такимъ путемъ онъ набралъ еще рублей 20, и имѣя въ рукахъ сорокъ рублей, рѣшился попросить отца добавить недостающую ссуму и поручить одному изъ своихъ знакомыхъ въ Петербургѣ подписаться на *Исторію*. Наконецъ, желанные томы явились. Погодинъ принялся ихъ читать и перелистывать съ такимъ жаромъ и усердіемъ, что отецъ его велѣлъ отдать ихъ скорѣе въ переплетъ, изъ опасенія, чтобы онъ не растрепалъ ихъ до прочтенія. Замѣтимъ при этомъ, что въ то время родители Погодина жили въ домѣ графа Ростопчина, на Лубянкѣ. Знакомецъ и доброжелатель отца Погодина, бывшій полиціймейстеръ Московскій до Французовъ, А. Ѳ. Брокеръ доставилъ Петру Моисеевичу мѣсто управляющаго домомъ графа Ростопчина и тѣмъ нѣсколько поддержалъ его, разореннаго Французами. Въ числѣ графскихъ крѣпостныхъ людей былъ переплетчикъ, которому и отдана была *Исторія*. Прошло много времени. Гимназистъ нашъ ждетъ не дождется завѣтныхъ книгъ своихъ. Наводитъ

справки и съ ужасомъ узнаетъ, что переплетчикъ пропилъ его сокровище. Легко вообразить отчаяніе юноши. Послѣ многихъ хлопотъ дѣло устроилось такъ, что хозяинъ переплетчика взялся купить *Исторію*. Опять бѣда: изданіе все уже разошлось и ни за какія деньги нельзя было достать ни одного экземпляра. Но вскорѣ было объявлено, что выйдетъ *второе* изданіе, которое Погодинъ и получилъ въ переплетѣ. Съ тѣхъ поръ экземпляръ этотъ, до конца жизни Погодина, не сходилъ съ его письменнаго стола и былъ для него, какъ „другъ и неразлучный спутникъ". Получивъ экземпляръ, гимназистъ принялся читать и писать замѣчанія. Надъ первою главою „мучился" долго. На вакаціи, послѣ гимназическаго курса, предъ вступленіемъ въ Университетъ, написалъ цѣлую тетрадь примѣчаній. „Эта гимнастика", замѣчаетъ Погодинъ, „послужила не хуже иного классическаго курса". Глава о происхожденіи Руси отъ Норманновъ „смущала его много", и онъ долго не могъ помириться съ мыслію, что основателями Русскаго Государства были иностранцы. „Какъ бы я обрадовался", писалъ много лѣтъ спустя Погодинъ, „еслибъ тогда вышли изслѣдованія Гедеонова и даже Иловайскаго [31])".

Любовь къ Русской Литературѣ и Исторіи поддерживалась въ Погодинѣ его гимназическими товарищами. Прочесть новую басню Крылова, новое стихотвореніе Жуковскаго, это былъ праздникъ для цѣлаго ихъ общества. Не мало одушевляло его предстоящее вступленіе въ Университетъ. „Тамъ узнаю я все", мечталъ нашъ гимназистъ, сидя на окошкѣ своей гимназіи и смотря на проходившаго по двору Мерзлякова въ Университетъ читать лекціи. „Скоро ли я услышу его? Не умеръ бы до моего вступленія". До гимназіи доходили слухи, что Каченовскій возстаетъ даже на Карамзина. „Чтó то онъ скажетъ?" А тамъ еще Геймъ, знаменитый своими познаніями во всѣхъ наукахъ и читавшій Статистику! А тамъ еще Тимковскій, любимый ученикъ перваго Еллиниста и Латиниста того времени, Геттингенскаго Гейне. Вѣст-

никомъ университетскихъ новостей въ гимназіи былъ братъ гимназиста Корецкаго, магистръ университета, и эти новости выслушивались гимназистами „съ жадностію“. Театръ также много содѣйствовалъ образованію гимназистовъ. Университетскіе спектакли пользовались великою славою. Корецкій превосходно игралъ роли Скотинина въ *Недорослѣ*, Кривосудова въ *Ябедѣ*, Простодумова въ *Хвастунѣ*, мельника въ оперѣ Аблесимова. Другой актеръ былъ медицинскій студентъ Александровъ, отличавшійся въ роли Грабилина въ *Семействѣ Старичковыхъ*, Сутягина въ комедіи Шаховского *Ссора или два Сосѣда*. Особенно удавался *Хвастунъ* Княжнина, въ которомъ главную роль игралъ Михайловскій, получившій послѣ каѳедру въ Харьковѣ. Женскія роли принадлежали ученику Тимковскаго, пансіонеру Степанову. Подражая университету, завели театръ и въ гимназіи, гдѣ нашъ гимназистъ исполнялъ тоже женскія роли, и началъ съ Вильгельмины, въ комедіи Коцебу. Игралъ потомъ въ драмѣ Ѳедорова *Хорошо быть добрымъ господиномъ*, и имѣлъ виды даже на большую роль Лизы, въ драмѣ Ильина *Лиза—торжество благодарности*.

Погодинъ будучи уже въ старости маститой, сравнивая репертуаръ того времени съ нынѣшнимъ, въ которомъ „блистаютъ піесы, писанныя съ натуры“, спрашиваетъ: „какой репертуаръ можетъ содѣйствовать къ облагороженію вкуса, къ возбужденію чувства, къ исканію идеаловъ?“ И дѣлаетъ весьма справедливое замѣчаніе: „изъ одной крайности мы обратились къ другой, гораздо худшей. „Представьте себѣ“, продолжаетъ онъ, „мальчика и юношу, въ гимназіи за *подробностями* и *исключеніями*, за грамматиками; въ университетѣ за хлѣбными науками, въ литературѣ за повѣстями натуральными, въ театрѣ съ грязною натурою и въ увеселительныхъ садахъ съ канканами и двусмысленными куплетами: чего же отъ него ожидать можно! Разумѣется, вездѣ есть исключенія, вездѣ встрѣчаются достоинства, но много ли ихъ! Сухость, жесткость, насмѣшливость, эгоизмъ, тщеславіе, чувственность, зависть, питаются и развиваются на всякомъ шагу.

Натуральная школа и обличительная теорія хороша, но съ нею одною оставаться нельзя: зачерствѣешь и озлобишься".

— — —

IX.

„Съ благоговѣніемъ и горячею жаждою знанія" вступилъ Погодинъ, въ августѣ 1818 года, въ Московскій университетъ. Въ то время университетъ помѣщался въ домѣ Заикина, на углу Газетнаго переулка, противъ Никитскаго монастыря *). Нынѣшнее старое зданіе университета только что отдѣлалось, подъ надзоромъ славнаго архитектора Жилярди. Вступленіе въ университетъ начиналось полученіемъ такъ называемой табели отъ ректора, т. е. билета съ означеніемъ профессоровъ, которыхъ слушать студентъ получалъ позволеніе. Ректоръ Иванъ Андреевичъ Геймъ, университетская и давняя Московская знаменитость, авторъ огромныхъ, отличныхъ для того времени, словарей Нѣмецкаго и Французскаго языковъ и руководства по части Географіи, „добрѣйшее", по свидѣтельству Погодина, „существо въ мірѣ, но съ особенными Нѣмецкими причудами по части точности". Студентъ, записывая имена профессоровъ, которыхъ желаетъ слушать, долженъ былъ непремѣнно положить перо на то мѣсто, съ какого взялъ его съ чернильницы. Иначе бѣда! Иванъ Андреевичъ такъ раскричится, что Боже упаси. Молодые студенты заранѣе справлялись у старшихъ, какъ войти къ ректору и какъ себя держать, и твердо заучивши все нужное, являлись; но на грѣхъ мастера нѣтъ: иной позабудетъ вдругъ всѣ полученныя наставленія и поступитъ совершенно наоборотъ... И подымется гвалтъ.

Погодинъ избралъ Филологическій факультетъ, куда при-

*) Университетскій товарищъ Погодина Лапиковъ утверждаетъ, что Университетъ помѣщался въ домѣ Яковлева, теперь купца Монахова въ Долгоруковскомъ переулкѣ (Русск. Архивъ 1875, III, 376).

влекала его Русская исторія и Литература; но къ сожалѣнію Русскую исторію въ это время преподавалъ не Каченовскій, которому поручена была Археологія и Теорія разныхъ искусствъ. Нашъ студентъ выбралъ себѣ слушать слѣдующихъ профессоровъ: Гейма, Мерзлякова, Тимковскаго, Черепанова, Гаврилова, Ульрихса, Пельта и Каменецкаго.

Первымъ профессоромъ на Филологическомъ факультетѣ былъ Геймъ, читавшій Статистику. „Онъ", вспоминаетъ Погодинъ, „начиналъ лекцію почти въ корридорѣ, и мы слышали его кашель, а лишь только отворялъ дверь, какъ уже раздавались его слова: *въ прошедшую лекцію мы говорили вотъ о чемъ. Нынѣ должны...*" Статистику, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, безъ соображеній Кетле и Дюпена, Геймъ преподавалъ обстоятельно и подробно, по самымъ свѣжимъ извѣстіямъ. Чуть что прочтетъ въ газетахъ о какомъ нибудь новомъ исчисленіи или учрежденіи, онъ уже вносилъ въ свои тетради. Кто хотѣлъ, тотъ, слѣдуя за его лекціями, могъ получить порядочное понятіе о наружномъ положеніи всѣхъ Европейскихъ государствъ, равно какъ и о Россіи. Водяныя сообщенія играли значительную роль въ его лекціяхъ. „Мы плавали", вспоминалъ Погодинъ, „какъ завзятые лоцманы, и Иванъ Андреевичъ былъ очень доволенъ нами". Студенты страшно боялись Гейма. Погодину, однако, удалось снискать себѣ особенное расположеніе этого профессора и онъ поручалъ ему списки и вообще оказывалъ къ нему любовь и довѣріе. Послѣ Гейма, славенъ былъ въ факультетѣ, своими великими познаніями, своею затворническою жизнію и своею важною неприступною наружностью, профессоръ Римской Словесности и Древностей, Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, родомъ малороссіянинъ. [32]). Еще будучи студентомъ, Тимковскій обратилъ на себя вниманіе незабвеннаго Михаила Никитича Муравьева, занимавшаго въ то время постъ попечителя Московскаго университета и Товарища Министра Народнаго Просвященія. Сохранилось слѣдующее письмо его къ студенту Тимковскому: „Государь мой! Отличные труды ваши и успѣхи въ руководствѣ

гг. студентовъ-пенсіонеровъ къ изученію Латинскаго языка, по свидѣтельству почтеннаго ректора вашего, Харитона Андреевича, заслуживаютъ съ моей стороны истинную признательность, которую съ удовольствіемъ чрезъ сіе вамъ изъявляю. Университетъ не приминетъ ободрить васъ въ поприщѣ учености воздаяніемъ трудолюбія вашего. Устремите всѣ ваши желанія къ достойному достиженію честей, предоставленныхъ ученому. Постарайтесь въ особенности часъ отъ часу болѣе успѣвать въ классической учености, въ изученіи духа и красотъ древнихъ. Сіе искренное знакомство съ ними разсыплетъ цвѣты на поприще ваше, усладитъ, облегчитъ самый упрямый и неблагодарный трудъ. Внушите въ слушателей вашихъ то же страстное удивленіе къ благородной простотѣ Корнелія и Теренція, къ величайшему изобилію Цицерона и Тита Ливія, къ счастливой дерзости Горація, къ неподражаемой избранности Виргилія. Пусть будетъ имъ учиться — наслажденіе: для васъ учить — необходимость. Ваши слушатели, нѣкогда, въ шумѣ и дѣятельности гражданской жизни, вспомнятъ, чѣмъ обязаны вамъ въ юности, и вы будете имѣть въ сердцѣ своемъ сознаніе, что и вы споспѣшествовали къ распространенію знаній и просвѣщенія. Я желаю университету, чтобъ онъ нашелъ въ васъ достойнаго соревнователя дѣлающихъ: Щеголевыхъ, Тимковскихъ, Яценковъ, Мерзляковыхъ, и не сомнѣваюсь, чтобы вы не поставили долгомъ своимъ принять примѣръ старшихъ, и предали оный послѣдующимъ. Посѣщайте прилежно библіотеку. „Vos exemplaria graeca nocturna versate manu, versate diurna *). Пишите много по-латыни, учитесь древности, обрядамъ, нравамъ, исторіи, преданіямъ древнихъ грамматиковъ, безъ которыхъ невозможно войти въ сокровенный смыслъ языка“.

По поводу этого письма, весьма справедливо замѣчаетъ Погодинъ: „Вотъ какой вѣрный взглядъ на Филологію извѣстенъ былъ въ старомъ Московскомъ Университетѣ, и потому несправедливо сказалъ одинъ молодой профессоръ, homo no-

*) То есть: *И днемъ и ночью изучайте, изучайте Греческіе образцы.*

vus, что Филологія водворилась у насъ въ недавнее время. Письмо Муравьева послужитъ блестящимъ доказательствомъ, какъ стары въ Университетѣ вѣрныя понятія о Филологіи“.

Вскорѣ, по порученію М. Н. Муравьева, Тимковскій издалъ Федра, съ своими примѣчаніями, которыя до сихъ поръ уважаются знатоками. Муравьевъ представилъ эту книгу Государю и исходатайствовалъ автору лестную награду. Вслѣдъ за Федромъ, Тимковскій написалъ классическое разсужденіе о *Диѳирамбахъ*, на которое ссылаются до сихъ поръ въ Германіи, родинѣ Филологіи. Въ 1806 году, Тимковскій посланъ былъ, по ходатайству Муравьева, за-границу, для усовершенствованія въ классической литературѣ, и сдѣлался любимѣйшимъ ученикомъ Геттингенскаго Гейне, князя Германской Филологіи, съ которымъ до кончины находился въ дружеской перепискѣ. Возвратясь въ отечество, Тимковскій опредѣлился профессоромъ Древней словесности въ университетѣ. Свои классическіе пріемы онъ примѣнялъ и къ изученію классическихъ памятниковъ Русскихъ древностей. Началъ печатать Нестора по Лаврентьевскому списку и напечаталъ, до Французовъ, 13 листовъ, составляющихъ нынѣ библіографическую рѣдкость. Въ Московскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ Тимковскій прочелъ и затѣмъ напечаталъ свое изслѣдованіе о Патирикѣ Печерскомъ. Потомъ напечаталъ Посланіе Луки Жидяты и, наконецъ, занялся изслѣдованіемъ *Слова о полку Игоревѣ*. Говорятъ, что въ этомъ таинственномъ памятникѣ ему оставались непонятными два-три слова. Послѣ Французовъ, онъ занемогъ и, по свидѣтельству современниковъ, „сдѣлался какимъ-то нелюдимымъ, къ которому приступа не было“. Никуда не ходилъ, кромѣ лекцій, и никого не видалъ, кромѣ студентовъ.

Объ отношеніяхъ Тимковскаго, сдѣлавшагося профессоромъ, къ его студентамъ, мы имѣемъ свидѣтельство его ученика Погодина. „Я разскажу“, пишетъ онъ „нѣсколько характеристичныхъ случаевъ, какъ современный свидѣтель, слушавшій лекціи Тимковскаго. Объяснивъ первую оду изъ

второй книги Горація, Тимковскій поручилъ написать журналъ студенту Кубареву, впослѣдствіи также профессору. Это порученіе показалось всѣмъ намъ знакомъ особеннаго благоволенія къ Кубареву, и онъ, не помня себя отъ радости, по дорогѣ домой изъ Университета, попалъ, вмѣсто Сухаревой башни, подлѣ которой жилъ, за Елоховъ мостъ, въ Преображенское, гдѣ уже вечеромъ опомнился. Другой случай. Слушая лекціи Древностей, студенты не выразумѣли порядочно устройство Римскаго плуга. Чтò дѣлать! А оставить лекцію Тимковскаго непонятою казалось невозможнымъ. Положено было на общемъ совѣтѣ просить Романа Өедоровича о повтореніи. Но кто же спроситъ? Я былъ посмѣлѣе другихъ, и товарищи поручили мнѣ идти къ Тимковскому, который жилъ тогда въ зданіи Университета, налѣво отъ воротъ, окнами на дворъ, тамъ, гдѣ послѣ жилъ Мерзляковъ. Цѣлый факультетъ провожалъ меня до дверей его квартиры: кто толковалъ, какъ войти; кто совѣтовалъ, какъ спрашивать, съ чего начать; кто крестилъ и благословлялъ. Ни живъ, ни мертвъ, не смотря на свою смѣлость, отворилъ я дверь, и сказался единственному его слугѣ, Артемію. Минуты черезъ три, показавшіяся мнѣ вѣчностью, Артемій, наконецъ, воротился отъ своего господина и пригласилъ меня войти къ нему. Надо прибавить, что Тимковскій, вслѣдствіе долговременной болѣзни, о чемъ уже сказано выше, былъ въ то время совершеннымъ нелюдимомъ, никуда не ходилъ и никого не принималъ, живя съ однѣми своими древностями.—Чтò вамъ угодно?—спросилъ онъ меня своимъ важнымъ тономъ.—Студенты,—отвѣчалъ я дрожащимъ голосомъ,—не поняли устройство Римскаго плуга и поручили мнѣ просить васъ, Романъ Өедоровичъ, объяснить ихъ недоразумѣніе.—Чего же вы не поняли,—сказалъ онъ, улыбаясь, (камень отвалился у меня съ груди), взялъ карандашъ и лоскутокъ бумаги, посадилъ меня подлѣ себя и началъ чертить.—Понимаете ли теперь?—спросилъ онъ, кончивъ объясненіе.—Понимаю,—отвѣчалъ я, вставая, поблагодарилъ, и вышелъ сіяющій и радостный. Товарищи ожидали меня въ корридорѣ,

и потащили въ аудиторію, которая помѣщалась за этою залою. — Ну, что? Но я ничего не могъ отвѣчать имъ, всего менѣе объяснить плугъ, а только шевелилъ губами и издавалъ какіе-то звуки, междометія,—и они махнули съ досадою рукою. Уже дня черезъ два возвратилось ко мнѣ сознаніе, и я объяснилъ, кажется, устройство Римскаго плуга. Сорокъ лѣтъ прошло послѣ этого случая, но я теперь еще вижу улыбку Тимковскаго и сѣрый лоскутокъ бумаги, на которомъ онъ чертилъ свой рисунокъ." [33]).

Эти разсказы Погодина служатъ яснымъ свидѣтельствомъ того значенія, какое, по праву, имѣлъ Тимковскій у студентовъ. Особеннымъ благоволеніемъ его пользовался товарищъ Погодина Кубаревъ. Профессоръ даже посѣтилъ однажды своего ученика въ его семействѣ, и Кубаревъ сдѣлалъ Погодину восторженное описаніе этого „необыкновеннаго посѣщенія". Къ чести Кубарева, слѣдуетъ сказать, что онъ до конца своей жизни съ благоговѣніемъ чтилъ память своего наставника, и, въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ между прочимъ, сообщаетъ: „Разговаривая со мной однажды о несчастіяхъ и горестяхъ, сопровождающихъ жизнь человѣческую, Романъ Өедоровичъ сказьлъ мнѣ: читайте Цицероновы бесѣды Тускуланскія, *онѣ много принесли мнѣ пользы и утѣшенія въ скорбяхъ моихъ*" [34]).

Всеобщую Исторію преподавалъ Никифоръ Евтроповичъ Черепановъ. „Это было, — по свидѣтельству Погодина, — добрѣйшее существо въ мірѣ. Израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣсть". Много лѣтъ спустя, Погодинъ, воспоминая объ этомъ почтенномъ человѣкѣ, съ чувствомъ замѣчалъ: „какъ вообразишь, припомнишь себѣ все это собраніе добрѣйшихъ и чистѣйшихъ людей въ Университетѣ, по-истинѣ удивишься изсякновенію любви". Черепановъ читалъ Исторію по Шренку, которую перевелъ и дополнилъ (Москва, 1814 — 1815 г.) описаніемъ Наполеонова нашествія на Россію. Великолѣпно было у него описаніе Московскаго пожара и Наполеонова бѣгства. Ему препоручено было преподавать и Русскую

Исторію, и онъ прочитывалъ по нѣскольку страницъ изъ Карамзина. Къ характеристикѣ Черепанова слѣдуетъ прибавить слѣдующее замѣчаніе о немъ Погодина: „Онъ былъ старикъ наивѣрноподданнѣйшій, человѣкъ Русскій, который вздрогнулъ бы во снѣ, еслибы ему не только приснилось сдѣлать, но даже подумать о какомъ-нибудь ослушаніи не только противъ правительства настоящаго, даже прошедшаго, противъ любезной ему Семирамиды, Вавилонской царицы, отъ чего лишился бы, проснувшись, аппетита на недѣлю". Несмотря на это, Черепановъ, подъ конецъ своей трудовой жизни, былъ исключенъ изъ числа цензоровъ и лишенъ права быть избраннымъ въ какую бы то ни было университетскую должность за то, что пропустилъ что-то. По этому поводу, въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующую замѣтку: „Хохотали надъ тѣмъ, что Черепановъ и Гавриловъ, одни изъ самыхъ боязливыхъ и преданныхъ престолу людей, пожалованы въ либералы" [35]). Такимъ же, наивѣрноподданнѣйшимъ старикомъ и вдобавокъ самымъ робкимъ и трусливымъ человѣкомъ, былъ Матвѣй Гавриловичъ Гавриловъ. Онъ преподавалъ Славянскій языкъ и Эстетику. По свидѣтельству его слушателя, Погодина, „Славянскій языкъ онъ превозносилъ только какъ матеріалъ для высокаго слога, не упоминалъ даже имени Кирилла и Меѳодія, и любимый примѣръ для доказательства было изреченіе: „юная дѣва трепещетъ, сравнительно — съ молодая дѣвка дрожитъ". Для переводовъ онъ давалъ студентамъ Псалмы. Гавриловъ превосходно зналъ Русскій языкъ и извѣстенъ былъ какъ издатель журнала, который порученъ былъ ему еще въ прошломъ столѣтіи кураторомъ Мелиссино, подъ названіемъ *Политическаго Журнала*, по образцу Гамбургскаго. Съ 1790 г., Гавриловъ издавалъ этотъ журналъ вмѣстѣ съ товарищами своими, Подшиваловымъ и Сохацкимъ, а потомъ одинъ въ продолженіе 38 лѣтъ. Съ 1809 года, онъ далъ этому журналу слѣдующее заглавіе: *Историческій, Статистическій и Географическій Журналъ, или Современная Исторія Свѣта.*

Каченовскій читалъ Теорію Изящныхъ Искусствъ и Архео-

логію. По свидѣтельству товарища Погодина, Зиновьева, „это были истинно профессорскія лекціи. Каченовскій объяснялъ идею красоты и ея историческое развитіе, знакомилъ своихъ слушателей съ монументальными произведеніями, иногда сопоставлялъ ихъ съ нѣкоторыми памятниками древняго Русскаго искуства; знакомилъ также съ различными школами живописи, ваянія и зодчества и при этомъ вносилъ элементъ философской критики, какъ, впослѣдствіи, внесъ критическій элементъ въ древнюю Русскую Исторію. Краткое извлеченіе изъ его чтеній объ Эстетикѣ было напечатано особенною книжкою однимъ изъ слушателей его, Войцеховичемъ. Какъ профессоръ, Каченовскій возбуждалъ въ своихъ слушателяхъ любовь къ наукѣ и поощрялъ ихъ къ сотрудничеству въ своемъ *Вѣстникѣ Европы*. „Позднѣйшій слушатель Каченовскаго, знаменитый нашъ писатель Иванъ Александровичъ Гончаровъ, свидѣтельствуетъ о немъ: „это былъ тонкій, аналитическій умъ, скептикъ въ вопросахъ науки и отчасти, кажется, во всемъ. При этомъ—строго справедливый и честный человѣкъ... Особенно обширны были его познанія въ Исторіи и во всемъ, что входитъ въ ея сферу—Археологіи и пр. Когда онъ касался спорнаго въ Исторіи вопроса, щеки его, обыкновенно блѣдныя, загорались алымъ румянцемъ и глаза блистали сквозь очки, а въ толосѣ слышался задоръ редактора *Вѣстника Европы*. Онъ мысленно видѣлъ передъ собою своихъ ученыхъ противниковъ и поражалъ ихъ стрѣлами своего неумолимаго анализа. И всю Исторію такъ читалъ, точно смотрѣлъ въ нее глубоко, какъ въ бездну, сквозь свои критическія очки". [36]).

Свѣтиломъ Словеснаго факультета былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Мерзляковъ. Будучи еще ученикомъ Пермскаго народнаго училища, Мерзляковъ написалъ оду *на заключеніе мира съ Шведами*. Директоръ училища, Иванъ Ивановичъ Панаевъ, представилъ эту оду начальнику того края генералъ-поручику и кавалеру Алексѣю Андреевичу Волкову. Екатерина, съ высоты своего престола, узнавъ объ этомъ опытѣ ученика народнаго училища, повелѣла привезти его на казенный счетъ

въ Москву и опредѣлить на казенное содержаніе. Кураторъ извѣстный Херасковъ принялъ его подъ свое покровительство, ободрилъ, и такимъ образомъ образовался знаменитый профессоръ Московскаго университета. Такъ началось благородное служеніе Мерзлякова музамъ и Русскому просвѣщенію. По свидѣтельству его признательнаго ученика Погодина, „всякое его слово съ каѳедры западало въ душу и навсегда въ ней оставалось". Слава его утвердилась около времени нашествія Французовъ. По отзыву его учениковъ, „слушать его было любо. Рѣчь его лилась потокомъ". Но всего занимательнѣе были его разборы Ломоносова, Державина, Озерова и, наконецъ, разборы студенческихъ сочиненій. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ отрывки нѣкоторыхъ сообщеній Мерзлякова о нашихъ писателяхъ. По его разсказу, Державинъ, увлекаемый размышленіемъ, просиживалъ иногда за полночь въ лѣсу, надъ рѣкой, слушая ея шумное теченіе, смотря на мѣсяцъ, на тѣнь деревьевъ, колеблемыхъ въ водахъ. Получая новую какую-нибудь мысль, выраженіе, прибѣгалъ домой, записывалъ ее, и почиталъ себя счастливѣйшимъ въ то время человѣкомъ въ мірѣ. О самомъ Мерзляковѣ Погодинъ замѣчаетъ: „Какую бы славу имѣлъ этотъ человѣкъ, какъ бы заслужилъ ее, какую бы пользу принесъ нашей Словесности, если бы умѣлъ жить въ свѣтѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ разсказываетъ о превосходномъ разборѣ, сдѣланномъ Мерзляковымъ, басни Дмитріева *Дубъ и Трость*. Что скрывается подъ стихомъ: „Но только Фебовы лучи пересѣкаю?", спрашивалъ Мерзляковъ, и отвѣчалъ: „Вельможи заслоняютъ такъ отъ государей нуждающихся подданныхъ". Окончивъ разборъ, Мерзляковъ сказалъ своимъ слушателямъ: „Такъ, господа, разбирайте; повѣрьте, я научу васъ разбирать благородно, такъ какъ должно". „Какая откровенность, — замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ,—добрый человѣкъ! Если бы ему 10,000 въ годъ, чтобы онъ сдѣлалъ! Такими-то разборами онъ и долженъ занимать насъ. Такъ только и долженъ учить, какой ни на есть словесности. А Риторика одна къ чему полезна..."

Въ бумагахъ М. П. Погодина сохранилась тетрадка, собственноручно имъ писанная, подъ заглавіемъ: *Разборъ оды И. И. Дмитріева на взятіе Варшавы*. Подъ этимъ заглавіемъ находится слѣдующая одобрительная замѣтка Мерзлякова: „Написано умно и со вкусомъ. А. Мерзляковъ". Эта тетрадка даетъ намъ возможность судить о духѣ и направленіи подобныхъ разборовъ, писанныхъ подъ вліяніемъ Мерзлякова, а потому мы считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ извлеченіемъ изъ нея. Разборъ Погодина начинается такъ: „И. И. Дмитріевъ, прославившійся наиболѣе прекрасными своими сказками, заслуживаетъ также признательность всѣхъ любителей отечественной словесности и за лирическія свои стихотворенія. Въ нихъ вездѣ видно истинное непритворное чувство, живость и богатство воображенія, изящный вкусъ, возвышенность мыслей, благородство выраженій, чистота языка,—словомъ, всѣ качества, отличающія *истинныхъ* поэтовъ. Притомъ сіи стихотворенія посвящены большею частью славѣ отечества, и потому имѣютъ еще бо̀льшую цѣну въ глазахъ нашихъ. Чувствуя слабость свою, я никогда не дерзнулъ бы самъ по себѣ изъяснить своихъ незрѣлыхъ мыслей о произведеніяхъ сего знаменитаго нашего стихотворца; но будучи одушевленъ ревностью и желаніемъ исполнить волю почтеннаго мужа, наставленіями котораго имѣю счастіе пользоваться, осмѣлился, по силамъ своимъ, разобрать одно изъ нихъ. Содержаніе оды *на взятіе Варшавы* есть слѣдующее: Поэтъ прославляетъ могущество Великой Екатерины, по мановенію которой разрушено Польское Королевство, и доблести воиновъ, исполнителей ея велѣній". Но несмотря на это вступленіе, разборъ написанъ очень строго, и не думаю, чтобы И. И. Дмитріевъ, прочитавши его, остался имъ доволенъ. Возьмемъ, для примѣра, слѣдующее:

Гдѣ буйны, гордые Титаны,
Смутившіе Астрея дни?
Стремглавъ низверженны, попранны
Въ прахъ, въ прахъ! Рекла—и гдѣ они?

На эти стихи критикъ-студентъ замѣчаетъ: „Слабыхъ Поляковъ никакъ невозможно уподобить буйнымъ, гордымъ Титанамъ, которые угрожали самому небу. Притомъ Поляки никогда не могли возмущать спокойствія Великой Екатерины, въ рукахъ коей, по собственному, счастливому выраженію стихотворца, находился жезлъ судьбы. Если же они дѣйствительно смущали ее, то какъ возможно согласить сіе смущеніе, происходящее отъ малочисленнаго народа, съ тѣмъ могуществомъ, которое послѣ такъ прекрасно описано поэтомъ? Слѣдовательно, стихи сіи не заключаютъ въ себѣ истины; притомъ послѣдній изъ нихъ нѣсколько тяжелъ и показываетъ какую-то принужденность.

Далѣе слѣдуетъ обращеніе къ Польшѣ:

Вопи, союзница *лукава*,
Отнынѣ ставшая рабой:
«Исчезла Собіесковъ слава! *)
Ходи съ поникшею главой;

Шатайся, рвись вкругъ селъ несчастныхъ,
Вкругъ древнихъ, гордыхъ, падшихъ стѣнъ,
Въ терзаньяхъ совѣсти ужасныхъ,
И вѣкъ оплакивай свой плѣнъ!

Стихи сіи рождаютъ какую-то непріятную мысль о мщеніи. Неужели для униженія Польши мало уничтоженія ея политическаго бытія? Неужели можно было желать, чтобъ она несла вѣчную казнь за нѣкоторые, притомъ простительные, порывы любви къ отечеству и народной гордости? На что напоминать несчастному о его преступленіи? На что отравлять еще большею горестію жизнь его, и такъ уже для него тягостную? Ему довольно собственнаго сознанія вины своей. Великодушная Екатерина, вѣрно, сама не желала сего; она, вѣрно, желала лучше, чтобъ Поляки, довольно наказанные, уврачевали свои бѣдствія подъ ея мудрымъ правленіемъ, забыли оныя, насладились, сколько возможно, счастіемъ, и благословили, на-

---

*) Противъ первыхъ трехъ стиховъ Погодинъ замѣчаетъ: «Слово *лукава* низко для оды; эти три стиха слишкомъ прозаично изложены».

конецъ, десницу, ихъ нѣкогда каравшую. Потомъ слѣдуетъ обращеніе къ Екатеринѣ:

А ты, гремѣвшая со трона,
Любимица самихъ боговъ,
Достойна гимновъ Аполлона!
Возри на цвѣтъ своихъ сыновъ.

Противъ этихъ стиховъ Погодинъ замѣчаетъ: 1-й стихъ неясенъ, 2-й неприличенъ, а 3-й очень обыкновененъ.

Далѣе:

Се вѣютъ шлемы ихъ пернаты,
Се ихъ бѣлѣютъ знамена!
Се ихъ покрыты пылью латы,
На коихъ кровь еще видна!

Стихи прекрасные! Но мнѣ не нравится послѣдняя черта. Неужели пріятно смотрѣть на кровь, напоминающую намъ о войнѣ, о семъ лютѣйшемъ бичѣ народовъ? На что вспоминать о ней въ мирное, счастливое время, когда все должно радоваться? Гораздо лучше, еслибы она была изглажена изъ мечей воиновъ и изъ оды поэта: она возбуждаетъ горестное чувство.

Возри: се идутъ въ ратномъ строѣ!
Всякъ истый въ сердцѣ Славянинъ!
Не Марса ль въ каждомъ зришь героѣ?
Не всякъ ли рока властелинъ?

Прекраснѣйшіе стихи, только они показываютъ, кажется, также, какъ и слѣдующіе за ними, что сія ода написана стихотворцемъ по случаю прохожденія войскъ церемоніальнымъ маршемъ мимо Государыни: иначе изъяснить ихъ невозможно. Притомъ стихотворецъ слишкомъ перешелъ въ нихъ за границы естественности, сравнивая каждаго воина съ Марсомъ, и говоря, что каждый изъ нихъ есть властелинъ рока. Эта власть, ниже, отнесена къ самой Екатеринѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ заключеніе, такое, какого уже ничто не можетъ быть лучше. Въ полной мѣрѣ изображаетъ оно

величіе Екатерины и могущество Россіянъ. Тутъ нельзя уже ничего ни убавить, ни прибавить. Предметъ не униженъ:

Речешь—и двигнется полсвѣта *)
Различный образъ и языкъ:
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ, Калмыкъ,

Башкирецъ съ мѣткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ,
Ударятъ съ шумомъ вслѣдъ за ними,
И прахъ поднимутъ до небесъ!

Твой Россъ весь міръ дрожать заставитъ,
Напомнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И тамъ столпы свои поставитъ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ.

Погодинъ, какъ бы желая смягчить свой строгій разборъ оды Дмитріева, заключилъ его такими словами:

„Орлы ниспускаются иногда долу, но за то какъ величественно бываетъ ихъ воспареніе въ предѣлы горніе“.

Во времена студенчества Погодина, Мерзляковъ уже началъ склоняться къ закату. Вниманіе къ нему слабѣло, а нужда житейская увеличивалась. Его отчасти поддерживали частные уроки молодымъ людямъ, которымъ нужно было держать, такъ называемый, комитетскій экзаменъ. Меценатомъ ему оставался знаменитый въ то время подрядчикъ Военнаго Министерства, Варгинъ, которому писалъ онъ разныя бумаги. Мерзляковъ обѣдалъ у него однажды въ недѣлю и, по замѣчанію Погодина, возвращался отъ него обыкновенно уже „взволнованнымъ“. Къ сожалѣнію, Мерзляковъ имѣлъ одинаковую слабость съ безсмертнымъ лирикомъ нашимъ Ломоносовымъ. Преподаваніе Мерзлякова въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ имѣло сильное вліяніе на развитіе множества молодыхъ людей дворянскихъ родовъ, тамъ учившихся.

„Можно и должно“, писалъ князь П. А. Вяземскій, „не порабощаться суевѣрно критическимъ взглядамъ и законамъ

*) Противъ этого стиха Погодинъ замѣчаетъ: «великая мысль!«

Мерзлякова; но все же нельзя не признать въ немъ критика образованнаго, который говоритъ не наобумъ. Въ голосѣ и мнѣніяхъ его отзывается изученіе образцовъ, съ которыми знакомился онъ въ самомъ источникѣ. Есть чему научиться отъ него, потому что и самъ онъ учился“ [37]).

Восточные языки преподавалъ Алексѣй Васильевичъ Болдыревъ. Въ 1806 году, по назначенію университетскаго начальства, онъ былъ отправленъ въ чужіе края для усовершенствованія въ этихъ языкахъ. Товарищемъ путешествія его былъ Р. Θ. Тимковскій. Но, по свидѣтельству Погодина, Болдыревъ не подходилъ уже къ типу старыхъ профессоровъ и составлялъ переходъ къ новому. Слушателей часто у него не было никого, и онъ не пріѣзжалъ въ Университетъ. Болдыревъ читалъ также Еврейскія Древности: Погодинъ запомнилъ его чтеніе о праздникѣ Кущей.

Нѣмецкую словесность преподавалъ Ульрихсъ. Это былъ высокій, худощавый, аккуратнѣйшій нѣмецъ, съ мѣрною походкою; типъ Нѣмецкаго школьнаго учителя. Онъ прекрасно изучилъ Русскій языкъ и заставлялъ своихъ студентовъ переводить на Нѣмецкій языкъ *Письма Русскаго Путешественника*, Карамзина. Преподавателемъ Французской словесности былъ Пельтъ, который заставлялъ учить Расиновы трагедіи. Съ особенною теплотою Погодинъ отзывался о лекторѣ Англійскаго языка Евенсѣ. Это былъ, по его словамъ, „ученѣйшій, образованнѣйшій, благороднѣйшій и любезнѣйшій человѣкъ“.

Адъюнктомъ у Мерзлякова былъ Петръ Васильевичъ Побѣдоносцевъ, извѣстный авторъ книги *Плоды Меланхоліи, питательные для чувствительнаго сердца*, въ которой читаемъ слѣдующія драгоцѣнныя строки: „Завидуя чести, сопровождающей завоевателей, и ослѣпляясь блескомъ, ихъ озаряющимъ, духъ, склонный къ кровопролитію, чувствуетъ, по примѣру ихъ, варварское удовольствіе смотрѣть сухимъ окомъ на раздробленныя части людей умирающихъ, на поля опустошенныя, на селенія разграбленныя, на города въ прахъ и пепелъ обращенные. Онъ печалится тогда, когда миръ возвѣщаетъ

землѣ отдохновеніе и тишину, когда убійственный мечъ падаетъ изъ рукъ звѣреобразнаго честолюбія, и когда всепожирающее пламя престаетъ свирѣпствовать. Онъ дышетъ одною злобою, однимъ мщеніемъ, однимъ неистовствомъ; въ сіи минуты едва ли кто узнать *человѣка* въ немъ можетъ" [38]). По отзыву Погодина, Петръ Васильевичъ былъ „добрѣйшій старикъ". Онъ читалъ Риторику, и главное вниманіе обращалъ на практическія занятія, на чистоту рѣчи и на строгое соблюденіе правилъ Грамматики. Послѣ 1813 года, подъ его руководствомъ воспитывались дѣти многихъ жившихъ въ Москвѣ вельможъ того времени [39]).

Извѣстный археологъ, Иванъ Михаиловичъ Снегиревъ fils былъ въ то время адъюнктомъ Тимковскаго. По отзыву Погодина, Латинистъ онъ былъ посредственный, но и тогда начиналъ уже отличаться разсказываніемъ анекдотовъ и передразниваніемъ, и по этому поводу Погодинъ сообщаетъ о немъ слѣдующій забавный анекдотъ: Однажды Сандуновъ обѣдалъ у попечителя Кутузова и, будучи короткимъ человѣкомъ въ домѣ, послѣ обѣда легъ отдохнуть. Проснувшись, онъ слышитъ, что въ сосѣдней комнатѣ читаетъ лекціи Снегиревъ pére. Какъ могъ онъ попасть, подумалъ Сандуновъ, и съ какой стати читать ему здѣсь лекціи. Встаетъ, отворяетъ дверь, и видитъ, что Снегиревъ fils сидитъ на стулѣ и, при общемъ хохотѣ дѣвицъ, читаетъ лекцію, подражая въ голосѣ и тѣлодвиженіяхъ своему отцу. „Ахъ ты шелопай этакій, что ты это вздумалъ дѣлать", сказалъ Сандуновъ Снегиреву, и, обращаясь къ слушательницамъ, произнесъ: „а вамъ, милостивыя государыни, какъ не стыдно ободрять подобныя шалости".

Вотъ личный составъ профессоровъ Филологическаго факультета, въ который вступилъ Погодинъ слушателемъ. О профессорахъ другихъ факультетовъ скажемъ въ слѣдующей главѣ.

X.

Московскій Университетъ того времени отличался тѣмъ, что каждый факультетъ имѣлъ своихъ знаменитостей, къ которымъ студенты относились съ полнымъ довѣріемъ, почтеніемъ и любовію. „У насъ", писалъ Погодинъ, „Мерзляковъ, у юристовъ—Сандуновъ, у медиковъ—Мудровъ". Сандуновъ былъ профессоромъ Практическаго судопроизводства. Это былъ, по свидѣтельству Погодина, низенькій, коренастый старичокъ съ отрывистою рѣчью, въ коей отчеканивалъ всякое слово. На лекціяхъ его разбирались и обсуждались дѣла, которыя бралъ онъ изъ Сената, гдѣ служилъ долго оберъ-секретаремъ. Лекціи исполнены были жизни и движенія. Способности возбуждались и развивались. Анекдотовъ изъ дѣлъ у Сандунова былъ запасъ неистощимый. Остроты сыпались безпрестанно. Русскія пословицы зналъ онъ всѣ и умѣлъ употреблять ихъ кстати. „Присоедините", писалъ Погодинъ, „доброе сердце подъ самою грубою корою",—и студенты любили его безъ памяти, сносили всѣ его шутки, часто грубыя, упреки язвительные. „Эхъ, батенька", говаривалъ Сандуновъ, „ты какой! Обычай-то у него бычій, а умъ-то телячій. На антресоляхъ то, батенька, у тебя видно маловато". Въ настоящее время подобныя отношенія немыслимы; но тогда этимъ никто не огорчался, никто на это не жаловался, не обижался, ибо всѣ знали, что это только слова, а въ нужныхъ случаяхъ прежде всѣхъ заступится за студента Сандуновъ. Спуска у него не было никому. Погодинъ съ большою похвалою отзывается о Сандуновѣ, какъ профессорѣ. Сандуновъ, писалъ онъ, „одинъ постоитъ цѣлаго Училища Правовѣдѣнія, и всякій годъ выходили изъ его школы дѣльцы, которые приносили ему честь". Римскаго права Сандуновъ терпѣть не могъ, а профессора Цвѣтаева называлъ въ минуту откровенности „Римскою попадьею" *). Но безпристрастіе

*) Въ моемъ собраніи портретовъ Русскихъ достопамятныхъ людей, имѣется акварельный портретъ Николая Ивановича Новикова, полученный

требуетъ не утаить слѣдующей записи Погодина въ его *Дневникѣ* подъ 15 декабря 1820 г. „Въ какомъ гибельномъ состояніи находится у насъ судопроизводство: даже уголовные суды производятся тайно; что хотятъ судьи, то и дѣлаютъ. То ли бы дѣло, еслибы принимались свидѣтели, кои бы могли сообщить вѣрныя свѣдѣнія о поведеніи подсудимыхъ (какъ суды присяжныхъ)“.

Не смотря на ѣдкій отзывъ почтеннаго Сандунова, Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ былъ вторымъ столбомъ Этико-политическаго факультета. Цвѣтаевъ былъ замѣчательный профессоръ Римскаго права. По свидѣтельству ученика его и преемника, Никиты Ивановича Крылова, Цвѣтаевъ „одаренъ былъ отъ природы самымъ вѣрнымъ юридическимъ тактомъ, слѣдовательно, аналитическій умъ его могъ находить полное удовлетвореніе въ изученіи Римскаго права — этого великаго творчества древняго аналитическаго ума. Онъ оставилъ послѣ себя цѣлое поколѣніе учениковъ, которые по его наставленіямъ съ честію служили и служатъ отечеству“ [40]). Шлецеръ, сынъ славнаго Августа Шлецера, преподавалъ Политическую экономію. Снегиревъ pѣre преподавалъ Естественное право. Погодинъ отзывается о немъ очень рѣзко. „Это была“, по его словамъ, „совершенная пошлость, которую кто-то въ газетахъ недавно возвеличилъ“.

Философію преподавалъ Андрей Михайловичъ Брянцовъ, „чуть ли не съ основанія Университета“. „Такой фигуры“, пишетъ Погодинъ, „нынѣ уже не встрѣтишь. Во фракѣ съ большими пуговицами, въ короткихъ штанахъ съ пряжками, въ сапогахъ съ отворотами, изъ-за которыхъ виднѣлись чулки.

мною отъ Ивана Петровича Хрущова. Портретъ этотъ нѣкогда принадлежалъ Сандунову, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая его собственноручная надпись, сдѣланная на оборотѣ портрета: „Николай Ивановичъ Новиковъ. Ему обязаны хорошими русскими книгами для литературы“. Потомъ портретъ этотъ поступилъ въ собраніе Леонида Алексѣевича Воейкова, о чемъ также свидѣтельствуетъ собственноручная надпись сего извѣстнаго собирателя, сдѣланная выше Сандуновской: „Подаренъ мнѣ сосѣдкою моею по деревнѣ, Софіею Николаевною Ивановой, дочерью профессора Сандунова. Надпись внизу писана рукою ея отца. Леонидъ Воейковъ“.

Его никто не понималъ, а можетъ быть, что нибудь и было въ его гіероглифахъ". Но, по признанію тѣхъ, которые хорошо знали почтеннаго профессора, Брянцовъ отличался умомъ свѣтлымъ и основательнымъ. Онъ не удовлетворялся господствовавшею тогда въ школахъ философіею Вольфа, но и не увлекся безотчетнымъ пристрастіемъ къ новымъ системамъ. Изъ новыхъ ученій принималъ и съ убѣжденіемъ передавалъ другимъ только то, въ чемъ видѣлъ благонадежное средство къ утвержденію себя и другихъ въ чистой истинѣ и доброй нравственности. Съ умомъ основательнымъ и здравомыслящимъ онъ соединялъ въ себѣ и твердость духа, почерпнутую изъ источника христіанскаго благочестія [41]). По праздникамъ, его всегда можно было видѣть съ другомъ его Страховымъ въ Успенскомъ Соборѣ, у лѣваго столба, слушающимъ литургію или всенощную, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ. Безукоризненная одинокая жизнь его украшалась благочестіемъ и добродѣтелью: онъ былъ не по имени, а и по дѣламъ философъ христіанскій. Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей Греціи и Рима, проникнутый Священнымъ Писаніемъ, онъ не оставлялъ изучать и философовъ Англіи, Германіи и Франціи, но изучалъ ихъ съ убѣжденіемъ Бакона, что поверхностное знаніе философіи ведетъ къ безбожію, а основательное утверждаетъ въ спасительной вѣрѣ [42]).

Оракуломъ Медицинскаго факультета былъ Мудровъ.

„Отвратительно было слышать", писалъ Погодинъ, „отъ молодыхъ учениковъ Иноземцова, что съ нимъ медицинская наука получила свое право гражданства. Отдавая полную справедливость трудамъ и заслугамъ Иноземцова, нельзя забывать, что и до него въ Московскомъ Университетѣ были Лодеръ, Рихтеръ, Мудровъ, Мухинъ, Гильдебрандтъ. Равно какъ и до Крюкова были Тиимовскій, Маттеи, Буле. „Эти господа", справедливо замѣчаетъ Погодинъ, „равно какъ и нынѣшніе литераторы, думаютъ, что все просвѣщеніе и образованность начинается ими и ихъ учителями".

Мудровъ пришелъ пѣшкомъ изъ Вологды, чтобы учиться

требуетъ не утаить слѣдующей записи Погодина въ его *Дневникѣ* подъ 15 декабря 1820 г. „Въ какомъ гибельномъ состояніи находится у насъ судопроизводство: даже уголовные суды производятся тайно; что хотятъ судьи, то и дѣлаютъ. То ли бы дѣло, еслибы принимались свидѣтели, кои бы могли сообщить вѣрныя свѣдѣнія о поведеніи подсудимыхъ (какъ суды присяжныхъ)“.

Не смотря на ѣдкій отзывъ почтеннаго Сандунова, Левъ Алексѣевичъ Цвѣтаевъ былъ вторымъ столбомъ Этико-политическаго факультета. Цвѣтаевъ былъ замѣчательный профессоръ Римскаго права. По свидѣтельству ученика его и преемника, Никиты Ивановича Крылова, Цвѣтаевъ „одаренъ былъ отъ природы самымъ вѣрнымъ юридическимъ тактомъ, слѣдовательно, аналитическій умъ его могъ находить полное удовлетвореніе въ изученіи Римскаго права — этого великаго творчества древняго аналитическаго ума. Онъ оставилъ послѣ себя цѣлое поколѣніе учениковъ, которые по его наставленіямъ съ честію служили и служатъ отечеству“ [40]). Шлецеръ, сынъ славнаго Августа Шлецера, преподавалъ Политическую экономію. Снегиревъ pѣге преподавалъ Естественное право. Погодинъ отзывается о немъ очень рѣзко. „Это была“, по его словамъ, „совершенная пошлость, которую кто-то въ газетахъ недавно возвеличилъ“.

Философію преподавалъ Андрей Михайловичъ Брянцовъ, „чуть ли не съ основанія Университета“. „Такой фигуры“, пишетъ Погодинъ, „нынѣ уже не встрѣтишь. Во фракѣ съ большими пуговицами, въ короткихъ штанахъ съ пряжками, въ сапогахъ съ отворотами, изъ-за которыхъ виднѣлись чулки.

мною отъ Ивана Петровича Хрущова. Портретъ этотъ нѣкогда принадлежалъ Сандунову, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая его собственноручная надпись, сдѣланная на оборотѣ портрета: „Николай Ивановичъ Новиковъ. Ему обязаны хорошими русскими книгами для литературы“. Потомъ портретъ этотъ поступилъ въ собраніе Леонида Алексѣевича Воейкова, о чемъ также свидѣтельствуетъ собственноручная надпись сего извѣстнаго собирателя, сдѣланная выше Сандуновской: „Подаренъ мнѣ сосѣдкою моею по деревнѣ, Софіею Николаевною Ивановой, дочерью профессора Сандунова. Надпись внизу писана рукою ея отца. Леонидъ Воейковъ“.

Его никто не понималъ, а можетъ быть, что нибудь и было въ его гіероглифахъ". Но, по признанію тѣхъ, которые хорошо знали почтеннаго профессора, Брянцовъ отличался умомъ свѣтлымъ и основательнымъ. Онъ не удовлетворялся господствовавшею тогда въ школахъ философіею Вольфа, но и не увлекся безотчетнымъ пристрастіемъ къ новымъ системамъ. Изъ новыхъ ученій принималъ и съ убѣжденіемъ передавалъ другимъ только то, въ чемъ видѣлъ благонадежное средство къ утвержденію себя и другихъ въ чистой истинѣ и доброй нравственности. Съ умомъ основательнымъ и здравомыслящимъ онъ соединялъ въ себѣ и твердость духа, почерпнутую изъ источника христіанскаго благочестія [41]). По праздникамъ, его всегда можно было видѣть съ другомъ его Страховымъ въ Успенскомъ Соборѣ, у лѣваго столба, слушающимъ литургію или всенощную, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ. Безукоризненная одинокая жизнь его украшалась благочестіемъ и добродѣтелью: онъ былъ не по имени, а и по дѣламъ философъ христіанскій. Напитанный чтеніемъ классическихъ писателей Греціи и Рима, проникнутый Священнымъ Писаніемъ, онъ не оставлялъ изучать и философовъ Англіи, Германіи и Франціи, но изучалъ ихъ съ убѣжденіемъ Бакона, что поверхностное знаніе философіи ведетъ къ безбожію, а основательное утверждаетъ въ спасительной вѣрѣ [42]).

Оракуломъ Медицинскаго факультета былъ Мудровъ.

„Отвратительно было слышать", писалъ Погодинъ, „отъ молодыхъ учениковъ Иноземцова, что съ нимъ медицинская наука получила свое право гражданства. Отдавая полную справедливость трудамъ и заслугамъ Иноземцова, нельзя забывать, что и до него въ Московскомъ Университетѣ были Лодеръ, Рихтеръ, Мудровъ, Мухинъ, Гильдебрандтъ. Равно какъ и до Крюкова были Тимковскій, Маттеи, Буле. „Эти господа", справедливо замѣчаетъ Погодинъ, „равно какъ и нынѣшніе литераторы, думаютъ, что все просвѣщеніе и образованность начинается ими и ихъ учителями".

Мудровъ пришелъ пѣшкомъ изъ Вологды, чтобы учиться

въ Университетѣ. Студенты имѣли къ нему неограниченную довѣренность, и всякое его слово было свято. Студентовъ любилъ онъ, какъ отецъ, и помогалъ имъ всѣми средствами. Иппократъ не сходилъ у него съ языка. Онъ оставилъ много учениковъ, которые пользовались въ Москвѣ хорошею славою. Женатъ онъ былъ на дочери Харитона Андреевича Чеботарева, котораго имя гремѣло еще въ Университетѣ и во дни студенчества Погодина. Мудровъ былъ посланъ съ Закревскимъ на встрѣчу первой холеры, возвратился въ Москву благополучно, но долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ и умеръ отъ холеры.

Второю знаменитостью Медицинскаго факультета былъ Мухинъ, начавшій свое медицинское поприще скромною должностью фельдшера въ Очаковѣ, при Потемкинѣ. Медицинскую практику онъ дѣлилъ съ Мудровымъ, мастеръ былъ говорить по русски и поддерживалъ Русскихъ противъ Нѣмцевъ. Мухину Россія обязана Пироговымъ.

Наконецъ, должно произнесть славу или воздать хвалу Лодеру, другу и товарищу Гете. „Одинъ такой профессоръ", говорилъ Погодинъ, „замѣняетъ цѣлый факультетъ". Это былъ старичокъ низенькаго роста, но бодрый, проворный. съ звонкимъ голосомъ, который раздавался на всю аудиторію". Погодинъ иногда заходилъ на его лекціи Анатоміи и удивлялся ясности и отчетливости его изложенія на Латинскомъ языкѣ, исполненнаго глубокаго благоговѣнія къ силамъ природы. Когда Лодеръ получилъ звѣзду, то, по свидѣтельству Пирогова, Мудровъ повелъ своихъ слушателей, а въ томъ числѣ и Пирогова, поздравлять его. Ставъ предъ Лодеромъ, Мудровъ вынимаетъ изъ кармана листокъ и читаетъ гласомъ проповѣдника: *Красуйся свѣтлостію звѣзды твоея, но подожди еще быть звѣздою на небесѣхъ* и пр." [43]). Направленіе Лодера, между прочимъ, выразилось въ надписи, по его мысли сдѣланной на одной изъ стѣнъ анатомической залы Московскаго Университета: *Руцѣ твои сотвористѣ мя, и создастѣ мя, вразуми мя, и научуся заповѣдемъ твоимъ.* „Сія священная

надпись", вспоминалъ Пироговъ, „слилась у меня какъ бы въ одно цѣлое съ начатками моихъ научныхъ свѣдѣній въ Москвѣ. Мистическое и мистицизмъ никто не искоренитъ изъ глубины человѣческаго духа" [44]).

По отзыву современниковъ, второе десятилѣтіе текущаго столѣтія было „патріархальною эпохою" Московскаго Университета, и отношенія между студентами и профессорами не ограничивались никакими официальными предписаніями. Наставники любили своихъ слушателей, старались быть имъ полезными и добросовѣстно передать имъ свои знанія,—студенты уважали своихъ наставниковъ, и не мудрствуя лукаво, сроднялись съ ихъ характерами и привычками. Въ подтвержденіе этого, мы можемъ привести свидѣтельство Пирогова. „Студенческая жизнь въ Московскомъ Университетѣ", повѣствуетъ онъ, „до кончины императора Александра I, была привольная. Мы не видывали попечителя — князя Оболенскаго, да и съ ректоромъ—Антонскимъ—встрѣчались вступающіе въ Университетъ кутилы и забіяки. Не смотря на это, я непомню ничего особенно не приличнаго. Скорѣе выдавались и поражала насъ наружность у профессоровъ, такъ какъ одни изъ нихъ, въ своихъ каретахъ четверкою, съ ливрейными лакеями на запяткахъ, какъ Мудровъ, Лодеръ и Мухинъ, казались намъ важными сановниками, а другіе, инфантеристы или ѣздившіе на ванькахъ, во фризовыхъ шинеляхъ—имѣли видъ преслѣдуемыхъ судьбою паріевъ" [45]).

XI.

Въ 1819 году было готово зданіе Университета, и 4-го іюля того года, Мерзляковъ вдохновенными стихами воспѣлъ наружное обновленіе сего храма наукъ [46]). Въ верхнемъ жильѣ помѣстились казенные студенты, съ отдѣленіемъ для кандидатовъ и комнатою для студентовъ своекоштныхъ недостаточныхъ. Въ нижнемъ—получили квартиры профессора: Геймъ,

Мерзляковъ, Тимковскій, Черепановъ, Гавриловъ, Брянцовъ, Чумаковъ, Котельницкій. Тамъ же были залы для Правленія. Въ среднемъ жильѣ - актовая зала, библіотека и музей, въ крыльяхъ — аудиторіи. Въ нынѣшнемъ ректорскомъ домѣ жили Двигубскій и Сандуновъ. Ходить Погодину съ Лубянки на Моховую по два раза въ день было очень непріятно. Въ то время мѣсто нынѣшней Театральной площади, съ протяженіемъ къ Лубянкѣ и Охотному ряду, состояло отчасти изо рва, который засыпался всякою дрянью и представлялъ даже опасность въ темную пору. Погодинъ рѣшился попросить у инспектора Сандунова, позволенія переѣхать въ казенные нумера. „Хорошо“, сказалъ старикъ, „приходи ко мнѣ тогда-то и мы посмотримъ вмѣстѣ, гдѣ можно тебѣ помѣститься“. Въ назначенный день они отправились. Большая комната, извѣстная подъ 14-мъ нумеромъ, предназначалась для недостаточныхъ студентовъ. Когда они вошли, студентовъ не было почти никого. Сандуновъ подошелъ къ одной кровати. Шерстяное, дырявое, грязное одѣяло покрывало постель. Палкою приподнялъ онъ одѣяло, открылись голыя доски. Старикъ обратился къ Погодину и сказалъ: „*Намъ вотъ какихъ надо*. Ты такой ли?“. „Я не такъ бѣденъ,“ отвѣчалъ Погодинъ. Этотъ случай произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и вотъ что̀, вспоминая объ этомъ, писалъ онъ впослѣдствіи: „*Намъ вотъ какихъ надо*. Святыя слова. Вотъ былъ какой духъ въ университетскомъ начальствѣ того времени. Не знаю, какія гуманныя теоріи и учтивыя фразы могутъ быть сравнены съ этими простыми словами“ [47]). Но нашъ студентъ не долго пожилъ въ казенныхъ нумерахъ. Избѣгая большаго общества жившихъ въ одномъ номерѣ товарищей, онъ переселился на Лубянку, къ своимъ родителямъ. По свидѣтельству товарищей, около Погодина скоро образовался кружокъ дѣловыхъ студентовъ, профессора обратили на него вниманіе. онъ аккуратно посѣщалъ лекціи, составлялъ записки, которыя сообщалъ своимъ товарищамъ. Финансовыя его средства были очень ограничены и онъ вынужденъ былъ поль-

зоваться нѣкоторымъ гонораріемъ за списываніе съ его тетрадей [48]). Самъ Погодинъ свидѣтельствуетъ: „Я не пропустилъ, кажется, ни одной лекціи ни у какого профессора. Помню я, что однажды Кубаревъ, съ которымъ я особенно сблизился, звалъ меня обѣдать къ себѣ, чтобы послѣ прогуляться въ Марьину рощу. Мнѣ самому хотѣлось исполнить его желаніе, но въ 2 часа должно было идти на лекцію къ Черепанову, и я отказался“.

Изъ всѣхъ товарищей Погодина, почтенный Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ имѣлъ на него самое сильное и благодѣтельное вліяніе. Кубаревъ былъ страстный любитель и знатокъ Латинской словесности. Благосклонность Тимковскаго ободрила его. У него была прекрасная библіотека Римскихъ классиковъ. Онъ благоговѣлъ предъ Грановіемъ, Гревіемъ, Рунненіемъ, Эрнести, Гейне. Всѣ примѣчательныя изданія онъ пріобрѣталъ немедленно. Отецъ его священствовалъ у Троицы на Листахъ, близъ Сухаревой башни. Мать любила его безъ памяти и ни въ чемъ не отказывала. „Съ какимъ удовольствіемъ проводилъ я время“, вспоминалъ Погодинъ, „у Кубарева на чердачкѣ, въ которомъ третій гость производилъ уже тѣсноту. Какъ восхищался онъ возстановленіемъ того или другого мѣста Грановіемъ въ Титѣ Ливіи, или какимъ нибудь замѣчаніемъ Эрнести къ письмамъ Цицерона“. Съ какимъ благоговѣніемъ вспоминали они о трудолюбіи Грановіевъ, Дракенбургіевъ, Фабриціевъ и другихъ подвижниковъ науки. „Шутка-ли издать по десятку фоліантовъ? Сколько надобно перечитать, сколько переписать, передумать? Какъ жизни ихъ доставало на такіе огромные труды? Что получали они за кровяной потъ, или кровавый? Едва на насущный хлѣбъ. И я думаю“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „что они объ этомъ и не заботились. Они находили всѣ свои наслажденія въ самыхъ трудахъ и при жизни увидѣть себя названными у подобныхъ же чудаковъ *principes. summus. celeberrimus*“. Будучи подъ вліяніемъ лекцій Тимковскаго, молодые друзья нерѣдко мыслію переносились въ древній Римъ. „*Если-бы*“,

замѣчаетъ Погодинъ, „можно было перенестись въ Римскій Сенатъ и послушать, какъ Катонъ, Цезарь, Цицеронъ говорили въ немъ, одинъ послѣ другого, свои рѣчи и разсужденія о дѣлахъ вселенной". Они воображали, какъ угрюмый Катонъ, слушая веселыя насмѣшки надъ собою Цицерона, въ рѣчи за Мурену сказалъ: „Boni dei, quam ridiculum habemus consulum..." [49]).

„Мы читали и судили съ Кубаревымъ", писалъ Погодинъ, „обо всѣхъ примѣчательныхъ явленіяхъ науки и литературы. Помню, какъ вышла *Исторія философскихъ системъ*, Галича, и какъ мы перечитывали его тяжеловѣсные и своеобразные періоды". Кубаревъ же указалъ Погодину на *Начертаніе Всеобщей Исторіи*, Шлецера, переведенное въ Духовной академіи. „Достойное это сочиненіе", замѣчаетъ Погодинъ, „было у насъ совершенно неизвѣстно, между тѣмъ какъ Шлецеръ здѣсь, прежде Гердера, производилъ чаяніе того идеала Исторіи, который, впрочемъ, до сихъ поръ остается идеаломъ, не смотря на хорошую обработку частныхъ вопросовъ. Его меткія выраженія, его ясныя сравненія и сближенія, мысли, летавшія молніею по всему міру Исторіи, производили великое дѣйствіе на молодого, неопытнаго читателя". Письма Миллера къ Бонстетену, переведенныя Жуковскимъ, были также съ увлеченіемъ читаемы нашимъ студентомъ. Но главное утѣшеніе доставляла Погодину *Исторія Государства Россійскаго*. Страницы о злодѣяніяхъ Іоанновыхъ приводили его въ трепетъ. *Все это прекрасно*, сказалъ ему однажды Кубаревъ, *но почитай-ка Шлецера*, и далъ ему первый томъ *Нестора*, переведенный Языковымъ. Погодинъ прочелъ и перечелъ его нѣсколько разъ и „очутился въ новомъ мірѣ и уразумѣлъ, что̀ такое критика". Во второмъ томѣ *Нестора*, его поразили слова Шлецера, которыми онъ оканчиваетъ главу о святыхъ Кириллѣ и Меѳодіѣ: „Знатоки", писалъ Шлецеръ, „отдадутъ мнѣ справедливость, что я эту X главу моего *Нестора* отдѣлалъ съ отмѣннымъ стараніемъ, да и не стоила ли она того? Содержаніе ея отмѣнно любопытно: жизнь и дѣянія Кирилла и Меѳодія; исторія великаго и до сихъ поръ

бывшаго еще слишкомъ мало извѣстнымъ Святополка; крещеніе Славянъ въ Моравіи и Панноніи, введенное Греками съ такимъ отличнымъ благоразуміемъ, какого не найдешь во всей древней Римской Исторіи, обращенія язычниковъ; изобрѣтеніе Славянскія грамоты, переводъ всея Библіи на сей языкъ, и пр. и пр... Пусть какій нибудь молодый человѣкъ потрудится года съ два и напишетъ листовъ пятьдесятъ объясненія на ету X главу. Пусть онъ присоединитъ къ етому: I) исторію образованія Славянскаго языка во всѣхъ его многочисленныхъ нарѣчіяхъ, въ чемъ неоспоримо Руссы успѣли болѣе всѣхъ: сколь много новаго и важнаго для всѣя Европейскія письменности можетъ онъ помѣстить тутъ. Да послужитъ ему въ етомъ образцемъ, Іосифа Добровскаго, Geschichte der Bömischen Sprache und Litteratur. Пусть II) опишетъ онъ участь Славено-Греческія службы Божія, какъ она введена была во многія Европейскія земли, во многихъ продолжалась долго и со славою, но изъ большей части мало по малу истреблена гибельными происками, даже насиліемъ Римскаго духовенства, или даже еще теперь угнетается невѣроятнымъ образомъ или, по меньшей мѣрѣ, презирается. У насъ уже есть объ этомъ много сочиненій; но большая изъ нихъ часть писана противною стороною и съ безстыднымъ пристрастіемъ: сразиться съ послѣднимъ какое славное дѣло для Русскаго, любящаго свою церковь и языкъ" [50]). Эти строки произвели на Погодина глубокое впечатлѣніе и имѣли на него рѣшающее дѣйствіе. Съ того времени, Шлецеръ овладѣлъ имъ, и онъ погрузился въ его изслѣдованія, которыя сдѣлались для него занимательнѣе всѣхъ романовъ. И Погодину было очень горько услышать отъ своего „почтеннѣйшаго благодѣтеля", И. А. Гейма, что Шлецеръ, при своей необъятной учености, „имѣлъ очень дурную нравственность". Кромѣ того, И. А. Геймъ сообщилъ Погодину слѣдующія прозаическія подробности о великомъ Шлецерѣ. Что онъ, приходя на лекцію и уходя съ оной, не смотрѣлъ ни на кого и держалъ предметы, подлежащіе разсмотрѣнію, такъ близко къ глазамъ, что дотроги-

вался до носа, и что онъ ужасно много курилъ табаку. „Мнѣ досадно было", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „что я узналъ это: я такъ любилъ его [51]). Уже будучи старикомъ онъ писалъ: „Во время нынѣшнихъ толковъ безъ толку и безъ знанія о *Славянофилахъ*, мнѣ хотѣлось добраться, съ котораго времени начинается моя приверженность къ Славянамъ, и я дошелъ до убѣжденія, что она начинается именно съ той минуты когда я впервые прочелъ вышеприведенныя строки Шлецера" [52]). „И дѣйствительно, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ *6 февраля 1821 года*, мы находимъ слѣдующую запись: „Говорилъ съ Кубаревымъ о соединеніи всѣхъ Славянскихъ племенъ въ одно цѣлое, въ одно государство. Родись другой Петръ, — онъ найдетъ другого Суворова, и конченъ балъ. Съ 500,000 онъ кончилъ бы дѣло. Главное дѣло — отнять у Австрійцевъ. Сербію ничего не стоитъ завоевать. За остальную часть Польши у Пруссаковъ можно отдать Остзейскія губерніи. На что намъ этихъ нѣмчурокъ. Должно отдѣлить себя отъ всѣхъ, чтобъ ни одинъ иноплеменникъ не смѣлъ говорить, что онъ гражданинъ Русскій. Какой бы былъ праздникъ".

XII.

Лѣто 1819 года составляетъ важную эпоху въ жизни Погодина, въ смыслѣ его развитія и расширенія кругозора.

Въ Москвѣ, въ своемъ старинномъ домѣ, на Покровкѣ процвѣтало семейство князей Трубецкихъ. Глава семейства, внукъ боярина, князя Юрія Юріевича, князь Иванъ Дмитріевичъ, былъ женатъ на Екатеринѣ Александровнѣ Мансуровой. Къ сожалѣнію, намъ не удалось добыть никакихъ біографическихъ свѣдѣній объ этомъ лицѣ. Даже въ недавно изданномъ сочиненіи княгини Е. Э. Трубецкой *о родѣ Трубецкихъ* всѣ свѣдѣнія о князѣ Иванѣ Дмитріевичѣ ограничиваются только тѣмъ, что онъ скончался въ 1827 году,

что намъ было уже извѣстно изъ *Россійской Родословной Книги* князя Долгорукова [53]). О супругѣ его, княгинѣ Екатеринѣ Александровнѣ, мы знаемъ, что она отличалась красотою, твердостью характера и благочестіемъ.

Для преподаванія уроковъ ихъ дѣтямъ потребовался студентъ Университета, и этотъ жребій палъ на Погодина. Лекторъ Университета, Иванъ Александровичъ Пельтъ, женатый на дѣвушкѣ, воспитанной въ домѣ Трубецкихъ, предложилъ уроки въ этомъ домѣ студенту Николаю Зиновьевичу Бычкову, товарищу Погодина; но обстоятельства помѣшали Бычкову воспользоваться этимъ предложеніемъ и онъ указалъ на Погодина. Пельтъ, расположенный къ нашему студенту за исправное посѣщеніе его лекцій, охотно согласился и далъ Погодину рекомендательное письмо къ Трубецкимъ. Съ этимъ письмомъ онъ отправился на Покровку. Его приняла, по порученію матери, старшая дочь Трубецкихъ, княжна Аграфена Ивановна *). Они условились, и ему опредѣлено было платы по сту рублей въ мѣсяцъ.

Вспоминая объ этомъ первомъ посѣщеніи дома Трубецкихъ, Погодинъ отмѣчаетъ, что онъ „никакъ не хотѣлъ сѣсть передъ Княжною", и тутъ же съ признательностью заявляетъ, что эта прекрасная особа принесла ему много добра и имѣла большое вліяніе на всю его жизнь. Погодину почему то представилось, что въ этотъ самый день прибылъ въ Москву и вновь назначенный архіепископъ Филаретъ, котораго онъ будто видѣлъ по дорогѣ къ Трубецкимъ [54]). Между тѣмъ, приснопамятный святитель нашъ вступилъ на Московскую каѳедру 14 августа 1821 года [55]).

Каждое лѣто семейство Трубецкихъ проводило въ своей Подмосковной, въ селѣ Знаменскомъ, **) лежащемъ въ 15-ти верстахъ отъ Серпуховской заставы, въ близкомъ сосѣдствѣ

---

*) Княжна впослѣдствіи вышла замужъ за своего двоюроднаго брата, Александра Павловича Мансурова.

**) Въ настоящее время село это принадлежитъ Софіи Петровнѣ Катковой.

съ историческимъ селомъ князя Вяземскаго, Остафьевымъ, въ которомъ каждое лѣто (до 1816 года) живалъ Карамзинъ и писалъ тамъ свою *Исторію Государства Россійскаго*. Въ іюнѣ 1819 года, въ Знаменское впервые отправился студентъ Погодинъ, для исполненія обязанностей учителя. Трубецкіе прислали за нимъ экипажъ, и онъ „съ полнымъ удовольствіемъ“ пустился въ недалекій путь: черезъ Котлы, Нижніе и Верхніе, Чертаново, Покровскіе выселки, Новыя Битцы, Троицкое, Черемушки, Шаболово и Волконку. Съ того времени, дорога эта сдѣлалась для него любезною: „Дорогое, незабвенное Знаменское“, писалъ онъ уже въ старости, „гдѣ провелъ я лѣтъ девять пріятнѣйшихъ въ моей жизни“.

Учениками его были младшій сынъ Трубецкихъ, князь Николай Ивановичъ, *) и сестра его, княжна Александра Ивановна **). Объ этой своей ученицѣ Погодинъ всегда вспоминалъ съ особеннымъ чувствомъ: „Моя весна, моя поэзія, героиня моихъ повѣстей“, писалъ онъ о ней, уже будучи въ глубокой старости.

Молодое поколѣніе обитателей Знаменскаго приняло юнаго педагога очень дружелюбно и онъ тотчасъ же попалъ въ Знаменское общество, членами котораго были: княжна Аграфена Ивановна, уже намъ знакомая, княжна Софія Ивановна, ***) княгиня Голицына ****) и, какъ сознается самъ Погодинъ,

---

*) Впослѣдствіи былъ женатъ на графинѣ Аннѣ Андреевнѣ Гудовичъ и отъ этого брака имѣлъ дочь, вышедшую замужъ за князя Николая Алексѣевича Орлова. Князь Н. И. Трубецкой скончался въ 1874 году.

**) Вышла потомъ замужъ за князя Николая Ивановича Мещерскаго и имѣла дочь, княжну Екатерину Николаевну, бывшую въ замужествѣ за посланникомъ нашимъ въ Берлинѣ, Павломъ Петровичемъ Убри, и сына, князя Эммануила Николаевича, женатаго на княжнѣ Маріи Михайловнѣ Долгоруковой. Княгиня Александра Ивановна. † 1873 г.

***) Род. 1800, † 1852 г. Вышла за Александра Всеволодовича Всеволожскаго; мать нынѣшняго директора Императорскихъ театровъ, Ивана Александровича Всеволожскаго.

****) Александра Николаевна, была въ первомъ бракѣ за княземъ Григоріемъ Яковлевичемъ Голицынымъ, а во второмъ за Никитою Ѳедоровичемъ Левашовымъ.

„первый предметъ его обожанія“, двѣ сестры Измайловы, *) Настасія Павловна Новосильцова, **) американецъ Сеймондъ, надзиравшій за воспитаніемъ младшихъ, дѣтей, и музыкантъ Геништа.

Между тѣмъ, приближался день рожденія княжны Софіи Ивановны; а этотъ день праздновался въ Знаменскомъ съ особенною торжественностію. У Погодина явилось желаніе посвятить ей какое нибудь „сочиненьице“. Съ этою цѣлію, онъ написалъ къ Кубареву, чтобы тотъ прислалъ ему мелкія сочиненія Юма, гдѣ, вспомнилось ему, есть разсужденіе о любви. Кубаревъ прислалъ желаемое; но разсужденіе Юма оказалось неподходящимъ, и Погодинъ рѣшился сочинить свое: *О нравственныхъ качествахъ прекраснаго пола.* Началъ онъ, по наставленію почтеннаго Петра Васильевича Побѣдоносцева, „*отъ противнаго*“, такимъ образомъ: „Женщинамъ не дано того... на полѣ брани... въ палатѣ суда, на народной площади... на ораторской трибунѣ“, словомъ, не дано всего того, что нынѣ ими такъ настоятельно требуется, „за то онѣ получили вотъ что...“ т. е. то, что именно теперь ими отвергается, какъ обыкновенное, пошлое, недостаточное. Наконецъ, наступилъ торжественный день рожденія. Все семейство было у обѣдни и по окончаніи службы возвратилось въ залу, гдѣ встрѣтили новорожденную звуки домашней музыки. Въ продолженіе симфоніи, нашъ студентъ подалъ свою тетрадку, „перевязанную цвѣтною ленточкою“. Въ этотъ день пріѣхалъ въ Знаменское самъ Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ, нѣкогда поклонникъ старой Княгини. У Погодина забилось сердце. „Ну“, подумалъ онъ, если покажутъ ему мое разсужденіе, и какъ

*) Аграфена Прокофьевна, впослѣдствіи Салькова. Сыновья ея Павелъ и Александръ Николаевичи питомцы Императорскаго Училища Правовѣденія. Александръ Николаевичъ Сальковъ нынѣ сенаторъ Кассаціоннаго Гражданскаго Департамента. Любовь Прокофьевна, впослѣдствіи Мосолова. Сынъ ея, Иванъ Михайловичъ, нынѣшній владѣлецъ сельца Измайловки, Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

**) Настасія Павловна, рожденная Мансурова, супруга Петра Петровича Новосильцова; сынъ ихъ, Иванъ Петровичъ, нынѣ Шталмейстеръ Высочайшаго Двора.

оно покажется ему?". Этого, однако, не случилось; но Дмитріеву было сказано, что Русскій учитель поднесъ Княжнѣ свое сочиненіе, и „величественный старецъ", замѣчаетъ Погодинъ, „своимъ торжественнымъ голосомъ благоволилъ обратить ко мнѣ слово ободренія". Въ Знаменскомъ же Погодинъ впервые увидѣлъ и князя Петра Андреевича Вяземскаго, который былъ сосѣдомъ Трубецкихъ по своему Остафьеву.

По обычаю того времени, въ Знаменскомъ господствовалъ Французскій языкъ, и Погодинъ былъ такъ независимо поставленъ въ семействѣ Трубецкихъ, что безнаказанно „вопіялъ" противъ обычнаго употребленія этого языка. Но, по сознанію самого же Погодина, „изъ Французскаго языка онъ сдѣлалъ тотчасъ полезное приложеніе". Хотя для Погодина музыка была „незнакомый языкъ", но тѣмъ не менѣе онъ очень подружился съ музыкантомъ Осипомъ Осиповичемъ Геништою, съ которымъ въ Знаменскомъ помѣщался въ одной комнатѣ; а у Гениšты было полное собраніе сочиненій Руссо. Погодинъ принялся читать его и пристрастился къ нему. Чувствительность, возбужденная первоначально *Марьиной рощей* Жуковскаго, потомъ романами Дюкре Дюмениля, наконецъ, повѣстями Карамзина, получила здѣсь дальнѣйшее развитіе, и *Confessions* „усладили многіе его часы". При одномъ сочиненіи Руссо приложена была картинка, изображающая его согбеннымъ старикомъ, съ посохомъ въ одной рукѣ и съ пучкомъ растеній въ другой. Эта картинка такъ понравилась Погодину, что онъ упросилъ Гениšту вырвать этотъ рисунокъ изъ книжки и подарить ему. Картинка эта постоянно висѣла въ кабинетѣ Погодина, между портретами людей, имѣвшихъ вліяніе на его умственное и нравственное развитіе. Въ Знаменскомъ бывали и Французскіе спектакли, на которыхъ нашъ студентъ исполнялъ обязанность суфлера. Первая оперетка, которая здѣсь разыгрывалась въ его присутствіи, была *Billet de Lotterie*. Княжна Аграфена Ивановна, большая музыкантша, играла Французскую актрису, пріѣхавшую въ Лондонъ давать концертъ. Александръ Всеволодовичъ

Всеволожскій, женихъ княжны Софіи Ивановны, игралъ обожателя Французской актрисы, пріѣхавшаго за нею въ Лондонъ. Онъ стучится въ дверь и поетъ: „Ouvrez moi je vous en prie“. Потомъ проситъ ее пропѣть что-нибудь. Она отказывается.

Non, non, je ne veux pas chanter,
Vous pouvez bien m'écouter,
Mais je ne veux pas chanter.

Этотъ стихъ врѣзался на всю жизнь въ памяти Погодина, и онъ черезъ сорокъ почти лѣтъ поставилъ его эпиграфомъ къ своему Политическому Обозрѣнію 1857 года, за которое пострадалъ *Парусъ* И. С. Аксакова.

Въ заключеніе, должно замѣтить, что пребываніе въ семействѣ Трубецкихъ, въ продолженіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ, познакомило Погодина съ тономъ высшаго общества, и это ознакомленіе, по справедливому замѣчанію его же, „принадлежитъ также къ воспитанію молодаго человѣка“. Погодинъ „съ горькими слезами“, по окончаніи вакацій, оставилъ Знаменское, сожалѣя, что Трубецкіе не пригласили его жить у нихъ постоянно въ домѣ [56]).

XIII.

На второмъ курсѣ, Погодинъ началъ слушать лекціи Каченовскаго. Надо замѣтить, что когда Погодинъ былъ еще на первомъ курсѣ, диссертацію на полученіе медали задавалъ Каченовскій объ Археологіи. Погодинъ, не слушая этого профессора, вопреки обычаю, вздумалъ писать диссертацію на заданный имъ предметъ. За совѣтомъ нашъ студентъ обратился къ своему доброжелателю Гейму. Добрый старикъ ничего не имѣлъ противъ этого намѣренія и даже собственноручно написалъ ему слѣдующую программу Археологіи:

„Археологія въ обширномъ смыслѣ: знаніе о состояніи и постановленіяхъ древнихъ народовъ или, однимъ словомъ, Древности.

Вѣроисповѣданіе, государственное постановленіе, военныя и гражданскія дѣла, гражданскіе и домашніе обычаи.

Въ тѣсномъ смѣслѣ:

Наука объ *антикахъ* или о древнихъ памятникахъ художествъ, какъ: Зодчества, Живописи и Мозаики; Рѣзьба, Пластика, Нумизматика.

Какіе науки, языки и художества должно знать: Миѳологія, Древности, Исторія, Географія, Эстетика, Латинскій и Греческій языки, Рисованіе.

Зодчество: храмы, ѳеатры, амфитеатры, публичныя зданія, акведукты, колонны, большія дороги, матеріалы; исторія древняго зодчества и славнѣйшіе зодчіе; главнѣйшіе оставшіеся памятники.

Пластика: вазы, урны. Ваяльное художество: статуи, бюсты, ба-и-горельефы, матеріалъ изъ котораго сдѣланы; исторія и славнѣйшіе ваятели; славнѣйшіе существующіе памятники. Рѣзьба: камни, какіе преимущественно, взявъ раздѣленіе ихъ на intagli и камеи — общее названіе gemmae; польза ихъ; исторія и славнѣйшіе рѣзщики. Славнѣйшія собранія древнихъ вырѣзанныхъ камней. Нумизматика".

Окончивъ диссертацію, Погодинъ прочиталъ ее Кубареву. „Вотъ онъ слогъ Карамзинской школы", сказалъ послѣдній, по окончаніи чтенія. Диссертація получила одобреніе; но Каченовскій, имѣвшій право перваго голоса, сказалъ, что не можетъ согласиться на награжденіе медалью студента, котораго не знаетъ: можетъ быть диссертація писана не имъ. „Это было", замѣчалъ Погодинъ, „первое мое столкновеніе съ Каченовскимъ, съ которымъ началась, тотчасъ по окончаніи курса, война тридцатилѣтняя".

Въ началѣ 1820 года, Московскій Университетъ понесъ горестную утрату. Скончался знаменитый профессоръ Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій, имѣя всего 35 лѣтъ отъ роду. У гроба профессора, Погодинъ увидѣлъ „маленькаго хохлика", его племянника, который только что пріѣхалъ къ нему изъ Малороссіи. Этотъ „хохликъ" былъ Максимовичъ, съ которымъ,

коръ послѣ того, Погодинъ соединился узами тѣснѣйшей ужбы. На рукахъ, со слезами, студенты отнесли Тимков-аго на Лазарево кладбище и собрали между собою деньги памятникъ. Кубаревъ сочинилъ Латинскую надпись:

„In memoriam beneficiorum :i incomparabilis, Professo- optimi atque dilectissimi mani Theodoridis Timkow-ii hoc monumentum super is reliquis gratissimi suae :ciplinae olumni posuerunt“.

Въ память благодѣяній мужа несравненнаго, профессора лучшаго и любимѣйшаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго, этотъ памятникъ надъ его останками воздвигнули признательные его ученики.

Кончина Тимковскаго произвела сильное впечатлѣніе на огодина и на друга его Кубарева. Долго, долго вспоминали и своего незабвеннаго наставника. „Говорилъ съ Кубаревымъ Тимковскомъ“, писалъ Погодинъ, „еслибы ему случилось ворить съ Цицерономъ, онъ бы не ударилъ себя лицемъ грязь. Вотъ ученый мужъ! Невозвратная его потеря для ссіи и очень, очень несчастлива для насъ. Каждый поступокъ, каждое слово его врѣзано у насъ въ памяти. Это мѣчательно“. При открытіи ему памятника Погодинъ рѣшилъ Кубаревымъ: нанять пѣвчихъ, отслужить обѣдню, панихиду могилѣ его, пригласить всѣхъ профессоровъ ихъ отдѣле-я и устроить поминки въ честь покойника. При этомъ По-динъ сообщаетъ и проектъ рѣчи, которую онъ былъ намѣ-нъ произнести по этому случаю: „Приступая къ отданію слѣдняго долга праху незабвеннаго профессора, чѣмъ при-чнѣе можемъ мы ознаменовать достопамятный день сей, какъ .... Конецъ: Такъ, друзья-товарищи, здѣсь, на семъ священ-мъ мѣстѣ, на могилѣ нашего Тимковскаго, поклянемся пр.“ [57]).

XIV.

По окончаніи университетскихъ экзаменовъ, Погодинъ отправился опять на лѣто въ Знаменское, для занятій съ меньшими дѣтьми Трубецкихъ, которыя однако не мѣшали ему быть и дѣятельнымъ членомъ Знаменскаго общества, личный составъ коего намъ уже извѣстенъ. Однажды, молодыя дѣвушки, члены общества, заговорили о своихъ журналахъ. „А вы ведете ли журналъ?“, спрошсили они Погодина. „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, „я не веду, моя жизнь пока очень однообразна“. „Записывайте все“, сказали онѣ ему на это, „что приходитъ въ голову: вы увидите какъ это пріятно. Попробуйте“. И Погодинъ началъ свой *Дневникъ*, съ 18 іюля 1820 года, подъ заглавіемъ: *Моя Жизнь*, съ эпиграфомъ Апеллесовымъ: *Nulla dies sine linea;* но потомъ къ этому эпиграфу прибавилъ слѣдующія загадочныя слова: *Желалъ бы я, чтобы......* Въ 1874 году, т. е., за годъ до смерти, онъ писалъ: „Теперь прошло съ тѣхъ поръ пятьдесятъ четыре года, я записывалъ всякій день, иногда за недѣлю назадъ, но безпрерывно. Пропусковъ очень мало“. Многотомный Дневникъ Погодина есть хранилище матеріала для справокъ, многихъ чертъ, любопытныхъ разсказовъ, которые безъ того пропали бы безвозвратно. Кромѣ того, изъ источника этого мы почерпаемъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о предметахъ чтеній, размышленій, желаній, надеждъ нашего героя, и намъ остается только благодарить княженъ Трубецкихъ и родственныхъ намъ дѣвицъ Измайловыхъ за оказанную ими услугу Русской Исторіографіи.

Въ Знаменскомъ Погодинъ провелъ три мѣсяца, и по его собственному свидѣтельству, „покойно, иногда весело, иногда счастливо. Кромѣ двухъ или трехъ невинныхъ насмѣшекъ, не сдѣлалъ зла никому ни словомъ, ни дѣломъ, ни мыслію. Думалъ большею частію благородно, дурныхъ мыслей почти не имѣлъ“. Ложась, однажды, спать, Погодинъ „думалъ о себѣ: что значу я? Живу теперь въ Знаменскомъ и меня любятъ.

Не будетъ меня, и много, много, если случится иногда, что кто-нибудь изъ тѣхъ, къ кому я теперь привязанъ столько, скажетъ мимоходомъ: онъ былъ добрый человѣкъ! Не ложнымъ ли блескомъ прельщаюсь я? Но хоть бы и ложный блескъ, что за нужда? Я счастливъ имъ, и — довольно". Кромѣ уроковъ, онъ здѣсь занимался чтеніемъ Руссо, Паскаля, Сервантеса, Карамзина, Флоріана и Русскихъ журналовъ; но, по собственному сознанію Погодина, въ Знаменскомъ имъ овладѣла лѣнь и ему хотѣлось „лучше гулять съ барышнями, нежели сидѣть дома за книгою".

Объ отношеніяхъ Погодина къ старому Князю и Княгинѣ намъ почти ничего неизвѣстно. Очевидно, что они держали его въ почтительномъ отъ себя отдаленіи. Вообще князь Иванъ Дмитріевичъ Трубецкой является для насъ какимъ-то миѳомъ. Въ *Дневникѣ* Погодина за это время онъ упоминается только два раза. Однажды Знаменское общество отправилось кататься; но „попался на встрѣчу старый князь и воротилъ". Въ другой разъ, мы видимъ стараго Князя, играющимъ въ шашки съ Погодинымъ. Воспитаніе, которое давалось князю Николаю Ивановичу Трубецкому, очень не нравилось Погодину и онъ сильно обвинялъ старую Княгиню за ея „слѣпую любовь" къ сыну, котораго это очень портило; а между тѣмъ, въ мальчикѣ Погодинъ примѣчалъ „хорошія чувства". Самыя пріятныя минуты доставляла Погодину женская половина семейства Трубецкихъ. Княгиня А. Н. Голицына была въ это время предметомъ особаго поклоненія Погодина. Онъ давалъ ей читать свой *Дневникъ*, и она читала его „на скамейкѣ въ саду, противъ березовой аллеи". Нашему мечтательному и восторженному студенту особенно пріятно было, что его *Дневникъ* читался обожаемою имъ дамою въ Знаменскомъ саду, въ которомъ, по счастливому выраженію Пушкина, непрестанно происходили:

Бѣлыхъ грудей воздыханья,
Нѣжныхъ ручекъ пожиманья.

Погодину было очень грустно, когда Княгиня уѣхала изъ Знаменскаго. „Осталась какая-то пустота въ сердцѣ. Она такъ добра, мила, умна, весела и принимаетъ во мнѣ участіе", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* своемъ, по поводу ея отъѣзда. Другимъ кумиромъ Погодина была въ это время княжна Аграфена Ивановна Трубецкая. „Мнѣ никогда Княжна не казалась столь пригожею", читаемъ въ его *Дневникѣ*, какъ нынѣ: въ голубомъ платочкѣ на головѣ и въ черномъ салопѣ". Онъ и ей давалъ читать свой *Дневникъ*; но при этомъ „ужасно боялся, нѣтъ ли въ немъ чегонибудь такого, что было бы не хорошо".; боялся также и того, чтобы Княжна не подумала, что онъ пишетъ *Дневникъ* свой для того только, чтобы „показаться". Но его опасенія оказались, кажется, напрасными, ибо княжна Аграфена Ивановна благодарила Погодина за то, что онъ такъ ихъ любитъ. Это заявленіе произвело на Погодина самое отрадное впечатлѣніе. „Въ это время", писалъ онъ, „я былъ такъ доволенъ, такъ доволенъ, что самъ удивлялся этому... О младенецъ!". Но вмѣстѣ съ тѣмъ его огорчало, что княжна Аграфена Ивановна была съ нимъ не совсѣмъ откровенна; „а я", замѣчаетъ Погодинъ, „люблю ее какъ родную сестру". Въ другомъ мѣстѣ, сознается, что „никого на свѣтѣ не любилъ онъ, послѣ своихъ родителей такъ, какъ любилъ Аграфену Ивановну, Александру Николаевну и, въ воображеніи, Карамзина". Слѣдуетъ замѣтить, что Погодинъ весьма цѣнилъ свои близкія отношенія къ Знаменскому обществу и приписывалъ ему благодѣтельное вліяніе на свое собственное нравственное воспитаніе. Вотъ что мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „Удивительное вліяніе имѣютъ на насъ люди, съ коими мы обращаемся. Въ цѣлый мѣсяцъ, какъ я живу здѣсь, ни одной почти дурной, въ какомъ-нибудь отношеніи, мысли не пришло мнѣ въ голову. Если-бъ съ самаго младенчества окружали меня всегда такіе люди! Благодарю Бога, что онъ чрезъ всѣ соблазны, чрезъ всѣ худые примѣры, кои имѣлъ я шесть лѣтъ предъ своими глазами, провелъ меня до сихъ поръ съ чистою душею и чистымъ сердцемъ".

Въ это время вторая дочь Трубецкихъ, княжна Софія Ивановна была помолвлена за Александра Всеволодовича Всеволожскаго. Женихъ и невѣста проводили лѣто 1820-го года въ Знаменскомъ. Погодинъ, хотя любовался ихъ счастіемъ, но относился къ нимъ педагогически. Такъ, послѣ катанья съ ними однажды на лодкѣ, онъ занесъ въ свой *Дневникъ*: „Полюбовался на Софью Ивановну съ Александромъ Всеволодовичемъ. Желаю, чтобы вся ваша жизнь была какъ этотъ день... Только не ребячтесь, голубчики мои! Такъ, какъ вы ребячились 24 іюня, особенно Александръ Всеволодовичъ"... Къ этой счастливой четѣ Погодинъ обращалъ не однажды свой педагогическій взоръ: „Съ величайшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на Софью Ивановну съ Александромъ Всеволодовичемъ. Теперь для нихъ самое прекрасное время. Больше всего желаю имъ, чтобы они не были расточительны, чтобы она, да и онъ не любили слишкомъ нарядовъ".

Но будучи неравнодушенъ къ судьбѣ старшей сестры счастливой невѣсты, Погодинъ желалъ, чтобы Нарышкинъ женился на Аграфенѣ Ивановнѣ; но чтобы это сдѣлалось черезъ него. Нарышкинъ, полагалъ Погодинъ, достоинъ Аграфены Ивановны. „Эта мысль", писалъ онъ, „что я могу быть полезнымъ для Аграфены Ивановны, способствовать ея счастію, тогда доставила мнѣ большое удовольствіе".

Такимъ образомъ, и княжны Трубецкія и княгиня Голицына, и Новосильцова, и дѣвицы Измайловы, по свидѣтельству лицъ ихъ знавшихъ, въ томъ числѣ и самого Погодина, принадлежали къ тысячамъ Русскихъ женщинъ, образованныхъ, кроткихъ, но глубокихъ своимъ жизненнымъ содержаніемъ, и эти тысячи были разсѣяны по нашимъ деревнямъ въ эпоху, предшествующую эмансипаціи. По влеченію сердца, а не по новѣйшей филантропіи съ ея дамскими благотворительными комитетами и благотворительными секретарями, они принимали живѣйшее участіе въ бытѣ крестьянъ, и крестьяне ихъ боготворили. Въ справедливости сказаннаго, Погодинъ могъ убѣждаться ежедневно, проживая въ Знаменскомъ; а

потому героини его, которыхъ онъ называлъ *ангелами*, не могли найти для себя ничего новаго въ слѣдующихъ афоризмахъ ихъ восторженнаго обожателя: „Крестьяне", писалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „окончивъ жатву принесли снопъ. Какъ Русскіе крестьяне любятъ господъ своихъ, даже иногда и не совсѣмъ для нихъ добрыхъ! Не стыдно ли и не грѣшно ли симъ господамъ не входить въ ихъ положеніе и не стараться сколько возможно объ улучшеніи ихъ участи. Тысячъ 10 или 20 подобныхъ имъ людей пѣтомъ и кровью доставляютъ имъ все, что они требуютъ, и они не совѣстятся кидать этого даромъ какому-нибудь злодѣю французу за ядовитое иногда, и вообще за безпутное его ученіе, или какой француженкѣ за ея негодныя тряпки. Одна мысль, кажется, почему я имѣю право расточать по своей прихоти труды 20,000, должна бы останавливать всякое неумѣренное отъ нихъ требованіе... Ахъ, Боже мой!"

Въ домѣ Трубецкихъ часто велись политическія бесѣды, къ которымъ нашъ студентъ прислушивался внимательно и нерѣдко подавалъ свои мнѣнія; но политическія убѣжденія, которыя были крѣпки въ Погодинѣ въ періодъ его мужества и старости, еще не установились въ головѣ молодого мечтателя, каковымъ онъ былъ въ описываемый нами періодъ. Однако, въ то уже время высказалъ совершенно справедливую мысль, которой впослѣдствіи сдѣлался исповѣдникомъ, что „монархическое самодержавное правленіе есть самое лучшее для Россіи"...

Кстати, приведемъ здѣсь любопытный разсказъ, слышанный Погодинымъ въ Знаменскомъ отъ В. Д. Корнильева: „Н. И. Тургеневъ, бывъ у Н. М. Карамзина и говоря о свободѣ, сказалъ: мы на первой станціи къ ней. *Да*, подхватилъ молодой Пушкинъ, *въ Черной Грязи*".

Мы уже знаемъ, что Погодинъ въ домѣ Трубецкихъ открыто вопіялъ противъ Французовъ. „Что за пустой народъ Французы", пишетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „чѣмъ они занимаются... До такой степени дать этимъ побродягамъ власть

надъ собою! И за что? Что за люди? Хотя бы и дана была власть. Честный человѣкъ всегда долженъ помнить себя. А они!“ Въ заключеніе этой своей тирады, онъ вдругъ восклицаетъ: „Богъ наградитъ тебя Аграфена Ивановна!“ Питая такія нѣжныя чувства къ Французамъ, Погодину было утѣшительно то, что маленькія дѣти съ жаромъ возставали противъ этого народа. Бесѣдуя однажды съ княжною Аграфеною Ивановною и Аграфеною Прокофьевною Измайловой о воспитаніи, онъ замѣтилъ: „Слава Богу, онѣ говорятъ по французски оттого, что всѣ говорятъ, а не оттого, что сами желаютъ.“

Погодинъ необыкновенно былъ склоненъ къ мечтательности и къ строенію воздушныхъ замковъ. Такъ, сидя въ Знаменскомъ, онъ мечталъ о путешествіи „и о той радости, какую ощутилъ бы онъ, возвратясь въ отечество, и увидя своихъ родителей, родственниковъ и всѣхъ тѣхъ, коихъ любитъ его сердце, особенно княгиню Александру Николаевну Голицыну, княжну Аграфену Ивановну, княжну Софію Ивановну“. То воображалъ себя онъ „нѣсколько часовъ Государемъ“, и тогда бы онъ выдалъ указъ „объ изгнаніи изъ Россіи и о непринятіи никогда всѣхъ Французовъ, Итальянцевъ, Нѣмцевъ и Англичанъ. Опредѣлилъ бы сумму на ученое критическое изданіе всѣхъ Россійскихъ писателей, составивъ общество для сего предмета, подъ предсѣдательствомъ Мерзлякова; другую сумму—на изданіе Славянскихъ сочиненій; пожаловалъ бы нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему людей, особенно Карамзина, Александромъ Невскимъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ; Мерзлякова — статскимъ совѣтникомъ, Анною съ брилліантами и 50 тыс. руб., но которыя онъ велѣлъ бы положить на его имя въ Ломбардъ и давать ему только проценты. Дмитріева сдѣлалъ бы министромъ просвѣщенія; Калайдовича произвелъ бы въ коллежскіе ассессоры, пожаловалъ бы ему Владиміра 4-й степени и 20 тысячъ. Ивану Андреевичу Гейму—чрезъ плечо и чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Не забылъ бы и знатока нашихъ Древностей, купца Бородина, которому далъ бы 21 тысячу и медаль съ брилліантами; Кры-

лова и проч. Повелѣлъ бы составить общество молодыхъ людей, занимающихся Исторіею Отечественною и Словесностію. Предсѣдателями въ это общество назначилъ бы Карамзина и Дмитріева и уничтожилъ бы колонистовъ". То мечталъ онъ, что „его узнаéтъ Карамзинъ, беретъ жить къ себѣ, опредѣляетъ его занятія, чувствуетъ къ нему привязанность, любитъ его, назначаетъ своимъ преемникомъ, препоручаетъ ему написать свою жизнь и умираетъ. При погребеніи, Погодинъ говоритъ ему надгробное слово, краснорѣчивѣйшимъ образомъ описываетъ его добродѣтели, свою горесть, не можетъ выговорить словъ отъ рыданій; всѣ предстоящія трогаются и плачутъ съ нимъ. Обнимаетъ его въ послѣдній разъ, цѣлуетъ его руки. Послѣ издаетъ сочиненія Карамзина и предъ оными помѣщаетъ жизнь его". То онъ воображалъ, что „дѣлается вице-губернаторомъ, губернаторомъ и, наконецъ, министромъ просвѣщенія. Дѣлаетъ полезнѣйшія узаконенія, заводитъ училища, академіи, университеты, учреждаетъ особенный орденъ для ученыхъ, издаетъ всѣ лучшія сочиненія нашихъ писателей, награждаетъ таланты, даетъ благодѣтельные совѣты по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, споспѣшествуетъ счастію отечества и... *и самъ ничего не имѣетъ*".

По поводу этихъ воздушныхъ замковъ, Погодинъ замѣчаетъ: „Счастливъ я еще, что подобныя мысли могутъ доставлять мнѣ удовольствіе" [58]).

По сосѣдству съ Знаменскимъ, въ селѣ Троицкомъ, на Калужской дорогѣ, жилъ съ своими родителями университетскій товарищъ Погодина, Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ, тогда еще „молоденькій мальчикъ, съ румянцемъ во всю щеку, въ зелененькомъ сюртучкѣ". Погодинъ не рѣдко посѣщалъ своего товарища, и бесѣды съ нимъ не прошли безслѣдно для него, открывъ ему міръ Германской литературы [59]). *Въ Дневникѣ* Погодина находимъ слѣдующія свѣдѣнія объ этихъ сношеніяхъ: „Ходилъ въ деревню къ Ѳ. И. Тютчеву, разговаривалъ съ нимъ о Нѣмецкой, Русской, Французской литературѣ, о религіи, о Моисеѣ, о божественности Іисуса Христа, объ

авторахъ, писавшихъ объ этомъ, о Виландѣ, Лессингѣ, Шиллерѣ, Аддисонѣ, Паскалѣ, Руссо.., Еще разговаривали о бѣдности нашей въ писателяхъ. Чтó у насъ есть? Какія мы имѣемъ книги отъ нашихъ богослововъ, философовъ, математиковъ, физиковъ, химиковъ, медиковъ? О препятствіяхъ у насъ къ просвѣщенію." И самъ Тютчевъ, и его родители произвели на Погодина благопріятное впечатлѣніе. „Тютчевъ прекрасный молодой человѣкъ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Смотря на Тютчевыхъ", писалъ Погодинъ, „думалъ о семейственномъ счастіи. Если бы всѣ жили такъ просто, какъ они". Своими впечатлѣніями онъ не преминулъ подѣлиться съ княжнами Трубецкими—и Погодинъ отмѣчаетъ въ *Дневникѣ*: „поѣхала къ Тютчевымъ голубушка Аграфена Ивановна".

Въ Знаменскомъ гостилъ также И. С. Набоковъ, и Погодинъ, бесѣдуя съ нимъ о Молдавіи и Валахіи, въ одинъ Сентябрскій вечеръ совершилъ съ нимъ и княземъ Юріемъ Ивановичемъ Трубецкимъ прогулку по Знаменскому саду, который произвелъ на нашего мечтателя сильное впечатлѣніе. „Какая прекрасная ночь!" отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „какъ пріятно смотрѣть на мѣсяцъ во всемъ его сіяніи! На лучи его, проходящіе сквозь частыя вѣтви деревьевъ. Мрачное безмолвіе въ природѣ наполняетъ душу какимъ-то священнымъ благоговѣніемъ".

28 Сентября 1820 года, Погодинъ простился со всѣми любезными ему жителями Знаменскаго, „хотя нѣсколько съ стѣсненнымъ сердцемъ", какъ сознается самъ, „но не съ такою горестію, не съ такими горючими слезами, какъ прежде. Я никогда, кажется, не плакалъ такъ сильно, какъ прошлаго года въ это время" [60]).

XV.

Наступилъ послѣдній академическій годъ (1820—1821) ученической жизни Погодина. Въ этомъ году распредѣленіе лекцій было сдѣлано слѣдующее: понедѣльникъ, среда и пят-

ница, отъ 8—9 ч., Статистика, у Гейма; отъ 9—10 ч., Латинская словесность, у Давыдова; отъ 11—12 ч., Эстетика, у Каченовскаго; отъ 2—3 ч., Исторія, у Черепанова; отъ 4—5, Славянская Словесность, у Гаврилова; отъ 5—6, Россійская Словесность, у Мерзлякова; вторникъ, четвергъ и суббота, отъ 2—4 ч., Богословіе, у Левитскаго; всякій день, отъ 6—9 ч., повтореніе лекцій.

Въ самомъ концѣ Сентября, Погодинъ вернулся въ Москву, исполненный Знаменскими воспоминаніями. По пріѣздѣ, онъ тотчасъ же посѣтилъ княгиню Голицыну и говорилъ съ нею о „Знаменскихъ народахъ". Всѣ мысли и чувства его влеклись на Покровку, гдѣ, какъ мы уже знаемъ, жили Трубецкіе, и у которыхъ продолжалъ онъ давать уроки по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ, отъ 5—7½ часовъ.

Еще болѣе лекцій развивали студентовъ того времени общія чтенія и бесѣды между собою. Познакомимъ нашихъ читателей съ кружкомъ молодыхъ мыслителей, въ которомъ вращался Погодинъ во время студенчества. Кромѣ Кубарева, съ которымъ мы уже знакомы, упомянемъ Николая Андреевича Загряжскаго, имѣвшаго, какъ увидимъ, благодѣтельное вліяніе на Погодина; Н. И. Ждановскаго, отецъ котораго былъ помощникомъ Начальника Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, А. Ѳ. Малиновскаго, чрезъ котораго нашъ студентъ познакомился съ П. М. Строевымъ и К. Ѳ. Калайдовичемъ; Н. З. Бычкова, которому онъ былъ многимъ обязанъ и, между прочимъ, знакомствомъ съ домомъ Трубецкихъ; А. З. Зиновьева, впослѣдствіи профессора и директора Ярославскаго Лицея, переводчика Мильтона, и много пользы принесшаго Русскому Просвѣщенію; М. С. Ширая, сына Суворовскаго генерала, богатаго Малороссійскаго помѣщика и питомца Кубарева; Троицкаго, подававшаго, по словамъ Погодина, большія надежды, и Ѳ. И. Тютчева, извѣстнаго впослѣдствіи писателя. Кружокъ этотъ иногда посѣщалъ Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, прославившійся впослѣдствіи какъ секретарь Московскаго Общества Сельскаго хозяйства. Онъ былъ сынъ бѣднаго причетника одной

изъ Московскихъ церквей, по окончаніи философскаго класса въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, вступилъ въ число студентовъ Московскаго Университета [61]). Сохранилось преданіе, что онъ, еще до Французовъ, въ ноги поклонился ректору Страхову о принятіи его въ Университетъ. Отличныя способности, безупречная нравственность и быстрые успѣхи въ наукахъ обратили на него вниманіе не только ученой корпораціи Университета, но и просвѣщенныхъ членовъ высшаго общества столицы. Мы уже видѣли, что съ Тютчевымъ Погодинъ сблизился, живя въ Знаменскомъ. Со вступленіемъ же Тютчева въ Университетъ, домъ его родителей, по свидѣтельству И. С. Аксакова, увидѣлъ новыхъ, небывалыхъ въ немъ доселѣ посѣтителей. Радушно принимались и угощались стариками и знаменитый Мерзляковъ, и преподаватель Греческой Словесности въ Университетѣ, Оболенскій. Собесѣдникомъ ихъ былъ пятнадцатилѣтній студентъ, который смотрѣлъ уже совершенно развитымъ молодымъ человѣкомъ и съ которымъ всѣ охотно вступали въ серьезные разговоры и пренія [62]).

Не были чужды этому кружку и В. И. Воскресенскій, и столь рано похищенный смертію С. Г. Саларевъ; а потому мы считаемъ долгомъ сказать и о нихъ нѣсколько словъ. В. И. Воскресенскій, питомецъ, а потомъ наставникъ Московской Духовной Академіи, въ 1822 году принялъ санъ монашескій, съ именемъ Гавріила. Въ 1829 году перемѣщенъ былъ на должность настоятеля Зилантьева монастыря въ Казань, гдѣ преподавалъ въ семинаріи Богословіе и Церковное право, Богословіе и Философію въ Университетѣ. Окончилъ жизнь свою въ Спасскомъ Муромскомъ монастырѣ [63]). Погодинъ познакомился съ нимъ еще въ то время, когда учился у священника Кондорскаго, и преклонялся предъ его обширными познаніями въ Богословіи, Философіи, Математикѣ, Словесности, языкахъ. „Сей безподобный человѣкъ“, писалъ онъ, „еще помнитъ меня и всегда съ особеннымъ участіемъ спрашиваетъ обо мнѣ“. С. Г. Саларевъ былъ воспитанникъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона и авторъ нѣсколькихъ стихотворныхъ

и прозаическихъ сочиненій [64]). Погодинъ былъ очень огорченъ кончиной Саларева. „Это былъ“, писалъ онъ, „настоящій Ангелъ! Много знаю я молодыхъ людей; ни въ одномъ нѣтъ такой кротости, такой тихости, такой любезности. Куда дѣвалась ученость? Я любилъ его, не видавъ еще, увидя и поговоря съ нимъ однажды, еще болѣе утвердился въ сей любви. Особенно тронули меня послѣдніе часы его жизни. Ему велѣли пить какое-то вино, по 15 р. бутылка. „На что это другъ мой“, сказалъ онъ женѣ, „15 р. годится тебѣ на что нибудь! мнѣ отъ этого не будетъ лучше“. Вотъ прекраснѣйшая черта, На краю гроба отказывать себѣ въ нужномъ и заботиться о будущей судьбѣ тѣхъ, кого любилъ. Да почіетъ въ мірѣ прахъ твой, добрый человѣкъ! Прими отъ меня слезы искренняго, сердечнаго сожалѣнія! Я не забуду сиротъ твоихъ, если самъ буду въ состояніи. А ты,—ты помолись обо мнѣ!... Я хотѣлъ было написать здѣсь еще; но самъ усомнился, не входить ли тутъ... Нѣтъ, нѣтъ не входить“ [65]).

Въ этомъ кружкѣ молодыхъ мыслителей обсуждались и разрѣшались религіозные, научные, политическіе и соціальные вопросы. Между тѣмъ общительность была отличительнымъ качествомъ Погодина. „Какую бы пріятную новость ни узналъ я“, сознается онъ самъ, „какое бы прекрасное чувство ни питалъ въ себѣ, мнѣ никогда не можетъ быть оно очень пріятно, если я не могу сообщить его другому; мнѣ даже мучительно держать его въ себѣ. Я восхищаюсь какимъ нибудь мѣстомъ въ писателѣ, мнѣ оно вдвое пріятнѣе, если я прочту его съ товарищемъ“.

Злой духъ тьмы носится надъ Вселенною, силясь мрачными крыльями своими заградить отъ смертныхъ свѣтъ истинный, просвѣщающій и освящающій всякаго человѣка въ міръ [66]). Такъ писалъ, въ 1820 году, одинъ изъ такъ называемыхъ обскурантовъ того времени. Этотъ злой духъ безвѣрія „мрачными крыльями своими“ коснулся отчасти и нашего студента „Хотѣлъ было“, записалъ онъ въ *Дневникѣ* своемъ, „собрать всѣ свои сомнѣнія на счетъ религіи и писать объ нихъ

Воскресенскому, съ просьбою, чтобы онъ разрѣшилъ ихъ, но рѣшился подождать Кубарева и спросить у него совѣта" [67]). А въ *Чистосердечномъ признаніи*, написанномъ Погодинымъ послѣ Исповѣди, читаемъ: „Сомнѣнія растравили мою душу, я сомнѣвался въ божественномъ происхожденіи Іисуса Христа. Иногда, только очень рѣдко, проскакивали сомнѣнія, и при томъ пустыя, не крѣпкія и ничтожныя, о бытіи Бога"... Таинство Евхаристіи казалось ему лишнимъ обрядомъ; ибо думалъ онъ, и весьма ошибочно, что сіе *Святая Святыхъ* установлено Св. Отцами, а не самимъ Господомъ. Погодинъ передаетъ въ своемъ *Дневникѣ* споръ, происходящій между Кубаревымъ и Воскресенскимъ, *о бѣсноватыхъ*. Кубаревъ отвергалъ ихъ, говоря, что бѣсноватость происходитъ отъ истерическихъ припадковъ; а Воскресенскій утверждалъ, и въ доказательство приводилъ множество примѣровъ, видѣнныхъ имъ въ Троицкой Лаврѣ, что люди въ такомъ состояніи были совершенно покойны въ церкви, но будучи подводимы ко гробу Сергія, испускали ужаснѣйшіе крики, мучились и пр., точно какъ повѣствуетъ намъ Евангеліе о бѣсноватыхъ, подводимыхъ къ Спасителю". Этому человѣку, свидѣтельствуетъ Погодинъ, „повѣрить можно: онъ не суевѣръ и пустяковъ говорить не любитъ" [68]). Но къ счастію Погодина, нашелся человѣкъ, который вырвалъ не одно перо изъ чернаго крыла противника Христова. Такимъ человѣкомъ явился товарищъ его, Николай Андреевичъ Загряжскій, который въ области религіи былъ для Погодина тѣмъ же, чѣмъ Кубаревъ въ области науки. По свидѣтельству его самого, Загряжскій, „въ какую-то благую минуту, указалъ ему со властію на нѣкоторые тексты Евангелія, врѣзавшіеся ему навсегда въ голову" [69]). Но съ Загряжскимъ Погодинъ сблизился только въ концѣ своей студенческой жизни и, узнавъ его ближе, раскаявался въ томъ, что два года почиталъ его пустымъ, ничтожнымъ человѣкомъ. „Теперь я вижу", писалъ Погодинъ, „что онъ былъ въ правѣ почитать меня пустымъ" [70]). О предметахъ религіозныхъ Погодинъ не разъ бесѣдовалъ и съ

Кубаревымъ и даже положили читать вмѣстѣ по воскресеньямъ Евангеліе, а по субботамъ Цицерона. Онъ былъ даже однажды „въ сладостномъ волненіи, когда Кубаревъ, говоря о почитаніи Святыхъ, сказалъ, что любитъ наиболѣе Сергія. „Такъ и я“, писалъ Погодинъ, „его люблю особенно. Онъ близокъ къ намъ, онъ нашъ, онъ былъ Русскій, любилъ Россію, любилъ славу ея, молился за то, за чтó молюсь и я, старался быть ей полезнымъ, и великія добродѣтели мужа, посвятившаго себя только Богу, соединилъ съ сладостнымъ, драгоцѣннымъ чувствомъ любви къ отечеству. Сердце его, забывъ міръ, билось еще для славы отечества. Еще люблю я Димитрія Ростовскаго“ [71]). Но всѣ эти разговоры не производили на душу Погодина того впечатлѣнія, какое произвелъ на нее Загряжскій. Онъ бесѣдовалъ съ нимъ о таинственномъ значеніи Ветхаго Завѣта, о значеніи Исхода изъ Египта, о спасеніи людей чрезъ Іисуса Христа, о мѣдномъ зміѣ, въ пустыни воздвигнутомъ, о распятомъ Іисусѣ. Замѣчательно, что Загряжскій былъ противъ перевода Библіи „на обыкновенное, не имѣющее и по обыкновенности не могущее имѣть достаточной важности Русское нарѣчіе“. Благодѣтельныя послѣдствія произошли въ душѣ Погодина отъ этого духовнаго общенія съ Загряжскимъ. По его собственному сознанію, „прежде самыя важныя сомнѣнія“ ему казались справедливыми; а теперь не то, и онъ спрашивалъ себя: „какъ смѣлъ я сомнѣваться, не имѣя почти никакого понятія о Священномъ Писаніи“. А обращаясь къ другимъ, онъ говорилъ: „чего не можетъ дѣлать вѣра въ Бога и надежда на Его промыселъ? Атеисты и люди, не хотящіе вѣрить безсмертію души, суть самыя несчастные. Страдать, мучиться, искать истины напрасно, не понимать — для чего живешь, и не надѣяться ни на что въ будущемъ... Это ужасно! Скажите мнѣ, мечтатели, хотя вы ослѣплены до того, что считаете будущность мечтою, скажите, не должно ли считать драгоцѣнною эту мечту, которая не допускаетъ человѣка упадать подъ бременемъ золъ, его угнетающихъ, поселяетъ въ сердцѣ его спасительную

надежду на ту жизнь, которую встрѣтитъ онъ тамъ, тамъ — за синимъ океаномъ, наполняетъ душу его чистою веселостію, предвѣстницею вѣчныхъ радостей, укрѣпляетъ его въ добродѣтели, даруетъ ему твердость, всепревозмогающую, услаждаетъ его въ самомъ терпѣніи, возвышаетъ надъ всѣмъ земнымъ? Но кто исчислитъ все получаемое нами отъ сей, вами называемой, мечты? Имѣя ее, чтó вы теряете? Вы пріобрѣтаете все. А безъ нея? О, несчастные! вы бѣдняки, не имѣющіе послѣдняго утѣшенія надежды..." [72]). По поводу самоубійства одного знакомаго, Погодинъ писалъ къ своему товарищу А. М. Гусеву: „Вы пишете, что Вейсъ застрѣлился... Что значитъ мудрость человѣческая? Разительное доказательство, что не должно полагаться на разумъ, что есть другой руководитель для истиннаго, крѣпкаго, полезнаго людямъ просвѣщенія" [73]). Къ спасительному перевороту мыслей Погодина въ религіозномъ отношеніи способствовалъ также и слѣдующій случай. Онъ посѣтилъ однажды умирающую сестру его няни, рабу Божію Параскеву. Она уже исповѣдывалась и пріобщалась. Когда Погодинъ, вошелъ къ ней она очень обрадовалась, стала съ нимъ прощаться и увѣрять въ своей преданности ко всему его семейству. Это прощаніе „при дверяхъ гроба" разстрогало Погодина до глубины души. „Я сильно плакалъ", записалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „какъ трогательна послѣдняя надежда человѣка на Бога; отнимите ее, что̀ будетъ съ нимъ". Къ этому онъ прибавляетъ: „Я совѣтовалъ бы безбожникамъ приходить почаще къ умирающимъ. Вотъ одно изъ самыхъ трогательныхъ зрѣлищъ, какія только могутъ быть на сей землѣ" [74]).

Карамзинъ и Русская Исторія были постоянною темою разговоровъ и размышленій Погодина и кружка его друзей. Однажды, въ сентябрѣ 1820 года, онъ, ѣдучи изъ Москвы въ Знаменское, вмѣстѣ съ княземъ Ю. И. Трубецкимъ и В. Г. Корнальевымъ, и дорогою бесѣдуя о Дмитріевѣ, Карамзинѣ, Батюшковѣ, между прочимъ, сказалъ: „Я думаю, у насъ тогда только узнаютъ цѣну Карамзину, когда въ чу-

жихъ краяхъ будетъ гремѣть похвала его творенію. Записывая этотъ разговоръ или, точнѣе сказать, монологъ въ своемъ *Дневникѣ*, Погодинъ почему-то восклицаетъ: „О, Русскіе бояре! проснитесь! О, Петръ! Явись у насъ, пробуди ихъ!“ [75]). Но хотя Карамзинъ, по его собственному свидѣтельству, свою *Исторію Государства Россійскаго* „писалъ для Русскихъ, для купцовъ Ростовскихъ, для владѣльцевъ Калмыцкихъ, для крестьянъ графа Шереметева“, а не для Западной Европы, тѣмъ не менѣе, тамъ въ это время уже гремѣли похвалы творенію Карамзина. „Знаешь ли“, писалъ самъ Карамзинъ (отъ 11 ноября 1820) И. И. Дмитріеву, „что я, читавъ равнодушно десять или двадцать брагопріятныхъ отзывовъ Французскихъ, Нѣмецкихъ, Итальянскихъ, былъ тронутъ статьею *Монитера* о моей Исторіи, Этотъ академикъ посмотрѣлъ мнѣ въ душу: я услышалъ какой-то голосъ потомства. Либеральный *Constitutionel* осыпалъ меня похвалами. Хвалитъ даже мою либеральность, вопреки нашимъ либералистамъ!“ „Странно“, продолжаетъ Карамзинъ. „Французы въ *тѣни* (въ переводѣ) находятъ болѣе, нежели иные мои братьи Русскіе въ *вещи*!“ [76]). Когда Погодинъ узналъ, что самъ Карамзинъ прислалъ одному студенту второе изданіе своей Исторіи, то онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Я хотѣлъ бы быть на мѣстѣ этого студента. Въ гимназіи я еще рѣшился было просить Николая Михайловича о присылкѣ мнѣ Исторіи, но не случилось этого исполнить. Утѣшься, дружокъ, и тотчасъ по окончаніи курса, принимайся за переводъ Шлецеровой Россійской Исторіи“. И этотъ переводъ свой Погодинъ мечталъ поднести Карамзину, при письмѣ, въ которомъ намѣревался изложить исторію его къ нему привязанности, степень ея, настоящія свои чувствованія и пр. Онъ только боялся, чтобы Карамзинъ не умеръ до того времени. Погодину очень желалось, чтобы Карамзинъ „и на землѣ зналъ о немъ“ [77]). Несмотря на все это, вѣяніе того времени было неблагопріятно для Карамзина и оно не могло не имѣть, хотя даже и отчасти, вліянія на пыл-

каго, впечатлительнаго мечтателя нашего. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго: „Часть молодежи нашей, увлеченная вольнодумствомъ, политическимъ суемудріемъ современнымъ и легкомысліемъ, свойственнымъ возрасту своему, замышляла въ то время несбыточное преобразованіе Россіи. Съ чутьемъ вѣрнымъ и проницательнымъ, она тотчасъ оцѣнила важность *Исторіи Государства Россійскаго*, Карамзина, которая была событіе, и событіе, совершенно противодѣйствующее замысламъ ея. Книга Карамзина есть непреложное и сильное свидѣтельство въ пользу Россіи, каковою содѣлало ее Провидѣніе, столѣтія, люди, событія и система правленія; а они хотѣли на развалинахъ сей Россіи воздвигнуть новую, по образу и подобію своихъ мечтаній. Колкіе отзывы, эпиграммы, критическія замѣчанія, предосудительныя заключенія посыпались на книгу и на автора. Имъ не хотѣлось самодержавія; какъ же имъ было не подкапываться подъ твореніе писателя, который чистыми убѣжденіями совѣсти, глубокимъ соображеніемъ отечественныхъ событій и могуществомъ краснорѣчія доказывалъ, что мудрое самодержавіе спасло, укрѣпило и возвысило Россію. Вспомните еще, что Карамзинъ писалъ тогда Исторію не совершенно въ духѣ Государя, что по странной перемѣнѣ въ роляхъ, писатель былъ въ нѣкоторой оппозиціи съ правительствомъ, являясь проповѣдникомъ самодержавія, въ то время, когда Правительство, въ извѣстной рѣчи при открытіи Перваго Польскаго Сейма въ Варшавѣ, такъ сказать, отрекалось отъ своего самодержавія... Легко понять, какъ досаденъ былъ Карамзинъ симъ молодымъ умамъ, алкавшимъ преобразованій и политическаго переворота. Они признали въ писателѣ личнаго врага себѣ и дѣйствовали противъ него непріятельски". Въ воздухѣ того времени уже носилось *14-е декабря*, которое, по мѣткому выраженію князя Вяземскаго, „было, такъ сказать, критика вооруженною рукою на мнѣніе, исповѣдуемое Карамзинымъ, т. е. *Исторію Государства Россійскаго*" [78]). И дѣйствительно, вотъ что́ мы читаемъ въ *Дневникѣ* Пого-

дина: „Думаю о сочиненіи обозрѣнія Россійской Исторіи. Я кончу его только Петромъ. Хвалить Александра грѣшно. Мѣсто Екатерины также несовсѣмъ назначено. Мнѣ и на Карамзина мочи нѣтъ досадно за подносительное письмо къ Государю. Неужели онъ не могъ выдумать съ приличіемъ ничего такого, въ чемъ бы не видно было такой грубой, подлой лести? Этого я ему не прощаю. Притомъ, кромѣ лести, связано съ цѣлымъ очень дурно“ [79]). Бесѣдуя однажды съ Кубаревымъ объ *Исторіи* Карамзина, Погодинъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „Теперь писать Россійскую Исторію думать нельзя. Карамзина должна благодарить Россія не за Исторію, но за обогащеніе Словесности многими превосходными, драгоцѣнными историческими отрывками. Прежде, нежели думать о написаніи Исторіи, должно: 1) напечатать ученымъ образомъ наши лѣтописи и все историческое; 2) разобрать ихъ, очистить критически; 3) выбрать изъ нихъ нужное для Исторіи; 4) собрать все, писанное древнѣйшими писателями о Сѣверныхъ народахъ. У насъ этихъ книгъ нѣтъ, можно предложить Нѣмцамъ (и они это сдѣлаютъ) и перевести на Русскій языкъ; 5) собрать всѣхъ писателей Византійскихъ, описывавшихъ происшествія между IX и XI вѣкомъ, сличить между собою и выбрать относящееся до Россійской Исторіи; 6) сличить ихъ съ нашими лѣтописями и вывести заключеніе; 7) познакомиться съ Восточною Словесностію, сыскать всѣ книги, рукописи, въ коихъ говорится о Монголахъ; 8) отыскать и издать все, въ нашихъ и Нѣмецкихъ архивахъ, относящееся до связи Россіи съ Поляками, Ливонскими Рыцарями, Ганзою и, наконецъ, со всѣми Европейскими дворами, хотя до Екатерины I, и издать съ переводомъ; 9) сдѣлать подробнѣйшее и вѣрнѣйшее землеописаніе Россійскаго Государства; 10) изслѣдовать положеніе древнихъ мѣстъ и опредѣлить ихъ нынѣшними,—Географію для каждаго вѣка; 11) изслѣдовать, сличить и исправить Хронологію; 12) издать Нумизматику; 13) отыскать и описать всѣ древности, разсѣянныя повсе-

мѣстно; 14) собрать и издать всѣхъ писателей, писавшихъ о чемъ нибудь касающемся до Россійской Имперіи, по матеріямъ, напримѣръ, о Славянахъ, мнѣніе Баера, Миллера, Шлецера, Карамзина, Домбровскаго, сличить ихъ и опредѣлить достоинство каждаго, показать—чему вѣрить и въ чемъ сомнѣваться должно, и проч.; 15) сочинить Родословныя таблицы; 16) составить Палеографію. Все это составитъ 200 книгъ. Ихъ отдать историку, и тотъ будетъ дѣлать съ ними, чтó хочетъ. У насъ не сдѣлано ничего въ такомъ видѣ, хотя довольно сдѣлано по частямъ. Можно ли же думать объ Исторіи? Кромѣ всего этого, вотъ чтó еще непростительнаго сдѣлалъ Карамзинъ. Повѣствуя объ одномъ происшествіи, онъ говоритъ: смотри Никонову лѣтопись, между тѣмъ какъ я не знаю, почему въ семъ случаѣ можно принять свидѣтельство Никоновой лѣтописи, а въ другомъ нѣтъ; притомъ я знаю, что Никоновскій списокъ есть самый обезображенный переписчиками. Далѣе онъ говоритъ: смотри Гадебуша, Арндта, между тѣмъ какъ я не знаю, кто такой Гадебушъ, кто такой Арндтъ, упоминаютъ ли наши лѣтописи о томъ, о чемъ говорятъ сіи писатели, разнятся ли они, сходствуютъ ли; если у насъ о томъ не упоминается, почему повѣрить можно тѣмъ, и т. д.“ [80]) Либералы того времени, относясь безпощадно къ Карамзину, весьма сочувствовали Сперанскому, этому, по счастливому выраженію князя Вяземскаго, „чиновнику громадныхъ размѣровъ“. И въ этомъ сочувствіи Погодинъ подчинялся господствующему въ то время вѣянію, и мы находимъ въ *Дневникѣ* его слѣдующее: „Говорилъ съ В. Д. Корнильевымъ о Сперанскомъ, его умѣ, познаніяхъ, опытности, любви къ человѣчеству. Онъ знаетъ Латинскій, Нѣмецкій, Французскій, Англійскій языки и во время отдыха занимается Греческимъ, роется въ словаряхъ. Изъ поэтовъ любитъ болѣе всѣхъ Шиллера. Корнильевъ сказывалъ, что передъ войною съ Французами, Балашовъ и многіе знатные, ненавидя Сперанскаго изъ зависти, увѣрили Государя, что онъ передаетъ Наполеону о состояніи Россіи. Дай Богъ, что-

бы онъ принялъ опять участіе въ правленіи. Можетъ быть, у насъ дѣлалось бы лучше" [81]).

Въ это время Сперанскій вернулся въ Петербургъ и предъ нимъ, по выраженію графа Корфа, „засіяли, какъ маякъ, послѣ продолжительнаго и труднаго странствованія, главы и шпицы Петербургскіе" [82]).

Событія и лица новой, послѣ-петровской Исторіи подлежали также суду нашихъ молодыхъ мыслителей. Относясь съ благоговѣніемъ къ Петру Великому, они очень не благоволили къ Екатеринѣ Великой. Отраженіе этихъ мнѣній и отзывовъ находимъ въ *Дневникѣ* Погодина: „Екатерина не великая", писалъ онъ, „а очень средняя... Она имѣла нужду въ Дворянствѣ, въ его поддержаніи. Она дышала Дворянствомъ и за это дала ему все. Она жила не для потомства, для себя единственно". Но потомъ самъ Погодинъ спрашиваетъ": „Отчего при ней было много хорошаго? Дѣлая что угодно изъ 30 милліоновъ Русскихъ головъ, чего нельзя сдѣлать! Притомъ, всѣ отличныя событія ея царствованія, что имѣли *причиною*? Горестно, очень горестно размышлять, что многое знаменитое, великое въ здѣшнемъ мірѣ дѣлается или по случаю, или отъ причинъ низкихъ.—Она была очень, очень умна, но и много пятенъ на себѣ оставила. Карамзинъ! Зачѣмъ ты написалъ ей похвальное слово"? [83]). Однажды, бесѣдуя съ Кубаревымъ о рѣшительности Екатерины и нерѣшительности Петра III, Погодинъ замѣтилъ слѣдующее о семъ Государѣ: „Рожденіемъ получивъ право на Россію и Швецію, не получилъ ничего и кончилъ жизнь несчастнѣйшимъ образомъ" [84]). Приводимъ это крайнее мнѣніе о Великой Екатеринѣ, отъ котораго и самъ Погодинъ впослѣдствіи отказался, съ единственною цѣлію, чтобы охарактеризовать безразсудныя, антиисторическія увлеченія молодыхъ мыслителей Александровскаго времени. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы считаемъ долгомъ привести живое свидѣтельство *простыхъ*, *не книжныхъ* людей, жившихъ въ царствованіе Екатерины Великой, и притомъ въ низкой долѣ, и это свидѣтельство самымъ блистательнымъ образомъ

обличаетъ всю лживость подобныхъ увлеченій. Такъ, самъ же Погодинъ, по его собственному показанію, никакъ не могъ увѣрить своего старика отца въ томъ, что Екатерина *дурнаго сдѣлала болѣе, чѣмъ хорошаго* [85]). Затѣмъ, бесѣдуя однажды съ другимъ Екатерининскимъ старикомъ, Гусевымъ, отцомъ своего товарища, о тогдашнихъ налогахъ, Погодинъ услышалъ отъ старика слѣдующее: „При Екатеринѣ не платили ни копѣйки съ котла пивнаго. Жито было хорошо. Дай Богъ царство небесное Матушкѣ Государынѣ. *Какъ любилъ народъ Екатерину*“ [86]).

И другія великія событія нашей Исторіи подлежали суду нашихъ мыслителей, и надъ ними произносились сужденія, и тоже весьма крайнія. Такъ, напримѣръ, они находили, что „Война 1812 года принесла Россіи, болѣе безславія нежели славы. Русскіе, въ своей землѣ, съ такими пособіями, допустили непріятелей взять ихъ столицу! Не могли приготовиться къ войнѣ заранѣе! Не искусство дѣйствовало, а сила и морозы“ [87]). Подтвержденіемъ этого взгляда могъ послужить для Погодина слѣдующій случай. Ѣхалъ онъ однажды къ Кубареву на извощикѣ и „сей извощикъ, желая дать понять Погодину, что былъ въ чужихъ краяхъ, сказалъ ему: „какія въ чужихъ-то земляхъ горы“! На вопросъ Погодина: былъ ли онъ тамъ? отвѣтилъ: „я 27 лѣтъ служилъ солдатомъ“. „Съ кѣмъ же ты служилъ?“ „Съ Суворовымъ“. „Любилъ ли ты его“? Да ктоже его не любилъ? Если бы онъ былъ живъ, не быть бы Французу въ Москвѣ“. Отвѣтъ понравился Погодину, и онъ далъ старому ветерану 40 коп. „лишняго съ тѣмъ, чтобы онъ помянулъ Суворова“ [88]).

Текущая исторія, съ ея жгучими вопросами, не менѣе исторіи минувшихъ вѣковъ занимала пылкіе умы и составляла предметъ нескончаемыхъ толковъ кружка товарищей, въ которомъ вращался Погодинъ. Войны 1812—1815 гг., съ ихъ громадными послѣдствіями, политическими и нравственными, придали послѣднимъ годамъ царствованія императора Александра I-го, по справедливому замѣчанію графа Корфа, „зна-

ченіе цѣлаго столѣтія". Конечно, сужденія студентовъ были несамостоятельны; но они любопытны для насъ, какъ, отраженіе идей политическихъ и нравственныхъ, царившихъ въ то время въ нашемъ обществѣ. Однажды Погодинъ посѣтилъ питомца Кубарева, М. С. Ширая, и засталъ у него профессора Андрея Харитоновича Чеботарева, Степана Алексѣевича Маслова, и у нихъ завязалась любопытная бесѣда „о политическихъ дѣлахъ, о духѣ того времени". Опасное броженіе, происходившее въ то время въ нѣкоторыхъ гвардейскихъ полкахъ, закончившееся прискорбнымъ событіемъ *14-го декабря*, очевидно, дало поводъ къ слѣдующему разсужденію, записанному Погодинымъ въ его *Дневникѣ*. „Броженіе это и напоминаетъ то несчастное время Римлянъ, когда неистовые преторіянцы давали императоровъ, повелителей вселенной, и это было одною изъ главнѣйшихъ причинъ упадка Западной Имперіи. Войско должно быть машиною. Нашъ Государь поступаетъ весьма благоразумно, вводя строгую дисциплину. У насъ солдатъ не имѣетъ времени подумать о чемъ нибудь дальше своихъ пуговицъ, своего мундира и проч.; онъ всегда занятъ. Но зато должно наградить его послѣ, должно доставить ему самое спокойное, самое удобное, самое счастливое по возможности состояніе, такъ, чтобы не только не нуждался ни въ чемъ, но имѣлъ изобиліе во всемъ; а у насъ, къ несчастію и стыду, этого нѣтъ; притомъ должно уменьшить лѣта службы. Человѣку 25 лѣтъ не быть человѣкомъ—ужасно". С. А. Масловъ, осуждая революцію Испанскую и скорое введеніе новизны, сказалъ, „что законы, будучи плодомъ зрѣлаго разума, должны повелѣвать обстоятельствами, а не обстоятельства, вслѣдствіе страстей, законами". „Нѣтъ", возражалъ на это Погодинъ, законы должны предупреждать обстоятельства, сообразоваться съ ними. Для Россіянина XI вѣка довольно было Русской Правды, мы нуждаемся въ другомъ постановленіи. Отчего? Оттого, что обстоятельства перемѣнились, распространились понятія, нужды, отношенія. Если бы законы были плодомъ одного разума, то они у всѣхъ народовъ и во всѣ времена должны были бы быть одинаковы. А

мы видимъ совсѣмъ напротивъ. Поэтому то Солонъ, могши дать Аѳинянамъ законы лучшіе, не далъ ихъ, зная, что они при тогдашнихъ обстоятельствахъ не могли быть имъ полезны. Законы идутъ вмѣстѣ съ образованіемъ народа". Говоря о революціяхъ, С. А. Масловъ вспомнилъ слова Мирабо, который, умирая, на вопросъ: когда кончится революція? отвѣчалъ: *когда обойдетъ весь свѣтъ.* Еще говорили о состояніи господскихъ крестьянъ въ Россіи, о неудобности подушнаго оклада и о выгодахъ поземельнаго, о томъ, что помѣщики, давъ свободу крестьянамъ, не потеряютъ ничего" [89]).

Извнѣ дѣла Неаполитанскія, а внутри возмущеніе Семеновскаго полка обращали тогда всеобщее вниманіе и составляли предметъ разговоровъ. О нихъ толковали и въ салонахъ, и въ кабинетахъ ученыхъ, и въ студенческихъ кружкахъ. „Былъ у Трубецкихъ", пишетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „и говорилъ съ княземъ Юріемъ Ивановичемъ о всеобщихъ возмущеніяхъ въ Европѣ. Государь хочетъ подавать помощь Австрійцамъ и Неаполитанскому Королю противъ Неаполитанцевъ. Что намъ до нихъ за дѣло? Какое право имѣемъ мы вступаться въ чужія дѣла? Мы что за опекуны? Можно ли для этого пожертвовать жизнью 50,000 человѣкъ?" [90]). Не одни Неаполитанскія дѣла, но и почтенные цари Грузинскіе не ускользали отъ вниманія нашего любознательнаго студента. Посѣтивъ какъ-то сына давняго благодѣтеля, Рѣшетникова, Погодинъ завелъ съ нимъ разговоръ о жалкомъ положеніи царей Грузинскихъ, проживающихъ въ Москвѣ, и по поводу этого разговора, мы находимъ въ *Дневникѣ* его слѣдующую замѣтку: „Цари, изгнанники изъ своего отечества, на чужой сторонѣ, въ зависимости". Находя присоединеніе къ намъ Грузіи „несправедливымъ", Погодинъ спрашиваетъ: „Какая польза намъ отъ Грузіи? Неужели намъ мало своей земли? Зачѣмъ обременять себя произвольно управленіемъ постороннихъ государствъ?" При этомъ Погодинъ вспоминаетъ о какой-то проповѣди, говоренной однимъ архимандритомъ, „по случаю *несправедливыхъ* войнъ съ Турціею

во время Екатерины II-ой“ [91]). Возмущеніе Грековъ также будоражило умы того времени; но лично на Погодина, кажется, это событіе не произвело особаго впечатлѣнія. Въ *Дневникѣ* его сохранились указанія на его разговоры объ этомъ съ И. А. Геймомъ и Ѳ. И. Тютчевымъ; отъ перваго онъ узналъ, что „Константину Павловичу тотчасъ по рожденіи дана была кормилица гречанка“. Болѣе подробно описанъ разговоръ Погодина съ Тютчевымъ о Туркахъ. „Цѣлый народъ“, говорили они, „выгнать трудно. Проѣздъ цѣлаго народа чрезъ Мраморное море будетъ занимателенъ“. По поводу этой бесѣды, онъ замѣчаетъ: „обыкновенные государи въ наше время, обыкновенные министры, полководцы, и какія великія происшествія!“ [92]).

Между тѣмъ, внутреннія дѣла наши въ то время имѣли тревожный характеръ: въ 1820 году, въ С. Петербургѣ, во время отсутствія Императора Александра I-го, произошли извѣстные безпорядки въ его любимомъ Семеновскомъ полку. Это печальное событіе произвело сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и вызывало толки. Сочувствія были на сторонѣ Семеновцевъ, хотя Погодинъ и находилъ, что, „судя строго, Семеновцы, возмутясь и оказавъ неповиновеніе начальству, подали очень дурной примѣръ. Они имѣли доступъ къ Государю и могли прямо подать ему просьбу или пересказать на словахъ свои жалобы“; но тѣмъ не менѣе, онъ находилъ, что „возмущеніе ихъ было самое благородное, великодушное, достойное Русскихъ“, и что оно „доказываетъ, что солдаты наши имѣютъ тонкое чувство чести, умѣютъ любить Отечество, знаютъ свои обязанности. Ахъ, если бы умѣли обходиться съ нашимъ народомъ“. Все молодое поколѣніе Трубецкихъ стояло за Семеновцевъ. Дама сердца Погодина, княжна Аграфена Ивановна, „сильно защищала величіе ихъ поступка“ а княгиня А. Н. Голицына „задыхалась, выходила изъ себя, говоря о превосходныхъ качествахъ Русскаго народа“, Погодинъ, „въ молчаніи“, слушая ихъ, умилялся, восхищался, восклицая: „драгоцѣнныя, драгоцѣнныя женщины!“ Но, воображая себя на мѣстѣ Го-

сударя, онъ поступилъ бы такимъ образомъ: „изложа подробно и доказавъ вину Семеновцевъ, простилъ бы ихъ“ [93]). Когда Погодинъ разсказалъ своему отцу о Семеновской исторіи, то Екатериненскій старикъ заплакалъ, и въ этомъ Погодинъ усмотрѣлъ „вѣрнѣйшее доказательство, что поступокъ Семеновцевъ хорошъ. Сердце говоритъ за него“.

Вопросъ крестьянскій, т. е. освобожденіе крѣпостныхъ, съ давнихъ временъ занималъ умы нашихъ государей, законодателей, мыслителей, и очень естественно, что онъ былъ предметомъ толковъ и университетскаго юношества, а Погодинъ, происходя самъ изъ крѣпостныхъ, принималъ этотъ вопросъ особенно къ сердцу. Въ бесѣдахъ съ товарищами, жгучій вопросъ этотъ не ограничивался только общими мыслями и разсужденіями. Такъ, на вечерѣ у богатаго Малороссійскаго помѣщика, Михаила Степановича Ширая, когда разговоръ коснулся этого вопроса, послышались такія разсужденія: „свобода крестьянъ не должна быть введена у насъ теперь, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Доказательство очевидно: казенные крестьяне живутъ не лучше помѣщичьихъ... Народъ не можетъ еще пользоваться свободою, какъ должно“. Михаилъ Степановичъ Ширай увѣрялъ Погодина, что „крестьяне отца его очень много сѣтовали на него за то, что онъ выстроилъ имъ новыя избы; они хотѣли лучше коптиться въ старыхъ. Къ перемѣнамъ должно приступать исподволь; должно ограничить права помѣщиковъ, опредѣлить обязанности крестьянъ“. Бесѣдуя однажды съ товарищемъ своимъ Бычковымъ и Ждановскимъ о томъ же вопросѣ, Погодинъ пришелъ къ слѣдующему заключенію: „крестьянамъ даже и теперь было бы хорошо, еслибы исполняли всѣ повелѣнія правительства въ отношеніи къ нимъ, и несчастіе ихъ происходитъ отъ того, что начальство не слушаетъ ихъ жалобъ. Казенныя крестьяне гораздо больше платятъ симъ піявицамъ судьямъ, нежели господскіе—господамъ. Послѣ всеобщей свободы, сколько будетъ праздношатающихся дворовыхъ людей, коихъ теперь по сотнѣ держатъ иные господа. Куда они дѣнутся? Станутъ

воровать" [94]). Нѣкто сообщилъ Погодину свои мысли о крестьянскомъ вопросѣ, которыя показались ему превосходными. Вотъ въ чемъ они заключаются: „Опредѣлить, сколько въ какой губерніи крестьянинъ долженъ платить господину, и назначить сумму, внеся которую ему, крестьянинъ дѣлается вольнымъ и получаетъ *участокъ земли*. Это будетъ важнѣйшій и величайшій шагъ къ счастію Россіи. Какъ возбудится промышленность, какъ возрастутъ фабрики, какъ оживится торговля!... Дворяне ничего не потеряютъ. Они съ капитала, полученнаго ими отъ крестьянъ, будутъ получать проценты и по одеждѣ будутъ протягивать ножки, слѣдовательно, уменьшится роскошь, распространится просвѣщеніе; ибо мелкіе дворяне должны будутъ стараться изыскивать средства для своего пропитанія" [95]).

Погодинъ и его товарищи очень не благоволили къ Французамъ и вообще къ иностранцамъ. Собрались однажды у Ширая Погодинъ, Кубаревъ и толковали о „пристрастіи Русскихъ бояръ къ иностранцамъ. „Намъ нуженъ Петръ, божественный Петръ", сказалъ Кубаревъ, „который бы однимъ ударомъ искоренилъ это гибельное для Россіи пристрастіе, заставилъ бы любить отечественное; гроза, гроза великая можетъ только очистить моральный нашъ воздухъ". Погодинъ къ этимъ словамъ прибавилъ свою мечту „составить общество, которое бы имѣло цѣлію войну съ этою челядью Французскою. Чему выучиваютъ они, спросить по совѣсти у всякаго закоренѣлаго поклонника Французскаго?. Горе, горе намъ, если это продолжится долго!" [96]). У него даже являлась мысль сочинить комедію, въ которой были бы раскрыты „всѣ пронырства, хитрости, невѣжество, злодѣйства, пагубное ученіе Французовъ, раздоры, посѣянные ими въ семействахъ, несчастія, отъ нихъ проистекающія, и пр. Дѣйствующими лицами были бы: отецъ, мать, сынъ, дочь, женихъ, гувернеръ, гувернантка, *добрый другъ* дома. Въ ней представлено было бы: какимъ образомъ Французы овладѣли умомъ хозяевъ, пріобрѣли ихъ довѣренность, различныя хамелеонскія образы угожденія ихъ всѣмъ

членамъ семейства, охлажденіе сердца родителей къ дѣтямъ, отдаленіе добраго жениха, діавольскіе планы — замѣненіе его извергомъ, обѣщавшимъ имъ разныя выгоды, готовность къ этому отца и матери, раскрытіе глазъ ихъ *добрымъ другомъ*". Подъ „добрымъ другомъ" Погодинъ, очевидно, разумѣлъ себя [97]). Нашихъ мыслителей возмущало и то, что важнѣйшія у насъ должности поручаются иностранцамъ, и что имъ дается право покупать Русскихъ крестьянъ. „Для чего довѣрять", читаемъ мы въ *Дневникѣ*, „важнѣйшія, видныя должности иностранцамъ? Неужели у насъ нѣтъ своихъ, способныхъ къ занятію ихъ. Иностранцамъ дается право покупать крестьянъ. Будучи иновѣрцами, имѣя совсѣмъ другой духъ, другія мысли, стараясь только награбить побольше, они не пекутся объ ихъ пользѣ, грабятъ, презираютъ ихъ. Боже мой! Боже! Какъ еще стоитъ Россія" [98]). Даже почтенный трудъ Лерберга возмущалъ патріотическое чувство Погодина: „Все Нѣмцы,—все не Русскіе! О, срамъ! О, поношеніе! Проснитесь Русскія головы! И винить ихъ нельзя! Какія у насъ пособія къ просвѣщенію? Никакихъ. А сколько препятствій? Не говоря уже объ университетахъ, какая дороговизна книгъ?. Не всѣ родятся геніями, коимъ никакія преграды мѣшать не могутъ; не столь твердымъ надобно открывать дороги" [99]). Свою нелюбовь къ Французамъ они переносили и на Французскую литературу. По поводу разговора своего объ этомъ предметѣ съ Кубаревымъ, Погодинъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Французская поэзія—это проза съ риѳмами. Французы пріобрѣли славу оружіемъ въ блестящій вѣкъ Людовика, первые обработали языкъ свой,—и вотъ причина его повсемѣстности. Ловкостью, образованностію вкрались въ женщинъ,—вотъ другая. Языкъ самый монотонный. Еще вѣкъ продолжится этотъ чадъ, и тогда прощайте господа Французы. Вы и языкъ вашъ останетесь позади всѣхъ" [100]). Прочитавъ Расинову трагедію *Ифигенію*, онъ замѣчаетъ: „настоящая ли эта трагедія? Сколько несообразностей, пустословія, Французскихъ оборотовъ, которые вовсе не идутъ для Грековъ? Если бы его Ахиллеса, Агамемнона,

Ифигенію назвать принцемъ Конде, Тюренемъ, Нинонoю, нарядить ихъ въ платье XVII в., мы бы не замѣтили никакой несообразности. Это настоящіе Французы. Гдѣ Греки? Ничего нѣтъ, или очень мало трагическаго. Хорошій слогъ, нѣсколько хорошихъ мыслей. Говорятъ, что Расинъ зналъ хорошо человѣческое сердце. Изъ этой трагедіи заключить онаго нельзя" [101]). Вольтеръ возмущалъ Погодина способностью своею „обращать все въ смѣшную сторону." Не менѣе возмущало его и то, что въ письмахъ къ Екатеринѣ онъ „не пропускалъ ни одного случая смѣяться надъ Священнымъ Писаніемъ" [102]). Изъ всей Французской литературы, одинъ только Руссо плѣнялъ Погодина. Зато Нѣмецкая литература восхищала его. Въ этомъ сказалось, конечно, вліяніе Тютчева, который, какъ мы уже знаемъ, посвятилъ его въ таинства этой литературы. „Читалъ съ Генингтою", отмѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „разныя стихотворенія Шиллера. Ахъ геній! Вотъ поэзія! Что наши поэты предъ нимъ!" [103]). Съ Тютчевымъ они толковали и о кажущейся имъ „ограниченности познаній" нашихъ писателей. „Кто изъ нихъ", спрашивали они самодовольно, „кромѣ новѣйшихъ, зналъ больше одного или двухъ языковъ? А у Нѣмцевъ какая всеобъемлемость".

Эти чтенія, бесѣды и размышленія, очень естественно, развивали способности, окрыляли духъ, способствовали къ проявленію природныхъ дарованій Погодина. Онъ заключаетъ съ Кубаревымъ условіе приняться, по окончаніи курса, за сочиненіе Русской грамматики [104]). Для этой цѣли они положили жить вмѣстѣ. По окончаніи, мечтали поднесть эту грамматику Университету, Академіи, Государю [105]). Не довольствуясь этимъ, Погодинъ думаетъ „написать на досугѣ" о послѣднемъ времени Карѳагенской республики, и пр.; еще сдѣлать обозрѣніе всѣхъ народовъ, на Русской землѣ обитающихъ, начиная отъ камчадала или лопаря, коему одинъ олень доставляетъ все, до легкаго, какъ эфирный воздухъ, француза, носящаго имя русскаго" [106]). Исторія Богомъ избраннаго народа Еврейскаго также сильно интересовала нашего студента. „Какое великое,

богатое поле для таланта!“ восклицаетъ онъ. „Съ какимъ искусствомъ, сообразуясь съ нашими понятіями, съ какою силою можно изобразить нѣкоторыя ея эпохи, напримѣръ, времена патріархальныя, мученія въ Египтѣ, исходъ цѣлаго народа, дарованіе самимъ Богомъ законовъ, страданія въ пустынѣ, приходъ въ Обѣтованную землю, отведеніе въ плѣнъ цѣлаго народа, возвращеніе въ отечество, и пр., и пр.“ [107]).

Цѣлый рядъ трудовъ намѣтилъ Погодинъ для своихъ будущихъ занятій. Онъ намѣревался: сочинить Родословныя таблицы, перевесть Нестора на Латинскій языкъ, для Нѣмцевъ, сочинить Исторію Русской Словесности, перевесть Шатобріана, заниматься понемногу Греческимъ языкомъ, нанять нѣмца для упражненія въ Нѣмецкомъ языкѣ, читать: изъ Латинскаго—Овидія, изъ Французскаго—Руссо, изъ Нѣмецкаго—Шиллера. Обѣдая однажды у Кубарева, онъ уже „восхищался“ будущими ихъ занятіями, „мы выдадимъ“, отмѣчено въ *Дневникѣ*, „вдругъ сочиненія по разнымъ частямъ. Родословныя таблицы, историческое разсужденіе, нѣсколько волшебныхъ оперъ, разсужденіе объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ, переводы съ Итальянскаго, Англійскаго, трактатъ о музыкѣ, Русскую грамматику, какого нибудь Латинскаго автора, съ примѣчаніями, и пр., и пр.“ [108]). Тютчевъ даетъ ему идею перевести на Латинскій языкъ *Слово о полку Игоревѣ*, а восхищаясь переводомъ Жуковскаго изъ Овидія, Погодинъ думаетъ самъ попробовать гекзаметръ. Наконецъ, онъ мечтаетъ объ изданіи журнала. „Издателями будутъ“, пишетъ онъ въ *Дневникѣ*, „я, Кубаревъ, Калайдовичъ, Строевъ. Въ первой книжкѣ будетъ разборъ оды Богъ—Мерзлякова; взглядъ Погодина на Россійскую Исторію; о гекзаметрахъ — Кубарева; разсужденіе изъ Русской Исторіи — Калайдовича, и пр., и пр.“ [109]). Не довольствуясь всѣмъ этимъ, пылкій студентъ нашъ замышляетъ дѣйствительно написать фантастическую оперу *Гаральдъ*, и сохранилась даже набросанная имъ завязка этой оперы: „Гаральдъ, послѣ продолжительнаго странствованія, совершивъ множество различныхъ подвиговъ, требованныхъ

гордою Елизаветою, пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Желая испытать, не остыло ли для него сердце Княжны, любитъ ли она его столько, сколько онъ любитъ ее, и достойна ли она его такъ, какъ онъ достоинъ ея, онъ заставляетъ одного знаменитаго витязя Норвежскаго, своего товарища, просить у Ярослава руки Елизаветиной, самъ скрывается въ его свитѣ. Ярославъ, столь долгое время не имѣвшій извѣстія о Гаральдѣ, полагая, что онъ погибъ, соглашается на бракъ Норвежскаго витязя съ дочерью; но Елизавета не хочетъ о немъ слышать, она мечтаетъ безпрестанно о своемъ Гаральдѣ, о его опасностяхъ, на которыя онъ пускается изъ любви къ ней, о его славѣ. Извѣщаютъ о его смерти. Она рѣшается идти въ монастырь. Восхищенный Гаральдъ открывается и, занавѣсъ опускается" [110]).

Въ семействѣ Трубецкихъ, какъ мы уже видѣли, Погодинъ, не смотря на свое скромное званіе *Русскаго учителя* и на свое скромное происхожденіе, былъ, что называется, своимъ человѣкомъ, или, какъ онъ самъ себя величалъ, *добрымъ другомъ дома*, и отношенія, образовавшіяся у него въ Знаменскомъ, продолжались и на Покровкѣ. Онъ не сидѣлъ у нихъ за *учительскимъ столомъ* и его не угощали тамъ, такъ называемымъ, *учительскимъ виномъ*. Онъ не только смѣлъ тамъ *свое сужденіе имѣть*, но даже выражалъ подчасъ оное очень рѣзко и очень громко, а иногда и неприлично. Онъ нерѣдко нападалъ на старшаго сына Трубецкихъ, князя Юрія Ивановича, за его пренебреженіе къ Русскимъ и къ Русской Исторіи. „Стыдитесь", говорилъ онъ ему, „пасынки Россіи! Чей хлѣбъ вы ѣдите". Между тѣмъ, сестеръ его онъ даже не имѣлъ и повода упрекать въ этомъ. Кромѣ своихъ учительскихъ обязанностей, Погодинъ занимался составленіемъ Родословія князей Трубецкихъ, и трудъ свой представилъ отцу нынѣшняго оберъ-гофмаршала, князю Никитѣ Петровичу Трубецкому.

Въ это время, въ домѣ Трубецкихъ совершилось счастливое семейное событіе: княжна Софія Ивановна вышла

замужъ за Александра Всеволодовича Всеволожскаго. Въ день своего рожденія, 11 ноября 1820 года, Погодинъ былъ „на отпускѣ приданнаго Софіи Ивановны“ и тутъ же познакомился съ извѣстнымъ Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ и слушалъ его разговоры объ Италіи, о Французской поэзіи. На другой день происходило бракосочетаніе, и Погодинъ даже плакалъ, смотря на Софію Ивановну, какъ родители отпускали ее навѣки изъ своего дома. Самое вѣнчаніе произвело на него сильное впечатлѣніе. „Трогательный обрядъ“, замѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „что ни говори, много, много дѣйствуютъ обряды на людей“. Въ церкви Погодинъ молился за Софію Ивановну, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за сестру ея, княжну Аграфену Ивановну, о томъ, чтобы и она поскорѣе вышла замужъ [111]). Для Аграфены Ивановны онъ, въ пылкомъ воображеніи своемъ, уже пріискалъ и жениха,—это таинственнаго и невозможнаго графа Мамонова; а „я, пишетъ онъ, „сталъ бы тогда держать вѣнецъ надъ ней“ [112]). У новобрачной четы Всеволожскихъ Погодинъ былъ уже совсѣмъ какъ дома и даже нѣкіимъ авторитетомъ. Добрѣйшая Софія Ивановна повѣряла ему свои книги приходныя и расходныя [113]) и онъ распекалъ ее, однажды, за то, что она, поѣхавъ въ снѣжную погоду въ саняхъ, испортила свою шляпу и шубу [114]). Кромѣ того, Погодинъ позволялъ себѣ открыто выражать имъ свое неудовольствіе за то, что въ ихъ домѣ бываютъ „рожи“, которыхъ онъ не желалъ бы у нихъ видѣть [115]). Бывая часто у Всеволожскихъ, онъ съ удовольствіемъ примѣчалъ, какъ они любятъ другъ друга, какой у нихъ во всемъ порядокъ, и при этомъ выражалъ желаніе, чтобы они употребляли каждый годъ хотя бы по десятой части изъ своихъ доходовъ на дѣла благодѣтельныя. Но, любуясь счастіемъ новобрачной четы Погодинъ съ грустью думалъ о зазнобѣ своего сердца: „отдать бы мнѣ“, писалъ онъ въ *Дневникѣ*, „еще моего ангела Аграфену Ивановну! Грустно, грустно мнѣ смотрѣть на нее. При всей моей бѣдности и ограниченности моихъ доходовъ, я соглашусь по-

воровать“ [94]). Нѣкто сообщилъ Погодину свои мысли о крестьянскомъ вопросѣ, которыя показались ему превосходными. Вотъ въ чемъ они заключаются: „Опредѣлить, сколько въ какой губерніи крестьянинъ долженъ платить господину, и назначить сумму, взнеся которую ему, крестьянинъ дѣлается вольнымъ и получаетъ *участокъ земли*. Это будетъ важнѣйшій и величайшій шагъ къ счастію Россіи. Какъ возбудится промышленность, какъ возрастутъ фабрики, какъ оживится торговля!... Дворяне ничего не потеряютъ. Они съ капитала, полученнаго ими отъ крестьянъ, будутъ получать проценты и по одежкѣ будутъ протягивать ножки, слѣдовательно, уменьшится роскошь, распространится просвѣщеніе; ибо мелкіе дворяне должны будутъ стараться изыскивать средства для своего пропитанія“ [95]).

Погодинъ и его товарищи очень не благоволили къ Французамъ и вообще къ иностранцамъ. Собрались однажды у Ширая Погодинъ, Кубаревъ и толковали о „пристрастіи Русскихъ бояръ къ иностранцамъ. „Намъ нуженъ Петръ, божественный Петръ“, сказалъ Кубаревъ, „который бы однимъ ударомъ искоренилъ это гибельное для Россіи пристрастіе, заставилъ бы любить отечественное; гроза, гроза великая можетъ только очистить моральный нашъ воздухъ“. Погодинъ къ этимъ словамъ прибавилъ свою мечту „составить общество, которое бы имѣло цѣлію войну съ этою челядью Французскою. Чему выучиваютъ они, спросить по совѣсти у всякаго закоренѣлаго поклонника Французскаго?. Горе, горе намъ, если это продолжится долго!“ [96]). У него даже являлась мысль сочинить комедію, въ которой были бы раскрыты „всѣ пронырства, хитрости, невѣжество, злодѣйства, пагубное ученіе Французовъ, раздоры, посѣянные ими въ семействахъ, несчастія, отъ нихъ проистекающія, и пр. Дѣйствующими лицами были бы: отецъ, мать, сынъ, дочь, женихъ, гувернеръ, гувернантка, *добрый другъ* дома. Въ ней представлено было бы: какимъ образомъ Французы овладѣли умомъ хозяевъ, пріобрѣли ихъ довѣренность, различныя хамелеонскія образы угожденія ихъ всѣмъ

членамъ семейства, охлажденіе сердца родителей къ дѣтямъ, отдаленіе добраго жениха, діавольскіе планы — замѣненіе его извергомъ, обѣщавшимъ имъ разныя выгоды, готовность къ этому отца и матери, раскрытіе глазъ ихъ *добрымъ другомъ*". Подъ „добрымъ другомъ" Погодинъ, очевидно, разумѣлъ себя [97]). Нашихъ мыслителей возмущало и то, что важнѣйшія у насъ должности поручаются иностранцамъ и что имъ дается право покупать Русскихъ крестьянъ. „Для чего довѣрять", читаемъ мы въ *Дневникѣ*, „важнѣйшія, видныя должности иностранцамъ? Неужели у насъ нѣтъ своихъ, способныхъ къ занятію ихъ. Иностранцамъ дается право покупать крестьянъ. Будучи иновѣрцами, имѣя совсѣмъ другой духъ, другія мысли, стараясь только награбить побольше, они не пекутся объ ихъ пользѣ, грабятъ, презираютъ ихъ. Боже мой! Боже! Какъ еще стоитъ Россія" [98]). Даже почтенный трудъ Лерберга возмущалъ патріотическое чувство Погодина: „Все Нѣмцы,—все не Русскіе! О, срамъ! О, поношеніе! Проснитесь Русскія головы! И винить ихъ нельзя! Какія у насъ пособія къ просвѣщенію? Никакихъ. А сколько препятствій? Не говоря уже объ университетахъ, какая дороговизна книгъ?. Не всѣ родятся геніями, коимъ никакія преграды мѣшать не могутъ; не столь твердымъ надобно открывать дороги" [99]). Свою нелюбовь къ Французамъ они переносили и на Французскую литературу. По поводу разговора своего объ этомъ предметѣ съ Кубаревымъ, Погодинъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Французская поэзія—это проза съ риѳмами. Французы пріобрѣли славу оружіемъ въ блестящій вѣкъ Людовика, первые обработали языкъ свой,—и вотъ причина его повсемѣстности. Ловкостью, образованностію вкрались въ женщинъ,—вотъ другая. Языкъ самый монотонный. Еще вѣкъ продолжится этотъ чадъ, и тогда прощайте господа Французы. Вы и языкъ вашъ останетесь позади всѣхъ" [100]). Прочитавъ Расинову трагедію *Ифигенію*, онъ замѣчаетъ: „настоящая ли эта трагедія? Сколько несообразностей, пустословія, Французскихъ оборотовъ, которые вовсе не идутъ для Грековъ? Если бы его Ахиллеса, Агамемнона,

Ифигенію назвать принцемъ Конде, Тюренемъ, Нинонoю, нарядить ихъ въ платье XVII в., мы бы не замѣтили никакой несообразности. Это настоящіе Французы. Гдѣ Греки? Ничего нѣтъ, или очень мало трагическаго. Хорошій слогъ, нѣсколько хорошихъ мыслей. Говорятъ, что Расинъ зналъ хорошо человѣческое сердце. Изъ этой трагедіи заключить онаго нельзя" [101]). Вольтеръ возмущалъ Погодина способностью своею „обращать все въ смѣшную сторону." Не менѣе возмущало его и то, что въ письмахъ къ Екатеринѣ онъ „не пропускалъ ни одного случая смѣяться надъ Священнымъ Писаніемъ" [102]). Изъ всей Французской литературы, одинъ только Руссо плѣнялъ Погодина. Зато Нѣмецкая литература восхищала его. Въ этомъ сказалось, конечно, вліяніе Тютчева, который, какъ мы уже знаемъ, посвятилъ его въ таинства этой литературы. „Читалъ съ Генингтою", отмѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „разныя стихотворенія Шиллера. Ахъ геній! Вотъ поэзія! Что наши поэты предъ нимъ!" [103]). Съ Тютчевымъ они толковали и о кажущейся имъ „ограниченности познаній" нашихъ писателей. „Кто изъ нихъ", спрашивали они самодовольно, „кромѣ новѣйшихъ, зналъ больше одного или двухъ языковъ? А у Нѣмцевъ какая всеобъемлемость".

Эти чтенія, бесѣды и размышленія, очень естественно, развивали способности, окрыляли духъ, способствовали къ проявленію природныхъ дарованій Погодина. Онъ заключаетъ съ Кубаревымъ условіе приняться, по окончаніи курса, за сочиненіе Русской грамматики [104]). Для этой цѣли они положили жить вмѣстѣ. По окончаніи, мечтали поднесть эту грамматику Университету, Академіи, Государю [105]). Не довольствуясь этимъ, Погодинъ думаетъ „написать на досугѣ" о послѣднемъ времени Карѳагенской республики, и пр.; еще сдѣлать обозрѣніе всѣхъ народовъ, на Русской землѣ обитающихъ, начиная отъ камчадала или лопаря, коему одинъ олень доставляетъ все, до легкаго, какъ эфирный воздухъ, француза, носящаго имя русскаго" [106]). Исторія Богомъ избраннаго народа Еврейскаго также сильно интересовала нашего студента. „Какое великое,

богатое поле для таланта!" восклицаетъ онъ. „Съ какимъ искусствомъ, сообразуясь съ нашими понятіями, съ какою силою можно изобразить нѣкоторыя ея эпохи, напримѣръ, времена патріархальныя, мученія въ Египтѣ, исходъ цѣлаго народа, дарованіе самимъ Богомъ законовъ, страданія въ пустынѣ, приходъ въ Обѣтованную землю, отведеніе въ плѣнъ цѣлаго народа, возвращеніе въ отечество, и пр., и пр." [107]).

Цѣлый рядъ трудовъ намѣтилъ Погодинъ для своихъ будущихъ занятій. Онъ намѣревался: сочинить Родословныя таблицы, перевесть Нестора на Латинскій языкъ, для Нѣмцевъ, сочинить Исторію Русской Словесности, перевесть Шатобріана, заниматься понемногу Греческимъ языкомъ, нанять нѣмца для упражненія въ Нѣмецкомъ языкѣ, читать: изъ Латинскаго—Овидія, изъ Французскаго—Руссо, изъ Нѣмецкаго—Шиллера. Обѣдая однажды у Кубарева, онъ уже „восхищался" будущими ихъ занятіями, „мы выдадимъ", отмѣчено въ *Дневникѣ*, „вдругъ сочиненія по разнымъ частямъ. Родословныя таблицы, историческое разсужденіе, нѣсколько волшебныхъ оперъ, разсужденіе объ изящныхъ наукахъ и искусствахъ, переводы съ Итальянскаго, Англійскаго, трактатъ о музыкѣ, Русскую грамматику, какого нибудь Латинскаго автора, съ примѣчаніями, и пр., и пр." [108]). Тютчевъ даетъ ему идею перевести на Латинскій языкъ *Слово о полку Игоревѣ*, а восхищаясь переводомъ Жуковскаго изъ Овидія, Погодинъ думаетъ самъ попробовать гекзаметръ. Наконецъ, онъ мечтаетъ объ изданіи журнала. „Издателями будутъ", пишетъ онъ въ *Дневникѣ*, „я, Кубаревъ, Калайдовичъ, Строевъ. Въ первой книжкѣ будетъ разборъ оды Богъ—Мерзлякова; взглядъ Погодина на Россійскую Исторію; о гекзаметрахъ — Кубарева; разсужденіе изъ Русской Исторіи — Калайдовича, и пр., и пр." [109]). Не довольствуясь всѣмъ этимъ, пылкій студентъ нашъ замышляетъ дѣйствительно написать фантастическую оперу *Гаральдъ*, и сохранилась даже набросанная имъ завязка этой оперы: „Гаральдъ, послѣ продолжительнаго странствованія, совершивъ множество различныхъ подвиговъ, требованныхъ

гордою Елизаветою, пріѣзжаетъ въ Кіевъ. Желая испытать, не остыло ли для него сердце Княжны, любитъ ли она его столько, сколько онъ любитъ ее, и достойна ли она его такъ, какъ онъ достоинъ ея, онъ заставляетъ одного знаменитаго витязя Норвежскаго, своего товарища, просить у Ярослава руки Елизаветиной, самъ скрывается въ его свитѣ. Ярославъ, столь долгое время не имѣвшій извѣстія о Гаральдѣ, полагая, что онъ погибъ, соглашается на бракъ Норвежскаго витязя съ дочерью; но Елизавета не хочетъ о немъ слышать, она мечтаетъ безпрестанно о своемъ Гаральдѣ, о его опасностяхъ, на которыя онъ пускается изъ любви къ ней, о его славѣ. Извѣщаютъ о его смерти. Она рѣшается идти въ монастырь. Восхищенный Гаральдъ открывается и, занавѣсъ опускается" [110]).

Въ семействѣ Трубецкихъ, какъ мы уже видѣли, Погодинъ, не смотря на свое скромное званіе *Русскаго учителя* и на свое скромное происхожденіе, былъ, что называется, своимъ человѣкомъ, или, какъ онъ самъ себя величалъ, *добрымъ другомъ дома*, и отношенія, образовавшіяся у него въ Знаменскомъ, продолжались и на Покровкѣ. Онъ не сидѣлъ у нихъ за *учительскимъ столомъ* и его не угощали тамъ, такъ называемымъ, *учительскимъ виномъ*. Онъ не только смѣлъ тамъ *свое сужденіе имѣть*, но даже выражалъ подчасъ оное очень рѣзко и очень громко, а иногда и неприлично. Онъ нерѣдко нападалъ на старшаго сына Трубецкихъ, князя Юрія Ивановича, за его пренебреженіе къ Русскимъ и къ Русской Исторіи. „Стыдитесь", говорилъ онъ ему, „пасынки Россіи! Чей хлѣбъ вы ѣдите". Между тѣмъ, сестеръ его онъ даже не имѣлъ и повода упрекать въ этомъ. Кромѣ своихъ учительскихъ обязанностей, Погодинъ занимался составленіемъ Родословія князей Трубецкихъ, и трудъ свой представилъ отцу нынѣшняго оберъ-гофмаршала, князю Никитѣ Петровичу Трубецкому.

Въ это время, въ домѣ Трубецкихъ совершилось счастливое семейное событіе: княжна Софія Ивановна вышла

замужъ за Александра Всеволодовича Всеволожскаго. Въ день своего рожденія, 11 ноября 1820 года, Погодинъ былъ „на отпускѣ приданнаго Софіи Ивановны“ и тутъ же познакомился съ извѣстнымъ Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ и слушалъ его разговоры объ Италіи, о Французской поэзіи. На другой день происходило бракосочетаніе, и Погодинъ даже плакалъ, смотря на Софію Ивановну, какъ родители отпускали ее навѣки изъ своего дома. Самое вѣнчаніе произвело на него сильное впечатлѣніе. „Трогательный обрядъ“, замѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „чтò ни говори, много, много дѣйствуютъ обряды на людей“. Въ церкви Погодинъ молился за Софію Ивановну, но вмѣстѣ съ тѣмъ и за сестру ея, княжну Аграфену Ивановну, о томъ, чтобы и она поскорѣе вышла замужъ [111]). Для Аграфены Ивановны онъ, въ пылкомъ воображеніи своемъ, уже пріискалъ и жениха,—это таинственнаго и невозможнаго графа Мамонова; а „я, пишетъ онъ, „сталъ бы тогда держать вѣнецъ надъ ней“ [112]). У новобрачной четы Всеволожскихъ Погодинъ былъ уже совсѣмъ какъ дома и даже нѣкіимъ авторитетомъ. Добрѣйшая Софія Ивановна повѣряла ему свои книги приходныя и расходныя [113]) и онъ распекалъ ее, однажды, за то, что она, поѣхавъ въ снѣжную погоду въ саняхъ, испортила свою шляпу и шубу [114]). Кромѣ того, Погодинъ позволялъ себѣ открыто выражать имъ свое неудовольствіе за то, что въ ихъ домѣ бываютъ „рожи“, которыхъ онъ не желалъ бы у нихъ видѣть [115]). Бывая часто у Всеволожскихъ, онъ съ удовольствіемъ примѣчалъ, какъ они любятъ другъ друга, какой у нихъ во всемъ порядокъ, и при этомъ выражалъ желаніе, чтобы они употребляли каждый годъ хотя бы по десятой части изъ своихъ доходовъ на дѣла благодѣтельныя. Но, любуясь счастіемъ новобрачной четы Погодинъ съ грустью думалъ о зазнобѣ своего сердца: „отдать бы мнѣ“, писалъ онъ въ *Дневникѣ*, „еще моего ангела Аграфену Ивановну! Грустно, грустно мнѣ смотрѣть на нее. При всей моей бѣдности и ограниченности моихъ доходовъ, я соглашусь по-

лучать пять лѣтъ только по половинѣ, съ тѣмъ, чтобъ отдать ее за... однимъ словомъ, за достойнаго ея" [116]).

Бывая у Трубецкихъ, Погодинъ любилъ бесѣдовать съ дѣвицами Измайловыми. Зашелъ какъ-то разговоръ о постахъ и о привязанности Русскихъ къ своимъ стариннымъ обычаямъ. Погодинъ сказалъ: „я всегда, если только стану жить своимъ домомъ, буду стараться сохранять постъ единственно для того, что добрые предки наши соблюдали его строго, почитали за великое. Солдаты наши въ Пруссіи хотѣли лучше умереть съ голода, чѣмъ ѣсть скоромное въ Великомъ посту. Надлежало имъ прислать изъ Сvнода разрѣшеніе, за подписаніемъ митрополитовъ" [117]).

Между тѣмъ, наступилъ праздникъ Рождества Христова. Погодинъ былъ у заутрени, а потомъ, вмѣстѣ съ товарищами, поѣхалъ поздравлять своихъ профессоровъ. Онъ былъ озадаченъ пріемомъ у А. А. Прокоповича-Антонскаго. Къ нему вошли трое: Войцеховичъ, Кубаревъ и Погодинъ. Обратясь къ Кубареву, Антонскій спрашиваетъ: „какъ ваша фамилія"? Потомъ къ Войцеховичу. „Васъ-то хвалятъ-то", сказалъ онъ Кубареву и Войцеховичу, „и поведенія-то вы хорошаго, а другихъ-то студентовъ поведеніе-то не хвалятъ", и поклонъ; а Погодину ни слова. Это очень смутило его, и онъ въ *Дневникѣ* отмѣчаетъ: „Это онъ или отъ глупости, или на мой счетъ, потому что никого не было, кромѣ меня. Но какая этому причина? Вѣрно выдумали что-нибудь, подлецы" [118]). Затѣмъ Погодинъ посѣтилъ Трубецкихъ, но тамъ „всѣ больны и что-то очень скучно". Въ этотъ день обѣдалъ онъ у своего дяди и поздня „убилъ на бостонъ". Когда вышелъ одинъ изъ игравшихъ, то Погодину сдѣлалось „такъ грустно, такъ грустно". Вотъ какія мысли ему представились: ну, если умретъ княжна Аграфена Ивановна. „Два человѣка", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* „на которыхъ я могъ надѣяться во всякое время, при всѣхъ несчастіяхъ, которые, по крайней мѣрѣ, знаютъ меня лучше другихъ, и они погибнутъ для меня вдругъ оба. Это ужасно" [119]). Наканунѣ

новаго, 1821, года, Погодинъ отстоялъ всенощную у Трубецкихъ. Послѣ всенощной, всѣ пошли по своимъ мѣстамъ. Онъ остался одинъ и пошелъ наверхъ. Сталъ читать *Profession de foi;* но вмѣстѣ съ тѣмъ, думалъ безпрестанно о томъ, какъ бы сойти внизъ, чтобъ не было неловко, и съ кѣмъ тамъ говорить. Наконецъ, пошелъ. Все незнакомые. Стоялъ, сидѣлъ одинъ, думая, какъ пройти, какъ сѣсть. „Мочи нѣтъ", сознается Погодинъ, „какъ скучно, и я проводилъ, какъ говорятъ старушки, старый годъ и встрѣчалъ новый очень дурно". Начался Польскій, и нашъ мыслитель прошелъ этотъ танецъ съ дѣвицею Измайловою и при этомъ замѣчаетъ, что Аграфена Прокофьевна Измайлова „прекрасная, добрая дѣвушка!" „Дай Богъ", продолжаетъ онъ, „чтобы всѣ люди, которые въ продолженіе моей жизни будутъ имѣть ко мнѣ какое нибудь отношеніе, были таковы, какъ ты! Много, много я обязанъ тебѣ!" По возвращеніи домой, Погодинъ тотчасъ написалъ ей коротенькое письмо. Между тѣмъ, ударило *12-ть*. Погодинъ всталъ и положилъ три поясные поклона за Аграфену Прокофьевну Измайлову, три—за княгиню Александру Николаевну Голицыну, три—за княжну Аграфену Ивановну Трубецкую и три—за свое семейство. „Да будетъ", писалъ онъ, „благодарность имъ послѣднею моею мыслію въ 1820 и первою—въ 1821 году" [120]).

XVI.

Въ новый годъ, Погодинъ отправился поздравлять своего профессора, М. Т. Каченовскаго. Этимъ знакомъ почтенія онъ, можетъ быть, желалъ изгладить непріятное впечатлѣніе, произведенное имъ на профессора на одной изъ его лекцій, на которой Погодинъ, вмѣсто того, чтобы слушать, разговаривалъ съ Тютчевымъ; тогда Каченовскій посмотрѣлъ на ихъ сторону „самыми косыми глазами", и Погодинъ тот-

часъ подумалъ: „ужъ не на меня ли?" [121]). Остальное время этого дня онъ провелъ у Кубарева „прекраснѣйшимъ образомъ" и перебралъ съ нимъ „множество важнѣйшихъ и неважныхъ матерій". Говорили о Богѣ, Іисусѣ Христѣ, Іудейскомъ народѣ, о существованіи діавола, о краснорѣчіи Руссо, о Суворовѣ, о стихотвореніяхъ Петрова, о Кантовой Философіи, о нашихъ гекзаметрахъ. Сравнивали переводы Кострова и Гнѣдича, о Ломоносовѣ и пожелали, чтобъ Мерзляковъ описалъ жизнь его [122]).

Вскорѣ Кубарева постигло семейное несчастіе. Онъ лишился своего отца, достопочтеннаго протоіерея церкви Святыя Троицы на Листахъ, что у Сухаревой башни, Михаила Митрофановича Кубарева, почитавшагося однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и ученыхъ людей своего времени [123]). По отзыву сына, это былъ удивительный человѣкъ! Не завидовалъ никогда и никому, никому не желалъ зла, не помнилъ обидъ. Религіи преданъ былъ до крайняго суевѣрія. Любилъ Отечество, не зналъ счета деньгамъ и не думалъ никогда о нихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ лѣнивъ до крайности и ничего не дѣлалъ. Разсерженный, не помнилъ себя. Былъ безтолковъ, нѣкогда любилъ слишкомъ вино. Погодинъ спрашиваетъ: „желалъ бы знать: такимъ ли людямъ принадлежитъ Царство Небесное?" [124]). Похороны происходили 2 февраля 1821 года. „Былъ на похоронахъ отца Кубарева". отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. „Большое вліяніе имѣютъ на насъ обряды Пѣшкомъ провожалъ его на кладбище". По старинному обычаю, который нынѣ выводится, Погодинъ раздѣлялъ заупокойную трапезу съ осиротѣлымъ семействомъ и за столомъ разговорился съ однимъ изъ гостей, Павломъ Александровичемъ Долбининымъ, о графѣ Ростопчинѣ: о поведеніи его предъ взятіемъ Москвы. „Замѣчательно, что я", пишетъ онъ въ *Дневникѣ*, „въ 1812 году, будучи 12-ти лѣтъ, отдавалъ уже всю справедливость его управленію и всегда за него заступался, почти боготворилъ его" [125]).

Въ домѣ Трубецкихъ Погодинъ былъ до такой степени

близокъ, что ни одного семейнаго событія не проходило безъ того, чтобы онъ ни принималъ участія. Такъ, мы его видимъ на проводахъ ихъ старшаго сына, князя Юрія Ивановича. Онъ даже прослезился, „смотря на стараго князя". Вмѣстѣ съ тѣмъ, его очень тронулъ старинный обычай садиться при прощаніи. „Желалъ бы знать", пишетъ онъ, „откуда трогательный, прекрасный обрядъ, бывающій при прощаніи: садятся, нѣсколько времени продолжается глубокое молчаніе, всякій думаетъ объ отправляющемся, потомъ всѣ встаютъ, крестятся и прощаются" [126]). Точно также и Трубецкіе принимали участіе въ его семейныхъ дѣлахъ. Такъ, наканунѣ отъѣзда изъ Москвы своего отца, Погодину случилось у нихъ обѣдать; но когда они узнали, что его отецъ на другой день уѣзжаетъ, то княжна Аграфена Ивановна и Аграфена Прокофьевна „гнали его обѣдать домой". Вмѣстѣ съ этимъ, княжна Аграфена Ивановна дала ему свѣжій огурецъ, чтобы отнесъ матери. Это очень тронуло его, и когда старики Трубецкіе подарили ему „прекраснаго сукна на фракъ", то онъ замѣчаетъ, что „огурецъ Аграфены Ивановны мнѣ сдѣлалъ гораздо больше удовольствія", и при этомъ сознается: „я не понимаю этого, потому что корыстолюбивъ"; но къ этому сужденію Погодинъ прибавляетъ непонятное объясненіе: „*въ благородномъ, впрочемъ, смыслѣ*" [127]). Въ это время съ Погодинымъ случилось приключеніе, которое могло кончиться очень печально. Идя въ городъ за бумагою для своей ученицы, княжны Александры Ивановны, у Никитскихъ воротъ, въ поворотѣ, на него сзади наѣхала лошадь, такъ что онъ безъ памяти, со всѣхъ ногъ, упалъ. Къ счастію, лошадь, не переѣхала черезъ него, а бросилась въ сторону; но голова его „была очень дурна". Только что избѣжавъ одной опасности, Погодинъ натыкается на другую. Пройдя вороты дома Трубецкихъ, „снѣгъ съ крыши бухъ", и если бы однимъ шагомъ онъ былъ назади, „не хорошо бы было" [128]).

Между тѣмъ, наступили святые дни Великаго поста 1821 года. На Страстной Погодинъ исполнялъ христіанскія обя-

занности и въ Великую Среду исповѣдывалъ грѣхи свои у священника церкви Іакова Апостола. Послѣ исповѣди, съ облегченнымъ сердцемъ, онъ прошелъ мимо своего домика въ приходѣ Николы Кобыльскаго, въ которомъ года три тому назадъ жилъ съ своими родителями. „Какое-то веселое спокойствіе",—записалъ онъ въ *Дневникѣ*,—„было во мнѣ; мнѣ такъ понравился Косой переулокъ, отъ моста противъ нашего дома, что я, въ воображеніи, купилъ себѣ земли, выстроилъ домикъ, развелъ садикъ, надѣлалъ бесѣдочекъ, фонтанчиковъ, насадилъ рощицъ, густыхъ лѣсочковъ, занимался въ тѣни и, наконецъ, угащивалъ чаемъ земныхъ ангелковъ моихъ: героя княгиню Александру Николаевну Голицыну; добрую, умную, рѣдкую, почти героя, княжну Аграфену Ивановну Трубецкую; кроткую, какъ человѣкъ, требуемый Христомъ, Аграфену Прокофьевну Измайлову. Можетъ быть, Богъ и дастъ" [129]). Придя домой и готовясь къ Святому Причастію, Погодинъ написалъ *Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ своихъ и помышленіяхъ*.

На другой день, въ Великій Четвергъ, Погодинъ сподобился причаститься Святыхъ Таинъ. Пріѣхавши въ церковь, онъ думалъ, что это Таинство установлено Св. Отцами. Но когда услышалъ, читаемое въ этотъ день на Литургіи Посланіе Святаго Апостола Павла къ Коринѳянамъ: „Азъ бо пріяхъ отъ Господа, еже и предахъ вамъ, яко Господь Іисусъ въ нощь, въ нюже пре́данъ быва́ше, пріемь хлѣбъ, и благодаривъ преломи, и рече: „пріимите, ядите: сіе есть тѣло мое", и пр. [130]), то вышелъ изъ своего заблужденія и приступилъ къ Таинству со страхомъ Божіимъ и вѣрою [131]). Въ Свѣтлый праздникъ, послѣ заутрени и обѣдни, Погодинъ вмѣстѣ съ Бычковымъ ѣздилъ поздравлять Антонскаго, Гейма, Каменецкаго, Каченовскаго, а также учителей гимназіи: Терюхина, Лейбрехта, Добровольскаго. Идя изъ Сущева на Дѣвичье поле, къ своему дядѣ, пѣшкомъ, Погодинъ „мечталъ о стихотворствѣ". Вообще въ этотъ день Погодинъ былъ въ особенно свѣтломъ настроеніи. „Идучи по Неглинной", пи-

салъ онъ, „мимо желѣзныхъ рядовъ, я чувствовалъ какое-то пріятное самодовольство. Все было тихо, сумерки перемѣнялись въ ночь, ни одного человѣка не было вокругъ меня, лишь изрѣдка стукъ отъ далеко ѣхавшихъ каретъ чуть-чуть прерывалъ безмолвіе. Человѣкъ съ безпокойною совѣстію не почувствуетъ удовольствія при столь маловажномъ случаѣ. Евангеліе отъ Іоанна послѣднее, о воскресшемъ Спасителѣ, тронуло меня очень“ [132]).

Завѣдующій всѣми имѣніями графа Өедора Васильевича Ростопчина, Московскій полиціймейстеръ Брокеръ, въ 1817 г., былъ внезапно переведенъ, по Высочайшему повелѣнію, на ту же должность въ Петербургъ. Въ это время графъ Ростопчинъ жилъ въ Парижѣ и Брокеръ писалъ ему (отъ 19 ноября 1817 года): „я взялъ Петра Моисеевича Погодина, котораго знаю тридцать лѣтъ по дому Салтыковыхъ за добраго и честнаго человѣка, и положилъ ему 100 рублей въ мѣсяцъ жалованья: онъ будетъ исполнять мои приказанія въ Москвѣ“. Съ тѣхъ поръ П. М. Погодинъ до конца своей жизни занимался дѣлами Ростопчина и съ честію оправдалъ рекомендацію Брокера [133]). Вслѣдствіе сего, П. М. Погодинъ переѣхалъ изъ своего домика и поселился на Лубянкѣ, въ домѣ графа Ростопчина, гдѣ и прожилъ до 1821 года; но въ то время, когда сынъ его Михаилъ кончалъ курсъ въ Университетѣ, дѣла потребовали переселенія Петра Моисеевича въ Орловскія имѣнія графа Ростопчина. Это обстоятельство было важнымъ событіемъ въ жизни нашего героя и лишило его родительскаго крова. При прощаніи съ родителями, обнаружились у него самыя нѣжныя, самыя горячія къ нимъ чувства, которыя, впрочемъ, въ глубинѣ своего сердца онъ всегда питалъ къ нимъ. Пріѣзжая изъ Знаменскаго въ Москву, лѣтомъ 1820 года, онъ приближался къ дому своихъ родителей „равнодушно, какъ будто ѣхалъ совсѣмъ не къ нимъ“, не смотря на то, что цѣлый мѣсяцъ не видалъ ихъ; но въ ту минуту, когда поцѣловалъ ихъ, то почувствовалъ „сильное движеніе и какую-то теплоту въ сердцѣ“ [134]). Какъ почтительный сынъ, Погодинъ

принималъ къ сердцу положенiе своихъ почтенныхъ родителей. „Очень, очень былъ огорченъ“, — писалъ онъ, — „видя тѣ неудовольствiя, тѣ обиды, горести, которыя долженъ переносить отъ нужды добрый мой родитель. Ахъ, Боже мой, еслибы я могъ поскорѣе успокоить ихъ“!...

Наконецъ, наступило 14 апрѣля 1821 года, день отъѣзда Петра Моисеевича. „Простились“, — писалъ Погодинъ, — „онъ благословилъ насъ. Прощайте, дѣтушки, сказалъ онъ намъ, живите честно, какъ я жилъ. И мнѣ было такъ грустно, такъ грустно, такъ грустно. Поплакали всѣ. Я проводилъ его до заставы. Тамъ еще простился съ нами. Я стоялъ у заставы, покамѣстъ онъ скрылся изъ глазъ. Человѣкъ шестидесяти лѣтъ, живучи полвѣка въ Москвѣ своимъ домомъ, съ дѣтьми, въ старости лѣтъ долженъ мчаться въ телѣжкѣ, по дурной дорогѣ, Богъ знаетъ куда. Авось, Богъ дастъ, я скоро ихъ успокою“ [135]). Мать Погодина еще осталась на короткое время въ Москвѣ. Проводивъ отца, онъ на другой день отправился къ обѣднѣ, а затѣмъ весь день разбиралъ отцовскiя бумаги, и ему было „очень грустно“. Вечеромъ, Богъ знаетъ какiя мысли ему представились. „Батюшка умретъ“, писалъ Погодинъ, „не доживетъ до того времени, какъ я буду имѣть возможность возблагодарить его за всѣ попеченiя и пр. Представилось, что я много дѣлалъ ему огорченiй, по крайней мѣрѣ, наружныхъ, обходился съ нимъ грубо, что онъ не видалъ совершенно любви моей къ себѣ и такъ далѣе. Очень, очень грустно было“. И онъ сталъ читать Евангелiе [136]). Затѣмъ начала собираться къ отъѣзду и мать Погодина. Наступилъ день и ея отъѣзда. „Я никогда“, — писалъ Погодинъ, — „нигдѣ не видалъ, чтобы кто-нибудь такъ сильно плакалъ, какъ плакала маменька, благословляя насъ, прощаясь съ нами. Съ какимъ чувствомъ сказала она: Тебѣ поручаю ихъ, Господи! Сохрани ихъ! Я молился Богу усердно, горячо, съ вѣрою, и во мнѣ поселилась какая-то увѣренность, что я непремѣнно увижу ихъ и мы будемъ жить вмѣстѣ благополучно. Я плакалъ много, мнѣ

было очень грустно, но не такъ горько, какъ при отъѣздѣ батюшки" [137]).

По отъѣздѣ родителей Погодинъ поселился у Кубарева. Проводивъ мать до заставы, онъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ, поѣхалъ домой. Дорогою думалъ о ней, и слезы лились изъ его глазъ. „Вошелъ въ комнату", пишетъ Погодинъ, „все пусто. Дѣлалъ кое-какія наставленія брату, благословилъ его, поцѣловались, и пошли. Я въ сторону, онъ въ другую; я направо, онъ налѣво". Пришедъ къ Кубареву на новоселье, Погодинъ горько заплакалъ. „Въ первый разъ я живу",—писалъ онъ,—„въ чужомъ домѣ совершенно. До сихъ поръ я жилъ, напримѣръ, у Трубецкихъ, въ гимназіи, какъ гость, имѣя опредѣленное мѣсто дома" [138]). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда родителей, Погодинъ писалъ М. Г. Лащевскому: „Старики мои уѣхали жить въ Орелъ. Батюшка принялъ на себя управленіе Ливенскими деревнями графа Ростопчина, съ жалованьемъ въ годъ 2500 р. и всѣмъ содержаніемъ. Къ Рождеству я намѣренъ съѣздить къ нимъ, потому-что маменька слишкомъ горюетъ безъ насъ" [139]).

Предъ концомъ студенческой жизни, у Погодина очень естественно являлись неизбѣжныя мысли о томъ, какъ и на какомъ поприщѣ устроить дальнѣйшее теченіе своей жизни. Когда онъ зашелъ однажды къ Мерзлякову и повелъ объ этомъ рѣчь, то добрый Мерзляковъ не совѣтывалъ ему, по окончаніи курса, оставаться въ Университетѣ. Съ величайшею откровенностью исчислялъ Мерзляковъ „всѣ неудобства, невыгоды ученаго званія", и выгоды, какія можетъ получить Погодинъ на другой службѣ; но при этомъ Мерзляковъ увѣрялъ Погодина, что если его намѣреніе посвятить себя ученому званію „твердо", то онъ не будетъ „ни на одномъ шагу задержанъ въ Университетѣ"; ибо всѣ его, по увѣренію Мерзлякова, „отмѣнно любятъ". Участливость Мерзлякова видимо тронула Погодина. „Добрый до излишества",—отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*,—„человѣкъ. Никогда не забуду тебя" [140]). Совѣтъ Мерзлякова, очевидно, произвелъ впечатлѣніе на

Погодина и навелъ его на раздумье. „Остаться въ Университетѣ“,—писалъ онъ,—„нельзя будетъ жить безъ кондицій, а скоро ли ихъ наберешь?... Притомъ быть учителемъ не слишкомъ почтенно. Въ статскую службу? Не скоро достанешь хорошаго мѣста. Время также должно будетъ употреблять Богъ знаетъ на что. Да и поживешь мало съ совѣстію. По медицинской части? Долго надобно учиться; лѣчить также совѣстно. Сколько переморишь людей; отъ одной ошибки зависѣть будетъ счастіе и несчастіе цѣлыхъ семействъ“ [141]). Мысль о службѣ не покидала Погодина почти до экзаменовъ. „Служба гражданская“,—думалъ онъ,—„хотя, судя философски, есть оковы, не должна быть ни кѣмъ презираема. Ею гораздо болѣе можно сдѣлать пользы людямъ теперь, нежели сидя въ кабинетѣ и ломая голову о томъ: имѣетъ ли человѣкъ врожденныя мысли или нѣтъ“ [142]). Размышляя о чинахъ и объ отличіяхъ, Погодинъ вопрошаетъ: „къ чему они“? И самъ же отвѣчаетъ: „Съ ними можно сдѣлать большую пользу людямъ; а это“ заключаетъ онъ, „должно быть главною моею цѣлію“ [143]). Наконецъ, Погодинъ мечталъ „о директорствѣ въ гимназіи“ [144]). Но призваніе къ наукѣ взяло въ немъ верхъ надъ всѣми этими размышленіями, раздумьями, мечтами, и опредѣлило, какъ мы увидимъ, дальнѣйшую судьбу его жизни.

XVII.

Послѣ Святой недѣли 1821 года, Погодинъ всецѣло предался приготовленію къ экзамену и сочиненію диссертаціи на золотую медаль, и ни о чемъ постороннемъ ни думать, ни говорить не могъ. Диссертація задана была по каѳедрѣ Статистики, И. А. Геймомъ: *О пользѣ источниковъ и нынѣшнемъ состояніи Статистики*. Приступая къ этимъ занятіямъ, Погодинъ чувствовалъ, что имъ управляетъ въ семъ случаѣ суетность и тщеславіе. „Но что дѣлать!“, восклицаетъ онъ, „я долженъ стараться кончить экзаменъ лучшимъ обра-

зомъ, для родителей, для себя внѣшняго, ибо съ полученіемъ кандидатства и медали, могу имѣть хорошія кондиціи и чрезъ то быть полезнымъ для многихъ" [145]). Онъ уже тогда находилъ, что, вмѣсто разсужденій, которыя задаются у насъ магистрамъ и которыя „обыкновенно выписываются голымъ изъ различныхъ авторовъ", было бы полезнѣе требовать отъ нихъ хорошихъ переводовъ отличныхъ авторовъ. Еще можно бы требовать изданій древнихъ классиковъ, разборовъ нашихъ писателей, обработки особенныхъ частей грамматическихъ" [146]). Не смотря на это, Погодинъ былъ доволенъ ходомъ своихъ занятій, диссертаціею и „обрадовался, нашедши хорошее вступленіе къ разсужденію". Между тѣмъ, по увѣренію его, всѣ въ Университетѣ уже трубили, что онъ получитъ золотую медаль. Это его нисколько не удивляло, и онъ самъ, по поводу этого, замѣчаетъ: *кажется, и слѣдуетъ*; но къ этому прибавляетъ: „О суета!" [147]). Разсужденіе свое Погодинъ писалъ „сначала по-русски", раза четыре переписывалъ, и отдалъ на разсмотрѣніе И. А. Гейму, который сдѣлалъ самыя маловажныя поправки: велѣлъ только выбросить то, что́ Погодинъ говорилъ о немъ, описывая нынѣшнее состояніе Статистики въ Россіи. Получивъ диссертацію обратно, онъ началъ переводить ее на Латинскій языкъ, и это была для него работа труднѣйшая. И Латинскій переводъ переписавъ нѣсколько разъ, наконецъ, подалъ для просмотрѣнія И. А. Гейму. Онъ почти ничего не поправилъ и возвратилъ ему для переписки. Но когда Погодинъ представилъ свою диссертацію офиціально, то ему явился опасный соперникъ, въ лицѣ Ширая. Вотъ что́ объ этомъ онъ повѣствуетъ: „отличное мнѣніе о мнѣ профессоровъ, отмѣнное доброжелательство Гейма и голосъ всего Университета укрѣпляли меня въ надеждѣ получить золотую медаль. Но за двѣ или больше недѣли до подаванія, я началъ думать, что получитъ золотую медаль Ширай, очень мало въ семъ дѣлѣ смыслившій. Вотъ какія полагалъ я этому причины: писалъ по-Латынѣ Кубаревъ, и разсужденіе его въ семъ важнѣй-

шемъ отношеніи имѣло большое преимущество предъ моимъ. Геймъ, долженствовавшій имѣть наибольшее участіе въ раздаваніи медалей, былъ очень болѣнъ въ то время. Я думалъ даже, что онъ и здоровый не имѣлъ бы довольно твердости для поддержанія меня противъ латыни Шираевой. Давыдовъ былъ также на его сторонѣ, потому что Ширай подавалъ въ продолженіе курса отличнѣйшія латинскія разсужденія, писанныя Кубаревымъ. Каченовскому Ширай подалъ также въ *Вѣстникъ Европы* переводы двухъ рѣчей изъ Ливія; Мерзляковъ къ подобнымъ дѣламъ равнодушенъ, притомъ Ширай бралъ у него уроки, какъ и у Черепанова. Мнѣ было это очень досадно, тѣмъ болѣе, что весь Университетъ думалъ, что я получу золотую медаль, и многіе мои знакомые, даже княжна Аграфена Ивановна Трубецкая, знали, что я пишу разсужденіе на полученіе медали. Утѣшился только тѣмъ, что весь Университетъ почиталъ Ширая недостойнымъ ея" [148]). Вслѣдствіе этого, между Кубаревымъ и Погодинымъ произошло охлажденіе и послѣдній даже намекалъ своему другу на нехорошій его образъ дѣйствій. Въ концѣ концовъ, золотую медаль получилъ Погодинъ, но все-таки не безъ затрудненій, ибо Геймъ, кончивъ экзаменъ, уѣхалъ въ деревню и оставилъ свое мнѣніе въ факультетѣ. Каченовскій, Давыдовъ подали голосъ за Ширая, но Мерзляковъ поддержалъ мнѣніе Гейма, и дѣло рѣшилось въ пользу Погодина [149]). Экзаменъ кончился 23 іюня, въ 9 часовъ вечера. „Всѣ профессора",—писалъ онъ къ своимъ родителямъ,—„отрекомендовали меня отличнѣйшимъ образомъ: отвѣчалъ счастливо. Ректоръ Антонскій нѣсколько разъ публично ставилъ меня многимъ въ примѣръ, и по окончаніи экзамена, сказалъ профессорамъ при всѣхъ: я очень желаю познакомиться съ г. Погодинымъ. Жаль только, что Геймъ, который меня очень любилъ, тотчасъ послѣ экзамена, по причинѣ своей болѣзни, уѣхалъ". Въ этомъ же письмѣ, онъ извиняется за свое *маранье*, которое произошло отъ того, что „чернилы черезъ-чуръ густы, а лучшихъ нѣтъ во всемъ домѣ: послѣдними каплями пишу. Къ экзамену напи-

салъ листовъ 70; ничего не осталось". Любопытны также слѣдующія строки въ этомъ письмѣ: „Сидоръ проситъ васъ, чтобы вы его не продали. Авось онъ исправится. Оставьте его. Насъ Богъ не оставитъ" [150]). На другой день, по окончаніи экзамена, Погодинъ вмѣстѣ съ своими товарищами, Бычковымъ и Загряжскимъ, въ 4 часа утра, пошли къ обѣдни въ Симоновъ монастырь и оттуда пѣшкомъ въ Университетъ [151]). Въ другомъ письмѣ, онъ торжественно извѣщаетъ своихъ родителей о томъ, что сдѣланъ кандидатомъ и получилъ золотую медаль, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, описываетъ актъ, бывшій въ Московскомъ Университетѣ 5 іюля 1821 г. „Актъ нашъ",— читаемъ въ этомъ письмѣ, — „былъ во вторникъ. По утру, ректоръ, всѣ профессора и студенты были у обѣдни и на молебнѣ въ Университетской церкви. Въ 5 часовъ, послѣ обѣда, по пріѣздѣ Главнокомандующаго, Митрополита Грузинскаго и другихъ знатныхъ особъ, актъ открылся музыкой; послѣ, священникъ говорилъ рѣчь Русскую, потомъ одинъ профессоръ — Латинскую. Послѣ рѣчей, секретарь Совѣта читалъ исторію Университета и имена всѣхъ произведенныхъ въ степени и награжденныхъ медалями. Золотыхъ медалей было двѣ: одна для нашего отдѣленія, другая для математическаго. Ее получилъ Саша Оверъ. Серебряныхъ—восемь, по четыре на отдѣленіе; изъ извѣстныхъ вамъ, получилъ одну Ждановскій. Двѣ—золотыя раздавалъ Главнокомандующій, серебряныя — Попечитель" [152]).

По тогдашнему обычаю, кончившіе курсъ студенты ходили благодарить ректора и профессоровъ. Съ этою цѣлію Погодинъ явился къ ректору Антонскому и въ попыхахъ забылъ оставить въ передней свою палку, и съ нею вошелъ „Ахъ-та, что ты это? Бить-то пришелъ ты меня-та. Ай, ай, ай! Что ты это дѣлаешь! Поди-та, поди-та отъ меня! Бить-та меня онъ-та хочетъ!" вскричалъ ректоръ. Сгорая отъ стыда, въ досадѣ на свою неосторожность, съ опасеніемъ, чтобъ не вышло еще какой нибудь непріятности, Погодинъ бросился къ А. Ѳ. Мерзлякову и раз-

сказавъ ему, что̀ случилось, просилъ его объяснить Антону Антоновичу, что онъ неумышленно такъ поступилъ [153]). Но все прошло благополучно, ибо Погодинъ писалъ своимъ родителямъ: „ректоръ Антонскій принялъ меня очень, очень ласково, спросилъ, гдѣ намѣренъ я служить; отвѣчалъ, что хочу остаться въ Университетѣ. Онъ очень былъ радъ, жалѣлъ, что я прежде не сказалъ ему объ этомъ; мы бы стали приготовлять вамъ мѣсто, дали бы казенное жалованье, должность. Со временемъ, отправимъ васъ путешествовать на казенный коштъ. Спрашивалъ чѣмъ я живу, о васъ, и велѣлъ придти къ себѣ послѣ“ [154]).

Такъ счастливо завершился ученическій періодъ жизни Погодина.

XVIII.

Окончивъ блистательно Университетскій курсъ, Погодинъ, на другой же день послѣ акта, 6 іюля 1821 года, отправился въ любезное ему Знаменское. Не желая своего меньшого брата, Григорія, оставлять одного въ Москвѣ, онъ вступилъ въ переговоры съ Сеймондомъ о томъ, чтобы помѣстить Григорія въ Знаменскомъ у священника, но, изъ деликатности, ему желалось, чтобы Трубецкіе не знали, что онъ его братъ. Однако ему не удалось скрыть своего родства съ Григоріемъ Петровичемъ отъ добрыхъ княженъ Трубецкихъ. Какъ только они узнали, что въ Знаменскомъ живетъ и братецъ Погодина. то ежедневно стали присылать ему „по множеству фруктовъ“ [155]). Насъ удивляетъ эта чрезмѣрная деликатность Погодина относительно своего брата, ибо знаемъ, что Трубецкіе относились съ самымъ трогательнымъ вниманіемъ какъ къ нему самому, такъ и къ его семейству. Такъ, въ день имянинъ его отца, 24 августа, все семейство Трубецкихъ вспомнило объ этомъ, и за обѣдомъ поздравляли Пого-

дина „*съ шампанскимъ*“. Заявляя въ *Дневникѣ* благодарность за это вниманіе, онъ прибавляетъ: „между тѣмъ, мнѣ было стыдно“ [156]).

Въ это лѣто въ Знаменскомъ не доставало Аграфены Прокофьевны Измайловой, которая еще въ маѣ уѣхала къ роднымъ, въ свою родную, и намъ съ дѣтства знакомую, Измайловку *). Въ одномъ своемъ письмѣ оттуда, Аграфена Прокофьевна просила Погодина вспомнить ее въ Знаменскомъ, „качаясь на качеляхъ и играя въ воланъ“. Онъ же, въ своемъ письмѣ къ ней, такъ описываетъ Знаменское житье-бытье: „время проводятъ здѣсь, кажется, большею частію, всякій въ своемъ углу; собираются только на звонъ колокольчика, и бываютъ вмѣстѣ въ обѣдъ, въ ужинъ, за чаемъ. Прогулокъ общихъ, такихъ, какія бывали въ прошломъ году, не было при мнѣ ни одной; гуляютъ человѣка по два, по три, иногда по четыре, и не болѣе; всему этому злу причиною погода. Солнышко —у насъ рѣдкій гость: проглянетъ иногда сквозь тучи на денекъ, да и полно; не успѣешь выйти на чистый воздухъ, и опять дождикъ, и опять идешь, повѣся голову, въ свою комнату. Послѣ обѣда, однако, ѣздятъ гулять всегда, и всегда на *кривой мостъ*; ни разу еще не ѣздили въ другую сторону; мы хотимъ назвать его уже *несноснымъ*. 25 іюля погода была дурная. Княжны разыграли лотерейку“ [157]).

Живя въ Знаменскомъ, Погодинъ иногда предавался несвойственнымъ штатскому забавамъ. Такъ, однажды кандидатъ нашъ сопровождалъ верхомъ, живущихъ у Трубецкихъ, какихъ-то дѣвицъ Попъ, въ ихъ амазонскихъ прогулкахъ по окрестностямъ села. То онъ участвуетъ въ морскомъ сраженіи, происходившемъ, впрочемъ, на прудѣ, и самъ же описываетъ его въ *Дневникѣ*. Однажды ему вздумалось, вмѣстѣ съ домашнимъ докторомъ Трубецкихъ, Устиномъ Евдокимовичемъ Зоуромъ, музыкантомъ Геништою и братомъ Григоріемъ, покататься на лодкѣ, и тѣ, пишетъ Пого-

---

*) Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

динъ, „затѣяли морское сраженіе, въ которомъ и я по-неволѣ долженъ былъ принять участіе, и вымочили меня до тѣла. Докторъ бросилъ наши фуражки въ прудъ, доставали ихъ веслами. Хохотали. Геништa пошелъ въ воду; послѣ и я". Описавъ этотъ свой подвигъ и какъ бы раскаяваясь въ немъ, онъ съ упрекомъ замѣчаетъ: „удивительное малодушіе!" [158]).

Вскорѣ по пріѣздѣ Погодина въ Знаменское, туда пришла вѣсть о міровомъ событіи. Пятаго мая 1821 года, на островѣ св. Елены скончался Наполеонъ. Это извѣстіе произвело сильное впечатлѣніе на Погодина. „Вся Европа",—писалъ онъ,—„трепетала одного человѣка и заключила его въ неприступномъ островѣ, употребляя величайшія усилія для охраненія его тамъ и пресѣченія путей къ бѣгству. Феноменъ удивительный. Онъ велѣлъ и похоронить себя тамъ, въ удаленіи отъ всей земли... Много пищи для воображенія" [159]). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ критически относился къ значенію Наполеона во Всемірной Исторіи. „Наполеонъ",—писалъ онъ,—„великій человѣкъ, т. е., судя такъ, какъ судятъ большая часть людей мірскихъ. Онъ превзошелъ всѣхъ героевъ древнихъ и новыхъ, и Александровъ Македонскихъ, и Аннибаловъ, и Цезарей. Былъ ли онъ истинно великъ? Скажу смѣло—нѣтъ. Онъ имѣлъ въ виду славу собственную, а не пользу людей [160]). Но, въ концѣ-концовъ, Погодинъ въ это время принималъ „сердечное участіе" въ Наполеонѣ [161]). Съ этимъ именемъ невольно вспоминаются и Байронъ, и Пушкинъ. „Наполеонъ на скалѣ св. Елены",—писалъ князь П. А. Вяземскій Жуковскому,—„и Байронъ въ Месолунги! Вотъ два поэтическіе фароса, которые освѣщаютъ нашу глубокую ночь. Тутъ есть какая-то религіозная таинственность. Прахъ сихъ двухъ великихъ людей долженъ былъ быть принятъ дѣвственною землею, еще чистою отъ прикосновенія того, что можетъ назваться *гнилью Европейскою*" [162]). Пушкинъ изъ своего заточенія Кишиневскаго, въ іюлѣ же, пропѣлъ надъ гробомъ Наполеона исходную пѣснь:

Искуплены его стяжанья
И зло воинственныхъ чудесъ
Тоскою душнаго изгнанья,
Подъ сѣнью чуждою небесъ,

И знойный островъ заточенья
Полночный парусъ посѣтитъ,
И путникъ слово примиренья
Наономъ камнѣ начертитъ....

О самомъ же Пушкинѣ въ это время ходили по Россіи легендарныя извѣстія и, разумѣется, достигали и Знаменскаго. Вслѣдствіе сего, Погодинъ писалъ В. Д. Корнильеву (отъ 11 августа 1821): „говорятъ, что Кишеневецъ печатаетъ новую поэму *Плѣнникъ*. Кстати, я слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что онъ ускользнулъ къ Грекамъ. Напишите, Христа ради, что-нибудь о нашемъ великомъ Николаѣ Михайловичѣ“ [163]).

Въ это пребываніе Погодина въ Знаменскомъ у него завязались съ старымъ Княземъ какія то особыя сношенія и онъ сдѣлался у него чѣмъ-то въ родѣ секретаря по личнымъ дѣламъ. Замѣтимъ, что въ то время князь Иванъ Дмитріевичъ находился въ болѣзненномъ положеніи. Почти ежедневно Погодинъ былъ призываемъ къ нему и все что то писалъ у него. Нерѣдко его будили ночью и призывали къ Князю для писанія. „Сперва было досадно“, говорилъ Погодинъ, „послѣ сжалился надъ нимъ, когда онъ сталъ плакать и говорить о своей жизни. Какова бы она ни была, а эти слезы вѣрно дойдутъ до Бога. Я самъ прослезился отъ чистаго сердца“ [164]). Но что́ писалъ онъ у Князя — намъ остается неизвѣстнымъ. Только однажды, и то очень туманно, онъ проговаривается: „писалъ у стараго Князя, отъ 8 до 2 ночи, притомъ такія вещи, которыхъ не желалъ бы слышать. Отказаться невозможно; онъ могъ бы написать это и безъ меня; притомъ то, что́ я писалъ у него, не можетъ имѣть никакихъ дурныхъ слѣдствій ни для кого. Вотъ случай, въ которомъ по-неволѣ я былъ нехорошимъ орудіемъ, хотя и не было ничего моего, потому что я писалъ только подъ его диктовку. Боялся, чтобъ

Княгиня не увидѣла то, что я писалъ, или чтобъ не узнала объ этомъ, и не потеряла, особенно Княжна, хорошее мнѣніе обо мнѣ... Сказалъ объ этомъ частію г. Сеймонду. Въ этомъ случаѣ хорошо ли я поступилъ? Не могу сказать рѣшительно; г. Сеймондъ знаетъ все и безъ меня... Признаюсь, я сдѣлалъ это, кажется, изъ нѣкоего рода предосторожности, чтобъ впослѣдствіи могъ сослаться на это. Старый Князь сказалъ мнѣ послѣ: я полагаюсь на вашу скромность" [165]). Въ награду за свои письменные труды, Погодинъ получилъ отъ стараго Князя сюртукъ, фракъ и жилетъ. По этому поводу, онъ замѣчаетъ: „за годъ, какую бы радость это мнѣ доставило; теперь ничего". Нерѣдко князь Иванъ Дмитріевичъ бесѣдовалъ съ своимъ секретаремъ и объ историческихъ предметахъ. Такъ, однажды у нихъ зашла рѣчь о Папѣ-женщинѣ, и Погодинъ, по его собственному сознанію, ни въ чемъ не противорѣчилъ Князю. „Это не хорошо", замѣчаетъ онъ, „но иначе поступать я не могъ. Противорѣчіемъ можно разсердить его въ теперешней болѣзни", а будучи въ болѣзненномъ состояніи, Князь „проказилъ", и бѣдная княжна Аграфена Ивановна не рѣдко плакала [166]). Нѣкоторыя затѣи Князя смѣшили Погодина. Такъ, 1-го августа, когда священникъ сталъ погружать крестъ въ воду, Князь махнулъ платкомъ, и два егеря, по этому знаку, выбѣжали изъ палатки и выстрѣлили на воздухъ изъ ружей, чтобы дать знать стоявшимъ у пушекъ [167]). Въ личныхъ сношеніяхъ съ старымъ Княземъ, Погодинъ чувствовалъ нѣкоторую робость, въ чемъ и самъ сознается: „и походка у меня нетвердая (туда и сюда), и почеркъ также, да и мысли едва ли тверже". Хотя онъ и думалъ, что это происходило „отъ неосновательныхъ познаній", но можно также объяснить это явленіе его застѣнчивостію, которая проявлялась у него не только предъ важнымъ, старымъ и больнымъ Княземъ, но даже и въ домѣ родительскомъ. Такъ, однажды, возвратясь домой, онъ засталъ у своихъ родителей много гостей. „Я",—писалъ Погодинъ,—„не хотѣлъ показаться; мнѣ все казалось неловко, и

я спрятался на постели въ задней комнатѣ, накрылся шубами, покрывалами и лежалъ тамъ около двухъ часовъ. *Вотъ что дѣлаетъ глупая застѣнчивость*, а какъ избавиться ея теперь?“ [168]).

Кумирами сердца Погодина продолжали быть княжна Аграфена Ивановна Трубецкая и княгиня Александра Николаевна Голицына. Эти двѣ особы, связанныя доселѣ узами тѣсной дружбы, составляли, какъ мы уже знаемъ, предметъ его поклоненія. Но въ это время между ними что-то произошло, и это очень огорчало ихъ обожателя. „У нихъ совсѣмъ не то“, писалъ онъ, „что было прежде. Ахъ, какъ жаль, какъ жаль! Желалъ бы знать причину ихъ ссоры. Очень скучно“ [169]). Но ему удалось узнать лишь самыя туманныя, неопредѣленныя и намъ совершенно непонятныя причины этой размолвки [170]). Это, однако, нисколько не мѣшало Погодину пламенѣть къ обѣимъ и бесѣдовать съ княгинею Голицыною о молитвѣ, терпѣніи, о состояніи души послѣ смерти и о проч. [171]).

Знаменское нерѣдко посѣщала родственница Трубецкихъ, Настасія Павловна Новосильцова, которая также принадлежала къ знакомому намъ *Знаменскому обществу*. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ описаніе одного разговора, веденнаго имъ съ Н. П. Новосильцовой, княжною Аграфеною Ивановною и Геништою. Разговоръ этотъ можетъ служить живымъ свидѣтельствомъ того, что вопросы высшаго разряда далеко не были чужды людямъ, которыхъ привыкли обвинять въ суетномъ легкомысліи и пустотѣ. Говорили объ обрядахъ Греческой религіи, объ Евангеліи, объ Евангельской нравственности. Всѣ философы, всѣ законодатели, давая законы народамъ, сообразовались съ частными обстоятельствами, въ коихъ сіи находились, и потому законы разныхъ народовъ разнствуютъ между собою. Нельзя ввести законы одного народа къ другому, безъ перемѣнъ нѣкоторыхъ, безъ соображенія съ разными обстоятельствами. Хорошій для одного народа, вреденъ другому, и т. д. Законы Іисуса Христа, напротивъ, безъ малѣйшей

перемѣны могутъ быть приняты всѣми народами во всѣ времена. Пользующійся всѣми дарами природы, итальянецъ, лишенный всего камчадалъ,—всѣ могутъ получить отъ нихъ одинакую пользу. Имѣетъ ли другой примѣръ сіе явленіе?..

Мы гораздо большее участіе принимали бы въ обрядахъ нашей религіи, если бы понимали таинственное знаменованіе оныхъ.

Говоря о Христѣ, Геништа привелъ мнѣніе Руссо: „дикому человѣку сердце скажетъ о бытіи Бога, о бытіи Христа — нѣтъ".—Но дикій человѣкъ не знаетъ дѣйствій электричества; слѣдуетъ ли изъ этого, что сіи дѣйствія не существуютъ, сказала Настасья Павловна. Говоря объ атеистахъ, Аграфена Ивановна сказала, что они самые несчастные люди, ибо никогда не могутъ быть совершенно увѣрены въ истинѣ своего мнѣнія, всегда боятся: не обманываются ли они, нѣтъ ли Бога, который рано или поздно покараетъ ихъ за нечестіе. Правда, они и тогда бы были несчастливы (хотя немного менѣе), еслибы и были увѣрены въ истинѣ своихъ мыслей; не вѣря Богу, они не имѣютъ и надежды на будущую жизнь, жизнь, въ коей могли бы получить награду за перенесеніе всѣхъ горестей и несчастій міра сего. Чѣмъ онъ можетъ утѣшиться, потерявъ возлюбленную подругу, милыхъ дѣтей, терпя гоненіе, несправедливость людей, испытывая всѣ удары судьбы и проч." [172]).

Сосѣдство съ Ѳ. И. Тютчевымъ, жившимъ и въ это лѣто въ своемъ Троицкомъ, доставляло не мало удовольствія Погодину. Онъ нерѣдко посѣщалъ своего товарища и даже ѣздилъ къ нему однажды въ Троицкое верхомъ. Въ это время Тютчевъ былъ озабоченъ экзаменами. Хотя И. С. Аксаковъ и пишетъ, что Тютчевъ въ 1821 году сдалъ отлично свой послѣдній экзаменъ и получилъ кандидатскую степень [173]), но эта сдача не обошлась безъ какихъ-то затрудненій; по крайней мѣрѣ, вотъ чтó писалъ Погодинъ изъ Знаменскаго къ ихъ общему товарищу Н. З. Бычкову (отъ 9 августа 1821 г.): „Тютчеву, кажется, вышло разрѣшеніе на экзаменъ. Князь Андрей

Петровичъ Оболенскій былъ у графини Остерманъ-Толстой, тетки Тютчева, и сказывалъ ей, что дѣло идетъ уже изъ Питера; слѣдовательно, и ты долженъ явиться немедленно въ Москву, ходить ко всѣмъ профессорамъ, спрашивать, и пр.“ Въ это время въ *Вѣстникѣ Европы* появилась статья извѣстнаго противника Карамзина, Арцыбашева, *о свойствахъ Царя Ивана Васильевича*, въ которой Арцыбашевъ, вопреки Карамзину, высказываетъ мнѣніе, что при царѣ Іоаннѣ хотя и были казни, но не въ такой степени, какъ описываютъ, и что казни эти объясняются жестокостью тогдашнихъ нравовъ; что царь Іоаннъ не былъ жесточе ни Іоанна III, ни царей Михаила Ѳедоровича и Алексѣя Михайловича; ненасытность въ любострастіи Царя онъ оправдываетъ раннимъ его вдовствомъ и испорченностью окружавшихъ его бояръ; всего труднѣе, говоритъ Арцыбашевъ, оправдать Іоанна въ униженіи предъ Баторіемъ [174]). Статья эта заинтересовала какъ Погодина, такъ и Тютчева, и въ Троицкомъ, гдѣ гостилъ у Тютчевыхъ В. И. Оболенскій, у нихъ завязался, по поводу этой статьи, разговоръ о Карамзинѣ, о характерѣ Іоанна IV. Этотъ разговоръ навелъ Погодина на нѣкоторыя мысли для объясненія характера, по выраженію Пушкина, царя-мучителя. Мысли эти онъ изложилъ въ *Дневникѣ*, предпославъ имъ слѣдующее разсужденіе: „У меня есть нѣкоторыя мысли для объясненія характера Іоаннова. Современемъ я ихъ обработаю. Но нужно ли это? Не самолюбіе ли тутъ дѣйствуетъ? Позволительно ли человѣку заниматься подобными дѣлами? Кажется, здѣсь нѣтъ зла, и при нынѣшнемъ образованіи людей полезно. Не всякій захочетъ, или не всякому случается почерпать священныя истины изъ перваго источника. И потому, если изъ тысячи одинъ, читая исторію, получитъ поводъ къ чувству доброму, къ размышленію хорошему, она уже полезна. Обработывать ее, слѣдовательно, нужно. Если я безъ самолюбія, безъ желанія славы, имѣя въ виду только пользу людей, дѣлаю что-нибудь—я дѣлаю хорошо“. Сдѣлавъ этотъ приступъ, онъ продолжаетъ: „Сила воли, Іоан-

номъ съ рожденіемъ полученная, воспитаніемъ была крѣпко направлена въ злую сторону... Сильвестръ *насильно* уже поворотилъ ее къ добру. Іоаннъ дѣлалъ добро великое, но чувствовалъ, что дѣлаетъ не столько самъ собою, сколько наставленный другими. Его, отъ природы сильному, характеру это было тяжело. По взятіи Казани, онъ тотчасъ сказалъ уже: нынѣ оборонилъ меня Богъ отъ васъ (отъ бояръ), то есть, нынѣ, я, завоеватель, славный, получилъ довольно силы, важности (autoritas) и могу *управлять* вами по своей волѣ. Ненависть къ боярамъ онъ имѣлъ съ малолѣтства, будучи свидѣтелемъ ихъ неистовствъ, во время ихъ правленія. Болѣзнь его еще болѣе укрѣпила ее, и была, какъ мнѣ кажется, причиною грядущаго его тиранства.—Его, завоевателя, законодателя, благодѣтеля Россіянъ, бояре не слушались и не хотѣли присягать его сыну и, такимъ образомъ, готовили ему въ глазахъ Іоанна судьбу Димитрія, сына третьяго Іоанна, при новомъ государѣ Владимірѣ Андреевичѣ. Въ какое состояніе должна была придти душа Іоаннова при такихъ обстоятельствахъ?—Не видѣлъ ли онъ, или не естественно ли было ему видѣть, что на бояръ онъ полагаться не можетъ; что онъ управлять ими можетъ только посредствомъ страха, и должны были еще болѣе укрѣпиться его невыгодныя мысли о нихъ. Кажется, такъ... Притомъ Сильвестръ и Адашевъ, называвши себя его друзьями, держали сторону противную. Іоаннъ, выздоровѣвъ, могъ узнать объ этомъ отъ Анастасіи и отъ другихъ бояръ, имъ завидовавшихъ. Это должно было тронуть его еще болѣе. Тѣ, на которыхъ онъ надѣялся больше всѣхъ, измѣнили ему въ глазахъ его. Онъ не могъ разбирать тогда, какъ мы теперь, *что* Сильвестръ съ Адашевымъ; но онъ не отдалялъ ихъ отъ себя, можетъ быть, удерживаемый Анастасіею, можетъ быть, опасаясь къ нимъ любви народной, можетъ быть, имѣя въ нихъ нужду. Но вдругъ Анастасія умираетъ. Говорятъ ему, что она отравлена. Имѣя характеръ подозрительный, онъ этому вѣритъ. Сильвестръ и Адашевъ были съ нею не въ дружбѣ. Онъ,

увѣряемый, можетъ быть, другими, считаетъ ихъ ея убійцами, и давно уже желая *властвовать* одинъ, избавляется отъ сихъ союзниковъ, удаляетъ ихъ отъ себя, укрѣпляется сими обстоятельствами въ подозрительности, и убѣждается, что и друзья его, Сильвестръ и Адашевъ, суть измѣнники, считая и всѣхъ таковыми, или могущими быть, при малѣйшемъ подозрѣніи, крошитъ всѣхъ; иногда опамятывается, но, увлекаемый силою характера, принимается опять за прежнее". При этомъ Погодинъ выражаетъ сожалѣніе, что не изданы сочиненія Курбскаго и другія лѣтописи, „для обстоятельнаго узнанія жизни сего необыкновеннаго человѣка нужныя" [175]). Мы увидимъ, что впослѣдствіи онъ совершенно измѣнилъ этотъ взглядъ на Іоанна, и Сильвестръ, и Адашевъ сдѣлались его любимыми героями. Но образъ царя Іоанна долго преслѣдовалъ его, и онъ, возвратясь въ Знаменское, во время прогулокъ своихъ съ Геништою, Сеймондомъ, говорилъ о его тиранствѣ, о томъ, что при большей части злодѣяній своихъ, надѣялся на будущее раскаяніе. На это Сеймондъ замѣтилъ: „ваша религія утверждаетъ это!" Да, сказалъ Погодинъ, „наша христіанская религія говоритъ, что всякій грѣшникъ, искренно кающійся, прощается. Іоаннъ IV. не смотря на то, что исполнилъ всю мѣру возможныхъ преступленій человѣческихъ, могъ бы быть прощенъ, еслибы при концѣ своей жизни чистосердечно раскаялся въ грѣхахъ своихъ". „Какое же преимущество въ той жизни будетъ имѣть человѣкъ добродѣтельный", спросилъ Сеймондъ, „предъ злодѣемъ?" „Никакого", отвѣтилъ Погодинъ, „онъ уже здѣсь получилъ его" [176]). Этотъ разговоръ навелъ его на мысль сочинить повѣсть, въ коей было бы представлено состояніе раскаивающагося преступника [177]).

Свободное время отъ уроковъ, отъ секретарскихъ обязанностей у стараго Князя, прогулокъ, разговоровъ, и пр. Погодинъ посвящалъ чтенію и ученымъ занятіямъ. Чтеніе его было чрезвычайно разнообразно. Онъ читалъ и Киропедію, и разсужденія о Пѣсни Пѣсней, и Шатобріана, и Геллертовы

басни, и сочиненія г-жи Сталь, и Карамзина, и Руссо, и Еккартсгаузена. Читалъ также и „превозносимый до небесъ“ новый тогда романъ *Solitaire*; но остался этимъ чтеніемъ чрезвычайно недоволенъ: „Пышный вздоръ“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „слогъ надутый. Нѣтъ ничего натуральнаго. Содержаніе связано очень не мудро“ [178]). Однажды Погодинъ сидѣлъ у окна и читалъ де Саля. Подходитъ къ нему А. В. Всеволожскій и спрашиваетъ, какую книгу онъ читаетъ? И ему, почему-то было „стыдно“ отвѣтить, что читаетъ руководство къ благочестивой жизни. По поводу этого, онъ отмѣчаетъ въ *Дневникѣ:* „много еще надобно исправляться мнѣ“ [179]). Кромѣ того, онъ съ восторгомъ читалъ о Шиллерѣ и Гете и это чтеніе вызвало его на слѣдующее размышленіе: „наука есть благороднѣйшее занятіе для человѣка. Кто отъ сердца, не изъ тщеславія, преданъ ей, тотъ не можетъ быть злымъ“. Гораціевы оды и переводъ Ничевой древней Географіи составляли также предметъ занятій Погодина въ Знаменскомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ задумывалъ перевести *Духъ Христіанства*, Шатобріана, и хотѣлъ посвятить свой переводъ княгинѣ А. Н. Голицыной, и въ посвятительномъ письмѣ намѣревался развить вотъ какія мысли: „Я, зная васъ, постигъ духъ и преимущества Христіанской религіи, для не знающихъ васъ я перевелъ Шатобріана“ [180]). О своихъ занятіяхъ онъ также писалъ Гусеву: „Я провожу время здѣсь слишкомъ шумно, и нахожу мало времени для собственныхъ занятій; большею частію, читаю, продолжаю переводить древнюю Географію, которую надѣюсь скоро кончить; думаю также переводить Шатобріана Genie du Christianisme; боюсь только, не предупредилъ бы кто нибудь меня. Провѣдайте объ этомъ“.

Мы уже видѣли, что у Погодина съ Кубаревымъ, во время экзаменовъ, произошло нѣкое столкновеніе, причиною котораго была диссертація Ширая, получившаго, вмѣсто искомой золотой медали, только серебряную. По окончаніи экзаменовъ, Кубаревъ, вмѣстѣ съ Шираемъ, уѣхалъ въ Малороссію. Благословенный ли климатъ сей полуденной страны нашего Оте-

чества, или что̀ другое умягчило сердце Кубарева и онъ написалъ оттуда Погодину письмо, отъ котораго тотъ „минутъ съ пять не могъ опомниться отъ радости“, и тотчасъ же отвѣчалъ ему (отъ 28 августа 1821): „Здравствуй, старый, любезный другъ мой Алексѣй Михайловичъ. Давно, еще до отъѣзда изъ Москвы, сбирался я писать къ тебѣ; самъ не знаю, отъ чего до сихъ поръ этого не дѣлалъ, и лишь только теперь посылаю тебѣ, страннику, вѣсточку съ родимой твоей сторонушки. Я здоровъ, люблю тебя, какъ прежде, и вспоминаю часто о незабвенномъ *чердачкѣ*“ [181]). Въ концѣ сентября, на обратномъ пути изъ Малороссіи, Кубаревъ, проѣзжая мимо Знаменскаго, остановился на большой дорогѣ и послалъ извѣстить объ этомъ своего товарища. Во время уроковъ, Погодину сказали, „что кто-то дожидается его на большой дорогѣ“; онъ побѣжалъ туда „безъ памяти“, и видитъ Кубарева. „Какъ онъ скученъ!“, отмѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „вѣрно не нашелъ въ Шираѣ, что̀ думалъ найти. Жаль мнѣ его“ [182]).

Въ Богоспасаемомъ градѣ Ростовѣ съ давнихъ лѣтъ подвизался, при мощахъ Св. Іакова и Димитрія, благочестивый старецъ Амфилохій. „Какъ *не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя* (Мѳ. 5, 14), такъ не возможно“, по слову Высокопреосвященнѣйшаго Исидора, „праведнику, стоящему на высотѣ добродѣтелей, укрыться отъ людей, ищущихъ просвѣщенія и руководства въ жизни по духу. Его найдутъ и *въ пустыняхъ, и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастѣхъ земныхъ* (Евр. 11, 38). И слава людей Божіихъ тѣмъ сильнѣе привлекаетъ сердца, чѣмъ болѣе они смиряютъ себя предъ Богомъ и людьми“ [183]). Таковъ былъ и приснопамятный гробовый іеромонахъ монастыря Св. Іакова и Димитрія. Съ отеческою любовію принималъ онъ и утѣшалъ каждаго притекавшаго къ нему за помощію. По отзыву современниковъ, „къ нему шли и несли однѣ скорби, отъ него выносили одну радость“ [184]). Много лѣтъ спустя послѣ кончины блаженнаго старца, незабвенный нашъ путешественникъ по Св. Мѣстамъ,

А. Н. Муравьевъ, пріѣхавъ въ Ростовъ, поспѣшилъ прямо въ Яковлевскій монастырь къ святителю Димитрію. Подходя къ собору, „вспомнилъ, что мнѣ поручено было поклониться гробу добродѣтельнаго старца Амфилохія, сорокъ лѣтъ молитвенно простоявшаго у возглавія мощей угодника Ростовскаго. Уже смеркалось, соборная трапеза была отперта, тамъ хотѣлъ я дождаться открытія самой церкви. Любопытство привлекло меня къ высокой мраморной гробницѣ, и я прочелъ имя Амфилохія! О, съ какимъ внутреннимъ утѣшеніемъ простерся я предъ симъ памятникомъ великаго старца, многіе годы свѣтившаго своими добродѣтелями не только предѣламъ Ростовскимъ, но и столицѣ. На немъ почивало видимое благословеніе святителя“ [185]).

Вотъ за руководствомъ „въ жизни по духу“ и для утѣшенія въ своихъ скорбяхъ, княгиня Екатерина Александровна Трубецкая, вмѣстѣ съ своими чадами и домочадцами, и предприняла свое благочестивое путешествіе въ Ростовъ. 20 августа 1821 года они выѣхали изъ Знаменскаго. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ путешествіи. Знаемъ только, что наши пилигримы исповѣдывались и пріобщились у Амфилохія. Погодинъ со старымъ Княземъ остался въ Знаменскомъ и очень скучалъ по уѣхавшимъ, развлекая тоску своего одиночества прогулками, во время которыхъ онъ училъ наизусть рѣчь Цицерона in Senatu post reditum, но и это не помогало. Наконецъ, онъ рѣшился писать въ Ростовъ, княжнѣ Трубецкой и княгинѣ Голицыной: „Нѣтъ радости, добрыя мои барыни, для странника на чужой дальней сторонушкѣ, говаривалъ старикъ мой дѣдушка, слаще вѣсточки о милой его родинѣ. Вотъ вамъ грамотка съ родимаго вашего гнѣздышка, вотъ вамъ земли горсточка изъ любимаго вашего Знаменскаго. Все въ немъ говоритъ по-прежнему; тѣ же звѣзды на небѣ; красное солнышко всходитъ и заходитъ по-старому, свѣтелъ мѣсяцъ сіяетъ, какъ надобно; не такъ смотрю я на все: тоска-печаль глаза отуманила, кручина пала на сердце, и все не по моему:

и въ красномъ солнышкѣ пятна видятся, и въ мѣсяцѣ чтό-то темное. Пріѣзжайте, родимыя, разгоните печаль; тогда красное солнышко будетъ прекраснѣе прежняго, свѣтлый мѣсяцъ еще свѣтлѣе, птицы голосистѣе, травы душистѣе, все слаще, все пріятнѣе. Вашъ преданный, староста Михайло [186]). Въ Ростовѣ Трубецкіе пробыли около двухъ недѣль, и 16 сентября Погодинъ, вмѣстѣ съ старымъ Княземъ, поѣхалъ въ Москву встрѣчать нашихъ путешественницъ. Дорогою онъ мечталъ о поѣздкѣ въ Петербургъ. „Съ какимъ восторгомъ я поклонюсь ему! Потомъ къ гробу Ломоносова и Суворова; наконецъ, къ Карамзину. Какъ встрѣтятъ меня знакомые моего батюшки, видѣвшіе меня еще младенцемъ". Часа черезъ четыре они пріѣхали въ Москву и Погодинъ увидѣлъ „любезную Аграфену Ивановну и Александру Николаевну и говорилъ съ ними о Ростовскомъ путешествіи". Въ тотъ же день посѣтилъ И. А. Гейма, котораго дни въ это время были уже сочтены; но, тѣмъ не менѣе, онъ „толковалъ съ Погодинымъ объ обществѣ для изданія историко-географическаго словаря, о дѣлахъ Турецкихъ и совѣтовалъ ему слушать лекціи Политической Экономіи и Технологіи. Затѣмъ посѣтилъ почтенную старушку Анну Васильевну Кубареву и убѣдился, что она его очень любитъ. Утомленный долженъ былъ ѣхать отъ Сухаревой на Дѣвичье поле, такъ какъ старый князь „велѣлъ" ему ночевать у него". [187]). На другой день, Погодинъ посѣтилъ свой домикъ, въ приходѣ Николая Кобыльскаго, который въ то время отдавался въ наймы, и изъ этого посѣщенія вынесъ самое мрачное впечатлѣніе, ибо жильцы денегъ не даютъ, бунтуютъ; а я, замѣчетъ онъ „ни просить, ни разбирать ихъ не умѣю". За то Погодинъ „чудеснѣйшимъ образомъ" пообѣдалъ у С. И. Всеволжской и вообще провелъ у нихъ время самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Говорилъ съ Ал. И. Сабуровымъ о постановленіяхъ Муравьевскаго учрежденія Колонновожатыхъ, о перемѣнахъ въ Москвѣ. А. В. Всеволжскій разсказалъ слѣдующую остроту Ермолова: „Какой-то грузинецъ объявилъ ему свои требованія на княжеское достоин-

ство.—По всему видно, отвѣчалъ онъ, что вы пріѣхали изъ Россіи лѣтомъ; еслибы зимою, вамъ было бы представлено на выборъ: шуба или княжеское достоинство, и я увѣренъ, что вы избрали бы первую". Затѣмъ Погодинъ разсматривалъ Русскую библіотеку, собираемую Александромъ Всеволодовичемъ, читалъ Штеллингово объясненіе на Апокалипсисъ и очень жалѣлъ, что Всеволжскій „слишкомъ необдуманно отзывается о подобныхъ вещахъ". Къ вечеру, вернулся на Дѣвичье поле и съ часа ночи сидѣлъ у стараго Князя, съ которымъ сдѣлался истерическій припадокъ. На другой день онъ призываетъ къ себѣ Погодина и спрашиваетъ: хочетъ ли онъ сдѣлать для него одолженіе? „Съ большимъ удовольствіемъ!"— У васъ не хорошъ портной, сказалъ Князь, позвольте Занфтлебену снять съ васъ мѣрку; я прикажу ему сшить. „Вотъ награда", замѣчаетъ Погодинъ, „за мое писаніе", и къ этому прибавляетъ: „жаль было смотрѣть на разные поступки князевы, слѣдствіе теперешняго его болѣзненнаго состоянія" [188]). Старый Князь былъ почему-то очень озабоченъ туалетомъ Погодина. Онъ не довольствуется однимъ упомянутымъ заказомъ, но самъ даетъ ему обращики для выбора сукна на фракъ и панталоны, и когда Погодинъ дерзнулъ сказать, что у него много фраковъ и что ему нужнѣе сюртукъ, то Князь отвѣчалъ: „я хочу вамъ сдѣлать и сюртукъ, и фракъ". На это оставалось только сказать: „очень благодаренъ, мнѣ нѣсколько совѣстно это".

18 сентября 1821 года, они вернулись въ Знаменское [189]). Все остальное время, проведенное здѣсь, Погодинъ былъ въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи и мечталъ о графѣ Мамоновѣ, жившемъ тогда недалеко отъ Знаменскаго, въ глубокомъ уединеніи, въ своемъ селѣ Дубровицахъ, близъ Подольска, и о женитьбѣ сего затворника на княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ Трубецкой. Надо замѣтить, что еще въ 1816 году, сестра его, графиня Марія Александровна Мамонова, тогда еще молодая дѣвушка, хотѣла, кажется, убѣдить своего брата ѣхать для развлеченія въ чужіе края и искала молодого че-

ловѣка, ему въ спутники, по письменной части. П. Л. Пучковъ, сенатскій секретарь, знакомый отцу Погодина, представилъ Графинѣ его сына, учившагося тогда въ I гимназіи, въ 3 классѣ. Разумѣется, Погодинъ былъ радъ этому безъ памяти. Онъ уже прочиталъ *Письма Русскаго Путешественника*, Карамзина, и начиналъ мечтать о путешествіи. Предъ представленіемъ графинѣ Мамоновой, онъ нѣсколько дней и ночей долбилъ Французскую грамматику, ожидая испытанія. Мамоновымъ принадлежалъ тогда домъ, гдѣ помѣщается нынѣ глазная больница. „Помню", писалъ впослѣдствіи Погодинъ, „кабинетъ Графини и ея физіономію". Хотя это путешествіе не состоялось, но таинственный образъ графа Мамонова запалъ въ душу Погодина [190]). Онъ нерѣдко бесѣдовалъ съ княжною Аграфеною Ивановною „объ удивительномъ родѣ жизни" Дубровицкаго затворника. Толковали о причинахъ его заточенія; воображали разныя приключенія и встрѣчи съ нимъ. „Мнѣ", писалъ Погодинъ, „молодому студенту и мечтателю, прочитавшему всѣ романы, вышедшіе на Русскомъ языкѣ до 1815 года, пришло въ голову написать къ нему письмо. Мечты мои состояли въ томъ, чтобы Мамоновъ призвалъ меня къ себѣ, и чтобъ я, нынѣ или завтра, возбудилъ его вниманіе къ княжнѣ Трубецкой и устроилъ ихъ свадьбу". Подъ письмомъ Погодина, княжна Аграфена Ивановна подписала годъ и мѣсяцъ. Вотъ содержаніе этого любопытнаго письма: „Я никогда не видалъ васъ. За три года передъ симъ, меня приглашали путешествовать съ вами; съ тѣхъ поръ вы поселились въ моемъ воображеніи; я всегда думалъ, любилъ думать о васъ, и, наконецъ, рѣшился писать къ вамъ, рѣшился сказать о моей идеальной къ вамъ привязанности, сказать, что я искренно уважаю васъ, удивляюсь твердости вашего характера, вашему постоянству, и сожалѣю, что Отечество лишается достойнаго сына, сына, который могъ бы оказать ему великія услуги, особенно въ нынѣшнее время; рѣшился сказать вамъ нѣсколько словъ о вашемъ уединеніи. Я увѣренъ, что причина, побудившая васъ къ нему, благо-

родна, велика; но я никакъ не могу выдумать такой, которая бы была достаточна: мудрый человѣкъ не унываетъ отъ горестей, ударовъ, встрѣчающихся ему въ сей жизни, онъ выше ихъ, онъ смѣется надъ враждующимъ ему рокомъ, идетъ своимъ путемъ, назначеннымъ ему его геніемъ, не оставляетъ своего поприща, пока не будетъ оставленъ... свыше, и достигаетъ спокойно своей цѣли — безсмертія. Вы, вы оставили свое поприще! Простите мою слабость; простите, если я обезпокоилъ васъ письмомъ моимъ. Мысли мои, можетъ быть, несправедливы; я молодъ, неопытенъ;—я хотѣлъ только увѣрить васъ, что хоть вы забыли о людяхъ, люди не позабыли о васъ". Письмо осталось безъ отвѣта, и даже неизвѣстно, дошло ли оно до графа Мамонова. Все Знаменское общество очень интересовалось послѣдствіями этого письма, а самъ Погодинъ, по собственному показанію, „былъ въ какомъ-то волненіи, и былъ почти увѣренъ, что она будетъ за нимъ. Дай Богъ, дай Богъ!"

Познакомимся, однако, поближе съ человѣкомъ, съ которымъ желалъ связать Погодинъ брачными узами предметъ своего обожанія. Сынъ Екатерининскаго временщика, графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, по свидѣтельству лично знавшаго его князя П. А. Вяземскаго, „по окончаніи войны 1812 года, въ которой проявилъ онъ свое патріотическое чувство, буквально заперся въ своемъ прекрасномъ помѣстьѣ, селѣ Дубровицахъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, онъ не видалъ никого. Въ спальной его были развѣшаны по стѣнамъ странныя картины, кабалистическаго, а частью соблазнительнаго содержанія. Одинъ Михаилъ Орловъ, пріятель его, имѣлъ смѣлость и силу, свойственную породѣ Орловыхъ, выбить однажды дверь кабинета его и вломиться къ нему. Онъ пробылъ съ нимъ нѣсколько часовъ, но, не смотря на всѣ увѣщанія свои, не могъ уговорить его выйти изъ своего добровольнаго затворничества. Наружности былъ онъ представительной и замѣчательной: гордая осанка и выразительность въ чертахъ лица. Внѣшностью своею онъ нѣсколько напоминалъ

портреты Петра Великаго" [191]). Но, не смотря на свое болѣзненное положеніе, графъ Мамоновъ много писалъ и читалъ. Графу А. С. Уварову попалась книга изъ Мамоновской библіотеки о Французской революціи, съ собственноручными, „весьма дѣльными замѣчаніями" графа Мамонова. Книгу эту графъ Уваровъ показывалъ Погодину. Вотъ такого-то оригинала послѣдній прочилъ въ женихи княжнѣ Трубецкой!

Не довольствуясь письмомъ, Погодинъ рѣшился, наконецъ, посѣтить самое мѣсто, гдѣ пребывалъ Дубровицкій затворникъ, и съ этою цѣлію, онъ, вмѣстѣ съ Геништою, отправляется, 25 сентября 1821 г., изъ Знаменскаго въ Подольскъ и оттуда пѣшкомъ идутъ въ Дубровицы. „Прекраснѣйшее, замѣчательное мѣстоположеніе, писалъ Погодинъ. Домъ на крутой горѣ, внизу рѣка, на противоположномъ берегу густой сосновый лѣсъ, все заросло травой, все дико, мрачно. Не видать ни одной души, лишь только внизу кричатъ перевозчики; нѣтъ ни одной дорожки къ покоямъ. Между тѣмъ, въ нихъ живетъ человѣкъ, и человѣкъ, не видящій четыре года людей. Это имѣетъ какое-то дѣйствіе на душу. Церковь также очень замѣчательная. Мечталъ". И ему ничего не оставалось дѣлать, какъ мечтать, ибо, не имѣя силы и смѣлости, „свойственной породѣ Орловыхъ", онъ не рѣшался вломиться, подобно Михаилу Орлову, въ кабинетъ своего героя.

Возвратившись въ Знаменское изъ своей поѣздки въ Дубровицы, Погодинъ былъ полонъ Мамоновымъ, и послѣ ужина, гуляя по саду съ княжною Трубецкою и Вѣрою Прокофьевною Измайловою, говорилъ имъ о Дубровицкомъ затворникѣ. „Если бы", сказала княжна Трубецкая, „я полюбила его, то согласилась бы жить съ нимъ въ уединеніи". На это Погодинъ меланхолически воскликнулъ: „Если бы это случилось!" [192]).

Ровно черезъ пятьдесятъ девять лѣтъ послѣ посѣщенія Погодина, и мнѣ удалось посѣтить это знаменитое село, когда память о таинственномъ владѣльцѣ его уже исчезла съ лица земли. Гостя, въ сентябрѣ 1880 года, у князя и княгини Вяземскихъ, въ селѣ Остафьевѣ, и занимаясь тамъ при-

готовленіемъ къ изданію въ свѣтъ Странствованій Барскаго по Святымъ Мѣстамъ Востока, я ежедневно, въ свободное отъ занятій время, имѣлъ честь сопровождать княжну Александру Павловну Вяземскую въ ея поѣздкахъ по Остафьевскимъ окрестностямъ. Между прочимъ, мы посѣтили и село Дубровицы. Кучеръ нашъ не смотря на то, что Остафьевскій уроженецъ, лѣтъ двадцать не бывалъ тамъ. Въ виду Дубровицъ, сбились съ дороги и попали въ чащу лѣса. Это заставило насъ оставить экипажъ и идти пѣшкомъ. Пробирались по тропинкамъ и спускались съ крутизны къ Деснѣ рѣкѣ. Преодолѣвъ всѣ препятствія, достигли наконецъ цѣли своего путешествія. Здѣсь обиліе водъ: Десна и Пахра. Переправлялись черезъ рѣки по лавамъ. Попавшаяся дѣвочка, за обѣщанный ей гонораръ, кубаремъ покатилась къ священнику съ просьбою показать намъ церковь. Вмѣсто священника, вышелъ дьячокъ, который и былъ нашимъ руководителемъ. Церковь построена въ 1690 году и напоминаетъ болѣе костелъ, чѣмъ православный храмъ. Здѣсь есть царское мѣсто, и причетникъ, указывая на него, сказалъ: „на ономъ мѣстѣ изволили стоять блаженныя памяти его сіятельство графъ Закревскій, пріѣзжая сюда къ обѣдни изъ своей резиденціи, села Ивановскаго“. Мнѣ, какъ издателю *Дневника Храповицкаго*, любопытно было узнать, что въ 1787 году здѣсь была императрица Екатерина Великая, а слѣдовательно, былъ здѣсь и Храповицкій. Изъ церкви прошли къ дому, въ которомъ живутъ *дачники*...

Тьфу! прозаическія бредни...

Грязь страшная. Пройдясь по саду и переправившись чрезъ Десну, мы направились къ святому источнику, находящемуся въ удивительно живописной мѣстности“ [193]).

Несчастный графъ Мамоновъ умеръ въ глубокой старости, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. По поводу его кончины, Погодинъ, будучи и самъ шестидесятилѣтнимъ старцемъ, съ негодованіемъ писалъ: „Вотъ еще живой примѣръ

нашей холодности и равнодушія. Это былъ примѣчательный Русскій человѣкъ, и по уму, и по службѣ, и по ревности, и по страннымъ причудамъ, и, наконецъ, по несчастной, почти сорокалѣтней болѣзни, и не въ одной газетѣ не было напечатано никакого извѣстія". Сдѣлавъ это невольное отступленіе, будемъ продолжать наше повѣствованіе.

Наступилъ день отъѣзда изъ Знаменскаго. Наканунѣ Покрова, цѣлая вереница экипажей потянулась въ Москву. Погодинъ ѣхалъ въ каретѣ съ старымъ Княземъ. Дорогою Князь былъ очень откровененъ съ нимъ и говорилъ о своихъ дѣлахъ. „Для меня", замѣчаетъ Погодинъ, „очень непріятна эта довѣренность. Было очень трудно отвѣчать на его вопросы". Часто выходили изъ кареты и шли пѣшкомъ. Князь разсказывалъ ему о временахъ Екатерины и Павла... Погодинъ сознается, что въ дорогѣ онъ „хохоталъ надъ разными штуками Князя". По пріѣздѣ въ Москву, проводилъ своего спутника до его дома, а самъ, по собственному выраженію, „отличился прямо къ Сухаревой башни" и „усталъ какъ собака" [194]).

XIX.

По окончаніи курса, Погодинъ былъ оставленъ въ „вѣдомствѣ" Университета, но никакихъ опредѣленныхъ обязанностей не имѣлъ. Ему хотѣлось поступить надзирателемъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ, но В. И. Оболенскій отсовѣтывалъ ему домогаться этой должности. Возвратясь изъ Знаменскаго, Погодинъ посѣтилъ своего профессора, Ивана Ивановича Давыдова, который и предложилъ ему учить въ Университетскомъ Пансіонѣ Географіи. Давыдовъ сдѣлалъ это предложеніе такъ „нечаянно", что онъ „не успѣлъ придумать ничего для отказа" [195]). Такимъ образомъ, Погодинъ имѣлъ счастіе вступить преподавателемъ въ такое заведеніе, гдѣ, по выраженію И. И. Давыдова, были „возлелѣяны и

храбрые воины, и безпристрастные судіи, и знаменитые писатели“ [196]). Давно уже нѣтъ этого знаменитаго заведенія, о которомъ питомецъ его, П. М. Строевъ, до конца своей жизни хранилъ глубоко-признательное воспоминаніе. По его отзывамъ, единственно правильныя педагогическія начала для воспитанія Русскаго юношества были примѣняемы въ этомъ учебномъ заведеніи. Паденіе Пансіона горько оплакалъ другой его питомецъ, извѣстный писатель Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ, въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи *Проданный Домъ*.

Въ тѣ дни, когда добро и знанье
Цѣнились выше серебра,
Здѣсь было мѣсто воспитанья,
Былъ домъ науки и добра!..
И вотъ, проломанныя стѣны
Дверей и крылецъ кажутъ рядъ!
Тайникъ святыни воспитанья
Непосвященному открытъ
И оскверненъ рукой стяжанья.
Здѣсь роскошь нѣкогда разложитъ,
Прельщая очи, свой товаръ;
За деньги зрѣлище, быть можетъ,
Раздуетъ сладострастный жаръ;
Иль будетъ тамъ вертепъ веселья,
Куда обжорство заманитъ,
И гдѣ народное похмѣлье
Въ разгульныхъ пѣсняхъ загремитъ.

Московскій Университетскій Благородный Пансіонъ, основанный въ 1770 году кураторами Мелиссино и Херасковымъ, процвѣлъ при Антонѣ Антоновичѣ Прокоповичѣ-Антонскомъ, который началъ службу въ этомъ заведеніи съ 1787 года, въ качествѣ преподавателя Натуральной Исторіи. Съ 1791 года, онъ былъ инспекторомъ Пансіона. Послѣ Московскаго разгрома въ 1812 году, Антонскій возобновилъ Университетскій Пансіонъ. Возвышенный въ званіе директора, онъ умѣлъ избрать себѣ ревностнаго помощника, въ профессорѣ И. И. Давыдовѣ, который былъ инспекторомъ Пансіона. По свидѣтельству питомца пансіона, С. П. Шевырева, Антонскій „имѣлъ даръ проницанія, умѣнье отгадывать способности, даръ Божій въ

педагогѣ, даръ, который былъ причиною того, что онъ умѣлъ находить людей въ Университетѣ и развивать дарованія въ Пансіонѣ. Умъ его былъ умъ практическій, чуждый отвлеченныхъ теорій, устремлявшій его болѣе къ дѣлу жизни, умъ хозяйственный, распорядительный, умъ педагога и земледѣльца. Волю имѣлъ онъ твердую, непреклонную, которую прежде всего упражнялъ на самомъ себѣ и на своей собственной жизни. Духъ общительности, вынесенный имъ, можетъ быть, изъ Кіевской бурсы, но развитый особенно въ Университетской средѣ, во времена Новикова, служилъ въ немъ источникомъ для многихъ полезныхъ дѣйствій. Есть еще одна черта, которая опредѣляетъ его нравственный характеръ и знаменуетъ всю его жизнь: онъ зналъ всему мѣру въ жизни" [197]). Вотъ съ такимъ-то человѣкомъ довелось Погодину вступить въ служебныя отношенія. Напутствуемый, отходящимъ въ вѣчность, старцемъ Геймомъ, Погодинъ, не смотря на молодость своихъ лѣтъ и неопытность, вступая на педагогическое поприще, былъ преисполненъ сознаніемъ важности и отвѣтственности дѣятелей на ономъ поприщѣ предъ Богомъ и людьми. Еще до окончанія университетскихъ экзаменовъ, въ *Дневникѣ* его находимъ слѣдующую замѣтку: „горе воспитателю, который бы захотѣлъ слишкомъ рано научить разсуждать своего питомца; горе и тому, у котораго воспитаніе нравственныхъ силъ остается позади отъ физическихъ. Но какъ опредѣлить эту соотвѣтственность, какъ устроить воспитаніе, чтобы и нравственныя, и физическія силы шли наравнѣ. Воспитатели! Вотъ задача, отъ нея зависитъ счастіе рода человѣческаго" [198]). Первый урокъ въ Пансіонѣ былъ данъ Погодинымъ 12 октября 1821 года. Еще за нѣсколько дней, онъ готовился къ нему, и „молился Богу, чтобы помогъ ему дать хорошій урокъ". Объ этомъ первомъ урокѣ мы находимъ въ *Дневникѣ* слѣдующее: „дико въ первый разъ. Мнѣ послышалось, что въ сосѣднемъ классѣ Антонскій и я смѣшался внутренно" [199]). По отзыву А. З. Зиновьева, Погодинъ „классъ свой держалъ въ строгомъ по-

рядкѣ, географическіе уроки умѣлъ сдѣлать весьма занимательными. Ученики питали къ нему уваженіе, но, между тѣмъ, позволяли себѣ нѣкоторыя любезныя вольности" [200]).

14 августа 1821 года, на каѳедру Московской Церкви вступилъ Архіепископъ Филаретъ и въ Дому Пресвятыя Богородицы, наканунѣ праздника Ея Успенія, преподалъ людямъ Божіимъ Апостольское привѣтствіе: *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа* (Рим. 1, 7) и „мощью личнаго духа, возросшаго на церковной народной почвѣ", преемственно водворилъ церковный авторитетъ не только для Москвы и всей Россіи, но и для всего Православнаго міра. Предъ этимъ авторитетомъ блѣднѣли и никли всѣ, такъ называемые, свободные мыслители, дерзавшіе и дерзающіе безъ помазанія устроять домостроительство нашего спасенія. Это важное церковное событіе не могло не подѣйствовать на пылкаго Погодина, который въ это время и самъ возсѣлъ на сѣдалище учителя. И мы видимъ, что онъ съ увлеченіемъ читаетъ проповѣди Филарета, говоритъ о нихъ съ близкими ему людьми, ходитъ въ тѣ церкви, гдѣ служитъ Владыка, что иногда не обходилось безъ препятствій. Такъ, однажды, онъ отправился слушать обѣдню на подворье. Служилъ самъ Филаретъ. Сторожъ не пускалъ было его въ церковь, но онъ оттолкнулъ его и пошелъ; а потомъ испугался: какъ бы сторожъ не пожаловался на него квартальному. О самомъ служеніи Погодинъ замѣтилъ: „смиренное лицо у Филарета. Служитъ очень просто" [201]). Погодина очень утѣшалъ отзывъ, который онъ слышалъ отъ Кубарева, что все духовенство отмѣнно довольно управленіемъ Филарета, что онъ „не гордъ, обходителенъ и помнитъ очень многихъ старыхъ своихъ товарищей" [202]). Вообще, въ это время мы замѣчаемъ пробужденіе религіознаго чувства въ Погодинѣ. „Проснулся въ 7-омъ часу", писалъ онъ, „благовѣстятъ къ ранней обѣднѣ. Все тихо, спокойно, только колокола издаютъ тихіе, протяжные звуки, напоминающіе людямъ о Богѣ. Утро есть самое достойное время для богослуженія" [203]). „Ходилъ къ обѣднѣ",

пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „церковь полна. Слава Богу! У насъ еще старина сохраняется. Купцы поютъ. Это тоже старинное обыкновеніе“ [204]). Однажды, Кубаревъ спросилъ Погодина: зачѣмъ онъ ходитъ къ обѣднѣ? „Почти машинально“, отвѣтилъ онъ, „но служеніе производитъ во мнѣ благочестивыя мысли!“ [205]). Наконецъ, Погодинъ, съ другомъ и товарищемъ своимъ Загряжскимъ, которому онъ такъ много обязанъ въ религіозномъ отношеніи, посѣщаетъ Кремлевскія святыни и выноситъ оттуда благодатное впечатлѣніе. „Какія пріятныя чувства рождаютъ въ душѣ старинныя церкви. Какая простота, безъискусственность. Нѣтъ вычуровъ. Успенскій Соборъ священъ для всякаго Русскаго. Здѣсь около 500 лѣтъ молятся Русскіе за Россію; здѣсь, при всякомъ важномъ случаѣ, прибѣгаютъ къ престолу Божію наши цари. Здѣсь сіяли и сіяютъ Петры, Алексѣи, Іоны, Филиппы, Гермогены. Прикладывался къ мощамъ ихъ и къ знаменитому образу Владимірскія Божіей Матери, достоянію всей Россіи“ [206]).

Осенью 1821 года, вернулась изъ своей Измайловки Аграфена Прокофьевна Измайлова, и домъ Трубецкихъ сдѣлался еще пріятнѣе для Погодина, который питалъ къ ней такое довѣріе, что далъ ей часть своего *Дневника*, для прочтенія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ боялся, чтобы у нея не увидалъ его кто-нибудь. Аграфена Прокофьевна совѣтовала Погодину „взбѣситься теперь, чтобы избѣжать бѣшенства въ совершенныхъ лѣтахъ“; ибо, утверждала она, „непремѣнно надобно одинъ разъ посумасшествовать въ жизни“. Посѣтивъ Трубецкихъ на Варваринъ день, онъ отмѣтилъ, что „съ удовольствіемъ смотрѣлъ на глаза княжны Аграфены Ивановны. Въ нихъ было написано какое-то спокойствіе, хотя я увѣренъ она его имѣетъ немного“. Въ это же время, онъ встрѣтилъ у Трубецкихъ Александра Павловича Мансурова и смотрѣлъ на него „внимательно“. Это не ускользнуло отъ Аграфены Прокофьевны и она спросила Погодина: почему онъ скученъ? Для развлеченія, онъ сталъ смотрѣть на происходившій въ то время танцовальный урокъ и замѣтилъ:

„Какіе повороты! Какія движенія! Какъ не тремодитъ лукавый людей". По поводу какого-то представленія, Погодинъ замѣчаетъ: „терпѣть не могу я этихъ представленій. Должно ли было мнѣ подать ему руку. Ахъ, дурачина! Не зная свѣтскихъ обычаевъ, ты попадешься когда-нибудь въ просакъ" [207]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не былъ свободенъ отъ ложнаго стыда. Вотъ бывшій съ нимъ характерный случай, который онъ самъ же разсказываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ѣздилъ къ Князю Трубецкому. Я нанялъ извозчика только до дома князя; его нѣтъ у себя. Я, стыдясь предъ тамошними людьми слѣзть съ дрожекъ и идти пѣшкомъ, велѣлъ извозчику оборотить назадъ, и отъѣхавши отъ дома столько, что его уже не видать было, расплатился съ нимъ, далъ, кажется, 20 коп. за лишній провозъ, и пошелъ пѣшкомъ" [208]). Несмотря на свободу, какою пользовался Погодинъ въ домѣ Трубецкихъ, онъ не могъ отдѣлаться отъ чувства робости. Такъ, заходитъ онъ, однажды, къ Князю и видитъ, что у воротъ стоятъ какія-то дрожки, и онъ „побоялся идти", хотя и „прозябъ ужасно". Между тѣмъ, Трубецкіе, а особенно молодое поколѣніе ихъ, не переставали оказывать не только самому Погодину, но и товарищамъ его знаки самаго трогательнаго вниманія. Такъ, однажды, княжна Аграфена Ивановна подарила имъ три билета въ Геслеровъ концертъ. Изъ коихъ одинъ она назначила Кубареву, и Кубаревъ былъ, по свидѣтельству Погодина, „внѣ себя отъ радости и не зналъ, какъ благодарить Княжну". Погодинъ, по этому поводу, замѣчаетъ: „мнѣ было это пріятно. Бездѣлица можетъ доставить удовольствіе человѣку. Спасибо тебѣ, ангелъ" [209]). Добавимъ еще личную его черту, имъ же самимъ поставленную на видъ. „Когда я вхожу къ Трубецкимъ", пишетъ онъ, „люди не встаютъ, и мнѣ это бываетъ непріятно; но я это переломлю скоро" [210]).

Въ октябрѣ 1821 года, Погодинъ писалъ Загряжскому: „Въ Университетѣ случилось два большія несчастія: Геймъ скончался, Бугровъ неизвѣстно отъ чего застрѣлился" [211]). Этотъ несчастный былъ магистръ математическихъ наукъ и

жилъ въ зданіи Университета, въ такъ называемыхъ кандидатскихъ комнатахъ [212]). По отзыву товарищей, „человѣкъ онъ былъ самый обстоятельный“, и тайну о причинѣ самоубійства унесъ съ собою въ могилу. 13 октября, на дорогѣ отъ Трубецкихъ, Погодина встрѣчаетъ Оверъ и сообщаетъ ему эту роковую вѣсть. Въ семействѣ Трубецкихъ это печальное событіе нашло сердечный откликъ. Княжна Трубецкая была возмущена тѣмъ, что никто не провожалъ тѣла несчастнаго; а княгиня Голицына пожалѣла, что у насъ „не отправляется никакой службы по самоубійцамъ“. Вскорѣ послѣ этого событія, Погодинъ посѣтилъ своего товарища Гусева, и въ своемъ *Дневникѣ* записалъ слѣдующее: „обѣдалъ у Гусева. Богъ знаетъ, чтó съ нимъ дѣлается. Говоритъ безпрестанно о соединеніи съ Богомъ, о суетности здѣшняго міра, о тоскѣ души его... Вотъ одна изъ простительнѣйшихъ, кажется, причинъ къ самоубійству. Онъ хочетъ соединиться съ Богомъ. Но это насильное соединеніе. Богъ послалъ насъ въ здѣшній міръ; худо ли, хорошо ли намъ здѣсь, мы должны жить, нести крестъ и ожидать того времени, какъ Онъ воззоветъ насъ къ Себѣ. Жаль мнѣ Гусева. Впрочемъ, Богъ знаетъ: мы такіе слѣпцы, что ничего видѣть не можемъ“ [213]).

Сейчасъ мы оплакали ужасную кончину юноши, на зарѣ лѣтъ своихъ охладѣвшаго къ жизни и святотатственно поднявшаго на себя руку свою. Теперь намъ предстоитъ оплакать отшедшаго отъ насъ старца, Ивана Андреевича Гейма, начавшаго свою вѣрную службу Россіи съ 1781 года, на каѳедрѣ Московскаго Университета. Но печаль наша въ этомъ случаѣ растворяется утѣшительнымъ чувствомъ, что приснопамятный мужъ сей совершилъ мѣру возраста своего и не измѣнилъ своей чредѣ буквально до „послѣдняго вздоха бытія“. Иванъ Андреевичъ скончался 16 октября 1821 года. За шесть дней до своей кончины, онъ еще читалъ лекціи, но закашлялся и не могъ кончить. Въ тотъ же день Погодинъ посѣтилъ его и нашелъ настолько бодрымъ, что онъ самъ искалъ нужную для Погодина книгу и велѣлъ зайти къ нему чрезъ

нѣсколько дней. Исполняя приказаніе профессора, Погодинъ является къ нему 15 октября, т. е. наканунѣ его кончины; но узнавъ, что у него докторъ, онъ не зашелъ. Желая показать Ивану Андреевичу какой-то атласъ, отправляется къ нему на другой день, т. е. 16 октября, и спрашиваетъ въ передней человѣка: „Можно ли войти?“ „Войдите“, сказалъ лакей, „онъ въ этой комнатѣ“. „Вхожу и вижу“, писалъ Погодинъ, „его на столѣ. Онъ умеръ. Не могъ удержаться отъ слезъ и плакалъ довольно. Добрый человѣкъ! Я многаго лишился въ тебѣ. Но не это заставляетъ меня жалѣть о тебѣ.... Говорилъ съ Т. А. Каменецкимъ о его смерти. Скончался оченъ тихо, безъ всякаго страданія. Иначе и быть не могло. Его добрая душа никому не сдѣлала зла съ намѣреніемъ; добро всѣмъ. Рѣдкимъ удалось сдѣлать столько пользы людямъ, сколько ему; онъ прямо, я думаю, въ царствѣ небесномъ“ [214]). „До конца былъ въ памяти“, писалъ о немъ Погодинъ къ своему товарищу, Троицкому, „въ послѣдній день началъ мѣшать слова всѣхъ языковъ. Всѣ свои вещи, до малѣйшаго замка, переписалъ и отказалъ профессорамъ, каждому по вещи, библіотеку—Университету. Право печатать его лексиконъ предоставлено Каменецкому“ [215]).

Почтимъ же память его словами Поэта:

Покойся же мирно, мужъ почившій
. . . .
Своей чредѣ не измѣнившій
Съ послѣднимъ вздохомъ бытія!

Косою смерти быстро сжатый,
Какъ снопъ созрѣлый на поляхъ
Красуйся жатвою богатой
Въ своихъ зернистыхъ сѣменахъ.

Лично для Погодина, кончина И. А. Гейма была утрата незамѣнимая; но герой нашъ всѣ скорби жизни, какъ въ лѣта пылкой молодости, такъ и въ старости, переносилъ всегда мужественно, съ полною покорностію волѣ Божіей. Денно и нощно дежурилъ онъ при тѣлѣ своего наставника. 19 октября про-

исходили торжественныя похороны. Провожало человѣкъ съ 600, экипажей до 100. Крышку несли студенты; а Погодинъ несъ подушку съ орденомъ св. Анны до самаго кладбища, и при этомъ ему хотѣлось, чтобы шли мимо Трубецкихъ. Гробъ несли профессора „очень величественно". „Повсюду царствуетъ", писалъ онъ, „глубокое молчаніе. Музыка играетъ мрачная и печальная". Послѣ похоронъ, Погодинъ обѣдалъ у Бычкова. Изъ предосторожности, онъ выпилъ большую рюмку водки „и такъ ошалѣлъ, что голова пошла кругомъ. Уснулъ сладко"; а проснувшись помянулъ Ивана Андреевича горскимъ [216]). Въ девятый день была заупокойная обѣдня въ Коммерческомъ училищѣ, а послѣ завтракали и обѣдали у Каменецкаго, дѣлавшаго поминки по Гейму. На Погодина эти поминки произвели пріятное впечатлѣніе. „Прекрасно поступилъ", писалъ онъ, „Каменецкій, съ студентами обходился, какъ съ товарищами. Все было просто, благородно, дружески. Какъ не избѣгалъ, но долженъ былъ пить, по его настоянію, и у меня зашевелилось въ головѣ. Пѣли всѣмъ хоромъ *Со Святыми упокой* и *Вѣчную память* почтенному Гейму. Вѣчная, вѣчная тебѣ память добрый человѣкъ" [217]).

Мы уже съ удовольствіемъ замѣтили, что добрыя отношенія между Погодинымъ и Кубаревымъ возстановились, и завѣтный Кубаревскій „чердачекъ", у Сухаревой башни, не переставалъ быть центромъ духовныхъ интересовъ молодыхъ мыслителей. „Кубаревъ превосходный человѣкъ", замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Погодинъ, „хотя и имѣетъ большія странности". Онъ былъ къ нему преданъ искренно и при всякомъ случаѣ доказывалъ свою преданность на дѣлѣ. Услыхавъ, однажды, отъ И. И. Давыдова, что въ Одессѣ открывается мѣсто профессора, Погодинъ тотчасъ подумалъ о Кубаревѣ и „съ великимъ удовольствіемъ побѣжалъ домой", чтобы сообщить объ этомъ матери Кубарева; но со стороны послѣдняго произошла нѣкоторая перемѣна. „Я вспомнилъ", писалъ Погодинъ, „до какой степени былъ привязанъ ко мнѣ Кубаревъ года три тому назадъ. Онъ восхищался мною. Я былъ

тогда еще молодъ и не умѣлъ цѣнить это. Съ какимъ жаромъ просилъ онъ меня, однажды, идти съ нимъ въ Марьину рощу. Я не могъ рѣшиться пропустить для этого лекцію или урокъ. Я чувствовалъ тогда, что мнѣ было рано быть его другомъ, но что я со временемъ приготовлюсь къ этому. Если бы, кажется, я въ отношеніи къ нему былъ тѣмъ же, чѣмъ онъ ко мнѣ, у насъ была бы неразрывная дружба. До связи его съ Шираемъ, впрочемъ, мы были почти друзья, по крайней мѣрѣ, откровенны другъ съ другомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Теперь только пріятели, у коихъ во многомъ мысли сходны. Онъ прекрасный человѣкъ. Я не знаю еще человѣка, который бы такъ мало довѣрялъ себѣ и такъ откровенно говорилъ объ этомъ, кто бы до такой степени, какъ онъ, былъ безпристрастенъ въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ" [218]). Но какъ бы то ни было, добрыя отношенія между Погодинымъ и Кубаревымъ возстановились до такой степени, что Погодинъ, живя у него въ домѣ, сознавалъ какъ то, что онъ „много пользуется совѣтами Алексѣя Михайловича, такъ и то, что онъ и самъ полезенъ Кубареву [219]).

Свѣдѣнія о событіяхъ и людяхъ XVIII столѣтія отцы наши почерпали изъ *живыхъ источниковъ*. Однимъ изъ такихъ источниковъ былъ для Кубарева отецъ его товарища, суворовскій генералъ Ширай. Почерпнутыми отъ него свѣдѣніями, Кубаревъ, возвратясь изъ Малороссіи, дѣлился съ Погодинымъ, и мнѣ кажется, что новѣйшіе историки не имѣютъ права пренебрегать подобными свѣдѣніями. Вотъ нѣкоторыя обстоятельства о временахъ Екатерины. „Воронцовъ и Завадовскій, встрѣтившись между собою, цѣловали всегда руку другъ у друга. Суворовъ, получивъ письмо отъ Зубова съ подписью: милостивый государь мой, въ отвѣтѣ своемъ на него, поставилъ въ концѣ: еще прошу васъ замѣтить, что выше Суворова только Богъ и Престолъ, прочее все ниже меня. Суворовъ также сказалъ одному генералу, привезшему ему какое-то извѣстіе отъ Павла: скажите отъ меня, если можете, Государю, что жизнь моя въ его рукахъ, но слава моя выше

его. Смертію Екатерины Суворовъ былъ очень огорченъ и не выходилъ нѣсколько времени изъ комнаты. Вошелъ, какъ-то, къ нему генералъ Ширай. Онъ, пожимая руки, началъ говорить: ахъ проклятые стихотворцы, ахъ злодѣи, какъ можно имъ вѣрить. Вотъ говорили, что Екатерина безсмертна, а она умерла. Суворовъ ѣзжалъ на охоту, но охотники безъ него не смѣли затравить ни одного зайца. Что, поймали-ли что? Нѣтъ, ваше сіятельство! Вотъ ѣздили, ѣздили, а толку нѣтъ, и онъ успокоивался. По случаю неучтиваго письма отъ Зубова, Суворовъ писалъ къ Государынѣ: „Графъ Платонъ юноша мнѣ старику...“. Три раза въ году, Суворовъ надѣвалъ на себя всѣ ордена, клалъ передъ собою всѣ жалованные ему подарки, и тогда уже никто не смѣлъ говорить съ нимъ. Во времена Екатерины, онъ испросилъ у нея прощенія какимъ-то преступникамъ, своимъ подслуживцамъ. Дѣло предано было забвенію. При Павлѣ опять возобновили его. Суворовъ написалъ: голова моя часто летала подъ смерть при вашей Матушкѣ; если нужна она теперь, для спасенія сихъ несчастныхъ, она готова. Пріѣхавъ къ Румянцову, по окончаніи Польскихъ дѣлъ, онъ вытянулся предъ нимъ. Тотъ бросился обнимать его. Прежде же, говоря съ Шираемъ о Польской войнѣ, Румянцовъ сказалъ: всякое дѣло мастера боится. Графъ Завадовскій былъ отмѣнно краснорѣчивъ. Онь выстроилъ свою деревню Ляличи по царски: огромный дворецъ, заведенія; огородилъ лѣсъ каменною стѣною на 20 верстъ, и пр , и далъ блестящій столъ. Ширай, не пойдя ужинать и оставшись вмѣстѣ съ нимъ, спросилъ его: скажите, графъ Петръ Васильевичъ, для чего вы все это сдѣлали? Вы имѣли въ виду потомство? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я хотѣлъ пожить такъ, какъ хочется, три дня, теперь живу три мѣсяца, и доволенъ. При государѣ Александрѣ онъ былъ предсѣдателемъ Совѣта. Однажды, Сперанскій началъ читать предложеніе о какихъ-то законахъ. Завадовскій отвергаетъ ихъ. Сперанскій доказываетъ ихъ необходимость. Тотъ велитъ ему перестать. Сперанскій говоритъ, что они уже утверждены Государемъ. Завадовскій на другой день выѣзжаетъ

изъ Петербурга". Въ царствованіе Павла, однажды, на балѣ Завадовскій стоялъ въ задумчивости. Государь, былъ тутъ же, подходитъ къ нему и говоритъ: графъ Петръ Васильевичъ, хотите ли вы сдѣлать мнѣ большое одолженіе. Какое, Государь? Обѣщайтесь. Обѣщаюсь. О чемъ вы думаете теперь? Не смѣю не исполнить вашего приказанія. Я думаю теперь, зачѣмъ я женился. Государь былъ доволенъ, веселъ; потомъ постепенно дѣлался мрачнѣе и сказалъ: нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ объ этомъ думалъ, и на другой день велѣлъ ему выѣхать изъ Петербурга. Къ сему роду извѣстій присоединимъ и слѣдующее: мать Кубарева, Анна Васильевна, сказывала, что ея родственникъ, діаконъ, проходилъ въ самый часъ кончины Павла мимо Михайловскаго дворца и слышалъ, какъ били стекла. Въ Малороссіи, у Судіенки, Кубареву удалось видѣть собраніе живописныхъ портретовъ всѣхъ великихъ людей Россіи, начиная съ Петра" [220]). Кромѣ этихъ разсказовъ, на *чердачкѣ* Кубарева, велись важныя бесѣды, несомнѣнно вліявшія на развитіе Погодина. Главнымъ предметомъ этихъ разговоровъ, размышленій была Русская Исторія, Русская жизнь. По поводу разговоровъ о Петрѣ Великомъ, Погодинъ замѣчаетъ: „Ахъ, если бы онъ не соединилъ Россіи съ Европейцами! Теперь мы не потеряли бы національный характеръ" [221]). Русскія пѣсни, еще до Кирѣевскаго, привлекали вниманіе нашихъ мыслителей. „Говорилъ съ Кубаревымъ", пишетъ Погодинъ, „о Русскихъ пѣсняхъ. Какая простота, какая естественность, какіе прекрасные голоса. Какъ сильно варажаются страсти. Если музыка есть выраженіе нашихъ чувствованій, Русскія пѣсни суть одни изъ важнѣйшихъ музыкальныхъ сочиненій. Это не то, что новыя аріи, гдѣ во всякомъ тонѣ видно искусство, изысканность, работа, трудъ. Русскія пѣсни внушены самою природою и дышатъ страстями. Вотъ естественная музыка человѣка. Русскіе имѣютъ особенную склонность къ музыкѣ. Они поютъ и въ веселіи, и въ печали. Послушайте, какъ причитаютъ мужики покойниковъ.

какъ провожаютъ рекрутовъ *), какъ поютъ на работѣ, на свадьбѣ. Говорили о состояніи души, внушающей пѣніе. Напримѣръ: ѣдетъ ямщикъ, на всякомъ шагу встрѣчаетъ онъ предметы, для себя близкіе, напоминающіе ему его родину, его семейство,—онъ горюетъ о нихъ и изливаетъ душу свою въ простыхъ заунывныхъ пѣсняхъ. Сердце говоритъ у него, потомъ ободряется, чѣмъ кручиньса, тѣмъ хуже, ударяетъ по всѣмъ по тремъ, взмахнулъ кнутомъ, помчался и веселъ" [222]). Почтенная старушка, Анна Васильевна Кубарева разсказывала имъ о старинѣ, о старинныхъ угощеніяхъ. „Обѣдъ", по ея разсказамъ, „продолжался часа четыре, кушаньевъ было по тридцати; главныя: холодныя, похлебки, пироги; за каждымъ кушаньемъ наливки изъ всѣхъ плодовъ. Женщины за столомъ не пили; но послѣ, одна за другой, уходили (какая простота); къ нимъ выходила хозяйка со штофомъ подъ полою и подчивала; послѣ обѣда, мужчины садились иногда на полъ и пили пиво, и кто ртомъ не перебрасывалъ черезъ себя стаканы, тому наливали другой" [223]). Однажды Погодинъ разговорился съ извозчикомъ о порченныхъ людяхъ. „Въ ихъ деревнѣ", сказалъ ему извозчикъ, „есть до тридцати бабъ, которыя портятъ людей, особенно это бываетъ на свадьбахъ. Порченные кричатъ по сорочьи, кукуютъ, лаютъ, бѣсятся, когда запоютъ Херувимскую. На свадьбу всегда зовутъ мужика изъ сосѣдней деревни въ дружки, который знаетъ это дѣло, и тогда не бываетъ опасности". „Моя сноха," добавилъ извозчикъ, „также колдунья, испортила у насъ попа". Какъ же вы узнали это? спросилъ Погодинъ. „Ѣздили за 60 верстъ, къ одной старой ворожеѣ, и она навела на водѣ ея лицо". Когда Погодинъ сообщилъ Кубареву объ этомъ своемъ разговорѣ съ извозчи-

*) Изданіемъ въ свѣтѣ этаго рода народнаго творчества наука обязана Ельпидифору Васильевичу Барсову. Въ 1872 году, онъ издалъ въ Москвѣ *Плачи погребальные, надгробные и надмогильные;* а въ 1882 году— *Плачи завоенные, рекрутскіе и солдацкіе*; также *Плачи свадебные, рукобитные, разлучные, баенные и предвѣнечные*. Изданіе это обратило на себя вниманіе не только Россіи, но и Европы. Въ иностранныхъ журналахъ, собраніе этихъ *Плачей* признается „открытіемъ, *представляющимъ общеевропейскій интересъ*, весьма важный для Исторіи *Всеобщей* Литературы".

комъ, то послѣдній передалъ ему разсказъ одного священника, не слишкомъ набожнаго, какъ одна бѣсноватая разсказала ему всѣ обстоятельства его жизни. Къ отцу Кубарева священнику, пришелъ также, однажды, кто-то въ церковь и просилъ спѣть молебенъ Донской Божіей матери. Между тѣмъ, самъ упалъ на землю и дышалъ очень тяжело. Спѣли молебенъ, онъ всталъ и сказалъ: ну батюшка, слава Богу, теперь мнѣ легко [224]). Отъ вниманія нашихъ мыслителей не ускользали явленія и современной жизни, носящія на себѣ слѣды цивилизаціи. Такъ, однажды, они разговорились о трактирахъ. „Сколько добраго потребляютъ они", замѣтилъ Погодинъ, „и съ какимъ вредомъ для нравственности и довольства жителей. Я бы уничтожилъ всѣ, кромѣ городскихъ. Тамъ они нужны для купцовъ. Въ прочихъ частяхъ, ни на что. Это искушеніе для народа" [225]). Неоднократно, предметомъ разговоровъ и размышленій нашихъ друзей служила Исторія Россіи съ Петра Великаго, свѣдѣнія о которой, какъ мы уже замѣтили, они могли черпать изъ живыхъ источниковъ. Обращаясь къ Исторіи Россіи, Погодинъ разражается слѣдующимъ диѳирамбомъ: „Какія великія свойства Русскаго народа! Какая преданность вѣрѣ, Престолу! Вотъ главное основаніе всѣхъ великихъ дѣяній. Русскій крестится, говоритъ: Господи помилуй и идетъ на смерть. Какихъ переворотовъ не было въ Россіи! Иноплеменное двухсотлѣтнее владычество, тираны, самозванцы — и все устояло, какъ было, опираясь на Религію. Покажите, вы подлыя, низкія души, вы глупыя обезьяны, Французы въ Русской кожѣ! Покажите мнѣ Исторію другого народа, которая бы сравнялась съ Исторіею нашего народа, языкомъ котораго вы стыдитесь говорить, подлецы! Петръ! Петръ! ты все унесъ съ собой!" Разсуждая о томъ: „полезно ли было для государства, что императрица Екатерина отняла крестьянъ отъ монастырей, Погодинъ и его друзья утверждали, что „совершенно нѣтъ"; ибо, говорили они, „владѣемые духовными, крестьяне платили малый оброкъ и были счастливы. Сдѣлавшись государственными, были большею частію разо-

рены. Сверхъ того, еслибы Екатерина не раздавала крестьянъ, у насъ большею частію были бы они свободные, и не столько стоило бы труда какъ теперь, сдѣлать ихъ всѣхъ свободными. Арсеній, Ростовскій митрополитъ, мужъ добродѣтельный, отвергалъ одинъ предложеніе Екатерины. Его осудили послѣ на изгнаніе, и онъ, укоряя архіереевъ, потворствовавшихъ въ семъ случаѣ Екатеринѣ, сказалъ Димитрію Сѣченову: ты умрешь лютою смертію. Дѣйствительно, съ Сѣченовымъ сдѣлалось за восемь дней до смерти что-то ужаснѣйшее: онъ не кричалъ, а ревѣлъ, такъ что со всей Москвы сбѣгались слушать его ревъ, и ревъ его былъ слышенъ очень далеко. Онъ жилъ въ Заборовскомъ подворьѣ, у Харитонія въ Огородникахъ. Амвросію, убитому во время бунта Московскаго сказалъ также: твоя смерть будетъ горшая. Еще какому то архіерею: ты не шьешь, не порешь, съ тобою ничего и небудетъ. Про себя сказалъ: я куда поѣду, не доѣду, и назадъ не пріѣду. Онъ умеръ въ дорогѣ" [226]). По поводу одного разговора съ Кубаревымъ о состояніи Россіи послѣ Петра, Погодинъ замѣчаетъ: „Самое несчастное время... Замѣчательно, что великіе люди не имѣютъ никогда потомства себя достойнаго. Августы, Людовики XIV, Петры умерли и взяли все съ собою. Это даже видно и на частныхъ людяхъ. Русскіе знаменитые мужи были большею частію бездѣтны, или потомство ихъ пресѣкалось скоро" [227]). Но героемъ для нашихъ молодыхъ мыслителей былъ Суворовъ. „Вотъ полководецъ", восклицаетъ Погодинъ, „не имѣвшій себѣ подобныхъ. Ни на одномъ сраженіи не былъ побѣжденъ; притомъ какая самонадѣянность, признакъ генія. Я иду разбить Макдональда, пишетъ онъ, и разбиваетъ. Не дѣлалъ никогда плановъ: ихъ развѣваетъ вѣтеръ. Еслибы, кажется, объ Россіи не было извѣстно ничего, кромѣ того, что она произвела Петра, Суворова и Ломоносова, и тогда она имѣла бы право на безсмертіе. Ни древняя, ни новая Исторія не представляетъ имъ равныхъ" [228]).

Отъ временъ имъ современныхъ, мыслители наши, какъ мы уже видѣли, мыслію любили переноситься къ временамъ

болѣе отдаленнымъ и, наконецъ, къ древнѣйшимъ. Однажды, книгопродавецъ Пономаревъ принесъ Погодину Плутарха. Жизнь Катона произвела на него впечатлѣніе, и этими впечатлѣніями онъ, по обычаю, дѣлился съ Кубаревымъ. Разговоръ зашелъ о Римлянахъ. „Нѣтъ", писалъ по этому поводу Погодинъ, „никогда, кажется, не будетъ такого народа. Какой духъ, какая сила, прямота. Какое величіе въ самихъ порокахъ, злодѣяніяхъ. Напримѣръ, осмѣлится ли кто нынѣ сказать прямо что нибудь противное человѣку, даже нѣсколько только значительному. Сколько изворотовъ, хитростей употребятъ, чтобъ дать знать объ этомъ какъ нибудь стороною. Личина до смерти и по смерть. Какая низость. Какая прямота тамъ: Цезарь велитъ идти въ темницу Катону, уважаемому всѣмъ народомъ. Тотъ повинуется и идетъ. Особенно занимательно послѣднее время республики. Сколько великихъ людей! Катонъ, Цезарь, Цицеронъ, Брутъ, Крассъ, Помпей, Лукуллъ! Какое береніе! Удивительно, однако, какъ несчастливо кончили всѣ они жизнь свою. Ни одинъ не умеръ своею смéртію" [229]).

Въ это время, Погодинъ увлекался Шатобріаномъ, и уговаривалъ своего, какъ онъ выражается, „непостояннаго" пріятеля переводить съ нимъ вмѣстѣ этого писателя; но Кубаревъ, по увѣренію Погодина, „разъ пять рѣшался, разъ пять отказывался, рвалъ начатый переводъ, наконецъ рѣшился переводить" [230]).

Послѣ Кубарева, изъ своихъ товарищей, Погодинъ, какъ кажется, былъ ближе всѣхъ къ Тютчеву и нерѣдко посѣщалъ гостепріимный домъ его родителей Необыкновенное благодушіе, мягкость, рѣдкая чистота нравовъ отца Тютчева, Ивана Николаевича, привлекали въ его домъ и многочисленную родню его, и большой Московскій свѣтъ, а со вступленіемъ сына ихъ Ѳедора въ Университетъ, въ домѣ семъ, какъ мы уже видѣли, радушно принимались и угощались и ученые, и писатели. Посѣтивъ, въ Николинъ день, Тютчева, Погодинъ не засталъ его дома. Ему сказали, что онъ пошелъ къ обѣднѣ.

Тогда Погодинъ отправился въ церковь и тамъ нашелъ своего товарища. Священникъ произносилъ проповѣдь, въ которой, между прочимъ, сказалъ, „что Вольтеръ, Даламберъ и Дидро равны дьявольскому числу, упоминаемому въ Апокалипсисѣ". „Смѣялись надъ этимъ съ Тютчевымъ", замѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ* [231]). На другой день, Тютчевъ посѣтилъ его и предложилъ ему мѣсто въ родственномъ домѣ Булыгиныхъ [232]). Повидимому, Погодинъ не съ разу принялъ это предложеніе, и счелъ за благо предварительно посовѣтоваться объ этомъ съ дядькою Тютчева и пораспросить у него о Булыгиныхъ [233]). Этотъ дядька, Николай Аѳанасьевъ Хлоповъ, играетъ важную роль въ біографіи Тютчева. Ему посвятилъ И. С. Аксаковъ нѣсколько теплыхъ страницъ въ своей *Біографіи Тютчева*. „Благодаря имъ", пишетъ Аксаковъ, „этимъ высокимъ нравственнымъ личностямъ, *возникавшимъ среди и вопреки безнравственности историческаго соціальнаго строя,—даже въ чудовищную область крѣпостныхъ отношеній* проступали, порою, кроткіе лучи все облагораживающей, все возвышающей любви. Условія зависимости и неравенства согрѣвались человѣчностью, даже окрашивались какимъ-то мягкимъ, поэтическимъ колоритомъ.—Николай Аѳанасьевъ вполнѣ напоминаетъ знаменитую няню Пушкина, воспѣтую и самимъ Поэтомъ, и Дельвичемъ, и Языковымъ. Этимъ нянямъ и дядькамъ должно быть отведено почетное мѣсто въ исторіи Русской словесности. Въ ихъ нравственномъ воздѣйствіи на своихъ питомцевъ слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ отчасти, искать объясненія, какимъ образомъ, въ концѣ прошлаго и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, *въ наше оторванное отъ народа общество,—въ эту среду, хвастливо отрекавшуюся отъ Русскихъ историческихъ и духовныхъ преданій*, пробивались иногда, неслышно и незамѣтно, струи чистѣйшаго народнаго духа. Откуда и чѣмъ питалось и поддерживалось въ нашихъ, повидимому, вполнѣ офранцуженныхъ поэтахъ и дѣятеляхъ, проявлявшееся въ нихъ порою истинно Русское чувство и Русская мысль? Да и вообще, кажется

намъ, исторія умственнаго общественнаго развитія въ Россіи едва-ли можетъ быть вполнѣ понята безъ частной исторіи семей, безъ оцѣнки той степени участія, повидимому неразумнаго, самовольнаго, непрошеннаго, но, тѣмъ не менѣе, часто спасительнаго, которое въ нашей личной и общественной судьбѣ приходится на долю семьѣ и быту, непосредственному дѣйствію преданія и обычая" [234]). Выслушавъ сей краснорѣчивый диѳирамбъ Русскимъ дядькамъ и нянямъ, мы считаемъ благопотребнымъ поставить на видъ слова, слышанныя нами изъ устъ самого знаменитаго академика, Измаила Ивановича Срезневскаго, и тогда же нами записанныя. Срезневскій сказалъ, что *съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, погибло въ Россіи цѣлое благородное сословіе Русскихъ дядекъ и Русскихъ нянекъ.* А самое существованіе этого *благороднаго сословія*, не хуже всякихъ диѳирамбовъ, краснорѣчиво свидѣтествовало не *объ оторванности*, а о крѣпкой нравственной, духовной связи, искони существовавшей въ Россіи между крестьянствомъ и дворянствомъ. Сдѣлавъ это невольное отступленіе, мы спѣшимъ вернуться къ нашему герою. Намъ неизвѣстенъ результатъ переговоровъ Погодина съ дядькою Тютчева. Знаемъ только, что его смущало предложеніе *жить* у Булыгиныхъ, что́ лишило бы его возможности проводить лѣто въ Знаменскомъ; а мы знаемъ, что тамъ росъ, и даже не одинъ, по выраженію одной Русской пѣсни, „цвѣточекъ, куда стремилось" сердце его [235]). Знаемъ также и то, что Погодинъ „молился Богу съ усердіемъ и просилъ Его, чтобы, если у Булыгиныхъ хорошо будетъ ему жить, привлекъ къ нимъ, если нѣтъ—отвлекъ" [236]). Знаемъ и то, что онъ былъ у Булыгиныхъ и, кажется, условился учить въ ихъ домѣ „по билетамъ" [237]).

Въ это время Погодинъ переживалъ самый мучительный періодъ въ жизни человѣческой. Его можно назвать періодомъ броженія или, по счастливому выраженію Т. И. Филиппова, періодомъ „скитанія мысли". Это отлично сознавалъ и самъ Погодинъ. „До сихъ поръ", писалъ онъ,

„во мнѣ не было еще сильныхъ порывовъ. Большею частію, все шло ровно и безтолково, безъ постоянной цѣли, безъ постоянныхъ занятій. Мысли мои бродятъ. Дай Богъ, чтобы установились поскорѣе“ [238]). А между тѣмъ, онъ былъ въ такомъ возрастѣ, что С. А. Масловъ сказалъ ему: „вы переступили границу, за которой болѣе начинаетъ дѣйствовать разсудокъ. До сихъ поръ дѣйствовали чувства, сердце; все смотрѣли впередъ, теперь многое оставляете уже назади; теперь будете смотрѣть другими глазами на любовь, дружбу и другія чувствованія сердечныя“ [239]). „Что знаю я“? спрашиваетъ себя Погодинъ, „всѣ мои познанія, не собраны, раздѣлены, безъ всякой системы, бродятъ. Надобно установить ихъ, послѣ уже, если случится, приняться за дѣло“ [240]). „Я не знаю“, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „на что мнѣ рѣшиться: остаться ли въ Университетѣ, идти въ гражданскую службу, или пахать землю. Гдѣ больше пользы“? Бесѣдуя, однажды, съ Кубаревымъ „о родѣ жизни и о томъ, въ какой службѣ можно принести бо́льшую, настоящую пользу отечеству“, и когда тотъ указалъ на гражданскую, Погодинъ замѣтилъ: „но какъ трудно будетъ привыкать къ ней. Занимаясь до 25 лѣтъ книгами, имѣя всегда предъ глазами высокое, прекрасное, живя болѣе воображеніемъ, вдругъ приняться за просьбы, доносы, справки, вдругъ увидѣть предъ собою несправедливости, клеветы, вѣроломства, и пр. Какой переходъ! Притомъ, сколько времени надобно будетъ прослужить ничѣмъ, чтобъ занять, наконецъ, мѣсто, на которомъ можно дѣйствовать отдѣльно. Ученостью также мы не можемъ заняться, какъ должно. Какія пособія въ Россіи? Какіе руководители? Притомъ, Богъ знаетъ, пользу ли она приноситъ людямъ, и какую? Вознаграждаетъ ли эта польза труды, на снисканіе ея употребляемые? О, Боже мой! Съ какою небесною радостью принялся бы я за плугъ и сталъ обрабатывать землю, если бы имѣлъ свою собственность. Чего стоитъ одна мысль, что я приношу дѣйствительную пользу людямъ. Съ какимъ небеснымъ удовольствіемъ, послѣ утреннихъ трудовъ, принялся

бы за русскія щи, за русскую кашу. Кусокъ хлѣба, самимъ мною выработаннаго, былъ бы для меня амврозіею. Потомъ взялъ бы въ руки Виргилія, Державина, Руссо или Тасса, пошелъ бы отдыхать подъ тѣнь развѣсистой липы, на берегъ источника. Съ какимъ рвеніемъ занялся бы я устроеніемъ счастья моихъ крестьянъ, училъ бы ихъ Закону Божію, мирилъ ссоры, училъ добру, помогалъ въ нуждѣ", и пр. [241]).

Взглянемъ теперь на предметъ занятій и чтеній Погодина въ это время. Онъ учитъ въ Университетскомъ Пансіонѣ Географіи и занимается переводомъ Ничевой древней Географіи. Посѣщаетъ университетскія лекціи Каченовскаго, Давыдова, Лодера, Павлова. На лекціи у Лодера, Погодинъ думалъ о себѣ съ тоскою. „Чтó знаю я", спрашивалъ онъ, „основательно? Ничего, Боже мой, Боже мой! Какую пользу приношу моему Отечеству. Не тунеядецъ ли я; не даромъ ли ѣмъ хлѣбъ? Эти мысли еще болѣе тревожили меня, когда я давалъ уроки у Трубецкихъ. Такъ ли должно учить, какъ учу я. Слѣпецъ слѣпца водитъ. Между тѣмъ, я думаю, что едва-ли кто лучше меня учитъ. Боже мой, Боже мой!" О другой лекціи Лодера онъ замѣчаетъ: „читалъ о сердцѣ. Боже мой, съ какою мудростью устроено сердце человѣческое... О, атеисты!" Въ то же время, онъ занимается изученіемъ Италіанскаго языка, приготовляется къ изданію Горація и переводитъ Шатобріана; думаетъ о сочиненіи Краткой Риторики для дѣтей и Краткой Россійской Исторіи, относясь при этомъ презрительно къ предшественникамъ: „что за люди были", пишетъ онъ, „ссылались на книги, коихъ никто не читалъ, толковали о народахъ, кои никогда не существовали, объясняли словами языковъ, о коихъ не имѣли понятія" [242]). Предметъ чтенія его также поражаетъ разнообразіемъ. Читаетъ онъ Кайданова, и по этому поводу пишетъ: „можно дѣлать замѣчанія на него, но некогда: надобно хорошенько мнѣ установиться". Читаетъ также кое-что изъ Пифагорова путешествія, Гетева Вертера, Монтескье *О паденіи Римской Имперіи*, стихи Пушкина, филиппики Демосѳена, Ѳому

Кемпейскаго. Читаетъ Тацита и восхищается имъ. „Что за исторія“, замѣчаетъ онъ, „что слово, то мысль, то предметъ для размышленія“ [243]). Довольно этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, какъ разнообразны и неопредѣленны были предметы занятій и чтеній Погодина. Наконецъ, ему приходитъ въ голову читать Славянскія лѣтописи и Библію и выписывать изъ нихъ разные обороты, слова и выраженія, которые можно ввести въ Русскій языкъ [244]). Въ то же время, онъ пристально слѣдилъ за ходомъ нашей литературы и науки. Вотъ что писалъ онъ къ своему товарищу, В. Д. Троицкому (въ декабрѣ 1821): „У насъ зима совершенно лѣтняя. Теплота, вѣроятно, разрѣдила геній нашихъ стихотворцевъ до того, что онъ весь улетѣлъ вверхъ; но это только касательно поэзіи. По другимъ частямъ у насъ вышло много хорошаго и даже едва-ли не больше вашего. Бекетовъ издаетъ Собраніе портретовъ знаменитыхъ Россіянъ. Предпріятіе—всякой похвалы достойное и у насъ покамѣстъ единственное. Не скоро пожертвуетъ другой такимъ иждивеніемъ. Жаль только, что онъ обезобразилъ свое собраніе портретовъ вымышленными. Калайдовичъ напечаталъ проповѣди Кирилла, епископа Туровскаго, памятникъ нашей Словесности отъ XII вѣка, Біографическія свѣдѣнія о Новгородскихъ посадникахъ, и печатаетъ 3-ю часть Грамотъ и Договоровъ. Строевъ напечаталъ Нестора по Софійскому списку. Слава Богу, хоть на первый разъ это! Какой срамъ для Россіи, что Лѣтопись Нестора, первый драгоцѣнный памятникъ нашей Словесности, извѣстенъ намъ только по изданіямъ, подобнымъ Барковскаго“. Но душа его алкала спеціальныхъ занятій Исторіею. „Чѣмъ болѣе занимаешься“, писалъ онъ, „какою нибудь частью, тѣмъ болѣе не только получаешь въ ней свѣдѣній, но еще пріобрѣтаешь чуткость. Всего занимательнѣе въ Исторіи, смотрѣть на связь и ходъ происшествій. На эту важнѣйшую часть Исторіи не обращали, кажется, еще вниманія. Дойдетъ ли когда нибудь человѣкъ до сего познанія, т. е. до понятія объ управленіи Божіемъ“ [245]). Между тѣмъ, Шлецеръ оставался для Погодина путеводною

звѣздою, и онъ только ждалъ, гдѣ и когда эта звѣзда остановится. Его онъ признавалъ единственнымъ судьею Россійской Исторіи. „Если сравнить съ Шлецеромъ", писалъ онъ, „тѣхъ, которыхъ у насъ называютъ знатоками, напримѣръ, Каченовскаго! Какіе пигмеи" [246]).

Погодинъ, какъ уже замѣчено, былъ очень склоненъ къ мечтательности и эта склонность объясняется тѣмъ, что въ дѣтствѣ онъ читалъ одни только романы. Но въ это время мечтательность его получила нѣсколько практическій характеръ. Онъ мечталъ о выигрышѣ „въ лоттереи маленькой деревеньки" и, гуляя, однажды, по Мѣщанскимъ съ Кубаревымъ, онъ уже думалъ о своихъ предпріятіяхъ по выигрышѣ имѣнія. Тогда человѣкъ десять отличныхъ студентовъ онъ послалъ бы путешествовать, для усовершенствованія по всѣмъ частямъ учености; собралъ бы отличнѣйшую библіотеку, открытую для всѣхъ любителей учености; завелъ бы училище для образованія учителей на всю Россію; открылъ бы публичныя лекціи. Мерзляковъ читалъ бы Русскую Словесность; Калайдовичъ—Русскую Исторію. Кубаревъ, возвратившись изъ путешествія, читалъ бы Греческую и Римскую Словесность, Оболенскій—Эстетику, Веселовскій—Физіологію, Гульковскій—Химію, Павловъ—Физику. Мерзлякову онъ назначилъ бы 10 тысячъ жалованья и поручилъ бы ему изданіе, съ примѣчаніями, Ломоносова, Державина [247]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ думалъ „о составленіи капитальца", и въ тоже время, „читалъ сочиненіе Руссо о неравенствѣ, и съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на мѣсяцъ, въ полномъ сіяніи катившійся по голубому небу, и думалъ о Богѣ" [248]).

Предъ Рождествомъ, въ Университетскомъ Пансіонѣ начались экзамены. Погодину пришлось экзаменовать свой классъ въ присутствіи И. И. Давыдова. Отвѣчали довольно хорошо, и Давыдовъ благодарилъ Погодина [249]). 20-го декабря 1821 года происходилъ въ Пансіонѣ публичный экзаменъ. Предъ экзаменомъ, Погодинъ „помолился, чтобы хорошо онъ кончился". было много, и Погодинъ, по его собственному

сознанію, началъ „спрашивать безъ малѣйшей робости“. Онъ ушелъ изъ залы тотчасъ по окончаніи его экзамена, не дождавшись ни слова отъ Антонскаго, Давыдова, и былъ увѣренъ, что они остались имъ довольны, ибо ученики его отвѣчали хорошо; но когда возвратился домой, ему вдругъ пришло въ голову, что Антонскій имъ недоволенъ, что онъ замѣтилъ подсказываніе, и ему „сдѣлалось очень скучно“ [250]).

Въ самый праздникъ Рождества Христова, онъ отстоялъ заутреню и раннюю обѣдню и потомъ отправился поздравлять Антонскаго съ праздникомъ, и Антонскій „ласкалъ его до крайности“. Обѣдалъ и провелъ цѣлый день дома, т. е. въ семьѣ Кубарева, и вмѣстѣ читали *Тоску по отчизнѣ*, Штеллинга. Зайдя какъ-то на праздникахъ въ Университетъ, Погодину „пришло въ голову ѣхать къ своимъ“ и онъ, „безъ всякаго размышленія тотчасъ пошелъ въ Правленіе и взялъ билетъ на отпускъ, который гласилъ, что кандидатъ Михаилъ Погодинъ, по прошенію, отпущенъ въ Ливенскій уѣздъ, Орловской губерніи, до 8-го января 1822 года“. Сохранившійся въ бумагахъ Погодина автографическій листокъ даетъ весьма скудныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ. Знаемъ только, что новый 1822-й годъ засталъ его въ Ефремовѣ, и что только на второй день новаго года онъ пріѣхалъ къ своимъ. Дорога навѣяла на него спокойствіе. „Вокругъ все было тихо“, писалъ онъ, „я подумалъ, что́ дѣлается въ остальномъ мірѣ“.

XX.

18 января 1822 года, Погодинъ вернулся въ Москву. Почему-то „съ непріятнымъ чувствомъ увидѣлъ онъ городъ и услышалъ звукъ колоколовъ“ [251]). Умывшись, отправился въ Пансіонъ давать урокъ и выгналъ за шалость сына Каченовскаго [252]). Въ тотъ же день, онъ посѣтилъ Трубецкихъ и былъ очень утѣшенъ тѣмъ, что „дѣти ему обрадовались“. У нихъ

вскорѣ они помирились, и Погодинъ подарилъ своему пріятелю портретъ знаменитаго ученаго Гейне, съ слѣдующею надписью: „Алексѣю Михайловичу Кубареву, съ непремѣннымъ желаніемъ видѣть его портретъ pendant-омъ къ этому“ [271]). Черезъ нѣсколько дней, Погодинъ, по порученію матери Кубарева, долженъ былъ идти на Пречистенку, къ Шираю, „провѣдать“ о своемъ пріятелѣ, который что-то долго не являлся домой. Въ этой экспедиціи у него „развалились галоши“, онъ промочилъ себѣ ноги, и ему было „ужасно досадно“ [272]). Такимъ образомъ, пріятельскія отношенія между Кубаревымъ и Погодиномъ возстановились, и они, по прежнему, дружески бесѣдовали о разныхъ предмѣтахъ, и между прочимъ, о тайныхъ обществахъ. „Въ Москвѣ не одно“, замѣчалъ Погодинъ, „напримѣръ, Кутузовъ и Лодеръ принадлежатъ къ разнымъ. Я сказалъ, что Новиковъ, Лабзинъ и Невзоровъ принадлежатъ къ Кутузовскому“. Эта бесѣда привела къ слѣдующему справедливому заключенію: „подозрительно, впрочемъ: одна истина, а многія общества. Самъ Христосъ сказалъ: *Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ: и мнози прельстятъ* [273]). Однажды, у Погодина съ Загряжскимъ и Кубаревымъ зашелъ споръ о любви къ отечеству. Ему говорили, что это политическая добродѣтель, что истинный христіанинъ долженъ любить не отечество, а человѣчество, что для христіанина все равно, владѣетъ ли имъ на землѣ Александръ или Махмудъ. Онъ терпитъ все. Наполеонъ напалъ на Россію. Богъ послалъ его. Должно ли ему противиться и, противясь ему, не противимся ли мы Божію Промыслу? Слушая это, Погодинъ сказалъ: „и такъ, любовь къ отечеству Аристидовъ, Катоновъ, Петровъ — ничто!“ И по этому поводу, замѣчаетъ: „вотъ на какой вздоръ нападешь, если пустишься въ такія разсужденія. Лучше, лучше жить по-просту, и быть христіаниномъ на дѣлѣ“ [274]). Въ это время, извѣстный Гречъ издалъ IV-й и послѣдній томъ своей *Учебной книги Россійской Словесности*. Книгу эту Погодинъ читалъ вмѣстѣ съ Кубаревымъ и „хохотали надъ нею. Такая неосновательность“,

бы было сказать просто, что я не въ силахъ, не могу быть довольно строгимъ, и кончено дѣло" [258]). Кромѣ того, Антонскій оказывалъ ему и другіе знаки вниманія. Такъ, онъ предложилъ ему мѣсто у сенатора Рахманова. Когда Погодинъ спросилъ Антонскаго: „добрый ли человѣкъ Рахмановъ? „Какъ же *сенаторъ* можетъ быть недобрымъ человѣкомъ", отвѣтилъ Антонскій [259]). По поводу Рахмановскаго мѣста, Антонскій повезъ Погодина къ Попечителю, предварительно спросивъ: „довезетъ ли лошадь двоихъ"? Попечитель, князь Андрей Петровичъ Оболенскій, принялъ Погодина „отмѣнно ласково. Говорилъ съ нимъ о Рахмановѣ, совѣтовалъ брать съ него на первый годъ не болѣе двухъ тысячъ рублей и далъ рекомендательное къ нему письмо". „Мнѣ", пишетъ Погодинъ, „обласканному до крайности Княземъ и Антонскимъ, совѣстно было подумать о прежнихъ насмѣшкахъ моихъ между товарищами на ихъ счетъ. Но удержусь отъ этого порока. Богъ знаетъ, какое отношеніе впослѣдствіи будутъ имѣть къ намъ люди, надъ коими мы смѣялись. Притомъ, не стыдно ли будетъ намъ взглянуть на нихъ на страшномъ судѣ, — особенно на тѣхъ, кои не сдѣлали намъ никакого зла и коимъ мы въ глаза, если не льстимъ, по крайней мѣрѣ, по какимъ-бы то ни было отношеніямъ, оказываемъ почтеніе" [260]). Съ рекомендательнымъ письмомъ отъ князя Оболенскаго, Погодинъ явился къ Рахманову и говорилъ съ нимъ объ Университетѣ, о занятіяхъ, о воспитаніи, о Карамзинѣ, о междуцарствіи, о казакахъ, о духовенствѣ, раскольникахъ, о просвѣщеніи въ Россіи, о пособіяхъ къ нему, о невѣжествѣ Французскихъ учителей, и о пр. Погодинъ видѣлъ также жену его. „Это та самая дама", писалъ онъ, „которую я видѣлъ года два тому назадъ на Кузнецкомъ мосту и которая мнѣ очень тогда понравилась" [261]). Черезъ нѣсколько дней, Погодинъ опять посѣтилъ Рахманова, съ полною увѣренностію, что онъ согласится на всѣ его условія; но, къ величайшему его удивленію Рахмановъ, при встрѣчѣ, сказалъ ему: „я уже сошелся съ Раичемъ". Погодинъ просидѣлъ у него минутъ десять, и

говорили о Павловѣ, о системѣ полярности, и затѣмъ раскланялся „очень равнодушно“, замѣчаетъ онъ, „какъ будто бы приходилъ не за этимъ. Не чувствовалъ ни досады, ни удовольствія. Послѣ, уже ввечеру, сдѣлалось и жаль, и досадно. Таскавшись по урокамъ, сколько пропадаетъ времени, а денегъ немного“ [262]). Инспекторъ Университетскаго Пансіона, Иванъ Ивановичъ Давыдовъ также оказывалъ Погодину знаки своего расположенія. Онъ предлагалъ ему напечатать на казенный счетъ его переводъ Древней Географіи Нича [263]). Нерѣдко онъ приглашалъ его къ себѣ, угощалъ завтраками и удостаивалъ своего бывшаго студента дружескими бесѣдами „о невѣжествѣ нашего дворянства, о рабствѣ, объ иностранцахъ въ Россіи“. „Давыдовъ“, замѣчаетъ Погодинъ, „разсуждаетъ либерально“ [264]). Хотя Давыдовъ и говорилъ о „невѣжествѣ дворянства“, но самъ весьма дорожилъ принадлежностью къ этому „невѣжественному“ сословію, и въ своей Автобіографіи весьма тщательно подчеркиваетъ, что онъ „изъ Тверскихъ *дворянъ*, что отецъ его небогатый *дворянинъ древняго рода*, что его мать изъ *благородной* Малороссійской фамиліи Лукьяновыхъ, разумному и нѣжному попеченію которой знаменитый профессоръ былъ обязанъ своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ“ [265]). Калайдовичъ разсказывалъ Погодину „о начальной бѣдности Давыдова“, такъ что онъ принужденъ былъ продать свою золотую медаль [266]). По отзыву графа А. Н. Панина, у Давыдова „ума палата, но смотритъ въ лѣсъ“ [267]).

Въ залахъ Университетскаго Пансіона происходили, между прочимъ, и собранія Библейскаго Общества; на таковомъ собраніи, 26 февраля 1822 года, присутствовалъ и Погодинъ. „Входитъ Филаретъ“, писалъ онъ, „всѣ встаютъ. Пѣвчіе гремятъ *Царю Небесный*. Такъ издревле встрѣчали Русскіе своихъ митрополитовъ. Для меня пріятно было смотрѣть на собраніе лучшихъ людей въ Государствѣ, занимающихся распространеніемъ Слова Божія. Восхищенъ былъ рѣчью Филарета. Какъ просто, какъ величественно говоритъ онъ!“ [268]).

Къ сожалѣнію, между Кубаревымъ и Погодинымъ возни-

кали иногда неудовольствія, и поводомъ ихъ всегда бывалъ Ширай. Въ это время Кубаревъ готовился къ магистерскому экзамену. Погодинъ, принимая живѣйшее участіе въ своемъ пріятелѣ, очень досадовалъ на него, что онъ „мало приготовлялся къ экзамену". Между тѣмъ, И. И. Давыдовъ оказалъ какую-то услугу Кубареву, и Погодину „понравился" поступокъ Давыдова, такъ что онъ совѣтовалъ Кубареву „поблагодарить" своего профессора. Это происходило 4 марта 1822 г. На другой день, Кубаревъ спрашиваетъ Погодина: „не поздно ли идти къ Давыдову?" Погодинъ отвѣтилъ, что не поздно. Между тѣмъ, А. В. Кубарева шепчетъ ему, чтобы онъ присовѣтовалъ ея сыну идти. Въ это время входитъ въ комнату Ширай, ночевавшій у Кубаревыхъ. Погодинъ начинаетъ говорить съ нимъ и доказывать, что Кубареву должно идти. Вдругъ, Кубаревъ, обращаясь къ Погодину, говоритъ съ сердцемъ: „ты, братецъ, здѣсь все мутишь, шепчешь матери; по твоему бы десять разъ должно ходить на поклонъ. Совѣтовъ твоихъ никто не проситъ, и пр". Это разсердило и огорчила Погодина, и онъ, желая себя успокоить, пошелъ къ обѣдни въ Странноприимный Домъ графа Шереметева. „Восхищался", писалъ онъ, „пѣвчіе поютъ просто, тихо; я стоялъ вдали. Алтарь предо мною. Чрезъ отверстіе видѣнъ мракъ и крестъ. Прекрасно! Прекрасно! Въ такомъ храмѣ усерднѣе молишься Богу. Высокое чувство возбуждается, когда чрезъ отворенныя царскія двери видишь горящія свѣчи въ темномъ алтарѣ, и священника предъ престоломъ, молящагося о людяхъ. Славная архитектура этой церкви" [269]). Отъ обѣдни онъ отправился къ княгинѣ Голицыной и провелъ у нея цѣлый день. Говорилъ о Рахмановскомъ мѣстѣ, читалъ Рене и пошелъ отъ нея „въ преспокойномъ" расположеніи духа. „Съ отмѣннымъ удовольствіемъ", писалъ онъ, „смотрѣлъ на небо, усѣянное звѣздами. Есть Богъ, есть Богъ" [270]). Примиренный, онъ вернулся домой; но на другой день чувствовалъ себя въ неловкомъ положеніи и никакъ не могъ рѣшиться говорить съ Кубаревымъ, хотя, по собственному сознанію, совсѣмъ не сердился на него. Но

вскорѣ они помирились, и Погодинъ подарилъ своему пріятелю портретъ знаменитаго ученаго Гейне, съ слѣдующею надписью: „Алексѣю Михайловичу Кубареву, съ непремѣннымъ желаніемъ видѣть его портретъ pendant-омъ къ этому“ [271]). Черезъ нѣсколько дней, Погодинъ, по порученію матери Кубарева, долженъ былъ идти на Пречистенку, къ Шираю, „провѣдать“ о своемъ пріятелѣ, который что-то долго не являлся домой. Въ этой экспедиціи у него „развалились галоши“, онъ промочилъ себѣ ноги, и ему было „ужасно досадно“ [272]). Такимъ образомъ, пріятельскія отношенія между Кубаревымъ и Погодиномъ возстановились, и они, по прежнему, дружески бесѣдовали о разныхъ предмѣтахъ, и между прочимъ, о тайныхъ обществахъ. „Въ Москвѣ не одно“, замѣчалъ Погодинъ, „напримѣръ, Кутузовъ и Лодеръ принадлежатъ къ разнымъ. Я сказалъ, что Новиковъ, Лабзинъ и Невзоровъ принадлежатъ къ Кутузовскому“. Эта бесѣда привела къ слѣдующему справедливому заключенію: „подозрительно, впрочемъ: одна истина, а многія общества. Самъ Христосъ сказалъ: *Мнози бо пріидутъ во имя Мое, глаголюще: азъ есмь Христосъ: и мно̀зи прельстятъ* [273]). Однажды, у Погодина съ Загряжскимъ и Кубаревымъ зашелъ споръ о любви къ отечеству. Ему говорили, что это политическая добродѣтель, что истинный христіанинъ долженъ любить не отечество, а человѣчество, что для христіанина все равно, владѣетъ ли имъ на землѣ Александръ или Махмудъ. Онъ терпитъ все. Наполеонъ напалъ на Россію. Богъ послалъ его. Должно ли ему противиться и, противясь ему, не противимся ли мы Божію Промыслу? Слушая это, Погодинъ сказалъ: „и такъ, любовь къ отечеству Аристидовъ, Катоновъ, Петровъ — ничто!“ И по этому поводу, замѣчаетъ: „вотъ на какой вздоръ нападешь, если пустишься въ такія разсужденія. Лучше, лучше жить по-просту, и быть христіаниномъ на дѣлѣ“ [274]). Въ это время, извѣстный Гречъ издалъ IV-й и послѣдній томъ своей *Учебной книги Россійской Словесности*. Книгу эту Погодинъ читалъ вмѣстѣ съ Кубаревымъ и „хохотали надъ нею. Такая неосновательность“,

замѣчаетъ онъ, „безтолочь, сумасбродство“ [275]). Какъ-то зашла у нихъ рѣчь о характерахъ въ Исторіи: объ Александрѣ Македонскомъ и Юліи Цезарѣ, и Погодинъ сказалъ: „С. Н. Глинка виноватъ, что я до сихъ поръ не могу имѣть о Цезарѣ надлежащаго идеала. Впечатлѣніе о *Кесарѣ* его на каждой страничкѣ *Русскаго Вѣстника*, мною нѣкогда пожираемаго, до сихъ поръ еще не изгладилось“. Въ Фридрихѣ Великомъ Погодину „ужасно не нравилось“ его неуваженіе къ Христіанству. „Какъ могъ государь“, справедливо замѣчаетъ онъ, „такъ отзываться объ этой религіи“ [276]). Повидимому, Погодинъ примирился и съ Шираемъ. По крайней мѣрѣ, они не враждебно сходились у Кубарева и вмѣстѣ разбирали *Опыты въ стихахъ и прозѣ* Батюшкова,и о произведеніяхъ этого классическаго нашего писателя Погодинъ, еще въ 1821 году, произнесъ строгій, но несправедливый приговоръ: „писано складно, — и только. Ни одной новой хорошей мысли. Все обыкновенное, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже глупое, напримѣръ, въ сужденіи о Руссо, въ пустой рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ, и пр. Вообще работа хорошаго ученика“ [277]). Вмѣстѣ съ Шираемъ, устроили подписку на гравированіе портрета Мерзлякова. Бесѣдовали о родинѣ Ширая, Малороссіи. „Теперь у нихъ“, замѣчаетъ по поводу этой бесѣды Погодинъ, „не осталось и тѣни прежнихъ правъ. Малороссы себя называютъ истинными Россіянами,—прочихъ Москалями. Москва была, слѣдовательно, что-то особенное. Раскольниковъ называютъ тоже Москалями. Мазепу любятъ. Они прежде не поставляли рекрутъ, но имѣли полки. Такимъ образомъ, были полки Черниговскіе, Сѣверскіе и т. д. Это гораздо лучше. А теперь иркутецъ стоитъ возлѣ кіевлянина, что за толкъ“. О нѣкоемъ Судіенкѣ, который, не занимая никакой должности гражданской, управлялъ, по одному внушенному почтенію, цѣлымъ городомъ; о Михаилѣ, Петербургскомъ митрополитѣ. Его боготворили въ Черниговѣ, и пр. [278]). Бесѣда, въ которой участвовалъ и Ширай, о свойствахъ царя Іоанна чуть опять не поссорила Погодина съ Кубаревымъ. Ширай съ Ку-

баревымъ „излишне порочили Карамзина и восхваляли Арцыбашева“. Погодинъ же, доказывая неосновательность Арцыбашева, сказалъ Кубареву: „да что ты, братецъ, говоришь“. Кубаревъ обидѣлся. Еще онъ сталъ сравнивать: убійство Іоанномъ сына съ казнію Алексѣя Петровича. Погодинъ, по поводу этого сравненія, засмѣялся и что-то сказалъ товарищамъ, по его собственному сознанію, неприличное“ [279]). Въ то же время онъ бесѣдовалъ съ Кубаревымъ о богатствѣ нашей Древней Словесности. „Еслибы“, писалъ онъ, „издать всѣ наши памятники въ продолженіе тысячи лѣтъ, подъ заглавіемъ *Славянская Библіотека*. Какой народъ представитъ что-либо подобное“ [280]).

Погодинъ въ это время окончилъ свой переводъ *Рене*, Шатобріана, и послѣ долгихъ колебаній рѣшился отнести его къ Каченовскому, для напечатанія въ *Вѣстникѣ Европы*. Каченовскій принялъ его очень ласково и насмѣшилъ вопросомъ о сынѣ своемъ, который учился въ Университетскомъ Пансіонѣ: „что дѣлаетъ мой Егорка?“ Обстановка Каченовскаго очень понравилась Погодину. „Нравится мнѣ“, писалъ онъ, „жизнь Каченовскаго. Живетъ на краю города. Сидитъ въ своемъ кабинетѣ. Смиренно, покойно работаетъ. Ни до кого нѣтъ ему дѣла. Бранится только на бумагѣ, и то за пустячки. Хорошо“ [281]). Оказалось, что *Рене* напечатанъ уже два раза. „Вотъ тебѣ разъ“, съ грустью замѣчаетъ Погодинъ, “потрудился понапрасну. Какъ жаль, что у насъ нѣтъ порядочной Библіографіи. Думалъ съ горестію о своемъ невѣжествѣ“. Эта неудача не помѣшала однако ему думать о переводѣ *Духа Христіанства*, того же автора; но предварительно онъ намѣревался обратиться къ Филарету, за совѣтомъ. „Онъ скажетъ вѣрно, должна ли эта книга быть переведена на Русскій языкъ“ [282]). Предъ отъѣздомъ Кубарева изъ Москвы къ Кологривовымъ, Погодинъ вмѣстѣ съ нимъ пѣшкомъ отправился въ Останкино. „Разсматривали“, писалъ онъ, „статуи, картины въ домѣ, прекрасныя Венеры. Съ удовольствіемъ смотрѣлъ на картину Полтавской битвы, на Петра. Понра-

вились также портреты Костюшки, Еразма Роттердамскаго, двухъ мужичковъ графскихъ; картина Дейдаміи; театръ. Гуляли по саду. Ахъ, какъ хорошо! Небо, зелень, вода. Прекрасные кедры. *При спокойствіи души, при умѣ, при добродѣтели*, не дурно имѣть и это. Съ какою пріятностію можно бы встрѣтить здѣсь утро, проводить вечеръ, съ Виргиліемъ въ рукѣ“ [283]).

Въ Москвѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ ея кварталовъ, въ глухомъ и кривомъ переулкѣ, за Покровкой, на пригоркѣ, возвышалось старинное каменное зданіе; отлогость пригорка, мѣстами усѣянная кустарниками, служила этому зданію дворомъ. Темные подвалы нижняго этажа, узкія окна, стѣны чрезмѣрной толщины и низкіе своды верхняго жилья показывали, что оно было жилищемъ одного изъ древнихъ бояръ, которые во время Петра Великаго держались еще обычаевъ старины. Для храненія древнихъ хартій ничего нельзя было пріискать приличнѣе „сего стариннаго каменнаго шкапа“. Вотъ здѣсь помѣщался знаменитый въ лѣтописяхъ нашей науки Московскій Архивъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Въ этой, по выраженію Вигеля, „мрачной храминѣ“ нѣкогда подвизались и Миллеры, и Каменскіе, и Стритеры. Во времена же, нами описываемыя, начальникомъ этого учрежденія былъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій, знавшій Архивъ, какъ свой кабинетъ, и любившій его безъ памяти, считая „какъ будто своею колыбелью и могилою“. Вигель немногими словами характеризуетъ своего бывшаго начальника въ такихъ чертахъ: „онъ былъ, безъ примѣси, Русскаго и духовнаго происхожденія, ибо, протоіерей, отецъ его состоялъ законоучителемъ въ Московскомъ Университетѣ. Малиновскій, кислосладкій, какъ прозваніе его, чуждался всего, что напоминало его левитизмъ, гонялся за ученостію, но еще болѣе имѣлъ претензію на свѣтскую любезность“ [284]). Въ некрологѣ его, между прочимъ, сказано: „Малиновскій думалъ, что драгоцѣнности архивскія потеряютъ цѣну, если сдѣлаются слишкомъ извѣстными, и потому неохотно допускалъ пользоваться ими“.

Справедливость требуетъ замѣтить, что Московскій Архивъ Иностранной Коллегіи былъ приведенъ въ порядокъ незабвеннымъ Николаемъ Николаевичемъ Бантышъ-Каменскимъ, и Малиновскому довелось пользоваться его трудами. Здѣсь, одушевляемые государственнымъ канцлеромъ, графомъ Н. П. Румянцовымъ, трудились въ это время Строевъ и Калайдовичъ, и здѣсь же процвѣтали, воспѣтые Пушкинымъ, „архивные юноши", сдѣлавшіеся друзьями Погодина. Понятно, что къ этому учрежденію и къ трудящимся въ немъ не могъ оставаться равнодушнымъ нашъ молодой Кандидатъ. Въ это время онъ не зналъ, что́ съ собою дѣлать, на что́ рѣшиться — „остаться ли въ Университетѣ, идти ли въ гражданскую службу, или пахать землю?" Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ имѣлъ страстное желаніе „переломить себя и заняться чѣмъ нибудь дѣйствительнымъ", вполнѣ сознавая, что отъ этой „недѣятельности, отъ этой пустоты душевной Богъ знаетъ какія могутъ произойти слѣдствія". Тогда какъ тамъ, въ этой „мрачной храминѣ", предъ его глазами, съ совершенно опредѣленною цѣлію энергично трудились Строевъ и Калайдовичъ, продолжая дѣло той археологической школы, которая обязана своимъ началомъ Екатеринѣ Великой. Эти почтенные труженники объ одномъ только и думали и объ одномъ только и мечтали: какъ бы *привести въ ясность Россійскую Исторію*, какъ бы, по выраженію Строева, *превратить цѣлую Россію въ одну библіотеку, имъ доступную*. Первымъ проводникомъ Погодина въ Московскій Архивъ былъ товарищъ его, Н. И. Ждановскій, отецъ котораго былъ помощникомъ Малиновскаго. Еще будучи студентомъ, Погодинъ любилъ бесѣдовать съ нимъ о графѣ Румянцовѣ, о любви его къ древностямъ, о познаніяхъ въ Россійской Исторіи Строева и Калайдовича. Съ Павломъ Михайловичемъ Строевымъ Погодинъ имѣлъ случай познакомиться еще во времена своего студенчества. Братъ нашего знаменитаго Археографа, Николай Михайловичъ, впослѣдствіи почтенный юристъ, былъ товарищемъ Погодина по Университету. И дѣйствительно, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ

17 ноября 1820 года, мы находимъ извѣстія о личномъ знакомствѣ его съ Строевымъ: „говорилъ вчера съ антикваріемъ Строевымъ о Калайдовичѣ, о трудахъ его, объ изданіи Славянскихъ книгъ“. Съ Константиномъ Өедоровичемъ Калайдовичемъ Погодинъ познакомился уже по выходѣ изъ Университета, и самымъ оригинальнымъ образомъ. Никогда не видавъ Калайдовича, Погодинъ, 9 марта 1822 года, отправляется къ нему и при входѣ рекомендуется: „Я люблю Русскую Исторію и пришелъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, какъ одному изъ первыхъ знатоковъ ея“. Калайдовичъ принимаетъ его „отмѣнно ласково“ и у нихъ тотчасъ же завязывается оживленная бесѣда „о нашихъ лѣтописяхъ, о Несторѣ, о золотыхъ гривнахъ, недавно найденныхъ, о Димитріи Самозванцѣ. „Какимъ образомъ“, замѣтилъ Калайдовичъ, „у насъ на Руси молодой человѣкъ можетъ *вздумать* принять на себя имя семилѣтняго убіеннаго ребенка? Могъ ли онъ быть совершенно увѣреннымъ, что ему это удастся, а онъ назвалъ себя царемъ, бывши еще въ монахахъ. Какъ Русская, старинная, суевѣрная княгиня могла признать его своимъ сыномъ предъ лицомъ всей Россіи?“ Далѣе разговоръ продолжался о Карамзинѣ, о Годуновѣ, о Каченовскомъ. При этомъ Калайдовичъ прочелъ Погодину свой отвѣтъ Каченовскому на какое-то его „глупое извѣстіе“. Затѣмъ Калайдовичъ разсказывалъ ему о новыхъ изданіяхъ, объ открытіи имъ Славянской Грамматики IX вѣка, о мнѣніи его, что на Болгарское нарѣчіе переведена Библія. „Какъ жаль“, замѣчаетъ Погодинъ, „что я не познакомился съ нимъ ранѣе. Годъ живемъ въ одномъ переулкѣ, а я не зналъ“. Съ того времени, завязались у Погодина съ Калайдовичемъ самыя близкія отношенія, продолжавшіяся неизмѣнно до самаго конца несчастной жизни Калайдовича. Это первое посѣщеніе Калайдовича произвело сильное впечатлѣніе на Погодина и онъ разсказывалъ о немъ своимъ товарищамъ, Гусеву и Кубареву. „Какъ цѣнятъ у насъ людей“, говорилъ онъ, „Калайдовичъ, напримѣръ, только губернскій секретарь“.

который, между прочимъ, писалъ ему: „я желалъ бы исключительно заняться Грамматикою, нынѣ особливо, когда первый въ иностранныхъ земляхъ знатокъ Славянскаго языка, Добровскій, сообщилъ свѣту плоды многолѣтнихъ своихъ розысканій: Грамматику. Я видѣлъ экземпляръ сей книги, присланный Добровскимъ А. С. Шишкову, и нашелъ въ ней множество превосходныхъ вещей. Однако-жъ, такъ какъ онъ не имѣлъ у себя многихъ матеріаловъ, какими мы можемъ пользоваться въ Россіи, напр., Остроміровo Евангеліе, то и не могъ всего опредѣлить удовлетворительнымъ образомъ" [291]). Калайдовичъ, объявляя отвѣтъ Канцлера, сообщилъ Погодину о желаніи Малиновскаго, чтобы онъ давалъ уроки его дочери и приглашаетъ его къ себѣ. Погодинъ, заручившись рекомендательнымъ письмомъ Калайдовича, отправляется къ самому начальнику Архива, Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому. Пріемъ отмѣнно ласковый. Малиновскій прочиталъ ему отвѣтъ графа Румянцова и послѣ того предложилъ ѣхать съ ними въ деревню. Погодинъ на это отвѣчалъ, что „условился съ княземъ Трубецкимъ, а потому не можетъ принять его предложеніе". Несмотря на это, Малиновскій пригласилъ Погодина къ себѣ обѣдать. Благопріятель Погодина Геништа весьма не одобрялъ его за отказъ Малиновскому. „Дѣйствительно", сознается Погодинъ, „я поступилъ неосторожно. Надобно было бы подумать. Малиновскій могъ быть полезенъ мнѣ во всѣхъ отношеніяхъ, особенно чрезъ графа Румянцова, который безъ него не сдѣлаетъ ничего, и который бы оказалъ мнѣ важное покровительство и пособіе при занятіяхъ" [292]). Въ августѣ 1822 г., Государственный Канцлеръ посѣтилъ Москву и былъ въ такомъ положеніи, что по выраженію И. И. Дмитріева, „прекрасно сражался съ смертью, или съ авангардомъ ея, подъ командою неодолимой глухоты" [293]); но Погодину не удалось въ это время лично представиться сему сановнику, который, по счастливому выраженію Малиновскаго, „оставилъ вельможамъ нашимъ возвышенный образецъ патріотизма: слу-

жить государству и по увольненіи отъ службы". Ему было очень досадно. „Глупецъ!" обращается онъ къ себѣ съ упрекомъ: „мнѣ бы надобно было идти къ Малиновскому, который вѣрно бы отвезъ меня къ нему" [294]). Несмотря на отказъ графа Румянцова, Погодинъ не оставлялъ мысли перевесть на Русскій языкъ трудъ Добровскаго, и, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, осуществилъ его.

Къ этому же времени относится сближеніе Погодина съ Иваномъ Михайловичемъ Снегиревымъ. Они довольно часто посѣщали другъ друга и бесѣдовали о нашихъ святителяхъ, о Шлецерѣ, о Миллерѣ, о Новиковѣ, объ Исторіи, о Русскихъ Древностяхъ. „Снегиревъ", по отзыву Погодина, „говоритъ очень умно". Увидя у Погодина портретъ Новикова, онъ сказалъ: „у него лицо святительское". Вмѣстѣ съ тѣмъ, Снегиревъ сообщилъ Погодину объ инструкціяхъ, данныхъ митрополиту Платону Екатериною, въ разсужденіе надзора за Павломъ. У Снегирева онъ встрѣчалъ Ходаковскаго, Калайдовича и другихъ почтенныхъ тружениковъ, и ему, по собственному сознанію, „пріятно было быть между сими людьми дѣловыми" [295]).

Сближаясь, такимъ образомъ, съ людьми, посвятившими себя служенію на поприщѣ Русскихъ Древностей, Погодинъ не менѣе того искалъ общенія и съ служителями Русскаго Слова. Въ описываемое нами время онъ сблизился, вѣроятно черезъ Тютчева, и съ Семеномъ Егоровичемъ Раичемъ, роднымъ братомъ присноцамятнаго митрополита Кіевскаго Филарета. Раичъ былъ человѣкъ ученый и вмѣстѣ литературный, отличный знатокъ классической и Европейской Словесности. Въ литературѣ нашей Раичъ извѣстенъ какъ переводчикъ Виргиліевыхъ *Георгикъ*, Тассова *Освобожденнаю Іерусалима* и Аріостовой поэмы *Неистовый Орландъ*. По свидѣтельству И. С. Аксакова, „это былъ человѣкъ въ высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вѣчно пребывавшій въ мірѣ идиллическихъ мечтаній, самъ олицетворенная буколика, соединявшій солидность ученаго съ какимъ-то дѣвственнымъ

поэтическимъ пыломъ и младенческимъ незлобіемъ". Князь П. А. Вяземскій передаетъ намъ весьма любопытный эпизодъ изъ отношеній Раича къ И. И. Дмитріеву. „Проживалъ въ Москвѣ нѣкто, котораго имя очень сбивалось на имя Раича. Онъ извѣстенъ былъ любовію своею къ Египетскому племени вообще, говоря языкомъ академическимъ, и къ одной египтянкѣ въ особенности. Тотъ и другой были только по слуху извѣстны Дмитріеву. Эти два лица сочетались въ умѣ его въ одно лицо. Когда кто то просилъ его о дозволеніи представить ему Раича, онъ съ большимъ удовольствіемъ принялъ это предложеніе: ему любопытно было узнать лично и ближе человѣка, въ которомъ сочетались поэзіи Мантуанскаго лебедя и разгульная поэзія героевъ нѣкогда воспѣтыхъ Майковымъ. Познакомившись съ нимъ и вглядываясь въ него, онъ началъ мало по малу свыкаться съ этою психологическою странностію: онъ находилъ въ смугломъ лицѣ, въ черныхъ глазахъ Раича что то цыганское, оправдывающее сочувствіе и наклонности его. Ему нравились эти противорѣчія и независимость поэта, который не стѣснялъ себя свѣтскими предубѣжденіями и котораго воспріимчивая и сильная натура умѣла совмѣщать въ себѣ и согласовать такія противорѣчія и крайности. Въ третье или четвертое свиданіе, захотѣлось ему вызвать Раича на откровенную исповѣдь. Онъ началъ слегка заводить съ нимъ рѣчь о Цыганахъ. Съ сочувствіемъ говорилъ о нихъ. Кто зналъ застѣнчиваго, неловкаго и цѣломудреннаго Раича, тотъ легко представитъ себѣ удивленіе и смущеніе его при подобныхъ намекахъ. Наконецъ, дѣло объяснилось". Родители Ѳ. И. Тютчева сдѣлали выборъ самый удачный, пригласивъ Раича воспитывать ихъ сына. Нечего говорить, что онъ имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное сложеніе своего питомца и утвердилъ въ немъ литературное направленіе. Въ домѣ Тютчевыхъ Раичъ пробылъ семь лѣтъ и оттуда перешелъ къ Николаю Николаевичу Муравьеву, основателю знаменитаго Училища Колонновожатыхъ, для воспитанія меньшаго его сына, Андрея Николаевича Муравьева [296]).

С. Е. Раичъ былъ также воспитателемъ другаго питомца Училища Колонноважатыхъ, Алексѣя Васильевича Шереметева, и жилъ въ его Рузскомъ селѣ, Покровскомъ, Московской губерніи. Раичу же обязаны своимъ первоначальнымъ воспитаніемъ и братья Булыгины, Өедоръ и Василій Ивановичи. Тютчевъ былъ большой почитатель своего наставника, а Погодинъ благоговѣлъ предъ Мерзляковымъ, и по поводу этого между двумя друзьями произошелъ однажды жестокій споръ, вызвавшій слѣдующія строки Погодина: „Тютчевъ имѣетъ рѣдкія, блестящія дарованія; но много иногда беретъ на себя, и судитъ до крайности неосновательно и пристрастно. Напримѣръ онъ говоритъ, что Раичъ переведетъ лучше Мерзлякова Вергиліевы еклоги. У Раича всѣ стихи до одного скроены по одной мѣркѣ. Ему переводить должно не Виргилія, а Делиля“. Въ тотъ же день, Погодинъ бесѣдовалъ съ Кубаревымъ о Мерзляковѣ и думалъ „какъ бы издать переводы его изъ древнихъ [297]). На первыхъ же порахъ знакомства, Раичъ оказалъ Погодину услугу: рекомендаціею къ Мальцовымъ на мѣсто учителя; но Погодинъ, желая провести лѣто у Трубецкихъ, не воспользовался рекомендаціею. Этимъ Раичъ хотѣлъ загладить свою невольную вину предъ Погодинымъ, занявъ мѣсто у Рахмановыхъ, которое, какъ мы видѣли, было предложено Погодину, что нисколько не помѣшало имъ остаться въ добрыхъ отношеніяхъ. Въ это время, Раичъ замышлялъ учредить Общество молодыхъ любителей литературы. Мысль эта пришлась чрезвычайно по сердцу Погодину, и у нихъ завязались оживленные объ этомъ переговоры. „Встрѣчается Раичъ“, пишетъ онъ, „я начинаю говорить съ нимъ объ Обществѣ, коего главная цѣль состоять должна въ переводѣ классическихъ книгъ со всѣхъ языковъ“. Раичъ увѣрялъ его, что если оно состоится, мы найдемъ большую подпору въ князѣ Голицынѣ, Дмитріевѣ и пр. знатныхъ особахъ“. Между прочимъ, Погодинъ спросилъ Раича о Рахмановскомъ мѣстѣ. Оказалось, что два года Раичъ былъ уже знакомъ съ Рахмановыми и два года „условливаются“, и

при этомъ заявилъ, что онъ „не съ радостію идетъ на это мѣсто“ [298]). Мечта Раича учредить Общество, какъ мы увидимъ ниже, осуществилась; но въ это время въ Москвѣ разнесся слухъ, что знаменитый Попечитель Казанскаго Учебнаго Округа, Магницкій, пріѣдетъ ревизовать Московскій Университетъ. Само собою разумѣется, что этотъ слухъ произвелъ впечатлѣніе, возбудилъ толки, и оттолосокъ ихъ находимъ въ *Дневникѣ* Погодина: „Толковали съ Раичемъ о состояніи просвѣщенія въ Россіи, объ усиліяхъ, которыя употребляютъ наши мистики, подавить всѣ стремленія къ нему. Въ Университетъ пришло, будто бы, предписаніе, чтобы не была пропускаема ни одна строка о политикѣ, чтобы всякое сочиненіе, если будетъ въ немъ хоть одна цензорская поправка, было переписываемо, чтобы не было ставимо болѣе трехъ точекъ, ибо де это подаетъ поводъ къ догадкамъ. Счастливыя времена, сказалъ Дмитріевъ, въ которые авторы могли удивляться, сколько хотѣли. Нынче можно ахнуть разъ два, да и полно. Магницкій запретилъ всѣмъ профессорамъ въ Казанскомъ Университетѣ употреблять вино. Здоровье Государево, на какомъ-то праздникѣ, пили они Богоявленскою водою. Еще предложилъ онъ въ Московскомъ Университетѣ уничтожить гимназіи и большую часть народныхъ училищъ, введя вмѣсто ихъ Ланкастерскія школы. Наши хваты, вмѣсто отверженія такого предложенія, еще думаютъ. Можетъ быть и согласятся“. „Думалъ о мѣрахъ“, пишетъ Погодинъ въ другомъ мѣстѣ, „принимаемыхъ Магницкимъ для погашенія просвѣщенія. Можетъ быть, онѣ хороши въ своемъ источникѣ, но онѣ насильственныя. Неужели хвалить Испанцевъ, которые съ мечемъ въ рукѣ, облитые кровію, проповѣдывали Евангеліе. Пусть идетъ все своимъ чередомъ. Развѣ, занимаясь науками, нельзя быть хорошимъ христіаниномъ? Я думаю, еще лучше. Еще докажи, что науки вредны, и тогда не будутъ ими заниматься. Въ гражданскихъ обществахъ, мнѣ кажется, они необходимы. Дѣлаютъ изъ нихъ злоупотребленія, это правда. Но изъ чего не дѣлаютъ? Умъ, озаренный вѣрою, науками подкрѣпится,

ежели съ такими чувствами будутъ заниматься ими. Просвѣщеніе человѣческое близко. Цѣль наукъ должна состоять въ познаніи природы и въ наученіи людей обуздывать свои страсти“ [299]).

Святыми молитвами родителей, добрымъ вліяніемъ товарища Загряжскаго и назидательнымъ примѣромъ благочестивой старушки Анны Васильевны Кубаревой, Погодинъ все болѣе и болѣе утверждался въ спасительныхъ догматахъ Святой Православной Вѣры и ограждалъ свой мятежный умъ отъ мертвящаго духа отрицанія, духа сомнѣнія. Вотъ что́ онъ писалъ къ своему товарищу Баталину: „установляется ли твоя вѣра? Скажу тебѣ одно: посмотри на небо, на землю, на себя. Могло ли все это произойти случаемъ? И что такое случай? Опредѣли мнѣ его? И увидишь, что и онъ предполагаетъ что-то первоначальное? Еще: человѣкъ со всѣмъ своимъ разумомъ не можетъ сотворить ни пылинки; онъ даетъ только разные виды произведеніямъ природы; какимъ же образомъ случай, безумный, слѣпой, могъ сотворить человѣку разумъ. Подумай объ этомъ хорошенько. Ты спрашиваешь меня, увѣренъ ли я самъ въ этихъ предметахъ? Не смѣю сказать, чтобы я былъ увѣренъ въ нихъ такъ, какъ увѣренъ въ томъ, что это пишу перомъ; но молю Бога, чтобы Онъ ниспослалъ мнѣ эту увѣренность, или точнѣе: желаю быть увѣреннымъ, ибо отъ этой увѣренности зависитъ счастіе человѣка: стоило ли бы жить на свѣтѣ безъ нея. Это непонятно, говоришь ты. Но понимаемъ ли мы тысячную долю того, что у насъ случается подъ носомъ? Понимаемъ ли мы, какъ дѣлаются у насъ понятія, какъ понятія соединяются съ словами, что́ такое движеніе, сила. Есть ли одна нравственная истина, въ которой бы всѣ философы совершенно согласились? Одинъ говоритъ то, другой — другое; одинъ кричитъ арбуза, другой — соленыхъ огурцовъ. Кантъ опровергаетъ Лейбница, Вольфа; Фихте—Канта; Шеллингъ—Фихте, и каждый почитаетъ себя справедливымъ. Птоломей заставилъ вертѣться солнце около земли. Всѣ ему вѣрили. Коперникъ заставилъ землю вертѣться около солнца.

Всѣ ему вѣрили. Кто же намъ поручится, что чрезъ сто лѣтъ не явится кто нибудь, который насъ заставитъ вѣрить, что мы не вертимся, а прыгаемъ или скачемъ. Берклей доказалъ, что нѣтъ тѣлъ въ природѣ, такъ что, по логикѣ нельзя было прицѣпиться къ нему никакимъ образомъ. Что́ же здѣсь вѣрнаго? И можно ли положиться на разумъ? Должно *покорять его вѣрѣ*. Опять повторю тебѣ, что я желаю такъ думать. Подумай объ этомъ хорошенько и напиши мнѣ" [300]). Погодинъ въ это время нерѣдко углублялся въ чтеніе Священнаго Писанія. Такъ, читая *Апостолъ*, онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „великая, великая книга. Дай, Господи, только мнѣ вѣру и въ Тебя, и въ Христа". Отправляясь въ Успенскій Соборъ, Погодинъ думалъ: „должно ли разсуждать и стараться объ объясненіи Св. Писанія, или, подобно младенцамъ, принимать безъ изъясненія? Не лучше ли послѣднее" [301]). При этомъ онъ началъ строго соблюдать посты, и по поводу спора съ однимъ изъ своихъ товарищей, замѣтилъ: „то хорошо, что́ установили хорошіе люди". Присутствовавшій при этомъ спорѣ, Загряжскій прибавилъ: „надобно приготовить тѣло, для вмѣщенія Бога". Въ недѣлю Православія (19-го февраля 1822 года) Погодинъ отправился въ Успенскій Соборъ „слушать проклятіе"; но, не заставъ его, остался въ Кремлѣ, и вотъ что́ записалъ онъ въ *Дневникѣ:* „какое пріятное чувство возбуждаетъ глухой говоръ кремлевскихъ колоколовъ. Восхищался, стоя въ Успенскомъ Соборѣ. Первый храмъ Россіи; сюда, въ теченіе восьми вѣковъ, приходили Государи Русскіе молиться Богу за народъ свой. Здѣсь молился Донской. Іоанны; здѣсь служили Алексіи, Филиппы, отсюда выпускали на битву Холмскихъ, Воротынскихъ. Какое благоговѣніе возбуждаетъ сія простота, его куполы, его узкія окошки. Ходили въ Архангельскій Соборъ. Поклонились гробамъ Калиты, Донского, Іоанна III; помолился за Іоанна IV. Были въ Чудовѣ. Приложились къ мощамъ Св. Алексія, разсматривали одежды его, хранящіяся пятьсотъ лѣтъ. Древность возбуждаетъ высокое чувство. Какъ

жаль, что у насъ нѣтъ никакого описанія предметовъ достопамятныхъ. Ходили на Красное Крыльцо. Здѣсь, по этимъ ступенямъ ходилъ царь Алексій, за нимъ, въ трескучій морозъ, на рукахъ несли Петра. Наталія шла возлѣ. Передъ крыльцомъ толпился народъ и кричалъ: живъ буди многія лѣта, надежа Государь! и шелъ вмѣстѣ съ нимъ въ церковь Божію. Какія воспоминанія! Были въ церкви Спаса за золотою рѣшеткою. Какъ жаль, что эти почтенныя древности застроили у насъ гауптвахтами, и пр. Смотрѣли на Москву. Мечтали о Св. Руси, о старинѣ" [302]). По поводу обряда проклятія, Погодинъ вступилъ въ разсужденіе съ Кубаревымъ и находилъ его несообразнымъ съ Христіанскою религіею. „Богу судъ надъ людьми", говорилъ Погодинъ; но Кубаревъ утверждалъ, что „проклятіе должно быть соблюдаемо, какъ учрежденіе предковъ, что благоговѣніемъ къ ихъ обычаямъ, неприкосновенностью ихъ, держится любовь къ Отечеству. Какъ можно безъ дерзости отмѣнить то, что установлено Алексіемъ, Петрами, Іоаннами". На это Погодинъ замѣтилъ: „мнѣ самому казалось бы такъ, но разсудокъ говоритъ противное. Если бы такъ разсуждали предки, они не приняли бы никогда Христіанской религіи. Теперь мы восхищаемся Семеновою, за 200 лѣтъ предки наши считали театральныя зрѣлища безбожіемъ" [303]). Живя у Кубарева, близъ Сухаревой башни, онъ нерѣдко посѣщалъ сосѣдній храмъ Странопріимнаго дома графа Шереметева, и всегда выносилъ оттуда самое благодатное чувство. Однажды, Погодинъ посѣтилъ этотъ храмъ въ торжественный день, *23-го февраля.* Странопріимный домъ въ Москвѣ основанъ въ 1803 году, графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, по мысли и въ память супруги своей, графини Параскевіи Ивановны. День кончины ея, 23-го февраля, во исполненіе воли учредителя Дома, ежегодно поминается заупокойною литургіею и панихидою, а по окончаніи богослуженія, въ торжественномъ собраніи членовъ Совѣта Дома, происходитъ раздача по жребію приданаго бѣднымъ дѣвицамъ. Вотъ на это торжество и по-

палъ Погодинъ въ 1822 году и вынесъ оттуда слѣдующее впечатлѣніе. „Былъ у обѣдни“, писалъ онъ, „въ Шереметевскомъ Страннопріимномъ домѣ и съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на почтенныхъ старушекъ въ бѣлыхъ чепчикахъ, со свѣчами въ рукахъ, молившихся за своего благодѣтеля. Старики тронули меня еще болѣе. У всѣхъ свѣжія лица: доказательство трезвости; головы, покрытыя сѣдинами или ничѣмъ; хромые; у иныхъ на груди кресты, означающіе, что они проливали за насъ кровь свою, были на приступахъ. Теперь успокоиваются при дверяхъ гроба и готовятся, наконецъ, къ совершенному успокоенію тамъ, идѣже нѣсть болѣзнь, ни воздыханіе. Былъ при вынутіи дѣвицами жребіевъ на приданое. Графъ Шереметевъ! Вѣчная тебѣ память“ [304]). Въ Великую Среду Погодинъ исповѣдывался, а въ Великій Четвергъ причащался. Съ сердечнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ своихъ приступалъ Погодинъ къ симъ Священнѣйшимъ Таинствамъ: „Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшному!“, восклицалъ онъ, приступая къ исповѣди. Его уже въ то время возмущали анти-церковныя проявленія въ нашей обыденной жизни. Такъ, увидя освѣщенные трактиры въ Благовѣщенскую пятницу, онъ съ негодованіемъ замѣчаетъ: „неужели наши губернаторы не должны смотрѣть за нравственностью. Къ чему служатъ эти билліарды во всѣхъ трактирахъ. Они питаютъ развратъ“ [305]). Знакомство съ почтеннымъ С. А. Масловымъ также не мало содѣйствовало къ утвержденію Погодина на правой стезѣ. Назидательную бесѣду съ нимъ объ обѣднѣ Погодинъ сохранилъ въ *Дневникѣ*: „Обѣдня есть гіероглифъ для насъ“, сказалъ Масловъ. „Подъ нею Святые Отцы сокрыли таинства религіи. Что значитъ, напримѣръ, треугольникъ, коимъ оканчивается къ верху риза священника, и квадратъ одежды діаконской? Что значитъ сложеніе антиминса въ девять треугольниковъ, свѣча, носимая предъ Евангеліемъ, обращеніе кругомъ діакона, послѣ молитвы о благочестивыхъ, и такъ далѣе“. Также бесѣдовали они объ „обѣднѣ преждеосвященной, о ея величествѣ и пре-

мудромъ расположеніи. Сперва молятся оглашенные, потомъ— елицы ко просвѣщенію, наконецъ, всѣ они исходятъ, остаются одни вѣрные, и раздается: *Нынѣ силы небесныя съ нами невидимо служатъ*. Выходитъ священникъ. Падаютъ ницъ. Какое таинственное величіе!“ [306]). Не забудемъ при этомъ, что въ то время уже возсѣдалъ на Московской церковной каѳедрѣ самъ Филаретъ. „Съ отмѣннымъ удовольствіемъ“, писалъ Погодинъ, „и пріятнымъ волненіемъ въ сердцѣ говорилъ о Филаретѣ съ Кубаревымъ, о его многообразныхъ занятіяхъ, его жизни, учености. Онъ разсказывалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, отъ вѣрныхъ людей имъ слышанный: Когда Филаретъ обучался еще въ Лаврѣ, Коломенскіе купцы, его знавшіе, пріѣхали къ покойному митрополиту Платону съ просьбою о поставленіи его въ діаконы въ одну приходскую церковь. Онъ вамъ не годится, отвѣчалъ Платонъ. Чрезъ нѣсколько времени они приступили съ тою же просьбою. Онъ вамъ не годится, говорю я вамъ, сказалъ опять Платонъ. Какъ, ваше высокопреосвященство, мы знаемъ его и его родственниковъ. Онъ человѣкъ добрый, и пр. Онъ годится, да не вамъ, а на мое мѣсто. Говорили объ энтузіазмѣ, произведенномъ Платономъ въ нашемъ духовенствѣ, о всеобщей любви къ нему“ [307]).

Между тѣмъ, Погодинъ принималъ сердечное участіе въ тогдашнемъ положеніи *дѣтей церкви, уготовляемыхъ на служеніе Церкви*. Встрѣтившись однажды съ Перервинскимъ ученикомъ, онъ былъ возмущенъ его разсказами, и по поводу этой встрѣчи писалъ: „съ голода морятъ бѣдныхъ. Топятъ чрезъ три дня, хлѣба даютъ по маленькой порціи; кашу, щи ѣсть нельзя,— все ржавчина. Боже мой! И этихъ людей приготовляютъ въ священники. Какое воспитаніе! Скотское. Немудрено, что они всегда бываютъ далеки отъ своихъ овецъ“ [308]). По поводу этого показанія, мы считаемъ долгомъ привести слова Филарета, произнесенныя при освященіи церкви во имя Святителя Николая въ Московской духовной семинаріи. „Дѣти“, обратился Филаретъ къ Московскимъ семинаристамъ, „спросите

родителей, или отцевъ ихъ: съ такою ли, какъ нынѣ, многообразною заботливостію были они призрѣваемы, когда, полувѣкомъ ранѣе, проходили поприще, вами теперь проходимое? Изъ неблагоустроенныхъ жилищъ нерѣдко цѣлыми поприщами измѣряли мы неблагоустроенный путь до дома ученія; и случалось, что только *въ поученіи нашемъ разгорался огнь* (Псал. 38, 4), когда въ согрѣвающемъ или освѣщающемъ огнѣ нуждалась учебная храмина. Воспоминаю сіе не для того, чтобы возбуждать упреки прошедшему, которое имѣетъ свои добрыя и достопочтенныя воспоминанія, но чтобы отдать справедливость настоящему. Вамъ предоставляется жилище, устроенное покойно, благолѣпно, величественно, и намъ открывается совсѣмъ новая надобность напомнить вамъ, чтобы вы были въ немъ, какъ обласканные, но скромные гости, и чтобы не слишкомъ привыкали утѣшаться онымъ. Надлежитъ вамъ помышлять и пріучать себя помышлять съ любовію, что послѣ сего, можно сказать вельможнаго дома, множайшимъ изъ васъ должно будетъ вновь обитать въ смиренныхъ жилищахъ, посѣщать убогія хижины, и къ сему должно вамъ перейти не съ чувствомъ тяготящей нужды, но съ чувствомъ священнаго и вожделѣннаго долга“ [309]).

Въ это время Погодинъ едва не разорвалъ связи съ Трубецкими, и вотъ по какой причинѣ. Однажды Сеймондъ объявилъ ему, что княгиня Трубецкая не соглашается давать за уроки по 150 р. въ мѣсяцъ, а предлагаетъ учить по билетамъ. „Вотъ чего я не ожидалъ уже“, восклицаетъ Погодинъ, „однакожъ не могъ удержаться отъ смѣха. Вотъ тебѣ награжденіе! А я, дурачина, теперь даже хотѣлъ сдѣлать ей пожертвованіе и не приниматься къ новому Мальцовскому мѣсту прежде пріѣзда изъ деревни, хотя бы Мальцовъ давалъ мнѣ три тысячи, какъ сказывалъ Раичъ“ [310]). Къ довершенію его огорченія, показалось ему, что и княжна Аграфена Ивановна стала съ нимъ „не совершенно ласковою“, а княгиня Голицына ему даже высказала, что ей кажется страннымъ его требованія отъ Трубецкихъ. Это мнѣніе раздѣляла и

А. П. Измайлова. „Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ. Несмотря на это, онъ далъ рѣшительный отвѣтъ Сеймонду о своемъ несогласіи на предложеніе Княгини. Когда послѣ этого рѣшенія, Погодинъ пришелъ къ Трубецкимъ, то А. П. Измайлова встрѣтила его вопросомъ: „Вы съ нами не ѣдете въ деревню“? Дѣло это не обошлось и безъ личнаго объясненія Погодина съ самою Княгинею [311]). Послѣ этого разговора, онъ пошелъ отъ Трубецкихъ „не съ веселымъ духомъ“. Ему жаль было дѣтей, къ которымъ онъ привыкъ, и притомъ сознавалъ, что они ни отъ кого не могутъ получить столько пользы, сколько отъ него. Но несмотря на это справедливое сознаніе, Погодинъ вернулся домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа, и, вѣроятно, желая себя нѣсколько разсѣять, увлекся дружескою товарищескою пирушкою. На другой день, естественно, онъ проснулся очень поздно и, опомнившись, предался размышленію: „странное дѣло“, думалъ онъ, „я проповѣдую, терпѣніе, твердость, обузданіе страстей, и между тѣмъ, не могу принудить себя вставать ранѣе. Умъ, искра Божества, потемняется и пропадаетъ въ винномъ чаду. Человѣкъ, летающій по воздуху, преплывающій пучины, повелѣвающій стихіями, не можетъ устоять противъ чего? Противъ вина. Какъ слабъ онъ!“ [312]). Но дѣло его скоро уладилось, и Сеймондъ, отъ имени княгини Трубецкой, предложилъ Погодину 500 р. за четыре мѣсяца, которые онъ проведетъ въ Знаменскомъ. Хотя Погодинъ на это согласился, но въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „торгуются, какъ въ рядахъ“. Въ день имянинъ княжны Александры Трубецкой и княгини Голицыной, Погодинъ отправился къ обѣдни къ Тремъ Святителямъ и тамъ засталъ конецъ проповѣди, въ которой священникъ произнесъ: „Если бы Богъ простилъ насъ словомъ, мы не видали бы образца человѣческаго совершенства“. Въ этотъ день Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ, гулялъ съ ними по саду, и княжна Аграфена Ивановна „съ особеннымъ участіемъ“ спрашивала о болѣзни Кубарева. „Добрая, добрая!“ восклицалъ

по этому поводу Погодинъ. Несмотря на этотъ печальный эпизодъ, Погодинъ у Трубецкихъ оставался все-таки своимъ человѣкомъ, хотя, въ силу своего философскаго настроенія, позволялъ себѣ иногда, по крайней мѣрѣ, въ своемъ *Дневникѣ*, дѣлать объ ихъ бытѣ саркастическія замѣчанія. Такъ, однажды, онъ былъ приглашенъ на большой обѣдъ къ Трубецкимъ, и по этому поводу онъ отмѣчаетъ въ *Дневникѣ*: „Я такъ отвыкъ отъ этихъ барскихъ столовъ. Для меня показалось очень дикимъ видѣть, какъ двадцать человѣкъ сидятъ, а другіе двадцать бѣгаютъ около нихъ, суетятся, смотрятъ въ глаза, и пр. Откуда взялось это различіе?“ [313]). Или, онъ осуждаетъ старую княгиню Трубецкую за подарки, которые она сдѣлала своему сыну, князю Николаю Ивановичу, въ день его рожденія: „какіе безпутные подарки“, замѣчаетъ Погодинъ, „получилъ онъ. Должно ли теперь заставлять его думать о щеточкахъ, духахъ, мылахъ, помадахъ“ [314]). Читая подобныя саркастистическія замѣчанія, которыя нерѣдко встрѣчаются, у Погодина о нашемъ высшемъ сословіи, и зная, что эти замѣчанія совершенно противорѣчатъ всему тому, что самъ онъ, это дитя изъ народа, испытывалъ отъ личныхъ сношеній съ этимъ осуждаемымъ сословіемъ, намъ невольно вспоминаются стихи князя П. А. Вяземскаго:

Баръ и барынь всѣ бранятъ
Подъ рукою,
Презирать ихъ каждый радъ
За спиною;

Но столкнися съ мудрецомъ
Баринъ знатный,
Иль красотка брось тайкомъ
Взоръ пріятный:

Вдругъ начнетъ иное пѣть
Нашъ Сенека:
Перемѣнится медвѣдь
Въ человѣка [315]).

Приводимъ эти стихи не въ осужденіе Погодина, но потому, что въ нихъ подмѣчена общая черта, которая особенно

бросается въ глаза въ наше время. Погодинъ въ этомъ отношеніи, конечно, заслуживаетъ менѣе упрека, чѣмъ наши современные Сенеки. Повторимъ, что если старое поколѣніе Трубецкихъ держало Погодина въ нѣкоемъ отъ себя отдаленіи, что и согласно съ чиномъ природы, но за то молодое поколѣніе этого семейства относилось къ нему, ведущему свой родъ „изъ крѣпостнаго крестьянства", совершенно побратски и дѣлилось съ нимъ своими радостями и печалями. И въ этомъ опять-таки мы видимъ подтвержденіе той исторической, духовной, нравственной связи, которая существовала въ Россіи между дворянствомъ и крестьянствомъ. Погодинъ, въ *Дневникѣ* своемъ, сохранилъ одинъ разговоръ свой съ Аграфеною Прокофьевною Измайловой о *большомъ свѣтѣ*, который можетъ служить *словомъ примиренія*. „Говорилъ", писалъ онъ, „съ Аграфеной Прокофьевной, о *большемъ свѣтѣ*, о провожденіи или, лучше, о тасканіи жизни въ немъ, о возможности и въ немъ исполнять свои обязанности... Нѣтъ ни одного человѣка на свѣтѣ, въ какомъ бы ни былъ онъ состояніи, которому бы не данъ былъ крестъ для несенія. И на тронѣ, и въ избѣ, и за туалетомъ, и за книгою, и надъ сохою, и въ кельѣ человѣкъ найдетъ въ себѣ слабости и пороки. Одного обуреваетъ честолюбіе, другой соглашается жить мѣщаниномъ, но имѣть въ сундукѣ золото; одинъ радъ отдать послѣднюю рубашку бѣдному, но не можетъ простить ничтожной обиды, ему нанесенной; другой дышетъ славою и для снисканія ея не щадитъ ничего. Пусть искореняетъ каждый свой порокъ, въ мірѣ ли онъ, въ пещерѣ ли. „Такъ спаситесь же вы", сказала Аграфена Прокофьевна Погодину, который отвѣтилъ ей на это: „духъ бодръ, а плоть немощна" [316]).

Предъ отъѣздомъ своимъ въ Знаменское, онъ простился на долгое время съ своимъ товарищемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Тютчевымъ. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1822 года, родственникъ его, знаменитый герой Кульмской битвы, графъ А. И. Остерманъ-Толстой, посадилъ молодого Тютчева съ собою въ карету и увезъ за-границу, гдѣ и пристроилъ его

сверхштатнымъ чиновникомъ къ Русской миссіи въ Мюнхенѣ. На козлахъ той кареты, которая увезла графа Остермана-Толстого и восемнадцатилѣтняго Тютчева за-границу, усѣлся и благополучно прибылъ въ Мюнхенъ, вмѣстѣ съ ними, знакомый Погодину старикъ, дядька Тютчева Николай Аѳанасьевъ Хлоповъ [317]).

Погодинъ простился съ своимъ товарищемъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности 27 мая 1822 года. „Онъ ѣдетъ“, писалъ Погодинъ, „при посольствѣ въ Мюнхенъ. Чудесное мѣсто. Онъ спросилъ меня о Московскихъ, я его о Петербургскихъ литературныхъ новостяхъ. Далъ слово писать изъ Мюнхена“ [318]).

XXI.

28 мая 1822 года, Погодинъ поѣхалъ въ Знаменское. Прощаясь съ братомъ, онъ „прослезился“, а Анна Васильевна Кубарева отпустила его „какъ роднаго сына“. Дорогою въ Знаменское, онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ „на деревья, на зелень, думалъ о Богѣ“. Съ пріятнымъ чувствомъ въѣхалъ онъ въ Знаменское. „Никогда не забуду“, писалъ онъ, „этого ласковаго пріема, съ какимъ встрѣтила меня милая княжна Аграфена Ивановна. Какъ умѣетъ она сообщить каждому поступку своему привлекательность“ [319]). На другой день, онъ обошелъ кругомъ садъ и зашелъ къ священнику и разспрашивалъ его о названіяхъ окрестныхъ селеній; говорили также о Филаретѣ, Платонѣ, Августинѣ. Оправдывая вспыльчивость Августина, священникъ сказалъ Погодину: „сердце архипастыря, также, какъ и царя, въ руцѣ Божіей, Если онъ и дѣлалъ что-нибудь несогласное съ нашимъ мнѣніемъ, это воля Божія“. Эти слова священника привели Погодина въ восторгъ. „Вотъ“, замѣчаетъ онъ, „остатокъ нашего древняго духовенства“ [320]).

Знаменское въ это лѣто было особенно многолюдно. Здѣсь

гостили Всеволожскіе, Новосильцовы, Дмитрій Борисовичъ Мансуровъ. Необыкновенная учтивость Петра Петровича Новосильцова особенно привлекала къ нему Погодина. Съ Знаменскимъ начальствомъ, т. е. съ княземъ и княгинею Трубецкими, Погодинъ продолжалъ быть въ почтительномъ отдаленіи. Съ княземъ Иваномъ Дмитріевичемъ онъ, въ этотъ пріѣздъ свой въ Знаменское, не имѣлъ никакихъ сношеній. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ*, за это время, онъ упоминается только однажды, и вотъ по какому случаю, произведшему на Погодина непріятное впечатлѣніе. Однажды онъ собрался на короткое время въ Москву. За ужиномъ Княгиня спрашиваетъ его: „вы ѣдете завтра, Михаилъ Петровичъ?“ „Ѣду!“ „На чемъ?“ „Телѣгу найму!“ Промолчала. Зайдя къ Князю, Погодинъ тоже услышалъ отъ него вопросъ: „ты ѣдешь? Да на чемъ?“ „Телѣгу найму!“ Съ досады, что приходится ѣхать въ Москву въ телѣгѣ, онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Это деликатность! Для одной только княжны Аграфены Ивановны можно жить въ домѣ“ [321]). На другой день, Погодинъ, дѣйствительно отправился въ Москву, въ телѣжкѣ, вмѣстѣ съ егеремъ. онъ сознается, что ему не хотѣлось ѣхать въ ней по городу. „Самолюбіе запрещало. Наконецъ, преодолѣлъ себя, хотя, впрочемъ, утѣшался мыслью, что меня почтутъ ѣдущимъ съ охоты съ егеремъ“. Но этотъ егерь оказался любопытнымъ собесѣдникомъ. Онъ нѣкогда служилъ у графа Никиты Петровича Панина, и Погодинъ узналъ отъ него нѣкія біографическія подробности о семъ государственномъ мужѣ. „Человѣкъ онъ былъ“, разсказывалъ егерь, „справедливый, хотя и жестокій. Занимается теперь только охотою. Готовясь къ поединку съ Ростопчинымъ, онъ цѣлыхъ два мѣсяца учился стрѣлять въ цѣль. Поединокъ назначенъ былъ близъ Воронова. Ростопчинъ просилъ прощенія, и они помирились“ [322]). Но какъ бы то ни было, Погодинъ началъ привыкать и къ княгинѣ Трубецкой. Прежде, по сознанію его, онъ видѣлъ въ ней одно только дурное, не имѣя случая видѣть хорошее; но теперь сталъ

замѣчать въ ней „много хорошаго“. Однажды, прогуливаясь съ Геништою, онъ толковалъ съ нимъ о характерахъ Знаменскихъ обитателей, и по поводу этого разговора, отмѣчаетъ въ *Дневникѣ*: „Есть множество очень рѣзкихъ. Княгиня большой талантъ, держитъ всѣхъ въ стрункѣ, заставляетъ самыхъ умныхъ людей смотрѣть на свои глупости въ уменьшительное стекло, смотрѣть себѣ въ глаза“ [323]). Роль ея въ семействѣ, какъ и подобаетъ, была въ полномъ смыслѣ слова первенствующая. Въ Сергіевъ день, княжны Трубецкія угощали въ своемъ саду всѣхъ обитателей Знаменскаго. Пили чай, ѣли фрукты, играла музыка. „Девять молодыхъ женщинъ“, писалъ Погодинъ, „родныхъ между собою, добрыхъ, умныхъ, любезныхъ, пятокъ ребятокъ новаго поколѣнія, и *начальница семейства*, около которой все суетится, къ которой все относится, у которой ловятъ всѣ взгляды. Прекраснѣйшая картина, еслибы... Тотъ только можетъ быть совершенно счастливъ, тотъ только можетъ *разливать* около себя *совершенное* удовольствіе, кто исполнилъ свои обязанности. Иначе, картина помрачается какимъ-то чувствомъ непріятнымъ. Послѣ играли въ горѣлки“ [324]). Но въ концѣ-концовъ, Погодинъ даже полюбилъ старую Княгиню.

Въ это время, Погодинъ особенно сблизился съ Петромъ Петровичемъ Новосильцовымъ, который, какъ мы уже знаемъ, привлекъ къ себѣ его своею отмѣнною учтивостію. Кромѣ того, Новосильцовъ привлекалъ къ себѣ Погодина и своими поучительными бесѣдами, которыя также могутъ быть отнесены къ тѣмъ *живымъ источникамъ*, о значеніи коихъ мы уже говорили прежде. Ѣдучи однажды вмѣстѣ изъ Знаменскаго въ Москву, они всю дорогу говорили о характерѣ Русскаго народа. Отецъ Новосильцова никакъ не могъ принудить своихъ крестьянъ сѣять картофель. „Это Нѣмецкая трава, твердили они, да и только. О ветлахъ, о пользѣ разведенія ихъ, для замѣны дровъ, и среди деревень, отъ пожаровъ. О Государѣ, о его недовѣрчивости, объ иностранцахъ, о Карамзинѣ и его Исторіи, о многочисленности войска и

вредѣ отъ него для Государства; о людяхъ, окружающихъ тронъ, о Петрѣ" [325]). На обратномъ пути въ Знаменское, бесѣда ихъ продолжалась и коснулась графа Ростопчина. „Онъ живетъ во Франціи, какъ частный человѣкъ. О великомъ дѣяніи его предъ взятіемъ Москвы, о сохраненіи спокойствія до послѣдней минуты. Какъ знаетъ онъ Русскихъ. Графъ великій патріотъ, ненавидитъ иностранцевъ". Новосильцовъ, бывшій у него во Франціи, говорилъ Погодину, что Ростопчинъ не можетъ безъ слезъ говорить о Россіи. „Павла любитъ, какъ своего благодѣтеля, но не какъ Государя. Во время смерти его, Графа не было въ Петербургѣ: онъ былъ тогда не въ милости... О Екатеринѣ, объ умѣ ея, ея величіи, о Суворовѣ, о Петрѣ, о Ломоносовѣ. Геніи! —и я Русскій!—О законахъ, о конституціяхъ" [326]), и пр. Въ такихъ разговорахъ они вернулись въ Знаменское и попали ко дню рожденія Аграфены Прокофьевны Измайловой. Въ то время П. П. Новосильцовъ служилъ при Московскомъ главнокомандующемъ, князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ. Разсказы о немъ Новосильцова поселили въ Погодинѣ желаніе посвятить какой-нибудь свой трудъ сему достойному сановнику. Онъ же сообщилъ ему, что въ Голицынскомъ селѣ Вяземахъ *) есть Евангеліе, подписанное рукою Бориса Годунова [327]). Погодинъ, бесѣдуя однажды съ Новосильцовымъ о духѣ нашего правленія, услышалъ слѣдующее любопытное извѣстіе о молодомъ Муравьевѣ: „Онъ выговаривалъ однажды Карамзину за его похвалы самодержавію, за монархическій духъ его Исторіи. Карамзинъ отвѣчалъ: *да не буду я первый въ моемъ Отечествѣ проповѣдывать тотъ другой духъ, который омылъ кровію всю Европу*" [328]). Всеволожскіе продолжали относиться къ Погодину самымъ дружескимъ образомъ. Такъ однажды, онъ съ А. В. Всеволожскимъ „игралъ въ городки". Въ это время

---

*) Нынѣ это знаменитое село, находящееся въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, принадлежитъ внуку Главнокомандующаго, свѣтлѣйшему князю Дмитрію Борисовичу Голицыну.

Александръ Всеволодовичъ былъ занятъ устроеніемъ быта своихъ крестьянъ, и, вмѣстѣ съ Сипягинымъ, сочинилъ *постановленіе для крестьянъ*. Когда онъ прочелъ оное Погодину, то послѣдній пришелъ въ восторгъ и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Превосходныя постановленія! Дай Богъ, чтобы побольше такихъ сыновъ имѣла Россія, и больше желать нечего. На что намъ вольность. Мы и безъ нея будемъ счастливы. Я въ жару поцѣловалъ его въ плечо. Вотъ статья для журнала [329]). Въ pendant къ этому, приведемъ разоворъ Погодина съ княгинею Голицыной и А. П. Измайловой, бывшій у нихъ во время прогулки по Знаменскому саду. „Говорили", писалъ онъ, „о рабствѣ въ Россіи, о случаяхъ, въ какихъ даже добрыя дѣла могутъ произвести вредъ. Княгиня Голицына, между прочимъ, сказала: я часто не ѣзжу зимою къ Трубецкимъ, не хотя оставлять на морозѣ людей, стараюсь облегчить ихъ сколько возможно, часто не велю ставить самовара для себя одной, и пр.; между прочимъ, люди отъ сего балуются" [330]). Съ А. В. Всеволожскимъ Погодинъ нерѣдко бесѣдовалъ о состояніи финансовъ въ Россіи, о государственномъ управленіи, о Гурьевѣ, о звонкой монетѣ, о курсѣ, о театрѣ. Мечтали они о томъ, чтобы отправить десять избранныхъ студентовъ по всѣмъ частямъ, лѣтъ на шесть, въ чужіе края. „И мы", говоритъ Погодинъ, „поклонимся Нѣмцамъ, а Московскій Университетъ прославится". Говорили они также о князѣ П. А. Вяземскомъ, о домѣ Трубецкихъ. Разбирали комедію князя Шаховскаго *Липецкія воды*, и находили, что она „наполнена грубыми ошибками во всѣхъ отношеніяхъ" [331]). Предъ Софьей Ивановной Всеволожской, Погодинъ „гремѣлъ противъ Французовъ и всего Французскаго", а также „ругалъ Московскій большой свѣтъ". Съ „откровеннымъ" Дмитріемъ Борисовичемъ Мансуровымъ Погодинъ сошелся на бостонѣ, и бесѣдуя съ нимъ однажды о масонахъ, признался ему, что его нынѣшнею зимою приглашали вступить въ масонское общество. Изъ посѣтителей Знаменскаго, особенное вниманіе Погодина обратилъ на себя князь Петръ Андреевичъ Вязем-

скій, который, вмѣстѣ съ княгинею Вѣрою Ѳедоровною, пріѣзжалъ сюда изъ своего Остафьева въ день именинъ княжны Аграфены Трубецкой, 23 іюня 1822 года. „Смотрѣлъ на Вяземскаго и Вяземскую“, отмѣтилъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*: „опухъ, не пьетъ ли онъ?“ [332]). Это была первая встрѣча его съ княземъ Вяземскимъ, къ которому онъ впослѣдствіи, сблизившись, до конца своей жизни, питалъ самыя горячія чувства. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этой встрѣчи, на полувѣковомъ юбилеѣ Князя, Погодинъ провозгласилъ: „Да здравствуетъ заслуженный академикъ, знаменитый писатель, благородный гражданинъ, да здравствуетъ добрый человѣкъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій!“ [333]).

Въ Знаменскомъ же Погодинъ познакомился съ И. В. Чертковымъ, который сообщилъ ему, что у него была богатая библіотека рукописей, погибшая въ 1812 году. Въ это время въ Знаменскомъ праздновали свадьбу княжны Волконской. Погодинъ, провожая ее къ вѣнцу пожелалъ ей счастія и присутствовалъ на свадебномъ обѣдѣ, на которомъ много пили шампанскаго, и оно ему „опротивѣло“. Весьма неосторожно ему вздумалось, тотчасъ послѣ обѣда, вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ по пансіону, молодымъ графомъ Толстымъ, покататься на лодкѣ, и онъ едва не упалъ въ воду [334]).

Но нѣжныя чувства Погодинъ продолжалъ питать къ княгинѣ Голицыной и къ княжнѣ Аграфенѣ Трубецкой, особенно къ первой. Однажды онъ увидѣлъ княгиню Голицыну, сидящую около окошка и горько плачущую. „Такъ жаль, и такъ сладко мнѣ было смотрѣть на нее“, отмѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „я Богъ знаетъ, чѣмъ бы радъ пожертвовать за то, чтобы быть на мѣстѣ Сеймонда, который сидѣлъ возлѣ нея“ [335]). Погодинъ допытывался теперь о томъ, гдѣ и когда, онъ въ первый разъ ее увидѣлъ? Наконецъ доискивается: „это было въ заутрени на Свѣтлое Воскресенье въ 1819 году, въ церкви Введенія, на Лубянкѣ“. „Я“ пишетъ онъ, „не зналъ тогда еще никого изъ Трубецкихъ. Она была въ сѣромъ

платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ, стояла у образа Введенія, прислонясь къ правому углу, и съ перваго взгляда я принялъ въ ней большое участіе, хотя не могу сказать, чтобъ она тогда сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе. Увидя ее у Трубецкихъ, я не въ первый разъ вспомнилъ, что видѣлъ ее" [336]). Прогулки съ Знаменскимъ обществомъ Погодинъ считалъ для себя весьма полезными тѣмъ, что они *образуютъ обхожденіе.* „Вечеръ прекрасный", писалъ онъ, „небо ясное, вѣтра нѣтъ, мѣсяцъ величественно катится по небу; по одну сторону меня, веселая княжна Аграфена Ивановна, по другую, унылая княгиня Александра Николаевна" [337]). Посѣтивъ однажды комнату княжны Аграфены Трубецкой, Погодинъ замѣчаетъ: „Очень пріятно. Мысль о цѣломудріи разливаетъ благовоніе въ воздухѣ". На банальный комплиментъ его: „Вы очень милы сударыня", Княжна иронически отвѣтила: „Не отъ того ли, что мѣтила нынѣ чулки. Если хотите, я завтра стану шить рубашку, и буду еще милѣе". Но этотъ отвѣтъ чрезвычайно понравился Погодину. „Въ самомъ дѣлѣ", замѣчаетъ онъ по этому поводу, „въ ея голосѣ, движеніяхъ есть что-то отмѣнно привлекательное" [338]). Однажды, во время катанья на лодкѣ, княжна Трубецкая и княгиня Голицына, спрашивали его, скоро ли онъ женится? „Одна", пишетъ онъ, „обѣщалась быть у меня посаженою матерью, другая кумою. Княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ очень хочется видѣть меня *влюбленнымъ*" [339]). По поводу отъѣзда изъ Знаменскаго княгини Голицыной, Погодинъ сознается. „Я сильно привязанъ къ ней. Клянусь, теперь едва ли кто въ Знаменскомъ любитъ ее больше моего".

Среди этихъ восхитительныхъ прогулокъ, разговоровъ, объясненій, явилась мысль издавать *Знаменскій Журналъ*, и подъ 19 іюня 1822 года, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „на меня возложено изданіе журнала и я, слѣдовательно, произведенъ въ историка Знаменскаго. Въ бумагахъ его сохранился подлинникъ этого журнала.

Заглавіе его слѣдующее.

Не для всѣхъ.

Знаменскій Журналъ.

Послѣ заглавія, слѣдуетъ объявленіе о подпискѣ.

Подписка принимается въ квартирѣ у Издателя, въ галлереѣ предъ бульваромъ. Всякій день, если только можно гулять не по шею въ водѣ, выходитъ номеръ. При нѣкоторыхъ приложатся рисунки, при другихъ ноты. Тѣ и другіе будутъ изготовлены лучшими артистами Знаменскими.

Издатель ласкаетъ себя надеждою, что *Не всѣ* удостоятъ его своимъ вниманіемъ.

Посвящается

добрымъ

Людямъ Знаменскимъ.

Чтобы познакомить нашихъ читателей съ духомъ и направленіемъ сего журнала, мы предлагаемъ имъ прочитать 1-й его нумеръ, предисловіе къ которому написано самимъ Погодинымъ.

Ахъ, не все намъ рѣки слезныя
Лить о бѣдствіяхъ существенныхъ,
На минуту позабудемся.

Карамзинъ.

№ 1-й.

Отъ издателя.

Всѣ журналисты, отъ перваго до послѣдняго, начинаютъ обыкновенно говорить съ себя. Кому неизвѣстно авторское самолюбіе; для чего же мнѣ измѣнить моей братіи, для чего мнѣ быть исключеніемъ. Мои читатели не разсердятся, если я разскажу имъ на первый случай, какимъ образомъ предпринялъ я сіе изданіе, какія причины побудили меня къ тому, и какой сонъ видѣлъ я въ это время. Пусть это будетъ вступленіе въ мое изданіе.

Живя въ Знаменскомъ, видя предъ собою безпрестанно множество характеровъ оригинальныхъ, ихъ соединенія, раздѣленія, обороты, уловки, сношенія, бывая свидѣтелемъ прекрасныхъ сценъ, кои могутъ служить предметомъ и для стихотворцевъ, и для живописцевъ, слыша множество прекрасныхъ, занимательныхъ разговоровъ, острыхъ словъ, и сожалѣя, что все это погибнетъ въ безднѣ всепоглощающаго времени, я рѣшился сдѣлаться историкомъ Знаменскаго, и сохранить для потомства память о подвигахъ его обитателей. Обширность предмета долго останавливала меня, я вникалъ въ себя, и спрашивалъ, имѣю ли я нужныя для этого способности; видѣлъ свою ничтожность; но—смѣлость города беретъ, подумалъ я: во что бы то ни стало примусь за дѣло и буду утѣшать себя мыслію, что если я сдѣлаю меньше, чѣмъ можно, я сдѣлаю, по крайней мѣрѣ, больше, чѣмъ ничего. Можетъ быть, послѣ меня какой-нибудь помазанникъ музъ прельстится моимъ предметомъ, пойдетъ по дорогѣ, мною проложенной, и удовлетворитъ вполнѣ всѣмъ требованіямъ критиковъ... Эти мысли занимали меня въ вечеру 17 іюня. Я легъ спать съ ними; долго не могъ заснуть... Наконецъ, Морфей посыпалъ на меня Знаменскимъ макомъ, я уснулъ, и вотъ что мнѣ представилось. Начинается утро, я встаю, и исполненный вчерашними предметами, сажусь за столъ, приготовляю все нужное для журналиста, обкладываюсь лексиконами, книгами для справокъ, для пріисканія эпиграфовъ, и т. д.; очиниваю сотни перьевъ, кладу стопу бумаги, ставлю двѣ банки чернилъ, песочницу, два графина воды, откашливаюсь, макаю перо, и крупными буквами вывожу *Знам*... Вдругъ потрясается все мое зданіе, громъ гремитъ надъ моею головою, потолокъ раскрывается, и нѣкій юноша, цвѣтущій какъ вѣчная радость, въ бѣломъ одѣяніи, въ сонмѣ младенцевъ, прекрасныхъ какъ майскія розы, низлетаетъ ко мнѣ на свѣтломъ облакѣ. То былъ геній Знаменскаго. Я обомлѣлъ. — Дерзкій! Что ты дѣлаешь? Я, я... я... и не могъ выговорить ни слова.—Что ты дѣлаешь? Я... я хочу быть историкомъ Знаменскаго.—Знаменскаго? Ты?

Историкомъ? Ты, дерзкій, кто ты таковъ? Я... Русскій учитель.—Мошка! тебѣ позволяютъ смотрѣть на солнце, ты хочешь говорить о немъ, судить о немъ! Опомнись, безразсудный! Лары и Пенаты смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, на лицѣ генія видно было негодованіе. Я въ замѣшательствѣ пролилъ чернила; перо выпало изъ рукъ моихъ, глаза потупились въ землю; я самъ, кажется, стыдился своей дерзости, и ожидалъ приговора. Мое смиреніе понравилось, видно, генію; Лары и Пенаты улыбались. Какъ пришло тебѣ, Пигмею, въ голову такое гигантское предпріятіе?—сказалъ онъ мнѣ нѣсколько тише. Я ободрился, и возвысивъ голосъ, отвѣчалъ ему: Геній, я хотѣлъ сохранить для потомства...—Но какъ могъ ты подумать, что можешь представить такіе разнообразные характеры. Здѣсь всякую секунду или картина, или чувство, или мысль, или слово. Можешь ли ты представить тысячную долю той любезности, того привѣтливаго обращенія, той оборотливости, той натуральной веселости, той ангельской услужливости, какою блистаетъ княжна Аграфена Ивановна Трубецкая? Можешь ли ты представить ту доброту, ту невинность, то простосердечіе, ту страстность, которая начертана на лицѣ и во взорахъ Софьи Ивановны Всеволжской. Можешь ли сдѣлать хотя очеркъ той живости въ чувствованіяхъ, той живости въ мысляхъ, той живости въ выраженіяхъ, той силы воли, той способности ко всему великому и возвышенному, которою отличается княгиня Александра Николаевна Голицына. Можешь ли представить ту обдуманность, ту осторожность, ту разборчивость, ту оборотливость, какую видишь ты въ Настасьѣ Павловнѣ Новосильцовой? Можешь ли описать эту преданность волѣ другихъ, эту терпѣливость, это милое простодушіе, которое украшаетъ Аграфену Прокофьевну Измайлову? Можешь ли представить это остроуміе, эту свѣтскую любезность, соединенную съ какою-то крѣпостію, эту натуральность, которую имѣетъ Петръ Петровичъ Новосильцовъ; это спокойствіе, это благоразуміе, эту ревность къ пользѣ отечества, которыя отличаютъ Александра Всеволодовича Все-

волжскаго? Можешь ли изобразить эту ловкость, эту рѣзвость, эту остроту, которыя показываются въ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой? Можешь ли представить это возникающее мужество, эту стойкость, которыя замѣтны въ князѣ Николаѣ Ивановичѣ Трубецкомъ? Можешь ли ты?..... Гулять, гулять, гулять, сюда, собирайтесь, сюда гулять! вдругъ раздался подъ окошкомъ голосъ княжны Аграфены Ивановны. Негодованіе, пылавшее на лицѣ моего генія, исчезло въ минуту; онъ улыбается, и самъ подходитъ къ окошку, бросивъ на меня взоръ сострадательный, который, казалось, говорилъ мнѣ: марай бумагу бѣднякъ, можетъ быть тебѣ и удастся. Сюда, сюда, гулять, гулять! раздалось снова. Я не вытерпѣлъ больше. Толпа уже собиралась предъ моими глазами. Я позабылъ и генія, и пользуясь его положеніемъ, скользнулъ въ дверь, и на дворъ — и проснулся.

Въ самомъ дѣлѣ, собирались гулять. Я отправился, и вотъ описаніе прогулки. Прогуливающіеся были: княжна Аграфена Ивановна, княгиня Александра Николаевна, Аграфена Прокофьевна, г. Сеймондъ, г. Геништa, и я замѣтилъ, что здѣсь была еще молодая княжна Александра Ивановна, которая съ честію обѣщаетъ нѣкогда заступить мѣсто княжны Аграфены Ивановны въ Знаменскомъ. Что можно сказать болѣе въ похвалу ея. Послѣ нѣкоторыхъ изъясненій о погодѣ, споровъ куда идти, какъ идти, рѣшились пробраться на Кривой мостъ, и раздѣлились на группы. Я былъ сперва съ княжной Александрой Ивановной и Аграфеной Прокофьевной. Смѣялись надъ тѣмъ, что я, хотѣвъ видѣть восхожденіе солнца, проспалъ. Послѣ отдѣлилась къ намъ княгиня Александра Николаевна. Говорили о Французскомъ романѣ *le Solitaire*; княгиня Александра Николаевна хвалила слогъ его, занимательность содержанія. Я утверждалъ противное... Геништa соглашался со мною. Разговоръ перешелъ къ Руссо, къ его твореніямъ, и сдѣлался всеобщимъ. Начали говорить о романахъ. Разлился проклятый Французскій языкъ, при каждомъ звукѣ котораго у насъ на Святой Руси, у меня волосъ дыбомъ ста-

новится. У меня высыпались было слова два три, но они были увлечены стремительнымъ его потокомъ. Ихъ не слыхали. Дѣйствительно, говоря по-французски, трудно пріучить мозгъ нашъ къ Русскимъ впечатлѣніямъ. Я замолчалъ. Вотъ мысли разговаривающихъ: княгиня Александра Николаевна утверждала, вмѣстѣ съ Геништою, что читая всякую хорошую нравственную книгу, въ которой дѣйствуетъ умъ, а не воображеніе, входишь въ себя, исправляешься, дѣлаешься лучшимъ. Княжна Аграфена Ивановна утверждала. что такое исправленіе ненадежно, что не книга, а свѣтъ научаетъ всему. Неправда, сударыня. Хорошія впечатлѣнія остаются въ насъ навсегда, и послѣ примѣняются только къ обстоятельствамъ. Кто привыкъ носиться въ идеалѣ добродѣтели, невѣроятно, чтобы тотъ не исполнялъ ее въ своей жизни, по крайней мѣрѣ, больше, нежели сколько это было бы тогда, когда бы онъ не любилъ ее видѣть въ книгахъ. За этимъ справедливымъ предложеніемъ княгини Александры Николаевны, послѣдовалъ ея же пустой парадоксъ, поддержанный Геништою, что не дѣльное чтеніе романа можетъ испортить дѣйствіе нравственныхъ книгъ. Княжна Аграфена Ивановна вооружилась противъ сего и съ честію. Если романъ изглаживаетъ хорошія впечатлѣнія, слѣдовательно, эти впечатлѣнія не сильны. Чистый силлогизмъ!“

Знаменскій Журналъ издавался съ 18 іюня по 26 августа 1822 года. Всѣхъ нумеровъ было выдано двадцать пять. Журналъ этотъ можетъ служить свидѣтельствомъ того возвышеннаго направленія Знаменскаго общества, въ которомъ имѣлъ счастіе вращаться Погодинъ съ юныхъ лѣтъ своихъ.

День Происхожденія Древъ Честнаго Животворящаго Креста съ особенною торжественностію праздновался въ Знаменскомъ. „Былъ у обѣдни“, писалъ Погодинъ, „и ходилъ на воду. Священникъ, въ полномъ облаченіи, поетъ надъ водою, погружая Святый Крестъ: *Спаси, Господи, люди Твоя.* Эти люди стоятъ около и молятся этому Господу. Вдали прекрасный ландшафтъ: направо церковь, налѣво, на горѣ,

деревня. Виденъ вездѣ народъ. Прекрасно! Ходили съ крестами по двору. Какой піитическій обрядъ". За ужиномъ, княгиня Голицина спросила у Погодина: что значитъ нынѣшній праздникъ? И онъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и самъ сознается, что ему „стыдно было сказать предъ людьми не знаю" [340]). А между тѣмъ, учрежденіе этого праздника соединяется съ именемъ того Святаго Князя нашего, который впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ героевъ Погодина, которому онъ посвятилъ цѣлое сочиненіе. Праздникъ этотъ учрежденъ въ 1164 году, по поводу побѣдъ царя Греческаго Мануила надъ Срацынами, а нашего великаго князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго надъ Болгарами.

Этотъ пріѣздъ Погодина въ Знаменское, между прочимъ, ознаменованъ первою встрѣчею его съ Дмитріемъ Владиміровичемъ Веневитиновымъ, и вскорѣ послѣ того онъ завязалъ съ нимъ и братомъ его, Алексѣемъ Владиміровичемъ, крѣпкую дружбу. По дорогѣ изъ Москвы въ Знаменское, лежитъ село Черемушки. Въ этомъ селѣ проводило лѣто 1822 года семейство Веневитиновыхъ. Братья Веневитиновы въ раннемъ возрастѣ лишились отца, и своимъ воспитаніемъ всецѣло были обязаны своей матери Аннѣ Николаевнѣ. По свидѣтельству ея внука, нашего почтеннаго испытателя Русскихъ Древностей, Михаила Алексѣевича Веневитинова, Анна Николаевна (род. 1782 + 1841) была изъ роду князей Оболенскихъ. Отецъ ея былъ женатъ на Матренѣ Семеновнѣ Мусиной-Пушкиной, троюродной сестрѣ знаменитаго собирателя Русскихъ Древностей, графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, а родная тетка ея была замужемъ за Чичеринымъ, дочь котораго вышла за Льва Александровича Пушкина и приходилась родною бабкою Александру Сергѣевичу Пушкину. Черезъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ Анна Николаевна Веневитинова была въ родствѣ и съ Кошелевыми. „Въ ту эпоху", справедливо замѣчаетъ Веневитиновъ, „родство и свойство являлись главными основаніями для взаимныхъ связей, знакомства и дружбы и служили непослѣднимъ подспорьемъ для свѣтскихъ и

служебныхъ успѣховъ“ [341]). Этимъ объясняются многія знакомства и нашего героя, которыя удалось ему снискать по дружбѣ его съ Веневитиновыми. Погодинъ познакомился съ ними чрезъ Геништу, который и въ этомъ семействѣ давалъ уроки музыки. Но первое знакомство не предвѣщало близкаго сближенія. 14 іюня 1822 года, онъ „ходилъ около деревни Черемушекъ“, читаемъ въ *Дневникѣ*, „въ коей давалъ уроки Геништa, и искалъ кургановъ. Лежалъ подъ деревомъ, прислушивался къ листьямъ, смотрѣлъ на небо. Какой цвѣтъ! Видѣлъ молодыхъ Веневитиновыхъ“. Въ другой разъ, возвращаясь изъ Москвы въ Знаменское, вмѣстѣ съ Геништою, они заѣхали въ Черемушки. Геништa остался тамъ давать уроки, а Погодинъ отправился пѣшкомъ въ Котлы, гдѣ разсматривалъ церковь, бесѣдовалъ съ священникомъ, и узнанное отъ него сообщилъ въ письмѣ Калайдовичу. Послѣ этого археологическаго путешествія, онъ былъ приглашенъ обѣдать къ Веневитиновымъ. „Мнѣ“, пишетъ Погодинъ, „очень не хотѣлось этого, скорѣе бы въ Знаменское; но дѣлать нечего. Послѣ обѣда ловили рыбу.—Я узналъ, что я не люблю ловить рыбу. Это то же, что стрѣлять птицъ. Деревья и цвѣты очень хорошіе. Наконецъ, пріѣхалъ, въ 8 часовъ, въ резиденцію“ [342]).

Въ августѣ 1822 года, Всеволожскіе отправились на Нижегородскую ярмарку, но во Владимірѣ занемогла С. И. Всеволожская, и они принуждены были здѣсь остановиться. Какъ только вѣсть объ этомъ достигла Знаменскаго, тотчасъ же всѣ собрались, и 30 августа поѣхали во Владиміръ, навѣстить больную. Погодинъ остался одинъ. Воспользуясь его уединеніемъ, бросимъ взглядъ на занятіе и чтеніе Погодина, во время четырехъ мѣсячнаго пребыванія въ Знаменскомъ. Мы можемъ сказать, что онъ, несмотря на свои романтическія похожденія, здѣсь много занимался и много читалъ. Онъ переводилъ Шатобріана, дѣлалъ комментаріи на оды Горація. Читая сочиненія г-жи Сталь, онъ замѣтилъ, что ни одна книга не возбуждала въ немъ такой охоты къ занятіямъ,

деревня. Виденъ вездѣ народъ. Прекрасно! Ходили съ крестами по двору. Какой піитическій обрядъ". За ужиномъ, княгиня Голицина спросила у Погодина: что значитъ нынѣшній праздникъ? И онъ не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ, и самъ сознается, что ему „стыдно было сказать предъ людьми не знаю" [340]). А между тѣмъ, учрежденіе этого праздника соединяется съ именемъ того Святаго Князя нашего, который впослѣдствіи сдѣлался однимъ изъ героевъ Погодина, которому онъ посвятилъ цѣлое сочиненіе. Праздникъ этотъ учрежденъ въ 1164 году, по поводу побѣдъ царя Греческаго Мануила надъ Срацынами, а нашего великаго князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго надъ Болгарами.

Этотъ пріѣздъ Погодина въ Знаменское, между прочимъ, ознаменованъ первою встрѣчею его съ Дмитріемъ Владиміровичемъ Веневитиновымъ, и вскорѣ послѣ того онъ завязалъ съ нимъ и братомъ его, Алексѣемъ Владиміровичемъ, крѣпкую дружбу. По дорогѣ изъ Москвы въ Знаменское, лежитъ село Черемушки. Въ этомъ селѣ проводило лѣто 1822 года семейство Веневитиновыхъ. Братья Веневитиновы въ раннемъ возрастѣ лишились отца, и своимъ воспитаніемъ всецѣло были обязаны своей матери Аннѣ Николаевнѣ. По свидѣтельству ея внука, нашего почтеннаго испытателя Русскихъ Древностей, Михаила Алексѣевича Веневитинова, Анна Николаевна (род. 1782 + 1841) была изъ роду князей Оболенскихъ. Отецъ ея былъ женатъ на Матренѣ Семеновнѣ Мусиной-Пушкиной, троюродной сестрѣ знаменитаго собирателя Русскихъ Древностей графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина, а родная тетка ея была замужемъ за Чичеринымъ, дочь котораго вышла за Льва Александровича Пушкина и приходилась родною бабкою Александру Сергѣевичу Пушкину. Черезъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ Анна Николаевна Веневитинова была въ родствѣ и съ Кошелевыми. „Въ ту эпоху", справедливо замѣчаетъ Веневитиновъ, „родство и свойство являлись главными основаніями для взаимныхъ связей, знакомства и дружбы и служили непослѣднимъ подспорьемъ для свѣтскихъ и

стыдно". Предъ своимъ отъѣздомъ въ Знаменское, Погодинъ посѣтилъ И. И. Давыдова, и встрѣтя у него Каченовскаго, спросилъ его: „Можно ли сдѣлать замѣчанія на эти Таблицы? „Непремѣнно надобно", отвѣтилъ Каченовскій.

Въ Знаменскомъ Погодинъ и написалъ свои *Замѣчанія*. Окончивъ трудъ, онъ повезъ его въ Москву, къ И. И. Давыдову, съ просьбою передать Каченовскому. Но при этомъ, убоявшись, чтобы *Замѣчанія* его не показались „глупыми", просилъ Давыдова сказать Каченовскому, чтобы Михаилъ Трофимовичъ „не подписывалъ подъ ними его имени"; но Каченовскій на это послѣднее условіе не согласился, представляя въ резонъ то обстоятельство, что издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, князь Шаликовъ, „почитая Каченовскаго сочинителемъ статей противъ него, и такъ сдѣлался уже его врагомъ". Въ іюльской же книжкѣ *Вѣстника Европы* появилась статья Погодина, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя Замѣчанія на Таблицы Россійской Исторіи, Филистри*. Въ этой статьѣ критикъ, вооружается противъ мнѣнія автора, „что Славяне суть потомки Мидянъ"; что авторъ выдаетъ „съ благородною смѣлостью" за достовѣрное то, „о чемъ наши историки только догадываются"; что авторъ „маловажныя обстоятельства ставитъ наряду съ событіями, имѣвшими вліяніе на судьбу государства; что храмы древнихъ Славянъ представлены такъ, что, кажется, не обезобразили бы самыхъ Аѳинъ въ цвѣтущій вѣкъ архитектуры Греческой. Критикъ вооружается также противъ изображенныхъ въ таблицахъ бюстовъ Рюрика, Владиміра, Іоанна, и при этомъ замѣчаетъ: „Въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ для дѣтей, кажется, надлежало бы избѣгать всего, что можетъ ввести ихъ въ заблужденіе" [344]). Статья эта произвела въ Знаменскомъ нѣкоторое впечатлѣніе. Когда она появилась въ *Вѣстникѣ Европы*, то А. В. Всеволожскій читалъ ее вслухъ своей женѣ и княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ. Статья снискала похвалы, что было Погодину „очень пріятно"; но было ему непріятно то, что Каченовскій

какъ сочиненіе этой писательницы *о Германіи*. Со слезами читалъ о Суворовѣ, который былъ для него идеаломъ воина. Изучая басни Дмитріева, онъ пришелъ къ заключенію: „нѣтъ, это не Крыловъ. Слогъ чистый, благородный, и только. Нѣтъ живости разсказа, остроты, простоты“ [343]). Размышлялъ о Гердерѣ и Кантѣ и о тѣхъ „благодѣяніяхъ, которыя они принесли роду человѣческому“. Въ Знаменскомъ же Погодинъ написалъ свои замѣчанія на Филистри.

Еще въ 1822 году, Филистри выпустилъ въ свѣтъ второе изданіе своихъ таблицъ Россійской Исторіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Историческое Зерцало или Таблица Россійской Исторіи, раздѣленная на четыре періода, украшенная національными памятниками и представляющая современныя событія Всемірной Исторіи; посвященная, по испрошенному на то Высочайшему дозволенію, Ея Величеству, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ*. Авторъ этого *Историческаго зерцала*, К. Филистри, раздѣлилъ свой трудъ на четыре таблицы: I. Россія до введенія Христіанской вѣры. II. Россія, управляемая Великими Князьями. III. Россія подъ правленіемъ Царей, и IV. Россія подъ правленіемъ Императоровъ. При каждой таблицѣ, авторъ сдѣлалъ слѣдующее общее замѣчаніе. „Второе изданіе таблицъ Россійской Исторіи, исправленное и умноженное К. Филистри. Первое изданіе (1818) удостоилось лестнаго одобренія Императорской Россійской Академіи“. Цензорская помѣтка этого втораго изданія сдѣлана въ С.-Петербургѣ, 17 августа 1820 г. Познакомившись съ этими таблицами и прочитавъ о нихъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* „великолѣпное объявленіе“, написанное „однимъ панегиристомъ“, Погодинъ рѣшился написать о нихъ свои критическія замѣчанія, съ тою цѣлію, чтобы предостеречь „несвѣдущихъ людей“, которые, прочитавъ о нихъ „великолѣпное объявленіе“, сочтя оное за справедливую похвалу, вздумаютъ руководствоваться сими таблицами, особливо при воспитаніи дѣтей, и тѣмъ самымъ приведутъ ихъ въ заблужденіе и распространятъ такія мнѣнія, о „коихъ нынѣ всякому, едва знакомому съ Исторіею, даже слушать

стыдно". Предъ своимъ отъѣздомъ въ Знаменское, Погодинъ посѣтилъ И. И. Давыдова, и встрѣтя у него Каченовскаго, спросилъ его: „Можно ли сдѣлать замѣчанія на эти Таблицы? „Непремѣнно надобно", отвѣтилъ Каченовскій.

Въ Знаменскомъ Погодинъ и написалъ свои *Замѣчанія*. Окончивъ трудъ, онъ повезъ его въ Москву, къ И. И. Давыдову, съ просьбою передать Каченовскому. Но при этомъ, убоявшись, чтобы *Замѣчанія* его не показались „глупыми", просилъ Давыдова сказать Каченовскому, чтобы Михаилъ Трофимовичъ „не подписывалъ подъ ними его имени"; но Каченовскій на это послѣднее условіе не согласился, представляя въ резонъ то обстоятельство, что издатель *Московскихъ Вѣдомостей*, князь Шаликовъ, „почитая Каченовскаго сочинителемъ статей противъ него, и такъ сдѣлался уже его врагомъ". Въ іюльской же книжкѣ *Вѣстника Европы* появилась статья Погодина, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Нѣкоторыя Замѣчанія на Таблицы Россійской Исторіи, Филистри*. Въ этой статьѣ критикъ, вооружается противъ мнѣнія автора, „что Славяне суть потомки Мидянъ"; что авторъ выдаетъ „съ благородною смѣлостью" за достовѣрное то, „о чемъ наши историки только догадываются"; что авторъ „маловажныя обстоятельства ставитъ наряду съ событіями, имѣвшими вліяніе на судьбу государства; что храмы древнихъ Славянъ представлены такъ, что, кажется, не обезобразили бы самыхъ Аѳинъ въ цвѣтущій вѣкъ архитектуры Греческой. Критикъ вооружается также противъ изображенныхъ въ таблицахъ бюстовъ Рюрика, Владиміра, Іоанна, и при этомъ замѣчаетъ: „Въ сочиненіяхъ, издаваемыхъ для дѣтей, кажется, надлежало бы избѣгать всего, что можетъ ввести ихъ въ заблужденіе" [344]). Статья эта произвела въ Знаменскомъ нѣкоторое впечатлѣніе. Когда она появилась въ *Вѣстникѣ Европы*, то А. В. Всеволожскій читалъ ее вслухъ своей женѣ и княжнѣ Аграфенѣ Ивановнѣ. Статья снискала похвалы, что было Погодину „очень пріятно"; но было ему непріятно то, что Каченовскій

въ его статьѣ „перемѣнилъ“ кое-что, мѣстахъ въ трехъ, по сознанію Погодина, „очень глупо“.

Когда Погодинъ остался одинъ въ Знаменскомъ, ему пришла мысль написать эпическую поэму *Моисей*. „Еслибы“, мечталъ онъ, „вдругъ осѣнило меня небесное вдохновеніе и я бухнулъ эпическую поэму *Моисей*, въ 24 пѣсняхъ, которая бы стала рядомъ съ *Мессіадою*, *Іерусалимомъ*. Вдругъ заговорили журналы. Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ ищутъ знакомства. А, дождались мы, сказали бы они. Въ чужихъ краяхъ зашумѣла бы молва о новой эпической поэмѣ. Академія, руками Карамзина, вручаетъ мнѣ золотую медаль. Я, тридцати лѣтъ, благодарю, называю Карамзина моимъ учителемъ. Между зрителями, княгиня Голицына. Далѣе, Петра Великаго“ [345]). Въ срединѣ сентября, Трубецкіе вернулись изъ Владиміра, и Погодинъ разспрашивалъ княжну Аграфену Трубецкую объ ихъ путешествіи, о Владимірскомъ архипастырѣ Парѳеніи. Наконецъ, приходилось разставаться съ Знаменскимъ.

„Теперь остается сказать“, пишетъ онъ, въ заключеніи *Знаменскаго Журнала*, Прости Знаменское! Простите прогулки, и издатель долженъ принести *Не Всѣмъ* искреннюю свою благодарность за то вниманіе, которымъ они удостоивали посильные труды его на пользу Знаменскаго общества. Главною цѣлію его, главнымъ желаніемъ было доставить *Не всѣмъ* хотя минутное удовольствіе, и если онъ не вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданію членовъ, то можетъ, покрайней мѣрѣ, сказать торжественно, что онъ желалъ оправдать ихъ довѣренность; но

On fait ce qu'on peut
Et non pas ce qu'on veut.

Можетъ быть, разстается онъ съ ними на долго, можетъ быть, никогда не будетъ уже принимать такого участія въ обществѣ, можетъ быть, и братія наша разсѣется; и теперь уже, окинувъ глазами наше собраніе, мы видимъ, что изъ *Не*

Всѣхъ уже убыло много. Напрасно взоры наши ищутъ княгиню Голицыну. Ея нѣтъ здѣсь! Повторимъ, братія, въ минуту разставанія, въ минуту торжественную, тѣ желанія, которыя такъ часто посылали мы къ ней: Да сохранитъ ее Богъ на пути ея, да развеселитъ ея сердце, да будетъ она опять украшеніемъ нашему обществу. Мы не видимъ также нашего добраго, привѣтливаго Геништу. Гдѣ онъ? Но для чего повторять мнѣ, что вы чувствуете. *Не всѣ*—не всѣ, но гдѣ бы они ни были, да сохранятъ они другъ къ другу тѣ чувства, которыя питаютъ теперь, да помнитъ каждый о братіи, а братія да помнитъ о каждомъ, да будутъ розно—вмѣстѣ, да не забудутъ и журналиста, да не уменьшатъ къ нему той благосклонности, которая составляла, по крайней мѣрѣ, настоящее его счастіе и доставитъ сладостное воспоминаніе впередъ, да будутъ увѣрены, что онъ былъ преданъ имъ всею душою, всѣмъ сердцемъ, любилъ ихъ и желалъ имъ всякаго блага. Братіе! Благодарность Богу за прошедшее настоящее и будущее! Взаимное воспоминаніе".

XXII.

По возвращеніи изъ Знаменскаго, Погодинъ цѣлыя двѣ недѣли кочевалъ по Москвѣ и не имѣлъ постояннаго жилища, такъ какъ жильцы его дома долго не очищали ему квартиры. Въ особенности досаждалъ ему одинъ изъ этихъ жильцовъ, нѣкто Тугариновъ. Это обстоятельство привело Погодина въ сношеніе съ квартальными, съ которыми онъ, впрочемъ, сошелся, и съ однимъ изъ нихъ даже бесѣдовалъ „о Карамзинѣ и о простотѣ его жизни". Кромѣ возни съ жильцами, онъ въ это время былъ также озабоченъ устройствомъ своего новаго жилища. „И я", писалъ онъ княгинѣ Голицыной, отъ 13 октября 1822 г., „по цѣлымъ днямъ обиталъ въ мірѣ купцовъ, мастеровыхъ, плотниковъ". Эта возня и эти хлопоты настроили мысли его на печальный ладъ: „думалъ съ тоскою о

своей жизни и цѣли ея. Куда дѣваться! Вездѣ и нигдѣ" [346]). Наконецъ, 12 октября 1822 года, Погодинъ поселился въ своемъ домикѣ, въ приходѣ Николы Кобыльскаго, близъ мостика. „Перебрался совершенно въ свое гнѣздо", писалъ онъ княгинѣ Голицыной, „и теперь могу сказать: щей горшокъ, да самъ большой. На новосельѣ онъ мечталъ попризаняться Математическою и Физическою Географіею, Латинскимъ языкомъ и Хронологіею. Но и здѣсь, переживаемый имъ періодъ „скитанія мыслей" его тяготилъ. „Очень стало грустно мнѣ", писалъ онъ, „и горько: что̀ я дѣлаю обстоятельнаго? Помолился Богу больше отъ сердца, нежели отъ разума".

Мы знаемъ, что Погодинъ уже представлялся А. Ѳ. Малиновскому и даже получилъ отъ него предложеніе давать уроки его дочери, но, тѣмъ не менѣе, въ это время Малиновскій имѣлъ еще довольно смутное понятіе о немъ, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая записка его къ Калайдовичу, отъ 21 октября 1822 года: „Пришлите мнѣ записку имени и отчества того кандидата, который учитъ у князя Трубецкого и котораго вы нынѣшнимъ лѣтомъ рекомендовали мнѣ и Канцлеру, для перевода Славянской Грамматики. Добавьте къ тому мѣсто его жительства". Черезъ недѣлю послѣ этой записки, Погодинъ является къ Малиновскому и между ними происходитъ слѣдующій разговоръ, по поводу предложенія давать уроки его дочери: „Почемъ берете"? спросилъ Малиновскій. По восьми! Отвѣтилъ Погодинъ. Почемъ возьмете съ меня? По семи! Помиримся на шести. Я пригожусь вамъ. Нечего дѣлать—согласился" [347]). Погодинъ не ошибся. Въ Малиновскомъ онъ нашелъ надежнаго себѣ покровителя, а разсказы его принадлежатъ также къ разряду *живыхъ источниковъ;* да и самъ Малиновскій былъ, такъ сказать, олицетворенный *русскій архивъ*. Вскорѣ послѣ того, онъ пригласилъ Погодина къ себѣ обѣдать. „Принялъ отмѣнно ласково", отмѣчаетъ послѣдній въ *Дневникѣ*, „Пріѣхалъ туда нашъ профессоръ Василевскій, еще кто-то. Я провелъ часа четыре, слушая прекрасные разговоры. Малиновскій говоритъ вѣско и хорошо по-русски.

Василевскій также складно говорилъ о театрѣ въ Италіи, о способности Русскихъ говорить на разныхъ языкахъ, объ уваженіи отечественнаго языка у другихъ народовъ, о житьѣ въ чужихъ краяхъ, объ уголовныхъ законахъ, о В. Ѳ. Тимковскомъ. Говорили также о Бенжамэнъ-Констанѣ. Василевскій сказалъ, что онъ въ простомъ обществѣ человѣкъ слишкомъ обыкновенный. Прекрасно разсказывали анекдоты. Напримѣръ: въ одной деревнѣ былъ приписной крестьянинъ. Дошло какъ-то до свѣдѣнія правительства; мужики испугались. Приписной самъ представилъ себя въ жертву, для выручки всѣхъ изъ бѣды. Его убили. Государь прослезился и велѣлъ дѣтей убитаго освободить отъ всѣхъ повинностей, а Сенату— выговоръ за буквальное толкованіе закона.—П. Д. Еропкинъ, въ день, назначенный для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, ходилъ къ обѣднѣ, молился. Онъ не могъ безъ слезъ вспоминать объ одномъ наказанномъ, который сильно подозрѣваемъ былъ въ смертоубійствѣ, признался по страху и былъ сосланъ". Подобные разговоры, справедливо замѣчаетъ Погодинъ, „стоятъ урока" [348]). Такъ завязались у него добрыя отношенія съ А. Ѳ. Малиновскимъ, игравшимъ видную роль въ Московскомъ обществѣ.

Извѣстный своею ученостью и библіофильскою страстью, графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, съ 1817 года проживалъ безвыѣздно во Флоренціи. Между тѣмъ, сынъ его подросталъ, и онъ былъ озабоченъ пріисканіемъ ему Русскаго учителя изъ Москвы. Жребій палъ на Погодина и ему, въ концѣ 1822 года, предложили ѣхать на два года въ Италію, для занятія Русскимъ языкомъ съ семнадцатилѣтнимъ графомъ Бутурлинымъ. Погодинъ запросилъ, кромѣ путевыхъ издержекъ, по пяти тысячъ въ годъ. Въ ожиданіи отвѣта, онъ отправился за совѣтомъ къ И. И. Давыдову, который сказалъ ему, что „мало потребовалъ"; а когда Погодинъ замѣтилъ, что хочется поучиться въ Италіи, то И. И. Давыдовъ отвѣтилъ: „Учиться можно вездѣ. Все, что ни есть тамъ лучшаго, есть у насъ въ книжныхъ лавкахъ, но быть

окруженному новыми лицами, новыми предметами — вотъ что полезно“ [349]). Повидимому, Погодинъ съ удовольствіемъ готовъ былъ ѣхать, а между тѣмъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до этого предложенія, вотъ что онъ писалъ въ *Дневникъ*: „Мнѣ кажется, если бы мнѣ предложены были неистощимые милліоны, въ самомъ прелестнѣйшемъ мѣстѣ на земномъ шарѣ; еслибы даны были всѣ способы для житья умомъ и сердцемъ; если бы я всякій день говорилъ и съ Гете, и съ Шатобріаномъ, и съ Шеллингомъ, и съ Байрономъ, и тогда я не согласился бы оставить свое отечество навсегда“ [350]). Правда, эти строки были написаны имъ въ Знаменскомъ. Извѣщая о предложеніи ѣхать въ Италію княгиню Голицыну, Погодинъ писалъ, между прочимъ: „а во Флоренціи есть чему поучиться. Впрочемъ, хорошо мнѣ и здѣсь. Очень пріятно жить въ своемъ углу“. Въ ожиданіи рѣшенія на предложенныя имъ условія ѣхать въ Италію, онъ впалъ въ уныніе. „Грусть и горечь“, писалъ онъ, „отъ неизвѣстности занятій. Кажется, въ Италіи было бы лучше, не было бы разсѣянія, зналъ бы одно дѣло, имъ бы и занимался. Здѣсь то туда, то сюда; то знакомые, то голова кругомъ идетъ. Впрочемъ, это не оправданіе, лѣнь, не могу возвыситься надъ этимъ, и въ свободное время не работаю постоянно. Горечь. Помолился Богу“ [351]). Это томительное состояніе длилось очень долго. Предложеніе Погодину шло чрезъ графиню Екатерину Артемьевну Воронцову (род. 1780, † 1836), сестра которой, графиня Анна Артемьевна, была замужемъ за графомъ Д. П. Бутурлинымъ. Наконецъ, уже въ мартѣ 1823 года, графиня Воронцова требуетъ къ себѣ Погодина; тотъ отправляется къ ней „съ надеждою ѣхать въ Италію“, но „увы! Отказъ. Дорого! [352]).

Еще до личнаго знакомства съ Пушкинымъ, Погодинъ зорко слѣдилъ за его произведеніями и своими первыми впечатлѣніями дѣлился съ Тютчевымъ. Уже въ 1820 году, онъ записалъ въ *Дневникъ*: „Говорилъ съ Тютчевымъ о молодомъ Пушкинѣ, объ одѣ его *Вольность*, о свободномъ, благородномъ духѣ, появляющемся у насъ съ нѣкотораго времени, о глупыхъ

профессорахъ нашихъ. Восхищался нѣкоторыми описаніями въ Пушкинскомъ *Русланѣ*; въ цѣломъ же такія несообразности, нелѣпости, что я не понимаю, какимъ образомъ онѣ могли придти ему въ голову" [353]). При выходѣ въ свѣтъ *Кавказскаго Плѣнника*, Погодинъ дерзнулъ выступить критикомъ этого произведенія Пушкина. Возвратившись изъ Знаменскаго въ Москву, онъ тотчасъ же отправился къ Тверскимъ воротамъ „за *Кавказскимъ Плѣнникомъ*", воображая себѣ удовольствіе, какое онъ ему доставитъ; но, къ его огорченію, книжная лавка была уже заперта. На другой день, онъ отправился туда же и дорогою, на обратномъ пути, „прочелъ половину". Перечитавъ еще разъ, и найдя эту поэму „превосходною", онъ принялся за разборъ ея. Когда окончилъ, отправился къ Кубареву прочесть свой разборъ, но „не прочлось". На другой день онъ отнесъ разборъ Каченовскому, который, между прочимъ, разговорился съ нимъ объ Исторіи. „Первому вѣку", пишетъ Погодинъ, „кажется, не вѣритъ вовсе. Какъ могъ дѣлать такіе походы Олегъ. Говорилъ объ изданіи лѣтописей. Карамзинъ себѣ на умѣ: потомъ, еслибы не было Шлецера, такъ, глядишь, опять попали бы на прежнюю дорогу. О Казарахъ, о Еверсѣ, о Добровскомъ. Оставилъ обѣдать у себя. Остеръ былъ за столомъ" [354]). Разборъ Погодина *Кавказскаго Плѣнника* былъ напечатанъ въ первомъ нумерѣ *Вѣстника Европы* 1823 года. Въ этомъ разборѣ, мы, между прочимъ, читаемъ: „Давно уже любители поэзіи не получали отъ нашихъ стихотворцевъ никакихъ подарковъ значительныхъ; съ 1815 года не много вышло такихъ произведеній, которыя бы съ честію заняли мѣста въ сокровищницѣ Русской Словесности. Новый атлетъ, Пушкинъ, кажется, хочетъ вознаградить сей недостатокъ: прошлаго года онъ далъ намъ *Руслана*; нынѣ получили мы отъ него *Кавказскаго Плѣнника*, и скажемъ смѣло, что эта повѣсть должна почесться прелестнымъ цвѣткомъ на Русскомъ Парнассѣ. — Молодой стихотворецъ быстро идетъ впередъ: первая поэма его, показавшая въ полной мѣрѣ, чего отъ него ожидать должно, не удовлетворила

во многихъ отношеніяхъ строгимъ требованіямъ знатоковъ; но въ *Кавказскомъ Плѣнникѣ*, вмѣстѣ съ юнымъ, крѣпкимъ, пылкимъ воображеніемъ, видно искусство и зрѣлый плодъ труда; соображеніе обширнѣе, планъ правильнѣе". Но Погодинъ вооружается противъ чувственности, которая иногда проявляется въ поэмѣ Пушкина, и замѣчаетъ: „слова, сказанныя плѣнникомъ о себѣ:

Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья...

или:

„Безъ упоенья, безъ желаній,
Я вяну жертвою страстей"...,

показываютъ, что плѣнникъ смотрѣлъ на любовь не съ благородной стороны. Можно ли выставлять такія чувства! Сіи стихи, скажемъ кстати, не напоминаютъ ли соблазнительности, коими наполнена первая поэма Пушкина. Пусть вспомнитъ онъ, что первымъ украшеніемъ Гомеровой Венеры почитается поясъ стыдливости. Неужели чувственности должна говорить Поэзія? Это ли святая цѣль ея?" Въ заключеніе своего разбора, Погодинъ пишетъ: „Порадуемся, что любезный Поэтъ нашъ обѣщается разсказать намъ повѣсть дальнихъ странъ, про нашего удалого Мстислава, обѣщается прославить битвы Русскихъ на вершинахъ Кавказскихъ. Пожелаемъ ему успѣшнаго исполненія этихъ обѣщаній" [355]). Въ это же время Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву (отъ 26 сентября 1822): „Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ: я не доволенъ только *любовнымъ похожденіемъ*. Талантъ дѣйствительно прекрасный: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ душѣ, а въ головѣ ни малѣйшаго благоразумія" [356]).

Въ это же время проживалъ въ Москвѣ и занимался литературой Денисъ Васильевичъ Давыдовъ, сказавшій самъ о себѣ: „Давыдовъ не нюхаетъ съ важностью табаку, не смыкаетъ бровей въ задумчивости: голосъ его тонокъ, рѣчь жива и огненна. Принадлежа старѣющему поколѣнію и лѣтами, и службою, онъ свѣжестью чувствъ, веселостью характера, по-

движностью тѣлесною и ратоборствомъ въ послѣднихъ войнахъ собратствуетъ, какъ однолѣтокъ, и текущему поколѣнію. Его благословилъ великій Суворовъ; но кочуя и сражаясь тридцать лѣтъ съ людьми посвятившими себя исключительно военному ремеслу, онъ въ тоже время занимаетъ не послѣднее мѣсто въ Словесности. Охваченный вѣкомъ Наполеона, изрыгавшимъ всесокрушительными событіями, какъ Везувій лавою, онъ пѣлъ въ пылу ихъ, объятый пламенемъ. Миръ и спокойствіе — и о Давыдовѣ нѣтъ слуха, его какъ бы нѣтъ на свѣтѣ; но повѣетъ войною — и онъ уже тутъ; торчитъ среди битвъ, какъ казачья пика. Снова миръ — и Давыдовъ опять въ степяхъ своихъ, опять гражданинъ, семьянинъ, пахарь, ловчій, стихотворецъ, поклонникъ красоты во всѣхъ ея отрасляхъ, — въ юной дѣвѣ ли, въ произведеніяхъ художествъ, въ подвигахъ ли военномъ или гражданскомъ, въ словесности ли, — вездѣ слуга ея, вездѣ рабъ ея, поэтъ ея, — вотъ Давыдовъ!“ [357]). Съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ Погодинъ имѣлъ счастіе познакомиться 16 октября 1822 года, въ домѣ Всеволожскихъ. „Огонь!“, писалъ Погодинъ, „съ какимъ жаромъ говорилъ о поэзіи, о Пушкинѣ, о Жуковскомъ. Въ молодости только, говорилъ онъ, можно писать стихи; надобна гроза, буря, надобно, чтобъ било нашу лодку... Теперь я въ пристани, на якорѣ. Теперь не до стиховъ. Какъ восхищался Байрономъ, разсказывалъ мѣста изъ него. Негодуетъ на Жуковскаго, зачѣмъ онъ только переводитъ. Пушкина заставилъ Раевскій дать такой характеръ *Плѣннику*. Онъ переводить ничего не можетъ. Прекрасно дразнитъ обезьяну. Пишетъ стихи за присѣстъ, однако, мараетъ много. Александрійскіе стихи — императорскіе. Говорилъ о своемъ дневникѣ, біографіи, и пр. Огонь, огонь!“ [358]) Давыдовъ до такой степени понравился Погодину, что онъ желалъ, чтобы его богиня княгиня Голицына, вышла за него за-мужъ, не зная, вѣроятно, того, что Давыдовъ, еще съ 1821 года, состоялъ въ законномъ бракѣ.

18 августа 1822 года, домашній докторъ Трубецкихъ,

Іустинъ Евдокимовичъ Зоуеръ, сообщилъ Погодину, что вышло Высочайшее повелѣніе о закрытіи масонскихъ ложъ, и при этомъ Зоуеръ сказалъ: „я знаю тайны ихъ, и, можетъ быть, только два человѣка изъ самихъ масоновъ знаютъ истинную цѣль свою". И дѣйствительно, отъ 1 августа 1822 года былъ выданъ Высочайшій указъ на имя Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея: *объ уничтоженіи Масонскихъ ложъ и всякихъ тайныхъ обществъ.*

Высочайшее повелѣніе гласитъ слѣдующее: „Безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ иныя, подъ наименованіемъ ложъ масонскихъ, *первоначально цѣль благотворенія* имѣвшихъ, другія, занимаясь сокровенно предметами политическими, впослѣдствіи обратились ко вреду спокойствія государствъ, и принудили въ нѣкоторыхъ сіи тайныя общества запретить.

Обращая всегда бдительное вниманіе, дабы твердая преграда была полагаема всему, что ко вреду государства послужить можетъ, и въ особенности въ такое время, когда, къ несчастію, отъ умствованій, нынѣ существующихъ, проистекаютъ столь печальныя въ другихъ краяхъ послѣдствія, я призналъ за благо въ отношеніи помянутыхъ обществъ предписать слѣдующее:

1) Всѣ тайныя общества, подъ какими бы наименованіями они ни существовали, какъ-то: масонскихъ ложъ, или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять.

2) Объявя о томъ всѣмъ членамъ сихъ обществъ, обязать ихъ подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, подъ какимъ бы благовиднымъ названіемъ они ни были предлагаемы, ни внутри Имперіи, ни внѣ ея составлять не будутъ.

3) Какъ несвойственно чиновникамъ, въ службѣ находящимся, обязывать себя какою-либо присягою, кромѣ той, которая законами опредѣлена, то поставить въ обязанность и

всѣмъ министерствамъ, и другимъ начальствамъ, въ обѣихъ столицахъ находящимся, потребовать отъ чиновниковъ, въ вѣдомствѣ ихъ служащихъ, чтобы они откровенно объявили, не принадлежатъ ли они къ какимъ-либо масонскимъ ложамъ или другимъ тайнымъ обществамъ въ Имперіи или внѣ оной, и къ какимъ именно?

4) Отъ принадлежащихъ къ онымъ взять особую подписку, что они впредь принадлежать уже къ нимъ не будутъ; если же кто таковаго обязательства дать не пожелаетъ, тотъ не долженъ остаться въ службѣ.

5) Поставить въ обязанность главноуправляющимъ въ губерніяхъ и гражданскимъ губернаторамъ строго наблюдать: во-первыхъ, чтобъ нигдѣ ни подъ какимъ предлогомъ не учреждалось никакихъ ложъ или тайныхъ обществъ, и, во-вторыхъ, чтобъ всѣ чиновники, кои къ должностямъ будутъ опредѣляемы, обязываемы были, на основаніи статей 3-й и 4-й, подписками, что они ни къ какимъ ложамъ или тайнымъ обществамъ не принадлежатъ и впредь принадлежать не будутъ" [359]). Хотя Погодинъ масономъ никогда не былъ, но имѣлъ съ ними нѣкое соприкосновеніе и даже получалъ приглашеніе вступить въ масонское общество: on a examiné ma manière de penser, сознается онъ. Другъ его, Н. А. Загряжскій, которому онъ, какъ мы уже видѣли, былъ столь обязанъ въ своемъ религіозномъ образованіи, былъ, кажется, не чуждъ масонства. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 16 октября 1822 г., мы находимъ слѣдующую запись: „Ходилъ извѣстить Головина о конференціи съ графинею Воронцовою. Знаете ли вы Загряжскаго?—Знаю.—О чемъ вы говаривали съ нимъ? — О чемъ случится. — Однако-жъ?—Молчу.—Напримѣръ, не говорилъ ли онъ о масонствѣ?—Иногда, въ обыкновенныхъ разговорахъ.—Не ссужалъ-ли васъ книгами? — Я бралъ у него масонскія... Если бы спросилъ меня теперь Загряжскій о масонствѣ, что отвѣчалъ бы я ему? Право, не знаю". Не менѣе любопытна и слѣдующая запись Погодина, подъ тѣмъ же числомъ: „Толковали

о храмѣ Христа Спасителя. Великолѣпнѣйшее будетъ зданіе. Не есть ли это мысль масоновъ, выраженная Витбергомъ". Но на смѣну масоновъ явились *шеллингисты*.

Начало Словесной службы Погодина совпадаетъ съ появленіемъ въ Москвѣ послѣдователей Шеллинга, смѣнившихъ послѣдователей Канта. Фридрихъ Вильгельмъ Іосифъ фонъ-Шеллингъ (род. 1775 † 1854), мыслитель первой величины, надѣленный творческимъ умомъ и пламенною фантазіею, философъ и ученый, физикъ и медикъ, литераторъ и дѣловой человѣкъ — другъ и единомышленникъ Фихте. Онъ испытывалъ природу, какъ она изливается въ своихъ явленіяхъ изъ обильнаго источника духовной дѣятельности. Шеллингъ стремился, въ созерцаніи міра, къ цѣлому, къ безусловному, коего откровеніе—вселенная. Объять вселенную дѣйствіемъ умственнаго созерцанія, не тѣсниться въ кругу ограниченнаго, мелочнаго *Я*, а познать все сущее, природу и духъ, въ общемъ ихъ началѣ,—вотъ и главная цѣль его, и блистательная заслуга [360]). Въ 1829 году, П. В. Кирѣевскій, будучи въ Мюнхенѣ, посѣтилъ Шеллинга, и въ письмѣ своемъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія какъ о личности, такъ и обстановкѣ знаменитаго Германскаго мыслителя: „Я сейчасъ возвратился отъ Шеллинга... Меня встрѣтила дѣвушка лѣтъ 19-ти, недурная собой, съ маленькой сестрою, лѣтъ десяти, и, когда я спросилъ, здѣсь ли живетъ der Herr geheime Hoffrath von Schelling, сказала маленькой: Sieh doch nach, ob der Papa zu Hause ist?.. Проситъ меня войти на минуту въ пріемную комнату, а самъ сейчасъ выйдетъ. Гостиная—маленькая комнатка, и не только имѣющая видъ простоты, но даже бѣдности... На голыхъ стѣнахъ, нѣсколько закопченыхъ, виситъ одинъ маленькій эстампъ, представляющій очерки какой-то фигуры, едва видной въ лучахъ свѣта, и вокругъ нея молящійся народъ... Наконецъ, отворилась дверь,—вошелъ Шеллингъ... Я увидалъ человѣка, по наружности, лѣтъ сорока, средняго роста, сѣдаго, нѣсколько блѣднаго, и Геркулеса, по крѣпости сложенія, съ лицомъ спокойнымъ и яснымъ. Глаза

его свѣтло-голубые, лицо кругловатое, лобъ крутой, носъ нѣсколько вздернутый къ верху, сократически, верхняя губа довольно длинная и нѣсколько выдавшаяся впередъ, но, не смотря на то, черты лица довольно стройныя, и лицо, хотя округлое, но сухое; вообще, онъ, кажется, весь составленъ изъ однѣхъ жилъ и костей. Опредѣлить выраженіе его лица всего труднѣе... И говорившій, что выраженіе лица на портретѣ Жанъ-Поля слишкомъ индивидуально, назвалъ бы выраженіе Шеллингова — абсолютнымъ. Только въ нижней части лица видна какая-то энергія, и легкій оттѣнокъ задумчивости въ глазахъ, когда онъ перестаетъ говорить. Но когда онъ, опустивъ на минуту глаза въ землю, вдругъ взглянетъ, какая-то молнія блеснетъ въ его глазахъ, обыкновенно совершенно спокойныхъ... Въ кабинетѣ его я ничего не могъ замѣтить, кромѣ кипы бумагъ на большомъ столѣ, и нѣсколько рядовъ книгъ на доскахъ, прибитыхъ къ стѣнѣ... Началъ разспрашивать о Москвѣ, Лодерѣ, съ которымъ былъ знакомъ... Говорилъ, что воображаетъ въ Москвѣ большое разнообразіе во всѣхъ отношеніяхъ, смѣшеніе азіатской роскоши и обычаевъ съ европейскимъ образованіемъ... Онъ говорилъ о трудностяхъ Русскаго языка для иностранцевъ, и какъ важно, между тѣмъ, его изученіе; хвалилъ его звучность, говорилъ, что очень много слышалъ о нашемъ Жуковскомъ, и что, по всѣмъ слухамъ, это долженъ быть человѣкъ отличный. Очень хвалилъ Тютчева: das ist ein sehr ausgezeichneter Mensch, сказалъ онъ, между прочимъ, ein sehr unterrichteter Mensch, mit dem man sich immer gern unterhält. Голосъ его довольно тихій и густой: онъ говоритъ не медленно и не скоро, а нѣсколько отрывисто. Разговоръ его такъ простъ, живъ и не размѣренъ, что невольно забываешь, что говоришь съ этимъ огромнымъ Шеллингомъ" [361]). „Счастливы государства", проповѣдывалъ Шеллингъ, „гдѣ люди, зрѣлые и богатые положительными знаніями, постоянно возвращаются къ Философіи, чтобы освѣжать и обновлять духъ свой и пребывать въ постоянной связи съ тѣми всеобщими началами, которыя дѣйствительно упра-

вляютъ міромъ и связуютъ какъ бы въ неразрывныхъ узахъ всѣ явленія природы и мысли человѣческой. Только отъ частаго обращенія души къ этимъ общимъ началамъ образуются мужи, въ полномъ смыслѣ слова способные всегда становиться передъ проломомъ и не пугаться никакого явленія, какъ бы грозно оно ни казалось, и вовсе не способные положить оружіе передъ мелочностью и невѣжествомъ даже тогда, когда, какъ нерѣдко бываетъ, многолѣтняя общественная вялость позволила крайне посредственнымъ людямъ возвыситься и крайне невѣжественнымъ сдѣлаться вожаками общества“ [362]).

Князь В. Ѳ. Одоевскій, въ своемъ сочиненіи *Русскія Ночи*, прекрасно изобразилъ значеніе Шеллинговой философіи. „Вы не можете себѣ представить“, говоритъ онъ, „какое дѣйствіе произвела въ свое время Шеллингова философія, какой толчокъ дала она людямъ, заснувшимъ подъ монотонный напѣвъ Локковыхъ рапсодій. Въ началѣ XIX вѣка Шеллингъ былъ тѣмъ же, чѣмъ Христофоръ Колумбъ въ XV: онъ открылъ человѣку неизвѣстную часть его міра, о которой существовали только какія-то баснословныя преданія—его душу. Какъ Христофоръ Колумбъ, онъ нашелъ не то, чего искалъ; какъ Христофоръ Колумбъ, онъ возбуждалъ надежды неисполнимыя, но, какъ Колумбъ, далъ новое направленіе дѣятельности человѣка! Всѣ бросились въ эту чудную, роскошную страну, кто ради науки, кто изъ любопытства, кто для поживы. Одни вынесли оттуда много сокровищъ, другіе лишь обезьянъ, да попугаевъ, *но многіе и потонули*“ [363]). Первымъ проводникомъ въ Россію философіи Шеллинга былъ Данило Михайловичъ Веланскій (1774 † 1847), одинъ изъ любимыхъ учениковъ Шеллинга и „славный“ въ свое время Петербургскій профессоръ Физіологіи. Вотъ что́ писалъ онъ къ князю В. Ѳ. Одоевскому, отъ 17 іюля 1824 года: „Почти за двадцать лѣтъ предъ симъ, т.-е. въ 1804 г., я первый возвѣстилъ Россійской публикѣ о новыхъ познаніяхъ естественнаго міра, основаныхъ на философическомъ понятіи, которое, хотя началось у Платона, но образовалось и созрѣло въ Шеллингѣ.

Таковыя познанія относилъ я единственно къ физическимъ предметамъ, не принаравливая оныхъ ни къ какимъ происшествіямъ въ области духа человѣческаго; однако же, нѣкоторые изъ нашихъ ученыхъ не могли ни понять, ни опровергнуть моихъ положней, старались представить оныя предосудительными въ моральномъ и религіозномъ смыслѣ. До мрачныхъ обстоятельствъ для просвѣщенія въ нашемъ Отечествѣ, я не страшился пустыхъ нареканій. Но съ того времени, какъ обскурантизмъ началъ управлять колесницею Русскаго Феба, ужаснулся я отъ тучъ, окружавшихъ оную, и остаюсь въ бездѣйствіи" [364]). Къ тому же Петербургъ не представлялъ и благодарной почвы для посѣва сѣмянъ Философіи, и Веланскій, по всѣмъ вѣроятіямъ, былъ тамъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Москвѣ. Почва Московская была вполнѣ благопріятна для сего посѣва и произрастила плоды, которыми украшалось и гордилось наше Отечество. Шеллингова философія была привезена въ Московскій Университетъ знаменитымъ профессоромъ, Михаиломъ Григорьевичемъ Павловымъ, и очаровала тогда всю учащуюся молодежь. И. И. Давыдовъ, бывшій тогда инспекторомъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, былъ проводникомъ ея въ старшихъ классахъ: онъ давалъ книги воспитанникамъ, толковалъ съ ними о новой системѣ, и имѣлъ сильное вліяніе на цѣлое поколѣніе. „Моя юность", писалъ впослѣдствіи одинъ изъ питомцевъ Пансіона, со страстію изучавшій Шеллинга, князь В. Ѳ. Одоевскій, „протекла въ ту эпоху, когда Метафизика была такою же общею атмосферою, какъ нынѣ Политическія науки. Мы вѣрили въ возможность такой абсолютной теоріи, посредствомъ которой возможно было бы построить всѣ явленія природы, точно такъ, какъ теперь вѣрятъ въ возможность такой соціальной жизни, которая бы вполнѣ удовлетворяла всѣмъ потребностямъ человѣка. Какъ бы то ни было, но тогда вся природа, вся жизнь человѣка казалась намъ довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиковъ, на химиковъ, на утилитаристовъ,

которые рылись *въ грубой матеріи*. Изъ Естественныхъ наукъ лишь одна намъ казалась достойною вниманія любомудра,— Анатомія, какъ наука человѣка. Мы принялись за оную практически, подъ руководствомъ знаменитаго Лодера; но Анатомія естественно натолкнула насъ на Физіологію, науку, тогда только-что начинавшуюся и которой первый плодовитый зародышъ появился у Шеллинга, впослѣдствіи у Окена и Каруса. Но въ Физіологіи, естественно, встрѣчались намъ на каждомъ шагу вопросы, необъяснимые безъ Физики и Химіи, да и многія мѣста въ Шеллингѣ были темны безъ Естественныхъ наукъ. Вотъ какимъ образомъ гордые метафизики были приведены къ необходимости завестись колбами, реципіентами и тому подобными снадобьями, нужными для грубой матеріи.

Въ собственномъ смыслѣ, именно Шеллингъ, можетъ быть неожиданно для него самого, былъ истиннымъ творцомъ положительнаго направленія въ нашемъ вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, въ Германіи и Россіи. Въ этихъ земляхъ, лишь по милости Шеллинга и Гете, сдѣлались поснисходительнѣе къ Французской и Англійской наукѣ, о которой прежде, какъ о грубомъ эмперизмѣ, мы и слышать не хотѣли" [365]). Даже самъ Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій писалъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы:* „Нѣмецкія системы, у насъ мало извѣстныя и не многими понимаемыя, никогда не будутъ имѣть догматической важности. Со всѣмъ тѣмъ любопытно знать, какими путями и до какихъ предѣловъ простираются умозрѣнія метафизиковъ Нѣмецкихъ" [366]). Но „тучи", о которыхъ говоритъ несчастный Веланскій, идущія съ Востока, отъ града Казани, отчасти коснулись и Московскаго неба Философіи. Въ 1821 году, ревностный проводникъ философіи Шеллинга, И. И. Давыдовъ, издалъ *Начальныя основанія Логики для благородныхъ воспитанниковъ Пансіона Московскаго Университета.* Эта книга имѣла несчастіе обратить на себя вниманіе попечителя Казанскаго учебнаго округа, Магницкаго и подверглась его строгому разбору. Въ своей оффиціальной запискѣ, поданной Министру Народнаго Просвѣщенія, Магницкій, между

прочимъ, пишетъ: „увѣдомился я изъ публичныхъ извѣстій, что въ Парижскомъ Университетѣ запрещено преподаванiе не только Философiи, но и Исторiи новѣйшей послѣднихъ временъ, сей школы возмущенiй и неистовствъ, ибо она есть только картина практической философiи, образчикъ того ада, который падшiй разумъ человѣческiй, не плѣненный вѣрою, распространить въ Европѣ старается“. А что эти науки стали проникать и къ намъ, тому доказательствомъ, по мнѣнiю Магницкаго, могла служить *Логика*, изданная Московскимъ профессоромъ, Иваномъ Давыдовымъ. „Нынѣшняя Философiя“, говоритъ далѣе Магницкiй, „опасна именно потому, что она есть ни что иное, какъ настоящiй иллюминатизмъ, обязанный новому своему имени только тѣмъ, что христiанскiя правительства у себя публичное преподаванiе его дозволяютъ, даже платятъ жалованье распространителямъ онаго“. Эпиграфомъ къ своему разбору *Логики* Давыдова Магницкiй избралъ слѣдующiя слова *Апокалипсиса*: *И видѣхъ изъ моря звѣря исходяща, имуща главъ седмь и роговъ десять, и на розѣхъ его вѣнецъ десять и на главахъ его имена хулна* (13, 1). Въ этомъ разборѣ Магницкiй старается доказать, что вышеупомянутая книга пропитана, отъ начала до конца, „*богопротивнымъ ученiемъ Шеллинга*, распространяющаго влiянiе свое на всѣ отрасли человѣческихъ свѣдѣнiй и даже на литературу“. Основу Шеллинговой философiи составляетъ, по словамъ Магницкаго, „*вольнодумство* и *развратъ*. Вѣру замѣняетъ она знанiемъ, таинственные символы—естественными изъясненiями; отвергаетъ увѣренность въ существованiи будущей жизни, ибо будущая жизнь, по ея теорiи, состоитъ въ соединенiи съ источникомъ мiра, со всеобщею жизнью природы; что, подъ видомъ идеализма, проповѣдуетъ она самый грубый матерiализмъ; учитъ, подобно Горацiанскому эпикурейскому правилу—ловить минуты наслажденiй, и для достиженiя этой цѣли, все существующее можетъ, по ученiю ея, сдѣлаться предметомъ нашихъ вождѣленiй, ибо нѣтъ казни въ будущемъ. „Воздадимъ хвалу всеблагому Господу“, восклицаетъ Магницкiй, „открывающему намъ столь

страшныя замыслы врага Божія еще въ дѣтскомъ лепетаніи г. Давыдова, который, кажется, и самъ не понимаетъ всего ужаса этихъ началъ!" [367]). Но этотъ *врагъ Божій*, по свидѣтельству И. В. Кирѣевскаго, „убѣдившись въ ограниченности самомышленія, и въ необходимости Божественнаго Откровенія, хранящагося въ преданіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ необходимости живой вѣры, какъ высшей разумности и существенной стихіи познаванія, не обратился къ Христіанству, но перешелъ къ нему естественно, вслѣдствіе глубокаго и правильнаго развитія своего разумнаго самопознанія: ибо въ основной глубинѣ человѣческаго разума, въ самой природѣ его заложена возможность сознанія его коренныхъ отношеній къ Богу. Только оторвавшись отъ этой глубины можетъ мысль человѣческая кружиться въ отвлеченномъ забвеніи своихъ основныхъ отношеній. Шеллингъ же, по своей врожденной геніальности и по необычайному развитію своего философскаго глубокомыслія, принадлежалъ къ числу тѣхъ существъ, которыя рождаются не вѣками, но тысячелѣтіями. Но, стремясь къ Божественному Откровенію, гдѣ могъ онъ найти его чистое выраженіе, соотвѣтствующее его разумной потребности вѣры?— Бывъ отъ рожденія протестантомъ, Шеллингъ не могъ не видать ограниченности протестантизма, отвергающаго преданіе, которое хранилось въ Римской Церкви. Но Шеллингъ также ясно видѣлъ и въ Римской Церкви смѣшеніе преданія истиннаго съ неистиннымъ, Божественнаго съ человѣческимъ. Тяжелое должно быть состояніе человѣка, который томится внутреннею жаждою Божественной истины... Жалкая работа— сочинять себѣ вѣру!" Что касается Погодина и до отношеній его къ новому вѣянію философскому, то, сколько намъ извѣстно, на первыхъ порахъ, онъ не примыкалъ къ послѣдователямъ Шеллинга и даже относился къ нимъ скептически. Такъ, когда вышла *Логика* Давыдова, онъ, прочитавъ ее вмѣстѣ съ Кубаревымъ, замѣтилъ: „начало дичь, которой Давыдовъ самъ, думаю, не понимаетъ" [368]). Не менѣе замѣчательна и слѣдующая запись его: „были у меня Кубаревъ и Гусевъ, тол-

ковали о Русской философіи. У насъ говорятъ о Нѣмецкой философіи, какъ Нѣмцы говорятъ о насъ. Изъ нуля выводятъ тамъ все. Наши путешественники привезли ее къ намъ. Голову отдать можно, что не понимаютъ и сотой доли Шеллинга, да и когда было узнать его" [369])? Но жизнь Погодина такъ складывалась, что ему волею и неволею приходилось прислушиваться, съ одной стороны, къ толкамъ о Шеллингѣ и признавать, что и „чрезъ закопченое стеклышко видно солнце", а съ другой—непрестанно останавливаться предъ явленіями нашей Православной жизни. Такъ, обѣдая однажды у Трубецкихъ, онъ встрѣтился тамъ съ одною почтенною особою, которая съ восторгомъ говорила ему о Ростовѣ. „Видно", писалъ по этому поводу Погодинъ, „что она предана Св. Димитрію. Гдѣ искать начала такой преданности? Чтó значитъ такая преданность. Какъ цѣнить ее должно? Какъ согласить вѣру такихъ людей съ ихъ пороками, слабостями. *Я совершенно счастлива, говоритъ она, была въ Ростовѣ*" [370]).

Поселившись въ своемъ домѣ, Погодинъ „весело отпраздновалъ день своихъ именинъ", 8 ноября 1822 года. Въ *Дневникѣ* онъ перечисляетъ своихъ гостей. У него были: Раичъ, Оболенскій, Басалаевъ, Веселовскій Посоховъ, Черняевъ, Григоровичъ, Магеровскій, Карповъ, Черницкій, Загряжскій, Кубаревъ, Кондратьевъ. Пирушка стоила ему около 80 рублей. Трубецкіе также не забыли этотъ день. Отъ своихъ учениковъ, князя Николая Ивановича и княжны Александры Ивановны, онъ получилъ чайную ложечку, но сознается, что ему „стыдно было взять ее отъ Константина (слуги); а княжна Аграфена Ивановна прислала ему голову сахара и пріятную записочку, которая доставила ему „удовольствіе". Впечатлѣніями этого дня Погодинъ подѣлился съ княгинею Голицыною, которая въ это время пребывала въ Рязани. „Въ имянины мои". пишетъ онъ, „у меня была вечеринка; были гости, человѣкъ 15 товарищей университетскихъ изъ всѣхъ отдѣленій, и медики, и политики, и математики, и литераторы. Было много споровъ; каждый защищалъ свою науку. Литера-

торъ утверждалъ, что поэзія, краснорѣчіе доставляютъ лучшія чистѣйшія удовольствія человѣку, влекутъ его къ міру духовному и слѣдовательно добродѣтельны. Нѣтъ, нѣтъ, закричалъ математикъ, у васъ одно воображеніе, у насъ истина, у насъ совершенствуется разумъ, мы ведемъ его по пути прямому. На помочахъ ведете вы его, отвѣчали мы, вы насилуете его, онъ не идетъ у васъ, вы тащите его (между доказательствами, что Математика, будучи основана на очевидности, есть простѣйшая наука, помѣщено было и то, что даже у Французскаго народа, самаго немыслящаго, были отличные математики), и гдѣ оканчивается nec plus ultra, тамъ является вамъ въ помощь наше соображеніе, ему-то обязаны славою ваши Невтоны, Кеплеры, Ейлеры. Полноте, господа что вы говорите, возстали политики, что можете вы знать безъ нашихъ наукъ? Наша наука-то показываетъ истинныя права человѣка, истинныя права гражданина; опредѣлить его отношенія ко всему есть краеугольный камень для всѣхъ наукъ. А Исторія-то, Исторія-то, развѣ не помогаетъ вамъ, заговорили мы. Здоровы ли, вы, господа, здоровы ли вы, пульсъ вашъ, закричали медики — вы позабыли насъ, своихъ цѣлителей, мы учимъ васъ наукѣ природы, мы открываемъ ее. Подите съ вашею Медициною, зашумѣло все собраніе; вы язва рода человѣческаго, одно это скажемъ вамъ; вы лѣчите москвитянина Американскими лѣкарствами; неужели Богъ положилъ для него лѣкарство за тридевять земель. Не успѣетъ дойти оно до него, а онъ уже въ землѣ. Вамъ еще много надо работать. Но, сударыня, уже 11 часовъ, боюсь, что опоздаю на почту. Вчера вечеромъ началъ я читать *Корину*, г-жи Сталь. Первая страница напомнила мнѣ о васъ". Кубаревъ остался ночевать у Погодина, и они „весело разговаривали о новой нашей Философіи ex ungue leonem, о Денисѣ Давыдовѣ. Съ восхищеніемъ читали журналъ Жуковскаго *Для немногихъ* [371]).

Конецъ 1822 и начало 1823 года Погодинъ, какъ надо полагать, провелъ въ Рязани, у княгини Голицыной. По крайней мѣрѣ, сохранилось черновое письмо его отъ 2 февраля

1823 г., къ княгинѣ, въ которомъ онъ описываетъ свое путешествіе изъ Рязани въ Москву. „Прежде всего позвольте, сударыня“, пишетъ онъ, „принести вамъ искреннюю благодарность за введеніе вами странниковъ въ домъ. Дорогою отъ Васъ, изъ Рязани, въ Москву было множество приключеній. Извощикъ, въ жару вакхическаго восторга, наѣзжалъ разъ пять на подводы и передавилъ было людей. На первой верстѣ потерялъ кнутъ, на седьмой верстѣ потерялъ подрѣзъ, и сани начали раскачиваться; снѣгъ былъ глубокій, ухабовъ много, и лошади едва дотащили насъ до станціи. На другой день, на пути въ Коломну, донялъ насъ морозъ. За Броницами, изломался отводъ, и сани на каждыхъ пяти саженяхъ опрокидывались на бокъ. Насилу доплелись шагомъ до Москвы. Я могу сказать, что дорога изъ Рязани въ Москву никуда негодится. Дома я нашелъ свою старуху няню помертвѣвшею отъ холода и горя; хотѣла-было идти къ ворожеѣ“. Но Погодинъ утѣшился тѣмъ, что за свою поѣздку къ княгинѣ Голицыной названъ княжною Аграфеной Ивановной excellent jeune homme!

XXIII.

По пріѣздѣ въ Москву, съ 21 января по 14 февраля 1823 года, Погодинъ провелъ самымъ непріятнымъ образомъ, „по причинѣ ужаснѣйшаго холода“, бывшаго въ его домѣ, такъ что онъ, съ своими домочадцами, въ продолженіе этого времени, принужденъ былъ помѣститься въ одной кухнѣ. „Впрочемъ“, пишетъ онъ, „я не скучалъ слишкомъ, и прочелъ первую часть Шлегеля и выписалъ нѣкоторыя мѣста. Сидѣлъ, кажется, нѣсколько надъ Гораціемъ, который меня держитъ за руки. Больше не помню ничего. Перешли, наконецъ, въ комнаты“ [272]).

Но сердце Погодина отогрѣвалось у Трубецкихъ. Ученица его, княжна Александра Трубецкая, подростала и начинала уже привлекать къ себѣ вниманіе учителя. Въ февралѣ

у Трубецкихъ былъ спектакль и балъ, и Погодинъ, какъ *excellent june homme*, разумѣется, былъ приглашенъ на это торжество и любовался игрою своей ученицы. „Удивительна княжна Александра", пишетъ онъ въ *Дневникѣ*. „До сихъ поръ никакъ нельзя узнать ее. Иногда хороша, иногда чортъ. Объ ея чувствованіяхъ, духѣ, ничего сказать нельзя" [373]). Франтовство было далеко не чуждо Погодину, по крайней мѣрѣ, въ описываемое нами время. Такъ, зайдя однажды къ Трубецкимъ изъ Университетскаго Пансіона, онъ сознается, что ему „стыдненько было въ *кирпичныхъ* панталонахъ" [374]). Но это нисколько не стѣснило хозяевъ дома оставить его у нихъ обѣдать; а „обѣдъ", по его словамъ, „былъ чудный". Вскорѣ послѣ того, посѣтивъ Трубецкихъ, онъ „шутилъ" съ княжною Александрою и читалъ ей *Братьевъ Разбойниковъ*, Пушкина [375]).

Между тѣмъ, кругъ знакомыхъ Погодина съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширялся. Въ это время Ширай познакомилъ его съ пріѣхавшимъ въ Москву графомъ Н. Н. Гудовичемъ. „И Ширай", пишетъ онъ, „рекомендовалъ меня ему, какъ человѣка, о которомъ часто говорилъ съ нимъ прежде" [376]). Въ день Благовѣщенія 1823 года Погодина посѣтилъ Черняевъ, и между ними завязалась любопытная бесѣда, ярко изображающая образъ мыслей молодыхъ людей того времени, еще находившихся въ томъ періодѣ жизни, который превосходно Т. И. Филипповымъ названъ періодомъ *скитанія мыслей*. Въ этотъ день Погодинъ слушалъ обѣдню у Большаго Вознесенія. „Огромная прекрасная церковь", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. Вечеромъ посѣтилъ его Черняевъ. „И мы", пишетъ онъ, „провели съ нимъ вечеръ въ прекраснѣйшихъ разговорахъ о Россіи и обо всемъ Русскомъ. О нашемъ Дворянствѣ. Невѣжи, и они еще думаютъ о конституціи. При ней они пострадутъ первые, ибо теперь пользуются величайшими преимуществами предъ прочими угнетенными состояніями. Понимаютъ ли, чтó хотятъ они. Стѣснили привиллегіи докторовъ, единственный способъ достигнуть дворянства сред-

нему состоянію. О воспитаніи дѣвицъ. Самое негодное у насъ. Не думаютъ дѣлать изъ нихъ *матерей*, *хозяекъ*. Овдовѣвшая въ молодости есть самое несчастное твореніе, сказалъ Черняевъ. Она въ домѣ ничто. Я вспомнилъ княгиню Голицыну. Правда! Не умѣютъ управлять своимъ имѣніемъ хозяева, и пр. Мысли объ этомъ помѣщу въ Письмѣ къ Лужницкому Старцу. Объ иностранныхъ учителяхъ, и пр. О характерѣ Русскаго народа. Великій, безпримѣрный. Возьмемъ въ примѣръ время Петра. Невѣжество; появился Петръ, и какіе явились люди изъ среды этихъ невѣжъ. Все одушевилось! О, Петръ, Петръ—человѣческій богъ! Но онъ сдѣлалъ важную ошибку, начавъ передѣлывать насъ на иностранный манеръ. Погибла національность. Нельзя было это предвидѣть ему. Но еслибы воскресъ онъ теперь. Ему стоило бы побыть часъ въ Благородномъ Собраніи, и онъ *проникъ* бы свою ошибку; другой день посвятилъ бы на исправленіе, и исправилъ бы. О, великій человѣкъ! Толковали о его жизни, о его преемникахъ. О связи съ Меншиковымъ. Для меня пріятно и любопытно смотрѣть на эту связь. Одному Меншикову онъ спускалъ. О Ломоносовѣ, о Суворовѣ. Что сдѣлалъ бы съ Ломоносовымъ Петръ. Что почувствовала бы душа Петра, прочтя первую оду Ломоносова, О Румянцовѣ. Великій человѣкъ. О характерѣ Русскаго народа. При Павлѣ, одинъ на крестѣ Ивана Великаго гулялъ. Быстрота смысла, чудо.— Барство унизило его много. Тутъ возникли происки, интриги. О спокойствіи его при всѣхъ перемѣнахъ въ Балтійскомъ уголкѣ. Терпимость древняя. О Державинѣ, Крыловѣ, —какъ все по-русски.—Чудо! И медвѣдь Крылова, видно землякъ, что Русскій. Признаюсь, я самъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на бѣлаго медвѣдя, престепенный малый! О Фонъ-Визинѣ. *Недоросль* долженъ быть помѣщенъ оригиналомъ въ нашу Исторію. Борьба невѣжества съ образованностію доставила рѣзкія черты Фонъ-Визину. Восхищались имъ, Державинымъ. Ругали на нихъ бестій, которые не понимаютъ ихъ. Я начинаю вѣрить предопредѣленію. А мы думаемъ еще, что-нибудь сдѣ-

лать сами, барабошимъ". Бесѣда эта заключилась „прекраснымъ" ужиномъ [377]). Въ pendant къ этому разговору, приведемъ попавшуюся намъ въ *Дневникѣ* Погодина одну замѣтку, которая заключаетъ въ себѣ обломокъ или зачатокъ мысли, бродившей въ его головѣ „Златоустъ—изъ *дворянъ*, Өеодосій Печерскій—Курскій *помѣщикъ*" [378]).

Добрыя отношенія Погодина къ А. Ө. Малиновскому все болѣе и болѣе укрѣплялись. Онъ нерѣдко былъ приглашаемъ къ нему на обѣдъ, и въ его домѣ впервые встрѣтился и познакомился съ Степаномъ Дмитріевичемъ Нечаевымъ и Аврамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ. Упоминая въ своемъ *Дневникѣ* объ этой встрѣчѣ, Погодинъ говоритъ: „Разговоры были занимательные: о Платонѣ, о чтецахъ, о Пушкинѣ, о Дмитріевѣ" [379]). Въ то же время Малиновскій предложилъ ему вступить въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ [380]).

Мы уже знаемъ, что еще въ 1822 году, Погодинъ велъ переговоры съ Раичемъ объ учрежденіи литературнаго Общества. Наконецъ, эта мысль осуществилась, и онъ, 15 марта 1823 года, писалъ княгинѣ Голицыной: „У насъ составилось Общество друзей. Собираемся раза два въ недѣлю. Читаемъ свои сочиненія и переводы. У насъ положено, между прочимъ, перевести всѣхъ Греческихъ и Римскихъ классиковъ и перевести со всѣхъ языковъ лучшія книги о воспитаніи, и уже начаты Платонъ, Демосѳенъ и Титъ Ливій". Центромъ этого Общества былъ Семенъ Егоровичъ Раичъ, а членами Степанъ Петровичъ Шевыревъ, Андрей Николаевичъ Муравьевъ, Владиміръ Павловичъ Титовъ, Дмитрій Петровичъ Ознобишинъ, Василій Ивановичъ Оболенскій, Василій Петровичъ Андросовъ, Петръ Ивановичъ Колошинъ, Николай Васильевичъ Путята, Антонъ Францовичъ Томащевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ Одоевскій и др. [381]).

Къ этому времени относится дружеское сближеніе Погодина съ Шевыревымъ, котораго впервые онъ примѣтилъ еще въ 1821 году, когда вступилъ учителемъ Географіи въ Уни-

верситетскій Пансіонъ. Въ это время Шевыревъ уже окончилъ курсъ въ Пансіонѣ, и 24 февраля 1823 года въ Засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго, и въ присутствіи почетнаго члена, А. Ѳ. Малиновскаго, Шевыревъ, уже будучи сотрудникомъ Общества, прочелъ свое стихотвореніе *Пѣснь Старца*. Въ этомъ же засѣданіи, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ прочелъ стихотвореніе графа Д. И. Хвостова *Псаломъ 42*, П. А. Новиковъ—Объ *идеалѣ изящныхъ искусствъ и о геніи*, К. Ѳ. Калайдовичъ – *Отвѣтъ на замѣчанія Капниста о древности языка Русскаго*. С. В. Смирновъ прочелъ стихотвореніе А. С. Норова *Альпы*, И. М. Снегиревъ -- о простонародныхъ картинкахъ, С. Д. Нечаевъ—свое стихотвореніе, а также М. Н. Загоскинъ—свое стихотвореніе *Посланіе къ Людмилѣ* [382]). Въ этомъ засѣданіи присутствовалъ и Погодинъ. „Зашелъ въ Общество", писалъ онъ, „Антонскій поцѣловалъ Шевырева, *не яко Іуда, но яко разбойникъ*. Ужасъ, что читали. Видѣлъ Ходаковскаго, и какъ бы стыдились говорить съ нимъ [383]). 14 апрѣля того же 1823 года, Шевыревъ произнесъ рѣчь въ торжественномъ собраніи Университетскаго Благороднаго Пансіона, по случаю выпуска воспитанниковъ: *О вліяніи Поэзіи и Краснорѣчія на счастіе гражданскихъ обществъ*, въ которой значеніе Философіи опредѣляетъ такимъ образомъ: „Какая наука являетъ намъ всѣ высокіе образцы истины и блага - въ чертахъ болѣе разительныхъ и священныхъ, какъ не Любомудріе? Оно опредѣляетъ законы человѣка и природы; оно показываетъ взорамъ мыслящаго всѣ сокровенныя тайны мірозданія и объясняетъ человѣку его истинное предназначеніе; оно, какъ солнце, оживляющее всю сферу наукъ, изливаетъ на нихъ благодатный свѣтъ свой; гдѣ нѣтъ его, тамъ все мрачно. Гдѣ не видимъ его дѣйствія? Воззримъ ли мы на государства? Не оно ли ихъ устроило? Воззримъ ли на поэзію и краснорѣчіе? И здѣсь является Философія: возвышаетъ духъ, повергая въ прахъ все чувственное. Для образованія Демосѳена былъ нуженъ Платонъ; безсмертный Гора-

цій подъ прелестными цвѣтами Поэзіи почти всегда скрываетъ высшія истины Любомудрія". Въ заключеніе ораторъ сказалъ: „Друзья-товарищи! кто знаетъ, куда назначенъ путь нашъ? Можетъ быть, никогда уже мы не увидимся! Принесемъ теперь достодолжную дань почтеннымъ мужамъ, возлелѣявшимъ нашу юность! Имъ принадлежатъ всѣ наши чувства и мысли, всѣ сокровища образованія, которыя каждый изъ насъ пріобрѣлъ по своимъ силамъ. Будемъ помнить ихъ совѣты, и мы съ честію исполнимъ долгъ свой.

Благодѣтельный, великій Монархъ! все отъ тебя; твое и тебѣ приносимъ. Клянемся посвятить жизнь нашу Отечеству, тобою сильному, тобою счастливому, тобою въ цѣломъ мірѣ возвеличенному [384]).

Занятія Погодина и Шевырева вскорѣ такъ „переплелись", что о нихъ большею частію нельзя говорить раздѣльно. Въ это время онъ сблизился и съ товарищами Шевырева по Пансіону: Титовымъ, княземъ Одоевскимъ, Ознобишинымъ и въ особенности съ первыми двумя. „Титовъ прекрасный молодой человѣкъ", писалъ Погодинъ [385]). Нерѣдко они бесѣдовали между собою о Шеллинговой философіи. Изъ разговоровъ съ нимъ Погодинъ заключилъ, что Титовъ основательно ее изучилъ. Слушая однажды, какъ Титовъ развивалъ Шеллингово ученіе, онъ сознается, что слушалъ безъ большаго вниманія, „хотя ему и представлялись возраженія". Но вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодинъ взялъ обѣщаніе съ Титова перевесть *Трансцендентальный идеализмъ* Шеллинга [386]). По свидѣтельству А. Н. Муравьева, В. П. Титовъ, „какъ бы предчувствуя свое призваніе къ Востоку, съ любовію изучалъ языкъ Греческій и перевелъ трагедію Эсхила" [387]). Князя Одоевскаго Погодинъ впервые увидѣлъ, въ 1819 или 20-мъ году, въ засѣданіяхъ Общества Любителей Россійской Словесности, которое собиралось въ залахъ Университетскаго Благороднаго Пансіона, и Одоевскій, въ качествѣ воспитанника Пансіона, „въ узенькомъ фрачкѣ темно-вишневаго цвѣта, съ сенаторскою важностію разводилъ дамъ, почтительно указывая имъ назна-

ченныя мѣста, и потомъ останавливался съ краю фланговымъ наблюдателемъ порядка во время чтенія". Въ то время, по свидѣтельству Погодина, „всякое чтеніе въ Обществѣ дѣлалось предметомъ живыхъ споровъ и сужденій у студентовъ. Русскій языкъ былъ главнымъ, любимымъ предметомъ въ Пансіонѣ. Русская литература была главною сокровищницею, откуда молодые люди почерпали свои познанія, образовывались. И въ этой школѣ образовался слогъ, развился вкусъ у Одоевскаго, равно какъ и у его товарищей, старшихъ и младшихъ" [388]). Но съ княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ Погодинъ „познакомился получше" только въ концѣ 1823 года [389]). Съ остальными членами Раичевскаго Общества онъ былъ знакомъ еще прежде, а съ Антономъ Францовичемъ Томашевскимъ былъ связанъ узами университетскаго товарищества, и дружба ихъ съ того времени и до смерти не прерывалась. Томашевскій происходилъ отъ православныхъ Босняковъ, переселившихся еще, при Магометѣ II, въ нынѣшнюю Волынскую губернію, гдѣ они были потомъ ополячены. Отецъ Томашевскаго, отказавшись вступить въ послѣднюю Польскую конфедерацію, переѣхалъ въ Россію [390]). Еще въ 1822 году Погодинъ писалъ къ Томашевскому, находившемуся тогда въ Курсвой губерніи: „Затѣвали было мы здѣсь Общество, да что-то не клеится: для однихъ слишкомъ низко, для другихъ высоко, а середины мало. Работай на досугѣ и готовь статейки. Можетъ быть, дѣйствительно выйдетъ у насъ что-нибудь путное". Въ это время Томашевскій, находясь подъ вліяніемъ любителя Философіи, И. И. Давыдова, изучалъ творенія Веймарскаго философа Бахмана и трудился надъ переводомъ его *Философіи и ея Исторіи* (Іена 1811). Любопытно, что онъ избралъ для своихъ студій такого философа, который не присталъ ни къ догматизму Фихте, Шеллинга, Гегеля, ни къ усовершенствованному критицизму Фриса, ни къ спектикѣ Шульца и Бутервека; но по временамъ писалъ дѣльныя замѣчанія на всякую новую систему, обличая слабыя ея стороны. Томашевскій былъ также связанъ узами дружбы

и родства съ С. Т. Аксаковымъ. В. И. Оболенскому Погодинъ былъ сослуживецъ по Университетскому Пансіону, гдѣ онъ былъ учителемъ и надзирателемъ Своимъ классическимъ образованіемъ, трудолюбіемъ, ученою бесѣдою, любезнымъ характеромъ Оболенскій принесъ много умственной и нравственной пользы старшимъ питомцамъ Пансіона того времени. Онъ познакомилъ Погодина съ ученикомъ своимъ, Александромъ Ивановичемъ Кошелевымъ, съ которымъ завязалась у нихъ крѣпкая дружба, тоже не прерывавшаяся до конца. По свидѣтельству профессора Пѣховскаго, „жизнь Оболенскаго была открыта и ясна всѣмъ, его знавшимъ. Онъ былъ набоженъ и соблюдалъ всѣ уставы Церкви, которую тщательно и усердно посѣщалъ. Дома читалъ всякій день молитвы и нѣкоторыя главы изъ Библіи на Греческомъ языкѣ. Имѣлъ сердце чистѣйшее и добрѣйшее, совѣсть неукоризненную. Всегда былъ расположенъ дѣлать добро, и дѣлалъ его даже не въ соразмѣрности съ своими средствами [391]). Съ будущимъ издателемъ *Московскаго Наблюдателя* и любимымъ ученикомъ Мерзлякова, Василіемъ Петровичемъ Андросовымъ, Погодинъ былъ уже давно знакомъ. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* его, подъ 18 апрѣля 1822 года, мы находимъ слѣдующую запись: „Былъ Андросовъ. Хорошій, кажется, человѣкъ". Цивилизація, по свидѣтельству Погодина, было „любимое слово, любимое желаніе, любимое занятіе" Андросова. Познакомившись съ нимъ покороче, онъ отозвался о немъ: „Характера былъ благороднаго и независимаго. Можетъ быть эти качества и мѣшали его успѣхамъ въ свѣтѣ" [392]). Изъ такихъ-то людей составился въ Москвѣ соборъ, одушевленный любовію къ Отечеству и къ его нетлѣнной славѣ. Дѣятельность Общества въ это время проявилась изданіемъ книжечки, подъ заглавіемъ *Новыя Аониды*, на 1823 годъ. Москва. Въ Типографіи Августа Семена. 1823. 8°. Съ эпиграфомъ изъ Батюшкова:

Наставники — піиты,
О, Фебовы жрецы!
Вамъ, вамъ плетутъ Хариты
Безсмертные вѣнцы!

Острили, хохотали“ [398]). 10 мая 1823 года, Ознобишинъ далъ обѣдъ своимъ сочленамъ: Раичу, Титову, Оболенскому, Томашевскому и Погодину. Это заставило послѣдняго не досидѣть у Малиновскаго на урокѣ полчаса и поспѣшить въ Ознобишину, приславшему за нимъ. За обѣдомъ разговоръ шелъ о правленіи, о перемѣнахъ въ министерствѣ. Шампанское пѣнилось. Гуляли по саду и бесѣдовали, между прочимъ, „о мощахъ“, о „явленныхъ иконахъ“ [399]). Но веселымъ собесѣдникамъ, вѣроятно, было неизвѣстно, что святый старецъ Серафимъ Саровскій запрещалъ послѣ обѣда разсуждать о духовныхъ предметахъ, ибо, училъ онъ, „въ насыщенномъ чревѣ нѣсть вѣдѣнія таинъ Божіихъ“. Вспоминая эти обѣды и вечера, Ознобишинъ писалъ Погодину изъ своего Троицкаго (отъ 9 августа 1823): „Я мысленно переношусь въ Москву, мысленно бесѣдую съ вами. Часто переселяюсь я въ маленькій садикъ, одушевленный дружбою и шампанскимъ,—я думаю и вы не забыли тѣхъ веселыхъ минутъ, когда...

Когда подъ сводами вѣтвей
И зеленѣющихъ акацій,
Въ кругу пирующихъ друзей,
Въ честь Вакха, музъ и юныхъ грацій
Мы пили свѣтлое вино...
Минуты быстрыя летѣли,
Какъ съ Оболенскимъ заодно
Съ земли на небо вы глядѣли
И всѣхъ плѣняли остротой;
Какъ мы не твердою стопою
На горку медленно взбирались.

Но это время прошло слишкомъ быстро. Оно было предвѣстникомъ близкой нашей разлуки“ [400]). Хотя и не видно, чтобы И. И. Давыдовъ участвовалъ въ этомъ Обществѣ, но вліяніе его на членовъ было очень значительное и между прочимъ, и на самого Погодина. Такъ, по его указанію, послѣдній перевелъ Астово введеніе въ Исторію и посвятилъ Давыдову, который принялъ это посвященіе „очень благосклонно, благодарилъ и жалъ руку“ Погодину. Онъ даже

коиваются плюсъ и минусъ [394]). Эти засѣданія привлекли просвѣщенное вниманіе начальника Москвы, свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Владиміровича Голицына, который посѣтилъ однажды Общество, въ домѣ Г. Н. Рахманова, близъ Никитскаго монастыря [395]). Общество намѣревалось издавать журналъ. Въ собраніи, бывшемъ 3 мая 1823 года, было разсужденіе объ этомъ предметѣ. Это собраніе посѣтилъ и князь П. А. Вяземскій. „Мы затѣвали журналъ", писалъ Погодинъ, „и при разсужденіи о составѣ первой будущей книжки, Одоевскій смѣло сказалъ: для первой книжки я напишу повѣсть. Увѣренность, съ которою произнесены были эти слова, подѣйствовала на нѣкоторыхъ изъ насъ очень сильно: каковъ Одоевскій! Прямо, такъ-таки и говоритъ, что напишетъ повѣсть: стало быть, онъ надѣется на себя. Журналъ, впрочемъ, не состоялся. Полевой, ободренный княземъ Вяземскимъ, задумалъ уже тогда *Телеграфъ*, а князь Одоевскій, познакомясь съ Кюхельбекеромъ, объявилъ въ слѣдующемъ году объ изданіи *Мнемозины*" [396]). Въ *Дневникѣ* Погодина мы находили свѣдѣнія, хотя и скудныя, о взаимныхъ отношеніяхъ членовъ Общества. Послѣ засѣданія, въ которомъ происходили толки о журналѣ, Погодинъ пошелъ вмѣстѣ съ Титовымъ и Оболенскимъ, первый просилъ проводить его. Титовъ въ это время спросилъ Погодина: „Могу ли я переѣхать къ вамъ, вышедъ изъ Пансіона?" Можете! отвѣтилъ Погодинъ; но тутъ же вспомнилъ: „Не стали бы сердиться на меня за это Давыдовъ и Антонскій". Разставшись съ Титовымъ, они встрѣтились съ Раичемъ, Томашевскимъ, Ознобишинымъ, и всѣ отправились ужинать. „Пришелъ домой вспотѣвшій и сталъ читать Филарета" [397]) Зайдя однажды къ Раичу, Погодинъ былъ задержанъ у него Кошелевымъ и Рахмановымъ Завязалась любопытная бесѣда о Грекахъ, объ Англійскихъ короляхъ. Рахмановъ сообщилъ, что Карамзина назначаютъ попечителемъ въ Москву. О, utinam. Затѣмъ отправились въ садъ. „Выпили, пишетъ Погодинъ, „четверо три бутылки шампанскаго. Я пилъ такъ, потому что надобно было пить. Безъ ѣды я не люблю.

Острили, хохотали" [398]). 10 мая 1823 года, Ознобишинъ далъ обѣдъ своимъ сочленамъ: Раичу, Титову, Оболенскому, Томашевскому и Погодину. Это заставило послѣдняго не досидѣть у Малиновскаго на урокѣ полчаса и поспѣшить къ Ознобишину, приславшему за нимъ. За обѣдомъ разговоръ шелъ о правленіи, о перемѣнахъ въ министерствѣ. Шампанское пѣнилось. Гуляли по саду и бесѣдовали, между прочимъ, „о мощахъ", о „явленныхъ иконахъ" [399]). Но веселымъ собесѣдникамъ, вѣроятно, было неизвѣстно, что святый старецъ Серафимъ Саровскій запрещалъ послѣ обѣда разсуждать о духовныхъ предметахъ, ибо, училъ онъ, „въ насыщенномъ чревѣ нѣсть вѣдѣнія таинъ Божіихъ". Вспоминая эти обѣды и вечера, Ознобишинъ писалъ Погодину изъ своего Троицкаго (отъ 9 августа 1823): „Я мысленно переношусь въ Москву, мысленно бесѣдую съ вами. Часто переселяюсь я въ маленькій садикъ, одушевленный дружбою и шампанскимъ,—я думаю и вы не забыли тѣхъ веселыхъ минутъ, когда...

Когда подъ сводами вѣтвей
И зеленѣющихъ акацій,
Въ кругу пирующихъ друзей,
Въ честь Вакха, музъ и юныхъ грацій
Мы пили свѣтлое вино...
Минуты быстрыя летѣли,
Какъ съ Оболенскимъ заодно
Съ земли на небо вы глядѣли
И всѣхъ плѣняли остротой;
Какъ мы не твердою стопою
На горку медленно взбирались.

Но это время прошло слишкомъ быстро. Оно было предвѣстникомъ близкой нашей разлуки" [400]). Хотя и не видно, чтобы И. И. Давыдовъ участвовалъ въ этомъ Обществѣ, но вліяніе его на членовъ было очень значительное и между прочимъ, и на самого Погодина. Такъ, по его указанію, послѣдній перевелъ Астово введеніе въ Исторію и посвятилъ Давыдову, который принялъ это посвященіе „очень благосклонно, благодарилъ и жалъ руку" Погодину. Онъ даже

думалъ устроить обѣдъ въ честь Давыдова; но привести въ исполненіе это намѣреніе ему отсовѣтовалъ Оболенскій [401]).

Въ то же самое время, когда Погодинъ сближался съ поклонниками Шеллинга, онъ все болѣе и болѣе углублялся въ творенія Московскаго Святителя Филарета. Въ *Дневникѣ* его мы находимъ объ этомъ безпрестанныя, хотя и лаконическія записи: „читалъ Филарета". Погодинъ положилъ даже читать по вечерамъ Библію и началъ *Записками* Филарета, *руководствующими къ основательному разумѣнію книги Бытія* [402]). „Развернулъ Филарета", пишетъ онъ, „Богъ въ природѣ, какъ душа въ тѣлѣ. Весьма ясное въ себѣ понятіе въ отношеніи къ настоящему моменту человѣка, но послѣ? Опять темно! Человѣкъ умираетъ: какъ же продолжить сходство? Приняться, приняться за Шеллингову Философію. Но все кажется никогда не объяснить человѣку: что такое онъ, для чего онъ? Что такое вѣчность, и пр." [403]). Между тѣмъ, наши шеллингисты, кажется, не особенно благоволили къ Филарету, по крайней мѣрѣ Погодинъ, толкуя однажды о немъ съ В. П. Титовымъ, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Титовъ о Филаретѣ слышалъ дурное" [404]).

Погодинъ составилъ себѣ обычай говѣть на Страстной. Святая 1823 года была поздняя и приходилась 22 апрѣля. Въ среду, на Страстной, „принесъ покаяніе въ грѣхахъ своихъ. Со страхомъ думалъ объ этомъ и молилъ Бога" [405]). Въ Великій Четвергъ пріобщался Св. Таинъ. „Какъ слабъ человѣкъ"! писалъ по этому поводу Погодинъ, „или, какъ слабъ я. Со страхомъ и вѣрою подходилъ къ Св. Тайнамъ, только въ дурномъ значеніи сихъ словъ. Боялся, да не въ осужденіе ямъ и пію; вѣровалъ только желаніемъ вѣрить, не имѣя крѣпкой вѣры". Возвратясь домой, онъ сталъ читать Евангеліе и Филарета; а всенощную въ этотъ день слушалъ у Трубецкихъ [406]). Въ Свѣтлый праздникъ былъ у заутрени. „Какъ я", писалъ Погодинъ, „бывало радовался, на паперти, предъ воспѣваніемъ: Христосъ Воскресе! И нынче мнѣ было пріятно. Великолѣпные стихи поются! Церковь

полна! До тѣхъ поръ, покамѣстъ люди будутъ радоваться этому празднику, до тѣхъ поръ не исчезнутъ въ нихъ добрыя искры". Послѣ ранней обѣдни разговѣлся и легъ спать. Потомъ отправился поздравлять профессоровъ. Началъ съ Антонскаго, который ему сказалъ: „Вы все-то бранитесь-та, Географію-та разбранили". Погодинъ по этому поводу замѣтилъ, что „въ чужомъ пиру похмѣлье". Заходилъ также къ Веселовскому, Давыдову, Черепанову. Особенно остался онъ доволенъ пріемомъ Черепанова. „Старикъ принялъ меня", пишетъ онъ, „ласково, говорилъ съ какимъ удовольствіемъ читалъ онъ піесы мои въ *Вѣстникѣ Европы*. Разсказывалъ, какъ Михаилъ Никитичъ Муравьевъ не сдѣлалъ его профессоромъ ординарнымъ", Погодинъ посѣтилъ также и Гаврилова, который встрѣтилъ его словами: „вы хотите переводить грамматику Добровскаго, вотъ будетъ у насъ свой Добровскій". „У насъ онъ уже есть, Матѳій Гавриловичъ", отвѣтилъ Погодинъ [407]).

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* 1822 года было напечатано слѣдующее странное объявленіе: *Егерь изъ Германіи желаетъ опредѣлиться егеремъ или въ гувернеры. Спросить на Моросейкѣ* [408]). Это объявленіе исполнило Погодина справедливаго негодованія, которое излилъ въ своемъ *Письмѣ къ Лужницкому старцу*. Лужницкимъ старцемъ называли Каченовскаго, по мѣсту его жительства въ Малыхъ Лужникахъ, близъ Воробьевыхъ горъ. Но прежде, чѣмъ отдавать это письмо въ *Вѣстникъ Европы*, Погодинъ счелъ за благо прочесть его своимъ сочленамъ по Обществу: Раичу, Томашевскому и Ознобишину. Всѣмъ оно очень понравилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, между ними зашла рѣчь о какой-то пирушкѣ, на которой степенный А. А. Прокоповичъ-Антонскій былъ „подъ хмѣлькомъ, а проповѣдникъ философіи Шеллинга, И. И. Давыдовъ, даже „прыгалъ" [409]). Заручившись одобреніемъ сочленовъ, Погодинъ отнесъ свое *Письмо* къ Каченовскому, который съ величайшимъ удовольствіемъ и напечаталъ его въ своемъ *Вѣстникѣ Европы*. „Неужели вы", спрашиваетъ Пого-

динъ въ этомъ *Письмѣ* Лужницкаго старца, „не бросите разящихъ перуновъ на эту иноземную челядь, которая торжественно требуетъ себѣ и *дѣтей*, и *собакъ* на воспитаніе? Неужели не ударите полдюжиною записокъ на эту саранчу, которая занимаетъ у насъ мѣсто и учителей, и учительницъ, и гувернеровъ, и гувернантокъ? Нѣтъ, нѣтъ, почтеннѣйшій старецъ! вы авторъ, вы Русскій, вы патріотъ, вы филантропъ; душа ваша не вынесетъ такого позора! Зло сдѣлалось у насъ общимъ. Лучшіе люди въ государствѣ считаютъ для себя непремѣнною обязанностію имѣть по штукѣ изъ этого волчьяго стада. Ихъ дѣти, цвѣтъ Россійскаго юношества, надежда Отечества, ввѣряются людямъ, иногда не имѣющимъ никакихъ правилъ. Среднее состояніе туда же несется: какой-нибудь купецъ, удачнымъ *несостоятельствомъ* пришедъ въ силу, отдѣляетъ десятину отъ барышей своихъ и платитъ произвольную дань Галлу". Далѣе Погодинъ умоляетъ Каченовскаго начать свое поученіе ex abrupto, какъ Цицеронъ въ Словѣ на Катилину. „Укажите достопочтеннѣйшимъ родителямъ, кои ввѣряютъ дѣтей своихъ заморскимъ гувернерамъ, что иностранцы, вами употребляемые въ воспитатели, соглашаюсь съ вами, заслуживаютъ полную вашу довѣренность, имѣютъ прекрасныя правила, украшены всѣми человѣческими познаніями, но они—иностранцы. Могутъ ли иностранцы вдохнуть въ своихъ питомцевъ любовь къ отечеству, для нихъ чуждому, эту первую добродѣтель гражданскую? Могутъ ли вдохнуть преданность къ религіи, къ царскому сану—главное свойство Русскаго народа, которымъ онъ отличается въ продолженіе почти десяти столѣтій отъ всѣхъ Европейскихъ? Въ натурѣ ли то вещей. Къ этимъ важнѣйшимъ причинамъ прибавьте: Вы согласитесь съ Локкомъ, родители, что душа младенца есть бѣлый листъ бумаги, на которомъ все написать можно, и, слѣдовательно, всякій французъ воспитатель, взявъ себѣ на руки несчастнаго сироту пяти лѣтъ, необходимо погубитъ въ немъ національность, перельетъ въ него и свой образъ мыслей,

и свои нравы, и свой характеръ, словомъ, свое все. Что же выйдетъ изъ питомца? Французская обезьяна.

Отечество мое, чрезъ сихъ ли ослѣпленныхъ
Ты будешь славою и силой возрастать? *)

Вы не забудете сказать слова два о бѣдствіяхъ, причиняемыхъ сими иноплеменниками въ качествѣ совѣтодателей, совѣтодательницъ, друзей дома, распорядителей имѣній, и пр., и пр., и пр. У насъ вѣдь, особливо между знатными, нѣтъ ни сговора, ни свадьбы, ни развода, ни смерти, ни завѣщанія, ни рожденія, въ коемъ бы французъ, тѣмъ или другимъ способомъ, не принималъ участія. Семейственные праздники, спектакли, сюрпризы, похороны,—все распоряжается ими... Наконецъ, въ заключеніе, спросите: что можно сказать о такомъ гражданинѣ, который оставляетъ собственное отечество, имѣющее на него священнѣйшія права; не служитъ ему, для того, чтобъ отправиться за тридевять земель въ тридесятое царство и снискивать тамъ хлѣбъ поденщиною? Достоинъ ли такой гражданинъ имѣть отечество, и хорошъ ли этотъ примѣръ для воспитанника? Деньги есть единственная цѣль, къ которой стремятся ихъ поступки, дѣйствія, мысли, слова, каждое движеніе руки, ноги, глазъ; наживъ сколько нужно, они отправляются во-свояси. Можно ли же вдругъ возымѣть довѣренность къ человѣку, имѣющему эту цѣль? У насъ ни одинъ французъ не остается трехъ мѣсяцевъ безъ мѣста. Тутъ кстати примолвите, сколько попадалось между ними галерныхъ невольниковъ, бѣглыхъ солдатъ, клейменыхъ преступниковъ, лакеевъ, и пр., и пр.; какими же благородными чувствами можно заняться отъ такихъ негодяевъ! Но, почтеннѣйшій старецъ, вы сами всотеро лучше и изобрѣтете, и расположите, и выразите ваши филиппики. Быть можетъ, съ вашей легкой руки будетъ мало-по-малу отгоняться эта хищная саранча, которая безпрестанно налетаетъ на Святую Русь, пожираетъ всѣ добрыя сѣмена и оставляетъ плевелы“ [410]).

*) Гораціево посланіе о стихотворствѣ, въ переводѣ Мерзлякова.

Когда это *Письмо* появилось въ печати, то Погодинъ убоялся, вѣроятно, мести проживающихъ въ Москвѣ гувернеровъ и гувернантокъ. Иначе ничѣмъ нельзя объяснить себѣ слѣдующей записи его въ *Дневникѣ*, подъ 25 марта 1821 года: „Сказалъ квартальному, что можетъ быть спроситъ меня Шульгинъ *), за напечатаніе піесы въ *Вѣстникѣ Европы*? Нѣтъ, это ничего, отвѣтилъ тотъ: гувернеръ вѣдь дядька, притомъ и чрезъ полицію объявляли". Едва только Погодинъ покончилъ съ иностранными воспитателями, какъ до слуха его дошло другое извѣстіе, которое не менѣе возмутило его, это—пожертвованіе Демидова въ пользу бѣдныхъ во Флоренціи. И онъ написалъ *Второе посланіе Лужницкому Старцу*: „Увы, почтеннѣйшій старецъ! какимъ громовымъ ударомъ долженъ я еще поразить чувствительное сердце ваше! Боюсь даже, чтобы вы отъ него совсѣмъ не онѣмѣли... Скрѣпитесь и призовите въ помощь все ваше мужество Славяно-Русское. Вотъ вамъ pendant къ объявленію, доставленному мною въ прежнемъ письмѣ моемъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ, читавши въ *Гамбургскомъ Корреспондентѣ* (1823 г. февраля 15-го, № 27) слѣдующія строки: „Богатый Россіянинъ — — —, основатель весьма много посѣщаемаго Французскаго театра въ Римѣ, роздалъ бѣднымъ 30.000 скудій". Предокъ знаменитый, о ты, заслужившій вниманіе Великаго Монарха! что̀ чувствуетъ Русская душа твоя, радовавшаяся до нынѣ въ селеніяхъ небесныхъ, слыша о такомъ употребленіи сокровищъ, извлеченныхъ тобою изъ нѣдръ хребта Рифейскаго? Въ Римѣ, котораго имя едва ли доходило до благочестивыхъ, нетерпѣвшихъ ничего бусурманскаго, ушей твоихъ, мимо Святой Руси разсыпаются сіи сокровища, и въ такое время, когда одному изъ потомковъ твоихъ воздвигается памятникъ иждивеніемъ благодарныхъ его согражданъ!

Тѣнь священная! успокойся! Признательное потомство умѣетъ чувствовать и отличать твои заслуги. Добро дѣлать

*) Московскій оберъ-полиціймейстеръ.

должно всѣмъ, соглашаюсь: французъ, готтентотъ, японецъ страдаетъ,—облегчить по возможности участь страдальца—долгъ всякаго добраго человѣка; но на пожертвованіе столь огромное имѣетъ первое, священнѣйшее для всякаго право, по моему мнѣнію, отечество: истинный космополитъ, скажу съ почтеннѣйшимъ Н. М. Карамзинымъ, есть существо метафизическое. 150,000 рублей, облитыхъ Русскимъ потомъ, отдать Итальянскимъ лазаронамъ,—это ни на что не походитъ. Можетъ быть, я и заблуждаюсь, почтеннѣйшій старецъ, пусть наши нравоучители назначатъ предѣлы любви къ отечеству: предметъ важный для размышленія!—Впрочемъ, позволителенъ ли такой поступокъ, непозволителенъ ли, достоинъ ли подражанія или нѣтъ,—но его нельзя не признать плодомъ иностраннаго воспитанія, и доставляемое объявленіе, вѣроятно, найдетъ себѣ мѣсто въ Запискахъ нашихъ". Но Каченовскій подвергъ это извѣстіе сомнѣнію, и къ *Письму* сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Гамбургскій корреспондентъ, вѣроятно, *слилъ пулю*, по обычаю Нѣмецкихъ газетеровъ" [411]). Когда письмо это Погодинъ прочелъ у Трубецкихъ, то принужденъ былъ выдержать споръ съ П. П. Новосильцовымъ о томъ, что Демидовъ не имѣетъ права жертвовать своими деньгами въ чужихъ краяхъ. По поводу этого спора, онъ хотѣлъ писать третье письмо къ Лужницкому Старцу, но воздержался [412]). Впрочемъ, сюжетъ для *третьяго письма* вскорѣ представился.

Въ Москвѣ въ это время появился какой-то итальянецъ по имени Таліафери, объявившій въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, что онъ вызывается *удовлетворить каждую изъ особъ, которая пожелаетъ имѣть родословіе свое и своихъ предковъ, также и гербъ своей фамиліи, сдѣлавъ выписку изъ знаменитой библіотеки, существующей для сего въ одномъ городѣ Миланѣ и извѣстной во всей Европѣ своею вѣрностью на счетъ существованія каждой фамиліи; онъ обязуется доставить оной въ пятимѣсячный срокъ и на хорошей цвѣтной*

бумагъ. Цѣна за сіе полагается сорокъ рублей ассигнаціями" [413]). Прочитавши это объявленіе, Погодинъ написалъ *Третье письмо къ Лужницкому Старцу:* „Для литературы ли только, или также и для свѣта вы умерли, почтенный старецъ? Умерли или обмерли, а я все намѣренъ къ вамъ обращаться съ моими письмами: для меня это какъ-то ловче. Иностранцы проказятъ у насъ такъ, что уже ни на что не похоже: недавно явился въ Москвѣ новый артистъ—г. Таліафери, изъ города Милана. Онъ вызывается: „удовлетворить каждую изъ особъ, которая пожелаетъ имѣть свое родословіе". Съ такою увѣренностью браться за доставленіе изъ Милана родословныхъ для всѣхъ желающихъ Россіянъ—значитъ предлагать услуги, для иныхъ вовсе непостижимыя. Имѣя особливыя понятія объ отношеніяхъ нашего государства къ другимъ, о взаимныхъ связяхъ ихъ, и, словомъ, обо всѣхъ обстоятельствахъ сторонниxъ, кто-нибудь спроситъ: какъ могутъ залетѣть въ Миланъ вѣрныя Русскія родословныя росписи, когда мы сами, дома, только съ трудомъ составлять ихъ можемъ? Впрочемъ, это не стоитъ вниманія, и не нужно опровергать исторически такую выходку. Притомъ ça passe encore: проворство и смѣтливость—искони есть безсрочная и безпошлинная привилегія многихъ услужливыхъ иностранцевъ.—Что скажете вы, почтенный старецъ, если у насъ найдутся гуси, которые, возжелавъ породниться съ Капитолійскими, повѣрятъ (чего добраго) услужливому Миланцу?—Искуситель!—выбралъ же струнку! и за какую дешевую цѣну берется онъ доставить драгоцѣнное деревцо, безъ котораго, иные, можетъ быть, сидятъ на мели. Врагъ и горами качаетъ. Благодаря образованности, за столичныхъ жителей бояться все-таки, я думаю, нечего; но за провинціаловъ не ручаюсь. И какія же сѣти для нихъ приготовляются: на Коренной ярмаркѣ открыта будетъ книга, гдѣ можно подписываться желающимъ! Кого не искушалъ злой духъ самолюбія? И не провинціаламъ чета спотыкались на этотъ остроуголь-

ный камень. Какому нибудь Перфилью Перфильевичу, который

Понакопилъ кой-что лѣтъ въ десятокъ..,
Ни хлѣбомъ, ни скотомъ, ни выводомъ телятокъ,

какому нибудь, говорю, Перфилью, какъ не отдать изъ барыша на ярмаркѣ четыре красненькія за будущее удовольствіе увидѣть между своими предками и Ярослава, и Святослава, и Игоря, или даже Августа Кесаря Римскаго, и Мосоха Іафетовича? Не бездѣлица, думаю, развернуть, эдакъ къ случаю, между сосѣдями, хартію сажени въ двѣ длиною съ именами предковъ! Одно ожиданіе чего стоитъ! Для такихъ своеродолюбивыхъ людей можно бы даже назначить прейсъ-курантъ родословнымъ, съ повышеніемъ цѣны, смотря по числу степеней, кому сколько ихъ имѣть благоугодно будетъ; ибо кто дастъ за обѣщаемое, еще неизвѣстное родословіе сорокъ рублей, тотъ вѣрно дастъ двѣсти и пятьсотъ за родословіе на выборъ. Ейлера просила же какая-то дама въ обсерваторіи снова показать ей, по знакомству, затмѣніе солнца, уже кончившееся. А Простаковыхъ для иностранцевъ у насъ есть еще много непочатыхъ десятковъ. Замѣтимъ, однакожъ, что господинъ Таліафери не требуетъ денегъ впередъ: доказательство, что онъ отъ чистаго сердца увѣренъ въ возможности исполнить свое обѣщаніе, то-есть родословныя росписи дворянъ Русскихъ отыскать—въ Миланѣ!" [414]). Написавъ это письмо, Погодинъ отправился къ самому Таліафери и спросилъ его: „какія источники есть въ Миланѣ для Русскихъ родословій"? И этотъ ему отвѣтилъ: „у насъ всѣ есть, даже Китайскія. Ваши фамиліи происходятъ изъ Есклавіи и Польши". Лично Таліафери произвелъ на него пріятное впечатлѣніе, „и мнѣ", пишетъ онъ, „стало совѣстно ругать его, и я ослабилъ нѣкоторыя мѣста въ *Письмѣ* моемъ" [415]). Нужно ли пояснять, что тревога Погодина была совершенно напрасная. Очевидно, онъ забылъ о существованіи у насъ Герольдіи, которая постановляетъ свои опредѣленія и подноситъ ихъ на Высочайшее утвержденіе не

по измышленіямъ частныхъ лицъ, а на основаніи несомнѣнныхъ документовъ. Такіе документы, конечно, могли оказаться и въ Миланскомъ архивѣ, какъ и въ прочихъ Европейскихъ архивахъ.

Въ это время, Погодинъ ревностно трудился надъ своею знаменитою диссертаціею *О происхожденіи Руси*, и все болѣе и болѣе напитывался Шлецеромъ и Несторомъ, которые и вывели его на тотъ путь, къ коему стремилась душа его и на которомъ стяжалъ онъ достопочтенное званіе *Русскаго Историка.* Эти занятія дѣйствовали на него спасительно и своею трезвостію охраняли его отъ порывовъ необузданной фантазіи, которымъ онъ былъ столь подверженъ. Но въ то время, когда *Вѣстникъ Европы* былъ дружелюбно открытъ для Погодина, и на страницахъ его помѣщались *Письма къ Лужницкому старцу*, самъ Старецъ печаталъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы* свой переводъ сочиненія Фатера *О происхожденіи Русскаго языка и о бывшихъ съ нимъ перемѣнахъ*, которое, по словамъ Каченовскаго, озаряло „новымъ свѣтомъ начало языка и самое происхожденіе имени Русскаго". Въ этомъ сочиненіи Фатеръ признавалъ призванныхъ нами Руссовъ Готѳами, оставшимися издревле при Черномъ морѣ и соединившимися тамъ съ поселенцами Норманскими [416]). Прочитавъ это, Погодинъ написалъ разборъ Фатерова разсужденія и желалъ напечатать его въ *Вѣстникѣ Европы* [417]); но Каченовскій, стоявшій за *южное* происхожденіе Руссовъ, отказался напечатать этотъ разборъ. Между тѣмъ, въ Погодинѣ приняли участіе и Калайдовичъ, и Снегиревъ, и Давыдовъ, и Антонскій. Калайдовичу онъ разсказывалъ о ссорѣ своей съ Каченовскимъ, на что тотъ замѣтилъ: „задоренъ онъ" [418]). Снегиревъ встрѣтилъ Погодина съ распростертыми объятіями и сказалъ ему, что для него было утѣшительно читать его разсужденіе о Фатерѣ. Читалъ его и Антонскій. Погодинъ не желалъ подписывать подъ нимъ своей фамиліи; но Давыдовъ ему замѣтилъ: „для чего же нѣтъ. Піеса очень хорошая" [419]). Но несмотря на это участіе и ходатайство, разборъ Погодина не

былъ напечатанъ въ *Вѣстникѣ Европы*; „а я было думалъ“, писалъ онъ, „уже о пріятномъ впечатлѣніи на университетскихъ“. Въ классѣ Давыдовъ сказалъ ему, что статья его „задѣла Михаила Трофимовича, хотя онъ человѣкъ искусившійся и доблестный, тѣмъ болѣе, что самъ не сдѣлалъ на статью Фатера никакого замѣчанія и почиталъ ее за неприкосновенную“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Давыдовъ сообщилъ Погодину, что Каченовскій „хочетъ дать ему какую-то книгу, и говоритъ, что если онъ и послѣ ея останется при своемъ мнѣніи, тогда напечатаетъ разборъ. Но это Давыдовъ находилъ со стороны Каченовскаго однимъ только отводомъ; ибо, говорилъ онъ Погодину: „ему совѣстно не напечатать такъ, потому-что это дѣло было гласное. Читалъ ее и я, и Антонъ Антоновичъ. Замѣчаній самъ Каченовскій писать не хочетъ“. При этомъ Давыдовъ совѣтовалъ ему сходить къ Каченовскому Погодинъ отправился. Въ это время Каченовскій собирался на лекцію, и встрѣтилъ Погодина словами: „вотъ, не во время гость хуже татарина, знаете ли вы эту пословицу“? Несмотря на это, принялъ его и сказалъ: „Я вамъ хотѣлъ дать книгу; возьмите Еверса, прочтите ее со вниманіемъ, здѣсь вы увидите много свѣта. Надо знать всѣ мнѣнія, и если послѣ вы останетесь при своемъ, то посмотримъ“ [420]). Каченовскій далъ Погодину *Kritische Vorarbeiten zur Geschichte der Rossen* (Dorpat 1814). Въ этомъ сочиненіи Еверсъ доказываетъ, что Руссы были Хозары, пришельцы отъ Чернаго моря. И Погодинъ принялся за изученіе Еверса. Давыдовъ, узнавъ объ этомъ, съ улыбкою спросилъ его „не перейдетъ ли онъ подъ знамена Михаила Трофимовича“ [421]). Но въ концѣ концевъ Каченовскій все-таки не напечаталъ разбора сочиненія Фатера. Несмотря на это, въ виду своего магистерскаго экзамена, Погодину вовсе былъ не разсчетъ ссориться въ это время съ Каченовскимъ, а потому онъ счелъ нужнымъ предупредить Калайдовича о „скромности“, такъ какъ ему приходилось, вѣроятно, неоднократно ругать Каченовскаго при Калайдовичѣ. И дѣйствительно,

вплоть до самаго 1825 года, мы видимъ на страницахъ *Вѣстника Европы* статьи Погодина.

Мысль о переводѣ Славянской Грамматики Добровскаго не покидала Погодина. Калайдовичъ, принимая въ этомъ нѣкоторое участіе, спрашивалъ Востокова: не переводитъ ли кто изъ Академиковъ эту грамматику? Востоковъ отвѣчалъ (янв. 1823): „помнится, однажды въ собраніи Академіи говорили, что не худо бы перевести эту книгу, но формальнаго къ тому порученія никому не сдѣлано. Я, съ моей стороны, не взялся бы быть просто переводчикомъ этой грамматики, находя въ ней многое, требующее передѣлки, пополненія и сокращенія. Кто хочетъ пользоваться ею въ настоящемъ видѣ, можетъ читать и Латинскій подлинникъ. Книга эта писана собственно для ученыхъ, которые должны разумѣть по-латыни. Другое дѣло, перевести грамматику сію на Русскій съ нужными дополненіями и примѣчаніями. Я и за сіе не взялся бы, ибо намѣренъ сочинить свою Славянскую Грамматику, въ которой, конечно, не оставлю воспользоваться всѣми открытіями Добровскаго. Крайне желалъ бы я васъ имѣть предшественникомъ моимъ на семъ поприщѣ“ [422]). Заручившись этимъ письмомъ Востокова, Калайдовичъ совѣтовалъ Погодину не покидать своей мысли о переводѣ, и по его настоянію, Погодинъ, вмѣстѣ съ Кубаревымъ, рѣшились даже обратиться въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ съ слѣдующимъ отношеніемъ: „Сорадуясь со всѣми истинными ревнителями отечественнаго Просвѣщенія возстановленію Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и желая посильными трудами споспѣшествовать благой цѣли его, мы осмѣливаемся предложить почтеннѣйшимъ членамъ онаго, не благоугодно ли имъ будетъ возложить на насъ переводъ Славянской Грамматики знаменитаго Добровскаго. Предпріятіе сіе, полезное для всѣхъ занимающихся языкомъ Славянскимъ и не имѣющихъ способа пользоваться подлинникомъ, кажется намъ не чуждымъ цѣли Общества: Исторія народа тѣсно связана съ Исторіею языка; языкъ же древній, на коемъ писаны всѣ наши лѣтописи и

другіе историческіе памятники, въ семъ отношеніи особенно важенъ. Впрочемъ, почитаемъ за ненужное распространяться о пользѣ и достоинствахъ сей книги, признанной классическою всѣми изслѣдователями языка Славянскаго: кому извѣстно сіе болѣе ученыхъ мужей, составляющихъ Общество? Скажемъ только, что почтенные члены изданіемъ сего перевода могутъ оказать другую важнѣйшую пользу литературѣ Славянской, присоединивъ къ оному собственныя свои замѣчанія на Грамматику Добровскаго. Касательно хозяйственныхъ разсчетовъ, замѣтить должны, что издержки на напечатаніе перевода отнюдь не могутъ быть обременительными для Общества: ибо однѣ казенныя заведенія: академіи, семинаріи и гимназіи, въ коихъ языкъ Славянскій преподается, ихъ обезпечатъ". Отношеніе это было прочитано въ засѣданіи Общества, бывшемъ 14 іюля 1823 года, и Общество, выслушавъ оное, опредѣлило: „какъ сіе болѣе относится до словесности, то и препроводить отношеніе Кубарева и Погодина въ подлинникѣ въ Общество любителей Россійской Словесности" [423]). Что постановило по этому вопросу Общество Любителей Россійской Словесности намъ неизвѣстно; но въ *Дневникѣ* Погодина имѣется запись, впрочемъ довольно неопредѣленная и, вѣроятно, относящаяся къ этому вопросу: „Къ Калайдовичу. Настаиваетъ на переводѣ Добровскаго. Въ Обществѣ Давыдовъ сказалъ объ этомъ мелькомъ, Каченовскій возразилъ, и кончилось дѣло. Что за двуличность. Мнѣ говорилъ Давыдовъ съ величайшимъ участіемъ объ этомъ, а тутъ вышло дѣло другое". Не смотря на это, Погодинъ и Кубаревъ не охлаждались къ Добровскому, чему можетъ свидѣтельствовать слѣдующая запись въ *Дневникѣ*: „Читали съ Кубаревымъ Добровскаго. Восхищались его мыслію: искать коренные звуки словъ. Какое обширное поле для историка, философа, филолога открывается здѣсь. Тутъ увидимъ мы, какіе предметы прежде другихъ были названы, какъ къ нимъ прививались другіе. Отсюда - какое нарѣчіе древнее". Затѣмъ, Погодинъ сообщаетъ: „Пришелъ Титовъ. Восхищались Шлецеромъ, Ломоносовымъ, читали Тредьяковскаго.

Ужинали вмѣстѣ“ [424]). Но хлопоты Калайдовича по переводу Погодинымъ Славянской Грамматики остались безуспѣшны [425]) и дѣло перевода было предоставлено будущему, и это дѣло совершилъ Погодинъ, какъ увидимъ, но только не въ сотрудничествѣ Кубарева, а Шевырева.

Академическая жизнь 1823 года заключилась засѣданіемъ Общества Любителей Россійской Словесности, бывшемъ 14 іюня 1823 года, о которомъ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ Дневникѣ Погодина: „Къ Калайдовичу. Говорили о собраніи Общества Словесности. Мерзляковъ пришелъ туда разсерженный. Зарекался писать для Общества. Послѣ предложилъ Антонскій писать похвальное письмо Завадовскому и Шувалову, и онъ умилился, самъ же началъ говорить, сколько имъ обязанъ, и взялся писать. Какая добрая душа! Жаль, что спился съ кругу“ [426]). Черезъ недѣлю послѣ этого засѣданія, Погодинъ зашелъ къ Трубецкимъ освѣдомиться: поѣдутъ ли въ Знаменское, и узналъ, что „ѣдутъ!“ При этомъ онъ сообщаетъ, что ему довелось слышать „управительскіе разговоры“.

XXIV.

21 іюня 1823 года, Трубецкіе прислали за Погодинымъ экипажъ, и онъ отправился въ Знаменское на лѣтнее и осеннее тамъ пребываніе. По пріѣздѣ, по обычаю, прошелся по саду; а о своемъ расположеніи духа, отмѣтилъ въ *Дневникѣ* двумя словами: „Радехонекъ, покоенъ“. Время свое онъ расположилъ такимъ образомъ: Вставалъ въ 5 или 6 час. Утро посвящалъ урокамъ князю Николаю Ивановичу и княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ. Послѣ классовъ онъ занимался, между прочимъ, Цицерономъ, а послѣ обѣда читалъ Карамзина, съ замѣчаніями. Кромѣ того, гулялъ, купался, говорилъ по французски. Въ 11 ложился спать. Но въ это время Погодинъ былъ озабоченъ магистерскимъ экзаменомъ, и размышляя о немъ, онъ пришелъ къ грустному сознанію, „что только по

Русскому просвѣщенію можетъ быть буду я магистромъ, не больше. Много-ль я читалъ? Что я знаю? Дрянь" [437]). Въ Знаменскомъ онъ продолжалъ трудиться надъ своею диссертаціею „*О происхожденіи Руси*". Здѣсь, въ деревенскомъ уединеніи, „подъ тѣнію дуба и березы", онъ изучалъ Нестора, Шлецера, Миллера, Карамзина, Еверса, и восхищаясь „молніеобразною мыслію въ Исторіи Шлецера, очень строго и даже непозволительно относился къ Карамзину, и мы съ неудовольствіемъ читаемъ въ *Дневникѣ* слѣдующія строки: „Такую дичь написалъ Карамзинъ въ 1-й главѣ, что ни на что не похоже. Едва ли не одно достоинство остается за Карамзинымъ: искусство писать" [428]).

Кромѣ спеціальныхъ своихъ занятій Русскою Исторіею, Погодинъ въ это пребываніе въ Знаменскомъ занимался переводомъ *Ніобы*, Овидія. Мысль эта пришла ему при чтеніи перевода Жуковскаго изъ Овидіевыхъ превращеній *Цеиксъ* и *Гальціона*. Однажды даже онъ „съ утра до вечера переводилъ Ніобу", и отмѣчаетъ въ *Дневникѣ*: „Хорошо идетъ". Переводъ свой онъ читалъ А. В. Всеволожскому. На слѣдующій день, онъ занимался тѣмъ же, и оставался чрезвычайно доволенъ своимъ переводомъ. „Весьма удачными", писалъ онъ, „кажутся многіе стихи, и я прыгалъ отъ удовольствія въ саду"; [429]) къ вечеру онъ окончилъ свой переводъ и при этомъ впалъ въ раздуміе: кому посвятить оный? Сначала онъ намѣревался посвятить его Жуковскому, но потомъ ему вспомнился Мерзляковъ. „Ему, по всѣмъ законамъ, слѣдуетъ, какъ учителю и первому образцу". Но въ концѣ-концовъ Погодинъ рѣшился посвятить свой переводъ „всѣмъ нашимъ поэтамъ". Своимъ успѣхомъ онъ желалъ подѣлиться съ Кубаревымъ, и съ этою цѣлію, вмѣстѣ съ Знаменскимъ священникомъ, поѣхалъ въ Москву „съ пріятною мыслію о чтеніи стиховъ Кубареву"; но Кубаревъ, хотя хвалилъ переводъ, но эта похвала показалась Погодину „не отъ сердца". [430]) По возвращеніи въ Знаменское, ему пришла мысль написать посланіе къ Пушкину.

Бесѣдуя объ этомъ съ княжною Аграфеною Ивановною, услыхалъ, что императоръ Александръ I, прочтя *Кавказскаго Плѣнника*, сказалъ: „надо помириться съ Пушкинымъ“. [431]) Въ то же время, Погодинъ изучалъ *Катихизисъ* Филарета и вмѣстѣ съ тѣмъ, замышлялъ перевесть *Донъ-Карлоса* и другія произведенія Шиллера, а также *Мессіаду*, и переводы свои посвятить Гёте. „Тогда, мечталъ онъ, слава осѣнитъ меня“ [432]). Живя въ Знаменскомъ, Погодинъ не прерывалъ сношеній съ своими Московскими друзьями. Такъ, онъ получилъ изъ Москвы письмо отъ В. П. Титова (отъ 13 августа 1823 года), которое есть какъ бы продолженіе ихъ Московскихъ бесѣдъ и любопытно для насъ, какъ живое отраженіе тѣхъ идей, которыя воодушевляли цвѣтъ нашего юношества двадцатыхъ годовъ. „Давно уже я писалъ бы къ вамъ, если бы не обманывала меня надежда, пустая, къ несчастію, — васъ самихъ видѣть въ скоромъ времени и съ вами *обмѣняться рѣчьми*, какъ говорятъ Греки. Надежда исчезла — и я принимаюсь писать; нѣсколько понуждаетъ меня къ тому нужда напомнить вамъ объ обѣщанномъ мнѣ Діодорѣ Сицилійскомъ, о которомъ я прошу васъ извѣстить меня, можно ли его взять, и какъ, и отъ кого. Прочтя Гезіодову *Ѳеогонію*, увидѣлъ я, что всѣ мои прежнія мнѣнія о Миѳологіи, о которыхъ я вамъ съ такимъ жаромъ декламировалъ, построены на пескѣ; я воротилъ Греческіе идеалы, какъ мнѣ хотѣлось, и вышло на дѣлѣ навыворотъ. Впрочемъ, это мнѣ урокъ: впередъ не полагаться на память, а побольше учиться. Въ замѣну теперешняго, однако, я замѣтилъ въ *Ѳеогоніи* мѣсто занимательное: Зевесъ, чтобы наказать Прометея за покражу огня небеснаго, повелѣлъ Вулкану слѣпить женщину; то была первая женщина. Вы со мною порадуетесь, увидя какъ близко это переводится на языкъ Естественной Философіи. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ вскорѣ достигнулъ бы божественнаго просвѣщенія, еслибы не препятствовало тому половое раздвоеніе организма, по которому одно нераздѣльное никогда не можетъ исполнить идею сво-

его рода, а по соединеніи съ другимъ, вновь себя производитъ. Не менѣе удивительно сходство въ описаніи боя Титановъ съ Зевесомъ съ библейскими повѣствованіями о боѣ отпадшихъ ангеловъ. Здѣсь три архангела заключаютъ сатану въ адъ, отстоящій отъ земли столько же, сколько земля отъ неба. Девять сутокъ они съ нимъ туда спускались. Тамъ сторукіе сыны Урановы, Вріарій, Гигъ и Коттъ, мещутъ скалами въ Титановъ и заключаютъ ихъ въ бездну Тартара, куда, по словамъ Гезіода, брошенная съ земли наковальня долетѣла бы въ девять сутокъ, употребя равное время на путь отъ неба до земли. Я не понимаю ни того, ни другого, и жду, не придетъ ли вамъ на умъ, по обыкновенію, геніальная мысль, которою вы меня, надѣюсь, освѣтите. Вы, любезный Михаилъ Петровичъ, я думаю читали Жебеленя; я бралъ недавно сію книгу у В. И. Оболенскаго и въ ней нашелъ много обширныхъ видовъ. Жебелень, кажется, дошелъ, посредствомъ труднаго анализа, почти до того, къ чему привелъ Аста счастливый синтезъ. Пріятно, читая его, утверждаться въ мысли, какъ всегда близки двѣ стороны истины—центръ и окружность. Чтеніе Геродота и неудачныя занятія Миѳологіей обратили мое вниманіе къ изслѣдованію духа древнихъ; здѣсь я старался находить подтвержденіе прекраснымъ о нихъ мыслямъ Вагнера. Онъ говоритъ, что вѣкъ разнообразія, необходимости, анализа—вѣкъ женскій, составляетъ древность; вѣкъ единства, свободы, синтеза, напротивъ—вѣкъ мужескій, составляютъ новѣйшее. Дѣйствительно, у древнихъ видимъ правленіе республиканское — господство слѣпаго закона, у нихъ видимъ вѣру къ оракуламъ и къ неизбѣжимому исполненію ихъ предсказаній, религію, въ которой господствуетъ необходимость и разнообразіе, у нихъ видимъ таинства, видимъ отправленіе свѣтскихъ должностей всегда нераздѣльнымъ отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ. Замѣчательно постепенное приближеніе древняго къ новѣйшему какъ во всякомъ особомъ народѣ, такъ и во всей планетѣ. У Евреевъ и Египтянъ предсказанія были во всей силѣ; верховный сановникъ былъ вмѣ-

стѣ и жрецомъ; у Римлянъ первое было слабѣе, второе повторялось съ тѣмъ различіемъ, что народъ выбиралъ сановниковъ вмѣстѣ духовныхъ и свѣтскихъ; у Грековъ первыхъ, вмѣстѣ съ Ѳукидидомъ и Платономъ, возникло новѣйшее стремленіе; потомъ и въ Римѣ начали смѣяться надъ авгурами; ученіе Іисуса Назаретскаго рѣшило борьбу древняго съ новѣйшимъ — представительное правленіе должно быть вѣнцемъ новѣйшаго вѣка, реформація была ступенью. Можетъ быть, мои неспѣлые опыты произведутъ въ васъ, любезный Михаилъ Петровичъ, много мыслей, гораздо зрѣлѣйшихъ; я симъ утѣшаюсь. Напишите, скоро ли вы къ намъ будете. Мы съ Томашевскимъ часто поминаемъ о томъ вожделѣнномъ времени. Очень бы желалъ знать, окончили ли вы вашу Географію, и что послѣ нея привлечетъ глубокомысленный взоръ вашъ" [433]).

Вскорѣ по полученіи этого письма, Погодинъ былъ очень огорченъ извѣстіемъ о кончинѣ своего любимаго профессора, добраго старца Никифора Евтропіевича Черепанова. „Искренно сожалѣю о немъ", отмѣтилъ онъ въ *Дневникѣ* [434]). По свидѣтельству Т. Н. Грановскаго, „смиреніе, простота и христіанская нравственность были отличительными чертами жизни почившаго профессора" [435]).

„Кумиры у насъ недолговѣчны. Позолота ихъ скоро линяетъ. Набожность поклонниковъ остываетъ. Уже строится новое капище для водворенія новаго кумира", сказалъ князь П. А. Вяземскій [436]). Въ „капищѣ" сердца Погодина въ это время водворялся новый кумиръ,—это роза, расцвѣтающая въ саду Знаменскомъ. „Моя весна, моя поэзія, героиня моихъ повѣстей", писалъ онъ о ней, уже будучи въ глубокой старости. Но эта роза, въ описываемое нами время, все еще сидѣла за учебнымъ столомъ, подъ ферулою своего обожателя, который давно уже всматривался въ нее, и ему досадно было видѣть, что старая Княгиня „любитъ больше Николиньку, нежели *Сашеньку*. Объ этомъ у него однажды зашелъ даже споръ съ княжною Аграфеною Ивановною, которая старалась

доказать, что это неправда. „Удивительно добрая душа“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ, „я увѣренъ, что она внутренно была согласна со мною и не хотѣла, чтобы другой кто-нибудь зналъ и обвинялъ ея маменьку“. Читатели догадываются, что мы говоримъ о молодой княжнѣ Александрѣ Трубецкой. Въ то же время Погодинъ посвящаетъ ей двѣ пiесы, переведенныя имъ изъ Гете [437]), и мечтаетъ о сочиненiи повѣсти, въ которой былъ бы изображенъ портретъ плѣнившей его ученицы [438]). Описывая одну прогулку въ Знаменскомъ обществѣ, онъ отмѣчаетъ: „кокетничалъ съ княжною Александрою Ивановною“; а эта, являя, вѣроятно, особый видъ кокетства, предложила своему поклоннику заниматься съ нею Латинскимъ языкомъ. „Я очень радъ“, заявляетъ Погодинъ, „мнѣ хотѣлось бы, чтобы у насъ хоть одна дама знала Латинскiй языкъ“ [439]). Однажды вся Знаменская „братiя“ завтракала подъ деревомъ Погодина. Княжна Аграфена Ивановна, давая ему яблокъ, сказала: „Voilà une pomme pour vous; elle est douce. — Comme vous, отвѣчалъ Погодинъ. Княжна Александра Ивановна подала тоже. Погодинъ спросилъ: Elle est...? Elle est aigre, monsieur, отвѣчала она. Je n'ose pas finir. Послѣ, начавъ ѣсть яблоко, поданное ему княжною Александрою Ивановною, онъ сказалъ: Elle n'est aigre, qu'en apparence“. „Любезничалъ“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ. Въ то же время онъ почувствовалъ „отмѣнное расположенiе къ молитвѣ [440]). Находясь въ такомъ влюбленномъ и молитвенномъ настроенiи, Погодину было омерзительно смотрѣть на Цыганъ, появившихся въ Знаменскомъ, вѣроятно, по поводу какого нибудь торжества. И сiи Фараониты вызвали строгое сужденiе нашего героя: „отвратительно смотрѣть на этотъ кочующiй и оскотинившiйся народъ“, замѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* [441]).

Знаменское въ это лѣто (1823) было не особенно многолюдно. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* упоминаются только Всеволжскiе и Новосильцовы. Съ А. В. Всеволожскимъ и съ Ц. П. Новосильцовымъ Погодинъ, по-прежнему, велъ

любопытныя бесѣды, содержаніе которыхъ онъ, по своему досадному обычаю, передаетъ только въ однихъ общихъ очеркахъ. Они бесѣдовали и о *Придворной грамматикѣ* Фонъ-Визина, и о недовѣрчивости Государя къ дворянству, и о препонахъ къ просвѣщенію, и о Нѣмцахъ, и о Русскихъ. Новосильцовъ сообщилъ Погодину, что ему и товарищамъ его не позволяли учиться Статистикѣ у Германа [442]). Толковали также и о нашемъ правленіи, и о мѣрахъ, принимаемыхъ Правительствомъ „остановить потокъ“ [443]). Съ Знаменскимъ священникомъ Погодинъ былъ также въ очень дружелюбныхъ отношеніяхъ. Послѣ обѣдни, на праздникъ Преображенія, онъ посѣтилъ его и бесѣдовалъ о нынѣшнемъ обученіи духовныхъ. „Слава Богу“, говоритъ, „нынче можно учиться: сытъ, обутъ, одѣтъ; а прежде, бывало, мы учились въ погребахъ; холодно, голодно“. Говорили о разстригшемся архимандритѣ. „Ну, слава Богу, не изъ нашихъ“, сказалъ священникъ, когда Погодинъ отвѣтилъ на его вопросъ, что этотъ архимандритъ не изъ духовнаго званія. „Вотъ духъ нашего духовенства“, замѣчаетъ по этому поводу Погодинъ [444]). Съ почтеннымъ Сеймондомъ онъ продолжалъ быть въ отличныхъ отношеніяхъ. Сеймондъ такъ свыкся съ домомъ Трубецкихъ, что Погодинъ однажды замѣтилъ о немъ: „Сеймондъ совсѣмъ отрубечился и такъ привыкъ къ нимъ, что сдѣлался ихъ роднымъ. Ему невозможно оставить ихъ. Онъ рожденъ для настоящей своей должности въ ихъ домѣ. Его участіе истинно“ [445]). Бесѣды его съ Погодинымъ всегда были и поучительны, и содержательны. „Говорилъ съ Сеймондомъ“, пишетъ онъ, „объ управленіи, о богатствахъ, которыя могли бы составить наши бояре, еслибъ умѣли управлять своими имѣніями. Князь Юрій Ивановичъ уѣдетъ въ Италію и продастъ все свое имѣніе. Кому достанется Знаменское? Даже мнѣ пріятно будетъ, лѣтъ черезъ 20, пріѣхать въ Знаменское“ [446]). Не таковы были отношенія Погодина къ проживающему въ Знаменскомъ французу Вересену. Однажды, этотъ французъ позволилъ себѣ говорить съ пре-

небреженіемъ о графѣ Ѳ. В. Ростопчинѣ. Это взорвало Погодина, и между ними произошла сцена очень не симпатичная. Погодину было также противны сужденія этого француза и о явленіяхъ Русской жизни. „Версенъ", пишетъ онъ, „говоритъ какъ пустоголовый французъ. Напримѣръ, увидя, что женятъ крестьянъ слишкомъ молодыхъ, и что они имѣютъ дѣтей, онъ заключилъ, что жены ихъ живутъ съ отцами мужей; что во всякой деревнѣ есть гнусные дома, общія бани" [447]).

Конецъ августа 1823 года былъ ознаменованъ прибытіемъ императора Александра I въ Москву. Еще отъ 10 августа, изъ Царскаго села, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Недѣли черезъ двѣ будетъ у васъ Государь: ты, конечно, ему обрадуешься. Люблю его всею душею. Онъ опять беретъ съ собою на дорогу нѣсколько тетрадей моей Исторіи: царствованіе Годунова и сына его" [448]). 16 августа, Государь предпринялъ изъ Царскаго Села путешествіе во внутреннія области Имперіи. Чрезъ Ладогу, Тихвинъ, Мологу, Рыбинскъ, Ярославль, Ростовъ и Переяславль, Государь прибылъ въ Москву, и въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* мы читаемъ: „Государь Императоръ удостоилъ Высочайшимъ прибытіемъ своимъ сію столицу съ 24 на 25 августа, въ 2 часа пополуночи" [449]). Погодинъ въ это время пріѣзжалъ изъ Знаменскаго въ Москву, и вмѣстѣ съ народомъ встрѣчалъ Государя. „Сердце у меня билось", писалъ онъ, „когда я въѣзжалъ въ Кремль и видѣлъ вокругъ себя народъ по обѣимъ сторонамъ. Казакъ началъ разгонять народъ.—Экъ не хочется тебѣ, чтобъ мы были здѣсь, сказали они и только. Смѣялся много разговору нѣсколькихъ „сѣрокъ" объ одномъ генералѣ, ходившемъ по подмосткамъ. 1-й. – Чай, выспался днемъ, вотъ и ходитъ теперь. 2-й.—Много хлопотъ имъ. 3-й.—Иное и на лаптишки достанется. 4-й.—За то и честь. 5-й.—Большому кораблю большое и плаваніе. Когда показался Государь, „ура" было не слишкомъ громко, да и народа не слишкомъ" [450]). На другой день, Государь изволилъ слушать обѣдню въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ высокопреосвященнѣйшій Филаретъ встрѣтилъ Его Вели-

чество привѣтственною рѣчью: „Предъ Богомъ срѣтаемъ Тебя, Благочестивѣйшій Государь! И благодаримъ Его, что утѣшаетъ насъ Тобою, и молимъ Его, да утѣшитъ и Тебя нами“.

„Воззри еще на сей царелюбивый народъ и утѣшься его любовію, которая и сокрываемому въ глубокой нощи пришествію Твоему не допустила утаиться, но воспріяла Тебя гласомъ восторга“.

„Воззри еще на сей много-вѣковый царственный градъ, который дано Тебѣ, въ краткое время, изъ развалинъ и пепла возродить; и утѣшься симъ, какъ знаменіемъ того, что Богъ, посѣтившій неправды наши, еще сохранилъ здѣсь благословеніе праведныхъ: ибо въ *благословеніи правыхъ возвысится градъ*, говоритъ Слово правды (Притч. 11, 11)“.

„Богъ благословеній да споспѣшествуетъ Тебѣ выну и въ важнѣйшемъ царственномъ зиждительствѣ Твоемъ,—въ зиждительствѣ и возвышеніи нравственнаго и духовнаго порядка, въ утвержденіи вѣры и правды, которыми и цари велики, и царства непоколебимы“.

„Господи! Спаси Царя и благослови, и сохрани вхожденіе его и исхожденіе его, ко спасенію царства“ [451])“.

Въ это пребываніе императора Александра I въ Москвѣ совершилось величайшее государственное событіе. 27 августа 1823 года императоръ вручилъ архіепископу Филарету, для храненія въ Успенскомъ Соборѣ, актъ отреченія цесаревича Константина Павловича отъ правъ на престолъ и манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя Николая Павловича. Сіи государственные акты были сложены въ конвертъ за государственною печатью и съ собственноручною подписью Государя: „Хранить въ Успенскомъ Соборѣ, съ государственными актами, до востребованія моего, а въ случаѣ моей кончины, открыть Московскому епархіальному архіерею и Московскому генералъ-губернатору, въ Успенскомъ Соборѣ, прежде всякаго другаго дѣйствія“. Въ навечеріе дня тезоименитства Государя, когда въ Успенскомъ Соборѣ были только протопресвитеръ, сакелларій и прокуроръ Синодальной Кон-

торы, архіепископъ Филаретъ вошелъ въ алтарь, показалъ имъ печать, но не надпись принесеннаго конверта, положилъ его въ ковчегъ, заперъ, запечаталъ и объявилъ всѣмъ тремъ свидѣтелямъ, къ строгому исполненію Высочайшей воли, чтобы о совершившемся никому не было открываемо, и такимъ образомъ, по краснорѣчивому выраженію Филарета, „какъ бы во гробѣ хранилась погребенною царская тайна, сокрывавшая государственную жизнь“ [452]). Замѣчательно, что сія „царская тайна“, не была тайною для Карамзина, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его къ Дмитріеву, написанное уже по смерти императора Александра (отъ 3 января 1826 года): „Самъ покойный государь, еще осенью 1824 года, сказывалъ мнѣ и Катеринѣ Андреевнѣ объ этотъ распоряженіи наслѣдства. Мы не измѣнили тайнѣ“.

На другой день этого событія, т. е. въ день своего тезоименитства, 30 августа, Государь слушалъ Божественную Литургію въ Успенскомъ соборѣ, которую совершалъ высокопреосвященнѣйшій Филаретъ. Вечеромъ Государь посѣтилъ балъ, бывшій въ домѣ Благороднаго собранія. Шесть дней Государь изволилъ пробыть въ Москвѣ и, оставилъ ее 31 августа, въ 7 часовъ утра [453]). Въ отвѣтъ на письмо И. И. Дмитріева, Карамзинъ изъ Царскаго Села, писалъ своему другу (отъ 11 сент. 1823): „Сердечно благодарю тебя за увѣдомленіе о любезнѣйшемъ нашемъ Государѣ; чувство мое къ нему есть истинное: я вижу въ немъ только человѣка, будучи самъ уже внѣ свѣтскихъ отношеній, и дворскихъ и государственныхъ, отъ моихъ лѣтъ, религіи и *метафизики* если такъ сказать можно“ [454]).

Послѣ отъѣзда Государя, Погодинъ провелъ въ Москвѣ дней шесть. Видѣлся съ своими, друзьями Кубаревымъ, Загряжскимъ, Титовымъ и Оболенскимъ. Отъ послѣдняго онъ узналъ, что Раичъ въ Одессѣ познакомился съ Пушкинымъ [455]). Наканунѣ Рождества Богородицы, Погодинъ вернулся въ Знаменское. „Ночью гулялъ по саду и восхищался звѣздами, свѣтящимися черезъ деревья“.

Но недолго Погодину оставалось блаженствовать въ Знаменскомъ, и 28 сентября онъ „простился со всѣми и отправился въ Москву". На прощаніи, онъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Жизнь моя въ Знаменскомъ была прекрасная. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ—ни одного непріятнаго впечатлѣнія. Работалъ я порядочно. Самое привольное житье и обильное" [456]).

XXV.

Вернувшись, 28 сентября 1823 года, въ Москву, Погодинъ отправился къ Кубареву и у него ночевалъ, и всю ночь протолковали „о безконечности творенія и ничтожности человѣка; о предметахъ древнихъ для трагедій"; но когда зашла рѣчь о Французской поэзіи, то у него „зажглась мысль" опрокинуть Расина, съ цѣлію „уменьшить сколько нибудь пристрастіе нашихъ магнатовъ къ Французамъ". Въ тоже время Погодинъ прочелъ Кубареву свой переводъ изъ Гете и снискалъ похвалу его [457]).

Въ это время Погодину предстоялъ экзаменъ на степень магистра Русской Исторіи. Примѣчательно, что экзаменъ случился въ день, празднуемый нашею Церковью память преподобнаго отца нашего Нестора, лѣтописца Россійскаго, 27 октября. Въ этотъ день, въ 3 часа, Погодинъ, „помолясь Богу", отправился на экзаменъ. Собраніе профессоровъ его поразило своимъ величіемъ. „Экзаменъ начался Гавриловымъ", пишетъ онъ, „переводилъ Псаломъ кое-какъ; односложные вопросы и отвѣты изъ Эстетики; чтобъ говорить что нибудь, я началъ возражать противъ мнѣнія о подражаніи природѣ, и пр. И онъ разсердился, кажется. Давыдовъ заминалъ рѣчь. Потомъ Давыдовъ началъ кое-что изъ общаго понятія о Латинскомъ языкѣ, Филологіи, и пр. Отвѣчалъ ему хорошо. Ульрихсу отвѣчалъ на всѣ вопросы очень хорошо; Пельту, Каменецкому, Побѣдоносцеву и, наконецъ, Мерзлякову также. Ни одинъ

вопросъ не остался безъ отвѣта. Мерзляковъ и Каменецкій послѣ сказали, что напрасно спорилъ я съ Гавриловымъ, хотя это и ничего" [458]). „Первый экзаменъ", писалъ Погодинъ княгинѣ Голицыной, „кончился благополучно; не знаю, что Богъ дастъ на второмъ". „Перекрестясь", 14 ноября, отправился онъ на второй и послѣдній экзаменъ. „Каченовскому отвѣчалъ пресчастливо. Къ Давыдову: попался было письменный вопросъ о различіи между Греческою и Римскою Словесностью. — Возьмите другой, этотъ слишкомъ длиненъ, и я взялъ о всадникахъ. Славно дѣло кончилось. *Задали диссертацію*" [459]).

Предметомъ диссертаціи Погодина былъ вопросъ *О происхожденіи Руси*, которымъ онъ уже давно занимался и для рѣшенія котораго у него были уже подготовлены матеріалы. Выдержавъ благополучно магистерскій экзаменъ, онъ сталъ мечтать о пріобрѣтеніи *имени книжнаго*. Толковалъ объ этомъ съ Кубаревымъ, и они рѣшили, что слѣдуетъ посовѣтоваться съ И. И. Давыдовымъ, который и „наставитъ насъ на путъ истинный" [460]). Одновременно съ Погодинымъ, держалъ докторскій экзаменъ Александръ Григорьевичъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, который въ то же время хлопоталъ объ участіи въ кругосвѣтномъ путешествіи капитана Коцебу, въ качествѣ естествоиспытателя и медика. Погодинъ почему-то отнесся къ этому весьма неодобрительно, и въ *Дневникѣ* своемъ записалъ: „ходилъ къ Кубареву за рѣшеніемъ о Фишерѣ. Онъ ѣдетъ, можетъ быть, вокругъ свѣта. Мы ѣздимъ вокругъ свѣта, а что подъ носомъ, того не знаемъ. И какая слава для насъ отъ этихъ путешествій? Вездѣ Нѣмцы. Мы даемъ только деньги" [461]). Но намѣреніе Фишера не осуществилось [462]).

Не смотря на разногласіе о происхожденіи Руси у Погодина съ Каченовскимъ, въ это время между ними были добрыя отношенія. Погодинъ посѣщалъ лекціи Каченовскаго, и при встрѣчахъ, профессоръ жалъ ему руку и съ участіемъ разспрашивалъ его объ экзаменѣ, о диссертаціи. Погодинъ даже нерѣдко посѣщалъ Каченовскаго, и однажды принесъ

ему свой переводъ о Софійской церкви и еще переводъ Томашевскаго о Языкѣ. По этому поводу, Каченовскій замѣтилъ ему, что наша публика еще не подготовлена для такихъ статей [463]). Въ другой разъ, посѣтивъ Каченовскаго, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о Геттерерѣ, Шлецерѣ. „Вотъ познанія", сказалъ Каченовскій, „а мы что́ знаемъ". „Я", сознается Погодинъ, „проболтался, что у насъ не опредѣлено различіе въ племенахъ". „А у Шторха!" возразилъ Каченовскій. Разстались они дружелюбно, и Каченовскій довезъ Погодина „до валу" [464]). Въ это время Погодинъ занимался переводомъ изъ книги Тунмана о Козарахъ. Тунманъ принадлежитъ къ числу тѣхъ трудолюбивыхъ писателей, которые изысканіями своими очень много способствовали къ „освѣщенію мрака древней Россійской Исторіи". Сочиненіе его *Untersuchungen über der Geschichte der östlichen Europäischen Völker* извѣстна была въ то время только по ссылкамъ Шлецера и Карамзина [465]), но у послѣдняго, замѣчаетъ Погодинъ, „о Козарахъ есть совершенное сокращеніе Тунмана. И на слова объ этомъ въ примѣчаніяхъ. Гдѣ у Тунмана нѣтъ ссылки, тамъ нѣтъ и у Карамзина". Когда онъ окончилъ свой переводъ, то отнесъ его къ Каченовскому, который, по свидѣтельству самого Погодина, былъ ему „радехонекъ" [466]) и помѣстилъ его въ декабрьской книжкѣ *Вѣстника Европы* 1823 года. Отношенія его къ Каченовскому были до того хороши, что Погодинъ въ это время мечталъ даже быть его сотрудникомъ по *Вѣстнику Европы*, лишь бы Каченовскій давалъ ему по 25 рублей за листъ [467]).

Еще будучи студентомъ, Погодинъ штудировалъ Горація и писалъ къ нему комментаріи. Въ этомъ трудѣ его поощряли, съ одной стороны, преемникъ Тимковскаго по каѳедрѣ Римской Словесности, И. И. Давыдовъ, а съ другой стороны, любимый ученикъ Тимковскаго и другъ Погодина, Кубаревъ, который, между прочимъ, исправлялъ ему Латинское предисловіе къ изданной Погодинымъ книгѣ [468]). Наконецъ, 20 іюня 1823 года, Погодинъ окончилъ свой многолѣтній трудъ.

„Слава Богу", восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. „Незнаю, что будетъ за изданіе, какой въ немъ толкъ, какой путь, и не смѣшно ли оно. Вотъ что называется: куда кривая ни вынесетъ". Дальнѣйшую судьбу своего труда Погодинъ вручилъ И. И. Давыдову. Еще до окончанія его, онъ заѣзжалъ къ Давыдову, и происшедшій между ними разговоръ вселилъ въ немъ надежду, хотя очень слабую и неопредѣленную, занять Латинскую каѳедру въ Московскомъ Университетѣ, такъ какъ И. И. Давыдовъ въ это время, какъ послѣдователь и проводникъ ученія философа Шеллинга, прочилъ себя на каѳедру Философіи. „Вы хотите остаться въ Университетѣ? спросилъ Давыдовъ Погодина. „Хочу", отвѣтилъ тотъ. На это Давыдовъ сказалъ: „Я подалъ просьбу о другой каѳедрѣ, говорилъ въ Совѣтѣ о васъ, для замѣщенія моего мѣста, предлагая отправить васъ путешествовать—вѣроятно, будутъ всѣ согласны. Пока мѣсто каѳедры препоручится Шлецеру, до вашего возвращенія". На это Погодинъ возразилъ: „Но есть люди, меня достойнѣйшѣе, напримѣръ, Кубаревъ, который этимъ занимался всегда, который въ этомъ дѣлѣ вдесятеро опытнѣе и старше меня". „Онъ не хочетъ остаться въ Университетѣ, его никогда не видать", отвѣчалъ Давыдовъ. „Если бы ему это предложено было, онъ согласился бы", сказалъ Погодинъ. „Онъ богачъ", сказалъ Давыдовъ. „Нѣтъ, безъ большого состоянія", возразилъ Погодинъ. „Притомъ онъ боленъ, а для перенесенія такихъ трудовъ нужны силы. По исторической части много претендентовъ, и я совѣтывалъ бы, если вы хотите быть профессоромъ", продолжалъ Давыдовъ. „Это очень далеко", замѣтилъ Погодинъ. „Напротивъ, очень близко, чрезъ годъ вы будете магистръ и поѣдете. Пробудете три года, возьмете докторскій экзаменъ и будете профессоромъ", возразилъ Давыдовъ. „Но теперь уже посланъ одинъ", сказалъ Погодинъ. „Всегда можно посылать двоихъ", заключилъ Давыдовъ. Этотъ разговоръ погрузилъ Погодина въ слѣдующее размышленіе: „Страшно приняться за такую часть, которая недавно была въ рукахъ

Тимковскаго. Сколько надобно узнать, чтобъ быть чѣмъ нибудь. Страшно, страшно. Занимаясь, впрочемъ, четыре года плотно, мнѣ кажется, что можно дойти до кое-чего. Какъ дико будетъ говорить по латыни, пріѣхавши. Всѣ будутъ смотрѣть въ глаза. Можно ли успѣть? Тимковскій, бывъ студентомъ, прочелъ четыре раза Овидія—я едва нюхать начинаю. Удивительно: для меня ничего не стоитъ говорить въ пользу Кубарева. Я выхвалялъ его совершенно съ свободнымъ духомъ. Теперь, если бы я захотѣлъ попросить Антонскаго, Давыдова, и пр., дѣло было бы въ шляпѣ. Но это принадлежитъ Кубареву. Если онъ не поѣдетъ, я посовѣтуюсь и, можетъ быть, рѣшусь“ [469]). Латинская каѳедра, конечно, не досталась Погодину, но, тѣмъ не менѣе, И. И. Давыдовъ оказалъ покровительство труду его о Гораціи и, по его ходатайству, онъ былъ напечатанъ на казенный счетъ. Такимъ образомъ, въ концѣ 1823 года вышла въ свѣтъ книга, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Quinti Horatii Flacci Opera. E recensione Pr. cel Buhle, cum Commentario ex Ianio desumpto.* Mosquae Typis Caesareae Universitats. 1823. На оборотѣ этого листа: „Ex auctoritate Senatus Academice“.

Въ предисловіи читаемъ:

Curam hujus libri edendi ex gravissimo et ornatissimo consilio atque auctoritate Senatus Academici almae Universitatis Mosquensis suscepimus. Textus ad modum Pr. Cel. Buhle est expressus; commentarium vero ex Ianio selectum dedimus; adnotationum aliae latine, aliae autem vernacula conscriptae sunt, prout explicandi ratio exigere videbatur.

Мы приняли на себя трудъ изданія этой книги по весьма вѣскому и почетному для насъ совѣту и внушенію Совѣта Московскаго Университета. Текстъ напечатанъ по рецензіи проф. Буле, а избранный комментарій мы предложили изъ Яна; нѣкоторыя примѣчанія написаны по-латыни, а другія на отечественномъ языкѣ, смотря по тому, какъ требовалъ способъ объясненія.

Non ignoramus delectum animadversionum vix omnibus iri probatum; cum autem ipsa voluntas aliquid boni, honesti pulchrique perficiendi a sapientissimis laudetur, minime dubitavi, quim haecce editio studiosis scholae litterarum Romanorum prodesset praecertim in tanta inopia subsidiorum, quae in istis studiis addiscendis sint necessaria.

Is mihi erat finis eaque spes, et curam non fore irritam arbitror, si istud opusculum interpretationem Horatii quodammodo reddiderit faciliorem atque studiis humanitatis in patria nostra propogandis contulerit.

Мы очень хорошо знаемъ, что выборъ примѣчаній едва-ли будетъ всѣми одобренъ; но такъ какъ самое желаніе сдѣлать чтѐ нибудь хорошее, благородное и прекрасное заслуживаетъ похвалы со стороны мудрыхъ людей, то я нисколько не сомнѣвался, что это изданіе будетъ полезно изучающимъ Римскую литературу, въ особенности при такомъ недостаткѣ пособій, которыя необходимы въ этихъ занятіяхъ; это была моя цѣль и надежда, и я считаю, что трудъ мой не будетъ безплоденъ, если сколько-нибудь облегчитъ толкованіе Горація и поможетъ распространенію въ нашемъ отечествѣ гуманныхъ наукъ *).

Латинскій текстъ одъ Горація обнимаетъ съ 1-й до 136-й стр. книги, а остальная часть книги (137—302 стр.) заключаетъ въ себѣ комментаріи на оды Горація, писанныя по-Русски.

Съ осени 1823 года, ученикъ Погодина, князь Николай Ивановичъ Трубецкой, началъ брать уроки у Московскихъ профессоровъ Мерзлякова, Цвѣтаева, Бекетова и Гаврилова. Это особенно сблизило Погодина съ профессоромъ Римскаго Права, Львомъ Алексѣевичемъ Цвѣтаевымъ. Вмѣстѣ съ ученикомъ своимъ, княземъ Трубецкимъ, онъ самъ слушалъ у

*) Переводъ сдѣланъ графомъ Павломъ Шереметевымъ, въ настоящее время проходящимъ курсъ классическаго образованія.

Цвѣтаева лекціи о Правѣ и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о любезномъ ему Шлецерѣ, такъ какъ Цвѣтаевъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ въ то время, когда онъ украшался славными въ исторіи наукъ именами, каковы, напримѣръ, Шлецеръ, Гуго и другіе [470]). На этихъ лекціяхъ, Погодина восхитила мысль Шлецера, переданная Цвѣтаевымъ: *прежде, нежели должно показать людямъ права ихъ, надобно научить ихъ исполнять ихъ должности.* О самомъ Шлецерѣ Цвѣтаевъ разсказывалъ Погодину: Шлецеръ спрашивалъ его на экзаменѣ, и очень былъ радъ услышать, что Цвѣтаевъ говоритъ по-латыни. Онъ восхищался крестомъ Владиміра, присланнымъ ему Государемъ. Экзаменуя Цвѣтаева изъ Нравственной Философіи, Шлецеръ спросилъ его: по чьей системѣ учились вы?—По Канту. Я Канта не понимаю, сказалъ Шлецеръ. Я учился по Вольфу. Но такъ скажите намъ, отчего вы оставили Вольфа и взяли Канта?" Кромѣ того, Цвѣтаевъ разсказывалъ Погодину о Французахъ, о Шишковѣ, и также сообщилъ ему, что проповѣдь, сказанная Платономъ при освященіи церкви у графа Безбородко, была причиною его ссоры съ Павломъ [471]).

Въ это время, т. е. осенью 1823 года, въ Москвѣ пребывалъ Грибоѣдовъ и окончательно отдѣлывалъ свое *Горе отъ Ума* [472]). Упоминаніе этого славнаго имени Погодинымъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ 10 декабря 1823 года, въ слѣдующей лаконической записи *Дневника*: „Говорилъ съ княжною Аграфеною Ивановною Трубецкою *о Грибоѣдовѣ*"; но что̀ говорилъ, намъ, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ.

Осенью 1823 года возобновилась и дѣятельность литературнаго Общества, собиравшагося у С. Е. Раича. Въ это время Погодинъ привлекъ въ Общество Андросова и Кубарева. Въ одномъ засѣданіи, Погодинъ прочелъ свою *Ніобу*, которую онъ перевелъ изъ Овидія, во время лѣтняго своего пребыванія въ Знаменскомъ; но это чтеніе, кажется, не имѣло успѣха, ибо онъ, какъ самъ сознается, „не слишкомъ много слышалъ похвалъ" [473]). Въ засѣданіи, бывшемъ 31 октября, толковали

о Тацитѣ, котораго Погодинъ въ это время началъ изучать и мечталъ перевести его сочиненіе *О Германіи*. Толковали также о Цицеронѣ, отрывокъ изъ котораго переводилъ Погодинъ съ Кубаревымъ. Кубаревъ въ этомъ засѣданіи предложилъ соорудить памятникъ Ломоносову. По окончаніи засѣданія, Погодинъ ужиналъ у Кубарева [474]). Въ день имянинъ Погодина, было также засѣданіе Общества, въ которомъ онъ прочелъ свой переводъ изъ Аста. Въ этомъ засѣданіи „хохотали надъ Норовымъ". Черезъ недѣлю, Погодинъ съ Кубаревымъ опять отправились въ засѣданіе Общества, и при этомъ Погодинъ замѣтилъ, что князь Одоевскій „обошелся съ нимъ не такъ, какъ съ Кубаревымъ" [475]). Въ засѣданіи 29 ноября, читали *Бахчисарайскій Фонтанъ*, и Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтилъ: „Вздоръ". Кромѣ засѣданій у Раича, члены Общества сходились и у Погодина, и у Титова, и у Кубарева, и толковали о предметахъ возвышенныхъ и интересовавшихъ Общество. Въ день Святыхъ Тріехъ Святителей, Петра, Алексія и Іоны, былъ обѣдъ у имениннника Кубарева, и толковали о древней Миѳологіи, о Янусѣ, Оденѣ. Погодинъ свои имянины праздновалъ 10 ноября. Онъ заказалъ „пирогъ у Юрцовскаго". Къ нему собрались: Оболенскій, Томашевскій, Бычковъ, Кубаревъ, Черняевъ, Григоровичъ, и безъ зову явился Кантемировъ. Однажды вечеринку Кубарева посѣтилъ В. П. Титовъ и „плѣнилъ Кубарева". Предметомъ разговоровъ были Іудеи, хранившіе понятіе объ единомъ Богѣ въ древности. Не забытъ былъ также и Шеллингъ. Говорили о томъ „небесномъ состояніи, въ которомъ была душа Шеллинга, когда онъ постигъ свою систему". Вечеръ заключили ужиномъ. На Погодина произвелъ этотъ вечеръ самое пріятное впечатлѣніе. „Превосходны такія дружескія бесѣды", отмѣтилъ онъ въ *Дневникѣ*. Собесѣдниковъ своихъ Титовъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Въ назначенный день, 19 октября, Погодинъ зашелъ къ Кубареву, и вмѣстѣ отправились къ Титову. Вечеръ прошелъ въ разнообразныхъ и любопытныхъ бесѣдахъ, содержаніе кото-

Цвѣтаева лекціи о Правѣ и нерѣдко бесѣдовалъ съ нимъ о любезномъ ему Шлецерѣ, такъ какъ Цвѣтаевъ слушалъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ въ то время, когда онъ украшался славными въ исторіи наукъ именами, каковы, напримѣръ, Шлецеръ, Гуго и другіе [470]). На этихъ лекціяхъ, Погодина восхитила мысль Шлецера, переданная Цвѣтаевымъ: *прежде, нежели должно показать людямъ права ихъ, надобно научить ихъ исполнять ихъ должности.* О самомъ Шлецерѣ Цвѣтаевъ разсказывалъ Погодину: Шлецеръ спрашивалъ его на экзаменѣ, и очень былъ радъ услышать, что Цвѣтаевъ говоритъ по-латыни. Онъ восхищался крестомъ Владиміра, присланнымъ ему Государемъ. Экзаменуя Цвѣтаева изъ Нравственной Философіи, Шлецеръ спросилъ его: по чьей системѣ учились вы?—По Канту. Я Канта не понимаю, сказалъ Шлецеръ. Я учился по Вольфу. Но такъ скажите намъ, отчего вы оставили Вольфа и взяли Канта?“ Кромѣ того, Цвѣтаевъ разсказывалъ Погодину о Французахъ, о Шишковѣ, и также сообщилъ ему, что проповѣдь, сказанная Платономъ при освященіи церкви у графа Безбородко, была причиною его ссоры съ Павломъ [471]).

Въ это время, т. е. осенью 1823 года, въ Москвѣ пребывалъ Грибоѣдовъ и окончательно отдѣлывалъ свое *Горе отъ Ума* [472]). Упоминаніе этого славнаго имени Погодинымъ въ первый разъ мы встрѣчаемъ 10 декабря 1823 года, въ слѣдующей лаконической записи *Дневника*: „Говорилъ съ княжною Аграфеною Ивановною Трубецкою *о Грибоѣдовѣ*“; но чтò говорилъ, намъ, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ.

Осенью 1823 года возобновилась и дѣятельность литературнаго Общества, собиравшагося у С. Е. Раича. Въ это время Погодинъ привлекъ въ Общество Андросова и Кубарева. Въ одномъ засѣданіи, Погодинъ прочелъ свою *Ніобу*, которую онъ перевелъ изъ Овидія, во время лѣтняго своего пребыванія въ Знаменскомъ; но это чтеніе, кажется, не имѣло успѣха, ибо онъ, какъ самъ сознается, „не слишкомъ много слышалъ похвалъ“ [473]). Въ засѣданіи, бывшемъ 31 октября, толковали

о Тацитѣ, котораго Погодинъ въ это время началъ изучать и мечталъ перевести его сочиненіе *О Германіи*. Толковали также о Цицеронѣ, отрывокъ изъ котораго переводилъ Погодинъ съ Кубаревымъ. Кубаревъ въ этомъ засѣданіи предложилъ соорудить памятникъ Ломоносову. По окончаніи засѣданія, Погодинъ ужиналъ у Кубарева [474]). Въ день имянинъ Погодина, было также засѣданіе Общества, въ которомъ онъ прочелъ свой переводъ изъ Аста. Въ этомъ засѣданіи „хохотали надъ Норовымъ". Черезъ недѣлю, Погодинъ съ Кубаревымъ опять отправились въ засѣданіе Общества, и при этомъ Погодинъ замѣтилъ, что князь Одоевскій „обошелся съ нимъ не такъ, какъ съ Кубаревымъ" [475]). Въ засѣданіи 29 ноября, читали *Бахчисарайскій Фонтанъ*, и Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтилъ: „Вздоръ". Кромѣ засѣданій у Раича, члены Общества сходились и у Погодина, и у Титова, и у Кубарева, и толковали о предметахъ возвышенныхъ и интересовавшихъ Общество. Въ день Святыхъ Тріехъ Святителей, Петра, Алексія и Іоны, былъ обѣдъ у именинника Кубарева, и толковали о древней Миѳологіи, о Янусѣ, Оденѣ. Погодинъ свои имянины праздновалъ 10 ноября. Онъ заказалъ „пирогъ у Юрцовскаго". Къ нему собрались: Оболенскій, Томашевскій, Бычковъ, Кубаревъ, Черняевъ, Григоровичъ, и безъ зову явился Кантемировъ. Однажды вечеринку Кубарева посѣтилъ В. П. Титовъ и „плѣнилъ Кубарева". Предметомъ разговоровъ были Іудеи, хранившіе понятіе объ единомъ Богѣ въ древности. Не забытъ былъ также и Шеллингъ. Говорили о томъ „небесномъ состояніи, въ которомъ была душа Шеллинга, когда онъ постигъ свою систему". Вечеръ заключили ужиномъ. На Погодина произвелъ этотъ вечеръ самое пріятное впечатлѣніе. „Превосходны такія дружескія бесѣды", отмѣтилъ онъ въ *Дневникѣ*. Собесѣдниковъ своихъ Титовъ пригласилъ къ себѣ на вечеръ. Въ назначенный день, 19 октября, Погодинъ зашелъ къ Кубареву, и вмѣстѣ отправились къ Титову. Вечеръ прошелъ въ разнообразныхъ и любопытныхъ бесѣдахъ, содержаніе кото-

рыхъ Погодинъ, по обычаю своему, передаетъ только въ однихъ очеркахъ. Говорили о Шеллинговой Философіи, о Руссо, о нашихъ обрядахъ, объ ученомъ сословіи, о Несторѣ, объ Исторіи. Отъ Титова онъ отправился къ Кубареву ужинать и продолжали бесѣду о Титовѣ, о журналѣ, и пр. При этомъ Погодинъ сознается: „Многому научился я отъ Кубарева“. Бесѣды у Титова произвели на Погодина такое впечатлѣніе, что даже на другой и на третій день онъ размышлялъ о нихъ, и записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Нравственное преобразованіе міра предшествовало преобразованію политическому. Сперва явился Христосъ, произошелъ поворотъ въ умѣ; потомъ переселеніе народовъ измѣнило внѣшній видъ всего. Второй примѣръ: реформація, революціи. — Чудно. – Думалъ объ Исторіи. Надлежитъ пересмотрѣть всѣ оригинальныя историческія сочиненія, столпы Исторіи, напр., Моисея, Геродота, Діодора. Подвергнуть ихъ критикѣ; далѣе, пересмотрѣть всѣ сочиненія, извлечь изъ нихъ нужное и полезное, оцѣнить и, такимъ образомъ, избавить нашихъ потомковъ отъ невозможнаго труда прибѣгать къ симъ безчисленнымъ сочиненіямъ. Раздѣлить по вѣкамъ эту работу [476]).

XXVI.

Въ 1824 году, въ Москвѣ, князь П. А. Вяземскій издалъ, на свой счетъ, *Бахчисарайскій фонтанъ* Пушкина и, *по просьбѣ* автора, написалъ предисловіе къ этой поэмѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевскаго острова* [477]). Пушкинъ остался чрезвычайно доволенъ этимъ предисловіемъ и писалъ изъ Одессы (весною 1824 года) князю Вяземскому: „*Разговоръ* прелесть: какъ мысли, такъ и блистательный образъ ихъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Слогъ твой чудесно шагнулъ впередъ“; [478]) но *Разговоромъ* остался недово-

ленъ Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ и выступилъ въ *Вѣстникѣ Европы* противъ князя Вяземскаго, напечатавъ тамъ другой *Разговоръ*, уже между классикомъ и издателемъ *Бахчисарайскаго фонтана*, но подъ статьею не подписалъ своего имени. Князь Вяземскій „съ энергіею и ловкостью возражалъ Дмитріеву въ *Дамскомъ Журналѣ*, князя П. И. Шаликова. Такимъ образомъ запылала война, обратившая на себя въ тогдашнемъ Словесномъ мірѣ всеобщее вниманіе. Какъ относился къ этому спору Погодинъ мы не знаемъ; но въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующее, къ этому спору относящееся: „Былъ у Мерзлякова. Хулилъ Вяземскаго предисловіе". Каченовскій также весьма неодобрительно отзывался объ этомъ предисловіи [479]). Несочувственные отзывы этихъ двухъ столповъ супротивной князю Вяземскому стороны намъ совершенно понятны. Однажды, Погодинъ заходитъ къ Каченовскому и застаетъ у него М. А. Дмитріева, который, какъ мы уже знаемъ, не подписалъ своего имени подъ *Вторымъ разговоромъ*, и они стали толковать о *Разговорѣ* князя Вяземскаго и contra. Между прочимъ, Каченовскій сказалъ, что Калайдовичъ „получаетъ за деньги чрезъ наборщиковъ корректурные листы; я замѣтилъ разъ это", продолжалъ Каченовскій, „услыша отъ Мерзлякова въ Обществѣ такія штуки, которыхъ онъ знать самъ не могъ; отнесся къ фактору и объяснилось дѣло. У него, Калайдовича, видѣлъ на столѣ эти листики". Погодину не хотѣлось быть свидѣтелемъ этой бесѣды Каченовскаго съ Дмитріевымъ, и онъ ушелъ, изъ боязни, чтобы не подумалъ Дмитріевъ, что чрезъ Погодина разнесся слухъ о принадлежности Дмитріеву *Второго разговора* [480]). Дмитріевъ въ одномъ мѣстѣ своего *Второго разговора*, между прочимъ, напечаталъ слѣдующее: „*Издатель* (т. е. князь Вяземскій). И такъ, *Разговоръ* мой вамъ не нравится? *Классикъ* (т. е. Дмитріевъ). Признаюсь, жаль, что вы напечатали его при прекрасномъ стихотвореніи Пушкина. Думаю, и самъ авторъ объ этомъ пожалѣетъ" [481]). Это мѣсто задѣло за живое самого Пушкина, и онъ вынужденъ былъ въ *Сынѣ Отече-*

ства сказать, между прочимъ, слѣдующее: „Князь П. А. Вяземскій, предпринявъ, изъ дружбы ко мнѣ, изданіе *Бахчисарайскаго фонтана*, присоединивъ къ оному *Разговоръ* между издателемъ и антикритикомъ, разговоръ, вѣроятно, вымышленной: по крайней мѣрѣ, если между нашими печатными классиками многіе силою своихъ сужденій сходствуютъ съ классиками Выборгской стороны, то, кажется, ни одинъ изъ нихъ не выражается съ его остротой и свѣтской вѣжливостью. *Авторъ очень радъ*, что имѣетъ случай благодарить князя Вяземскаго за прекрасный его подарокъ. *Разговоръ между Издателемъ и Классикомъ съ Выборгской стороны* писанъ болѣе для Европы вообще, чѣмъ исключительно для Россіи, гдѣ противники романтизма слишкомъ слабы и незамѣтны и не стоятъ столь блистательнаго отраженія“ [482]). Но Пушкинъ вообще былъ недоволенъ этою полемикою, по крайней мѣрѣ вотъ что писалъ онъ къ будущему декабристу, А. А. Бестужеву (24 іюня 1824): „Мнѣ грустно, мой милый, что ты ничего не пишишь. Кто же будетъ писать? М. Дмитріевъ да А. Писаревъ? Хороши! Еслибы покойникъ Байронъ связался браниться съ полупокойникомъ Гете, то и тутъ бы Европа не шевельнулась, чтобы ихъ стравить, поддразнить или окатить холодною водою. Вѣкъ полемики миновалъ. Для кого же занимательно мнѣніе Дмитріева о мнѣніи Вяземскаго, или мнѣніе Писарева о самомъ себѣ? Я принужденъ былъ вмѣшаться, ибо призванъ былъ въ свидѣтели М. Дмитріевымъ, но больше не буду“ [483]). Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что современники, еще тогда занимавшіеся явленіями нашей Словесности, съ „напряженнымъ вниманіемъ“, слѣдили за этимъ споромъ, возникшемъ по поводу выхода въ свѣтъ *Бахчисарайскаго фонтана*, да и князь П. А. Вяземскій былъ не такой человѣкъ, чтобы изъ пустяковъ сталъ ломать копья, что болѣе, чѣмъ кому либо, было извѣстно и самому Пушкину.

Переводъ небольшого отрывка изъ сочиненія Тунмана о *Козарахъ*, напечатанный въ декабрьской книжкѣ *Вѣстника*

Европы 1823 года, сдѣлалъ Погодина извѣстнымъ государственному канцлеру, графу Н. П. Румянцову, который, между прочимъ, писалъ (отъ 18 января) А. Ѳ. Малиновскому: „Кто таковъ Погодинъ, который помѣстилъ въ послѣднемъ номерѣ *Вѣстника Европы* переводъ свой о Казарахъ Тунманова ученаго сочиненія". Когда Малиновскій сообщилъ Государственному Канцлеру требуемыя имъ свѣдѣнія, то послѣдній отвѣчалъ (отъ 15 февраля 1824): „Г. Погодина поощряйте, пожалуйте, вятще, вятще его заниматься познаніями Исторіи нашей и о ея первобытныхъ временахъ" [484]). Въ это время Погодинъ усердно занимался своею диссертаціею *О происхожденіи Руси* и отрывки изъ нея печаталъ въ *Вѣстникѣ Европы*. „Отвезъ Каченовскому", пишетъ онъ, „пьесу на Карамзина" [485]), и эта пьеса, подъ заглавіемъ: *Нѣчто о толкованіи однаго мѣста въ Несторѣ* (отрывокъ 1), вскорѣ появилась на страницахъ *Вѣстника Европы*. Погодинъ доказываетъ, что выраженіе Нестора „Пояша по себѣ всюю Русь", значитъ: „взяли съ собою всѣхъ Русовъ". Между тѣмъ, Карамзинъ полагалъ, что это выраженіе значитъ: „что братья (Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ) раздѣлили между собою Чудскую и Славянскую землю" [486]). Вслѣдъ за симъ, появился въ *Вѣстникѣ Европы* рядъ отрывковъ изъ диссертаціи Погодина. Отрывокъ 2-й. *Еще объ одномъ мѣстѣ изъ Нестора*. Здѣсь разбирается слѣдующее мѣсто изъ Нестора:" *Аскольдъ же и Диръ остаста въ градѣ семъ, и многи Варяги совокуписта и начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же, княжащу въ Новгородѣ, въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374, иде Аскольдъ и Диръ на Греки*". Карамзинъ читалъ это мѣсто такъ: Аскольдъ, и пр. начаста владѣти Польскою землею. Рюрику же, княжащу въ Новѣгородѣ въ лѣто 6371 (863), и пр. Но Погодинъ доказывалъ, что это мѣсто слѣдуетъ читать такъ: „Аскольдъ и Диръ—начаста владѣти Польскою землею, Рюрику же княжащу въ Новѣгородѣ.—Въ лѣто 863, 864, 865, 866 иде Аскольдъ" [487]). Еще въ 1822 году, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Выступилъ на сцену въ *Сѣверномъ*

разсказывалъ объ этомъ у Трубецкихъ [494]). Благосклонное вниманіе Государственнаго Канцлера къ Погодину произвело впечатлѣніе и на Малиновскаго, который, какъ мы уже видѣли выше, и ранѣе того оказывалъ расположеніе къ Погодину, и даже пригласилъ его въ свой Архивъ въ то время, когда оный обозрѣвалъ архіепископъ Филаретъ. При этомъ Погодинъ примѣтилъ, что Филаретъ „оправдывалъ больше патріарха Никона, нежели царя Алексія“ [495]). Во всякомъ случаѣ на Малиновскаго произвело впечатлѣніе вниманіе Государственнаго Канцлера къ Погодину. Когда, послѣ того, Погодинъ зашелъ къ Малиновскому, то послѣдній обласкалъ его до крайности и при этомъ сообщилъ ему много любопытныхъ свѣдѣній. „Однажды“, разсказывалъ Малиновскій, „Екатерина спросила историка Шербатова: — какое государство будетъ процвѣтать черезъ сто лѣтъ. — Тотъ отвѣчалъ — Россія. — Я не для этого васъ спрашивала, — возразила Государыня, — я мѣчу на Америку. Щербатова рекомендовалъ Екатеринѣ Миллеръ, отказавшійся писать Исторію за старостію. Говорили о Вяземскомъ, Дмитріевѣ. Карамзинъ, издавая *Вѣстникъ Европы*, не могъ заняться имъ совершенно, по причинѣ тяжкой болѣзни жены, и взялъ Жуковскаго къ себѣ, — тотъ, по его назначенію, работалъ. Карамзинъ, впрочемъ, иногда жаловался, — „вотъ, — говоритъ, — никакъ нельзя не смотрѣть самому, — навыворотъ выходитъ“. Въ іюнѣ 1824 года, Москву посѣтилъ Государственный Канцлеръ, и Погодинъ имѣлъ счастіе быть приглашеннымъ къ нему на обѣдъ. Маститый Меценатъ принялъ молодого, только что выступающаго на свое поприще, ученаго „отмѣнно ласково“. Этотъ пріемъ очень польстилъ и тронулъ Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая запись его въ *Дневникѣ*: „Румянцовъ имѣетъ прекрасныя познанія. Я слабъ, старъ, — сказалъ онъ, — видите, въ какомъ положеніи, по крайней мѣрѣ стараюсь дѣлать возможное. Почтенный человѣкъ!“ [496]).

Въ это время графъ Румянцовъ предложилъ Погодину перевесть новый трудъ Іосифа Добровскаго *о Кириллѣ*

очень доволенъ, что отрывокъ этотъ былъ напечатанъ Каченовскимъ „безъ перемѣны". Вмѣстѣ съ тѣмъ его интересовалъ вопросъ: „Каково-то понравится Графу?" [490]). Въ то же время, онъ „хохоталъ" надъ „какими-то прекрасными остротами Каченовскаго". Вслѣдъ за симъ, Погодинъ напечаталъ въ *Вѣстникѣ Европы* еще три отрывка изъ своей диссертаціи: Отрывокъ 4-й. *Замѣчанія на нѣкоторыя мѣста въ Несторѣ*, въ которыхъ разсмотрѣно слѣдующее мѣсто въ Несторѣ: „*Въ лѣто 6452, Игорь же, совокупивъ вои многи, Варяги Русь, и Поляны... поиде на Греки*. Р. Ѳ. Тимковскій и П. М. Строевъ соединили *Варяговъ—Русь*, разумѣя подъ ними поселившихся между Славянами призванныхъ Варяговъ-Русь; но Погодинъ полагаетъ, что въ этомъ мѣстѣ Варяговъ должно отдѣлить запятою отъ Руси" [491]). *Отрывокъ 5-й. Варяги-Русь 862 года, не суть Варяги 859 года.* Въ этомъ отрывкѣ, Погодинъ, вопреки Карамзину и Шлецеру, отличаетъ Варяговъ изгнанныхъ отъ призванныхъ, и это мнѣніе свое онъ подкрѣпляетъ слѣдующими словами Арцыбашева; „Кто были точно не одни: допустя угнетеннымъ народамъ употребленіе самаго скуднаго человѣческаго разсудка, нельзя подумать, чтобы они подвергли себя снова игу тирановъ раздраженныхъ, или бы стали искать въ нихъ самихъ защитниковъ противу ихъ самихъ" [492]).

Наконецъ, въ Отрывкѣ 6-мъ, Погодинъ объясняетъ: какое море Несторъ называетъ Варяжскимъ, и что разумѣть должно подъ землями *Агнянска* и *Волошска* [493]). Всѣ эти статьи обратили сугубое вниманіе на Погодина Государственнаго Канцлера, который писалъ Малиновскому: „Я такъ продолжаю быть доволенъ истолкованіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ Нестора г. Погодина, которыя онъ помѣщаетъ въ *Вѣстникѣ Европы*, что очень желаю съ нимъ познакомиться лично, а васъ прошу, при появленіи изслѣдованія о сочиненіяхъ *Іоанна Болгарскаго*, подарить ему отъ меня одинъ экземпляръ, въ знакъ моего къ нему уваженія". Когда Малиновскій объявилъ это письмо Погодину, то сей послѣдній пришелъ въ восторгъ: „Добрый старецъ!", восклицаетъ онъ въ *Дневникѣ*, и „съ торжествомъ"

разсказывалъ объ этомъ у Трубецкихъ [494]). Благосклонное вниманіе Государственнаго Канцлера къ Погодину произвело впечатлѣніе и на Малиновскаго, который, какъ мы уже видѣли выше, и ранѣе того оказывалъ расположеніе къ Погодину, и даже пригласилъ его въ свой Архивъ въ то время, когда оный обозрѣвалъ архіепископъ Филаретъ. При этомъ Погодинъ примѣтилъ, что Филаретъ „оправдывалъ больше патріарха Никона, нежели царя Алексія" [495]). Во всякомъ случаѣ на Малиновскаго произвело впечатлѣніе вниманіе Государственнаго Канцлера къ Погодину. Когда, послѣ того, Погодинъ зашелъ къ Малиновскому, то послѣдній обласкалъ его до крайности и при этомъ сообщилъ ему много любопытныхъ свѣдѣній. „Однажды", разсказывалъ Малиновскій, „Екатерина спросила историка Щербатова: — какое государство будетъ процвѣтать черезъ сто лѣтъ. — Тотъ отвѣчалъ — Россія. — Я не для этого васъ спрашивала, — возразила Государыня, — я мѣчу на Америку. Щербатова рекомендовалъ Екатеринѣ Миллеръ, отказавшійся писать Исторію за старостію. Говорили о Вяземскомъ, Дмитріевѣ. Карамзинъ, издавая *Вѣстникъ Европы*, не могъ заняться имъ совершенно, по причинѣ тяжкой болѣзни жены, и взялъ Жуковскаго къ себѣ, — тотъ, по его назначенію, работалъ. Карамзинъ, впрочемъ, иногда жаловался, — „вотъ, — говоритъ, — никакъ нельзя не смотрѣть самому, — навыворотъ выходитъ". Въ іюнѣ 1824 года, Москву посѣтилъ Государственный Канцлеръ, и Погодинъ имѣлъ счастіе быть приглашеннымъ къ нему на обѣдъ. Маститый Меценатъ принялъ молодого, только что выступающаго на свое поприще, ученаго „отмѣнно ласково". Этотъ пріемъ очень польстилъ и тронулъ Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая запись его въ *Дневникѣ*: „Румянцовъ имѣетъ прекрасныя познанія. Я слабъ, старъ, — сказалъ онъ, — видите, въ какомъ положеніи, по крайней мѣрѣ стараюсь дѣлать возможное. Почтенный человѣкъ!" [496]).

Въ это время графъ Румянцовъ предложилъ Погодину перевесть новый трудъ Іосифа Добровскаго *о Кириллѣ*

и Меѳодіи. Погодинъ принялъ это предложеніе съ радостью. „Съ восхищеніемъ думалъ“, писалъ онъ, „о переводѣ новой книжки Добровскаго: *Кирилла и Меѳодія*“.[497]) Черезъ нѣсколько времени, графъ Румянцовъ писалъ Малиновскому: „Препровождаю къ вамъ, на Нѣмецкомъ языкѣ, сочиненное славнымъ Добровскимъ, критическое изслѣдованіе *о Кириллѣ и Меѳодіи*. Предложите, пожалуйте, отъ меня именно г. Погодину взять на себя трудъ сію книжку перевесть на Русскій языкъ. Въ воздаяніе за сіе, я готовъ отдѣлить 50 экземпляровъ печатныхъ отъ изданія сего перевода, которые онъ можетъ пустить въ продажу себѣ на пользу; но вы можете дѣлать мнѣ возраженіе противъ таковаго моего заключенія, что сіе воздаяніе не достаточно. Г. Погодинъ ищетъ содѣлать себя извѣстнымъ, и таковый его трудъ, конечно, къ тому поведетъ его отличнымъ образомъ. Вслѣдъ за симъ, графъ Румянцовъ вторично писалъ Малиновскому по сему предмету: „Вы меня одолжить изволили, склоня г. Погодина на переводъ критическаго изслѣдованія *о Кириллѣ и Меѳодіи*, знаменитаго Добровскаго. За трудъ, столь отличнаго переводчика я готовъ воздать деньгами, сколько ваше превосходительство мнѣ присудите; но не могу согласиться на то, чтобы подарить ему по одному экземпляру изъ тѣхъ книгъ, кои печатались на мое иждивеніе. Изъ сего вышелъ бы примѣръ, для меня невыгодный: всѣ экземпляры будутъ расходиться по моимъ знакомымъ, не доходя до публики и, слѣдовательно, минуя совершенно ту цѣль, для которой я таковыя изданія предпринималъ“. Погодинъ съ ревностью приступилъ къ переводу. 23-го ноября 1824 года онъ его окончилъ и отнесъ къ Малиновскому, который этотъ переводъ отправилъ графу Румянцову. Въ отвѣтъ на письмо, по поводу присылки перевода, Румянцовъ писалъ (25 ноября 1824) Малиновскому: „Поблагодарите пожалуста г. Погодина за то, что не замедлилъ переводомъ. Съ большимъ удовольствіемъ готовъ я заплатить ему за сей трудъ 250 р. асс. Прикажите сдѣлать смѣту, во сколько станетъ печатаніе сего

изданія“ [498]). Съ своей стороны, Погодинъ написалъ слѣдующее письмо Государственному Канцлеру: „Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Съ чувствомъ искренняго глубокаго почтенія вашему сіятельству окончилъ порученный мнѣ переводъ книги славнаго Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ. И мои скудныя *двѣ лепты* влагаются въ сокровищницу Просвѣщенія, вами сооружаемую, — примите ихъ съ благосклонностію; ваше вниманіе будетъ для меня лестнѣйшимъ ободреніемъ. Осмѣлюсь предложить также на судъ вашего сіятельства слѣдующія замѣчанія на книгу Добровскаго:

Какимъ образомъ Кириллъ и Меѳодій, *Греки*, *Греческіе подданные*, *исповѣдовавшіе вѣру по Греческому уставу*, рѣшились по духовнымъ дѣламъ своимъ между Славянами признать надъ собою власть *Папы Римскаго*? Добровскій оставляетъ безъ объясненія сей мудреный вопросъ; Шлецеръ также. Нельзя ли, въ разрѣшеніе такого недоумѣнія, сказать, что въ этомъ дѣлѣ вмѣшался личный раздоръ Кирилла (а съ нимъ и Меѳодія) съ Греческимъ патріархомъ, гордымъ и своенравнымъ Фотіемъ? Раздоръ сей могъ произойти отъ несогласія въ мнѣніяхъ между ними, которое было столь важно и гласно, что извѣстіе объ ономъ сохранилось въ современныхъ лѣтописяхъ. Анастасій библіотекарь говоритъ, что нашъ Кириллъ, бывъ другомъ Фотію, упрекалъ его, когда онъ сталъ вводить ученіе о двухъ душахъ въ человѣкѣ, говоря, что зависть и ненависть къ патріарху Игнатію ослѣпили его, и пр. Это мѣсто въ Анастасіи можно видѣть у Шлецера, въ его *Несторѣ*, по Русскому переводу, II, 445; у Добровскаго, 36. Посему-то Фотій, въ посланіи своемъ къ Восточнымъ архіепископамъ, говоря объ обращенныхъ народахъ: Булгарахъ, Руссахъ, не упоминаетъ вовсе о Моравахъ, чему такъ удивлялся Шлецеръ (II, 448). Въ обращеніи ихъ Фотій не имѣлъ никакого участія, и обратители подчинились Риму, врагу Фотіеву. Сія подчиненность Кирилла и Меѳодія Риму приводитъ меня также къ заключенію, что наши Апостолы не были торжественно посланы Греками къ Славянамъ: если бы они были *посланы Греками*,

тогда никакимъ уже образомъ не могли бы относиться не къ Грекамъ. Дѣйствительно, требованіе Ростиславомъ, Святополкомъ и Коцеломъ учителей у Грековъ, о коемъ говоритъ вставщикъ Несторовъ, по многимъ причинамъ, невѣроятно. Самому Добровскому кажется оно сомнительнымъ, выдуманнымъ для прикрасы, хотя онъ и не выразился объ этомъ рѣшительно. Страны, въ коихъ владѣли Князья сіи, пріяли уже святое крещеніе отъ Римскихъ миссіонеровъ, имѣли Римскихъ священниковъ, и подчинены были Папѣ; съ чего же Князьямъ симъ обратиться вдругъ къ чуждому Двору, къ Греческому? Въ 865 году, по извѣстію современнаго Кириллу и Меѳодію писателя, въ эпоху пребыванія тамъ братьевъ, Зальцбуржскій архіепископъ *Адальвинъ* праздновалъ у *Коцела* день Рождества Христова. Князья были заняты въ это время важными политическими дѣлами, раздорами и между собою, и съ Нѣмецкими государями. Святополкъ, вовсе не вступавшійся въ дѣла духовныя, является впослѣдствіи совершенно на сторонѣ *Латинскихъ* священниковъ, и принуждаетъ Меѳодія оставить свою епархію и удалиться съ горестію въ Римъ. Объ обращеніи Моравовъ Греки молчатъ совершенно. Замѣтимъ наконецъ, что извѣстіе о семъ требованіи находится въ одной легендѣ, причемъ упоминается только Ростиславъ; вставщикъ Несторовъ, жившій, по мнѣнію Добровскаго, въ XIV вѣкѣ, прибавляетъ уже Святополка и Коцела. Кажется, что Кириллъ и Меѳодій начали проповѣдь между Моравами сами собою, по крайней мѣрѣ, безъ торжественнаго участія Греческой церкви. Кириллъ и Меѳодій были въ Римѣ въ концѣ 867 года. Кириллъ принесъ туда мощи св. Климента, получилъ великую благодарность отъ папы, скончался тамъ и погребенъ былъ съ великою честію; Меѳодій посвященъ папою въ архіепископа. И при всемъ томъ, папа (преемникъ посвятившаго), Іоаннъ VIII, въ буллѣ своей къ Святополку Моравскому, 880 года, говоритъ, что Славянскія письмена изобрѣтены *какимъ-то* философомъ Константиномъ. Добровскій видѣлъ противорѣчіе въ этомъ обстоятельствѣ, но не объяснилъ

онаго (76). Шлецеръ назвалъ мимоходомъ папу Іоанна за это невѣждою, какъ будто бы Папа и Римляне, знавшіе прежде, могли позабыть, кѣмъ и какъ изобрѣтена Славянская грамота. Не должно ли заключить изъ такихъ словъ Папы, что Кириллъ и Меѳодій, явясь въ первый разъ въ Римъ и долженствуя, какъ чужестранцы, преодолѣть много затрудненій, для удержанія за собою обращенныхъ земель, *скрыли* введеніе ими Богослуженія на Славянскомъ языкѣ (и, слѣдовательно, изобрѣтеніе Славянской грамоты), столь несогласное съ духомъ Римской церкви. Сія догадка превращается въ полную достовѣрность, когда мы читаемъ, по какимъ причинамъ папа Іоаннъ VIII, въ буллѣ 879 года, вызываетъ Меѳодія изъ его архіепископіи въ Римъ, для отвѣта. „*Слышимъ* мы“, говоритъ Папа (у Шлецера, II, 503), „что ты поешь Литургію на варварскомъ, т. е. на Славянскомъ, языкѣ“. Слѣдовательно, въ 879 году Папа еще не зналъ оффиціально объ употребленіи Славянскаго языка въ службѣ. По сему вызову уже Меѳодій пріѣзжалъ въ Римъ, объяснилъ все дѣло, и пр. Во время же перваго пріѣзда Кирилла и Меѳодія въ Римъ, дѣло между ними и Папою шло, вѣроятно, безъ дальнихъ подробностей. Призванъ ли былъ Кириллъ Папою, слышавшимъ, какъ говоритъ Діоклеецъ у Шлецера, (II, 413), что Кириллъ проповѣдію своею обратилъ множество народа, или сами Кириллъ и Меѳодій пришли въ Римъ, съ намѣреніемъ признать надъ собою власть папы, неся какъ бы на поклонъ мощи Св. Климента? Патріархъ Греческій и папа Римскій ревновали одинъ передъ другимъ въ обращеніи земель. Папѣ очень нужно было, какъ замѣчаетъ Добровскій, утвердить за собою Моравію, посему онъ и принялъ съ радостію поддававшихся Грековъ, кои мнѣніемъ о себѣ народа были тамъ сильны, ласкалъ ихъ на первый случай, и оставлялъ все какъ бы на ихъ волю. Впослѣдствіи папа, вѣрный своей политикѣ, поступаетъ иначе, *призываетъ* Меѳодія *къ отвѣту*, и пр. При семъ случаѣ должно замѣтить о великихъ талантахъ Меѳодія. Какимъ образомъ могъ онъ довести папу до того,

что онъ не только оставилъ безъ вниманія всѣ навѣты *своего* Латинскаго духовенства, но и торжественно позволилъ употребленіе Славянскаго языка? Послѣ смерти Меѳодіевой, папы заговорили другимъ языкомъ: тотчасъ являются Латинскіе архіепископы. Іоаннъ XII (чрезъ 100 лѣтъ), позволяя основать Епископство Пражское, именно говоритъ (у Шлецера II, 527): „однакожъ, не по обряду или сектѣ Булгарскаго народа, или Русскаго или Славянскаго языка". По какому обряду совершаемо было Богослуженіе въ обращенныхъ земляхъ, по Греческому или Римскому? Добровскій не упоминаетъ объ этомъ любопытномъ вопросѣ. Мнѣ кажется, отчасти по Римскому. Что́ могъ обѣщать Меѳодій папѣ при первомъ своемъ подданствѣ, какъ не это? Чѣмъ могъ оправдаться послѣ и поддержать довѣренность папы, какъ не этимъ? „Слышимъ мы", говоритъ Іоаннъ VIII, въ буллѣ Твентару Моравскому (Шлецеръ, II, 504), „что архіепископъ вашъ Меѳодій, поставленный предшественникомъ нашимъ, папою Адріаномъ, учитъ иначе, нежели какъ *обѣщался* вѣровать, словесно и письменно". Что это было *клеветою* на Меѳодія завидовавшихъ Латинскихъ духовныхъ, свидѣтельствуетъ тотъ же Папа, въ буллѣ къ Сватополку: „Итакъ, мы вопрошали сего Меѳодія, почтеннаго архіепископа вашего, предъ лицемъ нашихъ братьевъ епископовъ, такъ ли онъ вѣруетъ Символу Православной вѣры, и поетъ его на Литургіи, какъ исповѣдуетъ Римская церковь; онъ же объявилъ, что исповѣдуетъ и поетъ по Евангельскому и Апостольскому ученію, какъ научаетъ Св. Римская церковь. Мы же, нашедъ его во всѣхъ церковныхъ ученіяхъ православнымъ исповѣдникомъ, посылаемъ паки къ управленію ввѣренныя ему церквами Божіями".

Вѣроятно, что Кириллъ и Меѳодій, столь въ высокой степени *благоразумные* Греки, желая сохранить важнѣйшую выгоду,—употребленіе Славянскаго языка и свое вліяніе на обращенныхъ, рѣшились на принятіе нѣкоторыхъ внѣшнихъ обрядовъ Римскихъ, тѣмъ болѣе, что въ существенномъ Церкви тогда не различались,—послѣ нихъ, все уже подавлено было Латинствомъ. Принятіе Кирилломъ епископскаго сана, которое и До-

бровскій не совсѣмъ утверждаетъ, сомнительно. Какая назначена была ему епископія? За нѣсколько дней только предъ смертію, онъ принялъ уже имя Кирилла.

Обращеніе Хозаріи также сомнительно. Извѣстіе объ ономъ находится только въ Легендѣ и у Діоклейца. Хозары долго послѣ Кирилла и Меѳодія были не христіанами; для обращенія, которое, вѣроятно, по незнанію языка, должно было быть гораздо труднѣе, нежели обращеніе знакомыхъ Славянъ, полагалось мало времени; нѣтъ никакихъ слѣдовъ старанія Константинова утвердить вѣру въ новообращенныхъ; у Византійцевъ нѣтъ извѣстія объ обращеніи Хозаровъ.

Осмѣливаюсь предложить слѣдующіе вопросы Добровскому, нужные, кажется, для поясненія. Почему отказались Кириллъ и Меѳодій отъ вліянія на обращенную ими Болгарію? — Нельзя ли сего обстоятельства употребить также для первой моей догадки? Есть ли что̀-нибудь въ Греческихъ Минеяхъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ? Нужно изслѣдованіе подробнѣйшее о времени сочиненія первой Латинской легенды. Нѣтъ ли какихъ-нибудь оффиціальныхъ извѣстій о мощахъ св. Климента въ Римѣ, кромѣ находящихся въ Легендахъ? Желательно также имѣть все мѣсто изъ Анастасія библіотекаря о сихъ мощахъ. Нельзя ли найти какой-нибудь слѣдъ для объясненія, кто былъ Твентаръ, къ коему папа Іоаннъ VIII писалъ посланіе? Собственное ли это имя, или нарицательное? Вихингъ—какое имя? Нужно доказательство подробнѣйшее, что мѣсто о Кириллѣ и Меѳодіѣ въ Несторѣ принадлежитъ не ему, а вставщику. Доказательства Добровскаго послужили бы новою мѣрою для опроверженія другихъ сомнительныхъ мѣстъ въ Несторѣ.

Желательно также, чтобъ извѣстные наши филологи: Востоковъ, Калайдовичъ, Ермолаевъ обратили вниманіе въ слѣдующемъ отношеніи на Несторову Лѣтопись: нѣтъ ли въ мѣстахъ, почитаемыхъ позднѣйшими вставками, какихъ-либо отмѣнъ орфографическихъ отъ прочихъ мѣстъ, несомнительно принадлежащихъ Нестору. Такими сомнительными кажутся мнѣ, напримѣръ, еще нѣсколько мѣстъ среду [illegible]

однимъ и тѣмъ же предложеніемъ: „Поляномъ бо, жившимъ особь“, и пр. Нельзя ли представить какой-нибудь догадки, откуда Руссъ XIV столѣтія заимствовалъ свое извѣстіе о Кириллѣ и Меѳодіѣ, несогласное отчасти со всѣми Латинскими и Греческими сочиненіями, приводимыми славнымъ Добровскимъ? *).

На это письмо графъ Румянцовъ отвѣчалъ Погодину: „Благодарю васъ за письмо, каковымъ меня удостоить изволили, и за то, что довершили возложенный на васъ трудъ перевода новаго сочиненія ученаго Добровскаго. Я сей переводъ отправилъ въ Петербургъ къ г. Востокову, для сличенія съ Нѣмецкимъ подлинникомъ... Я точно исповѣдую предъ вами, что, прельстясь глубокими тѣми познаніями, которыя изобличаютъ въ замѣчаніяхъ вашихъ насчетъ Кирилла и Меѳодія, и той остроумной проницательностію, съ коею изыскиваете историческую истину, я буду, такъ сказать, гоняться за тѣмъ, чтобы утвердить навсегда между вами и мною безпрерывное сношеніе. Не трудно мнѣ и теперь предузнать, что вы будете однимъ изъ лучшихъ моихъ орудій! Кириллъ и Меѳодій точно не были ни слѣпые приверженцы, ни избранные посланники или апостолы Восточной церкви. Мнѣ даже помнится, что Церковь наша, хотя и почитаетъ ихъ за святыхъ и празднуетъ ихъ память 11 мая, но сама Цареградская церковь ихъ въ святыхъ не считаетъ и не празднуетъ. Вамъ не трудно будетъ сіе повѣрить въ Московскомъ Греческомъ монастырѣ. Вамъ извѣстно, какой для Церкви нашей великій праздникъ день перенесенія мощей Николая чудотворца. Греческая церковь не празднуетъ сей день, а скорбитъ о немъ. Въ утвержденіе вашихъ замѣчаній можно многія доказательства привесть, что въ древнія времена, до совершеннаго раздора обѣихъ Церквей, христіане восточныхъ и западныхъ областей могли по произволу показывать наклонность къ обрядамъ или постановленіямъ чужой Церкви. Я

*) На копіи этого письма находится слѣдующая скрѣпа М. А. Веневитинова: „Съ подлиннымъ вѣрно. Михаилъ Веневитиновъ“.

точно помню, что читалъ, что тотъ монашескій католическій орденъ, который извѣстенъ подъ именемъ Les fréres Ecossais, при всемъ подданствѣ своемъ Католической Церкви, первоначально хранилъ въ обрядахъ церковныхъ чиноположеніе Цареградской Церкви. Помнится мнѣ также, что въ Православіи столь извѣстная Студійская обитель, переселясь вся въ Римъ, иногда, при возникавшихъ между обѣими Церквами большихъ спорахъ и разрывахъ, оправдывала ученіе Римлянъ" [499]). Переводъ Погодина графъ Румянцовъ отправилъ Востокову при слѣдующемъ письмѣ: „Препровождаю къ вамъ въ копіи письмо отъ г. Погодина. Вы изволите увидѣть, что этотъ молодой человѣкъ готовится къ большому отличію; сдѣланный же имъ переводъ, который, кажется, требуетъ нѣкоторыхъ поправокъ, я на сей конецъ къ вамъ препровождаю, покорно васъ прося со тщаніемъ разсмотрѣть оный, сличить съ Нѣмецкимъ подлинникомъ, поправить ошибки и указать мнѣ ихъ на особомъ листочкѣ. Г. Погодинъ знаетъ, что я васъ просилъ о сличеніи подлинника съ переводомъ. Вы найдете, на стр. 158 перевода г. Погодина: *безъ вѣдома приходскаго архіепископа и епископа*. Я понять не могу, какъ съ тѣмъ просвѣщеніемъ, которымъ онъ отличается, сдѣлалъ онъ такую ошибку [500]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, графъ Румянцевъ писалъ Малиновскому: „Попросите г. Погодина заготовить самое краткое введеніе, съ тѣмъ, что ежели станетъ въ немъ упоминать обо мнѣ, то съ весьма воздержною хвалою" [501]). О письмѣ Погодина Востоковъ сдѣлалъ графу Румянцову весьма благопріятный отзывъ: „Я съ удовольствіемъ прочелъ сообщенное мнѣ вашимъ сіятельствомъ письмо г. Погодина, содержащее въ себѣ весьма дѣльныя замѣчанія на книгу Добровскаго. Въ непродолжительномъ времени, займусь просмотрѣніемъ перевода его" [502]). Этотъ отзывъ очевидно произвелъ на Румянцова благопріятное впечатлѣніе въ пользу Погодина, что видно изъ слѣдующаго письма Румянцова Малиновскому: „Свидѣтельствуйте, пожалуйте, мой поклонъ г. Погодину и отдайте ему выписку изъ письма Востокова. Я точно прочу себѣ этого молодаго человѣка, и иногда у меня бро-

дить въ мысляхъ намѣреніе употребить его дарованія и большія уже познанія за-границею. И для того мнѣ заблаговременно нужно знать: женатъ ли онъ или холостъ, свободно ли говоритъ по-французски, по-нѣмецки, имѣетъ ли хоть малый навыкъ въ Итальянскомъ языкѣ; также, какое онъ по службѣ занимаетъ мѣсто и получаетъ жалованье, и сверхъ того, сколько трудами своими въ Москвѣ, т. е. за уроки, въ годъ собрать можетъ. Однако, прошу ваше превосходительство собрать эти свѣдѣнія какъ будто отъ себя и не объявляя ни Погодину, ни другому кому, что къ вамъ теперь о немъ пишу" [503]). „О радость!" восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „графъ Румянцовъ пишетъ Малиновскому вопросы обо мнѣ, показующіе, что онъ хочетъ отправить меня въ Италію". Мысль эта засѣла ему въ голову и онъ уже мечталъ о томъ, чтобы Румянцовъ, отправляя его путешествовать, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручилъ бы ему осмотрѣть всѣ учебныя заведенія въ Европѣ, съ согласія нашего Министерства. „Я именемъ человѣчества", писалъ Погодинъ, „попросилъ бы Окена и Шеллинга начертать планъ воспитанія для Россіи". [504]) Получивъ нужныя свѣдѣнія о Погодинѣ, Румянцовъ писалъ (13 февраля 1825 г.) Малиновскому: „Всѣ доставленныя свѣдѣнія о г. Погодинѣ моимъ будущимъ на него видамъ благопріятствуютъ. При первомъ моемъ появленіи въ Москву, я объ этомъ съ вами, а потомъ съ нимъ бесѣдовать буду, и можетъ статься, изъ таковыхъ моихъ видовъ выйдетъ польза". Но когда Малиновскій сообщилъ Румянцову о предложенномъ Погодину мѣстѣ у графа Кочубея, Румянцовъ писалъ: „Не токмо неудерживайте Погодина, но даже присовѣтуйте ему согласиться на сдѣланное ему предложеніе ѣхать въ чужіе края съ сыномъ графа Кочубея; моимъ видамъ обстоятельство сіе еще способствовать будетъ, ибо прежде выполненія ихъ хорошо ознакомитъ г. Погодина съ чужими краями, тамошними учеными и библіотеками" [505]). Но въ то самое время, когда Погодинъ предавался своимъ мечтамъ, несчастный Востоковъ сидѣлъ за Египетскимъ и неблагодарнымъ трудомъ. Но при-

казанію графа Румянцова, онъ сличалъ переводъ Погодина съ подлиннымъ сочиненіемъ Добровскаго, писаннымъ на Нѣмецкомъ языкѣ, и безъ всякаго сомнѣнія, ему было бы гораздо легче перевести самому, нежели исправлять чужой переводъ. Окончивъ возложенное порученіе, Востоковъ писалъ Государственному Канцлеру (18 февраля 1825 г.). „Съ сожалѣніемъ долженъ я донести вашему сіятельству, что переводчикъ весьма слабъ въ Нѣмецкомъ языкѣ. Изъ поправокъ вы усмотрѣть изволите, что онъ нѣкоторыя мѣста понялъ совсѣмъ превратно. Я ожидалъ отъ него болѣе, судя по статьямъ, какія онъ помѣщаетъ въ *Вѣстникѣ Европы*".

По полученіи этого отзыва, графъ Румянцовъ написалъ и Востокову, и Малиновскому. Первому онъ писалъ (отъ 3 марта 1825): „Справедливыя ваши замѣчанія на счетъ г. Погодина меня очень опечалили. Я для перевода изслѣдованія о Кириллѣ и Меѳодіѣ предпочелъ его потому, что въ Москвѣ утверждали съ нѣкоторою о немъ хвалою, что онъ занимается переводомъ Добровскаго Славянской Грамматики, и признаюсь, что прельщался нѣкоторыми статьями, помѣщенными въ *Вѣстникѣ Европы* [506]). Въ тотъ же день, Государственный Канцлеръ писалъ и Малиновскому: „Посылаю двѣ выписки изъ писемъ Востокова, изъ которыхъ только одну можно показать г. Погодину, а по содержанію первой войдите только въ изустномъ разговорѣ въ объясненіе, съ тою скромностію и вѣжливостію, кои столь отличаютъ ваше превосходительство. Однакоже, нельзя мнѣ не желать самому г. Погодину тоже, чтобы его переводъ, какъ приступимъ къ изданію, былъ устраненъ отъ всякаго осужденія, не токмо въ несохраненіи вѣрности, но даже и въ несоблюденіи всей красоты Русскаго слога" [507]). По прочтеніи этого письма, Малиновскій пригласилъ къ себѣ Погодина. „Думалъ", писалъ послѣдній по поводу этого приглашенія, „что Малиновскій зоветъ съ извѣстіемъ графа Румянцова о путешествіи. Не тутъ-то было, Графъ прислалъ *Кирилла* со множествомъ поправокъ Востокова, и большею частію такихъ, о которыхъ онъ могъ бы

написать ко мнѣ. Досадно очень. Блинъ да комомъ“ [508]). Получивъ свой переводъ, онъ тотчасъ же написалъ письмо къ Государственному Канцлеру, слѣдующаго содержанія: „Переводъ мой книги Добровскаго я имѣлъ честь получить вмѣстѣ съ замѣчаніями г. Востокова, которыми не премину воспользоваться. Приношу вашему сіятельству усердную благодарность за доставленіе мнѣ случая видѣть трудъ мой разсмотрѣннымъ отъ такого литератора, каковъ г. Востоковъ. Очень радъ, что поправки его относятся только къ слогу, и что касательно вѣрности, на которую я обращалъ большее вниманіе, не найдено еще мною доселѣ погрѣшностей по замѣчаніямъ. Въ оправданіе мое предъ вашимъ сіятельствомъ и въ первомъ отношеніи, долженъ сказать, что намѣренъ былъ выправить слогъ при печатаніи и отмѣтилъ мѣста у себя, на которыя по сему должно было обратить вниманіе, о чемъ говорилъ и его превосходительству, А. Ѳ. Малиновскому“. Желая сколько нибудь выгородить Погодина, Румянцовъ писалъ Востокову (отъ 7 апрѣля 1825): „Изъ приложенной здѣсь выписки, изъ полученнаго мною письма отъ г. Погодина, усмотрѣть изволите, съ какою благодарностью онъ принялъ замѣчанія ваши на его переводъ Добровскаго“. Востоковъ же, въ свою очередь писалъ Румянцеву: „Сердечно сожалѣю, ежели замѣчанія мои о переводѣ г. Погодина уменьшили доброе мнѣніе, какое ваше сіятельство имѣли о семъ молодомъ человѣкѣ, въ коемъ, судя по статьямъ его, помѣщеннымъ въ *Вѣстникѣ Европы*, нельзя не примѣтить отличной способности къ историческимъ изслѣдованіямъ. Изъ перевода его видно только, что онъ слабъ въ Нѣмецкомъ языкѣ. Можетъ быть, онъ лучше знаетъ Латинскій языкъ, и слѣдовательно, удачнѣе переведетъ Грамматику Добровскаго, нежели Нѣмецкую его книжку о Кириллѣ и Меѳодіѣ. Впрочемъ, переводъ его, послѣ сдѣланныхъ въ немъ поправокъ, можетъ напечатанъ быть, особливо, ежели просмотрѣнъ будетъ какимъ-нибудь опытнымъ литераторомъ, напр., г. Каченовскимъ или Калайдовичемъ“ [509]).

Погодину начинала уже прискучать эта безконечная пе-

реписка о *Кириллѣ*. Разъ приглашаетъ его къ себѣ Калайдовичъ, и онъ думаетъ, что услышитъ отъ него предложеніе на какое-нибудь мѣсто, такъ какъ у него почему-то „составилось понятіе", что графъ Бобринскій предложитъ ему занять мѣсто библіотекаря и приэтомъ онъ мечталъ, что тотъ, подъ его руководствомъ, будетъ споспѣшествовать просвѣщенію, печатать ежегодно книгъ тысячъ на пятьдесятъ. Но этимъ не ограничились мечты Погодина; онъ разсчитывалъ даже поселиться въ домѣ графа Бобринскаго и съ своей будущею супругою. Но увы! Калайдовичъ сообщилъ нашему мечтателю „нѣчто о *Кириллѣ*, отъ графа Румянцова" [510]), и онъ волею-неволею долженъ былъ отложить на время свои мечтанія и вести переписку съ Востоковымъ о Кириллѣ и Меѳодіѣ.

„По препорученію его превосходительства, Алексѣя Ѳедоровича Малиновскаго", писалъ Погодинъ Востокову, „честь имѣю препроводить къ вамъ оттискъ молитвы „Отче нашъ" изъ Остромирова Евангелія, приложенный къ книгѣ г. Добровскаго о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ, и просить объ исправленіи корректуры, если въ оной окажется какая-либо неисправность при сравненіи съ подлинникомъ. Очень радъ, что долженъ въ первомъ письмѣ моемъ къ вамъ изъявить искреннюю мою благодарность за тѣ замѣчанія, которыя вамъ угодно было сдѣлать на переводъ мой книги г. Добровскаго, хотя, признаюсь откровенно, мнѣ было и очень больно въ первую минуту получить отъ графа Румянцова тетрадь свою въ такомъ пестромъ видѣ. Желавъ поскорѣе исполнить порученіе его сіятельства, и занимавшись въ то время другими дѣлами, я позабылъ-было мудрое правило festina lente, и предполагалъ исправить переводъ свой предъ печатаніемъ. Вы простите меня, милостивый государь, за мою откровенность: мнѣ хотѣлось при первомъ случаѣ высказать все, что было у меня на сердцѣ, дабы дать просторъ тѣмъ чувствованіямъ, кои питаю я къ вамъ съ давняго времени. Любя науки, и въ особенности нашу родную Исторію, со всею пылкостію молодого человѣка, я съ чувствомъ горячаго патріота радуюсь, что и у насъ на Руси

начинають дѣлать дѣло просвѣщенія, что и у насъ есть люди, которымъ Несторы Европейскаго ученаго свѣта отдаютъ полную справедливость, а Востоковъ давно уже стоитъ въ почтенномъ кругу ихъ. Могу ли же я питать къ такому человѣку что-либо кромѣ отличнаго уваженія! Осмѣливаюсь спросить еще у васъ, могу ли я при переводѣ помѣстить свои замѣчанія, которыя вамъ, кажется, уже извѣстны чрезъ графа Румянцова. Я писалъ уже объ этомъ къ его сіятельству, но ваше неодобреніе послужитъ для меня, равно какъ и для Графа, достаточною причиною отложить ихъ въ сторону. Также: какіе документы, думаете вы, полезно будетъ приложить къ переводу? Сводъ вашъ изъ Прологовъ я имѣлъ удовольствіе получить, и очень радъ, что Русское изданіе съ такимъ прибавленіемъ будетъ имѣть свою собственную цѣну" [511]).

Съ своей стороны, и Востоковъ не замедлилъ отвѣтить Погодину любезнымъ письмомъ: „Радуюсь случаю съ вами познакомиться. Что касается до переправокъ и замѣчаній, какими я осмѣлился испестрить тетрадь вашего перевода книжки о Кириллѣ и Меѳодіѣ, — усерднѣйше прошу васъ простить мнѣ непріятность, какую я вамъ причинить могъ симъ поступкомъ, при коемъ единственными побужденіями моими были искреннее желаніе вамъ добра и любовь къ истинѣ. Лестныя похвалы, коими вамъ угодно осыпать меня, приводятъ меня въ смущеніе и заставляютъ чувствовать, сколь много еще мнѣ остается сдѣлать, чтобъ заслужить ихъ. Въ принадлежащемъ графу Н. П. Румянцову *Хронографѣ*, писанномъ *1494 г. во Псковѣ*, на об. 444 л., есть отвѣтъ Кирилла-Философа Логоѳету на вопросъ его о Философіи: „Премудрость Философа. Вопроси же, глаголя Философу Логоѳетъ, царевъ строитель: хотѣхъ увѣдѣти, что есть Философія? Онъ же рече: Божіямъ и человѣческимъ бытіямъ разумъ, елико можетъ человѣкъ приближитися Бозѣ, яко дѣтелію учитъ человѣка по образу и по подобію быти створшему й". Къ сему присовокуплено странное, и, вѣроятно, вымышленное извѣстіе, будто бы *гра-*

мота Русская изобрѣтена въ Корсуни нѣкоторымъ Русиномъ, отъ котораго Константинъ Философъ научился оной“ [512]).

Въ апрѣлѣ 1825 года, Погодинъ представилъ рукопись своего перевода въ Цензуру. Многоопытный Каченовскій сказалъ, „что нельзя пропустить въ *Кириллѣ* о нашей *Минеи* [513]). И дѣйствительно, когда Кеппенъ напечаталъ въ своихъ *Библіографическихъ Листахъ* (№№ 8—10) извлеченіе изъ книги Добровскаго, то проживающій въ то время въ Петербургѣ попечитель Казанскаго учебнаго округа Магницкій, прочитавъ это извлеченіе, тотчасъ же написалъ Министру Народнаго Просвященія А. С. Шишкову (отъ 12 мая 1825 г.): „Статьи сіи, основанныя на иноземныхъ сочиненіяхъ, содержатъ въ себѣ: 1) Обличеніе Святцевъ нашихъ, Церковію утвержденныхъ и издаваемыхъ, въ невѣрности. 2) Совершенно искаженное превращеніе жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія, въ опроверженіе священно-церковной книги Четіи Минеи, клонящееся къ тому, чтобы доказать, въ противность положительному преданію Церкви, что не они переводили наши Священныя Книги. 3) Клевету на Святополка, исповѣдовавшаго Православную вѣру, яко бы онъ *заставлялъ народъ свой вѣровать то Христу*, то дьяволу, и другія, подобныя сему, непозволительныя и вредныя нелѣпости“. По мнѣнію Магницкаго, „ежели не самый журналъ, то означенные нумера (8—10) подлежатъ запрещенію“. Вслѣдствіе этого донесенія, князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, по порученію Министра, потребовалъ отъ Кеппена объясненія: „Какъ Русскій дворянинъ“, писалъ Кеппенъ князю Ширинскому (15 іюня 1825), „какъ чиновникъ, съ 1806 года безпорочно продолжавшій службу, не могу не огорчаться тѣмъ, что есть люди, старающіеся находить мнимое зло въ моихъ посильныхъ трудахъ, подкрѣпляемыхъ однимъ токмо желаніемъ быть полезнымъ моему Отечеству, желаніемъ которому я пожертвовалъ лучшими лѣтами и всѣми выгодами сей жизни и которое побудило меня избрать службу, недоставляющую мнѣ даже необходимѣйшаго жалованья. Вмѣсто всякаго удовлетворенія за нанесенную мнѣ обиду, я прошу

одной только милости, состоящей въ томъ, чтобы дозволено было напечатать здѣсь, или въ чужихъ краяхъ, какъ поданное на меня доношеніе, такъ и мои по оному объясненія. Буде его высокопревосходительство не рѣшится самъ на удовлетвореніе сей моей просьбы, то я покорнѣйше прошу испросить мнѣ на сіе Высочайшее Его Императорскаго Величества, отца и заступника всѣхъ и каждаго изъ своихъ подданныхъ, соизволеніе. Если же, паче чаянія, замѣчанія г. Попечителя Казаннаго учебнаго округа, М. Л. Магницкаго, могли быть удостоены какого-либо дальнѣйшаго вниманія, то мнѣ, почитая сіе лишеніемъ послѣдняго и единственнаго моего имущества: *чести*, остается только всепокорнѣйше просить объ исходатайствованіи мнѣ у престола Его Императорскаго Величества дозволенія на безсрочный, съ начала будущаго года, выѣздъ за границу, гдѣ я трудами моими смѣю надѣяться обезпечить мое существованіе". При этомъ письмѣ Кеппенъ представилъ подробное объясненіе, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Логическія и Историческія объясненія противъ поданнаго господиномъ попечителемъ Казанскаго учебнанаго укруга М. Л. Магницкимъ, доношенія о непозволительныхъ якобы статьяхъ, напечатанныхъ въ №№ 8—10 „Библіографическихъ листовъ"*.

Объ этомъ казусѣ Кеппенъ не замедлилъ извѣстить Погодина: „Доносъ г. Магницкаго, послѣдовавшій по случаю напечатанія извлеченія изъ книги г. Добровскаго, вами переведенной, заставилъ меня рѣшительно выказать его невѣжество. Теперь могу вамъ сказать только, что начальство не соглашается на напечатаніе обвиненій и оправданій". Когда слухъ о семъ дошелъ до Государственнаго Канцлера, то онъ съ негодованіемъ писалъ А. С. Шишкову: „Защитите, пожалуйста, преполезные *Библіографическіе листы*, издаваемые Кеппеномъ, отъ того гоненія, которое поднялъ на нихъ Магницкій. Ежели онъ въ своемъ представленіи успѣетъ, какому же осужденію подвергнемся мы непремѣнно за-границею, когда ученые свѣдаютъ, что у насъ сочиненіе г. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ подъ запрещеніемъ, единственно потому, что

сей ученый и почтенный мужъ повѣствуетъ обстоятельства жизни ихъ не такъ, какъ описаны они въ нашей *Минеи-Четіи*. Охраните насъ отъ такого стыда“ [514]). Это письмо Государственнаго Канцлера, вѣроятно, и понудило Шишкова представить донесеніе Магницкаго и объясненія Кеппена на судъ Митрополита Новгородскаго Серафима, который не замедлилъ отвѣтомъ, вполнѣ благопріятнымъ Кеппену. „Конференція Духовной Академіи“, писалъ Митрополитъ, „въ совокупности съ членами Цензурнаго Комитета, разсмотрѣвъ какъ обвинительные пункты г. Попечителя Казанскаго Университета, такъ и отвѣтъ на оные г. Кеппена, представила мнѣ, что она находитъ отвѣтъ сей основательнымъ и удовлетворительнымъ, каковымъ и я его нахожу“. Тѣмъ дѣло и кончилось, а Магницкій началъ познавать западъ свой. Но не въ оправданіе Магницкаго, а въ утѣшеніе наше припомнимъ отзывъ самаго Шлецера о нашей *Минеи Четіи*, заключающей въ себѣ, подъ 11 мая, житіе св. Кирилла и Меѳодія, написанное, какъ извѣстно, Святителемъ Ростовскимъ Димитріемъ. „До сихъ поръ всѣ думали“, пишетъ Шлецеръ, „что весь припасъ для исторіи Кирилла и Меѳодія, состоитъ только изъ сухаго и запутаннаго мѣста изъ Діоклейца, двухъ Латинскихъ легендъ и изъ буллъ папы Іоанна VIII. Я давно уже зналъ изъ Татищева, что въ *Четьѣ Минеѣ* и *Прологѣ* говорится также о нашихъ герояхъ; но ни гдѣ не могъ отыскать сихъ книгъ, и сверхъ того приводимое изъ нихъ Татищевымъ не возбуждало во мнѣ слишкомъ большаго любопытства. Но теперь, къ счастію, попалась мнѣ вышесказанная книга нечаянно въ нашей Геттингенской публичной библіотекѣ; къ удивленію своему нахожу я въ ней *отмѣнно полное* и подробное повѣствованіе о нашемъ дѣлѣ, которое во многихъ существенныхъ происшествіяхъ *согласуется* съ свѣдѣніями, доселѣ извѣстными, и *противорѣчатъ* онымъ во многихъ другихъ. Какъ удивятся этой находкѣ иностранцы, которые до сего должны были держаться своихъ легендъ! Русская *Четья Минея*, достойна уваженія не менѣе Латинской! Сверхъ того

частныя извѣстія, которыхъ тутъ довольно, несравненно правдоподобнѣе, нежели въ *Acta Sanctorum;* они пріятны, имѣютъ внутреннее вѣроподобіе, и по большей части согласуются съ прочею тогдашнею Исторіею; хотя и здѣсь встрѣчаются анахронисмы, но они важныы, а не смѣшны".

Отпечатанные листы перевода Погодина сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіѣ, дошли до Канцлера тогда, когда дни его были уже сочтены и онъ лежалъ въ постели „отъ страшнаго убоя", происшедшаго, какъ пишетъ онъ Малиновскому, „единственно отъ того, что безъ помощи хотѣлъ со стула встать и только выпрямиться, упалъ на полъ, и такъ зашибся больно, что люди меня съ трудомъ могли поднять и донести до постели"; но, тѣмъ не менѣе, онъ не терялъ надежды „хвалиться" трудомъ Погодина „предъ преосвященнымъ митрополитомъ Евгеніемъ" [515]).

Наконецъ, вышелъ въ свѣтъ переводъ Погодина, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Кириллъ и Меѳодій, Словенскіе первоучители.* Историко-критическое изслѣдованіе Іосифа Добровскаго. Переводъ съ Нѣмецкаго. М. 1825. in 4°.

Въ предисловіи къ переводу мы читаемъ: „Г. Добровскій, заслужившій сочиненіемъ образцовой Словенской Грамматики славное титло третьяго изобрѣтателя Словенской грамоты, издалъ книгу о безсмертныхъ своихъ предшественникахъ Кириллѣ и Меѳодіѣ, и тѣмъ пріобрѣлъ новое право на благодарность ученаго свѣта...

Господину Государственному Канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову, не оставляющему безъ вниманія никакого случая къ распространенію въ нашемъ Отечествѣ полезныхъ свѣдѣній, преимущественно относящихся къ Россійской Исторіи, благоугодно было поручить мнѣ переводъ сей книги, и я почитаю себя счастливымъ, что могъ, исполнивъ желаніе Его Сіятельства, принести посильную услугу всѣмъ занимающимся отечественною Словесностью...

Къ переводу своему присовокупилъ я сводное житіе Св. Кирилла и Меѳодія, изъ нѣкоторыхъ списковъ, Прологовъ, и

отрывокъ о Кириллѣ, изъ одного хронографа, доставленныхъ мнѣ достопочтеннымъ филологомъ нашимъ А. Х. Востоковымъ, коему за сіе, а равно какъ и за замѣчанія на нѣкоторыя мѣста моего перевода, приношу мою искреннюю и усердную благодарность... Мнѣ остается пожелать, чтобъ сія книга подала поводъ къ новымъ изысканіямъ о Св. Кириллѣ и Меѳодіѣ въ нашемъ Отечествѣ". Цензорская помѣта Каченовскаго: 30 апрѣля 1825 г.

Не смотря на всевозможныя неудачи, мысль о переводѣ на Русскій языкъ Словенской Грамматики Добровскаго никакъ не могла оставить Погодина. И вотъ онъ, вмѣстѣ съ Кубаревымъ, положилъ первый переведенный листъ посвятить Калайдовичу. По окончаніи, онъ отнесъ этотъ листъ къ Калайдовичу, но получилъ отъ него „немного благодарности". Но это не остановило ихъ отъ перевода, и черезъ мѣсяцъ послѣ того, они снесли продолженіе своего труда тому же Калайдовичу. Когда они къ нему пришли, то Погодинъ, по его свидѣтельству, „боялся нѣкоторыхъ выраженій Калайдовича, чтобъ Кубаревъ", поясняетъ онъ, „не подумалъ, якобы я себѣ присвоиваю переводъ; а я ни душой, ни тѣломъ" [516]).

Между тѣмъ, въ Засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, бывшемъ 29-го февраля 1824 года, „члены, разсуждая о необходимости имѣть каталогъ собраннымъ ими рукописямъ и монетамъ, положили: присоединить въ званіе соревнователя кандидата М. П. Погодина, извѣстнаго по любви его къ историческимъ изысканіямъ, и опредѣлить въ помощники г. библіотекаря" [517]). На другой день, Малиновскій „объявилъ" Погодину объ этомъ избраніи, но Послѣдній принялъ это извѣстіе холодно, и саркастически замѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 1 марта 1824 года: „Вотъ чѣмъ мажутъ эти головы, а о Добровскомъ ни слова". Предсѣдателемъ Общества былъ въ то время генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Писаревъ, сдѣлавшійся вскорѣ попечителемъ Московскаго учебнаго округа. По свидѣтельству его современника, М. А. Дмитріева, генералъ Писаревъ былъ

„человѣкъ добрый, но не имѣвшій основательныхъ свѣдѣній въ Литературѣ, и къ несчастью, самъ литераторъ". Въ Литературѣ нашей онъ извѣстенъ слѣдующими сочиненіями: 1) *Предметы для художниковъ, избранные изъ Россійской Исторіи, Славенскаго баснословія*, и пр. (1807). 2) *Начертаніе художествъ* (1808). 3) *Общія правила театра, выбранныя изъ Вольтера* (1809). 4) *Военные письма* (1817), „въ которыхъ, по замѣчанію М. А. Дмитріева, на первой же страницѣ, въ первой строкѣ заглавія, сдѣлалъ ошибку противъ правописанія, напечатавъ: *военные*". 5) Онъ стоялъ нѣкогда съ своимъ полкомъ въ Калугѣ, завелъ тамъ литературное общество, и напечаталъ въ двухъ томахъ: *Калужскіе вечера* (1825), которые, по ѣдкому замѣчанію того же Дмитріева, суть „собраніе совершенно безталантныхъ произведеній, по большей части, военныхъ литераторовъ" [518]).

А. А. Писаревъ очень любезно отнесся къ своему новому сочлену, и на другой же день по избраніи Погодина, писалъ Калайдовичу: „Не забудьте г. Погодина включить въ число соревнователей, и познакомьте его со мною; а въ засѣданіи Общества, бывшемъ 31-го мая 1824 года, Погодинъ имѣлъ честь лично познакомиться съ своимъ предсѣдателемъ, который и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ [519]). Но недолго довелось ему быть нижнимъ чиномъ въ Обществѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ возсѣлъ тамъ на свое кресло, и это кресло доставилъ ему Каченовскій, что свидѣтельствуетъ о благородствѣ почтеннаго Михаила Трофимовича; ибо, не смотря на свои разногласія съ Погодинымъ по вопросу *о Происхожденіи Руси*,—а вопросы науки были дѣломъ жизни Каченовскаго,—сей почтенный мужъ въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, 15-го ноября 1824 года, представилъ письменно о заслугахъ въ разсужденіи Отечественной Исторіи соревнователя Общества, кандидата Погодина, рекомендуемаго имъ въ дѣйствительные члены Общества; такія же представленія поданы были членами Общества И. М. Снегиревымъ, о профессорѣ Д. Е. Василевскомъ, и

П. М. Строевымъ, о Курскомъ купцѣ Полевомъ. На основаніи устава Общества, опредѣлено: баллотировать рекомендуемыхъ въ слѣдующее засѣданіе и въ засѣданіи 6-го января 1825 г., Погодинъ „большинствомъ голосовъ" былъ избранъ въ члены Общества [520]).

Въ мартѣ 1824 года, въ Москвѣ были получены X и XI томы *Исторіи Государства Россійскаго*, а подъ 27 марта, мы находимъ слѣдующую запись въ *Дневникѣ* Погодина: „Читалъ X томъ Карамзина и восхищался имъ. А. П. Малиновская дала мнѣ его безъ вѣдома Алексѣя Θедоровича". Не смотря на это, чрезъ нѣсколько дней послѣ этой записи, обѣдая у Трубецкихъ, въ разговорѣ съ П. П. Новосильцовымъ о Карамзинѣ и на „восхищеніе" Новосильцова, онъ, по собственному сознанію, „отвѣчалъ большею частью односложно". При этомъ, А. В. Всеволожскій сообщилъ ему, между прочимъ, слѣдующій анекдотъ о Карамзинѣ, который, по словамъ его, былъ „говорливъ, но однажды у императрицы Маріи Θедоровны онъ все молчалъ; кто-то замѣтилъ это, и великій князь Михаилъ Павловичъ сказалъ: c'est pour la première fois que je vois notre historien *tacite*" [521]).

Кромѣ Русской Исторіи, Латинская Словесность была въ это время любимымъ предметомъ студій Погодина. Эти два предмета закрѣпляли старую дружбу Погодина съ Кубаревымъ. Слѣдуя по стопамъ своего незабвеннаго наставника, Романа Θодоровича Тимковскаго, Кубаревъ стремился уже тогда примѣнять классическіе пріемы и къ изученію классическихъ памятниковъ Русскихъ Древностей. И онъ возлюбилъ *Кіево-Печерскій Патерикъ*. Погодинъ и Кубаревъ одинаково восхищались и Цицерономъ, и Несторомъ, и древнимъ Римомъ, и древнею Русью. Эта любовь къ наукѣ сглаживала тѣ, являющіяся иногда между двумя пріятелями, шероховатости отношеній, вытекавшія изъ ихъ личныхъ характеровъ. На Кубарева иногда находили капризы. Такъ, напримѣръ, однажды Погодинъ написалъ ему, въ партикулярной запискѣ: „*Алексѣй*". Кубаревъ обидѣлся, и просилъ въ отвѣтѣ, чтобы Погодинъ

писалъ его имя не подъ титлами. Послѣдній оправдывался тѣмъ, что, писавъ къ пріятелю, онъ не думалъ о формахъ. Въ другой разъ, Кубаревъ взялъ у Погодина Шеллинга, и когда тотъ попросилъ вернуть эту книгу *поскорпе*, Кубаревъ опять обидѣлся. „Что̀ значитъ *поскорпе*", спрашивалъ онъ. „Мнѣ дѣйствительно эта книга нужна, ибо почти всякій день беру ее въ руки", отвѣчалъ Погодинъ. „Это вздоръ", возражалъ Кубаревъ, „у тебя много книгъ, которыхъ ты не читаешь". „Чудной человѣкъ", замѣчаетъ, по этому поводу, Погодинъ, „что за капризы находятъ на него" [522]). Впрочемъ, Кубаревъ въ это время былъ въ раздраженномъ состояніи по поводу своей диссертаціи, представленной на полученіе степени магистра, подъ заглавіемъ: *De origine, summo perfectionis gradu variisque fatis eloquentiae Romanae*. Такъ какъ, по словамъ его, непріятности шли отъ Мерзлякова, то у Погодина закралось опасеніе, не подозрѣваетъ ли его въ чемъ нибудь мать Кубарева, ибо Анна Васильевна, по нѣжной любви своей къ сыну, принимала самое живѣйшее участіе во всѣхъ его радостяхъ и горестяхъ. „Чортъ знаетъ, какъ мнѣ это досадно", замѣчаетъ онъ въ *Дневникп* [523]). Но эти подозрѣнія, если только они существовали, были напрасны, ибо Погодинъ принималъ также живѣйшее участіе въ дѣлахъ своего друга, и нарочно пріѣзжалъ изъ Знаменскаго, чтобы хлопотать о немъ. „Мучили бѣднаго Кубарева", пишетъ онъ, „и отказали. Безсовѣстно поступилъ И. И. Давыдовъ, сколько судить должно по словамъ Мерзлякова [524]).

Возвратившійся изъ Одессы Раичъ посовѣтовалъ Погодину хлопотать о мѣстѣ профессора въ Ришельевскомъ Лицеѣ, съ жалованьемъ въ 4000 р. Мысль эта заняла Погодина, и въ *Дневникп* онъ отмѣчаетъ: „Думалъ объ Одессѣ. Еслибы намъ ѣхать туда впятеромъ: мнѣ, Раичу, Кубареву, Григоровичу. Чудо бы" [525]). Въ концѣ февраля 1824 года, въ Москвѣ было получено письмо изъ Одессы, въ которомъ Погодина приглашаютъ туда профессоромъ. По этому поводу, онъ „пилъ горское дома". Начались „совѣщанія по этому предмету. Но

вопросъ этотъ былъ вскорѣ рѣшенъ письмомъ, полученнымъ Раичемъ изъ Одессы, въ которомъ Погодинъ прочелъ, между прочимъ слѣдующія строки: „*можетъ быть*, утвердятъ г. Погодина профессоромъ“. Эти строки привели его къ рѣшительному заключенію: „Для *можетъ быть* я не поѣду“ [526]). Такимъ образомъ, судьбѣ было угодно, чтобы Погодинъ не оставлялъ Москвы, гдѣ слава его, какъ учителя, все болѣе и болѣе распространялась, и онъ безпрестанно получалъ отъ разныхъ нашихъ почтенныхъ фамилій предложенія занять мѣсто наставника ихъ дѣтей. Такъ, графъ В. П. Кочубей, озабочиваясь воспитаніемъ своихъ сыновей, обратился къ попечителю Московскаго учебнаго округа, князю А. П. Оболенскому, съ просьбою указать ему студента Московскаго Университета, достойнаго быть наставникомъ его сыновей. Естественно, князь Оболенскій обратился за этимъ указаніемъ къ ректору Университета Антонскому. Когда послѣдній сообщилъ объ этомъ Погодину, прося его совѣта о таковомъ студентѣ, то у него мелькнула мысль пристроить себя къ этому мѣсту. „Въ хорошіе профессора“, думалъ онъ, „я не гожусь, а Кочубеевское мѣсто удивительно выгодно“; а потому ему стало досадно, когда, не обдумавши, онъ „разболтался“ объ этомъ Кубареву. „Можетъ быть“, писалъ онъ, „и самому будетъ выгодно. Въ Латынѣ-то я не крѣпко силенъ“. Въ это же время, какъ мы уже видѣли, и Румянцовъ имѣлъ виды на Погодина, чтобы отправить его въ Италію, съ ученою цѣлію. Но когда Погодинъ получилъ отъ самого Попечителя предложеніе занять мѣсто у Кочубея, то попросилъ позволенія посовѣтоваться объ этомъ съ Антонскимъ. „Мнѣ бы хотѣлось“, сказалъ ему Антонскій, „пристроить васъ къ Университету“. Эти слова повергли его въ недоумѣніе, и онъ писалъ: „Я теперь на распутіи: къ Румянцову, Кочубею, въ Университетъ. Куда кривая вынесетъ“. И „кривая“ его вынесла въ Университетъ, хотя Румянцовъ, какъ мы также знаемъ, и совѣтовалъ ему не отказываться отъ Кочубеевскаго мѣста. Кромѣ Кочубея, къ Погодину обращались, съ подоб-

ными же предложеніями, въ теченіе 1824 года, князь Андрей Петровичъ Оболенскій, князь Мещерскій, князь Волконскій [527]); но ученыя занятія и отношенія къ Трубецкимъ не дозволили ему въ полной мѣрѣ воспользоваться этими предложеніями. Въ особенности ему трудно было отказаться отъ предложенія князя Оболенскаго, принять которое его убѣждалъ самъ Антонскій, и онъ оправдывалъ себя только тѣмъ, что ему совѣстно было отказаться отъ дома Трубецкихъ, въ которомъ онъ „обласканъ былъ со студенчества".

XXVII.

Таинства Философіи Шеллинга все болѣе и болѣе привлекали къ себѣ любознательный умъ Погодина. Онъ мечталъ даже отправиться путешествовать и представиться Шеллингу, и просить его, чтобы онъ „просвѣтилъ его и приготовилъ для пользы цѣлаго Сѣвера". „Я добръ", сказалъ бы ему Погодинъ, „люблю науку, просвѣтите меня. Возбуждается во мнѣ сильно потребность заниматься Философіею" [528]). Пока только почтенный Галичъ былъ руководителемъ Погодина въ этой премудрости, и онъ, „переворачивая о Шеллинговой системѣ у Галича", восхищался чуднымъ ея ходомъ [529]). Но въ тоже время Погодинъ постоянно скорбѣлъ о недостаточности своихъ познаній. „Былъ у насъ Титовъ", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. „Говорилъ, между прочимъ, съ В. И. Оболенскимъ о Виргиліи въ сравненіи съ Гомеромъ. Я не могу здѣсь вымолвить ни слова. О стыдъ! Вечеромъ былъ у насъ Мухинъ, говорилъ съ Оболенскимъ о Философіи, и я опять ни слова" [530]). Погодина плѣняла мысль Шеллинга, что „Богъ есть душа Вселенной". Положеніе Шеллинга онъ силился примѣнить къ Исторіи. „Природа есть незрѣлый разумъ, говоритъ Шеллингъ, всѣ творенія образуютъ цѣпь, изъ коихъ въ каждомъ слѣдующемъ повторяются всѣ предыдущія и вмѣстѣ

является новая степень. Человѣкъ есть вѣнецъ всего творенія. Въ немъ отразилась вся природа. *Что прекрасно можно примѣнить къ Исторіи; событія должны составлять такую же цѣпь: въ каждомъ слѣдующемъ повторяются всѣ предъидущія. Вотъ точка, съ которой смотрѣть на Исторію. Вотъ предметъ для развитія*". Строки эти были написаны Погодинымъ предъ исповѣдью (2 апрѣля 1824). „Человѣкъ въ первую минуту", философствовалъ онъ, „своего творенія явился только съ сѣменемъ всѣхъ настоящихъ и будущихъ способностей. Человѣческій родъ началъ жизнь свою младенчествомъ, а не совершенствомъ. Онъ долженъ былъ развертывать самъ всѣ способности. Будущій моментъ, въ которомъ онъ, по развитіи всего, явится всѣмъ тѣмъ, чѣмъ онъ можетъ быть, будетъ довершеніемъ творенія. Развить эти мысли для сочиненія: *Взглядъ на Исторію человѣческаго рода,* которое посвятится съ благоговѣніемъ Шеллингу" [531]). Однажды, В. И. Оболенскій привезъ Погодину Шеллинга и Естественную Исторію Окена. Это возвысило его духъ и онъ сталъ даже прыгать отъ радости, и тутъ же взялся переводить рѣчь Шеллинга объ искусствѣ [532]). Увлеченіе Философіею Шеллинга у Погодина все росло и росло и достигло до Геркулесовыхъ столбовъ. Такъ, онъ мечталъ однажды „объ объятіи всей Шеллинговой системы" въ эпическую поэму *Моисей.* „Нѣтъ предмета", писалъ Погодинъ, „богатѣйшаго для таланта. Пою Моисея. Имъ преобразился Христосъ, путь къ блаженству человѣческому. Уже столько-то лѣтъ жили Евреи въ Египтѣ съ отношеніями къ прежнимъ патріархамъ. Притѣсненія Египтянъ. Рожденіе Моисея и піитическое спасеніе. Каковы, напримѣръ, будутъ подъ великимъ перомъ эпизоды: рожденіе, спасеніе, царица и воспитаніе Моисеево, переходъ чрезъ Чермное море, ниспосланіе манны, воды, огненный столпъ впереди, дарованіе законовъ Моисею, зрѣніе Бога, откровеніе будущихъ судебъ человѣчества, смерть Моисея, описаніе Обѣтованной земли. И это все въ значеніяхъ аллегорическихъ, примѣненныхъ ко всему роду человѣческому. Вся Шеллингова Философія должна

здѣсь явиться. Посвятить такую поэму должно Шеллингу. Учиться! Учиться!“ [533]). Но среди этихъ философствованій, наступили святые дни Страстной недѣли (1824 года). Въ Великую среду Погодинъ исповѣдывался и въ Великій четвергъ пріобщался Святыхъ Таинъ, „былъ спокоенъ и молился. „*Вѣрую Господи*“, восклицалъ онъ, „*помози моему* невѣрію“. Чтеніе Двѣнадцати Евангелій и субботнюю заутреню Погодинъ прослушалъ въ домовой церкви Трубецкихъ и при этомъ приведенъ былъ въ замѣшательство вопросомъ Набокова: чтó значитъ стояніе со свѣчею у заутрени? И онъ „со стыдомъ“ долженъ былъ сказать, что не знаетъ! Но послѣ сказалъ Набокову: „обряды христіанской религіи могутъ казаться нелѣпыми только тѣмъ, кто не вникаетъ въ сокровенный смыслъ ихъ“ [534]). Великій день (6-го апрѣля 1824 г.) онъ встрѣтилъ и провелъ съ миромъ. „Смѣялся надъ поздравильщиками“, и рѣшилъ „не поздравлять никого“ [535]).

Занятія философіею Шеллинга сблизили Погодина съ другомъ Веневитинова, Николаемъ Матвѣевичемъ Рожалинымъ, извѣстнымъ въ нашей литературѣ своимъ переводомъ сочиненія Гете: *Страданія Вертера* (въ двухъ частяхъ. М. 1828—1829). Въ предисловіи къ этому сочиненію, Гете, между прочимъ, писалъ: „Что только могъ я развѣдать о жизни бѣднаго Вертера, все то рачительно собралъ и теперь предлагаю вамъ, увѣренный, что вы будете мнѣ за это благодарны. Его душѣ, его характеру вы не откажете въ удивленіи и любви; его жребій стоитъ слезъ вашихъ. А ты, добрая душа, которая чувствуешь ту же тоску, что онъ, найди свое утѣшеніе въ его страданіяхъ и сдѣлай эту книгу своимъ другомъ, если, по несчастью, или по собственной винѣ, ты не можешь найти ничего болѣе близкаго“. Погодинъ познакомился съ Рожалинымъ въ Университетѣ, 10 мая 1824 года. Потомъ онъ встрѣтился съ нимъ на балѣ у Трубецкихъ, и по поводу этой встрѣчи, сдѣлалъ странную замѣтку въ *Дневникѣ*: „Мнѣ стыдно было слушать Рожалина, говорящаго хорошо *по-французски*“ [536]); но вскорѣ онъ съ нимъ очень сблизился. Въ это же время

Погодинъ познакомился съ Петромъ Александровичемъ Мухановымъ, будущимъ декабристомъ, и Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ. Мухановъ владѣлъ драгоцѣннымъ письмомъ Ломоносова къ И. И. Шувалову, по поводу намѣренія Шувалова помирить Ломоносова съ Сумароковымъ. Это письмо и послужило къ ихъ сближенію. Въ Раичевскомъ Обществѣ Погодинъ познакомился съ Н. А. Полевымъ, который „совѣстясь читалъ тамъ о *Полярной Звѣздѣ*“ [537]); но дружбы между ними не завязалось, а, напротивъ того, на первыхъ же порахъ, Погодинъ собирался написать противъ Полевого статейку „за то, что онъ писалъ объ Іоаннѣ Экзархѣ безъ ссылки на Калайдовича“ [538]). Вскорѣ послѣ того. Полевой объявилъ подписку на *Московскій Телеграфъ*.

19 апрѣля 1824 года, въ Мессолунгѣ, *тридцати семи лѣтъ* отъ роду, скончался лордъ Байронъ. Смерть этаго геніальнаго писателя произвела сильное впечатлѣніе въ нашемъ Отечествѣ. Пушкинъ, въ своемъ стихотвореніи *Къ Морю*, помянулъ его вслѣдъ за Наполеономъ:

И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
Другой отъ насъ умчался геній,
Другой властитель нашихъ думъ!
Шуми, взволнуйся непогодой:
Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.
Твой образъ былъ на немъ означенъ;
Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ.
Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Стихотвореніе это было напечатано въ *Мнемозинѣ*, изданіи пріятеля Погодина, князя В. Ѳ. Одоевскаго, и было доставлено туда княземъ П. А. Вяземскимъ [539]). Погодина извѣстіе о кончинѣ лорда Байрона сильно поразило, а толки о немъ сердили: „Говорятъ безтолковые, пишетъ онъ, что Байронъ однообразенъ. Онъ такъ однообразенъ, какъ солнце“. И Погодинъ, подобно Пушкину, совершая поминки по Байрону, не забылъ и Наполеона. И онъ, читая творенія Байрона и восхищаясь ими, въ особенности однимъ его выраженіемъ, что *чаша жизни играетъ*

только по краямъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, углублялся въ изученіе жизни Наполеона, и это изученіе привело его къ слѣдующимъ афоризмамъ: Читалъ Наполеонову Исторію. Геній обширный! Не послѣдуетъ ли за настоящимъ временемъ *второе исправленное изданіе Среднихъ вѣковъ варварство?* Европа съ тѣхъ поръ досолѣ шла безпрестанно *впередъ* во всѣхъ отношеніяхъ. Не будетъ ли она должна остановиться теперь—пауза? *Разсмотрѣть такія остановки въ Исторіи.* За каждою остановкою слѣдовало большое усовершенствованіе, въ сравненіи съ тѣмъ, на которомъ родъ человѣческій останавливался. Шеллингъ-Наполеонъ. Теперь въ Европѣ слѣдуетъ угнетеніе свободы и даже внутренняя наклонность къ рабству, разумѣется, благороднѣйшему предъ средними. Особенно видно это на Франціи, которая показала столь много энергіи въ революціи, и которая теперь такъ слаба, что склонила голову подъ облагороженный аристократизмъ. Государи дѣлаютъ, что хотятъ. Въ Англіи свободной запретили, напримѣръ, общества масонскія. Хотя, впрочемъ, много еще свободы въ Европѣ. Напримѣръ, свободы книгопечатанія въ Германіи. Не дойдутъ ли до того, чтобъ уничтожить ее, по тому примѣру, какъ у насъ запрещено Право Естественное и Философія. Между тѣмъ, ростетъ Америка, не кончится ли она по древне-гречески? И тогда весь свѣтъ своротитъ съ дороги. И скоро ли явятся новые возстановители, новый XV вѣкъ? И гдѣ? Это будетъ лѣтъ черезъ четыреста. До чего же послѣ дойдетъ человѣкъ? Нынче государи не воюютъ съ государями, но государи съ народами. Между собою же согласны. Священный союзъ. Въ революціи, сказалъ Наполеонъ, Галлы свергли съ себя иго Франковъ. У насъ, всѣ столповые дворянскіе роды отъ Варяговъ и другихъ пришельцевъ. Нѣтъ, думаю, пяти, кои могли бы доказать дворянское свое Скандинавское происхожденіе" [540]).

Въ это время Погодинъ былъ занятъ переводомъ трагедіи Вернера (1768—1823) и, по поводу этихъ своихъ занятій, писалъ: „Переписывалъ Вернера и восхищался этою безподобною трагедіею. Если бы удалось мнѣ исправить ее. На

театрѣ она произведетъ величайшее дѣйствіе, и при рукоплесканіяхъ явится переводчикъ на сцену. Вернеръ перемѣнилъ лютеранскую вѣру на католическую. Нѣтъ ли тутъ аналогіи съ усилившимся монархизмомъ. Не подпадаетъ ли лютеранское исповѣданіе, основанное на свободѣ, не подпадаетъ ли безусловной покорности! Точно какъ духъ свободный, проявившійся въ революціи Французской, и проч., покоряется монархіи. Не совершила ли эта свобода своего періода, и не начнется ли теперь новая эпоха облагороженнаго рабства и политическаго, и умственнаго, въ томъ духѣ, въ какомъ была эпоха, предыдущая реформаціи. Это, кажется, очевидно. Когда проявится новая благословенная заря для духа человѣческаго. Въ какомъ XV вѣкѣ. При какомъ Лютерѣ, въ какой Франціи и Америкѣ? [541]).

Въ то самое время, когда Погодинъ мыслію облеталъ необозримое поле Исторіи Вселенной, въ нашемъ Отечествѣ, во главѣ Народнаго Просвѣщенія, поставленъ адмиралъ Александръ Семеновичъ Шишковъ. Это событіе совершилось 15 мая 1824 года. Черезъ недѣлю послѣ своего назначенія, новый министръ писалъ Государю: „Угодно было монаршей волѣ твоей, безъ всякаго у меня вопроса и безъ всякаго исканія моего, наименовать меня министромъ Народнаго Просвѣщенія въ самое многотруднѣйшее время для сего званія. Я повиновался священному гласу твоему въ 1812 году. Съ тѣмъ же пламеннымъ усердіемъ повинуюсь и нынѣ, когда тайная вражда умышляетъ противъ Церкви и Престола. Но, Государь, могу ли я, утружденный бременемъ лѣтъ и болѣзнями, стать противу гидры, которую преодолѣть потребны Геркулесовы силы! Нравственный развратъ, подъ названіемъ *духа времени*, долго росъ и усиливался. Сіе ослѣпленіе, подъ самыми священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія, умѣло вползать въ невинныя сердца и заражать ихъ ядомъ своимъ. Министерство Просвѣщенія, не знаю, по какимъ причинамъ, но явно и очевидно попускало долгое время рости сему злу, и мало сказать—попускало, но оказывало тому вся-

кое покровительство и одобреніе“ [542]). Не радовался этому назначенію Карамзинъ, который съ грустью писалъ своему другу И. И. Дмитріеву: „Возставать противъ грамоты есть умножать къ ней охоту: слѣдственно, дѣйствіе хорошо и достойно цѣли Министерства, которому ввѣрено народное просвѣщеніе. Какова Харибда, такова и Сцилла: корабль нашъ стучится о ту и другую, а все плыветъ. Я увѣренъ, что Россія не погрязнетъ въ невѣжествѣ: то-есть увѣренъ въ милости Божіей... Новый министръ думаетъ учредить новую цензуру, и посадить въ этотъ трибуналъ человѣкъ шесть или семь: на всякую часть литературы будетъ особенный цензоръ. То-то раздолье! Словесность наша съ цензорами процвѣтетъ и безъ авторовъ“ [543]).

Черезъ годъ послѣ назначенія Шишкова министромъ Народнаго Просвѣщенія, Владыко Московскій Филаретъ, произнесъ въ Архангельскомъ соборѣ Слово о *плевелахъ*, на текстъ: *Господи, не доброе ли сѣмя сѣялъ еси на селѣ твоемъ? Откуду убо имать плевелы?* (Матѳ. 13, 28). Въ этомъ Словѣ мы, между прочимъ, читаемъ: „Рабы, не знающіе таинъ небеснаго земледѣлія, хотѣли бы тотчасъ полоть, силою исторгать и истреблять плевелы; но Премудрый Господинъ поля не позволяетъ. *Ни, да некогда, востргающе плевелы, восторгнете купно съ ними и пшеницу*“. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ Словѣ мы читаемъ и слѣдующее: „Перестанемъ обманываться и не будемъ почитать плевелъ обыкновеннымъ порожденіемъ и естественною принадлежностію пшеницы. И если не можемъ догадаться, откуда они подлинно, то вопросимъ о семъ Господа, и отъ Него примемъ вразумленіе. Онъ отвѣтствуетъ: *врагъ человѣкъ сіе сотвори*,—спящымъ же человѣкомъ, пріиде врагъ его, и всѣя *плевелы посредѣ пшеницы, и отъиде;—врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ*. Мнѣ кажется, что если бы мы чаще и съ большею вѣрою думали о семъ происхожденіи нашихъ душевныхъ плевелъ, то не такъ легко попускали бы имъ разрождаться и разрастаться. *Врагъ всѣявый ихъ есть діаволъ*: онъ посѣялъ ихъ въ легкомысленныхъ или зломысленныхъ

сочиненіяхъ, въ изнѣженныхъ пѣсняхъ, въ соблазнительныхъ зрѣлищахъ, въ вольномъ обращеніи, въ нескромныхъ и непостоянныхъ обычаяхъ. Не спи или пробудись, возлюбленная душа; изощряй выну око твое ко свѣту Божію; ходи въ присутствіи Божіимъ; просвѣщайся внутренно Словомъ Божіимъ и молитвою, дабы и во время сна тѣлеснаго заря духа не угасала въ сердцѣ твоемъ, и не допускала до тебя врага темнаго, сѣющаго плевелы“ [544]).

Въ концѣ мая 1824 года, ученикъ Погодина, князь Николай Трубецкой, благополучно выдержалъ экзаменъ у Московскихъ профессоровъ, и у Погодина явилась мысль предложить Трубецкимъ сдѣлать изданіе переводовъ изъ древнихъ, Мерзлякова, которое могло бы служить подаркомъ Мерзлякову за занятіе его съ княземъ Трубецкимъ. Вскорѣ послѣ того, онъ отправился въ Знаменское; но дня черезъ два вернулся въ Москву, чтобы выручить пріятеля своего Кубарева изъ затрудненія, которыя причинила ему диссертація. На обратномъ пути въ Знаменское съ нимъ приключилась дорожная непріятность. Вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ и докторъ Зоуеръ. „Пять разъ“, пишетъ Погодинъ, „вытаскивали насъ изъ грязи. Въ Чертановѣ, посереди рѣчки уронили, и мы, измоченные, наняли крестьянскихъ лошадей, на коихъ едва дотащились до Знаменскаго. Зоуеръ настращалъ ревматизмами, и пр. Зоурша наболтала чортъ знаетъ что“ [545]). Въ Знаменскомъ Погодинъ прожилъ, по обычаю, до конца сентября. Но свѣдѣніи наши о его пребываніи здѣсь очень скудны. Знаемъ только, что умъ его въ это время былъ занятъ диссертаціею *О происхожденіи Руси*, а сердце — княжною Александрою Трубецкою. Еще въ Москвѣ прочелъ онъ ей свой переводъ изъ Овидія *Нарцисса, съ посвященіемъ Розѣ К. А. И. Т.* [546]). Несчастная страсть влюбляться причиняла Погодину немало страданій, ставила его въ жалкое и смѣшное положеніе и отвлекала отъ прямыхъ занятій. Будучи чѣмъ-то огорченъ предметомъ своего обожанія, онъ писалъ: „Завтракъ въ рощѣ. Очень были непріятны нѣкоторыя выходки княжны

Александры Ивановны. Это дѣтски, но оскорбительно. Удивляюсь, что это за твореніе. Кажется, она ни къ чему на свѣтѣ не имѣетъ привязанности. Вижу это и по другимъ, и по себѣ. Я старался дѣлать для нея все пріятное, стараясь возбудить въ ней охоту къ занятіямъ, долженъ бы произвесть какое нибудь чувство благодарности къ себѣ, ни тутъ то было"! [547]). Но вслѣдъ за симъ, Погодинъ восхищается ею, и пишетъ: „какъ прекрасно закинула голову княжна Александра Ивановна. Очень нравится мнѣ умная княжна Александра Ивановна". Въ *Дневникѣ* мы находимъ также и слѣдующую забавную запись его о самомъ себѣ: „Мечталъ о женитьбѣ профессора Погодина, возвратившагося изъ путешествія, на княжнѣ Александрѣ Трубецкой, съ удовольствіемъ. То-то бы житье" [548]). Въ Знаменскомъ Погодинъ былъ очень утѣшенъ, получивъ отъ кого-то портреты Фихте, Мюллера, Фуше, Гиббона и Географію Мальтбрюна. Предметъ чтенія Погодина въ Знаменскомъ былъ согласенъ съ его тогдашнимъ настроеніемъ. Онъ прочелъ *Елоизу* Руссо, и плакалъ надъ кончиною Юліи. Читалъ также жизнь Шиллера, и восхищался многими мѣстами. Онъ даже нашелъ какое-то сходство Шиллера съ собою. „И я, можетъ быть", „буду поэтомъ; встрѣчались многія обстоятельства у Шиллера подобныя со мною, въ чувствахъ. Шиллеръ думалъ также о поэмѣ Моисей. Борисъ Годуновъ, Софія, Самозванецъ вертѣлись въ головѣ" [549]). Въ это же время вышелъ въ свѣтъ давнишній трудъ Погодина, предпринятый имъ вслѣдствіе бесѣдъ съ любимымъ своимъ профессоромъ, И. А. Геймомъ. Это переводъ Ничевой Древней Географіи: *Краткое начертаніе Древней Географіи. Издано при Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Москва. Въ Университетской Типографіи.* in 8°. Въ предисловіи сказано: „Мы имѣемъ на Русскомъ языкѣ очень мало книгъ по части Древней Географіи. Это самое побудило меня перевести съ Нѣмецкаго Ничеву Географію, изданную Маннертомъ". Переводъ сдѣланъ еще въ 1819 году, съ четвертаго изданія, но исправленъ совершенно по восьмому. Любопытно, что книга эта отпечатана въ 1823 г.:

цензорская помѣта (проф. Николая Бекетова) 19 апр. 1823, а предисловіе помѣчено: 1824, іюня 16.

Мы уже сказали, что умъ Погодина въ Знаменскомъ былъ занятъ сочиненіемъ диссертаціи *О Происхожденіи Руси*. Приступая писать это сочиненіе, еще въ февралѣ 1824 года, онъ молился Богу „да подастъ ему силу разумѣнія, да будетъ дѣло во благо, да пропадетъ самолюбіе". Въ Знаменскомъ ему довелось видѣть конецъ своего труда. Но притомъ у него возникъ вопросъ: кому посвятить свою диссертацію? „Прежде хотѣлъ я" посвятить Карамзину, а Географію Муравьеву. Но какъ же ничего Антонскому. Мнѣ совѣстно посвящать ему. А хочется быть отправленнымъ путешествовать" [550]). Но въ концѣ-концовъ Погодинъ призналъ за благо не посвящать никому. Возвратившись въ Москву, онъ представилъ диссертацію въ факультетъ, который долженъ былъ принять и одобрить ее. Вотъ тутъ и начались мытарства, которыя Погодинъ, хотя лаконически, описываетъ въ своемъ Дневникѣ: Подъ *11 Октября*. „Къ Болдыреву. Высылаетъ съ лакеемъ диссертацію въ переднюю. Скотина! Къ Ульрихсу, въ Типографію, къ Побѣдоносцеву. Усталъ какъ собака!" Подъ *12 октября*. „Къ Ивашковскому, къ Побѣдоносцеву. Каченовскій старается предубѣдить во вредъ мнѣ и Ульрихса. Бездѣльникъ! Думалъ объ апологѣ: посвященіе въ таинство, гдѣ бы описать всѣхъ нашихъ бездѣльниковъ. Объ отсылкѣ къ Министру, о полученіи на зло имъ ордена". Подъ *13 октября*. Разсказалъ Мерзлякову дѣло, и онъ стоитъ за меня. Хотѣлъ прочесть диссертацію. Пошли Богъ ему вниманіе благопріятное".

Но въ то самое время, когда Погодинъ погруженъ былъ въ хлопоты о своей диссертаціи, 7 ноября 1824 года, Царствующій градъ нашъ постигло страшное бѣдствіе, объ отвращеніи котораго наша Церковь, въ своихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, ежедневно молитъ Бога.

...силой вѣтра отъ залива
Перегражденная Нева

Обратно шла гнѣвна, бурлива
И затопляла острова;
Погода пуще свирѣпѣла;
Нева вздувалась и ревѣла,
Котломъ клокоча и клубясь—
И вдругъ, какъ звѣрь остервенясь,
На городъ кинулась....
. . . Царь. . .
. . . на балконъ
Печаленъ, смутенъ вышелъ
И молвилъ: *съ Божіей стихіей*
Царямъ не совладѣть. Онъ сѣлъ,
И, въ думѣ, скорбными очами
На злое бѣдствіе глядѣлъ.

„Вы знаете уже", писалъ самъ Царь Карамзину, „о печальныхъ происшествіяхъ 7 ноября! Погибшихъ много, нещастныхъ и страдающихъ еще болѣе! Мой долгъ быть на мѣстѣ: всякое удаленіе причтў себѣ въ вину. Вамъ не трудно представить себѣ грусть мою. *Воля Божія: намъ остается преклонить главу предъ Нею*". Въ свою очередь, Карамзинъ писалъ И. И. Дмитріеву: „Петербургъ никогда не славилъ такъ отеческой попечительности Государя, какъ въ нынѣшнемъ бѣдствіи. Народъ, слушая панихиду въ Казанскомъ Соборѣ, плакалъ и смотрѣлъ на Царя... Боюсь за Царя... Онъ думаетъ только объ утѣшеніи несчастныхъ и не хотѣлъ даже говорить мнѣ о своей ногѣ" [551]). Пушкинъ изъ своего Михайловскаго заточенія писалъ своему брату: „Закрытіе ѳеатровъ и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность требовала. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ; онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудь несчастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу,—безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни письменнаго. Ничуть не забавно стоять въ *Инвалидѣ* наряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ" [552]). Это великое народное бѣдствіе произвело ужасающее впечатлѣніе на всѣхъ, и въ томъ числѣ и на Погодина: „Какое ужаснѣйшее несчастіе въ Петербургѣ и какія великія слѣдствія. *Какъ-то пособятъ наши маг-*

наты" [553]). Но Погодинъ напрасно безпокоился за „нашихъ магнатовъ". Они, съ свойственною имъ издревле отзывчивостью къ народнымъ бѣдствіямъ, не замедлили явиться съ щедрыми пожертвованіями. Изслѣдованіе о количествѣ сдѣланныхъ ими въ то время приношеній не составляетъ нашей задачи, но изъ случайно попавшагося намъ въ руки листка *Русскаго Инвалида* того времени мы усмотрѣли, что графиня Орлова-Чесменская пожертвовала сто тысячъ, графъ Шереметевъ пятьдесятъ тысячъ, графъ Б. Потоцкій двадцать тысячъ, графъ Литта десять тысячъ, княгиня Бѣлосельская пять тысячъ, графъ Воронцовъ четыре тысячи. А генералы Александровскіе, которыхъ тоже можно причислить къ „нашимъ магнатамъ",

.... Изъ конца въ конецъ,
По ближнимъ улицамъ и дальнимъ,
Въ опасный путь средь бурныхъ водъ
.... Пустились...
Спасать и страхомъ обуялый,
И дома тонущій народъ.

Праздникъ Рождества Христова въ 1824 году Погодинъ провелъ у своихъ родителей, въ Орловской губерніи. Предъ отъѣздомъ изъ Москвы, ему довелось видѣть „нечаянно" рекрутскій наборъ, и это произвело на него мрачное впечатлѣніе. „Страшное зрѣлище", писалъ онъ. „Люди нагіе въ толпѣ одѣтыхъ, свидѣтельство лѣкарей, ощупываніе, лица отчаянныя. Волосъ дыбомъ" [554]). Но это мрачное впечатлѣніе вскорѣ изгладилось свиданіемъ его съ родителями. „Радость велія", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*. „Провелъ не долго въ самодовольствѣ. Что за добрая и веселая женщина маменька". И ему „горько было" уѣзжать отъ нихъ.

XXVIII.

6 января 1825 года Погодинъ вернулся въ Москву. Въ это время здѣсь доживалъ свои послѣдніе дни графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, который еще въ 1823 году возвра-

тился въ Отечество и поселился въ Москвѣ. По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, „сошедъ съ служебнаго поприща, знаменитый Россіянинъ сей не утратилъ своего значенія, не походилъ на временщиковъ, которыхъ счастіе возводитъ на высоту, а ничтожность при паденіи не поддерживаетъ. Въ простой одеждѣ, представлялъ онъ вельможу величавою осанкою, гордою поступью, отважнымъ словомъ, проницательнымъ взглядомъ“ [555]). По возвращеніи изъ Орловскихъ имѣній Графа, Погодинъ на другой же день явился къ нему, и записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Жаль, что я передъ нимъ не разговорчивъ“ [556]).

Въ собраніи факультета, бывшемъ 17 января 1825 года, рѣшили печатать, подъ наблюденіемъ Мерзлякова, диссертацію Погодина. Мерзляковъ, какъ строгій словесникъ, несмотря на все свое расположеніе къ нему, внимательно наблюдалъ за правильностію языка, что естественно замедляло ходъ печатанія, и это сердило Погодина. „Не поспѣетъ диссертація къ средѣ. Мерзляковъ надоѣдаетъ. Придирается къ мелочамъ слога“ [557]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Погодина не оставляла мысль, кому посвятить свою диссертацію. „Хотѣлъ-было“, пишетъ онъ, „Карамзину, помимо графа Румянцова не годится, да и Шишкову не полюбится“ [558]). Но тезисъ диссертаціи: *Варяги-Русь не Хозары*, не могъ быть пріятенъ Каченовскому, который съ высоты университетской каѳедры, согласно Дерптскому ученому Еверсу, проповѣдывалъ *Хозарство Руси*; а между тѣмъ, Каченовскій былъ первый судія диссертаціи, почему Погодинъ, читая корректуру, рѣшилъ себѣ: „Нѣтъ, не понесу я этого листа Каченовскому. Онъ не пропуститъ отзывъ объ Еверсѣ“ [559]). Познакомившись же съ диссертаціею Погодина, Каченовскій отдалъ ее, съ „вопросами“, Антонскому. „Что за діаволъ!“ восклицаетъ по этому поводу Погодинъ, „опять остановка“. онъ обращается къ Антонскому, который съ доброжелательствомъ указалъ ему „на пустыя бездѣлицы“, о которыхъ говорилъ Каченовскій. „Перемѣнилъ нѣкоторыя слова“, пишетъ Погодинъ, „отвезъ къ Каченовскому. Когда

прочту, тогда и доставлю слѣдующіе листы, сказалъ онъ, безсовѣстный. Мнѣ кажется, впрочемъ, что онъ изъ трусости больше дѣйствуетъ такъ. Мерзляковъ сказывалъ, что онъ въ ужасномъ гнѣвѣ на меня. Мнѣ не показалось этого“ [560]).

Въ самомъ началѣ марта 1825 года, диссертація Погодина вышла изъ печати на свѣтъ Божій, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О происхожденіи Руси, разсужденіе, сочиненное Императорскаго Московскаго Университета кандидатомъ Словесныхъ наукъ Михаиломъ Погодинымъ, для полученія степени магистра. М. 1825.* Въ этой диссертаціи Погодинъ попалъ на счастливую мысль: для порѣшенія спора о Варягахъ, онъ собралъ всѣ мѣста объ нихъ изъ лѣтописей и прочихъ памятниковъ, и на этомъ основаніи опредѣлилъ ихъ Норманское происхожденіе, также какъ и отношеніе ихъ къ Руси. Эта метода сдѣлалась путеводною для всѣхъ послѣдовавшихъ изслѣдованій Погодина. Литература предмета была изучена имъ вполнѣ, и всѣ мнѣнія ученыхъ изложены съ потребными объясненіями, дальнѣйшими подтвержденіями и опровërженіями. „До сихъ поръ“, писалъ онъ, уже будучи въ старости, „съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю объ этомъ первомъ своемъ и любезномъ трудѣ“.

Наканунѣ диспута, Погодинъ развезъ свою книгу профессорамъ, генералу Писареву, А. Ѳ. Малиновскому и графу Ѳ. В. Ростопчину, который разговорился съ нимъ „объ Америкѣ и переселеніи народовъ“ [561]). Вернувшись домой, онъ перечиталъ свою диссертацію и у него „забилось сердце“.

Наконецъ, 11 марта 1825 года, Погодинъ явился на диспутъ, торжественно защищать слѣдующіе тезисы:

I.

Варяги-Русь не Шведы.

II.

Варяги-Русь не Пруссы.

III.

Варяги-Русь не Финны.

IV.

Варяги-Русь не Хозары.

V.

Варяги-Русь не Готѳы Черноморскіе.

VI.

Варяги-Русь не Фрисландцы.

VII.

Варяги-Русь составляли племя Норманское, обитавшее въ нынѣшней Швеціи.

VIII.

Доказательства сему послѣднему мнѣнію находятся въ языкѣ и дѣйствіяхъ Варяговъ-Руси, въ лѣтописяхъ отечественныхъ, Византійскихъ, Франкскихъ, Арабскихъ.

IX.

Сіе мнѣніе составляется изъ изысканій преимущественно Байера, потомъ Струбе, Тунмана, Стриттера, Миллера, Шлецера, Лерберга, Круга, Еверса, Карамзина, Френа.

На диспутѣ, по требованію Мерзлякова, Погодинъ произнесъ рѣчь. „Обрядъ", пишетъ онъ, „для молодыхъ людей учащихся довольно торжественный. Человѣкъ двѣсти студентовъ зрителей". Погодинъ боялся, что Каченовскій не пріѣдетъ. Опасенія его оказались напрасны. Каченовскій пріѣхалъ на диспутъ, но не произнесъ почти ни однаго слова, и ограничился только требованіемъ, чтобы Погодинъ смягчилъ въ своей диссертаціи нѣкоторыя грубыя выраженія противъ Еверса [562]), и Погодинъ долженъ былъ сознаться, что Каченовскій „не такъ не добръ, какъ объ немъ думаютъ" [563]). Возражало человѣкъ пять, и „не остались" безъ отвѣта. Вообще, все обошлось благополучно. Счастливый магистръ Русской Исторіи задалъ обѣдъ своимъ товарищамъ: Кубареву, Оболенскому, Мухину, Загряжскому и Бычкову, а вечеромъ съ тріумфомъ отправился къ Трубецкимъ. На другой день,

онъ поѣхалъ благодарить своихъ профессоровъ, и въ особенности Мерзлякова, „за его хлопоты, или по крайней мѣрѣ, доброжелательство". „Сочиненіе Погодина *о Происхожденіи Русси*, по отзыву К. Н. Бестужева-Рюмина, „до сихъ поръ представляетъ лучшій сводъ главнѣйшихъ доказательствъ Норманизма, и далеко выдѣлялось изъ ряда тогдашнихъ диссертацій" [564]).

По защищеніи диссертаціи, Погодинъ вздумалъ представить ее Карамзину при письмѣ, которое онъ составлялъ съ особенною осмотрительностію. Съ проектомъ письма онъ отправился къ своему любезному наставнику Мерзлякову, который откровенно сказалъ Погодину, что „письмо его никуда не годится"; но Кубареву это письмо понравилось. Не довольствуясь отзывами Мерзлякова и Кубарева, Погодинъ пожелалъ выслушать мнѣніе М. А. Дмитріева, который, одобривъ письмо, посовѣтовалъ выбросить „только первыя двѣ строки" [565]). Диссертація и письмо къ Карамзину приблизило Погодина къ самому И. И. Дмитріеву. Съ письмомъ и книгою, въ началѣ апрѣля 1825 года, отправился молодой магистръ нашъ къ маститому писателю, на Спиридоновку, въ его знаменитый домъ, воспѣтый княземъ П. А. Вяземскимъ, и былъ принятъ очень ласково. Погодинъ просилъ переслать какъ письмо, такъ и книгу Карамзину, и Дмитріевъ взялся исполнить его просьбу „съ удовольствіемъ" [566]). Погодинъ, между прочимъ, писалъ Карамзину: „У васъ началъ я учиться добру, языку и Исторіи; позвольте же посвятить вамъ, въ знакъ искренней благодарности, первый трудъ мой". Карамзина видимо тронуло это выраженіе чувствъ молодого магистра Русской Исторіи, и онъ не замедлилъ отвѣтить Дмитріеву (отъ 27 Апрѣля 1825): „Прилагаю письмо къ М. П. Погодину, желая ему всѣхъ возможныхъ успѣховъ въ дальнѣйшихъ историческихъ розысканіяхъ" [567]). Сердце Погодина исполнилось радостію, когда онъ читалъ слѣдующія строки самого Карамзина: „Милостивый государь, Михаилъ Петровичъ. Примите изъявленіе искреннѣйшей моей признательности. Съ живѣйшимъ любопыт-

ствомъ читаю ваше разсужденіе, писанное основательно и пріятно. Усердно желаю, чтобъ вы и впредь занимались такими важными для Россійской Исторіи предметами, къ чести вашего имени и нашей исторической литературы. Прося о продолженіи вашей ко мнѣ благосклонности, съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть и пр.“ [568]). Весьма понятно, что съ этимъ письмомъ Погодинъ объѣжалъ всю Москву и остановился на своемъ благожелателѣ и поклонникѣ Карамзина, П. П. Новосильцовѣ, который, между прочимъ, показалъ ему „Голоса вельможъ о состояніи Россіи послѣ Петра Великаго“. Съ этого времени, Погодинъ началъ пользоваться благосклонностью И. И. Дмитріева и удостоился получить приглашеніе бывать у него, чѣмъ, разумѣется, воспользовался, и имѣлъ такимъ образомъ возможность наслаждаться поучительною бесѣдою нашего знаменитаго писателя. Въ *Дневникѣ* Погодина мы читаемъ: „Былъ у И. И. Дмитріева. Бесѣда его прекрасная и поучительная. Вотъ какой анекдотъ слышалъ я отъ него о Державинѣ. Державинъ, собираясь издать свои стихотворенія, поручилъ Дмитріеву и Капнисту пересмотрѣть ихъ и представить свои замѣчанія. Тѣ пересмотрѣли, приносятъ, начинаютъ чтеніе. Онъ сначала соглашается, „пожалуй“, потомъ возражаетъ и начинаетъ сердиться, „что за придирка“. Дмитріевъ перестаетъ читать. Всѣ молчатъ. Приходитъ, чрезъ четверть часа, жена Державина (первая). „Что за молчаніе у васъ?“ Чего, матушка, мы поссорились съ Иваномъ Ивановичемъ. За что это? Да вотъ за что. Но вѣдь ты самъ просилъ ихъ. Они требуютъ Богъ знаетъ чего, „они хотятъ заставить меня *снова жить*“. Въ этомъ словѣ—ода. Нынѣшнихъ журналистовъ назвалъ Дмитріевъ *плехами*. Былъ тутъ еще Пинскій„ [569]). Кромѣ того, Погодинъ встрѣчался съ И. И. Дмитріевымъ и въ свѣтѣ. Такъ, на семейномъ обѣдѣ у Трубецкихъ, Дмитріевъ удостоилъ его двухчасовою бесѣдою. „Обѣдалъ у Трубецкихъ“, пишетъ Погодинъ, „по магнатски. Послѣ обѣда, цѣлыхъ два часа разговаривалъ со мною И. И. Дмитріевъ. Я объяснялъ ему о

томъ, что̀ можно сдѣлать для Россійской Исторіи, объ ученыхъ экспедиціяхъ. Сказалъ, что необходимо index, что это можно поручить, по словамъ Дмитріева, канцеляріи Исторіографа. Дмитріевъ хотѣлъ настоять на этомъ въ пріѣздъ Двора въ Москву. Разсказывалъ мнѣ любопытнѣйшія подробности о Карамзинѣ" [570]).

За свою диссертацію, Погодинъ удостоился получить и отъ Государственнаго Канцлера также нѣсколько лестныхъ строкъ. „Диссертація ваша обнаруживаетъ обширныя свѣдѣнія и способность большую къ критическимъ изслѣдованіямъ" [571]). Но онъ остался этими строками какъ бы недоволенъ, ибо въ *Дневникѣ* его читаемъ: „Отъ графа Румянцова получилъ за диссертацію спасибо *холодное*" [572]). Представитель тогдашней исторической критики, академикъ Кругъ, незнакомый еще съ Погодинымъ, остался очень доволенъ его диссертаціею и писалъ къ Френу:

„Благодарю Васъ за Погодина и посылаю ее назадъ, ибо, возвратившись вчера съ конференціи, я нашелъ назначенный для меня экземпляръ, который я съ удовольствіемъ прочелъ уже до половины. Такого критическаго ума и такого здраваго сужденія я еще не встрѣчалъ между молодыми Русскими. Исключая нѣкоторыхъ ошибокъ, я отнюдь не могъ отказать ему въ своемъ одобреніи, и очень желалъ бы имѣть такого адъюнкта. Сочинитель возбуждаетъ радостныя надежды для Русской Исторіи. Проницательный, изслѣдовательный умъ", и пр. [573]).

Этому отзыву не противорѣчилъ и Востоковъ, по крайней мѣрѣ, въ письмѣ его къ Калайдовичу, читаемъ: „Я еще не имѣлъ времени прочесть разсужденія г. Погодина, но сколько могъ замѣтить, пробѣгая оное мелькомъ, сочиненіе сіе писано со здравою историческою критикою, совсѣмъ не такъ, какъ нѣкоторыя статьи, обезображивающія важную часть Трудовъ нашего Общества Исторіи и Древностей" [574]). Ободренный успѣхомъ, Погодинъ задумалъ представить свою диссертацію, чрезъ П. П. Новосильцова, императрицѣ Маріи

Θеодоровнѣ. Мы не имѣемъ свѣдѣній, приведено ли это намѣреніе въ исполненіе, но знаемъ, что за представленіе диссертаціи императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, по ходатайству А. Θ. Малиновскаго и Н. М. Лонгинова, авторъ удостоился получить золотые часы, при слѣдующей бумагѣ отъ Лонгинова: „Дѣйствительный статскій совѣтникъ Лонгиновъ, извѣщая магистра Московскаго Университета М. П. Погодина о всемилостивѣйшемъ принятіи государынею императрицею Елисаветою Алексѣевною, сочиненной имъ книги *О происхожденіи Руси* и о пожалованіи ему, въ знакъ высочайшаго ея императорскаго величества благоволенія и вниманія къ трудамъ его, золотыхъ часовъ, даръ сей, по волѣ ея величества, при семъ препровождаетъ“ [575]).

По полученіи степени магистра Русской Исторіи, Погодинъ не особенно стремился занять каѳедру въ Университетѣ. „Мѣсто адъюнкта“, сознается онъ самъ, „я могу получить здѣсь, при маломъ стараніи. Но я буду плохой адъюнктъ. Онъ мечталъ даже опредѣлиться къ Московскому Главнокомандующему и сдѣлаться при немъ начальникомъ Статистическаго Отдѣленія. Желалъ также взять на себя должность правителя канцеляріи у Исторіографа и издавать полный index матеріаловъ для словаря“. Но любимою мечтою его въ то время было сдѣлаться учителемъ историческихъ наукъ великаго князя Александра Николаевича. Въ то же время онъ мечталъ объ учрежденіи училища, въ которомъ могъ бы воспитываться Великій Князь, Божіею милостію, будущій Императоръ „и всѣ магнаты“, и сознается что у него „мысли сверкаютъ прекрасныя. Дай Богъ только, чтобы они были сѣменами и дали мнѣ плодъ обильный. Отверзи очи мудрости“. Мечталъ онъ также и объ основаніи журнала, при содѣйствіи Шевырева, Раича и Оболенскаго. Замышлялъ издавать Письма Петра Великаго, насчетъ графа Румянцова, и разбирать Миллеровы портфели; сочинить жизнь Ломоносова, переводить Овидія, Шиллера, Вернера; учиться по-англійски, нѣмецки, французски, италіянски, и пр., и пр.,

и пр.“ Эти пожеланія Погодинъ заключаетъ слѣдующимъ: „А трагедіи. А учить Александра Николаевича“. Къ довершенію всего, давнишній доброжелатель его, Дружининъ, въ это время предлагалъ ему заняться разборомъ рукописей почтеннаго Зосимы. „Радъ“, замѣчаетъ Погодинъ въ *Дневникѣ*, „еслибы найти Нестора древнѣйшій списокъ“ [576]).

Дневникъ Погодина знакомитъ насъ и съ сокровенными, такъ сказать келейными, мыслями будущаго профессора Исторіи. Посѣтивъ Успенскій Соборъ въ Недѣлю Православія (14 февр. 1825), онъ замѣчаетъ: „Былъ въ Соборѣ на проклятіи. Обрядъ торжественный, но несогласный съ духомъ христіанской религіи! Съ благоговѣніемъ произнесъ вѣчную память Петру Великому. Я назвалъ бы идеальную свою исторію: *Вѣчная Память*. Прекрасное, кажется, названіе“... Игнатій Лойола и Мартинъ Лютеръ также занимали мысли Погодина. „Лойола и Лютеръ“, пишетъ онъ, „суть противоположные полюсы. іезуитство есть такое же свободное созданіе духа. какъ и лютеранизмъ. Какъ Лютеръ думалъ, что человѣкъ долженъ имѣть полную свободу, такъ Лойола думалъ, что человѣкъ долженъ быть слѣпо покоренъ. Оба дѣйствовали по внутреннему убѣжденію, и только укрѣпились внѣшними причинами“. Чтеніе Гиббона навело его на слѣдующее размышленіе: „Періодъ времени отъ Августа до Ромула-Августа я почитаю болѣзнью Рима, которая довела его до гроба. Время Августа потому иные ставятъ высоко, что смотрятъ на оное какъ на вѣнецъ славнаго республиканскаго времени. Пусть лучше смотрятъ на оное какъ на начало послѣдующихъ ужасовъ. Искусство историка состоитъ, между прочимъ, въ томъ, чтобъ онъ такъ умѣлъ представить подробности, чтобъ читатель внимательный могъ ихъ подводить подъ общіе виды“. Пріѣздъ въ Москву наслѣднаго принца Оранскаго, котораго Погодину довелось видѣть въ Страннопріимномъ Домѣ Графа Шереметева, далъ поводъ ему отмѣтить въ *Дневникѣ*: „Голландія искони была убѣжищемъ всѣхъ свободномыслящихъ. Замѣтить въ Исторіи“. Любопытно также и слѣдующее за-

мѣчаніе: „Одно изъ примѣчательныхъ всемірныхъ произшествій есть то, что Англія получила владѣніе въ Германіи. Могъ ли бы Университетъ Геттингенскій писать такъ свободно, еслибы находился въ другомъ какомъ-либо государствѣ. Банкиры въ Европѣ составить могутъ государство особое, гирю новую на вѣсахъ. Вотъ еще явленіе, которое напрасно мы будемъ искать у древнихъ. Писатели составятъ еще силу въ Европѣ, особое государство... Осуждаютъ историки Карла Великаго, Владиміра I, что они раздѣлили свои владѣнія между сыновьями. Другими словами: зачѣмъ человѣкъ IX столѣтія не имѣлъ ума XVI столѣтія; зачѣмъ Карлъ Великій не носилъ очковъ". Россію Погодинъ сравнивалъ съ Сѣверною Сибирью, въ которой „оттаяла только поверхность, а внизу ледъ", а Русскихъ находилъ похожими „на овецъ, которые пойдутъ черезъ рѣку за козломъ"; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ признавалъ, что Россія „есть такое цѣлое, которое все имѣетъ въ себѣ и можетъ довольствоваться своимъ оборотомъ". Наконецъ, у Погодина мы встрѣчаемся съ мыслями, далеко предварившими мысли графа Л. Н. Толстого, развиваемыя имъ въ наши дни. 26 ноября 1825 года, Погодинъ записалъ въ *Дневникъ*: „Исторія должна скоро перемѣнить лице свое. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше будетъ въ ней собственныхъ именъ, и наконецъ они исчезнутъ [577]).

Въ январѣ 1825 года, у Трубецкихъ совершилось важное семейное событіе, въ которомъ Погодинъ, въ качествѣ *добраго друга дома*, не могъ не принять участія. Старшій сынъ ихъ, князь Юрій Ивановичъ, женился на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Прозоровской. За невѣстой давалось въ приданое пять тысячъ душъ. „Ихъ богатство", писалъ по этому поводу Погодинъ, „даже смѣшно. Что за вѣкъ! Съ пятью тысячами душъ идетъ за обезсиленнаго. По крайней мѣрѣ, добрый человѣкъ". 19 апрѣля того же года происходило ихъ бракосочетаніе. Погодинъ смотрѣлъ на свадьбу: „торжественно и нарядно", отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ* [578]).

Въ февралѣ 1825 года, пріѣхала въ Москву княгиня А. Н. Голицина. Мы уже знаемъ, что предметомъ сердечнаго

поклоненія Погодина въ это время была княжна Александра Трубецкая, а потому насъ не удивитъ слѣдующая его запись: „Пріѣхала княгиня Голицына. Не съ прежнею радостью я уже встрѣтилъ ее“. Но у Голициной въ это время жила или гостила Елизавета Ѳоминишна Вагнеръ, съ своею дочерью Елизаветою Васильевною. Сія послѣдняя и заполонила бѣдное сердце Погодина. „У меня было тепло на сердцѣ“, писалъ онъ, „когда я смотрѣлъ на Лизавету Васильевну. Но я не люблю еще ее, можетъ быть и не буду любить. Любовь еще снаружи, не извнутри. Но, можетъ быть, такъ она и должна начинаться. Такъ что жъ? Посмотримъ“. Княгиня Голицына, вѣроятно, замѣтивъ нѣжную страсть Погодина, спросила его: „Когда вы женитесь? Чрезъ годъ! Я буду матерью посаженою“. Вслѣдъ за описаніемъ этого разговора, онъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Шутилъ съ Лизаветою Васильевною. У нея характеръ мужественный. Остра“ [579]). Съ Голициной Погодину нерѣдко приходилось бесѣдовать о предметѣ своей новой страсти, и объ одномъ изъ этихъ разговоровъ онъ записалъ, что говорила „двусмысленно и умно“. Между тѣмъ, наступили Святые дни Страстной недѣли (23 — 28 марта 1825 г.), но Погодинъ не чувствовалъ расположенія говѣть, однако, послѣ рѣшился, и всѣ эти дни проводилъ у Трубецкихъ, слушая въ домовой церкви „обѣдни и заутрени“. Приступая къ Святому Причастію, онъ думалъ: „Понятно, очистить въ извѣстное время свою душу отъ всего зла, возвыситься до идеала, пріять въ себя Бога“ [580]).

Въ качествѣ надзирателя за дѣтьми княгини Голициной, въ ея квартирѣ жилъ товарищъ Погодина Мухинъ. Однажды онъ „не ночевалъ дома“, за что Княгиня рѣшилась ему отказать, и Погодинъ вызывался переѣхать и занять его мѣсто. Онъ намекалъ Княгинѣ о Кубаревѣ, „но она“, пишетъ Погодинъ, „хочетъ иностранца, и дурно сдѣлаетъ. Кубаревъ выручилъ бы, увѣренъ, меня и честь Русскихъ учителей“. Онъ указывалъ также Княгинѣ и на Рожалина; но на это она замѣтила: „Боюсь, что онъ также влюбится въ Лизавету

Васильевну. А почему же вы не боитесь за меня?“ сказалъ ей на это Погодинъ. Кончилось, однако, тѣмъ, что онъ самъ переѣхалъ на жительство къ княгинѣ Голицыной, въ качествѣ надзирателя за ея дѣтьми, и прожилъ у нея до 28 мая 1825 г. Прощаніе обошлось не безъ слезъ: „Княгиня, всѣ дѣти, Лизавета Васильевна плакали очень“, пишетъ Погодинъ, „прощаясь со мною, и я плакалъ. Пріятно заслужить такія слезы“ [381]).

Какъ учитель дочери Начальника Московскаго Архива Иностранной Коллегіи, А. Ѳ. Малиновскаго, Погодинъ былъ, что называется, своимъ человѣкомъ въ его домѣ; а это обстоятельство, помимо всего, другого способствовало сближенію его съ „архивными юношами“, служившими подъ начальствомъ Малиновскаго. Въ спискѣ этихъ „архивныхъ юношей“, составлявшихъ цвѣтъ тогдашняго Московскаго общества, мы встрѣчаемъ слѣдующія имена: братья Веневитиновы, братья Кирѣевскіе, Ѳ. С. Хомяковъ, Н. А. Мельгуновъ, С. А. Соболевскій, В. П. Титовъ, И. С. Мальцовъ, А. И. Кошелевъ, С. П. Шевыревъ и мн. др. „Служба наша“, свидѣтельствуетъ одинъ изъ этихъ юношей, а потомъ маститый старецъ, А. И. Кошелевъ, „главнѣйше заключалась въ разборѣ, чтеніи и описи древнихъ столбцевъ. Понятно, какъ такое занятіе было для насъ мало завлекательно. Впрочемъ, Начальство было очень мило: оно и не требовало отъ насъ большой работы. Сперва, бесѣды стояли у насъ на первомъ планѣ; но затѣмъ мы вздумали писать сказки, такъ, чтобы каждая изъ нихъ писалась всѣми нами. Десять человѣкъ соединилось въ это общество, и мы положили писать каждому не болѣе двухъ страницъ и не разсказывать своего плана. Какъ между нами были люди даровитые, то эти сочиненія выходили очень забавными, и мы усердно являлись въ Архивъ въ положенные дни — по понедѣльникамъ и четвергамъ. Архивъ прослылъ сборищемъ блестящей Московской молодежи, и званіе архивнаго юноши сдѣлалось весьма почетнымъ, такъ что впослѣдствіи мы даже попали въ стихи начинавшаго

тогда входить въ большую славу А. С. Пушкина". Мы уже знаемъ, что всѣ эти юноши находились подъ сильнымъ впечатлѣніемъ лекцій профессора Павлова, которыя возбудили въ тогдашнемъ поколѣніи Москвичей сочувствіе къ Философіи Германской, и въ Запискахъ А. И. Кошелева мы находимъ любопытныя свѣдѣнія объ Обществѣ Любомудрія. „Оно", пишетъ Кошелевъ, „собиралось тайно, и объ его существованіи мы никому не говорили. Членами его были: князь В. Ѳ. Одоевскій, И. В. Кирѣевскій, Д. В. Веневитиновъ, Рожалинъ и я. Тутъ господствовала Нѣмецкая Философія, т. е. Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Окенъ, Гёрресъ и др. Тутъ мы иногда читали наши философскія сочиненія; но всего чаще, и по большей части бесѣдовали о прочтенныхъ нами твореніяхъ Нѣмецкихъ любомудровъ. Мы собирались у князя Одоевскаго, въ домѣ Ланской (нынѣ Римскаго-Корсакова), въ Газетномъ переулкѣ. Онъ предсѣдательствовалъ, а Дмитрій Веневитиновъ всего болѣе говорилъ, и своими рѣчами часто приводилъ насъ въ восторгъ. Эти бесѣды продолжались до 14-го декабря 1825 года, когда мы сочли необходимымъ ихъ прекратить, какъ потому, что не хотѣли навлечь на себя подозрѣнія полиціи, такъ и потому, что политическія событія сосредоточивали на себѣ все наше вниманіе. Живо помню, какъ, послѣ этого несчастнаго числа, князь Одоевскій насъ созвалъ и съ особенною торжественностью предалъ огню въ своемъ каминѣ и уставъ, и протоколы нашего Общества Любомудрія". По словамъ А. И. Кошелева, занятіе членовъ этого общества состояло преимущественно въ *изученіи Нѣмецкой Философіи, которая вполнѣ замѣняла молодымъ людямъ религію.* Политика примѣшалась въ ихъ задачи лишь впослѣдствіи, подъ вліяніемъ встрѣчъ съ нѣкоторыми изъ будущихъ декабристовъ, именно съ М. М. Нарышкинымъ, К. Ѳ. Рылѣевымъ, княземъ Е. П. Оболенскимъ, И. И. Пущинымъ и нѣкоторыми другими. Вечеръ у М. М. Нарышкина, въ февралѣ или мартѣ 1825 года, на которомъ Рылѣевъ читалъ свои *Думы*, и въ общемъ разговорѣ выражались рѣзкія и крайнія сужденія о тогдашнемъ

правительствѣ, произвелъ на 19-ти лѣтняго автора *Записокъ* самое сильное впечатлѣніе. Онъ тотчасъ поспѣшилъ подѣлиться имъ съ своими друзьями И. В. Кирѣевскимъ, Д. В. Веневитиновымъ и Рожалинымъ. Вслѣдствіе этого, Нѣмецкая Философія была оставлена въ пренебреженіи, молодые философы налегли на изученіе политическихъ писателей, и главнымъ предметомъ ихъ бесѣдъ сдѣлались событія внутренней политики Россіи" [582]). Но Погодинъ, несмотря на свое увлеченіе въ это время Философіею, держалъ себя нѣсколько въ сторонѣ отъ этого Общества и самъ сознавался, что „чувствуетъ систему Шеллингову, хотя и не понимаетъ ее" [583]). Съ Раичевскимъ же Обществомъ онъ не прерывалъ связи, и въ собраніяхъ его, отъ времени до времени, прочитывалъ свои статьи и переводы. Такъ, въ засѣданіи, бывшемъ 30 января 1825, по собственному выраженію его, „чортъ дернулъ прочесть Батте, и опозорился" [584]). Въ другомъ засѣданіи онъ прочелъ свой переводъ изъ Макіавеля [585]). Въ это же время Погодинъ началъ все болѣе и болѣе сближаться съ Дмитріемъ Владиміровичемъ Веневитиновымъ. „Говорилось хорошо", пишетъ онъ, „съ Веневитиновымъ о Шлегелѣ, о Философіи, о талантахъ Мерзлякова" [586]). Дружба его съ В. П. Титовымъ также закрѣплялась. На Троицынъ день (17 мая 1825) они были вмѣстѣ у обѣдни. Богослуженіе погрузило ихъ въ глубокое размышленіе и было поводомъ слѣдующей бесѣды между двумя мыслителями: „Титовъ", пишетъ Погодинъ, „обратилъ мое вниманіе на высокую молитву: *Царю небесный, утѣшителю, душе* (духъ) *истинный, который все собою наполняетъ, пріиди въ меня и очисти меня.* Слушающему мнѣ Евангеліе, нечаянно объяснилось мѣсто изъ Матѳія, котораго я не понималъ прежде: *вино новое должно вливать въ мѣхи новые*; ученіе новое не примется человѣкомъ, зараженнымъ предразсудками. Я сообщилъ это Титову, а онъ пересказалъ мнѣ вчерашнія его мысли о молитвѣ: *Святый Боже, Святый крѣпкій, Святый безсмертный помилуй насъ.* Боже — Богъ-Отецъ, крѣпкій — Сынъ воплотившійся, безсмертный — Духъ.

Вздумалось мнѣ еще у обѣдни, что всю Исторію рода человѣческаго можно представить въ трагедіяхъ, изъ коихъ каждая представлять будетъ въ дѣйствіи какой-либо моментъ, эпоху въ человѣческомъ образованіи — Исторіи. Предпріятіе всемірное, безсмертное! — Зарождайся же во мнѣ огонь! Титовъ однажды замѣтилъ мнѣ, что въ *Вѣрую* члены о Богѣ пропѣты съ благоговѣніемъ, о воскресеніи Сына — съ торжествомъ. Какъ прекрасно расположены молитвы въ нынѣшней Службѣ. Сперва молитвы смиренныя о ниспосланіи Св. Духа, потомъ, въ заключеніе, — благодарственные. Давали ли сочинители сихъ молитвъ такой смыслъ, какой могутъ дать имъ нынѣшніе философы? Не безусловно ли (безъ сознанія) у нихъ вылились онѣ? Необходимо нужна книга, описывающая наше Богослуженіе. Масоны, кажется, знаютъ много хорошаго объ этомъ. Говорилъ съ Титовымъ о высокости Христіанскаго ученія. Говорилъ я ему также о планѣ моемъ представить новыя истины въ антитезахъ. Далъ ему участіе въ восторгѣ моемъ къ Шлецеру" [587]). На другой день послѣ Духова Дня, члены Раичевскаго Общества предприняли прогулку въ Архангельское. „Послѣ скучныхъ и досадныхъ хлопотъ", пишетъ Погодинъ, „отправились въ Архангельское: я, Раичъ, Оболенскій, Титовъ и Шевыревъ. Дорогою много забавлялись, ходили по саду, поужинали". На другой день (мая 20), Погодинъ „съ удовольствіемъ смотрѣлъ на кипарисы" и говорилъ о Байронѣ. Обозрѣвали Галлерею, которая не произвела на него ожидаемаго дѣйствія. Въ библіотекѣ князя Юсупова Погодина поразило отсутствіе Жуковскаго и др. „Ему еще не докладывали о нихъ", сказалъ Оболенскій. Послѣ веселаго завтрака, друзья вернулись въ Москву [588]).

Каждое лѣто, А. Ѳ. Малиновскій имѣлъ обыкновеніе отдыхать отъ своихъ трудовъ въ своей Подмосковной, Луневѣ. Погодинъ получилъ приглашеніе провести съ ними мѣсяцъ въ деревнѣ. 30 мая 1825 года, онъ выѣхалъ изъ Москвы въ Лунево. Время, проведенное здѣсь, произвело на

него отрадное впечатлѣніе. „Малиновскіе такъ ласкаютъ меня“, писалъ онъ, „что я не знаю, какъ отблагодарить ихъ. Гулялъ. Читалъ Виргилія. Мать природа! Какъ хорошо, какъ пріятно“. Самъ хозяинъ былъ для Погодина неисчерпаемымъ источникомъ, такъ сказать, живымъ Русскимъ архивомъ, изъ котораго молодой магистръ Русской Исторіи почерпалъ достовѣрныя свѣдѣнія о текущей и минувшей Исторіи нашего Отечества. „Почерпаю прекрасныя свѣдѣнія изъ разговоровъ съ А. Ѳ. Малиновскимъ достопочтеннымъ. Какъ сыръ въ маслѣ, катаюсь въ рѣчахъ Алексѣя Ѳедоровича, котораго уважаю болѣе и болѣе. Примѣчательное записываю въ особую тетрадь“. Въ Луневѣ Погодинъ не оставлялъ своихъ занятій. Вмѣстѣ съ ученицею своею, Екатериною Алексѣевною Малиновскою, онъ переводилъ Всеобщую Исторію для дѣтей, Шлецера. Тамъ же, онъ сидѣлъ и надъ переводомъ Неймана, и съ большимъ удовольствіемъ думалъ „о своихъ трудахъ, и о хозяйствѣ и объ отдохновеніи съ Елизою“. Въ то же время, у него явилась мысль сдѣлать, съ П. М. Строевымъ, географическо-историческое описаніе Русскихъ княженій. Между тѣмъ, знакомая уже намъ Елиза, „изъ русой косы“ которой, какъ мы уже знаемъ, „упала искра на сердце“ Погодина, „ни по утру, ни въ вечеру“ не выходила изъ головы его. Прогулки въ Луневѣ доставляли ему особенную пріятность. „Гуляю“, писалъ онъ, „съ большимъ удовольствіемъ, слушаю пѣніе птицъ и мечтаю о будущей жизни“. Онъ любилъ въ рощѣ читать Виргилія, думать о трудахъ своихъ и мечтать объ Елизѣ „Гуляемъ“, мечталъ онъ, „съ Елизою по утру, пьемъ кофе въ рощѣ“. „Мнѣ кажется“, продолжаетъ онъ, „что это моя половина, хотя я еще не чувствую рѣшительной склонности. Судьба моя скоро рѣшится. Хочется мнѣ попутешествовать, но она теперь цвѣтетъ. Нельзя ли съ нею?“

12 іюня 1825 года, Погодинъ разстался съ прекраснымъ уединеніемъ Малиновскихъ и черезъ Москву отправился въ Знаменское [589]). Въ Москвѣ пробылъ нѣсколько дней, и 17

іюня отправился на Троицкое подворіе, чтобы представиться архіепископу Филарету; но къ величайшему своему сожалѣнію, не засталъ его дома, и только познакомился съ его секретаремъ [590]).

Въ это время, на мѣсто князя А. П. Оболенскаго, попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа назначенъ былъ генералъ-маіоръ А. А. Писаревъ. По поводу этого назначенія, Погодинъ отмѣтилъ въ *Дневникѣ:* „Вотъ тебѣ разъ! Мнѣ не хуже можетъ быть, и добро сдѣлаетъ Университету; но жаль, что будетъ слушать какого нибудь С.“ [591]).

19 іюня 1825 года мы видимъ Погодина въ Знаменскомъ, дающимъ урокъ своей богинѣ, княжнѣ Александрѣ Трубецкой. Вотъ какую запись объ этомъ урокѣ мы находимъ въ *Дневникѣ*: „Давалъ урокъ Княжнѣ, которая была послѣ ванны съ распущенною косою, и у меня затеплилось сердце, загорѣлось, особенно при нѣкоторыхъ движеніяхъ. У Елизы такая же русая коса“. За обѣдомъ, Погодину пришло въ голову написать повѣсть *Русая Коса.* Черезъ недѣлю, повѣсть была готова, и Погодинъ остался очень доволенъ нѣкоторыми ея мѣстами. „Не пойду ли я“, замѣчаетъ онъ, „по одной дорогѣ съ Карамзинымъ въ литературѣ“ [592]). Въ этой повѣсти Погодинъ изобразилъ себя подъ именемъ Минскаго, княжну Александру Ивановну Трубецкую подъ именемъ графини О., а Елизавету Васильевну Вагнеръ подъ именемъ Маріи. Княжна Александра Трубецкая изображена въ такихъ чертахъ: „Она живетъ, кажется, въ мірѣ внѣшнемъ; кажется, сама есть прелестное явленіе изъ внѣшняго міра, рѣзвится, веселится, всѣмъ играетъ, надо всѣмъ смѣется, вездѣ находитъ сторону вещественную, хотя и облагораживаетъ ее. Ни что не останавливаетъ ея вниманія на долго; своенравная, она летаетъ отъ одного предмета къ другому, безпрестанно противорѣчитъ себѣ и другимъ; не плѣняетъ, но завоевываетъ и бросаетъ свои завоеванія; на нее нельзя не радоваться, но нельзя и не сердиться. Это какая-то легкая поэзія“. Повѣсть начинается слѣдующею сценою: „Что съ тобою сдѣлалось

товарищъ?“ спросилъ молодой Д., вошедъ въ комнату пріятеля своего, Минскаго. „Давнымъ давно ты ни къ кому изъ насъ не являешься. Іенскія ученыя вѣдомости лежатъ у тебя на столѣ не разрѣзанныя, и даже... любезный твой Несторъ,—вотъ онъ,—покрытъ новою пылью, сверхъ собственной древней!“ Ты все шутишь Александръ! мнѣ не до шутокъ.

„О чемъ же грустишь ты, смѣю спросить? Отъ чего въ тебѣ такая перемѣна?

О какой перемѣнѣ говоришь ты?.. Давно ли я видѣлся со всѣми вами, говорилъ о литературныхъ новостяхъ, спорилъ...

„Поздравляю... ты, вѣрно, съ древнимъ монахомъ заслушался какой-нибудь райской птички... Да не спугнулъ ли ее?... Знаешь ли, что со времени твоего затворничества вышелъ новый томъ исторіи Карамзина, Жуковскій перевелъ еще Байронову поэму... Словомъ, ты цѣлую недѣлю сидишь дома“.

И это можетъ быть. Я погруженъ въ созерцаніе...

„Но и прежде ты погружался въ созерцаніе; однакожъ, товарищи имѣли удовольствіе принимать въ немъ участіе... Перестань вертѣться... Смѣлѣе, смѣлѣе, ну—выговори“!

Я... влю... нѣтъ, мнѣ кажется теперь, что я могу... Что можно влюбляться.

„Браво! браво! Такъ я и предполагалъ. Ну, что, философъ, гдѣ твоя философія?... Кому же міръ конечный одолженъ за возвращеніе любезныхъ правъ своихъ“?

Русой косѣ!

„Русой косѣ! Я горю любопытствомъ... Разскажи мнѣ свое похожденіе“.

И Минскій сталъ разсказывать своему пріятелю, что надняхъ онъ приходитъ къ графинѣ О. съ *Чернецомъ* Козлова. „Въ передней комнатѣ, на ея половинѣ, говорятъ мнѣ, что Графиня недавно вышла изъ ванны и принять меня, вѣроятно, не можетъ. Я воротился было назадъ, какъ вдругъ раздался голосъ изъ кабинета: „что́ вамъ угодно, Н. П. Здравствуйте!“

Я принесъ къ вамъ литературную новость и очень пріятную. „Ахъ, подите, подите сюда поскорѣе, прочтемте вмѣстѣ"... Я вошелъ... Графиня стояла еще передъ зеркаломъ, въ голубомъ ситцевомъ капотѣ... Подлѣ горничная... Вытертые, но еще не высохнувшіе волосы спускались со всѣхъ сторонъ длинными, густыми кистями... Ахъ, Александръ, она была очаровательна... Я весь трепеталъ... Я возвратился домой, и съ тѣхъ поръ не выхожу со двора. Въ первый разъ говорю только... Но я чувствую, мнѣ теперь лучше... Черезъ недѣлю, веселый Д. является къ своему другу и находитъ его совершенно въ другомъ положеніи. На столѣ лежитъ десятокъ квартантовъ, одиннадцать томовъ Исторіи Карамзина, изслѣдованія Калайдовича, Строева, Шлецера, корректуры, тетради. Минскій разсматривалъ внимательно какую-то древнюю рукопись и не примѣтилъ вошедшаго.

„Съ выздоровленіемъ, съ выздоровленіемъ, закричалъ Д., захохотавъ изо всей силы... Позволь прежде узнать отъ тебя, какъ развивается любезная наша *русая коса*"?... Теперь я любуюсь на нее издали и безопасно.

Прошло нѣсколько времени. Минскій, по прежнему, продолжалъ ревностно заниматься науками, съ тою только разницею, что подъ-часъ голова его наполнялась другими видѣніями. Часто, въ сумерки, на зарѣ, мысли его рѣзвились съ удовольствіемъ около какихъ-то живыхъ идеаловъ. Иногда представлялъ онъ себѣ *ножки*, которыя приводятъ нашего Пушкина въ такое смущеніе, иногда эфирный станъ, иногда, и всего чаще, *русую косу*... Но доскажемъ поскорѣе, какъ сбылись темныя предчувствія Минскаго.

По какимъ-то обстоятельствамъ, пришлось Минскому прожить нѣсколько времени въ домѣ г-жи *С.* *). У сей госпожи воспитывалась дочь дальней ея родственницы, дѣвушка въ семнадцать лѣтъ, бѣлокурая, высокая ростомъ, прекрасная лицемъ, прекрасная душею. Въ первое уже свиданіе изъ *русой косы* ея упала искра на сердце Минскаго, и онъ ее

*) Княгиня А. Н. Голицына.

почувствовалъ, хотя и не обратилъ на то особеннаго вниманія. Марія... была очень хорошо образована. Дѣло кончилось тѣмъ, что Минскій женился на Маріи".

Въ заключеніе этой своей повѣсти, Погодинъ написалъ: „Молодые люди! Опасенъ огонь, опасна вода, но *русая коса* всего опаснѣе. Молодые люди, молодые люди! Остерегайтесь *русой косы*".

„А вы, прелестницы, вы должны... но коварная улыбка является на лицѣ вашемъ; вы уже, кажется, грозите мнѣ, мстительныя, за ненужной совѣтъ мой... Страшусь вашего гнѣва и кладу печать молчанія на дерзкія уста свои" [593]).

Окончивъ одну повѣсть, Погодинъ принялся за другую, подъ заглавіемъ: *Какъ аукнется, такъ и откликнется*, и радовался многими мѣстами ея, по словамъ самого его, „очень удачными", и „съ удовольствіемъ читалъ ее княжнѣ Александрѣ Трубецкой [594]). Въ этой повѣсти, вообще довольно незанимательной, мы, между прочимъ, читаемъ: „Ахъ. друзья мои, танцы ужасное изобрѣтеніе, ужасное, говорю я, хотя и благодарю мудрую судьбу, что она не выучила меня танцовать. Я дрожалъ бывало на стулѣ, какъ на электрическихъ креслахъ, смотря издали на кружившихся дѣвушекъ. Какъ онѣ мило устаютъ, какъ онѣ мило отдыхаютъ!"... Повѣсть свою онъ заключаетъ преподаніемъ слѣдующей морали: „Зачѣмъ забывать, что истинное счастіе вкушается только въ семейственной жизни, что его должно искать не въ мазуркахъ, не въ вальсахъ, не на вечерахъ, но въ глубинѣ своей души, своего сердца" [595]). Въ Знаменскомъ же Погодинъ началъ и окончилъ свою повѣсть *Нищій* [596]). Здѣсь же онъ задумалъ написать повѣсть, подъ заглавіемъ *Барскія милости*, и, по поводу этого намѣренія своего, замѣчаетъ: „Нынче новый штатъ для боярскихъ домовъ и положено имѣть Русскаго учителя, у котораго можно спросить за обѣдомъ, въ какой губерніи Суздаль, и пр." [597]). Острота со стороны Погодина, по меньшей мѣрѣ, неумѣстная, ибо мы хорошо знакомы съ тѣмъ почетнымъ положеніемъ, которое занималъ

Русскій учитель въ боярскомъ домѣ Трубецкихъ. Здѣсь мы находимъ не лишнимъ привести слѣдующую запись Погодина изъ *Дневника* его: „человѣкъ низкаго состоянія, въ какомъ либо отношеніи близкій къ человѣку высшаго состоянія, поневолѣ долженъ брать тонъ надменный, боясь унизиться“ [598]).

Лѣтомъ 1825 года, пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ Ѳ. И. Тютчевъ. Погодинъ увидѣлся съ нимъ въ Знаменскомъ, и, какъ видно, пріѣзжій пріятель произвелъ на него непріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, вотъ чтó мы читаемъ въ *Дневникѣ*: „Говорилъ съ Тютчевымъ объ иностранной литературѣ, о политикѣ, объ образѣ жизни тамошнемъ. Мечетъ словами, хотя и видно, что тамъ не слишкомъ много занимался дѣломъ. Онъ пахнетъ Дворомъ. Отпустилъ мнѣ много остротъ. Въ Россіи канцеляріи и казармы. Все движется около кнута и чина“. При этомъ Погодину не понравилось „кокетство“ княгини А. Н. Голицыной, которой, какъ ему было извѣстно, Тютчевъ не нравился, а она говорила съ нимъ безпрестанно. Но все это не помѣшало Погодину навѣщать Тютчева въ Троицкомъ и бесѣдовать съ нимъ о Байронѣ, „о бѣдности нашей въ мысляхъ“ и о другихъ матеріяхъ важныхъ. Впрочемъ, и при этомъ Погодинъ замѣчаетъ: „говорилъ съ Тютчевымъ, съ которымъ мнѣ не говорится“, и тутъ же прибавляетъ: „остро сравнивалъ Тютчевъ нашихъ ученыхъ съ дикими, кои бросаются на вещи, выброшенныя къ нимъ кораблекрушеніемъ“ [599]).

Совсѣмъ иное впечатлѣніе своими бесѣдами производилъ на Погодина, гостившій также въ Знаменскомъ, П. П. Новосильцовъ. Между прочимъ, онъ разсказалъ ему слѣдующій анекдотъ о Наполеонѣ: когда Балашовъ былъ у него въ Вильнѣ, онъ, говоря съ нимъ, ходилъ по комнатѣ. Форточка растворилась; Наполеонъ подошелъ и притворилъ ее, и началъ ходить по-прежнему; форточка чрезъ нѣсколько времени растворилась опять. Наполеонъ отбилъ ее совсѣмъ отъ оконницы, бросилъ въ отверстіе, и сталъ ходить по-прежнему“ [600]).

Въ началѣ сентября 1825 года, Трубецкіе поѣхали въ Ростовъ, на богомолье [601]), и во время ихъ отсутствія, Погодинъ, живя въ Москвѣ, намѣревался съѣздить въ Лунево, ибо еще въ іюлѣ, А. Ѳ. Малиновскій писалъ ему: „Скажите намъ о своемъ здоровьѣ, любезный Михаилъ Петровичъ. Мы очень желаемъ видѣть васъ“ [602]). Но эта поѣздка не состоялась, и онъ принужденъ былъ кочевать по Москвѣ, „иногда съ большимъ неудовольствіемъ у Кубарева и у дяди“ [603]). По возвращеніи Трубецкихъ изъ Ростова, и Погодинъ вернулся въ Знаменское. Здѣсь онъ узналъ двѣ новости: что княгиня А. Н. Голицына выходитъ замужъ за Левашова и что Пушкинъ пишетъ *Бориса Годунова*. По поводу первой, Погодинъ таинственно замѣтилъ: „Вотъ тебѣ cousin! Радъ, наконецъ она отдохнетъ“; а по поводу второй, непонятно замѣтилъ: „мнѣ какъ будто это противъ было“ [604]).

Наканунѣ Покрова, Погодинъ съ грустью отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Оставляемъ Знаменское, въ которомъ я живу и выгодно, и счастливо“ [605]).

XXIX.

Первые дни, по возвращеніи изъ Знаменскаго въ Москву, Погодинъ провелъ самымъ скучнымъ образомъ. Комнаты его передѣлывались, и онъ принужденъ былъ шататься. „Гдѣ ночь, гдѣ день“, писалъ онъ, „первые пять у князя Н. И. Трубецкого. По вечерамъ, былъ у Княженъ и пріятно проводилъ съ ними время“ [606]). Но вскорѣ все устроилось и пошло своимъ порядкомъ.

Мы уже знаемъ, что Погодинъ, по предложенію М. Т. Каченовскаго, былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, и уже въ Засѣданіи Общества, 23 февраля 1825 г., которое посѣтили Московскій Главнокомандующій, князь Д. В. Голицынъ и И. И. Дмитріевъ, Погодинъ, въ присутствіи сихъ са-

новниковъ, прочелъ *Объясненіе* двухъ мѣстъ Несторовой Лѣтописи, и по поводу этого чтенія въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтилъ: „Читалъ сухое разсужденіе о Несторѣ". Тѣмъ не менѣе, познакомимся хоть съ содержаніемъ этого чтенія. Въ описаніи земель, доставшихся тремъ сынамъ Ноя, Несторъ, исчисливъ земли Іафетовы, по Византійскимъ писателямъ, прибавляетъ отъ себя: „Въ Аѳетовѣ же части сидять Русь, Чюдь и вси языци: Меря, Мурома, Весь, Мордва Заволочьская Чюдь, Пермь, Печера, Ямь, Угра, Литва, Земѣгола, Корсь, Лѣтьгола, Любь". Здѣсь Русь, по мнѣнію Погодина, употреблена въ смыслѣ собирательномъ, и стоитъ вмѣсто всѣхъ племенъ Словянскихъ, составившихъ Русское Государство.

„Въ лѣто *6360*, индикта 15 день, наченшю Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руская Земля".

Годъ въ семъ извѣстіи Нестора, по мнѣнію Погодина, относится не къ началу имени Русскаго, какъ нѣкоторые думали, а къ началу царствованія Михаила, и онъ предлагаетъ переводъ этихъ словъ такимъ образомъ: „При Михаилѣ, начавшемъ царствовать въ лѣто *852* (6360) началось, имя Руской Земли". По окончаніи засѣданія, къ Погодину подошелъ И. И. Дмитріевъ и сказалъ ему „нѣсколько учтивостей". Въ засѣданіи 15 апрѣля 1825, Погодинъ предложилъ объ изданіи на Русскомъ языкѣ главныхъ изысканій, сдѣланныхъ иностранцами по части Русской Исторіи, преимущественно древней, и о переводѣ, на первый разъ, Байера, Еверса, и Общество опредѣлило переводъ Еверса поручить самому же Погодину. Такъ какъ Погодинъ, по указанію Каченовскаго, давно уже занимался Еверсомъ, то не удивительно, что черезъ мѣсяцъ послѣ предложенія, онъ уже представилъ въ Общество готовый переводъ Еверсовыхъ предварительныхъ изысканій, относящихся къ древней Россійской Исторіи. Общество опредѣлило напечатать этотъ переводъ „подъ цензурою И. И. Давыдова [607]). Въ концѣ года, переводъ вышелъ въ свѣтъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Предварительныя критическія изслѣдованія Густава Еверса для Россійской*

Исторіи. Переводъ съ Нѣмецкаго. Въ двухъ книгахъ. М. 1825. Цензорская помѣтка И. И. Давыдова 23 ноября 1825. Переводчикъ посвятилъ свой трудъ „Его Превосходительству, Милостивому Государю Александру Александровичу Писареву, Президенту Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, въ знакъ искренней благодарности". Въ октябрѣ 1825 года, Полевой читалъ въ Обществѣ объ именахъ лицъ, встрѣчающихся въ договорахъ Игоря и Олега. „Я вспомнилъ", писалъ по поводу этого чтенія Погодинъ, „что сказалъ Полевому, мѣсяца четыре тому назадъ, мысль свою о нихъ, и предупредилъ Каченовскаго, подлѣ меня сидѣвшаго". Какъ только Полевой началъ читать, его прерываетъ Погодинъ и начинаетъ говорить, что онъ воспользовался его мыслію, стоившею ему многихъ наблюденій, и что онъ напишетъ самъ объ этомъ въ *Вѣстникѣ Европы*. Полевой запирался и смутился; наконецъ, даже сказалъ, что уничтожаетъ свою статью, однако, предсѣдатель Писаревъ и ректоръ Антонскій его удержали, а П. М. Строевъ примирилъ ихъ [608]).

Въ томъ же засѣданіи, извѣстный П. П. Свиньинъ читалъ обозрѣніе своего путешествія по Россіи, и предложилъ въ почетные члены Общества княгиню З. А. Волконскую, князя Н. Б. Юсупова и графа Ѳ. В. Ростопчина. Свиньинъ произвелъ на Погодина самое пріятное впечатлѣніе. „Этотъ человѣкъ", писалъ Погодинъ, „достоинъ всякаго почтенія за собраніе богатыхъ свѣдѣній о Россіи". Погодинъ выпросилъ у него альбомъ, чтобы показать его Трубецкимъ [609]). Любопытно, что Свиньинъ, въ своихъ *Отечественныхъ Запискахъ*, напечаталъ статью о знаменитомъ Грузинѣ, въ которой довольно безцеремонно отзывался о Римѣ, Аѳинахъ. Это дало поводъ князю П. А. Вяземскому написать на Свиньина эпиграмму, которою очень восхищался Пушкинъ:

Что пользы, говоритъ разсчетливый Свиньинъ,
Намъ кланяться развалинамъ безплоднымъ
Пальмиры древней, иль Аѳинъ?
Нѣтъ, лучше въ Грузино пойду путемъ доходнымъ,

Тамъ, кланяясь, могу я выкланяться въ чинъ.
Оставимъ славы дымъ поэтамъ сумасброднымъ:
Я не поэтъ, а дворянинъ [610]).

Погодинъ старался привлечь въ Общество Исторіи и Древностей своего друга Кубарева; но эта попытка была неудачна и вызвала слѣдующую замѣтку его въ *Дневникѣ:* „Какой слабый характеръ у Кубарева. Боится вступить теперь въ Общество, потому что Антонскій смотритъ на оное косо" [611]).

Недовольствуясь существовавшими въ Москвѣ Обществами, въ которыхъ Погодинъ принималъ болѣе или менѣе дѣятельное участіе, онъ учредилъ, подъ предсѣдательствомъ Мерзлякова, Общество Переводчиковъ, и 25 октября 1825 года было собраніе у Мерзлякова [612]). Въ бумагахъ Погодина сохранился листокъ, собственноручно имъ писанный, изъ котораго мы почерпаемъ свѣдѣнія о задачахъ этого Общества: „1825 года, ноября 11 дня, гг. студенты: Артемовъ, Леопольдовъ, Штейнъ и Бюргеръ, кандидаты: Рожалинъ, Зиновьевъ, Лихонинъ, Кольчугинъ, Максимовичъ, Данилевскій и магистръ Погодинъ, собравшись у г. профессора Россійской Словесности Алексѣя Ѳедоровича Мерзлякова, изъявили предъ нимъ желаніе составить Общество для перевода книгъ съ языковъ иностранныхъ, и просили его представить начертанный ими планъ онаго начальству, для утвержденія. Планъ сей состоитъ въ слѣдующемъ: По причинѣ недостатка въ книгахъ классическихъ на Русскомъ языкѣ по всѣмъ наукамъ, учреждается, при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Общество для перевода оныхъ съ языковъ иностранныхъ. Общество сіе состоитъ изъ гг. студентовъ, кандидатовъ и магистровъ университетскихъ, въ вѣдѣніи г. профессора Россійской Словесности. Каждый членъ Общества обязанъ избрать книгу, сообразную съ цѣлью Общества, и принять переводъ оной на себя, по одобреніи всѣми членами Общества и утвержденіи начальствомъ. Общество имѣетъ ежемѣсячныя собранія, въ продолженіе коихъ члены читаютъ отрывки изъ своихъ переводовъ и чрезъ своего секретаря представляютъ обстоятельное

объ оныхъ извѣстіе г. профессору. Собранія сіи присоединяются къ чтеніямъ, имѣющимъ быть при Педагогическомъ Институтѣ. Книга, переводомъ конченная, представляется въ Общество, которое отдаетъ ее тремъ членамъ для просмотрѣнія, повѣрки и сообщенія своихъ замѣчаній, и по одобреніи, отдается г. профессору, для доставленія начальству.

Книги переведенныя печатаются на счетъ Университета, подъ надзоромъ переводчиковъ.

По отпечатаніи, переводчикъ получаетъ сто экземпляровъ книги, а остальные поступаютъ въ продажу по цѣнѣ, назначенной переводчикомъ и утвержденной начальствомъ.

По выручені употребленной Университетомъ на печатаніе суммы, остальные экземпляры обращаются въ пользу переводчика.

Общество составляется теперь изъ опредѣленнаго числа членовъ; впослѣдствіи будутъ приниматься въ члены по переводамъ, представленнымъ въ Общество и одобреннымъ онымъ.

Первоначальныя правила сіи имѣютъ быть исправлены и дополнены, по мѣрѣ потребностей, которыя усмотритъ Общество, начавъ свои дѣйствія.

Подлинное подписали: Кандидатъ Алексѣй Зиновьевъ, Кандидатъ Иванъ Данилевскій, Кандидатъ Петръ Кольчугинъ, Студентъ Андрей Бюргеръ, Студентъ Петръ Артемовъ, Студентъ Александръ Штейнъ, Магистръ Михаилъ Погодинъ, Андрей Леопольдовъ.

Кромѣ того, Погодинъ принималъ участіе въ учрежденіи и *Педагогическихъ Чтеній*. Свѣдѣнія о нихъ мы также почерпаемъ изъ одного сохранившагося въ его бумагахъ листика, писаннаго неизвѣстною намъ рукою, но съ поправками Мерзлякова. Наименованіе Погодина *магистромъ* даетъ намъ возможность съ вѣроятностью предполагать, что бумага эта писана въ 1825 году.

Педагогическія чтенія:

Въ силу Устава Императорскаго Московскаго Университета, имѣютъ быть собранія литературныя изъ магистровъ

и кандидатовъ всѣхъ отдѣленій. Главная цѣль занятій членовъ состоитъ въ такъ называемыхъ Педагогическихъ чтеніяхъ, т. е. въ пріуготовленіи молодыхъ людей изъяснять легко, ясно и удовлетворительно предметы изъ оной науки, которой каждый изъ нихъ себя преимущественно посвятилъ. Для сего будутъ приглашаемы гг. профессоры той части, по которой читаютъ разсужденія, дабы такимъ образомъ давать настоящее и правильное направленіе занятіямъ молодыхъ людей, которые готовятъ себя къ высшимъ должностямъ по Университету. Общество сіе состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ директора Педагогическаго Института, ординарнаго профессора Мерзлякова. *Для сей цѣли* первоначально постановить слѣдующія правила: 1) Собранія дѣлятся на частныя и общія. Первыя назначаются для предварительнаго прочтенія тѣхъ пьесъ, которыя будутъ читаны во второмъ. 2) День собранія того и другого назначается директоромъ Общества. Положено каждый мѣсяцъ собираться одинъ разъ. 3) Дабы доставлять болѣе разнообразія общимъ собраніямъ, предположено читать стихотворенія, повѣсти и другія пьесы, въ которыя менѣе входятъ ученыя изслѣдованія. Пьесы сіи могутъ быть доставляемы студентами всѣхъ отдѣленій въ приготовительное собраніе, и будутъ читаны въ общемъ, если будутъ признаны стоющими вниманія въ какомъ бы то ни было отношеніи *). Въ концѣ этой бумаги, рукою Погодина написаны члены Педагогическихъ Чтеній: Магистры: Гавриловъ, Коцауровъ, Щедритскій, Погодинъ, Васильевъ. Кандидаты: Григоровичъ, Жодейко, Максимовичъ, Кольчугинъ, Генриховъ, Розбергъ, Рожалинъ, Лихонинъ, Зерновъ, Петрашкевичъ, Будревичъ, Ежевскій.

Возбужденный примѣромъ *Полярной Звѣзды*, произведшей движеніе въ литературѣ, Погодинъ, въ 1825 году, рѣшился издать альманахъ *Уранію*. Это предпріятіе приблизило его къ князю Вяземскому, къ которому онъ въ это время обратился съ просьбою написать о немъ Пушкину. Исполняя

*) Курсивъ означаетъ поправки, сдѣланныя рукою Мерзлякова.

желаніе Погодина, князь Вяземскій писалъ Пушкину: „Здѣсь есть Погодинъ университетскій и, повидимому, *хорошихъ правилъ*: онъ издаетъ альманахъ въ Москвѣ на будущій годъ и проситъ у тебя Христа ради. Дай ему что нибудь изъ *Онѣгина*, или что нибудь изъ мелочей“ [613]). Погодинъ горѣлъ нетерпѣніемъ получить отвѣтъ Пушкина, а потому неоднократно заходилъ къ князю Вяземскому справляться объ этомъ. У князя Вяземскаго онъ встрѣтился съ Д. В. Давыдовымъ, съ которымъ, какъ мы уже знаемъ, впервые познакомился въ домѣ Всеволожскихъ, и остался очень доволенъ тѣмъ, что Давыдовъ ласково съ нимъ обошелся [614]). Наконецъ, князь Вяземскій получаетъ отвѣтъ Пушкина, но содержаніе его было таково, что его неудобно было показывать Погодину. Пушкинъ изъ своего Михайловскаго (3 дек. 1825) писалъ князю Вяземскому: „Ты приказывалъ, моя радость, прислать тебѣ стиховъ для какого-то альманаха (чортъ его побери). Вотъ тебѣ нѣсколько эпиграммъ. У меня ихъ пропасть, избираю невиннѣйшія“ [615]). Князь Вяземскій выбралъ для *Ураніи* слѣдующія стихотворенія Пушкина: *Мадригалъ* (Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати), *Движеніе* (Движенья нѣтъ, сказалъ мудрецъ), *Совѣтъ* (Повѣрь: когда и мухъ, и комаровъ), *Соловей и Кукушка*, *Дружба* (Что дружба?..). Съ своей же стороны, князь Вяземскій внесъ въ *Уранію* свое прекрасное *посланіе Д. В. Давыдову*. Желая привлечь Востокова къ участію въ *Ураніи*, Погодинъ писалъ ему: „Ободренный вашею благосклонностію, я обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою: мнѣ думается издать альманахъ на 1826 годъ, въ коемъ всѣ здѣшніе литераторы принимаютъ участіе. Не украсите-ли вы оный какою нибудь вашею піесою? [616]). Но Востоковъ отвѣтилъ: „Я бы за великую честь себѣ поставилъ видѣть какую нибудь піесу мою въ альманахѣ, который вы издавать намѣрены: но теперь у меня ничего нѣтъ готоваго. Я совсѣмъ отсталъ отъ поэзіи, погрузясь въ бездну филологіи. Послѣдніе стихи, мною писанные, суть переводы нѣкоторыхъ Сербскихъ пѣсенъ (собранія Вука Сте-

фановича), коими я занимался по просьбѣ барона Дельвига, помѣстившаго ихъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* [617]). Болѣе посчастливилось Погодину у Капнистовъ, и, изъ Обуховки, Семенъ Васильевичъ Капнистъ писалъ Погодину: „Братъ мой сообщилъ мнѣ письмо ваше, въ которомъ вы изъявляете желаніе имѣть, для помѣщенія въ Альманахѣ вашемъ, статью сочиненія покойнаго батюшки. Съ удовольствіемъ исполняю желаніе ваше, препровождая при семъ его стихи. Пріятно мнѣ имѣть новое доказательство, что есть люди, которые дорожатъ именемъ отца моего“ [618]). У И. И. Дмитріева Погодинъ встрѣтился съ Баратынскимъ и выпросилъ у него нѣсколько стихотвореній [619]). Въ *Ураніи* мы встрѣчаемъ также стихотворенія несчастнаго Полежаева, который посѣщалъ иногда Погодина, и студента Ротчева. Кромѣ того, въ этомъ альманахѣ мы находимъ драгоцѣнное письмо Ломоносова къ Шувалову, сообщенное Погодину Петромъ Александровичемъ Мухановымъ, любопытнѣйшую статью П. М. Строева: *Отечественная Старина*. Самъ Погодинъ помѣстилъ двѣ повѣсти: *Нищій* и *Какъ аукнется, такъ и откликнется*, написанныя имъ, какъ намъ уже извѣстно, въ Знаменскомъ. Шевыревъ, принявшій въ изданіи *Ураніи* самое живое и непосредственное участіе, помѣстилъ въ ней нѣсколько переводовъ изъ Шиллера и Гёте и свое примѣчательное стихотвореніе *Я есмь*, которое обратило на него вниманіе Пушкина и Баратынскаго [620]). Не окончивъ печатанія *Ураніи*, Погодинъ, какъ мы увидимъ, уѣхалъ въ Петербургъ, „мечтая зашибить на ней тысячъ пять“. Шевыревъ принялъ на себя окончаніе изданія, которое, украшенное произведеніями князя Вяземскаго, Пушкина, Баратынскаго, Веневитинова, Тютчева, Мерзлякова, Строева и др., вышло въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Уранія, карманная книжка на 1826 годъ для любительницъ и любителей Русской Словесности. Изданная М. Погодинымъ. Москва. Въ Типографіи Селивановскаго.* За труды свои по изданію этого альманаха, Погодинъ имѣлъ утѣшеніе получить от[illegible] [illegible]кина, барона Дельвига, слѣдующее письмо:

„Уважая и любя васъ за литературные труды ваши, я не зналъ ни вашего имени, ни мѣста жительства. Позвольте поблагодарить васъ за пріятное товарищество на поприщѣ альманаховъ. *Уранія* меня обрадовала одна въ этомъ году, прочіе соперники наши лучше бы сдѣлали, если бы не родились. Вы мнѣ давно знакомы и не по однимъ ученымъ, истинно критическимъ историческимъ трудамъ, но и какъ поэта знаю и люблю васъ" [621]).

XXX.

Явившаяся въ ноябрѣ 1825 года комета была знаменіемъ не на добро. „Всѣ Москвитяне", свидѣтельствуетъ Погодинъ, „смотрѣли на нее, и думали „не перемѣнится ли что нибудь въ Царѣ"; но въ Москвѣ все было тихо [622]). Между тѣмъ, извѣстія о болѣзни императора Александра I приводили въ уныніе вѣрноподданныхъ. 27 ноября, когда Государь уже скончался, въ Москвѣ было извѣстіе успокоительное; но то былъ послѣдній лучъ угасающей надежды. На другой день, 27 ноября, „пришелъ къ Архіепископу Московскому одинъ знакомый для слушанія всенощнаго бдѣнія, и на вопросъ, что онъ печаленъ, отвѣчалъ: развѣ вы не знаете? уже съ утра нынѣшняго дня извѣстно, что мы лишились Государя. Когда Архіепископъ опомнился отъ перваго пораженія печалію: ему показалось страннымъ, что онъ долго оставленъ въ неизвѣстности со стороны Генералъ - Губернатора, которому должна быть извѣстна не только важность, но и затруднительность открывающихся обстоятельствъ. Въ слѣдующее утро, 29-го дня, Архіепископъ, пригласивъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Сергія Михаиловича Голицына, пріѣхалъ съ нимъ къ Генералъ-Губернатору для совѣщанія. Архіепископъ изложилъ свои мысли о затруднительности настоящихъ обстоятельствъ. цесаревичъ Константинъ Павловичъ написалъ къ императору Александру Павловичу письмо о

своемъ отреченіи отъ наслѣдованія престола, въ началѣ 1822 года; до половины 1823 года, не было по сему составлено Императорскаго акта. Послѣдовавшее составленіе и храненіе акта о назначеніи на престолъ великаго князя Николая Павловича произошло въ глубокой тайнѣ. Посему можетъ случиться, что Цесаревичъ не знаетъ о существованіи сего акта и намѣреніе свое почитаетъ не получившимъ утвержденія; что посему онъ можетъ быть убѣжденъ къ принятію престола, и что мы можемъ получить изъ Варшавы манифестъ о вступленіи на престолъ Константина Павловича, прежде, нежели успѣемъ получить изъ Петербурга манифестъ о вступленіи на престолъ Николая Павловича. При семъ оказалось, что Генералъ-Губернаторъ не зналъ о существованіи новаго акта въ Успенскомъ Соборѣ, и онъ изъявилъ было желаніе идти туда, чтобы въ семъ удостовѣриться. На сіе Архіепископъ не согласился, представляя, что изъ сего возникнуть могутъ молвы, какихъ нельзя предвидѣть, и даже клевета, будто теперь что̀-то подложено къ государственнымъ актамъ, или положенное подмѣнено. Въ заключеніе сего совѣщанія, положено, чтобы, въ томъ случаѣ, есть ли бы полученъ былъ манифестъ изъ Варшавы, не объявлять о немъ и не приступать ни къ какому дѣйствію по оному, въ ожиданіи манифеста изъ Петербурга, который укажетъ истиннаго Императора" [623]). Погодинъ узналъ объ этомъ прискорбномъ событіи на другой день, т. е. 29 ноября, за обѣдомъ у Малиновскаго. „Ахъ Боже мой!", пишетъ онъ, „меня ошеломило. Малиновскій въ большомъ смущеніи" [624]). Зайдя къ Мерзлякову, Погодинъ засталъ его въ глубокой горести. „Онъ", пишетъ Погодинъ, „искренно сожалѣетъ о Государѣ. Александръ, сказалъ онъ, первый началъ уступать права свои народу, любилъ просвѣщеніе". Но Погодинъ по поводу этого замѣчаетъ: „Объ уступкѣ мудрено сказать: какъ жалъ онъ Испанцевъ, Неаполитанцевъ, Богъ знаетъ, какая была у него система. Всѣ, съ кѣмъ встрѣчался, сожалѣли очень много. Селивановскій разливался слезами и многіе дру-

гіе. Сожалѣніе общее. Ропотъ умолкнулъ. Смерть миритъ всѣхъ“ [625]). „Мы не имѣли времени“, писалъ Карамзинъ Дмитріеву, „приготовиться къ удару: изумились, и хотѣли бы плакать еще болѣе, нежели плачемъ, еслибы можно было заплатить слезами всю дань любви и признательности къ незабвенному для насъ Александру. Онъ еще дѣйствуетъ на мою судьбу земную. его Мать добродѣтельная, Братъ, Великія княгини вѣрятъ моей искренней, чистой къ нему любви, и видятъ меня, чтобы плакать вмѣстѣ. Союзъ печали имѣетъ свою сладость. Объ императрицѣ Елисаветѣ едва смѣю думать“ [626]). „Общая горесть наша“, пишетъ онъ же Малиновскому, „велика. Царствованіе Александра было и славно, и милостиво, а въ сердцѣ его что̀-то ангельское. Договоръ нашъ не исполнился: давъ мнѣ славо быть покровителемъ моихъ дѣтей послѣ моей смерти, онъ предупредилъ ее своею безвременною кончиною.—Одно въ Петербургѣ и въ Москвѣ: слезы искреннія. Петербургъ удивительно тихъ“ [627]). Но эта тишина была передъ жестокою бурею. О происходящемъ въ это время въ Москвѣ мы имѣемъ драгоцѣнное свидѣтельство самого архіепископа Филарета, который, какъ свѣтильникъ, освѣщаетъ эти мрачныя страницы нашей Исторіи. 29 ноября 1825 года, Московскій Главнокомандующій получилъ изъ Петербурга отъ графа Милорадовича письмо, въ которомъ объявлялось, что въ Петербургѣ принесена присяга вѣрности императору Константину Павловичу, что первый присягнулъ великій князь Николай Павловичъ, что непремѣнная воля Великаго Князя есть, чтобы и въ Москвѣ была принесена также присяга, и чтобы не была открываема бумага, какая есть въ Успенскомъ Соборѣ. Когда Главнокомандующій пріѣхалъ съ этимъ письмомъ къ Филарету, для совѣщанія, то Архіепископъ представилъ на сіе, что объявленіе графа Милорадовича не можетъ быть принято какъ оффиціальное въ дѣлѣ толикой важности. Но Генералъ-Губернаторъ находилъ, что когда присяга принесена уже въ Петербургѣ, отлагать оную въ Москвѣ было бы неблаговидно и, можетъ быть, неблаго-

пріятно для общественнаго спокойствія. Архіепископъ продолжалъ представлять, что въ основаніе государственной присяги, въ церкви нуженъ государственный актъ, безъ котораго, и также при неимѣніи указа отъ Святѣйшаго Сѵнода, неудобно на сіе рѣшиться духовному начальству. Генералъ-Губернаторъ сказалъ, что онъ уже видѣлся съ оберъ-прокуроромъ общаго собранія Сената, княземъ Гагаринымъ, и что сей обѣщалъ созвать сенаторовъ въ чрезвычайное собраніе; что, впрочемъ, естьли они не рѣшатся ни на какое дѣйствіе, то онъ полагаетъ привести къ присягѣ, по крайней мѣрѣ, губернскіе чины. На сіе Архіепископъ возразилъ, что было бы не только далеко отъ точности оффиціальной, но и неблаговидно, и сомнительно для народа, естьли бы присягала Губернія, а Сенатъ не присягалъ. Наконецъ, когда Генералъ-губернаторъ требовалъ, чтобы присяга была, по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, естьли Сенатъ постановитъ о семъ опредѣленіе и оно прочитано будетъ въ Успенскомъ Соборѣ, Архіепископъ не нашелъ возможнымъ отказаться отъ сего и принять на свою отвѣтственность послѣдствія сего отказа. „Нельзя быть одному императору въ Москвѣ, а другому въ Петербургѣ“ [628]).

Въ то самое время, когда въ Москвѣ шли эти переговоры между Главнокомандующимъ и Архіепископомъ, С.-Петербургъ, а съ нимъ и всю Россію, посѣтило бѣдствіе, объ отвращеніи и этаго бѣдствія Церковь наша, въ своихъ утреннихъ и вечернихъ молитвахъ, ежедневно молитъ Бога. „19 ноября“, повѣствуетъ князь П. А. Вяземскій, „отозвалось грозно въ смутахъ *14 декабря*. Сей день, бѣдственный для Россіи, и эпоха, кроваво имъ ознаменованная, была страшнымъ судомъ для дѣлъ, мнѣній и помышленій настоящихъ и давнопрошедшихъ“. Исторіографъ же нашъ писалъ къ своему другу И. И. Дмитріеву: „*14 декабря* я былъ во Дворцѣ съ дочерьми, выходилъ и на Исаакіевскую площадь, видѣлъ ужасныя лица, слышалъ ужасныя слова, и камней пять-шесть упало къ мо-

Императоръ оказалъ неустрашимость и

твердость. Первые два выстрѣла разсѣяли безумцевъ съ *Полярною Звѣздою*, Бестужевымъ, Рылѣевымъ и достойными ихъ клевретами. Милая жена моя, нездоровая, прискакала къ намъ во Дворецъ около семи часовъ вечера. Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежа. Ни крестъ, ни митрополитъ не дѣйствовали. Какъ скоро грянула первая пушка, императрица Александра Ѳеодоровна упала на колѣни и подняла руки къ небу. Она нѣсколько разъ говорила: „для чего я женщина въ эту минуту!“ Добродѣтельная императрица Марія повторяла: „что скажетъ Европа!“ Я случился подлѣ нихъ; чувствовалъ живо, сильно, но самъ дивился спокойствію моей души странной; опасность подъ носомъ уже для меня не опасность, а рокъ, и не смущаетъ сердца; смотришь ей прямо въ глаза съ какою-то тишиною. Въ большой залѣ Дворца толпа знати часъ отъ часу рѣдѣла; однакожъ все было тихо и пристойно. Молодыя женщины не изъявляли трусости. Въ общемъ движеніи, къ сторонѣ, неподвижно сидѣли три магната: князь Лопухинъ, графъ Аракчеевъ и князь А. Б. Куракинъ, какъ три монумента! Въ седьмомъ часу пѣли молебенъ; въ осьмомъ стали всѣ разъѣзжаться. Войско ночевало, среди огней, вокругъ Дворца. Въ полночь я съ тремя сыновьями ходилъ уже по тихимъ улицамъ, но въ 11 часовъ утра, 15 декабря, видѣлъ еще толпы черни на Невскомъ проспектѣ. Скоро все успокоилось, и войско отпустили въ казармы. Теперь ждемъ вѣстей отъ васъ; надѣюсь, хорошихъ. Вотъ нелѣпая трагедія нашихъ безумныхъ либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ними не такъ много! Солдаты были только жертвою обмана. Иногда прекрасный день начинается бурею: да будетъ такъ и въ новомъ царствованіи! Константинъ прославился на-вѣки великодушнымъ отреченіемъ; да будетъ славенъ Николай I между вѣнценосцами, благотворителями Россіи! Въ моихъ глазахъ, Онъ перекрестился и подписалъ манифестъ ввечеру 13 декабря, не безъ предчувствія, чему надлежало случиться. Этотъ

манифестъ сочиненъ имъ самимъ, а написанъ для печати Сперанскимъ (равно какъ и вторый о ковѣ злодѣйскомъ). Я только зритель, но усталъ душею: каково же Государю? Онъ уменъ, твердъ, исполненъ добрыхъ намѣреній; призываемъ на него благословеніе Божіе. Мать, Супруга, Братъ умиляютъ меня своими чувствами. Мои писали къ любезному князю Петру Андреевичу *). Скажи ему (если увидишь его), что я цѣлую его нѣжно и буду писать послѣ. Будь здоровъ, милый другъ! Авось, скоро возвращусь къ своей музѣ-старухѣ!“ [629]). Въ Москвѣ долго не знали о постигшемъ Петербургъ бѣдствіи. „Дни, протекшіе“, повѣствуетъ Филаретъ, „между 30 ноября и 15 декабря 1825 года, конечно ни для кого въ Москвѣ не были такъ тяжки, какъ для архіепископа, которому выпалъ странный жребій быть хранителемъ свѣтильника подъ спудомъ; за то, наконецъ, ему прежде другихъ показался открывающійся свѣтъ. Съ 16 на 17 декабря, вскорѣ послѣ полуночи, онъ разбужденъ былъ священникомъ Троицкой церкви, что близъ Сухаревой башни, пришедшимъ просить разрѣшенія, находящуюся на Сухаревой башнѣ, вѣдомства Морского Министерства команду привести къ присягѣ на вѣрность государю императору Николаю Павловичу. На какомъ основаніи? — спросилъ архіепископъ. Священникъ отвѣчалъ, что у начальника есть печатный манифестъ. Странно было начать провозглашеніе Императора съ Сухаревой башни, особенно въ тогдашнихъ обстоятельствахъ, при обуреваніи умовъ народа разными неблагопріятными и прекословными молвами, но и остановить сіе, значило бы произвесть неблагопріятное впечатлѣніе. Посему архіепископъ, не произнося рѣшенія, и выигрывая время, потребовалъ, чтобы ему для удостовѣренія показанъ былъ манифестъ; и въ то же время послалъ письмо къ Генералъ-Губернатору, спрашивая, не получилъ ли онъ манифеста, и прося его совѣта. Когда принесенъ былъ печатный манифестъ о возшествіи на престолъ Всероссійскій государя императора Николая Павловича, и приложенія къ нему, архіепископъ,

*) Вязем [illegible]

увлеченный тѣмъ, что дѣло, наконецъ, вышло на чистую дорогу, тотчасъ разрѣшилъ священнику приведеніе къ присягѣ; но вслѣдъ за тѣмъ получилъ отъ Генералъ-Губернатора отвѣтъ, что онъ манифеста не получалъ и что, по его мнѣнію, ничего не должно дѣлать по требованію начальствующаго на Сухаревой башнѣ". Между тѣмъ, присяга на Сухаревой башнѣ была совершена. Утромъ, 17-го дня, Генералъ-Губернаторъ получилъ собственноручный рескриптъ императора Николая Павловича о возшествіи его на Всероссійскій престолъ; но не было получено ни въ Сенатѣ высочайшаго манифеста, ни по духовному вѣдомству сѵнодскаго указа о присягѣ на вѣрноподданство. Новое затрудненіе, потому что Высочайшаго рескрипта нельзя было объявить Сенату, между прочимъ, потому, что въ немъ заключались не подлежавшія, при торжественномъ случаѣ, оглашенію упоминанія о происшествіи 14-го декабря и о судьбѣ графа Милорадовича, „которому, какъ бы за то, что спѣшилъ объявить Москвѣ не существовавшаго императора, не суждено жить при истинномъ императорѣ". Затрудненіе разрѣшилось вечеромъ того же дня полученіемъ Высочайшаго манифеста и прибытіемъ, по Высочайшему повелѣнію, генералъ-адъютанта графа Комаровскаго, для присутствованія при открытіи копіи манифеста и подлиннаго отреченія Цесаревича, хранившихся въ Успенскомъ соборѣ. Дабы, послѣ бывшей погрѣшительной присяги, народъ лучше понялъ настоящее дѣло, Архіепископъ просилъ Генералъ-Губернатора въ продолженіе ночи напечатать и доставить потребное число экземпляровъ Высочайшаго манифеста и приложеній къ нему, чтобы они 18-го дня могли быть прочитаны предъ присягою во всѣхъ церквахъ столицы. Сіе исполнено было въ точности. 18-го дня, предъ полуднемъ, по собраніи въ большомъ Успенскомъ соборѣ Правительствующаго Сената, военныхъ и гражданскихъ чиновъ, Архіепископъ Московскій, въ полномъ облаченіи, въ предшествіи прочаго духовенства вышелъ изъ алтаря, неся надъ головою серебряный ковчегъ, въ которомъ хранятся государственные акты, остановился предъ приготовленнымъ на

предалтарномъ амвонѣ облаченнымъ столомъ, и, имѣя предъ собою ковчегъ, произнесъ:

„Внимайте, Россіяне!

Третій годъ, какъ въ семъ святомъ и освящающемъ царей храмѣ, въ семъ ковчегѣ, который вы видите, хранится великая воля Благословеннаго Александра, назначенная быть послѣднею его волею. Ему благоугодно было закрыть ее покровомъ тайны, и хранители не смѣли прежде времени коснуться сего покрова. Прошла послѣдняя минута Александра; настало время искать его послѣдней воли, но мы долго не знали, что настало сіе время. Внезапно узнаемъ, что Николай, съ наслѣдованною отъ Александра кротостію и смиреніемъ, возводитъ старѣйшаго брата; и въ то же время повелѣваетъ положить новый покровъ тайны на хартію Александра. Что намъ было дѣлать? Можно было предугадывать, какую тайну заключаетъ въ себѣ хартія, присоединенная къ прежнимъ хартіямъ о наслѣдованіи престола. Но нельзя было неусмотрѣть и того, что открыть сію тайну въ то время, значило бы раздрать на двое сердце каждаго россіянина. Что же намъ было дѣлать! Ты видишь, благословенная душа, что мы не были невѣрны тебѣ; но вѣрности нашей не оставалось иного дѣла, какъ стеречь сокровище, которое не время было провозгласить. Надлежало въ семъ ковчегѣ, какъ бы во гробѣ, оставить царственную тайну погребенною и небесамъ предоставить минуту воскресенія. Царь Царствующихъ послалъ сію минуту. Теперь ничто не препятствуетъ намъ сокрушить сію печать, раскрыть сей государственную жизнь сокрывающій гробъ. Великая воля Александра воскреснетъ. Россіяне! Двадцать пять лѣтъ мы находили свое счастіе въ исполненіи державной воли Александра Благословеннаго. Еще разъ вы ее услышите, исполните и найдете въ ней свое счастіе“ [630]).

Умирающій Ростопчинъ, когда узналъ о Петербургскомъ событіи 14 декабря, сказалъ: „обыкновенно сапожники дѣлаютъ

революцію, чтобы сдѣлаться господами, а у насъ господа захотѣли сдѣлаться сапожниками“ [631]).

XXXI.

Въ декабрѣ 1825 года, Погодинъ, ничего не зная о происшедшемъ въ Петербургѣ, собрался ѣхать туда. Къ этому представился и благопріятный случай. Товарищу его, Н. А. Загряжскому, понадобилось ѣхать въ Петербургъ и онъ предложилъ ему сопутствовать. Замѣчательно, что Петръ Александровичъ Мухановъ, узнавъ о намѣреніи Погодина ѣхать въ Петербургъ, посовѣтовалъ ему не сближаться съ Петербургскими литераторами. Въ то же время Мухановъ спросилъ его: „когда вы отправляетесь?“ Въ среду, отвѣчалъ Погодинъ. „Такъ я привезу письмо къ Рылѣеву, и попрошу васъ доставить ему“. Къ счастію Погодина, случилось, что онъ выѣхалъ раньше назначеннаго времени, и письмо не было ему отдано. День отъѣзда былъ назначенъ 17 декабря, именно наканунѣ того дня, когда происходило въ Успенскомъ Соборѣ описанное нами торжество. Въ день отъѣзда, какъ это обыкновенно бываетъ, Погодинъ „скакалъ по всему городу за фраками, часами, отпускомъ, который на-силу далъ Антонскій, съ позволенія Попечителя добраго. Пріятно прощался съ Трубецкими“, и въ тотъ же день узналъ, что „Константинъ отказался, а Николай вступаетъ“. Наконецъ, въ полночь друзья наши выѣхали изъ Москвы [632]). Дорогою они услышали о возмущеніи, въ которомъ убитъ генералъ-губернаторъ Милорадовичъ и еще нѣсколько генераловъ „Ого!“, восклицаетъ Погодинъ, „ѣхать страшно“. Въ такомъ настроеніи, Погодинъ со своимъ товарищемъ, 20 декабря, пріѣхалъ въ Новгородъ [633]). Въ этомъ городѣ стоялъ съ своимъ полкомъ старшій братъ Загряжскаго, у котораго они и остановились. Продолжать путешествіе было нельзя, и они должны были прожить здѣсь нѣсколько дней. Ту же участь раздѣлилъ съ ними и

И. И. Давыдовъ, ѣхавшій также въ Петербургъ. Древній Великій Новгородъ произвелъ на Погодина удручающее впечатлѣніе. „Боже мой!“, восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „до какого плачевнаго состоянія дожилъ Новгородъ. Марѳа! Марѳа! Еслибы ты взглянула на него теперь! Сердце у меня замирало, когда я смотрѣлъ на развалившіяся хижины, обрушенныя калитки. Сряду двухъ домовъ нѣтъ цѣлыхъ. Славянская улица вся состоитъ изъ однихъ ветхихъ заборовъ. Три четверти города должны упасть, кажется, скоро. Самые жители кажутся какими-то заѣзжими. Осталось имя только, и жаль, что оно осталось. Видъ съ моста на стѣну прекрасный! Широкій Волховъ съ монастырями по берегамъ. Краска слѣзла съ нѣкоторыхъ кирпичей и вся стѣна сдѣлалась пестрою. Это придаетъ ей видъ какого-то древняго величія. Вотъ и Святая Софія, за которую бились Новгородцы. На Торговой сторонѣ, куда стекались богатства Европы, двѣ три телѣги. Былъ предъ домомъ Марѳы посадницы. Очень малъ, но древность несомнѣнна!“ Живя въ Новгородѣ среди военныхъ, онъ замѣтилъ: „какую пустую жизнь ведутъ офицеры“ [634]). Наконецъ, Погодинъ и Загряжскій отправились въ Петербургъ. Тамъ они остановились у родственника Загряжскаго Василія Николаевича Семенова *). Каждый вечеръ къ нимъ приходилъ родственникъ Семеновыхъ, поручикъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Іаковъ Ивановичъ Ростовцовъ и разсказывалъ имъ о послѣднихъ событіяхъ, о своихъ дѣйствіяхъ, объ извѣстномъ письмѣ своемъ къ Государю. Ростовцовъ былъ веселъ, много шутилъ и часто напѣвалъ:

«Ѣхала, ѣхала, почтовая карета,
Не было, не было въ ней свѣта».

Ростовцовъ казался тогда Погодину „человѣкомъ добрымъ и благонамѣреннымъ“. Между тѣмъ, слухи ходили страшные. Аресты продолжались. Но когда Погодинъ узналъ, что „любезный ему“, Петръ Александровичъ Мухановъ

*) Родной дядя почтенныхъ сенаторовъ Николая и Петра Петровичей Семеновыхъ и Наталіи Петровны Гротъ.

взятъ былъ въ Москвѣ, то на него напалъ страхъ, какъ бы не случилось чего и съ нимъ за повѣсть его *Нищій*, помѣщенной въ *Ураніи*, въ которой Погодинъ старался изобразить „злоупотребленіе крѣпостнаго права“. Боялся онъ также и за свою *Уранію*, „чтобы не увидѣли здѣсь согласія съ образомъ мыслей заговорщиковъ и не притянули бы къ допросамъ“; но случившійся въ это время въ Петербургѣ Ѳ. И. Тютчевъ „старался ободрять“ своего товарища. Впрочемъ, страхъ Погодина былъ совершенно напрасный. Напротивъ того, пріѣздъ его въ Петербургъ былъ такъ счастливъ, что онъ успѣлъ увидѣть Карамзина лицемъ къ лицу и „получить его благословеніе“. На другой день Рождества, Погодинъ отправился къ Карамзину „безъ всякаго явственнаго, какъ замѣчаетъ онъ, чувства, хотя нѣсколько лѣтъ спалъ и видѣлъ о томъ“. Вотъ какъ описалъ самъ онъ это посѣщеніе. „Вошелъ на дворъ, принадлежащій къ дому купца Межуева, на Фонтанкѣ,—мнѣ сказали, что Карамзинъ живетъ на другомъ дворѣ, въ верхнемъ этажѣ; я туда, взглянулъ кверху—и сердце у меня забилось: вотъ, гдѣ пишетъ онъ Русскую Исторію! Служитель сказалъ, что Николай Михайловичъ пошелъ прогуливаться и будетъ дома черезъ часъ. Черезъ часъ пришелъ я опять, но онъ еще не возвращался. Я остановился на улицѣ дожидаться; черезъ нѣсколько минутъ, вижу — вдали идетъ по тротуару кто-то въ синей бекешѣ, нѣсколько сгорбленный, похожій, судя по портрету, на Карамзина. Я отошелъ на другую сторону, высматривая, куда онъ пойдетъ. Онъ поворачиваетъ на лѣстницу въ домъ Межуева. Это Карамзинъ! Я переждалъ десять минутъ, и потихоньку, дрожа всѣмъ тѣломъ, взошелъ по лѣстницѣ. Обо мнѣ доложили,—приглашаютъ взойти. Катерина Андреевна, окруженная тремя маленькими сыновьями и двумя молодыми дочерьми, сидѣла за чаемъ около большого круглаго стола. Она пригласила меня сѣсть, и начала спрашивать о Москвѣ, о присягѣ въ Москвѣ, о дорогѣ и проч. Входитъ Николай Михайловичъ.

Честь имѣю представиться вашему превосходительству... Магистръ Московскаго Университета, Погодинъ.

„Отъ васъ имѣлъ я удовольствіе получить книгу?“

— Отъ меня.

„Прошу васъ садиться. Мнѣ очень пріятно съ вами познакомиться. Давно ли вы пріѣхали въ Петербургъ?“

— Третьяго дня.

„Я очень радъ видѣть васъ такъ молодымъ: вы успѣете сдѣлать много полезнаго къ чести Русской, будете ли писать Исторію, или ограничитесь изысканіями. Пройдя всю эту длинную дорогу, я видѣлъ многое, направо и налѣво, требующее изысканій и поясненій, но долженъ былъ оставлять до времени. Который вамъ годъ?“

— Двадцать пять лѣтъ.

„Такъ вы очень моложавы: по виду вамъ осьмнадцать лѣтъ“.

Между тѣмъ, я представилъ ему двѣ книги, мною переведенныя: о Кириллѣ и Меѳодіѣ, Добровскаго, и Эверсовы изысканія.

Онъ развернулъ сперва первую.

„Это вашъ переводъ?“

Съ моими примѣчаніями и дополненіями.

„Нашъ Канцлеръ очень боленъ“, сказалъ онъ, увидя на заглавномъ листѣ гербъ графа Румянцева.

“А это Эверсъ? Какъ не стыдно Историческому Обществу издавать Эверса? Вотъ то-то, что у насъ вездѣ есть имена, а нѣтъ вещей. Я уважаю Эверса, его познанія; но не понимаю, какимъ образомъ можно намъ повторять его нелѣпое мнѣніе, къ поддержанію котораго онъ клонитъ свою книгу. Это ошибка противъ вкуса“.

Я сидѣлъ какъ на иглахъ, ибо я предложилъ, я и перевелъ Эверса.

Общество имѣло другую цѣль, сказалъ я, оно хотѣло сдѣлать гласною книгу, на которую у насъ опираются многіе, и

и представить, такимъ образомъ, во-очію нелѣпость мнѣнія Эверсова, мною разобраннаго.

„Кто же эти многіе?—Ихъ нѣтъ. По моему, если есть какая-либо историческая истина, такъ такою должно почитать Скандинавское происхожденіе Руссовъ. Это такъ вѣрно, какъ былъ Сципіонъ и проч. Несторъ говорилъ съ правнуками основателей".

Такъ точно я и старался доказывать въ моемъ разсужденіи.

„Скажите, чѣмъ занимается Московское Общество?"

Члены обрабатываютъ избранные ими предметы. Между прочимъ, Общество намѣревалось издавать лѣтописи, и начать съ Псковской, но до сихъ поръ не могли отыскать списка, принадлежавшаго графу Толстому, для варіантовъ.

„Куда же онъ дѣвался? То же случилось и съ Волынскою лѣтописью: графъ Румянцовъ хотѣлъ ее издать, лѣтъ тому назадъ шесть, я отдалъ ему два списка, одинъ свой, подаренный мнѣ покойнымъ Полторацкимъ, другой, также почти свой, найденный мною въ дефектахъ академическихъ. Для того-то и приводилъ я въ примѣчаніяхъ всѣ важныя мѣста изъ лѣтописей. Такъ, напримѣръ, сгорѣлъ Троицкій списокъ, и сохранился отчасти въ моихъ извлеченіяхъ".

Карамзинъ говорилъ очень раздраженнымъ тономъ о произшествіи 14 декабря, которое только-что предъ тѣмъ случилось, бранилъ предводителей: „каковы преобразователи Россіи: Рылѣевъ, Корниловичъ, который переписывался съ памятью Петра Великаго!" Это относится къ посвященію Корниловичемъ его альманаха *Русская Старина*, памяти Петра Великаго.

Карамзинъ спросилъ меня еще о попечителѣ, князѣ А. П. Оболенскомъ, и пригласилъ къ себѣ обѣдать на-дняхъ.

Обѣдалъ я вмѣстѣ съ Жуковскимъ. Мы пришли, одинъ послѣ другого, прежде, нежели возвратился Николай Михайловичъ съ прогулки, и насъ приняла Катерина Андреевна.

Какъ только воротился Николай Михайловичъ, такъ и

сѣли за столъ. Кромѣ семейства, былъ еще молодой французъ, учитель, вступавшійся въ разговоръ.

Помнится мнѣ еще отзывъ Карамзина о недавней рѣчи Шишкова, въ которой тотъ отозвался, кажется, невыгодно о распространеніи грамотности: „Вотъ у насъ какой министръ! Противъ грамотности! Да и кто же можетъ быть министромъ просвѣщенія! Развѣ Аполлонъ". Потомъ выразилъ свое удивленіе Николай Михайловичъ о какомъ-то господинѣ, встрѣченномъ имъ, въ лентахъ и звѣздахъ: „А кто онъ такой? Никто не знаетъ. И откуда являются такіе выходцы, за какіе подвиги получаютъ они награды!"

Карамзинъ приглашалъ меня бывать у него чаще, сказавъ, что онъ по вечерамъ свободенъ, читая съ дочерьми Вальтеръ-Скотта. Но я собирался уже возвращаться въ Москву, да и боялся, по своей застѣнчивости, этого высокаго общества".

Погодинъ произвелъ на Карамзина пріятное впечатлѣніе. Вотъ что, много лѣтъ спустя послѣ этого свиданія и когда Карамзина давно уже не было въ живыхъ, писалъ ему приближенный къ исторіографу, К. С. Сербиновичъ (отъ 2 января 1835 года), прося о наставникѣ для молодыхъ Карамзиныхъ: „Вѣрю, что вы душевно желаете услужить памяти отца ихъ, который цѣнилъ васъ, говоря, послѣ свиданія съ вами, что находитъ въ васъ болѣе усердія къ Исторіи и способностей къ критикѣ, нежели въ комъ другомъ изъ своихъ тогдашнихъ молодыхъ знакомыхъ. Надѣюсь, что вамъ пріятно будетъ услышать эти слова, пересказанныя мнѣ семействомъ его". Въ 1845 году, старшій сынъ Карамзина, Андрей Николаевичъ, въ Симбирскѣ, подтвердилъ Погодину этотъ драгоцѣнный для него отзывъ, служившій ему подкрѣпленіемъ „на стропотныхъ путяхъ его литературнаго и ученаго поприща" [635]). Въ это же время пріѣхалъ въ Петербургъ и П. М. Строевъ, для личныхъ переговоровъ съ графомъ Ѳ. А. Толстымъ по дѣламъ его библіотеки [636]). Строевъ имѣлъ счастіе пользоваться особою благосклонностью митрополита Кіев-

скаго Евгенія, засѣдавшаго въ то время въ Св. Сѵнодѣ. Митрополитъ, узнавъ о пребываніи Погодина въ Петербургѣ, поручилъ Строеву привезти его къ нему, и 12 января 1826 г., Погодинъ получилъ отъ Строева слѣдующую записку: „Весьма желательно было мнѣ видѣть васъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ; притомъ есть еще порученіе отъ митрополита Евгенія привезти васъ къ нему. Премного обяжете, если пожалуете ко мнѣ сего вечера или завтра, до 10 съ половиною часовъ. Я стою въ Стремянной улицѣ, за Аничковымъ мостомъ, на Казачьемъ подворьѣ, у смотрителя онаго. Вашъ Павелъ Строевъ". Этою запискою Погодинъ, разумѣется, воспользовался и представился Митрополиту. Булгаринъ также отозвался Погодину, но довольно высокомѣрно; по крайней мѣрѣ, вотъ чтó мы читаемъ въ запискѣ его къ нему: „Извѣстившись отъ книгопродавца Смирдина о вашемъ прибытіи въ С.-Петербургъ, я вознамѣрился тотчасъ просить васъ пожаловать ко мнѣ, какъ для переговоровъ въ разсужденіи публикацій вашего альманаха, такъ и по другимъ дѣламъ. Если вы имѣете съ собою какія либо историческія рукописи, то, пожалуйста, привезите ко мнѣ, хоть на показъ: мы можемъ сдѣлаться между собою. Какъ я теперь ужасно занятъ, по причинѣ отъѣзда нѣкоторыхъ моихъ сотрудниковъ, то не могу выѣзжать со двора, когда мнѣ угодно, а потому и прошу покорнѣйше пожаловать сегодня утромъ, до 11 часовъ" [637]). Не пропустилъ Погодина и извѣстный графъ Хвостовъ. Замѣтимъ кстати, что Карамзинъ питалъ нѣкое сочувствіе къ графу Хвостову. „Я смотрю съ умиленіемъ", писалъ Карамзинъ И. И. Дмитріеву, „на графа Хвостова и на княгиню Прозоровскую: на перваго за его постоянную любовь къ стихотворству, на другую за такую же любовь ко Двору, ни мало не охлаждаемую преклонными лѣтами. Это рѣдко, и потому драгоцѣнно въ моихъ глазахъ. Смѣйся, если угодно: я уважаю Хвостова, и болѣе многихъ юныхъ стихотворцевъ, которыхъ имена вижу въ журналахъ, и которыхъ *также* не читаю; онъ дѣйствуетъ чѣмъ-то разительно на мою душу, чѣмъ-то

теплымъ и живымъ. Увижу, услышу, что Графъ еще пишетъ стихи, и говорю себѣ съ пріятнымъ чувствомъ: вотъ любовь, достойная таланта! Онъ заслуживаетъ имѣть его, если и не имѣетъ. Въ этомъ смыслѣ написалъ я нѣкогда въ album своей ближней: „Желаю тебѣ быть достойною счастія еще болѣе, нежели быть счастливою". Столько строкъ въ письмѣ къ другу посвятить размышленію о графѣ Хвостовѣ, не есть ли доказательство моего особеннаго къ нему уваженія—къ поэту, а не къ человѣку, ибо самъ ставитъ въ себѣ поэта гораздо выше человѣка?" [638]). Графъ Хвостовъ, провѣдавъ, что Погодинъ, издатель альманаха, находится въ Петербургѣ, обратился къ нему съ слѣдующимъ посланіемъ: „Прошу почтеннаго Михаила Петровича Погодина повидаться съ нижеподписавшимся, который имѣетъ желаніе и нужду васъ видѣть. Онъ живетъ на Сергіевской улицѣ, въ собственномъ домѣ. Не откажите литератору дрѣвняго покроя утешить его вашимъ свиданіемъ, вы его, т. е. меня, много одолжите" [639]). Въ это пребываніе свое въ Петербургѣ, Погодинъ познакомился и съ столпами Академіи Наукъ, Кругомъ и Френомъ, который подарилъ ему записку Круга съ отзывомъ объ его диссертаціи.

Наконецъ, откланявшись Карамзину и получивъ „отъ него благословеніе", Погодинъ съ миромъ возвратился въ Москву.

КОНЕЦЪ КНИГИ ПЕРВОЙ.

1) Бантышъ Каменскій. *Біографіи Россійск. Генералиссим. и Генералъ-Фельдмаршаловъ*. Спб. 1840, II, 244—245.

2) Стр. 245—246.

3) Въ бумагахъ М. П. Погодина сохранился *Аттестатъ*, выданный отцу его графомъ П. И. Салтыковымъ, при увольненіи на волю. Изъ этого источника почерпнули мы свѣдѣнія о службѣ отца Погодина у Салтыковыхъ.

4) Бантышъ-Каменскій. *Біографіи*, II, 245.

5) *Бумаги о службѣ П. М. Погодина.*

6) *Русскій Архивъ*. 1878, I, 288.

7) *Автобіографическая Записка*, стр. 1—2.

8) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Изд. Графа С. Д. Шереметева. Спб. 1879, II, 337—339.

9) *Автобіогр. Зап.*, стр. 2—9.

10) *Полн. Собр. Сочин. Князя П. А. Вяземскаго*, II, 337.

11) *Автобіогр. Зап.*, стр. 2—9.

12) *Записки А. З. Зиновьева*, стр. 1 об.—2 об.

13) Лонгиновъ. *Новиковъ и Московскіе Мартинисты*. М. 1867, стр. 282.

14) *Біографіи и Характеристики*. Спб. 1882, стр. 234.

15) *Автобіогр. Зап.*, стр. 5—7, 9—11.

16) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

17) *Автобіогр. Зап.*, стр. 11—16.

18) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

19) *Автобіогр. Зап.*, стр. 16—17.

20) *Автобіогр. Зап.*, стр. 16—17.

21) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

22) *Дневникъ* М. П. Погодина. 1822, подъ 8 мая.

23) *Автобіогр. Зап.*, стр. 23—26. *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 24, стр. 488—492.

24) *Бумаги* о службѣ П. М. Погодина.

25) *Рѣчи*, произнесенныя М. П. Погодинымъ 1830—1872. М. 1872, стр. 175—177.

26) *Вѣстникъ Европы* 1868, IV, 605—630.

27) *Автобіогр. Зап.*, стр. 57.

28) *Записки А. З. Зиновьева*, л. 2 об.

29) *Вѣстникъ Европы*. 1868, IV, 605—630.

30) *Дневникъ*, I, 26. *Русскій Архивъ*. 1866, стр. 1766.

31) *Автобіогр. Зап.*, стр. 58—60.

32) *Біографическій Словарь Имп. Московск. Университета*. М. 1855, II, 237.

33) *Рѣчи*, стр. 308—313.

34) *Біографич. Слов.* II, 494.

35) *Дневникъ* 1821 г., подъ 15 декабря.

36) *Записки А. З. Зиновьева*. л. 7 об. — 8 об. *Вѣстникъ Европы*. 1887, апр., стр. 501—504.

37) *Полное Собраніе Сочиненій*

Князя П. А. Вяземскаго. Спб. 1883, VIII, 164—165.

38) *Плоды Меланхоліи,* питательные для чувствительнаго сердца. М. 1796 in 8°, II, 131—132.

39) *Біогр. Слов.* II, 229.

40) II, 540.

41) I, 111.

42) *Русскій Архивъ.* 1866, стр. 745.

43) *Автобіогр. Зап.,* стр. 70—80. *Русская Старина.* 1885, январь, стр. 49—50.

44) *Русская Старина.* 1885, янв. стр. 50, 53—54.

45) *Записки А. З. Зиновьева,* л. 5 и об., 6; *Русская Старина.* 1885, февраль, стр. 259.

46) Шевыревъ. Истор. *Импер. Моск. Университета.* М. 1855, стр. 430.

47) *Автобіогр. Зап.,* стр. 68—70.

48) *Записки А. З. Зиновьева,* л. 4—5.

49) *Дневникъ.* 1820, подъ 2 окт. 1821, подъ 6 февр.

50) Шлецеръ, *Несторъ,* II, 579—582.

51) *Дневникъ.* 1820, подъ 24 іюля

52) *Автобіогр. Зап.,* стр. 98.

53) Кн. Долгоруковъ. *Росс. Родословн. Книга,* I, 328.

54) *Автобіогр. Зап.,* стр. 100—101.

55) *Слова и Рѣчи.* М. 1848, II, 207—211.

56) *Автобіогр. Зап.,* стр. 100—106.

57) *Дневникъ,* 1820, подъ 11 окт. 1821, подъ 8 февр., 17, 28 дек.

58) 1820 г., 18 іюля—28 сент.

59) Аксаковъ. *Біографія Ѳ. И. Тютчева.* М. 1886, стр. 14.

60) *Дневникъ.* 1820, іюня 18—сент. 28.

61) *Русскій Архивъ.* 1879, № 6.

62) Аксаковъ. *Біограф. Ѳ. И Тютчева,* стр. 15—16.

63) Смирновъ. *Ист. Моск. Дух. Академіи,* 1879, стр. 385, 390.

64) Давыдовъ. *Труды Общ. Люб. Рос. Словесности,* 1821, ч. XIX, стр. 5—27.

65) *Дневникъ,* 1820, подъ 27 августа.

66) Ѳеоктистовъ. *Матер. для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи.* Спб. 1865, I, 17.

67) *Дневникъ,* 1820, подъ 29 іюля.

68) 1820, подъ 25 іюля.

69) *Біограф. Слов. Московск. Универс.* II, 237.

70) *Дневникъ,* 1821, подъ 21 марта.

71) 1820, подъ 11 октября.

72) 1821, подъ 16 мая.

73) *Письма М. П. Погодина,* л. 1.

74) *Дневникъ,* 1821, подъ 17 сент.

75) 1820 сент.

76) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву.* Спб. 1866, стр. 281, 299.

77) *Дневникъ,* 1820, подъ 11 октября.

78) *Полн. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1879, II, 216—218.

79) *Дневникъ,* 1821, подъ 24 января.

80) 1821, подъ 6 февраля.

81) 1821, подъ 27 февраля.

82) Корфъ. *Жизнь Графа Сперанскаго,* II, 259.

83) *Дневникъ,* 1821, подъ 13 марта.

84) 1821, подъ 19 апрѣля.

85) 1821, подъ 9 апрѣля.

86) 1822, подъ 6 сентября.

87) 1821, подъ 12 января.

88) 1821, подъ 21 января.

89) 1820, подъ 28 августа.

90) 1820, подъ 3 октября.

91) 1821, подъ 2 января.

92) 1821, подъ 16 марта.

93) 1820, подъ 30 октября.

94) 1820, подъ 13 ноября.

95) 1821, подъ 13 марта.

96) 1820, сентябрь.

97) 1820, октябрь.

98) 1820, подъ 15 декабря.

99) 1821, подъ 21 января.

100) 1821, подъ 5 марта.

101) 1820, подъ 10 декабря.

102) 1821, подъ 6 января.

103) 1820, подъ 12 ноября.

104) 1820, подъ 24 іюля.

105) 1820, подъ 1 декабря.

106) 1820, подъ 29 октября.

107) 1820, октябрь.

108) 1820, подъ 27 декабря.
109) 1821, подъ 5 февраля.
110) 1821, подъ 11 февраля.
111) 1820, подъ 12 ноября.
112) 1820, подъ 3 октября.
113) 1820, подъ 30 декабря.
114) 1820, подъ 26 декабря.
115) 1820, подъ 16 ноября.
116) 1820, подъ 20 ноября.
117) 1820, подъ 7 ноября.
118) 1820, подъ 25 декабря.
119) 1820, подъ 25 декабря.
120) 1820, подъ 31 декабря.
121) 1820, подъ 1 ноября.
122) 1821, подъ 1 января.
123) *Русскіе Палеологи*. Спб. 1880, гр. 2.
124) *Дневникъ*, 1821, подъ 5 декабря.
125) 1821, подъ 2 февраля.
126) 1821, подъ 1 марта.
127) 1821, подъ 26 апрѣля.
128) 1821, подъ 1 февраля.
129) 1821, подъ 6 апрѣля.
130) 1821, подъ 6 апрѣля.
131) Зачало 149.
132) *Дневникъ*, 1821, подъ 7, 10 іюля.
133) *Русскій Архивъ*, 1868, стр. 2.
134) *Дневникъ*, 1820, подъ 24 іюля.
135) 1821, подъ 14 апрѣля.
136) 1821, подъ 15 апрѣля.
137) 1821, подъ 13 мая.
138) 1821, подъ 13 мая.
139) *Письма М. П. Погодина*, л. 3 об.—4.
140) *Дневникъ*, 1820, подъ 24 іюля.
141) 1820, подъ 22 ноября.
142) 1821, подъ 22 февраля.
143) 1821, подъ 29 марта.
144) 1821, подъ 12 марта.
145) 1821, подъ 18 апрѣля.
146) 1821, подъ 2 января.
147) 1821, подъ 23 апрѣля.
148) 1821, подъ 18 мая—5 іюня.
149) *Автобіогр. Зап.*, стр. 111—112.
150) *Письмо* отъ 1 іюля 1821 г.
151) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюня.
152) *Письмо* отъ 1 іюля 1821 г.
153) *Автобіогр. Зап.*, стр. 113.
154) Письмо отъ 1 іюля 1821 г.
155) Письмо отъ 1 іюля 1821 г.
156) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 августа.
157) *Письма М. П. Погодина*, л. 2 об.
158) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюля.
159) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюля.
160) *Дневникъ*, 1821, подъ 24 іюля.
161) 1821, подъ 26 іюля.
162) Князь П. П. Вяземскій. *Пушкинъ*. Спб. 1880, стр. 61.
163) *Письма М. П. Погодина*, л. 2.
164) *Дневникъ*, 1821, подъ 20 августа.
165) 1821, подъ 27 сентября.
166) 1821, подъ 21 и 22 августа.
167) 1821, подъ 1 августа.
168) 1821, подъ 30 декабря.
169) 1821, подъ 25 іюля.
170) 1821, подъ 9 августа.
171) 1821, подъ 5 августа.
172) 1821, подъ 28 іюля.
173) Аксаковъ. *Біографія Ѳ. И. Тютчева*, стр. 16.
174) *Вѣстникъ Европы*, 1821, № 18 и 19.
175) *Дневникъ*, 1821, подъ 17 іюля.
176) 1821, подъ 19 іюля.
177) 1821, подъ 26 сентября.
178) 1821, подъ 31 іюля.
179) 1821, подъ 15 августа.
180) 1821, подъ 26 августа.
181) *Письма М. П. Погодина*, л. 4 об.
182) *Дневникъ*, 1821, подъ 23 сентября.
183) *Источники Русской Агіографіи*. Спб. 1882, стр. 554.
184) *Описаніе Спасо-Яковлевскаго монастыря*. Спб. 1849, стр. 66.
185) *Путешествіе по Св. Мѣстамъ Русскимъ*. Спб. 1836, стр. 69.
186) *Письма М. П. Погодина*, л. 5.
187) *Дневникъ*, 1821, подъ 16 сентября.
188) 1821, подъ 17 сентября.
189) 1821, подъ 18 сентября.
190) *Біогр. Слов. Моск. Унив.*, II, 257.
191) *Полн. Собр. Сочин. Князя П. А. Вяземскаго*, VIII, 135—136.

192) *Дневникъ*, 1821, подъ 25, 26 сентября.

193) Мой *Дорожный Дневникъ*, 1880, сентябрь.

194) *Дневникъ*, 1821, подъ 29 сент.

195) 1821, подъ 2 октября.

196) *Труды Общества Любителей Россійск. Словесности*, ч. XIX, 1821, стр. 5—27.

197) *Біогр. Слов. Моск. Универс.*, I, 34.

198) *Дневникъ*, 1821, подъ 6 мая.

199) 1821, подъ 12 октября.

200) *Записки* А. З. Зиновьева, л. 9 об.

201) *Дневникъ*, 1821, подъ 30 окт.

202) 1821, подъ 14 ноября.

203) 1821, подъ 6 ноября.

204) 1821, подъ 13 ноября.

205) 1821, подъ 12 ноября.

206) 1821, подъ 19 декабря.

207) 1821, подъ 4 декабря.

208) 1821, подъ 8 октября.

209) 1821, декабрь.

210) 1821, подъ 27 ноября.

211) *Письма М. П. Погодина*, л. 5 об.

212) *Русскій Архивъ*, 1875, III, 386.

213) *Дневникъ*, 1821, подъ 22 октября.

214) 1821, подъ 17 октября.

215) *Письма М. П. Погодина*, л. 6 об.

216) *Дневникъ*, 1821, подъ 19 октября

217) 1821, подъ 23 октября.

218) 1821, подъ 5 декабря.

219) 1821, подъ 6 октября.

220) 1821, подъ 3 октября.

221) 1821, подъ 15 ноября.

222) 1821, подъ 15 декабря.

223) 1821, подъ 15 декабря.

224) 1821, подъ 28 ноября.

225) 1821, подъ 23 ноября.

226) 1821, подъ 29 января, 15 декабря.

227) 1821, подъ 2 декабря.

228) 1821, подъ 11 декабря

229) 1821, подъ 1 ноября.

230) 1821, подъ 30 октября.

231) 1821, подъ 6 октября.

232) 1821, подъ 7 декабря.

233) 1821, подъ 8 декабря.

234) *Біографія Тютчева*, стр. 19—20.

235) *Дневникъ*, подъ 8 декабря.

236) 1821, подъ 11 декабря.

237) 1821, подъ 11 декабря.

238) 1821, подъ 26 декабря.

239) 1821, подъ 26 декабря.

240) 1822, подъ 4 марта.

241) 1822, подъ 28 января, 9 февраля.

242) 1822, подъ 17 февраля.

243) 1822, подъ 19 апрѣля.

244) 1821, подъ 28 ноября.

245) 1821, подъ 22 ноября.

246) 1821, подъ 22 ноября.

247) 1821, подъ 13 декабря.

248) 1822, подъ 22 февраля.

249) 1821, подъ 3 декабря.

250) 1821, подъ 20 декабря

251) 1822, подъ 18 января.

252) 1822, подъ 18 января.

253) 1822, подъ 9 мая.

254) 1822, подъ 15 февраля.

255) 1822, подъ 16 сентября.

256) 1822, подъ 27 марта.

257) 1822, подъ 27 марта.

258) 1822, подъ 22 февраля.

259) 1822, подъ 18 февраля.

260) 1822, подъ 27 февраля.

261) 1822, подъ 28 февраля и марта.

262) 1822, подъ 9 марта.

263) 1822, подъ 28 января.

264) 1822, подъ 4 апрѣля.

265) *Біограф. Слов. Моск. Универ* I, 277.

266) *Дневникъ*, 1822, подъ 4 апр.

267) *Чтенія М. О. И. Д.*, 1870, I 217.

268) *Дневникъ*, 1822, подъ 26 фев

269) 1822, подъ 5 марта.

270) 1822, подъ 5 марта.

271) 1822, подъ 20 марта.

272) 1822, подъ 27 марта.

273) 1822, подъ 8 апрѣля.

274) 1822, подъ 14 апрѣля.

275) 1822, подъ 18 апрѣля.

276) 1822, подъ 19—20 апрѣля.

277) 1821, подъ 19 января.

21, подъ 3 іюня.
21, подъ 12 іюня.
21, подъ 10 іюня.
22, подъ 8 мая.
22, подъ 15 мая.
22, подъ 14 мая.
споминанія Вигеля, I, 173—

евникъ, 1822, апрѣля 13.
22, подъ 14 апрѣля.
эсоновъ, *Калайдовичъ*, стр.

евникъ, 1822, подъ 22 апрѣля.
22. Май.
'ереписка Румянцова, изд.
зовымъ въ Чтеніяхъ И. О.
2, I, 220.
эреписка А. Х. Востокова,
Срезневскимъ, стр. 28—29.
евникъ, 1822, подъ 13 іюня.
эсьма Карамзина къ Дми-
р. 336.
евникъ, 1822, подъ 19 августа.
22, подъ 5 апрѣля, 23 и 26

Біографія Ѳ. И. Тютчева,
13; *Полн. Собр. Сочиненій*
А. Вяземскаго, VII, 163.
евникъ, 1822, подъ 23 января.
22, подъ 11 марта.
22, подъ 13 и 22 марта.
эсьма М. П. Погодина, л. 8

евникъ, 1822, подъ 30 марта.
22, подъ 19 февраля.
22, подъ 16 апрѣля.
22, подъ 23 февраля.
22, подъ 26 марта.
22, подъ 3 апрѣля.
22, подъ 11 апрѣля.
22, подъ 19 января.
ова и Рѣчи, II, 94.
евникъ, 1822, подъ 10 апр.
22, подъ 14 апрѣля.
22, подъ 23 апрѣля.
22, подъ 5 февраля.
22, подъ 18 февраля.
лн. Собр. Сочиненій Князя
емскаго, III, стр. 355.

316) *Дневникъ*, 1822, подъ 18 февр.
317) Аксаковъ, *Біографія Ѳ. И. Тютчева*, стр. 17.
318) *Дневникъ*, 1822, подъ 27 мая.
319) 1822, подъ 28 мая.
320) 1822, подъ 29 мая.
321) 1822, подъ 9 іюня.
322) 1822, подъ 10 іюля.
323) 1822, подъ 24 іюня.
324) 1822, подъ 5 іюля.
325) 1822, подъ 3 іюня.
326) 1822, подъ 4 іюня.
327) 1822, подъ 17 августа.
328) 1822, подъ 20 августа.
329) 1822, подъ 9 іюня.
330) 1822, подъ 3 іюля.
331) 1822, подъ 11 іюля.
332) 1822, подъ 23 іюня.
333) *Рѣчи*, М. 1872, стр. 147.
334) *Дневникъ*, 1822, 9—10 іюля.
335) 1822, подъ 27 іюля, 1822.
336) 1822, подъ 13 іюля.
337) 1822, подъ 16 іюля.
338) 1822, подъ 22 іюля.
339) 1822, подъ 12 августа.
340) 1822, подъ 1 августа.
341) *Русскій Архивъ*, 1885, I, 113—131.
342) *Дневникъ*, 1822, подъ 12 іюля.
343) 1822, подъ 24 августа.
344) *Вѣстникъ Европы*, 1822, № 11—12.
345) *Дневникъ*, 1822, подъ 2 сентября.
346) 1822, октябрь.
347) 1822, подъ 28 октября, 14 ноября.
348) 1822, подъ 5 ноября.
349) 1822, подъ 16 октября.
350) 1822, подъ 22 іюля.
351) 1822, подъ 15 ноября.
352) 1822, подъ 20 марта.
353) 1820, подъ 1 ноября.
354) 1822, подъ 29 октября.
355) *Вѣстникъ Европы*, 1823 № 1, январь, стр. 35—57.
356) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 337.
357) *Сочиненія Д. В. Давыдова*. М. 1860, III, 132.

358) *Дневникъ*, 1822, подъ 16 окт.

359) *Полн. Собр. Законовъ*, XXXVIII, № 29, 151.

360) Галичъ. *Исторія Философскихъ Системъ*. Спб. 1819, II, 255—257.

361) *Московскій Вѣстникъ*, 1830, ч. I, 111—116.

362) *Сочиненія А. С. Хомякова*, I, 287—288.

363) Пятковскій. *Полн. Собр. Сочиненій Д. В. Веневитинова*. Спб. 1862, стр. 14.

364) *Русскій Архивъ*, 1864, стр. 804—805.

365) *Русскій Архивъ*, 1874, I, 316—318.

366) *Вѣстникъ Европы*, 1823, № 13, стр. 18.

367) Ѳеоктистовъ. *Матеріалы для исторіи Просвѣщенія въ Россіи*. Спб. 1865, I, 153—154, 157—158.

368) *Полн. Собр. Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*. М. 1861, II, 322—323; *Дневникъ*, 1821, подъ 7 октября.

369) *Дневникъ*, 1822. октябрь.

370) 1822, подъ 16 ноября.

371) 1822, подъ 8 ноября.

372) 1823, подъ 21 янв.—14 февр.

373) 1823, подъ 12 марта.

374) 1823, подъ 2 іюня.

375) 1823, подъ 4 іюня.

376) 1823, подъ 18 февраля.

377) 1223, подъ 25 марта.

378) 1822, подъ 17 декабря.

379) 1823 подъ 1 апрѣля.

380) 1823 подъ 16 апрѣля, 20 мая.

381) Погодинъ. *Воспоминаніе о Шевыревѣ*, стр. 7.

382) *Труды Общества Л. Р. С.*, 1823, III, 281—282.

383) *Дневникъ*, 1823, подъ 24 февр.

384) *Вѣстникъ Европы*, 1823, № 8, стр. 245—263.

385) *Дневникъ*, 1823, подъ 25 марта,

386) 1823, подъ 18 іюня.

387) *Знакомство съ Русскими Поэтами*, стр. 17.

388) *Въ память о Князѣ В. Ѳ. Одоевскомъ*. М. 1869, стр. 45—47.

389) *Дневникъ*, 1823, подъ 7 декабря.

390) *Русскій Архивъ* 1882, III, 131,

391) Біограф. Слов. Моск. Универс. II, 157—159.

392) *Москвитянинъ*, 1841, № 11, стр. 272—274.

393) *Дневникъ*, 1823, подъ 12 апр.

394) *Русскій Архивъ*, 1874, I, 258.

395) *Воспом. о Шевыревѣ*, стр. 7.

396) *Въ память о Князѣ Одоевскомъ*, стр. 49.

397) *Дневникъ*, 1823, подъ 3 мая.

398) 1823, подъ 8 мая.

399) 1823, подъ 10 мая.

400) *Письма*, I, 1—2.

401) *Дневникъ*, 1823, подъ 2 іюня.

402) 1823, подъ 31 марта.

403) 1823, подъ 19 іюня.

404) 1823, подъ 5 апрѣля.

405) 1823, подъ 18 апрѣля.

406) 1823, подъ 19 апрѣля.

407) 1823, подъ 22 апрѣля.

408) *Моск. Вѣдом.* 1822, № 72, стр. 2277.

409) *Дневникъ* 1823, подъ 23 февр.

410) *Вѣстникъ Европы*, 1823, мартъ № 5, стр. 11—20.

411) *Вѣстникъ Европы*, 1823, мартъ, № 6, стр. 151—153.

412) *Дневникъ*, 1823, подъ 20 мая.

413) *Московск. Вѣдом.* 1823, № 45 іюня 6, стр. 1533.

414) *Вѣстникъ Европы*, 1823.

415) *Дневникъ*, 1823, подъ 14 іюля.

416) *Вѣстникъ Европы*, 1823, № 2, стр. 116—128; № 3—4, стр. 252—261 и № 5, стр. 39—51.

417) *Дневникъ*, 1823, подъ 21 марта.

418) *Дневникъ*, 1823, подъ 1 марта.

419) 1823, подъ 6 мая.

420) 1823, подъ 19 мая.

421) 1823, подъ 30 мая, 21 іюня.

422) *Переписка Востокова*, стр. 47—48.

423) *Труды и Лѣтописи*, ч. III, кн. II. М. 1827, стр. 16, 27—28.

424) *Дневникъ*, 1823, подъ 14 окт.

425) *Труды перваго Археол. Съѣзда* М. 1871, стр. 111.

426) *Дневникъ*, 1823, подъ 14, 21 іюля.

427) 1823, подъ 9, 11 августа.

428) 1823, подъ 9 сентября.

429) 1823, подъ 13—14 сентября.

430) 1823, подъ 18 сентября.

431) 1823, подъ 22 сентября.

432) 1823, подъ 7 и 24 сентября.

433) *Письма*, I, 5—8.

434) *Дневникъ*, 1823, подъ 16 авг.

435) *Біограф. Слов. Моск. Унив.*, II, 554.

436) *Полное Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго.* Спб. 1882, VII, 269.

437) *Дневникъ*, 1823, подъ 24 сент.

438) 1823, подъ 16 іюля.

439) 1823, подъ 29 іюля.

440) 1823, подъ 16 сентября.

441) 1823, подъ 25 іюля.

442) 1823, подъ 24 іюля.

443) 1823, подъ 13 сентября.

444) 1823, подъ 6 августа.

445) 1823, подъ 27 августа.

446) 1823, подъ 4 августа, 8 сентября.

447) 1823, подъ 22 іюля.

448) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 357.

449) *Московск. Вѣдом.* 1823, № 69.

450) *Дневникъ*, 1823, подъ 21 авг., 6 сентября.

451) *Сочиненія Филарета.* М. 1874, II, 125—126.

452) Корфъ. *Восшествіе на престолъ имп. Николая.* Спб. 1857, стр. 26—28.

453) *Московск. Вѣдом.* 1823, № 70.

454) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 357—358.

455) *Дневникъ*, 1823, подъ 21 авг. 6 сент.

456) 1823, подъ 28 сентября.

457) *Дневникъ*, 1823, подъ 28 сентября.

458) 1823, подъ 27 октября.

459) 1823, подъ 14 ноября.

460) 1823, подъ 25 ноября.

461) 1823, подъ 10 октября.

462) *Біогр. Слов. Моск. Унив.*, II, 530.

463) *Дневникъ*, 1823, подъ 6 ноября. окт. 2.

464) 1823, подъ 16 окт.

465) *Вѣстникъ Европы*, 1823, декабрь № 23—24.

466) *Дневникъ*, 1823, подъ 25 ноябр.

467) 1823, подъ 26 ноября.

468) 1823, сентябрь.

469) 1822, іюль.

470) *Біограф. Слов. Моск. Универ.* II, 537, 538.

471) *Дневникъ*, 1824, подъ 5 марта, 27 мая.

472) *Бесѣды въ Общ. Л. Р. Сл.*, М. 1868. II, отд. 2, стр. 19.

473) *Дневникъ*, 1823, подъ 1 октябр.

474) 1823, подъ, 31 октября.

475) 1823, подъ 15 ноября.

476) 1823, подъ, 20—21 октября.

477) *Полн. Собр. Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 167—173.

478) *Сочиненія А. С. Пушкина.* Спб. 1887, VII, 74—75.

479) *Дневникъ*, 1824, подъ 28 февраля, 4 марта.

480) 1824, подъ 9 апрѣля.

481) *Вѣстникъ Европы*, 1824, № 5.

482) *Сынъ Отечества*, 1824, № XVIII.

483) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII, 82.

484) *Переписка Государственнаго Канцлера*, стр. 279, 281.

485) *Дневникъ*, 1824, подъ 8 февраля.

486) *Вѣстникъ Европы*, 1824, № 4 февраль, стр. 260—264; *О происхожденіи Руси*, М. 1825, стр. 111—113.

487) *Вѣстникъ Европы*, февраль № 4, стр. 283—287; *Изслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о Русской Исторіи*, М. 1846, III, 47—50.

488) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 342—343.

489) *Вѣстникъ Европы*, 1824, мар. № 5, стр. 19—29. *Изслѣдов., Замѣч. и Лекціи*, III, 50—56.

490) *Дневникъ*, 1823, подъ 27 марта.

491) *Въстникъ Европы*, 1824, март. № 6, стр. 127—130.

492) *Въстникъ Европы*, 1824, № 7 апр. с., 191—195; *Изсл., Замъч. и Лекціи*, III, 22—24.

493) *Въстникъ Европы*, 1824, май № 9, с. 20—28; № 10, с. 102 -114; іюнь № 11, с. 189—198; *О происхожденіи Руси*, стр. 1—24.

494) *Дневникъ*. 1824, подъ 7 мая, 23 марта.

495) 1824, подъ 20 января, 7 мая.

496) 1824, подъ 29 іюня.

497) 1824, подъ 5—17 августа.

498) *Переписка Госуд. Канцлера*, стр. 290, 291, 296.

499) *Письма*, I, 9—13.

500) *Переписка Востокова*, стр. 155.

501) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 303.

502) *Переписка Востокова*, стр. 163.

503) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 307.

504) *Дневникъ*, 1825, подъ 26 янв., 2 и 22 февр.

505) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 311.

506) *Переписка Востокова*, стр. 176, 181.

507) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 313—314.

508) *Дневникъ*, 1825, подъ 15 мар.

509) *Переписка Востокова*, стр. 170, 187, 190.

510) *Дневникъ*, 1825, подъ 8 мая.

511) *Переписка Востокова*, стр. 211—212.

512) *Письма*, I, 45—48.

513) *Дневникъ*, 1825, подъ 15 апр.

514) *Письма*, I, 33; *Переписка Востокова*, стр. 231; *Чтенія И. О. И. и Д.* 1864, Кн. 2-я; *Несторъ*, II, 565—566.

515) *Переписка Государств. Канцлера*, стр. 334.

516) *Дневникъ*, 1824, подъ 25 и 28 января, 25 февраля.

517) *Труды и Лътописи*, 1827. Ч. III, кн. II, стр. 56.

518) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, М. 1869, стр. 172.

519) *Дневникъ*, 1824, подъ 31 мая.

520) *Труды и Лътописи*, Ч. III, кн. II, стр. 83, 92.

521) *Дневникъ*, 1824, подъ 27 мар., 14 апр. и 15 іюня.

522) 1824, подъ 30 апрѣля.

523) 1824, подъ 23 мая.

524) 1824, подъ 27—29 іюня.

525) 1823, подъ 4 октября.

526) 1824, подъ 28 февраля и 11 апрѣля.

527) 1823, подъ 5, 10 и 14 декабря. 1824, подъ 7, 21 апр. и декабрь.

528) 1824, подъ 13 февраля.

529) 1824, подъ 9 и 17 марта.

530) 1824, подъ 18 февраля.

531) 1824, подъ 18 мая.

532) 1824, подъ 20 апрѣля.

533) 1824, подъ 26 февр. 1825, подъ 16 февр.

534) 1824, подъ 3 и 4 апрѣля.

535) 1824, подъ 6 апрѣля.

536) 1824, подъ 24 ноября.

537) 1824, подъ 23 января.

538) 1824, подъ 28 мая.

539) *Мнемозина*, 1825, IV, 103—104.

540) *Дневникъ*, 1824, подъ 5—6 мая, 7 декабря.

541) 1824, подъ 13 мая.

542) *Записки Шишкова*. Берлинъ, 1870, II, 164—166.

543) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 378, 388.

544) *Сочиненія Филарета*, М. 1874 II, 234—240.

545) *Дневникъ*, 1824, подъ 14 іюня

546) 1824, подъ 28 мая.

547) 1824, подъ 3 августа.

548) 1824, подъ 19 ноября.

549) 1824, подъ 6, 13—26 сентября.

550) 1824, подъ 26 сентября.

551) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 383—384, 386.

552) *Сочиненія Пушкина*, VII, 98—99.

553) *Дневникъ*, 1824. Ноябрь.
554) 1824, подъ 15 декабря.
555) *Словарь достопамятныхъ людей*. Спб., 1847, III, 167—168.
556) *Дневникъ*, 1825, подъ 7 января.
557) 1825, подъ 13 февраля.
558) 1825, подъ 24 января.
559) 1825, подъ 15 февраля.
560) 1825, подъ 21—22 февраля.
561) 1825, подъ 10 марта.
562) *Біограф. Слов. Моск. Универс.* II, 240—241.
563) *Дневникъ*, 1825, подъ 17 апрѣля.
564) 1825, подъ 11 и 12 марта.
565) 1825, подъ 20 и 22 марта.
566) *Русскій*, 1868, № 7.
567) Письма *Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву*, стр. 395.
568) *Біограф. Слов. Моск. Унив.* I, 240.
569) *Дневникъ*, 1825, подъ 28 апр.
570) 1825, подъ 9 мая.
571) *Письма*, I, 21.
572) *Дневникъ*, 1825, подъ 23 апрѣля,
573) *Біограф. Слов. Москов. Унив.*. II, 241.
574) *Переписка Востокова*, стр. 203—204.
575) *Письма*, I, 41.
576) *Дневникъ*, 1825, подъ 8 января, 7, 8, 25, 26 мая.
577) 1825, подъ 1, 9, и 14 февраля, 17 марта, 18 апрѣля, 6 іюля, 26 октября, 10 и 28 ноября.
578) 1825, подъ 8 января и 19 апр.
579) 1825, подъ 16 февраля, подъ 9 и 24 мая.
580) 1825, подъ 23—28 марта.
581) 1825, подъ 5—10 апрѣля, 1 и 28 мая.
582) Веневитиновъ, *Русск. Архивъ*, 1885, I, 113—131.
583) *Дневникъ*, 1825, подъ 9 мая.
584) 1825, подъ 30 января.
585) 1825, подъ 13 февраля.
586) 1825, подъ 30 апрѣля.
587) 1825, подъ 17 мая.
588) 1825, подъ 19—20 мая.
589) 1825, подъ 30 мая, 1—3, 6—10, 12 іюня.
590) 1825, подъ 17 іюня.
591) 1825, подъ 9 августа.
592) 1825, подъ 19—25 іюня.
593) *Повѣсти Михаила Погодина*, М. 1832, I, 1—23.
594) *Дневникъ*, 1825, подъ 27—30 іюня.
595) *Повѣсти Михаила Погодина*, I, 27—52.
596) *Дневникъ*, 1825, подъ 2—4 августа; *Повѣсти Михаила Погодина*, I, 55—77.
597) *Дневникъ*, 1825, подъ 20—25 іюля.
598) 1825, сентябрь.
599) 1825, подъ 20—26 іюня, 17 іюля, 17 сентября.
600) 1825, подъ 1—5 іюля.
601) 1825, подъ 6—13 сентября.
602) *Письма*, I, 49.
603) *Дневникъ*, 1825, подъ 6—13 сентября.
604) 1825, подъ 10 и 31 августа.
605) 1825, подъ 30 сентября.
606) 1825, подъ 1—9 октября.
607) *Труды и Лѣтописи*. Ч. III. кн. II, стр. 103, 112, 117.
608) *Дневникъ*, 1825, подъ 16—17 окт.; Ивановскій *И. М. Снегиревъ*. Спб. 1871, стр. 129.
609) *Дневникъ*, 1825, подъ 18 окт.
610) *Русскій Архивъ*, 1866, стр. 475.
611) *Дневникъ*, 1825, подъ 18 окт.
612) 1825, подъ 25 окт.
613) *Русскій Архивъ*, 1879, II, 477,
614) *Дневникъ*. 1825, подъ 13 нояб.
615) *Сочиненія Пушкина*, VII, 167.
616) *Переписка Востокова*, стр. 239.
617) *Письма*, I, 63—64.
618) Тамъ-же, I, 69.
619) *Дневникъ*, 1825, подъ 19 октяб.
620) *Воспомин. о Шевыревѣ*, стр. 8.
621) *Дневникъ*, 1825, подъ 6—16 декабря. *Письма*, I, 147—148.
622) *Дневникъ*, 1825, подъ 13 ноября.

623) Сушковъ. *Записки о жизни и времени Филарета.* М. 1868, прил. стр. 82.

624) *Дневникъ,* 1825, подъ 29 ноября.

625) 1825, подъ 2 декабря.

626) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 410.

627) *Письма Карамзина Малиновскому,* М. 1860, стр. 81.

628) *Записки о Филаретѣ,* прил., стр. 82—83.

629) *П. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго,* II, 96—97; *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 411—412.

630) *Записки о Филаретѣ,* стр. 84—85.

631) *Русскій Архивъ* 1868, стр. 1675

632) *Дневникъ,* 1825, подъ 17 декабря.

633) 1825, подъ 18—20 декабря.

634) *Дневникъ,* 1825, подъ 21—22 декабря.

635) *Русскій Архивъ,* 1866, стр. 1766—1770.

636) *Жизнь и Труды П. М. Строева* Спб. 1878, стр. 124—125.

637) *Письма,* I, 101.

638) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 379—380.

639) *Письма,* I, 99.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

М. П. ПОГОДИНА.

Дни минувшіе и рѣчи,
Ужъ замолкшія давно...
Князь Вяземскій.

Былое въ сердцѣ воскреси,
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Хомяковъ.

Николая Барсукова.

КНИГА ВТОРАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. Остр., 2 лин., 7.
1889.

(1566)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Стран.

Стра[illegible]

I.

Первая половина 1826 года въ Русской Исторіи была ознаменована скорбными событіями. „Вся земля наша“, повѣствуетъ Филаретъ, была тогда „отъ края до края, отъ столицы до столицы прочерчена погребальными путями царскими. Довлѣетъ Господи! Да почіетъ гнѣвъ Твой; да почіетъ сердце наше предъ Тобою“ [1]). Февраля 4-го 1826 года московскій военный генералъ губернаторъ князь Д. В. Голицынъ доносилъ императору Николаю I-му: „Тѣло въ Бозѣ почившаго государя императора Александра Павловича 3 февраля прибыло благополучно въ Москву и покоится на устроенномъ для того мѣстѣ въ Архангельскомъ соборѣ [2]). Въ печальномъ шествіи отъ Серпуховской заставы до Архангельскаго собора принималъ участіе и Погодинъ, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующая запись его *Дневника:* „Съ 6 часовъ дожидались у Серпуховскихъ воротъ въ домѣ. Назначили въ ассистенты при несеніи орденовъ. Шелъ подлѣ и несъ орденъ Св. Духа. Взглянулъ на множество народа“ [3]). На другой день при гробѣ Александра Благословеннаго Архіепископъ московскій произнесъ: „О Боже! такъ-ли неумолимъ гнѣвъ Твой? Царь не только благочестивый, но и безпримѣрный въ благочестіи, царь, который *сотвори правое предъ очима Господнима,* царь, который старался не только подвластную ему Іудею, но всю землю Израилеву очистить отъ идолослуженія и просвѣтить Богослуженіемъ истиннымъ,

который, какъ скоро узналъ книгу закона Божія, немедленно принесъ предъ нею покаяніе въ беззаконіяхъ своего народа и съ тѣхъ поръ не переставалъ быть ея ученикомъ, исполнителемъ, защитникомъ, исповѣдникомъ, такой царь, съ такимъ сердцемъ и душою не могъ отвратить Господа отъ ярости гнѣва Его великаго; но гнѣвъ сей открылся раннею и внезапною смертію сего самаго царя Іосіи. О, Боже! такъ-ли неумолимъ гнѣвъ Твой?

Не таковъ-ли гнѣвъ Божій надъ нами, Россіяне?

Не позналъ Іудейскій народъ цѣны сокровища, которое имѣлъ въ царѣ своемъ Іосіи, не позналъ, когда имѣлъ, и не воспользовался симъ сокровищемъ. *Весь Іуда и Іерусалимъ плакаша о Іосіи. И Іеремія возрыда по Іосіи. И глаголаша: вси князи и княгини плачь по Іосіи.* Ахъ! поздно большая часть изъ нихъ плакала по Іосіи вмѣсто того, чтобы прежде усерднѣе плакать вмѣстѣ съ Іосіею, когда сердце его сокрушалось покаяніемъ и смирялось предъ грознымъ судомъ Божіимъ. Іеремія, безъ сомнѣнія, лучше всѣхъ зналъ, почему *рыдалъ*, когда другіе только *плакали:* онъ рыдалъ удвоеннымъ плачемъ о лишеніи царя и плачемъ о позднемъ плачѣ народа“.

Вспоминая о Наполеонѣ и не называя его имени, Владыка произнесъ: „Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ престолы съ мѣстъ, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было, и который, наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію.

Что, еслибы на сіе время, когда такъ укрѣплялся и возвышался сей *излишній* на земли, что, еслибы не воздвигъ Господь *потребнаго* на ней? Чтó было бы съ народами, которые со дня на день умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія и увеличивали силу поработителя? Чтó было бы съ священнымъ царскимъ достоинствомъ, которое непорфирородный царь оскорблялъ сугубо и униженіемъ порфирородныхъ, и возвышеніемъ

непорфирородныхъ? Что было бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе никакихъ границъ неуважавшаго властителя непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать предъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина—ему ласкательствовать, знанія—изобрѣтать только средства для его цѣлей, искусства—производить ему памятники его славы или размножать его идолы? Чего надлежало ждать и Христіанскому Богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго, который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы чрезъ то получить себѣ видъ освященія, который одною рукою возстановлялъ Алтарь Христовъ, а другою гораздо съ бо́льшимъ усиліемъ созидалъ синагогу христоубійственнаго народа"?

Въ заключеніе *Слова* произнесено: „Слышу плачъ пѣвца Израилева: *горы Голвуйскія, да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* За что сіе проклятіе на невинную природу? — *Яко тамо поверженъ бысть щитъ сильныхъ*, жалуется пѣвецъ Израилевъ.—Пріиди, пѣвецъ скорби! я укажу тебѣ мѣсто болѣе достойное негодованія. Пріиди, помоги мнѣ сѣтовать на горы Таврійскія. *Горы Таврійскія! да не снидетъ роса, ниже дождь на васъ!* Не оружіемъ враговъ поражены тамо сильные: горный вѣтръ пронзилъ главу священную... Но тщетно и сіе негодованіе и, можетъ быть, дерзостно. *Смиримся подъ крѣпкую руку Божію.* И для насъ, и для оплакиваемаго нами лучше молиться, нежели жаловаться" [1]).

Въ полночь 6 февраля по совершеніи панихиды началось печальное шествіе изъ собора для слѣдованія въ Петербургъ по Кремлю, чрезъ Спасскія ворота, мимо церкви Василія Блаженнаго, по Красной площади, къ Иверскимъ воротамъ, а отъ нихъ вдоль Тверской улицы до Тверской заставы. Стеченіе народа, всѣхъ сословій было едва-ли не многолюднѣе, чѣмъ при входѣ тѣла въ столицу и „жители, какъ при встрѣчѣ тѣла, такъ и при разлукѣ съ нимъ, старались отличить дни сіи не только сердечнымъ умиленіемъ

и всеобщею тишиною, но даже и наружнымъ убранствомъ домовъ своихъ". По прибытіи тѣла къ заставѣ архіепископъ Филаретъ, произнеся къ охранителю и сопровождателю драгоцѣнныхъ останковъ генералъ-адъютанту графу Орлову-Денисову краткое назидательное слово, благословилъ его въ дальнѣйшій путь образомъ. Ямщики Тверской ямской слободы и крестьяне Хорошевской волости, испросивъ убѣдительнѣйшими просьбами позволеніе везти тѣло на себѣ, отвезли оное отъ заставы до Петровскаго дворца, у коего оно было переставлено на дорожную колесницу и отправлено въ путь тѣмъ же порядкомъ, какимъ шествовало до Москвы [5]). Погодинъ, принимая участіе также въ качествѣ ассистента и въ этомъ печальномъ шествіи отъ Кремля до Тверской заставы, засвидѣтельствовалъ, что „такой тишины, какая была въ народѣ, и вообразить нельзя" [6]). Понятно то впечатлѣніе, которое произвело на нашего героя все видѣнное и слышанное имъ въ эти историческіе дни, и у него явилась мысль „издать всѣ сочиненія на смерть Государя", разсчитывая при этомъ на поддержку въ этомъ предпріятіи. Нѣсколько дней спустя, но еще полный впечатлѣніями пребыванія и проводовъ тѣла императора Александра I-го онъ посѣтилъ Трубецкихъ и читалъ у нихъ „прекрасные стихи" Михаила Александровича Дмитріева на кончину Государя [7]).

Благоговѣй, покрытый тьмою!
Уста Предвѣчнаго рекли,
Надъ сей вѣнчанною главою
Я собралъ всѣ бѣды земли!
Онѣ обрушились; но, вѣрный,
Онъ не роптал на Промыслъ Мой;
Онъ зналъ Мой судъ нелицемѣрный
И правилъ Я его судьбой!
Для духа зрѣлаго—призыва
Не возвѣщаетъ сѣдина;
Не держитъ долѣ срока нива
Въ браздѣ созрѣвшаго зерна!

Спроси въ семъ гробѣ прахъ священный
Сколь духъ, сокрытый въ немъ, страдалъ,

Когда, подвигнувъ полвселенны,
Его Я твердость искушалъ!
Спроси: легко ль обрѣлъ онъ славу,
Когда Я чуждую державу
Повергъ подъ мечъ его руки;
Спроси: сколь часто, въ мракѣ ночи,
За васъ его не спали очи —
И дни дѣлами изочти. [8]).

II.

Въ ученой жизни Погодина 1826 годъ ознаменовалс появленіемъ цѣлаго ряда трудовъ его по Русской Исторіи Въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (28 января) читалъ онъ *Нѣчто о родѣ великой княгини Ольги*. Въ этомъ изслѣдованіи онъ старалс доказать, что благовѣрная княгиня Ольга „была Варяжскаг Норманнскаго рода", а не Славянскаго. „Когда жъ", сказалъ онъ въ заключеніе, „отыщутся и издадутся всѣ древнія наши свидѣтельства, тогда, надѣюсь, найдется болѣе для сего доказательствъ; впрочемъ, и теперь можно, кажется, принять въ Исторію сіе положеніе" [9]). Извѣстно, что святая благовѣрная княгиня Ольга особенно чтится въ семействѣ князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ и у нихъ въ домѣ даже хранилась древняя ея икона, писанная по семейному преданію живописцемъ императора Константина Багрянороднаго въ то самое время, когда крестилась Ольга въ Царьградѣ, а потому неудивительно, что засѣданіе это посѣтила княгиня З. А. Волконская, рожденная княжна Бѣлосельская-Бѣлозерская [10]).

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ Погодинъ, какъ мы уже знаемъ, познакомился съ Булгаринымъ и завязалъ съ нимъ дружескія сношенія. Въ это время Булгаринъ вмѣстѣ съ Гречемъ издавалъ *Сѣверный Архивъ*, „журналъ древностей и новостей по части исторіи, статистики, путешествій, правовѣдѣнія и нравовъ". Несмотря на то, что

журналъ сей былъ враждебенъ Карамзину, Погодинъ въ теченіе всего 1826 года былъ дѣятельнымъ его сотрудникомъ. Тамъ напечаталъ онъ *Нѣчто о святыхъ изобрѣтателяхъ Славянской грамоты, Кириллѣ и Меѳодіи* [11]). Занимаясь въ это время переводомъ 2-й части Эверсовыхъ изслѣдованій, Погодинъ отправляетъ къ Булгарину отрывокъ изъ этого сочиненія *о Казарахъ* при слѣдующемъ письмѣ: „Я нарочно выбралъ сію статью потому, что она заключаетъ въ себѣ нѣчто цѣлое, краткое обозрѣніе исторіи Казаровъ; къ ней приложены многія любопытныя примѣчанія съ указаніемъ на разные источники. Мы въ пріятной надеждѣ получить со временемъ сочиненіе достопочтеннаго нашего оріенталиста Френа о семъ важномъ для насъ народѣ. Вслѣдъ за симъ доставлю вамъ статью Клапрота о Казарахъ же“ [12]). По поводу помѣщенныхъ Погодинымъ переводовъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* Булгаринъ писалъ ему: „Мы не можемъ платить *за переводы*, ибо имѣемъ своихъ переводчиковъ слишкомъ много. За *критики* ни полушки. Мы рады дѣлиться малыми нашими доходами съ почтенными литераторами, но только съ *пчелами*, а не съ *трутнями*. Мы съ Гречемъ часто вспоминаемъ васъ: вы очаровали насъ своими познаніями и скромностью“. Впрочемъ, въ другомъ своемъ письмѣ (отъ 24 марта 1826) Булгаринъ писалъ ему: „Условіе съ вами соблюдается и относительно *переводовъ*; но это именно касается до однихъ *васъ*, потому что вы будете переводить одно важное, любопытное и съ примѣчаніями. Зная васъ, вашъ благородный характеръ и правоту, надѣемся, что вы насъ болѣе подчивать будете оригинальными для успѣха нашихъ изданій“ [13]).

Предполагая издать 2-ю часть *Ураніи*, Погодинъ просилъ Булгарина вклада въ этотъ альманахъ. На это тотъ отвѣчалъ: „Вы желали, чтобы я прислалъ что нибудь вамъ для вашего альманаха. Признаюсь, хотя заваленъ работою по четыремъ журналамъ и кромѣ того занимаюсь, между нами будь сказано, изданіемъ моихъ сочиненій, хотя самъ

бѣденъ, но съ вами дѣлюсь послѣднимъ. Посылаю къ ва пьесу, которую я берегъ для новаго изданія, пьеску, і которой у меня особенно лежитъ отеческое сердечко, тѣмъ болѣе, что она полюбилась другу моему А. С. Грибоѣдову говорящему мнѣ всегда правду въ глаза. Прошу васъ объ одномъ, ничего не перемѣнять, сохранить мои знаки препинанія. Если статья вамъ не понравится, благоволите отослать обратно. Это меня ни мало не оскорбитъ, но не сваливайте грѣха на цензуру, какъ случается съ нашею братіею журналистами". Упомянувъ о цензурѣ, Булгаринъ прибавляетъ: „Новый цензурный комитетъ откроется въ половинѣ октября (1826 года). Обѣщаютъ *благоразуміе*. Боюсь, чтобы конецъ этого слова не вышелъ съ другимъ кратчайшимъ. Впрочемъ генералъ Карбонье человѣкъ умный и добрый. Мы надѣемся, что онъ полюбитъ общее благо, славу Государя и защититъ бѣдную литературу отъ невѣжественныхъ когтей цензоровъ, на которыхъ по-нынѣ не было ни суда, ни расправы, ни аппеляцій. Я съ перваго знакомства полюбилъ васъ душевно и не измѣнюсь въ чувствахъ. Извините меня предъ Строевымъ, что я не писалъ къ нему. Мнѣ писать письма смерть. И это письмо кража времени отъ журналовъ. Воспользовался головною болью, чтобы написать къ вамъ". Затѣмъ, обращаясь къ своей статьѣ, Булгаринъ продолжаетъ: „Еслибы вамъ пришлось цензировать мою статью въ Петербургѣ, въ такомъ случаѣ перепишите ее, но не подписывайте въ рукописи моего имени, *а имя тисните послѣ*. Въ *новой* цензурѣ у меня есть *личный* врагъ въ родѣ Полеваго, Анастасевичъ, который, можетъ быть, захочетъ мстить мнѣ" [14]). Это письмо свидѣтельствуетъ, что Погодинъ вплоть до изданія *Московскаго Вѣстника* былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Булгаринымъ.

Въ теченіе того же 1826 года Погодинъ перевелъ и издалъ на счетъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 2-й томъ Историческихъ Изслѣдованій Эверса. Въ то же время онъ приводилъ къ окончанію и

другой свой трудъ, порученный ему еще покойнымъ канцлеромъ графомъ Н. П. Румянцовымъ: это переводъ сочиненія Неймана о жилищахъ древнихъ Руссовъ. По кончинѣ Канцлера Погодинъ былъ успокоенъ слѣдующимъ письмомъ Кеппена (отъ 15 апрѣля 1826): „Ф. И. Кругъ просилъ меня сказать вамъ, что графъ С. П. Румянцовъ по прибытіи въ Москву удовлетворитъ ваши требованія. Онъ выдастъ вамъ деньги, нужныя для напечатанія книги, и сто экземпляровъ прежняго изданія“ [15]). Въ томъ же удостовѣрилъ его и самъ Кругъ. „Теперь“ писалъ Погодинъ, „чувствую силу и примусь за окончаніе дѣлъ, которыхъ накопилось много“.

Въ апрѣлѣ 1826 года посѣтилъ Москву графъ С. П. Румянцовъ. Погодинъ былъ ему представленъ и въ своемъ *Дневникѣ* сдѣлалъ о немъ слѣдующее лаконическое замѣчаніе: „умный человѣкъ“ [16]). Наконецъ вышелъ въ свѣтъ и переводъ Погодина подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ, сочиненіе г-на Н. и критическій разборъ онаго М. Въ типографіи С. Селивановскаго 1826.* Въ предисловіи мы читаемъ: „Переводъ и критическій разборъ сочиненія предпринятъ въ прошломъ 1825 году по препорученію незабвеннаго графа Н. П. Румянцова. Сіе препорученіе было для меня тѣмъ пріятнѣе, что я надѣялся исполненіемъ онаго доставить нужное дополненіе къ изданнымъ мною прежде книгамъ о семъ предметѣ: разсужденію о происхожденіи Руси и Эверсовымъ критическимъ изслѣдованіямъ для Россійской Исторіи. Теперь любители Исторіи найдутъ въ сихъ четырехъ сочиненіяхъ полное, по возможности критическое собраніе свѣдѣній, доселѣ мало извѣстныхъ, о Руссахъ, основателяхъ нашего Государства, которые для насъ столько важны во всѣхъ отношеніяхъ“. Нейманъ свое сочиненіе о *жилищахъ* написалъ въ формѣ письма къ Эверсу и переводъ этого письма посвященъ Погодинымъ „милостивому государю Филиппу Густавовичу Эверсу, въ знакъ искренняго уваженія посвящаетъ переводчикъ“; *критическій разборъ сочиненія г-на Н. о жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ,* начинающійся съ 63

страницы, посвящень „милостивому государю Филиппу Ивановичу Кругу. Въ знакъ искренняго уваженія посвящаетъ сочинитель". Этотъ трудъ свой Погодинъ при письмѣ отправилъ къ кіевскому митрополиту Евгенію и удостоился получить отъ него слѣдующія строки (отъ 3 декабря 1826 г.): „Письмо ваше и при ономъ переводъ вашъ книги *О жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ* имѣлъ я честь получить и книгу, а особливо критическій вашъ разборъ прочиталъ съ великимъ удовольствіемъ. Ваша терпѣливость въ сводахъ, проницательность въ заключеніяхъ и рѣшительная критика заслуживаютъ великое уваженіе. Сей Лифляндскій ученый Эверсъ достоинъ также вниманія, хотя часто пишетъ парадоксы" [17]). Труды Погодина по Русской Исторіи обратили на себя вниманіе Академіи Наукъ, и ему представлялась возможность возсѣсть на академическое кресло. Кеппенъ въ письмѣ своемъ (отъ 26 октября 1826 г.) просилъ его прислать *curriculum vitae*, „особливо извѣстіе о напечатанныхъ вами сочиненіяхъ. Это нужно для Круга, который собирается предложить васъ въ члены корреспонденты Академіи Наукъ по случаю наступающаго празднованія академическаго столѣтія". Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 3 ноября 1826) Кеппенъ даже писалъ Погодину: „Скажите мнѣ откровенно, *но между нами*, не прочите ли вы себя въ академики. У Круга нѣтъ адъюнкта. Онъ къ вамъ очень расположенъ. Эверсъ также изданіемъ вашимъ весьма доволенъ. Не попытаться ли? Не пришлете ли мнѣ вашихъ сочиненій для С. С. Уварова?" Погодинъ этому разумѣется обрадовался и по всѣмъ вѣроятіямъ написалъ рѣшительно, что, можетъ быть, смутило Кеппена и понудило отвѣтить ему весьма уклончиво (отъ 1 декабря 1826 г.): „Сочиненія ваши и переводы я представилъ С. С. Уварову, который принялъ ихъ очень благосклонно. Не думаю, чтобы адъюнкты Академіи могли жить внѣ Петербурга. Впрочемъ, прошу васъ прежній вопросъ, мною вамъ предложенный, не почитать еще какимъ-либо предложеніемъ. Я, какъ вамъ извѣстно, не состою ни въ какихъ сношеніяхъ съ

Академіею, но токмо съ нѣкоторыми академиками болѣе или менѣе знакомъ". Но увлекшее Погодина журнальное поприще и союзъ его съ противниками Карамзина, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, отклонили его отъ Академіи Наукъ.

Упомянувъ объ отношеніяхъ Погодина къ Булгарину до изданія *Московскаго Вѣстника*, обязательно сказать и объ отношеніяхъ его къ Полевому, издателю *Московскаго Телеграфа*. Если въ это время не было дружбы у него съ Полевымъ, то не было еще и открытой вражды. По крайней мѣрѣ Погодинъ бывалъ у Полеваго, о чемъ свидѣтельствуетъ запись *Дневника* подъ 27 марта 1826 года. Въ то же время Булгаринъ писалъ ему: „Что̀ Полевой? Утолилъ ли злобу свою противъ меня, или все еще пышетъ местью и бранью? Я для него служу фокусомъ, въ которомъ сосредоточиваются всѣ лучи его гнѣва и злобы противу цѣлаго міра! Удивительно! Кто ни пишетъ противу, я все виноватъ" [18]). Отъ Полевого Погодинъ узналъ о кончинѣ Ходаковскаго. Почтимъ память сего знаменитаго путешественника, духовное наслѣдіе котораго, то есть бумаги, досталось впослѣдствіи Погодину.

„Имя Ходаковскаго", пишетъ А. Н. Пыпинъ, „пользовалось большою славой въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, да и на долго послѣ ставилось въ ряду замѣчательныхъ изслѣдователей Славянской и Русской народной старины. Литературное поприще его было очень кратко; при жизни онъ успѣлъ напечатать нѣсколько небольшихъ статей; болѣе обширныя работы его явились долго спустя послѣ его смерти; самая біографія его до послѣдняго времени оставалась темной и загадочной,—но это не мѣшало его извѣстности. Карамзинъ съ интересомъ прислушивался къ его идеямъ; позднѣе Погодинъ былъ великимъ его почитателемъ; въ Польской литературѣ Ходаковскій до послѣдняго времени сохранилъ великую славу, какъ человѣкъ, который своимъ обращеніемъ къ народности положилъ первое основаніе новому направленію Польской поэзіи, давшему ей Мицкевича".

Въ 1819 году Ходаковскій появляется въ Петербургѣ. Здѣсь

онъ былъ любезно принятъ Государственнымъ канцлеромъ, графомъ Н. П. Румянцовымъ, и вскорѣ знакомится съ Карамзинымъ, Шишковымъ, Уваровымъ и многими другими [19]). Карамзинъ одобрилъ его предположеніе отыскивать и описывать городки, т.-е. небольшія земляныя насыпи извѣстной формы, разбросанные на великихъ пространствахъ Россіи и, какъ полагалъ Ходаковскій, означающіе древнѣйшее мѣстопребываніе Славянъ. Огласивши свой проектъ и получивъ по ходатайству Карамзина денежное пособіе отъ правительства, Ходаковскій началъ свое изслѣдованіе съ Новгородской губерніи. Въ знакъ благодарности за ходатайство Карамзина онъ обругалъ его въ *Вѣстникѣ Европы*, называя его „Невскимъ Плутархомъ, пресловутымъ историкомъ". Когда Карамзинъ прочелъ это, то писалъ И. И. Дмитріеву: „За Поляка, который думалъ бранить меня въ *Вѣстникѣ Европы*, я вчера, между нами, ходатайствовалъ у князя А. Н. Голицына: бѣдный мой критикъ не имѣетъ ни гроша"; а самому Ходаковскому Карамзинъ писалъ: „съ сожалѣніемъ слышу отъ васъ о малой надеждѣ на успѣхъ вашихъ трудовъ въ Россіи. Я радъ еще сказать нѣсколько словъ о пользѣ вашихъ упражненій; но не ручаюсь вамъ за ихъ дѣйствительность. Посылаю 50 р., болѣе не имѣю" [20]). По свидѣтельству Ксенофонта Полеваго, „личныя потребности Ходаковскаго были чрезвычайно умѣренны. Всегдашній костюмъ его составляли: сѣрая куртка, сѣрые шаравары, а на головѣ что-то въ родѣ суконнаго колпака. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ всюду и обращалъ на себя вниманіе солдатскою откровенностью, близкою къ грубости. Пришедши въ гости, онъ обыкновенно оставался до тѣхъ поръ, когда надобно было ложиться спать. Особенно милъ бывалъ онъ съ людьми, отличавшимися изысканными костюмами и свѣтскими манерами, и называлъ ихъ въ глаза *фанфаронами*. Никто не сердился на него за выраженія и обращеніе: на такую ногу умѣлъ онъ поставить себя, что на него смотрѣли, какъ на Діогена" [21]). „Къ отличнымъ свойствамъ Ходаковскаго", говоритъ о немъ Кеппенъ, „причислить должно

способность его бесѣдовать съ простолюдинами. На торжищахъ, въ хижинахъ ихъ, въ своей собственной обители онъ и жена его всегда съ успѣхомъ умѣли пользоваться ихъ простодушными повѣствованіями, преданіями, мѣстными познаніями и самымъ суевѣріемъ. Такимъ образомъ онъ успѣлъ собрать драгоцѣнные матеріалы, въ числѣ коихъ мы всегда съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминали о географическихъ его фоліантахъ и о собраніи народныхъ пѣсней, подслушанныхъ имъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, и обыкновенно записывавшихся со словъ самихъ поселянъ" [22]). Къ этому извѣстію Кеппена, Погодинъ прибавляетъ, что Ходаковскій, „предложивъ тому или другому крестьянину, пріѣхавшему съ своимъ возомъ на рынокъ, нѣсколько вопросовъ объ именахъ селеній около какого нибудь городища, подсказывалъ ему остальныя и получалъ себѣ въ награду часто такой отвѣтъ: „али ты колдунъ, баринъ, что, не бывавъ у насъ, знаешь всѣ наши мѣста?" [23]). Ходаковскій скончался въ ноябрѣ 1825 г. въ Тверской губерніи въ должности управителя имѣніями одного тверскаго помѣщика [24]). Оригинальная личность Ходаковскаго и его труды привлекли къ себѣ вниманіе Пушкина и онъ обезсмертилъ имя его въ своихъ геніальныхъ твореніяхъ:

Но каюсь: новый *Ходаковскій*,
Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
Объ *отдаленной* старинѣ.

Въ мартѣ 1826 года заявили о своемъ существованіи *Педагогическія Чтенія*, объ учрежденіи коихъ при Московскомъ Университетѣ мы уже говорили. „Въ присутствіи г. попечителя Императорскаго Московскаго Университета А. А. Писарева, г. ректора А. А. Антонскаго, г. директора Педагогическаго Института А. Ѳ. Мерзлякова и гг. профессоровъ Двигубскаго, Чумакова, М. Г. Павлива и И. М. Снегирева открыты были педагогическія чтенія при Университетѣ.

1) Магистръ Погодинъ читалъ предварительное положе-

ніе о сихъ чтеніяхъ, цѣлію коихъ есть: а) пріуготовленіе кандидатовъ и магистровъ подъ надзоромъ профессоровъ изъяснять ясно, удовлетворительно и легко предметы изъ той науки, которой каждый изъ нихъ себя постятилъ преимущественно. б) Переводъ книгъ классическихъ по всѣмъ отраслямъ наукъ.

2) Кандидатъ Максимовичъ читалъ лекцію о воздухѣ.

3) Кандидатъ Сергѣй Камашевъ читалъ задачу: какая теорія объ изящномъ доселѣ есть совершеннѣйшая, и почему?

4) Профессоромъ Мерзляковымъ сдѣлано было предложеніе объ изданіи ручнаго словаря Латинскаго, географическаго Россійской Имперіи и извлеченія изъ Славянской грамматики Добровскаго, нужнаго для Русской.

5) Магистръ Погодинъ прочелъ списокъ книгъ, предназначенныхъ переводу [25]).

Изъ біографіи Д. В. Веневитинова мы узнаемъ, что эти Педагогическія бесѣды охотно посѣщались имъ и что на этихъ бесѣдахъ Веневитиновъ обращалъ на себя вниманіе, какъ своимъ яснымъ и глубокимъ умомъ, такъ и замѣчательной діалектикой своихъ доводовъ, и что эти бесѣды развернули въ немъ тѣ качества хорошаго прозаика, которымъ суждено было проявиться только въ весьма немногихъ статьяхъ [26]).

III

Мы уже знаемъ, что мысль о переводѣ грамматики церковно-славянскаго языка Добровскаго давно занимала Погодина. Не имѣя успѣха въ этомъ предпріятіи въ сотовариществѣ съ Кубаревымъ, Погодинъ великимъ постомъ 1826 года, а именно 31 марта [27]), уговорилъ Шевырева приняться сообща за это дѣло. Планъ его состоялъ въ томъ, чтобы запереться на страстную и святую недѣли въ своихъ комнатахъ и перевести грамматику и однимъ духомъ". Впослѣдствіи онъ самъ сознавался, что „намѣреніе было безразсудное". Но Шевы-

ревъ согласился. Они заперлись, и на Ѳоминой недѣлѣ вся грамматика, состоявшая почти изъ девятисотъ страницъ, была у нихъ готова. Погодинъ не успѣлъ только перевести предисловія, а Шевыревъ окончить синтаксиса. Но за это поплатились они двумя обмороками. Погодинъ упалъ въ четвергъ на Святой недѣлѣ со стула въ своей комнатѣ, а Шевыревъ — въ воскресенье на крылосѣ въ своемъ приходѣ у Пимена [28]). 2 мая 1826 года переводъ грамматики Добровскаго былъ окончательно совершенъ. Вотъ какія мысли пришли Погодину по окончаніи своего обѣтнаго труда. „Добровскій находится теперь въ состояніи ясновидящаго. Ему можно предлагать вопросы. Ему понятны теперь звуки безъ смысла. Словенскій народъ удивителенъ. Онъ долженъ существовать, въ Европѣ ли то, или въ Азіи, съ давнѣйшихъ временъ; ибо въ IX вѣкѣ онъ является съ такимъ языкомъ, богатымъ и правильно образованнымъ, какого не можетъ имѣть молодой народъ. Прибавлю, что онъ былъ и ужасно уже многочисленъ въ то время. Почему языкъ Словенскій во всемъ своемъ блескѣ явился у одного племени, у Русскихъ? Другія племена (Поляки, Богемцы) имѣли свою эпоху величія, но языкъ никогда не достигалъ до высокой степени. Какъ долго творился языкъ нашъ отъ Кирилла и Меѳодія до Ломоносова (государство отъ Рюрика до Петра) и какія чудеса будутъ на немъ. Мысль моя цѣпенѣетъ. Если Словени ровесники, положимъ, Грекамъ, почему языкъ ихъ образовывался такъ долго? Потому же, почему лавръ растетъ у насъ только теперь, а въ Италіи онъ разцвѣлъ уже на могилѣ Вергиліевой. Мы приближаемся къ открытію первоначальнаго языка. Такъ, какъ теперь говоримъ мы: русскій, польскій, богемскій и пр. суть нарѣчія словенскаго языка, такъ прежде какой либо Ѳракіецъ-Добровскій могъ сказать: словенскій, греческій суть нарѣчія индоевропейскаго языка. Какихъ людей Богъ далъ Словенскому языку: Кирилла и Меѳодія, Добровскаго! На словенскомъ языкѣ разительно видна первообразность: коренныя формы, каждое слово есть неопредѣленное, ничего не значитъ, и только, по-

лучая другой неопредѣленный придатокъ получаетъ опредѣленность, смыслъ".

Оконченный трудъ Погодинъ отнесъ къ попечителю Писареву, но принятъ былъ этотъ трудъ, кажется, сухо; по крайней мѣрѣ, вотъ что записалъ онъ въ Дневникѣ: „Нѣтъ добраго слова за такой трудъ. Невѣжи!" [29]). Когда вѣсть объ этомъ трудѣ дошла до Кіевскаго митрополита Евгенія, то онъ писалъ Погодину (отъ 3 декабря 1826 года): „Добровскаго грамматикою давно бы Русскимъ надлежало воспользоваться, хотя и онъ не обнялъ всѣхъ діалектовъ Словенскихъ. Но мы надѣемся, что вы дополните ее своими примѣчаніями" [30]). Труженики наши утѣшались только сознаніемъ совершенія труда. „Признаюсь,—писалъ Погодинъ,—взглядъ на эту груду мелко исписанной бумаги, взглядъ на эту крѣпость, взятую нами приступомъ, доставилъ намъ сладкое удовольствіе" [31]). Но имъ долго пришлось дожидаться того времени, когда трудъ ихъ явился на свѣтъ Божій.

Великіе дни Святой и Страстной седмицы 1826 года Погодинъ проводилъ истиннымъ подвижникомъ. Совершая вмѣстѣ съ другомъ своимъ Шевыревымъ обѣтный трудъ по переводу грамматики церковно-славянскаго языка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ неукоснительно исполнялъ обязанности православнаго христіанина. Молитвами, пощеніемъ, трудами и говѣніемъ приготовлялъ себя къ Таинствамъ Покаянія и Евхаристіи. Въ Великую Среду (15 апрѣля) исповѣдывался, а предъ исповѣдью „листовалъ Фихте" Священнику онъ каялся въ своихъ сомнѣніяхъ и въ „нетвердыхъ религіозныхъ понятіяхъ". На это священникъ ему сказалъ: „вѣра есть даръ Божій". Каялся онъ также и въ гордости, самолюбіи и въ славолюбіи. „Мнѣ досадно",—каялся онъ,—„когда какой-нибудь магнатъ, проходя мимо меня, обращается ко мнѣ съ привѣтствіемъ: здравствуйте, Михаилъ Петровичъ, когда некому уже сказать въ комнатѣ, и жметъ руку изъ милости. Мнѣ хочется показать имъ что я выше ихъ. Но это мелочь. Слава меня прельщаетъ. Когда я слышу и вижу, какъ восхищаются Шиллеромъ, мнѣ хочется

того же, сердце бьется". Въ Великій Четвергъ сподобился пріобщиться Св. Таинъ; но за обѣдней, сознается онъ, все „мечтались ему трагедіи". Въ домовой церкви Трубецкихъ слушалъ онъ страстную службу. „Читанныя Евангелія возбуждали мысли его къ драматической поэмѣ". Ему представлялись въ началѣ ея пастухи, говорящіе у стадъ своихъ о своихъ предчувствіяхъ. Что-то будетъ великое, неожиданное. Вдругъ разливается благоуханіе въ воздухѣ. Удивленіе. Слышатся голоса Ангеловъ: „Христосъ рождается, славите: Христосъ съ небесъ, срящите: Христосъ на земли, возноситеся: пойте Господеви вся земля, и веселіемъ воспойте людіе, яко прославися". Окончаніе: Апостолы всѣ вмѣстѣ оплакиваютъ Іисуса, ими оставленнаго; является Марія Магдалина и разсказываетъ имъ смерть Спасителя, какъ его распяли, какъ ругались надъ нимъ. Что же Онъ? спрашиваютъ ее. Прости имъ Господи, сказалъ Онъ, не вѣдятъ бо что творятъ. Являются Ангелы въ воздухѣ и поютъ воскресеніе. Является самъ Іисусъ въ облакахъ... У меня духъ занимаетъ, когда я думаю объ этомъ"... Свѣтлую заутреню Погодинъ слушалъ также у Трубецкихъ и похристосовался со всѣми.

Занятія русскою исторіею и всеобщею, разговоры, встрѣчи давали ему пищу для размышленія, плодомъ котораго являлись афоризмы, сохраненные имъ въ *Дневникѣ*. Однажды во время лекціи въ Университетскомъ Пансіонѣ, ему пришла мысль, что „народы вступаютъ такъ же въ бракъ, какъ и лица. Такъ норманны женились на словенахъ, и пошло новое поколѣніе отъ сего соединенія. Норманны были мужемъ, словене— женою. Норманны, несмотря на свою малочисленность, расположили приданымъ, дали и политическое устройство, и духовное... Самая величайшая свадьба въ Европѣ была между изнѣжившеюся Римскою Имперіею и мужественными германскими народами. На языкѣ новой философіи это будетъ, думаю, такъ: норманны сдѣлались положительною частью русскаго государства, словяне отрицательною. Имена получили государства европейскія вслѣдствіе тѣхъ свадебъ: Венгрія, Булгарія, Франція и пр.

какъ и въ гражданскихъ. Иначе нельзя образовать Африку и Азію, какъ снарядивъ со всей Европы войско и отправясь въ походъ крестовый на нихъ. Пусть европейцы сядутъ на престолахъ ашантіевъ, бирмановъ, китайцевъ, японцевъ и заведутъ порядокъ европейскій. Тогда участь сихъ странъ рѣшится. И почему не сдѣлать такъ? Вотъ о чемъ потолкуютъ на конгрессѣ. Счастіе рода человѣческаго отъ этого зависитъ". Потомъ Погодинъ задается любопытнымъ вопросомъ: „Почему языческая религія не подавала повода къ войнамъ, а христіанская напротивъ?" Любопытенъ также и слѣдующій его афоризмъ: „Духъ благолюбія явился въ концѣ прошедшаго столѣтія. Между французами въ Руссо, между американцами въ Франклинѣ, между нѣмцами въ Гердерѣ и между русскими въ Карамзинѣ". Тогдашнее положеніе Египта навело его на мысль: „Старый Египетъ опять является первою просвѣщенною страною въ Африкѣ и Азіи. Можетъ быть и турокъ судьба забросила въ Европу для того, чтобы они сдѣлались кондукторами европеизма на Востокѣ".

Но любимымъ предметомъ размышленій Погодина было прошедшее, настоящее и будущее Россіи. „Намедни я думалъ о томъ, что у насъ нѣтъ средняго состоянія, которое вездѣ производило революцію, что у насъ крестьянинъ можетъ сдѣлаться дворяниномъ". Относительно крестьянъ Погодинъ, по крайней мѣрѣ, въ 1826 году утверждалъ, что они „до тѣхъ поръ не станутъ людьми, пока не приневолятъ ихъ къ тому. Войдите въ ихъ хижины, распорядите ихъ бытъ, научите работѣ и вы увидите, что будетъ изъ сихъ вандаловъ. Въ исторію скоро войдутъ, въ число доказательствъ доказательства а priori, о которыхъ не смѣли думать смѣлые Шлецеры. Удивителенъ русскій народъ, но удивителенъ только еще въ возможности. Въ дѣйствительности онъ низокъ, ужасенъ и скотенъ. Что можно изъ него сдѣлать! Какъ Петръ могъ произвесть такую реформу. Чтеніе сочиненія г-жи Сталь о революціи навело Погодина на слѣдующія размышленія: Читая сочиненія г-жи Сталь о революціи, онъ столкнулся съ мыс-

лями, схожими съ своими. „Я давно уже“, — писалъ онъ по этому поводу,— „раздѣлилъ россійскую исторію на два періода. Первый—феодализмъ съ Рюрика, второй деспотизмъ съ Іоанна III. Третьему сѣмя положено 14 декабря. Первое европейское явленіе Россіи было въ 1812 году. Дотолѣ дѣйствія ея были частныя. Іоаннъ III утвердилъ самодержавіе, а первый прочный шагъ къ нему сдѣланъ за 150 лѣтъ до него Іоанномъ Калитою въ Москвѣ, а Калита сдѣлалъ сей шагъ только при помощи Монголовъ, а Монголы могли пособлять ему только по покореніи Россіи, а Россія покорена (отчасти) отъ раздѣленія на удѣлы, и такъ изъ самаго феодализма чрезъ многіе процессы родился деспотизмъ. Къ новой перемѣнѣ шагъ сдѣланъ 14 декабря, и сіе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III. Чудится мнѣ, что и династіи имѣютъ извѣстное отношеніе къ эпохамъ: феодализму, деспотизму и представительному образу правленія Въ россійской исторіи я вижу это ясно: мы переживаемъ вторую эпоху, и вторая династія у насъ царствуетъ. Рюрикова династія жила въ феодализмѣ и совершила оный деспотизмъ. Вторая династія приняла въ руки свои деспотизмъ... Замѣтимъ, что косвенно прямые Рюрикова потомки, коихъ было очень много при началѣ сей второй династіи какъ-то случайно отстранились съ феодальною своею кровью... Зайдя однажды въ Кремль, Погодинъ думалъ, что Іоаннъ, смотря на комету, долженъ оборотиться на Архангельскій Соборъ: тамъ *хоронятся* цари“ [32]).

Шиллеръ и Гете въ это время также занимали умъ и сердце Погодина, а въ особенности Шиллеръ. Думая однажды о путешествіи, онъ восклицалъ: „Духъ Шиллера! Носись надо мною. Сижу на его могилѣ“ [33]). Кстати здѣсь замѣтимъ, что путешествіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ было любимою мечтою Погодина. Наконецъ въ 1825 году Совѣтъ Университета при содѣйствіи ректора Антонскаго назначилъ Погодина отправить въ чужіе края для занятій всеобщею исторіею [34]), но любимая мечта его въ это время разлетается въ прахъ.

Попечитель А. А. Писаревъ сообщаетъ ему слѣдующую бумагу, полученную имъ отъ министра Шишкова. „По представленію вашего превосходительства отъ 26 января 1826 г. вносилъ я въ Комитетъ гг. министровъ записку объ отправленіи магистра Погодина въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. Нынѣ Комитетъ далъ знать, что оный полагалъ таковое представленіе мое утвердить, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе. Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ при подписаніи журнала изъяснилъ, что „нѣтъ пользы посылать сего магистра въ чужіе края для окончанія наукъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, а удобнѣе въ университетѣ можно дать то образованіе, которое правительству угодно будетъ". Съ симъ мнѣніемъ согласились министръ юстиціи и начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества.

Въ засѣданіи 16 марта объявлено комитету, что государь императоръ высочайше утверждаетъ мнѣніе главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ и согласившихся съ нимъ членовъ комитета. А между тѣмъ единственнымъ желаніемъ Погодина было то, чтобы, воспользовавшись уроками европейскихъ ученыхъ и мѣстными наблюденіями, доказать въ свое время сколь возможно болѣе и достойнѣе пламенную его преданность Московскому университету и благодарность достопочтеннымъ его наставникамъ; а потому отказъ въ путешествіи „ошеломилъ" его, но попечитель ободрялъ его надеждою на Карамзина и Жуковскаго. За разсѣяніемъ своей печали онъ ходилъ къ Трубецкимъ. Но если не удалось Погодину въ это время побывать на могилѣ Шиллера, то письма послѣдняго были въ рукахъ его и онъ читалъ ихъ съ увлеченіемъ. „Какіе обширные виды, замѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* по поводу этого чтенія, какія сѣмена положилъ для новой философіи этотъ человѣкъ и другіе. Чрезъ нихъ какъ по лѣстницѣ можно дойти до нея. Я чувствую это по себѣ. У Шиллера я нашелъ свои мысли". Погодинъ не только увлекался Шиллеромъ, но даже стремился быть ему подобнымъ

и находилъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, сходство между собою и Шиллеромъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи его *Дневника:* „Радъ былъ, находя въ Шиллерѣ, что у него мысли уяснялись не прежде, какъ начиналъ онъ писать. У меня также. Читалъ біографію его и воспламенялся. Когда я буду Шиллеромъ? Безпрестанно справлялся, въ какомъ году какую трагедію онъ написалъ“ [35]).

IV.

Дѣвичье поле, нынѣ застроенное разными зданіями, совершенно утратило свой пустынный, историческій, а слѣдовательно и поэтическій характеръ, и переѣздъ на него съ Пречистенки совсѣмъ не чувствителенъ; но въ 1826 году это приснопамятное поле вполнѣ сохраняло свой первоначальный видъ, такъ что москвичи уединялись туда какъ-бы въ Подмосковную. Трубецкіе имѣли тамъ свою дачу и въ 1826 году въ ожиданіи коронаціи измѣнили своему Знаменскому, поселившись на лѣто подъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Въ началѣ мая Погодинъ получилъ приглашеніе отъ Трубецкихъ провести съ ними лѣто. Приглашеніемъ этимъ онъ воспользовался съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо привязанность его къ княжнѣ Александрѣ Трубецкой все болѣе и болѣе возрастала. „Наконецъ, я на чистомъ воздухѣ, — съ восторгомъ записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ,* —веселъ и спокоенъ. Гуляю много съ ними и любуюсь ею. Смотрю на траву, на деревья, на небо. Слушаю соловья. Прочелъ имъ почти всего Жуковскаго, Пушкина“. Онъ былъ въ самомъ поэтическомъ, восторженномъ настроеніи духа и, слушая пѣніе княжны Аграфены Ивановны, замышлялъ стихотвореніе. „Душа моя,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—созрѣла, чувство созрѣло. Ахъ, дайте мнѣ любви!“ Тогда же у него явилась мысль запечатлѣть свой образъ въ потомствѣ, и онъ „началъ писать портретъ свой для потомства“, и при

этомъ почему-то „смѣялся надъ разительнымъ сходст
Но въ то время, когда онъ блаженствовалъ подъ вичьемъ монастыремъ, въ Петербургѣ 22 мая 1826 скончался Карамзинъ. Это горестнѣйшее извѣстіе Погод получилъ отъ Мерзлякова. „Миръ праху твоему, мужъ кр кій, человѣколюбивый. Будь ангеломъ хранителемъ, будь хомъ нашего просвѣщенія“. Такъ оплакивалъ онъ кончи Карамзина; но при этомъ у него мелькнула мысль, „чт еслибы мнѣ поручили окончить главу и издать *XII-й томъ*“.— „Нѣтъ, — меланхолически замѣчаетъ Погодинъ, — Блудову“, и при этомъ онъ возмущается глупыми сужденіями о Карамзинѣ, которыя ему довелось слышать и образчикъ которыхъ онъ приводитъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Не онъ одинъ писалъ Исторію, писали и другіе; но онъ подробнѣе. Правда и то, что у него источники были такіе, какихъ у другихъ не было. Сравните Карамзина съ Несторомъ. Какой варварскій языкъ у втораго и какой прекрасный у перваго, и тому подобныя глупости“ [36]). Но у Погодина въ это время явился невѣдомый ему поклонникъ нѣкто курскій помѣщикъ Германъ, который изъ своего села Генеральщины Дмитровскаго уѣзда Курской губерніи написалъ ему письмо, конечно, пріятное: „Читалъ книгу вашу о *Происхожденіи Руси* съ живѣйшимъ любопытствомъ. На всякой страницѣ встрѣчалъ для себя новое. Многаго, по невѣжеству, не понималъ; но что понималъ, то находилъ прекраснымъ; образъ изложенія, силу слога, убѣдительность доводовъ противъ историческаго суевѣрія и вольнодумства и скромность любезнаго автора. Я читалъ также съ большимъ удовольствіемъ статьи ваши въ *Сѣверномъ Архивѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Патріотическое сердце мое радуется вашимъ трудамъ и талантамъ, предвидя въ немъ замѣну великой потери, которую исторія и словесность теперь оплакиваютъ. 11 томовъ исторіографа не удовлетворяютъ еще совершенно ожиданіямъ публики. Да приметъ любезный авторъ трактата о *Происхожденіи Руси* сей долгъ въ наслѣдство, да увѣнчается славою своего пред-

и находилъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, сходство между собою и Шиллеромъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи его *Дневника:* „Радъ былъ, находя въ Шиллерѣ, что у него мысли уяснялись не прежде, какъ начиналъ онъ писать. У меня также. Читалъ біографію его и воспламенялся. Когда я буду Шиллеромъ? Безпрестанно справлялся, въ какомъ году какую трагедію онъ написалъ“ [35]).

IV.

Дѣвичье поле, нынѣ застроенное разными зданіями, совершенно утратило свой пустынный, историческій, а слѣдовательно и поэтическій характеръ, и переѣздъ на него съ Пречистенки совсѣмъ не чувствителенъ; но въ 1826 году это приснопамятное поле вполнѣ сохраняло свой первоначальный видъ, такъ что москвичи уединялись туда какъ-бы въ Подмосковную. Трубецкіе имѣли тамъ свою дачу и въ 1826 году въ ожиданіи коронаціи измѣнили своему Знаменскому, поселившись на лѣто подъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Въ началѣ мая Погодинъ получилъ приглашеніе отъ Трубецкихъ провести съ ними лѣто. Приглашеніемъ этимъ онъ воспользовался съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо привязанность его къ княжнѣ Александрѣ Трубецкой все болѣе и болѣе возрастала. „Наконецъ, я на чистомъ воздухѣ,—съ восторгомъ записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ,*—веселъ и спокоенъ. Гуляю много съ ними и любуюсь ею. Смотрю на траву, на деревья, на небо. Слушаю соловья. Прочелъ имъ почти всего Жуковскаго, Пушкина“. Онъ былъ въ самомъ поэтическомъ, восторженномъ настроеніи духа и, слушая пѣніе княжны Аграфены Ивановны, замышлялъ стихотвореніе. „Душа моя,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—созрѣла, чувство созрѣло. Ахъ, дайте мнѣ любви!“ Тогда же у него явилась мысль запечатлѣть свой образъ въ потомствѣ, и онъ „началъ писать портретъ свой для потомства“, и при

этомъ почему-то „смѣялся надъ разительнымъ сходствомъ". Но въ то время, когда онъ блаженствовалъ подъ Дѣвичьемъ монастыремъ, въ Петербургѣ 22 мая 1826 года скончался Карамзинъ. Это горестнѣйшее извѣстіе Погодинъ получилъ отъ Мерзлякова. „Миръ праху твоему, мужъ кроткій, человѣколюбивый. Будь ангеломъ хранителемъ, будь духомъ нашего просвѣщенія". Такъ оплакивалъ онъ кончину Карамзина; но при этомъ у него мелькнула мысль, „чтó еслибы мнѣ поручили окончить главу и издать *XII-й томъ*".— „Нѣтъ, — меланхолически замѣчаетъ Погодинъ, — Блудову", и при этомъ онъ возмущается глупыми сужденіями о Карамзинѣ, которыя ему довелось слышать и образчикъ которыхъ онъ приводитъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Не онъ одинъ писалъ Исторію, писали и другіе; но онъ подробнѣе. Правда и то, что у него источники были такіе, какихъ у другихъ не было. Сравните Карамзина съ Несторомъ. Какой варварскій языкъ у втораго и какой прекрасный у перваго, и тому подобныя глупости"[36]). Но у Погодина въ это время явился невѣдомый ему поклонникъ нѣкто курскій помѣщикъ Германъ, который изъ своего села Генеральщины Дмитровскаго уѣзда Курской губерніи написалъ ему письмо, конечно, пріятное: „Читалъ книгу вашу о *Происхожденіи Руси* съ живѣйшимъ любопытствомъ. На всякой страницѣ встрѣчалъ для себя новое. Многаго, по невѣжеству, не понималъ; но чтò понималъ, то находилъ прекраснымъ; образъ изложенія, силу слога, убѣдительность доводовъ противъ историческаго суевѣрія и вольнодумства и скромность любезнаго автора. Я читалъ также съ большимъ удовольствіемъ статьи ваши въ *Сѣверномъ Архивѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Патріотическое сердце мое радуется вашимъ трудамъ и талантамъ, предвидя въ немъ замѣну великой потери, которую исторія и словесность теперь оплакиваютъ. 11 томовъ исторіографа не удовлетворяютъ еще совершенно ожиданіямъ публики. Да приметъ любезный авторъ трактата о *Происхожденіи Руси* сей долгъ въ наслѣдство, да увѣнчается славою своего пред-

шественника, и да утѣшитъ сограждан̆ъ, довершивъ знаменитое его творенiе. Со всею скромностью вашею, кажется, вы въ томъ успѣете. Понимается, что мы имѣемъ право на сей часъ осудить васъ на сей безсмертный трудъ, что онъ потребуетъ много и весьма много времени и бо́льшихъ средствъ, какiя, можетъ быть, теперь не въ рукахъ вашихъ, но я утѣшаюсь надеждою въ томъ и другомъ случаѣ: небо пошлетъ вамъ жизнь, а отечество дастъ средства. Кажется, до временъ Елисаветы историкъ можетъ сохранить безпристрастiе. Но, впрочемъ, и одна Исторiя Петра I-го приведетъ его къ безсмертiю. Есть одна глупая книга *Зерцало* Мальгина; но можно удивляться съ какою смѣлостью и истиною сочинитель говорилъ о Аннѣ Ивановнѣ и мощномъ ея любовникѣ. Черезъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, стало, можно себѣ позволить еще болѣе правосудiя. Карамзинъ гдѣ-то сказалъ: „о временахъ Петра Великаго и Анны Ивановны мы многое слыхали отъ отцовъ нашихъ, чего нѣтъ въ книгахъ". Неужели онъ унесъ сiи слухи въ могилу? Неужели не оставилъ матерiаловъ для новѣйшей исторiи? Онъ, который такъ хорошо чувствовалъ затрудненiя историка при бѣдности лѣтописей? Нѣтъ у него вѣрно остались записки: слѣдственно есть и фунда ментъ для будущаго архитектора" [37]). Карамзинъ не вых дилъ изъ головы Погодина и онъ „долго думалъ о сочинен Жизни Карамзина, за которую, говоритъ онъ въ *Дневник* „примусь непремѣнно, если не вздумаетъ самъ Вяземскiй Самъ Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Читая журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская д не принесетъ достойной дани его памяти. Отечество въ п отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это детъ 13-й томъ Русской Исторiи. Карамзинъ принадле Исторiи. Но скажи все". Но Карамзинъ былъ для Пог величина отвлеченная, живымъ же идеаломъ для него княжна Александра Трубецкая. Оплакивая Карамзина

помнимъ слова любезнаго ему Шиллера, переданныя на н. языкъ Жуковскимъ:

Все великое земное
Разлетается, какъ дымъ:
Нынѣ жребій выпалъ Трои,
Завтра выпадетъ другимъ...
Смертной силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся живущій.

И Погодинъ дѣйствительно въ это время, какъ живущій, жизнью пользовался; а потому вмѣсто Карамзина онъ принялся писать біографію княжны Александры Трубецкой, сокрывъ ея имя подъ именемъ Адели, съ которою онъ подъ дѣвичьемъ „подслушивалъ въ аллеѣ соловья, распѣвающаго посреди всеобщей тишины“. Подъ давленіемъ сильнаго впечатлѣнія Погодинъ прочелъ сестрѣ своей героини, тоже въ то время невѣстѣ, стихотвореніе Пушкина *Адели:*

Играй, Адель,
Не знай печали,
Хариты, Лель
Тебя вѣнчали
И колыбель
Твою качали.
Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!
Младыя лѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

Когда Погодинъ прочелъ это стихотвореніе, то княжна Аграфена Ивановна сказала ему: „это наша Сашенька“. За обѣдомъ, свидѣтельствуетъ онъ, княжна Александра „была въ самомъ дѣлѣ Аделью, въ бѣломъ платьецѣ. Я люблю ее“. Гуляю по саду, Погодину пришла мысль напи-

сать ея біографію. Не долго думая, онъ въ тотъ же день приступилъ къ этому дѣлу. „О, женщины“! восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „біографія *Адели* окончится семнадцатымъ годомъ. Бойтесь, юноши, она является, и въ заключеніе *люби*, *Адель*, *мою свирѣль*. Радъ былъ, что Ал. Ив. понимаетъ хорошія мысли. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ по саду“. Потомъ Погодинъ водилъ княженъ въ Новодѣвичій на могилу матери Жуковскаго [38]). Познакомимся теперь съ самою повѣстью *Адель*, которая по своему содержанію заключаетъ въ себѣ обильный автобіографическій матеріалъ, такъ какъ въ ней отражается внутренній міръ самого Погодина, и вмѣстѣ съ тѣмъ начертанъ портретъ его героини, княжны Александры Трубецкой. „Въ ея походкѣ, въ ея движеніяхъ — поэзія! Голосъ мягкій, сладкій. Когда она говоритъ, такъ пріятно отзывается въ ушахъ моихъ. Однакожъ странно! Многіе утверждаютъ, что она нехороша собою. И носъ широкъ, и лобъ великъ. Невѣжи! Только мнѣ она показываетъ красоту свою. Я вижу ее, я одинъ достоинъ покланяться ей!“ Отношенія Адели къ герою повѣсти изображаются такъ: „Нѣтъ, она не чувствуетъ ко мнѣ этой пламенной дружбы, которой жаждетъ душа моя, она не любитъ меня. Адель только что привыкла ко мнѣ. Ей нравится мой образъ мыслей; ей пріятно говорить со мною — и только. Правда, взоръ ея часто обращается на меня съ нѣжностію. Иногда радуется она моему явленію очень мило, прощается со мною очень нѣжно. Когда-то я сказалъ ей, что стѣна между нами поднимается выше и выше. Нѣтъ, это только застава, отвѣчала она, чрезъ которую мы проложимъ путь“. Наконецъ, герой нашъ рѣшается объясниться съ Аделью въ любви. „Какъ мнѣ этого хочется! Но все не смѣю. Рѣшительный у себя, я робѣю передъ нею“. Онъ находитъ и самый языкъ недостаточнымъ для подобныхъ объясненій, а потому взываетъ: „Ахъ, дайте, дайте мнѣ другую неземную азбуку“. Однажды послѣ ужина вмѣстѣ съ гостями они пошли въ садъ слушать соловья. „Пріятная минута! Все

было тихо; мы впереди другихъ приближались къ нему на цыпочкахъ въ темной аллеѣ. Вотъ звуки вдругъ раздадутся на всю рощу, и вдругъ опять благоговѣйное безмолвіе. Какъ мнѣ хотѣлось поцѣловать мою Адель!“

„На каждомъ шагу природа представляетъ удовольствіе человѣку, и какъ мало онъ пользуется имъ, ожесточенный! Ночь, синій сводъ. осыпанный сверкающими алмазами, полный свѣтлый мѣсяцъ, дробящійся между древесными вѣтвями, воздухъ благоухаетъ, тишина въ природѣ, а душа всего— Адель“. Герой нашъ говоритъ съ Аделью о путешествіи. „Всѣмъ прекраснымъ мы насладимся, всему великому мы поклонимся. Гробница Шиллера и Гердера, лекціи Шеллинга, Мадонна Рафаэлева, нѣмецкая литература, французскія палаты, спектакли, улица Побѣды, Лондонская гавань, мирное жилище Вальтеръ Скотта, чугунныя дороги, Ланкастерскія школы, восхожденіе солнца на Альпійскихъ горахъ, вечерняя прогулка по Женевскому озеру, Венера Медицейская, вѣчный Римъ, Этна, лавръ Вергиліевъ, Тайная вечеря Леонардо да—Винчи, развалины Помпеи, Храмъ св. Петра. Мы перечувствуемъ всю исторію, мы переживемъ всю жизнь. Религія, жизнь семейственная, жизнь гражданская, царство промышленности, царство изящнаго представятся удивленнымъ взорамъ нашимъ. А мѣста благородныхъ усилій, освященныя кровавымъ потомъ, горючими слезами великихъ мыслителей,— это ива Шекспира, этотъ чердакъ Руссо, или темницы Лютера, Галилея, Данта. Но развѣ мы ограничимся одною Европою... Мы увидимъ водопадъ Ніагарскій, дремучіе лѣса, многоводныя рѣки и недосягаемыя горы юной природы Американской, и степенный Египетъ, и поэтическую Индію съ сѣдовласыми браминами, и Аравійскія пустыни, и Іерусалимъ, естественную столицу міра по вѣрному выбору Наполеона, седмихолмный Константинополь, средоточіе Европы, Азіи и Африки. И, наконецъ, Виѳлеемъ, Голгоѳу, Святая Святыхъ, небо, землю!“ По возвращеніи въ отечество, герой нашъ мечталъ вмѣстѣ съ Аделью поселиться „въ деревнѣ на берегу Волги“ и при

томъ сознается, что „мысль о сельской жизни даже пріят-
нѣе путешествія моему воображенію, и ни о чемъ еще не мечталъ я такъ сладостно! Вдали отъ суетъ, недостойныхъ человѣка, будемъ мы жить мирно и спокойно въ нашемъ заповѣдномъ уединеніи, наслаждаться любовію и съ благоговѣніемъ созерцать истинное, благое и прекрасное въ природѣ, наукѣ и искусствѣ. Я буду набожно вопрошать всемірныхъ оракуловъ, вникать въ ихъ многозначущія завѣщанія, и, можетъ быть,—мечта сладостная, — творческія думы созрѣютъ, по выраженію поэта, въ душевной глубинѣ, и я самъ по священному слѣду успѣю стереть какое-нибудь пятно на скрижаляхъ ума человѣческаго, или напечатлѣть новую истину въ поученіе современниковъ и потомства". Времяпрепровожденіе въ деревнѣ герой нашъ въ своемъ воображеніи начерталъ такимъ образомъ: „По утру, прогулявшись по рощамъ и долинамъ, освѣжась чистымъ воздухомъ, принимаюсь я за работу въ своемъ кабинетѣ, пишу, читаю цѣлые часы безъ всякой помѣхи. Предъ обѣдомъ ко мнѣ приходитъ Адель съ Эмилемъ на рукахъ и разсказываетъ о его первой улыбкѣ,—разцѣловавъ ихъ обоихъ, я показываю ей драгоцѣнности, собранныя на днѣ исканія... Опять гуляемъ. Посл простаго, вкуснаго обѣда, отдохнувъ, мы воспоминаемъ о н шемъ путешествіи, или учимся языкамъ, или говоримъ жизни Александровъ, Фридриховъ, Петровъ, или читае Руссо, Карамзина, Байрона, Окена, Клопштока... Какіе бесѣдники вмѣсто дюжинныхъ посѣтителей призраковъ лицы!... Устами великихъ учителей я посвящу мою Адел таинства науки... А друзья, которые подъ часъ прі посѣтить насъ съ новыми звуками русской лиры, прои ніями русскаго ума, новыми указами, залогами отече наго счастія. Вотъ ужъ тогда отъ души мы выпьемъ, по полному бокалу шампанскаго! Да, непремѣнно е добно завести у себя вѣрнѣйшіе портреты великихъ копіи съ изящнѣйшихъ произведеній ваянія и живопис всякимъ взглядомъ въ нашемъ домѣ изощрялся вкусъ

шалась душа“ [39]). Этими пространными выписками мы, к жется, достаточно познакомили нашихъ читателей съ идеями Погодина. Повѣсть эта понравилась Веневитинову, который по поводу ея писалъ ему: „Повѣсть ваша мнѣ очень нравится, она была бы еще занимательнѣе, была бы прекраснымъ маленькимъ романомъ, еслибъ характеры были болѣе развиты. Поздравляю васъ съ прекраснымъ утромъ, а самъ иду спать“. Погодинъ, будучи въ это время поглощенъ предметомъ своего поклоненія, повидимому, не охотно принималъ посѣщавшихъ его товарищей. По крайней мѣрѣ, по поводу посѣщенія Загряжскаго онъ замѣтилъ, что „пріѣхалъ не встати“; но тѣмъ не менѣе отправился съ нимъ въ Дѣвичій монастырь и тамъ „поклонился матери Жуковскаго ея сыномъ“. Посѣщалъ его также и Оболенскій, который вмѣстѣ съ нимъ ходилъ въ тотъ же Дѣвичій монастырь, и разъ какъ-то онъ указалъ Погодину на слѣдующую гробовую надпись: „Подъ симъ камнемъ лежитъ его превосходительства господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника такого-то крѣпостной человѣкъ“. По этому поводу Погодинъ пожелалъ покойному: „Sit tibi terra levis“. 19 іюня 1826 года ему пришлось разстаться съ Дѣвичьимъ Полемъ и ѣхать къ Малиновскимъ въ Лунево; весь вечеръ проговорилъ съ княжною Александрою, что̀ будетъ дѣлать тамъ. Наконецъ, наступилъ часъ разлуки. „Тронутый“ прощаніемъ, герой нашъ выѣхалъ съ Дѣвичьяго Поля, но по возвращеніи въ Москву узналъ, что Малиновскіе отложили свой отъѣздъ въ деревню; а между тѣмъ ему совѣстно было вернуться къ Трубецкимъ, а потому онъ остался въ Москвѣ и имѣлъ утѣшеніе видѣться съ Веневитиновымъ. Но желаніе видѣть княжну Александру побѣдило въ немъ чувство робости, и онъ вернулся къ Трубецкимъ, которые, впрочемъ, были ему „рады“. Онъ прогостилъ у нихъ до 27 іюня, читая предмету своего поклоненія *Донъ-Карлоса*, и это чтеніе вызвало слѣдующее замѣчаніе княжны Александры

Ивановны: „Можно безъ любви къ той и той знать любовь, любить безусловно. Вотъ піитическая любовь“ [40]).

V.

Въ концѣ іюня 1826 года Погодинъ вмѣстѣ съ Малиновскимъ поѣхалъ въ ихъ Лунево. Сельскій воздухъ и хлѣбосольство хозяевъ подѣйствовали на него благодѣтельно; между тѣмъ, душа его была преисполнена любви „Я люблю, а не живу“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, и при этомъ у него явилась мысль написать шесть писемъ о любви, въ которыхъ намѣревался развить: „первое — потребность любить, любовь піитическая, душа созрѣла. Второе—явился предметъ любви. Третье — когда я не вижу ее, тогда хочется имѣть ее. Хочу дѣлать то-то, то-то и то“. Но при этомъ, какъ бы испугавшись, Погодинъ восклицаетъ: „Прочь мысль недостойная: ей надобно только поклоняться“. Затѣмъ онъ взываетъ къ слову: „О слово! зачѣмъ ты не можешь выразить ея. Ты, музыка, скажи звуками. Душа не нашла еще языка. Сойди, Меркурій, на землю, изобрѣти намъ эту святую азбуку, которая перемѣнитъ лицо земли и рода человѣческаго. Любовь найдетъ эту азбуку“. Находясь въ такомъ настроеніи, Погодина очень естественно тянуло на Дѣвичье поле, гдѣ процвѣталъ его живой идеалъ. Но въ Луневѣ у него явилась мысль перевести твореніе Гете *Гецъ фонъ-Берлихенгенъ*, что онъ вскорѣ и исполнилъ. 2 іюля 1826 года Погодинъ разстался съ Луневымъ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ видѣлся съ Кубаревымъ, Мерзляковымъ и Антонскимъ. Съ Кубаревымъ бесѣдовалъ „о заговорщикахъ“ а съ Мерзляковымъ и Антонскимъ объ университетскихъ дѣлахъ. Въ Москвѣ же онъ видѣлся съ Веневитинымъ и говорилъ съ нимъ о Давыдовѣ и Хомяковѣ [41]). Но прежде чѣмъ послѣдуемъ мы за нашимъ героемъ на Дѣвичье поле, скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательномъ человѣкѣ, который впервые является на страницахъ нашего повѣствованія и который

до конца своей жизни былъ связанъ съ Погодинымъ узами тѣснѣйшей дружбы. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ родился въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ приходѣ Егорія, что на Всполье *), въ 1804 году, 1 мая, на день пророка Іереміи. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, Хомяковъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянству и предковъ своихъ зналъ на перечетъ лѣтъ за 200 въ глубь старины. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенно милостивъ къ одному изъ его предковъ, Петру Семеновичу, который былъ царскимъ подсокольничьимъ, и царь писалъ къ нему письма, уцѣлѣвшія въ ихъ родовомъ архивѣ [42]). Отецъ Хомякова весною 1822 года привезъ своего сына въ Новоархангельскъ Херсонской губерніи для опредѣленія на службу въ кирасирскій полкъ и поручилъ его командиру этого полка графу Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену, который принялъ юношу Хомякова, какъ сына. По свидѣтельству графа Остенъ-Сакена, „въ физическомъ, нравственномъ и духовномъ воспитаніи Хомяковъ былъ едва-ли не единица. Образованіе его было поразительно превосходно, и я во всю жизнь свою не встрѣчалъ ничего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ. Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія! Онъ не увлекся направленіемъ вѣка къ поэзіи чувственной. У него все нравственно, духовно, возвышенно. Ѣздилъ верхомъ отлично. Прыгалъ чрезъ препятствія въ вышину человѣка. На эспадронахъ дрался превосходно. Обладалъ силою воли, не какъ юноша, но какъ мужъ, искушенный опытомъ. Строго исполнялъ всѣ посты по уставу Православной Церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія. Въ то время было уже значительное число вольнодумцевъ, деистовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ Церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяковъ внушалъ къ себѣ такую любовь и уваженіе, что никто не позволялъ себѣ коснуться его вѣрованія. Онъ не позволялъ себѣ внѣ

*) Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ нашему почтенному ученому, Геннадію Ѳедоровичу Карпову.

ɩ употреблять одежду изъ тонкаго сукна, даже дома, ргнулъ позволеніе носить жестяныя кирасы, вмѣсто ныхъ полупудоваго вѣса, несмотря на малый ростъ и иду слабое сложеніе. Относительно терпѣнія и перенесе- физической боли обладалъ онъ въ высшей степени спар- скими качествами". Хомяковъ не болѣе года оставался ъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена и былъ переведенъ лейбъ-гвардію конный полкъ [43]); 1825 и начало 1826 да провелъ въ путешествіяхъ по чужимъ краямъ. Дви- женіе, овладѣвшее въ то время петербургскою военною моло- дежью, прошло мимо Хомякова. „Какіе безумцы!", писалъ ему въ Парижъ изъ Петербурга его братъ Ѳедоръ Степа- новичъ (отъ 24 декабря), о *14 декабрѣ*. „Они не знаютъ ни отечества своего, ни духа народнаго. Впрочемъ, надобно при- знаться, что не всѣ одобряли послѣдняго мятежа, не всѣ даже знали напередъ, что онъ будетъ... Въ этомъ сумасброд- номъ предпріятіи гораздо меньше показано геройства, нежели можно было ожидать. Государь одинъ всѣхъ удивлялъ. Его до сихъ поръ никто не зналъ; онъ передъ мятежниками по- казывалъ чудеса хладнокровія и храбрости: одинъ останав- ливалъ кровопролитіе и до послѣдней минуты старался ихъ увѣщать. Цѣлую ночь давалъ онъ приказанія и дѣлалъ до- просы съ присутствіемъ духа, которое показалось бы рѣдкимъ и въ человѣкѣ, давно привыкшемъ къ дѣламъ и опасностямъ. Замѣть, я пишу это не по почтѣ, слѣдовательно, не принуж- денъ скрывать истинныхъ чувствъ своихъ" [44]). Хомяковъ жилъ долго и уединенно въ Парижѣ, много занимался живописью и писалъ трагедію свою *Ермакъ*. На обратномъ пути въ Россію въ 1826 году онъ объѣхалъ земли западныхъ сла- вянъ [45]) и съ *Ермакомъ* въ томъ же году пріѣхалъ въ Мо- скву. Познакомившись съ Хомяковымъ, мы послѣдуемъ за Погодинымъ на Дѣвичье поле, который вскорѣ по пріѣздѣ туда, получилъ отъ Веневитинова *Ермака* Хомякова. По про- чтеніи, онъ сдѣлалъ объ этой трагедіи слѣдующее замѣчаніе: Многія мѣста истинно піитическія. Хомяковъ напитанъ

духомъ Шиллера; но стихосложеніе большею частію дурно". Въ домѣ Трубецкихъ весьма интересовались явленіями русской литературы, и княжна Александра Трубецкая даже разсердилась на Погодина за то, что онъ не прочелъ *Ермака* ей первой [46]).

Въ то время, когда сердце нашего героя было преисполнено любви, неумолимая исторія шествовала своимъ царственнымъ путемъ, и изъ Царскаго Села 13 іюля 1826 года раздался гласъ ея: „Верховный уголовный судъ, составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчены, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволили, обращены нами къ надлежащему исполненію и изданы во всеобщее извѣстіе. Такимъ образомъ, дѣло, которое мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся. Не въ свойствахъ, не въ нравахъ русскихъ былъ сей умыселъ. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя Русское измѣною Престолу и Отечеству. Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы". Въ заключеніи мы читаемъ слѣдующія трогательныя строки воцарившагося Божіею Милостію Самодержца, ковчега нашего спасенія: „Наконецъ, склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отстали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, мы вмѣняемъ себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій" [47]). Прискорбное событіе 14 декабря произвело на

нашего героя сильное впечатлѣніе, долго не выходило изъ его головы и порождало размышленія. Но вотъ что́ писалъ ему одинъ изъ его товарищей, нѣкто Шипулинъ изъ отдаленнаго Тифлиса: „Что́ чуется и что́ дѣлается о бунтовавшихъ петербургскихъ? Вотъ до чего дошла внутренняя Россія? Не стыдно ли кореннымъ жителямъ, побѣдителямъ и властелинамъ всей Европы? Въ Грузіи все тихо, спокойно, благополучно отъ сихъ происшествій не смотря на отдаленность, недавно пріобрѣтенность и на множество иновѣрцевъ“ [48]). Эти строки могутъ служить укоромъ декабристамъ и оправданіемъ Карамзина. Обнародываніе Донесенія Слѣдственной Коммиссіи Погодинъ находилъ неосторожностью правительства, такъ какъ оно, по убѣжденію его, бросало „сѣмя революціи во мнѣніи народа“. Вѣсть о казни „какъ громомъ поразила Погодина“, и онъ не могъ заснуть „до третьго часа“, и ему все мерещились висѣлица, каторга.

Чувствами и мыслями своими по этому поводу онъ дѣлился и съ Кубаревымъ, и съ Трубецкими, и съ Веневитиновымъ „Пріѣзжалъ Веневитиновъ“ отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „всѣ жены ѣдутъ на каторгу. Это дѣлаетъ честь вѣку“ 19 іюля 1826 года, въ Чудовѣ монастырѣ божественну литургію совершалъ архіепископъ Филаретъ; по совершені же литургіи со кресты пошли на кремлевскую площадь, гд въ присутствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, велика князя Михаила Павловича, великой княгини Елены Павлов отправленъ былъ архіепископомъ благодарственный молебен „за избавленіе отъ крамолы, угрожавшей бѣдствіемъ все Россійскому государству“ [49]). Въ числѣ молящихся былъ Погодинъ, и вотъ что записалъ въ *Дневникѣ*: „Сѣрки наш крестятся, когда звонятъ въ колокола, и восклицаютъ: Матушка наша Государыня, когда Марія Ѳеодоровна раскланивалась по сторонамъ“ [50]).

VI.

16 іюля 1826 года выѣхалъ изъ Царскаго Села императоръ Николай I въ Москву для священнаго коронованія и 21-го прибылъ въ Петровскій дворецъ. Въ это же почти время возвратился въ Москву и Погодинъ, размышляя о странныхъ явленіяхъ въ свѣтѣ. „Здѣсь", думалъ онъ, „вѣшаютъ на висѣлицѣ энтузіаста, тамъ солдаты собираютъ сумму и посылаютъ отъ своего имени пушку грекамъ, тамъ дѣлаютъ опыты надъ паровыми ружьями, тамъ жгутъ Руссо и Вольтера, рѣжутъ янычаръ"; 25 іюля происходилъ торжественный въѣздъ императора въ древнюю столицу. Многія тысячи сопровождали это царственное шествіе отъ Петровскаго Дворца до самаго Кремля [51]). Въ числѣ этихъ тысячей находился и Погодинъ, который примѣтилъ, что „государь былъ пасмуренъ, государыня худа, мальчикъ хорошъ". Въ ожиданіе коронаціи Погодину вздумалось съѣздить въ Нижній на ярмарку. Взявъ отпускъ у „пасмурнаго" Антонскаго, онъ отправился искать попутчика. Отъ купца Ширяева онъ узналъ, что на ярмарку ѣдетъ его подрядчикъ, и онъ уговорился съ нимъ ѣхать. Наканунѣ Преображенія выѣхалъ изъ Москвы, но пробылъ на ярмаркѣ всего только три дня, торопясь обратно къ коронаціи. На дорогѣ онъ разговорился со своимъ ямщикомъ о 1812 годѣ. „Вотъ Французъ", сказалъ ямщикъ, „пришелъ въ Москву, ушелъ и Богъ знаетъ, куда дѣвался. Слѣдъ простылъ". „Онъ умеръ, другъ мой", отвѣчалъ ему Погодинъ. „А гдѣ же?" „Далеко, за моремъ, на островѣ. Его туда услали". „Давно ли?" „Лѣтъ семь". Поѣздку свою въ Нижній Погодинъ описалъ въ письмахъ къ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ; но мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ этого источника [52]).

Наконецъ, наступило 22 августа 1826 года, день Священнаго Коронованія. При вступленіи Императора въ Успенскій Соборъ Филаретъ, въ этотъ день возведенный въ санъ митрополита, произнесъ „Благочестивѣйшій Государь! Нако-

нецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданничечкихъ желаній дерзнула бы вопрошать: по что Ты умедлилъ? еслибы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествующее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь, наконецъ, яко Царь не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго Царства.

Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея; не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву; что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона?—Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіоне возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: Благословенъ грядый Царь во имя Господне*! Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя Царствующихъ на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! Знаменіями величества облеки свойства истиннаго величества: *Помазаніе отъ Святаго* да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ“ [53]). По свидѣтельству современниковъ, рѣчь эта „тронула Монарха до слезъ“ [54]). Этотъ день своею величавостью тронулъ сердце и нашего героя. Онъ надѣлъ мундиръ и отправился въ Кремль, на который въ это время были

обращены очи всего міра. „На силу продрался“ туда. „Царь идетъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „звонъ колоколовъ, стукъ оружія, пушечные выстрѣлы, движеніе. Прекрасно. Молись, Россія! Дѣйствіе священное совершается. Какая торжественная минута!“. Но вмѣстѣ Погодина интересовали и награды, послѣдовавшія послѣ Коронаціи, по поводу которыхъ онъ замѣтилъ, что „министерство просвѣщенія осталось въ сторонѣ“. Послѣ Коронаціи послѣдовалъ въ Москвѣ цѣлый рядъ торжествъ и увеселеній; но Погодину удалось быть только на придворномъ маскарадѣ, который происходилъ 1-го сентября въ Императорскомъ Театрѣ. Еще за нѣсколько дней, онъ сталъ хлопотать о билетѣ, который помогъ ему достать Веневитиновъ; но для этого необходимо имѣть домино. „Такъ и быть“, соображаетъ Погодинъ, „его можно послѣ на подкладку“. Когда Веневитиновъ вручилъ ему билетъ, то онъ также замѣтилъ, что „паркетъ опасенъ, хотя и ступеней нѣтъ“. Но тѣмъ не менѣе Погодинъ „нарядился“ и отправился въ маскарадъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ. „Видѣлъ“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Мармона и герцога Девонширскаго. Прекрасная зала, освѣщеніе, публика. Какъ обрадовались Трубецкіе, которыхъ на-силу отыскалъ я. Прелесть Александра Ивановна“ [55]). Погодинъ остался ужинать и ночевалъ у Веневитинова, который разсказывалъ ему о княгинѣ Волконской. Пользуясь этимъ случаемъ, и намъ надлежитъ помянуть хоть нѣсколькими словами эту замѣчательную особу.

Жизнь княгини Зинаиды Александровны Волконской возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Она была дочь оберъ-шенка князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809), роднаго по матери племянника графовъ Чернышевыхъ, столь извѣстныхъ въ Елисаветинское и Екатерининское царствованія. Князь Бѣлосельскій былъ страстный любитель словесности. Онъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Мать княгини Зинаиды Александровны была Варвара Яковлевна Татищева, племянница славнаго Петра Дмитріевича Еропкина. Съ малолѣтства княгиня Вол-

конская окружена была памятниками ума и произведеніями искусства. Она вышла за-мужъ за родного внука фельдмаршала князя Репнина егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго († 1844). Ея прекрасная наружность, ея умъ и разнообразныя дарованія обратили на нее общее вниманіе при первомъ вступленіи ея въ свѣтъ. Императоръ Александръ I любилъ бывать въ ея обществѣ особенно въ Теплицѣ и въ Прагѣ въ 1813 году, потомъ въ Парижѣ, и въ эпоху конгрессовъ Вѣнскаго и Веронскаго. Блестящимъ періодомъ жизни ея были года 1813—1831 [56]). Еще Батюшковъ въ 1818 году писалъ къ Е. Ѳ. Муравьевой изъ Одессы „сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сенъ-При; она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поетъ прелестно и очень любезна“ [57]). Она знала по-гречески и по-латыни и находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ ученымъ Гульяновымъ. „Княгиню“, писалъ о ней С. Т. Шевыревъ А. В. Веневитинову, „чѣмъ ближе видишь, тѣмъ больше любишь и уважаешь. Ея стихія—Римъ. Въ ней врожденная любовь къ искусству. О, еслибы она въ молодости писала по-русски. У насъ бы поняли, въ чемъ состоитъ деликатность и эстетизмъ стиля. Она создала бы у насъ Шатобіанову прозу. Да у насъ и не понимаютъ тонкости ея выраженій: у насъ требуютъ огромнаго чего-то. Я самъ н понималъ ея прежде, ибо жилъ въ другой сферѣ. Княгиню поймешь только у нея въ гостинной, и то, когда станешь къ ней ходить чаще. Да, я къ ней приглядѣлся, что это, как сравнить ее съ другими! Какъ она выше ихъ!“

Съ 1824 по 1829 г. княгиня Волконская жила въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, который она умѣла обратить въ настоящую академію наукъ и искусствъ. Она страстно занялась русскою словесностью, изученіемъ русскихъ древностей и народнаго быта. По поводу своего избранія въ члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ княгиня написала письмо на имя предсѣдателя, въ которомъ предлагала учре-

дить при Обществѣ патріотическую бесѣду, коей главная ц: была бы знакомить иностранныя государства „съ учены. памятниками нашего Отечества“. Она украшала свой до оригиналами и копіями знаменитѣйшихъ произведеній живс писи и ваянія. Веневитиновъ, Соболевскій, Шевыревъ, По годинъ, Кирѣевскіе, Хомяковы встрѣчались на ея вечерахъ съ княземъ Вяземскимъ, Пушкинымъ, Мицкевичемъ, Баратынскимъ и другими знаменитостями. Извѣстный музыкантъ Геништа посвящалъ княгинѣ свои романсы. Наконецъ, княгиня Волконская принимала участіе въ литературныхъ упражненіяхъ архивныхъ юношей и вмѣстѣ съ ними писала повѣсти и сказки. Одно изъ такихъ произведеній, озаглавленное *Лампушки*, хранится въ семейномъ архивѣ М. А. Веневитинова; княгинѣ Волконской въ этой повѣсти принадлежитъ нѣсколько страницъ, испещренныхъ поправками С. П. Шевырева, который былъ ея домашнимъ человѣкомъ [58]).

Гостепріимный ея домъ открытъ былъ также и для нашего знаменитаго путешественника Андрея Николаевича Муравьева. „Домъ Бѣлосельскихъ“, пишетъ онъ, „былъ мнѣ особенно близокъ какъ по родственнымъ связямъ, такъ и потому, что младшій братъ княгини Волконскій воспитывался вмѣстѣ со мною. Часто бывалъ я на вечерахъ и маскарадахъ, и тутъ однажды по моей неловкости случилось мнѣ сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мнѣ злую эпиграму Пушкина“ [59]). Въ ея же домѣ провела свой прощальный вечеръ 26 декабря 1826 года ея невѣстка княгиня Марія Николаевна Волконская предъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь вмѣстѣ съ мужемъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ, и вечеръ этотъ трогательно описалъ Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ [60]).

Пушкинъ посылая княгинѣ З. А. Волконской свою поэму *Цыганы*, писалъ ей.

Среди разсѣянной Москвы
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.

лями, схожими съ своими. „Я давно уже", — писалъ онъ по этому поводу,— „раздѣлилъ россійскую исторію на два періода. Первый—феодализмъ съ Рюрика, второй деспотизмъ съ Іоанна III. Третьему сѣмя положено 14 декабря. Первое европейское явленіе Россіи было въ 1812 году. Дотолѣ дѣйствія ея были частныя. Іоаннъ III утвердилъ самодержавіе, а первый прочный шагъ къ нему сдѣланъ за 150 лѣтъ до него Іоанномъ Калитою въ Москвѣ, а Калита сдѣлалъ сей шагъ только при помощи Монголовъ, а Монголы могли пособлять ему только по покореніи Россіи, а Россія покорена (отчасти) отъ раздѣленія на удѣлы, и такъ изъ самаго феодализма чрезъ многіе процессы родился деспотизмъ. Къ новой перемѣнѣ шагъ сдѣланъ 14 декабря, и сіе 14 декабря къ будущему относится такъ, какъ Іоаннъ Калита къ Іоанну III. Чудится мнѣ, что и династіи имѣютъ извѣстное отношеніе къ эпохамъ: феодализму, деспотизму и представительному образу правленія Въ россійской исторіи я вижу это ясно: мы переживаемъ вторую эпоху, и вторая династія у насъ царствуетъ. Рюрикова династія жила въ феодализмѣ и совершила оный деспотизмъ. Вторая династія приняла въ руки свои деспотизмъ... Замѣтимъ, что косвенно прямые Рюрикова потомки, коихъ было очень много при началѣ сей второй династіи какъ-то случайно отстранились съ феодальною своею кровью... Зайдя однажды въ Кремль, Погодинъ думалъ, что Іоаннъ, смотря на комету, долженъ оборотиться на Архангельскій Соборъ: тамъ *хоронятся* цари" [32]).

Шиллеръ и Гете въ это время также занимали умъ и сердце Погодина, а въ особенности Шиллеръ. Думая однажды о путешествіи, онъ восклицалъ: „Духъ Шиллера! Носись надо мною. Сижу на его могилѣ" [33]). Кстати здѣсь замѣтимъ, что путешествіе съ самыхъ юныхъ лѣтъ было любимою мечтою Погодина. Наконецъ въ 1825 году Совѣтъ Университета, при содѣйствіи ректора Антонскаго назначилъ Погодина отправить въ чужіе края для занятій всеобщею исторіею [34]), но любимая мечта его въ это время разлетается въ прахъ.

Попечитель А. А. Писаревъ сообщаетъ ему слѣдующую бумагу, полученную имъ отъ министра Шишкова. „По представленію вашего превосходительства отъ 26 января 1826 г. вносилъ я въ Комитетъ гг. министровъ записку объ отправленіи магистра Погодина въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. Нынѣ Комитетъ далъ знать, что оный полагалъ таковое представленіе мое утвердить, испросивъ на то Высочайшее соизволеніе. Главноначальствующій надъ почтовымъ департаментомъ при подписаніи журнала изъяснилъ, что „нѣтъ пользы посылать сего магистра въ чужіе края для окончанія наукъ по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, а удобнѣе въ университетѣ можно дать то образованіе, которое правительству угодно будетъ". Съ симъ мнѣніемъ согласились министръ юстиціи и начальникъ главнаго штаба его императорскаго величества.

Въ засѣданіи 16 марта объявлено комитету, что государь императоръ высочайше утверждаетъ мнѣніе главноначальствующаго надъ почтовымъ департаментомъ и согласившихся съ нимъ членовъ комитета. А между тѣмъ единственнымъ желаніемъ Погодина было то, чтобы, воспользовавшись уроками европейскихъ ученыхъ и мѣстными наблюденіями, доказать въ свое время сколь возможно болѣе и достойнѣе пламенную его преданность Московскому университету и благодарность достопочтеннымъ его наставникамъ; а потому отказъ въ путешествіи „ошеломилъ" его, но попечитель ободрялъ его надеждою на Карамзина и Жуковскаго. За разсѣяніемъ своей печали онъ ходилъ къ Трубецкимъ. Но если не удалось Погодину въ это время побывать на могилѣ Шиллера, то письма послѣдняго были въ рукахъ его и онъ читалъ ихъ съ увлеченіемъ. „Какіе обширные виды, замѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* по поводу этого чтенія, какія сѣмена положилъ для новой философіи этотъ человѣкъ и другіе. Чрезъ нихъ какъ по лѣстницѣ можно дойти до нея. Я чувствую это по себѣ. У Шиллера я нашелъ свои мысли". Погодинъ не только увлекался Шиллеромъ, но даже стремился быть ему подобнымъ

и находилъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, сходство между собою и Шиллеромъ, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія записи его *Дневника:* „Радъ былъ, находя въ Шиллерѣ, что у него мысли уяснялись не прежде, какъ начиналъ онъ писать. У меня также. Читалъ біографію его и воспламенялся. Когда я буду Шиллеромъ? Безпрестанно справлялся, въ какомъ году какую трагедію онъ написалъ“ [35]).

IV.

Дѣвичье поле, нынѣ застроенное разными зданіями, совершенно утратило свой пустынный, историческій, а слѣдовательно и поэтическій характеръ, и переѣздъ на него съ Пречистенки совсѣмъ не чувствителенъ; но въ 1826 году это приснопамятное поле вполнѣ сохраняло свой первоначальный видъ, такъ что москвичи уединялись туда какъ-бы въ Подмосковную. Трубецкіе имѣли тамъ свою дачу и въ 1826 году въ ожиданіи коронаціи измѣнили своему Знаменскому, поселившись на лѣто подъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Въ началѣ мая Погодинъ получилъ приглашеніе отъ Трубецкихъ провести съ ними лѣто. Приглашеніемъ этимъ онъ воспользовался съ особеннымъ удовольствіемъ, ибо привязанность его къ княжнѣ Александрѣ Трубецкой все болѣе и болѣе возрастала. „Наконецъ, я на чистомъ воздухѣ,—съ восторгомъ записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*,—веселъ и спокоенъ. Гуляю много съ ними и любуюсь ею. Смотрю на траву, на деревья, на небо. Слушаю соловья. Прочелъ имъ почти всего Жуковскаго, Пушкина“. Онъ былъ въ самомъ поэтическомъ, восторженномъ настроеніи духа и, слушая пѣніе княжны Аграфены Ивановны, замышлялъ стихотвореніе. „Душа моя,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—созрѣла, чувство созрѣло. Ахъ, дайте мнѣ любви!“ Тогда же у него явилась мысль запечатлѣть свой образъ въ потомствѣ, и онъ „началъ писать портретъ свой для потомства“, и при

этомъ почему-то „смѣялся надъ разительнымъ сходствомъ“. Но въ то время, когда онъ блаженствовалъ подъ Дѣвичьемъ монастыремъ, въ Петербургѣ 22 мая 1826 года скончался Карамзинъ. Это горестнѣйшее извѣстіе Погодинъ получилъ отъ Мерзлякова. „Миръ праху твоему, мужъ кроткій, человѣколюбивый. Будь ангеломъ хранителемъ, будь духомъ нашего просвѣщенія“. Такъ оплакивалъ онъ кончину Карамзина; но при этомъ у него мелькнула мысль, „что̀ еслибы мнѣ поручили окончить главу и издать *XII-й томъ*“.— „Нѣтъ, — меланхолически замѣчаетъ Погодинъ, — Блудову“, и при этомъ онъ возмущается глупыми сужденіями о Карамзинѣ, которыя ему довелось слышать и образчикъ которыхъ онъ приводитъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Не онъ одинъ писалъ Исторію, писали и другіе; но онъ подробнѣе. Правда и то, что у него источники были такіе, какихъ у другихъ не было. Сравните Карамзина съ Несторомъ. Какой варварскій языкъ у втораго и какой прекрасный у перваго, и тому подобныя глупости“ [36]). Но у Погодина въ это время явился невѣдомый ему поклонникъ нѣкто курскій помѣщикъ Германъ, который изъ своего села Генеральщины Дмитровскаго уѣзда Курской губерніи написалъ ему письмо, конечно, пріятное: „Читалъ книгу вашу о *Происхожденіи Руси* съ живѣйшимъ любопытствомъ. На всякой страницѣ встрѣчалъ для себя новое. Многаго, по невѣжеству, не понималъ; но что̀ понималъ, то находилъ прекраснымъ; образъ изложенія, силу слога, убѣдительность доводовъ противъ историческаго суевѣрія и вольнодумства и скромность любезнаго автора. Я читалъ также съ большимъ удовольствіемъ статьи ваши въ *Сѣверномъ Архивѣ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Патріотическое сердце мое радуется вашимъ трудамъ и талантамъ, предвидя въ немъ замѣну великой потери, которую исторія и словесность теперь оплакиваютъ. 11 томовъ исторіографа не удовлетворяютъ еще совершенно ожиданіямъ публики. Да приметъ любезный авторъ трактата о *Происхожденіи Руси* сей долгъ въ наслѣдство, да увѣнчается славою своего пред-

шественника, и да утѣшитъ сограждан, довершивъ знаменитое его творенiе. Со всею скромностью вашею, кажется, вы въ томъ успѣете. Понимается, что мы имѣемъ право на сей часъ осудить васъ на сей безсмертный трудъ, что онъ потребуетъ много и весьма много времени и бо́льшихъ средствъ, какiя, можетъ быть, теперь не въ рукахъ вашихъ, но я утѣшаюсь надеждою въ томъ и другомъ случаѣ: небо пошлетъ вамъ жизнь, а отечество дастъ средства. Кажется, до временъ Елисаветы историкъ можетъ сохранить безпристрастiе. Но, впрочемъ, и одна Исторiя Петра I-го приведетъ его къ безсмертiю. Есть одна глупая книга *Зерцало* Мальгина; но можно удивляться съ какою смѣлостью и истиною сочинитель говорилъ о Аннѣ Ивановнѣ и мощномъ ея любовникѣ. Черезъ сорокъ или пятьдесятъ лѣтъ, стало, можно себѣ позволить еще болѣе правосудiя. Карамзинъ гдѣ-то сказалъ: „о временахъ Петра Великаго и Анны Ивановны мы многое слыхали отъ отцовъ нашихъ, чего нѣтъ въ книгахъ“. Неужели онъ унесъ сiи слухи въ могилу? Неужели не оставилъ матерiаловъ для новѣйшей исторiи? Онъ, который такъ хорошо чувствовалъ затрудненiя историка при бѣдности лѣтописей? Нѣтъ, у него вѣрно остались записки: слѣдственно есть и фундаментъ для будущаго архитектора“ [37]). Карамзинъ не выходилъ изъ головы Погодина и онъ „долго думалъ о сочиненiи Жизни Карамзина, за которую, говоритъ онъ въ *Дневникѣ*, „примусь непремѣнно, если не вздумаетъ самъ Вяземскiй“. Самъ Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Читая въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бѣшусь, какъ онѣ холодны, глупы и низки. Неужто ни одна русская душа не принесетъ достойной дани его памяти. Отечество въ правѣ отъ тебя того требовать. Напиши намъ его жизнь: это будетъ 13-й томъ Русской Исторiи. Карамзинъ принадлежитъ Исторiи. Но скажи все“. Но Карамзинъ былъ для Погодина величина отвлеченная, живымъ же идеаломъ для него была княжна Александра Трубецкая. Оплакивая Карамзина, при-

женіе! Сцены на горахъ. Свиоы бросились обдирать хол. ломать галлереи. Каковы! Куда попрыгали и комедіанты. . ревки изъ-подъ нихъ понадобились. Какъ били чернь. Е доставайся никому. Народъ ломитъ дуромъ. Мы дожидали что будутъ бросать билеты, крѣпостному воля, а государеі деньги. Къ 5-ти на полѣ было пусто. Въ этотъ день Пого динъ обѣдалъ у Трубецкихъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, который, обращаясь къ нему, сказалъ: „Жаль, что на этомъ праздникѣ было мало драки, мало движенія". На это Погодинъ отвѣтилъ, „что этому причиною бѣлое и красное вино, если бы было Русское, то..."

Вскорѣ послѣ того Погодинъ зашелъ къ князю П. А. Вяземскому и вмѣстѣ отправились къ Трубецкимъ. По прибытіи князь Вяземскій, обращаясь къ княжнамъ Трубецкимъ и указывая на Погодина, сказалъ: „Мы вездѣ были вмѣстѣ и я никакъ не хотѣлъ уступить ему, чтобы онъ былъ у васъ одинъ". Смѣялись [69]).

Пушкинъ, долго лишенный удовольствій столицы, по пріѣздѣ въ Москву „предался имъ съ энергіей", а потому Погодину и его друзьямъ нелегко было уговорить его прочесть имъ *Годунова*. Наконецъ, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 10 октября, читаемъ: „Пушкинъ обѣщалъ прочесть *Годунова* во вторникъ, 12 октября. Браво!" И въ этотъ день „спозаранку" всѣ собрались къ Веневитиновымъ, которые жили между Мясницкою и Покровкою, на поворотѣ къ Армянскому переулку, и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ является. „Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе", вспоминалъ черезъ 40 лѣтъ Погодинъ, „передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, — мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный фран-

сать ея біографію. Не долго думая, онъ въ тотъ же день приступилъ къ этому дѣлу. „О, женщины“! восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „біографія *Адели* окончится семнадцатымъ годомъ. Бойтесь, юноши, она является, и въ заключеніе *люби*, *Адель*, *мою свирѣль*. Радъ былъ, что Ал. Ив. понимаетъ хорошія мысли. Съ большимъ удовольствіемъ гулялъ по саду“. Потомъ Погодинъ водилъ княженъ въ Новодѣвичій на могилу матери Жуковскаго [38]). Познакомимся теперь съ самою повѣстью *Адель*, которая по своему содержанію заключаетъ въ себѣ обильный автобіографическій матеріалъ, такъ какъ въ ней отражается внутренній міръ самого Погодина, и вмѣстѣ съ тѣмъ начертанъ портретъ его героини, княжны Александры Трубецкой. „Въ ея походкѣ, въ ея движеніяхъ — поэзія! Голосъ мягкій, сладкій. Когда она говоритъ, такъ пріятно отзывается въ ушахъ моихъ. Однакожъ странно! Многіе утверждаютъ, что она нехороша собою. И носъ широкъ, и лобъ великъ. Невѣжи! Только мнѣ она показываетъ красоту свою. Я вижу ее, я одинъ достоинъ покланяться ей!“ Отношенія Адели къ герою повѣсти изображаются такъ: „Нѣтъ, она не чувствуетъ ко мнѣ этой пламенной дружбы, которой жаждетъ душа моя, она не любитъ меня. Адель только что привыкла ко мнѣ. Ей нравится мой образъ мыслей; ей пріятно говорить со мною — и только. Правда, взоръ ея часто обращается на меня съ нѣжностію. Иногда радуется она моему явленію очень мило, прощается со мною очень нѣжно. Когда-то я сказалъ ей, что стѣна между нами поднимается выше и выше. Нѣтъ, это только застава, отвѣчала она, чрезъ которую мы проложимъ путь“. Наконецъ, герой нашъ рѣшается объясниться съ Аделью въ любви. „Какъ мнѣ этого хочется! Но все не смѣю. Рѣшительный у себя, я робѣю передъ нею“. Онъ находитъ и самый языкъ недостаточнымъ для подобныхъ объясненій, а потому взываетъ: „Ахъ, дайте, дайте мнѣ другую неземную азбуку“. Однажды послѣ ужина вмѣстѣ съ гостями они пошли въ садъ слушать соловья. „Пріятная минута! Все

свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было прія наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, чит пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ Русла и Людмилѣ:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говоритъ.

Потомъ Пушкинъ началъ разсказывать о планѣ Дмитрія Самозванца, о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго.

О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ.

На другой день, по требованію Пушкина, было назначено чтеніе *Ермака*, только-что оконченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Погодинъ слушалъ *Ермака*, наблюдая Пушкина, и при этомъ замѣтилъ: „Не отъ меня ли онъ сдѣлалъ гримасу“. По его отзыву, „*Ермакъ* есть картина мозаическая, не настоящая, есть алмазы, но и много стеколъ“, и чтеніе его послѣ *Бориса Годунова* не могло произвести впечатлѣніе на слушателей, и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали хвалу. „Мы“, говорится далѣе, „почти его не слыхали. Всякій думалъ свое. Въ антрактѣ мнѣ представился образъ Мароы Посадницы, о которой я давно думалъ, искавъ языка. Жуковскаго Орлеанская дѣва дала мнѣ нѣкоторое понятіе объ искомомъ языкѣ, а Борисъ Годуновъ рѣшилъ его окончательно“.

Пушкинъ знакомился съ Погодинымъ и его друзьями все ближе и ближе и видѣлся съ ними очень часто. Шевыреву выразилъ онъ свое удовольствіе за его стихотвореніе *Я есмь*,

этомъ сознается, что „мысль о сельской жизни даже пріятнѣе путешествія моему воображенію, и ни о чемъ еще не мечталъ я такъ сладостно! Вдали отъ суетъ, недостойныхъ человѣка, будемъ мы жить мирно и спокойно въ нашемъ заповѣдномъ уединеніи, наслаждаться любовію и съ благоговѣніемъ созерцать истинное, благое и прекрасное въ природѣ, наукѣ и искусствѣ. Я буду набожно вопрошать всемірныхъ оракуловъ, вникать въ ихъ многозначущія завѣщанія, и, можетъ быть,—мечта сладостная, — творческія думы созрѣютъ, по выраженію поэта, въ душевной глубинѣ, и я самъ по священному слѣду успѣю стереть какое-нибудь пятно на скрижаляхъ ума человѣческаго, или напечатлѣть новую истину въ поученіе современниковъ и потомства“. Времяпрепровожденіе въ деревнѣ герой нашъ въ своемъ воображеніи начерталъ такимъ образомъ: „По утру, прогулявшись по рощамъ и долинамъ, освѣжась чистымъ воздухомъ, принимаюсь я за работу въ своемъ кабинетѣ, пишу, читаю цѣлые часы безъ всякой помѣхи. Предъ обѣдомъ ко мнѣ приходитъ Адель съ Эмилемъ на рукахъ и разсказываетъ о его первой улыбкѣ,—разцѣловавъ ихъ обоихъ, я показываю ей драгоцѣнности, собранныя на днѣ исканія... Опять гуляемъ. Послѣ простаго, вкуснаго обѣда, отдохнувъ, мы воспоминаемъ о нашемъ путешествіи, или учимся языкамъ, или говоримъ о жизни Александровъ, Фридриховъ, Петровъ, или читаемъ Руссо, Карамзина, Байрона, Окена, Клопштока... Какіе собесѣдники вмѣсто дюжинныхъ посѣтителей призраковъ столицы!... Устами великихъ учителей я посвящу мою Адель въ таинства науки... А друзья, которые подъ часъ пріѣдутъ посѣтить насъ съ новыми звуками русской лиры, произведеніями русскаго ума, новыми указами, залогами отечественнаго счастія. Вотъ ужъ тогда отъ души мы выпьемъ, тогда по полному бокалу шампанскаго! Да, непремѣнно еще надобно завести у себя вѣрнѣйшіе портреты великихъ людей и копіи съ изящнѣйшихъ произведеній ваянія и живописи, чтобъ всякимъ взглядомъ въ нашемъ домѣ изощрялся вкусъ, возвы-

шалась душа“ [30]). Этими пространными выписками мы, кажется, достаточно познакомили нашихъ читателей съ идеалами Погодина. Повѣсть эта понравилась Веневитинову, который по поводу ея писалъ ему: „Повѣсть ваша мнѣ очень нравится, она была бы еще занимательнѣе, была бы прекраснымъ маленькимъ романомъ, еслибъ характеры были болѣе развиты. Поздравляю васъ съ прекраснымъ утромъ, а самъ иду спать“. Погодинъ, будучи въ это время поглощенъ предметомъ своего поклоненія, повидимому, не охотно принималъ посѣщавшихъ его товарищей. По крайней мѣрѣ, по поводу посѣщенія Загряжскаго онъ замѣтилъ, что „пріѣхалъ не встати“; но тѣмъ не менѣе отправился съ нимъ въ Дѣвичій монастырь и тамъ „поклонился матери Жуковскаго ея сыномъ“. Посѣщалъ его также и Оболенскій, который вмѣстѣ съ нимъ ходилъ въ тотъ же Дѣвичій монастырь, и разъ какъ-то онъ указалъ Погодину на слѣдующую гробовую надпись: „Подъ симъ камнемъ лежитъ его превосходительства господина дѣйствительнаго статскаго совѣтника такого-то крѣпостной человѣкъ“. По этому поводу Погодинъ пожелалъ покойному: „Sit tibi terra levis“. 19 іюня 1826 года ему пришлось разстаться съ Дѣвичьимъ Полемъ и ѣхать къ Малиновскимъ въ Лунево; весь вечеръ проговорилъ съ княжною Александрою, что̀ будетъ дѣлать тамъ. Наконецъ, наступилъ часъ разлуки. „Тронутый“ прощаніемъ, герой нашъ выѣхалъ съ Дѣвичьяго Поля, но по возвращеніи въ Москву узналъ, что Малиновскіе отложили свой отъѣздъ въ деревню; а между тѣмъ ему совѣстно было вернуться къ Трубецкимъ, а потому онъ остался въ Москвѣ и имѣлъ утѣшеніе видѣться съ Веневитиновымъ. Но желаніе видѣть княжну Александру побѣдило въ немъ чувство робости, и онъ вернулся къ Трубецкимъ, которые, впрочемъ, были ему „рады“. Онъ прогостилъ у нихъ до 27 іюня, читая предмету своего поклоненія *Донъ-Карлоса*, и это чтеніе вызвало слѣдующее замѣчаніе княжны Александры

Ивановны: „Можно безъ любви къ той и той знать любовь, любить безусловно. Вотъ піитическая любовь“ [40]).

V.

Въ концѣ іюня 1826 года Погодинъ вмѣстѣ съ Малиновскимъ поѣхалъ въ ихъ Лунево. Сельскій воздухъ и хлѣбосольство хозяевъ подѣйствовали на него благодѣтельно; между тѣмъ, душа его была преисполнена любви „Я люблю, а не живу“, отмѣчаетъ онъ въ *Дневникѣ*, и при этомъ у него явилась мысль написать шесть писемъ о любви, въ которыхъ намѣревался развить: „первое — потребность любить, любовь піитическая, душа созрѣла. Второе—явился предметъ любви. Третье – когда я не вижу ее, тогда хочется имѣть ее. Хочу дѣлать то-то, то-то и то“. Но при этомъ, какъ бы испугавшись, Погодинъ восклицаетъ: „Прочь мысль недостойная: ей надобно только поклоняться“. Затѣмъ онъ взываетъ къ слову: „О слово! зачѣмъ ты не можешь выразить ея. Ты, музыка, скажи звуками. Душа не нашла еще языка. Сойди, Меркурій, на землю, изобрѣти намъ эту святую азбуку, которая перемѣнитъ лицо земли и рода человѣческаго. Любовь найдетъ эту азбуку“. Находясь въ такомъ настроеніи, Погодина очень естественно тянуло на Дѣвичье поле, гдѣ процвѣталъ его живой идеалъ. Но въ Луневѣ у него явилась мысль перевести твореніе Гете *Гецъ фонъ-Берлихенгенъ*, что онъ вскорѣ и исполнилъ. 2 іюля 1826 года Погодинъ разстался съ Луневымъ и поѣхалъ въ Москву. Тамъ онъ видѣлся съ Кубаревымъ, Мерзляковымъ и Антонскимъ. Съ Кубаревымъ бесѣдовалъ „о заговорщикахъ“, а съ Мерзляковымъ и Антонскимъ объ университетскихъ дѣлахъ. Въ Москвѣ же онъ видѣлся съ Веневитинымъ и говорилъ съ нимъ о Давыдовѣ и Хомяковѣ [41]). Но прежде чѣмъ послѣдуемъ мы за нашимъ героемъ на Дѣвичье поле, скажемъ нѣсколько словъ о замѣчательномъ человѣкѣ, который впервые является на страницахъ нашего повѣствованія и который

до конца своей жизни былъ связанъ съ Погодинымъ узами тѣснѣйшей дружбы. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ родился въ Москвѣ, на Ордынкѣ, въ приходѣ Егорія, что на Всцольѣ *), въ 1804 году, 1 мая, на день пророка Іереміи. По отцу и по матери, урожденной Кирѣевской, Хомяковъ принадлежалъ къ старинному русскому дворянству и предковъ своихъ зналъ на перечетъ лѣтъ за 200 въ глубь старины. Царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенно милостивъ къ одному изъ его предковъ, Петру Семеновичу, который былъ царскимъ подсокольничьимъ, и царь писалъ къ нему письма, уцѣлѣвшія въ ихъ родовомъ архивѣ [42]). Отецъ Хомякова весною 1822 года привезъ своего сына въ Новоархангельскъ Херсонской губерніи для опредѣленія на службу въ кирасирскій полкъ и поручилъ его командиру этого полка графу Дмитрію Ерофеевичу Остенъ-Сакену, который принялъ юношу Хомякова, какъ сына. По свидѣтельству графа Остенъ-Сакена, „въ физическомъ, нравственномъ и духовномъ воспитаніи Хомяковъ былъ едва-ли не единица. Образованіе его было поразительно превосходно, и я во всю жизнь свою не встрѣчалъ пичего подобнаго въ юношескомъ возрастѣ. Какое возвышенное направленіе имѣла его поэзія! Онъ не увлекся направленіемъ вѣка къ поэзіи чувственной. У него все нравственно, духовно, возвышенно. Ѣздилъ верхомъ отлично. Прыгалъ чрезъ препятствія въ вышину человѣка. На эспадронахъ дрался превосходно. Обладалъ силою воли, не какъ юноша, но какъ мужъ, искушенный опытомъ. Строго исполнялъ всѣ посты по уставу Православной Церкви, и въ праздничные и воскресные дни посѣщалъ всѣ богослуженія. Въ то время было уже значительное число вольнодумцевъ, деистовъ, и многіе глумились надъ исполненіемъ уставовъ Церкви, утверждая, что они установлены для черни. Но Хомяковъ внушалъ къ себѣ такую любовь и уваженіе, что никто не позволялъ себѣ коснуться его вѣрованія. Онъ не позволялъ себѣ внѣ

*) Въ настоящее время домъ этотъ принадлежитъ нашему почтенному ученому, Геннадію Ѳедоровичу Карпову.

службы употреблять одежду изъ тонкаго сукна, даже дома, и отвергнулъ позволеніе носить жестяныя кирасы, вмѣсто желѣзныхъ полупудоваго вѣса, несмотря на малый ростъ и съ виду слабое сложеніе. Относительно терпѣнія и перенесенія физической боли обладалъ онъ въ высшей степени спартанскими качествами". Хомяковъ не болѣе года оставался подъ начальствомъ графа Остенъ-Сакена и былъ переведенъ въ лейбъ-гвардію конный полкъ [43]); 1825 и начало 1826 года провелъ въ путешествіяхъ по чужимъ краямъ. Движеніе, овладѣвшее въ то время петербургскою военною молодежью, прошло мимо Хомякова. „Какіе безумцы!", писалъ ему въ Парижъ изъ Петербурга его братъ Ѳедоръ Степановичъ (отъ 24 декабря), о *14 декабрѣ*. „Они не знаютъ ни отечества своего, ни духа народнаго. Впрочемъ, надобно признаться, что не всѣ одобряли послѣдняго мятежа, не всѣ даже знали напередъ, что онъ будетъ... Въ этомъ сумасбродномъ предпріятіи гораздо меньше показано геройства, нежели можно было ожидать. Государь одинъ всѣхъ удивлялъ. Его до сихъ поръ никто не зналъ; онъ передъ мятежниками показывалъ чудеса хладнокровія и храбрости: одинъ останавливалъ кровопролитіе и до послѣдней минуты старался ихъ увѣщать. Цѣлую ночь давалъ онъ приказанія и дѣлалъ допросы съ присутствіемъ духа, которое показалось бы рѣдкимъ и въ человѣкѣ, давно привыкшемъ къ дѣламъ и опасностямъ. Замѣть, я пишу это не по почтѣ, слѣдовательно, не принужденъ скрывать истинныхъ чувствъ своихъ" [44]). Хомяковъ жилъ долго и уединенно въ Парижѣ, много занимался живописью и писалъ трагедію свою *Ермакъ*. На обратномъ пути въ Россію въ 1826 году онъ объѣхалъ земли западныхъ славянъ [45]) и съ *Ермакомъ* въ томъ же году пріѣхалъ въ Москву. Познакомившись съ Хомяковымъ, мы послѣдуемъ за Погодинымъ на Дѣвичье поле, который вскорѣ по пріѣздѣ туда, получилъ отъ Веневитинова *Ермака* Хомякова. По прочтеніи, онъ сдѣлалъ объ этой трагедіи слѣдующее замѣчаніе: „Многія мѣста истинно піитическія. Хомяковъ напитанъ

духомъ Шиллера; но стихосложеніе большею частію дурно". Въ домѣ Трубецкихъ весьма интересовались явленіями русской литературы, и княжна Александра Трубецкая даже разсердилась на Погодина за то, что онъ не прочелъ *Ермака* ей первой [46]).

Въ то время, когда сердце нашего героя было преисполнено любви, неумолимая исторія шествовала своимъ царственнымъ путемъ, и изъ Царскаго Села 13 іюля 1826 года раздался гласъ ея: „Верховный уголовный судъ, составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчены, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволили, обращены нами къ надлежащему исполненію и изданы во всеобщее извѣстіе. Такимъ образомъ, дѣло, которое мы всегда считали дѣломъ всей Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся. Не въ свойствахъ, не въ нравахъ русскихъ былъ сей умыселъ. Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя Русское измѣною Престолу и Отечеству. Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество наше на самой высшей степени счастія и славы". Въ заключеніи мы читаемъ слѣдующія трогательныя строки воцарившагося Божіею Милостію Самодержца, ковчега нашего спасенія: „Наконецъ, склоняемъ мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отстали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, мы вмѣняемъ себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ нашихъ союзъ родства предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій" [47]). Прискорбное событіе 14 декабря произвело на

нашего героя сильное впечатлѣніе, долго не выходило изъ его головы и порождало размышленія. Но вотъ чтó писалъ ему одинъ изъ его товарищей, нѣкто Шипулинъ изъ отдаленнаго Тифлиса: „Чтó чуется и чтó дѣлается о бунтовавшихъ петербургскихъ? Вотъ до чего дошла внутренняя Россія? Не стыдно ли кореннымъ жителямъ, побѣдителямъ и властелинамъ всей Европы? Въ Грузіи все тихо, спокойно, благополучно отъ сихъ происшествій не смотря на отдаленность, недавно пріобрѣтенность и на множество иновѣрцевъ“ [48]). Эти строки могутъ служить укоромъ декабристамъ и оправданіемъ Карамзина. Обнародываніе Донесенія Слѣдственной Коммиссіи Погодинъ находилъ неосторожностью правительства, такъ какъ оно, по убѣжденію его, бросало „сѣмя революціи во мнѣніи народа“. Вѣсть о казни „какъ громомъ поразила Погодина“, и онъ не могъ заснуть „до третьго часа“, и ему все мерещились висѣлица, каторга.

Чувствами и мыслями своими по этому поводу онъ дѣлился и съ Кубаревымъ, и съ Трубецкими, и съ Веневитиновымъ. „Пріѣзжалъ Веневитиновъ“ отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „всѣ жены ѣдутъ на каторгу. Это дѣлаетъ честь вѣку“. 19 іюля 1826 года, въ Чудовѣ монастырѣ божественную литургію совершалъ архіепископъ Филаретъ; по совершеніи же литургіи со кресты пошли на кремлевскую площадь, гдѣ въ присутствіи императрицы Маріи Ѳеодоровны, великаго князя Михаила Павловича, великой княгини Елены Павловны отправленъ былъ архіепископомъ благодарственный молебенъ „за избавленіе отъ крамолы, угрожавшей бѣдствіемъ всему Россійскому государству“ [49]). Въ числѣ молящихся былъ и Погодинъ, и вотъ что записалъ въ *Дневникѣ*: „Сѣрки наши крестятся, когда звонятъ въ колокола, и восклицаютъ: Матушка наша Государыня, когда Марія Ѳеодоровна раскланивалась по сторонамъ“ [50]).

VI.

16 іюля 1826 года выѣхалъ изъ Царскаго Села императоръ Николай I въ Москву для священнаго коронованія и 21-го прибылъ въ Петровскій дворецъ. Въ это же почти время возвратился въ Москву и Погодинъ, размышляя о странныхъ явленіяхъ въ свѣтѣ. „Здѣсь“, думалъ онъ, „вѣшаютъ на висѣлицѣ энтузіаста, тамъ солдаты собираютъ сумму и посылаютъ отъ своего имени пушку грекамъ, тамъ дѣлаютъ опыты надъ паровыми ружьями, тамъ жгутъ Руссо и Вольтера, рѣжутъ янычаръ“; 25 іюля происходилъ торжественный въѣздъ императора въ древнюю столицу. Многія тысячи сопровождали это царственное шествіе отъ Петровскаго Дворца до самаго Кремля [51]). Въ числѣ этихъ тысячей находился и Погодинъ, который примѣтилъ, что „государь былъ пасмуренъ, государыня худа, мальчикъ хорошъ“. Въ ожиданіе коронаціи Погодину вздумалось съѣздить въ Нижній на ярмарку. Взявъ отпускъ у „пасмурнаго“ Антонскаго, онъ отправился искать попутчика. Отъ купца Ширяева онъ узналъ, что на ярмарку ѣдетъ его подрядчикъ, и онъ уговорился съ нимъ ѣхать. Наканунѣ Преображенія выѣхалъ изъ Москвы, но пробылъ на ярмаркѣ всего только три дня, торопясь обратно къ коронаціи. На дорогѣ онъ разговорился со своимъ ямщикомъ о 1812 годѣ. „Вотъ французъ“, сказалъ ямщикъ, „пришелъ въ Москву, ушелъ и Богъ знаетъ, куда дѣвался. Слѣдъ простылъ“. „Онъ умеръ, другъ мой“, отвѣчалъ ему Погодинъ. „А гдѣ же?“ „Далеко, за моремъ, на островѣ. Его туда услали“. „Давно ли?“ „Лѣтъ семь“. Поѣздку свою въ Нижній Погодинъ описалъ въ письмахъ къ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ; но мы, къ сожалѣнію, не имѣли въ рукахъ этого источника [52]).

Наконецъ, наступило 22 августа 1826 года, день Священнаго Коронованія. При вступленіи Императора въ Успенскій Соборъ Филаретъ, въ этотъ день возведенный въ санъ митрополита, произнесъ „Благочестивѣйшій Государь! Нако-

нецъ ожиданіе Россіи совершается. Уже Ты предъ вратами Святилища, въ которомъ отъ вѣковъ хранится для Тебя Твое наслѣдственное освященіе.

Нетерпѣливость вѣрноподданничечкихъ желаній дерзнула бы вопрошать: по что Ты умедлилъ? еслибы не знали мы, что какъ настоящее торжественное пришествіе Твое намъ радость, такъ и предшествующее умедленіе Твое было намъ благодѣяніе. Не спѣшилъ ты явить намъ Твою славу, потому что спѣшилъ утвердить нашу безопасность. Ты грядешь, наконецъ, яко Царь не только наслѣдованнаго Тобою, но и Тобою сохраненнаго Царства.

Не возмущаютъ ли при семъ духа Твоего прискорбныя напоминанія? Да не будетъ! И кроткій Давидъ имѣлъ Іоава и Семея; не дивно, что имѣлъ ихъ и Александръ Благословенный. Въ царствованіе Давида прозябли сіи плевелы; а преемнику его досталось очищать отъ нихъ землю Израилеву; что жъ, если и преемнику Александра палъ сей жребій Соломона?—Трудное начало царствованія тѣмъ скорѣе показываетъ, что даровалъ ему Богъ въ Соломонѣ.

Ничто, ничто да не препятствуетъ священной радости Твоей и нашей! *Царь возвеселится о Господѣ. Сынове Сіона возрадуются о Царѣ своемъ. Да начнетъ все множество хвалити Бога: Благословенъ грядый Царь во имя Господне!* Всеобщая радость, воспламеняя сердца, да устроитъ изъ нихъ одно кадило предъ Богомъ, чтобы совознести ѳиміамъ Твоего сердца, да снидетъ благодатное осѣненіе Царя Царствующихъ на Тебя и Твое царство.

Вниди, Богоизбранный и Богомъ унаслѣдованный Государь Императоръ! Знаменіями величества облеки свойства истиннаго величества: *Помазаніе отъ Святаго* да запечатлѣетъ все сіе освященіемъ внутреннимъ и очевиднымъ, долгоденственнымъ и вѣчнымъ“ [53]). По свидѣтельству современниковъ, рѣчь эта „тронула Монарха до слезъ“ [54]). Этотъ день своею величавостью тронулъ сердце и нашего героя. Онъ надѣлъ мундиръ и отправился въ Кремль, на который въ это время были

обращены очи всего міра. „На силу продрался“ туда. „Царь идетъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „звонъ колоколовъ, стукъ оружія, пушечные выстрѣлы, движеніе. Прекрасно. Молись, Россія! Дѣйствіе священное совершается. Какая торжественная минута!“. Но вмѣстѣ Погодина интересовали и награды, послѣдовавшія послѣ Коронаціи, по поводу которыхъ онъ замѣтилъ, что „министерство просвѣщенія осталось въ сторонѣ“. Послѣ Коронаціи послѣдовалъ въ Москвѣ цѣлый рядъ торжествъ и увеселеній; но Погодину удалось быть только на придворномъ маскарадѣ, который происходилъ 1-го сентября въ Императорскомъ Театрѣ. Еще за нѣсколько дней, онъ сталъ хлопотать о билетѣ, который помогъ ему достать Веневитиновъ; но для этого необходимо имѣть домино. „Такъ и быть“, соображаетъ Погодинъ, „его можно послѣ на подкладку“. Когда Веневитиновъ вручилъ ему билетъ, то онъ также замѣтилъ, что „паркетъ опасенъ, хотя и ступеней нѣтъ“. Но тѣмъ не менѣе Погодинъ „нарядился“ и отправился въ маскарадъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ. „Видѣлъ“, отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Мармона и герцога Девонширскаго. Прекрасная зала, освѣщеніе, публика. Какъ обрадовались Трубецкіе, которыхъ на-силу отыскалъ я. Прелесть Александра Ивановна“ [55]). Погодинъ остался ужинать и ночевалъ у Веневитонова, который разсказывалъ ему о княгинѣ Волконской. Пользуясь этимъ случаемъ, и намъ надлежитъ помянуть хоть нѣсколькими словами эту замѣчательную особу.

Жизнь княгини Зинаиды Александровны Волконской возбуждаетъ живѣйшее любопытство. Она была дочь оберъшенка князя Александра Михайловича Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго (1752—1809), роднаго по матери племянника графовъ Чернышевыхъ, столь извѣстныхъ въ Елисаветинское и Екатерининское царствованія. Князь Бѣлосельскій былъ страстный любитель словесности. Онъ былъ литературнымъ воспитателемъ своей дочери. Мать княгини Зинаиды Александровны была Варвара Яковлевна Татищева, племянница славнаго Петра Дмитріевича Еропкина. Съ малолѣтства княгиня Вол-

конская окружена была памятниками ума и произведеніями искусства. Она вышла за-мужъ за родного внука фельдмаршала князя Репнина егермейстера князя Никиту Григорьевича Волконскаго († 1844). Ея прекрасная наружность, ея умъ и разнообразныя дарованія обратили на нее общее вниманіе при первомъ вступленіи ея въ свѣтъ. Императоръ Александръ I любилъ бывать въ ея обществѣ особенно въ Теплицѣ и въ Прагѣ въ 1813 году, потомъ въ Парижѣ, и въ эпоху конгрессовъ Вѣнскаго и Веронскаго. Блестящимъ періодомъ жизни ея были года 1813—1831 [56]). Еще Батюшковъ въ 1818 году писалъ къ Е. Ѳ. Муравьевой изъ Одессы „сію минуту иду къ княгинѣ Зинаидѣ съ Сенъ-При; она здѣсь поселилась, и все у ногъ ея. Она, говорятъ, поетъ прелестно и очень любезна“ [57]). Она знала по-гречески и по-латыни и находилась въ дружескихъ сношеніяхъ съ извѣстнымъ ученымъ Гульяновымъ. „Княгиню“, писалъ о ней С. Т. Шевыревъ А. В. Веневитинову, „чѣмъ ближе видишь, тѣмъ больше любишь и уважаешь. Ея стихія—Римъ. Въ ней врожденная любовь къ искусству. О, еслибы она въ молодости писала по-русски. У насъ бы поняли, въ чемъ состоитъ деликатность и эстетизмъ стиля. Она создала бы у насъ Шатобіанову прозу. Да у насъ и не понимаютъ тонкости ея выраженій: у насъ требуютъ огромнаго чего-то. Я самъ не понималъ ея прежде, ибо жилъ въ другой сферѣ. Княгиню поймешь только у нея въ гостинной, и то, когда станешь къ ней ходить чаще. Да, я къ ней приглядѣлся, что это, какъ сравнить ее съ другими! Какъ она выше ихъ!“

Съ 1824 по 1829 г. княгиня Волконская жила въ Москвѣ, въ богатомъ домѣ брата своего у Тверскихъ воротъ, который она умѣла обратить въ настоящую академію наукъ и искусствъ. Она страстно занялась русскою словесностью, изученіемъ русскихъ древностей и народнаго быта. По поводу своего избранія въ члены Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ княгиня написала письмо на имя предсѣдателя, въ которомъ предлагала учре-

дить при Обществѣ патріотическую бесѣду, коей главная цѣль была бы знакомить иностранныя государства „съ учеными памятниками нашего Отечества". Она украшала свой домъ оригиналами и копіями знаменитѣйшихъ произведеній живописи и ваянія. Веневитиновъ, Соболевскій, Шевыревъ, Погодинъ, Кирѣевскіе, Хомяковы встрѣчались на ея вечерахъ съ княземъ Вяземскимъ, Пушкинымъ, Мицкевичемъ, Баратынскимъ и другими знаменитостями. Извѣстный музыкантъ Геништа посвящалъ княгинѣ свои романсы. Наконецъ, княгиня Волконская принимала участіе въ литературныхъ упражненіяхъ архивныхъ юношей и вмѣстѣ съ ними писала повѣсти и сказки. Одно изъ такихъ произведеній, озаглавленное *Пампушки*, хранится въ семейномъ архивѣ М. А. Веневитинова; княгинѣ Волконской въ этой повѣсти принадлежитъ нѣсколько страницъ, испещренныхъ поправками С. П. Шевырева, который былъ ея домашнимъ человѣкомъ [58]).

Гостепріимный ея домъ открытъ былъ также и для нашего знаменитаго путешественника Андрея Николаевича Муравьева. „Домъ Бѣлосельскихъ", пишетъ онъ, „былъ мнѣ особенно близокъ какъ по родственнымъ связямъ, такъ и потому, что младшій братъ княгини Волконскій воспитывался вмѣстѣ со мною. Часто бывалъ я на вечерахъ и маскарадахъ, и тутъ однажды по моей неловкости случилось мнѣ сломать руку колоссальной гипсовой статуи Аполлона, которая украшала театральную залу. Это навлекло мнѣ злую эпиграму Пушкина" [59]). Въ ея же домѣ провела свой прощальный вечеръ 26 декабря 1826 года ея невѣстка княгиня Марія Николаевна Волконская предъ отъѣздомъ своимъ въ Сибирь вмѣстѣ съ мужемъ княземъ Сергѣемъ Григорьевичемъ, и вечеръ этотъ трогательно описалъ Алексѣй Владимировичъ Веневитиновъ [60]).

Пушкинъ посылая княгинѣ З. А. Волконской свою поэму *Цыганы*, писалъ ей.

Среди разсѣянной Москвы
При толкахъ виста и бостона,
При бальномъ лепетѣ молвы
Ты любишь игры Аполлона.

Царица музъ и красоты,
Рукою нѣжной держишь ты
Волшебный скипетръ вдохновеній,
И надъ задумчивымъ челомъ,
Двойнымъ увѣнчаннымъ вѣнкомъ,
И вьется и пылаетъ геній.
Пѣвца, плѣненнаго тобой,
Не отвергай смиренной дани,
Внемли съ улыбкой голосъ мой,
Какъ мимоѣздомъ Каталани
Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

И вся эта совокупность благопріятныхъ условій въ Московскомъ домѣ княгини З. А. Волконской, какъ часто бываетъ у насъ, пропало для Россіи быстро и безвозвратно.

VII.

Успѣхъ *Ураніи* ободрилъ какъ Погодина съ Шевыревымъ, такъ и друзей ихъ. Погодинъ съ Веневитиновымъ составили планъ изданія другого литературнаго сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихъ писателей древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ *Гермесъ*. Это предпріятіе дало поводъ къ частымъ и оживленнымъ собраніямъ друзей. Въ это же время Погодинъ былъ до безконечности обрадованъ пріобрѣтеніемъ отъ сына Шлецера книгъ и портрета его знаменитаго отца*) „Сокровище!", восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „былъ у Веневитиновыхъ и призвалъ ихъ на поклоненіе Шлецеру". Наканунѣ Рождества Богородицы у него былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали Шевыревъ, Оболенскій и „отчасти" Веневитиновъ. Разсуждали объ изданіи *Гермеса*. Въ бумагахъ Погодина уцѣлѣло оглавленіе, написанное Шевыревымъ, изъ какихъ авторовъ и кому надо переводить отрывки для помѣщенія въ *Гермесъ*. Изъ Геродота долженъ былъ перевести самъ Шеверевъ, изъ Ѳукидида—Титовъ, изъ

*) Въ настоящее время портретъ Шлецера пріобрѣтенъ отъ наслѣдниковъ Погодина графомъ С. Д. Шереметевымъ и пожертвованъ имъ въ Императорское Общество Любителей Древней Письменности.

Ксенофонта—Веневитиновъ, изъ Поливія—Оболенскій, изъ Плутарха—Рожалинъ, изъ Ливія—А. Н. Муравьевъ, изъ Саллюстія—Погодинъ, изъ Тацита—Кубаревъ, изъ Маккіавели—Погодинъ, изъ Ансильона—Мальцовъ, изъ Миллера—Погодинъ, изъ Шлецера—Погодинъ, изъ Гердера—Шевыревъ, изъ Геерена—Рожалинъ, изъ Шиллера—Мальцовъ. Наконецъ 20 сентября 1826 все собраніе „въ запуски" порѣшило издавать *Гермесъ* [61]). Но Погодинъ, оставаясь вѣрнымъ своему старому и любезному наставнику Мерзлякову, не рѣшался предпринимать никакого дѣла, не испросивъ предварительно его, такъ сказать, благословенія, тогда какъ Веневитиновымъ Мерзляковъ могъ быть въ то время недоволенъ за его разборъ своего разсужденія *О началѣ и духѣ древней трагедіи*, разборъ съ эпиграфомъ Amicus Plato, magis amica veritas, начинавшійся такъ: „Прискорбно для любителя отечественной словесности возставать на мнѣнія вѣрнаго ея жреца въ то самое время, когда онъ приноситъ ей въ даръ новый плодъ своихъ трудовъ и, въ живыхъ переводахъ передавая намъ духъ и красоты древней поэзіи, воздвигаетъ памятникъ изящному вкусу и чистому Русскому языку; но чѣмъ отличнѣе заслуги г. Мерзлякова на поприщѣ словесности, тѣмъ опаснѣе его ошибки по обширности ихъ вліянія,—и любовь къ истинѣ принуждаетъ нарушить молчаніе, повелѣваемое уваженіемъ къ достойному литератору". Веневитиновъ заключаетъ: „Одна любовь къ наукѣ заставила меня возстать противъ мнѣній г. Мерзлякова. Я увѣренъ, что, если критика моя дойдетъ до него, онъ самъ оправдаетъ въ ней по крайней мѣрѣ намѣреніе, съ которымъ я вооружился противъ собственнаго удовольствія, невольно ощущаемаго при чтеніи такого разсужденія, гдѣ кисть искусная умѣла соединить силу выраженія со всею прелестію разнообразія. *Amicus Plato, sed magis amica veritas*" [62]). Весьма естественно, что Мерзляковъ не могъ быть доволенъ этою статьею Веневитинова, но тѣмъ не менѣе, когда Погодинъ пришелъ къ нему вмѣстѣ съ послѣднимъ, чтобы ис-

просить благословеніе на изданіе *Гермеса*, то онъ принялъ Веневитинова такъ, „какъ будто и не сердился никогда". Черезъ нѣсколько дней послѣ того у Погодина опять обѣдали Веневитиновъ и Титовъ, которые предложили амфитріону странный вопросъ: Былъ ли онъ влюбленъ? „Нѣтъ", отвѣтилъ Погодинъ, „я любилъ только княгиню Голицину и княжну Александру Трубецкую". Замѣтимъ здѣсь кстати, что къ послѣдней особѣ былъ весьма не равнодушенъ самъ Веневитиновъ и пользовался, кажется, взаимностію. Повидимому, Погодинъ пріобрѣталъ въ своемъ другѣ опаснаго соперника; но герой нашъ къ этому относился весьма благодушно. По крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* его мы читаемъ: „Веневитиновъ и княжна Александра Ивановна. Досадно что ли мнѣ, что онъ заслонилъ меня? Клянусь, что нѣтъ, я одинаково люблю и его, и ее, но что-то непріятное на сердцѣ. Это продолжится недолго. Въ утѣшеніе себя вспоминалъ случаи, въ которые я получалъ знаки ея благосклонности. Я занимаю у нея свое мѣсто. Смотрѣлъ на ихъ танцы. Любовь развиваетъ характеръ, сказалъ мнѣ Веневитиновъ".

Погодинъ даже мечталъ о томъ, чтобы „женить ихъ. Они были бы счастливы" [63]).

Въ то самое время, когда онъ и его друзья были, такъ сказать, въ попыхахъ, рвались работать, думали о журналѣ, программы смѣняли программами, является въ Москву Пушкинъ, который пріѣхалъ 8 сентября 1826 года въ коляскѣ съ фельдъегеремъ, вызванный изъ Михайловскаго уединенія самимъ Императоромъ Николаемъ I. Тотчасъ по прибытіи въ Москву, Пушкинъ имѣлъ счастіе быть представленъ Государю [64]). Императоръ необыкновенно милостиво принялъ нашего знаменитаго писателя и, сколько извѣстно, продолжительно бесѣдовалъ съ нимъ между прочимъ о возмущеніи 14 декабря, о намѣреніяхъ своихъ дать прочное основаніе и направленіе воспитанію юношества и вообще народному образованію [65]). Впослѣдствіи во всѣхъ случаяхъ жизни своей Пушкинъ вспоминалъ о наставленіяхъ, преподанныхъ ему въ

это время отеческою снисходительностію Монарха, не иначе, какъ съ чувствомъ благоговѣнія и умиленія [66]).

Его я просто полюбилъ.
О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творитъ.

Текла въ изгнаньѣ жизнь моя.
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ—и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,
И я ль въ сердечномъ умиленьѣ
Ему хвалы не воспою?

Семейство Пушкиныхъ было нетолько знакомо, но состояло даже въ родствѣ съ семействомъ Веневитиновыхъ. Чрезъ нихъ и чрезъ князя Вяземскаго Пушкинъ познакомился съ Погодинымъ и съ его друзьями. На другой день по пріѣздѣ его въ Москву Погодинъ отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пушкинъ пріѣхалъ! Ѣхать къ нему убѣдилъ Веневитиновъ. Онъ поѣхалъ одѣваться. Я одѣлся. Воротился и отговорилъ: что за поклоненіе, как примет“. Въ то время, когда рѣшался вопросъ: ѣхать или не ѣхать къ Пушкину, между двумя друзьями завязался раговоръ о предметѣ общаго ихъ поклоненія: „объ ея характерѣ, умѣ, о шалостяхъ“. Въ это же время Веневитиновъ сообщилъ ему о содержаніи „своего затѣяннаго романа“, который очень понравился Погодину. Между тѣмъ самъ Веневитиновъ узналъ о пріѣздѣ Пушкина въ Москву отъ княжны Александры Ивановны Трубецкой на балѣ у французскаго посла маршала Мармона, и вотъ какимъ образомъ. Стояли они на этомъ балѣ противъ Государя и княжна сказала Веневитинову: „Я теперь смотрю *de meilleur oeil* на Государя, потому что онъ возвратилъ Пушкина“. Когда Веневитиновъ сообщилъ объ этомъ самому Пушкину, то онъ сказалъ: *Ахъ, душенька, везите меня скорѣе къ ней.*

Съ сими словами Веневитиновъ поѣхалъ къ Трубецкимъ и передалъ ихъ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ, которая при этомъ „покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ".

На третій день по пріѣздѣ въ Москву 10 сентября 1826 года Пушкинъ читалъ у Веневитиновыхъ своего *Бориса Годунова*. „Веневитиновъ", отмѣчаетъ въ *Дневникѣ* Погодинъ, „вѣрно спрашивалъ у Соболевскаго, нельзя ли какъ нибудь пригласить меня, и вѣрно получилъ отвѣтъ отрицательный. Мнѣ больно и досадно"; но Погодинъ успокоивалъ себя такимъ разсужденіемъ: „Веневитиновъ можетъ говорить съ Пушкинымъ, а я что буду съ своими *Афоризмами*? Да вѣдь и у Пушкина афоризмы". На другой день Веневитиновъ разсказывалъ Погодину о вчерашнемъ днѣ: „*Борисъ Годуновъ* чудо. У него еще Самозванецъ, Моцартъ и Сальери, Наталья Павловна, продолженіе Фауста, 8-я пѣснь Онѣгина". На этомъ же вечерѣ рѣшилась участь и *Гермеса* „Альманахъ не надо издавать", сказалъ Пушкинъ, „пусть Погодинъ издаетъ въ послѣдній разъ, а послѣ станемъ издавать журналъ, кого бы редакторомъ"? Въ тотъ же день Веневитиновъ познакомилъ Погодина съ Пушкинымъ. „Мы съ вами давно знакомы", сказалъ онъ, увидя Погодина, „и мнѣ очень пріятно утвердить и укрѣпить наше знакомство иначе".

При первой этой встрѣчѣ Пушкинъ не произвелъ на Погодина особеннаго впечатлѣнія, по крайней мѣрѣ вотъ что отмѣтилъ послѣдній въ *Дневникѣ*: „превертлявый и ничего не обѣщающій снаружи человѣкъ" [67]).

16 сентября 1826 года были столы и увеселенія для народа на Дѣвичьемъ полѣ. Императоръ и Императрица изволили прибыть въ полдень на мѣсто празднества и были встрѣчены радостными восклицаніями народа, покрывавшаго все пространство обширнаго Дѣвичьяго поля [68]). Чтобы посмотрѣть на праздникъ, Погодинъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ и Мельгуновымъ „пошелъ въ народъ". Впечатлѣніе, произведенныя на него этимъ праздникомъ, онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Пріѣхалъ Царь. Бросились. Славное дви-

женіе! Сцены на горахъ. Скифы бросились обдирать холстъ, ломать галлереи. Каковы! Куда попрыгали и комедіанты. Веревки изъ-подъ нихъ понадобились. Какъ били чернь. Недоставайся никому. Народъ ломитъ дуромъ. Мы дожидались, что будутъ бросать билеты, крѣпостному воля, а государеву деньги. Къ 5-ти на полѣ было пусто. Въ этотъ день Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ, который, обращаясь къ нему, сказалъ: „Жаль, что на этомъ праздникѣ было мало драки, мало движенія“. На это Погодинъ отвѣтилъ, „что этому причиною бѣлое и красное вино, если бы было Русское, то...“

Вскорѣ послѣ того Погодинъ зашелъ къ князю П. А. Вяземскому и вмѣстѣ отправились къ Трубецкимъ. По прибытіи князь Вяземскій, обращаясь къ княжнамъ Трубецкимъ и указывая на Погодина, сказалъ: „Мы вездѣ были вмѣстѣ и я никакъ не хотѣлъ уступить ему, чтобы онъ былъ у васъ одинъ“. Смѣялись [69]).

Пушкинъ, долго лишенный удовольствій столицы, по пріѣздѣ въ Москву „предался имъ съ энергіей“, а потому Погодину и его друзьямъ нелегко было уговорить его прочесть имъ *Годунова*. Наконецъ, въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 10 октября, читаемъ: „Пушкинъ обѣщалъ прочесть *Годунова* во вторникъ, 12 октября. Браво!“ И въ этотъ день „спозаранку“ всѣ собрались къ Веневитиновымъ, которые жили между Мясницкою и Покровкою, на поворотѣ къ Армянскому переулку, и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ является. „Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе“, вспоминалъ черезъ 40 лѣтъ Погодинъ, „передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, — мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный фран-

цузскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ, и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо представить себѣ самую фигуру Пушкина Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства—это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ на-глухо, въ небрежно подвязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ піитическую увлекательную рѣчь!

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ „да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной“, мы просто всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого — въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ. То молчаніе, то взрывъ восклицаній, напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши!

Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое

свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ Руслану и Людмилѣ:

> У лукоморья дубъ зеленый,
> Златая цѣпь на дубѣ томъ:
> И днемъ, и ночью котъ ученый
> Все ходитъ по цѣпи кругомъ,
> Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
> Налѣво—сказку говоритъ.

Потомъ Пушкинъ началъ разсказывать о планѣ Дмитрія Самозванца, о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго.

О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ.

На другой день, по требованію Пушкина, было назначено чтеніе *Ермака*, только-что оконченнаго и привезеннаго Хомяковымъ изъ Парижа. Погодинъ слушалъ *Ермака*, наблюдая Пушкина, и при этомъ замѣтилъ: „Не отъ меня ли онъ сдѣлалъ гримасу“. По его отзыву, „*Ермакъ* есть картина мозаическая, не настоящая, есть алмазы, но и много стеколъ“, и чтеніе его послѣ *Бориса Годунова* не могло произвести впечатлѣніе на слушателей, и только нѣкоторыя лирическія мѣста вызвали хвалу. „Мы“, говорится далѣе, „почти его не слыхали. Всякій думалъ свое. Въ антрактѣ мнѣ представился образъ Мароы Посадницы, о которой я давно думалъ, искавъ языка. Жуковскаго Орлеанская дѣва дала мнѣ нѣкоторое понятіе объ искомомъ языкѣ, а Борисъ Годуновъ рѣшилъ его окончательно“.

Пушкинъ знакомился съ Погодинымъ и его друзьями все ближе и ближе и видѣлся съ ними очень часто. Шевыреву выразилъ онъ свое удовольствіе за его стихотвореніе *Я есмь*,

и прочелъ наизусть нѣсколько стиховъ. Погодину сказалъ любезности за его повѣсти, напечатанныя въ *Ураніи* [70]). Сближеніе Погодина и его друзей съ Пушкинымъ послужило основаніемъ *Московскаго Вѣстника.*

VIII.

Толки о журналѣ, начатые еще въ 1824 году въ обществѣ Раича, вслѣдствіе сближенія съ Пушкинымъ Погодина и его друзей, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ было, такъ сказать, на лицо. „Помолясь", Погодинъ отправился къ Пушкину. „Журналъ благословляетъ", восклицаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ.* Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ Погодинъ, въ помощники ему былъ избранъ Рожалинъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: *Московскій Вѣстникъ.* Рожалинъ собственноручно написалъ *Ultimatum:* „Я (т. е. Погодинъ), нижеподписавшійся, принимая на себя редакцію журнала, обязуюсь:

1) Помѣщать статьи съ одобренія главныхъ сотрудниковъ: Шевырева, Титова, Веневитинова, Рожалина, Мальцова и Соболевскаго по большинству голосовъ.

2) Платить съ проданныхъ тысячи двухсотъ экземпляровъ десять тысячъ А. С. Пушкину.

3) Платить означеннымъ сотрудникамъ по сто рублей за листъ сочиненія и по пятидесяти — за листъ перевода.

4) Выписывать книгъ и журналовъ на четыре тысячи рублей съ общаго согласія означенныхъ сотрудниковъ.

5) Платить за печатаніе и прочія издержки журнала.

6) Всѣ остальныя деньги предоставляются редактору за редакцію и прочія издержки.

Если подписчиковъ будетъ менѣе 1,200, то плата раскладывается пропорціонально.

Помощникомъ редактора назначается Рожалинъ съ жалованьемъ шести сотъ рублей. Онъ долженъ имѣть въ своемъ

вѣдѣніи продажу журнала. Деньги же имѣють быть доставляемы отъ книгопродавца къ редактору.

Матеріалы для журнала должны храниться у редактора.

Если подписчиковъ будетъ болѣе 1,200, то плата главнымъ сотрудникамъ увеличивается пропорціонально, полагая редактору прибавки на шесть тысячъ. Остальная же сумма предоставляется на разныя общеполезныя предпріятія по усмотрѣнію редакціи. „Этотъ *Ultimatum* подписалъ: М. Погодинъ. Согласіе съ изложеннымъ въ немъ подтвердили своею подписью: Д. Веневитиновъ, Н. Рожалинъ, С. Соболевскій.

Рожденіе *Московскаго Вѣстника* положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. На этотъ обѣдъ былъ приглашенъ Мицкевичъ. По свидѣтельству князя П. А. Вяземскаго, „въ двадцатыхъ годахъ Мицкевичъ былъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ въ родѣ почетной ссылки. Въ томъ и другомъ городѣ сблизился онъ со многими русскими писателями и радушно принятъ былъ въ лучшее общество. Были ли у него и тогда потаенныя, заднія или передовыя мысли, рѣшить трудно. Оставался онъ кровнымъ полякомъ и тогда, это несомнѣнно, но озлобленія въ немъ не было". Мицкевичъ, по справедливому замѣчанію князя Вяземскаго, „какъ Байронъ, какъ Пушкинъ, не могъ быть дѣйствующимъ политическимъ лицомъ. Онъ былъ и выше, и ниже этой роли. Каждому дана своя доля. Конечно, подобныя натуры могутъ, какъ видѣли мы въ Байронѣ, принести себя на жертву идеѣ или служенію предназначенной себѣ цѣли. Онѣ, по своей раздражительной впечатлительности могутъ увлекаться мнѣніями и волненіемъ того и другого лагеря. Но тогда изъ владыкъ на почвѣ имъ родной становятся онѣ на чужой сценѣ игралищами и невольниками часто мелкихъ и своекорыстныхъ политическихъ подрядчиковъ". Разсказываютъ, что Пушкинъ, встрѣтясь гдѣ-то на улицѣ съ Мицкевичемъ, посторонился и сказалъ: „Съ дороги двойка, тузъ идетъ". На это Мицкевичъ тутъ-же отвѣчалъ: „Козырная двойка туза бьетъ" [71]). Доказательствомъ сочувствія, которое питали къ

Мицкевичу, можетъ служить и участіе его на этомъ братскомъ обѣдѣ. 24 октября 1826 года собрались въ домѣ, бывшемъ Хомякова, на Кузнецкомъ мосту: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцевъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій, Погодинъ. „И какъ подумаешь“, вспоминалъ Погодинъ, „изъ всего этого сборища осталось въ-живыхъ только три-четыре человѣка, да и тѣ по разнымъ дорогамъ! *). Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ. Сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній! Напомню одинъ, насмѣшившій все собраніе. Оболенскій, адъюнктъ греческой словесности, добрѣйшее существо, какое только можетъ быть, подпивъ за столомъ, подскочилъ послѣ обѣда къ Пушкину, и взъерошивая свой хохоликъ, любимая его привычка, воскликнулъ: „Александръ Сергѣевичъ, Александръ Сергѣевичъ, я единица, единица, а посмотрю на васъ, и покажусь себѣ милліономъ. Вотъ вы кто“! Всѣ захохотали и закричали: „милліонъ, милліонъ!“ [72])

Соболевскій, какъ другъ Пушкина, игралъ важную роль при учрежденіи *Московскаго Вѣстника*, а потому скажемъ объ этомъ въ своемъ родѣ замѣчательномъ человѣкѣ, нѣсколько словъ. Сергѣй Александровичъ Соболевскій по свидѣтельству коротко знавшаго его П. И. Бартенева родился въ Ригѣ 10 сентября 1804 года. Рига была случайнымъ мѣстомъ его рожденія; по первоначальному воспитанію, долговременному жительству и связямъ онъ принадлежалъ преимущественно Москвѣ, хотя имя его было извѣстно въ Парижѣ и Лондонѣ, Римѣ и Мадридѣ. По матери своей Аннѣ Ивановнѣ Лобковой онъ приходился правнукомъ коменданту Петербургской крѣпости временъ Анны и Елисаветы Игнатьеву. Мать его была женщина замѣчательнаго ума и страстно его любила. Соболевскій съ раннихъ лѣтъ получилъ тщательное образованіе.

---

*) Въ настоящее время изъ этого числа здравствуетъ только одинъ В. П. Титовъ.

Изъ Москвы его отправили въ Петербургъ въ Благородный пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ, гдѣ учителями его были Куницынъ, Арсеньевъ, Галичъ, Раупахъ, Германъ; а въ числѣ товарищей композиторъ Глинка и Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ, черезъ котораго Соболевскій сблизился съ его братомъ, Баратынскимъ, Дельвигомъ и другими писателями. По возвращеніи въ Москву онъ поступилъ на службу въ Московскій архивъ къ А. Ѳ. Малиновскому и занялъ видное мѣсто въ ряду блестящей тогда московской молодежи, такъ называемыхъ архивныхъ юношей. Мать не щадила для него издержекъ. Онъ жилъ въ Москвѣ роскошнымъ баловнемъ фортуны, блистая на московскихъ гульбищахъ, собирая у себя умную и талантливую молодежь, но всегда вѣрный любви къ просвѣщенію и чувству изящнаго. Въ это время онъ сблизился съ Мицкевичемъ, тогдашнимъ чиновникомъ канцеляріи князя Д. В. Голицына. Мицкевичъ и Пушкинъ повѣряли ему свои произведенія до ихъ выхода въ свѣтъ, принимали его совѣты, дорожили его замѣчаніями. Въ немъ самомъ открылся даръ мѣткаго остроумія и чудеснаго стиха. Стихи его, къ сожалѣнію, большею частью нескромные на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ облетали по всѣмъ кружкамъ общества. Его шуточные отзывы и эпиграммы приписывались Пушкину. Соболевскій устранилъ поединокъ послѣдняго съ графомъ Ѳ. И. Толстымъ въ сентябрѣ 1826 года и былъ полезенъ нашему знаменитому писателю впослѣдствіи и въ другихъ общественныхъ столкновеніяхъ, а также и въ дѣлахъ домашняго и денежнаго хозяйства [73]). Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, скажемъ, что Погодинъ волею и неволею долженъ былъ ладить съ Соболевскимъ, хотя нельзя сказать, чтобы онъ выносилъ отъ него всегда пріятное впечатлѣніе. Ему приходилось иногда выдерживать съ нимъ споръ о журналѣ, къ коему, по свидѣтельству его, Соболевскій „придумалъ цензоровъ“, а въ число ихъ включилъ и себя. Однажды у Веневитинова, говоря о „піесахъ Пушкина“, Соболевскій разсердилъ Погодина.

„На все смотритъ этотъ чудакъ“, замѣчаетъ онъ, „съ пирожной стороны“ [74]).

Учрежденіе. *Московскаго Вѣстника* подъ покровительствомъ Пушкина, само собою разумѣется, не могло быть пріятною новостью для издателя *Московскаго Телеграфа* Н. А. Полевого. Въ *Запискахъ* брата его К. А. Полевого мы находимъ объ этомъ любопытныя свѣдѣнія. Среди торжествъ коронаціи, когда вдругъ разнеслась въ Москвѣ радостная и неожиданная вѣсть, что Императоръ вызвалъ Пушкина изъ его уединенія, и что Пушкинъ въ Москвѣ, „въ числѣ самыхъ счастливыхъ отъ этой вѣсти“, повѣствуетъ Ксенофонтъ Полевой, „былъ и мой братъ, Николай Алексѣевичъ. Оставалось ему укрѣпить личнымъ знакомствомъ нравственный союзъ, *естественно связывающій людей необыкновенныхъ*, и однимъ изъ лучшихъ желаній Николая Алексѣевича было свиданіе съ Пушкинымъ. Онъ тотчасъ поѣхалъ къ нему и воротился домой не въ веселомъ расположеніи духа. Я съ юношескимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ прибѣжалъ къ нему въ комнату, восклицая:—Ну, что̀? видѣлъ Пушкина?.. разсказывай скорѣе. Съ обыкновенною своею умною улыбкою, онъ поглядѣлъ на меня и отвѣчалъ въ раздумьѣ:—Видѣлъ.—Ну каковъ онъ?—Да я, братецъ, нашелъ въ немъ совсѣмъ не то, чего ожидалъ. Онъ ужасно холоденъ...“ Наконецъ Пушкинъ посѣтилъ Полевыхъ какъ-то вечеромъ вмѣстѣ съ Соболевскимъ. „Этотъ вечеръ“, повѣствуетъ Ксенофонтъ Полевой, „памятенъ мнѣ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня Пушкинъ, видѣнный мною тутъ въ первый разъ. Когда мнѣ сказали, что Пушкинъ въ кабинетѣ у Николая Алексѣевича, я поспѣшилъ туда, но, проходя черезъ комнату передъ кабинетомъ, невольно остановился при мысли: я сейчасъ увижу его! Съ тревожнымъ чувствомъ отворилъ я дверь... Надобно замѣтить, я представлялъ себѣ Пушкина такимъ, какъ онъ изображенъ на портретѣ, приложенномъ къ первому изданію *Руслана и Людмилы*, т.-е. кудрявымъ, пухлымъ юношею, съ пріятною улыбкою... Передъ конторкою, на которой обыкно-

енно писалъ Николай Алексѣевичъ, стоялъ человѣкъ, немно-о превышавшій эту конторку, худощавый, съ рѣзкими мор-щинами на лицѣ, съ широкими бакенбардами, съ тучею куд-явыхъ волосъ. Ничего юношескаго не было въ этомъ лицѣ, выражавшемъ угрюмость, когда оно не улыбалось. Онъ былъ е веселъ, молчалъ, когда рѣчь касалась современныхъ собы-ій, почти презрительно отзывался о новомъ направленіи ли-ературы... Пушкинъ нѣсколько развеселился бутылкой шам-анскаго... *О Московскомъ Телеграфѣ* не было и рѣчи... Сви-аніе кончилось тѣмъ, что мы съ братомъ остались въ недо-мѣніи отъ обращенія Пушкина". Еще болѣе непріятное впе-атлѣніе вынесъ о Пушкинѣ самъ Ксенофонтъ Полевой, когда иъ однажды утромъ посѣтилъ его. Пушкинъ въ то время жилъ въ гостинницѣ на Тверской въ домѣ князя Гагарина.

„Тамъ", свидѣтельствуетъ Ксенофонтъ Полевой, „зани-алъ онъ довольно грязный нумеръ въ двѣ комнаты, и я за-калъ его въ татарскомъ серебристомъ халатѣ съ голою рудью, не окруженнаго ни малѣйшимъ комфортомъ. На этотъ азъ онъ былъ въ какомъ-то раздраженіи и тотчасъ началъ рѣчь о *Московскомъ Телеграфѣ*, въ которомъ находилъ мно-жество недостатковъ. Я возражалъ ему, какъ умѣлъ, и раз-говоръ шелъ довольно запальчиво, когда въ комнату вошелъ Шевыревъ, тогда еще начинавшій писатель, и Пушкинъ на-чалъ оказывать Шевыреву самое пріязненное расположеніе, хотя и съ высоты своего величія, тогда какъ со мною онъ разговаривалъ почти, какъ непріятель. Вскорѣ ввалился въ комнату М. П. Погодинъ. Пушкинъ и къ нему обратился дружески. Я увидѣлъ, что я буду лишній въ такомъ обще-ствѣ, и взялся за шляпу. Провожая меня до дверей и пожи-мая мнѣ руку, Пушкинъ сказалъ: „Sans rancune, je vous en prie!" и захохоталъ тѣмъ простодушнымъ смѣхомъ, который памятенъ всѣмъ знавшимъ его".

Вскорѣ братья Полевые услышали, что Пушкинъ осно-вываетъ свой журналъ, *Московскій Вѣстникъ*, подъ редак-цией Погодина. По поводу чего Ксенофонтъ Полевой сар-

4*

кастически замѣчаетъ въ своихъ *Запискахъ*: „Это извѣстіе объяснило намъ многое въ недавнихъ отношеніяхъ Пушкина съ нами, особливо, когда стали извѣстны подробности, какъ заключился такой странный союзъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было, что этотъ *сердечный союзъ* устроился слишкомъ проворно; и сближеніе Пушкина въ важномъ литературномъ предпріятіи съ молодыми людьми, еще ни чѣмъ не доказавшими своихъ дарованій, казалось еще изумительнѣе, когда во главѣ ихъ являлся г. Погодинъ! Гдѣ могъ узнать, и какъ могъ оцѣнить всю эту компанію Пушкинъ, только что пріѣхавшій въ Москву“? Союзъ Пушкина съ редакторомъ и сотрудниками *Московскаго Вѣстника* Ксенофонтъ Полевой объясняетъ такимъ образомъ: „Не невозможно“, пишетъ онъ, „что Пушкинъ, несмотря на свои ребяческія, смѣшныя мнѣнія объ аристократствѣ простилъ бы моему брату званіе купца, еслибы тотъ явился предъ нимъ смиреннымъ поклонникомъ. Но когда издатель *Московскаго Телеграфа* протянулъ къ нему руку свою, какъ родной, онъ хотѣлъ показать ему, что такое сближеніе невозможно между потомкомъ бояръ Пушкиныхъ и между смиреннымъ гражданиномъ. Пушкинъ признавалъ своимъ собратомъ самого ничтожнаго барича и оскорблялся, когда въ обществѣ встрѣчали его, какъ писателя, а не какъ аристократа... Такой образъ мыслей“, повѣствуетъ далѣе Ксенофонтъ Полевой, „мѣшалъ Пушкину сближеніе его съ Н. А. Полевымъ и естественно заставилъ его легко согласиться на предложеніе безвѣстныхъ молодыхъ людей, которые просили его быть не столько сотрудникомъ, сколько покровителемъ предпринимаемаго ими журнала. И онъ, и они разсчитывали на вѣрный успѣхъ отъ одного имени Пушкина, которому все остальное должно было служить только рамою. Пушкину было очень кстати получать большую плату за свои стихотворенія, печатанныя въ журналѣ, покорномъ ему во всѣхъ отношеніяхъ, и въ этой-то надеждѣ онъ имѣлъ новую причину отдалиться отъ *Московскаго Телеграфа*, который не платилъ и не предлагалъ ему ничего за его сотрудничество,

ковскаго Вѣстника своими произведеніями; а потому странно читать въ петербургскомъ журналѣ *Сынъ Отечества,* издаваемомъ Гречемъ и Булгаринымъ, слѣдующія строки неизвѣстнаго автора *Письма съ Кавказа:* „Я весьма радъ, что г. Погодинъ вступилъ на журнальное поприще: не знаю, каковъ будетъ журналъ его въ отношеніи къ *изящной словесности* (это при участіи то Пушкина!) но по части русской археологіи, онъ, безъ сомнѣнія, будетъ занимателенъ. Жалѣю, что издатель спозаранку взялъ на себя обязанность цѣнить достоинство всѣхъ другихъ журналовъ. Мнѣ кажется это неприличнымъ; ибо по праву естественному и гражданскому, никто не можетъ быть судьею въ своемъ дѣлѣ“ [110]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ, питая расположеніе къ Погодину и Шевыреву, не особенно сочувствовалъ нѣкоторымъ изъ „глубокомысленныхъ“ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника.* Въ одномъ отрывкѣ, найденномъ П. И. Бартеневымъ, Пушкинъ представилъ типъ ихъ въ образѣ *Вершнева,* о которомъ сказалъ: „это одинъ изъ тѣхъ юношей, которые воспитывались въ московскомъ университетѣ, служатъ въ Московскомъ Архивѣ, они одарены убійственною памятью, все знаютъ и все читали, которыхъ стоитъ только тронуть пальцемъ, чтобъ изъ нихъ полилась ихъ всемірная ученость“ [111]). Однажды Погодинъ зашелъ къ Пушкину и потомъ вотъ что́ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Пушкинъ декламировалъ противъ философіи, а я не могъ возражать дѣльно и больше молчалъ, хотя очень увѣренъ въ нелѣпости того, что́ онъ говорилъ“ [112]). Этимъ, конечно, объясняются нижеслѣдующія строки В. П. Титова, писанныя (18 іюля 1827 г.) Погодину уже изъ Петербурга, гдѣ въ то время находился и Пушкинъ: „Безъ сомнѣнія величайшая услуга, какую бы могъ я оказать вамъ, это — держать Пушкина въ уздѣ; да не имѣю къ тому способовъ. Дома онъ бываетъ только въ 9 ч. утра, а я въ это время иду на службу царскую; въ гостяхъ бываетъ только въ клубѣ, куда входить не имѣю права, къ тому же съ нимъ надо няньчиться, до чего я не охотникъ и не мастеръ. У него

ковскомъ Вѣстникѣ, слѣдственно и вы также. Непремѣнно же будьте нашъ. Погодинъ вамъ убѣдительно кланяется, *Тригорское* ваше, съ вашего позволенія, напечатано будетъ въ 2-мъ № *Московскаго Вѣстника*. Рады ли вы журналу? Пора задушить альманахъ. Дельвигъ нашъ. Одинъ Вяземскій остался твердъ и вѣренъ *Телеграфу*,—жаль, но что-жъ дѣлать"?[79]) Но князь П. А. Вяземскій остался „твердъ и вѣренъ" *Телеграфу* по той причинѣ, что былъ „въ полномъ смыслѣ крестнымъ отцомъ *Телеграфа* и измѣнить крестнику своему не хотѣлъ и не могъ". Вотъ что́ повѣствуетъ онъ о происхожденіи *Московскаго Телеграфа*: „Полевой былъ въ то время, т.-е. въ 1824 г., еще литераторомъ in partibus infidelium. Едва ли не противъ меня были обращены первыя дѣйствія его. По крайней мѣрѣ ему приписывали довольно бранное посланіе на имя мое, напечатанное въ *Вѣстникѣ Европы*, въ отвѣтъ на мое извѣстное и также не слишкомъ вѣжливое посланіе къ Каченовскому. Какъ бы то ни было, Полевой со мной познакомился и бывалъ у меня по утрамъ. Однажды засталъ онъ у меня графа Михаила Вельегорскаго. Рѣчь зашла о журналистикѣ. Вьельгорскій спросилъ Полеваго, что́ онъ дѣлаетъ теперь. Да покамѣстъ ничего,—отвѣчалъ онъ.—Зачѣмъ не приметесь вы издавать журналъ? продолжалъ графъ. Тотъ благоразумно отнѣкивался за недостаткомъ средствъ и другихъ приготовительныхъ пособій. Юноша былъ тогда скроменъ и застѣнчивъ. Вьельгорскій настаивалъ и преслѣдовалъ мысль свою; онъ указалъ на меня, что я и пріятели мои не откажутся содѣйствовать ему въ предпріятіи его, и такъ далѣе—дѣло было рѣшено. Вотъ какъ въ кабинетѣ (московскаго) дома моего въ Чернышевомъ переулкѣ зачато было дитя, которое послѣ надѣлало много шума на бѣломъ свѣтѣ. Я закабалилъ себя *Телеграфу*. Почти въ одно время закабалилъ себя Пушкинъ *Московскому Вѣстнику*. Но онъ скоро вышелъ изъ кабалы, а я втерся и въѣлся въ свою всѣми помышленіями и всѣмъ тѣломъ". И князь Вяземскій оставался „твердъ и вѣренъ" *Московскому Телеграфу* до тѣхъ поръ, пока образъ дѣйствія издателя согласовался съ

литературными убѣжденіями князя Вяземскаго. „Литературная совѣсть моя не уступчива, а щекотлива и брезглива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки [80])“.

Между тѣмъ Погодинъ получилъ въ это время изъ Петербурга оффиціальное разрѣшеніе издавать *Московскій Вѣстникъ* и въ восторгѣ въ своемъ *Дневникѣ* 1826 года, подъ 6 ноября, возглашаетъ: *Ура*!

IX.

Почти одновременно съ Пушкинымъ, т.-е. въ концѣ октября 1826, выѣхалъ изъ Москвы и Д. В. Веневитиновъ. Переѣздомъ въ Петербургъ и поступленіемъ на службу въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ Веневитиновъ обязанъ былъ торжеству коронаціи и наплыву въ Москву представителей высшей администраціи, которые не могли не обратить вниманія на даровитаго юношу. Дѣло въ томъ, что занятія въ Московскомъ Архивѣ у А. Ѳ. Малиновскаго не удовлетворяли молодыхъ людей [81]); а между тѣмъ у Веневитинова, по свидѣтельству Погодина, былъ такой планъ, который, по его собственному сознанію, и „у него былъ нѣкогда“: „Служить, выслуживаться, быть загадкою, чтобы наконецъ, выслужившись, занять значительное мѣсто и имѣть большой кругъ дѣйствія. Это планъ Сикста V-го“ [82]). Но въ то время перейти на службу въ Петербургъ было трудно безъ личныхъ связей. Такія связи чрезъ своихъ родныхъ нашли изъ архивныхъ юношей: А. И. Кошелевъ въ Р. А. Кошелевѣ и князѣ С. И. Гагаринѣ; князь В. Ѳ. Одоевскій въ Васильѣ Сергѣевичѣ Ланскомъ, управлявшемъ въ то время Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ; а Д. В. Веневитинову помогла, по всей вѣроятности, та особа, гостиная которой составляла, какъ мы уже знаемъ, центръ для тогдашней московской молодежи, именно княгиня З. А. Волконская. Съ семействомъ же Веневитиновыхъ Бѣлосельскіе и Волконскіе были въ старинныхъ

пріятельскихъ и даже дружескихъ сношеніяхъ, а потому слово, замолвленное княгинею З. А. Волконскою за Веневитинова, могло имѣть успѣхъ у графа Лаваля и особенно у князя П. М. Волконскаго, а чрезъ послѣдняго и у министра Иностранныхъ Дѣлъ графа Нессельроде.

Въ октябрѣ Веневитиновъ сталъ собираться въ Петербургъ, гдѣ у него уже были на службѣ нѣкоторые товарищи и между прочимъ Өедоръ Степановичъ Хомяковъ, который въ это время находился временно въ Москвѣ и, возвращаясь въ Петербургъ, предложилъ Веневитинову ѣхать съ нимъ вмѣстѣ и даже вмѣстѣ жить въ чужомъ для нихъ обоихъ городѣ [83]).

Отъѣздъ Веневитинова изъ Москвы былъ для Погодина очень чувствителенъ, независимо отъ дружбы, между ними завязавшейся, которую герой нашъ запечатлѣлъ посвященіемъ своего перевода *Гецъ фонъ-Берлихингенъ*, трагедіи Гете, „Дмитрію Владиміровичу Веневитинову въ знакъ дружбы посвящаетъ М. Погодинъ 1826. Сентября 21“ [84]). Отъѣздъ Веневитинова былъ также очень чувствителенъ и для *Московскаго Вѣстника*, въ учрежденіи котораго онъ принималъ такое живое и дѣятельное участіе. Впрочемъ, и по переѣздѣ въ Петербургъ, какъ мы увидимъ, Веневитиновъ не охладѣлъ къ этому предпріятію.

Въ описываемое время пріѣхалъ въ Москву изъ Сибири библіотекарь графа Лаваля французъ Воше. провожавшій въ ссылку княгиню Е. И. Трубецкую, рожденную Лаваль. Воше остановился въ домѣ княгини З. А. Волконской. Въ то время все, что имѣло отношеніе къ декабристамъ, подвергалось наблюденію и бдительному надзору полиціи. Въ надеждѣ избавить Воше отъ подозрительности властей княгиня Волконская устроила ему совмѣстную поѣздку въ Петербургъ съ Веневитиновымъ и Хомяковымъ, какъ съ лицами, непричастными къ декабристамъ. Такимъ образомъ сопутничество вышеназванныхъ молодыхъ людей могло вполнѣ обезпечивать француза Воше отъ всякихъ опасеній. Случилось однако иначе. Поѣхали они въ двухъ экипажахъ. Воше сидѣлъ по пере-

мѣнно то съ однимъ, то съ другимъ изъ своихъ спутниковъ. Путешествіе началось очень благополучно. „Мы пріѣхали въ Торжекъ“, писалъ Веневитиновъ къ своимъ роднымъ „самымъ благополучнымъ образомъ. Я очень радъ путешествовать вмѣстѣ съ Воше, это самый милый малый на свѣтѣ, и я уже полюбилъ его всею душею“ [85]).

Великій Новгородъ вызвалъ изъ сердца Веневитинова слѣдующія вдохновенныя строки:

Ты ль предо мной, о древній градъ,
Довольства, славы и торговли!
Какъ живо сердцу говорятъ
Холмы разсѣянныхъ обломковъ!
Не смолкли въ нихъ твои дѣла,
И слава предковъ перешла
Въ уста правдивыя потомковъ.
О Новгородъ въ вѣковой одеждѣ
Ты предо мной — — —
Твой прахъ гласитъ, какъ бдящій вѣстникъ
О непробудной старинѣ — —
Отвѣтствуй городъ величавый:
Гдѣ времена цвѣтущей славы, — —
И эта гордая волна
Носила дань войны жестокой [86])

Стихотвореніе это Веневитиновъ посвятилъ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой и отправилъ къ Погодину для доставленія по принадлежности, что сей послѣдній исполнилъ въ точности и записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Отдалъ покраснѣвшей Александрѣ Ивановнѣ *Новгородъ* Веневитинова“ [87]). Послѣдуемъ за нашими путешественниками далѣе. Подъѣзжая къ Петербургу, Воше не избѣгъ обычныхъ вопросовъ на заставѣ и былъ, какъ личность подозрительная, подвергнутъ аресту. Веневитиновъ, сидѣвшій тогда въ одномъ съ нимъ экипажѣ, былъ также арестованъ и просидѣлъ сутки или около двухъ на одной изъ петербургскихъ гауптвахтъ и провелъ это время въ крайне сыромъ, холодномъ и нездоровомъ помѣщеніи. Этотъ арестъ ни въ чемъ неповиннаго Веневитинова имѣлъ для него роковыя послѣдствія. Такъ что, когда Веневитиновъ представлялся своему новому начальству въ

Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, то директоръ Азіятскаго Департамента, почтенный Родофиникинъ послѣ продолжительнаго съ нимъ разговора былъ пораженъ его болѣзненнымъ видомъ и къ своему отзыву о немъ, какъ о человѣкѣ, подававшемъ большія надежды и обѣщавшемъ Азіятскому Департаменту много пользы вслѣдствіе прекраснаго знанія греческаго языка, прибавилъ при словесномъ докладѣ графу Нессельроде: „Но мы имъ не долго воспользуемся, у него смерть на глазахъ, онъ долженъ скоро умереть“ [88]).

Проводивши со слезами Веневитинова, послѣдуемъ за Пушкинымъ и найдемъ въ немъ свое утѣшеніе. „Возвращайтесь!“, писала ему княгиня З. А. Волконская, „Московскій воздухъ какъ будто полегче. Великому русскому поэту подобаетъ писать или среди раздолья степей, или подъ сѣнію Кремля; творецъ *Бориса Годунова* принадлежитъ городу царей. Отъ какой матери родился человѣкъ, геній котораго есть сила, изящество, непринужденность, который, являясь то дикаремъ, то европейцемъ, то Шекспиромъ и Байрономъ, то Аріостомъ или Анакреономъ, но всегда оставаясь русскимъ, умѣетъ переноситься отъ лиры къ драмѣ, отъ пѣсенъ, то полныхъ любовной нѣги, то простодушныхъ, то подъ часъ даже суровыхъ, то романтическихъ, то ѣдкихъ — къ важному и безъискусственному тону строгой исторіи“ [89]). Между тѣмъ, до высшей власти дошло извѣстіе, что Пушкинъ въ Москвѣ читалъ *Бориса Годунова* еще до представленія этого сочиненія на разсмотрѣніе Государя и за это чрезъ графа Бенкендорфа онъ получилъ легкое замѣчаніе [90]). По этому поводу Пушкинъ изъ Пскова писалъ Погодину: „Милый и почтенный, ради Бога, какъ можно скорѣе остановите въ московской цензурѣ все, что носитъ мое имя. *Такова воля высшаго начальства*; покамѣстъ не могу участвовать и въ вашемъ журналѣ; но все перемелется и будетъ мука, а намъ хлѣбъ да соль. Некогда пояснять; до свиданія скораго. Жаль, что договоръ нашъ не состоялся“ [91]). О томъ же писалъ Пушкинъ и Соболевскому: „Освобожденный отъ цензуры, я долженъ однакожъ, прежде

съ *Телеграфомъ* не худо бы сначала жить въ ладу; не уг
ждаю этого рѣшительно, потому что не знаю, какъ ве
себя Полевой. Критику выходящихъ книгъ возьму я охо
на себя, но надобно, чтобъ онѣ выходили, а здѣсь нич
не слыхать до сихъ поръ. Cousin издалъ книгу прекрасну
и я непремѣнно доставилъ бы о ней статью, но погоди
Если мы сначала будемъ занимать публику самыми строгим
статьями, то насъ назовутъ педантами. Я намѣренъ послат
разборъ свой въ переводѣ къ самому Cousin и просить его сообщить мнѣ отвѣтъ для помѣщенія въ томъ же журналѣ. Cousin преблагородный человѣкъ, я знаю къ нему путь, и онъ вѣрно не откажется. Завтра буду я писать для того, чтобы доставить вамъ новыхъ сотрудниковъ, а именно: Klaprot и Гульянова. Всѣ они пріобрѣли славу европейскую. На-дняхъ познакомлюсь съ Сенковскимъ, который не откажетъ въ повѣстяхъ съ арабскаго. Я заставляю всѣхъ трудиться и даже Алексѣя Хомякова. Въ этомъ же письмѣ Веневитиновъ дѣлаетъ такой рѣзкій отзывъ объ И. И. Дмитріевѣ: „Дмитріевъ завистливъ и ему бы хотѣлось уронить хоть сколько нибудь Пушкина. Молодыхъ же людей онъ никого не похвалитъ, всегда видя въ нихъ соперниковъ. Впрочемъ, голоса онъ почти не имѣетъ. Напечатайте слѣдующіе стихи:

„Я слышалъ, камены тебя воспитали,
Дитя, засыпалъ ты подъ басеньки ихъ.
Безсмертный даръ свой тебѣ передали
И мы засыпаемъ на басняхъ твоихъ».

Чтобы не ввести въ заблужденіе читателя этимъ пристрастнымъ и одностороннимъ взглядомъ на нашего знаменитаго писателя, считаемъ долгомъ привести слѣдующее свидѣтельство князя П. А. Вяземскаго: „Пушкинъ не любилъ Дмитріева, какъ поэта, то-есть, правильнѣе сказать, часто не любилъ его. Скажу откровенно, онъ былъ или бывалъ сердитъ на него. Дмитріевъ, классикъ — не очень ласково привѣтствовалъ первые опыты Пушкина, а особенно поэму его

дѣлаетъ добрый, милый, умный и ученый Строевъ, котораго я люблю и который на меня сердится. Нѣсколько присланныхъ имъ малыхъ, но дорогихъ статеекъ лежатъ у меня безъ употребленія. Старая цензура запретила ихъ. Жду, что скажетъ новая" [98]). Въ это же время Погодинъ сблизился съ Павломъ Александровичемъ Мухановымъ, братомъ несчастнаго декабриста. Судьба любимаго брата поразила его жестоко. Въ занятіяхъ русскою исторіею искалъ онъ утѣшенія въ постигшей его скорби [99]). Такимъ образомъ общая страсть къ русской исторіи и къ книгамъ сблизила Погодина съ Мухановымъ и они до конца жизни оставались друзьями.

Въ это время въ домѣ Трубецкихъ совершилось событіе, о которомъ мы не считаемъ въ правѣ умолчать по близкимъ отношеніямъ Погодина къ этому дому. Въ ту пору рѣшилась судьба княжны Аграфены Ивановны Трубецкой и ей пришлось навсегда разстаться и съ родною ей Покровкой, и съ роднымъ селомъ Знаменскимъ. Сердце ея уже давно принадлежало двоюродному ея брату по матери, флигель-адъютанту Александру Павловичу Мансурову. Состоя съ 1818 г. адъютантомъ при князѣ П. М. Волконскомъ, онъ сопровождалъ Императора Александра I-го во всѣхъ его заграничныхъ путешествіяхъ и снискалъ своими достоинствами благоволеніе Монарха, который принималъ участіе и въ его интимной жизни. Императоръ зналъ о его привязанности къ княжнѣ Трубецкой и выразилъ согласіе, если возможно, устроить ихъ бракъ. Объ этомъ согласіи Императора Александра I сдѣлалось извѣстно и его Преемнику, у котораго наслѣдіемъ оказалось желаніе устроить судьбу Мансурова. Еще лѣтомъ Погодинъ шутилъ съ княжною Аграфеною „о трехъ годахъ, кои полагаетъ срокомъ княгиня для ея замужества". Накануне Покрова Погодинъ узнаетъ, что княжна выходитъ за Мансурова. „Наконецъ отдохнетъ мученица", замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*. На другой день онъ сообщаетъ объ этомъ своему другу Веневитинову, который очень этому обрадовался; а 12 ноября 1826 года Погодинъ уже пи-

руетъ на брачномъ пиру и потомъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующее: „Къ Трубецкимъ. Убираніе, благословеніе, прощаніе дѣвушки съ домомъ отеческимъ. Хотѣлось въ церковь. Ужиналъ много. Шампанское поздравительное“ [100]). Когда Веневитиновъ, уже будучи въ Петербургѣ, узналъ объ этомъ, то писалъ Погодину: „Засвидѣтельствуй мое почтеніе Аграфенѣ Ивановнѣ и княжнѣ. Дай Богъ, чтобы онѣ были столько же счастливы и веселы, сколько они добры и снисходительны. А я умѣю цѣнить ихъ благосклонность и быть благодарнымъ“ [101]). Однажды Погодинъ посѣтилъ новобрачныхъ, и Аграфена Ивановна разсказала ему „исторію любви своей съ А. П. Мансуровымъ“. „Достойная женщина!“, восклицалъ Погодинъ [102]). Но, 54-е правило Вселенскаго Собора повелѣваетъ: *Да не попустиши двоюродной сестрѣ сочетатися бракомъ съ двоюроднымъ братомъ... Если же что таковое сдѣлано будетъ, по расторженіи брака виновные да подвержены будутъ семилѣтней епитиміи*; а потому противъ этого брака, какъ анти-церковнаго, возставала мать новобрачной, благочестивая княгиня Екатерина Александровна и строгій блюститель церковныхъ законовъ митрополитъ московскій Филаретъ. Радостно и поучительно внимать глаголамъ, преподаваемымъ по этому поводу Святителемъ Московскимъ князю Александру Николаевичу Голицыну: „Московская церковь молитъ Бога, да обратитъ проницательный взоръ Благочестивѣйшаго Государя на дѣло правосудія церковнаго къ охраненію священныхъ правилъ и къ отвращенію всякаго соблазна. О неприкосновенности правила Вселенскаго Собора, котораго предѣлъ если преступить, то неизвѣстно будетъ, на чемъ остановиться. О томъ, чтобы не распространять въ народѣ неблагопріятныхъ впечатлѣній, особенно во времена, требующія всякой осторожности. О достойномъ употребленіи именъ священныхъ и высокихъ, т.-е. царскихъ. Епископъ связанъ священными узами, и какъ подниметъ руку сокрушить ихъ? И если подниметъ, какъ послѣ сего будетъ вѣрить его суду Церковь и православный Государь. Умоляю

ваше сіятельство поставить себя на моемъ мѣстѣ и войти въ чувствованіе затрудненія, въ которое поставляетъ меня не другое что, какъ желаніе сохранить несмущенную совѣсть предъ Богомъ и Государемъ".

Хотя князь А. Н. Голицынъ и писалъ Митрополиту, что „Государь Императоръ пошлетъ приказаніе Мансурову не оставаться долѣе въ Москвѣ, а ѣхать въ Петербургъ, чтобы потомъ отправиться въ Берлинъ и потому князь Голицынъ выразилъ надежду, что симъ кончится деликатное положеніе Митрополита по оному дѣлу"; но какъ бы то ни было, въ бумагахъ митрополита Филарета сохранилось собственноручное черновое всеподданнѣйшее прошеніе его слѣдующаго содержанія:

„Всемилостивѣйшій Государь! Священный долгъ служить Вашему Императорскому Величеству вѣрою и правдою особенно вожделѣннымъ для меня дѣлаетъ благодарность къ милостямъ и благодѣяніямъ Вашего Императорскаго Величества, неизреченно для меня великимъ. Но, при сознаніи внутреннихъ моихъ недостатковъ, немощь тѣлесная, въ теченіе немалаго времени едва преодолѣваемая принужденными усиліями, наконецъ отнимаетъ у меня надежду соотвѣтствовать обязанностямъ ввѣреннаго мнѣ служенія. Посему пріемлю дерзновеніе Ваше Императорское Величество всеподданнѣйше просить о увольненіи меня отъ управленія ввѣренною мнѣ епархіею и о высочайшемъ дозволеніи мнѣ, съ согласія Святѣйшаго Сѵнода, избрать жительство безъ управленія, въ одномъ изъ монастырей, гдѣ здоровый воздухъ и не слишкомъ большая отдаленность отъ врачебныхъ пособій позволили бы мнѣ оберегать остатки разрушающагося здоровья на послѣднее служеніе посильными молитвами о мирѣ церкви и о долгоденственномъ и о благоденственномъ царствованіи Вашего Императорскаго Величества и на собственное приготовленіе къ предстоящему суду Христову". Было ли подано это прошеніе и какой былъ отвѣтъ — остается намъ неизвѣстнымъ [103]).

X.

19 декабря 1826 года Погодинъ, сидя дома, вдругъ услышалъ шумъ и стукъ: является Шевыревъ, Соболевскій и восклицаютъ: „пріѣхалъ Пушкинъ!". Сначала Погодинъ не повѣрилъ имъ, но потомъ убѣдился. Вмѣстѣ съ тѣмъ они сообщили ему радостную вѣсть, что Пушкинъ принимаетъ такое же участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, какъ и самъ редакторъ, и „даетъ все" [104]). Въ этотъ пріѣздъ свой въ Москву Пушкинъ остановился у Соболевскаго на Собачьей площадкѣ въ домѣ Ренкевича (нынѣ Левенталя). Ровно черезъ сорокъ одинъ годъ Соболевскій писалъ Погодину: „Заѣзжайте въ кабакъ!! Я вчера тамъ былъ, но ни вина, ни меда не пилъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Мы ѣхали съ Лонгиновымъ черезъ Собачью площадку; сравнявшись съ угломъ ея, я показалъ товарищу домъ Ренкевича, въ которомъ жилъ я, а у меня Пушкинъ. Сравнялись съ прорубленною мною дверью на переулокъ—видимъ на ней вывѣску: *продажа вина и проч.* Sic transit gloria mundi!!! Стой, кучеръ! Вылѣзли изъ возка и пошли туда. Домъ совершенно не измѣнился въ расположеніи: вотъ моя спальня, мой кабинетъ, та общая гостиная, въ которую мы сходились изъ своихъ половинъ, и гдѣ засѣдалъ Александръ Сергѣевичъ въ Самоѣдскомъ ергакѣ. Вотъ гдѣ стояла кровать его; вотъ гдѣ такъ нѣжно возился и нянчился онъ съ маленькими датскими щенятами. Вотъ гдѣ собирались Веневитиновъ, Кирѣевскій, Шевыревъ, Рожалинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, вы, я... и другіе мужи, вотъ гдѣ болталось, смѣялось, вралось и говорилось умно!!! Кабатчикъ, принявшій насъ съ почтеніемъ, должнымъ такимъ посѣтителямъ, которые вылѣзли изъ экипажа, очень былъ удивленъ нашему хожденію по комнатамъ заведенія. На вопросъ мой: слыхалъ ли онъ о Пушкинѣ? онъ сказалъ утвердительно, но что-то заикаясь. Въ другой странѣ у бусурмановъ и на дверяхъ сдѣлали бы надпись: здѣсь жилъ Пушкинъ. И въ углу бы

написали: здѣсь спалъ Пушкинъ! — и такъ далѣе". Это письмо вызвало воспоминаніе и въ Погодинѣ: „Помню, помню", писалъ онъ, „живо этотъ знаменитый уголокъ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ 1826 и 1827 году, помню его письменный столъ, между двумя окнами, надъ которымъ висѣлъ портретъ Жуковскаго съ надписью: *ученику побѣдителю отъ побѣжденнаго учителя*. Помню диванъ въ другой комнатѣ, гдѣ за вкуснымъ завтракомъ—хозяинъ былъ мастеръ этого дѣла—началъ онъ читать мою *Русую Косу* и дойдя до мѣста въ началѣ, гдѣ одинъ молодой человѣкъ выдумалъ новость другому любителю словесности, чтобъ вызвать его изъ задумчивости: „Жуковскій перевелъ Байронова *Мазепу*", вскрикнулъ съ восторгомъ, „какъ! Жуковскій перевелъ Мазепу!". Однажды мы пришли къ Пушкину рано съ Шевыревымъ за стихотвореніемъ для *Московскаго Вѣстника*, чтобъ застать его дома, а онъ еще не возвращался съ прогульной ночи и пріѣхалъ при насъ. Помню, какъ намъ было неловко, въ какомъ странномъ положеніи мы очутились изъ области поэзіи въ области прозы" [105]). Любопытно сопоставить съ этимъ *воспоминаніемъ* современное свидѣтельство самого Погодина, находящееся въ *Дневникѣ* его подъ 28 декабря 1826 года: „У Пушкина (т.-е. въ описанной выше квартирѣ). Досадно, что свинья Соболевскій свинствуетъ при всѣхъ. Досадно, что Пушкинъ *въ развращенномъ видѣ* пришелъ при Волковѣ. Ѣздилъ для него на почту. *Борисъ* пропущенъ. Читалъ Афоризмы. Здѣсь есть глубокія мысли, сказалъ Пушкинъ".

Петербургскіе друзья Погодина и издалеча принимали живѣйшее участіе въ судьбахъ *Московскаго Вѣстника*. „Чтò дѣлаетъ нашъ журналъ?" писалъ Веневитиновъ Соболевскому, „Я надѣюсь, что ты — изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ: а именно понукаешь Погодина впередъ, ругаешь Полеваго, выжимаешь изъ Шевырева статьи и выкидываешь тернія и зелія недостойныя изъ нашего цвѣтущаго сада. Если ты хорошо вникнулъ въ роль свою, то ты увидѣлъ, что она не противорѣчитъ твоей гордой и солидной осанкѣ. Ты долженъ

быть крѣпкій цементъ, связующій камни сего новаго зданія; отъ тебя зависитъ его прочность. Надобно, чтобы въ каждомъ нумерѣ было имя Пушкина. Скажу тебѣ искренно, что здѣсь отъ этого журнала много ожидаютъ; самъ Пушкинъ писалъ сюда о немъ. Скажи нашимъ, чтобы они не щадили Булгарина, Воейкова и прочихъ. Истинные литераторы за насъ. Дельвигъ также поможетъ и Крыловъ не откажется отъ участія. Принимайтесь только задѣло единодушно и оно покатится" [106]). Самому же Погодину Веневитиновъ писалъ (отъ 17 ноября 1826 года): „Дельвига по сихъ поръ не могъ видѣть. Какая-то судьба мѣшаетъ намъ знакомиться. Я къ нему, онъ ко мнѣ. Я къ Пушкинымъ, онъ отъ нихъ. Я расположенъ здѣсь заняться дѣломъ. Сегодня переѣзжаю на мою квартиру, которая будетъ моею пустынею. Въ ней, надѣюсь, умрутъ всѣ мои предразсудки и воскреснутъ, прозябнутъ сѣмена добрыя. Уединеніе мнѣ было нужно, и шагъ рѣшительный сдѣланъ. Какъ я живо представляю вашъ праздникъ и милаго, премилаго Шевырева". Въ другомъ письмѣ, (отъ 1 декабря 1826 года), Веневитиновъ пишетъ: „Я былъ у Козлова, и онъ обѣщалъ мнѣ. Не худо, если ты самъ напишешь ему, въ которомъ скажешь: что ты поручилъ мнѣ просить его быть участникомъ въ журналѣ, что я объявилъ тебѣ его согласіе, и ты поставляешь себѣ долгомъ благодарить его и просить украсить своимъ стихомъ первые нумера *Вѣстника*. Если почитаешь за нужное предлагать ему условія, то возьми этотъ трудъ на себя; а мнѣ нельзя ни торопить старика, ни говорить ему объ условіяхъ, ибо онъ обѣщалъ мнѣ стихи, какъ авторъ, который не продаетъ ихъ, но слышитъ съ удовольствіемъ объ нашемъ предпріятіи, и самъ вмѣняетъ себѣ въ честь участвовать въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ участвуютъ Пушкинъ и другіе литераторы. Ты же, какъ редакторъ, можешь объявить ему, что журналъ издается не въ твою пользу, и что ты долженъ вознаграждать труды всѣхъ, участвующихъ въ ономъ. Въ этомъ ничего нѣтъ неловкаго. Мнѣ что-то все грезится стихами. Если тебѣ нѣ-

которые понравятся, то не печатай ихъ, не предупредивъ меня, потому что эти пьесы какъ-то всѣ связаны между собою, и мнѣ бы хотѣлось напечатать ихъ въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они были написаны.

Почти всѣ тѣ, которыхъ я здѣсь видѣлъ, подписываются на нашъ журналъ и ожидаютъ его съ нетерпѣніемъ. Въ обществахъ петербургскихъ наше предпріятіе не безъ защитниковъ, и мнѣ кажется, я могу сказать тоже рѣшительно, что общее мнѣніе за насъ. Говорю это искренно, а не для того, чтобы тебя обрадовать. Отнимать у Полевого *Вадима* не годится. Пушкинъ вѣрно никогда на это не дастъ своего согласія; а надобно требовать отъ него позволенія напечатать въ 1-мъ нумерѣ *Вѣстника*, что онъ ни въ какомъ другомъ журналѣ помѣщать стиховъ своихъ не будетъ, исключая *Вадима*, котораго онъ въ такомъ-то мѣсяцѣ отдалъ г. Полевому и который по причинамъ, неизвѣстнымъ автору, еще не напечатанъ. Пиши къ нему чаще; ты имѣешь на то полное право, купленное и твоимъ знакомствомъ, и 10 тыс. рублями. Вообще опояшься твердостью и рѣшимостью, необходимою для издателя журнала. Искренность не нахальство. Вотъ тебѣ урокъ, любезный другъ. Прости мнѣ его ради дружбы; онъ можетъ быть не безполезенъ". Наконецъ, Погодинъ получаетъ отъ своихъ петербургскихъ друзей посланіе подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Въ канцелярію Издателей Московскаго Вѣстника изъ С.-Петербургскаго отдѣленія. Всепокорнѣйшій рапортъ отъ Д. Веневитинова и Одоевскаго Погодину:* Мы нижеподписавшіеся извѣщаемъ издателя *Московскаго Вѣстника,* что мы съ удовольствіемъ принимаемъ на себя отдѣлъ критики съ тѣмъ только условіемъ, что всѣ наши статьи, какъ-бы они задорны ни казались мягкосердечному Погодину, помѣщались безъ разведенія водою (Рукою Д. Веневитинова). Нижеподписавшійся, подтверждая все вышесказанное, прибавляетъ еще условіе: его имени никому не открывать и не подписывать. Браниться—радъ (Рукою Одоевскаго). Подъ мои статьи мо-

жете ставить *B* или *въ*, но не больше. Письмо твое отдамъ завтра Козлову (Рукою Д. Веневитинова).

Рожалину: Кто вбилъ тебѣ въ голову, что я связался съ Булгаринымъ. Я и въ лицо его не видалъ и вѣрно къ нему съ первымъ визитомъ не поѣду (Рукою Д. Веневитинова). А у тебя, отецъ святой, прошу благословенья! Что до труда касается, съ тебя буду примѣръ брать. Нельзя ли попросить Мещерскаго уступить мнѣ, за что хочетъ, Voyage de Montaigne en Italie (Рукою Одоевскаго).

Соболевскому: Ты, попавшійся на истинное мѣсто свое на средину, животъ многъ содержащій и ничего не испускающій, призри на меня грѣшнаго, совершенно совратившагося съ пути гастрономическаго, презирающаго устрицами, боящагося лимбургскаго сыра, чтó не должно тебя пугать; ибо для тебя больше того и другого останется. Недавно я познакомился съ твоимъ однокорытникомъ, Глинкою, чудо малый. Музыкантъ, какихъ мало. Не въ тебя уродъ (Рукою Одоевскаго).

Титову: Здравствуй, душенька, Володенька,—ты думалъ, что я забылъ тебя—ничуть; не писалъ—правда; да когда? Дѣти просятъ каши, жена—не скажу. Ты ѣдешь въ Питеръ—жду; пріѣзжай, душка, трубку дамъ. Пиши ко мнѣ. (Рукою Одоевскаго). На послѣднее письмо твое еще не отвѣчалъ, любезный другъ, потому что все это время я почти не выпускалъ пера изъ рукъ. Благодарю тебя, безъ фразы, за твою дружбу. Трудитесь, мы съ Одоевскимъ, надѣюсь, не отстанемъ. Авось не даромъ соединили усилія. Соболевскому нѣтъ мѣста писать. (Рукою Д. Веневитинова).

Шевыреву: Малютку цѣлую и ласкаю. Умница мальчикъ; пишетъ, переводитъ; а нѣтъ, чтобы ко мнѣ написать (Рукою Одоевскаго). Молодецъ Шевыревъ! Я еще не выспался въ Петербургѣ, а онъ уже отвѣчалъ. *Валенштейновъ лагерь* Рожалинъ говоритъ, что славно, и я вѣрю. Печатай его въ первыхъ книжкахъ; онъ понравится. Я бы отвѣчалъ тебѣ риѳмами на риѳмы; но я такъ много риѳмовалъ, не худо

свой запасъ рѳемъ поберечь на черный день. Покамѣстъ довольствуйся дружбой за дружбу (Рукою Д. Веневитинова)". Погодинъ старался также привлечь къ *Московскому Вѣстнику* и ученыя силы петербургскія, и прежде всѣхъ завербовалъ почтеннаго Кеппена, который писалъ ему, отъ 15 ноября 1826 года: „А. Х. Востоковъ и я, мы оба весьма согласны содѣйствовать вамъ въ изданіи *Московскаго Вѣстника*. Тутъ же встрѣчаемъ мы и почтенныхъ нашихъ литературныхъ сослуживцевъ, Калайдовича и Строева. Но Востоковъ, также какъ и я, можетъ токмо располагать минутами. Что касается до меня, то я могу нѣсколько распространить мою иностранную переписку, вознаграждая издержки по оной платежемъ редакціи *Московскаго Вѣстника*. Какъ Востоковъ, такъ и я, оба мы согласны быть сотрудниками на слѣдующихъ условіяхъ. Плата отъ печатнаго листа 100 р. Если же число подписчиковъ на ваше изданіе будетъ мало, то мы охотно безъ всякаго платежа будемъ сообщать вамъ хотя краткія статьи. Въ такомъ случаѣ потребно будетъ только небольшое вознагражденіе за издержки корреспондентскія. Сейчасъ пишу къ Ѳ. В. Булгарину, прося его вписать наши имена въ списокъ лицамъ, принимающимъ участіе въ изданіи *Московскаго Вѣстника*". Хотя въ то время Михаилъ Александровичъ Дмитріевъ по своимъ литературнымъ убѣжденіямъ принадлежалъ къ другому приходу, но тѣмъ не менѣе онъ по дружбѣ своей съ Погодинымъ не отказался участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и писалъ его редактору отъ 26 декабря 1826 года:

Вотъ вамъ тетрадь моихъ стиховъ,
Когда годятся для журнала!
Давно рука моя, давно ихъ сохраняла
Отъ журналистовъ и чтецовъ...
Не думайте, чтобъ я берегъ ихъ потаенно,
Считая даромъ дорогимъ:
Нѣтъ!.. Знаю, что они не бисеръ многоцѣнный,
Да не хотѣлось ихъ метать предъ Полевымъ! [107]).

Время, въ которое возникъ *Московскій Вѣстникъ*, по свидѣтельству Погодина, было самое благопріятное и ожи-

вленное въ литературѣ. „Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы. *Горе отъ ума* Грибоѣдова только что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ *Пророка* (который послѣ *Бориса* произвелъ наибольшее дѣйствіе) и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами *Онѣгина*, котораго до тѣхъ поръ напечатана была только первая глава. Между тѣмъ, на сценѣ представлялись водевили Писарева съ острыми его куплетами и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокошкинымъ. Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему *Скупаго*. Загоскинъ писалъ *Юрія Милославскаго*. Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гете. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами, или, вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь въ постоянныхъ, впрочемъ, сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полевого въ *Телеграфѣ*, союзъ его съ *Сѣверной Пчелой* Булгарина, желчныя выходки Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Надеждинъ, давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ *Сѣверными Цвѣтами*, Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ *Иліадой*,, Раичъ съ Тассомъ, и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ: у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго на Собачьей площадкѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, товарищъ Соболевскаго и Льва Пушкина, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка.

Горько мнѣ сознаться, что я пропустилъ нѣсколько изъ

этихъ драгоцѣнныхъ вечеровъ страха ради іудейска" [108])... „*Я* зналъ,—отмѣчаетъ далѣе Погодинъ, — о подозрѣніи на меня за *Нищаго*", помѣщеннаго въ *Ураніи;* новый предсѣдатель цензурнаго комитета князь Мещерскій послалъ на меня доносъ, выставляя *Московскій Вѣстникъ* отголоскомъ *14-го Декабря.* Мицкевичъ находился подъ надзоромъ полиціи, да и самъ Пушкинъ съ Баратынскимъ были не совсѣмъ еще обѣлены. Въ качествѣ редактора журнала я боялся слишкомъ часто показываться въ обществѣ людей, подозрительныхъ для правительства, и дѣйствительно, мнѣ пришлось бы плохо, еслибы въ цензурномъ комитетѣ не занялъ наконецъ мѣста Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ; онъ принялъ къ себѣ на цензуру *Московскій Вѣстникъ,* и мы съ Шевыревымъ успокоились".

XI.

Въ русской литературѣ *Московскій Вѣстникъ* останется навсегда достопамятнымъ потому, что на первый же его страницѣ впервые былъ оглашенъ отрывокъ изъ безсмертнаго творенія Пушкина *Борисъ Годуновъ:*

Еще одно, послѣднее сказанье,
И лѣтопись окончена моя;
Исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Мнѣ грѣшному. Не даромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтелемъ Господь меня поставилъ,
И книжному искусству вразумилъ... и пр.

Первая книжка *Московскаго Вѣстника* явилась въ свѣтъ во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ, гдѣ онъ прожилъ всю зиму и часть весны 1826—1827 г. Жизнь великаго поэта въ Москвѣ представляла собой рядъ торжествъ и забавъ. Онъ вставалъ поздно. Пріемная его всякій день была наполнена знакомыми и незнакомыми [109]); но эта разсѣянная жизнь нисколько не мѣшала ему украшать страницы *Мос-*

писалъ мой пріятель Баратынскій, оттого и не было ничего оскорбительнаго въ его сужденіяхъ, но для молодого писателя это былъ жестокій ударъ при самомъ началѣ литературнаго поприща, который рѣшилъ меня обратиться къ прозѣ" [135]).

XIV.

Въ мартѣ 1827 года всѣ друзья Погодина были потрясены извѣстіемъ о внезапной кончинѣ въ Петербургѣ Дмитрія Владиміровича Веневитинова. Ѳ. С. Хомяковъ, съ которымъ онъ жилъ, писалъ своему брату „Хотѣлось бы для твоего исправленія, чтобы ты пожилъ съ нами здѣсь, посмотрѣлъ на Димитрія. Это—чудо, а не человѣкъ; я передъ нимъ благоговѣю. Представь себѣ, что у него въ 24-хъ часахъ, изъ которыхъ составлены сутки, не пропадаетъ ни минуты, ни полминуты. Умъ, воображеніе и чувства въ безпрестанной дѣятельности. Какъ скоро онъ всталъ, и до самаго того времени, какъ онъ выѣзжаетъ, онъ или пишетъ или бормочетъ новые стихи; пріѣхалъ изъ гостей, весело ли ему было или скучно, опять за то же принимается, и это продолжается обыкновенно до 3-хъ часовъ ночи. На наше житье-бытье смѣшно смотрѣть: мы сидимъ въ двухъ комнатахъ, одна подлѣ другой съ открытыми дверями, часто въ одной, и въ цѣлый день иногда двухъ словъ не промолвимъ иначе, какъ за обѣдомъ или когда придетъ кто-нибудь къ намъ въ гости. Онъ рѣдко читаетъ, гулять никогда не ходитъ, выѣзжаетъ только по обязанности. Я въ большомъ былъ объ немъ безпокойствѣ на прошедшей недѣлѣ: у него сдѣлалось вдругъ воспаленіе въ груди и въ легкихъ, такъ что принуждены были кровь пустить. Въ ночь передъ кровопусканіемъ онъ совсѣмъ не засыпалъ, хотя я у него свѣчи потушилъ, все стихи ex-promptu и, кажется, бредилъ, потому что разыгрывалъ одинъ въ постели какую-то комедію; по утру же, пред-

часто бываетъ Сомовъ и т. п.; послѣдній взялъ у него, какъ говорятъ, для *Сѣверныхъ Цвѣтовъ* отрывокъ изъ *Онѣгина* и *Годунова*. Я желалъ бы знать отъ васъ, много ли онъ вамъ оставилъ и что̀ обѣщалъ? Ибо на его скорый возвратъ не разсчитывайте. Увѣдомьте объ этомъ скорѣе. Я жду возвращенія Дельвига изъ Ревеля: кажется, мы другъ другу понравились, къ тому же онъ знакомъ съ дядею моимъ, и мы вѣрно сладимъ; онъ имѣетъ вліяніе на Пушкина" [113]). Но послѣдній и безъ всякихъ „вліяній" сознавалъ свои нравственныя обязанности относительно *Московскаго Вѣстника*, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующія его строки (отъ 31 іюля 1827 г.) къ барону Дельвигу: „У меня на рукахъ *Московскій Вѣстникъ*, и я не могу его оставить на произволъ судьбы" [114]).

И самъ Погодинъ во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ нерѣдко посѣщалъ его. Они читали вмѣстѣ *Сѣверные Цвѣты*. При этомъ у Погодина мелькнула мысль „ошеломить эти *Цвѣты* чѣмъ нибудь капитальнымъ". Пушкинъ весьма сочувствовалъ повѣстямъ Погодина, но, сказавъ ему много лестнаго, однако прибавилъ: „за вами смотрѣть надо". Однажды Пушкинъ при Погодинѣ получилъ письмо отъ Туманскаго, который сообщалъ, что въ Одессѣ всѣ въ восхищеніи отъ *Московскаго Вѣстника* [115]); но самому Погодину онъ писалъ слѣдующее: „Журналъ вашъ находитъ въ нашемъ городѣ, вообще мало читающемъ русскія книги, большое число читателей. Нѣкоторыя статьи, въ особенности статьи историческія доставили всѣмъ мыслящимъ людямъ Одессы истинное удовольствіе. Но я не могу сказать того же о философическихъ отрывкахъ. Долгое еще время будутъ непонятны въ Россіи и несообразны съ нашимъ духомъ чрезвычайно отвлеченныя умствованія новыхъ нѣмецкихъ философовъ. Состояніе русскаго общества не таково, чтобы членамъ онаго можно было погружаться въ хаосъ мыслей, иногда исполинскихъ, часто остроумныхъ, но безплодныхъ въ приложеніи. Намъ нужны предметы, такъ сказать, осязательные. Чтобы сдѣлать жур-

налъ вашъ народнымъ и полезнымъ, вамъ чаще надо обращаться къ тому, чтó передъ нашими глазами дѣлается. Словомъ сказать, точка вашего зрѣнія на предметы должна быть Россія, а не Германія. Вотъ философія, которая можетъ имѣть благотворное вліяніе на просвѣщеніе въ нашемъ отечествѣ,—просвѣщеніе, котораго вы будете достойнымъ жрецомъ. Я по большей части доволенъ критическими статьями, помѣщаемыми въ вашемъ журналѣ, но и тутъ бываютъ нѣкоторые промахи. Напримѣръ, что нашелъ загадочнаго критикъ *Апологовъ* Остолопова въ успѣхахъ русской басни. Въ странѣ, гдѣ истина не можетъ явиться въ суровой наготѣ, она прибѣгаетъ къ иносказаніямъ, и получивъ однажды это направленіе, неминуемо должно усовершенствовать принятый ею родъ. Въ Аѳинахъ не было басни. На Востокѣ она уничтожится развѣ съ уничтоженіемъ деспотизма. Басня не есть знакъ ума младенчествующаго, но знакъ ума, работающаго въ оковахъ. Будь я въ Москвѣ, я сдѣлался бы вашимъ усерднѣйшимъ сотрудникомъ, ибо вижу въ васъ человѣка, искренно желающаго блага и истинно просвѣщеннаго“ [116]).

Въ началѣ мая 1827 года Пушкинъ получилъ дозволеніе на пребываніе и въ Петербургѣ. Въ іюнѣ онъ уже былъ на брегахъ Невы [117]). Между тѣмъ, несмотря на его соучастіе, журнальное дѣло у Погодина не ладилось, но тѣмъ не менѣе онъ рѣшился въ первомъ же нумерѣ *Московскаго Вѣстника,* напечатать *Письмо къ Издателю,* которое, такъ сказать, обливало послѣдняго холодною водою. „Ты мечтаешь“, читаемъ мы въ этомъ *Письмѣ,* „что всѣ обратили на тебя свое вниманіе, что всѣ готовы ободрять тебя на скользкомъ пути твоемъ... О, какъ ты заблуждаешься! Я подслушиваю иногда различные толки въ нашемъ свѣтѣ и до сихъ поръ услышалъ очень мало для тебя утѣшительнаго! Начнемъ съ великолѣпныхъ чертоговъ знатнаго, богатаго барина. Управитель его, которому всегда поручено читать газеты, объявивъ обо всѣхъ важныхъ новостяхъ, ни слова не промолвилъ о твоемъ журналѣ; онъ замѣтилъ издавна, что его баринъ всегда пропу-

скаетъ мимо ушей такія новости. Юный сынъ его не разсмотрѣлъ твоего объявленія, потому что глаза его разбѣжались по извѣстіямъ о первомъ собраніи, маскарадѣ и проч. Разсѣянная Эмилія, услышавъ за котильономъ отъ своего кавалера о новомъ журналѣ, спросила: тамъ будутъ и моды? и получивши отвѣтъ отрицательный, ужъ болѣе про него не спрашивала... Ты спѣшишь, какъ я вижу, къ тѣсной и темной кельѣ ученаго... Ты съ трепетомъ ожидаешь отъ него мнѣнія... Онъ прочелъ твое объявленіе и безмолвно положилъ его на свой столикъ... Но неужели никто не обратилъ на тебя взоровъ?.. Нѣтъ, ты можешь утѣшиться, другъ мой: на тебя обратили взоры, твоя же братія, журналисты. Смотри, одинъ изъ нихъ уже сталъ за уголъ и ищетъ камня потяжелѣе; другой прямо съ гордымъ видомъ хочетъ бросить тебѣ перчатку. Вотъ еще спѣшатъ къ тебѣ дюжина другая блѣдныхъ вдовцовъ Парнасскихъ, которые хотятъ пріютить у тебя сиротъ своихъ отчужденныхъ непризнательнымъ міромъ. Старые искатели всего новенькаго несутъ къ тебѣ свои лепты, въ надеждѣ купить на нихъ лѣкарства отъ скуки, ихъ убивающей. За нимъ течетъ и пестрая толпа любителей пестрой смѣси... Вотъ гости, пришедшіе на пиръ твой".

Въ слѣдующемъ же нумерѣ самъ Погодинъ отвѣчалъ на это письмо: „Ты несправедливо судишь о нашей публикѣ. Правда, что многіе у насъ читаютъ только по средамъ и субботамъ, и скорѣе узнаютъ о привозѣ голстинскихъ устрицъ и лимбургскаго сыра, нежели о появленіи новой басни Крылова или баллады Жуковскаго; правда, что многія дамы наши ничего не хотятъ знать, кромѣ извѣстій о модахъ и элегій Ламартиновыхъ, а Эмиліи не говорятъ о литературѣ даже и за котильонами... Правда, что чтеніе не сдѣлалось еще у насъ такою необходимостью, какъ у иностранцевъ; но правда и то, что во всѣхъ сословіяхъ нашего народа кругъ людей благомыслящихъ мало-помалу распространяется, что сіи люди жаждутъ познаній, такимъ людямъ посвящается *Московскій Вѣстникъ*. „Но неужели, въ упоеніи самолюбія, мечтаешь", говоритъ мой другъ,

„удовлетворить требованію такихъ людей?“ Нѣтъ. *Московскій Вѣстникъ* издается не однимъ мною, но многими занимающимися русскою литературою, кои, бывъ движимы чистымъ усердіемъ къ общему благу, рѣшились соединить свои усилія во-едино при семъ изданіи и принести общую жертву на алтарь отечественнаго просвѣщенія. Скажу теперь нѣсколько словъ о планѣ нашего журнала въ дополненіе къ сдѣланному объявленію, которое иные назвали недостаточнымъ, другіе—педантическимъ, третьи—(Сѣв. Пч. 1826 г. № 156)... но оставимъ ихъ. Всѣ книги можно раздѣлить на три разряда: одни заключаютъ въ себѣ собственно познанія, излагаемыя въ видѣ системы или науки; другія суть произведенія ума творящаго; третьяго рода книги заключаютъ матеріалы и пособія для наукъ. Журналъ есть книга общая. Съ тою же точностью, съ какою раздѣлили мы книги, означимъ и отдѣлы журнала. Къ первому отдѣлу *Московскаго Вѣстника* принадлежатъ произведенія ума творящаго. Это изящная словесность. За симъ отдѣломъ слѣдуетъ второй—науки. За науками слѣдуетъ критика. Это есть отдѣлъ собственно журнальный. Наконецъ, четвертый отдѣлъ журнала или *Смѣсь* составляютъ путешествія, документы историческіе, разысканія, анекдоты и пр. Мнѣ поручена редакція сего журнала, то есть я, отвѣчая за все изданіе, долженъ приводить доставляемыя и всѣми нами одобренныя статьи въ порядокъ, указывать сотрудникамъ на статьи, для журнала нужныя, смотрѣть за слогомъ. Я съ удовольствіемъ буду помѣщать насмѣшки надъ невѣжами, надъ всезнайками и пр., и всякую критику, самую язвительную, на самого себя, на своихъ сотрудниковъ, друзей и недруговъ. Таковъ нашъ планъ, наша цѣль, наши средства“ [118]).

Въ то же самое время Погодинъ получалъ изъ Петербурга довольно неободрительныя письма отъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, принимавшаго сердечное участіе въ успѣхѣ *Московскаго Вѣстника.* По выходѣ въ свѣтъ перваго нумера журнала Веневитиновъ, еще не имѣя его, писалъ Погодину

(отъ 7 января 1827 г.): „О первомъ нумерѣ *Вѣстника* уже носился слухъ, но слухъ еще невнятный и у меня журнала нѣтъ. Надѣюсь, что ты пришлешь мнѣ его. Получаешь ли ты иностранные журналы. Это необходимо. Заставляй переводить изъ нихъ всѣ ученыя статьи, объявляй о всѣхъ открытіяхъ, что поддерживаетъ *Телеграфъ*. Мы азіатцы, но имѣемъ претензію на европейское просвѣщеніе; хотимъ знать то, чтó знаютъ другіе и знать неучившись и только по журналамъ. Въ первый годъ надобно жертвовать своими правами даже несправедливымъ требованіямъ публики. И такъ, на первый годъ девизъ журнальный долженъ быть Ament meminisse periti. На слѣдующій годъ, когда журналъ завлечетъ читателей, мы покажемъ имъ пропущенную часть стиха Ignoti discant. Молодцы петербургскіе журналисты, все пронюхали до малѣйшей подробности: твой договоръ съ Пушкинымъ и имена всѣхъ сотрудниковъ. Но пускай, они вредить тебѣ не могутъ. Главное отнять у Булгариныхъ ихъ вліяніе". Но когда Веневитинову „по милости" барона Дельвига удалось „заглянуть въ *Московскій Вѣстникъ*, то писалъ: „онъ по росту никакъ не сравняется съ Шевыревымъ *). Скажу тебѣ откровенно, здѣсь говорятъ, что ожидали болѣе отъ перваго нумера; а познакомившись короче съ этимъ журналомъ, онъ не безъ горечи замѣтилъ: „Мнѣ давно хотѣлось поговорить съ тобою, именно, о нашемъ общемъ дѣлѣ, т.-е. о журналѣ. Публика ожидаетъ отъ него статей дѣльныхъ и даже безъ всякой примѣси этого вздора, который украшаетъ другіе журналы. Говорю это рѣшительно; потому что вслушивался съ намѣреніемъ во всѣ толки о *Московскомъ Вѣстникѣ*. Двѣ книжки кажутся немного бѣдными, особенно первая, а вотъ тому причины: во-1-хъ, мало листовъ, во-2-хъ, слишкомъ крупны статьи. Наконецъ, нѣтъ почти никакихъ современныхъ извѣстій. Брань начинать намъ рано. Пусть бросятъ въ него первый камень; тогда и мы будемъ отвѣчать, и я вѣрно отъ храбрѣйшихъ не отстану. Я уже говорилъ, что

*) Шевыревъ былъ маленькаго роста.

съ *Телеграфомъ* не худо бы сначала жить въ ладу; не утверждаю этого рѣшительно, потому что не знаю, какъ ведетъ себя Полевой. Критику выходящихъ книгъ возьму я охотно на себя, но надобно, чтобъ онѣ выходили, а здѣсь ничего не слыхать до сихъ поръ. Cousin издалъ книгу прекрасную, и я непремѣнно доставилъ бы о ней статью, но погодите. Если мы сначала будемъ занимать публику самыми строгими статьями, то насъ назовутъ педантами. Я намѣренъ послать разборъ свой въ переводѣ къ самому Cousin и просить его сообщить мнѣ отвѣтъ для помѣщенія въ томъ же журналѣ. Cousin преблагородный человѣкъ, я знаю къ нему путь, и онъ вѣрно не откажется. Завтра буду я писать для того, чтобы доставить вамъ новыхъ сотрудниковъ, а именно: Klaprot и Гульянова. Всѣ они пріобрѣли славу европейскую. На-дняхъ познакомлюсь съ Сенковскимъ, который не откажетъ въ повѣстяхъ съ арабскаго. Я заставляю всѣхъ трудиться и даже Алексѣя Хомякова. Въ этомъ же письмѣ Веневитиновъ дѣлаетъ такой рѣзкій отзывъ объ И. И. Дмитріевѣ: „Дмитріевъ завистливъ и ему бы хотѣлось уронить хоть сколько нибудь Пушкина. Молодыхъ же людей онъ никого не похвалитъ, всегда видя въ нихъ соперниковъ. Впрочемъ, голоса онъ почти не имѣетъ. Напечатайте слѣдующіе стихи:

„Я слышалъ камены тебя воспитали,
Дитя, засыпалъ ты подъ басеньки ихъ.
Безсмертный даръ свой тебѣ передали
И мы засыпаемъ на басняхъ твоихъ».

Чтобы не ввести въ заблужденіе читателя этимъ пристрастнымъ и одностороннимъ взглядомъ на нашего знаменитаго писателя, считаемъ долгомъ привести слѣдующее свидѣтельство князя П. А. Вяземскаго: „Пушкинъ не любилъ Дмитріева, какъ поэта, то-есть, правильнѣе сказать, часто не любилъ его. Скажу откровенно, онъ былъ или бывалъ сердитъ на него. Дмитріевъ, классикъ — не очень ласково привѣтствовалъ первые опыты Пушкина, а особенно поэму его

Русланъ и Людмила. Онъ даже отозвался о ней колко и несправедливо. Вѣроятно, отзывъ этотъ дошелъ до молодаго поэта, и тѣмъ былъ онъ ему чувствительнѣе, что приговоръ исходилъ отъ судіи, который возвышался надъ рядомъ обыкновенныхъ судей и котораго, въ глубинѣ души и дарованія своего, Пушкинъ не могъ не уважать. Пушкинъ въ жизни обыкновенной, ежедневной, въ сношеніяхъ житейскихъ, былъ непомѣрно добросердеченъ и простосердеченъ, но умомъ, при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, бывалъ онъ злопамятенъ... Дмитріевъ при дальнѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина совершенно примирился съ нимъ и оказывалъ ему должное уваженіе, такъ и у Пушкина бывали частыя перемирія въ отношеніи къ Дмитріеву. Князь Козловскій просилъ Пушкина перевести одну изъ сатиръ Ювенала, которую Козловскій почти съ начала до конца зналъ наизусть. Онъ преслѣдовалъ Пушкина этимъ желаніемъ и предложеніемъ. Тотъ наконецъ согласился и сталъ приготовляться къ труду. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ и говоритъ: „а знаешь-ли, какъ приготовляюсь я къ переводу, заказанному мнѣ Козловскимъ? Сейчасъ перечиталъ я переводъ Дмитріева латинскаго поэта и англійскаго Попъ. Удивляюсь и любуюсь силѣ и стройности шестистопнаго стиха его". Самъ Погодинъ свидѣтельствуетъ, „что молодые люди, показавшіе расположеніе къ словесности, имѣли доступъ къ Дмитріеву и находили покровительство". Въ одномъ изъ писемъ И. И. Дмитріева къ Погодину читаемъ: „Прошу васъ почтить меня увѣдомленіемъ о званіи и службѣ, имени и отчествѣ г. Андросова. Вы можете сами чувствовать, какъ эти подробности важны въ лѣтописаніяхъ, а я прибавлю, что для современнаго намъ товарища министра они даже необходимы".

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе, возвратимся къ письму Веневитинова. „Посылаю къ вамъ переводъ изъ Шиллера, который мы тотчасъ сдѣлали съ Хомяковымъ вдвоемъ. Чудакъ Погодинъ! И бранить то его совѣстно. Однакожъ скажу ему: Мнѣ по всему кажется, что онъ болѣе суетится, нежели дѣ-

летъ. Дельвигъ все боленъ, а онъ не измѣнитъ; мы съ нимъ дружны, какъ сыны одной поэзіи. Скажи Погодину, что не худо бы помѣстить извѣстіе о смерти Ланжерона" [119]).

Это недовольство друзей огорчало Погодина и наводило на него какую-то апатію. „Ужасная разсѣянность по журналу", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, подъ 21 января 1827 г. Но чтобы нѣсколько сохранить время, положилъ принимать посѣтителей только по опредѣленнымъ днямъ" [120]). Къ тому же къ соредактору своему Рожанину Погодинъ, по собственному сознанію, не питалъ особаго расположенія: „былъ съ Рожалинымъ у Титова", пишетъ онъ, „я не чувствую сердечной довѣренности къ Рожалину, а умственную. Ему даже пріятно будетъ, кажется, если надо мною посмѣется кто нибудь, онъ рѣшительно не заступится, какъ Дмитрій Веневитиновъ. Можетъ быть, я оскорбилъ его такимъ подозрѣніемъ. Дай Богъ" [121]). Разсѣянность, на которую онъ жалуется по отношенію къ журналу, объясняется тѣмъ, что голова Погодина была занята какими-то идеальными и неопредѣленными предметами, совершенно противоположными тѣмъ ежедневнымъ, будничнымъ заботамъ, которыя одолѣваютъ журналистовъ. Въ то время, когда по обязанности редактора слѣдовало бы думать о веденіи журнала, вотъ какую запись находимъ въ его *Дневникѣ*, подъ 27 января 1827 вода: „Я думалъ, какъ бы уравнять себѣ дорогу, обезпечить себя, потомъ на свободѣ всею душею углубиться въ исторію. Молись! Послышалось мнѣ внутри. Я всталъ со стула, задумался и упалъ на колѣни,— всѣ мои мысли стали молитвою... О чемъ? Я самъ не зналъ... да разовьется душа моя, да постигну я все, да передамъ другимъ, воспою Христе,—да буду чистъ... все не то... и между тѣмъ я желалъ, молился. Такъ устремлена была душа моя на это неизвѣстное, къ этому Богу, Духу—Подателю, не тому, къ которому прикладывается толпа, что я не чувствовалъ тѣла. Желаніе мое было и тихое, и походило на требованіе, и продолжалось долго... Его прервали, но оно возвращалось. Меня не знаютъ. Видя въ мелочныхъ хлопотахъ,

всякій подумаетъ, что я весь въ нихъ. Нѣтъ! Я не отдаю себя. Это все дѣлаетъ мой внѣшній человѣкъ, а не я. А зачѣмъ я написалъ это? Какая загадка человѣкъ"!

Въ то же время Погодинъ далеко былъ не равнодушенъ къ *Московскому Вѣстнику*, о чемъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки *письма его къ другу въ Петербургъ*: „До сихъ поръ мы со всевозможнымъ вниманіемъ прислушивались къ толкамъ о *Московкомъ Вѣстникѣ*, и пока не услышали ничего положительнаго

Одинъ кричитъ арбуза,
Другой соленыхъ огурцовъ.

Многіе говорятъ о странныхъ мысляхъ, о томъ, о другомъ, но изподтишка, а на чистой водѣ дѣло оканчивается общими мѣстами. Милостивые государи! напишите свои замѣчанія и будьте увѣрены, что издатель и сотрудники, желая сколько возможно совершенствовать свой журналъ, выслушаютъ правду съ благодарностью и не преминутъ ею воспользоваться" [122]).

Журналъ Полевого *Московскій Телеграфъ* встрѣтилъ появленіе въ свѣтъ *Московскаго Вѣстника*, къ которому впослѣдствіи онъ относился крайне враждебно, сначала очень дружелюбно, конечно, благодаря вліянію князя П. А. Вяземскаго. „Можно поздравить читателей Русскихъ журналовъ", читаемъ въ *Телеграфѣ*, „или вообще просвѣщенныхъ читателей нашихъ, съ появленіемъ *Московскаго Вѣстника*. У насъ журналы не то, что у другихъ народовъ, указатели литературы или политики, герольды и часто бойцы господствующихъ мнѣній на томъ или другомъ поприщѣ. Литература наша, какова ни есть, не въ литературѣ, а въ журналахъ: они могутъ сказать: Rome n'est plus dans Rome, elle est toute où nous sommes. Кто у насъ не читаетъ журналовъ, тотъ ровно ничего русскаго не читаетъ, по крайней мѣрѣ новѣйшаго, текущаго. Поэтому и должно желать, чтобы журналы наши отвѣтствовали важности своего назначенія и возвышенности своего положенія въ книжной іерархіи. Имя Пушкина фортуна для журнала, а онъ,

какъ сказано въ объявленіи о новомъ изданіи, преимущественно въ немъ участвуетъ. Должно однакожъ надѣяться, что и другіе участники не оставятъ его одного поддерживать бремя правленія. Нѣкоторыя изъ статей, напечатанныхъ въ трехъ книжкахъ *Московскаго Вѣстника*, до-нынѣ вышедшихъ, уже отчасти и оправдываютъ надежды. Вообще многіе журналы наши такъ совратились съ пути чистой, безкорыстной литературы, что добросовѣстность, умъ и вкусъ нуждаются въ орудіяхъ для разглашенія мнѣній благонамѣренныхъ, благородныхъ и эстетическихъ. Кажется, можно утвердительно предсказать, что *Московскій Вѣстникъ* будетъ вѣстникомъ одного изящнаго и благороднаго" [123]).

Между тѣмъ, участіе Пушкина въ *Московскомъ Вѣстникѣ* не только возбуждало къ сему журналу вниманіе жителей даже отдаленныхъ провинцій нашего отечества, но порождало стремленіе въ людяхъ, совершенно еще неизвѣстныхъ въ литературѣ, помѣщать въ немъ свои произведенія. Вотъ что̀ писалъ Иванъ Петровичъ Бороздно Погодину изъ села Медвѣдова, Черниговской губерніи, Стародубскаго уѣзда, отъ 20 января 1827 года: „Помня благосклонное ваше ко мнѣ расположеніе, коимъ я имѣлъ счастіе пользоваться нѣкогда, во время товарищеской жизни вашей съ А. М. Кубаревымъ и М. С. Ширяемъ, спѣшу возобновить старое знакомство и уже рекомендуюсь вамъ, какъ издателю литературнаго журнала. Дерзость свою я даже до того простираю, что теперь же спѣшу препроводить къ вамъ стихи мои подъ заглавіемъ: *Къ Надинѣ*". Въ то же время енисейскій губернаторъ Степановъ писалъ Погодину по поводу статьи почтеннаго Левшина: „Объ имени Киргизъ-Кайсацкаго народа и отличіи его отъ подлинныхъ или дикихъ народовъ": „Въ № 16-мъ *Московскаго Вѣстника* помѣщена статья г. Левшина, въ которой слишкомъ замѣтны ошибки Клапрота для жителя Енисейской губерніи. Ежели слова сего ученаго въ точности переданы сочинителемъ статьи о Киргизахъ, то покорнѣйше прошу напечатать и мою въ вашемъ журналѣ; если же ошибки произошли отъ неяснаго

изложенія г. Левшинымъ, то оставьте замѣчанія мои безъ вниманія, ибо я не хочу ссориться съ своими; но не терплю надменности; чужестранцевъ, которые хотятъ по всѣмъ предметамъ выставлять себя всевѣдущими и требуютъ, чтобы имъ во всемъ вѣрили. Хотя мнѣ извѣстно, что гг. журналисты поставили себѣ за правило не отвѣчать; однако же, нѣтъ правилъ безъ исключенія, и вы крайне бы меня одолжили, удостоя своимъ отвѣтомъ“ [124]).

XII.

Оставимъ на время редакцію *Московскаго Вѣстника* и послѣдуемъ за самимъ редакторомъ его на Покровку. Тамъ въ домѣ Трубецкихъ совершилось прискорбное событіе.

1 марта 1827 года скончался князь Иванъ Дмитріевичъ Трубецкой. Погодинъ, разумѣется, былъ на всѣхъ панихидахъ и присутствовалъ на отпѣваніи, которое совершалось 5 марта. „Русская обѣдня“, замѣчаетъ онъ по этому поводу, „со всѣми многочисленными ектеніями есть повтореніе Византійской. Сперва о Св. Синодѣ, потомъ о Государѣ“. Кончина князя Ивана Дмитріевича, вѣроятно, была не неожиданностью для его семейства, ибо, какъ мы знаемъ, онъ уже давно находился въ болѣзненномъ состояніи, а потому смерть его, кажется, не произвела удручающаго впечатлѣнія. По крайней мѣрѣ, на третій же день послѣ похоронъ мы видимъ Погодина у Трубецкихъ; онъ весело разговариваетъ тамъ съ княжною Александрою Ивановною о Соболевскомъ и читаетъ ей стихотворенія Пушкина и Веневитинова [125]). Но какъ бы то ни было, съ кончиною главы семейства домъ Трубецкихъ началъ постепенно пустѣть, а 15 марта они проводили навсегда изъ Москвы новобрачныхъ Мансуровыхъ. Въ этотъ день Погодинъ у нихъ обѣдалъ. Переписалъ для Аграфены Ивановны *Бахчисарайскій Фонтанъ* Пушкина. Наконецъ простился съ ними и проводилъ до заставы. „Какъ рвалась“, за-

мѣчаетъ онъ въ своемъ Дневникѣ, „княжна Александра Ивановна“ [126]). По пріѣздѣ въ Берлинъ Аграфена Ивановна вспомнила о Погодинѣ и написала ему слѣдующее: „Александръ исполнилъ съ удовольствіемъ ваше порученіе, любезный Михаилъ Петровичъ, къ крайнему моему сожалѣнію мнѣ пришлось дѣйствовать пока одной пантомимою, такъ какъ я не знаю нѣмецкаго языка, но я уже начала учиться здѣшнему языку, взяла на себя трудъ вбить въ мою голову склоненія и проч. Надѣюсь на его стоитическія качества и на то, что берлинскій воздухъ развернетъ мое понятіе. Городъ хорошъ, народъ веселый, мы живемъ скромно, покойно въ нашемъ мирномъ уголкѣ, вспоминаемъ о милыхъ сердцу, мысли носятся надъ благословеннымъ Знаменскимъ, гдѣ и вы видали красные денечки вмѣстѣ съ нами, авось и воротимся и будемъ опять гулять въ Грачевникахъ. Скоро ожидаю видѣть добраго нашего Геништа, онъ лучше васъ исполнилъ свое обѣщаніе. Когда же и васъ завлечетъ въ Берлинъ ваша путешествующая звѣзда? Мнѣ будетъ очень пріятно васъ видѣть и увѣрить, что вездѣ моя приверженность къ вамъ одинакова. Прошу васъ прислать мнѣ *Цыганы*, новое изданіе Пушкина, о которыхъ читала въ газетахъ. Поручаю Сашѣ вамъ вручить издержки на сію книгу, которую буду ожидать съ нетерпѣніемъ. Благодарю васъ за аккуратность вашего журнала. Скажите, какъ вы управляете вашею журналистскою совѣстію, столь мало сходною съ совѣстью *Михаила Петровича Знаменскаго*. Прощайте, однакожъ, любезный и добрый Михаилъ Петровичъ“ [127]).

Ученикъ Погодина, князь Николай Ивановичъ Трубецкой тоже оставилъ Москву и переѣхалъ въ С.-Петербургъ. Вотъ какія свѣдѣнія о немъ получилъ Погодинъ отъ Соболевскаго: „Я здѣсь живу у дисципула твоего, котораго, впрочемъ, рѣдко вижу, ибо онъ вѣчно при своихъ лошадкахъ въ Стрѣльнѣ. Мнѣ товарищъ Пельскій; мы съ нимъ ѣздили на Мальцовской лодкѣ къ Николаю моремъ, тамъ ночевали и взявши его съ собою, пустились въ обратный путь; но тутъ бѣда;

Поднялась буря или, по крайней мѣрѣ, нѣчто подобное; вода стала плескать въ наше судно, и мы всѣ, люди не водяные и не охотники до сего элемента, перетрусили, кромѣ одного хозяина. Кстати о немъ, ужъ онъ не изобрѣтаетъ фраковъ, а вѣчно разъѣзжаетъ по Невѣ и по взморью; лодокъ у него цѣлый флотъ. Гонимый бурею средь разъяренныхъ волнъ, я вспоминалъ о княгинѣ и княжнѣ. О первой я думалъ: гдѣ было бы ваше сердце, княгиня, когда бы вы видѣли чадо свое въ десяти верстахъ отъ берега, носимое въ *утлой ладьѣ*. О второй: хорошо вамъ, княжна, кататься по Знаменскимъ прудамъ. Попались бы вы сюда, то прошла бы охота ѣздить sur l'eau, dans l'eau, sous l'eau, какъ говоритъ Дмитрій Борисовичъ Мансуровъ" [128]).

Между тѣмъ уроки Погодина съ княжною Александрою Ивановною тоже прекратились, о чемъ онъ весьма сожалѣлъ „Какихъ пріятныхъ минутъ лишился я въ послѣднее время, не занимаясь съ Александрою Ивановною", пишетъ онъ въ Дневникѣ [129]). Несмотря на это, Погодинъ нерѣдко посѣщалъ Трубецкихъ. Иногда встрѣчался тамъ съ Пушкинымъ, любилъ съ княжною Александрою Ивановною вспоминать о Знаменскомъ, которое уже вступило въ область прошлаго. Въ концѣ апрѣля Трубецкіе переѣхали на Дѣвичье поле, и 1 мая Погодинъ отправился туда пѣшкомъ. „Тамъ", писалъ онъ, „съ большимъ удовольствіемъ ходилъ по саду и вспоминалъ прошлогоднее любезное время и о миломъ Димитріи Веневитиновѣ, объ Аграфенѣ Ивановнѣ" [130]). Въ это же время бѣдное сердце Погодина воспылало нѣжною страстью къ какой-то Луизѣ, жившей у Всеволожскихъ. Вотъ сцена, описанная имъ самимъ въ *Дневникѣ:* „Какъ покраснѣла она, увидѣвъ меня! Очень была рада мнѣ. „Что вы такъ долго не были у насъ?", спросила она. „Тоска напала на меня", отвѣчалъ я. „Ахъ, Боже мой, и на меня также. Я рада, что у насъ такая симпатія съ вами". У меня такъ и билось сердце. Прощаясь, смотрѣла на меня изъ окошка". Съ предметомъ своей новой страсти Погодинъ встрѣчался и у Трубецкихъ, о

нуть въ памяти русскихъ? Приносимъ благодарность за словарь, приложенный къ изданію. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что въ ономъ показано сходство словъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, что стоило большого труда терпѣливому и любознательному издателю.

Любители и любительницы поэзіи найдутъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ свѣтлыя мысли и теплыя чувствованія сердца. Поэты найдутъ въ нихъ источникъ вдохновенія, а филологи пищу для своего ума наблюдательнаго" [154]).

Такимъ образомъ со времени изданія малороссійскихъ пѣсенъ въ 1827 году Максимовичъ является уже на поприщѣ словесности, но вскорѣ ему пришлось совсѣмъ разстаться *съ розою и лиліею.*

XVI.

Московскій Вѣстникъ сблизилъ Погодина и съ приснопамятными братьями Кирѣевскими, Иваномъ и Петромъ. Сближеніе это перешло въ дружбу, непрерывавшуюся до кончины ихъ. Въ исторіи просвѣщенія нашего Кирѣевскіе играютъ важную роль, а потому намъ подобаетъ познакомиться съ ними нѣсколько короче.

По свидѣтельству Максимовича, родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями, и имъ изстари принадлежало село Долбино въ семи верстахъ отъ г. Бѣлева. Замѣчательное красотою мѣстоположенія, Долбино знаменито въ округѣ своею старинною церковью, въ которой находится чудотворный образъ Успенія Пресвятой Богородицы, усердно чтимый жителями. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ почти ежедневно являются изъ г. Бѣлева благочестивые горожане отслужить молебенъ и поклониться св. иконѣ. Въ августѣ во

время успенской ярмарки нѣсколько тысячъ народа стекается въ Долбино изъ всѣхъ окружныхъ городовъ и уѣздовъ.

Въ Долбинѣ прошли дѣтскіе годы Ивана и Петра Кирѣевскихъ. Первый родился въ Москвѣ 22 марта 1806 года, а послѣдній въ Долбинѣ 11 февраля 1808 года. Отецъ ихъ Василій Ивановичъ Кирѣевскій былъ человѣкъ замѣчательно просвѣщенный. Онъ зналъ пять языковъ; библіотека, имъ собранная, свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію; въ молодости самъ переводилъ и даже печаталъ романы и другія мелкія литературныя произведенія того времени; но по преимуществу онъ занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной; охотно и много работалъ въ своей лабораторіи; съ успѣхомъ лѣчилъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Онъ служилъ въ гвардіи и вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ; въ 1805 году женился на Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Во время первой милиціи былъ онъ выбранъ въ дружинные начальники. Въ 1812 году перевезъ всю свою семью въ Орелъ. Здѣсь и въ Орловской деревнѣ своей Кирѣевской Слободкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Орла, онъ далъ пріютъ многимъ семействамъ, бѣжавшимъ изъ Минска, Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа; взялъ на себя лѣченіе, содержаніе и продовольствіе девяноста человѣкъ раненныхъ русскихъ, съ христіанскимъ самоотверженіемъ ухаживалъ за больными, брошенными французами, и на подвигѣ христіанскаго сердоболія, заразившись тифозною горячкою, скончался въ Орлѣ 1-го ноября 1812 года. Тѣло его было перевезено въ Долбино и похоронено въ церкви.

Авдотья Петровна Кирѣевская возвратилась съ дѣтьми въ Долбино. Сюда въ началѣ 1813 года переѣхалъ Василій Андреевичъ Жуковскій, ея близкій родственникъ, воспитанный съ нею вмѣстѣ, который еще съ дѣтства былъ съ нею друженъ. Жуковскій прожилъ здѣсь почти два года. Въ концѣ 1815 года онъ оставилъ свою Бѣлевскую родину; поѣхалъ въ Петербургъ для изданія своихъ стихотвореній, надѣясь возвратиться скоро, думая посвятить себя воспитанію маленькихъ

Кирѣевскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя опекунскія заботы. Жуковскому однако не суждено было возвратиться въ Долбино и поселиться „среди соловьевъ и розъ“. Онъ остался въ Петербургѣ, вступилъ въ службу при Дворѣ; но и оттуда писалъ въ свое любезное Долбино: „Знаете, что всякій ясный день, всякій запахъ березы производитъ во мнѣ родъ Heimweg“...

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вблизи такого человѣка, каковъ Жуковскій, не могли пройти безъ слѣда для братьевъ Кирѣевскихъ. Иванъ развился весьма рано. Еще въ 1813 году онъ такъ хорошо владѣлъ шахматною игрою, что плѣнный генералъ Бонами не рѣшался играть съ нимъ, боясь проиграть семилѣтнему мальчику; онъ всегда съ любопытствомъ и по нѣскольку часовъ слѣдилъ за игрою ребенка. Десяти лѣтъ Иванъ Кирѣевскій былъ коротко знакомъ со всѣми лучшими произведеніями русской словесности и такъ-называемой классической французской литературы, а двѣнадцати онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ. Конечно, тихіе Долбинскіе вечера, когда Жуковскій почти каждый разъ прочитывалъ что-нибудь, только что имъ написанное, должны были имѣть сильное вліяніе на весь строй его будущей жизни; отсюда, быть можетъ, его рѣшительная склонность къ литературнымъ занятіямъ, идеально-поэтическое настроеніе его мыслей. Для Ивана Кирѣевскаго Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ. Излишне, кажется, говорить объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнявшихся во все продолженіе ихъ жизни. Жуковскій горячо любилъ Кирѣевскаго, вполнѣ цѣня и его способности, и возвышенную чистоту его души. При всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣевскаго Жуковскій спѣшилъ являться первымъ и ревностнымъ сотрудникомъ, и, если обстоятельства того требовали, энергическимъ заступникомъ. Зная Кирѣевскаго, онъ всегда смѣло могъ ручаться за благородство его стремленій, за искренность его желаній блага. Впослѣдствіи Жуковскій писалъ А. П. Елагиной: „въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей—пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—

что онъ называетъ себя соперникомъ Аполлона, а потому написалъ:

Лукъ звенитъ, стрѣла трепещетъ,
И клубясь издохъ Пифонъ;
И твой ликъ побѣдой блещетъ
Бельведерскій Аполлонъ!
Кто жъ вступился за Пифона,
Кто разбилъ твой истуканъ?
Ты, соперникъ Аполлона,
Бельведерскій Митрофанъ.

Погодинъ же, не смотря на то, что былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Муравьевымъ, напечаталъ эту эпиграмму въ Московскомъ Вѣстникѣ, подъ заглавіемъ *Изъ Антологіи*, а въ своемъ *Дневникѣ* отмѣтилъ: „Эпиграмма на Муравьева. Къ Трубецкимъ сказать. Бельведерскій — хорошо". Но Муравьевъ держалъ себя въ этой исторіи съ большимъ достоинствомъ и, вскорѣ послѣ того, когда онъ встрѣтился у Трубецкихъ съ Погодинымъ, то послѣдній долженъ былъ сознаться, что Муравьевъ былъ „очень благоразуменъ" и даже поцѣловалъ Погодина; но этотъ „поцѣлуй Муравьева обжегъ его" [132]). Эпиграмма не озлобила Муравьева и противъ Пушкина, такъ какъ при встрѣчѣ съ Соболевскимъ Муравьевъ спросилъ его: „Какая могла быть причина, что Пушкинъ написалъ на меня такую злую эпиграмму?" Соболевскій отвѣчалъ: „Вамъ покажется страннымъ мое объясненіе, но это сущая правда; у Пушкина всегда была страсть выпытывать будущее и онъ обращался ко всякаго рода гадальщицамъ. Одна изъ нихъ предсказала ему, что онъ долженъ остерегаться высокаго бѣлокураго молодаго человѣка, отъ котораго придетъ ему смерть. Пушкинъ довольно суевѣренъ и потому, какъ только случай сведетъ его съ человѣкомъ, имѣющимъ всѣ сіи наружныя свойства, ему сейчасъ приходитъ на мысль испытать: не это ли роковой человѣкъ? Онъ даже старается раздражить его, чтобы скорѣе искусить свою судьбу. Такъ случилось и съ вами, хотя Пушкинъ къ вамъ очень расположенъ" [133])

Эпиграмму Пушкина знаютъ всѣ наизусть, но не многіе ıаютъ отзывъ Пушкина о нашемъ почтенномъ путешественıкѣ и церковномъ человѣкѣ, который сохранился въ одной ?рновой рукописи поэта, недавно только что обнародованной; потому—мы считаемъ нравственнымъ долгомъ повторить его: Въ 1829 году за Балканами остановились Русскія войска; ıчались переговоры, военныя дѣйствія прекратились. Во время ереговоровъ, среди торжествующаго нашего стана, въ виду ıятеннаго Константинополя, одинъ молодой поэтъ думалъ объ ıрусалимѣ, о Св. Храмѣ, нынѣ забытомъ христіанскою Еврою для суетныхъ развалинъ Парѳенона. Ему представилась ıможность исполнить давнее желаніе, любимую мечту отроства. А. Н. Муравьевъ чрезъ Дибича получилъ дозволеніе сѣтить Св. Мѣста и отправился къ нимъ черезъ Констанıнополь и Александрію. Молодаго нашего путешественника ıвлекло туда не суетное желаніе обрѣсти краски для поıческаго романа, не безпокойное любопытство, не надежда ıйти насильственныя впечатлѣнія для сердца усталаго и приıпленнаго. Онъ посѣтилъ Св. Мѣста, какъ вѣрующій, какъ ıиренный, простодушный крестоносецъ, жаждущій повергıться въ прахъ предъ Гробомъ Христа Спасителя. Онъ не ıрается, какъ Шатобріанъ, воспользоваться противоположıстью миѳологій Библіи и Одиссеи, онъ не останавливается, ıъ спѣшитъ, онъ мимоходомъ бесѣдуетъ съ преобразоватеıмъ Египта, проникаетъ въ глубину пирамидъ, проникаетъ ı пустыню, оживленную черными шатрами Бедуиновъ, вербıодами каравановъ, вступаетъ въ Обѣтованную землю, накоıцъ, съ высоты вдругъ видитъ Іерусалимъ" [134]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что *эпиграмма* Пушкина нисколько ı помѣшала А. Н. Муравьеву восхищаться произведеніями ıшего знаменитаго писателя. Вотъ что писалъ онъ Погодину ı томъ же 1827 году отъ 27 ноября изъ Волоколамскаго ıла Александровскаго: „я опять въ деревнѣ, любезный Миıилъ Петровичъ, и пишу вамъ нѣсколько словъ, чтобы извѣıтить васъ о моемъ пріѣздѣ. Въ предпослѣднемъ нумерѣ *Вѣст-*

ника я читалъ прекраснѣйшій отрывокъ изъ *Вадима*, хотя я его и прежде зналъ, но здѣсь прочелъ снова съ большимъ удовольствіемъ. По моему мнѣнію одно изъ лучшихъ твореній Пушкина; желалъ бы я прочесть всю поэму, которой сюжетъ занимателенъ и изобилуетъ поэзіею.

Въ это же время Муравьевъ издалъ въ Москвѣ сборникъ своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ *Таврида* (1827 г.). Тогдашняя критика не оставила ихъ безъ вниманія. Баратынскій написалъ разборъ и напечаталъ его въ *Московскомъ Телеграфѣ*, а Погодинъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, между прочимъ напечаталъ: „Мы получили разборъ сихъ стихотвореній, слишкомъ строгій и рѣзкій,—но не печатаемъ онаго, прочитавъ въ *Телеграфѣ* разборъ г. Баратынскаго, слишкомъ впрочемъ снисходительный. Держась середины, мы скажемъ вмѣстѣ съ Баратынскимъ, что въ стихотвореніяхъ г. Муравьева часто бываютъ видны слѣды піитическаго безпокойства и часто отсутствуетъ логика, какъ говоритъ другой рецензентъ“. Посовѣтовавъ Муравьеву „воспользоваться замѣчаніями критиковъ, Погодинъ начинаетъ полемику съ Баратынскимъ. На его замѣчаніе, что „лирическая поэзія любитъ простоту“, онъ возражаетъ: сіе положеніе очень неопредѣленно и подвержено многимъ исключеніямъ: укажемъ на простыя выраженія въ *эпическихъ* мѣстахъ священнаго писанія, на простую сцену въ *трагедіи Борисъ Годуновъ* Пушкина, а съ другой стороны на *Псалмы* Боговдохновеннаго Давида, на не простаго Пиндара“. На справедливое замѣчаніе Баратынскаго, что „критика ѣдкая не приноситъ пользы ни читателямъ, ни авторамъ“, Погодинъ говоритъ, „что съ слѣпыми нечего разсуждать о цвѣтахъ, а знатокъ и въ ѣдкой критикѣ различитъ истину отъ сужденій пристрастныхъ“.

Какъ бы то ни было, но критика не произвела на Муравьева ободряющаго дѣйствія. „Весьма горько было“, пишетъ онъ, „для моего авторскаго самолюбія читать критическій разборъ моей книжки, хотя и довольно снисходительный, но, какъ мнѣ тогда казалось, слишкомъ строгій. Критику на-

теръ-Скотта. Дѣло серьезное; этотъ случай покажетъ журнальной собратіи, что мы ближе ихъ къ источникамъ и умѣемъ ими пользоваться. Дорога каждая недѣля: потому требую, чтобъ сіи отрывки были помѣщены по колику то возможно наипоспѣшнѣе. Этому щеголеватому выраженію научился я въ департаментѣ. Постараюсь уломать Мальцова окончить Вальтеръ-Скотта къ шестнадцатому нумеру" [162]).

Къ кругу *Московскаго Вѣстника*, а, слѣдовательно, къ близкимъ Погодину людямъ принадлежалъ также Николай Александровичъ Мельгуновъ. Онъ родился въ 1804 году, въ Орловской губерніи, гдѣ отецъ его имѣлъ значительное имѣніе и пользовался общимъ уваженіемъ. Для воспитанія своего единственнаго сына онъ не щадилъ ничего. Въ 1819 году молодой Мельгуновъ отданъ былъ въ благородный пансіонъ при педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Потомъ ѣздилъ за границу съ профессоромъ Василевскимъ. Въ 1824 году Мельгуновъ выдержалъ экзаменъ, установленный указомъ 1809 года, и поступилъ на службу въ Московскій архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ своими товарищами *архивными юношами* Титовымъ и Шевыревымъ участвовалъ въ переводѣ книги Тика *Объ искусствѣ и художникахъ, размышленіе отшельника, любителя изящнаго*. Переводъ этотъ былъ изданъ въ Москвѣ въ 1826 году; а годъ спустя онъ задумалъ совершить путешествіе по Россіи, поощряемый къ тому почтеннымъ Кеппеномъ, который также желалъ склонить къ тому и Погодина и писалъ ему: „Весьма, весьма желаю имѣть съ вами свиданіе въ Тавридѣ. Не уклоняйтесь отъ путешествія съ г. Мельгуновымъ. Дай Богъ, чтобы наши дворяне почаще стали предпринимать поѣздки по отечественнымъ краямъ. Послѣ путешествія по Россіи вамъ не трудно, думаю, будетъ обрѣсти средства къ путешествію по чужимъ краямъ, гдѣ вамъ тогда вдвое болѣе рады будутъ" [163]). Но занятія помѣшали ему воспользоваться благими совѣтами Кеппена, несмотря на собственное желаніе; памятникомъ же путешествія Мельгунова осталось слѣдующее любопытное его

ставь мое удивленіе, какъ скоро я проснулся, продиктовалъ мнѣ пьесу. Черезъ два часа принуждены были ему пустить кровь—истинно сочинительская: она была какъ чернила [136]". Оправившись послѣ этой болѣзни, Веневитиновъ вошелъ въ полную колею свѣтской жизни: дѣлалъ визиты, ѣздилъ на вечера и балы. Въ одномъ изъ писемъ къ сестрѣ, на обѣщаніе прислать ей свой портретъ, онъ упоминаетъ объ измѣненіи своей внѣшности и замѣчаетъ: „Ты бы меня не узнала. Петербургскій климатъ завилъ мнѣ волосы и сдѣлалъ глаза чернѣе; кромѣ того я ношу бакенбарды, усы и испанскую бородку. Все это придаетъ мнѣ такой самоувѣренный видъ, какого ты во мнѣ не можешь представить" [137]). По свидѣтельству П. А. Плетнева, „въ продолженіе зимы, которую провелъ Веневитиновъ въ Петербургѣ, онъ былъ самою занимательною новостью, украшеніемъ, милымъ гостемъ въ каждомъ обществѣ, гдѣ только цѣнятъ или умъ, или талантъ, или свѣтскій успѣхъ. Но природа и воспитаніе будто для того только и показали намъ это прекрасное свое твореніе, чтобы мы, взглянувъ на него, удовольствовались *однимъ воспоминаніемъ* [138])".

Въ началѣ марта 1827 года Ланскіе хозяева дома*), въ которомъ жилъ Веневитиновъ съ Хомяковымъ, давали балъ; помѣщенія тѣхъ и другихъ раздѣлялись открытымъ дворомъ. Разгоряченный танцами, не обращая вниманія на морозъ, Веневитиновъ, возвращаясь домой, не счелъ нужнымъ потеплѣе одѣться и въ одномъ фракѣ перебѣжалъ по двору разстояніе до своей квартиры. Послѣдовавшая затѣмъ простуда не пощадила и безъ того разстроеннаго здоровья его. 15 марта 1827 года онъ скончался на рукахъ Θедора и Алексѣя Хомяковыхъ, А. И. Кошелева и князя В. Θ. Одоевскаго [139]).

Лишь черезъ три дня послѣ кончины Веневитинова Погодинъ будучи у Трубецкихъ, узналъ о его болѣзни и тотчасъ же отправился къ его брату и Рожалину, тотъ подтвердилъ печальное извѣстіе, а на другой день онъ уже самъ

*) Домъ этотъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго № 82, на Мойкѣ между Фонарнымъ и Прачешнымъ переулками.

принесъ письмо. извѣщавшее о кончинѣ Веневитинова. „Неужели такъ!“ восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „ревѣлъ безъ памяти. Кого мы лишились? Намъ нѣтъ *полнаго* счастья теперь! Только что соединился было кругъ, и какое кольцо вырвано. Ужасно, ужасно“. Когда онъ сообщилъ объ этомъ Соболевскому, то тотъ „зарыдалъ“. Кончину Веневитинова оплакивала также и княжна Трубецкая. „Его одного“, замѣчаетъ поэтому поводу Погодинъ „почиталъ я достойнымъ имѣть эту руку. Тоска. Тоска“. За мѣсяцъ до своей кончины Веневитиновъ писалъ Погодину: „скажи княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ, что я не нахожу съ кѣмъ мнѣ здѣсь безъ нея танцовать“ [140]). А князь Одоевскій писалъ: „при семъ найдете стихи Димитрія“; вы знаете, что онъ ощущалъ часто въ себѣ необходимость выражаться стихами или лучше каждую минуту жизни обращать въ поэзію. Отъ того и такое множество его маленькихъ стихотвореній. Стиховъ прилагаемыхъ ни у кого нѣтъ, кромѣ меня. Одни написалъ онъ, встрѣчая у меня новый годъ; другіе на моей нотной книгѣ, на которой Скарятинъ нарисовалъ богиню съ пятью звѣздами. Могу также доставить музыкальное произведеніе Дмитрія. Мнѣ бы хотѣлось издать ихъ вмѣстѣ съ сочиненіями моего друга, чудно соединявшаго въ себѣ всѣ три искусства“. Веневитиновъ по замѣчанію Шевырева, „какъ мгновенная звѣзда пролетѣлъ отъ земли къ небу — и исчезъ, надолго оставивъ за собою свое лучезарное сіяніе“ [141]).

Бренные останки Веневитинова были перевезены въ Москву и преданы землѣ въ Симоновомъ монастырѣ. Старецъ Дмитріевъ почтилъ его память слѣдующимъ надгробіемъ *):

Здѣсь юноша лежитъ подъ хладною доскою,
Надъ нею роза дышетъ—
А старость дряхлою рукою
Ему надгробіе пишетъ [142]).

Осиротѣлые же друзья помѣстили на страницахъ *Московскаго Вѣстника* послѣднюю его пророческую пѣснь: „Незаб-

*) Вспомни стр. 77 и сравни съ эпиграммою.

венный другъ нашъ чудеснымъ образомъ предрекъ свою судьбу. Черезъ недѣлю послѣ отправленія къ намъ изъ Петербурга элегіи, онъ занемогъ нервическою горячкою, которая въ восемь дней низвела его въ могилу".

..Душа сказала мнѣ давно:
Ты въ мірѣ молніей промчишься!
Тебѣ все чувствовать дано,
Но жизнью ты не насладишься...

Судьба въ дарахъ своихъ богата,
И не одинъ у ней законъ:
Тому—процвѣсть развитой силой
И смертью жизни слѣдъ стереть.....

Другому рано умереть,
Но жить за сумрачной могилой!
Мнѣ сладко вѣрить, что со мною
Не все, не все погибнетъ вдругъ,.....

И смѣлый стихъ не разъ встревожитъ
Умъ пылкій юноши во снѣ,
И старецъ со слезой, быть можетъ,
Труды не лживые прочтетъ—

Онъ въ нихъ души печать найдетъ
И молвитъ слово состраданья:
„Какъ я люблю его созданья!
„Онъ дышетъ жаромъ красоты,

„Въ немъ умъ и сердце согласились,
„И мысли полныя носились
„На легкихъ крыліяхъ мечты,
„Какъ зналъ онъ жизнь, какъ мало жилъ!"

Сбылись пророчества Поэта
И другъ въ слезахъ съ началомъ лѣта
Его могилу посѣтилъ.
Какъ зналъ онъ жизны! какъ мало жилъ!" [143]).

Много, много лѣтъ спустя послѣ кончины Веневитинова Погодинъ писалъ: „Дмитрій Веневитиновъ былъ любимцемъ, сокровищемъ всего нашего кружка. Всѣ мы любили его горячо. Точно такъ предшествовавшее поколѣніе, поколѣніе Жуковскаго, относилось къ Андрею Тургеневу, а слѣдующее, забредшее на другую дорогу, къ Николаю Станкевичу. Въ Карамзинскомъ кружкѣ это мѣсто занималъ Петровъ. И всѣ

етыре поколѣнія лишились безвременно своихъ представите-
ей, какъ будто принося искупительныя жертвы. Двадцать
ять лѣтъ собирались мы остальные въ этотъ роковой день,
5 марта въ Симоновъ монастырь, служили панихиду, и по-
омъ обѣдали вмѣстѣ, оставляя одинъ приборъ для отбывшаго
руга“ 144).

XV.

Въ то время, когда Погодинъ горькими слезами оплаки-
ылъ раннюю кончину своего друга Веневитинова, Шевырева
е было въ Москвѣ. Еще зимою 1827 года онъ отправился
осѣтить свою родную Саратовскую губернію и 19 марта,
ичего еще не зная о постигшемъ *Московскій Вѣстникъ* не-
частіи, писалъ Погодину: „Я теперь въ Саратовѣ, ѣздилъ
о губернскимъ дворянамъ, чинамъ, зѣвалъ, бесѣдуя съ ними,
лъ икру чудную и стерлядку, видѣлъ Волгу и любовался
ı широтой. Все голо, пусто, все покрыто снѣгомъ. Завтра
ду въ деревню. До сихъ поръ ровно ничего не сдѣлалъ“.
о тамъ Шевырева постигла тяжкая болѣзнь перенеся
торую, онъ писалъ опять Погодину, но уже въ іюнѣ: „Я
еперь такой вѣры, что со всякимъ изъ насъ бываетъ пере-
омъ въ жизни, который долженъ непремѣнно явиться въ
акой-нибудь болѣзни. Горячку свою считаю важною эпохою
ъ своей жизни. Потому послѣ нея мнѣ должно совершенно
крѣпнуть и потомъ дѣло дѣлать. Почти мѣсяцъ проѣздили
ы на богомолье и къ роднымъ“ 145).

Между тѣмъ началось общее переселеніе архивныхъ юношей,
вмѣстѣ съ тѣмъ друзей Погодина и сотрудниковъ *Московскаго
Вѣстника* въ Петербургъ на службу. Первыми отправились туда
нязь Одоевскій, несчастный Веневитиновъ, Кошелевъ, а за ними
ладиміръ Павловичъ Титовъ, принимавшій дѣятельнѣйшее
частіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Мая 9-го 1827 г. онъ уже
исалъ изъ Петербурга Погодину: „До сихъ поръ ни за что

не могъ приняться; теперь остепенюсь и примусь за разборъ Платона. Алексѣй Хомяковъ кажется и не думаетъ ѣхать въ Москву, заботиться о постановкѣ *Ермака* на здѣшней сценѣ; недавно написалъ стихотвореніе *Поэтъ*. Вашего покорнаго слуги жребій брошенъ; я вступилъ уже въ азіатскій департаментъ, гдѣ буду служить подъ непосредственнымъ начальствомъ Тимковскаго". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прибавляетъ: „Вчера былъ почти нечаянно въ обществѣ пансіонскихъ пріятелей; но, кажется, отъ всѣхъ ихъ ни шерсти, ни молока не добьешься [146]).

Уѣзжая изъ Москвы, Титовъ заручился рекомендательнымъ письмомъ Максимовича къ его дядѣ, извѣстному путешественнику по Китаю Егору Ѳедоровичу Тимковскому. Въ одномъ изъ писемъ своихъ изъ Петербурга Титовъ поручаетъ „сказать Максимовичу усердное спасибо за его рекомендацію, причемъ отозвался о Тимковскомъ такъ: „онъ прелюбезный человѣкъ, очень со мною ласковъ и полезенъ мнѣ совѣтами" [147]).

Пользуясь этимъ случаемъ, почтимъ память Михаила Александровича Максимовича, который въ теченіе своей долгой жизни шелъ съ Погодинымъ рука объ руку и почти одновременно окончивъ свое земное поприще, сошелъ въ могилу. Въ то время Максимовичъ принадлежалъ къ сотрудникамъ *Московскаго Телеграфа*, слѣдовательно къ другому приходу; но это однако не мѣшало ему находиться въ дружбѣ съ Погодинымъ и со всѣмъ кругомъ *Московскаго Вѣстника*.

Мы уже знаемъ, что въ первый разъ Погодинъ увидѣлъ Максимовича въ 1820 году у гроба его дяди, а своего учителя латинской словесности, знаменитаго Романа Ѳедоровича Тимковскаго. Тогда Максимовичъ только что пріѣхалъ изъ Малороссіи въ Москву искать премудрости въ университетѣ. Свѣтъ Божій Максимовичъ увидалъ 3 сентября 1804 года въ Малороссійской степи, на востокѣ отъ Золотоноши, въ Згарскомъ хуторѣ Тимковщинѣ. Шестилѣтнимъ мальчикомъ онъ былъ привезенъ въ Золотоношу, въ Благовѣщенскій женскій монастырь, на ученіе книжное и въ тотъ же день чер-

ца Варсонофія, сестра генерала Голенка, посадила его съ азкою за грамотку. Обычный курсъ первоначальнаго учеі той поры—*грамотка*, *часословецъ* и *псалтырь* весь былъ ойденъ въ монастырѣ у той-же черницы. Потомъ первыя ѣдѣнія въ наукахъ Максимовичъ пріобрѣлъ отъ старшаго эего дяди, Ильи Өедоровича Тимковскаго, жившаго послѣ ончанія своего профессорства въ Харьковѣ, селѣ Турановкѣ, изъ Глухова. Ученіе Максимовичъ продолжалъ въ Новгоцъ-Сѣверской гимназіи. Рано развились въ душѣ его люзь къ природѣ и поэтическое настроеніе. Еще въ гимназіи ъ то и дѣло бродилъ по садамъ и лѣсамъ, собирая растеі и мечтая сдѣлаться московскимъ профессоромъ ботаники. октября 1819 года Максимовичъ съ сердечнымъ трепеиъ увидалъ „Бѣлокаменную" и остановился у дяди своего офессора Р. Ө. Тимковскаго, который былъ первымъ путецителемъ его по Кремлю. Тимковскій записалъ своего племнника въ студенты словеснаго отдѣленія и помѣстилъ въ инъ изъ кандидатскихъ нумеровъ окнами на Никитскую. ѣ опредѣленіи своего племянника на казенный счетъ Тимвскій и слышать не хотѣлъ. Но Максимовичъ не долго ѣлъ счастіе пользоваться руководствомъ своего знаменито дяди, такъ какъ тотъ скончался 15 января 1820 года. ь лекціяхъ Мерзлякова Максимовичъ встрѣчался съ Погоньшъ, и они вмѣстѣ восхищались блестящими импровизаими и критическими разборами любимаго профессора. Слосникъ однако не покинулъ любезной ему ботаники и ердно исхаживалъ московскія окрестности, собирая мѣстю флору [148]). Много лѣтъ спустя, а именно 2 мая 1870 г. ихаилъ Александровичъ Максимовичъ, поминая свою юность, салъ намъ: „Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ былъ перй поэтъ, позвавшій меня, первогодняго студента, въ маѣ 320 года, къ себѣ на обѣдъ, на которомъ былъ и подстриэнный въ кружокъ въ долгополомъ синемъ сюртукѣ купецъ иколай Полевой, торговавшій тогда въ Москвѣ сладкою дкою, *Филимоновкою*, но въ тоже время уже писавшій

статьи въ *Вѣстникѣ Европы*, подъ наставленіемъ Каченовскаго, которому рекомендовалъ его Филимоновъ, какъ самоучку. Въ день помянутаго обѣда у *мецената*, такъ звалъ онъ Филимонова, читалъ онъ свою статейку *Овсяный кисель*— пасквиль на Жуковскаго. Тогда началось мое знакомство съ знаменитымъ издателемъ *Московскаго Телеграфа*. А позванъ я былъ на обѣдъ какъ переводчикъ Горація, будучи рекомендованъ ему письменно моимъ незабвеннымъ дядею Р. Ѳ. Тимковскимъ, однимъ изъ геніальнѣйшихъ людей, какихъ зналъ я на моемъ вѣку, но несчастливо протекшимъ путь своей земной жизни“ [149]). Погодинъ уже въ преклонныхъ годахъ писалъ Максимовичу: „Далѣе встаетъ на нашемъ горизонтѣ величавая фигура Павлова, который только что воротился изъ Германіи съ натуральною философіею Шеллинга и Океня, и началъ проповѣдывать новое ученіе о природѣ. Какъ ошеломлены мы были его полюсами, его непобѣдимыми силлогизмами! Твои *Размышленіе о природѣ* и диссертація *О системахъ растительнаго царства* вышли плодомъ новаго ученія, которое отозвалось и въ *Основаніи Зоологіи* Щуровскаго;— мнѣ доставили вы нѣсколько сравненій для *Историческихъ Афоризмовъ*. Тогда же вышла и моя диссертація магистерская *О происхожденіи Руси*, которой тезисы ты, злодѣй, кажется, и на ноты положилъ, по крайней мѣрѣ, помню, распѣвалъ первый:

Варяги—Русь—не Шведы,
Варяги—Русь—не Пруссы,
Варяги—не Козары.
Варяги составляли
Особенное племя
Норманское.

Но вотъ являются *Телеграфъ* и *Московскій Вѣстникъ* съ зародышами западничества и славянофильства. Война завязалась вскорѣ не на животъ, а на смерть“ [150]). Ксенофонтъ Полевой характеризуетъ любезнаго намъ Максимовича живыми чертами: „Максимовичъ“ пишетъ онъ, „вскорѣ сдѣ-

лался домашнимъ человѣкомъ въ нашемъ домѣ, такъ что проводилъ цѣлые дни, а иногда и ночевалъ у насъ. Онъ былъ довольно оригиналенъ своимъ малороссійскимъ юморомъ и страстью къ ботаникѣ. Въ нашемъ кругу всѣ близкіе знакомые любили шутить съ Максимовичемъ, даже подсмѣивались надъ любимыми его занятіями, потому что онъ пресмѣшно разсказывалъ о нихъ, иногда вставляя латинскія слова въ свои разсказы. Когда онъ былъ уже домашнимъ человѣкомъ у насъ, Николай Алексѣевичъ называлъ его не иначе, какъ dominus. Но, шутя и балагуря, юноша dominus сдѣлался кандидатомъ и потомъ магистромъ естественныхъ наукъ. Онъ былъ страшный лѣнтяй и всегда казался дремлющимъ; но взамѣнъ всего, онъ обладалъ удивительною смѣтливостью, умѣлъ спрашивать, слушать и, такъ сказать, учился изъ разговоровъ. Когда многіе тогдашніе молодые люди читали, изучали нѣмецкихъ философовъ, онъ не читалъ ихъ, но слушалъ сужденія и объясненія профессора Павлова и всей фаланги его послѣдователей, съ которыми былъ знакомъ почти со всѣми. Словомъ, онъ вполнѣ воспользовался правиломъ древней мудрости: „Кто говоритъ, тотъ сѣетъ; кто слушаетъ, тотъ собираетъ". Отличаясь въ обхожденіи малороссійскимъ простодушіемъ, онъ чрезвычайно любилъ знакомиться съ людьми самыми противоположными по всѣмъ отношеніямъ и, легко сближаясь съ ними, наконецъ, заставлялъ ихъ исполнять свои требованія, даже свои прихоти, и всѣ, смѣясь, дѣлали для него, что̀ онъ хотѣлъ. При всемъ наружномъ простодушіи онъ отличался необыкновенною разсудительностію, умомъ проницательнымъ и тѣмъ окончательно привязывалъ къ себѣ" [151]). Не даромъ же И. В. Кирѣевскій говорилъ о Максимовичѣ, что въ немъ есть драгоцѣнный камушекъ; а перо у него золотое съ бриліантовымъ кончикомъ [152]). Написанное имъ сочиненіе по руководству натуральной исторіи Окена *Главныя основанія Зоологіи* обратило на него вниманіе добраго князя В. Ѳ. Одоевскаго, который отыскалъ его въ кандидатскихъ нумерахъ и ввелъ въ кругъ своихъ друзей. Съ того времени

началось сближеніе Максимовича съ литературнымъ міромъ, богатое воспоминаніями [153]). Въ описываемое время, т.-е. въ 1827 году, Максимовичъ напечаталъ и защитилъ диссертацію на степень магистра *О системахъ растительнаго царства* и въ томъ же году издалъ *Малороссійскія пѣсни*. Этому изданію радовался Пушкинъ; а С. П. Шевыревъ горячо привѣтствовалъ его въ *Московскомъ Вѣстникѣ:* „Любители народной поэзіи должны обратить вниманіе на новоизданныя Малороссійскія пѣсни. Почтенный собиратель, удѣляющій время отъ успѣшныхъ занятій въ наукахъ естественнымъ занятіямъ отечественною литературою, вполнѣ заслуживаетъ нашу благодарность. Наши филологи должны смотрѣть на всякое подобное изданіе, какъ на упрекъ себѣ въ бездѣйственности. Какъ до сихъ поръ мы не спѣшимъ уловить Русскія пѣсни, столь родныя нашему сердцу, которыя, можетъ быть, скоро унесетъ съ собою на-вѣки старое поколѣніе? Хотя низшій классъ народа не столько подверженъ вліянію перемѣнчивой моды, какъ сословіе высшее, въ которомъ, начиная отъ поэмъ стихотворныхъ до золотаго колечка на рукѣ красавицы, все измѣняется быстро—однако, несмотря на то и поселяне наши подвергаются общему стремленію всѣхъ людей—мѣнять старое на новое. Прежнія пѣсни замѣняются другими, какъ алый кумачъ—московскимъ ситцемъ и холстинской, какъ шитый золотомъ кокошникъ и бѣлая фата—платкомъ гродетуровымъ. На югѣ Россіи, въ мѣстахъ приволжскихъ старыя пѣсни и сказки остаются собственностью однихъ стариковъ и старухъ и вскорѣ сдѣлаются добычей забвенія. Вѣтренная молодежь любитъ пѣсни новѣйшаго сложенія", и сколько могъ С. П. Шевыревъ замѣтить, онѣ не схожи со старыми не только содержаніемъ, но и голосами. „Древнія пѣсни разбойничьи, столь прежде знакомыя берегамъ нашей поэтической Волги, рѣдко на ней раздаются. Несмотря на то, что сія рѣка, нестолько носившая суда военныя, сколько торговыя, заслуживаетъ названія *купеческой*; но отдадимъ ей справедливость: она внушала много пѣсенъ поэтическихъ, и кто не пожалѣетъ, если онѣ исчез-

нуть въ памяти русскихъ? Приносимъ благодарность за словарь, приложенный къ изданію. Онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалу, что въ ономъ показано сходство словъ въ разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, что стоило большого труда терпѣливому и любознательному издателю.

Любители и любительницы поэзіи найдутъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ свѣтлыя мысли и теплыя чувствованія сердца. Поэты найдутъ въ нихъ источникъ вдохновенія, а филологи пищу для своего ума наблюдательнаго" [154]).

Такимъ образомъ со времени изданія малороссійскихъ пѣсенъ въ 1827 году Максимовичъ является уже на поприщѣ словесности, но вскорѣ ему пришлось совсѣмъ разстаться *съ розою и лиліею.*

XVI.

Московскій Вѣстникъ сблизилъ Погодина и съ присно-памятными братьями Кирѣевскими, Иваномъ и Петромъ. Сближеніе это перешло въ дружбу, непрерывавшуюся до кончины ихъ. Въ исторіи просвѣщенія нашего Кирѣевскіе играютъ важную роль, а потому намъ подобаетъ познакомиться съ ними нѣсколько короче.

По свидѣтельству Максимовича, родъ Кирѣевскихъ принадлежитъ къ числу самыхъ старинныхъ и значительныхъ родовъ Бѣлевскихъ и Козельскихъ дворянъ. Въ старину Кирѣевскіе служили по Бѣлеву, владѣли въ Бѣлевскомъ уѣздѣ многими вотчинами и помѣстьями, и имъ изстари принадлежало село Долбино въ семи верстахъ отъ г. Бѣлева. Замѣчательное красотою мѣстоположенія, Долбино знаменито въ округѣ своею старинною церковью, въ которой находится чудотворный образъ Успенія Пресвятой Богородицы, усердно чтимый жителями. Въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ почти ежедневно являются изъ г. Бѣлева благочестивые горожане отслужить молебенъ и поклониться св. иконѣ. Въ августѣ во

время успенской ярмарки нѣсколько тысячъ народа стекается въ Долбино изъ всѣхъ окружныхъ городовъ и уѣздовъ.

Въ Долбинѣ прошли дѣтскіе годы Ивана и Петра Кирѣевскихъ. Первый родился въ Москвѣ 22 марта 1806 года, а послѣдній въ Долбинѣ 11 февраля 1808 года. Отецъ ихъ Василій Ивановичъ Кирѣевскій былъ человѣкъ замѣчательно просвѣщенный. Онъ зналъ пять языковъ; библіотека, имъ собранная, свидѣтельствуетъ о его любви къ чтенію; въ молодости самъ переводилъ и даже печаталъ романы и другія мелкія литературныя произведенія того времени; но по преимуществу онъ занимался естественными науками, физикой, химіей и медициной; охотно и много работалъ въ своей лабораторіи; съ успѣхомъ лѣчилъ всѣхъ, требовавшихъ его помощи. Онъ служилъ въ гвардіи и вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ; въ 1805 году женился на Авдотьѣ Петровнѣ Юшковой. Во время первой милиціи былъ онъ выбранъ въ дружинные начальники. Въ 1812 году перевезъ всю свою семью въ Орелъ. Здѣсь и въ Орловской деревнѣ своей Кирѣевской Слободкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Орла, онъ далъ пріютъ многимъ семействамъ, бѣжавшимъ изъ Минска, Смоленска, Вязьмы и Дорогобужа; взялъ на себя лѣченіе, содержаніе и продовольствіе девяноста человѣкъ раненныхъ русскихъ, съ христіанскимъ самоотверженіемъ ухаживалъ за больными, брошенными французами, и на подвигѣ христіанскаго сердоболія, заразившись тифозною горячкою, скончался въ Орлѣ 1-го ноября 1812 года. Тѣло его было перевезено въ Долбино и похоронено въ церкви.

Авдотья Петровна Кирѣевская возвратилась съ дѣтьми въ Долбино. Сюда въ началѣ 1813 года переѣхалъ Василій Андреевичъ Жуковскій, ея близкій родственникъ, воспитанный съ нею вмѣстѣ, который еще съ дѣтства былъ съ нею друженъ. Жуковскій прожилъ здѣсь почти два года. Въ концѣ 1815 года онъ оставилъ свою Бѣлевскую родину; поѣхалъ въ Петербургъ для изданія своихъ стихотвореній, надѣясь возвратиться скоро, думая посвятить себя воспитанію маленькихъ

Кирѣевскихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя опекунскія заботы. Жуковскому однако не суждено было возвратиться въ Долбино и поселиться „среди соловьевъ и розъ“. Онъ остался въ Петербургѣ, вступилъ въ службу при Дворѣ; но и оттуда писалъ въ свое любезное Долбино: „Знаете, что всякій ясный день, всякій запахъ березы производитъ во мнѣ родъ Heimweg“...

Нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ вблизи такого человѣка, каковъ Жуковскій, не могли пройти безъ слѣда для братьевъ Кирѣевскихъ. Иванъ развился весьма рано. Еще въ 1813 году онъ такъ хорошо владѣлъ шахматною игрою, что плѣнный генералъ Бонами не рѣшался играть съ нимъ, боясь проиграть семилѣтнему мальчику; онъ всегда съ любопытствомъ и по нѣскольку часовъ слѣдилъ за игрою ребенка. Десяти лѣтъ Иванъ Кирѣевскій былъ коротко знакомъ со всѣми лучшими произведеніями русской словесности и такъ-называемой классической французской литературы, а двѣнадцати онъ хорошо зналъ нѣмецкій языкъ. Конечно, тихіе Долбинскіе вечера, когда Жуковскій почти каждый разъ прочитывалъ что-нибудь, только что имъ написанное, должны были имѣть сильное вліяніе на весь строй его будущей жизни; отсюда, быть можетъ, его рѣшительная склонность къ литературнымъ занятіямъ, идеально-поэтическое настроеніе его мыслей. Для Ивана Кирѣевскаго Жуковскій всегда оставался любимымъ поэтомъ. Излишне, кажется, говорить объ ихъ дружескихъ отношеніяхъ, неизмѣнявшихся во все продолженіе ихъ жизни. Жуковскій горячо любилъ Кирѣевскаго, вполнѣ цѣня и его способности, и возвышенную чистоту его души. При всѣхъ литературныхъ предпріятіяхъ Кирѣевскаго Жуковскій спѣшилъ являться первымъ и ревностнымъ сотрудникомъ, и, если обстоятельства того требовали, энергическимъ заступникомъ. Зная Кирѣевскаго, онъ всегда смѣло могъ ручаться за благородство его стремленій, за искренность его желаній блага. Впослѣдствіи Жуковскій писалъ А. П. Елагиной: „въ вашей семьѣ заключается цѣлая династія хорошихъ писателей—пустите ихъ всѣхъ по этой дорогѣ! Дойдутъ къ добру. Ваня—

самое чистое, доброе, умное и даже философское творенie. Его узнать покороче весело". До пятнадцатилѣтняго возраста Кирѣевскie оставались безвыѣздно въ Долбинѣ; у нихъ не было ни учителей, ни гувернеровъ; они росли и воспитывались подъ непосредственнымъ руководствомъ матери и вотчима. Въ 1817 году А. П. Кирѣевская вышла замужъ за своего внучатнаго брата Алексѣя Андреевича Елагина. Елагинъ, горячо и нѣжно любившiй Кирѣевскихъ, былъ ихъ единственнымъ учителемъ до 1822 года, и молодые Кирѣевскie привязались къ своему второму отцу всѣми силами своей любящей души. Иванъ Кирѣевскiй, какъ уже замѣчено, развивался быстро, не говоря уже о томъ, что онъ еще въ деревнѣ прекрасно выучился по-французки и по-нѣмецки, коротко познакомился съ литературами этихъ языковъ, перечиталъ множество историческихъ книгъ и основательно выучился математикѣ. Еще въ Долбинѣ началъ онъ читать философическiя сочиненiя и первые писатели, которые случайно попались ему подъ руки, были Локкъ и Гельвецiй, но они не оставили вреднаго впечатлѣнiя на его отроческой душѣ. А. А. Елагинъ, въ началѣ усердный почитатель Канта, котораго *Критику чистаго разума* онъ вывезъ съ собою изъ-заграничныхъ походовъ, въ 1819 году черезъ Веланскаго познакомился съ сочиненiями Шеллинга, сдѣлался его ревностнымъ поклонникомъ и въ деревнѣ переводилъ его письма о догматизмѣ и критицизмѣ. Свѣтлый умъ и врожденныя философическiя способности И. В. Кирѣевскаго были ярки въ этомъ почти что отроческомъ возрастѣ; прежнiе литературные разговоры во время длинныхъ деревенскихъ вечеровъ нерѣдко стали замѣняться бесѣдами и спорами о предметахъ чисто философическихъ" [155]).

Дальнѣйшее воспитанiе дѣтей потребовало переѣзда изъ Долбина въ Москву. Это произошло въ 1822 году. Елагины поселились у Сухаревой башни, въ домѣ Померанцева. Впослѣдствiи они купили себѣ у Д. Б. Мертваго большой домъ близъ Красныхъ воротъ въ тупомъ закоулкѣ за церковью Трехъ Святителей съ обширнымъ тѣнистымъ садомъ и съ

ги сельскимъ просторомъ. Домъ этотъ долго былъ извѣ-
іъ не только московскому образованному обществу, но и
іу литературному и ученому люду [156]). Въ Москвѣ мо-
ие Кирѣевскіе брали уроки у Снѣгирева, Мерзлякова,
итаева и другихъ профессоровъ московскаго университета;
пали публичныя лекціи профессора Павлова; выучились
англійски. Нѣкоторые уроки бралъ Иванъ Кирѣевскій
стѣ съ Александромъ Ивановичемъ Кошелевымъ, и съ
іъ поръ начинается дружба Кирѣевскаго и Кошелева,
пкая, на всю жизнь. Они вмѣстѣ выдержали такъ назы-
ый комитетскій экзаменъ и въ одно время вступили на
жбу въ 1824 году въ Московскій Главный Архивъ Ино-
инной Коллегіи. Кирѣевскіе были связаны между собою
ю нѣжною, горячею дружбою, которая бываетъ рѣдка
е между братьями. Петръ Васильевичъ, стяжавшій себѣ вно-
цстіи имя собраніемъ русскихъ пѣсенъ, въ молодости былъ
іне застѣнчивъ, потому изъ друзей брата съ нимъ дружились
ко—тѣ, кого судьба приводила пожить нѣсколько лѣтъ подъ
й кровлей. Чрезъ *архивныхъ юношей*, своихъ товарищей,
ѣевскіе познакомились съ Погодинымъ и приняли живѣйшее
тіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. До сего времени Иванъ
ѣевскій еще не выступалъ на литературное поприще, къ ко-
ому готовился и на которое уже тогда имѣлъ самый возвы-
ный взглядъ. „Мы возвратимъ", писалъ онъ въ 1827
г Кошелеву, „права истинной религіи, изящное согласимъ
нравственностью, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый
ерализмъ замѣнимъ уваженіемъ законовъ и чистоту жизни
ысимъ надъ чистотою слога". Въ это же время на ве-
ѣ у княгини З. А. Волконской князь П. А. Вяземскій
іъ съ Ивана Кирѣевскаго слово написать что нибудь для
тенія и онъ написалъ *Царицинскую ночь*. Это былъ пер-
его литературный опытъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ много-
ленному кругу слушателей [157]). Братъ же его Петръ на-
италъ въ томъ же 1827 году въ *Московскомъ Вѣстникѣ*
ью о *Курсѣ греческой новѣйшей литературы*, читанномъ

въ Женевѣ Яковаки *Ризо* Нерулусомъ, бывшимъ первымъ министромъ греческихъ господарей Валахіи, Молдавіи (Женева 1827 г.) [158]). На эту статью обратилъ вниманіе тогдашній министръ юстиціи Дмитрій Васильевичъ Дашковъ и, по свидѣтельству его племянника В. П. Титова, „исписалъ поля этой статьи своими примѣчаніями и опроверженіями“ [159]). Въ *Дневникѣ* 1827 г. подъ 3 мая Погодинъ записалъ объ Иванѣ Кирѣевскомъ: „Добрѣйшій малый съ самымъ горячимъ и кроткимъ сердцемъ“; а однажды, послѣ того какъ посѣтилъ Кирѣевскихъ вмѣстѣ съ Рожалинымъ, онъ замѣтилъ: „говорилъ очень умно о Россіи, о томъ мѣстѣ, которое предоставлено ей между народами, о національности“ [160]).

XVII.

Въ числѣ ревностныхъ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника* слѣдуетъ упомянуть и Ивана Сергѣевича Мальцева, тоже въ то время „архивнаго юношу“. Онъ дѣйствовалъ тамъ не только перомъ, но и карандашомъ, и первый нумеръ *Московскаго Вѣстника* 1827 года украшенъ его работы портретомъ Гёте, а пятый—портретомъ Вальтеръ-Скотта. Мальцевъ же первый познакомилъ чрезъ *Московскій Вѣстникъ* русскихъ читателей съ вышедшимъ въ 1827 году произведеніемъ Вальтеръ Скотта *Жизнь Наполеона*. Книга эта имѣла громадный успѣхъ въ Европѣ, но въ Россіи оставалась подъ строгимъ запрещеніемъ. Несмотря на это Мальцовъ доставилъ въ *Московскій Вѣстникъ* сначала статью: *Нѣсколько словъ объ Исторіи Наполеона Бонапарта, сочиненной Вальтеръ-Скоттомъ*, а затѣмъ сталъ печатать тамъ же и отрывки изъ этой книги [161]). Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе Титовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его изъ Петербурга, отъ 18 іюля 1827 года: „Вотъ вамъ еще горячій блинъ, любезные мои друзья издатели. Бога ради, Погодинъ, не обожгись имъ и не сойди съ ума, получа отрывки изъ Валь-

самъ былъ нѣкогда членомъ злоумышленнаго общества, я не скрылъ грусти моей отъ великаго князя Михаила Павловича. Его Высочество позволилъ мнѣ о семъ писать Государю и отправилъ немедленно къ Его Величеству письмо мое". Въ этомъ письмѣ мы между прочимъ читаемъ: „Прочитавъ донесеніе вамъ слѣдственной коммиссіи, увидѣвъ всю низость людей, дерзнувшихъ посягнуть на все священное, я снова со слезами благодарности принесъ мольбу мою Богу, что Онъ сподобилъ меня, по мѣрѣ ничтожныхъ силъ моихъ, быть хоть нѣсколько полезнымъ Вамъ и Отечеству... Я никогда не оскверннялъ себя соучастіемъ съ симъ обществомъ; но люди—могутъ несправедливо заключить, судя по неясному описанію въ *донесеніи* моего поступка, что и я былъ нѣкогда членомъ сего общества. Ваше величество, спасите меня отъ сего безчестія, которое отравитъ жизнь мою... Отвратите отъ меня укоризны и презрѣніе людей благородныхъ и оправдайте меня передъ Россіею и потомствомъ". Черезъ три недѣли съ половиною дежурный генералъ Потаповъ увѣдомилъ Ростовцева: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ повторить вамъ высочайшій его Величества отзывъ, что самая откровенность ваша будетъ для всѣхъ лучшимъ доказательствомъ, что вы никогда и не помышляли участвовать въ злонамѣренныхъ видахъ мятежниковъ" [170]). Это письмо свое къ Государю Ростовцевъ читалъ Погодину [171]). Въ тоже время они настолько между собою сблизились, что Ростовцевъ сдѣлался сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* и на страницахъ этого журнала помѣстилъ отрывокъ изъ третьяго дѣйствія своей исторической трагедіи *Князь Пожарскій* [172]). Любопытно, что планъ этой трагедіи Ростовцевъ читалъ декабристамъ почти наканунѣ *14 Декабря*. „Въ послѣднихъ числахъ ноября 1825 года", пишетъ онъ, „я читалъ имъ планъ новой моей трагедіи *Князь Пожарскій*, гдѣ я въ роли Пожарскаго хотѣлъ выставить возвышенный идеалъ чистой любви къ отечеству. Планъ мой чрезвычайно имъ понравился; но крайне меня удивило то, что они въ одинъ голосъ стали опровергать то мѣсто, гдѣ

письмо къ Погодину: „Видно, вы родились подъ счастливымъ созвѣздіемъ; иначе бы поѣхали со мною. Представьте, что вотъ уже ровно полтора мѣсяца, какъ я сижу въ Кіевѣ между четырехъ стѣнъ ненавистной комнаты. Правда, лучъ надежды проглянулъ и я, какъ отогрѣтая муха, расправляю понемногу крылья и готовлюсь въ дальнѣйшій путь. Дорогу отъ Москвы до Орловской деревни я не считаю за путешествіе, ибо ѣхалъ не одинъ, не по собственному произволу, и дѣлалъ мало путнаго. Изъ деревни отправился на Коренную ярмарку, на которую пріѣхали къ самому развалу. Черезъ Курскъ, Бѣлгородъ, гдѣ въ одинъ день познакомился почти со всею семинаріею, добиваясь узнать кое-что о Саркелѣ, но напрасно. Мы пріѣхали въ Харьковъ. Вамъ, можетъ быть, уже извѣстно, что здѣсь я провелъ три года юности, и потому не удивитесь, если скажу, сколь живы были впечатлѣнія. Разумѣется, что изъ старыхъ товарищей не нашелъ почти никого, исключая двухъ прекрасныхъ дочерей губернатора, нашего бывшаго сосѣда; прочихъ Петербургъ приманилъ къ себѣ... Теперь упомяну о маломъ числѣ лицъ, достойныхъ примѣчанія. Вотъ они: Кренбергъ, котораго физіономія и тажелое обхожденіе мнѣ, признаюсь, не совсѣмъ легли по сердцу. Въ замѣнъ этого, случай свелъ меня съ двумя здѣшними молодыми натуралистами: съ сангвиническимъ Черняевымъ, профессоромъ ботаники, недавно возвратившимся изъ чужихъ краевъ, очень милымъ человѣкомъ и страстнымъ къ своей наукѣ. Онъ желаетъ очень имѣть литературныя связи съ Максимовичемъ, и дѣлалъ уже des avances, но тотъ не отвѣчаетъ ему; замѣтьте ему это. Другой—зоологъ и минералогъ, и какъ минералъ неповоротливъ. Впрочемъ, его хвалятъ. Это—Криницкій, полякъ, воспитанникъ Виленскаго университета. Не менѣе лестно для меня знакомство съ здѣшнимъ профессоромъ россійской исторіи Гулакомъ - Артемовскимъ, совершеннымъ знатокомъ Малороссіи и языка ея. Я искалъ знакомства съ *тутошными* жителями, индигенами тѣхъ мѣстъ, чрезъ которыя проѣхалъ. Я дорожу ими въ особенности потому, что по разнымъ обстоятельствамъ не могъ посвятить до-

статочнаго времени для узнанія Малороссіи, края любопытнѣйшаго, на который до сихъ поръ еще слишкомъ мало обращали вниманія. Въ поѣздкѣ моей изъ Харькова въ Чугуевъ я имѣлъ случай свесть знакомство съ человѣкомъ чрезвычайно примѣчательнымъ, а именно, съ отставнымъ генераломъ Александровымъ. Онъ чугуевскій уроженецъ; служилъ цѣлый вѣкъ и былъ со временъ Суворова вездѣ съ нашею арміею. Будучи одаренъ отъ природы умомъ здравымъ, сужденіемъ прямымъ и легкимъ, пылая страстью къ познаніямъ, онъ безъ предварительнаго образованія и безъ пособія иностранныхъ языковъ, пріобрѣлъ богатыя свѣдѣнія и обогатилъ себя еще богатѣйшими собственными замѣчаніями и наблюденіями. Бесѣда этого старца, исполненнаго юношескаго жара, знанія свѣта, обворожила меня. Нѣтъ, думаю, человѣка во всей Малой Россіи, который имѣлъ бы болѣе Каразина способностей и средствъ къ пріобрѣтенію матеріаловъ по всѣмъ частямъ о здѣшнемъ краѣ. Мы провели у него нѣсколько дней въ деревнѣ, по дорогѣ изъ Харькова въ Полтаву. На него моя крѣпкая надежда. Разсказъ странствія моего приближаетъ меня къ Полтавской губерніи. Вотъ средоточіе, цвѣтъ Малороссіи. Я повторяю и повторять буду, что кто не былъ въ Полтавской губерніи, тотъ не можетъ имѣть полнаго понятія о Малороссіи. Котляревскій просилъ меня предложить книгопродавцамъ московскимъ, не пожелаютъ-ли они купить полную его *Энеиду*. Здѣсь, въ Малороссіи найдется много на нее охотниковъ. Я равно увѣренъ, что и всякій просвѣщенный россіянинъ не останется равнодушенъ къ единственному произведенію Малороссійской словесности, памятнику языка, принадлежащаго народу, нѣкогда славному, и который вмѣстѣ съ нимъ, вѣроятно, скоро исчезнетъ вовсе и будетъ жить въ одномъ этомъ памятникѣ. Въ Переяславлѣ, который несмотря на свою древность не представляетъ вовсе ничего взору любителя давнопрошедшаго, я познакомился съ аматеромъ Отечественной Исторіи г. Благодаровымъ... Въѣхалъ въ Кіевъ уже съ лихорадкою въ тѣлѣ. Первымъ стараніемъ моимъ было посѣтить

Высокопреосвященнаго*). Онъ считаетъ меня землякомъ своимъ и былъ нѣкогда очень друженъ съ моимъ роднымъ дядей. Сужденія его о литераторахъ русскихъ, а въ томъ числѣ и о московскихъ, довольно рѣзки. Онъ неумолимъ въ своихъ приговорахъ; но васъ очень уважаетъ за *Происхожденіе Руси* и строгость исторической критики въ оной. Надо признаться, что вы изъ малаго числа избранныхъ. О Туровѣ онъ мнѣнія противнаго предположенію К. Ѳ. Калайдовича: онъ на сторонѣ *существующаго города* Пинска, чему удовлетворительныхъ доказательствъ я отъ него еще не слыхалъ. О Тмутаракани въ Кіевской губерніи онъ мнѣнія г. Арцыбашева. Не упустилъ я случая познакомиться и съ г. Берлинскимъ, извѣстнымъ по своему описанію Кіева,—еще съ Лохвитскимъ, разрывателемъ Десятинной церкви. Изъ здѣшнихъ знакомыхъ моихъ особеннаго вниманія заслуживаетъ отставной генералъ Бѣгичевъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, страстный къ познанію, мудрецъ въ родѣ древнихъ. Пріобрѣтаетъ свѣдѣнія съ цѣлями, чисто практическими; страстно любитъ естественныя науки, особенно медицину; и недовольный французами, онъ нечувствительно и самъ собою обратился къ нѣмцамъ. Любопытно и поучительно видѣть человѣка, который на закатѣ дней своихъ отбросивъ прежніе предразсудки, принялся съ жаромъ юноши за сочиненія Шеллинга, Шуберта, Окена, Кайзера и пр., коихъ имена произноситъ съ благоговѣніемъ, ея открытія старается примѣнить практически, дѣйствуя въ небольшомъ, безызвѣстномъ кругу и не думая изъ него выдти. Несмотря на свою тихую, уединенную жизнь онъ здѣсь извѣстенъ своими добродѣтелями, ибо чуждается свѣта, а не людей. Онъ въ особенности изучаетъ чудесныя дѣйствія магнетизма, самъ практически занимается имъ, и не одинъ житель Кіева и окрестныхъ мѣстъ благословляетъ его искусство. Такіе люди несмотря на ихъ желаніе безызвѣстности не должны быть потеряны для человѣчества и для соотечественниковъ. Близкое разсматриваніе состоянія просвѣщенія въ здѣшнихъ

*) Евгенія.

провинціяхъ не очень-то радуетъ патріота. Если уже и блеснулъ въ столицахъ свободный порывъ ума, освободившагося хотя нѣсколько отъ узъ чужеземныхъ законодателей, и у насъ болѣе не боятся ферулы Буало, Лагарпа и другихъ, то здѣсь еще не пробудилась искра самороднаго пламени. Университеты наши не могутъ возбудить ее, а образъ здѣшней жизни и того менѣе. Здѣсь читающихъ можно раздѣлить на три разряда: на диллетантовъ, которые читаютъ, какъ вездѣ, всякій попавшійся имъ сбродъ. Они спятъ подъ книгу крѣпче обыкновеннаго, а потому единственно и любятъ чтеніе. Второй классъ довольно многочисленный,— классъ полуученыхъ, которые получили чрезъ дипломы изъ университетовъ и семинарій право судить и рядить безъ пощады и литераторовъ, и литературу. Это классъ самый несноснѣйшій и, можетъ быть, самый вредный, потому именно, что одинъ господствуетъ, безъ противниковъ; но онъ наиболѣе выписываетъ и читаетъ журналы, слѣдовательно для васъ не безъ выгоды. Отъ него первый классъ живится журналами, хотя пользуется ими самымъ невиннымъ образомъ: онъ довольствуется повѣстями и стишками, которые старается выучить наизусть. И потому здѣсь вовсе не въ диковинку слышать *стишки* Пушкина изъ устъ дѣвушекъ даже въ кругу купеческомъ. Наконецъ, третій классъ очень малочисленный — истинныхъ ученыхъ, которые обыкновенно хранятъ совершенно нейтралитетъ. На житье въ провинціяхъ люди просвѣщенные осуждаютъ себя по большей части изъ усталости отъ свѣта и вслѣдствіе неудовольствій ими въ жизни претерпѣнныхъ; рѣдко изъ другихъ какихъ либо частныхъ причинъ. Но ни въ какомъ случаѣ они не любятъ дѣлать гласными сужденія свои о предметахъ, на которые отчасти перестали по тѣмъ же причинамъ обращать постоянное вниманіе. Изъ всего этого предоставляю вамъ самимъ сдѣлать заключеніе: какой участи подверженъ журналъ вашъ наравнѣ съ прочими. Равнодушіе, безсмысленность или грубое нахальство, вотъ что́ ожидаетъ ихъ здѣсь. Между тѣмъ человѣчество идетъ своимъ чередомъ,

и поколѣнія слѣдуютъ за поколѣніями, и духъ времени вопреки препятствіямъ и невѣжеству все побѣждаетъ и утверждаетъ печать свою неизгладимо. Русскіе, вооружимся терпѣніемъ и твердостью! Недавно случилось мнѣ крѣпко припомнить мысль о критическомъ обзорѣ сцены изъ *Бориса Годунова* для помѣщенія въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и сожалѣлъ, что она не исполнилась. Люди образованные, между прочимъ, одинъ воспитывавшійся въ университетскомъ пансіонѣ, но съ предразсудками французской школы, вовсе не понимаютъ смысла этого произведенія, удивляются пятистопнымъ ямбамъ, тому, что монахъ выведенъ на сцену; да и самая простота языка Пимена становится для нихъ предметомъ соблазна" [164]).

Вспоминая сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника*, нельзя пройти молчаніемъ Александра Ивановича Кошелева. По свидѣтельству П. И. Бартенева, въ началѣ нынѣшняго вѣка проживалъ въ Москвѣ въ домѣ своемъ за Сухаревою башнею, на первой Мѣщанской отставной гвардейскій подполковникъ, вдовецъ, Иванъ Родіоновичъ Кошелевъ (1753 † 1818), родной правнукъ извѣстнаго въ новой нашей исторіи пастора Глюка. Въ 1797 году лишился онъ жены своей Елисаветы Петровны, урожденной княжны Меншиковой, двоюродной сестры адмирала. Съ ихъ домомъ издавна находилась въ дружбѣ дочь французскаго эмигранта Дарья Николаевна Дежарденъ. На ней Иванъ Родіоновичъ женился въ Бронницкомъ помѣстьѣ своемъ Ильинскомъ 21 августа 1804 года, и отъ этого брака родился 6 мая 1806 года въ Москвѣ Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Дѣтство его протекло подъ вліяніемъ отца, человѣка образованнаго, долго жившаго въ Англіи, учившагося въ славной Итонской школѣ. Но главною воспитательницею Кошелева была его мать († 1836), про энергію и умъ которой до сихъ поръ раскасываютъ знавшіе ее москвичи. Мальчикъ съ раннихъ лѣтъ отличался необыкновенною живостью. Въ 1812 году на пути въ дальнюю Тамбовскую деревню родители должны были его удерживать отъ

лишнихъ разговоровъ съ крестьянами; когда кормили лошадей, онъ собиралъ вокругъ себя мѣстное населеніе, передавая имъ газетныя извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ. На отрока и юношу Кошелева значительное вліяніе имѣла Авдотья Петровна Елагина, жившая по сосѣдству съ домомъ его родителей. Дружба съ ея старшимъ сыномъ И. В. Кирѣевскимъ на всю жизнь осталась святынею для Кошелева. Завѣтныя области философіи и Богословія рано привлекли къ себѣ Кошелева. Съ братьями Кирѣевскими и княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ предался онъ изученію классиковъ, въ особенности зналъ онъ по-гречески. Но Кошелева съ раннихъ поръ влекла къ себѣ жизнь общественная и политическая. Пылкій юноша рвался къ дѣятельности. Гроза *14 декабря* миновала тогдашняго „архивнаго юношу". Между тѣмъ въ Петербургѣ пользовался большимъ вѣсомъ при Дворѣ и въ обществѣ, двоюродный братъ его отца, извѣстный масонъ и другъ князя А. Н. Голицына, Родіонъ Александровичъ Кошелевъ, благодаря которому его племянникъ получилъ мѣсто въ Департаменѣ Иностранныхъ Исповѣданій [165]). Сдѣлавшись петербургскимъ чиновникомъ, Кошелевъ не переставалъ интересоваться *Московскимъ Вѣстникомъ* и даже участвовалъ въ немъ. Вотъ что онъ писалъ Погодину въ ноябрѣ 1827 года, изъ Петербурга: „физико-географическія лекціи профессора Гумбольдта начались въ Берлинѣ въ началѣ ноября. Число желающихъ слушать его такъ велико, что онъ принужденъ былъ для удовлетворенія тѣхъ, которые не могли достать билетовъ на первый курсъ, начать другой курсъ. Говорятъ, что описать нельзя съ какимъ восторгомъ внимаютъ его чтеніямъ. Между слушателями нѣсколько министровъ, генераловъ. По просьбѣ берлинскихъ дамъ г. Гумбольдтъ въ скоромъ времени откроетъ курсъ физической географіи для женскаго пола въ Академіи Пѣнія" [166]).

Въ описываемое время Погодинъ сошелся короче съ Мицкевичемъ и другомъ его Малевскимъ. Они нерѣдко видѣлись и любимою темою ихъ бесѣдъ была исторія Польши. Погодинъ „выспрашивалъ" у нихъ и слышанное служило ему „подтверж-

деніемъ собственныхъ догадокъ". Толковали они также о французской политикѣ и о европейскихъ государяхъ. Однажды Мицкевичъ при прощаніи даже „разцѣловалъ" Погодина [167]).

Въ числѣ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника* состоялъ также и знаменитый впослѣдствіи предсѣдатель редакціонныхъ коммиссій для составленія положенія о крестьянахъ генералъ-адъютантъ Іаковъ Ивановичъ Ростовцевъ, а тогда только поручикъ Лейбъ-Гвардіи Егерскаго полка. Онъ родился 23 декабря 1803 года. Отецъ его происходилъ изъ купеческаго званія, что однако не мѣшало ему получить чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а его мать была дочерью извѣстнаго нѣкогда своимъ богатствомъ и пышностью коммерціи совѣтника и С.-Петербургскаго 1-й гильдіи купца Ивана Васильевича Кусова, который не разъ былъ удостоенъ чести принимать у себя императора Александра І-го. Ростовцевъ воспитывался въ Пажескомъ корпусѣ, откуда въ 1822 году, былъ выпущенъ прапорщикомъ [168]). Не смотря на то, что Ростовцевъ былъ кореннымъ петербуржцемъ какъ по своей наружности, такъ и по образу жизни, онъ представлялъ собой типъ чистаго великороссіянина. Мы уже знаемъ, что Погодинъ познакомился съ нимъ черезъ В. Н. Семенова и Н. А. Загряжскаго въ Петербургѣ въ декабрѣ 1825 года. Въ коронацію 1826 года Ростовцевъ, въ качествѣ адъютанта великаго князя Михаила Павловича, пріѣзжалъ въ Москву. Чрезъ Загряжскаго Погодинъ возобновляетъ съ нимъ знакомство. „Вы историческое лицо", сказалъ онъ Ростовцеву, при первомъ свиданіи съ нимъ въ Москвѣ. Разговоръ между ними завязался о *14-мъ декабря* и при этомъ Погодинъ замѣчаетъ, что онъ „простой, неглупый малый" [169]). Во время пребыванія Ростовцева въ Москвѣ вышло донесеніе слѣдственной коммиссіи о злоумышленномъ обществѣ, гдѣ между прочимъ приведены о немъ слова Рылѣева, обращенныя къ Государю: „Вы видите—намъ измѣнили", и проч. „До чрезвычайности огорченный", пишетъ по этому поводу Ростовцевъ, „симъ выраженіемъ, по которому многіе могли заключить, что я и

самъ былъ нѣкогда членомъ злоумышленнаго общества, я не скрылъ грусти моей отъ великаго князя Михаила Павловича. Его Высочество позволилъ мнѣ о семъ писать Государю и отправилъ немедленно къ Его Величеству письмо мое". Въ этомъ письмѣ мы между прочимъ читаемъ: „Прочитавъ донесеніе вамъ слѣдственной коммиссіи, увидѣвъ всю низость людей, дерзнувшихъ посягнуть на все священное, я снова со слезами благодарности принесъ мольбу мою Богу, что Онъ сподобилъ меня, по мѣрѣ ничтожныхъ силъ моихъ, быть хоть нѣсколько полезнымъ Вамъ и Отечеству... Я никогда не оскверняль себя соучастіемъ съ симъ обществомъ; но люди—могутъ несправедливо заключить, судя по неясному описанію въ *донесеніи* моего поступка, что и я былъ нѣкогда членомъ сего общества. Ваше величество, спасите меня отъ сего безчестія, которое отравитъ жизнь мою... Отвратите отъ меня укоризны и презрѣніе людей благородныхъ и оправдайте меня передъ Россіею и потомствомъ". Черезъ три недѣли съ половиною дежурный генералъ Потаповъ увѣдомилъ Ростовцева: „Государь Императоръ высочайше повелѣть соизволилъ повторить вамъ высочайшій его Величества отзывъ, что самая откровенность ваша будетъ для всѣхъ лучшимъ доказательствомъ, что вы никогда и не помышляли участвовать въ злонамѣренныхъ видахъ мятежниковъ" [170]). Это письмо свое къ Государю Ростовцевъ читалъ Погодину [171]). Въ тоже время они настолько между собою сблизились, что Ростовцевъ сдѣлался сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* и на страницахъ этого журнала помѣстилъ отрывокъ изъ третьяго дѣйствія своей исторической трагедіи *Князь Пожарскій* [172]). Любопытно, что планъ этой трагедіи Ростовцевъ читалъ декабристамъ почти наканунѣ *14 Декабря*. „Въ послѣднихъ числахъ ноября 1825 года", пишетъ онъ, „я читалъ имъ планъ новой моей трагедіи *Князь Пожарскій*, гдѣ я въ роли Пожарскаго хотѣлъ выставить возвышенный идеалъ чистой любви къ отечеству. Планъ мой чрезвычайно имъ понравился; но крайне меня удивило то, что они въ одинъ голосъ стали опровергать то мѣсто, гдѣ

Пожарскій, желая соединить во-едино войска свои и войска Трубецкаго, старшаго и лѣтами и саномъ, провозглашаетъ его главнымъ военноначальникомъ и дѣлается его подчиненнымъ. Пожертвованіе Пожарскаго своимъ самолюбіемъ они называли униженіемъ; они говорили, что Пожарскій долженъ быть гордъ, неуступчивъ и знать себѣ цѣну. Я долго съ ними спорилъ и оставилъ все по прежнему; но споръ сей, хотя и маловажный самъ по себѣ, произвелъ на меня невыгодное впечатлѣніе, ибо я еще болѣе увѣрился въ ихъ самолюбіи" [173]).

XVIII.

Къ участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодинъ старался привлечь и писателей старшаго поколѣнія. Этимъ стремленіемъ молодого редактора особенно былъ польщенъ знаменитый авторъ *Таинственной Капли* Өедоръ Николаевичъ Глинка, почтённый Пушкинымъ и *Посланіемъ*:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ...
...Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой
Великодушный гражданинъ!...

и *эпиграммами*

Нашъ другъ *Глаголь* кутейникъ въ эполетахъ.. [174]).

или

Вотъ Глинка—Божія коровка..

Письма же его *Русскаго офицера*, изданныя въ Москвѣ въ 1808 году питали патріотическое чувство отрока Погодина. Какъ бы то ни было, на призывъ участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Глинка не замедлилъ откликнуться изъ Петрозаводска (отъ 2 мая 1827): „благосклоннымъ вниманіемъ своимъ вы нашли человѣка въ пустынѣ, и прекрасное изданіе ваше, конечно, будетъ манною для души, для вкуса". Въ другомъ письмѣ (отъ 7 ноября того же года) Ө. Н. Глинка

писалъ: „Я право не считаю себя авторомъ, могущимъ обогащать какое-нибудь изданіе, особливо такое прекрасное, какъ ваше. У меня есть стихотворенія, большею частью не занимательныя для нынѣшняго свѣта; это вопли души, изліянія чувства; у меня найдутся нѣкоторыя мысли, обернутыя въ прозаическіе періоды; но все это едвали стоитъ вниманія. Я съ большимъ вниманіемъ прочелъ повѣсти ваши: *Нищій* и другую *Какъ аукнется*; онѣ внушили мнѣ большое уваженіе и что-то дружелюбное къ автору. Въ разныхъ мѣстахъ журнала я замѣчаю также мысли, заимствованныя изъ философіи Шеллинга: нѣкогда я съ жадностью слушалъ лекціи сей философіи. Высокое понятіе о безусловномъ, о гармоніи міра уясняетъ мысли, возвышаетъ душу“ [175]).

Самъ наставникъ Погодина, строгій классикъ Мерзляковъ, несмотря на то, что по своему литературному исповѣданію и не принадлежалъ къ приходу *Московскаго Вѣстника*, но изъ любви къ любезному ученику своему помѣстилъ на страницахъ его журнала свое лирико-драматическое стихотвореніе *Шуваловъ и Ломоносовъ*, посвященное „почтеннѣйшимъ членамъ Университетскаго Совѣта“ съ эпиграфомъ изъ Ломоносова:

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ!

Обращаясь къ Москвѣ Мерзляковъ говоритъ:

О мать градовъ! въ тебѣ Творецъ благоволилъ
И храму первому возникнуть просвѣщенья!...
Доселѣ бывъ вождемъ, несла стальную грудь
Ты въ брани грозныя за Русь твою родную;
Теперь наставницей, теперь въ урокъ ей будь,
И юность возлелей Отечеству драгую;
Сіе сокровище и небу й землѣ
И царствамъ и царямъ любезно и священно [176]).

Не смотря на всѣ убѣжденія Пушкина, князь П. А. Вяземскій остался вѣренъ *Московскому Телеграфу*. Между тѣмъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на первыхъ же порахъ начали

Пожарскій, желая соединить во-едино войска свои и войска Трубецкаго, старшаго и лѣтами и саномъ, провозглашаетъ его главнымъ военноначальникомъ и дѣлается его подчиненнымъ. Пожертвованіе Пожарскаго своимъ самолюбіемъ они называли униженіемъ; они говорили, что Пожарскій долженъ быть гордъ, неуступчивъ и знать себѣ цѣну. Я долго съ ними спорилъ и оставилъ все по прежнему; но споръ сей, хотя и маловажный самъ по себѣ, произвелъ на меня невыгодное впечатлѣніе, ибо я еще болѣе увѣрился въ ихъ самолюбіи" [173]).

XVIII.

Къ участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Погодинъ старался привлечь и писателей старшаго поколѣнія. Этимъ стремленіемъ молодого редактора особенно былъ польщенъ знаменитый авторъ *Таинственной Капли* Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, почтённый Пушкинымъ и *Посланіемъ*:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ...
...Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой
Великодушный гражданинъ!...

и *эпиграммами*

Нашъ другъ *Глаголь* кутейникъ въ эполетахъ.. [174]).

или

Вотъ Глинка—Божія коровка..

Письма же его *Русскаго офицера*, изданныя въ Москвѣ въ 1808 году питали патріотическое чувство отрока Погодина. Какъ бы то ни было, на призывъ участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Глинка не замедлилъ откликнуться изъ Петрозаводска (отъ 2 мая 1827): „благосклоннымъ вниманіемъ своимъ вы нашли человѣка въ пустынѣ, и прекрасное изданіе ваше, конечно, будетъ манною для души, для вкуса". Въ другомъ письмѣ (отъ 7 ноября того же года) Ѳ. Н. Глинка

сердечно, чтобы ваша сила и охота на продолженіе онаго были неистощимы. Кромѣ того, къ бо́льшему моему одолженію получилъ я вашихъ же еще двѣ книжки: одну *о Происхожденіи Руси*, а другую—*о Жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*. Но ихъ я еще не читалъ за недосугами. Не знаю, какимъ образомъ пріобрѣлъ Глазуновъ право на печатаніе сочиненій Тихона, только думаю неотъемлемо, потому что нынѣшній Митрополитъ Кіевскій вѣрно бы открылъ путь и средства Задонскому монастырю воспользоваться произведеніемъ онаго Святителя, коего прахъ покоится въономъ монастырѣ" [193]).

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ нашелъ у себя на столѣ циркулярное письмо В. П. Титова изъ Петербурга (отъ 18 іюля 1827) въ редакцію *Московскаго Вѣстника*, изъ котораго онъ также не могъ извлечь для себя ничего утѣшительнаго. Въ этомъ письмѣ мы между прочимъ читаемъ: „меня разсердили, признаюсь, 10 и 11 №№; можно ли подавать на себя такое оружіе? Отъ Раича отъ роду не ожидалъ я такихъ нелѣпостей: лучше во сто разъ *Московскому Вѣстнику* обойтись безъ стиховъ, нежели опохабить нумеръ этимъ переводомъ изъ Тасса *). О себѣ я думаю, что въ Петербургѣ могу вамъ болѣе принести пользы, нежели въ Москвѣ: во 1-хъ, я здѣсь могу доставать вещи, которыхъ тамъ не могъ бы; во 2-хъ, чувствую себя душевно крѣпче и спокойнѣе тамошняго: этому вина отчасти привычка къ постоянному труду службы, отчасти и то, что мое будущее теперь не такъ неопредѣленно, и воображеніе не рыскаетъ вдаль. Ты, Погодинъ, мнѣ все пишешь о Перовскомъ; я его не знаю; напиши мнѣ, о какихъ говоришь запискахъ и кто онъ такое. Также ты пристаешь ко мнѣ о мнѣніяхъ насчетъ журнала; да я не вижу надобности узнавать ихъ, думаю, что мы сами заранѣе можемъ рѣшить, какая статья понравится публикѣ. Ради Христа держите хорошенько корректуру. Нумеръ 13-й очень красивъ, но въ немъ тьма опечатокъ. У меня

*) Въ 10-мъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* С. Е. Раичъ напечаталъ отрывокъ изъ своего перевода шестой пѣсни *Освобожденнаго Іерусалима*.

появляться неблагопристойныя противъ него выходки. Такъ на страницахъ этого журнала появилась рецензія на книжку *Жизнь игрока*. Рецензентъ скрылся подъ псевдонимомъ *Зоилъ 2-й*. Между прочимъ въ этой рецензіи было сказано: „тотъ, кто лучшіе года жизни провелъ въ качествѣ игрока, навѣрное можетъ быть литераторомъ развѣ только на *выдержку*" [177]). А. В. Веневитиновъ сообщилъ Погодину, что нѣкоторые толкуютъ эти строки „въ сторону предосудительную для князя Вяземскаго". Это сообщеніе очень смутило Погодина. „Мнѣ было", пишетъ онъ, „очень и очень непріятно, потому что душевно уважаю его". На другой же день Погодинъ отправился къ князю Вяземскому объясниться [178]). Тѣмъ не менѣе даже лучшій другъ князя Вяземскаго, Пушкинъ, разразился на него въ *Московскомъ Вѣстникѣ* эпиграммою подъ заглавіемъ *Поэтъ* и *Прозаикъ*.

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?
Давай мнѣ мысль какую хочешь:
Ее съ конца я заострю,
Летучей рифмой оперю,
Вложу на тетиву тугую,
Послушный лукъ согну въ дугу
А тамъ пошлю на удалую,
И горе нашему врагу! [179]).

Поводомъ къ этой эпиграммѣ былъ разборъ сдѣланный княземъ Вяземскимъ поэмы *Цыгане*. „Этотъ разборъ", пишетъ самъ князь Вяземскій, „навлекъ, или могъ бы навлечь облачко, на свѣтлыя мои съ Пушкинымъ сношенія. О томъ я долго не догадывался и узналъ случайно, гораздо позднѣе. Александръ Алексѣевичъ Мухановъ, общій пріятель нашъ, сказалъ мнѣ однажды, что изъ словъ, слышанныхъ имъ отъ Пушкина, онъ убѣдился, что поэтъ несовсѣмъ доволенъ отзывомъ моимъ о поэмѣ его. Помнится мнѣ, что Пушкинъ былъ особенно недоволенъ замѣчаніемъ моимъ о стихахъ... *медленно скатился.. съ камня на траву свалился*. Между тѣмъ онъ самъ ничего не говорилъ мнѣ о своемъ неудовольствіи: напротивъ, насколько могу припомнить, даже благодарилъ меня за статью.

Какъ бы то ни было, взаимныя отношенія наши оставались самыми дружественными. Онъ молчалъ, молчалъ и я, опасаясь дать словамъ Муханова видъ сплетни, за которую Пушкинъ могъ бы разсердиться. Но и не признавалъ я надобности привести въ ясность этотъ сомнительный вопросъ. Могъ я думать, что Пушкинъ и забылъ или измѣнилъ свое первоначальное впечатлѣніе, но Пушкинъ не былъ забывчивъ. Въ то самое время, когда между нами все обстояло благополучно, Пушкинъ однажды спрашиваетъ меня въ упоръ: можетъ ли онъ напечатать слѣдующую эпиграмму:

О чемъ, прозаикъ, ты хлопочешь?

Полагая, что вопросъ его относится до цензуры, отвѣчаю, что не предвижу никакого со стороны ея препятствія. Между тѣмъ замѣчаю, что при этихъ словахъ моихъ лицо его вдругъ вспыхнуло и озарилось краскою, обычною въ немъ примѣтою какого-нибудь смущенія или внутренняго сознанія въ неловкости положенія своего. Впрочемъ и тутъ я, такъ сказать, пропустилъ или проглядѣлъ краску его: не далъ себѣ въ ней отчета. Тѣмъ дѣло кончилось. Уже послѣ смерти Пушкина какъ-то припомнилась мнѣ вся эта сцена: загадка нечаянно сама разгадалась предо мною, я понялъ, что этотъ *прозаикъ*—я, что Пушкинъ, легко оскорблявшійся, оскорбился нѣкоторыми замѣтками въ моей статьѣ и наконецъ хотѣлъ узнать отъ меня, не оскорблюсь ли я самъ напечатаніемъ эпиграммы, которая сорвалась съ пера его противъ меня.

Досада его, что я въ невинности своей не понялъ нападенія, бросила въ жаръ лицо его. Онъ не имѣлъ духа объясниться со мною: на меня нашла какая-то голубиная чистота, которая не давала уловить и разглядѣть *словеса лукавствія*. Такимъ образомъ громъ не грянулъ и облачко пронеслось мимо насъ, не разразившись надъ нами. Когда я одумался и прозрѣлъ, было поздно. Бѣднаго Пушкина уже не было на лицо" [180]).

Не смотря на эти выходки *Московскаго Вѣстника*, князь

Вяземскій продолжалъ доброжелательствовать Погодину и оказывать содѣйствіе въ его предпріятіяхъ. По свидѣтельству самого же Погодина, въ томъ же 1827 году онъ обращался къ князю Вяземскому съ просьбою, не можетъ ли онъ довесть о переводѣ славянской грамматики Добровскаго до свѣдѣнія товарища министра народнаго просвѣщенія Д. Н. Блудова. Онъ охотно изъявилъ свою готовность. Вскорѣ послѣ этого князь Вяземскій написалъ Погодину изъ Остафьева: „я поспѣшилъ исполнить порученіе, данное вами, но еще не имѣю отвѣта отъ Д. Н. Блудова. Какъ скоро получу, не замедлю увѣдомить васъ о его содержаніи. Я давно просилъ Соболевскаго сказать вамъ обо всемъ этомъ и въ пріѣздъ свой въ Москву искалъ васъ, но узналъ, что вы были въ отлучкѣ. Вотъ причины, по коимъ я неумышленно оставилъ васъ по сіе время въ неизвѣстности. Полагая, что вы часто видитесь съ П. М. Строевымъ, прошу васъ сказать ему, что я имѣлъ честь получить его письмо и отошлю приложеніе по принадлежности“ [181]).

Наконецъ намъ слѣдуетъ упомянуть объ отношеніяхъ Погодина къ супротивной сторонѣ. Дружба его съ Булгаринымъ продолжалась недолго. Еще въ концѣ ноября 1826 года Ѳадей Венедиктовичъ, по поводу сотрудничества Погодина въ *Сѣверномъ Архивѣ*, написалъ ему колкое письмо: „Вспомните, почтеннѣйшій, ту минуту, когда я предложилъ вамъ сотрудничество. Вспомните, что вы обѣщали доставлять ко мнѣ оригинальныя статьи по сорока рублей за печатный листъ и между прочимъ нѣсколько переводовъ. Я сказалъ, что во всемъ полагаюсь на вашу деликатность и надѣюсь, что вы не будете помогать намъ одними переводами. Теперь, когда намъ должно кончить разсчетъ и условія, сосчитайте, почтеннѣйшій, много ли вы прислали оригинальности, исключая статьи о Восточной Словесности г. Ознобишина. Удерживаюсь отъ всякихъ комментаріевъ и честь имѣю объявить вамъ на ваше требованіе о возвращеніи вашихъ статей, что онѣ находятся не у меня, а у Н. И. Греча. Онъ прямо отвѣчалъ мнѣ, что начала статей

безъ конца никогда не печатаетъ, а потому ожидаетъ отъ васъ окончанія оныхъ. Тоже прибавлю, что статьи изъ Риттера о *прозябаемыхъ* и проч. вовсе не намѣренъ принимать въ счетъ нашего условія, ибо за переводъ изъ старой книги нельзя платить по сорока рублей, и то безъ нашего выбора. Что касается до вашей статьи о Руссахъ, то должно сознаться, что издавать книгу и особо продавать отпечатанные листы почитаю я такимъ сотрудничествомъ, на которое я никогда не рѣшился бы! Но у всякаго свои правила, и я, не взирая на все это, ожидаю отъ васъ окончательнаго съ нами разсчета и желаю вамъ всѣхъ успѣховъ на поприщѣ журналиста, будучи готовъ содѣйствовать вамъ всѣми зависящими отъ меня средствами. Я увѣренъ, что вы, будучи журналистомъ, станете требовать отъ своихъ сотрудниковъ гораздо болѣе твердости въ словѣ и въ исполненіи обѣщаній. Вы видѣли, какъ я съ вами поступалъ; на первое востребованіе сообщилъ вамъ мою статью для альманаха и вовсе не полагалъ, чтобъ наше сотрудничество кончилось присылкою переводовъ изъ книгъ вами переводимыхъ. Но дѣло сдѣлано, я не ропщу и, будучи чуждъ всякихъ непріятныхъ чувствованій, напротивъ того, простираю вамъ руку для дружескаго союза къ общему благу на поприщѣ словесности. Только по моей опытности и старшинству въ лѣтахъ осмѣливаюсь дать совѣтъ, а именно, что акуратность въ денежныхъ разсчетахъ и добрая вѣра должны быть главными качествами журналиста, который примѣромъ своимъ долженъ водворять проповѣдуемую имъ нравственность и въ молодыхъ писателяхъ возбуждать къ себѣ уваженіе. Объявленіе ваше, какъ мнѣ сказывалъ Кеппенъ, что вы будете платить по *сту* рублей за листъ — есть несбыточное дѣло! Поживете, увидите. Извините за откровенность мою. Это господствующее качество моего характера. Я такъ взросъ, такъ и состарѣюсь Этимъ я нажилъ себѣ враговъ, но имѣю за-то истинныхъ, пламенныхъ друзей. Да будетъ проклята зависть и ея поклонники“ [182]).

Напечатавъ въ *Сѣверной Пчелѣ* объявленіе объ изданіи

Московскаго Вѣстника, издатели сдѣлали по этому поводу слѣдующее ядовитое примѣчаніе: „Нѣкоторые изъ иногородныхъ нашихъ подписчиковъ поручили намъ подписаться на журналъ, издаваемый А. С. Пушкинымъ. На удачу, мы выписали для нихъ журналъ, издаваемый г. Погодинымъ, въ которомъ нашъ первоклассный поэтъ обѣщалъ участвовать преимущественно. Впрочемъ, просвѣщенные и привычные читатели журнальныхъ объявленій и журналовъ знаютъ, что значитъ преимущественное участіе поэтовъ въ журналахъ. О семъ можно справиться въ объявленіи о *Сынѣ Отечества* на 1821 годъ, и въ книжкахъ сего журнала въ теченіе 1820 и 1821 годовъ“ [163]). Это примѣчаніе дало поводъ Погодину напечатать въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ*: „Скажу теперь нѣсколько словъ о планѣ нашего журнала въ дополненіе къ сдѣланному объявленію, которое иные называли недостаточнымъ, другіе педантическимъ, третьи... но оставимъ ихъ!“ и при этомъ сослался на тотъ нумеръ *Пчелы*, въ которомъ было напечатано вышеприведенное примѣчаніе [164]). Строчки эти не ускользнули отъ вниманія Булгарина и онъ въ оправданіе свое писалъ Погодину (отъ 29 января 1827 года): „Напрасно вы, милостивый государь, изволили сдѣлать намекъ во 2-мъ нумерѣ вашего журнала, будто бы *Пчела* что-то прожужжала вамъ непріятное. Объявленіе ваше напечатано, а Гречъ сдѣлалъ примѣчаніе на счетъ г. Воейкова, который, бывъ съ нимъ въ сотрудничествѣ, обманулъ его обѣщаніемъ содѣйствія собратій своихъ поэтовъ. О выходѣ въ свѣтъ вашего журнала также сказано было хорошо, а объ особѣ вашей вездѣ съ надлежащимъ уваженіемъ. Къ намъ уже успѣли прислать нѣсколько критикъ на *Московскій Вѣстникъ*, между прочимъ, нѣкто, подписавшійся Калистратомъ Черемохинымъ изъ сельца Баевки, прислалъ жестокую вещь и увѣдомляетъ, что писалъ къ вамъ подъ симъ именемъ. Но мы ничего не печатаемъ въ предосужденіе ваше не для того, чтобы критики могли унизить достоинство вашего журнала, но для того именно, что при новорождающемся

изданіи они могли бы произвесть непріятное впечатлѣніе и отвлечь нѣкоторыхъ нашихъ старыхъ читателей и почитателей отъ подписки, а мы сего вовсе не желаемъ, напротивъ того, сами рекомендуемъ и имѣемъ на сіе письменныя доказательства. И такъ, милостивый государь, прошу васъ не считать ни меня, ни Н. И. Греча въ числѣ вашихъ противниковъ или недоброжелателей, а напротивъ того, надѣйтесь, какъ на вѣрныхъ сподвижниковъ и союзниковъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, т.-е. распространеніи истиннаго просвѣщенія, нравственности и доставленіи публикѣ пріятнаго и наставительнаго чтенія. Я человѣкъ кабинетный, не мѣшаюсь ни въ какія интриги и не буду никогда игралищемъ чужихъ страстей. Вредить вамъ не имѣю ни склонности, ни охоты, ни даже пользы. Въ Россіи для всѣхъ добрыхъ людей просторно. Примѣръ злобнаго и мстительнаго Полеваго и роднаго брата его по сатанѣ Воейкова не долженъ бы увлекать никого. Вы видите, какъ я живу съ почтеннымъ М. Т. Каченовскимъ. Воейковъ ввелъ Греча въ недоумѣніе съ нимъ, но я никогда ни словомъ, ни дѣломъ не тронулъ ученаго мужа“ [185]). Но это нисколько не помѣшало самому Гречу послать къ редактору *Московскаго Вѣстника* свою *грамматику* при слѣдующемъ письмѣ: „Препровождаю при семъ къ вамъ, какъ къ журналисту и любителю русскаго языка, двѣ грамматики мои, и прошу имъ мѣста и пощады въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Я читалъ съ большимъ удовольствіемъ ваши грамматическія статьи въ трудахъ Московскаго Общества, и вижу, что вы знаете какъ предметъ сей, такъ и трудности съ обработываніемъ онаго сопряженныя. Я рѣшился сдѣлать первый шагъ. Пусть другіе пойдутъ далѣе. Судя по духу вашего журнала, я увѣренъ, что найду въ немъ критики и замѣчанія благонамѣренныя“. Надежда Греча не обманула и въ *Московскомъ Вѣстникѣ*; И. Ѳ. Калайдовичъ напечаталъ на его грамматику весьма благонамѣренную рецензію, въ заключеніе коей сказалъ: „Мы обязаны великою благодарностію г. Гречу за первую болѣе подробную и болѣе систематическую

грамматику, нежели всѣ прежнія. Для учителей опытныхъ она можетъ служить богатымъ запасомъ матеріаловъ. Скажу откровенно, неусыпные труды г. Греча принесли много пользы и мнѣ въ филологическихъ моихъ изысканіяхъ" [186]). Слѣдуетъ замѣтить, что на петербургскихъ друзей Погодина Булгаринъ произвелъ самое гнусное впечатлѣніе. Вотъ что писалъ о немъ Веневитиновъ (отъ 7 января 1827 года): „Съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ Булгарина, имя его сдѣлалось для меня противнымъ. Я полагалъ, что онъ умный вѣтренникъ, но онъ площадный дуракъ. Ужасно ругаетъ *Телеграфъ*, о тебѣ ни слова. Говоритъ, что самъ знаетъ, что онъ интриганъ, но это сопряжено съ благородною цѣлію и всѣ поступки его клонятся къ пользѣ отечественной словесности. Экой уродъ!" [187]). Въ это время Булгаринъ издалъ собраніе своихъ сочиненій, о чемъ В. П. Титовъ писалъ Погодину: „Поздравляю съ выходомъ сочиненій Ѳадея; золота въ нихъ много; но *Телеграфъ*, вѣроятно, чешетъ уже зубы" [188]). Самъ Булгаринъ не замедлилъ выслать экземпляръ своихъ сочиненій редактору *Московскаго Вѣстника* при слѣдующемъ письмѣ: „Вы сами въ письмѣ хвалили моего *Янычара*, а по выходѣ въ свѣтъ *Лиры*, упоминая о всѣхъ статьяхъ —умолчали о немъ *). Это предсказываетъ мнѣ, какъ вы примите мои сочиненія. Богъ съ вами! Ругайте и браните! Посылаю вамъ экземпляръ и прошу откатать по совѣсти" [189]).

XIX.

Первая половина 1827 года въ жизни Погодина ознаменовалась цѣлымъ рядомъ горестныхъ для него утратъ. Едва успѣли похоронить князя Ивана Дмитріевича Трубецкаго,

*) *Сѣверная Лира* на 1827 годъ посвящается любительницамъ и любителямъ отечественной словесности, изд. Раичемъ и Ознобишинымъ (М. 1827). Въ этомъ альманахѣ помѣщенъ былъ *Янычаръ* Булгарина. (См. *Московскій Вѣстникъ* 1827. № 5, стр. 86).

письма Пушкина, объявилъ, что не хочетъ соредакторства Шевырева. Если это неправда, пусть горячіе уголья падутъ на головы сообщившихъ сіе извѣстіе" [213]).

Очевидно, и это посланіе не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія на Погодина. Вотъ что по поводу этихъ переговоровъ мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „Письмо отъ Одоевскаго и Титова. Предосадно мнѣ было. Кирѣевскій поступилъ неосторожно и даже непонятно, потому что дурно. Я не сержусь, впрочемъ. Толковалъ Шевыреву и Алексѣю Веневитинову, что всѣ толкутъ воду и не могъ убѣдить. Несутъ свое да и только. Мочи нѣтъ, и скучно, и досадно. Чтобы возстановить гармонію, отправился къ Трубецкимъ. Не тутъ-то было. Все время княжна Александра Ивановна оставалась у больной сестры. И не оборотилась ко мнѣ, не сказала ни слова... Непріятно. Толковалъ съ Сеймондомъ объ ужасномъ состояніи государства, о всеобщей бѣдности дворянства, купечества. Гроза крестьянъ. Неутѣшительная перспектива! Говорилъ съ Шевыревымъ объ этомъ... Ну, если вслѣдствіе государственныхъ переворотовъ состоянія сравняются, и я..." [214]). Съ своей стороны И. В. Кирѣевскій нашелъ нужнымъ написать ему: „Я виноватъ передъ тобою, любезный Погодинъ, и вотъ именно въ чемъ: когда ты спрашивалъ меня, писалъ-ли я къ Титову, что ты отказывалъ Шевыреву въ соредакторствѣ послѣ полученія письма отъ Пушкина, то я отвѣчалъ тебѣ, что не писалъ о Пушкинскомъ письмѣ въ отношеніи къ этому дѣлу. И въ самомъ дѣлѣ, я до сихъ поръ не помню, чтобы я писалъ о томъ. Но, обдумавъ хорошенько, я увидѣлъ, что не долженъ былъ отвѣчать тебѣ такъ рѣшительно, ибо когда ты объявилъ свое основаніе на права Шевырева, то я дѣйствительно полагалъ одною изъ причинъ тому надежду на улучшеніе журнала Пушкинскимъ сотрудничествомъ, и потому, думая это, я *могъ* это и написать къ Титову, съ которымъ я привыкъ быть откровеннымъ" [215]).

Въ концѣ-концовъ, Погодинъ долженъ былъ, для пользы дѣла, покориться и признать Шевырева соредакторомъ; но

получилъ *Наташу*. Кеппенъ прислалъ вамъ свои *Матеріалы*: надобно бы вамъ благодарить его и написать хорошенькій разборъ, только не въ видѣ афоризмъ по вашему обыкновенію, а одушевить, одушевить. Отъ Шевырева также пришлю письмо: онъ выздоровѣлъ, ѣдетъ куда-то на богомолье и самъ не знаетъ, когда воротится въ Москву. Мальцовъ, кажется, и не думаетъ трудиться, а живетъ на дачѣ съ Одоевскимъ и всякими Лаурами и играетъ съ утра до вечера въ мушку. Ждалъ каждый день отъ васъ отвѣта на письмо мое касательно типографіи, и все-таки не получилъ. Вы престранный человѣкъ ей Богу; знаете, что такія дѣла не требуютъ отлагательства. Но раздумывайте, какъ хотите долго, а мы съ Соболевскимъ дали ужъ Семену задатокъ для приготовленія нужныхъ литтеръ, и завтра же я отвезу къ нему оригиналъ для 13 №. Хомяковъ долженъ быть скоро въ Москву; но отъ него можно ждать только умныхъ совѣтовъ и отрывковъ изъ его трагедіи, а болѣе едва ли чего нибудь. Вѣрьте моимъ совѣтамъ, ибо я въ своемъ родѣ великій интриганъ, и вѣрьте также потому, что я совершенно преданъ выгодамъ журнала нашего“ [122]). Письмо это, конечно, не могло утѣшить Погодина въ постигшей его скорби. „По дорогѣ“, писалъ онъ, „по коей неслась нѣкогда Тамерланова дикая конница, отправился я въ Задонскъ“, который въ наши дни освященъ памятью святителя воронежскаго Тихона. Съ настоятелемъ Задонской обители, архимандритомъ Самуиломъ, Погодинъ вошелъ въ дружескія сношенія. По возвращеніи въ Москву о. Архимандритъ (отъ 19 августа 1827 года) писалъ ему: „Послѣ отъѣзда вашего изъ Задонска, я вскорѣ началъ пользоваться издаваемымъ вами *Московскимъ Вѣстникомъ*. Его приличнѣе бы назвать продолженіемъ *Пріятнаго и полезнаго препровожденія времени* *). Подъ симъ названіемъ выходившій нѣкогда журналъ столько же для меня былъ занимателенъ и любезенъ, какъ и вашъ нынѣ издаваемый, а потому желаю

*) Изданіе П. Сохацкаго и В. Подшивалова. 20 частей. Москва съ 1794 по 1799 годъ.

сердечно, чтобы ваша сила и охота на продолженіе онаго были неистощимы. Кромѣ того, къ бóльшему моему одолженію получилъ я вашихъ же еще двѣ книжки: одну *о Происхожденіи Руси*, а другую—*о Жилищахъ древнѣйшихъ Руссовъ*. Но ихъ я еще не читалъ за недосугами Не знаю, какимъ образомъ пріобрѣлъ Глазуновъ право на печатаніе сочиненій Тихона, только думаю неотъемлемо, потому что нынѣшній Митрополитъ Кіевскій вѣрно бы открылъ путь и средства Задонскому монастырю воспользоваться произведеніемъ онаго Святителя, коего прахъ покоится въ ономъ монастырѣ" [193]).

По возвращеніи въ Москву, Погодинъ нашелъ у себя на столѣ циркулярное письмо В. П. Титова изъ Петербурга (отъ 18 іюля 1827) въ редакцію *Московскаго Вѣстника*, изъ котораго онъ также не могъ извлечь для себя ничего утѣшительнаго. Въ этомъ письмѣ мы между прочимъ читаемъ: „меня разсердили, признаюсь, 10 и 11 №№; можно ли подавать на себя такое оружіе? Отъ Раича отъ роду не ожидалъ я такихъ нелѣпостей: лучше во сто разъ *Московскому Вѣстнику* обойтись безъ стиховъ, нежели опохабить нумеръ этимъ переводомъ изъ Тасса *). О себѣ я думаю, что въ Петербургѣ могу вамъ болѣе принести пользы, нежели въ Москвѣ: во 1-хъ, я здѣсь могу доставать вещи, которыхъ тамъ не могъ бы; во 2-хъ, чувствую себя душевно крѣпче и спокойнѣе тамошняго: этому вина отчасти привычка къ постоянному труду службы, отчасти и то, что мое будущее теперь не такъ неопредѣленно, и воображеніе не рыскаетъ вдаль. Ты, Погодинъ, мнѣ все пишешь о Перовскомъ; я его не знаю; напиши мнѣ, о какихъ говоришь запискахъ и кто онъ такое. Также ты пристаешь ко мнѣ о мнѣніяхъ насчетъ журнала; да я не вижу надобности узнавать ихъ, думаю, что мы сами заранѣе можемъ рѣшить, какая статья понравится публикѣ. Ради Христа держите хорошенько корректуру. Нумеръ 13-й очень красивъ, но въ немъ тьма опечатокъ. У меня

*) Въ 10-мъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* С. Е. Раичъ напечаталъ отрывокъ изъ своего перевода шестой пѣсни *Освобожденнаго Іерусалима*.

много запасовъ и плановъ для *Вѣстника*; постепенно выполняю. Одинъ изъ нихъ рушился: я сговорился-было съ Абрамомъ Норовымъ о помѣщеніи отрывка въ *Московскомъ Вѣстникѣ*; онъ уѣхалъ съ флотомъ. Я заставилъ Кошелева писать ему въ слѣдъ; онъ захорохорился, сталъ предписывать условія, и я на него плюнулъ. Видѣли ли III часть *Матеріаловъ* Кеппена. Разберите дѣльно эту дѣльную книгу; если не возметесь — я разберу. Лишь только въѣдетъ Шевыревъ въ Московскую заставу—написать мнѣ. Жуковскій за-границей, и о немъ покуда говорить нечего. Помѣщайте также скорѣе переводъ Рожалина о Магабаратѣ: его многіе желаютъ читать. Очень радъ, что въ двухъ послѣднихъ нумерахъ, которые вообще хороши и занимательны, критика сдѣлалась гораздо живѣе. Не должно презирать и самой пустой книги. Надѣюсь вскорѣ доставить разборъ сочиненій Булгарина и Логики Додаева—Могарскаго. Мнѣ нравится тонъ, принятый нами въ критикѣ: учтиво и часто дѣльно. Я того мнѣнія, что намъ рѣдко нужно въ ней паясить, за то наша критика должна быть безпощадна; надобно искать способовъ понравиться публикѣ другого рода статьями; я твердо увѣренъ, что мы имѣемъ такихъ способовъ болѣе чѣмъ всѣ другіе журналисты и навѣрное привлечемъ публику рано или поздно, если будемъ постоянны, не восхищаясь и не робѣя. Судьба намъ послала нѣсколько жестокихъ ударовъ; если мы хоть шатаясь да устояли, то можно воображать болѣе лестную будущность" [194]). Наставническій тонъ этого письма можетъ быть объясненъ тѣмъ, что В. П. Титовъ былъ однимъ изъ ревностныхъ сотрудниковъ *Московскаго Вѣстника*.

Считаемъ долгомъ обозрѣть труды его, помѣщенные въ этомъ журналѣ 1827 г. Онъ перевелъ и напечаталъ здѣсь два отрывка изъ замѣчательнаго сочиненія Флетчера *о Русскомъ государствѣ:* О домашней жизни царя Ѳеодора Іоановича и о старинныхъ Русскихъ свадьбахъ, пояснивъ въ примѣчаніи: „Хотя здѣсь повторяются извѣстія, уже изложенныя въ *Исторіи Государства Россійскаго*, но мы сочли нужнымъ помѣстить

Лейбъ Гвардіи Семеновскаго полка, Арцыбашевъ переименованъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, въ которомъ состоялъ съ 28 іюня 1805 года, а съ 4 ноября 1812 года былъ почетнымъ смотрителемъ Чебоксарскаго уѣзднаго училища. Въ 1822 году совѣтъ Казанскаго Университета представилъ попечителю казанскаго учебнаго округа Магницкому объ увольненіи Арцыбашева, согласно его прошенію, отъ должности почетнаго смотрителя [220]). По выходѣ въ отставку, Арцыбашевъ поселился въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи Цивильскѣ и посвятилъ свою жизнь русской исторіи. Еще въ 1802 году задумалъ онъ свой *Сводъ лѣтописей*, и первымъ печатнымъ трудомъ его было *О первобытной Россіи и ея жителяхъ* (Спб. 1808); потомъ *Приступъ къ повѣсти о русскихъ* (Спб. 1811). Въ послѣдующіе годы Арцыбашевъ участвовалъ въ журналахъ, гдѣ помѣщалъ или отрывки изъ своего *Свода* или критическія статьи по разнымъ вопросамъ русской исторіи. Вотъ какъ самъ Арцыбашевъ характеризуетъ свои труды: „Я сличалъ слово въ слово, а иногда букву въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть; составлялъ ихъ, дополняя одну другою, и такимъ образомъ составлялъ изложеніе (textus); послѣ вычищалъ отъ всего лѣтописнаго или занимательнаго только для современниковъ, но со всѣмъ ненужнаго для потомства отъ *лишесловія*, свойственнаго тогдашнему образу сочиненій, и, наконецъ, переводилъ оставшееся на нынѣшній русскій языкъ, какъ возможно буквальнѣе, соображалъ свой переводъ съ древними чужеземными и архивными памятниками, дополнялъ ими лѣтописи и помѣщалъ иногда слова тѣхъ источниковъ, смотря по разбору, въ *изложеніи*“ [221]).

Въ іюлѣ 1827 года Погодинъ получаетъ изъ Цивильска отъ сего почтеннаго мужа письмо слѣдующаго содержанія: „По разнымъ статьямъ *Вѣстника Европы* я давно уже питаю къ вамъ душевное уваженіе. Мнѣ удалось бѣгло прочитать вашу книжку и подивиться затѣямъ господъ новѣйшихъ нѣмецкихъ дѣеписателей: ни слова Нестора, ни Annales Bertiniani, ни даваемое донынѣ Финнами Шведамъ названіе

1826 два тома) и съ содержаніемъ романа Купера *Степь* (The Prairie) [205]). Но въ концѣ концовъ Титовъ сознается Погодину: „Если когда нибудь сидѣло во мнѣ авторское самолюбіе, добрый Петербургъ постарался его вырвать—и постарался не даромъ“ [206]).

Утѣшителемъ же Погодина оставался неизмѣнно Пушкинъ, который, послѣ того какъ провелъ всю зиму въ Москвѣ, получилъ наконецъ въ началѣ мая 1827 года дозволеніе на пребываніе и въ Петербургѣ. [207]). Въ концѣ лѣта онъ уѣхалъ въ свое Михайловское и оттуда написалъ Погодину письмо, начинающееся такъ:

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;
Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволъ, и пр. до стиха:
И чувствъ глубокихъ и страстей.

„Чтò вы дѣлаете? Чтó нашъ *Вѣстникъ*? Посылаю вамъ лоскутокъ *Онѣгина* ему на шапку. *Фаустъ* и другіе стихи еще не вышли изъ подъ царской цензуры. Я убѣжалъ въ деревню, почуя риѳмы“! И тутъ же сообщаетъ свое извѣстнѣйшее стихотвореніе.

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ; и т. д.

Потомъ прибавляетъ: „Назовите эти стихи да и тисните. Чтó дѣлаетъ мой бѣдный Байбакъ *)? Гдѣ онъ“ [208])? Вскорѣ Пушкинъ опять пишетъ Погодину изъ Михайловскаго (отъ 31 августа 1827): „Побѣда, побѣда! *Фауста* Царь пропустилъ кромѣ двухъ стиховъ: *да модная болѣзнь, она недавно вамъ подарена.* Скажите это отъ меня господину, который вопрошалъ насъ, *какъ мы смѣли* представить предъ очи его высокородія такіе стихи! Покажите ему это письмо и попросите его высокородіе отъ моего имени впредь быть учтивѣе

*) Соболевскій.

и снисходительнѣе. Плетневъ доставитъ вамъ сцену съ копіей отношенія Бенкендорфа. Если московская цензура всетаки будетъ упрямиться, то напишите мнѣ, и я опять буду безпокоить государя императора всеподданнѣйшей просьбой и жалобами на неуваженіе Высочашей Его Воли. Ради Бога, не покидайте *Вѣстника*; на будущій годъ обѣщаю вамъ *безусловно* дѣятельно участвовать въ его изданіи, для того разрываю непремѣнно всѣ связи съ альманашинками обѣихъ столицъ. Главная ошибка наша была въ томъ, что мы хотѣли быть слишкомъ дѣльными; стихотворная часть у насъ славная, проза можетъ быть еще лучше, но вотъ бѣда: въ ней слишкомъ мало вздору. Вѣдь вѣрно есть у васъ повѣсть для *Ураніи*? Давайте ее въ *Вѣстникъ*. Кстати о повѣстяхъ: онѣ должны быть непремѣнно существенной частію журнала, какъ моды у *Телеграфа*. У насъ не то, что въ Европѣ— повѣсти въ диковинку. Онѣ составили первоначальную славу Карамзина, у насъ про нихъ еще толкуютъ. Ваша индѣйская сказка *) въ европейскомъ журналѣ обратитъ общее вниманіе, какъ любопытное открытіе учености; у насъ тутъ видятъ просто повѣсть и важно находятъ ее глупою. Чувствуете разницу? *Вѣстникъ Московскій* по моему безпристрастному совѣстному мнѣнію—лучшій изъ русскихъ журналовъ. Въ *Телеграфѣ* похвально одно ревностное трудолюбіе, а хороши однѣ статьи Вяземскаго, но за-то за одну статью Вяземскаго въ *Телеграфѣ* отдамъ три дѣльныхъ статьи *Московскаго Вѣстника*. Его критика поверхностна или несправедлива, но образъ его побочныхъ мыслей и ихъ выраженія рѣзко оригинальны, онъ мыслитъ, сердитъ и заставляетъ мыслить и смѣяться: важное достоинство, особенно для журналиста! Если вы съ нимъ увидитесь, скажите ему, что я предъ нимъ виноватъ, но что все собираюсь загладить свою вину. Не знаю, увижу ли я васъ

*) *Переходъ черезъ рѣку*, приключеніе брамина Парамарты (*Московск. Вѣстникъ* 1827, № 15). По предположенію П. О. Морозова, сказка эта переведена съ нѣмецкаго В. П. Титовымъ (*Соч. Пушкина*, VII, 196); но въ оглавленіи *Московскаго Вѣстника* (1827 г., ч. IV) при этой піесѣ поставленъ инціалъ *К*.

нынѣ, по-крайней мѣрѣ, хочется зимою побывать въ бѣлокаменной. До свиданія, милый и любезный. Весь вашъ безъ церемоній". Само собою разумѣется, это письмо очень ободрило Погодина. Какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго Пушкинымъ, нѣкто Михаилъ Лащевскій изъ Кронштадта (отъ 22 сентября 1827 г.) писалъ Погодину: „За журналъ благодарю, но только впередъ прошу помѣщать *повеселѣе что нибудь*".

Зоркій и безпристрастный наблюдатель хода русской литературы П. А. Плетневъ писалъ князю П. А. Вяземскому (отъ 5 мая 1827 г.): „Какая у васъ теперь въ Москвѣ литературная дѣятельность! Здѣсь за смертью Карамзина и за отъѣздомъ Жуковскаго все пришло въ то состояніе, въ какомъ было до ихъ переѣзда изъ Москвы въ Петербургъ. *Московскій Вѣстникъ* кипитъ дѣятельностью. Кажется однакожъ мнѣ, что онъ круто все хочетъ повернуть. Ему хочется вдругъ развить у насъ и Германскія идеи и таинства Востока. Это какъ-то мутитъ воду, а не даетъ ей быстрѣйшаго теченія" [300]).

XX.

Осенью 1827 года С. П. Шевыревъ возвратился въ Москву изъ своей поѣздки въ Саратовскую губернію. Между друзьями, составлявшими редакцію *Московскаго Вѣстника*, возникъ вопросъ о соредакторствѣ Шевырева, такъ какъ занимавшій сію должность, Рожалинъ, очень ею тяготился, а веденіемъ дѣла редакціи Погодинымъ были недовольны, о чемъ могутъ свидѣтельствовать письма Титова, а въ особенности нижеслѣдующее письмо Соболевскаго изъ Петербурга (отъ 10 сентября 1827 года): „Долго нерѣшался я писать къ тебѣ", писалъ онъ Погодину, „и знаешь почему? Потому что боялся моей глупой горячности и не хотѣлъ какимъ нибудь слишкомъ сильнымъ выраженіемъ лишить себя, хотя на короткое время, твоего ко мнѣ благорасположенія или дружбы; назови это чувство какъ хочешь; твое дѣло. Когда ты мнѣ отдалъ

нашъ журнальный счетъ, я изумился, а еще болѣе оскорбился имъ. Мнѣ показалось совершенно неблагопристойнымъ съ твоей стороны оказывать издателямъ *Московскаго Вѣстника*, друзьямъ, роднымъ по чувствамъ и намѣреніямъ, то пренебреженіе, которое столь громко оглашалось въ этомъ счетѣ. Признаюсь, что, по крайней мѣрѣ, не учтиво въ дѣлѣ общемъ разсчитываться на клочкѣ бумаги общими и круглыми итогами и съ недосмотрѣніями. Ты спросишь меня, почему я не объяснился съ тобою на словахъ. Трудно было, душа моя. Я въ вашемъ дѣлѣ человѣкъ посторонній, ибо я былъ, такъ сказать, посредникомъ между вами и Пушкинымъ. Мнѣ было больно видѣть неминуемый разрывъ его съ такими людьми, которыхъ я люблю, а можетъ быть и уважаю, видѣть наступающее торжество Булгарина и Греча надъ вами. Еслибы я началъ говорить съ тобою объ этомъ дѣлѣ, то будучи разстроенъ трехмѣсячными противностями и наступающею разлукою съ родными (у меня родные—друзья мои), я увлекся бы тою горячностью, которой примѣры ты, къ сожалѣнію моему, видѣлъ. Вотъ тебѣ, Михайлика, первое и клянусь что и послѣднее. Дѣлайте впередъ съ Пушкинымъ что хотите; рѣшительно отрекаюсь отъ такого дѣла, гдѣ надобно говорить правду или молчать" [210]). Между тѣмъ Погодинъ, ободренный письмомъ Пушкина, отъ 31 августа 1827 года, повидимому, желалъ вести дѣло самостоятельно, а потому неудивительно, что это недовольство друзей произвело на него самое непріятное впечатлѣніе. „Уныніе не покидаетъ меня", – читаемъ въ его *Дневникѣ*, „и внѣшнія хлопоты снѣдаютъ у меня время. Какъ все низко, мелко подлѣ меня. Что за необразованность у насъ въ tiers état" [211]). Въ назначеніи Шевырева соредакторомъ Погодина принимали участіе самъ Рожалинъ и И. В. Кирѣевскій. „Добрый Алексѣй Веневитиновъ", писалъ Погодинъ, „сказалъ, между прочимъ, мнѣ, что Кирѣевскій и Рожалинъ не приступятъ къ участію, пока я не извѣщу ихъ объ утвержденіи Шевырева соредакторомъ. Пустые люди! И вамъ не совѣстно поступать такъ со мною? Вы дожидаетесь, чтобы

я сказалъ вамъ, и не хотите сами спросить меня! Изъ чего вы хлопочете формуляры. Я готовъ былъ написать имъ, что не хочу имѣть дѣла такимъ образомъ“ [212]). Въ то же время изъ Петербурга Титовъ и князь Одоевскій посылаютъ Погодину ультиматумъ (отъ 13 октября 1827 года): „Fuit nuntius Mosquensis“, пишетъ Одоевскій, по крайней мѣрѣ, для насъ нижеподписавшихся. Мы послали къ вамъ, господа, письмо, гдѣ довольно ясно означены причины, почему хотѣли мы соредакторства Шевырева. Что за слабость характера? Вчера вы соглашались на наше предложеніе, сегодня не соглашаетесь! Мы постояннѣе васъ: мы держимся своего мнѣнія и рѣшительно и прерѣшительно объявляемъ, что *соредакторство Шевырева есть для насъ* conditio sine qua non, non, non. На это мы рѣшились не на обумъ: что *умъ хорошо, а два лучше*, въ томъ, кромѣ приведенныхъ причинъ въ нашей промеморіи, служатъ намъ доказательствомъ три полемическія статьи противъ *Телеграфа*, которыя возбудили въ насъ такое чувство, что мы боялись назвать его. Мы знаемъ, что Погодинъ не напечаталъ бы этихъ статей, осмотрясь хорошенько, но поспѣшность выхода книжекъ, минута негодованія—чего не дѣлаетъ? Будь у него человѣкъ, безъ согласія коего ни одна статья не могла бы печататься въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, и вѣрно бы журналъ этотъ не осрамилъ себя подобными статьями. En resumé вотъ нашъ *ультиматумъ:* 1) Въ силу учрежденія *Московскаго Вѣстника*, издатели большинствомъ голосовъ имѣютъ право дѣлать въ немъ какія хотятъ преобразованія. 2) Нынѣ большинствомъ голосовъ положено Шевыреву быть соредакторомъ. 3) Итакъ, если меньшинство не хочетъ соредакторства Шевырева, то оно не повинуется большинству и учрежденію. *Ergo:* Связь цѣлаго рушится, Nuntius умираетъ, и мы, избирая благую часть, отрекаемся отъ всякаго участія въ *Московскомъ Вѣстникѣ* дѣломъ, словомъ или помысломъ. *Amen*“. Одоевскій же прибавляетъ слѣдующее: „Поводомъ къ сему посланію служитъ сообщенное изъ Москвы извѣстіе, что Погодинъ, по полученіи

письма Пушкина, объявилъ, что не хочетъ соредакторства Шевырева. Если это неправда, пусть горячіе уголья падутъ на головы сообщившихъ сіе извѣстіе“ [213]).

Очевидно, и это посланіе не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія на Погодина. Вотъ что по поводу этихъ переговоровъ мы читаемъ въ его *Дневникѣ*: „Письмо отъ Одоевскаго и Титова. Предосадно мнѣ было. Кирѣевскій поступилъ неосторожно и даже непонятно, потому что дурно. Я не сержусь, впрочемъ. Толковалъ Шевыреву и Алексѣю Веневитинову, что всѣ толкутъ воду и не могъ убѣдить. Несутъ свое да и только. Мочи нѣтъ, и скучно, и досадно. Чтобы возстановить гармонію, отправился къ Трубецкимъ. Не тутъ-то было. Все время княжна Александра Ивановна оставалась у больной сестры. И не оборотилась ко мнѣ, не сказала ни слова... Непріятно. Толковалъ съ Сеймондомъ объ ужасномъ состояніи государства, о всеобщей бѣдности дворянства, купечества. Гроза крестьянъ. Неутѣшительная перспектива! Говорилъ съ Шевыревымъ объ этомъ... Ну, если вслѣдствіе государственныхъ переворотовъ состоянія сравняются, и я...“ [214]). Съ своей стороны И. В. Кирѣевскій нашелъ нужнымъ написать ему: „Я виноватъ передъ тобою, любезный Погодинъ, и вотъ именно въ чемъ: когда ты спрашивалъ меня, писалъ-ли я къ Титову, что ты отказывалъ Шевыреву въ соредакторствѣ послѣ полученія письма отъ Пушкина, то я отвѣчалъ тебѣ, что не писалъ о Пушкинскомъ письмѣ въ отношеніи къ этому дѣлу. И въ самомъ дѣлѣ, я до сихъ поръ не помню, чтобы я писалъ о томъ. Но, обдумавъ хорошенько, я увидѣлъ, что не долженъ былъ отвѣчать тебѣ такъ рѣшительно, ибо когда ты объявилъ свое основаніе на права Шевырева, то я дѣйствительно полагалъ одною изъ причинъ тому надежду на улучшеніе журнала Пушкинскимъ сотрудничествомъ, и потому, думая это, я *могъ* это и написать къ Титову, съ которымъ я привыкъ быть откровеннымъ“ [215]).

Въ концѣ-концовъ, Погодинъ долженъ былъ, для пользы дѣла, покориться и признать Шевырева соредакторомъ; но

не безъ горечи записалъ онъ въ *Дневникѣ* по этому поводу: „Я сдѣлалъ много, много. Только-бъ кончить мнѣ изданіе журнала чрезъ годъ, а тамъ примусь за дѣла важныя и покажу вамъ себя. Вы узнаете, кто съ вами кланялся, молчалъ и говорилъ о снѣгѣ. Припадокъ гордости. Перестань!“ [216]).

Несмотря на дружбу, между Погодинымъ и Шевыревымъ происходили частыя стычки. Въ *Дневникѣ* Погодина мы находимъ слѣдующія по этому поводу отмѣтки: „Очень доволенъ товариществомъ Шевырева, хотя и кричу съ нимъ каждый день! Досадно было на Шевырева, который твердилъ о своемъ прилежаніи и моей лѣности. Взбѣсилъ меня Шевыревъ до крайности безпрестаннымъ звономъ о своихъ трудахъ, выходками противъ Дмитрія Веневитинова, такъ что я бросилъ ему деньги и послалъ его и ихъ къ чорту. Какая досада! Сошлись опять въ тотъ же день, сперва дома при посредствѣ Кубарева, а потомъ на завтракѣ у Соболевскаго“ [217]).

Въ началѣ ноября вернулись въ Москву С. А. Соболевскій и И. С. Мальцевъ. „Крикъ и шумъ“, читаемъ мы въ *Дневникѣ*. Начались завтраки и ужины. Наканунѣ Николина дня, „по неотступному требованію“ Веневитинова Погодинъ отправился на ужинъ къ Соболевскому. Нельзя сказать, чтобы этотъ ужинъ произвелъ на перваго пріятное впечатлѣніе. Въ *Дневникѣ* Погодинъ отмѣчаетъ: „Скотина Мальцевъ и оскотинившійся на ту минуту Веневитиновъ пристали съ ножомъ къ горлу—пей, и я на-силу уѣхалъ отъ нихъ, ушибенный весьма больно Веневитиновымъ. Что за вакханаліи! Никогда не буду уже я у васъ присутствовать. Передъ людьми совѣстно. Свиньи!“ На другой день Погодинъ отправился къ Веневитинову. Тамъ встрѣтилъ Мальцева и Соболевскаго, которые стали на него кричать, и это „при людяхъ“. Погодинъ не вытерпѣлъ и сказалъ имъ: „Addio, я вамъ не товарищъ, и глупо, что связался съ вами“. При этомъ онъ, вспоминая въ своемъ *Дневникѣ* объ обѣдѣ, бывшемъ по поводу учрежденія *Московскаго Вѣстника*, замѣчаетъ: „Связь была хорошая только въ прошлогоднемъ обѣдѣ, а тамъ и разбрелись. Я выше васъ

всѣхъ" [218]). Все это огорчало Погодина и наводило на него даже уныніе, апатію; но Жуковскій явился его утѣшителемъ. „Благодарю васъ",—писалъ онъ ему, „отъ всего сердца за ваше любезное письмо и за ваши литературные подарки. Будучи въ чужихъ краяхъ, я не могъ познакомиться съ вашимъ журналомъ—онъ гдѣ-то гуляетъ по Европѣ, а до меня недобрался. Здѣсь, въ Петербургѣ, я просмотрѣлъ всѣ книжки и съ большимъ удовольствіемъ. Вы сами хорошій работникъ и имѣете умныхъ сотрудниковъ. [Я отъ всей души пожалѣлъ о Веневитиновѣ — чистый свѣтъ угасъ слишкомъ скоро. У него было много прекраснаго въ душѣ нравственнаго и поэтическаго.] Шевыревъ прекрасная надежда. Хомяковъ поэтъ. Въ часъ добрый. Объ васъ не говорю. Вы вооружитесь не на шутку, чтобы дѣйствовать, какъ настоящій рыцарь на полѣ славы литературной. Учитесь у Европы, но дѣйствуйте для Россіи, для ея *вѣрнаго* блага. Коментарія на это не нужно — онъ былъ бы слишкомъ дологъ, вы сдѣлаете его сами. Не заглянете-ли къ намъ въ Петербургъ? Я бы радъ былъ васъ увидѣть. Простите. Сохраните мнѣ ваше дружеское расположеніе" [219]).

XXI.

Съ іюля 1827 года Погодинъ вошелъ въ сношенія съ Николаемъ Сергѣевичемъ Арцыбашевымъ. Біографическія свѣдѣнія о семъ почтенномъ и трудолюбивомъ, по выраженію Погодина, „регистраторѣ Русской Исторіи" довольно скудны. Арцыбашевы принадлежатъ къ числу древнихъ дворянъ и фамилія ихъ внесена въ шестую часть дворянской родословной книги Казанской губерніи. *Прапрадѣдъ* Арцыбашева, Иванъ Ивановичъ, еще при царѣ Михаилѣ Θедоровичѣ, именно въ 1643 году, былъ „написанъ изъ житья по московскому списку". Въ 1647 году его пожаловали въ стряпчіе и онъ участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ временъ царя Алексѣя Михайловича.

изнесено *ни одного* общаго положительнаго сужденія объ исторіи Карамзина, ни справедливаго, ни несправедливаго. Съ нашей изящной статуи стерли нѣсколько пыльныхъ пятенъ,—но какіе Лессинги и Винкельманны опредѣлили критически ея достоинство? —Карамзинъ долженъ былъ сожалѣть, что не слыхалъ себѣ критики, и важнѣйшее доказательство того, что онъ опередилъ своихъ современниковъ, я нахожу въ томъ, что они не умѣли ни хвалить, ни порицать его. Описывая препятствія, которыя Карамзинъ встрѣтилъ на своемъ поприщѣ, авторъ упоминаетъ о недостаткѣ совѣтниковъ. „Кто у насъ говорилъ о немъ такъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиній? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиній къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: „пиши — я ручаюсь за потомство“. На это Погодинъ возражаетъ: „авторъ позабылъ, что Карамзину былъ другомъ Дмитріевъ, что Державинъ говорилъ ему:

Пой Карамзинъ,
И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьинъ“.

Въ это время почтенный П. И Кеппенъ издалъ свои *Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи*. Книга эта возбудила общій интересъ и навела Погодина на слѣдующія мысли: „Россія со стороны просвѣщенія представляетъ явленіе необыкновенное въ лѣтописяхъ европейскихъ: восьмидесять, можно сказать, даже пятидесяти лѣтъ еще не прошло, какъ начали у насъ заводить училища, а мы имѣемъ уже поэтовъ, дѣеписателей, ученыхъ! Правда, что Россія могла пользоваться чужими опытами, правда, что просвѣщеніе ея ограничивается не великимъ числомъ людей, но нельзя отрицать, что успѣхи сего числа удивительны, и, сравнивая наше отечество въ этомъ отношеніи съ другими европейскими государствами, мы имѣемъ полное право сказать, что просвѣщеніе у насъ расло не по годамъ, а по часамъ. Отчего же безпрестанно у насъ слышатся жалобы на медленный ходъ нашего просвѣщенія? Оттого, что жалующіеся смотрятъ только на то,

Лейбъ Гвардіи Семеновскаго полка, Арцыбашевъ переименованъ въ чинъ титулярнаго совѣтника, въ которомъ состоялъ съ 28 іюня 1805 года, а съ 4 ноября 1812 года былъ почетнымъ смотрителемъ Чебоксарскаго уѣзднаго училища. Въ 1822 году совѣтъ Казанскаго Университета представилъ попечителю казанскаго учебнаго округа Магницкому объ увольненіи Арцыбашева, согласно его прошенію, отъ должности почетнаго смотрителя [220]). По выходѣ въ отставку, Арцыбашевъ поселился въ уѣздномъ городѣ Казанской губерніи Цивильскѣ и посвятилъ свою жизнь русской исторіи. Еще въ 1802 году задумалъ онъ свой *Сводъ лѣтописей*, и первымъ печатнымъ трудомъ его было *О первобытной Россіи и ея жителяхъ* (Спб. 1808); потомъ *Приступъ къ повѣсти о русскихъ* (Спб. 1811). Въ послѣдующіе годы Арцыбашевъ участвовалъ въ журналахъ, гдѣ помѣщалъ или отрывки изъ своего *Свода* или критическія статьи по разнымъ вопросамъ русской исторіи. Вотъ какъ самъ Арцыбашевъ характеризуетъ свои труды: „Я сличалъ слово въ слово, а иногда буква въ букву всѣ лѣтописи, какія могъ имѣть; составлялъ ихъ, дополняя одну другою, и такимъ образомъ составлялъ изложеніе (textus); послѣ вычищалъ отъ всего лѣтописнаго или занимательнаго только для современниковъ, но со всѣмъ ненужнаго для потомства отъ *лишесловія*, свойственнаго тогдашнему образу сочиненій, и, наконецъ, переводилъ оставшееся на нынѣшній русскій языкъ, какъ возможно буквальнѣе, соображалъ свой переводъ съ древними чужеземными и архивными памятниками, дополнялъ ими лѣтописи и помѣщалъ иногда слова тѣхъ источниковъ, смотря по разбору, въ *изложеніи*“ [221]).

Въ іюлѣ 1827 года Погодинъ получаетъ изъ Цивильска отъ сего почтеннаго мужа письмо слѣдующаго содержанія: „По разнымъ статьямъ *Вѣстника Европы* я давно уже питаю къ вамъ душевное уваженіе. Мнѣ удалось бѣгло прочитать вашу книжку и подивиться затѣямъ господъ новѣйшихъ нѣмецкихъ дѣеписателей: ни слова Нестора, ни Annales Bertiniani, ни даваемое донынѣ Финнами Шведамъ названіе

Ruotzi, ни очевидное сходство древнихъ русскихъ именъ со Шведами, ни Рослагенъ, однимъ словомъ, ничто не можетъ поколебать ожесточеннаго ихъ упорства!! Нельзя повѣрить, чтобы до такой степени они были плохи; скорѣе же можно это счесть невниманіемъ къ учености россійской. Но ихъ и наша степень просвѣщенія право не такая, какъ Гишпанцевъ и Гаитянъ во время открытія Америки. Вы, милостивый государь, много чести сдѣлали нѣмцу Нейману, приписывая вздорной и достаточно вами опровергнутой его статьѣ ученое достоинство: оно, какъ видно, не простирается далѣе Еверсовыхъ *Kritische Vorarbeliten*, Шлецерова *Нестора*, Френовыхъ Ibn *Fozlan's*... и Лаврентьевской лѣтописи; слѣдственно имѣя предъ собою библіотеку изъ четырехъ книгъ, вздумалось молодцу побѣдить истину, утвержденную наилучшими знатоками въ теченіе почти цѣлаго вѣка" [222]). По полученіи этого письма, Погодинъ отправилъ ему свою книгу о *Происхожденіи Руси* и шестнадцать нумеровъ *Московскаю Вѣстника*. Благодаря за этотъ подарокъ, Арцыбашевъ писалъ (отъ 3 сентября 1827 г.): „Съ чувствованіемъ душевной благодарности удостоился я получить отъ васъ письмо, шестнадцать нумеровъ *Московскаго Вѣстника* и книгу о *Происхожденіи Руси*. Долгомъ считаю служить вамъ и служилъ бы уже, еслибы обстоятельства соображались нашимъ желаніямъ; но человѣкъ замышляетъ, а Богъ распредѣляетъ: родной мой братъ, занемогшій въ исходѣ іюля, скончался 5 августа и оставилъ по себѣ жену съ пятью малолѣтними дѣтьми, а мнѣ печаль и заботу. Будьте увѣрены, что какъ скоро духъ мой придетъ хотя въ малѣйшее равновѣсіе, то я постараюсь доставить въ вашъ журналъ статью" [223]). И дѣйствительно, вскорѣ послѣ того онъ присылаетъ въ *Московскій Вѣстникъ* статью подъ заглавіемъ: *Ярославъ*, и Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣчаетъ: „Получилъ прекрасную статью отъ Арцыбашева" [224]). Статья эта была тотчасъ же напечатана [225]), и съ того времени Арцыбашевъ дѣлается постояннымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника*, и сотрудничество это, какъ увидимъ, дорого обошлось Погодину. Замѣ-

чательно, что сотрудничество Арцыбашева въ *Московскомъ Вѣстникѣ* послужило поводомъ знакомству, а потомъ и сближенію Погодина съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ Аксаковымъ, о которомъ и семействѣ его скажемъ потомъ. Осенью 1827 года былъ учрежденъ въ Москвѣ отдѣльный цензурный комитетъ, предсѣдателемъ коего былъ назначенъ князь Мещерскій, а цензоромъ С. Т. Аксаковъ. Комитетъ этотъ временно помѣщался въ квартирѣ предсѣдателя, на Вздвиженкѣ, въ домѣ графа Шереметева, съ которымъ князь Мещерскій былъ очень близокъ. Открылись засѣданія комитета. Начали являться издатели журналовъ и, по свидѣтельству С. Т. Аксакова, „первый явился М. П. Погодинъ, котораго я до тѣхъ поръ не видывалъ. Мы вышли въ присутственную комнату, познакомились съ журналистомъ, и предсѣдатель мой объявилъ, что онъ самъ будетъ цензуровать *Московскій Вѣстникъ*. Погодинъ тутъ же вручилъ ему рукопись: *Повѣствованіе о Россіи* Николая Арцыбашева, уѣхалъ, а мы воротились въ кабинетъ. Князь Мещерскій развернулъ рукопись и сейчасъ мнѣ сказалъ: „Любезнѣйшій Сергѣй Тимоѳеевичъ! чтобы внушить къ себѣ полное уваженіе, мы должны дѣйствовать съ строгою точностью, не отступая ни отъ одной буквы устава; вотъ эту рукопись я читать не буду: она написана слишкомъ мелко, особенно выноски и ссылки, которыхъ наберется не меньше текста. Я по службѣ обязанъ читать рукописи, но не обязанъ терять глазъ; въ уставѣ именно есть параграфъ, въ которомъ сказано, что рукописи должны быть чисто и разборчиво писаны“. Я просмотрѣлъ толстую тетрадь Арцыбашева и увидѣлъ, что она написана очень четко и что только ссылки и выписки изъ грамотъ написаны мелко. Я сказалъ моему предсѣдателю, что это слишкомъ строго, что если у него не слабы глаза, то рукопись прочесть очень можно“ [226]). По поводу этого посѣщенія цензурнаго комитета Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ: „Въ цензурѣ Мещерскій несносенъ“ [227]). Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ отъ князя Мещерскаго слѣдующій ордеръ: „Покорнѣйше прошу прика-

зать переписывать статьи въ Цензуру представлаемыя въ бо̀льшемъ порядкѣ, какъ то по установленію слѣдуетъ и не сшивать тетрадей такъ, чтобы цѣлыя слова зашиты были на згибахъ—вообще извольте приказать не по пятидесяти по три строчки писать на страницѣ, какъ на сегодня присланной тетради, между коихъ уже никакое слово цензора помѣщено быть не можетъ. Иначе цензура вынуждена будетъ отступить отъ правилъ ея снисхожденія и обращать таковыя тетради для переписки какъ слѣдуетъ".

XXII.

Сверхъ трудовъ Погодина по общей редакціи *Московскаю Вѣстника*, за которые ему приходилось испытывать нападенія, мы находимъ на страницахъ его не мало личныхъ статей и изслѣдованій Михаила Петровича по части философіи, географіи, статистики, всеобщей и русской исторіи. Тамъ были помѣщены тоже и его *Историческіе Афоризмы* — подъ такимъ заглавіемъ онъ предлагалъ читателямъ свои мысли, родившіяся у него „при размышленіяхъ объ исторіи и при чтеніи историческихъ сочиненій". По свидѣтельству самого Погодина, *Афоризмы* доставили ему „много насмѣшекъ". Даже въ самомъ *Московкомъ Вѣстникѣ* они встрѣтили ѣдкія замѣчанія и, кажется, со стороны Рожалина. Погодинъ переводитъ изъ Астова курса философіи о Тацитѣ, о Грекахъ и Римлянахъ. Тогда же онъ предпринимаетъ переписку съ другомъ, въ которой излагаетъ *Мысли, какъ писать исторію географіи*. „Цѣлью сей переписки, замѣчаетъ онъ, предполагаемъ обращать по возможности вниманіе публики, и преимущественно молодыхъ людей, на нѣкоторыя стороны въ наукахъ, оставленныя иными безъ вниманія, наводить на размышленіе о предметахъ занимательныхъ, возбуждать любопытство, указывать на книги важныя и пр.; — для сей цѣли въ иныхъ случаяхъ пишемъ нерѣдко пара-

доксы, кои иногда опровергаются въ отвѣтѣ, иногда предоставляются на судъ читателей, въ иныхъ случаяхъ защищаемъ несправедливое мнѣніе, чтобы послѣ уступкою показать яснѣе несправедливость онаго, въ другихъ притворяемся незнающими и пр. Мы очень увѣрены, что для достиженія нашей цѣли потребны не наши силы, но хотимъ дѣлать, что можемъ: пусть другіе дѣлаютъ лучше. Намъ кажется такого рода переписка, ненужная въ другихъ мѣстахъ, для нашей публики полезнѣе многихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ. На-дняхъ началъ я читать Исторію географіи Мельтебрюна... Заднимъ числомъ, ворчишь ты, улыбаясь. — Лучше поздно, нежели никогда, отвѣчаю я тебѣ съ любезнымъ моимъ Санхо-Пансою... Наши умники, желая, какъ говорятъ они, идти рядомъ съ Европою, стараются читать все новое, узнавать все объ новомъ, а сколько есть для нихъ стараго—новаго! Друзья мои! Присвойте-ка себѣ напередъ старое, а потомъ съ Богомъ уже и рядомъ идите и догоняйте, и перегоняйте, кого хотите". Данныя въ Исторіи, Географіи, по мнѣнію Погодина, надлежало-бы расположить слѣдующимъ образомъ: „*Омиръ*. При немъ извѣстно... Послѣ него *Иродотъ* При немъ прибавлялось..! и т. д. Намъ русскимъ достался прекраснѣйшій удѣлъ изъ всѣхъ удѣловъ, розданныхъ доселѣ народамъ: мы выходимъ послѣдніе на поле европейскаго просвѣщенія,—оно уже воздѣлано,—намъ остается пожать плоды и приниматься за новое сѣяніе. Мы-ли отстаемъ отъ другихъ, мы-ли не впишемъ своего имени въ книгу ума человѣческаго... Но я замечтался [228]).

Твореніе знаменитаго Риттера *Die Erdkunde* при самомъ своемъ явленіи въ свѣтъ обратило вниманіе Погодина. Ксенофонтъ Полевой въ своихъ *Запискахъ* сообщаетъ, что Николай Полевой „первый началъ писать о взглядѣ Риттера на *Землевѣдѣніе*. Это до такой степени было ново, что впослѣдствіи отъявленный врагъ Полевого М. П. Погодинъ, тогда еще молодой человѣкъ, пришелъ къ нему попросить у него сочиненія Риттера, о которыхъ тотъ упомянулъ въ рецензіи на книжку о древней Географіи, изданную Погодинымъ. До

сихъ поръ онъ, вѣроятно, и не слыхивалъ о Риттерѣ, какъ многіе другіе" [229]). Въ *Дневникѣ* же Погодинъ подъ 14 ноября 1825 г. отмѣтилъ: „Читалъ Риттера и восхищался". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приступилъ къ переводу Риттера. „Если переводъ о Европѣ готовъ", писалъ къ Погодину Кеппенъ, „то сообщите мнѣ оный. Я могъ бы представить сей трудъ на усмотрѣніе графа Сиверса, коего мнѣніе могло бы рѣшить дѣло" [230]). Отрывокъ изъ этого перевода, подъ заглавіемъ: *О главныхъ горныхъ хребтахъ въ Европѣ, ихъ связи и мысахъ* былъ напечатанъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Увѣренный въ великой пользѣ Риттерова сочиненія объ Европѣ въ отношеніи къ физической географіи для нашихъ гимназій, я перевелъ оное все и печатаю теперь въ разныхъ журналахъ для того, чтобъ получить отъ критиковъ замѣчанія и воспользоваться ими". По поводу этаго предпріятія Илья Ѳедоровичъ Тимковскій писалъ Погодину: „Имѣю случай благодарить васъ, что вы съ Риттеромъ оправдали меня въ давнемъ состязаніи, чтобы Географію признать наукою Университетскою, самостоятельною".

Изъ Шеллинговой всеобщей газеты для нѣмцевъ 1813 года онъ переводитъ отрывокъ сочиненія Мѳллера, подъ заглавіемъ *Опытъ характеристики четырехъ частей свѣта* и въ предисловіи къ переводу пишетъ: „Въ предлагаемомъ отрывкѣ читатели не найдутъ полнаго, ученаго обозрѣнія; но нѣкоторыя новыя мысли и соображенія автора, кажется молодого человѣка, который не сдѣлался еще хозяиномъ своего предмета, заслуживаютъ общее вниманіе, особливо у насъ, гдѣ съ подобныхъ сторонъ и не заглядывали на географію, низверженную въ низшіе дѣтскіе классы". По части *статистики* Погодинъ помѣстилъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* изъ Дюпена: *Взглядъ на Францію въ умственномъ и нравственномъ отношеніи*. Разбирая *Литературный Музеумъ* на 1827 годъ Владиміра Измайлова, Погодинъ замѣчаетъ: „что еслибы нѣкоторые наши ученые вмѣнили себѣ въ обязанность къ концу года представлять полный статистическій

отчетъ о всѣхъ отрасляхъ просвѣщенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ, разбирая *Руководство* Кайданова *къ Познанію Всеобщей Политической Исторіи* (Спб. 1826), Погодинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: „Историческій слогъ имѣетъ одно высшее свойство - краткость — превосходно опредѣленное Шлецеромъ. Сжимайте такъ происшествія въ повѣствованіи, какъ сжимаютъ хлопчатую бумагу на Индійскихъ корабляхъ: охапку въ горсть. Такія горсти даютъ намъ только Тациты".

По предмету главной своей спеціальности, т.-е. по части Русской Исторіи, онъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ критическихъ статей; не оставилъ безъ вниманія ни одной мало-мальски замѣчательной книги, относящейся къ Исторіи, начавъ подробнымъ обозрѣніемъ книги Еверса *о древнѣйшемъ правѣ Руси*, тогда еще не переведенной, гдѣ выразилъ свои мысли о различіи удѣльной системы отъ феодальной.

По поводу своего перевода *Еверсовыхъ Критическихъ изслѣдованій*, Погодинъ обращаетъ вниманіе молодыхъ людей, которые пожелали-бы заниматься *исторической критикой*, на значеніе вообще трудовъ Еверса: „Здѣсь, говоритъ онъ, увидятъ они, съ какихъ разныхъ точекъ можно смотрѣть на событіе, какъ пользоваться доказательствами, располагать оныя. Наконецъ, здѣсь найдутъ они указаніе на многіе источники, у насъ мало извѣстные. Съ такою цѣлью переведено сочиненіе г. Еверса, хотя переводчикъ и вовсе не принимаетъ его мнѣнія".

Университетскій товарищъ Погодина А. З. Зиновьевъ въ 1827 году издалъ разсужденіе, для полученія степени магистра, *О началѣ, ходѣ и успѣхахъ критической Россійской Исторіи*. Михаилъ Петровичъ нельзя сказать, чтобы дружелюбно отнесся къ этому первому опыту своего товарища. „*Исторія Критической Россійской Исторіи* можетъ быть начата съ Байера", писалъ онъ по этому поводу, „а потомъ надлежитъ описать мракъ, господствовавшій въ нашей исторіи до принесенія въ оную свѣтильниковъ симъ славнымъ критикомъ. Далѣе—описывать, держась хронологическаго порядка, какъ сей мракъ разсѣявался, какъ постепенно откры-

вались новые матеріалы для исторіи—такимъ образомъ, читателю представится самое легкое обозрѣніе“; но Зиновьевъ слѣдовалъ другому плану: „онъ говоритъ намъ сперва объ исторической критикѣ, какія государства особенно важны для исторіи, причины, по коимъ русское государство принадлежитъ къ онымъ, о неизвѣстности древней Русской Исторіи, о басняхъ, коими она была наполнена, потомъ описываетъ вдругъ всѣ важнѣйшіе матеріалы русской исторіи и представляетъ каталогъ сочиненій общихъ и частныхъ о русской исторіи и писателей, коими матеріалы обработывались. Въ сужденіяхъ о писателяхъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, авторъ держится мнѣній Шлецера“. Въ заключеніе Погодинъ совѣтуетъ своему товарищу „не прибѣгать къ общимъ мѣстамъ, коими онъ вездѣ обилуетъ, особенно въ введеніи, гдѣ, между прочимъ, есть ссылка на Баумгартеново предисловіе къ Испанской исторіи Ферреры!!“ [231]). Зиновьева эта рецензія крайне раздражила, и онъ въ *Письмѣ къ издателю Московскаго Телеграфа* писалъ по этому поводу: „Жалѣю, что рецензентъ предлагалъ мнѣ большею частью требованія, кои уже исполнены въ моемъ сочиненіи, или искалъ въ немъ того, что никакъ не могло войти въ составъ онаго, по моему собственному плану и по цѣли, для которой я писалъ его. Я напечаталъ свое *Разсужденіе* въ самомъ маломъ количествѣ экземпляровъ и разослалъ не болѣе тридцати постороннимъ лицамъ: все это обязывало г. Погодина говорить опредѣленнѣе о моемъ сочиненіи, ибо читатели *Московскаго Вѣстника* не имѣютъ предъ собою отвѣтчика, а видятъ одного истца. Почему рецензентамъ не поставить себѣ за правило: лучше пропустить нѣсколько ошибокъ, чѣмъ охуждать то, что не заслуживаетъ порицанія?“. Въ заключеніе, Зиновьевъ благодаритъ Погодина за совѣтъ „не прибѣгать къ общимъ мѣстамъ“; „но“, замѣчаетъ Зиновьевъ, „не вижу сему примѣра въ рецензіи г. Погодина, наполненной общими мѣстами, а всего болѣе *и пр.*, *и пр.*“.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что противъ книги Зиновьева

Гегеля, Окена... Но университетское воспитаніе, продолжаетъ Пироговъ, „предоставленное почти исключительно силамъ природы, едвали не дало, въ нравственномъ отношеніи, лучшіе плоды, чѣмъ позднѣйшее, искусственное... Я встрѣчался не разъ въ жизни съ прежними обитателями *десятаго нумера*—и многихъ изъ нихъ видѣлъ потомъ тише воды и ниже травы, на службѣ, семейныхъ, богомольныхъ. Того господина, напримѣръ, изъ *десятаго нумера*, который горланилъ во всю ивановскую оду на *Вольность*, я видѣлъ потомъ тишайшимъ штабъ-лекаремъ, женатымъ, игравшимъ довольно шибко въ карты и служившимъ отлично въ госпиталѣ“ [244]).

Погодинъ, по своей общительной природѣ, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ профессорами другихъ университетовъ, интересуясь ихъ состояніемъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ къ Погодину, отъ 1 іюня 1827 года, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи Казанскаго Университета, слѣдовательно, вскорѣ послѣ попечительства Магницкаго: „Нѣсколько словъ скажу вамъ объ Университетѣ Казанскомъ. Преогромнѣйшее зданіе на горѣ, изъ камня дикаго цвѣта; имѣетъ фигуру продолговатую; я по наружности хотѣлъ сдѣлать нѣкоторое сравненіе съ Московскимъ, но никакъ не можно, ибо Московскій въ видѣ полукружія, а Казанскій въ видѣ протяженной прямой линіи. Въ Московскомъ куполъ, а въ Казанскомъ на самомъ верху квадратной кровли поставленъ животворящій крестъ изъ металла позлащеннаго, а можетъ быть и чистаго золота. Церковь больше Московской Университетской; а въ церкви особенно поразило мои взоры вверху сдѣланное углубленное отверстіе, и оное озарено невечерѣющимъ солнцемъ, такъ что и въ обѣдню, и во всенощную мнѣ случилось тамъ быть и видѣть свыше сходящее сіяніе, и тамъ же, т.-е., въ ономъ возвышеніи, озаренное свѣтомъ всевидящее око; какое видѣлъ обыкновенно на дворянскихъ медаляхъ. Какъ здѣсь строго держатъ студентовъ Казанскихъ! Ай! ай! не въ силахъ выразить! Даже въ свою комнату они ни ногой, какъ развѣ только послѣ ужина на

изнесено *ни одного* общаго положительнаго сужденія объ исторіи Карамзина, ни справедливаго, ни несправедливаго. Съ нашей изящной статуи стерли нѣсколько пыльныхъ пятенъ,—но какіе Лессинги и Винкельманны опредѣлили критически ея достоинство? —Карамзинъ долженъ былъ сожалѣть, что не слыхалъ себѣ критики, и важнѣйшее доказательство того, что онъ опередилъ своихъ современниковъ, я нахожу въ томъ, что они не умѣли ни хвалить, ни порицать его. Описывая препятствія, которыя Карамзинъ встрѣтилъ на своемъ поприщѣ, авторъ упоминаетъ о недостаткѣ совѣтниковъ. „Кто у насъ говорилъ о немъ такъ, какъ говорилъ о Цицеронѣ Плиній? Кто писалъ къ нему, какъ писалъ Плиній къ Тациту? Какой Буало вѣщалъ ему: „пиши — я ручаюсь за потомство". На это Погодинъ возражаетъ: „авторъ позабылъ, что Карамзину былъ другомъ Дмитріевъ, что Державинъ говорилъ ему:

Пой Карамзинъ,
И въ прозѣ гласъ слышенъ соловьинъ".

Въ это время почтенный П. И Кеппенъ издалъ свои *Матеріалы для Исторіи Просвѣщенія въ Россіи*. Книга эта возбудила общій интересъ и навела Погодина на слѣдующія мысли: „Россія со стороны просвѣщенія представляетъ явленіе необыкновенное въ лѣтописяхъ европейскихъ: восьмидесяти, можно сказать, даже пятидесяти лѣтъ еще не прошло, какъ начали у насъ заводить училища, а мы имѣемъ уже поэтовъ, дѣеписателей, ученыхъ! Правда, что Россія могла пользоваться чужими опытами, правда, что просвѣщеніе ея ограничивается не великимъ числомъ людей, но нельзя отрицать, что успѣхи сего числа удивительны, и, сравнивая наше отечество въ этомъ отношеніи съ другими европейскими государствами, мы имѣемъ полное право сказать, что просвѣщеніе у насъ расло не по годамъ, а по часамъ. Отчего же безпрестанно у насъ слышатся жалобы на медленный ходъ нашего просвѣщенія? Оттого, что жалующіеся смотрятъ только на то,

постигшихъ наши университеты въ концѣ царствованія императора Александра I, и тутъ онъ воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ и желаніемъ преемника Александра преобразовать всю учебную часть въ государствѣ. Императору Николаю было извѣстно, что Парротъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Александра I, имѣя къ нему всегда свободный доступъ. Главнѣйшимъ и самымъ существеннымъ пунктомъ проекта Паррота было подготовленіе русскихъ молодыхъ людей, кончившихъ университетскій курсъ, въ Дерптскомъ университетѣ, для дальнѣйшихъ занятій наукою за границею [248]). Такимъ образомъ, въ 1827 году, проектъ академика Паррота былъ высочайше утвержденъ и мысль объ учрежденіи Профессорскаго института вскорѣ осуществилась. Когда Погодинъ получилъ предложеніе вступить въ этотъ институтъ, то онъ написалъ въ правленіе Императорскаго Московскаго Университета слѣдующее: „Вслѣдствіе предписанія г. ректора, симъ честь имѣю объявить, что я не могу, несмотря на свое желаніе воспользоваться монаршею милостью и ѣхать въ чужіе края для усовершенствованія себя въ наукахъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) оклады отправляющихся неопредѣлены: я, содержа здѣсь своими трудами цѣлое семейство, не могу оставить оное въ неизвѣстности на будущее время въ этомъ отношеніи. 2) По наукѣ, мною избранной предметомъ занятій, я не имѣю нужды учиться въ Дерптѣ и Парижѣ, и вмѣсто оныхъ, желалъ бы употребить часть назначеннаго времени на посѣщеніе другихъ университетовъ германскихъ, наиболѣе славящихся профессорами по исторической части, напримѣръ, Геттингенскаго. 3) Я желаю всегда принадлежать Московскому Университету, а не какому-либо другому. 4) Получивъ уже два года степень магистра въ Московскомъ Университетѣ, имѣя право теперь читать лекціи и, читавъ уже оныя, получилъ степени отъ разныхъ ученыхъ сословій въ государствѣ, а потому почитаю оскорбительнымъ для сихъ мѣстъ подвергать себя постороннимъ экзаменамъ на-равнѣ съ студентами, только что оканчивающими свой курсъ“ [249]).

Кліо, осиротѣвшей по смерти графа Румянцова". Не оставленъ имъ безъ вниманія и капитальный трудъ митрополита Евгенія: *Словарь Историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина* (М. 1827). „Отечественные ученые" — пишетъ Погодинъ — „должны принести благодарность сочинителю за то, что онъ не упустилъ случая воспользоваться встрѣтившимися средствами. Сколько, къ сожалѣнію, видимъ мы людей, которые, обладая у насъ драгоцѣнными матеріалами, ни сами не созидаютъ, ни другимъ не даютъ созидать зданія. Нельзя не замѣтить, что сочинитель *нерѣдко* отвергаетъ то, что по единогласному рѣшенію нашихъ критиковъ отвергнуто, напр. Іоакимова лѣтопись, Словено-русскія руны, до христіанства употреблявшіяся, рожденіе Несторово на Бѣлоозерѣ и пр., и одинакимъ, такъ сказать, тономъ говоритъ иногда о мнѣніи какого-нибудь Шлецера и о мнѣніи какого-нибудь Емина" [233]).

Начитавшись съ дѣтства романовъ, будучи подверженъ порывамъ иногда необузданной фантазіи, ободряемый самимъ Пушкинымъ, Погодинъ подвизался также и на поприщѣ романиста и трагика. „Побились объ закладъ съ Шевыревымъ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „о томъ, чтобы написать по повѣсти къ 15 декабря. Думалъ о романахъ", читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ его *Дневника*, „предметы такъ и лѣзутъ въ голову". Такъ, въ описываемое нами время, на страницахъ *Московскаго Вѣстника* мы видимъ его повѣсти: *Невѣста на ярмаркѣ, Великодушный поступокъ изъ Новой Исторіи, Возмездіе* и *Убійца*. Этого рода свои произведенія Погодинъ не рѣшился, однако, печатать въ отдѣлѣ *Изящной Словесности* и скромно помѣстилъ ихъ въ отдѣлѣ *Прозы*. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, переводилъ *Рене* Шатобріана. Напомнимъ читателямъ нашимъ, что переводъ этотъ оконченъ еще въ 1821 году и тогда же онъ думалъ напечатать его въ *Вѣстникѣ Европы*; но Каченовскій объявилъ ему, что переводъ *Рене* былъ уже напечатанъ два раза. Несмотря на это, сдѣлавшись редакторомъ *Московскаго Вѣстника*, Погодинъ помѣстилъ его на

страницахъ своего журнала съ слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Я перевелъ сію повѣсть Шатобріана вмѣстѣ съ половиною его сочиненія *Genie du Christianisme* въ 1821 году, не знавъ о двухъ прежнихъ переводахъ ея, за двадцать лѣтъ напечатанныхъ. Переводъ мой назовутъ можетъ быть лишнимъ,—я помѣщаю его здѣсь и потому, что всѣ экземпляры прежнихъ переводовъ разошлись и сгорѣли въ 1812 году, и потому, что сочиненія Шатобріанова, только что изданныя вполнѣ, возбуждаютъ нынѣ общее вниманіе. Кстати обращу вниманіе своихъ читателей на характеръ *Рене*, энтузіаста, недовольнаго внѣшнею жизнью, которая не удовлетворяетъ его внутреннимъ потребностямъ. Сей характеръ изображается многими великими современными писателями и напрасно думаютъ нѣкоторые находить у нихъ подражаніе другъ другу. Не говоря о Руссо, разительно представившемъ сей характеръ въ природѣ, укажу, кромѣ Шатобріана, на сочиненіе Гете: *Фаустъ, Вильгельмъ Мейстеръ,* Байрона: почти во всѣхъ своихъ поэмахъ; и на Пушкина: *Кавказскій Плѣнникъ, Алеко*". Однако, переводъ этотъ встрѣтилъ сильное осужденіе со стороны В. П. Титова и далъ поводъ, между прочимъ, къ требованію соредакторства Шевырева. Титовъ замѣчаетъ, что этотъ переводъ „возбудилъ смѣхъ во всѣхъ читателяхъ умныхъ и полуумныхъ" [234]).

Педагогическія книжки также останавливали вниманіе Погодина. Такъ, по поводу выхода въ свѣтъ перевода съ англійскаго, *Постепенное чтеніе для дѣтей* (М. 1827), мы читаемъ: „Наблюдателю отечественныхъ нравовъ, другу добра, пріятно видѣть попеченія, прилагаемыя съ нѣкотораго времени родителями о воспитаніи дѣтей своихъ. Мы съ живѣйшимъ удовольствіемъ прочли сію книжку, служащую яснымъ тому доказательствомъ". Разбирая альманахи, онъ останавливается на *Дѣтскомъ Цвѣтникѣ* Бориса Өедорова и преподаетъ издателю слѣдующее полезное наставленіе: „Съ дѣтьми должно говорить по-дѣтски: это не такъ просто, какъ многіе полагаютъ. Только тотъ, кто обнялъ предметъ со всѣхъ

[illegible] должно показать [illegible] Шафарикъ [illegible] предисловіи къ своему изде- [illegible] признаться, [illegible] дѣтами. По [illegible] днямъ [illegible] священникъ за пропо- [illegible] другіе [illegible] послѣдовалъ, [illegible] наконецъ, [illegible] хотѣлъ ска- зать [illegible].

Московскій Вѣстникъ чрезъ I. I. Кеппена знакомилъ своихъ читателей и съ трудами славянскихъ ученыхъ. „Если [illegible] — писалъ Кеппенъ Погодину отъ 7 января 1827 года — „переселить [illegible] въ Россію, то въ Прагѣ у насъ корреспондентомъ будетъ Палацкій". Мысль объ учрежденіи славянскихъ каѳедръ при русскихъ Университетахъ возникла тогда же. Въ письмѣ отъ 27 января 1827 года Кеппенъ спрашивалъ Михаила Петровича: „есть ли при Московскомъ Университетѣ молодые люди, которые съ пользою могли бы объѣздить земли славянскія и которые могли бы со временемъ быть профессорами славянской литературы по всѣмъ нарѣчіямъ" [28].

Не довольствуясь *Московскимъ Вѣстникомъ*, Погодинъ задумалъ-было продолжать изданіе альманаха ***Уранія*** и даже писалъ объ этомъ Востокову (отъ 3 Іюля 1827): „Много *одолжили бы вы меня*, еслибы доставили хоть одну сербскую пѣсню въ *Уранію*, которую намѣренъ я издать на будущій 1828 годъ" [29]. Кромѣ того, онъ участвовалъ въ альманахѣ, издаваемомъ Раичемъ и Ознобишинымъ, подъ заглавіемъ ***Сѣверная Лира*** на 1827 годъ, гдѣ помѣщено его ***письмо о Русскихъ романахъ***, въ которомъ онъ указываетъ на источники для нихъ въ русской исторіи и русскихъ обычаяхъ. Любопытно, что въ самомъ же *Московскомъ* ***Вѣстникѣ*** сдѣлано противъ этого письма слѣдующее возраженіе: „Если авторъ хорошо, *быть можетъ*, знаетъ старину, то ему очень худо извѣстны, *кажется*, современные обычаи въ нашемъ большомъ свѣтѣ. Читатели не помнятъ, чтобы на блистательномъ вечерѣ,

послѣ танцевъ, передъ ужиномъ и молодежь и старики когда нибудь собирались за одинъ круглый столъ дѣлать другъ другу привѣтствія, *отпускать* насмѣшки и заводить разговоръ общій. Вѣрно онъ писалъ свою рѣчь въ кабинетѣ, а не произносилъ въ гостиной" [238]). Князь П. А. Вяземскій объ этомъ письмѣ замѣтилъ, что это „произведеніе г. Погодина умное и занимательное"; но при этомъ выражаетъ сожалѣніе, что авторъ „въ письмѣ своемъ о русскихъ романахъ, задѣваетъ, какъ многіе изъ нашихъ комиковъ, погрѣшности условныя, мнимыя, а не существенныя. Описывая, напримѣръ, общество, въ коемъ онъ находился, продолжаетъ: „Сперва похвалены были, какъ водится, всѣ присутствовавшіе взаимно другъ другомъ". Характеристическая-ли это черта нашихъ нравовъ? Мало ли въ нашихъ блистательныхъ собраніяхъ встрѣтится истинно смѣшнаго? Зачѣмъ прибѣгать къ общимъ, такъ сказать, давно заданнымъ уликамъ? „Сколько есть у насъ Тарасовъ Скотининыхъ", говоритъ авторъ, и тутъ не мѣтитъ онъ въ цѣль. Тарасъ Скотининъ и въ комедіи Фонъ-Визина каррикатура, а не портретъ. Предъ порокомъ и глупостью не должно выставлять увеличительное зеркало: имъ это по рукѣ. Они скажутъ: „мы себя здѣсь не узнаемъ"—и ваши исправительныя мѣры останутся безъ успѣха. Лучше дотрогивайтесь слегка, но задирайте всегда за живое, то-есть за истинное" [239]). Но противъ намѣренія Погодина издавать самому альманахъ энергично возстали и В. П. Титовъ и самъ Пушкинъ. „Такая мысль—писалъ Михаилу Петровичу Титовъ—простительна только человѣку, выведенному изъ себя семейнымъ несчастіемъ: въ 26 году мы болѣе надѣялись на свои силы, но и тутъ разочли съ покойнымъ Дмитріемъ, что *Гермесъ* отниметъ хорошія поэмы у *Вѣстника*; и такъ можно ли теперь объ этомъ думать. Хочешь ли напомнить о своемъ имени публикѣ, издавай скорѣе *Іеца*". „Вы хотите—писалъ ему съ своей стороны Пушкинъ — „издать *Уранію!!!* Tu, Brute!!. Но подумайте: на что это будетъ похоже? Вы, издатель Европейскаго журнала въ Азіятской Москвѣ, вы чест-

ный литераторъ между лавочниками литературы, вы!.. Нѣтъ, вы не захотите марать себѣ рукъ альманашной грязью. У васъ много *накопилось статей, которыя не входятъ въ журналъ*, но какихъ же? quod licet *Uraniae*, licet тѣмъ паче *Московскому Вѣстнику,* не только licet, но decet. *Есть и другія причины.* Какія? Деньги? Деньги будутъ, будутъ. Изданіе *Ураніи*, ей Богу, можетъ хотя и несправедливо, повредить вамъ въ общемъ мнѣніи порядочныхъ людей. Прочтите, что Вяземскій сказалъ объ Альманахѣ издателя *Благонамѣреннаго*; онъ совершенно правъ. Публика наша глупа, но не должно ее морочить. Такъ точно какъ журнальный сыщикъ Сережа глупъ, но не должно его навѣрное обыгрывать въ карты. Издатель журнала долженъ всѣ силы употребить, дабы сдѣлать свой журналъ какъ можно совершеннымъ, а не бросаться за барышами. Лучше ужъ прекратить изданіе; но сіе было бы стыдно. Говорю вамъ просто и прямо, потому что васъ искренно уважаю. Прощайте. *Стансы къ Царю*, имъ позволены. *Пѣсни о Стенькѣ* не пропущены".

Въ то время, когда Титовъ и самъ Пушкинъ такъ убѣдительно упрашиваютъ Погодина не марать рукъ „альманашною грязью", какъ нарочно, онъ получаетъ отъ нѣкоего Садока Юрьева письмо (отъ 15 сентабря 1827 года) слѣдующаго содержанія: „Одинъ мой хорошій знакомый предпринялъ издать на будущій 1828 годъ альманахъ и, признавая васъ за единственнаго наслѣдника по части литературы безсмертнаго Карамзина, желалъ бы имѣть нѣсколько статеекъ изъ подъ пера вашего и сотрудниковъ вашихъ отличныхъ литераторовъ и поэтовъ, коихъ вы завербовали подъ свое знамя, а потому и проситъ моего посредничества въ полученіи таковыхъ произведеній, для украшенія оными его журнала" [240]).

XXIII.

Между тѣмъ кругъ дѣятельности Погодина все болѣе и болѣе распространялся будучи редакторомъ *Московскаго Вѣст-*

ника, онъ въ тоже время возсѣдалъ на каѳедрѣ Всеобщей Исторіи Императорскаго Московскаго Университета. „Но вотъ уже мы и профессорами", писалъ Погодинъ, будучи въ глубокой старости къ своему другу Максимовичу, вспоминая свою молодость, „открылось новое поприще". „Берегите пуще всего идею университета!" гласитъ Павловъ,—„смотрите, чтобъ она не пострадала!"—„Душа и тѣло", восклицаетъ Сандуковъ, „не есть еще дѣло: надо дѣло дѣлать!" Щепкинъ съ своею точностью, Перевощиковъ съ живостью и разнообразіемъ, Надеждинъ съ тезисами: гдѣ жизнь, тамъ и поэзія. А Мудровъ съ правилами Иппократа, а Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, ревнитель русскаго начала. А Дядьковскій, работавшій часовъ по шести въ день для студентовъ, ревностный, неутомимый, послѣ на всемъ бѣгу подшибленный противною партіей и завѣщавшій все свое имѣніе на пособіе бѣднымъ семинаристамъ!" [241]). Еще въ 1825 году Погодину было предложено читать студентамъ перваго курса Всеобщую Исторію, которую онъ и преподавалъ, руководствуясь Шлецеровымъ *Введеніемъ*. При чтеніи лекцій Шеллингова философія оказывала на профессора свое вліяніе. Изъ мыслей, возникшихъ въ продолженіе сихъ лекцій о событіяхъ, составились знаменитые *Историческіе Афоризмы* Погодина [242]). Въ то время, когда онъ вступилъ на каѳедру, Московскій Университетъ, по свидѣтельству И. А. Гончарова, „былъ святилищемъ не для однихъ насъ, учащихся, но и для ихъ семействъ и для всего общества. Москва гордилась своимъ Университетомъ, любила студентовъ, какъ будущихъ самыхъ полезныхъ, можетъ быть, громкихъ, блестящихъ дѣятелей общества. Студенты гордились своимъ званіемъ и дорожили своими занятіями, видя общую къ себѣ симпатію и уваженіе. Они важно расхаживали по Москвѣ, кокетничая своимъ званіемъ и малиновыми воротниками. Даже простые люди, и тѣ при встрѣчахъ, ласково провожали глазами юношей въ малиновыхъ воротникахъ. Я не говорю объ исключеніяхъ. Въ разносословной и разнохарактерной толпѣ, при различіи воспитанія, нравовъ и привычекъ, явля-

лись, конечно, и мало подготовленные къ серьезному ученію, и дурно воспитанные молодые люди, и просто шалуны и повѣсы. Иногда пробѣгали въ городѣ — впрочемъ, рѣдкіе — слухи о шумныхъ пирушкахъ въ трактирахъ, о шалостяхъ, въ родѣ напримѣръ, перемѣны ночью вывѣсокъ у торговцевъ, или задорныхъ пререканій съ полиціей и т. п. Но большинство студентовъ держало себя прилично и дорожило доброй репутаціей и симпатіями общества. Эта симпатія вливала много тепла и свѣта въ жизнь университетскаго общества“ [243]). Но, чтобы нѣсколько оттѣнить эту свѣтлую картину, начертанную нашимъ знаменитымъ писателемъ, считаемъ долгомъ воспользоваться свидѣтельствомъ другого современника профессорской дѣятельности Погодина, Н. И. Пирогова и представить описаніе его *десятаго нумера*, въ которомъ жили казеннокоштные студенты. „Понятій о нравственности *десятаго нумера*“, повѣствуетъ Пироговъ, „не смотря на мое короткое съ нимъ знакомство, я не вынесъ ровно никакихъ. Разгулъ при наличныхъ средствахъ ,полный индифферентизмъ къ добру и злу при пустомъ карманѣ,—вотъ вся мораль *десятаго нумера*, оставшаяся въ моемъ воспоминаніи. Вотъ настало первое число мѣсяца. Получено жалованье. Нумеръ накопляется. Дверь то и дѣло хлопаетъ. Солдатъ, старый Яковъ, ветеранъ, служитель нумера, озабоченно приходитъ и уходитъ для исполненія разныхъ порученій. Являются чайники съ кипяткомъ и самоваръ. Входятъ разомъ человѣка четыре, двое нумерныхъ студентовъ, одинъ чужой и Успенскій протодіаконъ. Шумъ, крикъ и гамъ. Протодіаконъ что-то баситъ. Всѣ хохочутъ. Яковъ является со штофомъ за пазухою, въ рукахъ несетъ колбасу и паюсную икру. Печать со штофа срывается съ восклицаніемъ: „ну-ка, отецъ протодіаконъ, бѣлаго панталоннаго хватимъ“.—*Весьма охотно*, глухимъ басомъ и съ разстановкой отвѣчалъ протодьяконъ. Начинается попойка. Приносится Яковомъ еще штофъ и еще, такъ до положенія ризъ... Впослѣдствіи почуялись и въ *десятомъ нумерѣ* вѣянія другого времени; послышались чаще имена Шеллинга,

Гегеля, Окена... Но университетское воспитаніе, продолжаетъ Пироговъ, „предоставленное почти исключительно силамъ природы, едвали не дало, въ нравственномъ отношеніи, лучшіе плоды, чѣмъ позднѣйшее, искусственное... Я встрѣчался не разъ въ жизни съ прежними обитателями *десятаго нумера*—и многихъ изъ нихъ видѣлъ потомъ тише воды и ниже травы, на службѣ, семейныхъ, богомольныхъ. Того господина, напримѣръ, изъ *десятаго нумера*, который горланилъ во всю ивановскую оду на *Вольность*, я видѣлъ потомъ тишайшимъ штабъ-лекаремъ, женатымъ, игравшимъ довольно шибко въ карты и служившимъ отлично въ госпиталѣ“ [244]).

Погодинъ, по своей общительной природѣ, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ профессорами другихъ университетовъ, интересуясь ихъ состояніемъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ изъ писемъ къ Погодину, отъ 1 іюня 1827 года, мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о состояніи Казанскаго Университета, слѣдовательно, вскорѣ послѣ попечительства Магницкаго: „Нѣсколько словъ скажу вамъ объ Университетѣ Казанскомъ. Преогромнѣйшее зданіе на горѣ, изъ камня дикаго цвѣта; имѣетъ фигуру продолговатую; я по наружности хотѣлъ сдѣлать нѣкоторое сравненіе съ Московскимъ, но никакъ не можно, ибо Московскій въ видѣ полукружія, а Казанскій въ видѣ протяженной прямой линіи. Въ Московскомъ куполъ, а въ Казанскомъ на самомъ верху квадратной кровли поставленъ животворящій крестъ изъ металла позлащеннаго, а можетъ быть и чистаго золота. Церковь больше Московской Университетской; а въ церкви особенно поразило мои взоры вверху сдѣланное углубленное отверстіе, и оное озарено невечерѣющимъ солнцемъ, такъ что и въ обѣдню, и во всеночную мнѣ случилось тамъ быть и видѣть свыше сходящее сіяніе, и тамъ же, т.-е., въ ономъ возвышеніи, озаренное свѣтомъ всевидящее око, какое видѣлъ обыкновенно на дворянскихъ медаляхъ. Какъ здѣсь строго держатъ студентовъ Казанскихъ! Ай! ай! не въ силахъ выразить! Даже въ свою комнату они ни ногой, какъ развѣ только послѣ ужина на

ночь, а то весь день или въ классахъ, или въ комнатахъ, такъ называемыхъ занимательныхъ, или въ саду. Но и какая чистота, что за бѣлье, что за кровати, мебель—все прекрасно. А какой безподобный, обѣденный и ужинный столъ. Здѣсь студента лелѣютъ лучше, нежели въ домѣ родительскомъ, но уже и вольки не даютъ. Все разочтено по времени, даже и со двора идти не иначе, какъ по билету. Всѣ обязаны ходить по формѣ" [245]). Не смотря на то, что Погодинъ былъ еще въ то время молодымъ профессоромъ, отношенія его къ тогдашнему попечителю московскаго округа А. А. Писареву, котораго Пироговъ называетъ „мундирнымъ попечителемъ", были самыя свободныя, о чемъ можетъ свидѣтельствовать слѣдующая запись *Дневника*: „Былъ у попечителя и безъ церемоніи описалъ ему многія его глупости, что принялъ онъ благосклонно" [246]).Эта близость къ попечателю придавала Погодину нѣкій вѣсъ въ глазахъ многихъ и увеличивала его связи и знакомства. Вотъ что писалъ ему Николай Николаевичъ Семеновъ, изъ Рязани, въ іюнѣ 1827 года: „Наконецъ и я попалъ въ рангъ индѣйскаго пѣтуха, и управляю уже рязанскимъ учебнымъ округомъ. Я слышалъ, однако же, отъ пріѣхавшихъ сюда изъ Москвы, что попечитель начало моего директорства хочетъ почтить визитерствомъ. Милости просимъ. Мы почетныхъ гостей принять всегда готовы. Желательно только знать, кого ко мнѣ въ гости назначутъ" [247]).

Въ 1827 году послѣдовало приглашеніе со стороны правительства къ воспитанникамъ университета вступить; въ такъ называемый, Профессорскій институтъ, учрежденный въ Дерптѣ, съ тѣмъ, что по окончаніи тамъ курса, лучшіе изъ нихъ будутъ отправлены въ чужіе края. Учрежденіемъ своимъ этотъ институтъ былъ обязанъ академику Парроту, товарищу знаменитаго Кювье. Парротъ былъ долго профессоромъ физики въ Дерптскомъ университетѣ, а потомъ сдѣлался академикомъ С.-Петербургской Академіи Наукъ. По сообщенію Пирогова, Парротъ былъ свидѣтелемъ въ Дерптѣ и въ С.-Петербургѣ смутныхъ и выходящихъ изъ ряду вонъ событій,

постигшихъ наши университеты въ концѣ царствованія императора Александра I, и тутъ онъ воспользовался своимъ исключительнымъ положеніемъ и желаніемъ преемника Александра преобразовать всю учебную часть въ государствѣ. Императору Николаю было извѣстно, что Парротъ пользовался особеннымъ довѣріемъ и расположеніемъ императора Александра I, имѣя къ нему всегда свободный доступъ. Главнѣйшимъ и самымъ существеннымъ пунктомъ проекта Паррота было подготовленіе русскихъ молодыхъ людей, кончившихъ университетскій курсъ, въ Дерптскомъ университетѣ, для дальнѣйшихъ занятій наукою за границею [218]). Такимъ образомъ, въ 1827 году, проектъ академика Паррота былъ высочайше утвержденъ и мысль объ учрежденіи Профессорскаго института вскорѣ осуществилась. Когда Погодинъ получилъ предложеніе вступить въ этотъ институтъ, то онъ написалъ въ правленіе Императорскаго Московскаго Университета слѣдующее: „Вслѣдствіе предписанія г. ректора, симъ честь имѣю объявить, что я не могу, несмотря на свое желаніе воспользоваться монаршею милостью и ѣхать въ чужіе края для усовершенствованія себя въ наукахъ, по слѣдующимъ причинамъ: 1) оклады отправляющихся неопредѣлены: я, содержа здѣсь своими трудами цѣлое семейство, не могу оставить оное въ неизвѣстности на будущее время въ этомъ отношеніи. 2) По наукѣ, мною избранной предметомъ занятій, я не имѣю нужды учиться въ Дерптѣ и Парижѣ, и вмѣсто оныхъ, желалъ бы употребить часть назначеннаго времени на посѣщеніе другихъ университетовъ германскихъ, наиболѣе славящихся профессорами по исторической части, напримѣръ, Геттингенскаго. 3) Я желаю всегда принадлежать Московскому Университету, а не какому-либо другому. 4) Получивъ уже два года степень магистра въ Московскомъ Университетѣ, имѣя право теперь читать лекціи и, читавъ уже оныя, получилъ степени отъ разныхъ ученыхъ сословій въ государствѣ, а потому почитаю оскорбительнымъ для сихъ мѣстъ подвергать себя постороннимъ экзаменамъ на-равнѣ съ студентами, только что оканчивающими свой курсъ" [219]).

Конецъ 1827 года въ Московскомъ университетѣ былъ ознаменованъ празднованіемъ полувѣковаго юбилея знаменитаго Лодера *). Въ этомъ торжествѣ Погодинъ принималъ непосредственное участіе и описалъ его какъ очевидецъ. Торжество происходило 6 сентября 1827 года. „Никогда еще не было въ Москвѣ", повѣствуетъ Погодинъ, „и кажется въ Россіи, ученаго праздника, столь блестящаго, столь примѣчательнаго во всѣхъ отношеніяхъ; съ одной стороны, мы видѣли здѣсь мужа, который въ продолженіе цѣлаго полувѣка, ревностно, съ неутомимою дѣятельностью подвизаясь на славномъ поприщѣ наукъ, оказалъ незабвенныя услуги ученому свѣту и снискалъ европейскую славу;—съ другой—собраніе знаменитыхъ и достойныхъ гражданъ, которые изъявляли ему торжественно глубокое почтеніе и благодарность въ сей важный для него день. Въ 8 часовъ утра врачи московскіе принесли поздравленіе Лодеру въ его домѣ и пригласили его на обѣдъ, въ честь его приготовленный; онъ изъявилъ свое согласіе, не зная, впрочемъ, что его тамъ ожидаетъ. Въ 2 часа по полудни, когда всѣ участвовавшіе въ устроеніи праздника, многія постороннія почетныя особы, московскій генералъ-губернаторъ, князь Д. В. Голицынъ, князь Н. Б. Юсуповъ, И. И. Дмитріевъ и прочіе ревнители просвѣщенія собрались въ домѣ князя Юсупова на Никитской,—четыре маршала въ четырехъ каретахъ отправились за Лодеромъ. Онъ пріѣхалъ съ ними въ сопровожденіи г-на Броссе, своего соотечественника (изъ Риги). На крыльцѣ его встрѣтили нѣкоторые врачи и лишь только ступилъ онъ на лѣстницу, какъ раздалась музыка, коею возвѣщено было въ залѣ его прибытіе. При вступленіи его туда, докторъ Пфелеръ, другъ его, старшій изъ докторовъ московскихъ, привѣтствовалъ его нѣмецкою рѣчью. Слышавъ трепещущій голосъ Пфелера и видѣвъ потупленный, слезящійся взоръ Лодера, нельзя было сказать, кто изъ нихъ обоихъ былъ болѣе тронутъ. Слушатели раздѣляли съ ними ихъ чувствованія. Въ самомъ дѣлѣ, не усладительно ли было

*) Родился въ 1753 году, въ Ригѣ. Скончался въ 1832 году, въ Москвѣ.

видѣть сихъ двухъ маститыхъ старцевъ, которые, пройдя вмѣстѣ уже почти всю длинную дорогу свою, съ такою честью для себя, съ такою пользою для своихъ ближнихъ, предъ концомъ ея торжественно привѣтствуютъ другъ друга, и, воспоминая преодолѣнныя трудности, взаимно отдаютъ себѣ должную честь. По окончанiи сей рѣчи раздалась музыка: *Тебѣ Бога хвалимъ,* соч. Гроуна. Однажды, въ кругу своихъ знакомыхъ, Лодеръ изъявилъ свое сожалѣнiе, что сорокъ лѣтъ не слыхалъ этой музыки, и желанiе услышать ее еще разъ въ своей жизни. Тотчасъ объ этомъ написали въ Германiю,— тамъ употребили всѣ усилiя отрыть сiю старинную музыку и прислали сюда. Тронутый старецъ, услышавъ знакомые звуки, доставлявшiе ему столько удовольствiя въ юности, прослезился, но онъ не угадывалъ, сколько еще наслажденiй предназначено ему было испытать въ этотъ день! Потомъ говорена была латинская рѣчь, сочиненная докторомъ Шмицомъ. Въ прекрасной русской рѣчи г. Маркусъ, одинъ изъ отличнѣйшихъ докторовъ московскихъ, изобразилъ идеалъ врача, и въ короткихъ, но сильныхъ словахъ показалъ всю важность его сана и полный кругъ его дѣйствiя между согражданами. Кончивъ свое изображенiе, онъ съ особеннымъ ораторскимъ искусствомъ отнесся къ своимъ слушателямъ, и ссылаясь на ихъ собственное сужденiе, утвердилъ, что достигнуть до такого идеала невозможно, – но, сказалъ онъ въ заключенiе, дѣйствительность убѣждаетъ насъ въ противномъ: Лодеръ, коего юбилей мы нынѣ празднуемъ, доказалъ, что можно приблизиться къ начертанному нами идеалу, и я, только опасаясь оскорбить его скромность, не стану теперь въ его жизни искать положительныхъ доказательствъ Наконецъ, г. Эйнбродтъ, ученикъ Лодеровъ, сказалъ французскую рѣчь—Лодеръ на всѣ рѣчи отвѣчалъ экспромтомъ, на нѣмецкомъ, латинскомъ и французскомъ языкахъ, и въ отвѣтахъ своихъ произнесъ обѣтъ посвятить, съ большею ревностью, остатокъ своей жизни на пользу общую, въ знакъ благодарности за тѣ лестные знаки благоволенiя, которые удостоился

онъ получать прежде и теперь отъ государя, отечества и друзей своихъ. По окончаніи рѣчей поднесены ему были поздравленія отъ университетовъ: Дерптскаго, Геттингенскаго (въ коемъ онъ получилъ свой докторскій дипломъ въ 1777 году), Рижской гимназіи, общества врачей петербургскихъ и рижскихъ, письмо короля прусскаго, при коемъ присланъ ему знакъ краснаго орла втораго класса *), отъ славнаго Александра Гумбольдта, старца Гуфланда. Въ 4 часа маршалы пригласили собраніе къ столу. Столъ былъ накрытъ на 120 приборовъ и украшенъ, какъ и вся зала, цвѣтами и гирляндами изъ лавровъ. Лодеръ сидѣлъ между княземъ Д. В. Голицынымъ и княземъ Н. Б. Юсуповымъ. Снявъ салфетку съ своего прибора, онъ увидѣлъ богатую золотую табакерку съ надписью и своимъ гербомъ, которую ему приносили, въ память сего дня, московскіе врачи и друзья его. Тогда же поднесенъ былъ ему высокій серебряный кубокъ. Сей кубокъ отдалъ онъ въ лютеранскую церковь, желая, какъ сказано въ надписи, приношеніе друзей своихъ посвятить Богу, подателю всѣхъ благъ. Въ продолженіе великолѣпнаго обѣда были питы тосты: первый—за здравіе Государя Императора, высокаго покровителя ученыхъ. Второй—за здравіе Лодера, и со всѣхъ концовъ залы раздались громогласныя восклицанія, продолжавшіяся нѣсколько минутъ: vivat, Loder, vivat! Лодеръ всталъ и въ то же мгновеніе распространилось по залѣ глубочайшее молчаніе. Дрожащимъ голосомъ благодарилъ онъ присутствовавшихъ за благосклонность ему оказанную, приписывая оную не своимъ заслугамъ и достоинствамъ, а ихъ снисхожденію. Третій тостъ за здравіе князя Д. В. Голицына, который съ такою ревностью споспѣшествуетъ въ Москвѣ всѣмъ предпріятіямъ, относящимся къ просвѣщенію и гражданской образованности. Четвертый тостъ за здравіе хозяина дома, въ коемъ совершалось празднество, князя Н. Б. Юсупова, и прочихъ посѣтителей. Предъ окончаніемъ обѣда докторъ Мудровъ воспѣлъ

*) Лодеръ представленъ былъ къ 3-му классу, но король самъ, вмѣсто третьяго класса, написалъ втораго.

золотую свадьбу Лодера съ медициною въ краткихъ стихахъ, кои разсмѣшили все собраніе и доставили большое удовольствіе Лодеру. По окончаніи обѣда всѣ присутствовавшіе вышли въ прежнюю залу и увидѣли большую прозрачную картину, представляющую храмъ эскулаповъ съ латинскою надписью. Лодеръ былъ внѣ себя отъ восхищенія, смѣялся, плакалъ, цѣловался и благодарилъ всѣхъ посѣтителей. Въ 9 часовъ собраніе разъѣхалось.

Дай Богъ, заключаетъ Погодинъ, нашимъ врачамъ и вообще всѣмъ нашимъ ученымъ доживать до такихъ юбилеевъ! Дай Богъ имъ заслуживать такіе знаки всеобщаго добровольнаго уваженія!

Намъ остается теперь отъ лица всей публики засвидѣтельствовать всеобщую благодарность тѣмъ друзьямъ Лодера, кои первые возъимѣли мысль почтить его такимъ праздникомъ и доставили случай москвитянамъ видѣть зрѣлище европейское“ [250]).

XXIV.

29 Декабря 1826 года въ С.-Петербургѣ происходило торжественное празднованіе столѣтія Императорской Академіи Наукъ, удостоенное Высочайшаго присутствія Государя Императора, императрицъ Александры Ѳеодоровны и Маріи Ѳеодоровны, великаго князя Наслѣдника Александра Николаевича, великаго князя Михаила Павловича и великой княгини Елены Павловны. По прибытіи высочайшихъ особъ въ многочисленное и блистательное собраніе членовъ и приглашенныхъ посѣтителей, президентъ академіи Уваровъ открылъ засѣданіе рѣчью на русскомъ языкѣ. За симъ непремѣнный секретарь Фусъ, читалъ на французскомъ языкѣ историческое обозрѣніе дѣяній Академіи и ученыхъ ея коллекцій съ самаго ея учрежденія. По окончаніи онаго, президентъ поднесъ Государю Императору и Импературторской фамиліи зо-

лотыя медали, выбитыя по сему случаю. Потомъ читаны были программы задачъ, предложенныхъ Академіею, и провозглашены имена новоизбранныхъ по сему случаю почетныхъ членовъ. Посѣтители съ душевнымъ восторгомъ услышали, что списокъ сихъ знаменитыхъ любителей наукъ начинается драгоцѣнными именами Государя Императора, Наслѣдника Престола, цесаревича Константина Павловича, великаго князя Михаила Павловича и августѣйшаго родителя императрицы Александры Ѳеодоровны короля Прусскаго. Засѣданіе окончено было краткою рѣчью академика Шторха. По отбытіи Высочайшихъ Особъ, посѣтителямъ предложенъ былъ великолѣпный завтракъ [251]).

Въ этотъ достопамятный день Погодинъ былъ сопричисленъ къ первенствующему ученому сословію въ государствѣ; но оффиціальное увѣдомленіе о семъ онъ получилъ только въ февралѣ 1827 года. „Императорская Академія Наукъ", писалъ къ нему Фусъ, „въ торжественномъ собраніи 29 декабря минувшаго 1826 года, бывшаго по случаю столѣтняго ея юбилея, въ присутствіи Его Величества Государя Императора и всей Августѣйшей Его Фамиліи, избрали васъ единогласно въ число своихъ *корреспондентовъ*" и Булгаринъ по этому поводу поздравлялъ его въ такихъ выраженіяхъ: „Съ избраніемъ васъ въ корреспонденты Академіи Наукъ честь имѣю поздравить. Весьма жаль, что не всѣ избранные вошли въ сіе святилище прямымъ путемъ. Нѣкоторые изъ нашихъ петербургскихъ корреспондентовъ влѣзли чрезъ переднія" [252]).

Старѣйшее въ Москвѣ Общество Любителей Россійской Словесности, въ засѣданіи своемъ 7 сентября 1827 года, также сопричислило Погодина къ числу своихъ членовъ. Общество это, учрежденное въ 1811 году, было обязано своимъ процвѣтаніемъ А. А. Прокоповичу Антонскому. Самыя блестящія его собранія происходили въ 1818 году, когда императоръ Александръ I и весь Дворъ пребывали въ Москвѣ; но въ концѣ октября 1826 года, Антонскій обратился въ Общество съ письмомъ, въ которомъ между прочимъ читаемъ: „слабость

здоровья моего и преклонныя лѣта не позволяютъ мнѣ долѣе, съ желаннымъ успѣхомъ, нести званіе предсѣдателя Общества Любителей Россійской Словесности. Покорнѣйше прошу на мое мѣсто избрать способнѣйшаго". И этотъ *способнѣйшій* оказался Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ; но къ сожалѣнію, по свидѣтельству современника М. А. Дмитріева, „многіе думали, въ томъ числѣ и я, что Кокошкинъ, какъ человѣкъ степенныхъ лѣтъ, не малаго чина, извѣстный въ обществѣ прежними связями, а въ литературѣ переводомъ Мольерова *Мизантропа*, будетъ полезенъ въ званіи предсѣдателя. Но Кокошкинъ, не твердый въ характерѣ и страстный болѣе къ театру, нежели къ литературѣ, не умѣлъ направлять мнѣній членовъ, думалъ болѣе о наружномъ блескѣ собраній и сдѣлалъ изъ нихъ одинъ спектакль для публики". Въ это-то время Погодинъ вступилъ въ Общество и въ засѣданіи, бывшемъ 28 ноября 1827 года, подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Ѳ. Кокошкина и въ присутствіи гг. почетныхъ членовъ: князя Д. В. Голицына, И. И. Дмитріева, А. А. Писарева, ректора Университета И. А. Двигубскаго, Л. А. Цвѣтаева и при многочисленномъ собраніи посѣтителей и посѣтительницъ, новоизбранный членъ произнесъ слѣдующую рѣчь: „Удостоенный лестнаго права принадлежать къ вашему достопочтенному сословію, милостивые государи, ничѣмъ болѣе не могу я доказать вамъ моей глубочайшей благодарности за такое лестное вниманіе къ посильнымъ трудамъ моимъ, какъ изъявленіемъ готовности принимать дѣятельное участіе въ вашихъ общеполезныхъ занятіяхъ. Съ робостію произношу я сіе обѣщаніе, ибо чувствую въ полной мѣрѣ важность трудовъ, предлежащихъ Обществу. Въ этомъ отношеніи почитаю себя обязаннымъ, милостивые государи, дать вамъ отчетъ въ понятіи, какое имѣю о сихъ трудахъ. Первою цѣлью онаго есть утвержденіе правилъ языка Русскаго. Доселѣ сей языкъ, богатый и звучный, которому достались, кажется, въ совокупности всѣ достоинства новыхъ языковъ европейскихъ, языкъ, которымъ говорятъ на пространствѣ девяти тысячъ

верстъ въ длину, въ сосѣдствѣ съ дикими Американцами и Шведами, Монголами и Австрійцами, на которомъ писали уже многіе отличные авторы, не имѣетъ еще удовлетворительной грамматики и повинуется одному употребленію. Никогда общество не могло удобнѣе заняться симъ предметомъ, какъ нынѣ. Во всѣхъ земляхъ Словенскихъ ученые устремили свое вниманіе на языкъ свой и изслѣдованіями своими о всѣхъ его нарѣчіяхъ представляютъ русскому грамматику драгоцѣнное пособіе. Обществу надлежитъ воспользоваться сими трудами, вмѣстѣ съ изысканіями нашихъ литераторовъ, разбирать, цѣнить ихъ и создать желанное цѣлое. Другой, не менѣе важный, предметъ есть исторія языка. Наступило уже то вожделѣнное время, когда на исторію перестаютъ смотрѣть какъ на безжизненное повѣствованіе о войнахъ и мирныхъ договорахъ, какъ на собраніе собственныхъ именъ и годовыхъ чиселъ, и исторія языка принимается торжественно въ исторію народа. И въ самомъ дѣлѣ—не тамъ ли заключается, не тамъ ли видна вся Русская Исторія въ промежуткѣ между простымъ, отрывистымъ разсказомъ нашего древняго Нестора и звучнымъ періодомъ Карамзина, строфою Пушкина—не тамъ ли видна, повторю я, какъ и между *Правдою* Ярослава, *Наказомъ* Екатерины II, между клѣтью святаго Владиміра и Зимнемъ Дворцемъ въ Петербургѣ? Изслѣдовать постепенно ходъ усовершенствованія языка, представить по оному развитіе умственныхъ понятій въ народѣ и степени просвѣщенія—вотъ драгоцѣнныя страницы, коихъ ожидаетъ отъ васъ милостивые государи, отечественная исторія. Наконецъ, упомяну о третьемъ предметѣ занятій Общества, о теоріи словесности. Во всей Европѣ теперь рѣшается борьба между старымъ образомъ мыслей въ словесности и новымъ, между такъ называемымъ классицизмомъ и романтизмомъ, борьба, въ которой принимаютъ участіе и ваши атлеты, теоретически и практически. У насъ, слѣдовательно, гдѣ просвѣщеніе не пустило еще далеко корней въ публикѣ, гдѣ все увлекается подражаніемъ, необходимъ литературный арео-

совѣтуютъ мнѣ объясниться предъ публикою, что эта статья напечатана во время моего отсутствія. Я долгомъ поставляю сказать здѣсь, что она была бы напечатана и при мнѣ, хотя, разумѣется, я приложилъ бы къ ней свои замѣчанія. Впрочемъ, скажу здѣсь мимоходомъ, разбирая статью, въ которой находится столько сужденій положительныхъ, основанныхъ на доказательствахъ, гораздо приличнѣе было бы обратить вниманіе на сіи доказательства, разобрать ихъ, даже со всею строгостью, нежели предлагать замѣчанія на опечатки" [260]). Этотъ отзывъ, само собою разумѣется, не могъ удовлетворить Шевырева. Обѣдая однажды вмѣстѣ съ нимъ у Кирѣевскаго, Погодинъ досадовалъ, что Шевыревъ „принимаетъ такое живое участіе въ глупой статьѣ Булгарина и безпрестанно говоритъ о ней"; а по поводу требованій Шевырева напечатать его объясненіе Булгарину, Погодинъ, не соглашаясь на это, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Зачѣмъ баловать мальчика, который кусаетъ себѣ ногти" [261]). За разборомъ сочиненій Булгарина, Шевыревъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* разборъ *Московскаго Телеграфа,* которому онъ посвятилъ огромную статью съ такимъ заключеніемъ: „Трудолюбіе, неутомимость, разнообразіе, современность, пестрота, смѣсь новаго со старымъ, многосторонность, всеобъемлемость, поверхностность, гордость, презрѣніе къ опытности, безпокойство, желаніе мыслить, неопредѣленность, неточность, легкомысліе, неясность, совершенная темнота, рѣзкость въ приговорахъ, рѣшительность, расторопность, поспѣшность, оборотливость, скорость, опрометчивость, нетерпѣніе и терпѣніе, варваризмы, многословіе, страсть къ общимъ мѣстамъ, пустота, вялость, карриккатура, благородство вообще, благонамѣренность вообще, отсутствіе личности, безотчетное желаніе совершенствованія, пристрастіе". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ признается, что „*Телеграфъ* есть лучшій журналъ въ Россіи, имѣющій неотъемлемое право на признательность публики. Явившись въ то самое время, когда задремали всѣ журналисты и отучили публику отъ чтенія, онъ и въ любите-

никѣ его, подъ 28 ноября: „Собраніе Общества Любителей Россійской Словесности. Самое нелѣпое какое только представить себѣ можно. Прочелъ свою рѣчь, сидя противъ князя Голицына“.

Михайловъ день, т.-е. день своихъ именинъ, Михаилъ Петровичъ началъ молитвою, и за обѣднею ему запечатлѣлся псаломскій стихъ: *Творяй ангелы своя духи, и слуги своя пламень огненный*, а въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Какая славная пѣснь!“ Вечеромъ къ нему собрались: Мицкевичъ, Малевскій, Веневитиновъ, Герке, Елагинъ, Кирѣевскій и Соболевскій. Это почтенное собраніе произвело на Погодина престранное и неожиданное впечатлѣніе. „Чудаки!“, восклицаетъ онъ въ *Дневникѣ*, „неужели вы думаете, что я принимаю участіе въ такихъ увеселеніяхъ? Нѣтъ! Я вою съ волками. Была минута для меня общей гармоніи. Прошлаго года на общемъ обѣдѣ я смотрѣлъ тогда на себя, какъ на часть кольца. Теперь я самъ себѣ кольцо. Жаль, что Мицкевичъ не остался дольше. Съ нимъ говорилъ съ удовольствіемъ и съ Малевскимъ. Соболевскій былъ очень уменъ“.

Между тѣмъ, въ день его именинъ въ Университетѣ произошла непріятная исторія: „студенты поколотили инспектора за грубость“. Вотъ что́ мы находимъ объ этомъ въ *Дневникѣ*: „Пріѣзжалъ попечитель. Зоветъ ихъ всѣхъ. Гдѣ Петропавловскій (зачинщикъ)? Мы всѣ *Петропавловскіе*, отвѣчаютъ они. Отдаютъ шпаги“).

Въ концѣ декабря, Погодинъ отправился въ Петербургъ. Тамошніе литераторы приняли его очень дружелюбно. Даже Булгаринъ далъ въ честь Московскаго гостя обѣдъ, на которомъ вмѣстѣ съ нимъ пировалъ и самъ Пушкинъ.

XXV.

Въ то время, когда Погодинъ пировалъ у Булгарина въ Петербургѣ, Шевыревъ выпустилъ въ Москвѣ первую книжку *Московскаго Вѣстника* на 1828 годъ, съ критическимъ „Обо-

зрѣніемъ русской словесности за 1827 г.“, въ коемъ онъ коснулся и нраво-описательныхъ произведеній Булгарина. Разумѣется, послѣдній взбѣсился и назвалъ Погодина измѣнникомъ [254]). Въ этомъ разборѣ Шевыревъ, между прочимъ, говоритъ: „Теплота чувства или мысли, которая роднитъ душу читателя съ писателемъ, совершенно отсутствуетъ въ сочиненіяхъ Булгарина. Главный ихъ характеръ безжизненность: изъ нихъ вы не можете даже опредѣлить образа мыслей въ авторѣ... Безцвѣтныя статьи о нравахъ и безхарактерныя повѣсти, писанныя съ цѣлію доказать весьма извѣстныя нравственныя правила, напрасно воскресли изъ двудневныхъ листовъ *Сѣверной Пчелы* и забытыхъ книжекъ многихъ журналовъ. Г. Булгаринъ, кажется, завладѣлъ монополіею въ описаніи *нравовъ*... Но не русскіе нравы онъ описываетъ, а передѣлываетъ чужіе на русскіе. Г. Гречъ, товарищъ г. Булгарина, доказываетъ достоинство его сочиненій числомъ подписчиковъ; но число подписчиковъ не всегда зависитъ отъ достоинства произведеній“ [255]). Раздосадованный Булгаринъ не замедлилъ отвѣтомъ, въ которомъ старался излить всю свою весьма понятную злобу на Шевырева. „Г. Погодинъ, писалъ онъ, издатель *Московскаго Вѣстника*, отправляясь на время въ Петербургъ, поручилъ редакцію первой книжки своего *Вѣстника* добрымъ пріятелямъ, которые сыграли съ нимъ презабавную шутку. Они помѣстили *Обозрѣніе Словесности за 1827 годъ*, статью, исполненную противорѣчіями и ошибками всякаго рода. Они, вѣроятно, разсчитывали, что для распространенія славы *Московскаго Вѣстника* должно открыть въ немъ явную войну съ литераторами, неучаствующими въ изданіи онаго, расхвалить одяихъ только пріятелей и сотрудниковъ своихъ, а другихъ осмѣять, одурачить предъ публикою, и заставить ихъ писать противъ *Московскаго Вѣстника:* это, по тактикѣ литературныхъ пандуровъ, стоитъ громкихъ объявленій въ газетахъ. Разсчетъ хитрый, но такія уловки нужны только писателямъ-самозванцамъ или журналистамъ, живущимъ подаяніями ближнихъ. Г. Погодинъ, человѣкъ умный, ученый,

скромный, писатель благонамѣренный, не имѣетъ надобности въ сихъ стратагемахъ". Указавъ въ сорока одномъ пунктѣ замѣченныя имъ ошибки, въ упомянутомъ *Обозрѣніи*, „противъ логики и грамматики", Булгаринъ, обращаясь къ Погодину, предлагаетъ ему поспѣшить въ Москву. „Поспѣшайте домой, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ! Если замедлите въ дорогѣ, то, можетъ быть, найдете Московскій Вестникъ" *) [256]). Прочитавъ этотъ отвѣтъ, Погодинъ записалъ въ *Дневникъ:* „Булгаринъ написалъ преглупую статью на Шевырева. Ну взбѣсится теперь мой Шевыревъ. Уже и Веневитиновъ кричитъ. Много мнѣ труда предстоитъ" [257]). Между тѣмъ Петербургскіе друзья остались чрезвычайно довольны статьей Шевырева. „*Обозрѣніе* всѣмъ понравилось", писалъ князь Одоевскій, „и всѣ въ одинъ голосъ говорятъ, что никогда характеръ сочиненій Булгарина не былъ такъ вѣрно опредѣленъ; онъ вамъ написалъ преглупый отвѣтъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Чуръ не спускать. Его послѣдняя надежда на Погодина; но увѣренъ, что онъ сохранитъ твердость. Надобно же когда-нибудь вывести молодца на свѣжую воду" [258]). Самъ строгій В. П. Титовъ тоже весьма одобрительно отзывался теперь о *Московскомъ Вѣстникѣ*. „Спасибо вамъ за первый нумеръ", писалъ онъ отъ 26 января 1828 г., „отлично хорошъ и журналенъ. Обозрѣніе Шевырева лихо и славно. Здѣсь я слышалъ, что Погодинъ писалъ извинительное посланіе къ Булгарину; не понимаю чему приписать эту слабость характера". Подъ этимъ посланіемъ В. П. Титовъ, вѣроятно, разумѣлъ отзывъ Погодина на выходку Булгарина, который онъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и по поводу чего онъ записалъ въ *Дневникъ:* „Написалъ очень тонкій отзывъ Булгарину, очень, очень былъ доволенъ имъ. Шевыревъ защищенъ благородно, я опять въ сторонѣ, безъ нарушенія приличій" [259]). Булгарину же онъ отвѣчалъ весьма сдержанно: „Въ *Сѣверной Пчелѣ* напечатаны замѣчанія на *Обозрѣніе Русской Словесности*, помѣщенное въ 1 № *Московскаго Вѣстника*. Тамъ

*) Булгаринъ намекаетъ якобы на безграмотность Шевырева.

совѣтуютъ мнѣ объясниться предъ публикою, что эта статья напечатана во время моего отсутствія. Я долгомъ поставляю сказать здѣсь, что она была бы напечатана и при мнѣ, хотя, разумѣется, я приложилъ бы къ ней свои замѣчанія. Впрочемъ, скажу здѣсь мимоходомъ, разбирая статью, въ которой находится столько сужденій положительныхъ, основанныхъ на доказательствахъ, гораздо приличнѣе было бы обратить вниманіе на сіи доказательства, разобрать ихъ, даже со всею строгостью, нежели предлагать замѣчанія на опечатки" [260]). Этотъ отзывъ, само собою разумѣется, не могъ удовлетворить Шевырева. Обѣдая однажды вмѣстѣ съ нимъ у Кирѣевскаго, Погодинъ досадовалъ, что Шевыревъ „принимаетъ такое живое участіе въ глупой статьѣ Булгарина и безпрестанно говоритъ о ней"; а по поводу требованій Шевырева напечатать его объясненіе Булгарину, Погодинъ, не соглашаясь на это, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Зачѣмъ баловать мальчика, который кусаетъ себѣ ногти" [261]). За разборомъ сочиненій Булгарина, Шевыревъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* разборъ *Московскаго Телеграфа,* которому онъ посвятилъ огромную статью съ такимъ заключеніемъ: „Трудолюбіе, неутомимость, разнообразіе, современность, пестрота, смѣсь новаго со старымъ, многосторонность, всеобъемлемость, поверхностность, гордость, презрѣніе къ опытности, безпокойство, желаніе мыслить, неопредѣленность, неточность, легкомысліе, неясность, совершенная темнота, рѣзкость въ приговорахъ, рѣшительность, расторопность, поспѣшность, оборотливость, скорость, опрометчивость, нетерпѣніе и терпѣніе, варваризмы, многословіе, страсть къ общимъ мѣстамъ, пустота, вялость, каррикатура, благородство вообще, благонамѣренность вообще, отсутствіе личности, безотчетное желаніе совершенствованія, пристрастіе". Но вмѣстѣ съ тѣмъ Шевыревъ признается, что „*Телеграфъ* есть лучшій журналъ въ Россіи, имѣющій неотъемлемое право на признательность публики. Явившись въ то самое время, когда задремали всѣ журналисты и отучили публику отъ чтенія, онъ и въ любите-

ляхъ чтенія поддержалъ сію благородную охоту и пріохотилъ новыхъ читателей. По всѣмъ правамъ онъ заслуживаетъ, чтобы имя его означало новую эпоху въ исторіи русскаго журнализма" [262]). Слѣдя за ходомъ начавшейся войны *Московскаю Вѣстника* съ петербургскими и московскими журналистами, В. П. Титовъ писалъ Погодину (отъ 26 января 1828 года): „Каковъ же оборотень Полевой! Въ *Прибавленіяхъ* учить, какъ кланяться въ театрѣ, а въ журналѣ хвалить безъ памяти все петербургское и приноситъ челобитную Сомову на *Московскій Вѣстникъ*. И все это для успѣховъ конторы: славный торгашъ. Щелкать его надобно, однако не выводя изъ терпѣнія: двухъ враговъ за-разъ имѣть накладно". Между тѣмъ въ другомъ письмѣ (отъ 11 августа 1828) Титовъ отдаетъ справедливость и издателю *Московскаю Телеграфа*: „Не во гнѣвѣ вамъ буде сказано", пишетъ онъ, „я привыкъ уважать Полеваго болѣе съ тѣхъ поръ, какъ сравнилъ его съ петербургскими журналистами" [263]). Шевыревъ не останавливался и сдѣлалъ жестокое нападеніе на *Сѣверную Пчелу* въ своемъ *Обозрѣніи Литературныхъ Русскихъ Журналовъ;* но предварительно счелъ нужнымъ оговориться: „Мы уже заранѣе обѣщали отвѣчать молчаніемъ, пишетъ онъ въ началѣ статьи, на всѣ неучтивыя выходки раздраженныхъ издателей *Сѣверной Пчелы*, и сей разборъ написанъ такъ, какъ бы *Сѣверная Пчела* не обнаружила явно своего негодованія. Потому знатоки въ литературной тактикѣ да не сочтутъ его отвѣтомъ гг. Гречу и Булгарину". Послѣ этого онъ начинаетъ разборъ и вотъ что, между прочимъ, читаемъ мы въ немъ: „*Сѣверная Пчела* есть единственная газета въ Россіи, которая имѣетъ средства сообщать скоро и вѣрно все, что̀ дѣлается новаго въ мірѣ политическомъ и литературномъ, посему и читаютъ ее во всѣхъ концахъ нашего отечества. Возбуждая такое общее участіе въ любителяхъ чтенія по всей Россіи, владѣя такими богатыми способами, какое благодѣтельное можетъ она имѣть вліяніе на просвѣщеніе отечества! Посему, не въ правѣ-ли мы требовать отъ нея болѣе совер-

шенства, нежели отъ другихъ журналовъ? Сколь велико наше желаніе, чтобы у насъ, въ Россіи, такого рода газета способствовала ко всеобщему движенію въ литературѣ и примѣромъ здравой, безпристрастной критики, правильнаго, благороднаго, благонамѣреннаго образа мыслей, европейской вѣжливости, пріобрѣла довѣріе всеобщее и распространяла чистую любовь къ наукамъ и духъ благородной терпимости,— сколь велико сіе желаніе наше, столь же велики и сожалѣнія о томъ, что *Сѣверная Пчела* почти совсѣмъ не соотвѣтствуетъ своему важному назначенію".

Такимъ образомъ, эти *Разборы* дали поводъ къ постоянной враждѣ издателей *Телеграфа* и *Сѣверной Пчелы* къ Шевыреву. Недовольствуясь этимъ и вопреки совѣта Погодина, онъ выступилъ съ ѣдкою критикою и противъ статсъ-секретаря Николая Назарьевича Муравьева, который въ 1828 году издалъ въ Петербургѣ въ трехъ частяхъ: *Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія съ 1805 года*. Содержаніе этой книги преимущественно составляетъ романъ въ письмахъ, подъ заглавіемъ: *Всеволодъ и Всеслава*. Прочія же статьи касаются частью до предметовъ философскихъ, частью до наукъ естественныхъ. Шевыревъ не одобряетъ этого сочиненія и обвиняетъ автора за анахронизмы, за неясность мыслей и за отсутствіе практическаго и грамматическаго знанія языка... „Если", пишетъ Шевыревъ, „попадется эта книга въ руки юноши, понятіе котораго еще слабо, еще не развито, не самобытно,— онъ не пойметъ въ ней многаго, и недовѣрчивый къ своимъ способностямъ, не мудрено, что захочетъ углубляться въ мысли автора, изложенныя такимъ сбивчивымъ и запутаннымъ образомъ: такое усиліе можетъ быть вредно для ума молодого, неопытнаго". Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ находитъ, что „безъ особаго словаря нельзя совершенно понимать этой книги".

Эту критику, какъ мы уже замѣтили, не одобрялъ Погодинъ. „Споры съ Шевыревымъ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „который непремѣнно хочетъ обругать Муравьева. Изъ чего, чудакъ, бьется? Помѣшался на рыцарствѣ. Какъ будто у насъ

была литературно-политическая партія! А безъ нея къ чему распространяться о пустой книжкѣ“; а въ другомъ мѣстѣ *Дневника* мы читаемъ: „Толковалъ все Шевыреву, что наживемъ мы врага въ Муравьевѣ за критику, не унимается“. И какъ бы для смягченія гнѣва Муравьева, Погодинъ напечаталъ въ томъ же *Московскомъ Вѣстникѣ* хвалебный отзывъ о другомъ сочиненіи того же автора: *Историческія изслѣдованія о Древностяхъ Новгорода.* (Спб. 1828). Приступая къ разбору этой книги, Погодинъ приводитъ слова Шлецера: „Завадовскій, Румянцовъ, Козодавлевъ, Муравьевъ читаютъ моего *Нестора*, какъ я знаю по документамъ: государственные люди, занимающіе высшія мѣста въ государствѣ, читаютъ критико-историческія изслѣдованія и читаютъ ихъ съ удовольствіемъ и благосклонностью! Не есть ли это одна изъ особенностей, коими со славою отличается нынѣшнее русское правительство, достойное общество сподвижниковъ Александра“? „Съ какимъ удовольствіемъ,—говоритъ уже отъ себя Погодинъ,—увидѣлъ бы Шлецеръ, что человѣкъ государственный не только читаетъ, но и пишетъ самъ критико-историческія изслѣдованія“. Съ величайшимъ удовольствіемъ повторимъ слова автора: „русскіе во времена Рюрика, Св. Владиміра, были нѣчто похожее на нынѣшнихъ Киргизовъ, Бурятъ съ ихъ князьками, тайшами, султанами, съ ихъ простотою, бѣдностію пастырскою, съ тою только разницею, что наша простота и бѣдность были не пастырскія, но звѣроловныя и частію земледѣльческія: понеже сторона около Днѣпра, Двины, Волхова тогда была стороною дремучихъ лѣсовъ“. Ставъ на сію точку, мы увидимъ древнѣйшую нашу исторію совершенно не въ томъ великолѣпномъ видѣ, въ какомъ видѣлъ ее Карамзинъ [264]).

XXVI.

Московскій Вѣстникъ 1828 года имѣлъ, можно сказать, воинственное направленіе. На его страницахъ выступилъ про-

тивъ *Московскаго Телеграфа* и знаменитый нашъ Археографъ П. М. Строевъ.

Мы имѣемъ данныя, что доселѣ, т.-е. до 1828 года, Строевъ съ Полевымъ находились въ дружескихъ отношеніяхъ. Ниже мы предложимъ письмо, въ которомъ самъ Полевой свидѣтельствуетъ о дружбѣ, бывшей между нимъ и Строевымъ. Поводомъ къ ссорѣ друхъ пріятелей послужило, какъ кажется, слѣдующее обстоятельство: Въ началѣ 1828 года Строевъ обѣщалъ Полевому помѣстить въ его *Московскомъ Телеграфѣ* разборъ изданной Ѳедоромъ Аделунгомъ книги *Баронъ Мейербергъ и Путешествіе его по Россіи* (Спб. 1827). Составляя этотъ разборъ, Строевъ не разъ бесѣдовалъ съ Полевымъ, сообщая ему свои замѣчанія на эту книгу. Нѣкоторыя изъ этихъ замѣчаній по своему свойству только и могли быть сдѣланы Строевымъ при его безпрерывныхъ занятіяхъ русскими древностями. Не окончивъ работы, Строевъ уѣхалъ въ Петербургъ по дѣламъ археографической экспедиціи, а также для свиданія съ графомъ Ѳ. А. Толстымъ. Въ отсутствіе Строева, вышелъ третій нумеръ *Московскаго Телеграфа* 1828 года и онъ не безъ изумленія прочелъ разборъ книги Аделунга, въ которомъ бо̀льшая часть, сдѣланныхъ имъ при личныхъ бесѣдахъ замѣчаній на эту книгу, пущены были въ дѣло отъ лица самого издателя, къ тому же „не полно, другое пропущено, иное искажено". По этому случаю Строевъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* слѣдующую аллегорію: „Въ 1810 году одинъ старожилъ литераторъ, умирая, завѣщалъ мнѣ рукопись своего *Дневника*, въ которомъ разсказываетъ, что въ 1778 году онъ зналъ въ Москвѣ одного самозванца ученаго, который, когда ему приходила охота писать что нибудь дѣльное, мастерски умѣлъ заманивать къ себѣ какого нибудь знатока и въ видѣ разговора выспрашивалъ, что̀ ему нужно; а въ то же время его cousin, сидя за ширмами, записывалъ слышанное". Послѣ того Полевой, приноравливаясь къ военнымъ событіямъ того времени, напечаталъ, въ своемъ *Телеграфѣ* 1828 года двѣ дипломатическія статьи:

а) *Нота о Турецкихъ и Персидскихъ дѣлахъ, поданная въ 1728 году императрицѣ Екатеринѣ* какимъ-то „знаменитымъ россійскимъ дипломатомъ“ и б) *Письмо Турецкаго визиря къ графу П. А. Румянцову* отъ 1 іюня 1778 года съ отвѣтомъ на оное графа Румянцова. Въ этомъ письмѣ визирь убѣждаетъ графа прекратить кровопролитіе, склонить императрицу къ миру, и графъ изъявляетъ готовность на то и другое. Строевъ, пораженный такими хронологическими несообразностями, напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* свое письмо къ Погодину, въ которомъ между прочимъ пишетъ: „Нашедъ такія диковинки въ какихъ нибудь *Запискахъ*, посвященныхъ диковинкамъ, я насмѣялся бы досыта и бросилъ книжку; но когда прочиталъ ихъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*, признаюсь откровенно, то меня поразилъ какой-то сплинъ. Что значатъ, думалъ я, всѣ наши знанія, вся наша мудрость? Давно ли мы читали въ вашемъ *Вѣстникѣ*, что *Московскій Телеграфъ* есть украшеніе нашей литературы? И сей великій журналистъ, великій критикъ etc. (увы!) сдѣлался жертвою мистификаціи какого нибудь юноши дипломата. Какимъ образомъ знаменитый россійскій дипломатъ, въ 1728 году, представилъ ноту императрицѣ Екатеринѣ I, когда ея величество 6 мая 1727 года переселилась отъ сей жизни въ вѣчность? Не менѣе сомнѣній рождаетъ и переписка визиря съ графомъ Румянцовымъ; когда я приступалъ къ чтенію письма перваго, мое воображеніе само собою настроилось на то *восточное словоизлитіе*, въ духѣ котораго писались и теперь пишутся отзывы азіятскихъ дипломатовъ и начальниковъ. Это было естественно; ибо по роду моей службы и занятій, я перечиталъ ихъ очень довольно. Могъ ли я не удивиться, когда вмѣсто восточныхъ выраженій мнѣ представились: европейскій слогъ, фразы на манеръ французскихъ, тонъ не паши турецкаго, но какого нибудь витязя въ родѣ Баярда? О прекращеніи какого кровопролитія переписывался визирь съ Румянцовымъ въ 1778 году, когда еще 10 іюля 1774 года заключенъ былъ славный Кучукъ-Кайнарджискій миръ, послѣ котораго дру-

желюбное согласіе Россіи съ Оттоманскою Портою не нарушалось болѣе тринадцати лѣтъ?" Письмо это было сигналомъ къ открытой войнѣ. Полевой, задѣтый заживое, написалъ „a monsieur, monsieur de Stroeff" *) ругательное письмо (отъ 17 іюля 1828 г.), въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „чрезмѣрно удивляюсь, что желаніе *оправдать себя въ глазахъ начальства* заставило васъ написать ругательную статью на человѣка, который въ теченіе пяти или шести лѣтъ старался доказать вамъ свое доброе расположеніе и дружбу. Вамъ угодно вразумлять меня въ тайнахъ исторической хронологіи: буду благодаренъ за такую услугу, умѣя въ то же время награждать презрѣніемъ всякую литературную и домашнюю сплетню и сожалѣть о людяхъ робкаго, ничтожнаго характера, которые за одинъ ласковый взглядъ своего милостивца не пощадятъ ни друга ни пріятеля". На это письмо Строевъ спокойно отвѣтилъ: „Юпитеръ, ты сердишся, слѣдовательно не правъ!" Справедливость требуетъ замѣтить, что полемика Строева съ Полевымъ дошли до крайности и даже неприличія. Полевой, какъ извѣстно, имѣлъ въ Москвѣ водочный заводъ и Строевъ, желая уколоть этимъ своего противника, напечаталъ: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ* рекомендуются разныя статьи изъ *Edinburgh Review*. Не понимаю, почему наши журналисты не воспользовались доселѣ совѣтомъ издателя *Телеграфа* и не перевели хотя одной изъ нихъ, напримѣръ: „*О пивныхъ кабакахъ въ Англіи?*" Полевой отвѣчаетъ на это: „Исполняя желаніе г. Строева я, переведу статью *О пивныхъ кабакахъ въ Англіи* и напечатаю въ *Телеграфѣ* съ посвященіемъ П. М. Строеву". На это Строевъ отвѣчаетъ: „Здѣсь не ошибка ли отъ поспѣшности, кажется, вмѣсто словъ *я переведу и напечатаю* правильнѣе: я попрошу, прикажу, поручу, найму перевесть и напечатаю" [265]). Между тѣмъ, Шевыревъ писалъ Погодину изъ Петербурга: „За статьи Строева всѣ насъ бранятъ здѣсь. Противъ всѣхъ спорить не бу-

*) Такъ надписалъ Полевой адресъ приводимаго письма.

дешь. Гласъ народа—гласъ Божій. Охъ ужъ этотъ Полевой, я ему дамъ знать" [266]).

Къ укрѣпленію враждебныхъ отношеній Погодина къ Полевому послужило также дѣло о переводѣ сочиненія Вальтера Скотта *Жизнь Наполеона*. Мы уже знаемъ, что Иванъ Сергѣевичъ Мальцовъ познакомилъ читателей *Московскаго Вѣстника* съ твореніемъ этого знаменитаго писателя. Въ это время Погодинъ, поощряемый В. П. Титовымъ, задумалъ издать переводъ этой книги. Но ту же мысль возымѣлъ и Полевой. Вотъ что повѣствуетъ Ксенофонтъ Полевой объ этомъ предпріятіи: „Въ концѣ 1827 года братъ мой получилъ чрезвычайно любопытную книгу *Жизнь Наполеона*, сочиненную Вальтеръ-Скоттомъ... Съ понятнымъ любопытствомъ принялись читать. Къ удивленію, мы не нашли въ ней ничего, что стоило бы запрещенія (каковому она была подвергнута въ Россіи). За исключеніемъ немногихъ страницъ, книга его могла быть напечатана у насъ при самой строгой цензурѣ. Эта мысль поощрила насъ заняться переводомъ *Жизни Наполеона*. Но какъ быть съ Московской цензурой, гдѣ предсѣдательствовалъ тогда Сергѣй Тимофѣевичъ Аксаковъ, не разъ задѣтый издателемъ *Московскаго Телеграфа* за плохія его сочиненія, другъ театральной партіи Писарева и вслѣдстіе всего этого непримиримый врагъ моего брата? Нѣсколько времени онъ былъ цензоромъ *Московскаго Телеграфа* и чинилъ намъ всякія притѣсненія. При такихъ отношеніяхъ съ Московскою цензурою, мы рѣшились представить первый томъ своего перевода въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ. Въ мартѣ 1828 года, я отправился въ Петербургъ, явился тамъ въ цензурный комитетъ и представилъ свою рукопись. Секретаремъ комитета былъ тогда Комовскій, который изумился, взглянувъ на заглавіе моей рукописи и сказалъ мнѣ: „Mais, m-r, ne savez vous pas que cet ouvrage est rigoureusement défendu?" Къ столу секретаря подошли человѣка два цензора и, услышавъ, о чемъ у насъ шла рѣчь, улыбнулись и сомнительно покачали головою. Черезъ нѣсколько дней мнѣ объявили, что ни-

нистръ А. С. Шишковъ приказалъ разсмотрѣть рукопись обыкновеннымъ порядкомъ. Для разсмотрѣнія рукопись моя была передана цензору Василію Григорьевичу Анастасевичу, который въ началѣ іюня подписалъ рукопись къ печати" [267]). Объ этомъ К. С. Сербиновичъ не замедлилъ увѣдомить В. П. Титова (отъ 8 іюля 1828 г.): „*Жизнеописаніе Наполеона* представлено въ Главный Цензурный Комитетъ московскимъ купеческимъ братомъ Ксенофонтомъ Полевымъ. Разсмотрѣно и одобрено г. Анастасевичемъ". На этомъ письмѣ В. П. Титовъ сдѣлалъ приписку и отправилъ въ Москву: „Вотъ вамъ документальный отвѣтъ о Вальтеръ Скоттѣ Если онъ не пришелъ ранѣе, вините самихъ себя. Увѣряю васъ, что вы по коммерческой части въ подметки Полевому не годитесь. Не сердись Михаилъ, что не пишу къ тебѣ особенно: я привыкъ видѣть въ васъ двуединство". Къ этому Титовъ прибавляетъ: „Изъ твоего намѣренія посѣтить Новики *), О Стефанѣ, вижу, что ты не совсѣмъ чуждъ философскихъ *мыслей*, недостаетъ одного только: потащи съ собой Кирѣевскаго. Погодина оставь хозяйничать, за наказаніе зачѣмъ не пріѣхалъ весною изъ Рязани" [268]). О дальнѣйшихъ мѣропріятіяхъ Погодина по этому дѣлу, мы находимъ свѣдѣнія въ тѣхъ же *Запискахъ* Ксенофонта Полеваго: „какими-то невѣдомыми путями", пишетъ онъ, „М. П. Погодинъ узналъ, что министръ дозволилъ разсмотрѣть и одобрить къ печатанію переводъ *Жизни Наполеона*. Сообразивъ, что книга, чрезвычайно любопытная для современной публики, вѣроятно, дастъ большія выгоды, онъ вздумалъ быть участникомъ въ этихъ выгодахъ и объявилъ моему брату, что также переводитъ *Жизнь Наполеона*, и, чтобы не помѣшать другъ другу двойнымъ изданіемъ, желаетъ войти въ сдѣлку съ нимъ, т. е. издавать книгу вмѣстѣ; или какимъ-нибудь образомъ подѣлить барыши. Николай Полевой тотчасъ увидѣлъ, къ чему клонится такое вмѣшательство въ его предпріятіе, и далъ какой-то уклончивый отвѣтъ. Тогда Погодинъ началъ осаждать его и перего-

*) Рязанское имѣніе В. П. Титова.

ворами, и письмами, и увѣщаніями, и страхомъ соперничества. Ревностнымъ помощникомъ Погодина при этомъ былъ Шевыревъ. Долго тянулись жаркіе переговоры, памятникомъ которыхъ остаются у меня нѣсколько записокъ Погодина, писанныхъ по обыкновенію его на засаленныхъ клочкахъ бумаги, *непрочтомымъ* (indéchiffrable) почеркомъ, и наполненныхъ грубыми выраженіями. Наконецъ брату моему надоѣли наглыя притязанія: онъ объявилъ, что предоставляетъ Погодину издавать переводъ его какъ онъ хочетъ, а свой будетъ издавать отдѣльно". Но и предпріятіе Полевого не увѣнчалось успѣхомъ, виновникомъ коего онъ считалъ С. Т. Аксакова. По распоряженію новаго министра народнаго просвѣщенія князя Ливена рукопись перевода слѣдующихъ томовъ *Жизни Наполеона* была отобрана, а отпечатанные листы перваго тома были конфискованы [269]),

Воевать *Московскому Вѣстнику* пришлось безъ союзниковъ и даже *Атеней*, издаваемый знаменитымъ профессоромъ М. Г. Павловымъ недружелюбно относился къ органу своихъ учениковъ и Погодинъ съ горечью записываетъ въ *Дневникѣ*: „Читалъ разныя выходки у Полевого и у Павлова на себя. Какъ очевидно имъ хочется унизить мой журналъ! Къ какимъ подлостямъ прибѣгаютъ они! На меня это не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія. Я высоко стою надъ ними".

XXVII.

Вся тяжесть изданія *Московскаго Вѣстника* въ 1828 году лежала на Погодинѣ и въ особенности на Шевыревѣ; а между тѣмъ, не смотря на дружбу, между ними происходили частыя столкновенія, которыя очень раздражали Шевырева. Въ *Дневникѣ* Погодина мы безпрестанно читаемъ лаконическія записи въ родѣ слѣдующихъ: „Бранилъ Шевырева за нѣкоторыя нелѣпыя выходки. Раздосадовалъ безтолковый Шевыревъ, который толчетъ себѣ воду да и только. Досадовалъ Шевыревъ

своими копейками. Крикъ съ Шевыревымъ. Выходки Шевырева производятъ непріятное впечатлѣніе во мнѣ тѣмъ болѣе, что ненадѣюсь заставить его слушаться. Разсердилъ на минуту Шевыревъ своими задорными и глупыми выходками. Огорченіе отъ Шевырева, предполагающаго доходы по *Московскому Вѣстнику*. Огорчилъ Шевыревъ своими подозрѣніями. Я не вѣрю и вѣрить не хочу, чтобы ничего не осталось отъ *Вѣстника*. Послѣ ввечеру прислалъ мнѣ стихи о ранѣ. Я послалъ къ нему записку, въ которой пожелалъ ему имѣть такую рану, а не другія. Шевыревъ опять раздосадовалъ счетами, по поводу глупыхъ вопросовъ Кубарева". Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ любуется „любезностью" Шевырева въ его „разговорахъ съ нянею и своимъ Андреемъ"; а Шевыревъ изъ своего Ивановскаго пишетъ Погодину: „Всѣ мои такъ тебя любятъ, какъ роднаго" [270]).

Въ сентябрѣ 1828 года, Шевыревъ вмѣстѣ съ С. Т. Аксаковымъ, отправился въ Петербургъ и оттуда писалъ Погодину (отъ 11 сентября): „Вѣдь это скучно и несносно: коверкай мои критики безъ меня, но не подписывай имени. То, что надо бы было исправить, ты не поправилъ, а что твоимъ предразсудкамъ противно, ты вымарываешь. Это, ей Богу, скучно, ты хоть бы то подумалъ: какъ могу я отвѣчать за чужое! Ты такъ думаешь, я иначе—оставь мнѣ волю или пиши самъ. Сколько опечатокъ! какимъ слогомъ написанъ разборъ *Жизни игрока*! Сколько *и прочихъ*, *и тому подобныхъ*, *и такъ далѣе*. Нѣтъ, безъ меня ты вовсе никуда негодишься. За то, что ты мнѣ присовѣтовалъ ѣхать въ Питеръ, я тебя благодарю душевно; но можетъ быть, ты найдешь во мнѣ большія перемѣны послѣ двухъ недѣль петербургской жизни. Для меня онѣ должны быть къ лучшему, слѣдовательно, и тебѣ понравятся, если ты меня любишь. Нѣтъ, другъ мой, если ты сколько-нибудь меня любишь, если сколько - нибудь цѣнишь Шевырева, какъ литератора, то пощади-жъ мое время. Скажешь мнѣ: „Не берись за это. Тебѣ не то назначено. Учись, приготовляйся, собирай". Это

голосъ души моей: его я слышалъ отъ Жуковскаго, отъ Пушкина, отъ Титова. Этотъ-то голосъ надѣюсь и отъ тебя услышать, если ты другъ мнѣ. Душа проситъ другихъ занятій — и все ей отвѣчаетъ: да. Какая прекрасная переспектива въ жизни открылась мнѣ здѣсь. Сколько впечатлѣній новыхъ, свѣжихъ. Я москвичъ, я литераторъ, но не журналистъ" [271]). Письмо это произвело однако на Погодина непріятное впечатлѣніе и онъ записалъ въ *Дневникѣ*: „Письмо отъ Шевырева. Взноситъ на меня небылицу о статьѣ. „Безъ меня пропадешь". Это досадно" [272]). Но великимъ утѣшеніемъ и самымъ блистательнымъ торжествомъ для Шевырева въ это время было одобреніе Гете и Пушкина. Онъ написалъ разборъ второй части *Фауста* Гете, тогда только что вышедшей. Самъ германскій патріархъ отдалъ справедливость Шевыреву, благодарилъ его и написалъ ему письмо. Послѣ въ своемъ изданіи: *Kunst und Alterthum*, Гете отозвался о Шевыревѣ вотъ какъ: „Шотландецъ стремится проникнуть въ произведеніе, французъ понять его, русскій себѣ присвоить. Такимъ образомъ, гг. Карлейль, Амперъ и Шевыревъ вполнѣ представили, не сговорившись, всѣ категоріи возможнаго участія въ произведеніи искусства или природы" [273]). Пушкинъ же писалъ Погодину: „Честь и слава милому нашему Шевыреву. Вы прекрасно сдѣлали, что напечатали письмо нашего германскаго патріарха. Оно, надѣюсь, дастъ Шевыреву болѣе вѣсу во мнѣніи общемъ. А того-то намъ и надобно. Пора уму и знаніямъ вытѣснить Булгарина и Федорова. Я здѣсь на досугѣ поддразниваю ихъ за несогласіе ихъ мнѣній съ мнѣніемъ Гете" [274]).

Но главнымъ утѣшителемъ редакторовъ *Московскаго Вѣстника* оставался по прежнему Пушкинъ. Въ это время, „существованіе поэта было порывисто и безпокойно". Утомленный столичною жизнію, онъ просилъ позволенія участвовать въ открывшейся тогда войнѣ противъ Турокъ, но, разумѣется, желаніе его не могло исполниться. Мысли его становятся тревожны и смутны въ это время, и часто возвращается онъ къ

самому себѣ съ грустью, упрекомъ и мрачнымъ настроеніемъ духа. Стихотворенія: *Воспоминаніе* написано 19 мая, *Даръ напрасный* 26 мая 1828 года, а за ними слѣдовало: *Снова тучи надо мною* [275]). Не смотря на это Пушкинъ не измѣнялъ *Московскому Вѣстнику* и первый нумеръ его въ 1828 году, какъ и въ 1827 году открылся вдохновеннымъ его словомъ:

Въ надеждѣ славы и добра
Гляжу впередъ я безъ боязни:
Начало славныхъ дѣлъ Петра
Мрачили мятежи и казни.

Между тѣмъ, въ концѣ января, посѣтилъ Москву баронъ Дельвигъ. Соболевскій въ честь его даетъ ужинъ; въ числѣ гостей былъ Погодинъ. „Ужиналъ у Соболевскаго", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „чтобы не отказаться, и для Дельвига. Свидѣлся съ Мицкевичемъ". Здѣсь Погодинъ узналъ, что сестра Пушкина вышла замужъ тайкомъ. Вечеромъ этимъ Погодинъ остался, кажется, недоволенъ. „Подходилъ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „по очереди ко всѣмъ и слушалъ многія нелѣпыя выходки. Жалѣю, что Полевому сказалъ много дѣльнаго, которымъ сей воспользуется" [276]). Но и съ Пушкинымъ у Погодина въ это время вышло недоразумѣніе, чтобы не сказать болѣе. Въ томъ же первомъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* помѣщенъ отрывокъ, изъ *Евгенія Онѣгина*, подъ заглавіемъ *Москва* и, по обычаю Погодина, съ опечатками. Этимъ воспользовались враги *Московскаго Вѣстника* издатели *Сѣверной Пчелы* и перепечатали этотъ отрывокъ въ своей газетѣ, а въ примѣчаніи къ оному заявили: „Сей отрывокъ напечатанъ былъ въ одномъ журналѣ съ непростительными ошибками. По желанію почтеннаго автора, помѣщаемъ оный съ поправками въ *Сѣверной Пчелѣ*. Повтореніе стиховъ А. С. Пушкина, съ его позволенія, никогда не можетъ быть излишнимъ" [277]). По этому поводу, В. П. Титовъ (отъ 11 февраля 1828 года) писалъ Погодину: „Пушкинъ, отведя глаза на сторону, сказывалъ, что позволилъ перепечатать *Москву*, взбѣсясь на опечатки *Московскаго Вѣстника*, а господа Пчелинцы вос-

пользовались и присовокупили примѣчаніе. Онъ доставитъ вамъ письмо о Борисѣ Годуновѣ; что онъ мнѣ читалъ, славно". Это раздосадовало Погодина и онъ не могъ скрыть своего чувства, по крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ*, въ которомъ читаемъ: „Досада отъ Пушкина, которому я тотчасъ написалъ письмо учтивое и колкое". Подъ такимъ впечатлѣніемъ Погодинъ читалъ IV и V главы *Онѣгина*, только что изданныя и этимъ можно объяснить слѣдующую странную запись, которая занесена въ его *Дневникъ*: „Перечитываю *Онѣгина*. Пушкинъ забалтывается, хотя и прекрасно, и теряетъ нить. При множествѣ прекрасныхъ описаній, 4 и 5 пѣснь очень несвязны; и голова у читателя въ дыму". Но тѣмъ не менѣе Погодинъ все-таки поспѣшилъ отправить къ Пушкину слѣдующее объясненіе: „Третій нумеръ выйдетъ завтра, и только изъ великаго личнаго (безъ всякихъ отношеній) моего почтенія къ Пушкину, я не печатаю слѣдующаго объявленія, *чтобъ не употребить имени его всуе*. Процензуруйте прежде, прибавьте и убавьте, что̀ вамъ угодно: „Стихотвореніе *Москва* самъ Пушкинъ продиктовалъ мнѣ въ бытность мою въ Петербургѣ, потомъ далъ мнѣ свою черную тетрадь для повѣрки, и наконецъ я показалъ ему свою копію. Каково-же было мое удивленіе, когда послѣ всего этого нашли въ немъ еще какія-то непростительныя ошибки. Я вооружился терпѣніемъ и сталъ сличать,—что же нашелъ? Вмѣсто *Финмуша* въ *Московскомъ Вѣстникѣ* напечатано *Флимушъ*. Между третьею и четвертою строфою поставлены знаки пропуска. Сани вмѣсто дрожки, магазины моды безъ запятой и наконецъ *Петровна* съ именемъ. Все это, утверждаю смѣло было напечатано въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, какъ въ рукописи автора. И такія-то опечатки гг. издатели называютъ непростительными и не совѣстятся перепечатывать изъ за нихъ сотни стиховъ! Не угодно ли попросить теперь позволенія у почтеннаго автора перепечатать всѣ его сочиненія, потому что они всѣ напечатаны съ такими ошибками. *Можетъ быть онъ и согласится*". Пушкинъ къ этому объясненію сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: „Это слишкомъ серьезно. А

Финмушъ проклятый? а магазины моды?“ Вслѣдъ за симъ (отъ 19 февраля) онъ писалъ Погодину: „Вы конечно правы, и угадали, что я въ *примѣчаніи* Булгарина совсѣмъ не участвовалъ—ни дѣломъ, ни словомъ, ни согласіемъ, ни вѣдѣніемъ. Когда бы я видѣлъ его корректуру, то вѣрно-бъ ужъ не пропустилъ выходку, которая такъ васъ безпокоитъ. Печатайте ваше возраженіе, если вы думаете, что *Сѣверная Пчела* того стоитъ,— а я не вмѣшиваюсь, ибо мое правило не трогать чего знаете. Впрочемъ, здѣсь никто не замѣтилъ замѣчанія. О герой Шевыревъ! О витязь великосердый, подвизайся, подвизайся. А вы, любезный Михайло Петровичъ, утѣшьтесь, и, какъ говоритъ Тредьяковскій, плюньте на суку *Сѣверную Пчелу*. На дняхъ пришлю вамъ прозу. Да Христа ради, не обижайте моихъ сиротъ-стишонковъ опечатками и т. под. Шевыреву пишу особо. Грѣхъ ему не чувствовать Баратынскаго, но Богъ ему судья“ [278]).

Мы уже прочли странный отзывъ Погодина о IV и V главахъ *Евгенія Онѣгина*, вышедшихъ въ 1828 году отдѣльною книжкою. Этотъ отзывъ если не оправдывается, то, по крайней мѣрѣ, объясняется досаднымъ чувствомъ Погодина; но въ журналѣ, издаваемомъ знаменитымъ профессоромъ М. Г. Павловымъ, появилась критика, въ которой, между прочимъ, утверждалось, что въ *Евгеніи Онѣгинѣ,* яко бы, „нѣтъ характеровъ: нѣтъ и дѣйствія. Легкомысленная только любовь Татьяны оживляетъ нѣсколько оное. Отъ этого эти главы сбиваются просто на описанія, то особы Онѣгина, то утомительныхъ подробностей деревенской его жизни и пр. Отъ этого такая *говорливость* у него; такъ много замѣтныхъ повтореній, возвращеній къ одному и тому же предмету и кстати и не кстати; столько отступленій особенно тамъ гдѣ есть случай посмѣяться надъ чѣмъ нибудь, высказать свои сарказмы и потолковать о себѣ и проч. въ подобномъ родѣ“ [279]). „Пушкинъ“, писалъ Титовъ, „бѣсится на *Атенея*, утѣшается, браня своего критика матершиною за одно съ Булгаринымъ. А мнѣ смѣшно. Несмотря на глупость разбора Аксакова или

Дмитріева, много есть подѣломъ. Я бы душевно желалъ, чтобъ его побольше пощелкали за *Онѣгина*. Вы, я чаю, знаете, что онъ ѣдетъ за Государемъ на югъ". Не менѣе Пушкина, возмущенъ былъ этою критикою и князь Одоевскій. „Что за пакость", писалъ онъ, „во 2-й книжкѣ *Атенея*! Какъ не стыдно Павлову!" а князь П. А. Вяземскій писалъ И. И. Дмитріеву: „можно ли Пушкина школить, какъ ученика изъ гимназіи" [280]).

Въ мартѣ 1828 года Пушкинъ уже былъ въ Москвѣ и день годовщины смерти Дмитрія Владиміровича Веневитинова, провелъ въ семействѣ покойнаго гдѣ былъ и Погодинъ, который слушалъ разсказы о Суворовѣ [281]). Во время пребыванія Пушкина въ Москвѣ, Погодинъ получилъ письмо отъ его пріятеля Катенина (изъ сельца Исаева, отъ 28 марта), слѣдующаго содержанія: „Сдѣлайте милость, извините, что не имѣя чести быть съ вами знакомымъ, я докучаю вамъ покорнѣйшею просьбою: доставить по надписи здѣсь прилагаемое письмо къ А. С. Пушкину, который, какъ говорятъ, находится теперь въ Москвѣ. Въ немъ есть порокъ не меньше его дарованія: по нѣскольку мѣсяцевъ безъ вѣсти пропадать для знакомыхъ и пріятелей".

Въ іюлѣ Пушкинъ пребывалъ, какъ кажется, въ Петербургѣ и оттуда писалъ Погодину: „Простите мнѣ долгое мое молчаніе любезный Михаилъ Петровичъ; право всякій день упрекалъ я себя въ неизвинительной лѣни, всякій день собирался я къ вамъ писать и все не собрался. По сему самому не присылалъ вамъ ничего и въ *Московскій Вѣстникъ*. Правда, что и посылать было нечего; дайте сроку. Осень у воротъ; я заберусь въ деревню и пришлю вамъ оброкъ сполна. Надобно, чтобъ нашъ журналъ издавался и на слѣдующій годъ. Онъ конечно, буде сказано между нами, первый, единственный журналъ на Святой Руси. Должно терпѣніемъ, добросовѣстностью, благородствомъ и особенно настойчивостью оправдать ожиданія истинныхъ друзей словесности и ободреніе великаго Гёте. Впередъ! И да здравствуетъ *Московскій Вѣст-*

никъ! Растолковали ли вы *Телеграфу* что онъ дуракъ? Ксенофонтъ Телеграфъ въ бытность свою въ С.-Петербургѣ со мною въ томъ было согласился, но сіе да будетъ между нами, *Телеграфъ* добрый и честный человѣкъ и съ нимъ я ссориться не хочу. Къ стати похвалите *Славянина*, онъ намъ нуженъ, какъ навозъ нуженъ пашнѣ, какъ свинья нужна кухнѣ, а Шишковъ Русской Академіи. На дняхъ читалъ я стихи Языкова, гдѣ говоритъ онъ о своихъ стихахъ

Чтожъ? въ бѣлокаменную съ Богомъ
Въ *Московскій Вѣстникъ*.—Трудно, братъ,
Разборчивъ, строгъ, аристократъ,
Такъ и пріязнь ему не въ ладъ
Со мной парижскимъ демагогомъ.
Ну, въ *Авиней*—что *Авиней*?
Журналъ казенно-философскій
Отступникъ Пушкина, злодѣй
Благонамѣренный Московскій".

О Петербургской его жизни П. А. Мухановъ, сообщаетъ Погодину слѣдующее: „Пушкинъ учится англійскому языку, а остальное время проводитъ на дачахъ". Въ обычное время т. е. осенью онъ уединился въ свое Михайловское о чемъ Титовъ извѣщаетъ Погодина: „Пушкинъ въ деревнѣ написалъ *Мазепу*; первый стихъ:

Богатъ и силенъ Кочубей [282]).

XXVIII.

Братство, именуемое *Московскимъ Вѣстникомъ*, разставалось въ это время съ Мицкевичемъ и Хомяковымъ. Одинъ стремился на Западъ, а другой на Востокъ.

Въ квартирѣ Соболевскаго *) данъ былъ прощальный ужинъ Мицкевичу и былъ поднесенъ ему золотой кубокъ на которомъ были вырѣзаны имена Баратынскаго, Кирѣевскихъ, А. А. Елагина, Рожалина, Николая Полеваго, Шевырева и

*) Между Большою Дмитровскою и Тверскою, въ домѣ нынѣ Лопыревскаго.

Соболевскаго [283]). Но Погодинъ не былъ на этомъ ужинѣ и не вырѣзалъ своего имени на золотомъ прощальномъ кубкѣ. Не задолго же передъ тѣмъ онъ записалъ въ *Дневникъ*, подъ 2 февраля 1828 года: „Завтракали очень весело человѣкъ двадцать: Мицкевичъ, Вяземскій, Хомяковъ, Веневитиновъ, Раичь, Полевые, Томашевскій и пр.". Во все время пребыванія Мицкевича въ Москвѣ Погодинъ былъ съ нимъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Мицкевичъ читалъ ему своего *Валенрода*, велъ съ нимъ задушевныя бесѣды. Такъ, встрѣтившись съ Погодинымъ у Веневитинова, Мицкевичъ выразилъ ему желаніе умереть. „Еслибы", сказалъ онъ ему, „я нынѣ умеръ, то завтра былъ бы въ раю. Какъ жаль, что лучшіе годы жизни проводишь въ одиночествѣ, а тамъ и старость и все кончено". Записавъ этотъ разговоръ, Погодинъ продолжаетъ: „Игралъ съ нимъ въ ладоши и мы такъ нахлопали себѣ руки, что всѣ раскраснѣлися" [284]). Вѣроятно, чрезъ Мицкевича Погодинъ завелъ сношенія и съ Лелевелемъ, который въ это время оставилъ Виленскій Университетъ, переѣхалъ въ Варшаву и къ несчастью своему вступилъ на политическое поприще, принесшее ему много бѣдъ и заставившее его влачить на чужбинѣ горькую жизнь скитальца безъ денегъ, безъ любезныхъ ему книгъ; а между тѣмъ, по показанію Спасовича, Лелевель „родился можно сказать книжникомъ. Въ жизни практической онъ былъ самый ненаходчивый человѣкъ и чудакъ. Но на каѳедрѣ былъ въ своей стихіи. Ему нужны были для того, чтобы одушевиться, отрывокъ хроники, старый пергаментъ, или древняя монета. Совершенный аскетъ, одинокій, безсемейный, Лелевель работалъ съ трудолюбіемъ балландиста. Съ такою же любовью относился онъ къ Корсунскимъ вратамъ св. Софіи Новгородской, какъ и къ Гнѣзнинской святынѣ" [285]). Въ *Дневникѣ* Погодина подъ 9 апрѣля 1828 года сохранилось извѣстіе, что онъ написалъ письмо къ Лелевелю и по его словамъ „удачное". Къ сожалѣнію письмо это не дошло до насъ.

Между тѣмъ громъ Русскаго оружія уже раздался въ

тистическія извѣстія о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Въ предисловіи авторъ выражаетъ желаніе „представить полную картину благоденственнаго состоянія Соединенныхъ Штатовъ" и тѣмъ вывести изъ заблужденія „закоснѣлыхъ защитниковъ мнѣнія, что благосостояніе Сѣверо Американскихъ Штатовъ существуетъ только въ умѣ нѣкоторыхъ путешественниковъ, что оно еще не составляетъ твердаго „законно-образованнаго государства и что едва-ли въ чемъ либо можемъ мы имъ завидовать"). Въ другой своей статьѣ объ Америкѣ: *Взглядъ на систему образованія новыхъ государствъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ,* В. П. Титовъ въ примѣчаніи заявляетъ, что она почерпнута изъ писемъ о Сѣверной Америкѣ, которыя приписываются сыну Луціана Бонапарта и представляютъ „живой разсказъ и ясную картину переселеній, которыми излишекъ обитателей восточныхъ областей Сѣверо-Американскаго Союза, такъ сказать, переливается въ новообразуемыя, восточныя владѣнія онаго [294]). Посылая эту статью въ *Московскій Вѣстникъ,* онъ просилъ редакторовъ (въ письмѣ 11 августа 1828): „Въ моей статьѣ объ Америкѣ вмѣсто плантаторовъ и плантацій насажайте всюду *мызниковъ* и *мызы*". Въ томъ же письмѣ онъ выговариваетъ редакторамъ. „Вы", пишетъ онъ, „нисколько не дорожите авторскимъ самолюбіемъ: надобно, когда будете печатать Іакинѳово описаніе Монголіи, непремѣнно прибавить ноту, что сія и прежнія двѣ статьи о Китаѣ доставлены почтеннѣйшимъ извѣстнымъ и проч. знатокамъ китайскаго языка, коему мы де очень признательны. Не то, онъ, разумѣется, будетъ охотнѣе снабжать Полевого, который едва не разшибъ ему носа кадиломъ". Въ другомъ письмѣ (отъ 10 іюня 1828 г.). В. П. Титовъ спрашиваетъ: „Для чего не печатаются Китайская сказка Перцова и моя статья объ Индіи, вещи, какъ говоритъ Андросовъ, примѣчательныя" [295]). Статья Титова объ Индіи была напечатана подъ заглавіемъ: *О нынѣшнемъ состояніи Британскихъ владѣній въ Восточной Индіи.* Въ томъ же

щальный ужинъ. Памятникомъ этого прощанія остались три импровизаціи, въ которыхъ между прочимъ читаемъ:

Друзья, прощайте!
Лечу къ боямъ,
Къ другимъ краямъ
Во слѣдъ орламъ...
Быть можетъ насъ,
Въ послѣдній разъ,
Веселый часъ
Собралъ за чашей.

Ударилъ часъ, прощайте други!
Мнѣ предстоитъ далекій путь.
А вы!... Забудете-ль Поэта,
Въ роскошной южной сторонѣ?
Въ столицѣ шумной, въ вихрѣ свѣта,
Друзья! вздохнете-ль обо мнѣ? [288]).

Сохранились трогательныя письма отца Хомякова къ Погодину, которыя свидѣтельствуютъ не только о нѣжной родительской любви, но также и томъ, что отецъ Хомякова принималъ горячее участіе въ литературныхъ успѣхахъ своего сына: „судьба", пишетъ онъ (отъ 20 августа 1828) увлекла Алексѣя въ военную службу, и онъ теперь въ гусарскомъ принца Оранскаго полку и находится въ авангардѣ. Отеческая моя къ нему нѣжность заставляетъ меня бояться за него неистовыхъ турецкихъ нападеній; часто мнѣ твердятся при семъ прилагаемые отрывочки изъ недоконченной имъ, оставленной поэмы *Вадима*, которые при семъ же прилагаю. Прискорбнымъ чувствомъ страшусь, чтобы сіе не было имъ предсказаніе на собственный счетъ; но онъ русскій и дворянинъ, то и не смѣю осуждать его за предпринятое поприще; а молю Всемогущаго, да простретъ надъ нимъ свою милующую Десницу, и да сохранитъ его для престарѣлаго его отца и для почтенныхъ друзей" [289]). Въ отрывкѣ изъ поэмы *Вадимъ* читаемъ:

Стоялъ Уеладъ, Днѣпровскихъ честь бреговъ:
Прельщенный бранными вѣнцами,
Забылъ онъ хаты тихій кровъ
И гуслей сладкій звукъ, подъ вѣщими перстами.
Почто онъ брань взлюбилъ? Средь мирной тишины,

тистическія извѣстія о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Въ предисловіи авторъ выражаетъ желаніе „представить полную картину благоденственнаго состоянія Соединенныхъ Штатовъ“ и тѣмъ вывести изъ заблужденія „закоснѣлыхъ защитниковъ мнѣнія, что благосостояніе Сѣверо Американскихъ Штатовъ существуетъ только въ умѣ нѣкоторыхъ путешественниковъ, что оно еще не составляетъ твердаго „законно-образованнаго государства и что едва-ли въ чемъ либо можемъ мы имъ завидовать“). Въ другой своей статьѣ объ Америкѣ: *Взглядъ на систему образованія новыхъ государствъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ*, В. П. Титовъ въ примѣчаніи заявляетъ, что она почерпнута изъ писемъ о Сѣверной Америкѣ, которыя приписываются сыну Луціана Бонапарта и представляютъ „живой разсказъ и ясную картину переселеній, которыми излишекъ обитателей восточныхъ областей Сѣверо-Американскаго Союза, такъ сказать, переливается въ новообразуемыя, восточныя владѣнія онаго [294]). Посылая эту статью въ *Московскій Вѣстникъ*, онъ просилъ редакторовъ (въ письмѣ 11 августа 1828): „Въ моей статьѣ объ Америкѣ вмѣсто плантаторовъ и плантацій насажайте всюду *мызниковъ* и *мызы*“. Въ томъ же письмѣ онъ выговариваетъ редакторамъ. „Вы“, пишетъ онъ, „нисколько не дорожите авторскимъ самолюбіемъ: надобно, когда будете печатать Іакинѳово описаніе Монголіи, непремѣнно прибавить ноту, что сія и прежнія двѣ статьи о Китаѣ доставлены почтеннѣйшимъ извѣстнымъ и проч. знатокамъ китайскаго языка, коему мы де очень признательны. Не то, онъ, разумѣется, будетъ охотнѣе снабжать Полевого, который едва не разшибъ ему носа кадиломъ“. Въ другомъ письмѣ (отъ 10 іюня 1828 г.). В. П. Титовъ спрашиваетъ: „Для чего не печатаются Китайская сказка Перцова и моя статья объ Индіи, вещи, какъ говоритъ Андросовъ, примѣчательныя“ [295]). Статья Титова объ Индіи была напечатана подъ заглавіемъ: *О нынѣшнемъ состояніи Британскихъ владѣній въ Восточной Индіи.* Въ томъ же

И. В. Кирѣевскій помѣстилъ на страницахъ *Московскаго Вѣстника* 1828 г. свою превосходную статью: *Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина.* Замѣчательно что въ 1880 году И. С. Аксаковъ на Пушкинскомъ праздникѣ заявилъ: *Вчера былъ вопросъ—народенъ Пушкинъ или нѣтъ? Сегодня этотъ вопросъ рѣшилъ, что народенъ, Ѳ. М. Достоевскій.* Между тѣмъ, еще въ 1828 году въ упомянутой статьѣ И. В. Кирѣевскій писалъ: „Всѣ неисчислимыя красоты *Онѣгина:* Ленскій, Татьяна, Ольга, Петербургъ, деревня, сонъ, зима, письмо и пр.—суть неотъемлемая собственность нашего поэта. Здѣсь-то обнаружилъ онъ ясно природное направленіе своего генія, и эти слѣды самобытнаго созданія въ *Цыганахъ* и *Онѣгинѣ*, соединенные съ извѣстною сценою изъ *Бориса Годунова*, составляютъ, не истощая, третій періодъ развитія его поэзіи, который можно назвать *періодомъ* поэзіи *Русско-Пушкинской.* Отличительныя черты его суть что-то невыразимое, понятное лишь русскому сердцу, ибо какъ назвать то чувство, которымъ дышатъ мелодіи русскихъ пѣсенъ, къ которому чаще всего возвращается русскій народъ и которое можно назвать центромъ его сердечной жизни“ [292]).

Петербургскіе друзья Погодина все болѣе и болѣе охладѣвали къ *Московскому Вѣстнику.* Пребывавшій въ это время въ Петербургѣ Павелъ Александровичъ Мухановъ (отъ 11 августа 1828 г.) писалъ Погодину: „Вашихъ сотрудниковъ каждодневно увѣщеваю вамъ дѣятельно содѣйствовать въ журналѣ“ [293]); а посѣтившій Петербургъ, въ сентябрѣ 1828 г., Шевыревъ прямо заявилъ: „Здѣсь сотрудники „*Московскаго Вѣстника* рѣшительно не вѣрные. Это узналъ я по опыту“. Оно и понятно. Петербургскіе друзья Погодина были люди свѣтскіе и служащіе. Все ихъ время было поглощено исполненію служебныхъ и свѣтскихъ обязанностей; слѣдовательно, они пребывали въ постоянной суетѣ; *а служеніе музамъ не терпитъ суеты.* Болѣе дѣятельнымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* продолжалъ быть В. П. Титовъ. Въ продолженіе 1828 года онъ напечаталъ слѣдующія статьи: *Ста-*

тистическія извѣстія о Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Въ предисловіи авторъ выражаетъ желаніе „представить полную картину благоденственнаго состоянія Соединенныхъ Штатовъ" и тѣмъ вывести изъ заблужденія „закоснѣлыхъ защитниковъ мнѣнія, что благосостояніе Сѣверо Американскихъ Штатовъ существуетъ только въ умѣ нѣкоторыхъ путешественниковъ, что оно еще не составляетъ твердаго „законно-образованнаго государства и что едва-ли въ чемъ либо можемъ мы имъ завидовать"). Въ другой своей статьѣ объ Америкѣ: *Взглядъ на систему образованія новыхъ государствъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ*, В. П. Титовъ въ примѣчаніи заявляетъ, что она почерпнута изъ писемъ о Сѣверной Америкѣ, которыя приписываются сыну Луціана Бонапарта и представляютъ „живой разсказъ и ясную картину переселеній, которыми излишекъ обитателей восточныхъ областей Сѣверо-Американскаго Союза, такъ сказать, переливается въ новообразуемыя, восточныя владѣнія онаго [294]). Посылая эту статью въ *Московскій Вѣстникъ*, онъ просилъ редакторовъ (въ письмѣ 11 августа 1828): „Въ моей статьѣ объ Америкѣ вмѣсто плантаторовъ и плантацій насажайте всюду *мызниковъ* и *мызы*". Въ томъ же письмѣ онъ выговариваетъ редакторамъ. „Вы", пишетъ онъ, „нисколько не дорожите авторскимъ самолюбіемъ: надобно, когда будете печатать Іакинѳово описаніе Монголіи, непремѣнно прибавить ноту, что сія и прежнія двѣ статьи о Китаѣ доставлены почтеннѣйшимъ извѣстнымъ и проч. знатокамъ китайскаго языка, коему мы де очень признательны. Не то, онъ, разумѣется, будетъ охотнѣе снабжать Полевого, который едва не разшибъ ему носа кадиломъ". Въ другомъ письмѣ (отъ 10 іюня 1828 г.). В. П. Титовъ спрашиваетъ: „Для чего не печатаются Китайская сказка Иерцова и моя статья объ Индіи, вещи, какъ говоритъ Андросовъ, примѣчательныя" [295]). Статья Титова объ Индіи была напечатана подъ заглавіемъ: *О нынѣшнемъ состояніи Британскихъ владѣній въ Восточной Индіи.* Въ томъ же

году онъ напечаталъ статью: *О романѣ, какъ представитель образа жизни новѣйшихъ Европейцевъ* [296]).

XXIX.

Кромѣ друзей Погодина, принимавшихъ болѣе или менѣе участіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, этому изданію не были чужды и князь П. А. Ширинскій-Шихматовъ, и И. И. Давыдовъ, и старѣющійся В. Л. Пушкинъ. Среди утомительныхъ дѣловыхъ трудовъ по Департаменту Народнаго Просвѣщенія, князь Платонъ Александровичъ любилъ освѣжать свой умъ и сердце бесѣдою съ музами. „Пользуясь пріятнымъ знакомствомъ“, писалъ онъ Погодину (отъ 8 марта 1828 года), „и хорошимъ ко мнѣ расположеніемъ вашимъ, я не усумнился препроводить къ вамъ одно изъ стихотвореній моихъ, прося покорнѣйше помѣстить оное въ издаваемомъ вами журналѣ“ [297]). Вслѣдъ за *Фаустомъ* Пушкина, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 было напечатано стихотвореніе *Тоска. Подражаніе младшему Расину,* принадлежащее перу князя Ширинскаго-Шихматова и начинающееся такъ:

Зарей пернаты пробужденны
Поютъ утѣхи и любовь;
А я, тоскою омраченный,
Ко стонамъ воздвигаюсь вновь.
Свѣтило дня, покинувъ волны,
Весь міръ веселья видя полный,
Во мнѣ зритъ горестей соборъ;
И день, что тварь всю просвѣщаетъ,
Весь блескъ природѣ возвращаетъ,
Сквозь слезы въ мой доходитъ взоръ.
О смерть! прерви мое страданье,
Сверши послѣдній свой ударъ!

Въ заключеніе безотрадный пѣвецъ, обращаясь къ музамъ, говоритъ:

И еслибъ, въ мзду за все мученье,
Хотя отъ музъ я былъ отмщенъ;

Когда бъ сей глас былъ ихъ внушенье,
Еще бъ мой рокъ былъ тѣмъ смягченъ:
Но, о вѣнецъ всѣхъ бѣдъ ужасный!
Едва ихъ узритъ ликъ согласный
Печальный издали мой видъ,
Какъ весь соборъ вопитъ ихъ гнѣвный:
Скорѣе прочь, пѣвецъ плачевный!
На что намъ новый Гераклитъ? [298])

Бывшій наставникъ Погодина И. И. Давыдовъ почтилъ изданіе своего ученика статьею о Кузенѣ. Въ письмѣ (отъ 21 октября 1828 г.), при которомъ препровождается статья, Давыдовъ пишетъ: „Уважая Кузена, не могу, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, дивиться всему, что выходитъ изъ восторженной его головы“ [299]). Въ этой статьѣ онъ трактуетъ также и о *философическихъ отрывкахъ* (Fragmens Philosophiques) Кузена, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1826 году [300]).

Весьма сочувственно, какъ мы уже сказали, относился къ *Московскому Вѣстнику* и Василій Львовичъ Пушкинъ, чтó побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ извѣстномъ писателѣ и типическомъ представителѣ высшаго московскаго общества старыхъ временъ. Василій Львовичъ Пушкинъ родился 27 апрѣля 1770 г. въ Москвѣ гдѣ и прожилъ всю свою жизнь. Въ *Запискахъ* Вигеля находимъ его портретъ, писанный съ натуры. „Василій Львовичъ почитался въ нѣкоторыхъ московскихъ обществахъ, а еще болѣе почиталъ самъ себя образцомъ хорошаго тона, любезности и щегольства. Екатерининскій офицеръ гвардіи, которая по малочисленности своей и отсутствію дисциплины могла считаться болѣе Дворомъ, чѣмъ войскомъ, онъ совсѣмъ не имѣлъ мужественнаго вида... За важною его поступью и довольно гордымъ взглядомъ скрывались легкомысліе и добродушіе... Блестящее существованіе его въ свѣтѣ умножилось еще женитьбой на красавицѣ Капитолинѣ Михайловнѣ. Самъ онъ былъ весьма некрасивъ. Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы его старообразили. Къ тому же без-

зубіе увлажнвало разговоръ его, и друзья внимали ему хотя съ удовольствіемъ, но въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи. Вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна. Какъ сверстникъ и сослуживецъ Дмитріева, Карамзина, шелъ онъ нѣсколько времени какъ будто ровнымъ съ ними шагомъ въ обществахъ и на Парнасѣ, и оба дозволяли ему называться ихъ другомъ. Но вскорѣ первый прибралъ его въ руки, обративъ въ безсмѣнные свои потѣшники. Карамзинъ тоже, глядя на него, не могъ иногда не улыбнуться, но съ видомъ тайнаго, необиднаго сожалѣнія... Дмитріевъ, вѣрно въ шутку, посовѣтовалъ ему приняться за русскіе стихи, а онъ вправду сдѣлался весьма не плохимъ поэтомъ... Главнымъ его недостаткомъ было удивительное его легковѣріе, проистекающее, впрочемъ, отъ весьма похвальныхъ качествъ — добросердечія и довѣрчивости къ людямъ; никакія безпрестанно повторяемыя мистификаціи не могли его отъ сей слабости излѣчить“.

Будучи въ это время удрученъ подагрою и лѣтами, В. Л. Пушкинъ въ стихотвореніи, помѣщенномъ въ первомъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* 1828 г., жалуется на свою судьбу:

Мнѣ суждено терпѣть и горевать
И въ пестромъ щеголять халатѣ.
Экспромпты я тогда писалъ,
Когда надѣялся, влюблялся,
Теперь отъ радостей отсталъ
И отъ надежды отказался,—
Итакъ молчу, любезные друзья,
Съ стихами милыми прощаюсь:
Я тѣмъ лишь только утѣшаюсь,
Что въ старости не скученъ я [301]).

Украшая *Московскій Вѣстникъ* своими произведеніями, Василій Львовичъ ссужалъ редактора онаго и книгами изъ своей библіотеки, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его (отъ 29 іюня 1828 г.) Погодину: „Исполняю вашу просьбу, и посылаю вамъ томъ сочиненій Дюсиза, въ которомъ находится *Отелло*, но это не переводъ, а подражаніе Шекспиру. Сдѣ-

на ловлю удочкою (т. е. двумя или тремя удочками по количеству дѣтей) рыбки маленькой въ Ростопчинскомъ прудѣ. Всѣ ловятъ, и безъ позволенія, и Богъ знаетъ — кто. Мои не разорятъ: — только для занятія пріятнаго и безвреднаго — хлопочу я объ этомъ и надѣюсь, что вы съ своей стороны молвите доброе слово въ мою пользу. Господинъ Брокеръ всегда меня не лишалъ благосклонности; вѣрно и теперь не оставитъ безъ вниманія желаній моихъ ребятишекъ".

Какъ ни старался Погодинъ привлечь Востокова къ дѣятельному участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но всѣ усилія его оказались напрасными. „Никогда еще", писалъ онъ Погодину, (отъ 16 ноября 1828 года), „не былъ такъ заваленъ разными работами, какъ нынѣшнею осенью. Тороплюсь кончить къ новому году двѣ русскія грамматики. На сей трудъ посвящаю обыкновенно часовъ пять или шесть въ сутки, сидя надъ нимъ утромъ до 9-ти часовъ и послѣ обѣда съ 6-ти до 10-ти. Съ 9-ти до 12-ти утромъ бываю въ Румянцовскомъ Музеумѣ, гдѣ привожу въ порядокъ и свѣряю съ каталогомъ книги, перемѣщаемыя изъ верхняго этажа въ средній. Этимъ механическимъ дѣломъ занимаюсь уже третій мѣсяцъ, и оно продолжится еще мѣсяца три, потому что я не имѣю помощниковъ, и тружусь покамѣсть одинъ, безъ жалованья, — въ надеждѣ будущихъ благъ. Когда совершенно отдѣлаюсь съ устройствомъ Музеума, и съ составленіемъ заказанныхъ мнѣ грамматикъ, тогда докончу каталогъ рукописей Румянцовскихъ, плодъ четырехлѣтнихъ трудовъ; а потомъ уже, ежели Богъ дастъ, примусь опять за Словенскую грамматику мою. Сіи-то занятія не позволяли мнѣ ничего написать и для вашего *Вѣстника*, который, впрочемъ, не нуждается въ хорошихъ статьяхъ, и съ каждою книжкою становится занимательнѣе и разнообразнѣе". Въ этомъ же письмѣ Востоковъ упоминаетъ о кончинѣ Ермолаева: „О Ермолаевѣ не могу вамъ сообщить ничего въ дополненіе къ тѣмъ извѣстіямъ, кои помѣщены о немъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Въ оставшихся послѣ него бумагахъ нѣтъ ничего конченнаго, хотя и

„Я большой неохотникъ до денегъ, а потому очень радъ, что могу безденежно по временамъ быть вкладчикомъ въ ваше прекрасное изданіе моими плохими стихами. Вотъ что́ я пишу совсѣмъ не въ тонѣ нынѣшняго времени, но вы желаете—исполню“ [304]).

Весьма трогательны и дѣлаютъ большую честь Погодину его отношенія къ своему старому наставнику несчастному Мерзлякову. Когда Алексѣй Өедоровичъ издалъ свой переводъ съ итальянскаго *Освобожденный Іерусалимъ* Тасса (часть I, М. 1828 г.), то Погодинъ прямо заявилъ: „Издатель *Московскаго Вѣстника*, имѣя счастіе называться ученикомъ Мерзлякова и получивъ отъ него первыя наставленія обо всемъ, что относится до русской словесности, не смѣетъ брать на себя трудной обязанности разбирать его переводъ *Освобожденнаго Іерусалима*, не считаетъ за приличное—помѣщать и чужія мнѣнія объ ономъ въ своемъ журналѣ. Съ благодарностію и пристрастіемъ стараго ученика, онъ смотритъ на новый подвигъ, совершонный его учителемъ, и сужденія объ ономъ предоставляетъ другимъ журналистамъ. Пусть чистая справедливость руководствуетъ ими при произнесеніи приговора почтенному, долголѣтнему труду“ [305]). Но это заявленіе крайне не понравилось Титову, и онъ дѣлаетъ выговоръ Шевыреву: „А ты Шевыревъ,—пишетъ онъ, отъ 17 марта 1828 г.,—ни на что не похожъ. Какъ можно было позволить Погодину тиснуть такую смиренную глупость о Мерзляковѣ. За чѣмъ же *мы* тебя возвысили въ санъ соредактора? Чтобы ты сидѣлъ сложа руки? А? Бей, да и дѣло съ концомъ. Послѣ этого онъ откажется разбирать Раича, потому что *имѣетъ счастіе называться* его пріятелемъ?. За это время сохранилось слѣдующее идиллическое письмо Мерзлякова (отъ 9 іюня 1828 г.) къ своему признательному ученику: „Прибѣгаю къ вамъ, какъ и прежде, со всеусерднѣйшею просьбою въ удовольствіе дѣтей моихъ, которыхъ вы также любите: сдѣлайте мнѣ одолженіе, исходатайствуйте мнѣ *позволительный видъ* у почтеннѣйшаго господина Брокера—

на ловлю удочкою (т. е. двумя или тремя удочками по количеству дѣтей) рыбки маленькой въ Ростопчинскомъ прудѣ. Всѣ ловятъ, и безъ позволенія, и Богъ знаетъ — кто. Мои не разорятъ: — только для занятія пріятнаго и безвреднаго — хлопочу я объ этомъ и надѣюсь, что вы съ своей стороны молвите доброе слово въ мою пользу. Господинъ Брокеръ всегда меня не лишалъ благосклонности; вѣрно и теперь не оставитъ безъ вниманія желаній моихъ ребятишекъ".

Какъ ни старался Погодинъ привлечь Востокова къ дѣятельному участію въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, но всѣ усилія его оказались напрасными. „Никогда еще", писалъ онъ Погодину, (отъ 16 ноября 1828 года), „не былъ такъ заваленъ разными работами, какъ нынѣшнею осенью. Тороплюсь кончить къ новому году двѣ русскія грамматики. На сей трудъ посвящаю обыкновенно часовъ пять или шесть въ сутки, сидя надъ нимъ утромъ до 9-ти часовъ и послѣ обѣда съ 6-ти до 10-ти. Съ 9-ти до 12-ти утромъ бываю въ Румянцовскомъ Музеумѣ, гдѣ привожу въ порядокъ и свѣряю съ каталогомъ книги, перемѣщаемыя изъ верхняго этажа въ средній. Этимъ механическимъ дѣломъ занимаюсь уже третій мѣсяцъ, и оно продолжится еще мѣсяца три, потому что я не имѣю помощниковъ, и тружусь покамѣсть одинъ, безъ жалованья,— въ надеждѣ будущихъ благъ. Когда совершенно отдѣлаюсь съ устройствомъ Музеума, и съ составленіемъ заказанныхъ мнѣ грамматикъ, тогда докончу каталогъ рукописей Румянцовскихъ, плодъ четырехлѣтнихъ трудовъ; а потомъ уже, ежели Богъ дастъ, примусь опять за Словенскую грамматику мою. Сіи-то занятія не позволяли мнѣ ничего написать и для вашего *Вѣстника*, который, впрочемъ, не нуждается въ хорошихъ статьяхъ, и съ каждою книжкою становится занимательнѣе и разнообразнѣе". Въ этомъ же письмѣ Востоковъ упоминаетъ о кончинѣ Ермолаева: „О Ермолаевѣ не могу вамъ сообщить ничего въ дополненіе къ тѣмъ извѣстіямъ, кои помѣщены о немъ въ *Сѣверной Пчелѣ*. Въ оставшихся послѣ него бумагахъ нѣтъ ничего конченнаго, хотя и

много собрано матеріаловъ для разныхъ археологическихъ статей. Когда удосужусь, тогда займусь обработаніемъ сихъ бумагъ, доставшихся въ собственность Публичной Библіотекѣ" [306]). Пользуясь этимъ случаемъ, помянемъ сего почтеннаго труженика на поприщѣ Палеографіи.

10 іюля 1828 скончался въ Петербургѣ Александръ Ивановичъ Ермолаевъ, занимая должность хранителя Рукописей Императорской Публичной Библіотеки. Съ дѣтскихъ лѣтъ Ермолаевъ нашелъ родственное попеченіе въ семействѣ Новоржевскаго помѣщика, сенатора Матвѣя Корниловича Бороздина. Стараніями сего добродѣтельнаго мужа былъ онъ отданъ въ 1785 году на воспитаніе въ Академію Художествъ. Здѣсь уже въ Ермолаевѣ начала развиваться та чистая и возвышенная страсть къ наукамъ, которая одушевляла его до самаго гроба. Эти качества его не ускользнули отъ вниманія другого добраго человѣка,—это Алексѣя Николаевича Оленина, который принялъ молодого Ермолаева подъ свое благодѣтельное покровительство и опредѣлилъ его на государственную службу, въ Императорскую Публичную Библіотеку. Домъ Оленина какъ и сердце его всегда были отверсты Ермолаеву. Исполнивъ долгъ гражданина на службѣ, онъ съ такою же ревностью подвизался на поприщѣ наукъ. Русскія древности были главнымъ предметомъ дѣятельности его въ семъ отношеніи. Все это привело его въ дружескія сношенія съ знаменитыми нашими учеными Карамзинымъ, митрополитомъ Евгеніемъ, Лербергомъ, Кругомъ, Френомъ и меценатомъ графомъ Румянцовымъ. Въ 1809 году Ермолаевъ вмѣстѣ съ сыномъ своего благодѣтеля Константиномъ Матвѣевичемъ Бороздинымъ совершилъ ученое путешествіе по Россіи. Путешественники наши посѣтили Ладогу, Бѣлозерскъ, Владиміръ, Кіевъ и Черниговъ. Четыре тома рисунковъ въ большой листъ, сохраняемые въ Императорской Публичной Библіотекѣ, суть плоды сего любопытнаго путешествія. По отзыву лицъ, знавшихъ Ермолаева, онъ одаренъ былъ умомъ точнымъ, проницательнымъ и мѣткимъ. Ермолаевъ „съ удивительнымъ

искусствомъ открывалъ въ мрачныхъ катакомбахъ нашихъ древностей искры того свѣта, коими исторія зажигаетъ, такъ сказать, свѣтильникъ свой, озаряющій дѣла минувшія и судьбу исчезнувшихъ поколѣній. Къ сожалѣнію, занятія по службѣ и какая-то излишняя скромность препятствовала Ермолаеву сообщать публикѣ глубокомысленныя свои изысканія. Тихи и мирны были чувствованія его. Тихая и спокойная кончина увѣнчала общеполезные дни его". Прахъ его покоится на Волковомъ кладбищѣ [307]). Кончина Ермолаева видимо огорчила Погодина, и это опять таки дѣлаетъ ему честь, тѣмъ болѣе, что онъ, не ограничиваясь Востоковымъ, обращался за свѣдѣніями о немъ и къ Кеппену, который и отвѣчалъ ему изъ Симферополя отъ 1 декабря 1828 слѣдующее: „О кончинѣ А. И. Ермолаева я ничего не знаю. Какъ не пожалѣть о семъ ученомъ, который ревностно подвизался въ затворѣ. Онъ родился въ Астрахани 22 іюня 1779 года. Въ альбомѣ моемъ вписанъ его рукою *отрывокъ изъ Делилева диѳирамба на безсмертіе*, переведенный имъ. Занимаетесь ли теперь атласомъ для Наслѣдника?".

Отъ времени до времени напоминалъ о своемъ существованіи Погодину или лучше сказать *Московскому Вѣстнику* ради своихъ произведеній и графъ Д. И. Хвостовъ. Мы уже знаемъ, что впервые Погодинъ познакомился съ графомъ Хвостовымъ въ Петербургѣ зимою 1825 – 1826 года. Вспоминая объ этомъ знакомствѣ, Хвостовъ писалъ Погодину отъ 27 августа 1828 года: „лестное мнѣ знакомство ваше, которымъ вы меня удостоили въ бытность вашу въ С.-Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мнѣ обратилось болѣе въ огорченіе, нежели въ удовольствіе потому, что въ послѣднее посѣщеніе ваше Петрополя я лишенъ былъ удовольствія васъ видѣть и даже послѣ свиданія не имѣлъ случая вести съ вами лестной мнѣ переписки. Остается мнѣ только одно утѣшеніе на старость усердно читать прекрасный журналъ, въ коемъ вы имѣете отличное участіе, называемый *Московскій Вѣстникъ*, и радоваться по справедливости прекрасному слогу, бла-

городнымъ мыслямъ и сужденію основательному, которое отличаетъ вашъ журналъ отъ другихъ. Я съ своей стороны очень радъ, что имѣю случай, хотя временно возобновить съ вами переписку и просить васъ принять благосклонно прилагаемый у сего I томъ моего *Полнаго Собранія*. Семидесяти двухъ лѣтній старикъ, посылая къ вамъ свое сочиненіе, не смѣетъ и думать, чтобы вы разборомъ или объявленіемъ объ ономъ обременили издаваемый вами *Московскій Вѣстникъ*. Я посылаю вамъ свои сочиненія по самой безкорыстной цѣли. Мое желаніе только одно, чтобы вы приняли сію посылку не въ лицѣ журналиста, а пріятеля, оцѣнили бы сіе приношеніе какъ знакъ усердія, которое я питаю къ почтеннѣйшимъ собратіямъ моимъ, дѣлающимъ честь нашей словесности по благородству мыслей, чувствъ и отличному изложенію предметовъ".

На труды Погодина обратилъ лестное вниманіе знаменитый нашъ полководецъ Алексѣй Петровичъ Ермоловъ, что не могло не радовать редактора *Московскаго Вѣстника*. „Сопровождая", писалъ Ермоловъ Погодину отъ 23 апрѣля 1828 года, „письмомъ, самымъ обязательнымъ, вамъ угодно было прислать мнѣ сочиненія ваши, переводы и журналъ, вами издаваемый. Благодарю васъ, милостивый государь, за вниманіе ко мнѣ; пріятно мнѣ воспользоваться случаемъ изъявить то уваженіе, которое давно имѣю я къ полезнымъ трудамъ вашимъ, обогащающимъ словесность, расширяющимъ свѣдѣнія объ Отечественной Исторіи [308]).

XXX.

Въ это время Погодинъ сблизился съ двумя замѣчательными лицами, — это съ Юріемъ Ивановичемъ Венелинымъ и Василіемъ Назаровичемъ Каразинымъ. Еще въ 1823 году Венелинъ прибылъ въ Кишиневъ, гдѣ радушно былъ принятъ генералъ-губернаторомъ И. Н. Инзовымъ. Въ Кишиневѣ жило

очень много Болгаръ; Венелинъ знакомился съ ними, собиралъ свѣдѣнія отъ нихъ о краѣ и народѣ. Лѣтомъ 1825 г. онъ отправился въ Москву. Съ пятью рублями вошелъ онъ въ заставу, но все-таки поступилъ въ университетъ на медицинскій факультетъ [309]). О своей жизни до пріѣзда въ Кишиневъ самъ Венелинъ свидѣтельствуетъ: „Проходя до 1822 года въ одномъ изъ лучшихъ иностранныхъ университетовъ курсъ наукъ по факультету, къ которому принадлежатъ исторія и искусство, или правила критики, я дѣлалъ для упражненія себя въ сей послѣдней замѣчанія на разные предметы своего ученія. Но съ 1825 года, перешедши въ Московскій Университетъ, я посвятилъ себя наукамъ болѣе благотворнымъ, чѣмъ история и метафизика. Прежніе историческіе труды мои оставлены безъ употребленія" [310]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, живя на Кисловкѣ, въ каретномъ заведеніи Сетхофера, въ коморкѣ, отдѣленной лишь перегородкой отъ французскихъ комедіантовъ, среди шума и крика, урывками, молодой медицинскій студентъ писалъ замѣчанія на Византійскую исторію. Объ этихъ замѣчаніяхъ провѣдалъ Погодинъ. Хотя Венелинъ прибылъ въ Москву въ 1825 году, но сближеніе его съ Погодинымъ произошло не ранѣе 1828 года; по крайней мѣрѣ, въ *Дневникѣ* Погодина имя Венелина является въ первый разъ, подъ 1 апрѣля 1828 г. „У меня Венелинъ обѣдалъ. Толковалъ о Болгарахъ". Въ томъ же году на страницахъ *Московскаго Вѣстника* мы встрѣчаемъ его *Замѣчанія* на сочиненіе Яковенки о Молдавіи и Валахіи. По поводу сихъ *Замѣчаній* Погодинъ сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Начавъ издавать *Московскій Вѣстникъ*, мы имѣли въ виду такъ устроить отдѣленіе критики, чтобъ всякую примѣчательную книгу, въ Россіи выходящую, разбиралъ только тотъ, кто преимущественно и исключительно занимается частью наукъ, къ которой она относится, ибо судить одному обо всемъ — и невозможно, и смѣшно. До сихъ поръ, по недостатку средствъ, мы не успѣли еще, правда, исполнить своего намѣренія во всей его обширности; однако-жъ, по нѣкоторымъ частямъ

имѣемъ уже потребныхъ сотрудниковъ. Г. Венелинъ принадлежитъ къ числу ихъ. Природный карпато-россъ, коротко знающій Венгрію, Трансильванію, Галицію, Болгарію, онъ обѣщалъ намъ доставлять свѣдѣнія обо всемъ, относящемся до сихъ странъ" [311]). По свидѣтельству самого же Венелина, замѣчанія его о Болгаріи очень понравились Погодину и, по настоятельному его желанію, онъ рѣшился составить нѣчто цѣлое изъ своихъ трудовъ. „Дѣло, можетъ быть, тѣмъ бы и кончилось", пишетъ Венелинъ, еслибы Погодинъ не побудилъ меня къ окончанію начатаго, принявъ даже и трудъ изданія на себя, и издержки его на свой счетъ". Такимъ образомъ, русская литература обязана Погодину появленіемъ въ свѣтъ въ 1829 году 1-го тома сочиненія Венелина *Древніе и нынѣшніе Болгаре въ политическомъ, народномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ*". Дѣйствительно, Венелинъ произвелъ на Погодина сильное впечатлѣніе, о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ записи въ его *Дневникѣ*: „Читалъ Венелина о Болгарахъ. Славный будетъ человѣкъ!" По окончаніи этого чтенія Погодинъ записалъ: „Онъ производитъ революцію въ Исторіи Среднихъ Вѣковъ. Войско его прекрасное, но очень дурно расположено". Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Венелинѣ его поражала противоположность гигантскихъ замысловъ въ области науки и политики съ скромными житейскими требованіями: „Съ Венелинымъ говорилъ", пишетъ Погодинъ въ Дневникѣ, „о Славянахъ и кондиціяхъ ему. Каковъ! человѣкъ, который перевертываетъ вверхъ дномъ нѣсколько народовъ, восхищается пятирублевыми уроками! Ужъ надо бы поддержать его!" [312]). О политическомъ значеніи трудовъ Венелина вотъ что̀ пишетъ Т. И. Филипповъ: „Народное самопознаніе Болгаръ готово было совсѣмъ угаснуть. Болгаре уже переставали считать себя отдѣльнымъ отъ другихъ и самобытнымъ народомъ. Но вотъ, изъ родственной и единовѣрной имъ Россіи, изъ сочувственныхъ устъ ея ученаго труженика, до нихъ доносится радостная воскресная вѣсть, что и они составляютъ въ народахъ міра отдѣль-

ную единицу, что и они имѣли нѣкогда свое собственное царство и своихъ царей и даже дни,—хотя и весьма краткіе,—могущества и славы" [313]).

Помянувъ Венелина, помянемъ и Каразина. Василій Назаровичъ родился 30 января 1773 года, въ селѣ Кручикѣ, Богодуховскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Въ Воспоминаніяхъ профессора Роммеля мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о Каразинѣ: „Онъ жилъ по сосѣдству съ городомъ Харьковымъ и былъ истинный основатель Харьковскаго университета. Занимая должность статсъ-секретаря при императорѣ Александрѣ I, навлекъ чѣмъ-то недовѣріе императора и, поселившись среди малороссійскаго, довольно независимаго, дворянства, онъ съумѣлъ пріобрѣсти всеобщее уваженіе. Онъ былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы, слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ. Исполненный филантропическихъ идей, Каразинъ думалъ даже поставить своихъ крестьянъ на степень гражданъ и ввелъ между ними что-то въ родѣ присяжныхъ" [314]). Въ *Дневникѣ* К. Ѳ. Калайдовича, подъ 22 февраля 1814 года, отмѣчено: „Обѣдалъ я у В. Н. Каразина. Въ пріятной бесѣдѣ съ нимъ и любезною супругою его Александрою Васильевною я всегда провожу очень хорошо время. Мы съ нимъ согласны въ словесности, а въ его предметы я рѣдко вступаюсь... Господинъ Каразинъ имѣетъ прекрасныя понятія о человѣчествѣ. Онъ всегда твердитъ: когда-то истребится это зло, чтобы помѣщики не мечтали, что имъ крестьяне даны для того, чтобы сбирать съ нихъ оброки, забывая священныя отношенія къ человѣчеству, что они суть только надзирателями надъ частію ввѣреннаго имъ Богомъ и государемъ народа и что доходъ ихъ суть не что иное, какъ плата за ихъ труды и попечительность" [315]). В. Н. Каразинъ, по словамъ Погодина, есть лицо, „недостаточно еще оцѣненное въ Русской Исторіи". С. Т. Аксаковъ называлъ его Посошковымъ новаго времени [316]). Каразинъ былъ женатъ на Бланкеннагель, внучкѣ

знаменитаго Ивана Ивановича Голикова [317]); вслѣдствіе сего онъ сдѣлался обладателемъ бумагъ Голикова, въ которыхъ нашлась статистика Петровскаго времени. Погодинъ познакомился съ Каразинымъ лѣтомъ 1828 года, когда онъ, проѣздомъ въ Петербургъ, былъ въ Москвѣ, и съ перваго же знакомства они сблизились, такъ что Каразинъ изъ Царскаго села (отъ 20 іюня 1828 года) писалъ Погодину: „Обязательная ваша привѣтливость ко мнѣ въ проѣздъ мой чрезъ Москву никогда не выйдетъ изъ моей памяти“. Результатомъ этого сближенія было то, что Каразинъ имѣющуюся у него Статистику Петровскаго времени передалъ Погодину для изданія. Обрадованный этимъ Погодинъ сдѣлалъ слѣдующее объявленіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ:* „Столѣтіе уже и три года миновали по кончинѣ преобразователя Россіи, Петра Великаго. Для кого изъ Россіянъ не любопытно будетъ сравнить тогдашнее состояніе отечества нашего, состояніе, въ каковомъ оставилъ его сей его отецъ, титло, данное ему современниками, съ нынѣшнимъ? Это были бы двѣ обширныя, великолѣпныя картины, противуположныя одна другой, которыхъ сличеніе не только займетъ надолго историка, статистика и философа, утѣшающихся постепенными успѣхами рода человѣческаго, но удовлетворитъ и желанію всякаго просвѣщеннаго человѣка нашихъ временъ. Къ счастію, картина Россіи, написанная за сто лѣтъ предъ симъ, именно въ 1727 году, съ величайшею точностію, достойною и нынѣ подражанія, а въ первоначальномъ опытѣ того вѣка едва имовѣрною, картина сія сохранилась въ архивѣ дѣдовъ нашихъ и представляется теперь очамъ публики: *Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковомъ началъ, привелъ и оставилъ неизреченными трудами Петръ Великій, отецъ отечества, императоръ и самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.* Въ двухъ книгахъ, въ которыхъ описаны губерніи и провинціи, въ нихъ города и гарнизоны, артиллерія, канцеляріи, конторы, управители съ подчиненными, епархіи, монастыри, церкви, число душъ, расположенные полки и доходы, какъ

оные нынѣ состоятъ. Въ первой: губерніи С.-Петербургская, Московская, Смоленская, Кіевская, Воронежская, Рижская, Ревельская. Во второй: Нижегородская, Астраханская, Казанская, Архангелогородская, Сибирская. Собрано трудами бывшаго сената оберъ-секретаря Ивана Кирилова изъ подлиннѣйшихъ сенатскихъ архивовъ въ февралѣ 1727 года.

„Изданіе сей книги сопряжено съ большими издержками. Издатели, не приступая еще къ печатанію, рѣшились открыть на нее предварительно подписку. Они увѣрены, что всѣ государственные люди, для коихъ необходимо точное и подробное свѣдѣніе о Россіи, всѣ любители наукъ и патріоты примутъ участіе въ семъ изданіи. Почему они обращаются къ господамъ членамъ государственнаго совѣта, министрамъ, губернаторамъ, попечителямъ университетовъ, начальникамъ учебныхъ и присутственныхъ мѣстъ, журналистамъ и всѣмъ друзьямъ просвѣщенія, дабы они оказали необходимое пособіе къ совершенію сего труда во славу безсмертнаго преобразователя Россіи, императора Петра Великаго, возлюбленнаго отечества и въ поученіе современникамъ. Имена подписавшихся будутъ напечатаны въ концѣ второй части и объявляемы въ газетахъ и журналахъ. Пусть публика узнаетъ, кому она будетъ одолжена за изданіе сего древняго статистическаго сочиненія въ Европѣ!“ Подъ этимъ объявленіемъ подписались: „Василій Каразинъ, статскій совѣтникъ, правитель дѣлъ Харьковскаго Филотехническаго общества, разныхъ Россійскихъ университетовъ и ученыхъ обществъ дѣйствительный и почетный членъ. Михаилъ Погодинъ, Императорскаго Московскаго Университета адъюнктъ-профессоръ исторіи, Императорской С.-Петербургской Академіи корреспондентъ, разныхъ Россійскихъ ученыхъ обществъ дѣйствительный членъ. Александръ Ширяевъ, Императорскаго Московскаго Университета коммисіонеръ“. Тогдашній министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ обѣщалъ Каразину, что эту Статистику будетъ рекомендовать университетамъ чрезъ попечителей [318]).

Славянскій вопросъ съ давняго времени сильно занималъ

умъ и сердце Каразина. Замѣтимъ при этомъ, что дѣдъ его былъ сербъ. Еще въ 1804 году онъ писалъ князю Адаму Чарторижскому, тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ: „Можетъ ли верховный повелитель свободныхъ Славянъ, единственный защитникъ Православной Церкви, смотрѣть равнодушно на всѣ скорби народовъ, близкихъ имъ и по крови, и по религіи? Великодушное его сердце захочетъ ли, отказавшись отъ всякой имъ помощи, погасить въ милліонахъ сердецъ надежду на него, какъ на Бога Избавителя, какъ на ожидаемаго ими столько вѣковъ мессію, которому они уже заранѣе покоряются". Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Каразинъ представилъ князю Чарторижскому и свой проектъ о возвращеніи политическаго существованія Славянскимъ народамъ, находящимся подъ игомъ иноплеменниковъ. Погодинъ, печатая этотъ проектъ въ 1868 году, восклицалъ: „Читатели! Это писано въ 1804 году! Славяне! Помянемъ добромъ и благодарностію горячаго автора, котораго близорукіе и односторонніе современники называли мечтателемъ" [319]). Во время пребыванія Каразина зимою 1818 года въ Москвѣ, Погодинъ бесѣдовалъ съ нимъ о Славянскомъ вопросѣ, и обрывокъ изъ этихъ бесѣдъ сохранился въ *Дневникѣ* его: „Къ Каразину обѣдать. Планъ его основать Сербское государство, подъ покровительствомъ Россіи, куда стеклись бы всѣ Австрійскіе Славяне" [320]).

Такимъ образомъ, приверженность Погодина къ Славянамъ, впервые возбужденная Шлецеромъ [321]), возрастала благодаря знакомству и сближенію его съ Венелинымъ и Каразинымъ, окончательно же укрѣпилась изученіемъ ученыхъ трудовъ Добровскаго.

XXXI.

Много лѣтъ спустя послѣ описываемаго нами времени, а именно въ 1867 году Погодинъ въ своей лекціи о Славянахъ заявилъ, что мысль о сознаніи единства между Славянами

„зародилась, какъ бы вы думали, милостивые государи, гдѣ? Во глубинѣ грамматики церковнаго языка, употребляемаго въ нашемъ богослуженіи, языка святыхъ Кирилла и Меѳодія. Славный Добровскій, жизнію нѣмецъ, сдѣлался, самъ не сознавая того, отцомъ политическаго движенія, которое обняло теперь всѣ Славянскія племена, одно за другимъ“ [322]). Въ 1828 году, благодаря ходатайству князя П. А. Вяземскаго, дѣло о напечатаніи на казенный счетъ перевода Погодина и Шевырева этой завѣтной грамматики приняло вполнѣ благопріятный оборотъ. Еще въ концѣ 1827 года Погодинъ получилъ отъ князя П. А. Ширинскаго-Шихматова письмо, въ которомъ прочелъ: „Высочайше утвержденный комитетъ устройства учебныхъ заведеній, извѣстясь о переводимой вами Славянской грамматикѣ Добровскаго, въ засѣданіи своемъ отъ 16-го сего октября поручилъ мнѣ предварительно отобрать отъ васъ, милостивый государь мой, свѣдѣніе—приведенъ ли уже начатый вами переводъ къ окончанію, и не благоразсудите ли вы представить труды ваши на разсмотрѣніе означеннаго комитета“. Письмо это наполнило сердце Погодина радостью. „Читатели могутъ судить“, восклицаетъ онъ, „какую радость ощутили мы, получивъ это благовѣстіе. Мы видѣли уже грамматику нашу напечатанною“ [323]). Къ довершенію благополучія, Д. Н. Блудовъ, опять-таки благодаря князю П. А. Вяземскому, принялъ живѣйшее участіе въ устроеніи личной судьбы Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо В. П. Титова (отъ 16 января 1828 г.): „Блудовъ недавно сообщилъ, что придумалъ для Погодина тысячъ пять жалованія по должностямъ: состоящаго при особѣ Круга; помощника Кругова при кабинетѣ Румянцова, который отданъ не въ Кадетскій корпусъ, а въ министерство просвѣщенія, и надзирающаго за редакціей политической части Академическихъ Вѣдомостей. Ладно ли?“ [324]). Въ то самое время, когда давнишній трудъ Погодина получалъ возможность выдти въ свѣтъ Божій, Н. А. Полевой выступилъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* противъ самого Добровскаго: „Грамматики Зизанія, Смотриц-

каго, *Добровскаго*“, писалъ онъ, „мы почитаемъ только неудачными и сбивчивыми покушеніями, которыя поясняютъ намъ законы Славянскаго языка слабо, невѣрно и при составленіи грамматикъ Славянскихъ нарѣчій служить руководствомъ не могутъ. Какъ прежніе сочинители грамматикъ, такъ и аббатъ Добровскій, составляя грамматику Славянскую изъ памятниковъ книжнаго Славянскаго языка, совсѣмъ не составили еще, да и не могли составить грамматики, которой правила были бы выведены изъ сего (Славянскаго) кореннаго, слѣдовательно, имѣвшаго свои особенные твердые законы языка“ [325]). Понятно, что къ этимъ строкамъ не могъ остаться равнодушенъ Погодинъ, который по этому поводу написалъ *Замѣчаніе о Славянскомъ языкѣ*, предварительно замѣтивъ, что Добровскій пятьдесятъ лѣтъ исключительно, неусыпно трудился надъ Славянскою грамматикою. Добровскаго самъ Шлецеръ двадцать пять лѣтъ тому назадъ назвалъ первымъ знатокомъ по своей части, котораго всякое слово европейскіе ученые принимаютъ закономъ. Затѣмъ Погодинъ въ своемъ *Замѣчаніи* спрашиваетъ: „Какое заглавіе далъ своей книгѣ Добровскій? *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus Graeci, tum apud Dalmatas Glagolitas ritus Latini Slavos in libris sacris obtinet*. По русски: *Правила языка Словенскаго по древнему его нарѣчію, на которомъ имѣются церковныя книги у Россіянъ, Сербовъ*, и проч. И такъ, предположилъ ли себѣ Добровскій разсуждать о какомъ-то древнемъ коренномъ Словенскомъ языкѣ? Нѣтъ. О какомъ же языкѣ Словенскомъ разсуждаетъ онъ? О церковномъ. Можно ли, говоря о его церковной грамматикѣ, обвинить его за то, что не представилъ намъ правилъ того Словенскаго языка? Очевидно—нѣтъ“. Послѣ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ Погодинъ приступаетъ къ разбору мнѣнія Полевого: „Авторъ статьи въ *Телеграфѣ* могъ говорить о церковномъ языкѣ въ отношеніи къ своему воображаемому коренному Словенскому языку; могъ доказывать, что по первому нельзя вовсе судить о второмъ, и проч.,—это его мысли, которыя всякій имѣетъ

полное право предлагать, точно какъ всякій, въ свою очередь, имѣетъ право принимать и отвергать по своимъ причинамъ; но съ какой стати порицать здѣсь Смотрицкаго, Зизанія, Добровскаго, разсуждавшихъ о другомъ предметѣ? Нашли ли они правила церковнаго языка Словенскаго, вотъ что надо рѣшить при произношеніи имъ приговора Вотъ мой первый тезисъ. Впрочемъ, о какомъ коренномъ языкѣ говоритъ авторъ статьи? Словене были нѣкогда однимъ цѣлымъ народомъ, неразделеннымъ на племена, говорили однимъ языкомъ, нераздѣленнымъ на нарѣчія. Но того времени исторія не запомнитъ, но отъ того времени не осталось никакихъ памятниковъ. Въ V-мъ столѣтіи являются Словене на великомъ пространствѣ, уже раздѣленные на племена, уже говорящіе разными нарѣчіями, но безъ письменнаго искусства. Въ IX-мъ столѣтіи являются священныя книги у нѣкоторыхъ племенъ ихъ; но сего памятника авторъ статьи не принимаетъ въ разсчетъ. Съ XIV-го уже только столѣтія, послѣ того, какъ всѣ нарѣчія Словенскія подверглись чуждому вліянію,—нашъ, Сербской, Болгарской — Греческому, Богемской—Нѣмецкому, Польской — Латинскому, послѣ того, какъ уже они образовались порознь, приняли разныя грамматическія формы,— размножаются, говоря вообще о всѣхъ, у нихъ письменные памятники. Какимъ же образомъ мы возсоздадимъ теперь этотъ умолкнувшій въ устахъ человѣческихъ языкъ, которымъ Словене говорили за тысячу лѣтъ почти до того времени, съ коего начинаются у нихъ памятники! Физически невозможно. Это мой второй тезисъ.

„Мы слышали“, говоритъ Полевой, „что извѣстный филологъ нашъ, А. Х. Востоковъ, занимается трудомъ такого рода. Съ окончаніемъ его обширнаго труда, можемъ надѣяться, что у насъ будетъ грамматика языка Словенскаго“. На это Погодинъ возражаетъ: „Совсѣмъ напротивъ — А. Х. Востоковъ еще въ 1820 году вотъ что́ объявилъ: „Полагая въ основаніе древнѣйшій извѣстный мнѣ памятникъ языка и письма Словенскаго — *Остромирово Евангеліе*, я постараюсь

изложить грамматику древняго Словенскаго языка" [326]). Слѣдовательно, онъ полагаетъ въ основаніе именно то, что отвергается авторомъ статьи.

Но неужели церковный нашъ языкъ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣетъ никакого отношенія къ тому древнему Словенскому языку, какъ то утверждаетъ авторъ статьи?

Имѣетъ, и очень близкое. Послушаемъ ученаго нашего Филолога: „По рукописямъ XIV-го даже столѣтія видно, что сей языкъ, на который переложены библейскія книги, былъ не только у Сербовъ, какъ полагаетъ Добровскій, но и у Русскихъ Словенъ, едвали не въ общенародномъ употребленіи! Замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего остатки находятъ въ *Русской Правдѣ*, въ *Словѣ о полку Игоревѣ* и пр., и между Церковнословенскимъ, разумѣли, конечно, подъ симъ послѣднимъ языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ. Они бы не сказали того о древнемъ Церковнословенскомъ. Разность діалектовъ, существовавшая, безъ сомнѣнія, въ самой глубокой уже древности у разныхъ поколѣній Словенскихъ, не касалась въ то время еще до склоненій, спряженій и другихъ грамматическихъ формъ, а состояла большею частью только въ различіи выговора и въ употребленіи нѣкоторыхъ особенныхъ словъ... Но чѣмъ глубже въ древность идутъ письменные памятники разныхъ Словенскихъ діалектовъ, тѣмъ сходнѣе они между собою. Крайнскій языкъ X-го столѣтія, сохранившійся въ нѣкоторыхъ отрывкахъ, найденныхъ въ Баваріи, вообще весьма близокъ къ Церковнословенскому языку. Собраніе богемскихъ древнихъ стихотвореній XII и XIII столѣтій, изданное въ 1819 году въ Прагѣ, подъ заглавіемъ *Rucopis Kralodvorsky*, имѣетъ многія разительныя сходства въ оборотахъ и въ строеніи языка даже съ Русскимъ того же времени, при всемъ томъ, что Чехи и Русскіе Словене принадлежатъ къ двумъ разнымъ поколѣніямъ, къ западному и восточному, издревле раздѣленнымъ нѣкоторыми отмѣнами діалекта. Посему почти заключать можно, что во время Кирилла и Меѳодія всѣ племена

Словенскія, какъ западныя, такъ и восточныя, могли разумѣть другъ друга также легко, какъ теперь, напримѣръ, архангелогородецъ или донской житель разумѣетъ москвича или сибиряка. Грамматическая разность діалектовъ Русскаго, Сербскаго, Хорватскаго, между Словенами восточнаго племени стала ощутительною уже спустя, можетъ быть, триста или четыреста лѣтъ послѣ преложенія церковныхъ книгъ, и потомъ, увеличиваясь съ теченіемъ вѣковъ и съ политическимъ раздѣленіемъ народовъ, дошла наконецъ до такой степени, въ какой мы видимъ ее нынѣ, когда каждый изъ сихъ діалектовъ сдѣлался особеннымъ языкомъ. То же происходило съ діалектами западнаго племени, съ Богемскимъ, Польскимъ, Лузатскимъ и проч., кои однакожъ, оставшись всегда въ ближайшемъ сосѣдствѣ одни съ другими, кажется, не столь много потеряли сходства между собою. „Quae cum ita sint—въ Церковномъ языкѣ сохранилось единственное чистѣйшее воспоминаніе о древнемъ Словенскомъ языкѣ. Вотъ третій тезисъ!".

Наконецъ Полевой замѣчаетъ: „Церковныя книги переведены Греками, а они и послѣдователи ихъ не проникали въ сущность Славянскаго языка, старались передать всѣ формы, обороты и духъ Греческаго, для чего Славянскій языкъ терпѣлъ подъ ихъ перомъ всѣ, какія имъ надобны были, измѣненія". Но Погодинъ и на это возражаетъ: „Кириллъ и Меѳодій, пишетъ онъ, живя между Словенами, знали не одни только слова, но языкъ въ формахъ, въ употребленіи, слѣдовательно, имъ не нужно было изобрѣтать совершенно новаго, неслыханнаго языка. Они изобрѣтали только такія формы, какихъ недоставало въ языкѣ Словенскомъ, для выраженія мыслей подлинника, и въ такихъ только случаяхъ прибѣгали къ Греческому синтаксису, давали новое значеніе старымъ формамъ и проч. Нѣмцу, живущему между Русскими и знающему Русскій языкъ, зачѣмъ прибѣгать безъ нужды къ оборотамъ Нѣмецкимъ, при переводѣ книгъ на Русскій языкъ? — Кто знакомъ покороче съ жизнію сихъ двухъ безсмертныхъ братьевъ, тотъ согласится, что, не зная основательно Словенскаго языка, они не приня-

лись бы за переводы, не стали бы коверкать никакихъ книгъ.

Вмѣсто утвержденій безъ доказательствъ пусть сравнятъ намъ главу изъ Остромирова Евангелія съ греческими подлинниками IX-го столѣтія, и тогда мы ясно увидимъ, что въ Кирилловскомъ переводѣ есть словенскаго и что греческаго. Удивительно, что до сихъ поръ никто этого не сдѣлалъ.

Наконецъ — допуская, что языкъ Кирилла и Меѳодія есть языкъ исковерканный, (вотъ уже какое допущеніе!) самый отважный рецензентъ не осмѣлится сказать, что слова, вокабулы, въ немъ выдуманы сими Греками. И этого, однако, уже довольно для того, чтобы видѣть самое близкое отношеніе Церковнаго языка и грамматики Добровскаго къ древнему Словенскому языку: корни, строеніе словъ, превращеніе буквъ, служебныя буквы, почти вся этимологія — самоважнѣйшая, основная часть грамматики, — одинаковы въ томъ и другомъ языкахъ.

Но скажемъ здѣсь мимоходомъ, можетъ-ли быть общая грамматика Словенскаго языка? Разумѣется, можетъ; только языка того времени, когда на всѣхъ его нарѣчіяхъ являются уже памятники, а не того древняго, незапамятнаго. Въ этой грамматикѣ скажутъ, напримѣръ, что такое-то свойство принадлежитъ вообще всѣмъ нарѣчіямъ Словенскимъ, а такое-то — нѣкоторымъ, прочія-же вмѣсто онаго имѣютъ другое свойство; такая-то форма принадлежитъ только тремъ нарѣчіямъ, а прочія замѣняютъ ее другою и проч.—Эта возможная грамматика Словенская составится изъ сличенія всѣхъ частныхъ грамматикъ между собою,—и о ней писано уже много".— На мысль Полевого, что Санскритскій языкъ есть „родоначальникъ Славянскаго", Погодинъ замѣчаетъ: „Санскритскаго языка въ Русскомъ Царствѣ, кажется, никто еще не знаетъ: какъ же можно намъ съ голоса говорить о сходствѣ сихъ языковъ? Предоставимъ это знатокамъ заграничнымъ". Полевой еще требуетъ „расположенія грамматики по философическимъ выводамъ грамматики всеобщей". „Смѣю спросить

его“, пишетъ Погодинъ, „какая грамматика европейскаго языка расположена по симъ философическимъ выводамъ? Еще— устроена-ли такъ теорія всеобщей грамматики, чтобы ее можно было во всемъ ея пространствѣ прикладывать къ языкамъ? Скажу болѣе: у Добровскаго въ аналитическомъ его трудѣ такіе есть матеріалы даже и для теоретической грамматики, не только для общей словенской грамматики, какіе, увѣренъ, не придутъ въ голову ни одному философу-воздухоплавателю, не только русскому, но даже и нѣмецкому“.

Въ заключеніи своего *Замѣчанія* Погодинъ предъявляетъ весьма справедливыя требованія: „Для чести литературы русской пишетъ онъ, „я искренно желалъ бы, чтобы о такихъ первостепенныхъ людяхъ, какъ Добровскій въ познаніяхъ о Словенскомъ языкѣ, какъ Шлецеръ въ исторической критикѣ, говорили у насъ съ благоговѣніемъ,—судили строго, но основательно, осторожно. Пусть щиплютъ наши писатели и бумагомаратели другъ друга, если безъ того уже они, какъ и европейская ихъ братія, обойтись не могутъ: это дѣло домашнее; — но простительное въ отношеніи къ ровнѣ становится уже преступленіемъ при другихъ условіяхъ“ [327]).

Но для сохраненія безпристрастія, мы хотя заднимъ числомъ прибавимъ и свое желаніе, что для чести литературы русской сугубо желательно, чтобы и о такихъ „первостепенныхъ людяхъ“ какъ Карамзинъ, „говорили у насъ съ благоговѣніемъ,—судили строго, но основательно, осторожно“. Предъявляя это справедливое требованіе къ Полевому касательно Шлецера и Добровскаго, самъ Погодинъ, какъ мы скоро увидимъ, не соблюлъ его касательно *драгоцѣнной для Россіянъ памяти Николая Михайловича Карамзина.*

XXXII.

Въ 1826 году Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ съ своими чадами и домочадцами переселился изъ Оренбургскихъ степей

въ царствующій градъ Москву. Въ осеннюю звѣздную ночь (8 сентября 1826 г.) остановилась карета Аксаковыхъ передъ Москвою у Рогожской заставы. Въ то время Москва, повѣствуетъ С. Т. Аксаковъ, „еще полная гостей, съѣхавшихся на коронацію изъ цѣлой Россіи, Петербурга и Европы страшно гудѣла въ тишинѣ темной ночи, охватившей ея сороковерстный Камерколлежскій валъ. Десятки тысячъ экипажей, скачущихъ по мостовымъ, крикъ и говоръ еще неспящаго, четырехсотъ-тысячнаго населенія, производили такой полный хоръ звуковъ, который нельзя передать никакими словами. Никакой рѣзкой стукъ или крикъ не вырывался отдѣльно, все утопало въ общемъ шумѣ, гулѣ, грохотѣ, и все составляло непрерывно и стройно текущую рѣку звуковъ, которая съ такою силою охватила насъ, овладѣла нами, что мы долго немогли выговорить ни одного слова. Надъ всей Москвой стояла бѣловатая мгла, сквозь которую свѣтились милліоны огоньковъ. Блѣдное зарево отражалось въ темномъ куполѣ неба, и тускло сверкали на немъ звѣзды. И въ эту столичную тревогу, вѣчный шумъ, громъ, движеніе и блескъ—переносилъ я навсегда изъ спокойной тишины деревенскаго уединенія скромную судьбу мою и моего семейства. Въ эту минуту съ особенною живостью представилась мнѣ недостаточность вещественныхъ средствъ моихъ, непрочность надеждъ, и всѣ послѣдствія такого неосновательнаго поступка... Но подорожную прописали, часовому скомандовали *подвысь*—и карета въѣхала въ Москву“ [328]). Съ этого времени и до самой своей кончины С. Т. Аксаковъ съ своимъ многочисленнымъ семействомъ зажилъ въ Москвѣ хлѣбосольнымъ и гостепріимнымъ домомъ. Недавно изданная переписка И. С. Аксакова даетъ намъ возможность коротко познакомиться, какъ съ самимъ главою этого почтеннаго семейства, такъ и съ достойною спутницею его жизни. Сергѣй Тимоѳеевичь Аксаковъ, по свидѣтельству его сына Ивана, „любилъ жизнь, любилъ наслажденіе, онъ былъ художникъ въ душѣ и ко всякому наслажденію относился художественно. Страстный актеръ, страстный

охотникъ, страстный игрокъ въ карты, онъ былъ артистомъ во всѣхъ своихъ увлеченіяхъ, —и въ полѣ съ собакой и ружемъ, и за карточнымъ столомъ. Онъ былъ подверженъ всѣмъ слабостямъ страстнаго человѣка, забывалъ бывало весь міръ въ припадкѣ своего увлеченія; уже женатый проводилъ онъ цѣлые дни за охотой, цѣлыя ночи за картами; но, зная за собой эти слабости, онъ былъ смиреннаго о себѣ мнѣнія, былъ чуждъ гордости къ ближнему, напротивъ отличался постоянною снисходительностью. Радушный и добрый отъ природы, онъ обладалъ умомъ чрезвычайно яснымъ и трезвымъ. Сергѣй Тимоѳеевичъ былъ чуждъ гражданскихъ интересовъ, относился къ нимъ индифферентно: природа и литература были главные его интересы. Даже 1812 годъ не оставилъ въ немъ особенныхъ воспоминаній. Будучи вполнѣ русскимъ, онъ никогда не былъ *патріотомъ.* Политикой онъ не занимался вовсе и никогда не предъявлялъ никакихъ притязаній на героизмъ; онъ даже любилъ разсказывать о себѣ, какъ о трусѣ. Итакъ, совершенное отсутствіе претензій, простота, радушіе вмѣстѣ съ пылкимъ и нѣжнымъ сердцемъ, трезвость и ясность ума при возможности страстныхъ порывовъ, честность, безкорыстіе, безпечность относительно матеріальныхъ выгодъ, тонкое художественное чувство, вѣрность суда, —вотъ отличительныя свойства Сергѣя Тимоѳеевича, которыя привлекали къ нему почти всѣхъ, кто его зналъ. Не будучи не только ученымъ, но и не обладая достаточною образованностью, чуждый науки, - онъ тѣмъ не менѣе былъ какимъ-то нравственнымъ авторитетомъ для своихъ пріятелей, изъ которыхъ многіе были знаменитые ученые. Онъ вполнѣ понималъ жизнь и всѣ движенія человѣческой души, всѣ человѣческія слабости“. Напритивъ того, Ольга Семеновна Аксакова, по свидѣтельству того же сына, была исполнена самыхъ героическихъ и патріотическихъ стремленій, которыя она и внушала своимъ сыновьямъ съ дѣтства. Она предочитала сыновей дочерямъ. Ея отецъ Семенъ Григорьевичъ Заплатинъ, небогатый помѣщикъ Курской губерніи, былъ человѣкъ замѣчательныхъ достоинствъ. Онъ служилъ въ

военной службѣ, участвовалъ во всѣхъ походахъ Суворова, былъ при осадѣ Очакова, имѣлъ георгіевскій крестъ. Вся жизнь его протекала въ походахъ и въ провинціи. Его жена и мать Ольги Семеновны была турчанка, Игель Сюма, взятая двѣнадцати лѣтъ при осадѣ Очакова. Она была изъ рода эмировъ, какъ извѣстно, производящихъ себя отъ Магомета и пользующихся правомъ носить зеленую чалму. Войны съ Турціей при Екатеринѣ были за обычай въ Россіи; плѣнные Турки и Турчанки размѣщались по обывателямъ. Игель Сюма попала въ семейство генерала Воинова. Ее скоро окрестили и выучили читать и писать порусски. При Екатеринѣ было даже издано учебное руководство для плѣнныхъ турокъ: съ одной стороны текстъ турецкій, съ другой русскій. Необыкновенная красавица, она привлекла къ себѣ сердце молодого Заплатина, который и женился на ней. Она жила недолго, - умерла тридцати съ небольшимъ. Оттѣнокъ грусти лежалъ на всемъ ея существованіи. Войны съ Турціей возобновлялись, и видъ плѣнныхъ турокъ, которыхъ прогоняли чрезъ Обоянь, всегда волновалъ ее сильно. Она пріѣзжала не разъ въ Москву съ мужемъ и дѣтьми, ѣздила въ Собраніе, но все же никогда не могла освоиться съ европейскою жизнью. Въ семействѣ долго сохранялась ея турецкая шаль, ея чалма и также русская азбука съ турецкимъ текстомъ, изданная при Екатеринѣ. Она сопровождала своего мужа С. Г. Заплатина въ его походахъ—и тамъ на походѣ въ Польшу, въ 1792 году, родилась у нея дочь Ольга, впослѣдствіи жена Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова. Овдовѣвъ и поселившись въ деревнѣ Обоянскаго уѣзда, С. Г. Заплатинъ взялъ свою дочь Ольгу изъ пансіона,—и она стала его товарищемъ, секретаремъ и другомъ. Въ обществѣ стараго воина-отца она почерпнула тотъ духъ доблести, которымъ такъ рѣзко отличалась отъ другихъ женщинъ. Она постоянно читала отцу своему историческія сочиненія въ Русскомъ переводѣ,—напримѣръ Исторію Роллена въ переводѣ Тредьяковскаго, описанія военныхъ походовъ, реляціи сраженій, газеты. Старикъ

внимательно слѣдилъ за политикой“. По этому поводу И. С. Аксаковъ прекрасно замѣчаетъ: „Благодареніе и Тредьяковскому, и Сумарокову, и всѣмъ дѣятелямъ на пользу русскаго просвѣщенія! Любопытно видѣть всходы сѣмянъ, разбросанныхъ ими. Въ деревенской глуши, въ отдаленной провинціи, въ сторонѣ отъ большой дороги, безъ всѣхъ тѣхъ средствъ, которыя даетъ богатство и общественное положеніе, зрѣетъ оно, это сѣмя, и раститъ плодъ“.

Домъ С. Т. Аксакова былъ открытъ для всѣхъ друзей и знакомыхъ. Театръ, участіе въ изданіи *Московскаго Вѣстника*, служба, карты и клубъ охватили въ Москвѣ Сергѣя Тимоѳеевича. Вся семья принимала участіе въ его интересахъ. Дѣти знали, напримѣръ, что такъ-то была принята публикою такая-то пьеса, такой-то остроумный куплетъ сочиненъ былъ Писаревымъ, и т. д. Семейство Аксаковыхъ, по свидѣтельству лицъ ихъ знавшихъ, отличалось крѣпостью быта и единствомъ духа. „Только изъ такихъ семей русскихъ“, писалъ Шевыревъ, „могутъ выходить люди съ честными, добросовѣстными убѣжденіями и съ чувствомъ правды въ сердцѣ, безъ котораго ни наука права, ни страхъ не создадутъ правосудія“ [329]).

Мы уже знаемъ, что Погодинъ познакомился съ Аксаковымъ въ 1827 году въ цензурномъ комитетѣ, куда онъ явился съ рукописью Арцыбашева. Вотъ что С. Т. Аксаковъ пишетъ по этому поводу: „съ издателемъ *Московскаго Вѣстника* М. П. Погодинымъ и сотрудникомъ его С. П. Шевыревымъ я познакомился и сблизился очень скоро. Я даже предложилъ Погодину писать для него статьи о театрѣ, съ разборомъ игры московскихъ актеровъ и актрисъ. Съ того времени домъ Аксаковыхъ сдѣлался роднымъ для Погодина, составляя особый приходъ, прихожанами котораго были: Корниліонъ-Пинскій, Писаревъ, князь Шаховской, Павловъ, Перевощиковъ, Кокошкинъ, Загоскинъ, М. А. Дмитріевъ, Верстовскій и др. Страстно любя театръ, С. Т. Аксаковъ особенно сближался съ людьми, служащими при театрѣ, пишущими для театра и театралами по охотѣ. Но кромѣ ли-

тературныхъ и театральныхъ интересовъ въ этомъ приходѣ не послѣднюю роль играли карты, о чемъ свидѣтельствуетъ и самъ С. Т. Аксаковъ. „Князь Шаховской“, пишетъ онъ, „любилъ въ короткомъ пріятельскомъ обществѣ играть въ карты; мы съ Писаревымъ также. У насъ образовалась карточная пріятельская игра. Къ намъ присталъ Загоскинъ, Кокошкинъ и другіе. Обыкновенно мы играли въ мушку, главнымъ интересомъ игры была горячность Шаховского и Загоскина“ [330]). Въ *Дневникѣ* Погодина имѣются интересныя, хотя по обычаю лаконическія, свѣдѣнія о домѣ Аксакова. „Обѣдалъ у Аксакова. Слушалъ съ удовольствіемъ актера Щепкина. Пресмѣшно представлялъ Щепкинъ Кокошкина и Шаховского. Аксаковъ огонь. Обѣдъ у Аксакова. Дмитріева (М. А.), которымъ весь этотъ приходъ восхищался, ругаютъ теперь всѣ, потому что перессорились. Дряни. Обѣдалъ у Аксакова и съ большимъ удовольствіемъ говорилъ съ Щепкинымъ .о театрѣ. Прекрасный семьянинъ Аксаковъ. Милы очень его дѣти, особенно Гриша и Оля. Познакомился съ княземъ Шаховскимъ, очень благосклоннымъ. Слушалъ замѣчанія его о театрахъ и актерахъ. Толковалъ съ Загоскинымъ объ Озеровѣ, противъ котораго Шаховской вовсе не виноватъ. Поздно домой. Какъ тепло и благорастворенно (7 апрѣля 1828 г.). Къ Аксакову. Къ Шаховскому. Къ Михаилу Дмитріеву. Обѣдать къ Аксаковымъ. Смѣшно законодательство Корниліона-Пинскаго. Говорили о Политической газетѣ, которую предполагаетъ канцелярія генералъ-губернатора. Я могъ бы взять мѣсто редактора“ [331]).

Между тѣмъ ничѣмъ не повинному въ этой предполагаемой газетѣ, которой Погодинъ желалъ быть редакторомъ, князю П. А. Вяземскому московскій генералъ-губернаторъ князь Д. В. Голицынъ прислалъ письмо графа Петра Александровича Толстого, въ коемъ князь Вяземскій съ удивленіемъ прочелъ: „Милостивый государь князь Дмитрій Владиміровичъ, Государь Императоръ, получивъ свѣдѣніе, что князь П. А. Вяземскій намѣренъ издавать подъ чужимъ именемъ газету, г чайше повелѣть изволилъ, написать вашему сіятельству,

чтобы вы, милостивый государь, воспретили ему, князю Вяземскому, издавать сію газету, потому что Его Императорскому Величеству извѣстно бывшее его поведеніе въ С.-Петербургѣ и развратная жизнь его, недостойная образованнаго человѣка". По поводу этого сообщенія князь П. А. Вяземскій писалъ князю Д. В. Голицыну: „Узнавъ изъ сообщеннаго мнѣ вашимъ сіятельствомъ отношенія къ вамъ графа Толстого о Высочайшемъ запрещеніи мнѣ издавать *Утреннюю газету*, которую я будто готовился издавать подъ чужимъ именемъ, имѣю честь объявить, что Государь Императоръ обманутъ былъ ошибочнымъ донесеніемъ, ибо я не намѣревался издавать ни подъ своимъ, ни подъ чужимъ именемъ ни упомянутой газеты, о которой слышу въ первый разъ, ни другого періодическаго листа". Оказалось что эта газета, которой редакторомъ мечталъ быть Погодинъ, было предположеніе самого князя Д. В. Голицына и что долженъ былъ издавать ее одинъ изъ его чиновниковъ. Князь П. А. Вяземскій не имѣлъ случая положительно развѣдать, что могло подать поводъ къ этому оскорбленію, ему нанесенному. По всѣмъ вѣроятіямъ, это была Булгаринская штука.

Что же касается до обвиненія князя Вяземскаго въ развратной жизни въ Петербургѣ, то, по его собственному свидѣтельству, „Пушкинъ увѣрялъ, что обвиненіе это не иначе можно вывести, какъ изъ вечеринки, которую давалъ В. С. Филимоновъ и на которой были Пушкинъ, Жуковскій, князь Вяземскій и другіе. Филимоновъ жилъ тогда въ какомъ-то захолустьѣ, въ деревянной лачугѣ, точно похожей на гнусный домъ. Вечеринка продолжалась до утра. Полиціи, по предположенію князя Вяземскаго, было донесено, вѣроятно, на основаніи подозрительности вида дома Филимонова" [332])...."

Сдѣлавъ это невольное отступленіе, вернемся къ предмету нашего повѣствованія. По поводу преобразованія цензурныхъ учрежденій С. Т. Аксакову грозило лишеніе мѣста цензора въ Московскомъ цензурномъ комитетѣ. Это обстоятельство побудило его ѣхать въ Петербургъ и тамъ хлопотать объ устройствѣ

своего служебнаго положенія. Въ этой поѣздкѣ ему сопутствовалъ С. П. Шевыревъ. Въ служебной судьбѣ Аксакова принялъ живое участіе давній доброжелатель его достопочтенный адмиралъ А. С. Шишковъ, который обратился къ министру народнаго просвѣщенія, князю К. А. Ливену, съ слѣдующимъ письмомъ (отъ 5 сентября 1828 года): „Опредѣленный мною въ Москву цензоромъ, г. Аксаковъ, исправлявшій потомъ, по увольненіи князя Мещерскаго, должность его, извѣстенъ мнѣ давно, какъ со стороны познаній, такъ и по хорошей нравственности. Если по новому разобразованію цензуры лишится онъ своего мѣста, то, во-первыхъ, оказано будетъ ему незаслуженное изгнаніе, и во-вторыхъ, не легко будетъ на мѣсто его сыскать столь же достойнаго человѣка. Я ходатайствую о немъ не по какой либо особенной моей къ нему привязанности, но единственно для пользы цензуры, а еще болѣе для того, что питая совершенное чистосердечное къ особѣ вашей уваженіе, почитаю за долгъ довести о томъ до вашего свѣдѣнія, зная, что и вы, милостивый государь, не меньше меня любите наблюдать общую пользу и справедливость“; но это ходатайство, кажется, не увѣнчалось успѣхомъ, ибо отъ 23 сентября 1828 года Шевыревъ писалъ Погодину: „Дѣло С. Т. Аксакова идетъ не совсѣмъ къ общему желанію насъ и всѣхъ благомыслящихъ людей. Но надежда не совсѣмъ еще потеряна“. Самъ же С. Т. Аксаковъ писалъ тому же Погодину: „Я очень жалѣю, что отсовѣтовалъ книгопродавцамъ и типографщикамъ просить обо мнѣ министра. Не можно-ли дать имъ знать, что если они немедленно это сдѣлаютъ, то я могу остаться цензоромъ. Еще бы лучше такую просьбу отъ нѣкоторыхъ литераторовъ и журналистовъ. Шевыревъ здоровъ. Вчера уѣхалъ въ Кронштадтъ“ [232]). Вслѣдъ за полученіемъ этого письма, Погодинъ принялъ самыя энергичныя мѣры къ исполненію этого желанія Аксакова и сталъ собирать голоса въ его пользу; но этотъ способъ дѣйствія крайне не понравился товарищу Аксакова по цензурѣ, Снѣгиреву, что явствуетъ изъ записи Погодина (подъ 21 сентября): „Вечеръ у Перевощикова. Какой негодяй Снѣги-

ревъ! *благородный человѣкъ*,—говоритъ онъ,—*ужъ не станетъ собирать подписокъ въ монархическомъ правленіи*, т.-е. онъ мѣтитъ на бумагу объ Аксаковѣ". Изъ оффиціальныхъ же свѣдѣній намъ извѣстно, что 12 января 1829 года, „*бывшій* цензоръ Московскаго цензурнаго комитета титулярный совѣтникъ Аксаковъ причисленъ къ департаменту народнаго просвѣщенія". Но тѣмъ не менѣе Погодинъ продолжалъ посѣщать домъ Аксакова и ихъ друзей, о чемъ читаемъ въ *Дневникѣ*: „Обѣдалъ у Аксаковыхъ. Въ восхищеніи Ольга Семеновна, что пріѣдетъ скоро мужъ. Дѣти также. О Сашенька! *). Вечеръ у Шаховского. Выигралъ-было 30 рублей, а потомъ спустилъ своихъ 20 и къ завтрашнему дню осталось всего-навсего во всемъ домѣ пять рублей. Это случилось со мною первый разъ отъ роду. Обѣдалъ у Аксаковыхъ. Послѣ въ мушку. Болтали о Туркахъ. Павлову очень хочется, чтобы мы соединились съ ними. Къ Шаховскому. Опять въ мушку. Все хочется отыграться и опять проигрываешь. Какое гадкое впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ вечеръ. Павловъ въ другой партіи проигралъ три тысячи. Блѣднехонекъ. Картъ перегнутыхъ я увидѣлъ тамъ тысячи. Сидѣлъ какъ на иглахъ, и выхвативъ Шевырева отъ котлетъ, стремглавъ домой. Гадко, гадко. Читалъ Валерія, чтобъ поправить расположеніе духа". Пробужденіе Погодина на другой день было самое мрачное. „На постелѣ", читаемъ далѣе въ его *Дневникѣ*, „разбудилъ меня одинъ посѣтитель и проморилъ около часа. Извергъ! Пѣшкомъ къ Аксакову, чтобы прогуляться, и къ Каразину по приглашенію для совѣщанія о пансіонахъ. Потомъ къ Левашевымъ и домой. Лѣниво за лекцію. Хорошая мысль о Нѣмцахъ и прекрасная мечта о моей божественной **). Обѣдалъ у Аксаковыхъ и опять проигралъ въ мушку 25 рублей. А зачѣмъ, слабый, все садишься играть? Хочется отыграться! У Аксакова, и опять проигралъ 50 рублей. Усталый и дрянный домой. Обѣдалъ у Аксакова и въ мушку. Рѣшительно больше

*) Княжна Александра Ивановна Трубецкая.
**) Княжнѣ А. И. Трубецкой.

не играю. Къ Шаховскому на минуту. Тамъ все играютъ. Къ Аксакову, тамъ проигралъ 50 рублей. Вечеръ у Аксаковыхъ. Съ Загоскинымъ и Перевощиковымъ. Навеселѣ Перевощиковъ сказалъ намъ „что астрономнѣй его нѣтъ въ Европѣ". Пили за его здоровье и русскихъ университетовъ. Къ Аксакову. Тамъ обѣдалъ съ Верстовскимъ и Шевыревымъ. Прекрасны русскія его штуки. Высокое любочестіе, нѣтъ, силу сознаю я въ себѣ. Обѣдалъ у Аксакова. Игралъ въ вистъ и потомъ въ мушку, и не смотря на увѣренность, проигралъ слишкомъ 50 рублей. Предосадно. Не буду играть. Обѣдъ и вечеръ у Аксакова. Игралъ въ карты и проигралъ еще 45 рублей. Опять рѣшился не играть и не отыгрываться. Аксакова удерживала. Она гадала мнѣ и выгадала письмо отъ бѣлокурой дѣвушки, дорогу, досаду".

Въ это время С. Т. Аксаковъ потерялъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей. 15 марта 1828 года скончался Александръ Ивановичъ Писаревъ. Замѣчательно, что онъ умеръ ровно черезъ годъ въ одинъ день и часъ съ Д. В. Веневитиновымъ. За мѣсяцъ до кончины умирающаго посѣтили Погодинъ и Шевыревъ, и первый отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ввечеру ѣздилъ съ Шевыревымъ къ умирающему Писареву и съ состраданіемъ слушалъ прекрасный планъ его *Колумба*. Ну, если онъ не приведетъ его въ исполненіе и не оставитъ по себѣ этого слѣда? Шевыревъ долженъ выслушать еще разъ и быть, чего не дай Богъ, его душеприкасчикомъ. Шевыревъ заговорилъ теперь о Писаревѣ другимъ языкомъ, такимъ, какъ я прежде, и мнѣ пріятно было видѣть новое доказательство вѣрности моихъ сужденій о людяхъ" [334]). Память своего друга С. Т. Аксаковъ почтилъ задушевнымъ словомъ: „Писаревъ", писалъ онъ, „увлекъ во гробъ съ собой великія, блистательныя надежды друзей своихъ и всѣхъ коротко его знавшихъ. Онъ родился въ 1801 году, 14 іюля, въ селѣ Паникахъ, Данковскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Съ самаго дѣтства отличался умомъ и памятью необыкновенными. Въ 1817 году онъ былъ отданъ въ Университетскій Благородный Пансіонъ,

тамъ пробылъ четыре года, ознаменованные отличными успѣхами въ наукахъ, и тамъ открылась въ немъ рѣшительная склонность къ словесности; поприще свое началъ онъ, какъ и всегда почти бываетъ, лирическими стихотвореніями, въ которыхъ и тогда ярко блистало истинное дарованіе. Въ 1821 году онъ былъ выпущенъ изъ Пансіона, золотая доска и 10-й классъ свидѣтельствуютъ объ его успѣхахъ. Любовь къ театру заставила его служить при немъ; испытавъ свои способности въ разныхъ родахъ словесности, онъ совершенно посвятилъ себя драматической литературѣ: его переводныя комедіи и водевили суть только опыты упражненія въ слогѣ; но кто не знаетъ остроумныхъ, колкихъ, иногда глубокомысленныхъ куплетовъ его?.. Къ несчастью, онъ не успѣлъ написать начатой имъ большой исторической комедіи—*Колумбъ*. Планъ расположенъ превосходно, обдуманъ во всѣхъ подробностяхъ; онъ извѣстенъ многимъ литераторамъ, одно дѣйствіе уже написано. Эта комедія, при хорошемъ исполненіи, въ чемъ нельзя было сомнѣваться, увѣнчала бы его долговѣчными лаврами. Люди, не коротко знавшіе покойнаго, не могутъ вполнѣ раздѣлять скорби друзей его; онъ былъ холоденъ въ обращеніи; но пламенныя чувства кипѣли подъ сею холодною наружностью; въ дарованіяхъ же его никто не сомнѣвался; онъ сдѣлалъ мало, но могъ сдѣлать много. Высокая комедія была бы достойнымъ его поприщемъ и онъ вооружилъ бы Талію (скажемъ его словами) кинжаломъ Мельпомены!.. Глубокій, проницательный умъ, чуждый оковъ пристрастія и предразсудковъ литературныхъ, строгій, вѣрный вкусъ, сила мыслей новыхъ, свѣжихъ, смѣлость, рѣзкость въ ихъ выраженіи, ѣдкая, убійственная острота, любовь къ справедливости, ненависть къ пороку—все заставляло ожидать отъ него комедій Аристофановскихъ... Да не сочтутъ слова сіи пристрастными словами дружбы: я говорю о потерѣ общей; скорблю о томъ, о чемъ скорбятъ всѣ истинные любители изящнаго и дарованій. О своей потерѣ дружба не сказала еще ни слова...

Писаревъ погребенъ 20-го марта въ Покровскомъ монастырѣ" [335]).

Упомянувъ о сближеніи Погодина съ Венелинымъ, Карамзинымъ и Аксаковымъ, мы не считаемъ себя въ правѣ умолчать о первомъ явленіи на поприщѣ гражданской жизни Андрея Александровича Краевскаго, извѣстнаго впослѣдствіи издателя *Отечественныхъ Записокъ,* ставшихъ во главѣ того направленія русской литературы, которое извѣстно подъ именемъ *западничества,* съ которымъ Погодинъ велъ непрерывную борьбу, хотя самъ и не принадлежалъ вполнѣ къ такъ называемому и *славянофильскому* направленію. *Я стою между Востокомъ и Западомъ съ большимъ склоненіемъ къ Востоку,* такъ опредѣлилъ самъ Погодинъ свое мѣсто между двумя враждующими станами.

Въ 1828 году Краевскій, будучи двадцати лѣтъ, окончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ по отдѣленію нравственно-политическихъ наукъ и удостоенъ степени кандидата. Въ сентябрѣ 1828 года Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Посѣтилъ Краевскій". Михаилъ Петровичъ принялъ участіе въ устроеніи первоначальной судьбы своего ученика. Вскорѣ послѣ этого посѣщенія мы читаемъ въ его *Дневникѣ:* „Рекомендовалъ Краевскаго и Острякова къ мѣстамъ" [336]). Рекомендація эта имѣла успѣхъ, ибо 7 ноября того же 1828 года Краевскій получилъ уже мѣсто въ канцеляріи московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, въ коей и состоялъ на службѣ до декабря 1830 года [337]).

XXXIII.

Къ чести Погодина слѣдуетъ замѣтить, что чувство признательности не было для него чуждо. Онъ никогда не оставался равнодушенъ къ судьбѣ лицъ, которыя хоть когда нибудь и что нибудь сдѣлали для него доброе. Въ дни своей

ласканный и поощренный Калайдовичемъ къ заня-

тіямъ русскою исторіею, Погодинъ не забылъ его тогда, когда сего достойнаго труженника постигло бѣдствіе. Не задолго до 1828 года Калайдовичъ получилъ мѣсто смотрителя Еврейскаго Глѣбовскаго подворья съ казенною квартирою и здѣсь, по свидѣтельству его біографа, П. А. Безсонова, въ распоряженіяхъ своихъ показалъ признаки помѣшательства, такъ, напримѣръ, надѣвши всѣ свои кресты, заставлялъ провинившихся въ чемъ либо евреевъ прикладываться къ нимъ. Въ бумагахъ Калайдовича сохранилось свидѣтельство московской медицинской конторы отъ 14 февраля 1828 года, изъ котораго видно, что Калайдовичъ подалъ жалобу на то, что „въ бытность его коммиссіонеромъ казеннаго Глѣбовскаго подворья, за искорененіе тамъ злоупотребленій, члены оной, удаливъ его отъ должности, разнесли слухъ по Москвѣ, что будто онъ лишился ума“ [338]). Но еще ранѣе вѣсть объ этомъ печальномъ событіи достигла Погодина, и онъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Бѣдный Калайдовичъ сходитъ съ ума“. Вскорѣ онъ посѣтилъ страдальца. „У сумасшедшаго Калайдовича“, читаемъ въ *Дневникѣ* Погодина, „формы сужденій, какъ у всѣхъ. Былъ въ непріятномъ положеніи, когда онъ при мнѣ началъ щелкать начальство больницы, долженъ былъ оставаться, потому что при немъ никого не было“.

Еще въ 1827 году Калайдовичемъ было предпринято изданіе журнала *Русскій Зритель*, превосходное по плану и обѣщавшее много по собраннымъ матеріаламъ, но болѣзнь помѣшала Калайдовичу исполнить самому это предпріятіе. Желая и этимъ путемъ помочь семейству несчастнаго Калайдовича, Погодинъ вызвался въ пользу его издавать *Русскій Зритель*. Издатель *Московскаго Телеграфа*, въ виду добраго дѣла, забывъ на время свою вражду къ издателю *Московскаго Вѣстника*, принялъ живѣйшее участіе въ этомъ предпріятіи Погодина, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо его: *a monsieur, monsieur Pogodine* *). „Степанъ Петровичъ, вѣроятно, сказывалъ уже вамъ, любезнѣйшій Михаилъ Петро-

*) Такъ означено на адресѣ.

вичъ, что я взялъ у него на себя, въ небытность вашу, обязанность составить двѣ книжки *Русскаго Зрителя*, желая участвовать въ добромъ дѣлѣ вашемъ" [339]). Между тѣмъ братъ несчастнаго, Иванъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ, представилъ въ московскій цензурный комитетъ отъ 9 апрѣля 1828 года довольно прижимистую бумагу слѣдующаго содержанія: „Магистръ Московскаго университета, г. Погодинъ, ручавшійся за цѣлость журнала *Русскій Зритель*, предпринятаго братомъ моимъ, Константиномъ Ѳедоровичемъ Калайдовичемъ, доставилъ мнѣ обязательства—издать журналъ сей, обще съ другими здѣшними литераторами, и подписку книгопродавца г. Ширяева, который беретъ на себя издержки по оному. Прилагая всѣ одиннадцать подписокъ въ подлинникѣ, присовокупляю къ нимъ свою и прошу цензурный комитетъ, отобравъ отъ поименованныхъ ниже лицъ слѣдующіе подробные отзывы, необходимые для предотвращенія могущихъ встрѣтиться впослѣдствіи недоразумѣній, позволить намъ приступить къ изданію. 1) Подтверждаютъ ли гг. Погодинъ, Шевыревъ, Раичъ, Аксаковъ, Дмитріевъ, Максимовичъ, Ознобишинъ, Томашевскій, Оболенскій, Кирѣевскій обязательства свои—издавать поочередно журналъ *Русскій Зритель*, предпринятый К. Ѳ. Калайдовичемъ, принимая на себя какъ заготовленіе статей, составляющихъ цѣлый нумеръ, такъ и надзоръ за печатаніемъ? 2) Предоставляютъ ли онѣ всѣ выгоды отъ изданія семейству К. Ѳ. Калайдовича и книгопродавцу Ширяеву, не требуя никакого вознагражденія за труды свои? 3) Какіе мѣсяцы избираютъ гг. Дмитріевъ, Максимовичъ, Ознобишинъ, Томашевскій, Оболенскій, Кирѣевскій, обязавшіеся издать по одному нумеру сего журнала, ибо г. Погодинъ, принявшій на себя шесть нумеровъ, уже избралъ январь, февраль и мартъ, г. Шевыревъ подписался издать четыре за апрѣль и май, г. Раичъ—два за іюнь, г. Аксаковъ—два-же за августъ, и я—четыре за ноябрь и декабрь? 4) Вполнѣ ли беретъ на себя г. Ширяевъ всѣ счеты по журналу съ тѣмъ, чтобы: 1) выручать свои деньги изъ эк-

эмпляровъ, проданныхъ только имъ и газетною экспедиціею осковскаго почтамта; 2) не относиться ни съ какими преензіями къ К. Ѳ. Калайдовичу, къ его семейству или къ амъ, издателямъ, въ случаѣ даже убытковъ по журналу, и) предоставить въ пользу семейства означеннаго Калайдоича все, что можетъ остаться за расходами его по журналу, авно какъ и сто экземпляровъ, которые будемъ продавать мы, здатели. Ежели цензурный комитетъ одобритъ сіи условія и ѣрится въ дѣйствительномъ согласіи на оныя вышеписанныхъ юбъ, то прошу покорнѣйше означенный комитетъ дозволить убликовать въ Вѣдомостяхъ извѣщеніе объ изданіи *Русскаго рителя*, которое извѣщеніе находится теперь въ подлинкѣ у г. Ширяева, за подписью гг. Погодина, Шевырева моею".

По выходѣ въ свѣтъ первыхъ двухъ книжекъ *Русскаго рителя на 1828 годъ, въ Московскомъ Телеграфѣ* появилась ьсьма сочувственная статья объ этомъ изданіи: „Къ приорбію всѣхъ", читаемъ въ этой статьѣ, „любителей отечевенной литературы, издатель *Зрителя*, столь извѣстный трулми своими по части отечественной исторіи и археологіи, . Ѳ. Калайдовичъ, еще до исполненія новаго предпріятія юего издавать журналъ, впалъ въ тяжкую и продолжительую болѣзнь. Такое печальное событіе лишало публику хороаго (какъ основательно можно было предполагать) журнала; одписка, довольно многочисленная, могущая служить вспомоествованіемъ семейству издателя, разрушалась, и приготовлене матеріалы оставались безъ употребленія. Но это дало лучай московскимъ литераторамъ сдѣлать доброе дѣло и оказать, что они всегда готовы пособить въ несчастіи доброму брату. Нѣсколько литераторовъ согласились принять на бя изданіе *Зрителя*, сообразно плану г. Калайдовича, и ѣ первыя книжки уже выданы М. П. Погодинымъ. Вотъ ена другихъ особъ, принявшихъ участіе въ изданіи: С. П. Шевыревъ, М. А. Максимовичъ, И. Ѳ. Калайдовичъ, В. И. олевскій, М. А. Дмитріевъ, С. Е. Раичъ, А. Ф. Томашев-

скій, И. В. Кирѣевскій. Такимъ образомъ, публика можетъ быть надежна, что, несмотря на непредвидѣнное препятствіе, *Русскій Зритель* будетъ выданъ вполнѣ, и гг. подписавшіеся получатъ всѣ книжки его исправно. Мы надѣемся болѣе, надѣемся, что публика будетъ соотвѣтствовать благоразумному соревнованію литераторовъ, принявшихъ отвѣтственность за г. Калайдовича, и подкрѣпитъ дальнѣйшею подпискою благотворительное ихъ предпріятіе. Многія почтенныя особы взяли на себя трудъ раздавать билеты и чрезъ то доставить пособіе семейству почтеннаго, трудолюбиваго литератора, который, кромѣ своихъ трудовъ и жалованья по службѣ, не имѣлъ никакихъ другихъ средствъ существованія. Не должно думать, что изданіе *Русскаго Зрителя* будетъ произведено кое какъ, чтобы наполнить только обѣщанное число книжекъ. Напротивъ, двѣ вышедшія книжки показываютъ, что г. Погодинъ приложилъ особенное тщаніе при изданіи ихъ, дополнивъ хорошими статьями бывшими уже въ подготовкѣ у самого г. Калайдовича. Вѣроятно, всѣ другіе участники въ изданіи *Зрителя* также постараются оправдать надежду на нихъ. Изданныя нынѣ 1 и 2 книжки раздѣлены на два отдѣленія: первыя изъ нихъ Историческое. Здѣсь встрѣчаемъ любопытныя статьи: вопросъ о мѣстѣ рожденія Петра Великаго; путешествіе Іосафата Барбаро въ Тану (нынѣшній Азовъ) въ 1436 году, съ описаніемъ путешествія Барбаро въ Москву и по Россіи; письмо Н. М. Карамзина и отвѣтъ на него К. Ѳ. Калайдовича, въ которомъ описываются видимые до-нынѣ слѣды лагеря втораго самозванца, близъ села Тушина, отъ чего онъ и прозванъ былъ Тушинскимъ воромъ; описаніе надгробнаго камня какой-то Марѳы, вырытаго въ 1781 году, Тверской губерніи въ селѣ Млевѣ; можно думать, что это надгробный памятникъ Марѳы Посадницы. Между такими хорошими статьями замѣшалась только одна, не стоющая вниманія; это: *Взглядъ на коренные языки* (Ив. Калайдовича). Довольно сказать, что сочинитель показываетъ совершенное незнаніе предмета, о которомъ взялся судить, а для до-

казательства довольно указать на одно только: онъ думаетъ, что слово: Санскритъ, состоитъ изъ словъ: Самъ и Критъ, а это значитъ — самъ себя создавшій, самъ себя образовавшій!— За эту статью награждаетъ съ избыткомъ другая, драгоцѣнная статья: *Нѣкоторыя черты жизни и дѣяній генералъ-маіора Давыдова*. Въ примѣчаніи сказываютъ намъ, что статья написана другомъ—сослуживцемъ нашего партизана—поэта. „Дальновидные и проницательные, можетъ быть, угадаютъ имя автора“. По скромности, съ какою говорится о богатырскихъ подвигахъ Давыдова, по слову, живому, пламенному, кто-жъ будетъ не дальновиденъ въ угадкѣ? Вотъ сочиненіе, о которомъ можно сказать, что еслибы захотѣли указывать на все, что въ немъ хорошо, то должно бы было его все сплошь выписать. Это жизнь Давыдова, на девяти страницахъ описанная. Авторъ разсказываетъ, какъ росъ Давыдовъ, какъ, прочитавъ *Аониды*, сталъ писать стихи, какъ отправили его въ Петербургъ, „привязали къ огромному палашу, опустили въ глубокіе ботфорты и покрыли святилище поэтическаго его генія мукою и трехъугольною шляпою“, какъ Давыдовъ началъ читать дѣльнымъ образомъ, писалъ стихи и учился, какъ потомъ вышелъ въ гусарскій полкъ, и какъ онъ, двадцатилѣтній гусарскій ротмистръ, закрутилъ „усы, покачнулъ киверъ на ухо, затянулся, натянулся и пустился плясать мазурку съ польками. Въ это бѣшеное время Давыдовъ писалъ стихи своей красавицѣ, которая ихъ не понимала; и сочинилъ извѣстный призывъ на пуншъ Бурцову, который читать его не могъ, оттого, что самъ писалъ мыслете“. Оставляемъ читателямъ удовольствіе прочитать вполнѣ біографію Давыдова въ *Зритель*. Литературное отдѣленіе заключаетъ въ себѣ стихи на новый годъ князя П. А. Вяземскаго и Цареградскую обѣдню, стихотвореніе А. Н. Муравьева, исполненное поэтическихъ красотъ. Далѣе, первое дѣйствіе трагедіи Гётевой: *Гецъ фонъ Берлихингенъ*, переводъ М. П. Погодина. Въ заключеніе помѣщены: повѣсть (г-на Де-Шаплета) и три литературныя извѣстія; два изъ нихъ: о числѣ учащихся въ европейскихъ

государствахъ и о французскомъ книгопечатаніи за прошедшія десять лѣтъ, хотя и не совсѣмъ новы, но любопытны. Третье: *Новый журналъ во Франціи* попалось въ *Зритель* Богъ знаетъ, какъ и откуда: новый журналъ этотъ есть нелѣпый *Journal général de la Littérature étrangère*, о которомъ писано было въ *Телеграфѣ* прошлаго года. При книжкахъ *Зрителя*, кромѣ заглавнаго гравированнаго листка, приложены: портретъ покойнаго графа Н П. Румянцова, снимокъ съ письма Карамзина; рисунокъ памятника Мареы; планъ слѣдовъ тушинскаго лагеря; портретъ Ѣухвостова, перваго русскаго солдата, портретъ Тимоѳея Михайлова, солдата Владимірскаго полка, который не сошелъ съ часовъ до тѣхъ поръ, пока не смѣнили его, несмотря на то, что чугунная доска раздробила ему ногу. Каковъ духъ этого русскаго воина [340])! Въ концѣ-концовъ, Погодинъ съ грустью писалъ П. М. Строеву: „Калайдовича съумасшествіе прошло, но осталась такая слабость, такая ипохондрія, что нельзя смотрѣть на него безъ горести. Вотъ чѣмъ награждаются труды неусыпные" [341]).

Благоговѣя предъ Шлецеромъ за его *Нестора*, Погодинъ оказывалъ и сыну его Христіану Августовичу, профессору Московскаго Университета, великое расположеніе и всегда старался быть ему полезнымъ. Предъ отъѣздомъ своимъ за границу Шлецеръ-fils возложилъ на Погодина множество домашнихъ порученій, которыя онъ, изъ признательности къ знаменитому Августу Шлецеру, считалъ долгомъ исполнять. Одно изъ этихъ порученій поставило Погодина въ неловкое положеніе предъ его строгою матерью. „Вотъ еще штуки", записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Шлецерова дѣвка пришла за отпускною. Маменька увидѣла и рядъ подозрѣній. Мнѣ стало досадно и я экспромптомъ прокричалъ нѣсколько словъ" [342]).

Отличительною чертою характера Погодина, какъ мы могли уже замѣтить, была общительность и постоянство. Съ кѣмъ хоть разъ въ жизни имѣлъ онъ какія либо сношенія, съ тѣмъ продолжалъ ихъ всегда было ли то лицо извѣстное или не-

извѣстное. Еще въ 1821 году онъ писалъ къ одному изъ своихъ товарищей въ Тифлисъ: „Неужели ты думаешь, что я перемѣнился? Нѣтъ, нѣтъ, любезный, скорѣе ты зашвырнешь свои Кавказскія горы въ Средиземное море, нежели я перемѣнюсь въ своихъ правилахъ. Съ кѣмъ я былъ знакомъ когда нибудь, съ тѣмъ буду знакомъ всегда“ [343]). Благодаря этимъ качествамъ Погодинъ завязывалъ сношенія съ людьми, живущими въ разныхъ уголкахъ нашего необозримаго отечества и отъ нихъ отъ времени до времени получалъ любопытныя письма. Къ такимъ лицамъ, ихъ же имя легіонъ, принадлежалъ, совершенно намъ неизвѣстный Григорій Ивановичъ Соколовъ. Письмо его къ Погодину отъ 4 февраля 1828 года изъ села Черняковки (близъ заштатнаго нынѣ города Херсонской губерніи) пусть останется памятникомъ о немъ. „Не утерплю“, пишетъ онъ, „чтобъ не сказать нѣсколько словъ о трехдневномъ пребываніи моемъ въ Харьковѣ. Мы были тамъ во время ярмарки. Не успѣли мы пріѣхать въ Харьковъ, какъ подали намъ афишу, что въ тотъ же день имѣетъ быть представленіе *Провинціалъ въ столицѣ*. Воспоминаніе о несравненномъ М. С. Щепкинѣ заставило меня непремѣнно быть въ театрѣ. Бьетъ 7 часовъ, и я у входа театра. Какими - то душными, узкими корридорами добрались наконецъ до креселъ, и вотъ я въ мазанкѣ малороссійской. Первое что поражаетъ зрѣніе мое -- это зрители, сидящіе всѣ въ шапкахъ. Тѣмъ лучше, подумалъ я, не простужусь; но удовольствіе мое исчезло, когда при полетѣ грязнаго, изорваннаго занавѣса всѣ зрители, какъ будто по командѣ, шапки долой? Куда люди, туда и я. Ролей никто не зналъ; суфлеръ кричалъ за всѣхъ одинъ, актеры всѣ пьяные; баронесса, дама петербургская, говоритъ чистѣйшимъ хохлацкимъ нарѣчіемъ. Одно только мирило меня отчасти съ симъ вертепомъ злодѣевъ драматическаго искусства: помѣщики, горделиво засѣдавшіе въ конуркахъ, преважно называвшихся ложами, при всякой новой остротѣ высовывались по поясъ изъ своихъ логовищъ и надсѣдались со смѣху. Пріятно было видѣть ихъ природную веселость, необузданную

законами приличія. По старинной привязанности не утерпѣлъ я, чтобы не заглянуть въ Университетъ. Я провелъ съ пользою и истиннымъ удовольствіемъ два часа на лекціяхъ Естетики (г. Борзенкова) и Россійской Статистики (г. Артемовскаго-Гулака). Послѣдній читалъ о народной образованности и весьма кстати, говоря объ университетахъ, отдалъ полную справедливость нашему родному Московскому университету. Чтобы вы не думали, что мы заѣхали въ страны варварства и не просвѣщенія, сообщу вамъ, что у насъ въ сосѣдствѣ живетъ прекрасная старушка, малороссійская дворянка въ полномъ смыслѣ. У нея, какъ водится, полдюжины воспитанницъ, которыя помѣшаны на новѣйшихъ сочиненіяхъ, особливо на произведеніяхъ Пушкина. Старушка, вслушиваясь въ ихъ безпрестанные разговоры о текущей словесности, получила также охоту къ литературѣ и заставила громко читать себѣ все, что ни выходило новенькаго. Дѣло дошло до письма Татьяны, тогда оскорбленная честность ея громко возопила, и она съ сердечнымъ негодованіемъ сказала: *ека проклята дивка! нехай сиби писала, да въ свѣтъ бы не выдавала* и еще очень сердилась: зачѣмъ Татьяну въ *свитъ* везли".

Давно Погодинъ мечталъ попасть въ Императорскую Академію Наукъ и тамъ подъ руководствомъ Круга заниматься Норманами. Въ описываемое нами время мечта эта была близка къ осуществленію. Погодинъ, отправляясь въ Петербургъ въ концѣ 1827 года, по всѣмъ вѣроятіямъ имѣлъ цѣлію пристроить себя при Академіи Наукъ. И дѣйствительно это предположеніе наше подтверждается письмомъ В. П. Титова, который, вѣроятно, чрезъ своего дядю Д. В. Дашкова, содѣйствовалъ исполненію желанія своего пріятеля. „Блудовъ", писалъ Титовъ отъ 11 февраля 1828 года „говорилъ мнѣ о тебѣ; непріятно то, что докладъ Государю откладываютъ до того времени, когда утвердится новый штатъ адъюнктовъ Академіи, какъ будетъ свободно съѣзжу къ Кругу". Жуковскій сообщилъ Шевыреву, что Кругъ „воетъ о Погодинѣ: Давайте мнѣ его!" Шевыревъ, сообщая объ этомъ

Михаилу Петровичу, прибавляетъ: „слѣдовательно есть надежда и вѣрная, что ты по пріѣздѣ Государя переѣдешь въ Питеръ. Такъ у меня одного на плечахъ останется *Московскій Вѣстникъ*“. Въ другомъ письмѣ (отъ 15 сентября 1828 г.) Шевыревъ уже рѣшительно пишетъ: „Поздравляю тебя, душа моя. Твое желаніе исполнилось: ты адъюнктъ при Кругѣ. Блудовъ просилъ Одоевскаго сказать тебѣ слѣдующее: „скажите Погодину, что его желаніе исполняется и что онъ будетъ адъюнктъ Круга и что министръ за него всею душою старается. Одоевскій не зналъ твоихъ желаній и намѣреній. Теперь ты видишь, что мое пророчество сбылось. Знаю, что ты мнѣ во все горло скажешь теперь: переѣзжай въ Петербургъ. Нѣтъ, братъ, шутишь: а насморкъ, а головная боль? а кашель? а чортъ знаетъ что? Нѣтъ, московскимъ калачомъ въ Петербургъ не заманишь. Пишу къ тебѣ отъ Одоевскаго и спѣшу къ Пушкину“ [344]). Вслѣдъ за симъ Погодинъ получаетъ письмо отъ самаго Шишкова, который увѣдомляетъ его, „что онъ адъюнктъ у Круга“. Прочитавши это письмо, Погодинъ занесъ въ свой *Дневникъ*: „Предчувствовалъ. Мысли приняли другое направленіе и задумалъ о жизни въ Петербургѣ“. Онъ былъ чрезвычайно радъ этому мѣсту; его сильно влекло въ Петербургъ, и онъ чистосердечно записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Я совершенно отсталъ отъ собственныхъ своихъ занятій. Поскорѣе бы въ Петербургъ. Лѣнь обуяла меня, авось примусь у Круга“. По обычаю своему онъ уже мечтаетъ: завести въ Академіи „общество для Русской Исторіи: Шегренъ о Финахъ, Венелинъ о западныхъ Славянахъ, Кругъ о Норманахъ, Френъ о Монголахъ“ [345]).

Но судьбѣ неугодно было, чтобы Погодинъ оставлялъ Москву и орудіемъ своимъ для удержанія его въ первопрестольномъ градѣ, какъ мы сейчасъ увидимъ, она избрала Николая Арцыбашева, и какъ бы въ насмѣшку Погодинъ получаетъ отъ него изъ Цивильска (отъ 18 августа 1828 г.) письмо слѣдующаго содержанія: „Имѣю честь усерднѣйше

поздравить васъ съ полученіемъ адъюнктской степени, о чемъ извѣстилъ меня сперва Е. С. Журавлевъ, а потомъ газеты".

XXXIV.

„Слава", сказалъ Карамзинъ, „подобно розѣ любви имѣетъ свое терніе, свои обманы и муки. Многіе-ли бывали ею счастливы? Первый звукъ ея возбуждаетъ гидру зависти и злословія, которыя будутъ шипѣть за вами до гробовой доски и на самую могилу вашу изліютъ ядъ свой". Правда словъ этихъ прежде всего оправдалась на самомъ Карамзинѣ. Передовымъ застрѣльщикомъ противъ него на аренѣ *Московскаго Вѣстника* выступилъ самъ Погодинъ, напечатавъ въ немъ свою юношескую статью, писанную еще въ 1823 году подъ заглавіемъ: *Нѣчто противъ мнѣнія Н. М. Карамзина о началѣ Россійскаго Государства* [346]). Эта статья чрезвычайно понравилась Арцыбашеву, который по этому поводу писалъ Погодину (отъ 26 февраля 1828 г.): „Изъ статьи вашей видѣлъ я, что вы сбираетесь перемывать бѣлье нашего покойнаго *псевдоисторіографа*. Мнѣ удалось уже перемыть оное въ *Казанскомъ Вѣстникѣ* (1822 г., №№ V, IX, XI и 1823 г., №№ I и II). Это *милому* не показалось: онъ имѣлъ даже духъ жаловаться на меня губернатору Петру Андреевичу Нилову въ Петербургѣ". Въ томъ же письмѣ Арцыбашевъ сообщаетъ о ходѣ своихъ работъ по *Своду Лѣтописей*. „Переведенный", пишетъ онъ, „чужеземными источниками и разнаго рода объясненіями дополненный *Сводъ Лѣтописей*, надъ которымъ тружусь съ 1802 года, доведенъ уже мною до 1581 г. Скоро надѣюсь я окончить мою трудную работу до преставленія царя Іоанна Васильевича, издать оную подъ названіемъ *Повѣствованія о Россіи* и порѣшить историческую жизнь свою, въ которой состарился". Погодинъ былъ весьма польщенъ отзывомъ Арцыбашева о его ученической статейкѣ и вообразилъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ въ состояніи сдѣлаться *прач-*

кою Карамзина и въ знакъ благодарности предлагаетъ Арцыбашеву свое содѣйствіе къ изданію его *Свода Лѣтописей*. Въ свою очередь польщенный Арцыбашевъ пишетъ благодарственное письмо (отъ 14 апрѣля 1828 г.) Погодину: „Благосклонное ваше предложеніе содѣйствовать къ тому, чтобы работа моя узрѣла свѣтъ, наполнила меня сладостнымъ умиленіемъ. Да благословитъ васъ Богъ на предполагаемомъ поприщѣ адъюнкта Академіи; будьте украшеніемъ россійской словесности, въ которой вы уже сдѣлали столько блистательныхъ опытовъ. Увидимъ, какъ поступятъ съ моею Исторіею, когда она совершенно кончится и перепишется; только я боюсь кому-либо поручить ея пѣстунство оффиціально; настращало же меня Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, куда отправлена была мною (еще въ 1823 году, сентября 1 числа) рукопись подъ заглавіемъ *Дѣеиспытательныя упражненія*; но тогдашній секретарь Калайдовичъ низринулъ ее подъ спудъ. Тамъ, въ зеленой оберткѣ, покрывается она священною пылью архива и тоскуетъ (мечтаю) по своемъ первобытномъ жилищѣ". Разсчитывая вступить въ Академію, Погодинъ указалъ на это ученое учрежденіе, которое могло бы напечатать сей многолѣтній трудъ Цивильскаго затворника; но онъ на это не соглашался и представлялъ слѣдующіе резоны: „Вы пишете о посредникѣ; ахъ почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! Моей душѣ противны меценаты. Пошли, напримѣръ, описаніе, а тамъ потребуютъ настоящей рукописи; отправь ее, да сиди у моря, ожидая погоды. Д. И. Языковъ, конечно, мнѣ старинный другъ; но и ему поручить должность няньки не хочется: онъ слишкомъ обремененъ своими собственными дѣлами. Касательно же до Круга, то гг. ученые Нѣмцы не очень меня жалуютъ: вѣдь я не вѣрю, чтобы Варяги пришли изъ-за Азовскаго моря (см Еверса); не утверждаю, чтобы слово *Ивановымъ* значило *Киноварнымъ* (Кругъ въ *Истор. Гос. Рос.*, 2 изд. 1, пр. 327) и поэтому лихъ, да не добръ. Произведеніе мое кажется вамъ огромнымъ; а мнѣ отнюдь нѣтъ. Издержка на

даніе стоить будетъ по столичнымъ цѣнамъ 7 тысячъ, по азанскимъ 5 тысячъ; слѣдственно 300 экземпляровъ могутъ купить печатаніе. Неужели не сыщется во всей Россіи охотниковъ подписаться на это количество, когда на девять томовъ *Исторіи Государства Россійскаго* даже 2-го изданія подписалось 453 человѣка? Замѣтьте, что моя Исторія слишкомъ въ четыре менѣе и дешевле; а фактовъ въ ней болѣе“.

Поощренный Арцыбашевымъ званіемъ прачки Карамзина, Погодинъ возъимѣлъ желаніе открыть прачешную въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ* и убѣдительно проситъ Арцыбашева напечатать тамъ его *Замѣчанія* на *Исторію Государства Россійскаго*. Познакомившись съ перепискою Арцыбашева, мы уже можемъ составить себѣ понятіе объ этихъ *Замѣчаніяхъ*. Что же касается до ихъ автора, то это желаніе Погодина онъ исполнилъ съ видимымъ удовольствіемъ. „Вотъ вамъ“, пишетъ онъ Погодину, „мои *Замѣчанія на Карамзина*. Позвольте мнѣ надѣяться, что они будутъ изданы какъ возможно исправнѣе. Опечатки тутъ совсѣмъ не у мѣста и дадутъ поводъ *милымъ* вооружиться противу человѣка, который имъ уже солонъ“. Въ томъ же письмѣ Арцыбашевъ рекомендуетъ Погодину свою дочь въ сотрудницы *Московскаго Вѣстника*. „Изъ семерыхъ моихъ дѣтей старшая дочь тринадцати лѣтъ знаетъ довольно хорошо языки: латинскій, нѣмецкій, французскій, итальянскій и англійскій, а особенно свой отечественный, и она перевела *Рѣчь Катона въ сенатѣ по дѣлу Катилины съ латинскаго*. Разсматривая этотъ переводъ, нашелъ я, что онъ весьма хорошъ; а потому и вздумалось мнѣ услужить имъ *Московскому Вѣстнику* [347]). Послѣднимъ предложеніемъ Погодинъ, кажется, нашелъ рискованнымъ воспользоваться; но *Замѣчанія* ея отца на *Исторію Государства Россійскаго* не замедлили явиться на страницахъ *Московскаго Вѣстника* [348]).

Предъ появленіемъ *Замѣчаній* въ печати Погодину пришлось выдержать споръ съ С. Т. Аксаковымъ [349]). И кромѣ тог

онъ, какъ редакторъ, съ своей стороны счелъ полезнымъ напечатать къ этимъ *Замѣчаніямъ* слѣдующее предисловіе: „*Исторія Государства Россійскаго* заключаетъ въ себѣ еще множество предметовъ, которые требуютъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія, объясненія, изслѣдованія. По времени, въ которое она писана, когда матеріалы не были приготовлены критически,—не возможно и требовать, чтобъ было иначе. Смотря на *Исторію* Карамзина въ отношеніи къ исторической критикѣ, ее можно въ нѣкоторомъ смыслѣ назвать указательницею задачъ, которыхъ разрѣшеніе необходимо для будущей Исторіи. Друзья истины и науки должны желать, чтобъ задачи сіи разрѣшались болѣе и чтобъ мы такимъ образомъ скорѣе узнали великое свое отечество. Съ сею цѣлію просилъ я у Н. С. Арцыбашева замѣчаній на сочиненіе Исторіографа. Кто имѣетъ право дѣлать такія замѣчанія болѣе человѣка, который двадцать-пять лѣтъ отшельникомъ занимается Россійскою Исторіею и такъ коротко знакомъ съ нашими лѣтописями? Мы слышали также, что г. Каченовскій занимается приведеніемъ въ порядокъ своихъ замѣчаній на *Исторію* Карамзина: безусловные почитатели Карамзина вознегодуютъ не меня за помѣщеніе *Замѣчаній*. Вотъ мой отвѣтъ: никому на свѣтѣ не уступлю я въ почтеніи къ незабвенному нашему писателю, въ признательности къ великимъ, полезнымъ трудамъ его; но самымъ лучшимъ доказательствомъ такихъ чувствованій, какъ журналистъ, почитаю распространеніе сужденій объ его *Исторіи*, основанныхъ на основательномъ изученіи". Но самъ же Погодинъ сознается, что въ предлагаемыхъ *Замѣчаніяхъ* „есть нѣсколько выходокъ, лично относящихся къ Карамзину, писанныхъ какъ будто бы не съ хладнокровіемъ,—онѣ мнѣ не нравятся: я почитаю долгомъ сказать это откровенно какъ и все выше предложенное" [350]). Погодинъ не ошибся. Помѣщеніе *Замѣчаній* „трудолюбиваго регистратора Русской Исторіи", какъ самъ онъ называлъ Арцыбашева, написанныхъ грубымъ тономъ и съ явнымъ стремле-

ніемъ подорвать довѣріе къ Карамзину, вызвало справедливое негодованіе и къ критику, и къ издателю его.

Въ томъ-то и бѣда наша, что мы, задорно похваляясь будущимъ Россіи, въ то же время или подвергаемъ *заговору молчанія*, или прямо топчемъ въ грязь то, чѣмъ дѣйствительно могъ бы и долженъ питаться нашъ патріотизмъ. Это печальное явленіе, наблюдаемое нами въ 1828 году, къ несчастію повторялось и повторяется у насъ безпрестанно. На явленіе это съ горечью указываетъ и нашъ почтенный историкъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ: „Мы болѣе склонны къ осужденію", пишетъ онъ, „нашихъ дѣятелей, чѣмъ къ безпристрастному, но любовному отношенію къ нимъ" [351]).

Къ грубымъ, недоброжелательнымъ *Замѣчаніямъ* Арцыбашева очень естественно не могъ остаться равнодушенъ князь П. А. Вяземскій. Негодованіе свое онъ излилъ въ громоносной сатирѣ, подъ заглавіемъ *Быль*:

Былъ древній храмъ готическаго зданья,
Обитель совъ, унынья и молчанья.
Узрѣлъ его художникъ молодой,
Постигъ умомъ обилье средствъ въ немъ скрытыхъ,
Сломалъ рядъ стѣнъ, ужь временемъ подрытыхъ,
И, чародѣй, испытанной рукой
На грудѣ ихъ, изъ ихъ развалинъ, новый
Чертогъ воздвигъ. Величье, красота,
Искуство, вкусъ, красивость, чистота
Дивятъ глаза, и зодчій... но суровый
Законъ Судьбы свершился й надъ нимъ.
Такъ рѣшено: на всѣхъ не угодишь!
И зодчій нашъ, причастный вѣчной славы,
Не избѣжалъ хулителей трудовъ.
Враги нашлись; но гдѣ-жъ? въ семействѣ совъ.
Изъ теплыхъ гнѣздъ изгнанники въ дубравы
Онѣ съ стыдомъ пустились, и въ дуплахъ
Въ досадѣ злой, въ остервененьи дикомъ,
Совиный ихъ, ночной ареопагъ
Трудъ зодчаго позорилъ дерзкимъ крикомъ.
Языкъ отцевъ тотъ устарѣлый храмъ;
Карамзина сравнимъ съ отважнымъ зодчимъ;
Съ семьей же совъ, друзья! и съ прочимъ, прочимъ,
Кого и что сравнить, оставлю вамъ.

Сатиру эту князь Вяземскій снабдилъ и слѣдующимъ примѣчаніемъ: „Сія *Быль* написана лѣтъ за десять и лежала забытая въ моихъ бумагахъ: 19 и 20 № *Московскаго Вѣстника* привелъ мнѣ ее на память и даетъ ей нынѣ цѣну новости и умѣстной случайности. Критика, подобная критикѣ г. Арцыбашева; *Московскій Вѣстникъ*, который съ колѣнопреклоненіемъ принимаетъ ее и молитъ, какъ даянія достойнаго себя; торжественное извѣстіе, сообщаемое *Московскимъ Вѣстникомъ*, что наконецъ и г. Каченовскій собрался съ силами и готовится идти по слѣдамъ г. Арцыбашева; г. Арцыбашевъ, критикующій слогъ и языкъ Карамзина; *Московскій Вѣстникъ*, признающійся, что критика г. Арцыбашева написана съ „выходками, лично относящимися къ Карамзину и писанными не съ хладнокровіемъ", но несмотря на то, или можетъ быть, именно смотря на то, открывающій ей радушныя объятья союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ въ виду имени, заслугъ и славы Карамзина,—все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной чести. Тутъ нѣтъ повода къ разсужденіямъ, къ изслѣдованіямъ, къ отвѣтамъ систематическимъ: тутъ одинъ поводъ къ осмѣянію" [352]). Прочитавъ сатиру князя Вяземскаго, Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Къ Аксакову. Прочелъ выходку князя Вяземскаго, не уязвился"; но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ: „за Арцыбашева готовится гроза". Къ утѣшенію нашему, *Замѣчанія* Арцыбашева возмутили не одного князя Вяземскаго, но и все общество. По этому поводу Погодина звали обѣдать „въ пять мѣстъ" и онъ сожалѣлъ, что не могъ попасть къ княгинѣ З. А. Волконской; но попалъ къ Черткову и тамъ, по его же свидѣтельству, „громко и горячо спорилъ съ Новосельцовымъ о правѣ разбирать Карамзина. Набоковъ, Дмитрій Машуровъ etc." Все это почтенное общество было возмущено *Замѣчаніями* Арцыбашева на *Исторію* Карамзина, къ которому самъ же Погодинъ являлся на поклонъ и за *благословеніемъ*. Погодинъ вымещаетъ свою злобу такою отмѣткою въ *Дневникѣ*: „Глупость, невѣжество

въ высочайшей степени“ [353]). Почтенные люди предаются поруганію за то, что они предпочитаютъ Карамзина Арцыбашеву! Хотя Погодинъ и старается увѣрить въ своемъ *Дневникѣ*, что онъ „не уязвился“, но, напротивъ того, онъ былъ очень уязвленъ. Впослѣдствіи, будучи уже въ старости, онъ писалъ: „Сознаюсь теперь, что внутреннее достоинство *Замѣчаній* Арцыбашева не искупало ихъ неприличнаго тона, но мнѣ, молодому человѣку, представлялось тогда иначе. Я напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* объясненіе въ видѣ отвѣта на слѣдующее письмо, мною самимъ написанное“. Письмо это, подписанное буквою Z, гласило слѣдующее. „Къ крайнему моему сожалѣнію, прочелъ я въ послѣдней книжкѣ *Московскаго Вѣстника Замѣчанія* Арцыбашева *на Исторію Государства Россійскаго*, сочиненную Н. М. Карамзинымъ. Я не понимаю, какимъ образомъ вы осмѣлились дать мѣсто въ вашемъ журналѣ брани на твореніе, которое мы привыкли почитать совершеннѣйшимъ, брани, за которую вамъ отвѣчать будетъ, можетъ быть, очень трудно“. Прицѣпившись къ этимъ своимъ строкамъ, Погодинъ начинаетъ неудачно оправдываться и прикрывать себя высшими яко бы требованіями науки. „Очень радъ“, пишетъ онъ въ своемъ отвѣтѣ, на имъ же сочиненное письмо, „что вы скрыли свое имя и тѣмъ дали мнѣ право отвѣчать вамъ безъ всякихъ околичностей. Двадцатипятилѣтнія занятія Россійскою Исторіею и такой трудъ, какъ *Сводъ* всѣхъ Русскихъ лѣтописей, изъ коего отрывки извѣстны уже публикѣ, даютъ полное право г-ну Арцыбышеву судить объ Исторіи, сочиненной Н. М. Карамзинымъ. Просвѣщенные соотечественники должны даже требовать отъ него мнѣнія о семъ важномъ твореніи, тѣмъ болѣе, что у насъ голосовъ такихъ собрать можно немного. Впрочемъ, о *Замѣчаніяхъ* г. Арцыбышева, справедливыхъ и несправедливыхъ, воленъ думать и писать всякій, какъ ему угодно; я первый сказалъ, что тонъ его мнѣ не нравится и готовъ помѣщать опроверженія на его статью, полезныя въ какомъ либо отношеніи. Если бы какой-нибудь молодой сту-

дентъ (не только г. Арцыбашевъ) прислалъ мнѣ статью, въ которой была бы справедлива одна треть, четверть, десятая доля замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго*, и тогда я помѣстилъ бы ее въ своемъ журналѣ, чтобы принесть пользу наукѣ сею десятою долею справедливыхъ замѣчаній. Увѣренъ даже, что заслужилъ бы симъ одобреніе Карамзина, еслибы онъ, къ счастью нашему, былъ живъ. Такое правило отнюдь не мѣшаетъ мнѣ быть ревностнымъ почитателемъ Карамзина. Съ десятилѣтняго моего возраста я началъ учиться у него и добру и языку и Исторіи; время, употребленное мною въ школѣ на чтеніе его сочиненій, почитаю счастливѣйшимъ въ моей жизни и никому на свѣтѣ, повторю сказанное мною прежде, не уступлю въ почтеніи къ незабвенному нашему писателю, въ признательности къ великимъ полезнымъ трудамъ его. *Исторія* его двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ моего письменнаго стола; но до сихъ поръ я не осмѣлился произнести полнаго своего сужденія объ ней, давая время зрѣть моимъ мыслямъ, стараясь обогащаться опытомъ. Теперь, задѣтый за живое, то есть подозрѣвамый въ чувствахъ моихъ къ памяти знаменитаго, мною горячо любимаго, писателя, я почитаю себя обязаннымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ его *Исторіи*. Исторія Россіи есть исторія полміра. Чтобы приготовить матеріалы будущему ея художнику, соорудителю, по такому плану, какой предначерталъ себѣ Карамзинъ, должны теперь приняться за приготовительную работу сотни такихъ людей, какъ митрополитъ Евгеній, Арцыбышевъ, Востоковъ, Калайдовичъ, Строевъ, Каченовскій, Языковъ, Кеппенъ, Эверсъ, Френъ, Кругъ. Думать, что въ *Исторіи* Карамзина все то уже сдѣлано, что сіи люди при благопріятныхъ обстоятельствахъ могли бы сдѣлать, есть *темное невѣжество*. Карамзинъ физически не могъ этого сдѣлать. Требовать даже отъ него этого нельзя, точно такъ какъ нельзя было требовать отъ Фидіаса, чтобы онъ ломалъ себѣ мраморъ на островѣ Паросѣ, перевозилъ его въ Аѳины и проч. Мысль Карамзина писать Исторію въ 1803 г. есть одна изъ отважнѣйшихъ мы-

слей въ европейскомъ литературномъ мірѣ, хотя мы и должны благодарить его ангела хранителя за это внушеніе, ибо имѣемъ теперь великолѣпный памятникъ языка въ нашей словесности. Карамзинъ великъ, какъ художникъ-живописецъ, хотя его картины часто похожи на картины того славнаго итальянца, который героевъ всѣхъ временъ одѣвалъ въ платье своего времени; хотя въ его Олегахъ и Святославахъ мы видимъ часто Ахиллесовъ и Агамемноновъ Расиновскихъ. Какъ критикъ, Карамзинъ только что могъ воспользоваться тѣмъ, что до него было сдѣлано, особенно въ Древней Исторіи, и ничего почти не прибавилъ своего. Какъ философъ, онъ имѣетъ меньшее достоинство и ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтятъ мнѣ изъ его Исторіи. Не угодно ли, напримѣръ, вамъ, милостивый государь, поговорить со мною о слѣдующемъ: чѣмъ отличается Россійская Исторія отъ прочихъ европейскихъ и азіатскихъ Исторій? Апоѳегмы Карамзина въ Исторіи суть большею частью общія мѣста. Взглядъ его вообще на Исторію, какъ науку—взглядъ невѣрный и это ясно видно изъ предисловія. Относительныя, также великія, заслуги Карамзина состоятъ въ томъ, что онъ заохотилъ русскую публику къ чтенію Исторіи, открылъ новые источники, подалъ нить будущимъ изслѣдователямъ, обогатилъ языкъ. Трудъ, совершенный имъ въ двѣнадцать лѣтъ, есть трудъ исполинскій.

Повторяю, никакъ не рѣшился бы я сказать впередъ сихъ словъ изъ будущаго предполагаемаго мною сочиненія о Карамзинѣ, если-бы не былъ вынужденъ обстоятельствами. Грѣхъ на васъ.

Я предчувствовалъ, что помѣщеніемъ *Замѣчаній* г. Арцыбышева я возбужу противъ себя негодованіе безусловныхъ почитателей Карамзина; что кто-нибудь, по правиламъ журнальной тактики, воспользуется симъ негодованіемъ и слѣпитъ статейку на *Замѣчанія* и противъ меня; но помѣстилъ ихъ, мимо всѣхъ отношеній, желая, какъ журналистъ, принесть пользу наукѣ, и бывъ увѣренъ, что истина, рано или поздно, возьметъ верхъ. Подумайте вы и всѣ вамъ подобные, что но-

вое поколѣніе учится лучше прежняго; что въ одномъ Московскомъ университетѣ воспитывается около девятисотъ человѣкъ; что скоро наступитъ время, когда на всякую отрасль знаній будетъ у насъ не по два, не по три воздѣлывателя, какъ теперь, а по десяткамъ; что журнальные невѣжи и крикуны, которымъ удалось *во время междуцарствія литературнаго* какъ-нибудь продраться до такого мѣста, откуда голосъ ихъ разносится далеко, принуждены будутъ умолкнуть предъ умнымъ общимъ мнѣніемъ. Dixi et salvavi animam" [354]).

По поводу этого отвѣта Погодина въ *Московскомъ Телеграфѣ* появилась ѣдкая статья, въ которой читаемъ: „Не забавно ли, напримѣръ, что Арцыбашевъ, пишущій слогомъ Сумарокова и Елагина, разсказываетъ намъ, что слогъ Карамзина „болѣе провозглашательный, нежели историческій, но мѣстами довольно ясенъ, плавенъ, неподобозвученъ, и могъ бы назваться отличнымъ, еслибы не встрѣчалось въ немъ чужеземныхъ выраженій, какъ-то: сія великая часть Европы и Азіи, или—такъ жили Славяне, словъ напыщенныхъ, язвительныхъ, иностранныхъ, какъ-то: хронологія, тронъ, біографія, и проч., и проч.". Богъ знаетъ отъ чего съ нѣкотораго времени залегла на сердцѣ у издателя *Московскаго Вѣстника Исторія Государства Россійскаго.* Мало того что онъ гордится помѣщеніемъ критики г. Арцыбашева, но самъ о себѣ объявляетъ онъ, что *Исторія Государства Россійскаго* двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ его письменнаго стола и, задѣтый за живое, поясняетъ, что трудъ Карамзина есть только памятникъ языка, что Карамзинъ одѣвалъ Олеговъ и Святославовъ въ платья Ахилловъ и Агамемноновъ Расиновскихъ, что взглядъ Карамзина и Исторію, какъ науку, былъ невѣренъ, апофегмы его суть общія мѣста и что ни на одинъ философскій вопросъ не отвѣтятъ изъ его Исторіи. Въ заключеніе издатель *Московскаго Вѣстника* торжественно восклицаетъ: „Предлагаю сказанное мною за тезисы: кому угодно поспорить со мною?" Видно, г-нъ издатель *Московскаго Вѣстника* все еще не отвыкъ отъ школы, и думаетъ, что онъ на студенческихъ

диспутахъ. Съ нимъ сущая умора: то онъ влѣзетъ на подмостки Ивана Великаго, чтобы смотрѣть на Исторію рода человѣческаго, то ведетъ исторію діагональю, то разыгрываетъ изъ нее фугу, то готовитъ рацею, то говоритъ о Публичной петербургской Библіотекѣ, что для Москвичей этотъ виноградъ киселъ, то узнавши, что почта ходитъ изъ Москвы въ Петербургъ шесть разъ въ недѣлю, въ восторгѣ отъ просвѣщенія русскаго! Впрочемъ, за издателемъ *Московскаго Вѣстника* не угоняетесь. Бываютъ и у него вѣсти не въ попадъ, но что за важность! Онъ возвѣстилъ, что М. Т. Каченовскій хочетъ припяться за критическій разборъ *Исторіи Гсударства Россійскаго*, но М. Т. Каченовскій, всегда дружески ласкавшій *Московскій Вѣстникъ*, объявилъ однакожъ, что „такого разбора въ грѣхъ не ставитъ, но разбирать *Исторіи Государства Россійскаго не станетъ*" [355]).

Долго обдумывалъ Погодинъ свое письмо къ князю Вяземскому по поводу *Были*, и наконецъ 30 ноября 1828 года, какъ записано у него въ *Дневникѣ*, „придумалъ: вчерашнее (т.-е. проектъ письма) было очень очень мягко" [356]). Такимъ образомъ, послѣ продолжительнаго размышленія, Погодинъ разражается слѣдующимъ письмомъ къ князю Вяземскому: „Время на пасквили уже прошло. Острымъ словцемъ труда сшибить нельзя. Нынѣ хорошо только тому, кто умѣетъ написать отвѣтъ систематическій. Я могъ бы служить вамъ баснею, комедіею, водевилемъ, повѣстью, эпиграмами, разсужденіемъ, украшеннымъ стихами Крылова; но 1) Почитаю это постыднымъ для литературы. 2) Не хочу доставить публикѣ въ чужомъ пиру похмѣлье. 3) Обязанъ вамъ благодарностію за радушное литературное пособіе при изданіи *Ураніи* и др. 4) Уважаю васъ, какъ остроумнаго мыслящаго писателя, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда вы садитесь не въ свои сани. По симъ причинамъ я удерживаю даже и прозаическую сказку (разумѣется не къ вашему лицу) о храмѣ и о другихъ птицахъ, которыя прилетали дивиться на него и пѣли ему не своимъ голосомъ хвалебныя пѣсни о другомъ зодчемъ, который

страдалъ сердцемъ отъ такихъ похвалъ и ждалъ напрасно себѣ отчетливаго сужденія и проч., проч.“. Отвѣтъ этотъ Погодинъ прочелъ князю П. А. Вяземскому на балѣ у Веневитиновыхъ. „Признаюсь вамъ, что я нѣсколько затруднялся отвѣчать на письмо“, писалъ князь Вяземскій Погодину, „которое имѣлъ честь получить отъ васъ, потому что не ясно понмаю цѣли онаго. Но послѣ размышленія и судя по собственнымъ чувствамъ, вижу въ немъ или по крайней мѣрѣ думаю видѣть слѣдствіе уваженія искренности, которая побуждаетъ васъ частно и откровенно объясниться со мною въ предстоящей гласной размолвкѣ нашей. Въ этомъ предположеніи принялся я за перо и съ удовольствіемъ обнажу еще болѣе мысли мои передъ вами. Не знаю, почему нѣкоторыя выраженія въ примѣчаніи къ напечатанной мною *Были*, кажутся вамъ язвительными *уже не литературно*. Дѣло идетъ о литературномъ событіи, всѣ слова мои относятся къ литературному явленію, которому *Московскій Вѣстникъ* служилъ сценою. Я держался въ слѣдъ за вами единства мѣста и единства интереса и не пускался ни въ даль, ни въ сторону. Впрочемъ, если замѣчанія мои и показались вамъ не чисто-литературными, то вина тому сама сущность дѣла: неблагопристойная критика на Карамзина и на трудъ его, единственный зрѣлый плодъ русскаго ума и русской образованности, уже не просто литературная неблагопристойность; но вмѣстѣ съ тѣмъ неблагопристойность нравственная и національная. Указывая на нее, нельзя, и не должно, сохранить безстрастіе критики, разбирающей исключительно въ смыслѣ искусства разборъ какого-нибудь стихотворенія или сказки. Такъ, милостивый государь, почитаю критику г. Арцыбашева наглою неблагопристойностью и помѣщеніе ея въ журналѣ вашемъ съ вашей стороны предосудительнымъ неприличіемъ. Никакими софизмами не оправдаетесь вы отъ нареканій, которыя пали на васъ. Есть для чести, для пользы народной условіе, коихъ соблюденіе гораздо важнѣе соблюденія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ историческихъ истинъ, буде *За-*

мњчанія г. Арцыбашева и способствовали бы къ сей цѣли и нелѣпость многихъ изъ оныхъ не кидалась въ глаза и тѣмъ, которые не посвятили себя въ таинства историческихъ изысканій. Одно изъ древнѣйшихъ условій народной чести есть уваженіе къ согражданамъ, оказавшимъ безсмертныя заслуги Отечеству. А тамъ, гдѣ есть по собственному вашему сознанію, *выходки, лично относящіяся къ Карамзину*, гдѣ нѣтъ *хладнокровія*, гдѣ *тонъ* неприличный, тамъ нѣтъ и уваженія. Повторяю: всѣ софизмы, приводимые вами, не оправдаютъ васъ въ этомъ отношеніи. Хозяинъ журнала, какъ хозяинъ дома, не можетъ быть правъ, если онъ дозволяетъ у себя крикунамъ ничтожнымъ поносить человѣка, достойнаго уваженія. Тѣмъ болѣе онъ виноватъ, если самъ приглашаетъ къ себѣ, даетъ тому полную свободу бранить и этою бранью угощаетъ свою публику. Вотъ вамъ поступокъ и роль г. Арцыбашева. Какая могла быть самая безкорыстная цѣль ваша, помѣщая помянутую критику? Показать недостатки Исторіи, писанной Карамзинымъ, разувѣрить въ ея достоинствѣ читателей ея уважающихъ и слѣдовательно однимъ словомъ умалить вліяніе ея на сферу просвѣщенія нашего, родить въ нѣкоторыхъ невѣждахъ и лѣнтяяхъ мысль: зачѣмъ стану читать двѣнадцать томовъ, которые уличены въ безпрерывныхъ отступленіяхъ отъ истины и пр.? Богъ съ ними! — Такова ли должна быть здравая цѣль благонамѣреннаго ревнителя просвѣщенія отечественнаго? Въ томъ ли мы положеніи, что должны спѣшить отвращать согражданъ нашихъ отъ суевѣрнаго чтенія и уваженія? Неужели вамъ кажется, что Россія уже зачиталась Карамзина, что пора благодарности должна миноваться и настать пора строгаго суда? Неужели не знаете вы, что Россія слишкомъ мало читаетъ, что отнявъ у нея Исторію, писанную Карамзинымъ, вы осуждаете ее ничего не читать, потому что за исключеніемъ Исторіи, нѣтъ у насъ рѣшительно ни одной книги; или хотите осудить Россію на *Приступъ къ повѣсти о Русскихъ*? Ради Бога, пощадите Россію! Она погибнетъ на этомъ *Приступѣ*. Не эти ли вышеприведенныя

соображенія должны перевѣсить въ умѣ, истинно просвѣщенномъ и образованномъ, частную, мѣстную пользу отъ исправленія нѣкоторыхъ частныхъ, мѣстныхъ ошибокъ? Да и кто противится исправленію ошибокъ, только соблюдайте уваженіе къ тому, который могъ ошибиться какъ человѣкъ, но притомъ былъ человѣкъ великій. Не поручайте неучамъ, хотя бы и ученымъ, а еще менѣе полуученымъ, учить того, который одною строкою болѣе благодѣтельствовалъ Россіи, чѣмъ тѣ со всѣми своими *Приступами* и *Сводами* которые обрушатся на ихъ голову и задавятъ ихъ память. Нѣтъ истиннаго просвѣщенія безъ образованности, а критика г. Арцыбашева, хотя и была бы по другимъ отношеніямъ услуга просвѣщенію, но писанная перомъ его и напечатанная въ журналѣ вашемъ, она поступокъ противъ истинной образованности. Въ независимости мнѣній можетъ быть и возвышенность ума, но часто можетъ быть и дикость необразованности. Вы говорите въ письмѣ своемъ ко мнѣ, что не могли ожидать умозаключеній подобныхъ моимъ послѣ вашей *откровенной исповѣди*. Во-первыхъ скажу вамъ, что стихи мои были отданы въ *Телеграфъ* до появленія 21 и 22 книжки *Московскаго Вѣстника*; но признаюсь вамъ также откровенно, что ни въ какомъ случаѣ сія такъ называемая исповѣдь, въ ко торой не худо бы вамъ покаяться, не могла бы перемѣнить мой образъ мыслей. Сказавъ вамъ искренно мое сужденіе о критикѣ г. Арцыбашева и о помѣщеніи оной въ вашемъ журналѣ, позволю себѣ сказать мое мнѣніе и о вашей статьѣ. Въ ней нѣтъ конечно неблагопристойности, подобно той, но есть явное неприличіе. Начнемъ съ повода, который весьма неудачно прибранъ. Письмо г. *Z* есть или неловкій журнальный вымыселъ, или письмо дурака, на которое не слѣдовало бы отвѣчать и которое тѣмъ болѣе не слѣдовало бы печатать. Ваше сужденіе о Карамзинѣ такое, что едва ли Карамзинъ позволилъ бы себѣ объявить оное о васъ: въ вашихъ словахъ отзываются ободрительная доброжелательность, покровительство, всегда неумѣстныя, когда ихъ выказываютъ,

но тѣмъ болѣе неприличныя, когда дѣло идетъ о Карамзинѣ. Извлекая сущность изъ всего сказаннаго въ вашемъ отвѣтѣ, выводится къ чести Карамзина, что *Исторія* его *двѣнадцать лѣтъ не сходитъ съ вашего письменнаго стола*, а къ осужденію его—онъ не живописецъ потому, что Олеги его и Святославы взяты изъ Расиновыхъ трагедій, что онъ не критикъ, не философъ, и проч. Что же, повторю, остается при Исторіи, кромѣ чести быть настольною книгою вашею? Соглашаюсь съ вами, что новое поколѣніе учится лучше прежняго, что въ Московскомъ университетѣ болѣе студентовъ противъ прежняго, но признаюсь также: если преподаваемое нынѣ ученіе ведетъ къ образу мыслей, изложенныхъ вами, если оно ведетъ къ тому, чтобы при весьма слабыхъ правахъ въ литературѣ говорить подобнымъ дидакторскихъ тономъ о представителѣ нашего просвѣщенія и образованности, то нельзя не пожалѣть о худомъ направленіи ученія и не сознаться, что разсудительность, смиреніе и уваженіе къ заслугамъ видно не приведены подъ итогъ преподаваемыхъ наукъ. Вашу статью назвалъ одинъ изъ безпристрастныхъ читателей оной: злоупотребленіемъ склоненія личнаго мѣстоименія я,—и это очень мѣтко. Отдавая полную справедливость вашимъ дарованіямъ, нельзя не замѣтить, что приводимые на очную ставку съ Карамзинымъ вашъ письменный столъ, ваше полное сужденіе объ *Исторіи* Карамзина, ваша обязанность сказать о ней нѣсколько словъ, все это очень неумѣстно и очень забавно, хотя и не весело забавно. Не стану входить въ подробное опроверженіе мнѣній вашихъ ни здѣсь, ни въ печати. Неосновательность, опрометчивость, высокомѣрная невоздержность оныхъ кидаются въ глаза. Вы предваряете меня, что будете отвѣчать на мои выходки: предваряю васъ, что не буду отвѣчать на вашъ отвѣтъ. Для печати я все сказалъ, что почиталъ себя въ правѣ и въ обязанности сказать; въ настоящемъ, частномъ, объясненіи моемъ дополнилъ я для васъ, сказанное мною прежде для печати. Я не могъ удержать себя отъ желанія подать по возможности свой голосъ въ тяжбѣ,

которую почитаю дѣломъ національнымъ. Публика, сей верховный присяжный судъ, рѣшитъ, кто изъ насъ правъ: вы-ли и г. Арцыбашевъ, или я. Что же касается до того, что вы обо мнѣ скажете, тутъ въ глазахъ моихъ національной и литературной важности не будетъ и, слѣдовательно, ничто за живое меня не задѣнетъ: мнѣніемъ же *Московскаго Вѣстника* въ литтераурномъ отношеніи позволено не дорожить, когда видимъ, что въ немъ даже и по части слога судія Арцыбашевъ, а подсудимый Карамзинъ, когда въ немъ эпоха Карамзина названа *междуцарствіемъ литературнымъ*, а эпоха г. Арцыбашева и ему подобныхъ признается *воцареніемъ законной власти*. Этотъ примѣръ въ силахъ притупить и самое раздражитительное самолюбіе авторское. Въ отношеніяхъ частныхъ и личныхъ мнѣ самому очень жаль, что я почиталъ себя обязаннымъ рѣзко прптиворѣчить вамъ, но вы признаетесь, что въ эпиграммѣ и въ промѣчаніи къ эпиграммѣ нѣтъ мѣста потворству и ласковымъ увѣреніямъ. Впрочемъ, повторяю; я исполнилъ то, что почиталъ себя въ правѣ и обязанности исполнить. Вы, вѣроятно, слѣдовали тому же правилу: и такъ, мы оба правы, каждый передъ собою. Не намъ судить, кто изъ насъ правѣе передъ другимъ".

На предложеніе Погодина напечатать это письмо, князь Вяземскій отвѣчалъ: „Вы хотѣли дать мнѣ знать, будете-ли отвѣчать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на мое замѣчаніе, напечатанное въ *Телеграфѣ*. Ожидаю въ этомъ случаѣ вашего мнѣнія, чтобы знать, напечатаю-ли и я свое письмо. Что касается до напечатанія письма моего въ вашемъ журналѣ, почитаю это дѣломъ совершенно неприличнымъ и потому рѣшительно не соглашаюсь на ваше предложеніе. Повторяю вамъ то, что сказалъ уже вамъ на словахъ: если хотите прекратить печатныя ваши пренія, то охотно прекращаю. Я свой голосъ подалъ, мнѣніе мое въ этомъ дѣлѣ извѣстно и оно понятно, слѣдовательно мнѣ дальнѣйшія объясненія не нужны" [357]). Но Погодинъ этимъ не удовольствовался и счелъ за нужное напечатать въ *Московскомъ Вѣстникѣ:* „Нѣсколько объяснительныхъ

словъ отъ издателя": „Помѣщеніе *Замѣчаній* г. Арцыбашева на *Исторію Государства Россійскаго* составляло въ Москвѣ общій предметъ разговора даже и не между литераторами. Журналистъ, хотя бы онъ и не принималъ личнаго участія въ такомъ дѣлѣ, занимающемъ публику, долженъ сказать о немъ свое мнѣніе, и я предлагаю читателямъ еще нѣсколько словъ въ дополненіе къ сказанному. Въ объявленіи о *Московскомъ Вѣстникѣ* на 1828 годъ обѣщаны были публикѣ *Замѣчанія на Исторію Государства Россійскаго.* Я предполагалъ тогда помѣщать свои, но послѣ, получивъ надежду заниматься Россійской Исторіей въ Академіи Наукъ при г. Кругѣ, знаменитомъ обширною своею ученостью по сей части, я рѣшился удержать ихъ, чтобы послѣ представить въ видѣ совершеннѣйшемъ. Между тѣмъ, мнѣ должно было исполнить свое обѣщаніе передъ публикою, и я обратился съ просьбою къ г. Арцыбашеву, котораго многолѣтніе труды и свѣдѣнія извѣстны всякому просвѣщенному любителю Русской Исторіи изъ разныхъ статей, напечатанныхъ имъ въ журналахъ. Отъ него я имѣю честь получить напечатанныя мною статьи въ №№ 19,—24, какъ начало, за которымъ послѣдуетъ продолженіе, нигдѣ еще не напечатанное. Тонъ рецензента мнѣ не нравился, но я объяснилъ себѣ это явленіе не такъ, какъ большинство въ нашей публикѣ. Изслѣдователь, смотрящій на исторію преимущественно съ критической точки, почти не можетъ уже обращать равнаго вниманія на другія ея свойства, и потому естественно долженъ говорить о ней иначе, нежели, напримѣръ, свѣтскій человѣкъ, который ищетъ въ ней только занимательнаго чтенія, которому все равно, здѣсь-ли должна стоять запятая въ лѣтописи, или тамъ, въ пятидесятомъ-ли году случилось происшествіе или въ пятисотомъ, Іоаннъ-ли былъ главнымъ актеромъ, или Іоанникій. Бездѣлица раздражаетъ такого изслѣдователя, и такое раздраженіе напечатлѣвается даже и противъ воли — въ его замѣчаніи. Мало-ли сколько постороннихъ обстоятельствъ могутъ имѣть вліяніе на образъ писанія. Въ европейской литературѣ множество тому найдете вы

примѣровъ: съ какимъ ожесточеніемъ сражались Гейне съ Вольфомъ, Крейцеръ съ Фоссомъ, Шлегель съ Гереномъ, Шлецеръ съ Гердеромъ, Буле съ Эверсомъ. Недавно еще вотъ какъ Демуленъ писалъ къ знаменитому Кювье: „Я не принадлежу ни къ одному ученому или литературному обществу, а вы членъ всѣхъ академій въ мірѣ; я не значу ничего въ правительствѣ, а вы въ немъ могущественны; мое семейство платитъ подати государству, а вы получаете отъ него многочисленныя и большія жалованья; я самъ тружусь надъ своими сочиненіями, а вы, слышно, приписываете къ своимъ только предисловія и свое имя; мнѣ едва тридцать лѣтъ, а вамъ вдвое больше того; какъ же случилось, что мы съ вами встрѣтились и столкнулись? Почему я долженъ говорить съ вами, и что можетъ быть общаго между нами". Разумѣется, такихъ сраженій одобрить нельзя, а науки выигрываютъ; я хотѣлъ упомянуть здѣсь объ этомъ только для того, чтобы показать читателямъ, сколь обыкновенны такія явленія и въ Европѣ. По сему соображенію я думалъ, что публика, противное ей въ *Замѣчаніяхъ* г. Арцыбышева, спокойно подведетъ хотя подъ категорію, что нѣтъ ничего на свѣтѣ совершеннаго; а справедливое приметъ съ благодарностью; наконецъ, что сіи *Замѣчанія* подадутъ поводъ къ разсужденіямъ pro и contra отъ которыхъ наука необходимо должна выиграть, которыми хотя сколько нибудь опредѣлится достоинство Исторіи Карамзина, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ неопредѣленное, къ стыду современной русской литературы, несмотря на громкіе, но порожніе клики безусловныхъ почитателей. Я думалъ такъ, но надѣлѣ вышло иначе: большинство голосовъ между читателями осудило меня за помѣщеніе. Съ одной стороны, для меня это было пріятно, ибо я увидѣлъ, что есть еще у насъ и литературныя, ученыя дѣла, въ которыхъ можетъ принимать живое, собирательное участіе холодная публика; съ другой, напротивъ, и я, въ отвѣтѣ моемъ на письмо представителя нѣкоторыхъ г-на Z, старался показать, съ какихъ точекъ самъ смотрю на *Исторію Государства Россій-*

скаго и слѣдовательно, почему считаю за полезное помѣщать *Замѣчанія* Арцыбшева и другихъ. Для меня, какъ для журналиста, казалось постыднымъ стоять за угломъ при разсужденіяхъ о такомъ дѣлѣ, и я хотѣлъ принимать на себя удары, направленные на Арцыбашева, кромѣ одного отношенія, о которомъ объяснялся предварительно. Я очень чувствовалъ, что становлюсь въ весьма невыгодное положеніе предъ недобросовѣстными оппонентами, произнося нѣсколько отрывочныхъ мыслей, какъ бы мимоходомъ, о важномъ твореніи; но надѣялся, что они, хотя вслѣдствіе моей оговорки не перетолкуютъ ихъ въ дурную сторону. Кажется, было очевидно, что не осмѣливавшись доселѣ произнести полнаго сужденія", я тѣмъ болѣе не произнесъ бы однихъ результатовъ, „если бы не вынужденъ былъ обстоятельствами. Однакоже этого не поняли или не хотѣли понять. Теперь поговоримъ о возраженіяхъ, мною слышанныхъ въ публикѣ. „Карамзинъ, по его мнѣнію, не критикъ",—говорятъ мои порицатели, „не философъ, художникъ съ исключеніемъ, – что же остается при нашемъ великомъ писателѣ". Милостивые государи! за недостаткомъ мѣста я отвѣчаю вамъ примѣрами. Ливій не только не критикъ, но даже сказочникъ, часто не только не философъ, но даже безъ мысли о философіи исторіи, безъ мысли о всякомъ другомъ народѣ, кромѣ своего, и между тѣмъ, какъ художнику, ему покланяется весь образованный міръ. Слѣдовательно, кромѣ критицизма, кромѣ философіи, историкъ можетъ имѣть многія великія достоинства. Великимъ художникомъ безъ оговорки не назвала еще европейская критика ни одного историка. Всѣ они имѣютъ свои достоинства и свои недостатки. Одинъ изображаетъ превосходно характеры лицъ, у другого виденъ духъ народа, у третьяго происшествія, четвертый отличается расположеніемъ свѣта и тѣни и проч. и проч. Великій художникъ-историкъ во всѣхъ отношеніяхъ явится между людьми, можетъ быть, только наканунѣ свѣтопреставленія. Нужно-ли пояснять мнѣ еще нѣкоторыя мѣста въ своемъ отвѣтѣ? Апоѳегмы въ *Исторіи Государства*

Россійскаго назвалъ я общими мѣстами, но Тацитовскія мысли нынѣ называютъ лишними въ Исторіи, какъ художественномъ произведеніи, въ которомъ должны говорить только событія. Прибавимъ, что ни одинъ историкъ не избѣжалъ отъ сего упрека. Еще ставятъ въ вину рецензенту молодость. Помилуйте, господа, когда вы оставите въ покоѣ метрическія книги при вашихъ критикахъ и антикритикахъ. Вспомните, по крайней мѣрѣ, хотя то, что по правиламъ педагогики, въ дѣтяхъ стараются нынѣ развивать свой собственный образъ сужденія, дѣтей отучаютъ отъ попугайства. Не излагаютъ-ли ученики публично на экзаменахъ свои мысли не только объ одномъ какомъ-нибудь великомъ писателѣ, но о цѣлыхъ литературахъ, вѣкахъ, народахъ, если только, разумѣется, они занимались сими предметами? Поправьте, осудите мнѣніе рецензента, но основательными доказательствами, а не черезполосными противорѣчіями, не общими мѣстами, и онъ съ благодарностью выслушаетъ приговоръ себѣ, хотя бы и въ самыхъ язвительныхъ выраженіяхъ, и отъ старика, и отъ мужа, и отъ юноши, и отъ младенца. Письмо мое назвалъ нѣкто *) „злоупотребленіемъ склоненія мѣстоименія я“. Признаюсь, я не хочу причисляться къ категоріи не я, но впрочемъ, готовъ говорить о себѣ даже въ такихъ выраженіяхъ; въ какихъ подписывались наши челобитчики во время оно, если бы не почиталъ всѣ сіи формы слишкомъ маловажными, не заслуживающими большого вниманія; лучше бы оставить въ покоѣ первыя, вторыя и третьи лица, и разсуждать о дѣлѣ. „Помѣщеніемъ *Замѣчаній* — говорятъ иные вообще — ослабляется вліяніе Исторіи Карамзина на Россію, уменьшается желаніе читать ее въ лѣнивцахъ, которые ищутъ только предлога къ бездѣйственности“ и проч. **) Богъ съ ними, съ сими лѣнивцами! Смѣло сказать можно съ поэтомъ: „не оживитъ ихъ лиры гласъ“. Неужели наука, неужели Карамзинъ, потеряютъ что-нибудь, если какой-нибудь невѣжа перестанетъ читать его отъ того,

---

*) См. выше, въ письмѣ князя П. А. Вяземскаго.

**) Князь П. А. Вяземскій. См. выше.

что въ журналѣ появятся замѣчанія на *Исторію Государства Россійскаго.* И неужели для такого отчаяннаго невѣжи должно терять изъ виду и новое поколѣніе, и другихъ благонадежныхъ читателей, которые хотятъ чтить достоинство достойнымъ образомъ, умно, а не съ голосу! О Карамзинъ! какъ мало уважаютъ, какъ мало понимаютъ тебя эти люди, принимающіе на себя титло твоихъ защитниковъ, въ которыхъ ты, богатый своими заслугами отечеству, не имѣешь никакой нужды. Наконецъ, другіе, помѣщеніе *Замѣчаній,* въ отношеніи ко мнѣ, приписываютъ какой-то особливой цѣли, почитаютъ сіе слѣдствіемъ заговора. Нѣтъ, милостивые государи, мною руководствовала одна любовь къ истинѣ, которую могу доказать, какъ говорится у насъ теперь, по-варварски, фактами: такъ, переходя теперь подъ близкое непосредственное начальство г. Круга, я никакъ не усомнился напечатать и оскорбительное замѣчаніе г. Арцыбашева на одну его догадку; такъ, въ разсужденіи своемъ *О Происхожденіи Руси* для полученія степени магистра словесныхъ наукъ въ Московскомъ университетѣ, я именно опровергалъ мнѣніе, принятое тѣмъ профессоромъ, который мнѣ задавалъ разсужденіе; такъ, недавно самому г. Эверсу посвятилъ я разборъ вовсе неблагопріятный сочиненію, въ защиту его мнѣнія написанному. Я увѣренъ, что могу ошибаться, и говорить несправедливое, по недостатку-ли то свѣдѣній или по другой подобной причинѣ, могу со временемъ перемѣнить мнѣніе, но никогда не напечатаю ничего противъ внутренняго убѣжденія. Какой-то министръ бился объ закладъ съ однимъ французскимъ королемъ, что въ двухъ строкахъ любого праведника найдетъ предлогъ, за что бы можно было повѣсить его. Съ подобною рѣшительностью, чего, разумѣется, не найдутъ въ моемъ отвѣтѣ, и прежнемъ и нынѣшнемъ, но Honni soit qui mal y pense" [358]).

Неправую сторону Погодина, къ сожалѣнію, сталъ поддерживать П. М. Строевъ, который въ это время уже собирался въ свое знаменитое археографическое путешествіе

по Россіи, результатомъ чего, какъ извѣстно, было учрежденіе Археографической Коммиссіи, принесшей неоцѣненную пользу наукѣ и прославившей царствованіе Императора Николая I-го. Задѣтый неизвѣстно почему сатирой князя Вяземскаго, П. М. Строевъ написалъ Погодину письмо для помѣщенія въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* Письмо это даже самому Михаилу Петровичу показалось очень рѣзкимъ; онъ предварительно читалъ его съ исключеніями княгинѣ З. А. Волконской и „просилъ Строева смягчить нѣкоторыя мѣста въ его письмѣ“; но тотъ на это не соглашался и обвинялъ Погодина „въ трусости“ [359]). Какъ бы то ни было, Погодинъ уступилъ и письмо напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ.* „Если ученый изслѣдователь“, читаемъ, между прочимъ, въ письмѣ Строева, „двадцать пять лѣтъ посвятившій на тяжелый трудъ критическаго свода лѣтописей, каковъ г. Арцыбашевъ,— *сова;* если трудолюбивый профессоръ, въ двадцать лѣтъ своей службы развернувшій не одинъ археологическій талантъ, каковъ г. Каченовскій,—также *сова;* и журналистъ, руководимый любовью къ истинѣ и непричастный удѣламъ партій, какимъ почитаю васъ, не болѣе *совы*—и все отъ нѣсколькихъ замѣчаній, помѣщенныхъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* на *Исторію Государства Россійскаго,*—такъ какому разряду птицъ причислить меня, который съ юношескихъ лѣтъ, критиковалъ ее предъ самимъ творцемъ въ его кабинетѣ?

Не устрашайтесь, г. журналистъ, терній на пути вашемъ къ истинѣ! Продолжайте любить ее, какъ любилъ великій мужъ *), котораго тѣнь, безъ сомнѣнія, помагаетъ мнѣ въ знакъ одобренія. Помѣстите въ своемъ изданіи всѣ замѣчанія г. Арцыбашева; убѣдите г. Каченовскаго напечатать свои и не отриньте моихъ, когда изъ Мезени, Соловковъ, Чердыни или Кунгура я удосужусь ихъ къ вамъ доставить“ [360]). Самодовольный Арцыбашевъ спокойнымъ окомъ взиралъ на сію поднявшуюся ради его *Замѣчаній* бурю, о чемъ свидѣтельствуетъ слѣдующее его письмо къ Погодину: „Вы пишете, что

*) Карамзинъ.

на насъ воздвиглось *литературное гоненіе*. Я уже читалъ это отчасти и насмѣялся до-сыта... Пасквили, эпиграммы, антикритики безъ доказательствъ суть настоящій вздоръ:

Достойной похвалы невѣжды не умалять,
А то не похвала, когда невѣжды хвалятъ.

Мнѣ сказывали, что какой-то князь Вяземскій въ *Московскомъ Телеграфѣ* цѣнитъ и меня; но я уже далъ знать, что кромѣ ученаго опроверженія ни на какое отвѣчать не стану, ибо не имѣю времени заниматься пустяками. Презрите и вы пустослововъ *прихожанъ;* скажите имъ:

Кумиръ, поставленный въ позоръ,
Несмысленную чернь прельщаетъ;
Но коль художниковъ въ немъ взоръ
Прямыхъ красотъ не обрѣтаетъ,
Се образъ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной.

Ученыя доказательства не могутъ быть опровергнуты иначе, какъ таковыми важнѣйшими; битвы журнальныя возбуждаютъ только смѣхъ читателей. Здѣсь ужасть какъ издѣваются надъ преніями *Сѣверной Пчелы* и *Славянина*; иные говорятъ: краса брань дракою, а другіе уподобляютъ ихъ стариннымъ дворянскимъ шутамъ, которые таскаются за волосы и тѣмъ веселятъ господъ своихъ, разумѣется, не очень умныхъ. Надо васъ предупредить, что А. А. Писаревъ *) мой старинный пріятель; въ 1805 году, когда мы жили въ Петербургѣ съ Д. И. Языковымъ, то видѣлся я съ Александромъ Александровичемъ, тогдашнимъ штабсъ-капитаномъ Семеновскаго полка ежедневно. Стану въ *Замѣчаніяхъ на Исторію Карамзина* дѣйствовать мягче, но не слабѣе“ [361]). Хорошо Арцыбашеву было самодовольствовать въ Цивильскѣ и изливать свою злобу на Карамзина, но Погодину, какъ увидимъ, пришлось горько поплатиться и притомъ совершенно справедливо, за Арцыбашева.

Въ то самое время, когда Погодинъ ломалъ копья за

*) Попечитель Московскаго учебнаго округа.

сего почтеннаго „регистратора“ Русской Исторіи, на Николинъ день 1828 г. пріѣхалъ въ Москву Пушкинъ. „Вотъ“, думаетъ Погодинъ, „нашумятъ ему въ уши Вяземскій и пр.“ Но не въ характерѣ князя П. А. Вяземскаго было шумѣть кому-либо „въ уши“. Да неужели, въ самомъ дѣлѣ, Погодинъ могъ предполагать, чтобы Пушкинъ могъ предпочесть Арцыбашева Карамзину. Тѣмъ не менѣе, Погодинъ начинаетъ осаждать дверь Пушкина, о чемъ читаемъ въ его *Дневникѣ* „Къ Пушкину. Гораздо хладнокровнѣе Вяземскаго и смотритъ на дѣло яснѣе, хотя и охуждаетъ помѣщеніе. Говорилъ о Карамзинѣ: „Лѣтописатель XIX столѣтія. Я вижу въ немъ тоже простодушіе, искренность, честность—онъ вѣдь не нехристь, и здравый умъ, по крайней мѣрѣ, я знаю это о двухъ послѣднихъ томахъ“. При этомъ Пушкинъ дѣлаетъ весьма любопытное замѣчаніе о значеніи чиновъ въ Россіи. „Можемъ ли мы—говорилъ онъ Погодину — познакомиться съ нынѣшнею Россіею, напримѣръ, не растолковавши, что такое дѣйствительный тайный совѣтникъ и коллежскій регистраторъ“. Забывши на время Арцыбашева, Погодинъ читаетъ у Пушкина свою повѣсть *Немочь*. „Хвалитъ очень— съ радостью замѣчаетъ Погодинъ—много драмматическаго. Пушкинъ прочелъ мнѣ стихи о *Пользѣ*. Превосходные. Потомъ *Мазепу*, который не произвелъ большого дѣйствія, хотя много хорошаго. Негоціаціи съ Вяземскимъ и Пушкинымъ. Къ Пушкину. Написалъ *Чернь*. Отдалъ *Мазепу* переписать для Государя. Слушалъ его восклицанія за буйными разсказами Голохвостова. Что за чудакъ! Къ Пушкину. Богъ всѣмъ далъ орѣхи, а ему ядра. Слушалъ его сужденія о Батюшковѣ“ [362]). Въ это же время Пушкинъ заинтересовываетъ Погодина Чаадаевымъ, который послѣ своей отставки, въ февралѣ 1821 года, поѣхалъ въ чужіе края, гдѣ предавался изученію произведеній искусства древняго міра и среднихъ вѣковъ. Во время коронаціи императора Николая I-го Чаадаевъ вернулся въ Россію и навсегда поселился въ Москвѣ, ставъ „однимъ изъ замѣчательныхъ людей“ первопрестольной

столицы [363]). По поводу одного изъ своихъ посѣщеній Пушкина, Погодинъ заноситъ въ свой *Дневникъ:* „Мысль завести переписку съ Чаадаевымъ, о знакомствѣ котораго съ Шеллингомъ разсказывалъ Пушкинъ“ [364]).

Сдѣлавъ это невольное отступленіе, вернемся къ Арцыбашеву, котораго судьба, какъ мы уже замѣтили, избрала своимъ орудіемъ того, чтобы Погодинъ, „рожденіемъ, воспитаніемъ, жительствомъ, службою, направленіемъ мыслей, убѣжденіями, чувствомъ, самымъ своеобразнымъ характеромъ дѣятельности“, принадлежалъ до конца жизни своей Москвѣ. „Погодинъ — писалъ И. В. Кирѣевскій Соболевскому — теперь весьма несчастливъ. Чортъ дернулъ его напечатать критику Арцыбашева на Карамзина въ своемъ журналѣ, и это сдѣлало ему заклятыхъ враговъ изъ всѣхъ друзей Карамзина. Дмитріевъ, Блудовъ и пр., и пр. подали примѣръ, а вся остальная братія за ними. Въ мѣстѣ ему отказано, знакомства съ нимъ разорваны, его бранятъ, дѣлаютъ ему всякаго рода непріятности, а онъ ни тѣломъ, ни душой не виноватъ, потому что самъ несогласенъ съ Арцыбашевымъ; а зачѣмъ напечаталъ? Самъ чортъ не разберетъ“ [365]). Самъ же Погодинъ объяснялъ впослѣдствіи этотъ печальный эпизодъ своей жизни такимъ образомъ: „Держась правила о свободѣ мнѣній въ журналѣ, я продолжалъ помѣщать въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Замѣчанія Арцыбашева на *Исторію* Карамзина. Друзья покойнаго Карамзина, ревнители его славы и нѣкоторые безусловные почитатели, считали не только сочиненіе, но и помѣщеніе ихъ литературнымъ преступленіемъ, — особенно въ то время, когда не остылъ еще его прахъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они были правы; всего больнѣе для меня было то, что въ числѣ ихъ были большею частью люди, которыхъ я искренно уважалъ и которымъ былъ обязанъ. И. И. Дмитріевъ, ласкавшій меня прежде много, началъ отзываться обо мнѣ такъ, что я почелъ за лучшее даже и не показываться ему на глаза; В. А. Жуковскій сталъ холоднѣе; князь П. А. Вяземскій, принимавшій живое участіе въ первомъ моемъ лите-

атурномъ изданіи *Ураніи* (1826 г.), доставившій мнѣ зна-омство и стихотворенія Пушкина, помогшій посредствомъ рафа Д. Н. Блудова издать славянскую грамматику Добров-каго,—написалъ стихотвореніе съ особымъ замѣчаніемъ, ко-орое я долженъ былъ принять отчасти на свой счетъ и ачать переписку. Наконецъ, избранный тогда же единогласно о представленію Круга за разсужденіе *О происхожденіи Руси* ь адъюнкты Академіи Наукъ, я былъ, вслѣдствіе этого про-сшествія, не допущенъ до этого сословія, и лишился воз-ожности заняться норманскими древностями подъ руковод-твомъ знаменитаго академика. Одинъ Пушкинъ сохранилъ о мнѣ прежнее расположеніе и ободрялъ меня, говоря: все еремелется мука будетъ"[366]). Впослѣдствіи самъ Погодинъ эзнавался, что князь П. А. Вяземскій „былъ совершенно равъ, осуждая мои софизмы, которые представлялись мнѣ епреложными истинами,—софизмы о необходимости напеча-ать *Замѣчанія* Ацыбашева".

Въ это самое время, изъ отдаленной Еривани, универси-этскій товарищъ Погодина Гусевъ, ничего не зная о про-сходящемъ въ Москвѣ, писалъ ему (отъ 10 декабря 1828 г.): Радуюсь будущей вашей славѣ и желаю отъ всей души, тобъ вы были достойнымъ послѣдователемъ знаменитаго на-его исторіографа, продолжая безсмертное твореніе его". Въ эугомъ письмѣ того же Гусева (отъ 17 декабря), читаемъ: Желаю вамъ отъ души писать и продолжать, если возможно, *Исторію* Карамзина, а не заниматься только сухими древно-ями историческими и разысканіями о Словянскихъ народахъ, о потопа яко-бы жившихъ. Что Каченовскій? Спитъ на жур-альныхъ, давно уже завялыхъ лаврахъ своихъ и, кажется, ѣшительно не пойдетъ далѣе. Увѣдомьте гдѣ и что дѣлаетъ . И. Давыдовъ? Жалко, если человѣку съ такими талантами познаніями преградили путь къ занятію науками. Что мол-итъ вашъ Вяземскій? Не будетъ ли онъ сотрудникомъ въ *…латеѣ?* Или не приготовляетъ ли чего-либо важнаго для ашей литературы?"

Посмотримъ теперь, какъ отнеслись къ критикѣ Арцыбашева петербургскіе друзья Погодина.

„Ты спрашиваешь“, писалъ къ нему В. П. Титовъ (отъ 8 января 1829 года), „о дѣйствіи твоихъ выходокъ на Карамзина въ Петербургѣ. Отвѣчаю: одни ихъ называютъ ложными и дерзкими другіе справедливыми, но опрометчивыми, всѣ—полными безвкусія. Прощай, кланяйся лично Пушкину, письменно рыцарю фортуны Шевыреву; И. И. Дмитріеву скажи мое почтеніе“.

Къ числу друзей Погодина, переселившихся въ Петербургъ, слѣдуетъ присоединить и Николая Ивановича Любимова († 1875). Въ 1828 году онъ оставилъ Москву и началъ свою службу въ Азіатскомъ Департаментѣ, въ которомъ и оставался во все время управленія Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ графа Несельроде. Но служба не дѣлала его равнодушнымъ къ литературнымъ интересамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его переписка съ Погодинымъ. „За Арцыбашева“, писалъ онъ своему другу (отъ 8 января 1829) „васъ ругаютъ даже и знакомые ваши. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: можетъ быть все это ускоритъ появленіе лучшаго; можетъ быть вы... Дай-то Богъ! Тогда поблагодарили бы Арцыбышева. Послѣднія ваши возраженія чудны именно потому, что отъ души писаны и преисполнены благороднаго негодованія. Они начинаютъ производить хорошее дѣйствіе. Письмо Строева остро. Право помѣщенія замѣчаній Арцыбышева по различнымъ отношеніямъ есть счастливая эпоха въ исторіи нашего отечества“.

Не такъ отнесся къ выходкамъ противъ Карамзина одинъ изъ лучшихъ друзей Погодина, умный, добрый князь В. Ѳ. Одоевскій. Единомышленно съ княземъ П. А. Вяземскимъ, онъ сильно, но благодушно, возсталъ противъ Погодина и письмо его производитъ отрадное впечатлѣніе какъ энергическій отпоръ противъ посягателей на нашу народную славу. „Вы любите истину“, писалъ онъ Погодину (отъ 12 января 1829 года) и потому не разсердитесь, если я скажу

вамъ, что послѣднія книжки *Московскаго Вѣстника* произвели пренепріятное впечатлѣніе на людей всѣхъ партій. Похвалы Арцыбышеву и брань на Карамзина всѣмъ показалась явленіемъ, по крайней мѣрѣ, страннымъ. Я самъ, какъ вы знаете, совсѣмъ не карамзинистъ, но и меня возмутило сочиненіе, въ которомъ великаго писателя тормошатъ какъ школьника. Я не говорю о томъ справедливы или несправедливы мнѣнія г. Арцыбышева; дѣло въ томъ, что такимъ тономъ не говорятъ о единственномъ нашемъ историкѣ. Ваши объясненія ничего не помогаютъ; никто не сомнѣвается въ вашей благонамѣренной цѣли, но вы бы также ее достигли еслибъ выбрали изъ критики Арцыбышева лучшее, откинувши все неприличное. Вы знаете, что я далекъ отъ тѣхъ безусловныхъ почитателей, которые нехотятъ вѣрить ошибкамъ великаго писателя, но мною руководствуетъ одно чувство, которое увѣряетъ меня, что писатель, хотя мало возвысившійся надъ посредственностію, есть предметъ уваженія. Это чувство заставило меня негодовать на критику Арцыбышева. И какое время вы для нея выбрали? Когда правительство всѣми силами старается помогать нашимъ успѣхамъ въ литературѣ и въ наукахъ вообще! Такъ-то мы отвѣчаемъ его благороднымъ усиліямъ? Смѣхъ и негодованіе—вотъ впечатлѣніе, которое производятъ наши писатели на публику и безъ того нерасположенную къ просвѣщенію. Такъ, любезнѣйшій Михаилъ Петровичъ, издавая журналъ, т.-е. единственныя книги читаемыя въ Россіи, мало обращать вниманіе на разрѣшеніе частныхъ ученыхъ вопросовъ; рѣшительно могу сказать, познакомившись болѣе со свѣтомъ, что эти вопросы никого не интересуютъ, кромѣ десятка можетъ быть во всей Россіи и печатать о нихъ что нибудь, истинная роскошь, или лучше мотовство, а особливо въ журналѣ; загляните въ любой экземпляръ и вы увидите, что извѣстія о Чуди и Черемисахъ и другихъ подобныхъ вопросахъ—даже не разрѣзаны. Оно и естественно. Спросите у Соболевскаго, можно ли человѣка съ тощимъ желудкомъ потчивать какимъ нибудь воздушнымъ

пирожнымъ. Всякій журналъ въ Россіи, по моему мнѣнію, долженъ имѣть одну цѣль—возбудить охоту къ чтенію. Знакомство съ дѣломъ, доставленное мнѣ службою, увѣрило меня, что наше просвѣщеніе находится на степени нашихъ прадѣдовъ, которымъ насильно надобно было брить бороды, что всякое дѣйствіе на просвѣщеніе въ Россіи можетъ только и единственно сходить сверху отъ правительства, что одно его покровительство согрѣваетъ кое гдѣ явившуюся любовь къ просвѣщенію. Отнимите это солнце и завянутъ парниковые цвѣты нашей словесности. Нигдѣ на всемъ пространствѣ имперіи нѣтъ самопроизвольнаго стремленія къ просвѣщенію. Что сдѣлаетъ правительство, — то и есть. Но правительство можетъ основать школы, выписать учителей, покровительствовать ученымъ, — но возбудить охоту къ ученію, пріобрѣсть литературѣ привязанность и уваженіе публики — дѣло писателей. Что же дѣлаютъ наши писатели? Сообразите эти общія мысли съ помѣщеніемъ въ журналѣ критики Арцыбышева на Карамзина. Оставя и талантъ его и всѣ другія отношенія, должно замѣтить, что Карамзинъ былъ счастливецъ, умѣвшій заинтересовать нашу публику, сдѣлаться писателемъ народнымъ. Правительство цѣнило его, награждало его какъ рѣдко награждаетъ людей на другомъ поприщѣ. Не живя въ свѣтѣ трудно вообразить себѣ какое благотворное вліяніе производятъ награды на мнѣніе публики. Послѣдняя необыкновенная награда нынѣшняго Государя Карамзину была нетолько данью уваженія, но вмѣстѣ и высокимъ политическимъ дѣломъ. Вообразите минуту въ которую она явилась, радость ненавистниковъ просвѣщенія, что нашли скамейку на которую имъ ловко было опираться, уныніе людей истинно просвѣщенныхъ – и вы согласитесь со мною. Эта награда зажала уста гасильникамъ, они не произносятъ болѣе имени литератора съ насмѣшкою, просвѣщеніе перестало быть словомъ одно-значительнымъ съ преступленіемъ. Отецъ не вскрикиваетъ болѣе отъ ужаса, когда сынъ его говоритъ ему, что хочетъ заниматься литературою. Косвенное дѣйствіе

сей награды было то, что русская литература вошла въ моду въ лучшихъ обществахъ за коимъ обыкновенно тянутся прочія. Это косвенное вліяніе дѣйствій правительства весьма важно. Замѣчу здѣсь мимоходомъ вамъ какъ журналисту, что съ этой точки зрѣнія не худо бы посмотрѣть на дѣйствіе произведенное покойною Императрицею. Дѣло журналиста воспитать дѣйствіе произведенное Карамзинымъ на читателей. Этой ли цѣли достигаетъ критика Арцыбышева? Нѣтъ, а только доказать, что Карамзинъ не имѣлъ ни способностей, ни познаній, что однимъ словомъ уваженіе, которымъ онъ пользовался было не иное что, какъ заблужденіе. Еслибы критика, вмѣсто всеобщаго смѣха и негодованія, произвела дѣйствіе ею предполагаемое, сдѣлала бы она нашу публику бережливѣе на вниманіе и безъ того съ расчетомъ выдаваемое? Скажу болѣе: не расхолодила-ли бы она и въ самомъ правительствѣ благородную страсть къ ободренію литераторовъ? Да и теперь не косвенное-ли то порицаніе наградъ данныхъ Карамзину? И гдѣ же печатается эта критика? Въ журналѣ, въ которомъ участвуютъ люди новаго поколѣнія! Сообразите все это и взвѣсьте, что важнѣе, всѣ эти отношенія, или поправка нѣсколькихъ буквъ въ лѣтописяхъ, мелочная и для самой науки. Напечатайте критику Арцыбышева отдѣльно — надъ нею бы посмѣялись и только. Но когда она въ журналѣ — за нее отвѣчаютъ нѣкоторымъ образомъ всѣ участники въономъ; ибо хотя уши всѣмъ прокричите о безпристрастіи, журналъ, по существу своему, все есть выраженіе какого либо особеннаго мнѣнія. А какъ я мнѣнія Арцыбышева раздѣлять не хочу, то вы не разсердитесь на меня, если я объявлю вамъ, что доколѣ будутъ печататься въ *Московскомъ Вѣстникѣ* статьи подобныя критикамъ г. Арцыбышева и пр., я не могу участвовать въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Все это не помѣшаетъ намъ остаться хорошими пріятелями".

Вся эта передряга произвела удручающее впечатлѣніе на Погодина и онъ съ грустью записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Нѣтъ, оставлю неблагодарное журнальное поприще; что дѣлать мнѣ

съ низкими бойцами! Я вышелъ бы чистъ изъ этой грязи, еслибы не молодые мои сотрудники, но впрочемъ я не раскаяваюсь". Къ довершенію всего, пріѣхавшій въ Москву Сербиновичъ сообщилъ Погодину, что И. И. Дмитріевъ писалъ письмо „заклятія" о немъ Блудову, который „и надулъ", предполагаетъ Погодинъ, „министру чортъ знаетъ что. Блудовъ такъ и несетъ противъ меня". Но семейство Карамзина отнеслось довольно благодушно ко всей этой исторіи, по крайней мѣрѣ, вотъ что писалъ объ этомъ тотъ же Сербиновичъ Погодину: „Е. А. Карамзина не питаетъ противъ васъ никакого неудовольствія, и весьма огорчается, если ваше мнѣніе объ *Исторіи Государства Россійскаго* навлекло на васъ непріятности даже и по службѣ; впрочемъ, согласно съ большею частію читавшихъ *Московскій Вѣстникъ*, она не можетъ разувѣриться въ томъ, что многое, въономъ помѣщенное, отзывается неуваженіемъ къ Николаю Михайловичу. Всякъ, умѣющій цѣнить чувства родства, согласится, какъ больно было слышать о томъ семейству его обожавшему. Но вы знали его добрую, благородную душу: она оставила въ наслѣдство и женѣ и дѣтямъ его правило: не помнить огорченій. Не сомнѣваясь въ томъ, вы можете и сами обратиться къ Екатеринѣ Андреевнѣ письменно и прислать ея дѣтямъ изданныя вами книги, и должно стараться, чтобы въ письмѣ опять не огорчить ее какою нибудь мыслію: уваженіе къ памяти ея супруга, скромность, говоря о себѣ, празнаніе своей неосторожности, наконецъ увѣреніе, что вы дорожите мнѣніемъ о себѣ семейства его, не заботясь о прочемъ—вотъ что, какъ я думаю, ручается за успѣхъ письма [367])".

XXXV.

Вмѣсто эпилога, къ описанной нами полемикѣ Арцыбашева и союзника его Погодина, предметомъ, которой была *Исторія Государства Россійскаго* Карамзина, мы сдѣлаемъ

нѣкоторое отступленіе, въ которомъ представимъ, что гг. критики, прикрываясь *высшими интересами науки* и весьма нецеремонно относясь къ особѣ и творенію Карамзина, презрительно называя людей возмущавшихся ихъ грубостью, *слѣпыми поклонниками*, *прихожанами*, *свѣтскими невѣжами* *), что эти критики, были весьма щекотливы къ своей собственной особѣ. Доказательствомъ сего можетъ служить *Дѣло, производившееся въ Московскомъ Цензурномъ Комитетѣ, по жалобѣ статскаго совѣтника, ординарнаго профессора и кавалера М. Т. Каченовскаго на цензора маіора и кавалера Сергѣя Глинку*. До начатія этого процесса Каченовскій заявилъ въ своемъ *Вѣстникѣ Европы*: „Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною, я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ безплодной полемики; а теперь не имѣю на то права, *предпринявъ другія мѣры* къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи *Телеграфической*, еслибъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастіе продолжать оную". Прочитавъ эти строки, Пушкинъ замѣтилъ: „многочисленные почитатели *Вѣстника Европы* затрепетали. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Михаила Трофимовича. Къ счастью, скоро все объяснилось".

Въ 1828 году М. Т. Каченовскій въ жалобѣ своей Московскому Цензурному Комитету изложилъ слѣдующее: „Въ *Московскомъ Телеграфѣ* на 1828 годъ, издаваемомъ купцомъ Николаемъ Полевымъ, и печатаемомъ подъ цензурою господина маіора и кавалера Сергѣя Глинки, находятся выраженія укоризненныя относительно къ моему лицу и не менѣе того предосудительныя для мѣста, при которомъ имѣю счастіе служить съ честью, съ дипломами на ученыя степени и въ званіи ординарнаго профессора; выраженія сіи, крайне

*) Замѣтимъ, что къ симъ послѣднимъ принадлежали И. И. Дмитріевъ, Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, Пушкинъ, и др.

оскорбительныя для меня, совершенно противны 3-му и 4-му пункту, также пунктамъ 13 и 14 Высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, коими охраняется личная честь каждаго отъ оскорбленій. Поступокъ господина маіора Глинки, тѣмъ болѣе обиденъ для меня, что купецъ Полевой дозволилъ себѣ и сотрудникамъ своимъ въ прежнихъ книжкахъ *Телеграфа* весьма часто, безъ всякаго повода литературнаго, упоминать о имени моемъ съ неуваженіемъ и порицаютъ мои труды, безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства и что слѣдовательно г. цензоръ дѣйствовалъ по пристрастію; ибо не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, воспрещаемомъ силою закона. Будучи столь жестоко обиженъ передъ публикою, я покорнѣйше прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ законному меня удовлетворенію". Съ своей стороны и Совѣтъ Московскаго Университета заявлялъ попечителю округа, что онъ „не можетъ оставить безъ вниманія оскорбленіе нанесенное личности издателя *Вѣстника Европы*— одного изъ достойнѣйшихъ своихъ *чиновниковъ*, по утвержденію высшаго начальства съ честью, въ теченіе многихъ лѣтъ преподававшаго при Московскомъ Университетѣ: Риторику, Археологію, Теорію Изящныхъ Искусствъ и нынѣ занимающаго каѳедру Россійской Исторіи и Статистики. И о семъ то извѣстномъ профессорѣ въ помянутой статьѣ *Московскаго Телеграфа*, Совѣтъ долженъ былъ прочесть: „еслибы онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ въ законахъ словесности и принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшные предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его. Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель *Вѣстника Европы*? Гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ, онъ водрузилъ свои знамена? И потомъ, оспаривая у другихъ право литературнаго суда, онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на его права: гдѣ они?" Университетъ на сей вопросъ о правахъ заслуженнаго *чинов-*

ника, побуждается отвѣтствовать: права его на судъ литературный суть: избраніе высшаго начальства Народнаго Просвѣщенія въ публичные преподаватели словесности и законовъ ея въ Университетѣ Московскомъ, званіе члена ученаго сословія Императорской Россійской Академіи, Всемилостивѣйшія награжденія Государя Императора, которыхъ былъ удостоиваемъ издатель *Вѣстника Европы*, единственно по ученой службѣ своей при Университетѣ, по предмету Словесности и Исторіи Россійской. Представляя ученой публикѣ судить объ ученыхъ трудахъ и заслугахъ профессора Каченовскаго по симъ наукамъ сверхъ службы его, Совѣтъ Университета долгомъ поставляетъ защитить оскорбленную честь *чиновника* своего и даже предохранить, отъ явнаго униженія частныхъ лицъ, самый составъ Университета. Исправность въ службѣ, увѣренность въ пользѣ ея приносимой обществу, питаемая поощреніями высшаго начальства, составляютъ честь чиновника, драгоцѣнное сокровище ученаго, какъ не мздоимство, мужество составляютъ честь поставленнаго правительствомъ судіи и воина. Сію честь охраняетъ 4-я статья, § 3 устава о цензурѣ, Высочайше утвержденнаго 22-го прошлаго апрѣля. Поелику вышеозначенною статьею, № 20 *Московскаго Телеграфа*, унижена честь, служащаго профессора при университетѣ Каченовскаго и тѣмъ оскорблено даже начальство Московскаго Университета, то Совѣтъ, доводя о семъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, долгомъ поставляетъ просить, какъ предсѣдателя Московскаго Цензурнаго Комитета, принять начальническія мѣры для учиненія законнаго взысканія и для отвращенія на будущее время, подобнаго оскорбленія личности *чиновниковъ* Университета".

Когда жалоба Каченовскаго была доведена до свѣдѣнія Глинки, то онъ заявилъ въ Московскій цензурный комитетъ, что „на основаніи 9-го пункта *Дворянской Грамоты* и въ силу 45-го пункта устава благочинія долгомъ поставляю просить Московскій Цензурный Комитетъ о востребованіи отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго слѣдующихъ явствен-

ныхъ показаній: во-первыхъ, въ какомъ смыслѣ говоритъ проситель *о пристрастіи моемъ*. Во-вторыхъ, какимъ образомъ, по словамъ того же просителя, *не могъ я не знать объ умыслѣ купца Полеваго?*" На сей послѣдній запросъ Каченовскій отвѣчалъ довольно туманно: „Г. цензоръ Глинка, вѣдая возлагаемыя на него цензурнымъ уставомъ обязанности и, однакожъ, одобряя къ напечатанію многократно повторенныя оскорбительныя для чести моей выраженія, равно, какъ нескромное и предосудительное обнародованіе того, что̀ относится до ученой службы моей и до нравственности, естественно дѣйствовалъ не по мгновенной оплошности, не по ошибкѣ или недосмотру, а по пристрастію. Къ сему присоединяю и еще доказательства, что господинъ цензоръ и кавалеръ Глинка не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, клонящемся къ оскорбленію чести моей непристойными выраженіями и предосудительнымъ обнародованіемъ того, что̀ относится до моей нравственности, и самою даже клеветою, когда и прежде уже неоднократно одобрялъ къ напечатанію, то, что̀ купецъ Полевой дозволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ, безъ всякаго повода литературнаго, писать обо мнѣ, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ, порицать мои труды безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства. Напримѣръ: 1) „Въ Современномъ Наблюдателѣ въ первый разъ услышали откровенное признаніе, что *Вѣстникъ Европы* нынѣшняго издателя *сухъ* и *тяжелъ*". (*Моск. Телегр.*. 1828 г., № 5, стр. 104 и 105); 2) „въ *Вѣстникѣ Европы*... на каждой страницѣ встрѣтите полдюжины барбаризмовъ" (*Моск. Тел.* 1828 г., № 12, стр. 50); 3) программа въ этомъ мѣстѣ списана съ обвертки *Вѣстника Европы*, тамъ каждый годъ г. издатель обѣщаетъ: оды, гимны, отрывки изъ трагедій и комедій, элегіи, посланія, сатиры и проч. (зри обвертку *Вѣстника Европы*, какого угодно изъ послѣднихъ лѣтъ)"... „Издатель *Вѣстника Европы* не поэтъ и, по недороду поэзіи, не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, елегій" (*Моск. Тел.* 1828, № 15, стр. 462).

Взводимое на меня здѣсь передъ публикою обвиненіе, во всегдашнемъ неисполненіи моего обязательства, есть одна изъ клеветъ, запрещаемыхъ закономъ. Доказываю, прилагаемыми у сего четырьмя обертками, что въ истекшіе два года я не обѣщалъ ни гимновъ, ни елегій, а въ прежніе годы не могъ обѣщать открывковъ изъ трагедій и комедій, потому, что помѣщеніе ихъ было запрещено передъ симъ лѣтъ за шесть или болѣе, о чемъ вѣдаютъ господа профессора, присутствующіе въ комитетѣ; 4) *Московскаго Телеграфа*, на 1828 годъ, въ № 19, на стр. 271 въ примѣчаніи упомянуто мое имя вмѣстѣ съ другими, а на слѣдующей 272 сказано: „союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ, въ виду имени заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной чести“ *). Все прописанное мною противно не только уставу о цензурѣ, но и прочимъ узаконеніямъ, охраняющимъ честь каждаго; оно запрещается и противно именно: устава благочинія или полицейскаго § 123, касательно слуховъ, вредъ наносящихъ, лжеклеветы или поношенія, или злословія и проч. § 270, коимъ повелѣвается, учинившаго лживой поступокъ, имать подъ стражу и отослать къ суду; параграфа 271, пункту 11, гдѣ повелѣвается, учинившаго письма ругательныя, отослать къ суду; § 272-му, пункту 9-му, гдѣ повелѣвается, учинившаго разсѣваніе лжи и клеветы, имать подъ стражу и отослать къ суду. За симъ, какъ жестоко обиженный передъ публикою, я, на основаніи параграфа 70, устава о цензурѣ, и вышеприведенныхъ параграфовъ устава благочинія или полицейскаго, повторительно прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ оборонѣ меня отъ обидъ и къ законному удовлетворенію“.

Глинка не давалъ себя въ обиду, и на этотъ отвѣтъ Каченовскаго представилъ въ Московскій Цензурный Комитетъ весьма сильное возраженіе: „Поелику“, писалъ онъ, „господину статскому совѣтнику и кавалеру Каченовскому благо-

*) Слова князя П. А. Вяземскаго. См. выше.

угодно было два раза безъ суда предать меня суду: во-первыхъ въ прошеніи своемъ, во-вторыхъ въ объясненіи, то, на основаніи всѣхъ государственныхъ узаконеній, охраняющихъ гражданское бытіе каждаго лица, прошу покорно Комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго объясненіе: почему, въ нарушеніи §§ 12, 15 и 47 устава о цензурѣ, безъ предварительнаго и обстоятельнаго изслѣдованія начальства цензурнаго, превращаетъ онъ въ уголовное преступленіе полемическія и литературныя распри? Ибо, въ сообразность 4 пункта, параграфа 3 *Устава*, во всѣхъ приведенныхъ имъ выраженіяхъ, не только нѣтъ никакой клеветы на образъ его жизни, но даже ни слова не упомянуто о семейственномъ и нравственномъ его существованіи. А потому при семъ, не только въ силу § 66 устава о цензурѣ, но и какъ россіянинъ, любящій отечество, честь имѣю предложить разборъ того объявленія господина издателя *Вѣстника Европы*, по поводу котораго одобрилъ я къ напечатанію статью въ *Телеграфѣ*. Сообразно основательнымъ правиламъ словесности, надлежитъ предлагать о каждомъ предметѣ съ приличіемъ, свойственнымъ оному. Увѣдомленіе о изданіи журнала есть объявленіе, непринадлежащее въ особенности ни къ какому разряду словесности. Оно требуетъ одного простого, яснаго и опредѣлительнаго изложенія предмета. Разсмотримъ, такъ ли поступилъ г. издатель *Вѣстника Европы*. Послѣ нѣсколькихъ словъ, относящихся къ прежнему изданію *Вѣстника*, онъ продолжаетъ: „Не могу обѣщать всего, но имѣю справедливыя причины обнадежить почтенныхъ споспѣшествователей отечественнаго просвѣщенія, что *Вѣстникъ*, между прочимъ, представитъ имъ статьи новыя по содержанію. Область бытописаній неизмѣрима: нѣкоторыя мѣста въ ней донынѣ еще не были посѣщены изыскателями, ищущими открытій, на иныхъ проложены тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ. Г. Издатель *Вѣстника Европы* напечаталъ объявленіе свое въ Москвѣ, слѣдственно подъ общимъ наименованіемъ бытописанія можно подразумѣвать и россійскую

исторію. Но Россія и Европа давно уже обратили вниманіе свое на трудъ знаменитаго нашего исторіографа Николая Михайловича Карамзина. Ужели и сей бытописатель оставилъ въ твореніи своемъ однѣ тропинки, теряющіяся въ тундрахъ безплодныхъ? Ужели въ тѣ-же тундры должно сослать всѣ изысканія о Россіи Миллера, Шлецера, Круга и другихъ мужей, извѣстныхъ умомъ и трудолюбіемъ? Ополчась, на труды бытописателей, г. издатель *Вѣстника Европы,* еще съ сильнѣйшимъ ожесточеніемъ нападаетъ на авторовъ, украшающихъ россійскую словесность на различныхъ ея поприщахъ. Съ другой стороны, восклицаетъ сочинитель объявленія, видимъ безпомощное состояніе литературы, чудныя распри не за правое дѣло, а за невѣрныя выгоды первенства, усилія партій водрузить знамена свои на землѣ, которая не была воздѣлываема ихъ трудами. Законы словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики. Надобно, чтобы голосъ ихъ доходилъ до слуха любознательнаго, который не услаждается звуками кѵмвала брацающаго и мѣди звѣнящей". Такимъ образомъ, загнавъ сперва труды всѣхъ историковъ въ тундры безплодныя, новою грозною вылазкою, г. издатель *Вѣстника Европы* домогается уничтожить всѣ произведенія новыхъ нашихъ писателей, которые, по мнѣнію его, водрузили знамена на чужой землѣ. Прибавимъ также съ чувствомъ благороднаго негодованія, что г. Издатель *Вѣстника Европы*, несправедливо утверждаетъ, будто бы литература наша въ безпомощномъ состояніи. Мы видѣли и видимъ, что и нынѣшнее правительство награждаетъ все то, что́ достойно награды. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Булгаринъ, Гречъ и проч. другіе служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Европа смотритъ на Россію зоркимъ окомъ и наблюдаетъ всѣ шаги нашего образованія и просвѣщенія. Переведите, если только можно перевесть на какой нибудь языкъ, выписанныя мною выраженія г. издателя *Вѣстника Европы,* переведите ихъ на нарѣчія иностранныя и что̀ скажутъ тогда европейскіе любители словесности, привыкшіе къ соображенію мыслей съ ясностію и точностію

словъ; что́ скажутъ они о семъ туманномъ сбродѣ рѣчей? Да и я долженъ прибавить, что еслибы у насъ всѣ стали такъ писать, то россійская словесность быстрыми бы шагами отступила къ тринадцатому столѣтію. Наконецъ, долгомъ почитаю замѣтить, что г. статскій совѣтникъ и кавалеръ Каченовскій, уполномочивъ себя защищать то мѣсто, гдѣ служитъ, самъ на него доноситъ. Всѣмъ извѣстно, что г. Издатель *Вѣстника Европы*, въ изданіи своемъ, нѣсколько лѣтъ подкрѣпляемъ былъ Московскимъ Университетомъ. Какъ же онъ о томъ объясняется? Приведемъ его слова: „Распорядитель—говоритъ онъ въ объявленіи своемъ, — менѣе ограниченный обстоятельствами, далѣе видитъ, свободнѣе соображаетъ, рѣшительнѣе дѣйствуетъ". Ужели университетъ ограничивалъ его обстоятельствами? Ужели университетъ мѣшалъ ему далѣе видѣть? Ужели университетъ не давалъ ему свободы соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать?".

Большинство членовъ Цензурнаго Московскаго Комитета рѣшило эту тяжбу въ пользу Каченовскаго; но въ это время въ Московской Цензурѣ служилъ Владиміръ Васильевичъ Измайловъ, писатель первой Карамзинской эпохи, котораго любилъ и уважалъ И. И. Дмитріевъ и съ которымъ любилъ мѣняться не одними словами, но и мыслями, а потому понятно, что онъ одинъ возсталъ противъ нелѣпаго рѣшенія большинства членовъ Московскаго Цензурнаго Комитета и представилъ свое особое мнѣніе, въ которомъ заявилъ: „Правительство, основывая свои дѣйствія на законахъ общественнаго блага, имѣло въ виду чрезъ законъ цензуры удержать книгопечатаніе въ границахъ осторожности, но, соглашаясь съ требованіями просвѣщенія и вѣка, не позволило цензурѣ порабощать свободу мыслей, какъ видно изъ устава, по которому книги подвергаются запрещенію только въ немногихъ случаяхъ важныхъ, но рѣдкихъ, гдѣ въ смыслѣ государственныхъ правилъ есть злоупотребленіе права излагать свои мысли. Далѣе, желая всячески ускорять, а не замедлять ходъ разума и успѣха гражданственности, желая даже совѣтоваться

съ общественнымъ мнѣніемъ и мыслящими писателями, правительство вызываетъ ихъ, говоритъ именно объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, о сочиненіяхъ и статьяхъ, отъ казенныхъ мѣстъ издаваемыхъ, слѣдственно съ неоспоримымъ правомъ объ ученыхъ достоинствахъ каждаго писателя, какому бы ученому обществу онъ ни принадлежалъ и какое бы мѣсто ни занималъ въ порядкѣ гражданскомъ. Теперь спрашиваю: на что можетъ сослаться или опереться цензоръ въ уставѣ намъ данномъ, чтобы перемѣнить или запретить критику одного журналиста на другого, критику хотя бы и рѣзкую, но чисто литературную. Говорятъ, на 4 пунктѣ, § 3, гдѣ запрещается оскорблять честь какого либо лица. Но честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ, и нанесенное кому либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или какъ чиновника, а если изъ критики можно вывести безвыгодное заключеніе о талантахъ или учености осуждаемаго писателя, это не касается до цензора; не его дѣло смотрѣть на слѣдствія критики и на ученую степень разбираемаго сочинителя. Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ прозаикъ, но судья; этотъ поэтъ, но сенаторъ; другой журналистъ, но академикъ; не смѣйте же касаться ни того, ни другого. Вотъ что воспослѣдовало бы вопреки уставу о цензурѣ изъ новой требуемой строгости. Наконецъ можетъ ли какое либо ученое мѣсто требовать, чтобы его члены были недоступны строгому суду литературному подъ защитою своихъ именъ и своихъ титловъ? И можетъ ли частное осужденіе одного изъ нихъ въ литературномъ отношеніи падать на цѣлое общество, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто? По крайней мѣрѣ не такъ думали до нынѣшняго времени, когда никто не протестовалъ ни противъ строгой критики Макарова на вицъ-адмирала Шишкова, ни противъ другихъ обидныхъ критикъ, писанныхъ на исторіографа Карамзина, ни противъ недавней

сильной рецензіи на статсъ-секретаря Муравьева, хотя всѣ упомянутые писатели стоятъ въ спискѣ почетныхъ членовъ Россійской Академіи и Московскаго Университета. Когда же подобныя рецензіи на академиковъ и государственныхъ людей были донынѣ терпимы, то еще болѣе разрѣшены онѣ правилами новаго устава, и цензоръ обязанъ съ нимъ согласоваться, не позволяя себѣ ни своевольнаго отступленія, ни самовластнаго дѣйствія. Но подавъ свой голосъ въ защищеніе того, что мнѣ кажется справедливостію, я присоединяюсь къ общему мнѣнію и желанію всего Комитета, чтобы особеннымъ наказомъ дано было цензору право прекратить бранную полемику, выходящую нынѣ изъ границъ вѣжливости и умѣренности. До того времени мы не можемъ дѣйствовать сами собою по своему произволу".

Когда же дѣло сіе было перенесено въ Главное Управленіе Цензуры, то безпристрастный Министръ Народнаго Просвѣщенія князь Ливенъ согласился съ мнѣніемъ Измайлова и призналъ, что выраженія, на которыя принесъ жалобу Каченовскій, „относясь единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. По сему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ господина цензора Измайлова, Управленіе нашло, что господинъ цензоръ Глинка не могъ воспретить напечатаніе въ *Московскомъ Телеграфѣ* вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ Главное Управленіе Цензуры замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго учебнаго сословія".

Недовольствуясь этимъ справедливымъ рѣшеніемъ министра и даже пользуясь симъ случаемъ, С. Н. Глинка обратился съ слѣдующею оригинальною просьбою къ попечителю Московскаго Учебнаго Округа А. А. Писареву: „Не имѣя ничего, кромѣ жалованья, для пропитанія моего семейства, необходимо долженъ я вырабатывать каждый день по крайней

мѣрѣ по пятнадцати рублей. Время и трудъ составляютъ все мое имущество: души благородныя знаютъ цѣну сей собственности. Обстоятельства, возникшія по поводу прошенія г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго, въ продолженіе свыше двухъ мѣсяцевъ, отвлекли меня отъ ежедневныхъ занятій. Я потерпѣлъ убытку болѣе четырехъ-сотъ рублей, а потому не благородно-ли будетъ предписать мнѣ выдать въ возмездіе за понесенный мною ущербъ?“ Къ сей просьбѣ Глинка присовокупилъ и слѣдующую: „Не соблаговолитъ-ли благодѣтельное начальство предоставить мнѣ квартиру и отопленіе“. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ слѣдующее слезное воззваніе къ начальству: „Если небесное Провидѣніе увѣнчаетъ успѣхомъ прошеніе мое, тогда послѣ многолѣтнихъ скорбныхъ дней блеснетъ для моего семейства заря новаго бытія. Горестныя слезы жены и дѣтей моихъ, осушенныя благодѣтельною рукою человѣколюбиваго начальства, обратятся въ слезы сердечной благодарности“.

Вслѣдствіе этой просьбы А. А. Писаревъ писалъ къ Министру Народнаго Просвѣщенія князю Ливену (отъ 2 апрѣля 1829 г.): „Г. Глинка проситъ меня о вознагражденіи его за причиненный ему убытокъ поданною просьбою на него профессоромъ Каченовскимъ. Находя съ своей стороны возможнымъ вознаградить его, осмѣливаюсь сіе представить на благоусмотрѣніе и разрѣшеніе вашей свѣтлости, тѣмъ болѣе, что г. Глинка предпринималъ таковою же просьбою обезпокоить вашу свѣтлость въ случаѣ моего непринятія нынѣшней его просьбы“. Но хладнокровный князь Ливенъ остался равнодушенъ и къ „слезамъ, горести и къ слезамъ благодарности“ и призналъ, что г. Глинка не можетъ требовать особаго вознагражденія „за отвлеченіе отъ его литературныхъ занятій, причиненное ему просьбою на него по званію цензора“.

Вскорѣ послѣ того между профессорами Московскаго университета Снегиревымъ и Кубаревымъ возникла полемика, и когда послѣдняго упрекали, между прочимъ, за то, что онъ имѣлъ какой-то недобрый умыселъ противъ Снегирева, *обле-*

ченнаго почетнымъ саномъ профессора, Кубаревъ вспомнилъ тогда о нападеніяхъ, которыя дѣлались на Карамзина, и писалъ въ своей рекритикѣ: „Скажите мнѣ, какой санъ почетнѣе: санъ-ли профессора, или санъ государственнаго исторіографа? Однако на *Исторію Государства Россійскаго* при первомъ ея появленіи и послѣ возникли критики—и сочинитель оной, сей знаменитый мужъ, сіе украшеніе своего вѣка, сія вѣчная слава нашей литературы, сей отецъ нашей Исторіи—ибо въ его только сочиненіи она зрѣлась достойною чтенія всѣхъ просвѣщенныхъ людей—сей авторъ, коего заслуги награждены вѣчнаго прославленія достойнымъ вниманіемъ и щедротами Александра, Николая заставилъ-ли замолчать хотя одного критика, опираясь на важность своего сана?“ [368]).

XXXVI.

Журнальная дѣятельность, съ ея шумомъ и гамомъ, съ ея критиками и антикритиками захватывая Погодина въ свой водоворотъ, не могла овладѣть имъ всецѣло, а потому онъ былъ неисправный журналистъ. Сердце постоянно влекло Погодина изъ редакціи *Московскаго Вѣстника* на Покровку, въ домъ Трубецкихъ. Книжку, заключающую въ себѣ собраніе его повѣстей, онъ посвящаетъ: *Старому другу въ воспоминаніе о 1825, 1826, 1827 и 1828 годахъ.* Этотъ *старый другъ* былъ никто другой, какъ юная княжна Александра Ивановна Трубецкая. Какъ свѣтильникъ предъ своимъ угасаніемъ вспыхиваетъ ярче, такъ и нѣжная страсть его предъ разлукою съ обожаемою имъ особою разгоралась сильнѣе и наполняла его сердце въ теченіе всего 1828 года; но ему не везло и тутъ. Весьма естественно, что княжна Трубецкая не могла отвѣчать ему полною взаимностью, а это раздирало сердце ея поклонника. Не считая въ правѣ умалчивать о проявленіяхъ сердечной жизни Погодина, мы, поль-

зуясь его *Дневникомъ*, представимъ, какъ умѣемъ, этотъ деликатный эпизодъ его жизни.

Мы уже знаемъ, что въ концѣ 1827 года Погодинъ ѣздилъ въ Петербургъ. Оттуда онъ торопится, чтобы поспѣть на вечеръ къ княжнѣ Трубецкой. „Не съ такимъ удовольствіемъ думалъ, — сознается онъ, — о свиданіи съ маменькой, какъ съ княжной". 16 января 1828 года Погодинъ возвращается въ Москву и въ *Дневникѣ* его находимъ слѣдующія записи: „Къ *А*. Ахъ какъ я рада! Ахъ какъ я радъ. Увидѣлъ князя Николая Трубецкаго. Вырвалось нѣсколько минутъ, въ которыя могъ говорить съ *А*. „Еслибы вы знали меня покороче, вы любили бы меня больше". Стало быть я знаю васъ коротко, потому что любить больше нельзя. Священный огонь въ ней! Ахъ, если его погасятъ въ душныхъ гостиныхъ. Пріѣхалъ какой-то Мефистофель, и разговоръ прервался". Въ это время Трубецкіе стала думать о переѣздѣ въ Петербургъ, и это очень смущало Погодина. „Петербурга я боюсь" пишетъ онъ, „какъ огня, за нее. Стѣна между нами поднимется еще выше. Суетные. Ее увлекутъ въ другой кругъ—Гагариныхъ, которые рѣжутся за ленту и почитаютъ себя на верху счастья, если удастся имъ поговорить лишнюю минуту съ Царемъ или съ Царицею. И потускнѣетъ мое чистое зеркало, и со мною раззнакомятся. Судьба! Зачѣмъ ты играешь такъ людьми". Тревожныя чувства, питаемыя къ княжнѣ Трубецкой, Погодинъ изливаетъ въ Дневникѣ своемъ: Подъ *14 Февраля* записано: „Вечеръ у Трубецкихъ у всенощной. Какъ хочется излиться иногда и удерживаюсь. Дождусь-ли я, что Изида сниметъ съ себя покрывало. Я вижу и чрезъ него, но мнѣ хочется, чтобъ она сама мнѣ показалася. Райская минута". Подъ *18 Февраля*: „Отправлюсь къ обѣднѣ. Посмотрю на нее, какъ будетъ она пріобщаться. Дѣва есть нѣчто святое, чистое на землѣ. Какъ много въ ней поэзіи. День очистительный—день великій. Послѣ обѣдни шатался въ ихъ сараяхъ, тѣнью между тѣнями". Подъ *31 Марта*. „Нѣтъ, она любитъ меня, какъ учителя, и

только. Тебѣ далеко до нея, какъ до звѣзды небесной". Подъ *1 Апрѣля*: „Къ Трубецкимъ. Отвезъ письма ко мнѣ. Что же исповѣдь? Да я колеблюсь. Не стыдно ли вамъ? Я сплю и вижу, какъ бы излить свою душу предъ вами, а вы! Подумайте, что это можетъ быть послѣднее время я съ вами такъ... Полноте, мое счастіе только что начинается... А мое, можетъ быть, кончается. Если ваше кончается, такъ мое также. Стѣна между нами поднимается. Нѣтъ, не стѣна, а barrière, которую мы будемъ двигать, и наконецъ сдвинемъ. Бѣдный Нарциссъ! тѣнь ему кажется тѣломъ! Она налила мнѣ чаю". Подъ *9 Апрѣля*: „Долго думалъ объ *А*. Какъ стану прощаться съ нею передъ ея замужествомъ и на корабль".

Въ Апрѣлѣ Трубецкіе поѣхали въ Знаменское и пригласили съ собою Погодина. „Стремглавъ туда", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 22 Апрѣля, „и съ портретомъ, на коемъ подписалъ *другу*". Этотъ свой портретъ Погодинъ желалъ вручить княжнѣ Трубецкой, но не рѣшался. Наконецъ рѣшился завести съ нею объ этомъ рѣчь „оборотами издалека; я хочу подарить завтра NN портретъ съ надписью *другу*, не знаю, возьметъ-ли и пр.". И съ этою цѣлью онъ пошелъ въ садъ, надѣясь встрѣтить ее, и встрѣтилъ. При этомъ ему вспомнилось о какомъ-то свиданіи у пруда"... Погодинъ отправился туда и сѣлъ на то мѣсто, взявъ, какъ тогда, книгу... Она подошла. „Вы точно такъ сидѣли. Дайте и я сяду. Возьмите и книгу. Я подалъ ей, позабывъ давно свое сердце, *Онѣгина*. Она развертываетъ и видитъ портретъ. Какъ она была рада! Благодарствуйте, благодарствуйте, какое сдѣлали вы мнѣ удовольствіе. Но прочли ли вы надпись? *Другу*. Позволите ли такъ? Какъ же нашъ добрый, любезный другъ! Удовольствіе и радость были написаны живо на лицѣ ея. Она благодарила меня искренно". Затѣмъ Погодинъ отправился „въ противоположную сторону и остановился на мѣстѣ, съ котораго видна была вся аллея. Стоялъ долго, какъ Валленродъ. Она часто оборачивалась. Сердце у меня билось. Пили чай. Я вспоминалъ ей, какъ понравилась она мнѣ съ перваго раза". Послѣ этого свиданія

Погодинъ вернулся въ Москву „съ живымъ чувствомъ“ и онъ долго вспоминалъ о своихъ разговорахъ съ княжной Трубецкой; „толковалъ ея слова, мечталъ о будущемъ. Неужели она любитъ меня больше, чѣмъ учителя? Молился: если ни за кѣмъ не будетъ она такъ счастлива, какъ за мною, Господи! дай мнѣ ее“.

На этихъ словахъ *Дневникъ* прерывается на нѣсколько мѣсяцевъ и, по объясненію Погодина, вслѣдствіе разныхъ дѣлъ, которыя „можно назвать бездѣльными“. Возобновленіе же *Дневника* начинается съ 1 сентября и подъ этимъ числомъ читаемъ: „Мечталъ съ удовольствіемъ: письмо по утру ко мнѣ. Стѣна обвалилась. Другъ мой, ангелъ! Блаженный мѣсяцъ. Открывается матери. Берутъ на годъ въ Петербургъ на искусъ. Вѣрна, возвращеніе и свадьба въ Знаменскомъ. Устрою дѣла въ годъ. Два года вмѣстѣ путешествуемъ, возвращаемся. Домъ Безбородки. Общество, просвѣщеніе!... Или: годъ съ нею здѣсь безъ стѣны. Или: холодный пріемъ. Я съ вами ужъ простился. Ахъ, какъ бы счастлива была бы она со мною“! Но вскорѣ на Погодина находитъ раздумье и подъ *7 Сентября* онъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Ну что если это въ самомъ дѣлѣ сбудется! — А если нѣтъ? Вѣдь стыдно философу строить такіе воздушные замки“. Посѣтивъ Аксаковыхъ онъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на Ольгу Семеновну „въ кругу семейства милаго“ и думалъ, „что еслибы мнѣ зажить такъ съ Сашенькою!“

Въ октябрѣ 1828 года Погодинъ опять посѣтилъ Знаменское и прожилъ тамъ нѣсколько дней. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣчаетъ: Подъ *12 октября* „Послѣ лекціи, устроивъ кое-какъ дѣла *Московскаго Вѣстника*, съ сладкими чувствами въ Знаменское. Тамъ узналъ, что Варна взята. Теперь хоть немного утѣшится народъ. Послѣ обѣда гулялъ съ нею, княземъ Юріемъ Трубецкимъ и Мансуровымъ. Все молчалъ. Она съ Мансуровымъ. Только подъ конецъ нѣсколько словъ“. Подъ *13 октября*. „Читалъ ввечеру съ большимъ удовольствіемъ Кине и Риттера ей, объяснялъ, возбуждалъ чувства прекрас-

ныя въ прекрасной“. Подъ *14 октября.* „Былъ у обѣдни. Прочелъ *Онѣгина* лѣнивому и пустому Мансурову“. Вдругъ получилъ записочку: „Что вы не говорите со мною ничего дѣльнаго. Объ чемъ говорили вчера? Мнѣ надо впечатлѣній сильныхъ. Еще есть время“. Мнѣ показалось, что здѣсь есть и другой смыслъ. Я отвѣчалъ двусмысленной записочкой, которая доставила мнѣ большое удовольствіе. „Я готовъ, но дольше не могу, отъ васъ зависитъ“. Потомъ прислала она назадъ за своею первою запискою. Видѣлъ ее въ окошко. Нѣтъ, она писала ко мнѣ просто, какъ къ учителю“.

Выѣздъ изъ Знаменскаго былъ назначенъ на 16 октября 1828 года, и подъ этимъ число въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Ѣхать. Присылаетъ спросить, увидимся ли. Приду проститься. Ходилъ къ ней. „Я приду къ м. Симону“. Пришла и на народѣ наговорила вздору. Прощайте. Потомъ прислала спрашивать меня объ Исторіи. Отвѣчалъ. Въ садъ. Встрѣтилъ ее въ березовой аллеѣ. Поговорили. Она какимъ-то сухо-обиженнымъ тономъ, и разошлись. Видѣлъ ее чрезъ вѣтви, и сѣлъ на знакомое мѣсто у пруда. Она, между тѣмъ, обходила съ другой стороны прудъ и въ калитку, я на-встрѣчу къ ней, и сошлись у бесѣдки. Опять объ Исторіи. Потомъ какъ-то обернулся разговоръ на вчерашній вечеръ. „Вы были что-то не въ духѣ и дѣлали мнѣ даже грубости“. Извините, безъ намѣренія... Опять встрѣтились у калитки и разошлись. Успѣлъ обѣжать и встрѣтиться еще три раза въ большой аллеѣ, на углу березовой, и у маленькаго садика... Прощайте... Поѣхалъ съ м. Симономъ“.

По возвращеніи въ Москву Погодинъ намѣревался объясниться съ княжною Трубецкой и поэтому заноситъ въ свой *Дневникъ* подъ 19 октября слѣдующее: „Не сказать ли мнѣ: Княжна! Я люблю васъ слишкомъ много, боюсь сойти съ ума, и потому прощайте! Вотъ я и узнаю образъ ея мыслей о себѣ. Писалъ къ ней письмо, и надо признаться, что мои обороты очень затѣйливы и остроумны“. Подъ *21 октября.* „Не смѣшнымъ ли я покажусь княжнѣ, если она узнаетъ,

что я люблю ее. Впрочемъ, я не люблю ее такъ страстно, какъ въ романахъ, Ну, если бы въ самомъ дѣлѣ случилось! Какъ больно мнѣ, когда я представляю ее въ объятіяхъ другаго". Подъ *27 октября.* „Длинный разговоръ у фортепіано. Я не буду ѣздить къ вамъ. Разумѣется, вамъ скучно, видя одно и то же. (Нѣтъ ли тутъ кокетства, вызова). Знаете ли вы, что я готовъ пожертвовать жизнью для васъ? Она отворотилась и долго, какъ будто бы желая скрыть свое замѣшательство. Я самъ не смѣлъ смотрѣть на нее". Затѣмъ Погодинъ пишетъ: „Съ какимъ удовольствіемъ увѣдомлю Аксакова и пр. изъ Петербурга о моей свадьбѣ. Мечтатель!" Подъ *31 октября*: „Думалъ о ней. *Ахъ, няня, няня, открой окно, да сядь ко мнѣ, вѣдь я влюбленъ*". Подъ *12 ноября.* „Думалъ о ней. Чувствуетъ ли она ко мнѣ какую нибудь склонность? Никогда, однакожъ, она не говорила со мною о своей свадьбѣ". Подъ *13 ноября*: „Другъ мой! Кто понимаетъ такъ тебя, какъ я?" Подъ *18 ноября*: „Досадно было смотрѣть на нее по уши, погрязнувшую въ ихъ дряни и не думающую какъ выкарабкаться изъ нея". Подъ *24 ноября*: „Получилъ записочку отъ *А* и былъ въ восхищеніи. Перечитывалъ ее и наслаждался. Здѣсь что-то больше обыкновенныхъ дружескихъ отношеній. Другъ мой! Будь моею. Обѣдалъ у нихъ (т.-е. Трубецкихъ)". Подъ *30 ноября*: „Думалъ о ней. Безъ нея міръ—тьма, а съ нею какой свѣтъ. Біографія *Адели* будетъ состоять изъ отрывковъ журнала" *). Подъ *2 декабря*: „Скажите, княжна, увѣрены ли вы, что я люблю васъ? Увѣрена, и это самое лучшее доказательство моей любви къ вамъ. Нѣсколько пріятныхъ взглядовъ". Подъ *7 декабря*: „Ахъ какъ люблю, понимаю ее! Досадна ея натуральная неоткровенность. Какъ радъ бы я былъ помѣняться съ нею душами".

Но наступало время отъѣзда Трубецкихъ въ Петербургъ, и Погодинъ съ грустью отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* подъ 12—*14 декабря*: „Часто у Трубецкихъ, которые собираются

---

*) *Повѣсти* Михаила Погодина. Москва. 1832 г. III, 122—228.

въ Петербургъ. Кажется, что моя мечта разлетится. Только я люблю ее. Ея одной мнѣ было жаль. Тогда только мнѣ сладко, когда она понимаетъ мою мысль. Не крѣпко она желаетъ". Подъ *19 декабря*: „Вечеръ у Трубецкихъ. „Нѣтъ, я не буду говорить въ вами,—притомъ у насъ все такіе іероглифы". Шутилъ съ нею и Тютчевою надъ Петербургомъ. Не почемъ было ѣхать отъ Трубецкихъ въ 12. Въ твоемъ окошкѣ свѣтится огонь, другъ мой! Ты не думаешь такъ обо мнѣ".

Наконецъ, наступилъ день отъѣзда 20 декабря 1828 г. Погодинъ отправился ихъ провожать и съ отчаяніемъ записываетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Нѣтъ, она меня не любитъ. Пріѣзжайте къ намъ поскорѣе въ Петербургъ. Проводилъ до заставы. Какъ пустъ и глупъ большой свѣтъ, а она въ немъ! Странно, что во время коронаціи она вовсе вѣдь не показывала расположенія къ нему, а отъ Петербурга безъ памяти". Подъ *30 декабря*: „Молился: просвѣти мой разумъ, Господи, помози моему невѣрію, и дай мнѣ ее, если никто не можетъ сдѣлать ее счастливою".

Любовь, которую питалъ Погодинъ къ княжнѣ Трубецкой, порождала въ немъ чувство ревности, а сомнѣнія въ взаимности раздирали его сердце. Все это весьма явственно отражается въ безпорядочныхъ записяхъ его *Дневника*. Соперники его, конечно, находились въ большомъ свѣтѣ, къ которому всецѣло принадлежала княжна Трубецкая. Такимъ опаснымъ соперникомъ, если можно такъ выразиться, для Погодина явился блестящій свѣтскій человѣкъ, другъ Чаадаева, графъ Николай Александровичъ Протасовъ *) (род. 27 декабря 1798 г.) [369]). Еще въ бытность княжны Трубецкой въ Москвѣ, Погодинъ, по поводу своихъ объясненій съ нею, отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Княжна сказала: какъ вы легко судите о людяхъ и въ хорошую, и въ дурную сторону. Ужъ не о Протасовѣ ли вспомнила она; вѣрно, *пустой человѣкъ*. Вотъ и другой у нея женихъ. Какъ она вспыхнула, какъ я намедни сказалъ, что онъ поѣхалъ въ Петербургъ. Какъ легко оболь-

*) Впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Сvнода.

ить ее и чего не сдѣлаютъ подкупленные друзья. Она предавляется мнѣ съ Протасовымъ. Онъ цѣлуетъ ее. Какъ! Некели ты будешь за нимъ. Какъ мнѣ тяжело будетъ".

Отсюда намъ становятся понятны филиппики Погодина, торыя онъ мечетъ на большой свѣтъ изъ своего *Дневника*. идитъ онъ въ театрѣ и смотритъ *Игрока*. „Подлѣ меня,— пшетъ онъ,—въ креслахъ было множество магнатовъ. Какъ отски они разсуждаютъ! И между ними быть должна моя *А!*" о собирается написать онъ, „что нибудь съ цѣлью выставить самымъ рѣзкимъ образомъ весь нашъ большой свѣтъ, ю ничтожность, все невѣжество его, въ которомъ погруенный онъ забылъ, въ чемъ состоитъ высшее назначеніе ловѣка. Раскрыть предъ его глазами бездну, въ которой ъ томится, и тѣ предразсудки, которые мѣшаютъ ему выйти ь чистый воздухъ". То онъ пишетъ кому-то письмо „о гасти большаго свѣта и о наслажденіяхъ въ домашнемъ угу" [370]). По поводу этихъ огульныхъ обвиненій нашего льшого свѣта у Погодина, по крайней мѣрѣ, въ данномъ учаѣ объяснимыхъ, приведемъ замѣчаніе князя П. А. Вямскаго, которое раздѣлялъ и Пушкинъ. „Ничего нѣтъ завнѣе,—пишетъ князь Вяземскій,—доктринерскаго высокоѣрія нѣкоторыхъ писателей нашихъ, когда они съ жалостью презрѣніемъ отзываются о легкомысліи, пустотѣ и недоаткѣ нравственныхъ началъ нашего высшаго или аристоатическаго общества... Аристократическіе салоны не поѣшали Карамзину написать двѣнадцать томовъ *Исторіи;* ушкину написать въ короткое время нѣсколько превосходіхъ произведеній. Напротивъ, можетъ быть — о ужасъ!— и салоны способствовали развитію, разнообразію, окрѣпнію ихъ дарованія. Исключительный духъ товарищества, о-то въ родѣ замкнутаго заведенія съуживаетъ понятія: тъ не себя переносишь въ среду жизни, а жизнь переосишь въ свой заколдованный кругъ. Я былъ въ сношеяхъ со многими, едва-ли не со всѣми современными литеторами нашими. Изъ впечатлѣній и слѣдовъ, оставшихся на

мнѣ отъ разговоровъ съ ними, глубже и плодоноснѣе врѣзалось слышанное мною отъ Карамзина, Дмитріева, Пушкина, Баратынскаго" [371]). Въ подтвержденіе сказаннаго княземъ Вяземскимъ можетъ служить то, что самъ Погодинъ весьма усердно посѣщалъ салоны осуждаемаго имъ большаго свѣта и былъ благодушно тамъ принимаемъ. Мы часто видимъ его у Трубецкихъ, гдѣ онъ встрѣчался съ И. И. Дмитріевымъ; старался тамъ ознакомить свою богиню съ великимъ Суворовымъ; разсказывалъ свои петербургскія похожденія; толковалъ о крестьянахъ и при этомъ у него, по собственному сознанію, „сверкали нѣкоторыя государственныя мысли". Нерѣдко видимъ его въ блестящемъ салонѣ княгини З. А. Волконской, которая по его же отзыву была „очень мила, проста, умна". Посѣщалъ онъ также и Веневитиновыхъ и на одномъ изъ вечеровъ нашъ Сенека „сидѣлъ подлѣ дѣвушекъ, болтавшихъ вздоръ и женщинъ, несшихъ путаницу". При этомъ ему хотѣлось „вскочить со стула и загремѣть имъ: безсмысленныя"! Но это осталось однимъ только желаніемъ. Вслѣдъ за этимъ описаніемъ въ *Дневникѣ* его мы находимъ слѣдующую строчку: „Пріѣхала моя", т. е. княжна Трубецкая. Между тѣмъ вотъ что пишетъ Погодинъ о людяхъ другого круга и ему близкихъ по плоти: „Въ моемъ семействѣ прекрасные люди, но не по мнѣ. Другой образъ мыслей, другое все. Они странны для меня, какъ я для нихъ, и мнѣ тяжело слышать ихъ повѣствованія".

XXXVII.

Суетливая жизнь, которую велъ Погодинъ, не давала ему возможности посвятить себя всецѣло суровому служенію университетской каѳедрѣ, а потому дѣятельность его на этомъ поприщѣ за это время проявляется весьма слабо.

Однажды, приготовляясь къ лекціи, онъ читалъ Гердера; вниманіе его остановилось на слѣдующихъ словахъ этого пи-

сателя, которыя могли служить для него призывомъ, а вмѣстѣ и укоромъ: „Съ древнѣйшихъ временъ", пишетъ Гердеръ, „Аравійская степь была матерью высокихъ мечтаній и сіи мечтанія родились въ головѣ уединенныхъ, созерцательныхъ людей. Въ уединеніи пріялъ Магометъ свой коранъ; его дѣятельная фантазія восхищала его на небо и показывала тамъ ангеловъ, праведниковъ". Погодинъ именно не умѣлъ уединяться, когда уединеніе бываетъ столь необходимо, какъ напримѣръ во время приготовленія къ лекціямъ. Посѣтители постоянно его осаждали, и на это онъ жалуется въ своемъ *Дневникѣ*. „Писалъ лекцію", отмѣчаетъ онъ, „хоть никого не принимаю, но все таки продерутся человѣка два, три. Пріѣхалъ Алеша Веневитиновъ. Меня морозъ по кожѣ продираетъ. Завтра читать, а трети не написано, и не складывается. Между тѣмъ 11-ть часовъ. Что за дьявольщина! Провалялся часъ въ постели. Въ 12-ть принялся писать, разгулявшись. Написалъ къ пяти. Прочелъ. Какіе пропуски, недомолвки. Скучно. Соснулъ часа два" [101]). На другой день Погодинъ перечелъ свою лекцію и нашелъ, что „плохо". Отправляется въ Университетъ, „спѣша, ну если Двигубскій *) дожидается уже въ залѣ. Новая неудача... Нѣтъ, засталъ. Перечелъ еще разъ тамъ. Довольнѣе. Прочелъ двумъ стамъ слушателямъ пересохшимъ горломъ. Довольны". Въ бумагахъ Погодина сохранилась эта лекція, которую онъ прочелъ 21 сентября 1828 года предъ открытіемъ курса Новой Исторіи въ отдѣленіи нравственно-политическихъ наукъ, въ которой представивъ краткое обозрѣніе новой политической исторіи, ея содержаніе, сказавъ нѣсколько словъ о состояніи, въ какомъ находилась въ то время эта наука и какія усовершенствованія предлежатъ ей въ будущемъ, Погодинъ заключилъ свою лекцію такими словами: „Если размышляя объ исторіи просвѣщенія и сравнивая успѣхи наукъ точныхъ съ слабыми опытами нѣкоторыхъ наукъ умозрительныхъ, мы убѣждаемся, что непремѣнно должно и для нихъ насту-

*) Ректоръ Университета.

пить время благопріятное, то почему же не предположить, что симъ временамъ Европа будетъ должна нашему отечеству, которое не успѣло еще принести другихъ важныхъ жертвъ на алтарь всеобщаго человѣческаго просвѣщенія? Къ трудамъ, трудамъ неусыпнымъ и постояннымъ призываю я васъ, милостивые государи, и успѣхъ вашъ, смѣю увѣрить, будетъ несомнителенъ. Что касается до меня, по мѣрѣ силъ моихъ, я буду стараться оправдать лестную довѣренность начальства и заслужить ваше вниманіе". Оцѣнку своихъ лекцій Погодинъ, какъ мы уже замѣтили, дѣлалъ обыкновенно самъ въ своемъ *Дневникѣ*. Объ одной изъ нихъ онъ отзывается: „вышла порядочнѣе, нежели я думалъ"; а своею лекціею о Нидерландахъ онъ остался очень доволенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предлагаетъ студентамъ устроить историческую бесѣду. „Радехоньки" [372]).

Въ это время въ Исторіи Министерства Народнаго Просвѣщенія совершилось важное событіе: 23 апрѣля 1828 года, министръ А. С. Шишковъ, по разстроенному здоровью, получилъ всемилостивѣйшее увольненіе и преемникомъ ему назначенъ князь Карлъ Андреевичъ Ливенъ [373]). Въ декабрѣ новый министръ пріѣхалъ въ Москву, и Погодинъ получаетъ слѣдующую записку отъ ректора Двигубскаго (17 декабря): „Сегодня въ 8 часовъ утра Министръ Народнаго Просвѣщенія будетъ въ Университетѣ на лекціяхъ. Почему покорнѣйше прошу васъ въ 8 часовъ непремѣнно быть въ классѣ и притомъ въ мундирѣ. Если вы начали репетицію, то можно ее оставить, а нужно будетъ прочесть лекцію" [374]). Въ продолженіе недѣли, князь Ливенъ слушалъ лекціи у всѣхъ профессоровъ [375]). Попечитель Писаревъ увѣдомилъ Двигубскаго, что 21 декабря министръ „непремѣнно" будетъ на лекціяхъ Погодина, Ульрихса, Мудрова и Мухина [376]).

О своей лекціи, которую Погодину пришлось читать при Министрѣ, онъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Министръ долго не ѣхалъ. Боялся, чтобы не истомиться. Является. На минуту спалъ съ голосу, а потомъ началъ, какъ будто бы

безъ него. О тридцатилѣтней войнѣ. Онъ, гернгутеръ долженъ это знать хорошо“ [377]). По поводу этихъ посѣщеній Министра Погодинъ въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ* заявилъ. „Члены Университета, вѣроятно, почитаютъ сіе посѣщеніе счастливѣйшимъ для себя событіемъ, имѣвъ случай показаться предъ высокимъ своимъ начальникомъ въ настоящемъ видѣ“. Къ сожалѣнію лекція Погодина о тридцатилѣтней войнѣ не произвела на Министра хорошаго впечатлѣнія. Вскорѣ до Погодина дошелъ даже слухъ, что князю Ливену несовсѣмъ понравилась его лекція. „Слухи эти, по свидѣтельству В. П. Титова, были „къ сожалѣнію справедливы“. Погодинъ же по этому поводу восклицаетъ: „Вѣдь это удивительно. Во всемъ Университетѣ не больше пяти читаютъ лучше меня, а я попалъ на дурное замѣчаніе. Положимъ онъ не судья; да и знатокъ не можетъ судить по десяти минутамъ, однако все непріятно. Не смѣшалъ ли онъ меня съ кѣмъ“ [378]).

Изъ Университетской братіи Погодинъ особенно въ это время сблизился съ почтеннымъ астрономомъ нашимъ Дмитріемъ Матвѣевичемъ Перевощиковымъ, который со славой занималъ каѳедру Астрономіи въ Московскомъ Университетѣ. Кромѣ того Перевощиковъ былъ страшный театралъ и почитался знатокомъ драматическаго искусства. Это послѣднее качество и сблизило его съ С. Т. Аксаковымъ. „Встрѣтился съ Перевощиковымъ,—писалъ Погодинъ,—который очень, кажется любитъ меня“. Въ день именинъ Перевощикова онъ провелъ у него вечеръ. „Какая простота у Перевощикова,—замѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*,—слушалъ забавные разсказы Двигубскаго, который навеселѣ пріятенъ въ обществѣ. Добрый человѣкъ, хоть не на своемъ мѣстѣ“. Толковали объ Университетѣ. Перевощиковъ разсказывалъ, что одинъ солдатъ въ Университетѣ гадалъ для охотниковъ и для этой цѣли таскалъ на святкахъ глобусы, которые вертѣлъ предъ своими паціентами. Послѣ онъ изломалъ ихъ, и вину свалилъ на чорта“ [379]). Этотъ забавный разсказъ Перевощикова Погодинъ включилъ въ свою повѣсть *Черная Немочь*, въ которой москов-

ская купчиха, мать несчастнаго героя повѣсти, говоритъ священнику: „Ходила еще я намедни въ навирситетъ: тамъ одинъ солдатъ всякую судьбу разсказываетъ, вертя какіе-то два большіе шара, всѣ исписанные мелко-на-мелко, и раскрашенные, въ мѣдныхъ обручахъ,—одинъ шаръ—небо, а другой—земля. Такъ вертѣлъ онъ ихъ для меня, что ажно въ глазахъ зарябило, а послѣ сталъ все открывать, да что-то мудрено,—я, признаться, ничего не поняла. Напрасно, Матрена Петровна, вы прибѣгаете къ такимъ мѣрамъ", сказалъ священникъ" [380]). На другомъ вечерѣ у Перевощикова толковали о драматическомъ искусствѣ. „*Нѣтъ, не такъ*, говоритъ юный Шевыревъ, *а вотъ какъ*. Я,—пишетъ Погодинъ,—молчалъ, давая волю говорить словоохотливому.,. Квашня... О еслибы написать мнѣ *Маѳу посадницу*! Съ какимъ торжествомъ взглянулъ бы я тогда на этихъ величавыхъ героевъ, разумѣется на тѣхъ, кто у Перевощикова, которые смотрятъ теперь на меня съ презрѣніемъ, какъ я въ уголку, въ молчаніи слушаю ихъ рѣшительныя выходки и долженъ бываю уступить имъ".

Съ другимъ знаменитымъ профессоромъ Московскаго Университета и вмѣстѣ инспекторомъ Университетскаго Пансіона Михаиломъ Григорьевичемъ Павловымъ Погодинъ въ это время былъ въ холодныхъ отношеніяхъ. Какъ издатель *Аѳинея*, Павловъ нерѣдко задѣвалъ Погодина. Это, конечно, не могло пробудить добраго чувства въ душѣ, хотя и признательнаго ученика, каковымъ былъ Погодинъ въ отношеніи къ Павлову. Однажды Павловъ пригласилъ Погодина, посѣтившаго его лекцію, заѣхать къ нему на домъ, и между ними произошло слѣдующее объясненіе, которое мы воспроизводимъ по *Дневнику* Погодина: „На вопросъ его: почему не доставлялъ ему *Московскаго Вѣстника*, отвѣчалъ просто: я былъ оскорбленъ вами. По пріѣздѣ моемъ изъ Петербурга, вы не дали мнѣ знать, что препоручаете мое дѣло въ Университетскомъ Пансіонѣ другому, и не поблагодарили меня за сдѣланное. Зачѣмъ же мнѣ, подумалъ я, идти къ нему на поклонъ съ билетомъ на *Московскій Вѣстникъ*" [381]).

Несмотря на это Погодинъ не охладѣвалъ къ Университетскому Благородному Пансіону, и посѣтивъ его, онъ печатно заявилъ: „Если можно публично замѣчать дурное въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ съ тою цѣлію, чтобы оно исправлялось, то тѣмъ болѣе должно распространять славу о хорошемъ: люди, которымъ общество одолжено за это хорошее, увидятъ, что ихъ труды цѣнятся соотечественниками, товарищи ихъ по роду занятій найдутъ образцы для подражанія, родители получатъ новое пріятное удостовѣреніе, что дѣти, надежда ихъ жизни, и въ публичномъ училищѣ находятся все еще подъ родительскимъ надзоромъ. Недавно мнѣ случилось въ третьемъ часу ночи осмотрѣть Университеткій благородный пансіонъ. Какъ гражданинъ, который любитъ свое отечество и радуется всякому хорошему явленію въономъ, я съ величайшимъ удовольствіемъ увидѣлъ отличнѣйшій порядокъ въ этомъ учебномъ заведеніи, и долгомъ поставляю довести о немъ до свѣдѣнія соотечественниковъ. Воспитанники спятъ въ огромной галлереѣ, освѣщенной лампами. По мѣстамъ, въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другого, стоятъ дядьки и сторожа. Всѣ двери заперты (въ классы на улицу), кромѣ двери въ коридоръ, также освѣщенной лампами. Надзиратель ходитъ безпрестанно по всему заведенію и осматриваетъ. Нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы ни было дежурнаго, и всѣ они, начиная отъ послѣдняго дядьки до чиновника, такъ привыкли видно къ исполненію своихъ обязанностей, что ни въ одномъ не замѣтилъ я даже признака малѣйшей усталости. Воспитанникъ не можетъ шевельнуться безъ того, чтобы нѣсколько глазъ тотчасъ не примѣтили его движенія. Тѣ, которые знакомы съ нашими учебными заведеніями, которые знаютъ, какимъ злоупотребленіемъ покровительствуетъ одна темнота (не говоря о прочемъ), тѣ почувствуютъ всю важность, всю пользу такого распоряженія. Хорошо бы было, еслибы такой порядокъ введенъ былъ во всѣ подобныя училища! Желающіе удостовѣриться въ истинѣ словъ моихъ могутъ сами осмотрѣть заведеніе, когда имъ угодно“. Не безъ колкости, и намъ понятной, Погодинъ заключаетъ

свою статью: „Объ учебной части въ Пансіонѣ я не могу сказать здѣсь ни слова, потому что мнѣ не удалось еще нынѣ хорошо познакомиться съ нею“ [382]).

Въ это время въ царствѣ благотворительности совершилось прискорбное событіе. 24 Октября, 1828 г. въ С.-Петербургѣ въ Бозѣ почила вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. „Эта необыкновенная женщина“, по справедливому замѣчанію издателя *Русскаго Архива*, „три царствованія сряду была *истиннымъ министромъ* благотворительности, какъ выразился о ней П. А. Плетневъ. Двадцать лѣтъ она была свидѣтельницею свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ екатерининскаго царствованія. Наглядный, завлекательный примѣръ Екатерины, столь дѣятельной въ смыслѣ государственномъ, не могъ не вызывать на благодѣтельное подражаніе въ отведенномъ ей судьбою царствѣ милосердія, а зрѣлище разслабленныхъ нравовъ порождало противодѣйствіе въ чистой душѣ и наводило на мысли о болѣе строгомъ общественномъ воспитаніи. Величавый и въ тоже время утѣшительный для человѣчества образъ царицы, матери императоровъ, посреди окружающаго ее царственнаго великолѣпія, являетъ собою Марія Ѳеодоровна“ [383]).

Вѣсть о кончинѣ императрицы достигла Москвы въ воскресенье 28 октября. По свидѣтельству Погодина, „невозможно описать впечатлѣнія, произведеннаго въ городѣ симъ горестнымъ извѣстіемъ. Знатные и простолюдины, богатые и бѣдные оплакивали искренно государыню, о которой въ продолженіе пятидесяти-лѣтней ея жизни въ Россіи знали только по однимъ благодѣяніямъ. На панихидѣ, отправлявшейся на другой день во всѣхъ церквахъ московскихъ, многіе священники не могли удерживать слезъ при служеніи; на всѣхъ лицахъ видно было уныніе; народъ просто, но торжественно изъявлялъ свою горесть; вездѣ слышны были восклицанія: „Дай Богъ тебѣ царство небесное, она праведница — прямо въ рай пойдетъ, покинула насъ матушка, и проч.“ Въ церквахъ, по заведеніямъ подъ особеннымъ покровительствомъ покойной императрицы, сцены, говорятъ, были еще умилительнѣе: тамъ

сироты, вдовицы, старцы, дряхлые и больные, которымъ она дала спокойное пристанище послѣ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ ими въ треволненной жизни, чиновники, служившіе ей орудіемъ при исполненіи ея благихъ предначертаній, молились отъ чистаго сердца объ успокоеніи души своей благодѣтельницы и громкими стенаніями приносили ей дань своей признательности. Что можно сказать болѣе въ похвалу преставившейся".

Покойная императрица Марія Θеодоровна съ любовью слѣдила и за ходомъ русской литературы и любила проводить время въ обществѣ русскихъ писателей, а потому кончина ея оплакана однимъ изъ лучшихъ представителей нашей литературы, Жуковскимъ.

...Благодаримъ Тебя
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы!
За благодать, съ какою ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты!...

XXXVIII.

Бросимъ теперь взглядъ на труды Погодина въ теченіе 1828 года. Въ этомъ году онъ издалъ свой переводъ трагедіи Гете: *Гецъ фонъ Берлихингенъ, желѣзная рука*. Эта трагедія была написана Гете, когда ему было только двадцать два года. „Слѣдствіемъ изученія Шекспира", говоритъ Шевыревъ, „было то, что Гете совершенно свергнулъ оковы школы французской. Тогда уже заронились въ немъ два зерна великихъ произведеній: *Геца* и *Фауста*. Онъ въ тишинѣ таилъ замыслы своего скромнаго генія даже отъ близкаго ему Гердера. Гете одушевленъ былъ мыслью: представить въ лицѣ *Геца фонъ Берлихингенъ* честнаго, праводушнаго мужа, который въ дикія времена совершеннаго безначалія и не-

устройства, одушевленный чувствомъ любви къ ближнему, благонамѣреннымъ самоуправствомъ хочетъ замѣнить недостатокъ спасительныхъ законовъ и, между тѣмъ, самъ подчиняется священному гласу верховной власти своего монарха, и скорѣе готовъ умереть, нежели измѣнить присягѣ. Для исполненія сего плана Гете прилежно изучалъ Исторію XV и XVI столѣтій; особенно важнымъ источникомъ служила для него жизнь *Геца,* имъ самимъ написанная" [384]). Теперь намъ становится понятнымъ, почему Погодинъ, монархистъ отъ рожденія, избралъ для своего перевода это произведеніе Гете. Замѣчательно, что когда вышелъ въ свѣтъ переводъ *Геца,* Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* отмѣчаетъ: „Не лежитъ у меня сердце къ Гете" [385]).

Одновременно съ переводомъ творенія Гете, онъ издаетъ свой переводъ труда знаменитаго Риттера: *Карта Европы въ физико-географическомъ отношеніи.* Въ сопротивномъ *Московскомъ Телеграфѣ* появился объ этомъ переводѣ весьма сочувственный отзывъ: „Книга", сказано тамъ, „достойная особеннаго вниманія всѣхъ занимающихся изученіемъ и особенно преподаваніемъ географіи. М. П. Погодинъ при другихъ занятіяхъ своихъ посвятилъ трудъ и время на переводъ свой; переводъ негладокъ, тяжелъ, но вѣренъ, изданъ довольно хорошо, и русскія карты нисколько не уступаютъ нѣмецкимъ: ихъ дѣлалъ извѣстный граверъ А. А. Флоровъ" [386]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомитъ читателей *Московскаго Вѣстника* съ отрывкомъ изъ сочиненія Цшокке: *Исторія Швейцаріи для Швейцарскаго народа.* Статистика не переставала интересовать Погодина, и онъ слѣдилъ за литературою этого предмета. Въ прошломъ году онъ познакомилъ читателей *Московскаго Вѣстника* съ Дюпеномъ, а теперь знакомитъ съ сочиненіемъ итальянскаго статистика Мельхіора Джіойи: *Философія Статистики* (Миланъ, 1826). Въ этомъ сочиненіи авторъ дѣлаетъ сближенія и сравненія между разными экономическими явленіями одного рода, случившимися у разныхъ народовъ въ разныя эпохи,— такъ что ее можно назвать сравнительною статистикою. По

поводу этого сочиненія Погодинъ замѣчаетъ, что статистика у насъ находится еще въ младенчествѣ. До сихъ поръ мы довольствуемся только кучею цифръ, не разбираемъ ихъ такъ, чтобъ можно было легко обнять, не выводимъ никакихъ результатовъ и не пользуемся приложеніями новыхъ ученыхъ, разлившихъ много свѣту въ темное царство этой молодой науки".

По поводу изданнаго въ 1827 году Өеодоромъ Аделунгомъ Путешествія барона Мейерберга по Россіи Погодинъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о XVII-мъ вѣкѣ нашей исторіи: „мы не хотимъ говорить подробно о XVII-мъ столѣтіи, какъ будто-бы сіи времена принадлежали къ государственнымъ тайнамъ, — по сей-то причинѣ мы имѣемъ очень мало печатнаго, въ сравненіи съ рукописнымъ, объ этой важной эпохѣ россійской исторіи. Но вспомнимъ, что съ того времени прошло уже двѣсти лѣтъ, что мы имѣемъ уже не тотъ образъ мыслей, что всѣ обстоятельства наши перемѣнились, выгодное для Россіи того времени содѣлалось уже теперь невыгоднымъ и, наоборотъ, Исторія провозглашаетъ права свои, и Михаилы, Алексѣи, Өеодоры требуются передъ безпристрастный судъ ея, вслѣдъ за Іоаннами, надъ которымъ Карамзинъ первый столь благородно произнесъ приговоръ свой, можетъ быть не совсѣмъ справедливый, но искренній, не лицепріятный".

Мы уже знаемъ, что Погодинъ былъ пламеннымъ почитателемъ Суворова. Въ 1827 году въ Петербургѣ вышла книжка Фукса, подъ загланіемъ *Анекдоты князя Италійскаго, графа Суворова-Рымникскаго*. Отдавая отчетъ объ этой книжкѣ, Погодинъ, между прочимъ, замѣтилъ: „Суворова, вмѣстѣ съ Петромъ Первымъ и Ломоносовымъ, едва ли нельзя назвать представителями русскаго народа: сіи три мужа, каждый въ своемъ кругу, показали своими дѣйствіями мѣру его способностей,—въ нихъ, какъ въ суммахъ, выразились его слагаемыя, — это русскіе, возведенные въ свою высшую степень. Суворовъ жилъ въ самое примѣчательное время. Екатерина,

Дворъ ея, Румянцовъ, Безбородко, замыслы Потемкина, войны турецкія и польскія, раздѣленіе Польши, внутреннія учрежденія, начало французской революціи, первыя побѣды Наполеона! Не любопытно ли знать мнѣніе такого человѣка, о всѣхъ сихъ людяхъ, о всѣхъ сихъ происшествіяхъ, о Россіи его времени, прошедшей и будущей! Не любопытно ли знать его самого, сокровенные изгибы его сердца, его умъ въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, взглядъ на вещи — съ какой точки смотрѣлъ онъ на себя въ отношеніи къ государю, отечеству, другимъ людямъ. Правда, многое въ этомъ родѣ мы должны предоставить нашимъ потомкамъ, если дойдутъ до нихъ слухи отъ молчаливыхъ современниковъ, потому что время Суворова слишкомъ близко отъ насъ, но много еще есть и такого, чтò и мы знать можемъ. Часто одно нечаянное слово, движеніе, одинъ нечаянный поступокъ обнаруживаетъ человѣка совершенно, и сіи черты всего желательнѣе находить въ такъ-называемыхъ *Анекдотахъ*.

Въ 1828 году Россія воевала съ Турціею. Погодинъ, увлеченный своею полемикою по поводу Арцыбашева, а также несчастною своею страстью къ княжнѣ А. И. Трубецкой, былъ глухъ и нѣмъ къ этой войнѣ. Зайдя однажды къ Черткову, онъ даже не безъ ироніи записалъ въ своемъ Дневникѣ (подъ 2 декабря 1828 г.): „Два старичка за обѣдомъ рѣжутъ рябчика и говорятъ о Стамбулѣ. *Что за дѣло до Стамбула!*" Въ это время Игнатій Яковенко весьма кстати издалъ свою книгу о Молдавіи и Валахіи. Эти страны въ то время представляли большой интересъ, и Погодинъ, несмотря на свои увлеченія, обратилъ вниманіе на сію книгу. Знакомя читателей *Московскаго Вѣстника* съ содержаніемъ этой книги и отдавая справедливость за удовлетворительность ея въ статистическомъ отношеніи и принося благодарность автору за объясненіе всѣхъ терминовъ, до управленія относящихся, Погодинъ порицаетъ автора за то, что его „историческое воспоминаніе, кромѣ списка господарей, маловажно и необработано; да и форма его обвѣтшала. Авторъ воспоминаетъ Исто-

рію, пока чинили его коляску". Любопытно и то, что Погодинъ упрекаетъ автора въ томъ, въ чемъ онъ самъ былъ не безъ грѣха: „не любопытны также нѣкоторыя путевыя мѣлочи" [387]).

Среди своей кипучей дѣятельности Погодинъ любилъ уходить въ себя и предаваться, такъ сказать, уединеннымъ размышленіямъ. Зарождающіяся такимъ образомъ мысли онъ имѣлъ обыкновеніе записывать, благодаря чему онѣ и сохранились въ его *Дневникѣ*. „Всѣ европейскіе поэты", пишетъ онъ, „изображаютъ теперь человѣка недовольнаго жизнью, обществомъ, знаніями. Знакъ хорошій! Чѣмъ больше будетъ недовольныхъ, тѣмъ скорѣе перемѣна къ лучшему" [388]). Слѣдуя стопамъ ихъ, Погодинъ пишетъ повѣсть подъ заглавіемъ *Черная Немочь*, въ которой герой, купеческій сынъ, одержимъ *черною немочью,* то-есть стремленіемъ къ наукамъ и, найдя отпоръ этому стремленію со стороны своихъ родителей, богатыхъ купцовъ, онъ кинулся въ Москву рѣку и утопился. Замѣчательно, что Бѣлинскій, сдѣлавшійся впослѣдствіи непримиримымъ врагомъ Погодина, объ этой его повѣсти сдѣлалъ самый похвальный отзывъ: „Въ *Черной Немочи*", пишетъ Бѣлинскій, „бытъ нашего средняго сословія, съ его полудикомъ, получеловѣческимъ образованіемъ, со всѣми его оттѣнками и родимыми пятнами, изображенъ кистью мастерскою. Этотъ купецъ, который такъ крѣпко держитъ въ ежевыхъ рукавицахъ и жену, и сына, который, при милліонахъ, живетъ какъ мужикъ, который чванится своимъ богатствомъ, какъ глупый баринъ своимъ дворянствомъ, который, по прочтеніи реестра приданаго, говоритъ, что „божьяго-то благословенія маловато", который, наконецъ, убиваетъ роднаго сына изъ родительской любви, и боится, какъ дьявольскаго навожденія, всякой человѣческой мысли, всякаго человѣческаго чувства, чтобъ не погрѣшить противъ „чистѣйшей нравственности", которой держались столько столѣтій его отцы и праотцы; эта купчиха глупая и толстая, которая такъ боится кулака и плети своего дражайшаго сожителя, что не смѣетъ безъ его спросу выйти

со двора, не смѣетъ сказать предъ нимъ лишняго слова и даже затаиваетъ въ его присутствіи свою материнскую любовь къ сыну; эта попадья, то бранящая батрака и распоряжающаяся на погребѣ, то, мучимая женскимъ любопытствомъ, подслушивающая сквозь замочную щель разговоръ своего мужа (священника) съ купчихою, то продирающая пальцемъ дырочку на кулькѣ, принесенномъ ей купчихою, чтобы узнать, что въ немъ обрѣтается; эта сваха Савишна, эта всемірная кумушка, сплетчица и сводчица, безъ которой русскій человѣкъ, бывало, не умѣлъ ни родиться, ни жениться, ни умереть, которая торгуетъ счастьемъ и судьбою людей точно такъ же, какъ лентами, запонками и шерстяными чулками, которая такъ мило увеселяетъ площадными экивоками честное компанство бородатыхъ милліонщиковъ; эта невѣста, „дѣвочка низенькая, но толстая-претолстая, съ одутловатыми щеками, набѣленная, нарумяненная, разсеребренная, раззолоченная и всякими драгоцѣнными каменьями изукрашенная“; наконецъ, это сватовство, эти споры о приданомъ, вся эта жизнь подлая, гадкая, грязная, дикая, нечеловѣческая изображена въ ужасающей вѣрности; прибавьте сюда этого юношу, аристократа по природѣ, плебея по судьбѣ, агнца между волками — и вотъ вамъ полная картина одной изъ главныхъ сторонъ русской жизни. Самый языкъ этой повѣсти отличается отсутствіемъ тривіальности, обезображивающей прочія повѣсти этого писателя. И такъ *Черная Немочь* есть повѣсть совершенно народная и поэтически-нравоописательная — но здѣсь и конецъ ея достоинству. Главная цѣль автора была представить геніальнаго, отмѣченнаго перстомъ Провидѣнія, юношу въ борьбѣ съ подлою, животною жизнію, на которую осудила его судьба: эта цѣль не вполнѣ имъ достигнута. Замѣтно, что автора волновало какое-то чувство, что у него была какая-то любимая, задушевная мысль, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что у него недостало силы таланта воспроизвести ее; съ этой стороны, читатель остается неудовлетвореннымъ. Причина очевидна; талантъ г. Погодина есть талантъ нравоописателя низшихъ

слоевъ нашей дѣйствительности, и потому онъ занимателенъ, когда вѣренъ своему направленію, и тотчасъ падаетъ, когда берется не за свое дѣло" [389]). Этою повѣстію Погодина остался чрезвычайно доволенъ петербургскій пріятель его Любимовъ, который писалъ ему: „Если сравнить прозябаніе наше съ вашею жизнію, сколько невольныхъ упрековъ дѣлаешь себѣ. Ахъ служба, служба, сколько у нея душегубствъ на сердцѣ лежитъ! Какъ хороша ваша *Немочь*! Обнимаю, цѣлую васъ за нее. Признаюсь, что я отъ нея былъ въ восторгѣ. Еслибы прочелъ я ее въ Москвѣ, то, конечно, нашелъ бы столь же прелестною, но въ Питерѣ она какъ-то еще ближе моему сердцу. Здѣсь всѣ—и профаны, и люди мыслящіе превозносятъ ее, потому что всѣ находятъ въ ней пищу. Я два раза читалъ ее: одинъ разъ у себя, а въ другой — у Одоевскаго; тутъ были Титовъ и Шевыревъ, который торжественно прочелъ ее".

Мелькали Погодину также и мысли о „чудномъ устроеніи нашего общества" и „сердце его билось, когда онъ читалъ „о засѣданіи въ палатѣ депутатовъ" въ Парижѣ; а обращаясь къ отечеству, онъ замѣчаетъ: „Думалъ о нашихъ правителяхъ. Всѣ невѣжи. Махина держится тяжестію. Должно быть нѣчто, что можетъ сдѣлать переворотъ въ государствахъ. Какая-нибудь мысль, которая перевернетъ систему денежную". Размышленія нашего мыслителя прерываютъ—множество посѣтителей. Но пользуясь всякими минутами досуга и уединенія, онъ предается или созерцанію красотъ природы, или размышленіямъ о судьбахъ человѣчества. „Голубое, яркое небо", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „звѣзды, мѣсяцъ катится вверхъ, все тихо. Какъ пріятно, отводя взоры отъ засоренной земли, смотрѣть на это ровное, прекрасное, безпредѣльное пространство"; а размышляя о людяхъ, онъ замѣчаетъ: „какъ велики стали мои требованія при раздачѣ титловъ людямъ. Кого почиталъ я великимъ, того не назову теперь и середнимъ. Иначе уже смотрю я на Ростопчина, Филарета, Карамзина,—и чувствую, что вижу дальше ихъ". Въ то же время

обращаясь къ себѣ и сознавая свои силы и способности, Погодинъ съ грустью сознается: „Ничего я не дѣлаю. Дай Богъ, чтобы это было предъ большимъ дѣломъ. Время мое проходитъ даромъ, хотя я и надѣюсь на свою упругость. Ну если остынетъ жаръ во мнѣ, и я умру, не совершивъ ничего великаго, истрачусь на вздоръ“ [390]).

Въ это время ему вздумалось сдѣлать преобразованіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Еще прежде въ *Сѣверной Пчелѣ* было объявлено, что Погодинъ перестаетъ издавать *Московскій Вѣстникъ*, „избирая для себя занятія полезнѣйшія“ и предоставляетъ изданіе Шевыреву; но Погодинъ спрашиваетъ: „Изъ какихъ актовъ, какимъ образомъ гг. издатели присвоиваютъ себѣ право, мнѣ одному принадлежащее, дѣлать подобныя объявленія и вмѣшиваться въ чужія дѣла, – почему знаютъ они, что я почитаю полезнымъ, и что полезнѣйшимъ“. Въ объявленіи объ изданіи *Московскаго Вѣстника* въ 1829 году было заявлено, что журналъ будетъ выходить частями, изъ коихъ каждая посвятится исключительно одному какому-либо отдѣленію: въ первой части будутъ помѣщены стихотворныя произведенія изящной словесности, во второй — прозаическія, въ составъ третьей войдетъ Исторія въ философскомъ, критическомъ и художественномъ отношеніяхъ; здѣсь помѣстятся, между прочимъ, *Замѣчанія* на *Исторію Государства Россійскаго*, въ четвертой—статьи изъ теоріи Изящныхъ Искусствъ и прочихъ наукъ; пятая будетъ состоять изъ смѣси; шестая посвятится критикѣ“ [391]). Этимъ нововведеніемъ остался очень недоволенъ В. П. Титовъ и писалъ Погодину (отъ 15 ноября 1828 года): „Не скорость будетъ моимъ девизомъ, о Михаилѣ Петровѣ сыне, но благоразуміе, которое ты нѣкогда во мнѣ выхвалялъ, а теперь, можетъ быть, и опорочишь. Ты возстановилъ журналъ, ты счелъ вреднымъ прервать его, ты думаешь чрезъ него поддержать какія-то связи съ какими-то литераторами, но моего совѣта на то не было; мой голосъ былъ данъ противъ этого, Кошелеву письменно, Шевыреву словесно, обоимъ ясно, пространно, и для меня, по крайней мѣрѣ, убѣдительно,

и такъ я не сотрудникъ въ возстановленномъ журналѣ: другими словами, могу когда мнѣ вздумается посылать статьи въ твой *Вѣстникъ*, которыя ты можешь печатать или нѣтъ, но могу надѣлять ими и другіе журналы; симъ правомъ непремѣнно воспользуюсь на дѣлѣ, теперь же не имѣю времени ни выправлять старыхъ статей, ни писать новыхъ. Кромѣ той причины, что бывшій *Вѣстникъ* нашъ и будущій твой, рѣшаетъ меня и то, что планъ твоего журнала, какъ и всѣ любимые тобою экспромты, слишкомъ неудаченъ" [392]). По поводу этого преобразованія въ *Московскомъ Телеграфѣ* появилась также весьма ѣдкая замѣтка: „На слѣдующій годъ", читаемъ тамъ, „*Московскій Вѣстникъ* представитъ *неслыханное диво*. Есть комедія подъ этимъ названіемъ, но въ ней неслыханнымъ дивомъ показанъ *честный секретарь*; въ *Московскомъ Вѣстникѣ* будетъ дивомъ измѣненіе его — въ *шесть альманаховъ*" [393]). Самого же Погодина огорчало и досадовало то, что у книгопродавца Ширяева оказалось очень мало подписчиковъ на этотъ преобразованный, да и на прежде бывшій, *Московскій Вѣстникъ*. „Что за несчастіе", пишетъ онъ, „за дрянь платятъ деньги, а за хорошее нѣтъ. Дельвигъ за *Цвѣты* получилъ восемь тысячъ, а я за *шесть цвѣтовъ* ничего. Досадно!"

Наканунѣ своихъ именинъ Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ; княжна Александра Ивановна объявила ему: „Я васъ люблю. Я не велѣла шить себѣ чернаго передника, потому что вы завтра именинникъ". Въ самый день Михаила Архангела Погодинъ „всталъ тихій и спокойный" и въ своемъ *Дневникѣ* записываетъ: „какъ мнѣ хорошо въ моей комнатѣ, когда двери заперты. Къ обѣднѣ съ расположеніемъ молиться и не молился. Не присылаетъ *) поздравлять меня. Безтолковая! Собирался выговаривать ей. Присылаетъ чашку съ желаніемъ хорошаго, прекраснаго. На силу-то". Въ этомъ году Погодинъ праздновалъ не день своихъ именинъ, а день рожденія, 11 ноября. Обѣдню слушалъ

*) Княжна А. И. Трубецкая.

обращаясь къ себѣ и сознавая свои силы и способности, Погодинъ съ грустью сознается: „Ничего я не дѣлаю. Дай Богъ, чтобы это было предъ большимъ дѣломъ. Время мое проходитъ даромъ, хотя я и надѣюсь на свою упругость. Ну если остынетъ жаръ во мнѣ, и я умру, не совершивъ ничего великаго, истрачусь на вздоръ“ [390]).

Въ это время ему вздумалось сдѣлать преобразованіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Еще прежде въ *Сѣверной Пчелѣ* было объявлено, что Погодинъ перестаетъ издавать *Московскій Вѣстникъ*, „избирая для себя занятія полезнѣйшія“ и предоставляетъ изданіе Шевыреву; но Погодинъ спрашиваетъ: „Изъ какихъ актовъ, какимъ образомъ гг. издатели присвоиваютъ себѣ право, мнѣ одному принадлежащее, дѣлать подобныя объявленія и вмѣшиваться въ чужія дѣла, — почему знаютъ они, что я почитаю полезнымъ, и что полезнѣйшимъ“. Въ объявленіи объ изданіи *Московскаго Вѣстника* въ 1829 году было заявлено, что журналъ будетъ выходить частями, изъ коихъ каждая посвятится исключительно одному какому-либо отдѣленію: въ первой части будутъ помѣщены стихотворныя произведенія изящной словесности, во второй — прозаическія, въ составъ третьей войдетъ Исторія въ философскомъ, критическомъ и художественномъ отношеніяхъ; здѣсь помѣстятся, между прочимъ, *Замѣчанія* на *Исторію Государства Россійскаго*, въ четвертой — статьи изъ теоріи Изящныхъ Искусствъ и прочихъ наукъ; пятая будетъ состоять изъ смѣси; шестая посвятится критикѣ“ [391]). Этимъ нововведеніемъ остался очень недоволенъ В. П. Титовъ и писалъ Погодину (отъ 15 ноября 1828 года): „Не скорость будетъ моимъ девизомъ, о Михаиле Петрове сыне, но благоразуміе, которое ты нѣкогда во мнѣ выхвалялъ, а теперь, можетъ быть, и опорочишь. Ты возстановилъ журналъ, ты счелъ вреднымъ прервать его, ты думаешь чрезъ него поддержать какія-то связи съ какими-то литераторами, но моего совѣта на то не было; мой голосъ былъ данъ противъ этого, Кошелеву письменно, Шевыреву словесно, обоимъ ясно, пространно, и для меня, по крайней мѣрѣ, убѣдительно,

и такъ я не сотрудникъ въ возстановленномъ журналѣ: другими словами, могу когда мнѣ вздумается посылать статьи въ твой *Вѣстникъ*, которыя ты можешь печатать или нѣтъ, но могу надѣлять ими и другіе журналы; симъ правомъ непремѣнно воспользуюсь на дѣлѣ, теперь же не имѣю времени ни выправлять старыхъ статей, ни писать новыхъ. Кромѣ той причины, что бывшій *Вѣстникъ* нашъ и будущій твой, рѣшаетъ меня и то, что планъ твоего журнала, какъ и всѣ любимые тобою экспромты, слишкомъ неудаченъ" [392]). По поводу этого преобразованія въ *Московскомъ Телеграфѣ* появилась также весьма ѣдкая замѣтка: „На слѣдующій годъ", читаемъ тамъ, „*Московскій Вѣстникъ* представитъ *неслыханное диво*. Есть комедія подъ этимъ названіемъ, но въ ней неслыханнымъ дивомъ показанъ *честный секретарь*; въ *Московскомъ Вѣстникѣ* будетъ дивомъ измѣненіе его — въ *шесть альманаховъ*" [393]). Самого же Погодина огорчало и досадовало то, что у книгопродавца Ширяева оказалось очень мало подписчиковъ на этотъ преобразованный, да и на прежде бывшій, *Московскій Вѣстникъ*. „Что за несчастіе", пишетъ онъ, „за дрянь платятъ деньги, а за хорошее нѣтъ. Дельвигъ за *Цвѣты* получилъ восемь тысячъ, а я за *шесть цвѣтовъ* ничего. Досадно!"

Наканунѣ своихъ именинъ Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ; княжна Александра Ивановна объявила ему: „Я васъ люблю. Я не велѣла шить себѣ чернаго передника, потому что вы завтра именинникъ". Въ самый день Михаила Архангела Погодинъ „всталъ тихій и спокойный" и въ своемъ *Дневникѣ* записываетъ: „какъ мнѣ хорошо въ моей комнатѣ, когда двери заперты. Къ обѣднѣ съ расположеніемъ молиться и не молился. Не присылаетъ *) поздравлять меня. Безтолковая! Собирался выговаривать ей. Присылаетъ чашку съ желаніемъ хорошаго, прекраснаго. На силу то". Въ этомъ году Погодинъ праздновалъ не день своихъ именинъ, а день рожденія, 11 ноября. Обѣдню слушалъ

*) Княжна А. И. Трубецкая.

онъ у Трубецкихъ. „Горнія мысли“, отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*. Вечеромъ къ нему собрались: Шаховской, Аксаковъ, Верстовскій, Двигубскій, Павловы (Михаилъ Григорьевичъ и Николай Филлиповичъ), Щепкинъ, Ровинскій, Загоскинъ, Кокошкинъ, Загряжскій, Томашевскій, Мельгуновъ, Каченовскій, Перевощиковъ, Венелинъ, Шевыревъ. По свидѣтельству новорожденнаго было „весело и складно, пѣли мнѣ куплеты. Шаховской посадилъ меня на столъ и пр. До 3-хъ часовъ“. Въ этотъ же день И. М. Снегиревъ вступилъ въ законный бракъ. По поводу этого событія въ жизни Снегирева Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Свадьба Снегирева и движеніе во всей Мѣщанской части“ *).

Въ послѣдній (31 декабря) день 1828 года Погодинъ сидѣлъ надъ своею повѣстью *Черная Немочь* и въ „12 часовъ“ читаемъ въ его *Дневникѣ*, „выпилъ рюмку вина за нее **) за себя. Прощай 1828 годъ!“ [394]).

XXXIX.

Начало 1829 года было ознаменовано трагическою кончиною Грибоѣдова въ Тегеранѣ. Это событіе произвело потрясающее впечатлѣніе въ нашемъ отечествѣ. „Вы слышали о Грибоѣдовѣ?“, писалъ Погодину Любимовъ, „теперь посылаютъ туда на время для переговоровъ генералъ-маіора князя Долгорукова, а съ нимъ меня. Всѣ знакомые мои и особливо Титовъ мнѣ отсовѣтываютъ“. „Я былъ сильно пораженъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву, „ужаснымъ жребіемъ несчастнаго Грибоѣдова. Давно-ли видѣлъ я его въ Петербургѣ блестящимъ счастливцемъ, на возвышеніи государственныхъ удачъ: давно-ли завидывалъ ему, что онъ ѣдетъ посланникомъ въ Персію, въ край, который для моего во-

*) И. М. Снегиревъ жилъ въ своемъ домѣ, близъ Архіерейскаго Троицкаго подворья, на Троицкой улицѣ, Мѣщанской части.

**) Княжна А. И. Трубецкая.

браженія имѣлъ всегда приманку чудесности восточныхъ сказокъ, обѣщалъ ему навѣстить его въ Тегеранѣ. Какъ судьба играетъ нами и какъ люто иногда! Я такъ себѣ живо представляю пылкаго Грибоѣдова, защищающагося отъ изступленныхъ убійцъ. И тутъ есть что-то похожее на сказочный бредъ, но бредъ ужасный и тяготительный" [395]). Извѣстно, что Грибоѣдовъ былъ большой знатокъ нашей старины. Лѣтопись Нестора была его настольною книгою. „Въ Кіевѣ я пожилъ съ умершими", писалъ онъ князю В. Ѳ. Одоевскому, „Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе... Природа великолѣпная... Прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора" [396]). „Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ", писалъ онъ изъ Ѳеодосіи, „тотъ не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забываться, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно... Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное въ описаніи древнихъ географовъ и поглотило наименованіе Кафы, которая громка въ столькихъ лѣтописяхъ европейскихъ и восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами — духъ разрушенія: ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города невзрытаго, неперекопаннаго! Что-жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными останками нашего бытія" [397]). По дорогѣ изъ Тифлиса въ Карсъ Пушкинъ

со двора, не смѣетъ сказать предъ нимъ лишняго слова и даже затаиваетъ въ его присутствіи свою материнскую любовь къ сыну; эта попадья, то бранящая батрака и распоряжающаяся на погребѣ, то, мучимая женскимъ любопытствомъ, подслушивающая сквозь замочную щель разговоръ своего мужа (священника) съ купчихою, то продирающая пальцемъ дырочку на кулькѣ, принесенномъ ей купчихою, чтобы узнать, что въ немъ обрѣтается; эта сваха Савишна, эта всемірная кумушка, сплетчица и сводчица, безъ которой русскій человѣкъ, бывало, не умѣлъ ни родиться, ни жениться, ни умереть, которая торгуетъ счастьемъ и судьбою людей точно такъ же, какъ лентами, запонками и шерстяными чулками, которая такъ мило увеселяетъ площадными экивоками честное компанство бородатыхъ милліонщиковъ; эта невѣста, „дѣвочка низенькая, но толстая-претолстая, съ одутловатыми щеками, набѣленная, нарумяненная, разсеребренная, раззолоченная и всякими драгоцѣнными каменьями изукрашенная“; наконецъ, это сватовство, эти споры о приданомъ, вся эта жизнь подлая, гадкая, грязная, дикая, нечеловѣческая изображена въ ужасающей вѣрности; прибавьте сюда этого юношу, аристократа по природѣ, плебея по судьбѣ, агнца между волками—и вотъ вамъ полная картина одной изъ главныхъ сторонъ русской жизни. Самый языкъ этой повѣсти отличается отсутствіемъ тривіальности, обезображивающей прочія повѣсти этого писателя. И такъ *Черная Немочь* есть повѣсть совершенно народная и поэтически-нравоописательная — но здѣсь и конецъ ея достоинству. Главная цѣль автора была представить геніальнаго, отмѣченнаго перстомъ Провидѣнія, юношу въ борьбѣ съ подлою, животною жизнію, на которую осудила его судьба: эта цѣль не вполнѣ имъ достигнута. Замѣтно, что автора волновало какое-то чувство, что у него была какая-то любимая, задушевная мысль, но и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что у него недостало силы таланта воспроизвести ее; съ этой стороны, читатель остается неудовлетвореннымъ. Причина очевидна; талантъ г. Погодина есть талантъ нравоописателя низшихъ

слоевъ нашей дѣйствительности, и потому онъ занимателенъ, когда вѣренъ своему направленію, и тотчасъ падаетъ, когда берется не за свое дѣло“ [389]). Этою повѣстію Погодина остался чрезвычайно доволенъ петербургскій пріятель его Любимовъ, который писалъ ему: „Если сравнить прозябаніе наше съ вашею жизнію, сколько невольныхъ упрековъ дѣлаешь себѣ. Ахъ служба, служба, сколько у нея душегубствъ на сердцѣ лежитъ! Какъ хороша ваша *Немочь*! Обнимаю, цѣлую васъ за нее. Признаюсь, что я отъ нея былъ въ восторгѣ. Еслибы прочелъ я ее въ Москвѣ, то, конечно, нашелъ бы столь же прелестною, но въ Питерѣ она какъ-то еще ближе моему сердцу. Здѣсь всѣ—и профаны, и люди мыслящіе превозносятъ ее, потому что всѣ находятъ въ ней пищу. Я два раза читалъ ее: одинъ разъ у себя, а въ другой — у Одоевскаго; тутъ были Титовъ и Шевыревъ, который торжественно прочелъ ее“.

Мелькали Погодину также и мысли о „чудномъ устроеніи нашего общества“ и „сердце его билось, когда онъ читалъ „о засѣданіи въ палатѣ депутатовъ“ въ Парижѣ; а обращаясь къ отечеству, онъ замѣчаетъ: „Думалъ о нашихъ правителяхъ. Всѣ невѣжи. Махина держится тяжестію. Должно быть нѣчто, что можетъ сдѣлать переворотъ въ государствахъ. Какая-нибудь мысль, которая перевернетъ систему денежную“. Размышленія нашего мыслителя прерываютъ—множество посѣтителей. Но пользуясь всякими минутами досуга и уединенія, онъ предается или созерцанію красотъ природы, или размышленіямъ о судьбахъ человѣчества. „Голубое, яркое небо“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „звѣзды, мѣсяцъ катится вверхъ, все тихо. Какъ пріятно, отводя взоры отъ засоренной земли, смотрѣть на это ровное, прекрасное, безпредѣльное пространство“; а размышляя о людяхъ, онъ замѣчаетъ: „какъ велики стали мои требованія при раздачѣ титловъ людямъ. Кого почиталъ я великимъ, того не назову теперь и середнимъ. Иначе уже смотрю я на Ростопчина, Филарета, Карамзина,—и чувствую, что вижу дальше ихъ“. Въ то же время

обращаясь къ себѣ и сознавая свои силы и способности, Погодинъ съ грустью сознается: „Ничего я не дѣлаю. Дай Богъ, чтобы это было предъ большимъ дѣломъ. Время мое проходитъ даромъ, хотя я и надѣюсь на свою упругость. Ну если остынетъ жаръ во мнѣ, и я умру, не совершивъ ничего великаго, истрачусь на вздоръ“ [390]).

Въ это время ему вздумалось сдѣлать преобразованіе въ *Московскомъ Вѣстникѣ* Еще прежде въ *Сѣверной Пчелѣ* было объявлено, что Погодинъ перестаетъ издавать *Московскій Вѣстникъ*, „избирая для себя занятія полезнѣйшія“ и предоставляетъ изданіе Шевыреву; но Погодинъ спрашиваетъ: „Изъ какихъ актовъ, какимъ образомъ гг. издатели присвоиваютъ себѣ право, мнѣ одному принадлежащее, дѣлать подобныя объявленія и вмѣшиваться въ чужія дѣла, — почему знаютъ они, что я почитаю полезнымъ, и что полезнѣйшимъ“. Въ объявленіи объ изданіи *Московскаго Вѣстника* въ 1829 году было заявлено, что журналъ будетъ выходить частями, изъ коихъ каждая посвятится исключительно одному какому-либо отдѣленію: въ первой части будутъ помѣщены стихотворныя произведенія изящной словесности, во второй — прозаическія, въ составъ третьей войдетъ Исторія въ философскомъ, критическомъ и художественномъ отношеніяхъ; здѣсь помѣстятся, между прочимъ, *Замѣчанія* на *Исторію Государства Россійскаго*, въ четвертой — статьи изъ теоріи Изящныхъ Искусствъ и прочихъ наукъ; пятая будетъ состоять изъ смѣси; шестая посвятится критикѣ“ [391]). Этимъ нововведеніемъ остался очень недоволенъ В. П. Титовъ и писалъ Погодину (отъ 15 ноября 1828 года): „Не скорость будетъ моимъ девизомъ, о Михаиле Петрове сыне, но благоразуміе, которое ты нѣкогда во мнѣ выхвалялъ, а теперь, можетъ быть, и опорочишь. Ты возстановилъ журналъ, ты счелъ вреднымъ прервать его, ты думаешь чрезъ него поддержать какія-то связи съ какими-то литераторами, но моего совѣта на то не было; мой голосъ былъ данъ противъ этого, Кошелеву письменно, Шевыреву словесно, обоимъ ясно, пространно, и для меня, по крайней мѣрѣ, убѣдительно,

и такъ я не сотрудникъ въ возстановленномъ журналѣ: другими словами, могу когда мнѣ вздумается посылать статьи въ твой *Вѣстникъ*, которыя ты можешь печатать или нѣтъ, но могу надѣлять ими и другіе журналы; симъ правомъ непремѣнно воспользуюсь на дѣлѣ, теперь же не имѣю времени ни выправлять старыхъ статей, ни писать новыхъ. Кромѣ той причины, что бывшій *Вѣстникъ* нашъ и будущій твой, рѣшаетъ меня и то, что планъ твоего журнала, какъ и всѣ любимые тобою экспромты, слишкомъ неудаченъ" [392]). По поводу этого преобразованія въ *Московскомъ Телеграфѣ* появилась также весьма ѣдкая замѣтка: „На слѣдующій годъ", читаемъ тамъ, „*Московскій Вѣстникъ* представитъ *неслыханное диво*. Есть комедія подъ этимъ названіемъ, но въ ней неслыханнымъ дивомъ показанъ *честный секретарь*; въ *Московскомъ Вѣстникѣ* будетъ дивомъ измѣненіе его — въ *шесть альманаховъ*" [393]). Самого же Погодина огорчало и досадовало то, что у книгопродавца Ширяева оказалось очень мало подписчиковъ на этотъ преобразованный, да и на прежде бывшій, *Московскій Вѣстникъ*. „Что за несчастіе", пишетъ онъ, „за дрянь платятъ деньги, а за хорошее нѣтъ. Дельвигъ за *Цвѣты* получилъ восемь тысячъ, а я за *шесть цвѣтовъ* ничего. Досадно!"

Наканунѣ своихъ именинъ Погодинъ обѣдалъ у Трубецкихъ; княжна Александра Ивановна объявила ему: „Я васъ люблю. Я не велѣла шить себѣ чернаго передника, потому что вы завтра именинникъ". Въ самый день Михаила Архангела Погодинъ „всталъ тихій и спокойный" и въ своемъ *Дневникѣ* записываетъ: „какъ мнѣ хорошо въ моей комнатѣ, когда двери заперты. Къ обѣднѣ съ расположеніемъ молиться и не молился. Не присылаетъ *) поздравлять меня. Безтолковая! Собирался выговаривать ей. Присылаетъ чашку съ желаніемъ хорошаго, прекраснаго. На силуто". Въ этомъ году Погодинъ праздновалъ не день своихъ именинъ, а день рожденія, 11 ноября. Обѣдню слушалъ

*) Княжна А. И. Трубецкая.

онъ у Трубецкихъ. „Горнія мысли“, отмѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*. Вечеромъ къ нему собрались: Шаховской, Аксаковъ, Верстовскій, Двигубскій, Павловы (Михаилъ Григорьевичъ и Николай Филлиповичъ), Щепкинъ, Ровинскій, Загоскинъ, Кокошкинъ, Загряжскій, Томашевскій, Мельгуновъ, Каченовскій, Перевощиковъ, Венелинъ, Шевыревъ. По свидѣтельству новорожденнаго было „весело и складно, пѣли мнѣ куплеты. Шаховской посадилъ меня на столъ и пр. До 3-хъ часовъ“. Въ этотъ же день И. М. Снегиревъ вступилъ въ законный бракъ. По поводу этого событія въ жизни Снегирева Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Свадьба Снегирева и движеніе во всей Мѣщанской части“ *).

Въ послѣдній (31 декабря) день 1828 года Погодинъ сидѣлъ надъ своею повѣстью *Черная Немочь* и въ „12 часовъ“, читаемъ въ его *Дневникѣ*, „выпилъ рюмку вина за нее **) и за себя. Прощай 1828 годъ!“ [394]).

XXXIX.

Начало 1829 года было ознаменовано трагическою кончиною Грибоѣдова въ Тегеранѣ. Это событіе произвело потрясающее впечатлѣніе въ нашемъ отечествѣ. „Вы слышали о Грибоѣдовѣ?“, писалъ Погодину Любимовъ, „теперь посылаютъ туда на время для переговоровъ генералъ-маіора князя Долгорукова, а съ нимъ меня. Всѣ знакомые мои и особливо Титовъ мнѣ отсовѣтываютъ“. „Я былъ сильно пораженъ“, писалъ князь П. А. Вяземскій И. И. Дмитріеву, „ужаснымъ жребіемъ несчастнаго Грибоѣдова. Давно-ли видѣлъ я его въ Петербургѣ блестящимъ счастливцемъ, на возвышеніи государственныхъ удачъ: давно-ли завидывалъ ему, что онъ ѣдетъ посланникомъ въ Персію, въ край, который для моего вво-

*) И. М. Снегиревъ жилъ въ своемъ домѣ, близъ Архіерейскаго Троицкаго подворья, на Троицкой улицѣ, Мѣщанской части.

**) Княжна А. И. Трубецкая.

браженія имѣлъ всегда приманку чудесности восточныхъ сказокъ, обѣщалъ ему навѣстить его въ Тегеранѣ. Какъ судьба играетъ нами и какъ люто иногда! Я такъ себѣ живо представляю пылкаго Грибоѣдова, защищающагося отъ изступленныхъ убійцъ. И тутъ есть что-то похожее на сказочный бредъ, но бредъ ужасный и тяготительный“ [395]). Извѣстно, что Грибоѣдовъ былъ большой знатокъ нашей старины. Лѣтопись Нестора была его настольною книгою. „Въ Кіевѣ я пожилъ съ умершими“, писалъ онъ князю В. Ѳ. Одоевскому, „Владиміръ и Изяславъ совершенно овладѣли моимъ воображеніемъ; за ними едва вскользь замѣтилъ я настоящее поколѣніе... Природа великолѣпная... Прибавь къ этому святость развалинъ, мракъ пещеръ. Какъ трепетно вступаешь въ темноту Лавры или Софійскаго собора“ [396]). „Кто хочетъ посѣщать прахъ и камни славныхъ усопшихъ“, писалъ онъ изъ Ѳеодосіи, „тотъ не долженъ брать живыхъ съ собою. Это мною нѣсколько разъ испытано. Поспѣшная и громкая походка, равнодушныя лица, и пуще всего глупые, ежедневные толки спутниковъ часто не давали мнѣ забываться, и сближеніе моей жизни, послѣдняго пришельца, съ судьбою давно отшедшихъ для меня было потеряно... Нынче обѣгалъ весь городъ. Чудная смѣсь вѣковыхъ стѣнъ прежней Кафы и нашихъ однодневныхъ мазанокъ! Отчего однако воскресло имя Ѳеодосіи, едва извѣстное въ описаніи древнихъ географовъ и поглотило наименованіе Кафы, которая громка въ стольких лѣтописяхъ европейскихъ и восточныхъ? На этомъ пепелищѣ господствовали нѣкогда готическіе нравы Генуэзцевъ; ихъ смѣнили пастырскіе обычаи Мунгаловъ съ примѣсью турецкаго великолѣпія; за ними явились мы, всеобщіе наслѣдники, и съ нами — духъ разрушенія: ни одного зданія не уцѣлѣло, ни одного участка древняго города невзрытаго, неперекопаннаго! Что-жъ? Сами указываемъ будущимъ народамъ, которые послѣ насъ придутъ, когда исчезнетъ русское племя, какъ имъ поступать съ бренными останками нашего бытія“ [397]). По дорогѣ изъ Тифлиса въ Карсъ Пушкинъ

встрѣтилъ двухъ воловъ, впряженныхъ въ арбу. Нѣсколько Грузинъ сопровождало ее. „Откуда вы?“ спросилъ онъ ихъ. Изъ Тегерана. „Что вы везете?“ „Грибоѣда“. — Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ!“ [398]).

Въ это-же время Погодинъ на долго раставался съ своимъ другомъ и сотрудникомъ Степаномъ Петровичемъ Шевыревымъ. Въ началѣ 1829 года княгиня З. А. Волконская уѣхала въ Италію, съ тѣхъ поръ, кажется, не возвращалась домой. Она поселилась въ Римѣ. Баратынскій пропѣлъ ей пѣснь прощальную:

Изъ царства виста и зимы,
Гдѣ подъ управой ихъ двоякой,
И атмосферу, и умы
Сжимаетъ холодъ одинакій,
Гдѣ жизнь какой-то тяжкій сонъ,
Она спѣшитъ на югъ прекрасный,
Подъ Авзонійскій небосклонъ...
Гдѣ въ древнихъ камняхъ боги живы,
Гдѣ въ новой, чистой красотѣ
Рафаель дышетъ на холстѣ...
Тамъ лучше ей...
Зачѣмъ же тяжкая тоска
Сжимаетъ сердце поневолѣ?..
Но скорбный духъ не уврачеванъ,
Душѣ стѣсненной тяжело,
И не утѣшно мы рыдаемъ.
Такъ, сердца нашего кумиръ,
Ее печально провожаемъ
Мы въ лучшій край и лучшій міръ. [399])

Княгиня Волконская предложила Шевыреву ѣхать съ нею въ Италію и принять на себя обязанность наставника ея сына князя Александра Никитича. Друзья Шевырева обрадовались этому счастливому случаю и убѣдили его оставить архивную службу и принять предложеніе Княгини. Жизнь въ Италіи, въ такомъ домѣ, который былъ средоточіемъ всего лучшаго и блистательнаго по части наукъ и искусствъ, казалась имъ счастіемъ для Шевырева. И они не ошиблись. Три слишкомъ года, проведенныя въ Италіи, образовали изъ Шевырева истиннаго ученаго [400]). Путь Шевырева на чужбину лежалъ чрезъ

свои стихотворенія. Погодинъ настолько уже владѣлъ польскимъ языкомъ, что могъ читать ихъ въ подлинникѣ. Ему особенно понравилось стихотвореніе подъ заглавіемъ *Фарсисъ* [405]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ то время, когда *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго на своихъ страницахъ топталъ въ грязь нашу народную славу Пушкина, въ тоже время и тотъ же *Вѣстникъ Европы* почтительно расшаркивался предъ польскимъ писателемъ. „Г. Мицкевичъ, читаемъ тамъ, находится теперь въ Москвѣ Имѣемъ достовѣрное свѣдѣніе, что сей достойный любимецъ польской публики будущею весною отправится заграницу освѣжить прекрасный талантъ свой поэтическимъ воздухомъ Авзоніи“ [406]).

XL.

Въ то время, когда изъ круга друзей, стоявшихъ подъ знаменемъ *Московскаго Вѣстника*, выбылъ Шевыревъ, изъ Дерпта переѣхалъ на житье въ Москву Николай Михайловичъ Языковъ и отчасти замѣнилъ собою Шевырева.

Въ теченіе шести лѣтъ Языковъ слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ, но никакъ не могъ выдержать экзаменъ и пріѣхалъ въ Москву студентомъ *бездипломнымъ*. Взамѣнъ сего въ немъ таилось замѣчательное поэтическое дарованіе. Съ самаго переѣзда его въ Дерптъ въ 1823 году начали появляться въ печати его стихотворенія, обратившія на себя вниманіе Жуковскаго, князя Вяземскаго и въ особенности Пушкина, съ которымъ Языковъ сблизился въ 1826 году во время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ въ Тригорскомъ и почти ежедневно видѣлся съ нашимъ великимъ поэтомъ. Время, проведенное съ нимъ, воспѣто Языковымъ въ прелестномъ его стихотвореніи *Тригорское*, которое украсило начальныя страницы *Московскаго Вѣстника* и послужило поводомъ заочнаго знакомства Языкова съ Погодинымъ. Лѣто 1826 года на всю

Вскорѣ послѣ отъѣзда Шевырева, который всегда былъ самымъ дѣятельнымъ и незамѣнимымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* книгопродавецъ А. С. Ширяевъ, съ которымъ Погодинъ имѣлъ постоянныя книжныя сношенія, вѣроятно, для утѣшенія осиротѣвшаго редактора *Московскаго Вѣстника* задалъ ему „прекрасный обѣдъ“ въ купеческомъ клубѣ. Послѣ обѣда Погодинъ сѣлъ играть въ бостонъ съ Селивановскимъ, И. И. Давыдовымъ и Перевощиковымъ и „выигралъ у неплатящаго никогда Перевощикова“. Игру, начатую въ клубѣ, Погодинъ продолжалъ у Аксаковыхъ, выигралъ 70 рублей и поздно вернулся домой „на саняхъ, подъ колокольный звонъ“.

Въ это же время навсегда покинулъ Россію и Мицкевичъ, съ которымъ Погодинъ былъ, какъ мы видѣли, въ дружескихъ отношеніяхъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе края Мицкевичъ пріѣзжалъ въ Москву, столь его обласкавшую, прощаться. Подъ 21 марта 1829 года въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Къ Мицкевичу. Свиданіе съ удовольствіемъ. О нашемъ просвѣщеніи. Россія непремѣнно должна покровительствовать всѣ славянскія партіи и этою мѣрою она привлечетъ себѣ болѣе, чѣмъ войсками“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія состоялся завтракъ у Погодина. Свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ утрѣ, хотя и скудныя, но достовѣрныя, находятся въ *Дневникѣ* Погодина: „Завтракъ у меня. Представители русской образованности и просвѣщенія: Пушкинъ, Мицкевичъ, Хомяковъ, Щепкинъ, Венелинъ, Аксаковъ, Верстовскій, Веневитиновъ. Разговоръ безъ всякой послѣдовательности. Не было ничего для меня новаго... Верстовскому и Аксакову не понравилось. Нечего было сказать о разговорѣ Пушкина и Мицкевица, кромѣ: *предразсудокъ холоденъ, а вѣра горяча*. Говорили о Дмитріи Веневитиновѣ, о страсти его къ княгинѣ Волконской. Она искала въ немъ свѣжаго юношу... Онъ боялся прикоснуться къ божественному идеалу. Она мелка“ [404]). Съ тою же досадною краткостью Погодинъ писалъ о своемъ утрѣ и Шевыреву: „Много было сальнаго, которое не понравилось“. Въ это же время Мицкевичъ издалъ

свои стихотворенія. Погодинъ настолько уже владѣлъ польскимъ языкомъ, что могъ читать ихъ въ подлинникѣ. Ему особенно понравилось стихотвореніе подъ заглавіемъ *Фарсисъ* [405]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ то время, когда *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго на своихъ страницахъ топталъ въ грязь нашу народную славу Пушкина, въ тоже время и тотъ же *Вѣстникъ Европы* почтительно расшаркивался предъ польскимъ писателемъ. „Г. Мицкевичъ, читаемъ тамъ, находится теперь въ Москвѣ Имѣемъ достовѣрное свѣдѣніе, что сей достойный любимецъ польской публики будущею весною отправится заграницу освѣжить прекрасный талантъ свой поэтическимъ воздухомъ Авзоніи“ [406]).

XL.

Въ то время, когда изъ круга друзей, стоявшихъ подъ знаменемъ *Московскаго Вѣстника*, выбылъ Шевыревъ, изъ Дерпта переѣхалъ на житье въ Москву Николай Михаиловичъ Языковъ и отчасти замѣнилъ собою Шевырева.

Въ теченіе шести лѣтъ Языковъ слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ, но никакъ не могъ выдержать экзаменъ и пріѣхалъ въ Москву студентомъ *бездипломнымъ*. Взамѣнъ сего въ немъ таилось замѣчательное поэтическое дарованіе. Съ самаго переѣзда его въ Дерптъ въ 1823 году начали появляться въ печати его стихотворенія, обратившія на себя вниманіе Жуковскаго, князя Вяземскаго и въ особенности Пушкина, съ которымъ Языковъ сблизился въ 1826 году во время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ въ Тригорскомъ и почти ежедневно видѣлся съ нашимъ великимъ поэтомъ. Время, проведенное съ нимъ, воспѣто Языковымъ въ прелестномъ его стихотвореніи *Тригорское*, которое украсило начальныя страницы *Московскаго Вѣстника* и послужило поводомъ заочнаго знакомства Языкова съ Погодинымъ. Лѣто 1826 года на всю

Вскорѣ послѣ отъѣзда Шевырева, который всегда былъ самымъ дѣятельнымъ и незамѣнимымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника* книгопродавецъ А. С. Ширяевъ, съ которымъ Погодинъ имѣлъ постоянныя книжныя сношенія, вѣроятно, для утѣшенія осиротѣвшаго редактора *Московскаго Вѣстника* задалъ ему „прекрасный обѣдъ“ въ купеческомъ клубѣ. Послѣ обѣда Погодинъ сѣлъ играть въ бостонъ съ Селивановскимъ, И. И. Давыдовымъ и Перевощиковымъ и „выигралъ у неплатящаго никогда Перевощикова“. Игру, начатую въ клубѣ, Погодинъ продолжалъ у Аксаковыхъ, выигралъ 70 рублей и поздно вернулся домой „на саняхъ, подъ колокольный звонъ“.

Въ это же время навсегда покинулъ Россію и Мицкевичъ, съ которымъ Погодинъ былъ, какъ мы видѣли, въ дружескихъ отношеніяхъ. Предъ отъѣздомъ своимъ въ чужіе края Мицкевичъ пріѣзжалъ въ Москву, столь его обласкавшую, прощаться. Подъ 21 марта 1829 года въ *Дневникѣ* Погодина читаемъ: „Къ Мицкевичу. Свиданіе съ удовольствіемъ. О нашемъ просвѣщеніи. Россія непремѣнно должна покровительствовать всѣ славянскія партіи и этою мѣрою она привлечетъ себѣ болѣе, чѣмъ войсками“. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого свиданія состоялся завтракъ у Погодина. Свѣдѣнія объ этомъ достопамятномъ утрѣ, хотя и скудныя, но достовѣрныя, находятся въ *Дневникѣ* Погодина: „Завтракъ у меня. Представители русской образованности и просвѣщенія: Пушкинъ, Мицкевичъ, Хомяковъ, Щепкинъ, Венелинъ, Аксаковъ, Верстовскій, Веневитиновъ. Разговоръ безъ всякой послѣдовательности. Не было ничего для меня новаго... Верстовскому и Аксакову не понравилось. Нечего было сказать о разговорѣ Пушкина и Мицкевица, кромѣ: *предразсудокъ холоденъ, а вѣра горяча*. Говорили о Дмитріи Веневитиновѣ, о страсти его къ княгинѣ Волконской. Она искала въ немъ свѣжаго юношу... Онъ боялся прикоснуться къ божественному идеалу. Она мелка“ [404]). Съ тою же досадною краткостью Погодинъ писалъ о своемъ утрѣ и Шевыреву: „Много было сальнаго, которое не понравилось“. Въ это же время Мицкевичъ издалъ

свои стихотворенія. Погодинъ настолько уже владѣлъ польскимъ языкомъ, что могъ читать ихъ въ подлинникѣ. Ему особенно понравилось стихотвореніе подъ заглавіемъ *Фарсисъ*[405]).

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ то время, когда *Вѣстникъ Европы* Каченовскаго на своихъ страницахъ топталъ въ грязь нашу народную славу Пушкина, въ тоже время и тотъ же *Вѣстникъ Европы* почтительно расшаркивался предъ польскимъ писателемъ. „Г. Мицкевичъ, читаемъ тамъ, находится теперь въ Москвѣ Имѣемъ достовѣрное свѣдѣніе, что сей достойный любимецъ польской публики будущею весною отправится заграницу освѣжить прекрасный талантъ свой поэтическимъ воздухомъ Авзоніи“[406]).

XL.

Въ то время, когда изъ круга друзей, стоявшихъ подъ знаменемъ *Московскаго Вѣстника*, выбылъ Шевыревъ, изъ Дерпта переѣхалъ на житье въ Москву Николай Михайловичъ Языковъ и отчасти замѣнилъ собою Шевырева.

Въ теченіе шести лѣтъ Языковъ слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ, но никакъ не могъ выдержать экзаменъ и пріѣхалъ въ Москву студентомъ *бездипломнымъ*. Взамѣнъ сего въ немъ таилось замѣчательное поэтическое дарованіе. Съ самаго переѣзда его въ Дерптъ въ 1823 году начали появляться въ печати его стихотворенія, обратившія на себя вниманіе Жуковскаго, князя Вяземскаго и въ особенности Пушкина, съ которымъ Языковъ сблизился въ 1826 году во время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ. Въ этомъ году Языковъ цѣлое лѣто гостилъ въ Тригорскомъ и почти ежедневно видѣлся съ нашимъ великимъ поэтомъ. Время, проведенное съ нимъ, воспѣто Языковымъ въ прелестномъ его стихотвореніи *Тригорское*, которое украсило начальныя страницы *Московскаго Вѣстника* и послужило поводомъ заочнаго знакомства Языкова съ Погодинымъ. Лѣто 1826 года на всю

жизнь запечатлѣлось въ сердцѣ Языкова. „Я вопрошалъ", писалъ онъ къ одному своему пріятелю, „совѣсть мою и внималъ отвѣтамъ ея и не нахожу во всей моей жизни ничего подобнаго красотою нравственнаго и физическаго, ничего пріятнѣйшаго и достойнѣйшаго сіять золотыми буквами на доскѣ памяти моего сердца—нежели лѣто 1826 года" [407]).

Въ маѣ 1829 года Языковъ пріѣхалъ въ Москву. И. В. Кирѣевскій привезъ его къ Погодину, который отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*, по поводу этого знакомства: „очень простъ и не виденъ" [408]); но вскорѣ они хорошо познакомились и сдружились. На лѣто Языковъ уѣхалъ въ свою симбирскую деревню и Погодинъ писалъ Шевыреву „Языковъ пробылъ здѣсь больше мѣсяца, и мы познакомились очень хорошо. Добрый малый и безъ всякихъ претензій. Повезъ много плановъ, между прочимъ, трагедію *Саулъ*". Зимою Языковъ вернулся въ Москву и сталъ помогать Погодину въ изданіи *Московскаго Вѣстника* [409]).

Ко времени переѣзда Языкова изъ Дерпта въ Москву относится примиреніе Погодина съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ. Мы уже знаемъ, что Погодинъ имѣлъ несчастіе поссориться съ этимъ благороднѣйшимъ изъ смертныхъ, о чемъ такъ скорбѣлъ В. П. Титовъ. Мы не могли доискаться причинъ ихъ ссоры, знаемъ только, что 15 марта 1829 года день, священный для друзей покойнаго Дмитрія Веневитинова, былъ днемъ ихъ примиренія. По установившемуся обычаю друзья Веневитинова въ этотъ день отправились въ Симоновъ монастырь, мѣсто вѣчнаго упокоенія ихъ юнаго друга; но предоставимъ самому Погодину разсказать намъ объ этомъ днѣ. „Въ Симоновъ монастырь, на могилу Дмитрія, молился объ его упокоеніи, звалъ духъ его къ себѣ и Сашенькѣ *). Былъ у обѣдни и слушалъ съ удовольствіемъ согласное пѣніе монаховъ. За минуту предугадалъ, что пріѣдетъ Кирѣевскій, но мы не сошлись на могилѣ. Обѣдали вмѣстѣ у Алексѣя. Читали письма Дмитрія, говорили о немъ. Въ сумерки я

*) Т. е. княжнѣ А. И. Трубецкой.

рѣшился съ трепещущимъ сердцемъ обратиться къ Кирѣевскому и началъ: „Послушай, Кирѣевскій: нынѣшній день для меня священъ; для меня пріятно ознаменовать его всегда чѣмъ нибудь достойнымъ памяти нашего Дмитрія, нынѣ я хочу пожертвовать моимъ самолюбіемъ... Онъ не далъ договорить мнѣ. Я хотѣлъ прибавить: и спрашиваю тебя—повторяешь ли ты во всей силѣ письмо твое, написанное ко мнѣ? Если повторяешь, мы разстаемся опять, и этотъ разговоръ предается забвенію; если отрекаешься, вотъ моя рука. Кирѣевскій бросился обнимать меня, говоря: прости меня, я виноватъ передъ тобою. Господа, я прошу у него прощенія, прощаешь ли ты. Я самъ хотѣлъ начать, ты предупредилъ меня". Мы расцѣловались, вышли потомъ въ другую комнату. „Я думалъ прежде, что ты неспособенъ дѣлать неосторожности, и потому помѣщеніе письма Строева съ личностями во время твоей ссоры съ Полевыми за интересъ почелъ дѣломъ неблагороднымъ. Теперь въ помѣщеніи замѣчаній Арцыбашева и своихъ увидѣлъ, что ты въ самомъ дѣлѣ только что неостороженъ и потому и т. д.
Я толковалъ, что все это вздоръ. И въ самомъ дѣлѣ. Я сталъ такъ высоко, что уже не различаю, напримѣръ, мелкихъ подлостей Полевыхъ, Булгариныхъ и т. д." [410]). Черезъ четыре дня Погодинъ получаетъ слѣдующее письмо отъ И. В. Кирѣевскаго: „Вы не сомнѣваетесь, я увѣренъ, въ томъ, что если я еще не былъ у васъ, то единственно потому, что обстоятельства не позволили мнѣ до сихъ поръ отлучиться изъ дому. Теперь пишу къ вамъ, чтобы объяснить вамъ мои послѣднія дѣйствія, ибо чувствую, что безъ того они могли бы быть непонятны. Въ послѣднее наше свиданіе я уже сообщилъ вамъ причины, заставившія меня ошибаться въ васъ. Я видѣлъ нѣкоторые изъ вашихъ поступковъ, которые могли быть оправданы только одною необдуманностью съ вашей стороны, къ которой я не считалъ васъ способнымъ и при короткости нашихъ отношеній обязанность честнаго человѣка дѣлала для меня откровенность необходимостью. Но послѣдствіе времени показало мнѣ, что вы способны къ не-

осторожности больше, чѣмъ многіе; что вы умѣете не разсчитывать своихъ поступковъ, когда дѣло идетъ о вашихъ выгодахъ, и я увидѣлъ, что та-же причина, которая заставляла васъ дѣлать самому себѣ столько вреда, могла быть и источникомъ поступковъ, показавшихъ мнѣ васъ въ другомъ видѣ. Въ этомъ случаѣ возможность вашей правоты уже была для меня почти достаточнымъ оправданіемъ, ибо я не хотѣлъ видѣть васъ виноватымъ. Когда же въ послѣднее наше свиданіе вы первые хотѣли подать мнѣ руку на примиреніе, то я узналъ, что вы умѣете быть не просто неосторожнымъ, но неосторожнымъ отъ душевнаго благородства. Я видѣлъ, что, ошибившись во мнѣ, вы рисковали получить самое жестокое оскорбленіе вашему самолюбію, имѣя въ виду единственно совершеніе того, что̀ вы считали должною жертвою памяти вашего друга, и я горжусь, что понялъ красоту вашего поступка, что не обманулъ вашей лестной довѣренности, что умѣлъ не допустить васъ до благороднаго самоотверженія, и съ радостію признаюсь, что я былъ виноватъ передъ вами. Будемте надѣяться, что судьба не разведетъ тѣхъ, кому должно сойтись“ [411]).

Погодинъ былъ очень радъ этому примиренію, ибо могъ теперь продолжать общеніе съ благороднымъ домомъ Кирѣевскихъ и Елагиныхъ. Вскорѣ послѣ примиренія ему пришлось вмѣстѣ съ ними оплакивать кончину добродѣтельной Александры Андреевны Воейковой, скончавшейся въ Ниццѣ и несшей крестъ супружеской жизни съ извѣстнымъ авторомъ *Сумашедшаго Дома*, Александромъ Ѳедоровичемъ Воейковымъ. По свидѣтельству современниковъ, „всякъ, кто зналъ ее, кто только приближался къ ней, становился ея чтителемъ и другомъ. Благородная братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи *Свѣтланы*, извѣстна всѣмъ“. Кончина Воейковой произвела сильное впечатлѣніе на Погодина. „Съ живымъ участіемъ слушалъ о смерти Свѣтланы“, пишетъ онъ, „я любилъ ее, не зная. Жаль, что я не видалъ ее“. А. П. Ела-

гина прочла ему письмо Жуковскаго, который называлъ смерть *послѣднимъ счастіемъ на землѣ*, но Погодинъ съ этимъ не соглашается и замѣчаетъ: „Нѣтъ, это еще не высшая степень. Надо изъ жизни сдѣлать счастіе“. На другой день онъ разсказывалъ „сердобольной и чадолюбивой“ О. С. Аксаковой о смерти Воейковой и ему „представилась мысль сдѣлать апоѳеозу терпѣнія, показать счастіе въ несчастіи“, во 2-й части его повѣсти *Невѣста на Ярмаркѣ*. Думалъ онъ объ этомъ „дорогою и дома“, написалъ планъ, которымъ самъ остался доволенъ и нашелъ „прекраснымъ“ [412]).

Въ іюлѣ 1829 года Петръ Васильевичъ Кирѣевскій отправился за-границу для слушанія лекцій въ германскихъ университетахъ. Братъ его Иванъ Васильевичъ остался въ Москвѣ. Однажды Погодинъ, навѣстивъ его, засталъ задумчивымъ и подъ 23 августа 1829 г. отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „вѣроятно, влюбленъ“. И дѣйствительно, онъ не ошибся. Въ это время, по свидѣтельству М. А. Максимовича, И. В. Кирѣевскаго „приковывали къ Москвѣ сердечныя заботы. Онъ полюбилъ ту, которой впослѣдствіи суждено было сдѣлаться подругой его жизни *), и въ августѣ 1829 года просилъ ея руки; но предложеніе его по нѣкоторымъ недоразумѣніямъ не было принято. Со стороны Кирѣевскаго это не была минутная страсть, скоропреходящее увлеченіе молодости: онъ полюбилъ всею душою, на всю жизнь, и отказъ глубоко потрясъ всю его нравственную и физическую природу. Его и безъ того слабое здоровье видимо разстроилось, за него стали бояться чахотки, и путешествіе было предписано медиками, какъ лучшее средство для разсѣянія и поправленія разстроеннаго здоровья“ [413]). Между тѣмъ, друзья Кирѣевскаго, уже отправившіеся на Западъ, очень безпокоились за него, и Соболевскій изъ Флоренціи писалъ (отъ 1 октября 1829 г.) Погодину: „Прошу васъ покорно извѣстить меня о слѣдующемъ: Иванъ Васильевичъ

*) Натальѣ Петровнѣ Арбеневой; ея братъ, Николай Петровичъ Арбеневъ, былъ женатъ на родной моей теткѣ, Надеждѣ Александровнѣ Барсуковой.

Кирѣевскій извѣщаетъ меня о скоромъ отъѣздѣ въ чужіе края. Молчаніе его доселѣ о таковомъ намѣреніи, несвойственная ему рѣшительность исполненія и недавній отъѣздъ Петра, съ которымъ бы ему вмѣстѣ пріѣхать и пріятнѣе, и выгоднѣе, родили во мнѣ тяжкую мысль: не боленъ ли, и не очень ли боленъ Иванъ Васильевичъ; ибо здоровье его всегда шатко, а жизнь проводить на диванѣ съ трубкою и съ кофе его не поправитъ. Ближе васъ никого къ ихъ дому я въ кругу знакомыхъ не знаю, вопроса же я прямо ни Ивану, ни Авдотьѣ Петровнѣ предложить не могу. И такъ, прошу васъ покорно извинить, если я утруждаю васъ этой запиской, и еще болѣе отвѣтомъ, въ которомъ не сомнѣваюсь. Шевыревъ, съ которымъ я жилъ всего около двухъ мѣсяцевъ, *совершенно* счастливъ въ своихъ отношеніяхъ, работаетъ много. Мицкевичъ изъ Милана отъ 2-го октября пишетъ, что онъ ѣдетъ во Флоренцію".

XLI.

Въ концѣ 1828 года, почтенныхъ Хомяковыхъ постигло тяжкое несчастіе. Они лишились старшаго своего сына, Өедора Степановича, который скончался въ Тифлисѣ, гдѣ служилъ при Паскевичѣ чиновникомъ по дипломатической части. О Өедорѣ Степановичѣ Хомяковѣ сохранилось воспоминаніе, какъ о чрезвычайно даровитомъ молодомъ человѣкѣ [414]). Живѣйшее участіе въ постигшей Хомяковыхъ скорби принялъ и В. П. Титовъ, который писалъ Погодину: „Я воображаю себѣ грусть Веневитинова и Павла Муханова по нашемъ бѣдномъ добромъ Хомяковѣ; молви имъ о моемъ сердечномъ соучастіи, все-таки будетъ легче. Всѣмъ намъ его потеря была тѣмъ болѣе чувствительна, что къ нему привязывалось столько воспоминаній. Гибнетъ и рѣдѣетъ наше цвѣтущее Московское племя. Подумаешь: пройдетъ нѣсколько лѣтъ, кто ляжетъ въ могилу, кто увязнетъ въ болотѣ, удастся однимъ-двумъ дойти путемъ-дорогою до чего нибудь общеполезнаго; по немъ и

будутъ цѣнить потерю утраченныхъ. Грустно, братъ, и грустно, и скучно: что̀ дѣлать" [415]). Несчастному отцу осталось только одно утѣшеніе—смотрѣть на портретъ своего возлюбленнаго и безвременно погибшаго сына. „Насилу отыскалъ живописца Соколова", писалъ Степанъ Александровичъ Хомяковъ А. В. Веневитинову, „котораго мнѣ рекомендовали, и жду его съ эскизомъ, чтобы лучше сообразить сходство ангельской физіономіи моего сердечнаго друга, столь немилосердно у меня Провидѣніемъ похищеннаго. Портретъ незабвенно оплакиваемаго мною Ѳедора Соколовъ написалъ; но я не совсѣмъ онымъ доволенъ, много недостатковъ въ сходствѣ и никакъ не выразилъ мины его ангельской, а я не умѣлъ словами объяснить оной" [416]).

Въ началѣ 1829 года мы видимъ А. С. Хомякова въ Москвѣ, куда онъ прибылъ изъ арміи. Подъ 26 марта 1829 года Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Вечеромъ къ Венелину, чтобъ увидѣться съ Хомяковымъ, который разсказывалъ о походѣ. Крѣпко держитъ мою сторону по дѣлу Карамзина". Во все время пребыванія Хомякова въ Москвѣ Погодинъ не рѣдко навѣщалъ молодого воина и „слушалъ его военные разсказы" [417]). „Бѣдный Хомяковъ", писалъ онъ Шевыреву (отъ 28 апрѣля) „былъ недавно въ Москвѣ и прожилъ съ мѣсяцъ. Грустенъ, но добръ, милъ и уменъ по прежнему". Лѣтомъ 1829 года Хомяковъ возвратился въ армію и Погодинъ безпокоился, что отъ него давно нѣтъ извѣстія. „Неужели", писалъ онъ Шевыреву (отъ 15 іюля) „и братъ его не выкупилъ? Страшно думать!" [418]). Почтенный отецъ его Степанъ Александровичъ принималъ живѣйшее участіе въ литературныхъ успѣхахъ своего сына; свидѣтельствомъ сего могутъ служить письма его къ другу своего сына А. В. Веневитинову. „Зная", писалъ онъ, отъ 30 августа 1829 г., „какъ вы любите моего Алексѣя и принимаете въ немъ участіе, скажу вамъ, во-первыхъ, что онъ здоровъ былъ и, стоя подъ Шумлою безъ всякаго дѣла, огорчался, что не участвуетъ въ славныхъ подвигахъ забалканскихъ. Но вотъ

что̀ я еще прибавлю, до него касающееся. Вамъ извѣстный его *Ермакъ*, наконецъ, былъ данъ *), и безъ всякаго домогательства. Дирекція представила его публикѣ. Разумѣется, что я не пропустилъ быть въ театрѣ. Малый театръ, гдѣ его давали, былъ полонъ до невѣроятности, и успѣхъ былъ блистательный. Неимовѣрно, какое вліяніе онъ произвелъ при превосходной игрѣ Каратыгина. Рукоплесканія были оглушительны, и при окончаніи вызывали автора, и Каратыгинъ, вѣроятно, отъ нѣкоторой зависти, просто сказалъ, что его нѣтъ въ театрѣ, а не прибавилъ, что онъ подъ Шумлою, хотя и было ему сіе извѣстно. Послѣ вызова автора, вызывали и Каратыгина, а все сіе сдѣлалось само по себѣ безъ всякаго интриганства со стороны близкихъ къ автору.

Вѣроятно, дирекція не надѣялась таковаго успѣха, потому что очень небрежно монтировала сію пьесу, даже не приспособила ни декорацій, ни костюмовъ. Музыка сочинена очень посредственно какимъ-то Жучковымъ. Пѣсня Софіи еще изрядна, но пѣснь казака совсѣмъ неприлична, и Віельгорскій, обѣщавшій самъ сочинить музыку, не сдержалъ своего слова, а Алексѣй меня не послушался, когда ему я совѣтовалъ при вашемъ посредствѣ попросить Верстовскаго или другого извѣстнаго музыканта въ Москвѣ сочинить сію музыку. Но за всѣмъ тѣмъ и несмотря на выпуски, цензурою произведенные, *Ермакъ* былъ принятъ съ восторгомъ, и всѣ восхищались высокостью мыслей и разговоровъ и, чего я не ожидалъ, ходъ былъ очень интересенъ. Каратыгинъ игралъ превосходно, и вся пьеса, кажется, должна бы быть его тіумфомъ. Брянскій игралъ мещеряка очень хорошо, но прочіе иные — изрядно, а многіе - посредственно; особливо Каменогорскій отца Тимофея, худо понялъ свою роль слабаго старика. Ольгу играла какая-то воспитанница Семенова, очень плохо и дурно читала стихи. Теперь бы желательно, чтобы московская дирекція выпросила себѣ сію пьесу и тамъ можно бы похлопотать о лучшемъ устройствѣ представленія и даже не можно ли будетъ

*) Въ Петербургѣ.

реабилитировать выпуски цензуры, потому что главнѣйшіе напечатаны въ 1-й части *Московскаго Вѣстника* сего года, а также и о музыкѣ. Я думаю, Мочаловъ не потерялъ бы, избравъ сію трагедію бенефисомъ для себя. Если вы имѣете знакомство по дирекціи, то узнайте объ ономъ, а я могъ бы къ вамъ доставить и экземпляръ оной, и прошу объ ономъ меня увѣдомить въ Гжатскъ. Я также помышляю и о напечатаніи оной и думаю не быть въ убыткѣ, а выгоды предоставить автору—нашему поэту—солдату, который вездѣ умѣетъ себя отличить. Вы вѣрно меня извините, что я заговорился о моемъ другѣ Алексѣѣ" [419]).

Съ своей стороны, Погодинъ писалъ Шевыреву (отъ 11 сентября 1829 г.): „*Ермакъ* былъ игранъ на петербургскомъ театрѣ и имѣлъ блистательный успѣхъ. Авторъ подъ Шумлою" [420]). Добрый С. А. Хомяковъ былъ очень огорченъ и возмущенъ появившеюся въ *Московскомъ Телеграфѣ* критикою на *Ермака*, и свое негодованіе излилъ въ письмѣ къ А. В. Веневитинову (отъ 6 октября 1829 г.). „Посудите, милостивый государь", писалъ онъ, „какъ велико мое было удивленіе прочитать въ *Телеграфѣ*, за подписью какого-то *Я... С...въ*, нахальную критику *Ермака*. Вѣроятно, вы уже и видѣли и также мнѣніе *Сѣверной Пчелы* о сей пьесѣ, а сей новый критикъ, несмотря на блистательный успѣхъ сей трагедіи при трехъ представленіяхъ, рѣшился ее назвать плохою и стихи похвалить потому, что они лучше стиховъ Грузинцова. Странная самоувѣренность изложить сужденіе вопреки всеобщаго одобренія публики и издателей *Сѣверной Пчелы*. Конечно, и сіи сдѣлали нѣкоторыя замѣчанія, но оныя ближе къ справедливости, а притомъ присоединенная необыкновенная хвала заграждала неудовольствіе на не совсѣмъ справедливое изложеніе сей пьесы. Новый же критикъ находитъ, что она на ходуляхъ, вѣроятно, потому, что сія трагедія-гигантъ ему, пигмею-критику казалась такъ высока, что онъ ей рѣшился приписать ходули. Наполнена сентенцій,— а ихъ совсѣмъ нѣтъ; неужели онъ счелъ за сентенціи мѣста,

подобныя тому, гдѣ Ермакъ сравниваетъ людей малодушныхъ съ водой, гніющею въ болотахъ смрадныхъ. Касательно риторскихъ мѣстъ можно бы было согласиться съ нимъ, потому что дѣйствительно возвышенный и краснорѣчивый слогъ, наполненный нѣсколько учащенными метафорами, могъ подать поводъ къ таковому сужденію. Каратыгинъ не зналъ, что изъ себя дѣлать; но это не потому, чтобы пьеса была такова, а онъ, всегда стремясь къ эффекту и чтобы дѣлать изъ себя картину, дѣйствительно, иногда въ разговорахъ затруднялся оставаться безъ движенія. Впрочемъ, замѣчанія новаго критика на костюмы совершенно справедливы, и также и декораціи, петербургскою дирекціею поскупившеюся лучше монтировать сію трагедію, были не хороши; желательно, чтобы московская получше приспособила все оное, тѣмъ болѣе, что очень мало оныя требуютъ издержекъ". Но, сообщая объ этомъ, С. А. Хомяковъ выражаетъ безпокойство, что объ авторѣ *Ермака* нѣтъ никакихъ извѣстій. „Миръ", пишетъ онъ, „долженъ бы меня успокоить, но страшатъ меня болѣзни, въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ свирѣпствующія; а между тѣмъ, видѣлъ изъ приказовъ, что генералъ его, князь Мадатовъ, умеръ... и я боюсь, не чумою ли онъ сраженъ, и тогда страшусь за участь его адъютанта... Неизвѣстность мучительна; я писалъ и къ Муханову, и къ Шатилову; конечно, мой страхъ, можетъ быть, и напрасенъ, но стращенная ворона и куста боится, и я скрѣпляю духъ свой и прибѣгаю только подъ десницу милующую Всевышняго. Славная война, славный миръ, но сколько подобныхъ мнѣ, у которыхъ сердце изныло отъ горя и отъ ожиданій ужасныхъ, и что можетъ вознаградить ихъ за ими потерпѣнное! Теперь, ежели Алексѣй мой живъ, онъ свободенъ и можетъ съ честью сойти съ поприща военнаго, имъ столь неумѣстно избраннаго, и какъ тогда, увидѣвъ его, мы всѣ будемъ обрадованы, мы всѣ, говорю я съ чувствомъ признательности, включая и васъ въ число принимающихъ въ немъ участіе. Сладостная мысль, но скоро ли она получитъ событіе и какъ въ неизвѣстности тяжко его

дожидаться. Истинно голова моя вся горитъ и грудь стѣснена и не могу болѣе ничего продолжать въ семъ письмѣ и такъ кончу его" [421]).

Ермака читали также и въ домѣ Аксаковыхъ. На этомъ чтеніи присутствовалъ Погодинъ и занесъ въ свой *Дневникъ* слѣдующее: „Есть піитическія мѣста, но цѣлое—нелѣпица. Эффектъ большой" [422]).

XLII.

Съ каждымъ годомъ Погодинъ все болѣе и болѣе сближался съ почтеннымъ семействомъ Аксаковыхъ. Здѣсь онъ встрѣчалъ полнѣйшее участіе и сочувствіе въ своихъ дѣлахъ какъ литературныхъ, такъ и сердечныхъ. Здѣсь Погодинъ любовался семейнымъ счастіемъ. „Я бываю только", писалъ онъ Шевыреву (отъ 19 февраля 1829 года) „у добрыхъ Аксаковыхъ. Больше и больше люблю это почтенное семейство. Что за прекрасная женщина Ольга Семеновна! Какъ она горевала по тебѣ!" [423]). Погодинъ даже думалъ перевести снова *Ніобу* и посвятить ее Аксаковой. У Аксаковыхъ онъ слушалъ Щепкина толковалъ о „штукахъ Полевого" о препятствіяхъ къ просвѣщенію, о иностранцахъ, о воспитаніи, игралъ въ мушку. По поводу одного разговора, происходившаго въ этомъ домѣ, Погодинъ замѣтилъ: „Петръ прорубилъ окошко, а Аксаковъ его заколотитъ". Въ это время начали уже доходить до Москвы грозные слухи о чумѣ. У Аксаковыхъ шелъ объ этомъ разговоръ, который вызвалъ у Погодина слѣдующее рѣзкое замѣчаніе: „Вотъ что значитъ недостатокъ лѣкарей. А строятъ чортъ знаетъ чтó въ Петербургѣ". Встрѣчаясь у Аксаковыхъ съ извѣстнымъ юристомъ Корниліономъ-Панскимъ, Погодинъ любилъ слушать его разсказы о судебныхъ дѣлахъ и даже однажды посѣтилъ съ нимъ *яму*. „Преступники", писалъ онъ, въ своемъ *Дневникѣ*, „палачи, стража, тринадцати-лѣтняя дѣвочка, свя-

щенникъ, церковь, нары, дѣти, болѣзнь, бѣдность, поровъ, добродѣтель, отчаяніе. Мало унынія, какъ тихъ смертоубійца безъ ножа Никто не наблюдалъ, какъ дѣйствуютъ страсти въ болѣзни. Множество приходило съ подаяніемъ, но у насъ не любятъ теперь подавать. Хотятъ по рукамъ, а велятъ въ кружку. Леаръ, молоденькій мальчикъ, котораго я помню въ гимпазіи, здѣсь за кражу. Надобно-бы поговорить со всѣми прилично къ празднику". Однажды Погодинъ, посѣтивъ Аксаковыхъ, былъ пораженъ вѣстью о кончинѣ Мерзлякова, которая, какъ потомъ оказалось, была невѣрною. Но онъ, подъ первымъ впечатлѣніемъ тревожнаго слуха, записалъ въ своемъ *Дневникѣ* слѣдующееі „Говорятъ, что умеръ Мерзляковъ. Боже мой! Къ нему и дорогою были тяжелы минуты: таланты, труды, энтузіазмъ, и умеръ забытый, обруганный. Какъ жаль, что въ *Вѣстникѣ* не было статьи о его заслугахъ. Пусть-бы онъ увидѣлъ, что есть благодарные. Думалъ о его лекціяхъ. Нѣтъ, онъ живъ и ему лучше. Опять къ Аксаковымъ" [424]).

Въ домѣ Аксаковыхъ у Погодина явилась мысль совершить вмѣстѣ съ Щепкинымъ путешествіе по Малороссіи. Узнавъ объ этомъ намѣреніи, Титовъ писалъ ему (отъ 13 іюня 1829 г.): „Если ты ѣдешь въ Малороссію, это не худо; поѣзжай, заглохни на время, пописывай, почитывай, не вѣтренничай, а *Вѣстникомъ* истопи печку. Твоя надежда должна быть—собраніе матеріаловъ, приготовленіе. Здѣсь вовсе нѣтъ тебѣ надежды, какъ я вижу; развѣ яблоко упадетъ сонному на носъ, съ планетной системой вмѣсто зеренъ, какъ Ньютону, но на это не всегда можно разсчитать. Лучше трудиться про себя и выступить чрезъ два года на ученое поприще съ вѣрой и надеждой на успѣхъ".

Въ началѣ іюля 1829 года наши путешественники выѣхали изъ Москвы. С. Т. Аксаковъ напутствовалъ Погодина шуточнымъ письмомъ (отъ 6 іюля 1829 года): „Похвально", писалъ онъ, „что молодой человѣкъ, уѣзжая изъ Москвы, заботится о миленькой актрисѣ... Будьте увѣрены, что А. Н.

Верстовскій ничего и никогда не узнаетъ!... Слышу восклицаніе ваше: какія глупости! какой вздоръ лѣзетъ ему въ голову!.. Что дѣлать, ваше цѣломудріе возбуждаетъ желаніе пошутить. Время у насъ — чудо и ночи — прелесть. Мы часто вспоминаемъ, какъ вы, подъ вліяніемъ волшебныхъ лучей мѣсяца, катитесь въ бричкѣ съ вашимъ любезнымъ товарищемъ. Полюбуйтесь на Донскихъ казачекъ въ Ромнахъ" [425]). Въ день Святаго Просвѣтителя Россіи, Погодинъ былъ въ Ромнахъ и оттуда писалъ Шевыреву въ Римъ: „Я пріѣхалъ сюда на ярмарку съ Щепкинымъ и прочими. Живу здѣсь двѣ недѣли. Хотѣлось освѣжиться хоть немного и познакомиться съ Малороссіею. Сижу здѣсь надъ исторіею этой любопытной страны" [426]). Свѣдѣнія о дальнѣйшемъ путешествіи Погодина мы находимъ въ *Дневникѣ* его, который, по обычаю, крайне лакониченъ. Изъ Роменъ путешественники наши отправились въ Диканьку. Дорога, судя по записи Погодина, была не веселая. „Скука". пишетъ онъ, „Изъ Гадяча. Пѣшкомъ по песку. Лошади насилу тащатъ. Зеньковъ. Крикъ съ жидомъ. У городничаго, который, спасибо, услужилъ". Въ Диканьку они пріѣхали поздно, и Погодинъ вполнѣ наслаждался тихою Украинскою ночью. Прошелъ по всей аллеѣ, полторы версты до дому. Произносилъ *ея* *) имя и Маріи. Какую жизнь даетъ поэзія мѣсту. Мѣсяцъ показался сквозь деревья. Долго смотрѣлъ на небо. Кое-гдѣ сине. Кругомъ тучи, дугою, индѣ сверкаютъ звѣзды, свѣтъ, съ другой—тучи опираются о землю". Подъѣзжая къ Полтавѣ, Погодинъ „чувствовалъ Петра. Здѣсь сраженіе и основаніе Русскаго Государства. Красивые, подбористые тополи съ поднятыми вверхъ вѣтвями, бросающіе тѣнь". Въ Полтавѣ онъ посѣтилъ Котляревскаго, извѣстнаго переводчика на малороссійскій языкъ *Энеиды*, и бесѣдовалъ съ нимъ о малороссійской исторіи и народѣ. „Старикъ подъ шестьдесятъ лѣтъ, но веселый. Видъ отъ него прекрасный". Для свиданія съ Каразинымъ Погодинъ рѣшилъ ѣхать на Харьковъ. Въ Валкахъ наши путешественники прекрасно пообѣ-

*) Княжны А. И. Трубецкой.

дали. Проѣхали Люботинъ и наконецъ достигли Харькова. „Съ теплымъ чувствомъ Погодинъ проѣзжалъ мимо университета. Сдѣлалъ визитъ Артемовскому, но не засталъ его дома“. Затѣмъ рѣшился ѣхать къ Каразину, жившему близъ Харькова въ своемъ имѣніи, селѣ Кручекахъ. „Хлопоты за подорожною“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „учтивый приказный и невѣжа полиціймейстеръ. На телѣжкѣ. Прекрасное небо. Мѣсяцъ“. Рано утромъ пріѣхали они къ Каразинымъ, которые были имъ рады „безъ памяти“. Но телѣжка дала Погодину и его спутнику себя почувствовать. „Растрясло насъ жестоко“, замѣчаетъ онъ, „и мы свалились, какъ ни перемогались“. Отдохнувши, Погодинъ сталъ знакомиться съ окружающимъ и глаза его „разбѣжались на драгоцѣнную библіотеку, которой должно посвятить недѣлю, а я спѣшу“. Затѣмъ гулялъ по саду, по рощѣ, устроенной деревнѣ. „Просвѣщенный человѣкъ“, замѣчаетъ Погодинъ о хозяинѣ, „знаетъ всякую травку, вездѣ памятники, вездѣ доказательства просвѣщенія“. Каразинъ читалъ гостямъ разныя свои письма къ министрамъ, въ которыхъ, по мнѣнію Погодина „много излишняго и вреднаго для него“.

Въ эту же ночь на той же телѣжкѣ наши путешественники выѣхали въ Харьковъ и прибыли туда раннимъ утромъ [427]). Здѣсь Погодинъ получилъ письмо отъ Каразина слѣдующаго содержанія: „Бога вы не боитесь; какъ можно такимъ образомъ посѣщать друзей въ Украйнѣ! Пуще всего для меня больно то, что я не догадался попотчивать васъ покоемъ, въ которомъ вы, проѣхавъ всю ночь на почтовой телѣжкѣ, имѣли прекрайнюю нужду. Я воображалъ, что вы имѣли покойнѣе экипажъ, слѣдовательно, по обыкновенію, спали и выспались, на пескахъ особливо, отъ Харькова до Ольшаны, и отъ Богодухова до насъ. Уложивъ васъ во второмъ уже часу, тутъ я узналъ, увидѣвъ вашу повозку, что не тѣмъ было начинать, чтобы водить васъ по своему парку и читать“ [428]).

Въ Харьковѣ Погодинъ былъ весьма почетно принятъ профессорами Даниловичемъ, Гулакомъ—Артемовскимъ, Чер-

няевымъ, Крипицкимъ. Изъ бесѣды съ профессоромъ Русской Исторіи Артемовскимъ Погодинъ убѣдился, что Артемовскій читалъ всѣ его сочиненія и они ему понравились [429]). Чувства свои къ Погодину Артемовскій выразилъ въ слѣдующемъ письмѣ: „чѣмъ достойно отблагодарить васъ достопочтеннѣйшій, благороднѣйшій и поучительнѣйшій Михаилъ Петровичъ. Да подкрѣпляетъ васъ сила Вышняго въ почтенныхъ подвигахъ, подъемлемыхъ вами на пользу науки, учености, и чувства свойственной вами кротости, скромности и умѣренности да заградятъ уста бѣснующейся въ безсильныхъ вопляхъ зависти“ [430]). О своемъ пребываніи въ Харьковѣ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* записалъ слѣдующее: „Съ Криницкимъ и Даниловичемъ по музеямъ, по комнатамъ студентовъ. Лютеранская церковь въ университетской залѣ. Вотъ терпимость. Мысль собрать костюмы всей Россіи. Прекраснѣйшая церковь. Книга съ малороссійскими костюмами. Меня носили почти на рукахъ. Утащили на завтракъ и шампанское: объ университетскомъ согласіи и Турціи. Оставляли усильно, чтобы осмотрѣть институтъ, котораго директоръ меня очень любитъ. Водили меня по Ботаническому саду, гдѣ встрѣтилъ Черняева живущаго въ царствѣ прозябаемыхъ. Какъ усладительно просвѣщеніе! Какъ вездѣ живитъ оно... Къ Квиткѣ“ [431]). На желаніе Погодина собрать костюмы всей Россіи не замедлилъ откликнуться почтенный Даниловичъ. „Спѣшу отправить“, писалъ онъ Погомину, уже возвратившемуся въ Москву „желаемые вами костюмы малороссіянъ. Весьма непростительно было бы, когда бы ученые вздумали требовать за сдѣланныя взаимно литературныя сообщенія или пособія, когда они другъ другу способствовать должны. Костюмы сіи числомъ 21 заставилъ я описать приспѣшника моего при библіотекѣ кандидата Боровиковскаго, который приготовляется поспѣшествовать просвѣщенію“ [432]).

Вскорѣ долженъ былъ покинуть Погодинъ гостепріимный для него Харьковъ, и 3 августа 1829 года мы его уже видимъ въ Бѣлгородѣ, гдѣ онъ пробылъ нѣсколько часовъ и

записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Знакомство съ почтмейстеромъ. Купецъ отказалъ милліонъ Государю: недоставайся роднѣ. У обѣдни. Мощи не позволяютъ открыть... Мечталъ объ исторіографствѣ. Не было ни одного человѣка, который построилъ бы училище или больницу". Въ тотъ же день Погодинъ проѣхалъ Обоянь и замѣтилъ: „со всѣми удобностями станція. Трактиръ. Ахъ какая гадость и чего смотрятъ городничіе". На другой день онъ прибылъ въ Курскъ, гдѣ нашелъ своего пріятеля Антона Томашевскаго. Посѣтилъ своихъ знакомыхъ „Къ Зуйкину, Алексѣеву", онъ пишетъ; его каморка, жена, дѣти, чай. Обсерваторія. Къ Вязмитинову. Безъ памяти любитъ Курскъ, хотя его и засадили въ тюрьму, и хочетъ видѣть его исторію, хоть передъ смертію. Обѣщался съ помощью студентовъ. Вязмитиновъ жертвуетъ всѣмъ для Курска. Гора съ каменемъ подлѣ Курска. Туда со свѣчами не охотно, ибо сыро и можетъ обвалиться. Въ ночь выѣхалъ изъ Курска. Въ день Преображенія ночью пріѣхали въ Мценскъ, гдѣ ужинали. Здѣсь застигла ихъ ужаснѣйшая гроза. „Сперва", замѣчаетъ Погодинъ, „было не по мнѣ, а послѣ присмотрѣлся". На другой день рано утромъ пріѣхали въ Тулу. Здѣсь Погодинъ замѣтилъ, что „извозчики вольные, однако есть почтенные". Изъ Лопасни, жалуется Погодинъ, „насъ повезли Богъ знаетъ какъ. Ругался". Въ Подольскѣ онъ встрѣтился съ братомъ Протасова и толковалъ съ нимъ о Хозроѣ Мирзѣ. Къ Знаменскому подъѣзжалъ „съ стѣсненнымъ сердцемъ" и отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Она (т.-е. княжна А. И. Трубецкая) тамъ. Я встрѣчу ее. Спросилъ крестьянина. Они не пріѣзжали еще. Вотъ тебѣ разъ". 8 августа 1829 года Погодинъ вернулся въ Москву и тотчасъ же отправился къ Аксаковымъ, гдѣ „дѣти облѣпили его" [433]). „Въ путешествіи моемъ", писалъ онъ Шевыреву, „было нѣсколько пріятныхъ минутъ, я встрѣтился съ нѣкоторыми изъ нашихъ читателей и увидѣлъ, что труды наши не потеряны: насъ любятъ за наши намѣренія и чувствованія. Познакомился съ жидами, хохлами и ихъ исторіею" [434]).

Несчастная страсть Погодина къ княжнѣ Александрѣ Ивановнѣ Трубецкой, несмотря на переѣздъ ея въ Петербургъ, не только не ослабѣвала, но все болѣе и болѣе усиливалась и причиняла ему неизъяснимыя страданія. „Какъ во время познакомился я“, замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* „съ Аксаковыми. Мнѣ нужна теперь *confidente*, которая бы договаривала за меня то, чего я не смѣю выговорить, ободряла бы меня“. И вотъ такою *confidente* была для Погодина „милая“ Ольга Семеновна Аксакова. Въ благодарность за это онъ посвятилъ ей свою повѣсть *Адель*, въ которой, какъ мы уже знаемъ, изложена біографія княжны А. И. Трубецкой. Въ это время Погодинъ затѣялъ переписку съ княжною. Къ сожалѣнію, этой переписки нѣтъ въ нашихъ рукахъ и мы можемъ судить о ней только по обрывочнымъ записямъ *Дневника* Погодина. Мы уже знаемъ, что Погодинъ предлагалъ руку свою княжнѣ; а потому не безъ радости записалъ въ своемъ *Дневникѣ*, что воображаемый имъ его соперникъ графъ Николай Александровичъ Протасовъ женится на княжнѣ Наталіи Дмитріевнѣ Голицыной. Написавъ письмо княжнѣ Трубецкой, Погодинъ опасался „ну какъ все забыто и перемѣнилось“. Въ ожиданіи отвѣта, онъ думалъ о своихъ изданіяхъ, о предполагаемыхъ сочиненіяхъ, но, замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „вся судьба моя зависитъ отъ письма“. Наконецъ 19 марта 1829 года Погодинъ получилъ съ трепетомъ ожидаемое имъ письмо и остался имъ недоволенъ, по крайней мѣрѣ въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Приложился къ письму. Не совсѣмъ червонное. Она чувствуетъ, что ея кругъ глупъ, но зачѣмъ она кружится въ немъ съ такимъ удовольствіемъ? Это мнѣ больно, и между тѣмъ пишетъ, что она не угорѣла“. Но, какъ бы то ни было, письмо княжны погрузило Погодина въ размышленіе. „Иногда кажется“, писалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „что она любитъ меня, иногда только расположена дружески. Иногда и я люблю ее, иногда только что расположенъ дружески“. Наканунѣ Благовѣщенія онъ пишетъ ей отвѣтъ и въ ожиданіи письма отъ нея, зано-

21

ситъ въ свой *Дневникъ*: „мечталъ о счастіи, другъ мой!" Но княжна поступала жестоко съ своимъ поклонникомъ и долго его мучила своимъ молчаніемъ; а онъ все думалъ о ней, восклицая: „Но если все это мечта!" Въ такомъ настроеніи застала Погодина спасительная и свѣтозарная ночь 14 апрѣля 1829 года. „Звонятъ", отмѣчалъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „я перекрестился и за нее. Однако напишу я письмо къ ней еще. Что она не пишетъ безсовѣстная. Подарю ей сочиненія Димитрія Веневитинова въ именины, съ собственноручнымъ завѣщаніемъ, нѣтъ — жертвоприношеніемъ. Ну если она на мое объясненіе изумится! Какъ будетъ мнѣ стыдно. Чего же стыдиться! Я уѣду путешествовать. Понабралось у меня денегъ съ разныхъ сторонъ тысячъ до одиннадцати. Будетъ пятнадцать, я поѣду путешествовать въ маѣ, а она? Мечталъ, мечталъ. Часто думалъ объ ней. Можетъ быть она не пишетъ ко мнѣ, потому что боится выговорить, написать; потому что боится матери и пр. или потому что хочетъ отвязаться отъ меня. Какъ не стыдно наслаждаться Петербургомъ, сквернымъ и глупымъ большимъ свѣтомъ! Въ какой атмосферѣ она! Вездѣ дураки, эгоисты, невѣжи!" Погодинъ съѣздилъ въ опустѣлое Знаменское „за воспоминаніями". Своею поѣздкою онъ остался доволенъ и въ *Дневникѣ* своемъ отмѣтилъ: „Прекрасно. Зелень и лазурь, и вѣтерокъ и солнце. Я твой, природа". По возвращеніи въ Москву, онъ навѣстилъ въ Голицинской больницѣ одного умирающаго студента. „Какъ было", замѣчаетъ онъ далѣе „пріятно мое посѣщеніе". Черезъ день студентъ умеръ и Погодинъ былъ на его погребеніи. „Бѣдный студентъ, приходится тащится на его могилу и платить дань дружбѣ. Мнѣ было пріятно ѣхать и она (т.-е. княжна Трубецкая разумѣется, мысленно) присутствовала въ этомъ удовольствіи. Я ничего не чувствую безъ нея. Она растворяется во всякой высокой мысли, чувствѣ". Придя къ Аксаковымъ, Погодинъ гадалъ о ней съ Ольгой Семеновной, которая увѣрена, что онъ „влюбленъ". „Нѣтъ", замѣчаетъ онъ, „надо устроить лучше свою жизнь, пользоваться временемъ, жить больше въ

своей сферѣ" и у него являлись стремленія къ уединенію [435]). Добрая Н. П. Новосильцова, зная всю сердечную исторію Погодина, утѣшала его своимъ словомъ. „Общество пріятелей", писала она ему, „не есть свѣтъ и потому мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы, удаляясь отъ людей, не оставляли однако друзей" [436]).

17 августа 1829 года, Погодинъ узнаетъ, что пріѣхали Трубецкіе. „Это", сознается онъ, „не произвело на меня никакого впечатлѣнія. Вѣроятно она (т.-е. княжна Трубецкая) предалась Петербургу" и дѣйствительно, изъ личныхъ объясненій съ княжною Погодинъ замѣтилъ, что она къ нему охладѣла. „То знаю я только навѣрное", записываетъ онъ въ свой *Дневникъ*, „что ея потеря — есть для меня высочайшее несчастіе". Несмотря на это, они разговаривали о Петербургѣ, и княжна не скрывала о тѣхъ пріятныхъ впечатлѣніяхъ, которыя она вынесла оттуда. Но потомъ, какъ бы сжалившись, прибавила: „это на время. Не думайте, чтобы я угорѣла, перемѣнилась". Но Погодину „жаль было думать, что она въ такомъ ядовитомъ климатѣ и привыкаетъ". Изъ каждаго своего посѣщенія Трубецкихъ Погодинъ выносилъ какое-то тревожное чувство, какую то смѣсь надежды съ отчаяніемъ, и это вполнѣ отражается въ его *Дневникѣ*: „Нѣтъ отвлекли ее отъ меня, и тоже да не такъ. Холоднѣе. Мнѣ тяжело о ней думать, хоть на дѣлѣ и ничего. Прощай, мой другъ! Были однакожь минуты пріятныя" [437]).

Въ это время пріѣхали изъ Берлина Мансуровы, и Погодинъ, увѣдомляя объ этомъ Шевырева, писалъ ему: „Они тебя очень полюбили" [438]). Зайдя какъ-то къ Веневитинову, Погодинъ засталъ у него Геништу, который сталъ звать его въ Знаменское. „Хоть я не хотѣлъ", читаемъ въ его *Дневникѣ*, „ѣду, но надо побывать у Аксаковыхъ". Въ октябрѣ 1829 года онъ два раза посѣтилъ Знаменское. Тамъ гулялъ съ княжною Трубецкою и читалъ ей Шлегеля, экзаменовалъ ее въ Исторіи, вообще остается доволенъ ея занятіями. Не обошлось и безъ объясненій. „Во мнѣ", сказала княжна Пого-

дину, „стало меньше фанатизма къ вамъ. Прежде я думала вами“, и при этомъ она съ ядовитостью замѣтила: „Мнѣ жаль видѣть васъ *здѣсь, въ такомъ низкомъ мірѣ.* Вотъ я какова“ [439]). Верстовскій, узнавъ объ этой поѣздкѣ, писалъ Погодину: „Все знаю! Вы опять были въ Знаменскомъ! Не смотря ни на морозъ, ни на занятія, вы ѣздите пригрѣвать себя“ [440]). Однажды, обѣдая вмѣстѣ съ Трубецкими у Черткова, Погодинъ захватилъ съ собою стихотворенія Д. В. Веневитинова, въ которыхъ подчеркнулъ слова: *Не отдавай души своей на жертву* и т. д. и подарилъ ихъ княжнѣ Трубецкой, а та хотѣла подчеркнуть для него нѣсколько стиховъ изъ *Поэта*, но сіе нисколько не помѣшало ему сознавать, что она къ нему „охладѣла“ и вмѣстѣ съ тѣмъ, утомясь безплодными объясненіями, онъ обращается къ себѣ какъ бы съ справедливымъ упрекомъ: „Да когда же я, слабый, устрою свои занятія хорошенько. Сколько дѣла — и ничего не дѣлаю пристально. Ну, если я не успѣю сдѣлать важнаго“. Вдобавокъ у Погодина явился новый соперникъ, опять воображаемый, въ лицѣ графа Егора Евграфовича Комаморовскаго и ему было досадно, когда у Трубецкихъ говорили „о гостинныхъ успѣхахъ“ графа [441]). „Я отуманенъ“, писалъ онъ Шевыреву, „былъ недѣли двѣ до именинъ. Такъ овладѣлъ мною одинъ предметъ, что я ночей не сплю, не ѣмъ порядочно, брежу“ [442]). И чтобы дать исходъ своимъ страданіямъ, онъ рѣшился написать слѣдующее письмо къ княжнѣ, проектъ котораго сохранился въ его *Дневникѣ*: „Я люблю васъ. Вотъ что могу обѣщать вамъ. Въ свѣтѣ не будутъ порицать васъ, ибо моя слава... Мы будемъ счастливы. Если нѣтъ. Не называйте это странностью, сумасшествіемъ, какъ готовы наши магнаты, или даже близкіе вамъ — просто несчастіемъ, что васъ полюбилъ человѣкъ, котораго не можете вы любить супружескою любовію. Я пишу вамъ не въ восторгѣ любовномъ, но слушая голосъ разсудка. Скажите мнѣ да, или нѣтъ, или подумаю. Въ первомъ случаѣ любовь, во второмъ терпѣніе, въ третьемъ надежда. Я приготовленъ. Вы

меня не увидите, поѣду, чтобы полюбить васъ меньше, или больше, и проч.“ Но письмо это, кажется, не произвело на княжну впечатлѣнія, ибо черезъ два дня посѣтивъ Трубецкихъ, онъ примѣтилъ въ княжнѣ сдержанность и при этомъ размышляетъ: „Что эта холодность, искусственная или нѣтъ. Ну, если естественная!“ [443]). Въ то же время онъ писалъ Шевыреву: „Занята душа. Безъ памяти въ одномъ дѣлѣ“ [444]). Холодность же со стороны той, къ которой пламенѣло сердце Погодина, его убивала и онъ съ отчаяніемъ записывалъ въ своемъ *Дневникѣ*: Подъ 28 *ноября*. „Обѣдать къ Трубецкимъ. Убійственная холодность. На верхъ къ Соф. Ив. Всеволожской. Тамъ она и ни слова почти. Потомъ передъ обѣдомъ прошла нѣсколько разъ мимо и наконецъ съ вопросомъ о *Марѳѣ*. Богъ съ вами“. Подъ 1 *декабря*. „Къ Трубецкимъ. Удивительно холодна. Хотѣлъ спросить у нея, что это значитъ, но не удалось. Ужъ не наговорилили чего на меня?“ Наконецъ княжна сказала ему, что онъ напрасно думаетъ, будто она охладѣла, и Погодинъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: „Ну, если я влюбляюсь“ [445]). Въ то время, когда бѣдное сердце Погодина изнывало, онъ получилъ отъ своего доброжелателя Каразина письмо съ слѣдующимъ предложеніемъ: „я васъ такъ люблю, что готовъ вамъ бы служить богатою невѣстою изъ здѣшняго края, еслибъ, разумѣется, вы задумали зажить домкомъ“ [446]). Но Погодинъ не воспользовался этимъ дружескимъ предложеніемъ.

XLIII.

Въ это время Москва кипѣла литературною дѣятельностью, которая поддерживалась соперничествомъ съ петербургскою литературою. „Во многихъ книгахъ и журналахъ петербургскихъ“, писалъ Погодинъ, „примѣтно какое-то безотчетное желаніе унизить все то, что печатается въ Москвѣ; нѣкоторые писатели Петербургскіе, въ жару своей привязанности, можетъ быть, къ личнымъ мѣстоименіямъ, забываются даже

до того, что намекаютъ, будто Москва стоитъ вообще на низшей степени просвѣщенія, чѣмъ Петербургъ. Но скажите мнѣ, милостивые государи, гдѣ родились, воспитались, совершили даже литературное свое поприще первоклассные наши писатели, ученые, просвѣщенные сановники, какъ не въ Москвѣ? Платонъ, Михаилъ, Филаретъ, Карамзинъ, Дмитріевъ, Жуковскій, Крыловъ, фонъ-Визинъ, Херасковъ, Грибоѣдовъ, Дашковъ, Блудовъ, Севѣринъ, Батюшковъ, Мерзляковъ. Гнѣдичъ, князь Вяземскій, Озеровъ, К. Калайдовичъ, Строевъ, Мухинъ, Мудровъ, Перевощиковъ, Каченовскій, Двигубскій, Цвѣтаевъ, Бантышъ-Каменскій, Муравьевъ, Д. Веневитиновъ, А. Писаревъ. Пушкинъ также принадлежитъ Москвѣ, въ коей онъ родился и провелъ свое дѣтство. Ломоносовъ въ Москвѣ получилъ свое первое образованіе. Многихъ ли поставитъ Петербургъ въ сравненіе съ сими достойными москвитянами? Откуда пошли въ оборотъ новыя мысли о теоріи изящныхъ искусствъ, объ исторіи, вообще о философіи, мелькающія теперь въ петербургскихъ изданіяхъ? Гдѣ возродилась русская историческая критика? Гдѣ показались русскіе плоды занятій математическими, естественными науками? Кто началъ собирать наши драгоцѣнные историческіе документы, коими утверждается исторія? Москвитянинъ съ удовольствіемъ назоветъ графа Ѳ. А. Толстаго, Бекетовыхъ, А. Ѳ. Малиновскаго. Даже графъ Н. П. Румянцевъ въ Москвѣ получилъ охоту къ историческимъ занятіямъ. Какихъ Петербургскихъ меценатовъ поставятъ рядомъ съ нашими безсмертными Новиковымъ, Муравьевымъ, Демидовымъ? И такъ, Москва есть средоточіе русскаго просвѣщенія. Но зачѣмъ считаться братьямъ между собою? Пусть только трудятся они всѣми своими силами, пусть приносятъ усердныя жертвы на алтарь отечества и ожидаютъ равныхъ благодѣяній отъ его чадолюбивыхъ отцовъ". Прочитавъ эти строки въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, Снегиревъ писалъ Погодину: „Какъ москвичъ, съ благодарностью къ вамъ прочелъ статью вашу въ защиту москвичей. Напрасно только, опять скажу искренно, пропустили князя Кантемира, который, въ

присутствіи Петра I, на десятомъ году возраста своего, въ гвардейскомъ мундирѣ проповѣдывалъ съ каѳедры церковной; забыли Амвросія, бича губернаторовъ и судій, князя И. Долгорукова, Августина, Подшивалова, Кострова, Забѣлина и Давидова. Касательно наукъ сами петербургскіе отщепенцы признались, что въ Московскомъ Университетѣ образовалась Россійская юриспруденція (*С. О.* 1829, № 49). Имена Дилтея, Десницкаго, Горюшкина незабвенны въ исторіи юриспруденціи. Они почнальники".

Характеръ журналистики былъ тогда преимущественно полемическій. Погодинъ, какъ редакторъ *Московскаго Вѣстника*, принималъ живѣйшее участіе въ интересахъ журнальнаго міра, хотя, съ отъѣздомъ Шевырева, его журналъ сильно заколебался. Преобразованіе, въ немъ сдѣланное Погодинымъ и осмѣянное, какъ мы уже знаемъ, *Московскимъ Телеграфомъ*, не послужили въ пользу *Московскаго Вѣстника*. Каразинъ, желая поднять упавшій духъ Погодина, писалъ ему: „Посылаю вамъ одно петербургское письмо для того, чтобы вы видѣли сужденіе о вашемъ *Вѣстникѣ*. Бахтинъ принадлежитъ безспорно къ числу истинно умныхъ людей, которыхъ голосъ можно почитать голосомъ просвѣщенной публики, по крайней мѣрѣ, Петербургской" [447]). Самъ же Погодинъ намѣревался передать *Московскій Вѣстникъ* въ другія руки. „Всѣми силами", писалъ онъ Шевыреву, „буду стараться, чтобы *Московскій Вѣстникъ* продолжался, хотя я уже рѣшительно не буду издателемъ. Думаю передать Баратынскому, Кирѣевскому и Языкову, а мы, остальные, будемъ сотрудниками. Стыдно, грѣшно оставить дѣло, начатое въ одну изъ лучшихъ минутъ жизни". Въ другомъ же письмѣ онъ писалъ ему: „*Вѣстникъ* передаю М. А. Дмитріеву и Аксакову. Самъ беру на себя историческую часть". Въ концѣ-концовъ Погодинъ не рѣшился разстаться съ своимъ дѣтищемъ. „Журналъ издаю я опять. Да здравствуетъ *Московскій Вѣстникъ*! Четыре корреспондента въ чужихъ краяхъ: вѣдь это сокровище. Иванъ Кирѣевскій ѣдетъ въ Парижъ, Рожалинъ въ Дрезденъ, Петръ

Кирѣевскій въ Мюнхенъ. По крайней мѣрѣ будетъ мѣсто, гдѣ честному человѣку не стыдно сказать свое мнѣніе".

Въ это время на аренѣ московскаго журнальнаго міра появилась *Галатея*. Издателемъ ея былъ С. Е. Раичъ, только-что вступившій въ законный бракъ. Вслѣдствіе этого Погодинъ писалъ Шевыреву: „Раичъ женился". „Вотъ теперь я буду вашею *Галатеею*", сказала ему невѣста. „Да, а послѣ *Бабочкою*", отвѣчалъ онъ. Первый № *Галатеи* начинается такимъ діалогомъ: „Какая первая пьеса будетъ въ 1 № *Галатеи*?" спросилъ у меня пріятель послѣ продолжительнаго разговора о журналахъ.

— Признаться — я этого еще и самъ не знаю, отвѣчалъ я.

„Чтò вы хотите этимъ сказать?

— То, что я еще не рѣшился, какою статьею начать журналъ мой.

„Всего бы лучше начать вамъ обозрѣніемъ русской литературы за прошедшій годъ.

— Объ этомъ и безъ меня вѣрно будутъ писать.

„Такъ скажите что нибудь о журналахъ вообще, о пользѣ журналовъ, и пр.

— И объ этомъ уже много разъ говорено.

„Такъ чтó-жъ вы напишете?

— Время еще не ушло: подумаю, напишу и прочту вамъ.

„Скоро ли?

— Не замедлю; завтра же, если угодно.

„Хорошо! завтра вечеромъ пріѣзжаю слушать вашу статью.

— Жду. — Тутъ мы распрощались.

Пріятель сдержалъ слово: онъ пріѣхалъ на другой день, и первый вопросъ его былъ: „Написалили вы обѣщанную статью"?

— Не написалъ и не напишу.

„Такъ-то вы держите слово?

— Что дѣлать — я *журналистъ*.

„Это видно. Да хотя бы вы написали о направленіи, какое предполагаете дать вашей *Галатеѣ*.

— *Галатея* — бабочка; какъ дать ей направленіе? Она прихотливо летаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ.

„Чтó же публика подумаетъ о вашемъ журналѣ...?

— Чтó ей угодно... Чего вы отъ меня требуете? Написать о направленіи, о цѣли, о видахъ журнала, повѣрьте легко, — но этимъ публики не обманешь. Къ тому же я и обманывать ее не хочу. Обѣщать можно много, но какъ выполнится обѣщаніе? Не лучше ли выступить на журнальное поприще со всею скромностію и дѣйствовать въ духѣ человѣка благонамѣреннаго, желающаго принести соотечественникамъ столько пользы, сколько позволяютъ наши силы".

Не смотря на такое идилическое начало, *Галатея* прославилась самою неприличною полемикою съ *Московскимъ Телеграфомъ*, такъ что князь П. А. Вяземскій не вѣрилъ, чтобы Раичъ былъ хозяиномъ журнала. „Я ожидалъ бы отъ него", писалъ онъ И. И. Дмитріеву, „болѣе благопристойности и по характеру его. Критика его болѣе отзывается героемъ поэмы В. Л. Пушкина, чѣмъ воспитанникомъ Виргилія и Тасса. Ради Бога, вымойте ему голову порядкомъ". Въ другомъ своемъ письмѣ къ тому же лицу князь Вяземскій писалъ: „Можетъ ли чтó быть неприличнѣе печатной переписки издателей *Телеграфа* и *Галатеи*. Покойный Львовъ разсказывалъ, что, зашедши однажды въ лубочную комедію на масляницѣ, занялъ онъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ожиданіи представленія. Подходитъ къ нему полицейскій офицеръ и говоритъ: „Не извольте, ваше превосходительство, садиться такъ близко: случится бѣда". А почему такъ? „Да, когда паясъ очень расшутится, такъ начнетъ онъ плевать въ народъ". Читая *Галатею* Раича, мнѣ все сдается, что онъ спился. Трезвому невозможно такимъ образомъ и такъ скоро опошлиться". Погодинъ объ этой полемикѣ лаконически замѣтилъ въ письмѣ къ Шевыреву: „*Телеграфъ* съ *Галатеею* грызутся такъ, что клочья вверхъ летятъ" [448]).

Въ это же время въ ненавистномъ для Погодина *Московскомъ Телеграфѣ* произошло важное событіе. Съ нимъ порвалъ свои отношенія князь П. А. Вяземскій, которому *Телеграфъ* былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Объ этомъ разрывѣ вотъ чтò повѣствуетъ самъ князь Вяземскій: „Я добровольно вышелъ изъ редакціи *Телеграфа*, когда пошелъ онъ по дорогѣ, по которой не хотѣлъ я идти. Сначала медовые мѣсяцы сожитія моего съ Полевымъ шли благополучно, работа кипѣла. Не было недостатка въ досадѣ, зависти и брани прочихъ журналовъ. Я стоялъ на боевой стѣнѣ, стрѣлялъ изъ всѣхъ орудій, партизанилъ, наѣздничалъ. Я постоянно всячески щелкалъ Булгарина *Сѣверную Пчелу*. По *Телеграфу* нажилъ я себѣ нѣсколько доносовъ правительству и, вѣроятно, именно отъ редакціи *Сѣверной Пчелы*. Эти доносы навлекли на меня много непріятностей и имѣли значительное вліяніе на мою участь и на мои отношенія къ правительству. Но послѣ издатель *Телеграфа* началъ дѣлать попытки по своему усмотрѣнію: печаталъ статьи, изъявлялъ мнѣнія, которыя выходили совершенно въ разрѣзъ съ моими... Мнѣ это не нравилось, и я отказался отъ сотрудничества. Впрочемъ, можетъ быть, и Полевой радъ былъ моему отказу. Журналъ довольно окрѣпъ, участія моего было уже не нужно... Что же, Полевой былъ правъ, и я нисколько не виню его. Былъ правъ и я, литературная совѣсть моя неуступчива. Не умѣетъ она мирволить и входить въ примирительныя сдѣлки. Жуковскій, а особенно Пушкинъ оказывали въ этомъ отношеніи болѣе снисходительности и терпимости. Я былъ и остался строгимъ пуританиномъ [449]). По свидѣтельству современниковъ, участіе князя П. А. Вяземскаго въ *Московскомъ Телеграфѣ* было главною причиною успѣха этого журнала, ибо „живыя, остроумныя статьи его имѣли успѣхъ повсемѣстный". Несмотря на это, князь П. А. Вяземскій, по своему удивительному благодушію, писалъ И. И. Дмитріеву: „А чтó дѣлаетъ мой крестникъ, *Телеграфъ*, отъ котораго я отрекся? Кажется, его что-то крѣпко жмутъ, но у Полевого *тройнымъ булатомъ* грудь

вооружена: оттерпится“ [450]). Между тѣмъ Полевой, разставшись съ княземъ Вяземскимъ, заключилъ союзъ съ Булгаринымъ [451]). Это побуждаетъ насъ сказать нѣсколько словъ о томъ направленіи въ нашей журналистикѣ, представителемъ котораго былъ Булгаринъ.

Въ новомъ періодѣ нашей Исторіи, кромѣ элемента нѣмецкаго, рисуется элементъ польскій. „Его исторію“, по счастливому выраженію Леонида Майкова, „можно было бы вывести издалека: еще одна Печерская легенда олицетворяетъ демона соблазнителя въ образѣ ляха“ [452]). Князь В. Ѳ. Одоевскій указалъ, что представителями польскаго направленія въ русской литературѣ были Булгаринъ и Сенковскій, посвятивъ себя той отрасли литературной дѣятельности, которая тѣснѣе всего связана съ общественными интересами, и искусно пріобрѣтя довѣріе правительства, изданія въ родѣ *Сѣверной Пчелы* считались тогда благонамѣренными. Такой взглядъ тогдашней цензуры давалъ имъ возможность чернить все русское и въ особенности писателей, не принадлежавшихъ польской партіи. Многіе были вполнѣ убѣждены что все погибнетъ, если будетъ дозволена политическая газета кому либо, кромѣ Булгарина. Одинъ глубокомысленный господинъ, свидѣтельствуетъ князь Одоевскій, „и не безъ вѣса, громко говорилъ, что лучше монополія въ рукахъ людей, съ которыми нечего церемониться, чѣмъ распространеніе журналовъ; а между тѣмъ; въ этихъ-то привилегированныхъ журналахъ и проводилось враждебное Россіи польское направленіе, котораго результаты оказались лишь впослѣдствіи“ [453]).

Въ 1829 году вышелъ XII-й томъ *Исторіи Государства Россійскаго*, изданный подъ редакціей Д. Н. Блудова и К. С. Сербиновича. Полевой, воспользовавшись выходомъ этого тома, напечаталъ въ *Московскомъ Телеграфѣ* критику на цѣлое твореніе Карамзина. Любопытно, что онъ начинаетъ свою статью противъ Карамзина такими словами: „Негодованіе, съ коимъ публика, и — осмѣливаемся прибавить — сочинитель сей статьи встрѣтили критику Арцыбашева на *Исторію Государ-*

ства Россійскаго, происходило отъ неприличнаго тона, отъ мелочничества, несправедливости, показанныхъ г. Арцыбашевымъ въ своихъ статьяхъ. Мы должны истреблять несчастную полемику, безславящую хорошаго литератора; но критика справедливая, скромная, судящая о книгѣ, а не объ авторѣ, далека отъ того, что многіе у насъ почитаютъ критикою, какъ небо отъ земли". Причисляя свои критики къ разряду послѣднихъ, Полевой представляетъ слѣдующій идеалъ исторіи: „Частныя исторіи народовъ и государствъ", пишетъ онъ, должны стремиться къ основѣ всеобщей исторіи, какъ радіусы къ центру: онѣ показываютъ философу, какое мѣсто въ мірѣ вѣчнаго бытія занималъ тотъ и другой народъ. Человѣчество живетъ въ народахъ. Такова истинная идея исторіи, по крайней мѣрѣ, мы удовлетворяемся нынѣ только сею идеею исторіи и почитаемъ ее за истинную. Она созрѣла въ вѣкахъ и изъ новѣйшей философіи развилась въ исторію". Представляя предъ этимъ идеаломъ *Исторію Государства Россійскаго*, Полевой находитъ, что твореніе Карамзина въ отношеніи къ исторіи, какой требуетъ нашъ вѣкъ—„неудовлетворительно". Тоже онъ находитъ и относительно другихъ сочиненій Карамзина „къ современнымъ требованіямъ нашей литературы". Карамзинъ, по его мнѣнію, „уже не можетъ быть образцомъ ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика русскаго. Періодъ его кончился. Его русскія повѣсти — не русскія; его проза далеко отстала отъ прозы другихъ новѣйшихъ образцовъ нашихъ; его стихи для насъ проза; его теорія словесности, его философія для насъ недостаточны".

Читая эти строки, трудно повѣрить, что они писаны въ 1829, а не въ 1888 году! Затѣмъ Полевой находитъ, что Карамзинъ, „какъ философъ-историкъ, не выдержитъ строгой критики. Онъ и не прагматикъ. Карамзинъ нигдѣ не представляетъ вамъ духа народнаго. Французская трагедія, въ сравненіи съ трагедіею Грековъ, есть то же, что Исторія Карамзина въ сравненіи съ Исторіею Геродота и Тита Ливія... Карамзинъ не выдерживаетъ сравненія и съ великими истори-

ками прошедшаго вѣка: Робертсономъ, Юмомъ, Гиббономъ, ибо, имѣя всѣ ихъ недостатки, онъ не выкупаетъ ихъ тѣмъ обширнымъ взглядомъ, тою глубокою изыскательностью причинъ и слѣдствій, какія видимъ въ безсмертныхъ твореніяхъ трехъ англійскихъ историковъ прошедшаго вѣка. Карамзинъ также далекъ отъ нихъ по всему, какъ далека въ умственной зрѣлости и дѣятельности просвѣщенія Россія отъ Англіи. Не ищите въ Карамзинѣ *высшаго взгляда* на событія!“ И даже въ заглавіи книги: *Исторія Государства Россійскаго*, по мнѣнію Полевого, „заключается ошибка“, и т. д.

Въ томъ же году Булгаринъ издалъ своего *Ивана Выжигина*, и Полевой, разгромивши Карамзина, радостно привѣтствовалъ явленіе въ свѣтъ этого творенія Булгарина. „Вотъ истинный подарокъ русской публикѣ“, восклицаетъ онъ. „Умъ, наблюдательность, пріятный разсказъ составляютъ достоинства онаго; самая чистая нравственность дышетъ на каждой страницѣ. Не забудемъ и того, что авторъ шелъ по пути, совершенно новому, ибо до сихъ поръ, кромѣ попытокъ, болѣе или менѣе неудачныхъ, у насъ не было романовъ. Многіе Русскіе портреты и характеры, выставленные въ *Выжигинѣ*, знакомы всѣмъ: это они, они наши милые соотечественники! Поздравляемъ г. Булгарина съ генеральною побѣдою. Но не подумайте, чтобы мы находили *Выжигина* совершеннымъ произведеніемъ! Нѣтъ, и мы замѣтили нѣкоторыя пятна въ этомъ блестящемъ литературномъ явленіи. Въ примѣръ мы укажемъ на описанія, коими авторъ касается Москвы. Видно, что общество московское ему извѣстно только по наслышкѣ. Гдѣ у насъ юноши философы? Что за отдѣлъ людей *архивные юноши?* Это кажется замѣтнымъ только издали; вблизи это очень мелко. Есть отдѣлы Московскаго общества, гораздо болѣе достойные сатирическаго бича. Прибавимъ, что, прочитавъ *Выжигина*, мы не удивляемся огромному успѣху сего новаго сочиненія г. Булгарина. Въ кабинетахъ, въ гостиныхъ, на биржѣ, въ городахъ, въ деревняхъ, въ цѣлой Россіи сочиненія г. Булгарина, и особенно *Иванъ*

Выжигинъ составляютъ предметъ разговоровъ. Просвѣщенные и невѣжды, умные и неразумные, дамы, старики, офицеры, купцы, чиновники, даже дѣвушки и дѣти толкуютъ о Булгаринѣ, о его успѣхахъ литературныхъ. Разговоры о *Иванѣ Выжигинѣ* составляютъ приправу холодныхъ визитовъ, скучныхъ посѣщеній, столкновеній дѣловыхъ людей и сборищъ за сытными обѣдами. Все это показываетъ, во-первыхъ, что сочиненія г. Булгарина читаются во всей *Русской* Россіи, во-вторыхъ, что они обращаютъ на себя общее вниманіе, и наконецъ, въ-третьихъ, что намъ пора вымолвить нѣсколько словъ отъ себя о семъ достопримѣчательномъ явленіи“ [454]), и пр.

Весьма странно, если не сказать болѣе, отнесся Погодинъ къ критикѣ Полевого на Карамзина. Прочитавъ ее, онъ отправился къ Аксаковымъ, чтобы увидѣться съ Михаиломъ Дмитріевымъ и узнать, какое впечатлѣніе произвела эта критика на его дядю И. И. Дмитріева, и при этомъ замѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Досадно! Я первый сказалъ общее мнѣніе о Карамзинѣ. Полевой только что распространилъ главныя мои положенія, а его превозносятъ. Между тѣмъ, какъ меня ругали“ [455]). Къ Шевыреву Погодинъ писалъ: „Полевой разругалъ Карамзина въ *Телеграфѣ*, выбравъ потихоньку мысли, разрозненныя въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, и прибавивъ къ нимъ своей нелѣпицы невѣроятной. И все ему съ рукъ сходитъ. Нѣкоторые изъ ругавшихъ меня за Карамзина о немъ говорятъ: „Вотъ подвигъ смѣлый и благородный! первый сказалъ онъ о Карамзинѣ“. Даже мнѣ, хладнокровному въ этомъ отношеніи, было досадно. Дмитріевъ возсталъ на него съ своимъ приходомъ, Вяземскимъ, и пр. Вообрази, что сказалъ онъ о Карамзинѣ: его проза не можетъ уже служить намъ образцомъ; мы имѣемъ другихъ лучшихъ. Спрашивается: кого-же? Вѣрно Ксенофонта“ [456]); но даже и Ксенофонтъ Полевой не совсѣмъ остался доволенъ критикою своего обожаемаго брата на Исторію Карамзина. По крайней мѣрѣ, вотъ что мы читаемъ въ его *Запискахъ:* „У Карамзина были поклонники безусловные, и къ числу ихъ принадлежали,—

увы!—князь Вяземскій и Пушкинъ. Князь Вяземскій, воспитанникъ и потомъ другъ Исторіографа, питалъ къ нему родственную любовь и не хотѣлъ видѣть недостатковъ въ его сочиненіяхъ... Я назвалъ неосторожностью со стороны моего брата напечатаніе критики *Исторіи Государства Россійскаго* особливо въ то время, когда онъ самъ готовился издавать сочиненіе о томъ же предметѣ" [457]). И дѣйствительно, вслѣдъ за своею критикою Карамзина, Полевой сдѣлалъ объявленіе о выходѣ въ свѣтъ своей *Исторіи Русскаго Народа*. „Донынѣ", читаемъ въ этомъ объявленіи, „не было у насъ исторіи великаго отечества нашего, которая, представляя вполнѣ событія, совершившіяся въ Русской землѣ, являла бы взорамъ просвѣщеннаго наблюдателя картину судебъ Россіи, въ теченіе девяти съ половиною вѣковъ, отъ начала Русскаго народа до нашего времени. Мы ожидали такой картины отъ незабвеннаго Карамзина, мы радовались его безсмертному творенію; но преждевременная кончина не допустила исторіографа кончить трудъ великій. Мнѣ казалось, однакожъ, что при настоящемъ состояніи матеріаловъ и приготовительныхъ трудовъ для Русской Исторіи, при совершенствѣ нынѣшнихъ понятій объ исторіи вообще, трудъ и желаніе сдѣлать возможное по силамъ могутъ отчасти замѣнить великіе таланты, и я осмѣлился писать Исторію Отечества послѣ Карамзина. Нѣсколько лѣтъ постояннаго труда привели къ окончанію предпріятіе мое. Предлагаю его благосклонному вниманію моихъ соотечественниковъ и почитаю излишнимъ входить въ дальнѣйшія подробности: книга предъ судомъ ихъ. Если я и не выполню трудомъ моимъ требованій современнаго просвѣщенія, требованій справедливыхъ, то, по крайней мѣрѣ, читатели увидятъ въ сочиненной мною Исторіи Русскаго народа опытъ полной Исторіи Отечества. Огромность, разнообразіе, величіе предмета такъ разительны, что и слабое покушеніе изобразить оный, конечно, заслужитъ вниманія моихъ соотечественниковъ.

Самое названіе сочиненія показываетъ, что было принято мною въ основаніе онаго: я хотѣлъ изобразить жизнь Рус-

скаго народа, его политическое и гражданское состояніе, его нравы, обычаи, такъ сказать, физіогномію народа въ каждомъ періодѣ, съ того, въ который дикій варягъ приплылъ на челнокѣ своемъ къ берегамъ Финскаго залива, до того, въ который Александръ явился побѣдителемъ въ Парижѣ и знамена Николая возвѣялись у вратъ Константинополя. Владыки Россіи, воины, духовные сановники, великіе представители каждаго вѣка, подробное изложеніе всѣхъ событій, законы, религія, литература, дивное, поучительное зрѣлище, какъ составилось государство Русское, зрѣлище, созерцаемое безпристрастно, изложенное во всѣхъ его многочисленныхъ подробностяхъ — вотъ предметъ, изображенный мною. Я не щадилъ издержекъ на собраніе матеріаловъ, отечественныхъ и иностранныхъ, не щадилъ и работы, выводя изъ нихъ систематическое изложеніе". *Исторію Русскаго Народа* Полевой думалъ заключить Адріанопольскимъ трактатомъ 1829 года. Погодинъ былъ очень заинтересованъ этимъ новымъ предпріятіемъ Полевого и у Максимовича „выспрашивалъ о Полевомъ и его Исторіи". А Шевыреву писалъ: „Полевой издаетъ *Исторію Русскаго народа* въ двѣнадцати томахъ по Адріанопольскій миръ, котораго нѣтъ еще въ газетахъ; объявленіе начинается: *доселѣ не было у насъ исторіи* и пр. О, шарлатанъ! и двѣ грубыя ошибки въ объявленіи". Сначала Погодинъ сознавался, что Полевой говоритъ смѣло и при этомъ замѣчаетъ: „Мои мысли у него о первомъ періодѣ. Что дѣлать съ разбойникомъ! Я издалъ бы прежде помѣшали мнѣ". Но когда Погодинъ получилъ 1-й томъ Исторіи Русскаго Народа и просмотрѣлъ его, то съ негодованіемъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Невѣжество! Наглость! Безстыдство! И отъ этого у меня были цѣлый день волненіе и уныніе при мысляхъ о публикѣ и просвѣщеніи". Предупреждая критика, Полевой самъ заявилъ въ своемъ *Московскомъ Телеграфѣ*: „Случай отмстить издателю *Телеграфа* за правду, которую онъ говаривалъ многимъ, прекрасный" [458]). Но за то признательный къ нему

Булгаринъ не остался у него въ долгу и по поводу сдѣланнаго имъ объявленія объ *Исторіи Русскаго народа* написалъ въ *Сѣверной Пчелѣ*: „г. Полевой, вступивъ на поприще литературы, изданіемъ *Московскаго Телеграфа* совершенно уничтожилъ другіе московскіе журналы, которые публика получала по старой привычкѣ изъ уваженія къ основателямъ, и читала, слѣдуя поговоркѣ: за неимѣньемъ гербовой, пишутъ на простой. Предъ литературнымъ трибуналомъ *Московскаго Телеграфа* разсыпалось въ прахъ множество незаслуженныхъ репутацій: старые педанты, молодые неучи и цѣлые легіоны безграмотныхъ ужаснулись и возстали противъ смѣлаго судьи. Правда, что въ началѣ изданія *Московскаго Телеграфа*, г. Полевой слѣдовалъ иногда внушенію людей, которые присвоили себѣ диктаторство во время всеобщаго молчанія въ Москвѣ, и, увлекаясь пристрастными ихъ толками, или уступая вліянію, открылъ въ своемъ журналѣ поприще полемикѣ, которой цѣлью было ратоборство съ журналами, непреклонявшими главы передъ хоругвію господствовавшей литературной партіи, несправедливо прикрывавшейся блистательнымъ именемъ Карамзина, чуждаго всѣхъ литературныхъ сплетней и партизанства. Но умный г. Полевой вскорѣ самъ осмотрѣлся, стряхнулъ оковы чуждаго вліянія, свободно выступилъ на поприще литературы и сдѣлалъ свой журналъ самостоятельнымъ. Число противниковъ его умножилось, но за то онъ пріобрѣлъ большой вѣсъ въ публикѣ, пріобрѣлъ уваженіе всѣхъ благомыслящихъ, безпристрастныхъ любителей просвѣщенія и сталъ на такой точкѣ, къ которой нынѣшніе издатели московскихъ журналовъ никогда не приблизятся. Мы не называемъ г. Полеваго безошибочнымъ, но онъ одаренъ отъ природы умомъ и памятью необыкновенными, трудолюбивъ, пріобрѣлъ познанія, въ которыхъ безпрерывно усовершается, пламенно любитъ просвѣщеніе, старается слѣдовать за ходомъ своего вѣка, и мы увѣрены, что какъ журналъ его хорошъ, такъ и *Исторія Русскаго народа* не можетъ быть дурною, какъ стараются провозглашать его противники, не видавъ еще ни книжки оной.

Противники г. Полевого (особенно несчастная *Галатея*) кричатъ: какое право онъ имѣетъ писать Исторію? что онъ сдѣлалъ? что написалъ историческаго? Смѣшные люди! г. Полевой имѣетъ то право писать исторію, что онъ чувствуетъ въ себѣ пламенное желаніе быть полезнымъ своимъ соотечественникамъ и раздѣляетъ мнѣніе всѣхъ истинно просвѣщенныхъ людей, что послѣ Карамзина не только можно, но и должно писать Русскую Исторію. Хотя Исторія Карамзина имѣетъ несовершенства, но понынѣ она еще не была обсужена, какъ слѣдуетъ. Мы даже не хотѣли бы упоминать о жалкихъ нападкахъ гг. Арцыбашева и Каченовскаго на сіе блистательное твореніе, ибо критики сіи похожи на моль, грызущую одно *тлѣнное* вещество — бумагу. Г. Полевой высказалъ также свое мнѣніе объ исторіи Карамзина. Мы во многомъ несогласны съ г. Полевымъ, но насчетъ исторіи находимъ много справедливыхъ мыслей въ его мнѣніи. Не взирая на всѣ толки, г. Полевой доказалъ въ своей критической статьѣ, что онъ имѣетъ *высшій взглядъ* на исторію, нежели всѣ мелко-травчатые притязатели къ Карамзину и всѣ противники г. Полевого. По-нынѣ, кромѣ г. Лелевеля, никто такъ умно, такъ ясно и такъ благонамѣренно не дѣлалъ замѣчаній на *Исторію Государства Россійскаго, какъ г. Полевой*". По поводу этой статьи Булгарина Погодинъ писалъ Шевыреву: „У насъ дѣлаются чудеса неслыханныя. Булгаринъ сравниваетъ Карамзина съ Полевымъ и отъ послѣдняго надѣется больше. У него высшій взглядъ, говоритъ онъ, и пр., а въ заключеніе: мы надѣемся, что почтенная публика подкрѣпитъ его своею подпискою. Господи, Господи! За что прогнѣвался Ты на нашу литературу? Въ *Вѣстникѣ Московскомъ* должна открыться пальба. А тебя то нѣтъ!" [459]).

Между тѣмъ *Иванъ Выжигинъ* Булгарина не на всѣхъ произвелъ такое впечатлѣніе, какъ на Полеваго. Мнѣніе Погодина объ этомъ произведеніи Булгарина двоится. Прочитавъ его, Погодинъ отмѣтилъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Ничего не

можетъ быть скучнѣе, безталантливѣе, безцвѣтнѣе"; но когда онъ услышалъ отъ Дашкевича, любимаго ученика Лелевеля, проживавшаго въ то время въ Москвѣ, объ успѣхѣ Выжигина, то нѣсколько смягчилъ свой первоначальный отзывъ: „Это пріятно (т.-е. успѣхъ Выжигина), какъ знакъ вниманія къ русскому сочиненію, впрочемъ, *Выжигинъ* не художественное произведеніе, чтобы не сказать дрянь" [460]). Московская журналистика отнеслась къ *Выжигину* единодушно. И *Вѣстникъ Европы*, и *Атеней*, и *Галатея* напали на *Выжигина*. Самъ же Погодинъ писалъ Шевыреву: „Гораздо больше *Полтавы* шуму въ Петербургѣ сдѣлалъ *Выжигинъ* Булгарина. Какъ литературное произведеніе, онъ ничтоженъ: ни дѣйствія, ни характеровъ, ни вѣрныхъ описаній, ни чувства. Надо отдать честь Москвѣ: рѣшительно всѣ порицаютъ сочиненіе, хотя авторъ и упоенъ славою, какъ пишетъ Булгаринъ въ письмѣ къ Полевому, по словамъ Максимовича. Булгаринъ почитаетъ себя соперникомъ теперь одного Пушкина и выступилъ противъ его *Полтавы*. Кирѣевскій написалъ противъ него для *Галатеи*. Баратынскій написалъ презлую эпиграмму на него: „Булгаринъ увѣряетъ насъ, что красть грѣшно, лгать стыдно" [461]).

Но какъ ни упоенъ былъ Булгаринъ своею славою, статья противъ его *Выжигина*, напечатанная въ *Вѣстникѣ Европы*, задѣла его за живое и онъ въ *Сѣверной Пчелѣ* ополчился противъ Каченовскаго: „Редакторъ *Вѣстника Европы*", писалъ онъ, „наполняя свой журналъ круглый годъ ученическими опытами и заставляя юношей писать заказную брань противъ всѣхъ, въ комъ есть хотя немного ума и таланта, этотъ г. редакторъ отъ своего лица сочиняетъ ежегодно по одной статьѣ, а именно воззваніе къ читателямъ съ всепокорнѣйшею просьбою подписываться на его журналъ... Это гласъ, вопіющій въ пустынѣ... Нынѣшнее сочиненіе г. Каченовскаго, т.-е. воззваніе къ читателямъ, отличается нѣжностью Нарцисса и смѣлостью Ахилла... Г. редакторъ рѣшился насмѣшить своихъ читателей и совершенно успѣлъ въ этомъ. Жаль, что число читателей ограничивается редакторомъ, кор-

22*

ректоромъ, наборщиками и нѣсколькими журналистами, обязанными заглядывать во всякій печатный вздоръ. Какъ не смѣяться, когда г. Каченовскій пишетъ и печатаетъ, что въ *Вѣстникѣ Европы* „въ области бытописаній проложены стези къ мѣстамъ, до-нынѣ непосѣщеннымъ разыскателями; къ законамъ словесности здравой оказываемо было должное уваженіе, и правила ея, правила, самою мудростью извлеченныя изъ безсмертныхъ твореній, служили руководствомъ при обсуживаніи важныхъ предметовъ“.

На это заявленіе Булгаринъ замѣчаетъ: „О, неустрашимый Ахиллъ! Не знаемъ, къ какимъ тайнымъ мѣстамъ бытописаній проложилъ г. Каченовскій пути, на какихъ правилахъ основывался, браня безпощадно Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, князя Вяземскаго и другихъ первоклассныхъ писателей. Но „верхъ храбрости“ Булгаринъ находитъ въ слѣдующихъ словахъ Каченовскаго: „Рѣшаюсь продолжать и въ слѣдующемъ году изданіе *Вѣстника Европы*, не мало, какъ слышу отъ другихъ, перемѣнившагося къ *лучшему* съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ мое завѣдываніе“. „Побойтесь Бога, г. Каченовскій!“ восклицаетъ на это Булгаринъ, „что вы это заговорили? *Вѣстникъ Европы* основанъ Карамзинымъ, продолжалъ его Жуковскій. *Вѣстникъ Европы* былъ однимъ изъ первыхъ журналовъ въ Европѣ; въ немъ помѣщались сочиненія Карамзина, И. И. Дмитріева, Муравьева, Жуковскаго, Батюшкова... А нынѣ? г. Каченовскій и сотрудникъ его, называемый имъ „почтеннымъ литераторомъ съ Патріаршихъ прудовъ“—вопіютъ въ этой гробницѣ прежней славы *Вѣстника Европы!* Еслибъ онъ не печатался даромъ и не разсылался безденежно, то давно не было бы о немъ и помину“ [462]). Надо сознаться, что въ данномъ случаѣ Булгаринъ былъ правъ.

Когда *Выжигина* прочелъ князь П. А. Вяземскій, то писалъ изъ своего сельскаго уединенія къ И. И. Дмитріеву: „Наконецъ, прочелъ я *Выжигина*. Что за плоскость! И Полевой имѣетъ духъ ставить этотъ романъ наряду съ *Полтавою* и

12-мъ томомъ *Исторіи Государства Россійскаго.* На вольномъ воздухѣ, въ уединеніи кабинета, право, зажимаешь себѣ носъ и закрываешь глаза при чтеніи журнальныхъ новостей, а умъ отъ нихъ и самъ сжимается"; а М. А. Максимовичу князь П. А. Вяземскій сказалъ, что „*Ивана Выжигина* оставляешь какъ смирительный домъ" [463]).

XLIV.

Въ то время, когда *Московскій Телеграфъ*, имѣя своимъ предтечею *Московскій Вѣстникъ*, съ „неистовымъ остервенѣніемъ" нападалъ на *Исторію Государства Россійскаго* Карамзина, замышляя, по выраженію одного стараго журналиста, „воздвигнуть на ея развалинахъ мерзость запустѣнія", и въ то же время превознося таланты и дарованія Булгарина—въ *Вѣстникѣ Европы* съ не меньшимъ остервенѣніемъ нападали на безсмертныя произведенія Пушкина. Такимъ образомъ русскіе люди и польскаго, и русскаго направленія соединились, чтобы совокупными усиліями закидать грязью нашу народную славу, зная очень хорошо, что

За *новизной* бѣжать смиренно
Народъ безсмысленный привыкъ.

Противникомъ Пушкина явился неизвѣстный до того времени питомецъ рязанской семинаріи и московской духовной академіи, Николай Надеждинъ, который въ 1826 году былъ уволенъ изъ духовнаго званія и поселился въ Москвѣ, гдѣ вскорѣ получилъ мѣсто домашняго наставника въ домѣ Самариныхъ. „Баринъ", свидѣтельствуетъ Надеждинъ, „въ домѣ котораго я жилъ, былъ большой баринъ. Въ домѣ его была богатая библіотека. Надеждинъ принялся читать и началъ съ Гиббона, отъ котораго онъ не могъ оторваться, и прочелъ дважды отъ доски до доски. Отъ Гиббона онъ перешелъ къ Гизо, а чтобы познакомиться съ подробностями средневѣковой Исторіи, онъ принялся за двѣнадцать томовъ *Исторіи италь-*

янскихъ республикъ Сисмонди. Потомъ все это онъ обобщилъ при помощи и руководствѣ Галлама (Le moyen âge). Это дало ему способъ переработать прежній запасъ историческихъ его свѣдѣній по новымъ взглядамъ. Но, свидѣтельствуетъ Надеждинъ самъ о себѣ, „прежнее было заложено въ немъ такъ прочно, что не разрушилось, а только просвѣтилось и украсилось новою, облагородствованною физіономіею" [464]). По свидѣтельству же Ксенофонта Полевого, Надеждинъ явился въ Москву съ цѣлью получить мѣсто профессора въ Университетѣ и скоро увидѣлъ, что для этого необходимо пріобрѣсти благосклонность хоть одного изъ старшихъ профессоровъ, имѣющихъ авторитетъ. Каченовскій обладалъ всѣми качествами для покровительствованія покорнаго ему кліента. Онъ былъ гордъ, самолюбивъ и твердъ, такъ что сочлены почти боялись его, знали его авторитетъ и готовы были сдѣлать для него многое потому даже, что не хотѣли съ нимъ ссориться. Распознавъ это, Надеждинъ уцѣпился за Каченовскаго и прикинулся жаркимъ его поборникомъ. Каченовскій страшно злобствовалъ на Пушкина за эпиграммы, которыя лишали его покоя, и онъ готовъ былъ язвить и бранить Пушкина всѣми способами, но всегдашняя лѣнь, хилое здоровье и отчасти боязнь проиграть еще больше въ новой войнѣ заставляли его молчать. Въ это-то время предложилъ ему свои покорныя услуги Надеждинъ, и въ *Вѣстникѣ Европы* стали появляться многоглаголивыя статьи съ подписью Надоумка. Сначала всѣ думали, что подъ завѣсой новаго псевдонима пишетъ самъ Каченовскій: такъ умѣлъ Надеждинъ перенять у него взгляды, мнѣнія и даже слогъ! Какая-то путанная теорія, какая-то тартюфская нравственность и тяжелый, фигурный, напоминавшій кутейника языкъ были отличительными свойствами этихъ статей. Особенно хороши тамъ мѣста, гдѣ авторъ хотѣлъ острить, напримѣръ: *стихи-хи-хи*" [465])! По отзыву же Погодина, Надеждинъ былъ человѣкъ „съ большими способностями, и кромѣ ученыхъ достоинствъ, былъ отличный редакторъ, логичный, послѣдовательный. Это былъ въ полномъ смыслѣ государствен-

ный секретарь, въ родѣ Сперанскаго, котораго имя, т.-е. въ русскомъ переводѣ, получилъ отъ рязанскаго преосвященнаго Ѳеофилакта" [466]). Пушкинъ изъ личнаго знакомства съ Надеждинымъ вынесъ о немъ самое непріятное впечатлѣніе и онъ дѣлаетъ мѣткую характеристику своему критику: „Я встрѣтился съ Надеждинымъ у Погодина. Онъ показался мнѣ весьма простонароднымъ, vulgaire, скученъ, заносчивъ и безъ всякаго приличія. Напримѣръ, онъ поднялъ платокъ, мною уроненный. Критики его были очень глупо написаны, но съ живостью, а иногда и съ краснорѣчіемъ. Въ нихъ не было мыслей, но было движеніе; шутки были плоски" [467]).

Сдѣлавъ это необходимое отступленіе и познакомившись съ личностью Надеждина, взглянемъ теперь на его критики, которыя не могутъ не возмущать души патріота. Первою жертвою этого *государственнаго секретаря* (по выраженію Погодина) былъ *Графъ Нулинъ*. Въ 1828 году въ Петербургѣ вышла книжечка, заключавшая въ себѣ *Двѣ повѣсти въ стихахъ*: *Балъ* (Баратынскаго) *и Графъ Нулинъ* (Пушкина).

Надеждинъ въ *Вѣстникѣ Европы* написалъ на эту книжечку разборъ. Еще въ другой своей статьѣ, подъ заглавіемъ *Сонмище Нигилистовъ*, онъ замѣтилъ: „литературный хаосъ, осѣменяемый мрачною философіею *ничтожества*, разражается *Нулиными*! множить ли, дѣлить *нули* на *нули*—они всегда остаются *нулями*! Неужели бѣдной нашей литературѣ вѣчно мыкаться въ мрачной преисподней губительнаго *нигилизма*?.. Нѣтъ! подумалъ я: нѣтъ! это не возможно"! „Съ перваго взгляда", пишетъ Надеждинъ въ своемъ разборѣ, „на сіе chef-d'oeuvre галантерейной нашей литературы нельзя не полюбоваться дружескимъ союзомъ, заключеннымъ такъ кстати между *Баломъ* и *Графомъ Нулинымъ*... Вѣроятно, этотъ союзъ происходитъ отъ того, что *Графъ Нулинъ*, какъ человѣкъ свѣтскій, никакъ не можетъ обойтись безъ *Бала*; но о томъ разсуждать не наше дѣло! Книжки напечатаны, союзъ между сею прелестною двоицею заключенъ и—славно!" Покончивъ разборъ *Бала*, критикъ объявляетъ: „перейдемъ теперь къ его

сіятельству графу Нулину!“ „Если имя поэта“, пишетъ нашъ критикъ, „должно оставаться всегда вѣрнымъ своей етимологіи, по которой означало оно у древнихъ грековъ *твореніе изъ ничего*, то пѣвецъ *Нулина* есть par exellence поэтъ. Онъ сотворилъ чисто *изъ ничего* сію поему. Но за то и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома Іонійской философской школы, что изъ *ничего ничего не бываетъ* (ex nihilo nihil fit). Никогда произведеніе не соотвѣтствовало такъ вполнѣ носимому имъ имени. Графъ Нулинъ есть *нуль*, во всей маѳематической полнотѣ значенія сего слова... Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны; геній поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился Нулинымъ“. Но критикъ какъ бы впадаетъ въ противорѣчіе съ сказаннымъ, когда говоритъ о далеко не нулевомъ дѣйствіи этого произведенія Пушкина на нравственность. „Правду сказать“, пишетъ онъ, „нельзя не признаться, что сцена, происшедшая между графомъ и Натальей Павловной, безъ сомнѣнія, очень смѣшна. Можно легко повторить, что ей отъ всего сердца

Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Я и самъ, хоть не помѣщикъ, но завалившись недавно еще за двадцать три года, не могу не раздѣлить его смѣха. Но каково покажется это моему почтенному дядюшкѣ, которому стукнуло уже пятьдесятъ, или моей двоюродной сестрѣ, которой не вступило еще шестнадцать, если сія послѣдняя (чего Боже упаси!), соблазненная демономъ дѣвическаго любопытства, вытащитъ потихоньку изъ не запирающагося моего бюро это сокровище?... Грѣха не оберешься!“. Кончается разборъ слѣдующимъ общимъ замѣчаніемъ: „Это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрѣлы“.

И, такъ по приговору Надеждина, Пушкинъ и Баратынскій суть *прыщики* нашей литературы!“ [468]).

Но оставимъ на время Надеждина съ его критикою и обра-

тился къ Пушкину. Окончивъ въ концѣ 1828 года *Полтаву*, Пушкинъ тотчасъ же уѣхалъ изъ Петербурга, а 27 октября былъ уже въ Тверской губерніи въ деревнѣ Маленникахъ, принадлежавшей сосѣдямъ Пушкина по Михайловскому. Къ новому 1829 году Пушкинъ явился не въ Петербургъ, какъ повѣствуютъ его біографы [469]), а въ Москву, ибо въ *Дневникѣ* Погодина, подъ 3 января 1829 года, мы читаемъ: „Предчувствовалъ, что пріѣдетъ Пушкинъ, принялся за *Мазепу*". Въ этотъ пріѣздъ въ Москву Пушкинъ въ первый разъ читалъ свою *Полтаву* у Сергѣя Киселева. Присутствовавшій при этомъ князь П. А. Вяземскій передаетъ слѣдующую подробность: „чтеніе Пушкина происходило при Американцѣ Толстомъ и при сынѣ Башилова, который за обѣдомъ нарѣзался и котораго во время чтенія вырвало чуть не на Толстого [470]). Повидимому, Пушкинъ оставался въ Москвѣ недолго и уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь ему явилась мысль ѣхать на Кавказъ. На поѣздку эту онъ даже не испросилъ разрѣшенія у кого слѣдовало. Въ бумагахъ его сохранился только видъ, данный ему отъ С.-Петербургскаго почтъ-директора 4 марта 1829 года [471]); а 14 марта 1829 года мы уже видимъ Пушкина опять въ Москвѣ, когда критика Надеждина на *графа Нулина* была напечатана. Критика эта возмутила Пушкина до глубины души. „*Графъ Нулинъ*", писалъ онъ, „надѣлалъ мнѣ большихъ хлопотъ. Нашли его, съ позволенія сказать, похабнымъ, — разумѣется, въ журналахъ; въ свѣтѣ приняли его благосклонно, и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Кстати о моей бѣдной сказкѣ, писанной, будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ, подняли противъ меня всю классическую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ. Но какъ-же упоминать о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности? И ужели творцы шутливыхъ повѣстей: Аріостъ, Боккачіо, Лафонтенъ, и пр., извѣстны имъ по однимъ лишь именамъ? Ужели, по крайней мѣрѣ, не читали они Богдановича и Дмитріева? Какой несчастный педантъ осмѣлится укорить *Душеньку* въ безнравственности и

неблагопристойности? Какой угрюмый дуракъ станетъ важно осуждать *Модную жену?* Эти гг. критики нашли странный способъ судить о степени нравственности какого-нибудь стихотворенія. У одного изъ нихъ есть пятнадцати-лѣтняя племянница, у другого пятнадцати-лѣтняя знакомая, и все, что по благоусмотрѣнію родителей не дозволяется имъ читать, провозглашено неприличнымъ, безнравственнымъ, похабнымъ! Какъ будто литература и существуетъ только для шестнадцати-лѣтнихъ дѣвушекъ! Благоразумный наставникъ, вѣроятно, не дастъ въ руки ни имъ, но даже ихъ братцамъ ни единаго изъ полныхъ сочиненій классическаго поэта, особенно древняго; на то издаются христоматіи; но публика не пятнадцати-лѣтняя дѣвица и не тринадцати-лѣтній мальчикъ. Она, слава Богу, можетъ себѣ прочесть безъ опасенія сказки добраго Лафонтена и эклогу добраго Виргилія и все, что про себя читаютъ сами гг. критики, если критики наши что-нибудь читаютъ, кромѣ корректурныхъ листовъ своихъ журналовъ"[472]). Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ* записалъ: „Цѣлое утро убѣждалъ Пушкина, чтобъ онъ не намекалъ на царскую цензуру своимъ критикамъ. Бѣсится безъ памяти за обвиненіе въ безнравственности"[473]). Насъ крайне удивляетъ, что Погодинъ, будучи столь близокъ къ Пушкину, не только былъ равнодушенъ къ выходкамъ Надеждина противъ Пушкина, но даже одобрялъ ихъ и даже писалъ Шевыреву: „Надеждинъ вооружился противъ Пушкина и говорилъ много дѣла между прочимъ, хотя и семинарскимъ тономъ".

Между тѣмъ вышла въ свѣтъ *Полтава*. Самъ же Пушкинъ въ это время собирался писать Исторію Малороссіи; но Погодинъ отнесся скептически къ этому предпріятію и писалъ Шевыреву: „Я не думаю, чтобы онъ былъ способенъ къ *труду* медленному и часто мелочному по необходимости. Онъ теперь увивается въ Москвѣ около Ушаковой".

Погодинъ напрасно дѣлаетъ такое заключеніе; ибо Пушкинъ былъ способенъ къ труду. „Движимый, часто волнуемый", свидѣтельствуетъ князь П. А. Вяземскій, „мелочами жизни, а еще

болѣе внутренними колебаніями не совсѣмъ еще установившагося равновѣсія внутреннихъ силъ онъ могъ увлекаться или уклоняться отъ цѣли, которую имѣлъ всегда въ виду и къ которой постоянно возвращался послѣ переходныхъ заблужденій. Но при немъ, но въ немъ глубоко таилась охранительная и спасительная нравственная сила. Еще въ разгарѣ самой заносчивой и треволненной молодости, въ вихрѣ и разливѣ разнородныхъ страстей онъ нерѣдко отрезвлялся и успокоивался на лонѣ этой спасительной силы. Эта сила была *любовь къ труду*, *потребность труда*... Трудъ былъ для него святыня, купель, въ которой исцѣлялись язвы, обрѣтали бодрость и свѣжесть немощь унынія, возстановлялись разслабленныя силы".

Вскорѣ, а именно 1 мая 1829 года Пушкинъ уѣхалъ въ Тифлисъ, а оттуда въ Азіатскую Турцію. Памятникомъ этого въ нашей литературѣ осталось его *Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 г.*

Полтава его была принята очень холодно. „У Пушкина", писалъ Погодинъ Шевыреву, „публика вычитаетъ теперь изъ должныхъ похвалъ прежнія лишенія" [474]). Во время путешествія Пушкина Надеждинъ разразился надъ *Полтавою* грубою критикою въ томъ же *Вѣстникѣ Европы*. Разбору своему Надеждинъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, читаемъ: „Всѣ посвящающіе себя служенію красотѣ не должны-бъ-ли были составлять единаго священнаго братства, проникаемаго и оживотворяемаго единымъ духомъ любви? Но, между тѣмъ — какое странное зрѣлище представляетъ нынѣ Парнассъ нашъ!... Сыны благодатнаго Феба, жрецы кроткихъ Музъ только что не вцѣпляются другъ другу въ волосы. Куда ни обернись — вездѣ шумъ и крикъ, вездѣ смуты и сплетни, вездѣ свары и брани. Кровь чернильная льется потоками въ междоусобныхъ сѣчахъ, и перяныя стрѣлы изощряются только на взаимное пораженіе и истребленіе. Говорить правду на нашихъ литературныхъ торжищахъ нынѣ значитъ не только терять дружбу, но еще наживать лютѣйшую, непримиримѣйшую ненависть. Оскорбленное само-

любіе литературнаго временщика неумолимѣе презрѣнной любви обветшавающей кокетки, и — увы!

> Я самъ то испыталъ,
> Когда мои статьи въ журналы посылалъ!

Критикѣ своей на *Полтаву* Пушкина Надеждинъ далъ форму діалога, въ которой какой-то старецъ подъ именемъ Пахома Силыча Правдивина въ бесѣдѣ своей съ нѣкіимъ Флюгеровскимъ изрекаетъ свои приговоры надъ Пушкинымъ въ родѣ слѣдующихъ: на вопросъ Флюгеровскаго: „Какое же понятіе вы имѣете о чародѣйской музѣ Пушкина? Старецъ отвѣчаетъ: Самое настоящее! Это есть рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ копейку. Ея стихія—пересмѣхать все худое и хорошее... не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоскалить. Это-то сообщаетъ особую физіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающую оное рѣшительно отъ мізанѳропіи Байрона, котораго поэмы суть запустѣвшія кладбища, на которыхъ плотоядные коршуны отбиваютъ съ остервенѣніемъ у шипящихъ змѣй полуистлѣвшіе черепы... Поэзія же Пушкина есть просто пародія. И Пушкина можно назвать по всѣмъ правамъ геніемъ на каррикатуры. По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть— *Графъ Нулинъ!* Здѣсь поэтъ находится въ своей стихіи; и его пародіальный геній является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи. Привыкши зубоскалить, мудрено сохранить долго важный видъ: вѣроломныя гримасы прорываются украдкой сквозь личину поддѣльной сановитости. За примѣрами не за чѣмъ ходить далеко: развернемъ *Полтаву!..* На чемъ движется весь поэтическій машинизмъ сей поэмы...? Основное колесо ея есть непримиримая ненависть Мазепы къ Полтавскому герою: и чѣмъ же заблагоразсудилось завесть это колесо нашему поэту?.. Сѣдыми усами Мазепы. И отъ этихъ усовъ столько шуму! Ай, да усы!“ Даже превосходный стихъ Пушкина:

> Въ одну телѣгу впречь не можно
> Коня и трепетную лань —

подвергся глумленію „Льзя ли, изрекаетъ старецъ, вульгарнѣе выразиться о блаженномъ состояніи супружеской жизни?.. Или еще уродливѣе и смѣшнѣе:

Такъ! было время: съ Кочубеемъ
Былъ другъ Мазепа: въ оны дни,
Какъ солью, хлѣбомъ и елеемъ
Дѣлились чувствами они.

У насъ на Руси,—замѣчаетъ старецъ,—хлѣбъ точно неразлученъ съ солью; но о елеѣ упоминается только вмѣстѣ съ виномъ—да и то въ однихъ святцахъ!.. Карла XII онъ называетъ *любовникомъ бранной славы:* иной проказникъ для продолженія аллегоріи, пожалуй, скажетъ, что нашъ Петръ присадилъ рога этому волокитѣ. Но я не знаю, что̀ подумать о подобныхъ емфатическихъ фразахъ:

Ты проклянешь и день, и часъ,
Когда ты дочь крестилъ у насъ,
И пиръ, на коемъ часто чашу
Тебѣ я полно наливалъ,
И ночь, когда голубку нашу
Ты, старый коршунъ, заклевалъ!

Это ужъ — не то слишкомъ малярно, не то слишкомъ морально!.. Короче можно примѣтить, что и языкъ Пушкина, эта острая бритва, начинаетъ иззубриваться!“

Мы не имѣемъ духа продолжать дѣлать выписки изъ этой возмутительной критики, которая такъ оскорбляетъ наше патріотическое чувство. Скажемъ только, что въ заключеніе Надеждинъ какъ бы опомнился и написалъ: „Что̀ будетъ, то будетъ!.. Утѣшаюсь, по крайней мѣрѣ, мыслію, что ежели пѣвцу *Полтавы* вздумается швырнуть въ меня эпиграммой, то это будетъ для меня незаслуженное удовольствіе!“ [475]).

Пушкинъ прочелъ эту критику на обратномъ пути изъ своего путешествія во Владикавказъ. „У *П.* на столѣ нашелъ я“, пишетъ онъ, „Русскіе журналы. Первая статья, мнѣ попавшаяся, былъ разборъ *Полтавы*. Въ ней всячески бранили меня и мои стихи. Я сталъ читать ее вслухъ. *П.* остановилъ меня, требуя, чтобы я читалъ съ бо̀льшимъ мимическимъ

искусствомъ. Надобно знать, что разборъ былъ украшенъ обыкновенными затѣями нашей критики: это былъ разговоръ между дьячкомъ, просвирней и корректоромъ типографіи, Здравомысломъ этой маленькой комедіи... Таково было первое привѣтствіе въ любезномъ отечествѣ" [476]). Пушкинъ доставилъ удовольствіе Надеждину и „швырнулъ въ него эпиграммой, которая вскорѣ и была напечатана:

Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ.
„Охота есть, да мало мозгу".
А сколько лѣтъ ему, вопросъ?
Пятнадцать. — „Только-то? Эй розгу!"
Засимъ принесъ семинаристъ
Тетрадь лакейскихъ диссертацій,
И Фебу вслухъ прочелъ Горацій,
Кусая губы, первый листъ.
Отяжелѣвъ, какъ отъ дурмана,
Сердито Фебъ его прервалъ,
И тотчасъ взрослаго болвана
Поставить въ палки приказалъ [477]).

Не довольствуясь эпиграммой, Пушкинъ представилъ своего критика въ слѣдующей сказкѣ: „Ванюша, сынъ приходского дьячка, былъ ужасный шалунъ. Цѣлый день проводилъ онъ на улицѣ съ мальчиками, валяясь съ ними въ грязи и марая свое праздничное платье. Когда проходилъ мимо ихъ порядочный человѣкъ, Ванюша показывалъ ему языкъ, бѣгалъ за нимъ и изо всѣхъ силъ кричалъ: „пьяница, уродъ, развратникъ, зубоскалъ, писака, безбожникъ!" и кидалъ въ него грязью. Однажды степенный человѣкъ, имъ замаранный, разсердился и, поймавъ его за вихоръ, больно побилъ его тросточкою. Ванюша въ слезахъ побѣжалъ жаловаться своему отцу. Старый дьячекъ сказалъ ему: „Подѣломъ тебѣ, негодяй; дай Богъ здоровья тому, кто не побрезгалъ поучить тебя" [478]). Съ своей стороны, и Надеждинъ отвѣчалъ Пушкину двумя эпиграммами, скрывши свое имя подъ *Орлино-Когтевъ* и *Львино-Зубовъ* [479]). По поводу этихъ эпиграммъ князь П. А. Вяземскій замѣтилъ: „Любителей русской поэзіи можно поздравить съ двумя дебютантами-близнецами: Орлино-Когтевъ и Львино-Зубовъ. Впро-

чемъ, они только именемъ страшны, а стихи ихъ также незлобивы, какъ и всѣ эпиграммы *Вѣстника Европы*“ [480]).

Мы уже сказали, что критики Надеждина на произведенія Пушкина нельзя читать безъ глубокаго негодованія. Не менѣе насъ негодовалъ на нихъ и Шевыревъ; но иначе относился къ нимъ Погодинъ, и какъ бы смѣясь надъ Шевыревымъ, писалъ ему: „Надеждинъ ратуетъ въ *Вѣстникѣ Европы*, и рѣшительно говорю, что это литераторъ истинный, хоть и кричатъ на него разные прихожане, хотя и недостаетъ ему теперь вкуса. Повѣрь мнѣ: это *надежда*. И. И. Дмитріевъ прежде ругалъ его, а теперь ласкаетъ, ибо оба ненавидятъ Полеваго“ [481]). Но у Пушкина былъ и есть большой приходъ. Его прихожане—Россія и Европа. Признательный Надеждинъ за сочувствіе къ попиранію русской славы написалъ Погодину чуть не любовное письмо: „Приношу вамъ искреннѣйшую мою благодарность за удовольствіе, которое вы мнѣ доставили. Теперь я буду имѣть пріятную возможность любоваться вашими полезными и истинно благонамѣренными трудами, не какъ бывало прежде—урывками и критическими набѣгами,—а на досугѣ, свободно и безпрепятственно. И это будетъ для меня тѣмъ пріятнѣе, что, и не смотря на излишнюю надзорчивость Пахома Силыча, самъ въ себѣ былъ, есмь и буду всегда увѣренъ, что вы останетесь тѣмъ, чѣмъ доселѣ были — искреннимъ поборникомъ и ревнителемъ истины на пользу и славу нашего просвѣщенія. Ей! не обинуясь, глаголю: ибо льстить не мастеръ и не охотникъ никому—ни за глаза, но тѣмъ менѣе въ глаза. Увѣренъ также я и въ томъ, что самъ строптивый Пахомъ Силычъ не найдетъ ни малѣйшей причины прогнѣваться на васъ за то, что вы хорошее, по вашему мнѣнію, будете называть хорошимъ, и дурное дурнымъ. Старику того-то и хочется. Пусть всякъ говоритъ то, что думаетъ, во что вѣритъ, чего ищетъ — лишь бы только это было одушевлено безкорыстною и искреннею любовью къ истинѣ. Старикъ, какъ и всѣ мы, принадлежитъ къ одному великому приходу, въ коемъ старостою и старостихою—любовь

ко благу отечественнаго просвѣщенія. О вашемъ трудѣ, принуждающемъ васъ теперь *особиться* въ вашемъ кабинетѣ, слышалъ я нѣчто отъ общаго нашего знакомаго Іустина Евдокимовича. И Пахомъ Силычъ говорилъ торжественно, что отъ васъ можно ожидать истинно добраго" [482]). Замѣтимъ здѣсь кстати, что Погодинъ въ описываемое время, относясь весьма сочувственно къ *Вѣстнику Европы*, питалъ враждебныя чувства къ *Сѣвернымъ Цвѣтамъ*. Альманахъ этотъ съ 1825 года издавался лучшимъ другомъ Пушкина, барономъ Дельвигомъ и постояннно украшался именами Плетнева, Баратынскаго, Дашкова, Пушкина, Жуковскаго, Крылова, князя Вяземскаго, Козлова, Гнѣдича, Востокова, Батюшкова, Языкова, Хомякова и, наконецъ, Шевырева, а потому даже забавно читать слѣдующія строки Погодина къ тому же Шевыреву: „Признаюсь, мнѣ не хочется, чтобы ты писалъ для *Цвѣтовъ*: это не наши; они смотрѣли на насъ сверху, не хотѣли помогать намъ и ободрить насъ; такъ и мы отъ нихъ прочь. Послѣ, послѣ, когда намъ удастся показать себя, мы будемъ давать имъ кое-что въ знакъ нашего благоволенія и незлопамятства" [483]).

Но когда же Пушкинъ, князь Вяземскій, Жуковскій и другіе смотрѣли на нихъ *сверху?* Чуть не въ каждомъ нумерѣ *Московскаго Вѣстника* мы встрѣчаемъ произведенія Пушкина. Что же касается до князя Вяземскаго, то, по свидѣтельству самого же Погодина, онъ принималъ живое участіе въ первомъ его литературномъ предпріятіи, доставилъ ему знакомство съ Пушкинымъ, помогъ издать переводъ его и Шевырева славянской граматики Добровскаго, отъ котораго отказывались и Университетъ, и Академія, и ученыя общества, и графъ Румянцовъ, и пр., и пр.; но, конечно, они не могли сочувствовать Арцыбашеву, котораго критики на Карамзина Погодинъ съ такимъ радушіемъ помѣщалъ на страницахъ *Московскаго Вѣстника*.

XLV.

Московскій Вѣстникъ и въ 1829 году былъ открытъ для Арцыбашева. Но прежде помѣщенія своихъ знаменитыхъ *Замѣчаній* на *Исторію Государства Россійскаго*, онъ потребовалъ отъ Погодина напечатать опечатки, усмотрѣнныя имъ въ прежнихъ своихъ статьяхъ, напечатанныхъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ*. Не взирая на всѣ непріятности, которыя доставили Погодину статьи Арцыбашева, послѣдній пребывалъ въ олимпійскомъ спокойствіи и горделиво писалъ своей жертвѣ: „Рѣшившись твердо не отвѣчать на пустыя возраженія, дѣлаемыя мнѣ журнальными статьями сердитыхъ и безсильныхъ *незнатоковъ* (душевно радуюсь, что и знаменитый нашъ археографъ П. М. Строевъ думаетъ такъ же), долгомъ моимъ поставляю объясниться съ вами. Вы пишете: „Въ предлагаемыхъ *Замѣчаніяхъ* (моихъ) есть нѣсколько выходокъ, лично относящихся къ Карамзину, писанныхъ какъ будто бы не съ хладнокровіемъ—онѣ мнѣ не нравятся“. Крайне жалѣю; но осмѣливаюсь спросить васъ: какой смыслъ присоединяете вы къ слову *выходка?* Если подобный моему, а именно: *выходка есть гнѣвливое выраженіе, ничѣмъ не доказанное и ничего не доказывающее*, то истинно не вижу, гдѣ въ *Замѣчаніяхъ* моихъ употреблены были сіи выходки и гдѣ писано *лично относящееся къ Карамзину?* Я отъ роду не видалъ г. Карамзина и писалъ только объ его произведеніи. „Тонъ его“ (мой) „мнѣ не нравится“. Какъ понимаете ты слово *тонъ?* Если, подобно мнѣ, что *тонъ есть способъ выраженія мыслей,* то я не измѣнилъ бы моего *тона,* возражая даже и знаменитому Августу Людовику Шлецеру: ибо сей великій мужъ пишетъ самъ: „im Reiche der Wahrheit gilt keine Autorität“. „Исторія — слово иностранное, которому у насъ не придается никакого опредѣленнаго значенія, не можетъ собственно управлять падежемъ, а еще менѣе предлогомъ съ падежемъ“. Почему же *не имѣетъ опредѣленнаго значенія и не можетъ управлять падежемъ?* Слово ἱστορία (происходящее отъ слова

ἱστορέω=разсматриваю) значитъ по-латинѣ narratio, по-русски—*повѣствованіе* и управляетъ падежемъ предложнымъ съ предлогомъ *о* или *объ*. Вы, вѣроятно, избавите меня отъ ссылки на краткую россійскую грамматику, изданную главнымъ управленіемъ училищъ. „И въ этомъ“ (что расположеніе Исторіи Государства Россійскаго занято, кажется, отъ Юма) не правъ г. Арцыбашевъ“. Почему же не правъ? Благоволите сличить *The History of England* съ *Исторіею Государства Россійскаго*, и вы найдете сходство въ расположеніи обѣихъ. Впрочемъ, я не оказался противникомъ этого расположенія. „Въ мнѣніи о слогѣ, говоря вообще, я совершенно не согласенъ съ г. Арцыбашевымъ“. Позвольте и мнѣ остаться при моемъ мнѣніи [484]). Письмо это Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* и вслѣдъ за нимъ появилось его возраженіе по пунктамъ: 1) „Выходками называлъ я нѣкоторыя неучтивыя придачи къ доказательствамъ, вами сдѣланныя, въ прежнихъ вашихъ *Замѣчаніяхъ*,—неучтивыя особенно потому, что дѣло шло о писателѣ знаменитомъ, оказавшемъ великія услуги исторіи и словесности вообще. Такихъ выходокъ въ нынѣшнихъ *Замѣчаніяхъ* нѣтъ. Еслибъ не было ихъ прежде, то ваши противники, не имѣя благовиднаго предлога, должны были бы оставить ихъ въ покоѣ, какъ не для нихъ писанныя,—а другіе, которые любятъ науку для науки, воспользовались бы ими гораздо съ бо́льшимъ удовольствіемъ. 2) Частое употребленіе такихъ выходокъ вообще назвалъ я вашимъ тономъ, который мнѣ не нравится, и потому, истинное Шлецерово правило, приведенное вами, сюда никакъ не идетъ, правду говорить должно, но лучше безъ упомянутыхъ выходокъ. Еще за годъ предъ симъ, не слыхавъ о вашихъ *Замѣчаніяхъ*, я точно также отозвался о другихъ, помѣщавшихся въ *Вѣстникѣ Европы*. 3) Если подъ исторіею разумѣть разсмотрѣніе, то она необходимо должна употребляться съ родительнымъ падежемъ: разсмотрѣніе чего, а не о чемъ. 4). Исторіографъ не заимствовалъ расположеніе отъ Юма, ибо до Юма тысячи книгъ располагались такимъ же образомъ. О 5-мъ пунктѣ

мнѣ остается только повторить изреченіе: *de gustibus non est disputandum*" [485]). Такимъ образомъ, въ *Московскомъ Вѣстникѣ* открылась оригинальная полемика: редактора съ своимъ сотрудникомъ. Между тѣмъ, В. П. Титовъ писалъ Погодину: „Критики на Карамзина *оставили* во многихъ невыгодное весьма впечатлѣніе; изгладить его трудно; надежда только есть на милость Божію и время; прежнее благорасположеніе сохраняютъ Кругъ и Жуковскій, хотя ты и взбѣсилъ его просьбою некстати въ пользу предполагаемыхъ изданій Арцыбашева. Эта просьба подтвердила мнѣ замѣченное изъ многихъ твоихъ поступковъ: ты любишь гоняться вдругъ за нѣсколькими зайцами, чѣмъ портишь и будешь портить всѣ дѣла свои. Впрочемъ, относительно Арцыбашева etc., ты вооружился quasi стоицизмомъ, и похвально; ибо другаго дѣлать нечего; я бы только желалъ по менѣе болтливости въ твоихъ послѣднихъ объявленіяхъ, гдѣ отбояриваешься голосомъ гонимой невинности. Письма твои слѣпы: ты толкуешь о мучительныхъ обстоятельствахъ, которыя ни мнѣ, ни Кругу и никому здѣсь неизвѣстны; если дѣло въ деньгахъ, то намъ всѣмъ, принимающимъ въ путныхъ предпріятіяхъ твоихъ искренее участіе, больно было бъ узнать, что невѣрная надежда вовлекла тебя въ какія-нибудь пожертвованія; притомъ въ сихъ послѣднихъ не было особенной нужды" [486]). Пушкинъ же прямо объявилъ Погодину: „Вы вооружили всѣхъ противъ себя ужасно. Вяземскій еще изъ умѣренныхъ. Дорога вамъ преграждена" [487]). При такихъ обстоятельствахъ Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* слѣдующую іеремиаду: „Литературное гоненіе на меня, въ разныхъ видахъ, за помѣщеніе статьи г. Арцыбашева все еще продолжается. Даже нѣкоторые изъ помѣщавшихъ труды свои у меня въ журналѣ требовали, чтобы я выгородилъ ихъ изъ-подъ мнимой опалы, какъ не принимавшихъ участія въ этомъ дѣлѣ. Не пугаются-ли иные робкіе читатели даже и того, что читали статью? o tempora! o mores! На сіе долгомъ поставляю объявить, что вся вина, если есть какая, въ помѣщеніи *Замѣчаній* г. Ар-

цыбашева, простирается на одного меня, ибо оно ни отъ кого болѣе не зависѣло. Прибавлю однакожъ, что, еслибы случилось мнѣ опять попасть въ такія же обстоятельства, то опять поступилъ бы я также, хотя бы сотеро непріятностей должно было мнѣ вынести послѣ. Съ другой стороны, нѣкоторые литераторы требовали отъ меня, чтобы я отвѣчалъ на разныя выходки, помѣщенныя въ журналахъ, уличилъ въ злонамѣренности своихъ противниковъ, показалъ напраслины, взводимыя на меня и проч. Нѣтъ, милостивые государи, если вы со вниманіемъ читали критическія статьи въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, напечатанныя подъ моимъ именемъ, то вы увидѣли бы, что такіе отвѣты не сообразны съ моими литературными правилами. Самъ, пользуясь правомъ судить и говорить о другихъ, я долженъ предоставить и другимъ право судить и говорить обо мнѣ. Какъ говорить и судить — это другой вопросъ, но на него отвѣчаетъ всякій, по русской пословицѣ, предъ Богомъ, совѣстью и добрыми людьми. Добавлять, пояснять мнѣ нечего, и такимъ образомъ я спокойно предоставляю рѣшеніе спорныхъ дѣлъ публикѣ и времени. Притомъ—умъ любитъ просторъ, говорилъ, не помню, кто-то императору Петру Великому—пусть судятъ произведенія, какъ кому угодно, это имѣетъ вообще свою пользу: подсудимый, сравнивая пристрастныя порицанія враговъ съ пристрастными похвалами друзей, можетъ узнать оцѣнку себѣ въ общемъ мнѣніи. Нельзя однакожъ не замѣтить, что въ послѣднѣе время въ нашей литературѣ происходили такія нелитературныя явленія, кои возбуждаютъ негодованіе во всѣхъ благородныхъ людяхъ, и кои покрываютъ навсегда стыдомъ виновниковъ хотя бы они и оказали какія-либо относительныя услуги просвѣщенію“ [488]).

Въ тоже время Погодинъ писалъ Востокову: „Что скажете о преніи по дѣлу Арцыбашева? Я рѣшился стоять на своемъ и обличать все, по моему мнѣнію несправедливое, кто-бы ни сказалъ оное по этому дѣлу“ [489]). И дѣйствительно, Погодинъ не разрывалъ своихъ сношеній съ Арцы-

башевымъ, не смотря даже на полемику, происшедшую между ними. По поводу какой-то книжки, Арцыбашевъ писалъ Погодину: „получилъ я ваше письмо съ книгою, которую цѣню потому только, что прислана вами; иначе не желалъ-бы и читать ее: это чепуха, не заслуживающая вниманія. Но какъ въ письмѣ моемъ изчислить всѣ пустословія этой книги! Она отстала отъ нынѣшнихъ критическихъ сочиненій лѣтъ сотнею. Наконецъ, Руссовъ, благонамѣренно и вѣжливо, принимается за васъ и Каченовскаго и Строева!! Одинъ виноватъ, а четыремъ упреки. Извѣстна ли вамъ критика на X и XI томы *Исторіи Государства Россійскаго* въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1825 г.? Почитайте-ка ее и вы увидите какъ тамъ нашего покойнаго г. Исторіографа отхватываютъ; но не ругательствами и клеветою, а дѣломъ. Согласитесь, что у насъ ахаютъ сперва отъ всего; кричатъ: несравненно, безподобно! Такъ кричали о Татищевѣ, Щербатовѣ, Стриттерѣ и даже объ Еминѣ, а теперь не хотятъ уже сочиненій ихъ и въ руки взять. *Кажется подобная же участь ожидаетъ Исторію Карамзина* и всѣхъ нынѣшнихъ историковъ-художниковъ, какъ вы ихъ называете, судящихъ, рядящихъ, старающихся показывать событія или, простите мнѣ уподобленіе, сквозь граненый хрусталь, или сквозь закопченое стекло“.

Какъ-бы то ни было, но дружба съ Арцыбашевымъ обошлась Погодину дорого и преградила ему путь въ Петербургъ, куда онъ давно уже мечталъ переселиться; по крайней мѣрѣ такъ думалъ самъ Погодинъ, но Кеппенъ увѣрялъ его, что помѣщеніе въ *Московскомъ Вѣстникѣ Замѣчаній* Арцыбашева рѣшительно не имѣло вліянія на его карьеру; вмѣстѣ съ тѣмъ Кеппенъ совѣтовалъ Погодину готовить себя въ академики и профессора. „Занятіе же повременнымъ изданіемъ, писалъ онъ ему по этому поводу, можетъ удалить васъ отъ того и другого“. Замѣчательно, что на томъ-же настаивалъ и В. П. Титовъ. „Проклятый журналъ“, читаемъ въ письмѣ его, „еслибы не имъ ты связалъ себя такъ глупо, то необходимо

бы тебѣ во что бы то ни стало написать по части исторіи такую штуку, которая заставила бы зажать ротъ противникамъ, а въ сердцахъ меценатовъ пробудила бы искру благо расположенія, которая ни въ комъ, я думаю, вовсе не потухла". Въ письмѣ, касавшемся того-же вопроса, Кеппенъ писалъ между прочимъ: „со стороны *высшаго* нашего начальства я совершенно успокоенъ на счетъ васъ. Вы можете быть въ томъ увѣрены, что неудачи ваши произошли не отъ литературныхъ занятій. Почтенный Блудовъ въ нихъ вовсе не участвовалъ" [490]). Но Погодина это не успокоивало и въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣчаетъ: „Въ жалованьѣ отказали подлецы" [491]). На этомъ основаніи, Кругъ и не желалъ брать Погодина въ свои адъюнкты, о чемъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующія строки В. П. Титова: „Кругъ, узнавъ, что надежды на другія мѣста сдѣлались невѣрными, и руками и ногами противъ твоего адъюнкства; — лучше, де не принимать его, нежели пріѣхать сюда, когда жить будетъ не чѣмъ" [492]). „Что-то будетъ со мною?", писалъ Погодинъ Шевыреву, „все-ли по прежнему сурово будетъ смотрѣть на меня удача? Да и чортъ съ нею". Въ это время ему пришла мысль издать журналъ *Благопромыслительный Муравей* съ предисловіемъ: Съ тѣхъ поръ какъ Нѣмцы искусились вызывать чертей съ того свѣта, сообщеніе стало легче, и я etc. Тутъ именемъ Тредьяковскаго, я вступился-бы за нравственность Пушкина, ибо-де, и я Тредьяковскій, писалъ *Ѣзду на островъ любви*. Отъ имени Шлецера и Карамзина порицалъ бы своихъ гонителей etc." [493]). Но эта мечта конечно не осуществилась. Когда о стремленіи Погодина въ Петербургъ узналъ Арцыбашевъ, то писалъ ему: „Назовите меня опять *неучтивымъ*, а я вамъ признаюсь, что внутренно смѣялся надъ вашими стремленіями къ Петербургу; да чего вы хотѣли, милостивый государь? По молодости своей, вы довольно хорошо и въ Москвѣ пристроены; а сверхъ того, пользуетесь вниманіемъ общественнымъ. Отъ добра добра не ищутъ, есть русская пословица, весьма справедливая [494]). Но вслѣдствіе неудачи пробраться въ Петербургъ, Погодинъ сталъ

мечтать, то объ уединеніи, то о путешествіи. „На зиму хочу ѣхать“, писалъ онъ Шевыреву, въ какую-нибудь деревню и заточиться [495]); а въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣчаетъ: „Какъ хочется оставить мнѣ эту суету и заточиться въ какомъ-нибудь лѣсу дремучемъ и тамъ за работу, за работу!“ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ мечтаетъ и о путешествіи въ Америку, и въ Остъ-Индію, и въ Малую Азію, чрезъ Персію въ Іерусалимъ и въ Египетъ [496]); а Шевыреву онъ пишетъ: „Въ Римъ лечу душею, и всякое письмо твое меня приводитъ въ волненіе. Господи! помози мнѣ устроиться и опрометью съ профессорской каѳедры на студенческую лавку“ [497]).

XLVI.

Въ то время, когда *Московскій Вѣстникъ* сдѣлался ареною нападеній на Карамзина, Погодинъ близко сошелся съ Каченовскимъ, часто посѣщалъ его и находилъ усладу въ бесѣдѣ съ нимъ. Каченовскій подчивалъ Погодина винцомъ и дружелюбно бесѣдовалъ съ нимъ объ университетѣ, Писаревѣ, о журналистахъ нынѣшнихъ и „ихъ подлости“, о литературѣ, о Надеждинѣ, объ исторіи, о Полевомъ. Сдѣлавшійся впослѣдствіи врагомъ скептиковъ, Погодинъ въ это время весьма сочувственно относился къ направленію дѣятельности отца ихъ, коимъ считался Каченовскій, и писалъ Шевыреву (отъ 15 іюля 1829 года): „Каченовскій выступаетъ побѣдоносно противъ *Русской Правды,* которой никогда будто у насъ не было“. Но и тогда онъ уже находилъ, что „скептицизмъ Каченовскаго слишкомъ далеко простирается“. Погодинъ обращался за совѣтами и указаніями и Каченовскій охотно дѣлился съ нимъ своими познаніями. Такъ, однажды онъ написалъ ему по поводу какой-то грамоты, представленной на разсмотрѣніе: „Въ грамотѣ Михаила Ѳедоровича, помнится, буквы *я, ю* стоятъ обыкновенныя, и еще что-то не такъ. У меня былъ оттискъ, но пьяный работникъ гравера

потерялъ его“ [498]). Только разъ какъ-то Каченовскій раздосадовалъ Погодина. Это было въ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, гдѣ Погодинъ читалъ свое изслѣдованіе о *Святополкѣ*. Объ этомъ мы узнаемъ изъ слѣдующей записи Погодина въ Дневникѣ: „Каченовскій досадилъ своими выходками о Святополкѣ“ [499]). Но вскорѣ добрыя отношенія между Погодинымъ и Каченовскимъ нарушились и, притомъ, первое яблоко раздора было брошено Венелинымъ.

Натура Погодина, какъ мы знаемъ, была общительная, и его стремленія къ уединенію были, конечно, платоническія. Онъ поддерживалъ старыя отношенія и безпрестанно заводилъ новыя. Однимъ изъ старѣйшихъ друзей Погодина, былъ Алексѣй Михайловичъ Кубаревъ, съ которымъ онъ неизмѣнно поддерживалъ дружескія отношенія но, тѣмъ не менѣе, вотъ какую запись находимъ мы въ *Дневникѣ* Погодина подъ 2 марта 1829 года: „Перебиралъ и перечитывалъ свой *Дневникъ*. Былъ Кубаревъ, который какъ будто-бы смѣется надъ нимъ: „Скоро-ли напечатаете“. Какъ бы желалъ я, чтобъ этотъ человѣкъ изложилъ подробно свое мнѣніе обо мнѣ. Вѣдь это, однако, непонятно, что онъ не можетъ, кажется, отдать мнѣ чести ни за какую мою мысль, ни за какой мой трудъ, а о многомъ думаемъ мы согласно съ нимъ. Проклинали невѣжество нашихъ вельможъ“. Въ это время Кубаревъ, кромѣ своего профессорства въ московскомъ университетѣ, по свидѣтельству Погодина: „ходилъ по урокамъ и копилъ деньги“ [500]). Въ числѣ учениковъ Кубарева находился будущій фельдмаршалъ, князь Александръ Ивановичъ Барятинскій, который, четырнадцатилѣтнымъ отрокомъ, вмѣстѣ съ своимъ братомъ княземъ Владиміромъ Ивановичемъ, былъ отправленъ въ Москву для усовершенствованія въ наукахъ. Оба брата были ввѣрены попеченію графа А. Н. Панина и Е. В. Новосильцовой. Воспитаніемъ ихъ занимался знакомый намъ лекторъ англійскаго языка въ московскомъ университетѣ, Ѳома Яковлевичъ Эвансъ [501]). Покойный фельдмаршалъ, на высотѣ своего могущества и славы, не забылъ смиреннаго наставника своего и оказывалъ

ему знаки трогательнаго вниманія. Такъ, однажды онъ привезъ ему въ гостинецъ изъ-за-границы великолѣпное изданіе *Писемъ Плинія Младшаго*, а въ 1860 году прислалъ ему свой портретъ. Въ бумагахъ Московскаго Публичнаго Музея сохранилось слѣдующее черновое письмо Кубарева къ фельдмаршалу, по поводу полученія упомянутаго портрета: „Сіятельнѣйшій князь, милостивѣйшій государь, сколько обрадовалъ меня даръ вашего сіятельства, врученный мнѣ другомъ моимъ, М. П. Погодинымъ, я не въ силахъ выразить словомъ. Какое удовольствіе души въ преклонныхъ лѣтахъ моихъ могу сравнить съ удовольствіемъ видѣть, хотя въ художественныхъ чертахъ, лицо ваше во всемъ блескѣ почестей и славы, и въ тоже время знать, что эти черты присланы мнѣ отъ васъ, какъ знакъ благосклоннаго вашего вниманія ко мнѣ! Исполненный пріятнѣйшихъ воспоминаній и чувствованій, созерцаю изображеніе лица, столь глубоко запечатлѣвшагося въ душѣ моей въ юношескихъ чертахъ его, лица вождя, избраннаго судьбой положить конецъ столь упорной, столь долголѣтней борьбѣ нашей съ враждебными сынами Кавказа. Сіятельнѣйшій князь! Военными подвигами своими снискали вы особенное благоволеніе къ вамъ и дружбу государя императора, громкія похвалы и признательность соотечественниковъ и безсмертную славу въ потомствѣ! Но не одна военная слава украшаетъ жизнь вашу. И въ отдаленныхъ областяхъ имперіи давно уже извѣстно, какъ всѣ служащія лица и жители страны, ввѣренной управленію вашему, благословляютъ день, въ который поступили подъ начальство ваше. Не удивляюсь этому. Имѣвъ счастіе находиться нѣкогда въ числѣ лицъ, къ вамъ приближенныхъ, могу-ли не знать всей доброты сердца вашего, столько украшавшей васъ еще въ юности вашей? Могу-ли забыть тогдашнее ваше расположеніе ко мнѣ? И доселѣ храню, какъ незабвенный для меня памятникъ этого расположенія, даръ, который я имѣлъ счастье получить отъ вашего сіятельства еще въ 1831 году. Онъ всегда былъ для меня утѣшеніемъ и тогда, когда я не могъ еще предвидѣть будущаго

величія вашего—съ тѣхъ поръ столько произошло перемѣнъ въ политическомъ и гражданскомъ мірѣ! Съ тѣхъ поръ вы взошли на высокую степень чести и славы! И безпримѣрная доброта души вашей не измѣнилась. И вы еще, при столь многихъ, столь разнообразныхъ занятіяхъ, не забываете тѣхъ, къ которымъ были расположены столь радушно! И вы еще озаряете отраднымъ лучемъ склоняющіеся уже къ западу дни мои, приславъ мнѣ въ даръ драгоцѣнныя для меня черты лица вашего! Въ какихъ словахъ выражу вамъ свою благодарность? Пусть выразится она въ мольбѣ моей ко Всевышнему: Да хранитъ Онъ васъ подъ несокрушимымъ щитомъ Своимъ среди военныхъ опасностей; да подкрѣпитъ ваши силы на поприщѣ служенія государственнаго и да продлитъ дни жизни вашей долго, долго, ко благу и славѣ любезнаго отечества нашего! Вотъ все, чего можетъ, въ знакъ признательности своей, пожелать вамъ человѣкъ, нѣкогда къ вамъ приближенный и всегда душевно вамъ преданный" [502]).

Кубаревъ оставался по прежнему неизмѣннымъ классикомъ и писалъ Шевыреву въ Римъ (отъ 26 сентября 1829 года): „Хоть каплю воздуха того, коимъ вы дышете, любезный другъ, привезите мнѣ, или буде этого не можно, то хоть горсточку пыли съ гробницы Сципіоновъ" [503]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ изучалъ русскія древности и весьма интересовался военною исторіею. Однажды Погодинъ зашелъ къ нему подъ праздникъ и „вмѣсто всенощной" онъ пробесѣдовалъ съ нимъ о Наполеонѣ. Кубаревъ познакомилъ Погодина съ своимъ другомъ, извѣстнымъ впослѣдствіи, Михаиломъ Ивановичемъ Топильскимъ, который, несмотря на свою многотрудную службу при министрѣ, графѣ В. Н. Панинѣ, остался до конца жизни страстнымъ любителемъ классической литературы.

Въ квартирѣ Погодина постоянно толпились посѣтители и на это онъ жалуется въ своемъ *Дневникѣ:* „Утро отнялъ Кубаревъ, Максимовичъ. Утро отхватили Максимовичъ, Краевскій. Максимовичъ, Кубаревъ, Андросовъ и утро процвѣте и погибе", и т. д. Поддерживая старыя знакомства, Погодинъ заводилъ

и новыя. Въ это время онъ сблизился съ семействомъ почтеннаго московскаго полицiймейстера Ровинскаго и пользовался ихъ гостепрiимствомъ. Однажды онъ обѣдалъ у нихъ великимъ постомъ и по поводу этого сдѣлалъ странную запись въ своемъ *Дневникѣ*: „Не ѣвши скоромнаго, былъ въ странномъ положенiи противъ тамошнихъ философовъ, утверждавшихъ, что мясо не грѣхъ. День погибъ за невольнымъ бостономъ у нихъ". Къ этому же времени относился знакомство Погодина съ достопочтеннымъ Дмитрiемъ Николаевичемъ Бантышемъ-Каменскимъ [504]). По своей общительности, Погодинъ заводилъ сношенiя съ профессорами и другихъ университетовъ и они нерѣдко обращались къ нему съ разными просьбами. Такъ дерптскiй профессоръ Бунге писалъ ему: „приглашенъ я извѣстными гейдельбергскими профессорами гг. Миттермайеромъ и Цахарiемъ къ участвованiю въ издаваемомъ ими критическомъ журналѣ для правовѣдѣнiя во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Меня же именно просятъ они доставлять имъ критическiя и литературныя статьи о россiйскомъ, лифляндскомъ, эстляндскомъ и курляндскомъ правѣ. Вслѣдствiе чего намѣренъ я сочинить краткое обозрѣнiе литературы россiйскаго права и юридической литературы въ Россiи вообще. Не достаетъ мнѣ нѣкоторыхъ свѣдѣнiй о первоначальномъ систематическомъ преподаванiи юриспруденцiи вообще и россiйскаго права въ особенности въ московскомъ университетѣ". Бунге проситъ Погодина сообщить ему эти свѣдѣнiя, а въ концѣ письма извиняется: „Напослѣдокъ долженъ я просить еще извиненiя и снисхожденiя вашего въ разсужденiи погрѣшностей и ошибокъ противъ слога и противъ грамматики, коихъ въ письмѣ моемъ, конечно, не мало найдется. Почти совершенный недостатокъ оказiи въ Дерптѣ говорить и писать по-русски вѣрно извинитъ меня, какъ несовершеннаго русскаго" [505]).

Изъ писателей Погодинъ всего менѣе сошелся съ Баратынскимъ, котораго ни онъ, ни даже Шевыревъ, не умѣли въ то время цѣнить, за чтò и упрекалъ ихъ Пушкинъ. „Былъ

Баратынскій“, отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „съ которымъ я затрудняюсь говорить“ [506]). Тѣмъ не менѣе Баратынскій не отказывался содѣйствовать *Московскому Вѣстнику*, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его къ Погодину: „Домашніе непредвиденные мною хлопоты отвлекаютъ меня отъ литературы и, не имѣя возможности изготовить обѣщанныя мною статьи для нашего альманаха, я принужденъ отказаться отъ участія въ его изданіи. Маловажныя стихотворенія, которыя я могъ-бы вамъ доставить, помогли-бы вамъ не много и въ этомъ случаѣ. Я обязанъ отдать себѣ справедливость. Искренно радуюсь изданію *Московско Вѣстника* на будущій годъ. Онъ нуженъ нашей литературѣ. Почитаю долгомъ записатся въ его службу и тѣмъ доказать, по крайней мѣрѣ, мое словесное правовѣріе“. И дѣйствительно, на страницахъ *Московскаго Вѣстника* было впервые напечатано его чудное стихотвореніе подъ заглавіемъ *Смерть*.

XLVII.

Благую мысль объ охраненіи нашихъ древностей отъ истребленія, Московское Археологическое Общество унаслѣдовало отъ отцевъ нашихъ. Еще въ 1829 году И. М. Снегиревъ, носившій тогда званіе секретаря Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ, писалъ Погодину: „Прошу васъ не предать забвенію доставленный мною вамъ достопамятный указъ Николая I о сохраненіи и описаніи отечественныхъ памятниковъ, кои до нынѣ невѣжествомъ и хладнокровіемъ сокрушаются или искажаются. Болѣе всего терпятъ древнія церкви наши отъ нелѣпыхъ пристроекъ и своенравныхъ перестроекъ попа и старосты вмѣстѣ съ коммиссіею строенія. Онѣ походятъ на старухъ набѣленныхъ и нарумяненныхъ съ разновѣковымъ костюмомъ. Святотатственная рука изглаживаетъ надписи на гробовыхъ камняхъ, отнимая у покойниковъ послѣднее ихъ имущество на землѣ. Пора объ этомъ

говорить торжественно: самъ Царь подаетъ примѣръ" [507]). Тою же мыслію былъ одушевленъ знаменитый археографъ нашъ П. М. Строевъ, предпринявшій въ то время свое грандіозное путешествіе по Русскому Сѣверу. Разумѣется, Погодинъ всѣмъ сердцемъ сочувствовалъ этому великому дѣлу и находился тогда въ наилучшихъ отношеніяхъ съ Строевымъ. У послѣдняго, передъ отправленіемъ въ археографическое путешествіе, явилась мысль привлечь Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ къ соучастію въ своемъ, по истинѣ патріотическомъ предпріятіи. „Почему совѣту Императорскаго Московскаго университета",—говорилъ нашъ археографъ въ Обществѣ,— „изъ числа многочисленныхъ студентовъ, не избрать одного, въ коемъ прозябаетъ уже зерно Отечественной Исторіи, и, можетъ быть, довольно полное, а Обществу Историческому не согрѣть, не воспитать и не возрастить онаго? Такой питомецъ, будучи присоединенъ къ Археографической Экспедиціи подъ моимъ руководствомъ, можетъ познать очень многое". При этомъ Строевъ представилъ Обществу и проектъ *присоединенія къ Археографической Экспедиціи одного изъ студентовъ Императорскаго Московскаго Университета* [508]). Но гласъ археографа былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ, и Погодинъ справедливо замѣчаетъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Вѣдь подлецы не захотѣли воспользоваться его предложеніемъ обучать студентовъ въ путешествіи" [509]).

15 марта 1829 года Экспедиція путешествующаго археографа выѣхала изъ Москвы и направила путь свой къ Сѣверу въ „землю классическую для историка Русскаго". Только въ сентябрѣ, изъ Вологды, Строевъ откликнулся Погодину: „разъ пять писалъ я и повторялъ женѣ моей, чтобы она извѣстила меня: уѣхали-ли вы въ С.-Петербургъ и что съ вами дѣлается; но она цѣлое лѣто проживши на Шаболовкѣ, въ загородномъ домѣ своего дѣда, и въ мое отсутствіе, не имѣя никакого сношенія съ міромъ ученымъ и литературнымъ, никакъ не могла удовлетворить моего желанія. Наконецъ, въ

городѣ Яренскѣ прочиталъ я въ московскихъ газетахъ, въ числѣ господъ университетскихъ преподавателей лекцій, и ваше имя. И такъ, вы, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! все еще въ Москвѣ и не причастны Академіи или въ Нѣмецкой Слободкѣ, какъ именуетъ ее г. корреспондентъ Академіи Гречъ. Что же это значитъ? Неужели это почти совершенное дѣло разклеилось! Если вы не изгладили еще изъ своей памяти странствующаго или, лучше сказать, скитающагося въ пустыняхъ археографа и удѣлите нѣсколько моментовъ отъ безпрерывныхъ занятій вашихъ *Московскимъ Вѣстникомъ*, котораго на сей годъ я еще не видѣлъ, то я повѣдаю о себѣ слѣдующее: я прожилъ около трехъ мѣсяцевъ въ Архангельскѣ; хотѣлъ плыть въ Соловецкій монастырь, но, по случаю несоглашенія съ тамошнимъ начальствомъ о казенномъ суднѣ, оставилъ сіе предпріятіе до слѣдующей весны; ѣздилъ въ Онегу, оттуда на островъ Кій въ Крестовый монастырь; двадцать три дня прожилъ въ уединенной Сійской обители, въ Холмогорскомъ уѣздѣ; ѣздилъ верстъ триста вверхъ по рѣкѣ Пинегѣ и сражался тамъ съ легіонами комаровъ въ безпрерывныхъ лѣсахъ; по нѣскольку времени жилъ въ Холмогорахъ, Шенкурскѣ, Вельскѣ и Верховажьѣ; 29 іюля прибылъ въ Вологду, а 6 августа сѣлъ въ лодку и плылъ 500 верстъ до Великаго Устюга; оттуда ѣздилъ въ Сольвычегодскъ, Яренскъ и далѣе; потомъ, возвратясь въ Устюгъ, слѣдовалъ черезъ Тотьму и Кадниковъ до Вологды. Теперь квартирую съ Археографическою Экспедиціею въ архіерейскомъ домѣ, у предобрѣйшаго изъ владыкъ преосвященнаго епископа Стефана. Вотъ вамъ описаніе кампаніи моей перваго года. До новаго года проживу въ Вологдѣ и сдѣлаю только нѣсколько поѣздокъ въ окрестные монастыри. Итакъ, двѣ губерніи, Архангельская и Вологодская (исключая Соловецкаго монастыря) совершенно осмотрѣны: всѣ архивы духовные и свѣтскіе обшарены, и я, гордо посматривая на археографическія свои порфели, полные документовъ и копій, съ гордостію восклицаю: nec plus ultra. По истинѣ, у меня

есть прекраснѣйшія вещи; а что будетъ далѣе? Простите, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ! что я болтовнею своею отвлекъ васъ отъ занятій вашихъ. Страшно пріятно бесѣдовать о трудахъ своихъ съ родными; а вы мнѣ кровный по литературѣ. Не поскучайте и вы повѣдать мнѣ тайны вашихъ сношеній съ Академіею, и скоро ли могу я имѣть счастіе видѣть васъ въ числѣ конференціальныхъ судей *посильныхъ*, по выражеію *Телеграфа*, трудовъ моихъ на поприщѣ Археографіи и обширныхъ пустынь Русскаго Сѣвера. Когда-нибудь, на досугѣ, напишу о своихъ находкахъ по подробнѣе; теперь простите; рука устала отъ многой нынѣ корреспонденціи, а потому и пишу къ вамъ нескладно и не связно. При свиданіи засвидѣтельствуйте мое усерднѣйшее почтеніе Его Превосходительству Александру Александровичу Писареву и г. Секретарю Общества Историческаго. Здѣшній Владыка, природный полякъ, открылъ намъ, что *Выжигинъ* есть копія съ *Досвичинскаго* у Польскаго автора Красицкаго. Сообщите о семъ какому-нибудь журналисту, разумѣется—по секрету“ [510]). Погодинъ не замедлилъ отвѣтомъ: „Какъ я обрадовался“, писалъ онъ, „вашему письму. Такъ давно не получалъ я извѣстій о васъ! Ну, слава Богу, у васъ богатая жатва. Искренно поздравляю васъ и приношу вамъ вмѣстѣ со всѣми сынами (только не *Сыномъ*) отечества и друзьями наукъ благодарность за ваши достославные труды. Да подкрѣпитъ Богъ вамъ силы, а мы будемъ молиться. Прошу васъ покорно увѣдомить меня подробнѣе о вашихъ драгоцѣнныхъ находкахъ. Когда будете вы въ Соловкахъ? Отъ нихъ ожидать должно многаго... Тамъ былъ и Сильвестръ, и Филиппъ, и Василій Лукичъ Долгорукій!.. Я просилъ у васъ извѣстій о рыбной ловлѣ и рыбацкой жизни въ сѣверномъ краю... Мнѣ хочется написать жизнь Ломоносова простонароднымъ языкомъ для черни... Вчера получилъ я изъ Архангельска нѣсколько прекраснѣйшихъ извѣстій. Не знаю отъ кого. Прошу еще у васъ или у вашего любезнаго спутника, дайте мнѣ общія черты архангельскихъ: осени, зимы, весны и лѣта, тамошней

природы, особенно около Холмогоръ. Мнѣ хочется написать книгу для народа, коему у насъ нечего читать... Препоручите кому-нибудь въ Холмогорахъ развѣдать, сколько дѣтей было у отца Ломоносова, достаточно ли онъ жилъ и т. п. Теперь въ Архангельскѣ живетъ еще племянница Ломоносова Матрена Евсѣева, вдова, дочь его сестры Марьи, бывшая замужемъ за крестьяниномъ куростровскимъ—Лопатинымъ... Еще есть внука его. Теперь скажу вамъ о себѣ: министръ въ вознагражденіе за убытки, причиненные мнѣ его вызовомъ, прислалъ мнѣ своихъ ²/т. р.; я въ первый разъ отказался, а во второй—пожертвовалъ ихъ на печатаніе общеполезныхъ книгъ (и уже вышла одна: *Бомаре* Венелина). Теперь я остался по прежнему въ Москвѣ, взялъ къ себѣ нѣсколько пансіонеровъ, требую себѣ жалованья изъ университета, которому два года служу за ординарнаго профессора, и не получаю ни копѣйки,—одинъ изъ всего вѣдомства. Издалъ въ нынѣшнемъ году одну сказку и дѣтскую книгу. Теперь собираюсь издавать послѣдній годъ *Вѣстника* по прежнему плану, въ двадцати четырехъ книжкахъ, и прошу вашего участія... Вы богаты теперь, а публикѣ весьма пріятно будетъ услышать о вашихъ подвигахъ. Подкрѣпите меня. У насъ въ литературѣ дѣлаются чудеса, о которыхъ, вѣроятно, вы знаете изъ газетъ, *исторія Народа Русскаго* въ двѣнадцати томахъ, по адріанопольскій миръ, котораго нѣтъ еще въ газетахъ; исторія Петра Великаго, плодъ шестилѣтнихъ путешествій г. Свиньина. Одинъ шутникъ говоритъ, что скоро выйдетъ: Исторія столпотворенія Вавилонскаго — угадайте чья? Смѣшеніе языковъ отдѣлано превосходно. Если вы не читаете ничего текущаго, то увѣдомьте меня: на досугѣ я опишу вамъ подробности обо всѣхъ нашихъ явленіяхъ... Я рѣшился прошибать стѣну лбомъ, если не прошибу и упаду, то помяните обо мнѣ не лихомъ и скажите: „онъ хотѣлъ дѣлать дѣло, да его не подкрѣпили". Право, бываетъ иногда грустно, хотя я и не мизантропъ. Шевыревъ въ Римѣ, Петръ Кирѣевскій въ Мюнхенѣ, Иванъ ѣдетъ въ Парижъ, Веневитиновъ въ Петербургѣ... Я пере-

челъ письмо и удивился самъ своей іеремiадѣ. Веселѣе за работу. Авось“. [511]).

Въ концѣ 1829 года Строевъ, для устройста дѣлъ Археографической экспедиціи, пріѣзжалъ въ Москву и 17 декабря обѣдалъ у Погодина, который записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Обѣдалъ у меня Строевъ и разсказывалъ о своихъ находкахъ и вообще о путешествіи. Что за Россія! Сколько міровъ въ ней. И всѣ ихъ показалъ бы я тебѣ!“ [512]). О томъ же писалъ онъ и Шевыреву въ Римъ: „Строевъ здѣсь. Какія чудеса разсказываетъ онъ о сѣверномъ краѣ! Цѣлые міры въ Россіи! Каковы Самоѣды тамъ, каковы Русскіе, чистые и не смѣшанные“ [513]).

Въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29 декабря 1829 года „во ушію“ первенствующаго въ имперіи ученаго сословія и избраннаго общества были оглашены слѣдующія достопамятныя слова нашего *Путешествующаго Археографа*: „Можно ли умолчать о наблюденіи мѣстностей особенно любопытномъ и поучительномъ? Двиняне, Онежане, Пинежцы, Вожане мало измѣнились отъ времени и нововведеній: ихъ характеръ *свободы*, волостное управленіе, образъ селитьбы, пути сообщенія, нравы, самое нарѣчіе, полное архаизмовъ, и выговоръ невольно увлекаютъ мысль въ плѣнительный міръ *самобытія* Новгородцевъ. Скажу болѣе: Двина и Поморье суть *земля классическая* для историка русскаго. Только тамъ можно постигнуть *вполнѣ* народный духъ нашихъ предковъ и физіогномію естественную и государственную древней Россіи. Самыя новгородскія и другія сѣверныя лѣтописи дѣлаются вразумительнѣе во многомъ. Надѣюсь, что выводы полугодового пребыванія моего на берегахъ Двины, Онеги, Пинеги, Ваги, Вычегды, Сухоны будутъ небезполезны для поясненія многихъ сказаній древности и приданія *истиннаго колорита* нѣкоторымъ періодамъ отечественнаго бытописанія. Наши историки — сидни столичные, довольствуются изъ лѣтописей дипломовъ одними событіями, но черты прежнихъ нравовъ, народнаго характера, образа дѣйствій внутреннихъ

и внѣшнихъ, физіогноміи театра происшествій и общежитія— все это для нихъ вещи стороннія, малопостижимыя. Посему удивительно ли, когда въ исторіяхъ россійскихъ часто находимъ смѣсь фантастическихъ разсказовъ, преувеличенія, чего то полуримскаго, а еще чаще празднословія! Познаніе мѣстностей, особенно *дѣвственнаго* Сѣвера, приложенное къ преданіямъ и документамъ старины, способно озарить наше дѣеписаніе живымъ свѣтомъ *истины*. Сюда, опытные наблюдатели!" [514])

Но, говоря о русскихъ древностяхъ, вспоминая о Строевѣ, можно ли умолчать о несчастномъ Калайдовичѣ, который въ это время доживалъ свои послѣдніе скорбные дни?

Въ началѣ 1829 года Калайдовичъ посѣтилъ Кіевъ. Около этого времени онъ написалъ послѣднее изслѣдованіе, подъ заглавіемъ: *Св. Андрей Христа ради юродивый, славянинъ пятаго вѣка*. Сущность этого изслѣдованія состояла въ доказательствахъ, что упоминаемый въ лѣтописяхъ Андрей, приходившій къ горамъ Кіевскимъ, былъ не апостолъ Первозванный, а юродивый. „Не апостолъ Андрей Первозванный", писалъ Калайдовичъ, „благословилъ горы кіевскія, но святый Андрей вѣрный чтитель Евангелія, юродъ Пречистыя Дѣвы Маріи, умѣвшій съ чистотою голубя и мудростію змія поручиться міру, сей то Андрей, намъ однороденъ, славянинъ пятаго вѣка, поставилъ первый крестъ на горахъ кіевскихъ и предрекъ явленіе свѣтлой денницы Ольги предъ солнцемъ лучезарнымъ Владиміромъ". Любопытно замѣтить, что этимъ спорнымъ вопросомъ объ Андреѣ Калайдовичъ началъ свое ученое поприще по выходѣ изъ университета, въ спорѣ съ Платономъ митрополитомъ, тѣмъ же и кончилъ [515]). О пребываніи Калайдовича въ Кіевѣ Евгеній, митрополитъ, кіевскій писалъ Востокову: „Теперь въ Кіевѣ у насъ гоститъ К. Ѳ. Калайдовичъ и у меня часто бываетъ. Онъ отнюдь не сошелъ съ ума, какъ въ Москвѣ славили его, а только ипохондрически раздраженъ гоненіями" [516]). Въ августѣ Калайдовичъ былъ уже въ Москвѣ. Погодинъ, посѣтивъ его, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*:

„Слава Богу! сумасшествіе его прошло. Только слабость и мучительная мысль о невозможности помогать семейству. Съ сердечнымъ удовольствіемъ принималъ отъ него благодарность. Надо помочь ему еще. Бѣдственное положеніе! Не издать ли альманахъ въ его пользу! Или дать въ заемъ рублей 200! Хотѣлъ было дать на зубокъ женѣ, но посовѣстился. Достойная женщина! Сколько перенесла она! А я не любилъ ее *за мелкопомѣстныя выходки*; какъ жалокъ онъ, задумчивый и печальный! Къ Аксаковымъ. Спорилъ съ глупо-подозрительнымъ Фроловымъ, что онъ не притворяется сумасшедшимъ. Что за милыя дѣти, не чета въ большомъ свѣтѣ" [517]). Въ семействѣ Аксаковыхъ Калайдовичъ, удрученный скорбями, находилъ отраду и однажды С. Т. Аксаковъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что какъ-то Калайдовичъ пошелъ отъ нихъ пѣшкомъ и едва дошелъ до дому. „Это", писалъ Аксаковъ Погодину, „непростительная съ моей стороны оплошность" [518]). По мысли О. С. Аксаковой, добрые люди, а въ числѣ ихъ и Погодинъ, желая хоть чѣмъ-нибудь помочь нуждающемуся семейству Калайдовича, открыли въ пользу его подписку и въ подписномъ листѣ было сказано: „Константинъ Өедоровичъ Калайдовичъ, столь извѣстный своими историческими познаніями и заслугами по части археологіи, отъ утомительныхъ трудовъ и безпрерывныхъ занятій, впалъ въ жестокую болѣзнь и даже умственное разстройство, которое продолжалось болѣе года; теперь оно миновалось совершенно; остались задумчивость и болѣзненная слабость, которыя не позволяютъ ему заниматься не только учеными трудами или отправленіями должности, но даже и чтеніемъ книгъ. Впрочемъ, опытные, безкорыстно пользующіе его врачи, увѣрены, что здоровье больного возстановится, если приличное, достаточное содержаніе и спокойствіе душевное будутъ помогать искусству и натурѣ. Г. Калайдовичъ имѣетъ жену, четверыхъ дѣтей малолѣтнихъ и терпитъ во всемъ крайнюю нужду, ибо родные не въ состояніи помогать ему значительно. Очевидно, что при такихъ обстоятельствахъ онъ не можетъ выздоровѣть совершенно. Кромѣ состраданія къ несчастному отцу

и его семейству, спасенія болѣе чѣмъ жизни человѣку, мы теряемъ одного изъ отличнѣйшихъ и дѣятельнѣйшихъ ученыхъ изыскателей; только литераторы, только истинные любители наукъ и просвѣщенія могутъ оцѣнить это послѣднее обстоятельство и имъ предлагается благотворный подвигъ. Потеря Калайдовича будетъ упрекомъ для всѣхъ, которые знали, могли и не хотѣли помочь ему; отъ нихъ зависитъ избавить себя и современниковъ своихъ отъ такой горькой укоризны; число ихъ не велико, а потому помощь должна быть значительна". По этому поводу Погодинъ писалъ Шевыреву: „Калайдовичу собираемъ тихо и деликатно, между знакомыми. Первая мысль (была) О. С. Аксаковой" [519]). Въ дѣйствительности же Погодинъ просилъ, писалъ и склонялъ къ пожертвованіямъ кого только могъ. Былъ онъ и у Антонскаго. „Пыталъ, пыталъ меня",—записалъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, — „и наконецъ далъ для Калайдовича сто рублей" [520]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Антонскій писалъ Погодину: „Я не отстану отъ другихъ въ помощи несчастному, но подписываться не люблю. Христосъ говоритъ, чтобъ шуйца не видѣла, что̀ десная добраго дѣлаетъ. Увидѣвшись съ вами, что̀ смогу, вамъ удѣлю". Погодинъ письменно обращался и къ П. А. Курбатову: „Наслышавшись",—писалъ онъ,—„о вашей готовности дѣлать добро, честь имѣю представить вамъ прекрасный случай, за который, надѣюсь, вы поблагодарите меня. Прошу васъ только сохранить все это дѣло въ *тайнѣ*, ибо приносящіе намѣрены подать помощь самымъ деликатнымъ образомъ нашему достопочтенному ученому. И еще просьба: прошу у васъ, какъ древній учитель Пансіона, нѣсколько билетовъ въ завтрашній концертъ". Въ тотъ же день Курбатовъ отвѣтилъ Погодину: „Принимая искреннее участіе въ почтенномъ Константинѣ Ѳедоровичѣ и сердечно жалѣя, что, по моимъ обстоятельствамъ, не могу быть ему полезнѣе, прилагаю двадцать пять". И. И. Давыдовъ также не остался равнодушенъ къ доброму дѣлу и, по собственной иниціативѣ, писалъ Погодину: „Покорнѣйше прошу прилагаемыя при семъ деньги, какъ

малую лепту, пріобщить отъ неизвѣстнаго къ той суммѣ, которую вы, по благороднѣйшимъ движеніямъ добраго сердца вашего, изволите собирать въ помощь несчастному нашему собрату". Такимъ образомъ, собранные пятьсотъ рублей Погодинъ отправилъ къ женѣ Калайдовича, которая благодарила его въ такихъ выраженіяхъ: „Да наградитъ васъ Богъ, почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за то утѣшеніе, которое вы доставляете мнѣ, какъ матери и изнеможенному болѣзнью и обстоятельствами моему мужу" [521]). Письмо это доставило Погодину большое удовольствіе [522]). Не довольствуясь сборами въ Москвѣ, Погодинъ вопіялъ о помощи въ Петербургъ, но получилъ отъ Кеппена уклончивое письмо: „Участіе, которое вы изволите принимать въ судьбѣ нашего общаго пріятеля, К. Ѳ. Калайдовича, побуждаетъ меня сказать вамъ, что я о пособіи единовременномъ со стороны Россійской Академіи говорилъ съ П. И. Соколовымъ и что сей очень готовъ содѣйствовать къ успѣху въ семъ дѣлѣ. Нужно, однако же, подать Академіи поводъ къ такому доброму дѣлу. Прямо отъ себя Академія едва-ли рѣшится сдѣлать какое-либо вспоможеніе. Но нѣтъ-ли у г. Калайдовича книгъ, которыя Академія могла-бы купить?"

Затрудняясь оказать справедливую помощь знаменитому русскому ученому, Россійская Академія, въ то время, по свидѣтельству того же Кеппена, „наконецъ рѣшилась употребить отъ тридцати до сорока тысячъ рублей на пріобрѣтеніе Славянской библіотеки по всѣмъ нарѣчіямъ. Библіотекарами вызываются рекомендованные мною Ганка и Шафарикъ, съ жалованьемъ по четыре тысячи руб. и г. Челаковскій — три тысячи руб. въ годъ. Еще это не утверждено Государемъ Императоромъ, но въ успѣхѣ не сомнѣваюсь. Князь К. А. Ливенъ сказывалъ мнѣ, что Государь Императоръ уже предварительно изъявилъ на сіе свое Высочайшее согласіе. Но въ судьбѣ несчастнаго Калайдовича и семейства его принялъ живѣйшее участіе самъ графъ Карлъ Васильевичъ Нессельроде и, по его ходатайству, Государю Императору угодно было повелѣть, чтобы

К. Ѳ. Калайдовичу производилась пенсія по тысячѣ рублей въ годъ“ [523]).

XLVIII.

Наконецъ Погодинъ выступаетъ на поприщѣ мецената и объ этомъ сообщаетъ Шевыреву: „Въ укоризну всѣмъ русскимъ пустымъ меценатамъ, печатаю на свой счетъ изысканіе о Болгарахъ одного нашего студента Венелина“ [524]). Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сознается, что Болгаре Венелина его крайне *утомили и отняли* у него много времени [525]). Печатаніе книги Венелина о Болгарахъ пошло быстро и лѣтомъ дошло до предисловія. Между тѣмъ, для пользованія минеральными водами пріѣхалъ въ Москву съ своею молодою супругою престарѣлый адмиралъ А. С. Шишковъ *). Замѣтимъ здѣсь кстати, что несвоевременная женитьба совершенно измѣнила быть достопочтеннаго старца. Общество его перемѣнилось: Шишковъ, заклятый врагъ католиковъ и поляковъ, очутился окруженнымъ ими. Новая супруга наводнила его домъ людьми совсѣмъ другого рода, чѣмъ прежде. С. Т. Аксаковъ „не могъ равнодушно видѣть почтеннаго старца посреди разныхъ усачей самонадѣянныхъ, заносчивыхъ, болтавшихъ всякій вздоръ и обращавшихся съ нимъ слишкомъ за-просто“ [526]). Какъ бы то ни было, пріѣздъ Шишкова въ Москву былъ чрезвычайно благопріятенъ для Венелина. Чрезъ Аксакова сблизился съ Шишковымъ и Погодинъ, который писалъ Шевыреву: „Познакомился еще я покороче съ Шишковымъ, который здѣсь на водахъ. Очень любопытно слышать этого девяносто-лѣтняго старика, который съ жаромъ юноши говоритъ о Славянскомъ языкѣ; при томъ онъ знаетъ много примѣчательныхъ анекдотовъ о послѣднихъ царствованіяхъ“ [527]). Вскорѣ по пріѣздѣ Шишкова, Погодинъ уѣхалъ въ Малороссію, и Аксаковъ писалъ ему: „Шишковъ жалѣетъ, что вы уѣхали. Онъ непре-

---

*) Род. 16 марта 1753 года

Ожиданіе отвѣта меня не обмануло, и отвѣтъ явился въ *Галатеѣ*, отвѣтъ неслыханный въ лѣтописяхъ литературы! Оставляю безъ вниманія дерзости, наглости. Кто не знаетъ *Галатейныхъ* критикъ? Но мнѣ говорятъ: 1) что я не могъ видѣть книги, писавши извѣстіе о ней, ибо она тогда еще не выходила въ свѣтъ, и я былъ въ Петербургѣ, а 16-я книжка *Телеграфа* издана безъ меня; 2) что я выдумалъ ей смѣшное названіе, ибо титулъ книги есть слѣдующій: *Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историческо-критическія изысканія:* только; слѣдственно, смѣшныя, далѣе слѣдующія слова: *„коими опредѣляется, вопреки общепринятому мнѣнію, происхожденіе, колыбель и древности сихъ двухъ племенъ въ частности, и Славянъ, и нѣкоторыхъ другихъ народовъ вообще, и разрѣшаются многіе важнѣйшіе вопросы изъ древней Исторіи Россіи“*, выдуманы мною; 3) что я солгалъ, сказавши, будто г. Погодинъ далъ средства Венелину напечатать его книгу, и что въ предисловіи къ книгѣ ничего объ этомъ нѣтъ.

Изъ всего выводится слѣдующее: „Полевой слышалъ о книгѣ Венелина, прежде даже хвалилъ его трудъ, просилъ статьи въ свой журналъ; но потомъ одумался, и, убоясь, чтобы изысканія Венелина не разрушили старинныхъ мнѣній о Славянахъ, а въ томъ числѣ не погубили бы и его собственныхъ историческихъ бредней, не читавъ книги, заранѣе написалъ или, какъ говорятъ, прислалъ изъ Петербурга краткое ругательство, дабы встрѣтить имъ сочиненіе Венелина, а достойные его клевреты напечатали брань на книгу, еще не вышедшую даже изъ типографіи, назвали ее (что? брань или книгу?) такъ, какъ она не называется, и нашли то, чего въ ней нѣтъ“. Жалкіе люди! Жалкій г. —въ, который подписался подъ статейкою *Галатеи*! Неужели онъ не чувствуетъ, что статейка эта совершенно убиваетъ книгу его кліента, Венелина? Г-нъ —въ и не думаетъ защищать достоинства книги, слѣдственно, читатели могутъ понять, каково это бѣд-

ждаетъ, что Аттила былъ Славянинъ и что Русскіе произошли отъ Роксоланъ, словомъ, нельзя читать книги г. Венелина не смѣясь, и смѣяться не досадуя, что въ нашъ вѣкъ еще осмѣливаются выползать на бѣлый свѣтъ литературныя чудовища такого рода. Кажется, что подобныя созданія не стоятъ критики. Не понимаемъ только, какъ М. П. Погодинъ могъ одобрить книгу г. Венелина и даже дать ему средства напечатать ее! Онъ, конечно, хотѣлъ подшутить надъ нами, но, Богъ знаетъ, сдѣлаетъ ли подобная шутка честь его собственной литературной извѣстности" [333]) Погодинъ же писалъ Шевыреву: „Книга Венелина вышла. Полевой разругалъ ее до-нельзя въ своемъ нумерѣ, который вышелъ въ одинъ день съ нею. Мочи нѣтъ въ иную минуту отъ этого невѣжества" [584]). Противъ Полевого выступилъ нѣкто въ *Галатеѣ* Раича и утверждалъ, что Полевой, не читавъ книги, заранѣе написалъ, или, какъ говорятъ, прислалъ изъ Петербурга краткое ругательство, дабы встрѣтить имъ сочиненіе Венелина [535]). На это Полевой отвѣчалъ: „въ *Московскомъ Телеграфѣ* помѣщено было библіографическое извѣстіе о книгѣ Венелина. Я могъ полагать, что самъ г. Венелинъ или кто-нибудь другой, кому это извѣстіе не понравится, станетъ отвѣчать на него и потребуетъ доказательствъ моего мнѣнія. Мнѣніе мое изложено было въ нѣсколькихъ строкахъ, потому что сочиненіе Венелина не стоитъ подробнаго разбора: это нелѣпость, превосходящая вѣроятіе и достойная Тредьяковскаго и Рудбека или Саларича' и Апендина, коихъ сочиненія могутъ видѣть читатели въ 1-й книжкѣ повременнаго изданія Россійской Академіи (Спб., 1829 г., ч. I). Я сказалъ мнѣніе свое рѣзко для авторскаго честолюбія Венелина, потому что онъ осмѣлился съ неуваженіемъ говорить о Шлецерѣ, Карамзинѣ и другихъ людяхъ, достойныхъ глубокаго почтенія нашего. Надобно было остановить дерзость молодого литератора; при томъ нельзя было не пожалѣть о г. Погодинѣ, который, по собственнымъ словамъ г. Венелина (въ предисловіи), далъ ему средства напечатать его смѣшное произведеніе.

Ожиданіе отвѣта меня не обмануло, и отвѣтъ явился въ *Галатеѣ*, отвѣтъ неслыханный въ лѣтописяхъ литературы! Оставляю безъ вниманія дерзости, наглости. Кто не знаетъ *Галатейныхъ* критикъ? Но мнѣ говорятъ: 1) что я не могъ видѣть книги, писавши извѣстіе о ней, ибо она тогда еще не выходила въ свѣтъ, и я былъ въ Петербургѣ, а 16-я книжка *Телеграфа* издана безъ меня; 2) что я выдумалъ ей смѣшное названіе, ибо титулъ книги есть слѣдующій: *Древніе и нынѣшніе Болгаре, въ политическомъ, народописномъ, историческомъ и религіозномъ ихъ отношеніи къ Россіянамъ. Историческо-критическія изысканія:* только; слѣдственно, смѣшныя, далѣе слѣдующія слова: „*коими опредѣляется, вопреки общепринятому мнѣнію, происхожденіе, колыбель и древности сихъ двухъ племенъ въ частности, и Славянъ, и нѣкоторыхъ другихъ народовъ вообще, и разрѣшаются многіе важнѣйшіе вопросы изъ древней Исторіи Россіи*“, выдуманы мною; 3) что я солгалъ, сказавши, будто г. Погодинъ далъ средства Венелину напечатать его книгу, и что въ предисловіи къ книгѣ ничего объ этомъ нѣтъ.

Изъ всего выводится слѣдующее: „Полевой слышалъ о книгѣ Венелина, прежде даже хвалилъ его трудъ, просилъ статьи въ свой журналъ; но потомъ одумался, и, убоясь, чтобы изысканія Венелина не разрушили старинныхъ мнѣній о Славянахъ, а въ томъ числѣ не погубили бы и его собственныхъ историческихъ бредней, не читавъ книги, заранѣе написалъ или, какъ говорятъ, прислалъ изъ Петербурга краткое ругательство, дабы встрѣтить имъ сочиненіе Венелина, а достойные его клевреты напечатали брань на книгу, еще не вышедшую даже изъ типографіи, назвали ее (что? брань или книгу?) такъ, какъ она не называется, и нашли то, чего въ ней нѣтъ“. Жалкіе люди! Жалкій г. —въ, который подписался подъ статейкою *Галатеи*! Неужели онъ не чувствуетъ, что статейка эта совершенно убиваетъ книгу его кліента, Венелина? Г-нъ —въ и не думаетъ защищать достоинства книги, слѣдственно, читатели могутъ понять, каково это бѣд-

ное созданіе! Далѣе: г. Погодинъ (ибо безъ согласія его г-нъ —въ не могъ за него говорить) отпирается, утверждаетъ, что онъ не давалъ средствъ напечатать книгу. Пусть судятъ читатели и по этому, какова книга, что отъ нея, какъ отъ чумы, отказываются добрые люди! Если книга хороша, что за безчестіе пособить сочинителю напечатать ее?

И такъ, участь книги г. Венелина рѣшена: о ней ни слова болѣе. Но меня обвиняютъ, съ прибавленіемъ ругательствъ, которыя да благоволятъ, кому угодно, прочитать въ *Галатеѣ*, что я прежде хвалилъ, просилъ статей, потомъ пугался, писалъ, не читавъ книги, и проч. и проч. Я столько уважаю доброе мнѣніе обо мнѣ читателей *Телеграфа*, что не для *Галатейныхъ* критиковъ, которымъ улыбка презрѣнія моя плата, а для моихъ читателей, рѣшаюсь изъяснить все дѣло. Тутъ увидятъ они, кто кого просилъ, кто пугался и каково безстыдство Венелина, Погодина, г-на —ва и всего этого *Галатейнаго* гнѣзда литературныхъ сплетней.

Года два, три тому назадъ появился въ Москвѣ г. Венелинъ, уроженецъ Карпато-Русскій, и началъ учиться въ Московскомъ Университетѣ. Онъ искалъ моего знакомства, и я ласково принялъ этого юношу, который показался мнѣ очень добрымъ. Мнѣ пріятно было говорить съ нимъ объ его родинѣ, о тѣхъ Славянскихъ земляхъ, гдѣ онъ бывалъ; онъ спрашивалъ о многомъ у меня, бралъ книги, которыя были ему надобны, и я охотно давалъ ихъ, желая всегда быть полезнымъ, сколько могу. Слыша отъ Венелина, что онъ почитаетъ Булгаровъ Славянами, я охотно готовъ былъ помѣстить его статью о семъ предметѣ въ *Телеграфѣ*. Для пробы Венелинъ, помнится въ прошломъ году, принесъ ко мнѣ статью; я прочиталъ ее, увидѣлъ сущіе пустяки и не помѣстилъ въ *Телеграфѣ:* статья эта цѣла, и теперь валяется она въ моихъ старыхъ бумагахъ; если угодно, я выставлю ее въ конторѣ *Телеграфа* на показъ. Послѣ того я уже ни слова не говорилъ съ Венелинымъ о Булгарахъ; что касается до славянизма Аттилы, Роксолановъ и прочаго,

нагороженнаго имъ, Венелинымъ, въ своей книгѣ, я отъ него и прежде не слыхалъ ни слова. Вѣроятно, онъ совѣстился говорить объ этомъ со мною, видя, что я хорошо знаю предметъ и, по привычкѣ моей, скажу правду въ глаза, не только Венелину, но и всякому другому. Потомъ вдругъ услышалъ я, что Погодинъ издаетъ составленное Венелинымъ огромное сочиненіе о Булгарахъ. Невольно дивился я этому слуху, ибо, зная, что Погодинъ съ успѣхомъ занимался Русскою исторіею, я не понималъ, чтò онъ нашелъ въ Венелинѣ и его мечтахъ о Булгарахъ. Впрочемъ, всякому вольно думать и печатать по-своему. Въ августѣ мѣсяцѣ 1829 года, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, я видѣлъ Венелина: онъ приходилъ ко мнѣ просить Нѣмецкій подлинникъ Шлецерова Нестора. Не ожидая ничего добраго отъ безполезнаго труда, я ничего не говорилъ съ Венелинымъ о его книгѣ. Пріѣзжаю въ Петербургъ, живу тамъ и однажды, зашедши къ А. Ф. Смирдину, вижу у него книгу о Булгарахъ: г. Венелинъ разрѣшился. Мнѣ любопытно было просмотрѣть его созданіе, и я не могъ преодолѣть негодованія, какое оно во мнѣ возбудило. Тотчасъ послано было отъ меня краткое извѣстіе о книгѣ г. Венелина въ Москву и напечатано въ *Телеграфѣ*. Что же? Это извѣстіе перемутило всю братію. Они засуетились, заспорили, и вотъ у книги Венелина выдрали смѣшной титулъ, подъ какимъ видѣлъ я ее въ Петербургѣ, выдрали и предисловіе, въ которомъ авторъ упоминаетъ о г. Погодинѣ, напечатали вновь посвященіе А. С. Шишкову; имя Погодина замѣнили въ предисловіи именемъ г-на NN, придѣлали титулъ новый, предисловіе новое и, съ безстыдствомъ непостижимымъ, теперь кричатъ въ *Галатеѣ*, что я не видалъ книги, испугался, выдумалъ названіе, и т. д. Для чего все это? Не понимаю, да и вступаться въ чужіе разсчеты не мое дѣло; но я ссылаюсь на Смирдина, въ томъ, что книгу Венелина я точно въ Петербургѣ видѣлъ; видѣли ее и кромѣ меня многіе. Она была съ титуломъ и предисловіемъ, не тѣми, какіе у нея теперь. Я помню, что показывалъ ее Н. И. Гречу, какъ

вещь смѣшную. Она была съ предисловіемъ на XVI страницахъ и съ тѣмъ титуломъ, какой выписанъ въ *Телеграфѣ*. Нынѣшній титулъ и нынѣшнее предисловіе къ ней припечатаны и приклеены вновь: стòитъ взглянуть на книгу, чтобы въ этомъ удостовѣриться. Прошу еще заглянуть въ № 73 *Московскихъ Вѣдомостей:* тамъ напечатано о ней на стр. 3404 объявленіе, въ коемъ выставленъ прежній титулъ. Кажется, довольно для моего оправданія?

Надобно ли послѣ этого пояснять безстыдство г-на —ва, и то, кто испугался: я или Венелинъ съ братіею? Чего они хотятъ? Неужели прежде не успѣли они обдумать, что книга нелѣпа? Неужели думали, что эту нелѣпость я похвалю? Неужели думали, что я не въ силахъ открыть ихъ ничтожныхъ уловокъ? Стыжусь за Венелина и его товарищей и надѣюсь, что смѣхъ людей безпристрастныхъ довольно наградитъ ихъ за проказы, впрочемъ, дѣтскія и забавныя. Хороши литераторы: одинъ пишетъ вздоръ и только теперь это узнаетъ; другой даетъ денегъ на напечатаніе этого вздора, а потомъ пугается и скрываетъ себя подъ именемъ г-на NN.; третій берется защищать и, какъ ребенокъ, грозитъ, бранится, пока двое первыхъ выдираютъ титулъ и предисловіе книги! Жалкіе, забавные люди!“ [536]). Противъ этой статьи Полевого возсталъ въ *Галатеѣ* самъ Венелинъ; но статьею его Погодинъ остался очень недоволенъ. „Прочелъ статью въ *Галатеѣ* Венелина и взбѣсился. Чортъ знаетъ, чтò написалъ онъ тамъ. И это припишутъ моему вліянію, ибо живу вмѣстѣ съ нимъ. И что за двуличіе! Я самъ пишу тихо, а другихъ спускаю съ цѣпи. Ругался съ Венелинымъ“; но Кубаревъ „немного ободрилъ“ Погодина слѣдующимъ доводомъ: „Вѣдь Венелина разругали, и онъ естественно по себѣ отбраниваться можетъ“, и этотъ доводъ его примирилъ съ Венелинымъ [537]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Мнѣ весьма прискорбно, что вы такъ близко къ сердцу приняли статью Венелина. Я не читалъ *Галатеи* и не оправдываю Юрія Ивановича. Впрочемъ, успокойтесь, им[illegible] ородная человѣка

ни Полевой, ни подобные ему подлецы нисколько замарать не могутъ: и враги ваши васъ уважаютъ. Это не слово, а истина" [538]). Но статьи Полевого, не смотря на всѣ утѣшенія, задѣли Погодина за живое. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣтилъ: „Ужасную досаду причинилъ Полевой своею второю выдумкою, будто бы я отпираюсь отъ книги Венелина послѣ его рецензіи, выдралъ предисловіе. Онъ хочетъ обвинить меня въ *Галатеѣ*. Равнодушный къ ихъ выходкамъ, эту прочелъ съ волненіемъ" [539]). Погодинъ счелъ необходимымъ отвѣтить Полевому. „Книгу Венелина издалъ я",—писалъ онъ,—„на свой счетъ, воспользовавшись нѣкоторыми особливыми обстоятельствами, о коихъ не нужно знать публикѣ. Послѣдній и первый листъ съ заглавіемъ и предисловіемъ напечатаны были во время моей отлучки въ Малороссію. Возвратясь и увидѣвъ въ предисловіи комплименты себѣ, слишкомъ неумѣстные въ книгѣ, изданной на мой счетъ, я упросилъ автора не упоминать о моемъ имени и перемѣнить предисловіе, а вмѣстѣ и заглавіе, которое мнѣ не понравилось по другимъ причинамъ.

Авторъ исполнилъ мою просьбу, и книга вышла въ свѣтъ съ новымъ заглавіемъ и предисловіемъ. Въ тотъ же день вышло и бранное извѣстіе о ней въ *Телеграфѣ*, подъ прежнимъ заглавіемъ.

Г-нъ —въ, видя въ книгѣ одно заглавіе, а въ *Телеграфѣ* — другое, въ слѣдующемъ нумерѣ *Галатеи* обвинилъ *Телеграфъ* въ выдумкѣ: онъ поступилъ такъ или не зная о прежнемъ предисловіи и заглавіи, или желая упрекнуть *Телеграфъ* въ незаконномъ пріобрѣтеніи книги съ прежнимъ заглавіемъ и предисловіемъ, съ коими ни одного экземпляра не пущено въ продажу, а только подано три въ цензуру, немедленно перемѣненные.

Теперь открылось, что г. Полевой видѣлъ у г. Смирдина экземпляръ, посланный ему еще до перепечатанія, какъ новость, г. Ширяевымъ, безъ вѣдома автора и издателя. И такъ, до сихъ поръ, касательно заглавія и предисловія (до прочаго мнѣ дѣла нѣтъ), оба правы: и *Телеграфъ*, и г-нъ —въ. Но *Те-*

вещь смѣшную. Она была съ предисловіемъ на XVI страницахъ и съ тѣмъ титуломъ, какой выписанъ въ *Телеграфѣ*. Нынѣшній титулъ и нынѣшнее предисловіе къ ней припечатаны и приклеены вновь: стòитъ взглянуть на книгу, чтобы въ этомъ удостовѣриться. Прошу еще заглянуть въ № 73 *Московскихъ Вѣдомостей:* тамъ напечатано о ней на стр. 3404 объявленіе, въ коемъ выставленъ прежній титулъ. Кажется, довольно для моего оправданія?

Надобно ли послѣ этого пояснять безстыдство г-на —ва, и то, кто испугался: я или Венелинъ съ братіею? Чего они хотятъ? Неужели прежде не успѣли они обдумать, что книга нелѣпа? Неужели думали, что эту нелѣпость я похвалю? Неужели думали, что я не въ силахъ открыть ихъ ничтожныхъ уловокъ? Стыжусь за Венелина и его товарищей и надѣюсь, что смѣхъ людей безпристрастныхъ довольно наградитъ ихъ за проказы, впрочемъ, дѣтскія и забавныя. Хороши литераторы: одинъ пишетъ вздоръ и только теперь это узнаетъ; другой даетъ денегъ на напечатаніе этого вздора, а потомъ пугается и скрываетъ себя подъ именемъ г-на NN.; третій берется защищать и, какъ ребенокъ, грозитъ, бранится, пока двое первыхъ выдираютъ титулъ и предисловіе книги! Жалкіе, забавные люди!“ [536]). Противъ этой статьи Полевого возсталъ въ *Галатеѣ* самъ Венелинъ; но статьею его Погодинъ остался очень недоволенъ. „Прочелъ статью въ *Галатеѣ* Венелина и взбѣсился. Чортъ знаетъ, чтò написалъ онъ тамъ. И это припишутъ моему вліянію, ибо живу вмѣстѣ съ нимъ. И что за двуличіе! Я самъ пишу тихо, а другихъ спускаю съ цѣпи. Ругался съ Венелинымъ“; но Кубаревъ „немного ободрилъ“ Погодина слѣдующимъ доводомъ: „Вѣдь Венелина разругали, и онъ естественно по себѣ отбраниваться можетъ“, и этотъ доводъ его примирилъ съ Венелинымъ [537]). Вмѣстѣ съ тѣмъ и С. Т. Аксаковъ писалъ Погодину: „Мнѣ весьма прискорбно, что вы такъ близко къ сердцу приняли статью Венелина. Я не читалъ *Галатеи* и не оправдываю Юрія Ивановича. Впрочемъ, успокойтесь, имя благороднаго человѣка

ни Полевой, ни подобные ему подлецы нисколько замарать не могутъ: и враги ваши васъ уважаютъ. Это не слово, а истина“ [538]). Но статьи Полевого, не смотря на всѣ утѣшенія, задѣли Погодина за живое. Въ *Дневникѣ* своемъ онъ отмѣтилъ: „Ужасную досаду причинилъ Полевой своею второю выдумкою, будто бы я отпираюсь отъ книги Венелина послѣ его рецензіи, выдралъ предисловіе. Онъ хочетъ обвинить меня въ *Галатеѣ*. Равнодушный къ ихъ выходкамъ, эту прочелъ съ волненіемъ“ [539]). Погодинъ счелъ необходимымъ отвѣтить Полевому. „Книгу Венелина издалъ я“,—писалъ онъ,—„на свой счетъ, воспользовавшись нѣкоторыми особливыми обстоятельствами, о коихъ не нужно знать публикѣ. Послѣдній и первый листъ съ заглавіемъ и предисловіемъ напечатаны были во время моей отлучки въ Малороссію. Возвратясь и увидѣвъ въ предисловіи комплименты себѣ, слишкомъ неумѣстные въ книгѣ, изданной на мой счетъ, я упросилъ автора не упоминать о моемъ имени и перемѣнить предисловіе, а вмѣстѣ и заглавіе, которое мнѣ не понравилось по другимъ причинамъ.

Авторъ исполнилъ мою просьбу, и книга вышла въ свѣтъ съ новымъ заглавіемъ и предисловіемъ. Въ тотъ же день вышло и бранное извѣстіе о ней въ *Телеграфѣ*, подъ прежнимъ заглавіемъ.

Г-нъ —въ, видя въ книгѣ одно заглавіе, а въ *Телеграфѣ* — другое, въ слѣдующемъ нумерѣ *Галатеи* обвинилъ *Телеграфъ* въ выдумкѣ: онъ поступилъ такъ или не зная о прежнемъ предисловіи и заглавіи, или желая упрекнуть *Телеграфъ* въ незаконномъ пріобрѣтеніи книги съ прежнимъ заглавіемъ и предисловіемъ, съ коими ни одного экземпляра не пущено въ продажу, а только подано три въ цензуру, немедленно перемѣненные.

Теперь открылось, что г. Полевой видѣлъ у г. Смирдина экземпляръ, посланный ему еще до перепечатанія, какъ новость, г. Ширяевымъ, безъ вѣдома автора и издателя. И такъ, до сихъ поръ, касательно заглавія и предисловія (до прочаго мнѣ дѣла нѣтъ), оба правы: и *Телеграфъ*, и г-нъ —въ. Но *Те-*

леграфъ не удовольствовался своимъ оправданіемъ; онъ сталъ утверждать, что предисловіе и заглавіе перепечатаны вслѣдствіе его рецензіи; между тѣмъ, какъ она вышла въ одинъ день съ книгою; онъ сталъ утверждать, что я отпираюсь отъ изданія книги, между тѣмъ, какъ я нигдѣ до сихъ поръ не напечаталъ о ней ни одного слова, и не думаю отпираться отъ нея такъ, какъ и отъ всякаго своего дѣйствія; онъ... но оставимъ по прежнему всѣ его оскорбительныя предположенія, догадки, выраженія: я не сталъ бы писать даже и этой страницы безъ необходимости, которую читатели видятъ сами. Теперь два слова о книгѣ г. Венелина, о которой въ VI-й части *Московскаго Вѣстника* предложено будетъ подробное извѣстіе. Кто прочелъ хоть одну лѣтопись среднихъ вѣковъ, хоть даже только первую главу въ *Исторіи* Карамзина, тотъ вѣрно удивлялся множеству народовъ, которые безпрестанно рождались и вымирали въ среднія времена. Что за фантасмагорія? Кому также казалось непонятнымъ внезапное разселеніе въ VI-мъ вѣкѣ Славянскихъ племенъ, о коихъ прежде и не слышно было, по всей средней и восточной Европѣ, отъ Адріатическаго моря до Балтійскаго? Откуда взялось ихъ вдругъ такое множество? Наконецъ, при первомъ взглядѣ на статистическую таблицу, по прочтеніи Дюпеня, нельзя не быть поражену числомъ Славянъ въ сравненіи съ числомъ всѣхъ прочихъ народовъ, древнихъ и новыхъ. Убѣдительное доказательство ихъ относительной древности. Сіи три замѣчанія, вѣроятно, занимали многихъ, но никто, воспитанный въ строгомъ правилѣ Шлецеревой критики, не думать о народѣ до появленія его въ лѣтописи, не смѣлъ отъ VI-го вѣка оглядываться назадъ и искать Славянъ ранѣе. Венелинъ предлагаетъ мысль, новую и смѣлую, что Славяне прежде VI-го вѣка жили подъ другими именами, и, руководимый свидѣтельствами, старается снять съ нихъ оныя.

Хорошо, еслибы онъ могъ примѣнить къ себѣ слова Шлецера: „первый, кто изгналъ изъ Французской исторіи Пріама, изъ Британской—Брута, изъ Нѣмецкой—Сакса и

Франка и т. д., вѣрно отъ современниковъ своихъ былъ почтенъ за невѣрующаго и даже нажилъ враговъ: второе поколѣніе само уже начало сомнѣваться, а третье совершенно примирилось съ первымъ невѣрующимъ и даже сдѣлалось ему благодарнымъ". Пусть ученые произнесутъ ему судъ, и если даже они утвердятъ, что молодой авторъ слишкомъ иногда увлекается своею мыслью, то, по крайней мѣрѣ, не откажутъ ему въ разнообразныхъ познаніяхъ, отличныхъ способностяхъ, діалектическомъ искусствѣ, многихъ открытіяхъ. Смѣяться очень легко надъ подобнымъ новымъ историческимъ мнѣніемъ, особливо безъ доказательствъ, но такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь" [540]). Но и Полевой не сдавался и, въ формѣ письма, отвѣчалъ М. П. Погодину: „Статейка, напечатанная вами въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, вынуждаетъ меня сказать вамъ нѣсколько словъ, послѣ противныхъ всякой литературной благопристойности статеекъ г. Г—ва и г. Венелина (которому я не хочу отвѣчать), ваша кажется скромнымъ литературнымъ отзывомъ. Вы въ ней позволяете себѣ однакожъ довольно нескромныя выраженія; но быть такъ, когда такъ завелось въ Русской журнальной полемикѣ. Вы сами сознаетесь, что книга Венелина издана вами, г. Г—въ утверждалъ, что я взвожу на васъ небылицу. Я видѣлъ книгу Венелина, читалъ ее и потомъ написалъ о ней извѣстіе; въ этомъ вы согласны. г. Г—въ рѣшительно осмѣливался утверждать, что я писалъ, не читавши книги. Имя ваше при перепечаткѣ предисловія замѣнено буквами: NN. Въ правѣ ли былъ я, видя это и слыша отверженіе ваше въ лицѣ г. Г—ва, думать, что вы стыдитесь, издавши книгу вздорную? Отъ извѣстія ли моего перепечатано предисловіе, не знаю; знаю только, что объявленіе о продажѣ книги въ № 73 *Московскихъ Вѣдомостей* было сдѣлано подъ старымъ ея названіемъ; слѣдственно, подъ прежнимъ титуломъ и съ прежнимъ предисловіемъ была она сначала пущена въ продажу. Имѣяй уши слышати, да слышитъ.

Словомъ: вы меня оправдали во всѣхъ обвиненіяхъ г-на —ва,

и я охотно признаю, что вы не принадлежите къ числу *Галатейныхъ* ратоборцевъ, какъ я думалъ прежде, полагая, что г-нъ —въ писалъ съ вашего дозволенія и согласія. За-то хочу я услужить вамъ добрымъ совѣтомъ: велите перепечатать ваши *Два Слова* о книгѣ г. Венелина. Пусть Венелинъ говоритъ, что хочетъ; пусть въ *Атенеѣ* *) пишутъ о его книжицѣ, какъ о твореніи Карпато-Русскаго Нибура и Геерена; но вы, заслуживши почетное вниманіе знатоковъ своими сочиненіями и переводами касательно Исторіи Руссовъ и Славянъ, могли-ли вы написать о книгѣ Венелина все то, что вы написали? Не понимаю!

Можете-ли вы удивляться множеству народовъ, исчисленныхъ въ 1-й главѣ *Исторіи Государства Россійскаго* Карамзина? Неужели вы только тутъ съ ними познакомились? Неужели вы такъ худо знаете исторію среднихъ временъ, и не понимаете, что Карамзинъ представилъ только неискусно Исторію сихъ народовъ; но что знающему другихъ писателей исторія переселеній въ Средніе Вѣки ясна, понятна, а совсѣмъ не фантасмогорія? 2) Какъ вы не совѣститесь показать такое незнаніе Исторіи Славянъ, что разселеніе ихъ изумляетъ васъ? Вы, или шутите, или, въ самомъ дѣлѣ, худо знаете Исторію! 3) И вы утверждаете, что Венелинъ предлагаетъ мысль новую, смѣлую; вы примѣняете къ нему слова Шлецера? Милостивый государь! да что же опровергали Байеры, Шлецеры, Тунманы, если не сказки, которыя возобновляетъ Венелинъ? Что же утверждали *Синопсисы*, Татищевы, Лызловъ, Раичъ (не Семенъ Егоровичъ: онъ невиненъ; я разумѣю Серба Раича)? Что говорилъ Тредьяковскій въ трехъ разсужденіяхъ своихъ? То, что теперь говоритъ и утверждаетъ Венелинъ! И это для васъ ново, смѣло? Подумайте, милостивый государь!

Вы говорите, что смѣхъ надъ мнѣніемъ Венелина, „особливо безъ доказательствъ“ неприличенъ, ибо-де (извините, что употребляю вашу любимую частичку) „такимъ смѣхомъ пріобрѣтается не честь“. Милостивый государь! Если честь

*) Писалъ А. М. Кубаревъ.

пріобрѣтается согласіемъ на мнѣнія, подобныя мнѣніямъ Венелина, то я отказываюсь отъ этой чести!

„Пусть ученые произнесутъ ему судъ“, говорите вы. Помилуйте, милостивый государь!... Мы съ вами не ребята; неужто мнѣнія чужія только святы. Дѣло идетъ не о гіероглифахъ Египетскихъ; предметъ знакомый вамъ, составляющій ваше исключительное занятіе, и вы, профессоръ Исторіи, прикидываетесь немогузнайкою! Да что же вы знаете, милостивый государь?

„Если даже и утвердятъ, что Венелинъ слишкомъ иногда увлекается своею мыслью, то, по крайней мѣрѣ, не откажутъ ему въ разнообразныхъ познаніяхъ, отличныхъ способностяхъ, діалектическомъ искусствѣ, многихъ открытіяхъ“. Будьте откровеннѣе, милостивый государь; скажите лучше, что вы сдѣлали ошибку и теперь для закрытія оной вертитесь всячески. Вѣроятно, вы не читали книги, напечатали, не читавши,повѣривъ на слово; теперь видите ошибку свою, и вотъ всклепываете на себя незнаніе, отнѣкиваетесь, отмалчиваетесь, говорите двусмысленно, чтобы только прикрыть ошибку свою. Докажите и смѣлость, и искренность свою; скажите прямо: 1) Подтверждаете ли вы основную мысль и подробности книги Венелина, какъ истины, въ противность Тунману, Шлецеру и другимъ знаменитымъ людямъ? 2) Подтверждаете ли вы, что мысль Венелина есть новая, вѣрная истина, а не старыя сказки Татищевыхъ и Раичей? 3) Утверждаете ли вы, что Исторія переселенія народовъ въ среднія времена, также Исторія Славянъ и Варяговъ безъ книги Венелина для васъ непонятны, и что всѣ донынѣ извѣстныя изысканія ученыхъ уничтожаются передъ выводами Венелина? Утвердите все это прямо, безъ уловокъ, и я изъ вашихъ же сочиненій и переводовъ берусь доказать вамъ противное. Какъ вамъ это покажется? Скучно опровергать вздоръ, но за то не трудно. Только входить въ состязаніе съ Венелинымъ я не стану. Если ваше имя придастъ его книжицѣ авторитетъ, такъ и быть: поговоримъ о томъ, правда ли, что Аттила значитъ

Тѣланъ; что онъ и Гунны его были Славяне; что Булгары были Славяне; что Меровингъ значитъ Мировой и проч., и проч. Теперь отъ васъ зависитъ, чтобы сказки Венелина были опровергнуты порядкомъ. Утвердите ихъ! Только мнѣ право напередъ смѣшно и за васъ совѣстно.

Что касается до познаній, способностей, открытій Венелина, то стоитъ прочесть разговоръ, какой заставляетъ онъ меня имѣть съ книгою его въ *Галатеѣ*, и эпилогъ къ этому разговору. Тутъ на нѣсколькихъ страничкахъ собрано столько ругательствъ, клеветъ, лжей, безстыдныхъ наглостей литературныхъ, надѣлано столько ошибокъ противъ здраваго смысла, языка, всѣхъ приличій и вкуса, что едва ли кто нибудь, кромѣ Венелина, можетъ это сдѣлать. Я согласенъ съ вами, что это верхъ діалектическаго искусства, только такого, которымъ (повторяю ваши слова) пріобрѣтается не честь" [541]). Подъ впечатлѣніемъ этой полемики Венелинъ писалъ Шевыреву: „Какъ вы счастливы, что ходите по тѣмъ мѣстамъ, по коимъ носились стопы Овидіевъ, Виргиліевъ и старика Сенеки; какъ мы несчастны, что живемъ въ сосѣдствѣ съ литературными нахалами, терзающими, подобно бѣшенымъ собакамъ, всякаго проходящаго по сценѣ литературной". Какъ бы то ни было, нападки Полевого очень тревожили и самого Погодина, и онъ писалъ къ тому же Шевыреву: „Встревоженъ наглою статьею Полевого, въ которой онъ лжетъ на меня и приписываетъ чортъ знаетъ что̀ по поводу изданія книги Венелина. Это произвело на меня непріятное впечатлѣніе. Между тѣмъ изъ Академіи получено извѣстіе, что она даетъ шесть тысячъ на путешествіе. Но если этотъ невѣжа помѣшаетъ исполненію своими воплями!" Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы сознавая силу Полевого, Погодинъ въ томъ же письмѣ замѣчаетъ: „Какъ мнѣ жаль, горько, что я по обстоятельствамъ принужденъ дѣйствовать на низкомъ поприщѣ съ презрѣнными бойцами. Говорилъ я вамъ, господа, что не должно нападать на нихъ до тѣхъ поръ, пока сами не представимъ чего либо важнаго. Вы не послушались меня и

компрометировались. Ну, скажи мнѣ, правъ ли я былъ? Нѣкоторые изъ васъ думали прежде, что я говорилъ такъ потому, что меня выгораживали литературные негодяи. Теперь я такъ обруганъ ими, выпилъ такую чашу, какой не подносили еще никому, и повторяю то-же. Надо мною еще собирается буря: нашъ литературный тріумвиратъ хочетъ стереть меня съ лица земли; я это вижу; теперь по поводу книги Венелина есть много орудій подлецамъ. О, если только я сдѣлаю что нибудь большое, чему только зародышъ еще таится въ глубинѣ моей души, я покрою стыдомъ нашихъ корифеевъ, которые соблюдаютъ теперь преступное молчаніе. Я сдѣлаю, я сдѣлаю это; душа мнѣ говоритъ это, и она не обманетъ. Впередъ! За науку, за Русь!"

Но какимъ же *стыдомъ могъ покрыть* Погодинъ *нашихъ корифеевъ*, т. е. И. И. Дмитріева, Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина? Но люди эти были искренними доброжелателями, если не сказать, благодѣтелями Погодина! Не могли же они быть равнодушными или сочувствовать критикѣ Арцыбашева на Карамзина или статьямъ Надеждина о Пушкинѣ! Да къ тому же, хотя Аксаковъ и писалъ Шевыреву, что „бездѣльникъ Полевой къ стыду нашего вѣка покуда торжествуетъ" [542]); но въ глубинѣ своей души Погодинъ самъ не довѣрялъ труду Венелина и проговаривался въ своемъ *Дневникѣ*: „Боюсь я нѣсколько за Венелина и себя: не старыя ли погудки на новый ладъ. Мало документовъ и литературныхъ знаній—вотъ бѣда" [543]). Этимъ недовѣріемъ объясняются и его запросы о книгѣ Венелина. „Скажите мнѣ свое мнѣніе",—писалъ онъ Востокову,—„о книгѣ г. Венелина. Я безмолвно дивился прежде, что Славяне въ VI-мъ столѣтіи вдругъ заняли всю среднюю Европу, и теперь обрадовался мысли, что они прежде могла скрываться подъ другими именами" [544]). Осторожный Востоковъ уклонился отъ отвѣта, но Арцыбашевъ прямо писалъ: „Книгу г. Венелина прочиталъ я очень внимательно и вотъ чтó скажу о ней въ нѣсколькихъ строкахъ, поелику вы того желаете: она изложена *по*

Шлецеровски, то есть *игриво*, только не достаетъ индѣ бездѣлицы: убѣдительныхъ доказательствъ Шлецеровыхъ; а это не радуетъ меня, полагающаго, что шутливая историческая критика похожа на попа, пляшущаго въ ризахъ. Порча, или лучше сказать, ославеніе именъ собственныхъ также не по моему вкусу; если россіянинъ станетъ имена славенить, нѣмецъ — нѣмчить, татаринъ — татарить, китаецъ — китаить, то и будемъ мы, какъ Нѣмецкіе кривотолки, считать *Ивановымъ — Киноваревымъ*. Въ книгѣ *Древніе и нынѣшніе Болгаре* нахожу я неоспоримо истиннымъ то, что *Гунны были не Монголы*; вѣроятнымъ, что Гунны суть Меотискіе Болгары; сомнительнымъ, что Болгары — Славяне; нигдѣ и никогда не слыхалъ въ древней Волжской Болгаріи Славянскаго названія, да и имена старинныхъ вождей Болгарскихъ (напр., Органъ, Кувратъ, Аспарухъ, Котрагъ) звукомъ своимъ ближе къ Татарскому, хотя и можетъ придти въ голову, что Меотискіе Болгаре, живучи подлѣ Антовъ, немного ославенились; а совершенно несправедливымъ то, что будто бы Козары суть Славяне. Но я не рѣшился изъ письма моего сдѣлать критическій разборъ. Говорить правду значитъ терять дружбу, которую я намѣренъ еще пріобрѣсти у г. Венелина, и стремленіе его къ изысканію истины весьма почитаю". Не восторженный отзывъ Погодинъ получилъ и отъ Кеппена. „О книгѣ г. Венелина, — писалъ онъ, — „я ничего сказать не могу. Другіе недовольны диктаторскимъ слогомъ и недостаточнымъ уваженіемъ къ мужамъ первокласнымъ. Къ тому же, пользуясь доводами, въ свою пользу пріисканными, авторъ иногда опускаетъ то, чтó могло бы служить къ его опроверженію или къ ослабленію его доводовъ. На Греческій текстъ въ сочиненіи Стриттера г. Венелинъ не обращаетъ вниманія" [545]). Все это очень огорчало Погодина, но болѣе всего его огорчало то, что студенты не покупаютъ книги Венелина [546]).

Въ то время, когда Полевой по пріѣздѣ въ Петербургъ на лету изучалъ сочиненіе Венелина о Болгарахъ и торопился писать рецензію на эту книгу, еще не вышедшую

въ свѣтъ, любезный спутникъ его М. А. Максимовичъ уединялся въ Ботаническій садъ и тамъ въ бесѣдахъ своихъ съ директоромъ онаго Фишеромъ повѣрялъ и пополнялъ свои ботаническія знанія. Кромѣ того Максимовичъ посѣщалъ своихъ земляковъ и у одного изъ нихъ за чаемъ, въ сообществѣ еще нѣсколькихъ Малороссіянъ, впервые увидѣлъ и познакомился съ будущимъ знаменитымъ авторомъ *Мертвыхъ душъ* [547]). Гоголь въ это время только что кончилъ курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ и робко выступалъ на литературное поприще, подъ псевдонимомъ — В. Алова съ своею поэмою *Ганцъ Кюхельгартенъ*, которую Полевой обругалъ въ *Московскомъ Телеграфѣ*. „Издатель сей книжки", —писалъ Полевой, — „говоритъ, что сочиненіе г. Алова не было назначено для печати, но что *важныя для одного автора* причины побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ авторъ не издавать своей идилліи. Достоинство слѣдующихъ стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но демона отрекся я,
И остальная жизнь моя—
Заплата малая моя
За остальную жизни повѣсть.

„Заплатою такихъ стиховъ",—остритъ Полевой, — „должно бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ" [548]). Рецензія эта произвела на Гоголя тяжкое впечатлѣніе и у него „сердце сжалось болѣзненною скорбью". Онъ бросился съ своимъ вѣрнымъ слугой Якимомъ по книжнымъ лавкамъ, отобралъ у книгопродавцевъ экземпляры, нанялъ нумеръ въ гостинницѣ и сжегъ всѣ до одного. При такихъ обстоятельствахъ началось знакомство Гоголя съ Максимовичемъ, перешедшее вскорѣ въ тѣсную, неразрывную дружбу. Погодина же Гоголь въ это время зналъ только какъ писателя и, повидимому, уважалъ его; ибо только ему да Плетневу онъ отправилъ incognito своего сожженнаго *Ганца Кюхельгартена* [549]).

XLIX.

Личные труды Погодина въ описываемое время были довольно разнообразны. Онъ продолжалъ трудиться надъ давнишнимъ своимъ переводомъ Славянской грамматики Добровскаго. „Я“,—писалъ онъ Шевыреву—„сижу надъ исправленіемъ Славянской грамматики.—Это не такъ легко, какъ я думалъ“ [550]). Между тѣмъ, въ началѣ марта 1829 года Погодинъ обратился къ Востокову съ просьбою принять на себя прочтеніе послѣдней корректуры его перевода [551]). Хотя Востоковъ и не сочувствовалъ этому труду Погодина, но не имѣлъ духу отказать ему въ его просьбѣ. „Съ прошлаго лѣта“,—писалъ онъ Погодину (отъ 4 іюня 1829 г.)—„и по сіе время я такъ былъ занятъ скопившимися въ одно время работами по двумъ библіотекамъ Публичной и Румянцовской, по Комитету разсмотрѣнія учебныхъ пособій, по Россійской Академіи и наконецъ по просьбамъ пріятелей, которые также присылали мнѣ свои корректурные листы, что мнѣ вовсе не оставалось свободнаго времени для корреспонденціи. Сверхъ того Н. И. Гнѣдичъ присылаетъ ко мнѣ уже съ полгода корректурные листы своей *Иліады,* чтобы я ему сообщалъ мои замѣчанія и совѣты. На-дняхъ просмотрѣна мною XVIII пѣснь. Это упражненіе служитъ мнѣ по вечерамъ отдыхомъ отъ дневныхъ работъ. Коль скоро удосужусь, охотно возьмусь просматривать послѣднюю корректуру вашего перевода *Грамматика* Добровскаго“ [552]). Погодинъ былъ въ восторгѣ отъ этого согласія. „Но былъ ли“, — справедливо замѣчаетъ Кочубинскій,—„радъ этому Востоковъ?... Не желаннаго и утомительнаго труда онъ понесъ массу: Погодинъ распоряжался имъ по свойски“ [553]). Самъ же Погодинъ не сидѣлъ усидчиво за этимъ, а занимался имъ урывками. „Такъ много въ головѣ скопилось, что не знаю, за что приняться“,—жалуется онъ Шевыреву,—„и то, и другое“ [554]). Дѣйствительно, въ то же время онъ пишетъ статью о *Святополкѣ* и читаетъ ее въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ [555]). „Я теперь

въ родахъ",—извѣщаетъ онъ Шевырева,—„множество предметовъ обступило меня и пристаютъ: жизнь Ломоносова простонароднымъ языкомъ. Письма о Россіи Персіянина изъ свиты Хозрева Мирзы, который теперь у насъ Москвѣ веселится и играетъ съ барышнями въ кошку и мышку. Всѣ сіи сочиненія у меня обдуманы, планы приготовлены; только что писать, а не тутъ то было: не пишется. Они мѣшаютъ другъ другу" [556]). Въ бумагахъ Погодина сохранилось начало его жизнеописанія Ломонова, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Господи благослови! Жизнь и чудныя похожденія Михаила Васильевича Ломоносова, который рожденъ въ крестьянствѣ, а умеръ почти генераломъ, который въ молодости ловилъ рыбу, а подъ старость училъ всякой мудрости православный народъ Русскій*. Въ *Дневникѣ* же своемъ Погодинъ жалуется: „сколько у меня теперь обдуманныхъ предметовъ и ничего не выливается" [557]). Въ это же время у него зародилась мысль и приводилась въ осуществленіе написать трагедію *Марѳа посадница*. Съ этою цѣлью онъ читаетъ Новгородскія Лѣтописи. О ходѣ этого труда мы узнаемъ изъ слѣдующихъ записей его *Дневника*:

Подъ 10 ноября 1829. „Попробовалъ карандашемъ послѣ обѣда на постели, а къ вечеру вылилось первое явленіе Марѳы посадницы".

Подъ 11 ноября. „Писалъ и удачно. Прочелъ Перевощикову, потомъ Аксакову. Потомъ прочту княжнѣ Трубецкой".

Подъ 12 ноября. „Пишется. Помѣшали Аксаковъ, Веневитиновъ".

Подъ 13 ноября. „Такъ и шевелится Марѳа. Славныя штуки надумываются. Боюсь, что слишкомъ много дѣйствуетъ народъ".

Подъ 16 ноября. „Минуты восторга по утру и вечеромъ. Превосходныя мѣста вылились въ рѣчи Марѳы посадницы. Хотѣлъ было ѣхать въ Знаменское, но остался... ты *) любила меня, когда я беззвѣстенъ былъ и малъ,—теперь я дѣ-

*) Т. е. княжна А. И. Трубецкая.

лаюсь великимъ человѣкомъ, а ты... Въ самомъ дѣлѣ вѣдь чудеса предпринялъ я въ Мареѣ. Соединить устройство Французское съ частями Нѣмецкими, ужасъ безъ любви къ смерти, всю исторію Новгорода и удѣловъ и необходимость самодержавія". Въ это же время пріятель его М. А Максимовичъ задумалъ издавать альманахъ *Денницу*. „Надо приниматься за повѣсть для Максимовича",—отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 19 ноября 1829 года,—„съ вѣча перенестись къ мужикамъ". Въ то же время онъ приготовляетъ къ печати *Статистику* Кириллова, пишетъ другую повѣсть подъ заглавіемъ *Преступница*. „Чуть приткнулся писать",—отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ* подъ 4 декабря 1829 г., „и полилося. Умственная дѣятельность у меня теперь необыкновенная". Рядомъ съ этими трудами и замыслами Погодинъ печатаетъ свое изслѣдованіе объ *Іоаннѣ Грозномъ* и предварительно читаетъ его въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. „Въ наше бойкое время,—оговаривается Погодинъ,—нельзя пустить въ свѣтъ эту статью безъ оговорки. Да это уже есть, скажутъ иные, въ исторіи Карамзина и разсужденіяхъ Арцыбашева. Ваша правда милостивые государи, я только сложилъ сіи статьи, происшествія иначе, и взглянулъ на нихъ съ другой точки". Мы уже знаемъ, что Іоаннъ IV давно привлекалъ къ себѣ вниманіе Погодина, и по поводу напечатанной въ 1821 году въ *Вѣстникѣ Европы* статьи Арцыбашева *о свойствахъ царя Ивана Васильевича* онъ тогда же написалъ свои замѣчанія *) и только теперь, нѣсколько распространивъ ихъ, рѣшился выпустить въ свѣтъ. „Характеръ Іоанна IV",—пишетъ онъ,—„принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ характеровъ, кои назначаетъ, кажется, природа для ознаменованія въ нихъ всей силы своей. Рожденный въ вѣкѣ необразованномъ, среди народа грубаго, чуждаго просвѣщенію, стоявшаго на первой еще ступени гражданства, онъ явилъ способности необыкновенныя въ мудреной наукѣ правленія и, можетъ статься, лишилъ бы Петра

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1888. I 113—115.

славы быть первымъ государемъ въ Россіи, если бы судьба къ нашему несчастію не соединяла всѣхъ возможныхъ обстоятельствъ для совращенія его съ пути, ведшаго къ безсмертію: онъ сдѣлался тираномъ". За симъ Погодинъ приступаетъ къ разсмотрѣнію причинъ сего гибельнаго переворота. Придя къ заключенію, что перемѣна въ свойствахъ Іоанновыхъ была готова задолго до смерти Анастасіи, Погодинъ замѣчаетъ, что Карамзинъ „слишкомъ рѣзкою уже чертою отдѣлилъ VIII томъ своей *Исторіи* отъ IX, сказавъ, что Анастасія унесла съ собою въ могилу добродѣтель „Іоаннову — отселѣ начало злу"; но Погодинъ полагаетъ, что „зло шло постепенно" и что Карамзину „не хотѣлось бросить темную тѣнь на первую блистательную половину царствованія Іоанна, и потому все дурное отложилъ онъ ко второй". Въ этой-же статьѣ своей Погодинъ устанавливаетъ и другую точку зрѣнія на Іоанна и находитъ, что не случайно родился онъ и дѣйствовалъ почти въ одно время съ Филиппомъ II въ Испаніи (1556—1598), Генрихомъ VIII въ Англіи (1509 - 1547), Христіаномъ II въ Даніи и Швеціи (1513—1523), Людовикомъ XI во Франціи (1461—1483). „Нѣтъ!"—восклицаетъ Погодинъ,—„пусть односторонніе писатели XVIII столѣтія и ихъ послѣдователи утверждаютъ, что дѣяніями человѣческими управляетъ случай! Мы повѣримъ лучше другимъ мыслителямъ, которые стараются доказать намъ, что міръ нравственный подчиненъ такимъ же строгимъ законамъ, какъ и міръ физическій; повѣримъ имъ и признаемъ въ сихъ несчастныхъ явленіяхъ души человѣческой необходимыя орудія вѣчныхъ судебъ. Въ XVI столѣтіи въ Европѣ должно было установиться самодержавіе на развалинахъ феодальной системы, и вотъ являются грозные во всѣхъ концахъ ея, на Востокѣ и Западѣ, Югѣ и Сѣверѣ, и утверждаютъ новый порядокъ вещей. Миръ ихъ праху!" [558]).

Кромѣ того, Погодинъ написалъ большую статью о *Борисѣ Годуновѣ*. Увѣдомляя объ этомъ Шевырева (отъ 15 іюля 1829), онъ замѣчаетъ, что объ этой статьѣ „теперь шумятъ" [559]).

Въ своихъ знаменитыхъ *Историческихъ воспоминаніяхъ и замѣчаніяхъ на пути къ Троицѣ*, Карамзинъ сказалъ: „Подлѣ Успенскаго собора врастаетъ въ землю маленькая, желѣзомъ крытая палатка, гдѣ погребена фамилія Годуновыхъ. Кто не остановится тутъ подумать о чудныхъ дѣйствіяхъ властолюбія, которое дѣлаетъ людей великими благодѣтелями и великими преступниками? Есть ли бы Годуновъ не убійствомъ очистилъ себѣ путь къ престолу, то исторія назвала бы его славнымъ государемъ, и царскія его заслуги столь важны, что русскому патріоту хотѣлось бы сомнѣваться въ семъ злодѣяніи: такъ больно ему гнушаться памятью человѣка, который имѣлъ рѣдкій умъ, мужественно противоборствовалъ государственнымъ бѣдствіямъ и страстно хотѣлъ заслужить любовь народа! Но что принято, утверждено общимъ мнѣніемъ, то дѣлается нѣкотораго рода святынею, и робкій историкъ, боясь заслужить имя дерзкаго, безъ критики повторяетъ лѣтописи. Такимъ образомъ исторія дѣлается иногда эхомъ злословія... Мысль горестная! Холодный пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолствуетъ вокругъ древняго гроба! Глубокая тишина его прерывается только благословеніями или проклятіемъ идущихъ мимо и читающихъ гробовую надпись. Что, если мы клевещемъ на сей пепелъ; если мы несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмысліемъ или враждою?.. Но я пишу теперь не *исторію*" [560]). Эти слова Карамзина произвели, какъ мы уже знаемъ, сильное впечатлѣніе на Погодина, когда онъ былъ еще отрокомъ, и съ того времени онъ полюбилъ Бориса Годунова какъ бы человѣка ему давно знакомаго и родного *). Но когда Карамзинъ въ своей *Исторіи Государства Россійскаго* перемѣнилъ свое мнѣніе о Борисѣ, то Погодинъ на тридцатомъ году своей жизни выступилъ горячимъ защитникомъ царя Бориса и въ своемъ *Московскомъ Вѣстникѣ* напечаталъ: *Объ участіи Годунова въ убіеніи царевича Димитрія*. „Въ

*) *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1888. I, 20.

жизни знаменитаго Годунова", начинаетъ свою адвокатскую рѣчь Погодинъ, „представляется любопытный вопросъ: имѣлъ ли онъ участіе въ убіеніи Димитрія? До отвѣта на этотъ вопросъ, посмотримъ,—нужна ли была ему смерть царевича, и видно ли было изъ прежнихъ его дѣяній намѣреніе погубить несчастнаго сироту". Но этотъ „несчастный сирота", замѣтимъ мы, былъ „племя древняго варяга" и вспомнимъ стихъ Пушкина:

Племя древняго варяга и теперь любезно всѣмъ,
А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ.

Погодинъ же, соединивъ всѣ собранныя имъ доказательства за и противъ царя Бориса, представляетъ все это дѣло на судъ уголовной палаты по существующимъ нынѣ законамъ. Не должна ли она оставить Бориса только въ подозрѣніи и подозрѣніи слабомъ. „Какъ!", восклицаетъ онъ, „нынѣшняя уголовная палата должна оставить Бориса только въ подозрѣніи, а исторія, имѣя на своихъ вѣсахъ еще двадцатипятилѣтіе благодѣяній Борисовыхъ Россіи, осмѣливается произносить ему рѣшительный приговоръ! Нѣтъ! нѣтъ! будемъ справедливы къ сему великому мужу, который такъ хорошо понималъ добродѣтель, если не сердцемъ, то, по крайней мѣрѣ, плодовитымъ умомъ своимъ, который въ продолженіе своего блистательнаго правленія возвелъ Россію на высокую степень могущества и славы, который въ торжественную минуту своего помазанія на престолъ обѣщался отдать послѣднюю рубашку съ плеча неимущему подданному и никогда не измѣнялъ сему священному обѣту, который хотѣлъ учредить университетъ въ Москвѣ въ 1600 году вмѣсто 1755-го,—будемъ справедливы къ нему и, по крайней мѣрѣ, въ свое оправданіе соберемъ со всевозможнымъ тщаніемъ всѣ свидѣтельства о его жизни, разсмотримъ ихъ со всевозможнымъ вниманіемъ, постараемся всѣми силами открыть истину, въ продолженіе вѣковъ сокровенную, и самые недостатки его при великихъ доблестяхъ припишемъ бренной скудели человѣческой. Борисъ вѣрно услышалъ съ удовольствіемъ о смерти Дмитріевой,

благопріятствовавшей его намѣреніямъ; но за это удовольствіе онъ заплатилъ слишкомъ дорого: собственною смертью, ужасною гибелью добродѣтельной супруги своей и любимаго сына, еще ужаснѣйшею жизнью своей прекрасной дочери и громкимъ проклятіемъ двухъ вѣковъ. Можетъ быть, за это же удовольствіе неумытная судьба оставила на память вѣкамъ нѣкоторыя причины обвинять его въ смерти, имъ только желанной; съ другой стороны, можетъ быть, въ вознагражденіе за излишнюю свою кару она утаила отъ насъ нѣкоторыя обстоятельства, по коимъ можно бы было рѣшительно приписать ему ужаснѣйшее изъ преступленій. Не будемъ строже судьбы!“.

Вслѣдъ за Годуновымъ, Погодинъ помѣстилъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* свою статью *Нѣчто объ Отрепьевѣ*, въ которой воздаетъ должную справедливость Платону митрополиту за разсужденіе его въ своей *Церковной Исторіи* о самозванцѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* отрывокъ изъ сочиненія польскаго поэта и историка Нѣмцевича *о Самозванцѣ* и снабдилъ его своими примѣчаніями. По его же желанію Арцыбашевъ въ письмѣ своемъ (отъ 23 ноября 1829), сообщаетъ свое мнѣніе о статьяхъ его. „Вы требуете отъ меня мнѣнія о нѣкоторыхъ вашихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ 3-й части *Московскаго Вѣстника*. Вотъ оно: изложенное на счетъ Годунова и Отрепьева уважаю я весьма и написалъ уже статью *О кончинѣ царевича Димитрія*, гдѣ, изъявивъ это уваженіе, прибавилъ новыя доказательства къ вашимъ“. Въ своемъ *Обозрѣніи Русской Словесности за 1829 годъ* И. В. Кирѣевскій, обвиняя критиковъ Карамзина и противопоставляя имъ Погодина, писалъ: „Съ удовольствіемъ укажемъ на критику, въ которой дѣльность и безпристрастіе розысканій соединяются съ приличностью тона: это статья *Объ участіи Годунова въ убіеніи Димитрія*“. На это Ксенофонтъ Полевой ядовито замѣчаетъ: „Жаль только, что г. Погодинъ не рѣшилъ въ ней заданнаго имъ себѣ вопроса и что предметъ сей былъ гораздо

прежде его разсмотрѣнъ г. Булгаринымъ въ *Сѣверномъ Архивѣ* 1825 г. Кажется, и всѣ розысканія г. Погодина заимствованы оттуда".

Въ статьѣ *О происхожденіи имени Москва* Погодинъ предлагаетъ слѣдующую замѣтку почтеннаго Андрея Ивановича Бюргера: „*Ва* по-пермски и зырянски значитъ воду, и имена рѣкъ въ Пермской губерніи кончаются по большей части на этотъ слогъ: Сыл*ва*, Кол*ва*, Чусо*ва*, и пр. Но что значитъ слогъ предыдущій *Моск*. Есть Финское слово musko, что значитъ темный, темносѣрый. Итакъ: Москва значитъ *темная вода*; отъ рѣки названіе перешло и къ городу". По поводу этой замѣтки Погодинъ пишетъ: „Если это справедливо, то г. Бюргеру принадлежитъ лестная честь найти истинное значеніе знаменитаго имени древней столицы, значеніе, котораго такъ долго и тщетно искали наши старые этимологи, не оставившіе самого Мосоха въ покоѣ" [640]). Въ *Москомскомъ же Вѣстникѣ* 1829 г. Погодинъ напечаталъ *Дѣло о судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ*, хотя Каразинъ и совѣтовалъ ему „оставить въ покоѣ" это *Дѣло*. „Бывши", писалъ онъ Погодину, „другомъ просвѣщенія и человѣчества, не будьте якобы защитникомъ противной имъ стороны, ибо печатать одни ея документы есть въ половину быть защитникомъ. Обработайте эту статью, какъ должно, хотя бы для потомства, если не для нынѣшняго времени"). Но Погодинъ, какъ видимъ, не внялъ этому совѣту Каразина. „Судъ надъ Царевичемъ", пишетъ онъ въ своемъ предисловіи, „принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ происшествій въ Россійской Исторіи и въ частной жизни императора Петра Великаго. Къ сожалѣнію, до насъ дошло мало подробностей объ этомъ происшествіи: до сихъ поръ мы слышали только или пристрастныхъ иностранцевъ, которые безъ доказательствъ осуждаютъ Петра и даже обвиняютъ его въ казни сына, будто бы умерщвленнаго въ темницѣ, или отечественныхъ писателей, которые не обращаютъ достаточнаго вниманія на всѣ обстоятельства и увлекаются предубѣжде-

ніемъ и пристрастіемъ, — но не слыхали никакихъ свидѣтельствъ со стороны Царевича, свидѣтельства, кои, можетъ быть, тлѣютъ въ нашихъ книгохранилищахъ. Одна ли чистая, высокая любовь къ отечеству, одинъ ли страхъ видѣть великое дѣло рукъ своихъ новую Россію во власти недостойнаго преемника управляли Петромъ въ этомъ уголовномъ дѣлѣ? Не примѣшивалось ли здѣсь непримѣтное, внутреннее нерасположеніе къ Алексѣю, сыну первой противной супруги, нерасположеніе, только усиленное его постыднымъ поведеніемъ, и желаніе передать престолъ потомству любимой Екатерины? Этотъ вопросъ предоставляется на разрѣшеніе будущему историку нашего безсмертнаго преобразователя. Теперь можно сказать только, что гибель Алексѣя вообще была спасительна для Петровой Россіи". Экземпляры этого Розыскнаго Дѣла, изданные при Петрѣ I въ 1718 году, сожжены были, какъ говоритъ преданіе, по вступленіи на престолъ сына Алексѣева Петра II кромѣ очень немногихъ, сохранившихся у любителей. Погодинъ напечаталъ этотъ актъ по экземпляру, принадлежавшему А. С. Ширяеву.

Кромѣ изслѣдованій по Русской Исторіи Погодинъ напечаталъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* свой старый переводъ *Астова введеніе въ Исторію*, сдѣланный имъ еще въ 1823 году по указанію И. И. Давыдова, которому въ то время онъ и посвятилъ свой переводъ; но теперь, печатая этотъ переводъ, онъ почему-то счелъ нужнымъ умолчать объ этомъ посвященіи. Въ предисловіи къ переводу Погодинъ изъясняетъ: „Желая подать понятіе читателямъ *Московскаго Вѣстника* о точкѣ, съ которой новые нѣмецкіе ученые смотрятъ на Исторію, я представляю имъ переводъ Астова введенія въ сію науку. Очень увѣренъ, что многіе изъ нашихъ по разнымъ причинамъ отвергнутъ оное; но не сомнѣваюсь и въ томъ, что даже и отвергающіе найдутъ здѣсь много мыслей важныхъ и примѣчательныхъ въ лабиринтѣ варварскихъ терминовъ. При томъ — по выраженію св. Апостола Павла — *подобаетъ бо и ересѣмъ* (разномысліямъ) *въ васъ быти, да искусніи явлѣни бываютъ въ васъ* (*Кор.* II,

19). Астъ сдѣлалъ, скажу мимоходомъ, и приложеніе своей теоріи къ практикѣ: онъ написалъ Исторію положительную. Но его приложеніе, по крайней мѣрѣ какъ мнѣ доселѣ кажется, неудачно: часто прикладываетъ онъ происшествія къ своей теоріи, какъ ложу Прокрустову, часто не примѣчаетъ отношенія между ними. Впрочемъ, и въ приложеніи теорія навела его на многія прекрасныя мысли о происшествіяхъ, кои я современемъ постараюсь выбрать изъ его сочиненія и представить на судъ нашей мыслящей публики".

Наконецъ, въ томъ же 1829 году издалъ свой переводъ *Введеніе во Всеобщую Исторію для дѣтей,* сочиненіе А. Л. Шлецера, въ предисловіи котораго мы, между прочимъ, читаемъ: „Отъ нравоученій тщательно я старался удерживаться: нѣтъ ничего несноснѣе для пожилыхъ читателей и безполезнѣе для молодыхъ неумѣстнаго проповѣдыванія въ Исторіи". Отъ себя же Погодинъ пишетъ: „Шлецеръ въ этой маленькой книжкѣ удачно *описалъ* Исторію; онъ ясно указалъ ребенку на предметы, которые должны обращать на себя его вниманіе въ Исторіи, внушаетъ въ него заблаговременно уваженіе къ сей высокой наукѣ, обогащаетъ его множествомъ любопытныхъ и занимательныхъ историческихъ свѣдѣній, возбуждаетъ охоту къ пріобрѣтенію другихъ". Шлецеръ написалъ эту книжку, будучи уже семидесятилѣтнимъ старцемъ" [561]).

Ведя самъ постоянную войну съ журналистами, Погодинъ былъ довольно глухъ и равнодушенъ къ тогдашней Турецкой войнѣ и только по поводу заключеннаго мира онъ писалъ Шевыреву (отъ 30 сентября 1829): „у насъ теперь всѣ радуется миру. Жалѣютъ только, что слишкомъ великодушно поступили, а великодушіе въ политикѣ не имѣетъ курса" [562]). Но Погодинъ не остался равнодушенъ къ тревожному слуху, который разнесся въ ноябрѣ 1829 о болѣзни Императора, и съ отчаяніемъ восклицаетъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Боже! что за несчастіе. За что Ты наказуешь такъ строго Россію!" [563]). Но къ утѣшенію вѣрноподданныхъ за день до сей записи, а именно 14 ноября было обнародовано: „Поелику Его Импе-

раторское Величество теперь въ полномъ выздоровленіи, то и ежедневныя записки о здоровьѣ Государя Императора болѣе издаваться не будутъ“ [564]).

По поводу же толковъ на Западѣ о войнѣ нашей съ Турціей Погодинъ написалъ *Замѣчанія о политическомъ равновѣсіи въ Европѣ*. „Роялисты и либералы, говоритъ онъ, въ палатахъ французскихъ, члены министерскіе и оппозиціонные въ парламентахъ англійскихъ, политическіе журналисты вопіяли: „Не должно допускать, чтобъ Россія распространила еще свои владѣнія на счетъ Турецкой Имперіи! Новыми пріобрѣтеніями ея нарушится равновѣсіе въ Европѣ“. Обращаясь къ этимъ господамъ, Погодинъ спрашиваетъ: „Милостивые государи! неужели Ротшильдъ разбогатѣетъ, если къ его милліонамъ прибавится случайно еще нѣсколько тысячъ талеровъ? Неужели земля потеряетъ титло шара, если на ея поверхности встанетъ еще одинъ какой-нибудь Монбланъ или Моннуаръ, или провалится новый Содомъ и Гоморъ? Неужели вѣсъ тяжелой Россіи измѣнится ощутительно, если она приметъ въ себя еще нѣсколько золотниковъ?“ Въ другомъ мѣстѣ этой статьи Погодинъ замѣчаетъ: „Я вижу въ Европѣ безпрестанное колебаніе: государства качаются подобно маятникамъ, и никакой политикъ не осмѣлится утвердить, что теперь они пришли въ центръ своей тяжести, находятся въ надлежащемъ равновѣсіи и навсегда должны остаться въ нынѣшнемъ политическомъ положеніи. Почему, спросилъ бы я у такого: Венгры, напримѣръ, или южные Славяне, составляющіе большую половину народонаселенія Австрійской Имперіи и Европейской Турціи, въ какомъ-нибудь XX-мъ столѣтіи не образуютъ новыхъ государствъ; *почему не совокупятся въ одно цѣлое черезполосныя Нѣмецкія или Италіанскія владѣнія?* Канцлеръ Оксенштирна и графъ Траутмансдорфъ, уравновѣшавшіе Европу въ Мюнстерѣ и Оснабрюкѣ, также совсѣмъ не могли предугадать, что *на Сѣверѣ нѣкогда должно родиться сильное государство Пруссія*“ [565]).

Афоризмы были любимою формою, въ которую Погодинъ облекалъ свои размышленія и о которой нѣкто Прибыльскій иронически отзывался въ письмѣ своемъ къ нему: „Чувствительно благодарю васъ за нѣсколько строкъ вашихъ. Онѣ напомнили мнѣ *Афоризмы Историческіе*, помѣщаемые вами въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, въ которыхъ вы предоставляете читателю своему развить глубокую и новую мысль, въ нѣсколькихъ словахъ вами выраженную. Признаться, они немного *искушаютъ терпѣніе историковъ-художниковъ*, говоря языкомъ моего почтеннѣйшаго министра, которые желаютъ, чтобъ *историкъ-критикъ* очистилъ напередъ матеріалъ для ихъ трудовъ. Я не историкъ, не художникъ и не критикъ. Посудите послѣ того, легко ли мнѣ дополнить собственнымъ воображеніемъ ваши лаконическія семь строкъ“ [566]).

Вотъ афоризмы, съ которыми мы встрѣчаемся въ *Дневникѣ* Погодина 1829 года: „Вчера люди видѣли въ Шекспирѣ урода, нынѣ видятъ красавца, завтра увидятъ Богъ еще знаетъ что. Все зависитъ отъ приложенія собственнаго нашего *я*. Такъ судимъ и вообще о людяхъ.

Взглянуть на сочиненія среднихъ вѣковъ—тамъ вѣрно найти можно много высокаго.

Сборное воскресенье. Шатался по Охотному ряду и слушалъ разныя штуки.. Какъ мало чудаки цѣнятъ себя.

Восхитился лекціей Кузена, въ которой много ясныхъ мыслей, сказанныхъ уже и несказанныхъ. Увы, а меня за нихъ не чтутъ.

Какое у насъ невѣжество! Многія присутственныя мѣста разбогатѣли и сидятъ съ деньгами. Напримѣръ, Смоленская гимназія имѣетъ капиталу 105 тыс. рублей. Почему жъ не учреждается при ней казенный коштъ на процентъ сей суммы? У приказовъ общественнаго призрѣнія огромные капиталы. Нынѣ закладываются, говорятъ, тріумфальныя ворота на мѣстѣ Тверской заставы, и обѣдъ на 70 человѣкъ изъ доходовъ городской думы, которые собираются съ бѣдныхъ обывателей. Они и не нюхаютъ этихъ обѣдовъ. Изъ думы же бралъ

театръ въ заемъ сотни тысячъ. Теперь спрашивается, какъ дума наша собрала такой капиталъ? Ужасными налогами. Я съ своего шеститысячнаго дома платилъ болѣе 100 р. повинностей городскихъ. Вотъ какъ была велика несоразмѣрность!

Въ государственномъ архивѣ хранятся драгоцѣнности, но начальникъ, невѣжа, не позволяетъ никому пользоваться. Въ газетахъ нынче сряду пятнадцать нѣмцевъ кавалерами. Въ Турціи у насъ нѣмецкая армія. На театральную школу изъ тридцати человѣкъ отпускать будутъ 130 т. О невѣжество!"

L.

Кипучая дѣятельность Погодина на поприщѣ журнальномъ мало удѣляла ему до сихъ поръ времени для дѣятельности университетской. Вообще въ это время онъ былъ слишкомъ развлеченъ житейскими попеченіями, въ чемъ самъ откровенно сознавался, а потому онъ и стремился въ деревенское уединеніе, чтобы тамъ достойнымъ образомъ приготовить себя къ высокому служенію на каѳедрѣ московскаго университета. Къ этому еще онъ не совсѣмъ ладилъ съ своими товарищами профессорами, а потому любилъ навѣщать стараго ректора Антонскаго и съ нимъ бесѣдовать „о старомъ полюбовномъ житьѣ университетскомъ" и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ „думалъ о трудностяхъ профессорскаго званія". Кромѣ всеобщей исторіи Погодинъ въ 1829 году началъ преподавать въ университетѣ и русскую исторію. „Отселѣ", отмѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „три вечера въ недѣлю на приготовленіе къ лекціи Русской Исторіи" [567]). О своей университетской дѣятельности онъ писалъ Шевыреву (отъ 20 октября 1829 года): „Теперь устраиваю замѣчаніе на 1-й томъ *Исторіи* Карамзина. За ними послѣдуетъ поверхностное описаніе исторіи для шестнадцатилѣтняго молодого человѣка, которое уже написано у меня, но вылеживается. Это были первыя лекціи, коими я началъ нынѣ курсъ въ университетѣ. Я читаю те-

перь тамъ россійскую исторію преимущественно въ критическомъ отношеніи и излагаю всѣ изысканія до перваго періода, всѣ мнѣнія въ подробностяхъ" [568]). Въ это время Погодинъ задумалъ прочесть въ университетѣ лекцію о Карамзинѣ. За два дня до этого онъ посѣтилъ И. В. Кирѣевскаго и проспорилъ съ нимъ о Карамзинѣ. Кирѣевскій былъ очень возмущенъ критиками Арцыбашева и свое негодованіе выразилъ печатно. „Въ темныхъ подвалахъ архивскихъ", писалъ онъ объ этихъ критикахъ, „они теряютъ всякое чувство приличія и выходятъ оттуда съ червями самолюбія и зависти, съ пылью мелкихъ придирокъ и въ грязи неуваженія къ достоинству. Даже достоинство учености думаютъ они отнять у *Исторіи* Карамзина и утверждаютъ, что она писана для однихъ *свѣтскихъ невѣждъ*, они *невѣжи не свѣтскіе*! Все безполезно, что они говорятъ, все ничтожно, все ложь, даже самая истина; и если случайно она вырвется изъ устъ ихъ, то, краснѣя, спѣшитъ снова спрятаться въ свой колодезь, чтобы омыться отъ ихъ осквернительнаго прикосновенія". Какъ бы то ни было, Кирѣевскій выразилъ Погодину желаніе слушать его лекцію о Карамзинѣ. „Вотъ тебѣ разъ", замѣчаетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „а мнѣ некогда приготовиться". Лекція эта была прочтена 14 ноября 1829 года. Самъ Погодинъ остался ею доволенъ. „Прочелъ не дурно", отмѣтилъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*; но Кирѣевскому эта лекція „ужасно не понравилась". Повидимому, онъ не скрылъ этого отъ Погодина, ибо вотъ что этотъ записалъ въ своемъ Дневникѣ: „Кирѣевскій называетъ лекцію священнодѣйствіемъ. Я согласенъ, но я не имѣю времени приготовиться какъ должно" [569]).

Въ занятіяхъ Обществъ, имѣющихъ связь съ Университетомъ, Погодинъ принималъ, болѣе или менѣе, живое участіе. Мы уже знаемъ, что въ засѣданіи Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ (23 ноября 1829 года) онъ читалъ свои замѣчанія о Святополкѣ. По поводу этого засѣданія мы находимъ въ *Дневникѣ* Погодина слѣдующую, довольно неясную запись: „Какія гадости и подлости дѣлаютъ

Давыдовъ и Писаревъ для Рѣдкина. Я хотѣлъ говорить, что нельзя въ члены и въ соревнователи много; но не спросили и замяли рѣчь". Объяснить эти слова хотя отчасти можетъ слѣдующая статья изъ протокола этого засѣданія: „Почетный смотритель Задонскихъ училищъ Рѣдкинъ при письмѣ на имя предсѣдателя представилъ переводъ изъ Герберштейна статьи: *О принятіи пословъ и обращеніи съ ними въ Россіи.* Определено: Переводъ изъ Герберштейна по окончаніи всей книги напечатать, а переводившаго перечислить *дѣйствительнымъ членомъ*" [570]). Между тѣмъ И. И. Давыдовъ отъ имени попечителя просилъ Погодина занять должность секретаря въ Обществѣ. „Я буду спорить съ попечителемъ", отмѣчаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*, „чтобъ не вышло непріятностей и при мнѣ, скажу вамъ прямо: Рѣдкинъ не былъ бы выбранъ въ члены" [571]).

Въ 1829 году Общество Любителей Россійской Словесности до своего обновленія т.-е. до 1858 года доживало свои послѣдніе дни. Послѣ Кокошкина въ предсѣдатели былъ избранъ извѣстный писатель Загоскинъ, который, по свидѣтельству М. А. Дмитріева, началъ свое предсѣдательствованіе тѣмъ, что „сѣлъ, крякнулъ, потрепалъ себя по брюху" и обратился къ членамъ съ слѣдующею рѣчью: „Фу, батюшки! Обѣдалъ у Окулова! Такъ накормилъ, проклятый, что дышать не могу: всего расперло! Ну! что же намъ подѣлать?" Очевидно, справедливо замѣчаетъ Дмитріевъ, что Общество перестало видѣть въ предсѣдателѣ „лицо важное и уважительное". Загоскинъ предсѣдательствовалъ недолго. Въ преемники ему избрали генерала А. А. Писарева, попечителя Московскаго Университета. Очевидно, Общество стало уже нуждаться въ правительственной поддержкѣ [572]). По свидѣтельству Погодина, Писаревъ былъ избранъ въ предсѣдатели „по интригамъ И. И. Давыдова". Это подтверждаетъ и М. Н. Загоскинъ, который, встрѣтившись съ Погодинымъ у Аксакова, назвалъ Давыдова „интриганомъ" [573]). Въ это время послѣдній подружился съ Полевымъ и, по свидѣтельству Ксенофонта Полевого, „часто

посѣщалъ его брата и невольно чуждался университетскихъ сослуживцевъ своихъ“ [574]). Для возвеличенія Полеваго Давыдовъ старался устроить торжественное собраніе въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности. Приготовляясь къ этому засѣданію, Давыдовъ отправился къ Погодину просить у него для прочтенія въ этомъ засѣданіи стихотвореніе Шевырева *Петроградъ;* но О. С. Аксакова „не велѣла“ давать ему этого стихотворенія. Между тѣмъ Погодинъ колебался, ѣхать или не ѣхать въ это засѣданіе. Но, посѣтивъ Давыдова, рѣшилъ ѣхать и даже „принужденъ былъ отдать ему стихотвореніе Шевырева, склонясь на его доводы: я его учитель“, сказалъ Давыдовъ, „и имѣю право“ [575]).

Наконецъ, 23 декабря 1829 года состоялось торжественное собраніе Общества. Въ этотъ день Погодинъ писалъ Шевыреву: „Нынѣ торжественное собраніе Общества Любителей Россійской Словесности. Николай Полевой будетъ читать отрывки изъ своей Исторіи. Я не ѣду; у меня есть много признаковъ, что онъ похитилъ разныя мои мысли, разсѣянныя въ *Московскомъ Вѣстникѣ*, сказанныя на лекціяхъ и знакомымъ, и прилично ли мнѣ слушать его, загребающаго жаръ моими руками. Собраніе дѣлаютъ самое блистательное, чтобы возвысить его. Приглашена вся Москва. Верстовскій писалъ музыку. Мочаловъ будетъ читать. Давыдовъ выпросилъ у меня и твой *Петроградъ*. Изъ Университета никто не будетъ, кажется, въ собраніи. Загоскинъ будетъ читать изъ своего романа *Милославскій*“ [576]).

По свидѣтельству М. А. Дмитріева, это засѣданіе было „съ арфою, съ пѣніемъ и чтеніемъ актера Мочалова съ каѳедры“. Вообще при предсѣдательствѣ генерала Писарева въ Обществѣ „пошли одни парады и все это кончилось тѣмъ, что „на свѣчи и на угощенія истратили всѣ деньги, и казначей Общества остался безъ гроша! Собранія Общества съ того времени прекратились и оно какъ бы замерло“ [577]). Вотъ въ это-то время, какъ бы на смѣхъ, въ засѣданіи Общества 23 декабря 1829 года Пушкинъ былъ избранъ въ члены

онаго. Неравнодушный къ славѣ своего друга и отечества, князь П. А. Вяземскій съ негодованіемъ писалъ Пушкину:

„Сдѣлай милость, откажись отъ постыднаго членства Общества Любителей Россійской Словесности. Мнѣ и то было досадно, что тебя и Баратынскаго выбрали вмѣстѣ съ Верстовскимъ, а вчерашнія *Московскія Вѣдомости* довершили мою досаду. Тутъ увидишь: предложеніе объ избраніи въ члены Общества корифеевъ словесности нашей, А. С. Пушкина, Е. А. Баратынскаго, Ѳ. В. Булгарина и отечественнаго композитора музыки, А. Н. Верстовскаго. Это написано не Шаликовымъ, потому что въ этой статьѣ хвалятъ *Исторію* Полеваго. Воля твоя, не надобно спускать такія наглыя дурачества. Мы худо дѣлаемъ, что пренебрегаемъ званіемъ литераторскимъ. Это званіе не то, что христіанина. Тутъ нечего давать свои щеки на пощечины. Мы не поѣдемъ къ вельможѣ, который станетъ насъ принимать наравнѣ съ канальями, съ Булгаринами и другими нечистотами общественнаго тѣла. Развѣ здѣсь не тоже? Гордиться пріемами нашихъ вельможъ и нашихъ литературныхъ обществъ смѣшно и невозможно человѣку съ здравымъ смысломъ; но не спускать ни тѣмъ, ни другимъ, когда они поступаютъ съ вами невѣжливо, должно, неотмѣнно должно. Сатурналіи нашей литературы дошли до того, что нельзя, по крайней мѣрѣ, отрицательно, если не дѣйствительно, не протестовать противъ этихъ изступленій безчинства“ [578]). Но Пушкинъ не отказался и, получивъ дипломъ на званіе члена Общества Любителей Россійской Словесности, онъ даже обратился къ Полевому съ запросомъ: „Дайте мнѣ знать, что̀ дѣлать мнѣ съ Писаревымъ, съ его Обществомъ и съ моимъ дипломомъ. Все это меня чрезвычайно затрудняетъ“ [579]). Полевой немедленно же отвѣтилъ, *à monsieur, monsieur Pouchkine*: „Ничего, совершенно ничего, *мы всѣ, старые члены* ничего не дѣлаемъ, по крайней мѣрѣ, я. Избраніе ваше сопровождалось рукоплесканіями и показало, что желаніе Общества украсить списокъ своихъ членовъ вашимъ именемъ было согласно съ чувствами публики весьма

обширной. За дипломъ вземлятъ члены, т. е. за пергаментъ 25 рублей“ [580]). Этому показанію Полевого о дѣятельности Общества Любителей Россійской Словесности не противорѣчитъ и слѣдующая запись въ *Дневникѣ* Погодина подъ 31 мая 1830 года. „Все утро погубилъ въ Обществѣ Любителей Словесности. Избрали въ предсѣдатели Двигубскаго, по интригамъ Давыдова, на смѣхъ“.

Въ лѣтописяхъ ученой и общественной жизни Москвы 1829 годъ достопамятенъ посѣщеніемъ царствующаго града Александромъ Гумбольдтомъ. По повелѣнію императора Николая I министръ финансовъ Канкринъ пригласилъ Гумбольдта въ Россію для изученія естественныхъ богатствъ Урала и Сибири. Въ маѣ 1829 года Гумбольдтъ прибылъ въ Москву. „Здѣсь былъ Гумбольдтъ“ писалъ Погодинъ Шевыреву, „которому университетъ поднесъ дипломъ на званіе почетнаго члена, а друзья просвѣщенія давали великолѣпный обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія, на которомъ присутствовалъ и я“ [581]). Объ этомъ обѣдѣ въ *Галатеѣ* сказано, между прочимъ, слѣдующее: „Нѣкоторые злонамѣренные люди разглашали прежде, что наши вельможи не примутъ участія въ этомъ праздникѣ, какъ для нихъ неприличномъ; напротивъ, тамъ явились многіе изъ нихъ, повинуясь благородному влеченію и вовсе забывая о томъ, что Гумбольдтъ — баронъ и дѣйствительный тайный совѣтникъ“ [582]). На обратномъ пути изъ Сибири Гумбольдтъ вторично посѣтилъ Москву. Любопытныя записи по поводу этого вторичнаго посѣщенія дѣлаетъ Погодинъ въ своемъ Дневникѣ *подъ 25 октября 1829 года:* „Думалъ ѣхать на вечеръ къ Гумбольдту. *Нѣтъ! Свои ученые умираютъ съ голоду*“.

Подъ 26 октября: „Гумбольдтъ въ университетѣ. Предложено ему: не угодно-ли имѣть какихъ историческихъ свѣдѣній о посѣщенныхъ имъ странахъ. Благодаритъ, опасается, что будетъ затруднительно, а впрочемъ, отнесется въ случаѣ нужды. Гумбольдтъ мастеръ говорить. Вотъ профессоръ. Ясность, убѣдительность. Онъ воспламенилъ меня къ лекціямъ“.

Въ это время въ Москвѣ пребывалъ извѣстный ученый, Гамель, съ которымъ познакомился Погодинъ, и Гамель говорилъ ему „о шарлатанствѣ Гумбольдта!„ [583]). Но, не взирая на этотъ отзывъ, по справедливому замѣчанію князя П. А. Вяземскаго, „пребываніе барона Гумбольдта въ Россіи есть важная эпоха въ воспоминаніяхъ нашего просвѣщенія. Мы видѣли въ немъ высокій примѣръ истинно ученаго и образованнаго человѣка, который, посвятя жизнь и всѣ способности свои на изученіе и развитіе одной изъ отраслей человѣческихъ познаній, не чуждается всѣхъ другихъ отраслей и любопытнымъ взглядомъ окидываетъ всѣ вопросы, любопытные для ума человѣческаго вообще и для ума народнаго частно. Всеобъемность размышленій и разговоровъ его изумительна. Съ равною свободою, съ равнымъ свѣдѣніемъ будетъ онъ вамъ говорить о таинствахъ подземнаго міра, объ обширныхъ подробностяхъ пустыни Новаго Свѣта и о мелкихъ, но блестящихъ частностяхъ гостиныхъ парижскихъ, въ которыхъ жизнь стѣсняется въ ограниченный, но не менѣе того любопытный кругъ; о духѣ младенчествующаго человѣчества и о распрѣ классицизма съ романтизмомъ. Въ Россіи, столь еще богатой для наблюденій разнородныхъ, столь еще свѣжей для изысканій, открылось обширное поле передъ испытательнымъ умомъ его“ [584]).

Такъ завершился 1829 годъ. Въ послѣдній день и часъ отходящаго въ вѣчность лѣта Погодинъ записалъ въ своемъ *Дневникѣ:* „Поблагодарилъ, попросилъ, прославилъ Бога. *Благословиши вѣнецъ лѣта благости Твоея*“.

КОНЕЦЪ КНИГИ ВТОРОЙ.

Село Михайловское,
Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.
23 сентября 1888 года.

...*. M. 1877,

. *Пчела* 1826, № 18.

...невникъ. 1826, подъ 3 февраля.

4) *Сочиненія Филарета,* III, 1—8.

5) *Сѣверн. Пчела.* 1826, № 18, прибавл.

6) *Дневникъ.* 1826, подъ 6 февраля.

7) 1826, подъ 12 февраля.

8) *На кончину Государя Императора Александра I.* М. Въ типографіи Императорскаго Московскаго театра. 1826. У содержателя Похорскаго.

9) Первоначально изслѣдованіе это было напечатано въ *Отечественныхъ Запискахъ* Свиньина (1826, № 71); а потомъ въ *Трудахъ Общества И. и Д. Россійскихъ,* ч. IV, кн. I. М. 1828, стр. 130—138.

10) *Дневникъ.* 1826, подъ 28 янв.

11) *Сѣверный Архивъ.* 1826, № IV, стр. 348—357.

12) Тамъ же, № VI, стр. 107—128.

13) *Письма,* I, 131.

14) Тамъ же, I, 151—154.

15) Тамъ же, I, 135.

16) *Дневникъ.* 1826, подъ 28 апр.

17) *Письма,* I, 183.

18) Тамъ же, I, 151 — 155, 168, 179—181.

19) Пыпинъ. *Зоріанъ Долета Ходаковскій.* Вѣстникъ Европы. 1886. Ноябрь, стр. 305—357.

20) *Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву,* стр. 279, 0129.

21) *Истор. Вѣстникъ.* 1887, февр. стр. 286—287.

22) *Библіограф. Листы.* 1825, № 38, стр. 564.

23) *Труды Перваго Археолог. Съѣзда въ Москвѣ.* М. 1871, I, 15.

24) *Библіогр. Листы.* 1825, № 38, стр. 564.

25) *Дневникъ.* 1826. Мартъ.

26) Пятковскій. *П. Собр. Соч. Д. В. Веневитинова.* Спб. 1862, стр. 9.

27) *Дневникъ.* 1826, подъ 31 марта.

28) *Воспомин. о Шевыревѣ,* стр. 8—9.

29) *Дневникъ.* 1826, подъ 3 и 6 мая.

30) *Письма,* I, 83.

31) *Воспомин. о Шевыревѣ,* стр. 9.

32) *Дневникъ* 1826, подъ 24 марта, 3—6, 15—19, 21 апрѣля, 6, 10, 11, 23 іюля.

33) 1826, подъ 23 марта.

34) *Біографическ. Словарь Московск. Унив.,* II, 257.

35) *Дневникъ* 1826, подъ 26, 28 марта, 9 апрѣля.

36) *Дневникъ.* 1826. май. іюня 2.

37) *Письма.* I, 139—142.,

38) *Дневникъ.* 1826, іюнь.

39) *Повѣсти Михаила Погодина.* М. 1832, III, 189—250.

40) *Дневникъ.* 1826, іюнь.

41) 1826, подъ 27—29 іюня, 2—3 іюля.

42) Бартеневъ. *Въ Память объ А. С. Хомяковѣ,* стр. 29—38.

43) *Утро.* М. 1866, стр. 426—428.

44) *Русскій Архивъ*. 1884, V, 222—223.

45) Бартеневъ. *Въ Память объ А. С. Хомяковѣ*, стр. 34.

46) *Дневникъ*. 1826, подъ 3—4 іюля.

47) *Сѣверн. Пчела*. 1826, № 85.

48) *Письма*. I, 129—130.

49) *Сѣверн. Пчела*. 1826, № 91.

50) *Дневникъ*. 1826, іюль.

51) *Сѣверн. Пчела*. 1826, № 92.

52) *Дневникъ* 1826, августъ.

53) *Сочиненія Филарета*. III, 49—50.

54) *Отечеств. Записки*. 1826, № 83, стр. 185.

55) *Дневникъ* 1826, авг. и сент.

56) *Русскій Архивъ* 1867, 311—312.

57) Майковъ. *Сочиненія К. Н. Батюшкова*. Спб. 1886, III, 515.

58) *Русскій Архивъ* 1885, № 1, 119—120; *Семейный Архивъ* М. А. Веневитинова.

59) *Знакомство съ Русскими Поэтами*, стр. 13.

60) *Русская Старина*. 1872, XII, 822—827.

61) *Дневникъ*. 1826, сентябрь.

62) Пятковскій. *Полное Собраніе Сочиненій Д. В. Веневитинова*. Спб. 1862, стр. 181—191.

63) *Дневникъ*. 1826, подъ 3 іюля, 20 августа, 24 сентября.

64) *Русскій Архивъ*. 1865, стр. 96.

65) *Девятнадцатый Вѣкъ*. М. 1872, II, 217.

66) Анненковъ. *Матеріалы*. Спб. 1873, стр. 164.

67) *Дневникъ*. 1826, сентябрь.

68) *Сѣверн. Пчела*. 1826, № 116.

69) *Дневникъ*. 1826, сентябрь.

70) *Русскій Архивъ*. 1865, стр. 97—100. *Дневникъ*. 1826, подъ 13 октября.

71) *П. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1882, VII, 307, 309.

72) *Дневникъ*. 1826, подъ 24 октября; *Русскій Архивъ*. 1865, стр. 100.

73) *Русскій Архивъ*. 1870, стр. 2140—2144.

74) *Дневникъ*. 1826, подъ 27 и 30 октября.

75) *Историческій Вѣстникъ*. 1887. май, стр. 289—301.

76) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 165.

77) *Сочиненія Пушкина*, VII, 187.

78) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 165.

79) *Сочиненія Пушкина*, VII, 188.

80) *Полное Собраніе. Сочиненія кн. П. А. Вяземскаго*, I, XLVIII—XLIX; X, 267.

81) *Русскій Архивъ*. 1885, I, 118.

82) *Дневникъ*. 1826, подъ 23 іюля.

83) *Русскій Архивъ*. 1885, I, 118—120.

84) Переводъ этотъ напечатанъ въ Москвѣ въ 1828 г.

85) *Русскій Архивъ*. 1885, I, 120—122.

86) Пятковскій. *Полное Собраніе Сочиненій Д. В. Веневитинова*. Спб. 1862, стр. 86—88.

87) *Дневникъ*. 1826, подъ 30 дек.

88) *Русскій Архивъ*. 1885, I, 122—123.

89) *Русскій Архивъ*. 1881, I, 428.

90) *Русская Старина*. 1874, X, 695—696.

91) *Письма*, I, 173.

92) *Русскій Архивъ*. 1878, III, 393.

93) *Дневникъ*. 1826, подъ 14 дек.

94) 1826, подъ 16 декабря.

95) 1826, подъ 8 ноября.

96) 1826, подъ 14 марта.

97) 1826, подъ 13 февраля.

98) *Письма*, I, 151—154.

99) *Русская Старина*. 1872, V, 336—337.

100) *Дневникъ*. 1826, подъ 8 іюня, 30 сентября, 1 октября, 12 ноября

101) *Письма*, I, 191—194.

102) *Дневникъ*. 1826, подъ 17 декабря.

103) *Собраніе Мнѣній и Отзывовъ Филарета*. Спб. 1885. II, 171, 175, 183, 189, 252.

104) *Дневникъ*. 1826, подъ 19 декабря.

105) *Русскій*. 1867, л. 7 и 8, стр. 111—112.

106) *Русская Старина*. 1875, XII, 821.

107) *Письма*, I, 165—170, 191—195; 201.

108) *Русскій Архивъ*. 1865, стр. 100—102.

109) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 167.

110) *Сынъ Отечества*. 1827, № 1, стр. 72.

111) *Русскій Архивъ*. 188.

112) *Дневникъ*. 1827, подъ 4 марта.

113) *Письма*, I, 345—352.

114) *Сочиненія Пушкина*, VII, 195.

115) *Дневникъ*. 1827, подъ 4, 22 и 1 мая.

116) *Письма*, I, 532—534.

117) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 167.

118) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 1—2.

119) *Письма*, I, 229—232; *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, I, 158—161; *Русскій* 1868, № 7; *Письма*, I, 241.

120) *Дневникъ*. 1827, подъ 21 января.

121) Подъ 23 апрѣля 1827.

122) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 6.

123) *Московскій Телеграфъ*. 1827, № 3, стр. 121—122.

124) *Письма*, I, 237—238, 461—462.

125) *Дневникъ*. 1827 годъ, 5 и 8 марта.

126) 1827 подъ 15 марта.

127) *Письма*, I, 335—336.

128) I, 447—449.

129) *Дневникъ*. 1827, подъ 4 мая.

130) 1827, подъ 1 мая.

131) 1827, 7, 8, 29 октября; 6, 12 и 13 ноября.

132) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 6, стр. 124; *Дневникъ*. 1827, подъ 9 и 29 марта.

133) Муравьевъ. *Знакомство съ Русскими Поэтами*, стр. 14—15.

134) *Сочиненія Пушкина*. V, 188—189.

135) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 17; *Письма*, I, 507—509; *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 6; *Знакомство съ Русскими Поэтами*, стр. 14.

136) *Русскій Архивъ*. 1884, III, 224.

137) *Русскій Архивъ*. 1885, I, 126.

138) *Энциклоп. Лексиконъ*. Спб. 1837, IX, 368.

139) *Русскій Архивъ*. 1885, I, 126.

140) *Дневникъ*. 1827, подъ 19—21 марта; *Письма*, I, 207.

141) *Письма*, I, 285—288; *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 1, стр. 74.

142) Пятковскій. *Полное Собраніе Сочиненій. Д. В. Веневитинова*. Спб. 1862, стр. 28.

143) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 7.

144) *Русскій* 1867, лл. 7—8.

145) *Письма*, I, 267, 327—328.

146) *Письма*, I, 301—302.

147) *Письма*, I, 345—352.

148) Пономаревъ, *М. А. Максимовичъ*. Спб. 1872, 2—4.

149) Мои *Письма*, *Замѣтки и Выписки*, (рукоп), IV.

150) *Юбилей М. А. Максимовича*. Кіевъ, 1871, стр. 62—63.

151) *Записки К. А. Полевого*. Спб. 1888, стр. 130—131

152) *Русскій Архивъ* 1882, мои примѣчанія къ 'Письмамъ М. П. Погодина, III, стр. 85.

153) Пономаревъ, *М. А. Максимовичъ*, стр 5.

154) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 23, стр. 310—317.

155) *Полн. Собр. Сочин. И. В. Кирѣевскаго*. М. 1861, I, 1—7.

156) Бартеневъ, «А. П. Елагина», *Русскій Архивъ*. 1877, № 8, стр. 491—492.

157) *Полн. Собр. Сочин. И. В. Кирѣевскаго*, I, 8. 12—13.

158) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 13.

159) *Письма*, I, 345—352.

160) *Дневникъ*. 1827, подъ 30 апрѣля.

161) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 15—16.

162) *Письма*, I, 345—352.

163) *Письма*, I, 297.

164) *Письма*, I, 389,—406.

165) *Русскій Архивъ*. 1883, I, 246—247.

166) *Письма*, I, 503—505.

167) *Дневникъ*. 1827, подъ 13, 20 ноября;

168) Еленевъ «Два документа изъ бумагъ Ростовцева» *Русскій Архивъ*. 1873, № 1, стр. 456—457.

169) *Дневникъ*. 1826, подъ 10 октября.

170) *Русскій Архивъ*. 1873, № 1, стр. 483—485.

171) *Дневникъ*. 1826, подъ 12 октября.

172) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 14, 129—135.

173) *Русскій Архивъ*. 1873, № 1, стр. 460—461.

174) *Сочиненія Пушкина*, VII. 106.

175) *Письма*, I, 293, 481—483.

176) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 16.

177) *Московскій Вѣстникъ*. 1827. № 21, стр. 72—73.

178) *Дневникъ*. 1827, подъ 19—20 ноября.

179) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 4.

180) Полн. Собраніе Сочин. Князя П. А. Вяземскаго, I, 321—322.

181) *Письма*, I, 427; *Москвитянинъ*. 1855, № 4. Февр. кн. 2, стр. 81, 88.

182) *Письма*, I, 373—376.

183) *Сѣверная Пчела*. 1826, № 156.

184) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 2, стр. 149.

185) *Письма*, I, 499.

186) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 24, стр. 438.

187) *Письма*, I, 209—210.

188) *Письма*, I, 301—302.

189) *Письма*, I, 289.

190) *Дневникъ*. 1827. Май.

191) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

192) *Письма*, I, 341—344.

193) *Письма*, I, 411—412.

194) *Письма* I, 345—352.

195) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 4, стр. 346—352; № 6, стр. 189—193.

196) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 8, стр. 331—334.

197) *Московскій Вѣстникъ*. 1827. № 13, стр. 42 и слѣд.

198) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 3, стр. 189—200.

199) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 7, стр. 230—236.

200) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 19, стр. 302—311.

201) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 2, стр. 128—137; *Письма*, I, 229—232.

202) *Письма*, I, 345—352.

203) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 13, стр. 71—81.

204) *Письма*, I, 345—352.

205) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 16, стр. 420—431; № 23, стр. 336—343.

206) *Письма*, I, 535—536.

207) Анненковъ, *Матеріалы*, стр. 167.

208) *Письма*, I, 415—418; *Московскій Вѣстникъ*. 1827, №№ 20—23.

209) *Письма*, I, 435—438, 452—453; *Сочин. и Переп. П. А. Плетнева*, III, 389.

210) *Письма*, I, 447—449.

211) *Дневникъ*. 1827, подъ 5 октября.

212) 1827, подъ 9 октября.

213) *Письма*, 1, 469—471.

214) *Дневникъ*, 1827. Октябрь.

215) *Письма*, I, 455.

216) *Дневникъ*. 1827, подъ 30 октября.

217) 1827, подъ 6, 10 октября, 19 ноября.

218) 1827, подъ 2 ноября, 5 и 6 декабря.

219) *Письма*, I, 511.

220) *Архивъ* Департамента Герольдіи

дій. Дѣло 1836, № 25/2 о дворянствѣ Арцыбашевыхъ; Александръ Барсуковъ. *Родъ Шереметевыхъ*, Спб. 1888. Книга пятая, стр. 32, 135; *Письма*, II, 599—602.

221) Бестужевъ-Рюминъ. *Энциклопед. Словарь* 1862, V, 570—572; Арцыбашевъ. *Повѣствованіе о Россіи*. М. 1838, I, 1.

222) *Письма*, I, 365.

223) *Письма*. I, 439.

224) *Дневникъ*. 1827, подъ 6 октября.

225) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 21 и слѣд.

226) Аксаковъ. *Разныя сочиненія*. М. 1858, стр. 187—188.

227) *Дневникъ*. 1827, подъ 6 октября.

228) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 2—3, 14, 5.

229) *Записки К. А. Полевого*. Спб. 1888, стр. 163.

230) *Письма*, I, 179—181.

231) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, №№ 6, 24, 22, 11, 21, 1—2, 8, 9.

232) *Московскій Телеграфъ*. 1827, № 10. Смѣсь, стр. 85—91.

233) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, №№ 6, 10, 14, 15.

234) *Дневникъ*. 1827, подъ 23 апрѣля, 17 октября. 1825, подъ 16 ноября; *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 8—9, 17—18, 20, 24. *Жизнь и Труды М. П. Погодина*. Спб. 1888, I, 154. *Письма*, I, 469—471.

235) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 3, 5.

236) *Письма*, I, 211, 225—226.

237) *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 247—248.

238) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 5, стр. 87.

239) *Полн. Собр. Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1879, II, 32—33.

240) *Письма*, I, 345—352, 435—438, 443.

241) *Юбилей М. А. Максимовича*. Кіевъ. 1871, стр. 64.

242) *Біограф. Слов. М. Университета*, II, 242.

243) *Вѣстникъ Европы*. 1887, апр., стр. 491.

244) *Русская Старина*. 1885, январь, стр. 17—18, 25—26.

245) *Письма*, I, 319—322.

246) *Дневникъ*. 1827, подъ 19 марта.

247) *Письма*, I, 325.

248) *Русская Старина*. 1885, февраль, стр. 265—266.

249) *Автограф. Донесеніе М. П. въ правленіе Моск. Университета*, отъ 14 ноября 1827 года.

250) *Московскій Вѣстникъ*. 1827, № 18, стр. 226—230.

251) *Сѣверная Пчела*. 182?, № 156.

252 *Письма*, I, 233—235, 249.

253) Дмитріевъ. *Мелочи изъ запаса моей памяти*. М. 1869, стр. 167—171; *Труды Общества Л. Р. Сл.* М. 1827, VII, стр. 166—167, 197, 205, 221—224, 231—234.

254) *Дневникъ*. 1827, подъ 8—9 ноября, 20 декабря; *Воспомин. о Шевыревѣ*, стр. 15.

255) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 1, стр. 77—79.

256) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 11.

257) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 января.

258) *Письма*, II, 9—11.

259) *Дневникъ*. 1828, подъ 31 января.

260) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 2.

261) *Дневникъ*. 1828, подъ 1 февраля, 23 апрѣля.

262) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 5, стр. 61—105.

263) *Письма*, II, 13—33, 207—210.

264) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 8—11, 19—20; *Дневникъ*. 1828, подъ 18 и 20 окт.

265) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 144—146.

266) *Письма*, II, 259—261.

267 *Записки К. А. Полевого*. Спб. 1888, стр. 219—226.

268) *Письма*, II, 169—172.

269) *Записки К. А. Полевого*. Спб. 1888, стр. 226—231.

270) *Дневникъ*. 1828, подъ 20, 18, 19, 24, 30 января; 4, 9 апрѣля; 30 сентября; 2 октября; 25 ноября.

271) *Письма*, II, 449, 255—258.

272) *Дневникъ*, подъ 15 сентября.

273) *Воспомин. о Шевыревѣ*, стр. 15.

274) *Письма*, II, 165—168.

275) Анненковъ. *Матеріалы*. Спб. 1873, стр. 193—194; *Русскій Архивъ*. 1880, II, стр. 506.

276) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 янв.

277) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 17.

278) *Письма*. II, 25—27, 33—37; *Дневникъ*. 1828, подъ 9 февраля.

279) *Атеней*. 1828, № 4, стр. 76—89.

280) *Письма*. II, 69—72; *Русскій Архивъ*. 1866, стр. 1716.

281) *Дневникъ*. 1828, подъ 15 мар.

282) *Письма*. II, 81, 165—168, 353—357, 203—205.

283) *Русскій Архивъ*. 1874, II, 224.

284) *Дневникъ*. 1828, подъ 4 фев.

285) Пыпинъ и Спасовичъ. *Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ*. Спб. 1865, стр. 475—476.

286) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 46.

287) *Дневникъ*. 1828, подъ 26 марта; 30 января; 14 и 15 февраля.

288) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 13, стр. 3—6.

289) *Письма*. II, 221.

290) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 18, стр. 107.

291) *Письма*. II, 415, 207—210.

292) Мои Примѣчанія къ письмамъ Погодина. *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 81; *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 6, 19—20.

293) *Письма*. II, 203—205.

294) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 1, 18.

295) *Письма*. II, 207—210, 147—150.

296) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 17, 2.

297) *Письма*. II, 59.

298) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 9, стр. 8—12.

299) *Письма*. II, 337.

300) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 21—22, стр. 129—144; № 23—24, стр. 313—325.

301) *Записки Вигеля*. I, 197—198; *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 1, стр. 16.

302) *Письма*. II, 151—152.

303) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 16.

304) *Письма*. II, 259—261, 397—399, 105.

305) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 4.

306) *Письма*. II, 69—72, 137—138, 359—361.

307) *Сѣверная Пчела*. 1828, № 88.

308) *Письма*. II, 229—230, 376, 101.

309) Безсоновъ. *Древніе и нынѣшніе Болгаре*. М. 1856, стр. V—XLIX.

310) *Древніе и нынѣшніе Болгаре* М. 1829. I.

311) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 15, стр. 278—279.

312) *Дневникъ*. 1828, подъ 22 окт., 28 ноября.

313) *Современные церковные вопросы*. Спб. 1882, стр. 21.

314) *Пять лѣтъ изъ Исторіи Харьковскаго Университета*. Харьковъ. 1868, стр. 77.

315) Тихонравовъ. *Лѣтописи Русской Литературы*. М. 1861, VI, 96—97.

316) *Русскій*. 1866, № 19.

317) *Русская Старина*. 1871, III, 326—328.

318) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 15, стр. 309—311; *Письмо*. II, 143, 429.

319) *Русскій*. 1868, № 15, стр. 289—294.

320) *Дневникъ*. 1828, подъ 6 декаб.

321) *Жизнь и Труды Погодина*. Спб. 1888, I, стр. 56.

322) *Русскій*. 1867, № 9—10, стр. 133.

323) *Московитянинъ*. 1855, февр. № 3, стр. 85.

324) *Письма*. II, 13—16.

325) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 4, стр. 354, 531, 533.

326) *Труды Общ. Л. Р. Сл.* XVII, стр. 12.

327) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 12, стр. 395—404.

328) *Разныя Сочиненія*. М. 1858, стр. 89—90.

329) Мои *Примѣчанія* къ Письмамъ *Погодина*. „Русскій Архивъ". 1882, № 5, стр. 89; *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ*. М. 1888. I, 12—15, 20.

330) *Разныя Сочиненія*, стр. 201, 127.

331) *Дневникъ*. 1828, подъ 31 янв., 11 февр., 3, 27 марта, 7, 8 и 21 апрѣля.

332) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*. Спб, 1884. IX, стр. 99—103.

333) *Письма*. II. 259—261, 285—286.

334) *Дневникъ*. 1828, подъ 22, 29 сентября, 6, 7, 20 октября, 3, 10, 25, 27 ноября, 8, 14, 15, 22, 29 декабря, 2 февраля.

335) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 6, стр. 238—240.

336) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 сентября.

337) *Формулярный списокъ* о службѣ и достоинствѣ коллежскаго ассессора Андрея Александрова, сына Краевскаго, за 1838 годъ.

338) *К. Ѳ. Калайдовичъ*, стр. 85.

339) *Дневникъ*. 1828, подъ 17, 25 января, подъ 3 февраля.

340) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 8, стр. 369—373.

341) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 137.

342) *Дневникъ*. 1828, подъ 12 сентября.

343) *Письма М. П. Погодина*, л. з.

344) *Письма*. II. 29—32, 25—28, 255—258, 267—269.

345) *Дневникъ*. 1828, подъ 20 сентября, 17 февраля, 1 апрѣля, 17 сентября.

346) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 4, стр. 485—490.

347) *Письма* II, 51—52, 95, 213—215, 281, 282. Въ Архивѣ М. П. Погодина сохранилась тетрадка in 4°, въ которой заключается этотъ переводъ дочери Арцыбашева.

348) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 19, 20, стр. 285—318; №№ 21, 22, стр. 52—91; №№ 23, 24, стр. 254—285.

349) *Дневникъ*. 1828, подъ 19 окт.

350) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 19, 20, стр. 285—287.

351) *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1888, апрѣль, стр. 498.

352) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 19.

353) *Дневникъ*. 1828, подъ 17, 18, 27 ноября.

354) *Московскій Вѣстникъ*. №№ 21, 22, стр. 186—190.

355) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 20, стр. 486—489.

356) *Дневникъ*. 1828, подъ 30 ноября.

357) *Письма*. II. 401—403, 407—409.

358) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 23, 24, стр. 378—379.

359) *Дневникъ*. 1828, подъ 23 дек.

360) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 23, 24, стр. 389—395.

361) *Письма*. II, 453—455.

362) *Дневникъ*. 1828, 6—9, 11—14, 16, 22 декабря.

363) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 976—1002, 1317—1328.

364) *Дневникъ*. 1828, подъ 23 дек.

365) Мои *Примѣчанія къ письмамъ Погодина*. „Русскій Архивъ". 1882, № 5, стр. 81, 82.

366) *Москвитянинъ*. 1845, № 9.

367) *Письма*. II, 425, 433, 473—483; III, 9, 10.

368) *Телескопъ*. 1831. № 23, стр. 387—388.

369) Князь Лобановъ-Ростовскій, *Русская Родословная книга*. Спб. 1873, стр. 90.

370) *Дневникъ*. 1828. подъ 16, 25, 26 декабря, 27 января и 20 октября.

371) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*. Спб. 1879. II, стр. 355, 356.

372) *Дневникъ*. 1828, подъ 6 января, 4, 12 февраля, 23 апрѣля, 4 ноября, 28 января, 20 сентября, 21 сентября, 3 октября, 17 октября, 19 октября.

373) *Исторія М. Университета*, стр. 470.

374) *Письма*. II, 435.

375) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 23, 24, стр. 395.

376) *Письма*. II, 441.

377) *Дневникъ*. 1828, подъ 21 декабря.

378) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 23, 24, стр. 395; *Дневникъ*. 1828, подъ 2 марта, 9 декабря; *Письма*. II, 579—582.

379) *Дневникъ*. 1828, подъ 25 января и 21 сентября.

380) *Повѣсти* Михаила Погодина. М. 1832. III, 12, 13.

381) *Дневникъ*. 1828, подъ 24 апрѣля, 30 сентября.

382) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 19, 20, стр. 381, 382.

383) *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 1—3.

384) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 21, 22, стр. 191, 192, 109—128.

385) *Дневникъ*. 1828, подъ 2 марта.

386) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 18, стр. 219.

387) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, № 16, стр. 322—334; № 13, стр. 83—85; № 3, № 8, стр. 430—434; № 13, стр. 70—77.

388) *Дневникъ*. 1828, подъ 3 февр.

389) *Сочиненія В Бѣлинскаго*. М. 1859, I, 194—197.

390) *Дневникъ*. 1828, подъ 13, 14, 16, 21 февраля, 19 марта, 4 апрѣля, 4 сентября.

391) *Московскій Вѣстникъ*. 1828, №№ 19, 20, стр. 397, 398; № 8, стр. 466.

392) *Письма*. II, 355—357.

393) *Московскій Телеграфъ*. 1828, № 20, стр. 487.

394) *Дневникъ*. 1828, подъ 24 декабря, 7, 8, 11 ноября, 31 декабря.

395) *Письма*. II, 583—586; *Русскій Архивъ*. 1868, стр. 606.

396) *Русскій Архивъ*. 1864, стр. 810, 811.

397) *Письма Карамзина и Грибоѣдова*. М. 1860, стр. 31—33.

398) *Сочиненія А. С. Пушкина*. Спб. 1887, IV, 430.

399) *Сочиненія Е. А. Баратынскаго*. М. 1869, I, 103, 104.

400) *Воспоминаніе о С. П. Шевыревѣ*, стр. 16.

401) *Письма*, II, 535—538.

402) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 76.

403) *Письма*, II, 837—839.

404) *Дневникъ*. 1829, подъ 6 апрѣля, 27 марта.

405) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 81.

406) *Вѣстникъ Европы*. 1829, № 6, стр. 174.

407) *Стихотворенія Н. М. Языкова*. Спб. 1858, I, IV—VI.

408) *Дневникъ*. 1829, подъ 25 мая.

409) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 92, 96, 125.

410) *Дневникъ*. 1829, подъ 15 марта.

411) *Письма*. II, 567, 568.

412) *Дневникъ*. 1829, подъ 27 и 28 марта.

413) *Полн. собр. сочиненій И. В. Кирѣевскаго*. I, 18, 19.

414) Бартеневъ. *Біограф. воспомин. о А. С. Хомяковѣ*, стр. 31.

415) *Письма*. II, 535—538.

416) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

417) *Дневникъ*. 1829, подъ 3 апрѣля.

418) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 79, 96.

419) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова*.

420) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 103.

421) *Семейный Архивъ М. А. Веневитинова.*

422) *Дневникъ.* 1829, подъ 9 ноября.

423) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 77.

424) *Дневникъ.* 1829, подъ 11 марта, 16 октября, 1 января, 16 марта, 19 августа, 18 ноября, 19 ноября, 13 апрѣля, 7 декабря.

425) *Письма.* II, 631—633, 649—652.

426) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 95.

427) *Дневникъ.* 1829, подъ 29, 30 и 31 іюля, 1, 2 августа.

428) *Письма.* II, 666—668.

429) *Дневникъ.* 1829, подъ 2 августа.

430) *Письма.* II, 679—681.

431) *Дневникъ.* 1829, подъ 2 августа.

432) *Письма.* II, 723, 724.

433) *Дневникъ.* 1829, подъ 3—8 августа.

434) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 98.

435) *Дневникъ.* 1829, подъ 1, 12, 14, 19, 20, 28, 31 марта; 13, 14 апрѣля — 25 мая.

436) *Письма,* II, 587.

437) *Дневникъ.* 1829, подъ 17, 20, 28 августа—1 сентября, 3—15 сентября.

438) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 104.

439) *Дневникъ.* 1829, подъ 17 сентября, 12—15, 24 октября.

440) *Письма.* II, 761.

441) *Дневникъ,* подъ 30 октября, 5—7 ноября.

442) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 121.

443) *Дневникъ.* 1829, подъ 19 и 21 ноября.

444) *Русскій Архивъ.* 1882. № 5, стр. 121.

445) *Дневникъ.* 1829, подъ 4 и 14 декабря.

446) *Письма.* II, 812.

447) *Письма.* II, 489; III, 56. *Московскій Вѣстникъ.* 1830, № 3, стр 313—315.

448) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 77, 92, 93, 98, 117; 1866, стр. 1719, 1720; 1869, стр. 605; 1882, № 5, стр. 117.

449) *Полн. собр. сочиненій князя П. А. Вяземскаго.* I, XLIX; X, 267, 268, 291.

450) *Русскій Архивъ.* 1868, стр. 605.

451) *Записки К. А. Полеваго.* Спб. 1888, стр. 269—272.

452) *Отечественныя Записки.* 1865. мартъ, стр. 65, 66.

453) *Русскій Архивъ.* 1864, стр. 827—830.

454) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 12, стр. 467—500; № 7, стр. 344—347; № 13, стр. 65—69.

455) *Дневникъ.* 1829, подъ 10 августа.

456) *Русскій Архивъ.* 1882, № стр. 98—99.

457) *Записки К. А. Полеваго.* Спб. 1888, стр. 291—293.

458) *Московскій Телеграфъ.* 1829, № 19. Октябрь, № 24, стр. 468; *Дневникъ* 1829 г., подъ 10 августа, 13, 24—29 декабря; *Письма,* II, 767—770, 789. 790; *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 118.

459) *Сѣверная Пчела.* 1829, №№ 129, 130; *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 120.

460) *Дневникъ.* 1829, подъ 3 и 12 апрѣля.

461) *Русскій Архивъ.* 1882, № 5, стр. 80, 79.

462) *Сѣверная Пчела.* 1829, № 128.

463) *Русскій Архивъ.* 1866, стр. 1718, 1719; *Денница.* 1831, XVII.

464) *Русскій Вѣстникъ.* 1856. мартъ. Кн. 1, стр. 55, 57.

465) *Записки К. А. Полеваго,* стр. 255, 256.

466) *Русская Газета.* 1859. № 2.

467) *Сочиненія А. С. Пушкина.* V, 276.

468) *Вѣстникъ Европы.* 1829, № 2, стр. 113, 151—171, 215—230.

469) Анненковъ. *Матеріалы*, стр. 205—208.

470) *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, X, 3.

471) Анненковъ. *Матеріалы*, стр. 209.

472) *Сочиненія А. С. Пушкина*. V, 122, 123.

473) *Дневникъ*. 1829, подъ 4 апрѣля.

474) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 79—81; *Полное Собраніе Сочиненій князя П. А. Вяземскаго*, II, 372, 373.

475) *Вѣстникъ Европы*. 1829, № 8, стр. 287—302; № 9, стр. 17—48.

476) *Сочиненія А. С. Пушкина*. IV, 452.

477) *Сѣверные Цвѣты* на 1830 г. Спб. 1829, стр. 50. *Русскій Архивъ*. 1863, стр. 867—871.

478) *Сочиненія А. С. Пушкина*, V, 106.

479) *Вѣстникъ Европы*. 1830. № 1.

480) *Полное Собраніе Сочиненій Князя П. А. Вяземскаго*, II: 129.

481) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 122.

482) *Письма*, II, 845, 846.

483) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 167

484) *Письма*. II, 503, 504.

485) *Московскій Вѣстникъ*. 1829 г. III, стр. 201, 202.

486) *Письма*, II, 535, 538.

487) *Дневникъ*. 1829, подъ 14 марта.

488) *Московскій Вѣстникъ*. 1829, ч. II, стр. 261, 262.

489) *Переписка А. X. Востокова*, стр. 271, 272.

490) *Письма*, II, 599—602, 795—798, 579—582, 751—753.

491) *Дневникъ*. 1829, подъ 5 апрѣля.

492) *Письма*. II, 579—582.

493) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 76, 77. 80.

494) *Письма*. II, 767—770.

495) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 80.

496) *Дневникъ*. 1829, подъ 26 мая, 16 сентября.

497) *Русскій Архивъ*. 1882, № , стр. 117.

498) *Дневникъ*. 1829, подъ 9 января. 2 ноября, 19 декабря; *Письма*, II, 629; *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 96.

499) *Дневникъ*. 1829, подъ 23 ноября.

500) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5. стр. 104.

501) Зиссерманъ, *Біографія Князя А. И. Барятинскаго*. Русскій Архивъ, 1888, I 109.

502) *Бумаги Моск. Публ. и Румянцев. Музеевъ*, № 2591.

503) *Руссікй Архивъ*. 1882. № 5. стр. 103.

504) *Дневникъ*. 1829, подъ 10 марта. 12 апрѣля, 27 октября, 21, 23 ноября. 6, 7 декабря.

505) *Письма*, II, 521—524.

506) *Дневникъ*. 1829, подъ 3 апрѣля.

507) *Письма*, III, 743, 744, 837—839.

508) *Жизнь и Труды П. М. Строева*. Спб. 1878, стр. 160—163.

509) *Дневникъ*. 1829, подъ марта.

510) *Письма*, II. 693—696.

511) *Жизнь и Труды П. М Строева*, стр. 194, 195.

512) *Дневникъ*. 1829, подъ 17 декабря.

513) *Русскій Архивъ*. 1882. № 5. 125.

514) *Жизнь и Труды П. М. Строева*, стр. 198, 199.

515) Безсоновъ, *Калайдовичъ*. стр. 86, 87.

516) *Переписка А. X. Востокова*. стр. 273.

517) *Дневникъ*. 1829. подъ 24 августа.

518) *Письма*, II, 717.

519) *Русскій Архивъ*. 1882. № 5. стр. 120.

520) *Дневникъ*. 1829, подъ 3 декабря.

521) *Письма*, II, 805, 831, 832, 833. 799.

522) *Дневникъ*. 1829, подъ 10 декабря.

523) *Письма*, II, 751—753, 795—798.

524) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 271.

525) *Дневникъ*. 1829, подъ 20 марта.

526) *Семейная Хроника*. М. 1856. II, 361, 362.

527) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 96.

528) *Письма*, II, 649--652.

529) *Дневникъ*. 1829, подъ 24 августа.

530) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5. стр. 103.

531) *Письма*, II, 701, 65. 4656.

532) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 104.

533) *Московскій Телеграфъ*. 1829, № 216, стр. 485, 486.

534) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 103.

535) *Галатея* 1829, № 38, стр. 97—100.

536) *Московскій Телеграфъ*. 1829, № 17, стр. 145—150.

537) *Дневникъ*. 1829, подъ 19, 20 октября.

538) *Письма*, II, 717.

539) *Дневникъ*. 1829, подъ 19 сент. —7 окт.

540) *Московскій Вѣстникъ*. 1820, IV, стр. 166, 167.

541) *Московскій Телеграфъ*. 1829, № 19, стр. 396—400.

542) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 111—113, 115.

543) *Дневникъ*. 1829, подъ 23 октября.

544) *Переписка А. Х. Востокова*, стр. 278, 279.

545) *Письма*, II, 767—790, 705—798.

546) *Дневникъ*. 1829, подъ 5 декабря.

547) *Біограф. Словарь М. Университета*. II, 9.

548) *Московскій Телеграфъ*. 1829, № 12.

549) Кулишъ. *Записки о жизни Гоголя*. Спб. 1856. I, 66, 67, 116.

550) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 111.

551) Кочубинскій. *Начальные годы Русскаго Славяновѣдѣнія*. Одесса. 1887—1888, стр. 186, 187.

552) *Письма* II. 617, 618.

553) *Русское Славяновѣдѣніе*, стр. 187.

554) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 103.

555) *Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р.* М. 1837, VIII, 144.

556) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 120.

557) *Дневникъ*. 1829, подъ 3 ноября.

558) *Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р.*, VIII, 10; *Московскій Вѣстникъ*. 1829, ч. III, стр. 16—28.

559) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 95.

560) *Сочиненія Н. М. Карамзина*. М. 1820, IX, 234, 235.

561) *Московскій Вѣстникъ*. 1829, III, 90—126. 112, 144—170, 127—143, 86—89; V, 1—157; III. 171—195; VI, 199—207; *Денницы*, 1830; *Московскій Телеграфъ*, 1829, № 2, стр. 214, 215; *Письма*, II, 667, 668.

562) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 115.

563) *Дневникъ*. 1829, подъ 15 ноября.

564) *Сѣверная Пчела*. 1829, №№ 137, 138.

565) *Московскій Вѣстникъ*. 1829, III, 5—18.

566) *Письма*, II, 549—551.

567) *Дневникъ*. 1829, подъ 3, 10, 14 марта, 17 августа, 16, 21 октября.

568) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 117.

569) *Дневникъ*. 1829, подъ 12, 14, 23 ноября; *Полное Собраніе Сочиненій И. В. Кирѣевскаго*, I, 26—28

570) *Труды и Лѣтописи О. И. и Д. Р.*, VIII, 144.

571) *Дневникъ*. 1829, подъ 3 декабря.

572) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 170, 171.

573) *Дневникъ*. 1829, подъ 19 декабря.

574) *Записки К. А. Полевого*, стр. 250.

575) *Дневникъ*. 1829, подъ 18—19 декабря.

576) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 122.

577) *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 170, 171.

578) *Русскій Архивъ*. 1879, № 8, стр. 483.

579) *Сочиненія А. С. Пушкина*, VII 219, 220.

580) Бартеневъ, *Бумаги А. С. Пушкина*. М. 1881, I, 15.

581) *Русскій Архивъ*. 1882, № 5, стр. 92.

582) *Галатея* 1829, № 22, стр. 34, 35.

583) *Дневникъ*. 1829, подъ 7 декаб.

584) *Полное Собраніе Сочиненій кн. П. А. Вяземскаго*, П, 112.

Stanford University Libraries
3 6105 005 479 691

